ЭЛЛИНИСТИЧЕСКО-РИМСКАЯ КУЛЬТУРА

БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ

7
Б29

Б 832227

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКО-РИМСКАЯ КУЛЬТУРА

ВЪ ИЗЛОЖЕНІИ

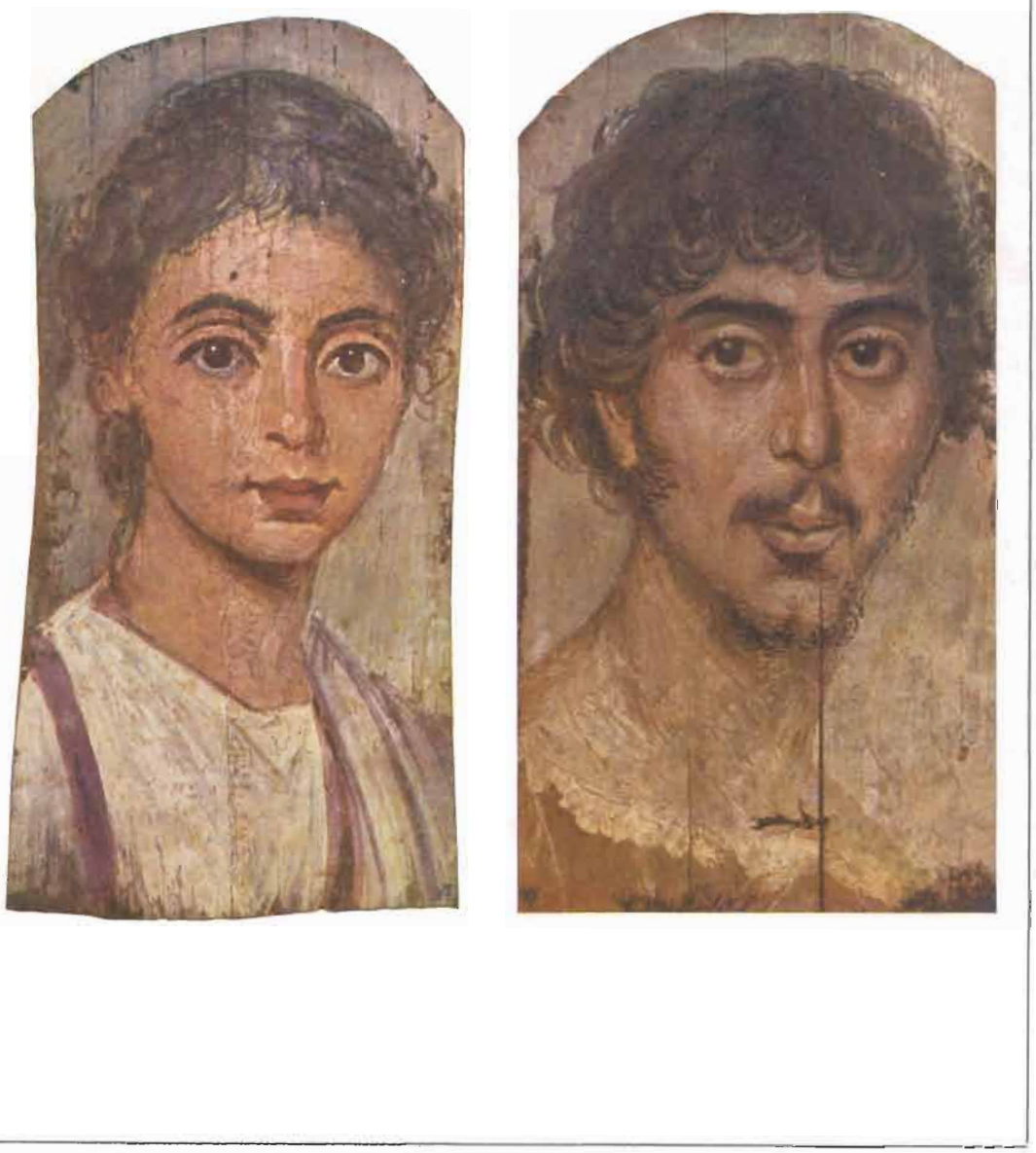
Ф. БАУМГАРТЕНА

Ф. ПОЛАНДА

Р. ВАГНЕРА

С.П.Б.
БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ
1914

ЯРОСЛАВСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА

ПОРТРЕТЫ МУМІЙ ИЗЪ ФАЮМА.

Изъ собранія Т. Графа въ Вѣнѣ (№ 21 и 19).

Портреты написаны, вѣроятно, при жизни изображенныхъ на нихъ, или по ихъ портретамъ, сдѣланнымъ при жизни, отнюдь не съ покойниковъ. Наиболѣе поражаютъ въ этихъ портретахъ большіе глаза съ густыми рѣсницами; надо помнить, что по древне-египетскому обычаю размѣры глазъ увеличивались при помощи косметики. Прекрасны и волнистые волосы.

9(3)
Б29

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКО-РИМСКАЯ КУЛЬТУРА

ВЪ ИЗЛОЖЕНІИ
ФРИЦА БАУМГАРТЕНА,
ФРАНЦА ПОЛАНДА, РИХАРДА ВАГНЕРА

ПЕРЕВОДЪ Э. Э. МАЛЕРЪ
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ПРОФ. М. И. РОСТОВЦЕВА

СЪ 5 ХРОМОЛИТОГРАФІЯМИ, 4 КАРТАМИ И ПЛАНАМИ, 440 РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ И 6 ОДНОЦВѢТНЫМИ ТАБЛИЦАМИ

НКП — РСФСР
ЯРОСЛАВСКИЙ
Обл[illegible] Отдел [illegible] родного
ОБРАЗОВАНИЯ
Обл[illegible] [illegible]ческий
дошкольный каби[illegible]
«____» ____ 19[illegible] г.
№____

ИЗД. «БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ» СПБ.
1914

АВТОРИЗОВАННЫЙ ПЕРЕВОДЪ
СЪ РАЗРѢШЕНІЯ ИЗДАТЕЛЬСТВА
Б. Г. ТЕЙБНЕРЪ (ЛЕЙПЦИГЪ).

Типографія Акц. Общ. „Брокгаузъ-Ефронъ“. С.-Петербургъ, Прачешный пер., № 6.

Предисловіе редактора.

Выпускаемая въ свѣтъ книга, пытающаяся въ одномъ общемъ очеркѣ охарактеризовать эллинистическую и римскую культуру, составляетъ продолженіе труда тѣхъ же авторовъ, дававшаго характеристику эллинской культуры, какъ бы второй томъ его. „Эллинская культура" переведена была въ свое время на русскій языкъ и издана въ свѣтъ тѣмъ же издательствомъ, которое нынѣ выпускаетъ и „Эллинистическую и римскую культуру". Если первый томъ коллективнаго труда нѣмецкихъ ученыхъ имѣлъ большой и заслуженный успѣхъ (въ Германіи онъ вышелъ уже 3-мъ изданіемъ), то не меньшаго вниманія заслуживаетъ выпускаемый въ свѣтъ второй томъ. Эллинскую культуру не разъ пытались охарактеризовать въ одномъ общемъ очеркѣ; для эллинистической культуры аналогичная работа никѣмъ до сихъ поръ продѣлана не была. Правда, въ научно-популярной литературѣ имѣется немало попытокъ охарактеризовать эволюцію римской культуры, но никто до сихъ поръ не попытался органически связать эволюцію римской и эллинистической культуры, дать одну общую картину, связать генетически одну эпоху съ другой и тѣмъ создать настоящій историческій мостъ, связывающій Элладу и Римъ. Несомнѣнной и большой заслугой авторовъ выпускаемаго труда является то, что они рѣшились, несмотря на отсутствіе подготовительныхъ работъ, не только набросать первый очеркъ исторіи эллинистической культуры, но и попытались,

насколько то было въ ихъ силахъ, связать этотъ очеркъ съ очеркомъ исторіи римской культуры, слившіи оба очерка въ одну картину.

Немалымъ достоинствомъ труда является и то, что авторы пытались использовать въ полной мѣрѣ не только письменные наши источники, но привлекли къ дѣлу и въ качествѣ иллюстрацій, и въ качествѣ конструктивнаго матеріала на равныхъ правахъ съ литературными и археологическіе памятники, въ обильной полнотѣ воспроизведенные въ текстѣ и на таблицахъ книги. Значительная часть этого археологическаго матеріала добыта лишь въ послѣднее время и далеко еще не вошла въ научно-популярный обиходъ. Обращу вниманіе и на очень тщательно составленныя и наглядно воспроизведенныя карты.

Указанныя достоинства побудили меня взяться за редактированіе предлагаемой книги, давъ мнѣ увѣренность въ томъ, что чтеніе этой книги принесетъ немалую пользу и широкимъ кругамъ интеллигентныхъ читателей, и учащейся молодежи, и преподавателямъ гимназій, гдѣ вновь оживляется интересъ къ культурной жизни древняго міра. Отмѣчу, что авторы выпускаемой книги нигдѣ не забываютъ отмѣчать тѣ нити, которыя связываютъ античную культуру съ современной.

С.-Петербургъ.
1914 г. Апрѣль.

Проф. М. Ростовцевъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Среди древнихъ городскихъ воротъ живописнаго городка Перуджіи одни насъ особенно поражаютъ своеобразіемъ своей конструкціи: на колоссальныхъ фундаментахъ, воздвигнутыхъ въ эпоху этрусковъ, возвышается римская арка, а граціозная средневѣковая лоджа вѣнчаетъ постройку. Мѣстные жители равнодушно проходятъ подъ нею; путешественникъ останавливается въ глубокомъ раздумьи: для него слои этого памятника архитектуры являются символомъ культурнаго развитія города и всей страны, подобно великимъ германскимъ соборамъ, изъ которыхъ многіе отражаютъ всю исторію романской и готической церковной архитектуры, а одинъ, именно Трирскій, включаетъ въ себѣ монументальные фундаменты римской постройки.

ГОРОДСКІЯ ВОРОТА ВЪ ПЕРУДЖІИ.
Съ фотографіи.

Такую же картину представляетъ изъ себя новѣйшая культура, съ той только разницей, что наслоенія ея не вырисовываются для неопытнаго глаза съ такой же отчетливостью, и современность съ понятной и обоснованной самоувѣренностью не всегда любитъ напоминанія о томъ, сколькимъ она обязана минувшимъ вѣкамъ. Тѣмъ не менѣе, только тому доступно всестороннее пониманіе культуры нашего времени, кто уясняетъ себѣ корни ея.

Обнаружить эти корни передъ взоромъ читателя и перекинуть мостъ между древними и новыми вѣками является цѣлью нашей книги, въ еще бо́льшей степени, чѣмъ въ нашемъ предыдущемъ трудѣ, по-

священномъ „Эллинской культурѣ“. Хотя послѣдняя и составляетъ непоколебимую основу всей дальнѣйшей культурной эволюціи, она становится достояніемъ позднѣйшихъ поколѣній только черезъ посредство римлянъ, воспринявшихъ ее отъ покоренной Греціи. Передъ живымъ взоромъ людей эпохи Возрожденія стояли произведенія римскаго искусства и литературы, вдохновлявшія къ соревнованію, подражанію и творчеству; греческіе оригиналы оставались или непонятыми, или неизвѣстными. Лишь великіе поэты и мыслители XVIII столѣтія, Лессингъ и Гердеръ, Гете и Шиллеръ, обратили наше образованное общество отъ Сенеки и его французскихъ поклонниковъ къ Софоклу, отъ Вергилія и его романскихъ подражателей къ Горацію, и пробудили пониманіе и вкусъ къ болѣе тонкому и возвышенному искусству Эллады. Свѣжа еще память о томъ изумленіи, которое сто лѣтъ тому назадъ вызвали скульптуры Парѳенона, показавшія, что̀ собственно представляла изъ себя греческая пластика.

Не удивительно поэтому, что подъ вліяніемъ этихъ открытій наступаетъ періодъ идеализаціи эллинскаго народа, лишенной всякой историчности. Строгія историческія изслѣдованія послѣднихъ десятилѣтій положили ей окончательный предѣлъ; безчисленныя находки произведеній скульптуры и зодчества, папирусовъ и новыхъ литературныхъ фрагментовъ все больше привлекаютъ вниманіе къ эпохамъ, значеніе которыхъ раньше не дооцѣнивалось, къ эпохамъ, когда эллинская культура въ своихъ претворенныхъ формахъ, болѣе приспособленныхъ, если можно такъ выразиться, для общаго пользованія, становится въ эпоху эллинизма—міровой культурой; сначала она одерживаетъ побѣду надъ Востокомъ въ походахъ Александра, затѣмъ покоряетъ Римъ силой своего внутренняго превосходства.

Интересующая насъ область науки еще находится въ состояніи непрерывнаго теченія, новыя находки постоянно обогащаютъ историческую картину (даже за время изданія даннаго труда), возникаютъ новыя проблемы, старыя—находятъ неожиданное разрѣшеніе, пока и онѣ не уступаютъ мѣсто новымъ открытіямъ; поэтому общедоступное изложеніе этихъ эпохъ, полныхъ такого внѣшняго и внутренняго движенія, увлекательная, но въ высшей степени трудная задача. Авторы данной книги опредѣленно отдаютъ себѣ отчетъ въ томъ, что они осуществили только опытъ, полная успѣшность котораго исключена въ силу цѣлаго ряда условій. Во всякомъ случаѣ, авторы старались преодолѣть всѣ тѣ трудности, которыя были связаны съ выборомъ и группировкой богатѣйшаго матеріала, при этомъ любезную поддержку оказало имъ издательство. Оно способствовало возникновенію книги и терпѣніемъ, и активнымъ сотрудничествомъ; оно дало возможность удѣлить изложенію сложныхъ условій и выявленій эллинистическо-римской культуры, часто заста-

вляющей направлять взоры въ будущее или прошедшее, гораздо больше мѣста, чѣмъ то, которымъ авторы располагали для „Эллинской культуры", при чемъ цѣна книги осталась прежняя.

Распредѣленіе матеріала между тремя авторами, котораго тутъ избѣжать было еще труднѣе, чѣмъ въ „Эллинской культурѣ", осталось безъ измѣненія: явленія государственной, бытовой и религіозной жизни (Поландъ), строительнаго и изобразительныхъ искусствъ (Баумгартенъ), интеллектуальной жизни и литературы (Вагнеръ) изложены отдѣльно въ рамкахъ трехъ великихъ періодовъ, на которые ихъ исторія естественно распадается (эллинизмъ, римская республика, римская имперія). Для періода имперіи мы сдѣлали опытъ одновременной характеристики римской и греческой литературъ.

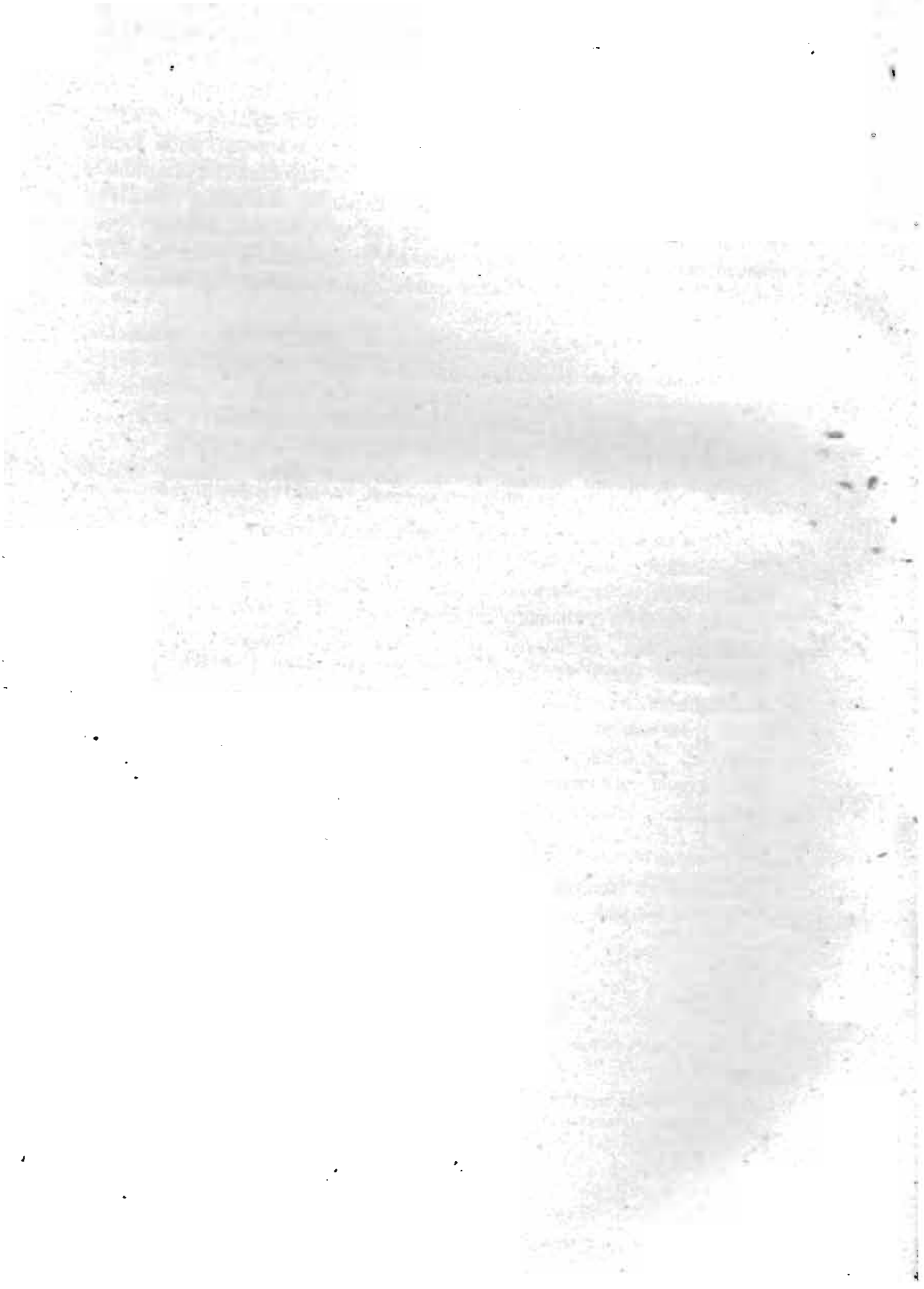
Выборъ рисунковъ, оживляющихъ и дополняющихъ изложеніе, представлялъ собой громадныя трудности ввиду безпредѣльнаго богатства памятниковъ; издательство приложило всѣ старанія, чтобы снова оправдать прекраснымъ воспроизведеніемъ многочисленныхъ рисунковъ и привлеченіемъ цѣлаго ряда менѣе извѣстныхъ памятниковъ то единодушное одобреніе критики, которое въ свое время вызвало изданіе „Эллинской культуры".

При выборѣ портретовъ мы пользовались любезной помощью проф. Лейпцигскаго университета, д-ра Studniczka, которому мы приносимъ нашу глубокую благодарность, такъ же какъ Лейпцигскому археологическому институту, въ лицѣ ассистента д-ра Нейгебауера, любезно оказавшаго намъ содѣйствіе при доставленіи необходимыхъ снимковъ. Мы обязаны также цѣнными указаніями директору д-ру Виганду въ Константинополѣ, проф. д-ру Тиршу и проф. д-ру Леонгарду въ Фрейбургѣ, которымъ мы высказываемъ нашу искреннюю признательность, въ особенности д-ру Леонгарду, самоотверженно взявшему на себя корректуры книги по болѣзни одного изъ авторовъ ея и способствовавшаго, такимъ образомъ, ея своевременному появленію въ печати.

Рихардъ Вагнеръ. Дрезденъ.

Францъ Поландъ. Дрезденъ.

Ф. Баумгартенъ. Донауэшингенъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ВВЕДЕНІЕ Фр. Поланда 3

Понятіе эллинизма. Историческое развитіе. Распространеніе эллинизма. Характеръ эллинизма.

А. ГОСУДАРСТВО. ЖИЗНЬ. РЕЛИГІЯ (Фр. Поланда). 9

1. ГОСУДАРСТВО.

Монархія. Личности. Право на престолъ. Абсолютизмъ. Народное собраніе. Государственный совѣтъ. Подданные. Царица. Престолонаслѣдіе. Внѣшній блескъ двора. Государства. Величина ихъ. Варвары. Насажденіе городовъ. Слияніе варваровъ съ эллинами. Управленіе. Чиновники. Придворная служба. Городъ-государство. Союзныя государства.

2. ПРАВО 25

Эллинистическое право. Міровыя монархіи. Египетъ. Государственное судопроизводство. Документы. Семейное право. Бракъ. Наслѣдственное право. Имущественное право. Право купли и продажи. Греческіе города. Тротейскіе суды. Право убѣжища.

3. ФИНАНСЫ 29

Монархіи. Доходы. Землевладѣніе. Регаліи и монополіи. Налоги. Пошлины. Налоги на содержаніе храмовъ. Повинности. Государственныя сокровищницы. Расходы. Финансовое управленіе. Раскладка податей. Система государственнаго откупа. Вольныя общины. Пожертвованія. Экономическое положеніе. Сельское хозяйство. Торговля. Путешествія. Торговля деньгами. Банки. Ассоціаціи купцовъ. Промышленность. Имущественные контрасты. Жалованіе и рабочая плата. Натуральное хозяйство. Рабы. Соціальная борьба.

4. ВОЕННОЕ ДѢЛО 50

Военный строй Македоніи. Варварское войско. Наемники. Военныя колоніи. Дѣленіе войска. Роды оружія. Тактика и стратегія. Осада. Военный обозъ. Лагерь. Морская война. Полиція.

5. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ 57

Жилища. Царскіе дворцы. Внутреннее убранство дома. Паркъ. Одежда. Пиры. Женщины. Нравственность. Воспитаніе и обученіе. (Писчій матеріалъ. Папирусныя находки). Погребеніе.

С. ПОЧИТАНІЕ БОГОВЪ 73

Союзы. Центры культа. Жрецы. Оракулы. Празднества. Игры. Музыка Варьете. Профессіональные союзы артистовъ. Нравы.

Стр.

В. ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРА (Р. Вагнера).

1. УСЛОВІЯ И ЗАДАЧИ 82

Точка зрѣнія современной науки. Значеніе эпохи эллинизма. Характеристика его. Койнэ. Литературный языкъ. Разговорный языкъ. Главные центры умственной жизни.

2. РЕЛИГІЯ 89

Общій обзоръ. Упадокъ старой религіи. Раціонализмъ. Аллегорическое толкованіе. Философская религія. Реакція противъ безвѣрія и раціонализма. Чужеземныя божества. Синкретизмъ. Сараписъ. Исида. Культъ монарховъ.

3. ФИЛОСОФІЯ 96

Вліяніе Аѳинъ. Новыя цѣли. Старыя школы. Академія. Перипатетики. Новыя школы. Стоики. Зенонъ, Клеанѳъ. Хрисиппъ. Ученіе стоиковъ. Эпикурейцы. Эпикуръ. Ученіе эпикурейцевъ. Скептики. Пирронъ. Популярная философія киническая. Діогенъ. Діатриба.

4. НОВАЯ КОМЕДІЯ И ДРУГІЯ СЦЕНИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ. 107

Трагедія. Комедія. Картина общества. Типы. Міровоззрѣніе. Ограниченный подборъ сюжетовъ. Творчество. Поэты: Филомонъ, Дифилъ, Менандръ. Характеристика. Житейская мудрость. Произведенія: «Гротейскій судъ», «Περικειρομένη», «Крестьянинъ», «Саміянка». Языкъ Менандра. Мимы и родственные литературные виды. Низшіе виды драматическихъ произведеній. Гилародія и магодія. «Пѣснь дѣвушки». Дейкеликты, фліаки. Ринѳонъ. Мимы.

5. ЭЛЕГІЯ И ЭПИГРАММА 119

Косская школа поэтовъ. Ѳеокритъ и его «Праздникъ жатвы». Формы. Элегія. Филетъ. Гермесіанактъ. Этолянинъ Александръ. «Александра» Ликофрона. Фигурныя стихотворенія. Каллимахъ. Элегіи. Этіи. Ямбы. Гимны. Гимны другихъ писателей. Исиллъ. Пѣсни. Эпиграммы. Асклепіадъ. Каллимахъ. Леонидъ Тарентскій. Сборники (Палатинская Антологія).

6. ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ 126

Эпиллій. «Гекала» Каллимаха. Ѳеокритъ, Мосхъ. «Свадьба Ѳетиды» Катулла.—Идиллія и мимъ: буколическая поэзія. Ѳеокритъ. Его произведенія: «Ѳирсидъ», «Полифемъ», «Жнецы, «Чародѣйка», «Праздникъ Адониса». Птолемей. Искусство Ѳеокрита. Геронд. Характеристика. «Учитель». «Кердонъ».—Художественный эпосъ. Дидактическая поэзія и пародія. Эпосъ: Аполлоній Родосскій, Ріанъ. Дидактическая поэзія: «Phaenomena» Арата. Никандръ. Пародія. Поваренныя книги Архестрата и Матрона. Силлы Тимона изъ Фліунта. Менипп. Фениксъ. Керкидъ.

7. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА 135

Ораторское искусство. Асіанизмъ. Реторика. Философія. Исторіографія. Современная исторія: исторія Александра Великаго. Гіеронимъ изъ Кардіи. Дуридъ. Манеѳонъ и Беросс. Универсальная исторіографія. Тимей. Полибій. Жизнь. Содержаніе его историческаго труда. Характеристика. Искуство изложенія. Посидоній. Хронологія. Историческія монографіи. Дикеархъ. Біографіи. Мемуары. Письма. Акты. Кратеръ и Полемонъ. Мѣстная исторія. Аттидографы. Филохоръ. Мины о богахъ. Евгемеръ. Гекатей абдеритъ. Аполлодоръ аѳинскій.—Легкая литература.

Стр.

НАУКИ 148

Общій обзоръ. — 1. Филологія. Библіотеки и Музей въ Александріи. Главные представители науки. Задачи и результаты. Новѣйшая филологія. Филологія въ Пергамѣ. Грамматика.—2. Математика. Евклидъ и Архимедъ. Механика. — 3. Астрономія. Евдоксъ. Аристархъ самосскій. Гиппархъ.—4. Географія. Расширеніе горизонтовъ. Ганнонъ и Пиѳей. Эратосѳенъ.—5. Естественныя науки. Аристотель. Ѳеофрастъ. — 6. Медицина. Александрійская школа: Герофилъ и Эрасистратъ. Эмпирическая школа.

С. ИСКУССТВО (Фр. Баумгартена). 160

ВВЕДЕНІЕ.

I. СИКІОНЪ 162

Сикіонъ. Лисиппъ—придворный скульпторъ. Лисистратъ. Боедасъ. Евтихидъ. Ника изъ Самоѳракіи. Школа живописи Евпомпа. Павсій. Энкаустика. Апеллесъ.

II. АѲИНЫ 169

Аѳины. Саркофагъ Александра. Портретное искусство. Станковая живопись. Филоксенъ. Аристидъ. Евфраноръ. Никій. Расписныя стелы изъ Пагасъ. Аэтіонъ. Тимомахъ. Аттическіе кописты.

ИСКУССТВО ПРИ ДВОРАХЪ ДІАДОХОВЪ 180

III. АЛЕКСАНДРІЯ 180

Александрія. Фаросъ. Живопись. Антифилъ. Ропографія. Мозаичная техника. Фаюмскіе портреты. Стѣнная роспись. Инкрустація. Пластика. Нилъ. Жанръ. Живописный рельефъ. Глиптика. Торевтика.

IV. ПЕРГАМЪ 193

Пергамъ. Архитектура храмовъ. Общественныя постройки и сооруженія. Пластика. Борьба галловъ. Подарокъ Аттала Аѳинамъ. Аполлонъ и Марсій. Боргезскій боецъ. Кулачный боецъ. Борцы изъ Флоренціи. Большой алтарь съ изображеніемъ гигантомахіи. Фризъ Телефа. Рельефы съ изображеніемъ оружія. Вакханка. Венера Милосская. Дѣвушка изъ Анція. Живопись. Художественная промышленность.

V. РОДОСЪ 217

Родосъ. Протогенъ. Харетъ. Боэетъ. Аполлосъ Гомера. Траллы. Фарнезскій быкъ. Лаокоонъ. Результаты раскопокъ.

VI. ПРІЕНА 228

Пріена. Частные дома. Рынки. Храмы. Театры. Гимнасій.

VII. МИЛЕТЪ 235

Милетъ. Дельфиній. Булевтерій. Южный рынокъ. Термы. Театръ. Дидима.

VIII. ДЕЛОСЪ 242

Делосъ. Перистильные дома. Базилики.

ИТОГИ 245

РИМЪ. ЦАРСКІЙ ПЕРІОДЪ И РЕСПУБЛИКА.

Стр.

ВВЕДЕНІЕ 251

1. СТРАНА И НАСЕЛЕНІЕ (Фр. Поланда) 252

2. ЯЗЫКЪ И РЕЛИГІЯ (Р. Вагнера) 260
Древне-латинскій языкъ. Литературный и народный языкъ.—Религія.—Старые боги. Культъ. Новые боги. Упадокъ религіи.

3. ЭТРУСКИ И ОСКИ (Фр. Баумгартена) 266
Этруски. Архитектура. Живопись. Бронза. Керамика. Оски.

4. ВОЗНИКНОВЕНІЕ РИМА (Фр. Поланда) 527

5. ЭПОХА ЦАРЕЙ (Фр. Поланда) 277
Раздѣленіе народа. Кліенты. Плебеи. Царь. Сенатъ. Сервіевская конституція. Культурныя условія. Право. Занятія: Сельское хозяйство, Торговля, Промышленность. Военное дѣло. Домъ. Одежда. Семья. Почитаніе боговъ. Мѣста почитанія боговъ. Жрецы. Религіозный ритуалъ.

РЕСПУБЛИКА.

А. ГОСУДАРСТВО. ЖИЗНЬ. БОГОПОЧИТАНІЕ (Фр. Поланда) 289

1. ГОСУДАРСТВО 289
Историческій обзоръ. Гражданство. Гражданское право. Отпущенники. Расчлененіе гражданства. Всадники. Сенаторское сословіе. Народныя собранія. Магистратура. Отдѣльныя магистратуры. Консулы. Преторы. Курульные эдилы. Квесторы. Цензоры. Народные трибуны. Плебейскіе эдилы. Экстраординарный имперій. (Диктаторъ). Сенатъ. Коммунальное и провинціальное управленіе.

2. ПРАВО 308
Введеніе. Гражданскій процессъ. Уголовный процессъ. Наказанія.

3. ФИНАНСЫ 311
Монета. Государственные доходы и налоги. Государственные расходы. Управленіе финансами. Экономическое положеніе. Сельское хозяйство. Торговля. Торговля деньгами. Натуральное хозяйство. Промышленность. Богатство. Нужда. Цѣны. Рабы.

4. ВОЕННОЕ ДѢЛО 320
Древнѣйшій военный строй. Военный строй Маріи. Союзное войско. Численность войска. Командованіе. Бой. Походъ. Осада. Лагерь. Флотъ. Служба. Жалованіе. Почести. Тріумфъ.

5. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ 328
Домъ. Одежда. Домашняя жизнь. Обѣдъ. Пирушки. Семья. Бракъ. Женщина. Дѣти. Воспитаніе и обученіе. Погребеніе.

6. РЕЛИГІЯ 354
Жречество. Культъ. Игры. Цирковыя игры. Театральныя игры. Амфитеатръ.

Стр.

B. ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО (Фр. Баумгартена) 362

1. РИМЪ И ЭЛЛИНИЗМЪ 362

2. ИСКУССТВО РЕСПУБЛИКАНСКАГО РИМА 363

Древній Римъ. Этрусскій Римъ. Вліяніе Великой Греціи. Рынокъ (Forum Romanum). Почетныя статуи. Живопись. Искусство конца республики. Архитектура. Пастель и его школа. Портретное искусство. Стѣнныя росписи. Домъ Ливіи. Вилла Фарнезини. Ландшафты изъ Одиссеи.

C. УМСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРА (Р. Вагнера) 374

I. РАННЯЯ РЕСПУБЛИКА.

1. УСЛОВІЯ РАЗВИТІЯ И ЗАРОЖДЕНІЕ. ЭННІЙ 374

Условія развитія. Національные зародыши. Законы двѣнадцати таблицъ. Оффиціальныя записи. Надгробныя рѣчи и imagines предковъ. Аппій Клавдій Цекъ. Поэзія. Сатурній. Культовыя пѣснопѣнія. Сценическія игры. Общій обзоръ.—Ливій Андроникъ. Невій. Энній, его жизнь. Анналы. Трагедіи. Позднѣйшія трагедіи: Пакувій и Акцій. Другія произведенія Эннія. Характеристика.

2. КОМЕДІЯ И САТИРА. ПЛАВТЪ. ТЕРЕНЦІЙ. ЛУЦИЛІЙ . . . 385

Поэты. Жизнь Плавта и Теренція. Комедія эпохи Плавта. Оцѣнка. Произведенія Плавта: «Miles gloriosus», «Менехмы», «Амфитріонъ», «Псевдолъ», «Мостелларія», «Асинарія», «Аулуларія», «Грипумъ», «Плѣнные»; Характеристика.—Теренцій. Сравненіе съ Плавтомъ. Произведенія Теренція: «Евнухъ», «Hautontimorumenos», «Форміонъ», «Адельфы». Римская національная комедія. Афраній. Атоллана. Помпоній и Новій. Мимы. Лаберій. Пантомимы. — Сатира. Общественная критика. Луцилій.

3. КАТОНЪ И ЗАРОЖДЕНІЕ ПРОЗЫ. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА 396

Проза. Катонъ. «Origines». Рѣчи. Наставленія. О сельскомъ хозяйствѣ.—Исторіографія. Анналисты. Монографіи. Ораторское искусство. Г. Гракхъ. Антоній и Крассъ. Юриспруденція. Общіе выводы. Вліяніе литературы. Оппозиція. Общая оцѣнка.

II. ВРЕМЯ ЦИЦЕРОНА 407

4. ОБЩІЙ ОБЗОРЪ 407

Предпосылки. Философія. Эклектицизмъ. Преобладаніе этики. Панэтій и Посидоній. Отношеніе къ эллинизму. Отрицательныя стороны. Результаты. Античная гуманность.

ВАРРОНЪ И НАУКА 412

Филологія въ Римѣ.—М. Теренцій Варронъ. Его литературное творчество. «О латинскомъ языкѣ». Исторія литературы. «Imagines». «Древности». «О сельскомъ хозяйствѣ». «Энциклопедія» «Logistorici». «Менипповы сатиры». Оцѣнка.

6. ЦИЦЕРОНЪ 417

Колебанія въ оцѣнкѣ Цицерона. Жизнь. Характеръ. Ходъ образованія. Произведенія.—1. Рѣчи. (Гортенсій). Современная точка зрѣнія. Искусство формы. Содержаніе.—2. Реторическія сочиненія. Реторика, посвященная Гереннію. Гермагоръ. «Объ ораторѣ». «Брутъ». «Ораторъ».-3. Философскія произведенія. Оцѣнка. Эклектицизмъ. Моральная точка зрѣнія. Художественная

Стр.

форма. Вліяніе на позднѣйшія поколѣнія. Отдѣльныя сочиненія.— 4. Письма и ихъ значеніе.—Выводы. Вліяніе Цицерона на духовное развитіе человѣчества.

7. ЦЕЗАРЬ И САЛЛУСТІЙ 431
Исторіографія. Корнелій Непотъ. — Цезарь. Галльская война. Характеристика. Тенденція. Значеніе. «Записки о гражданской войнѣ». — Саллустій. — Жизнь. Произведенія. Искусство изложенія. — Брошюры, рѣчи, письма на злободневные вопросы. Городскія газеты.

8. ЛУКРЕЦІЙ И КАТУЛЛЪ 438
Старое и новое направленіе поэзіи. Лукрецій. Содержаніе его поэмы. Оцѣнка. Культурно-историческое значеніе.—Новая школа. Валерій Катонъ. Катуллъ. Жизнь. Ученая поэзія. Любовныя пѣсни. Стихотворенія, посвященныя друзьямъ. Политическая сатира.

РИМСКАЯ ИМПЕРІЯ.

ВВЕДЕНІЕ. Историческій обзоръ (Фр. Поланда) 447

А. ГОСУДАРСТВО. ЖИЗНЬ. ПОЧИТАНІЕ БОГОВЪ (Фр. Поланда) . . . 450

1. ГОСУДАРСТВО 450
Императоръ. Престолонаслѣдіе. Императрица. Почести и одежда. Реформа Діоклетіана. Сенатъ. Магистратура. Курульные магистраты. Императорскіе чиновники. Придворные чиновники. Народъ. Сословія. Управленіе государства. Провинціальное управленіе. Отдѣльныя провинціи. Города. Міровые города. Расцвѣтъ городовъ. Организація.

2. ПРАВО 473
Императоръ. Преторъ. Намѣстникъ. Наказанія. Наука о правѣ.

3. ФИНАНСЫ 474
Монета. Государственные доходы и расходы. Финансовое управленіе. Сельское хозяйство (колонатъ). Торговля. Дороги. Путешествія. Почта. Гостиницы. Ввозъ. Вывозъ. Торговля деньгами. Натуральное хозяйство. Промышленность. Врачи. Богатство. Бѣдность. Алиментарныя учрежденія. Корпораціи. Рабы.

4. ВОЕННОЕ ДѢЛО 487
Легіонное войско. Преторіанцы. Командованіе. Условія слу́жбы. Флотъ.

5. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ 490
Жилище. Императорскіе дворцы. Виллы. Одежда. Домашняя жизнь. Трапезы. Попойки. Женщины. Обученіе. Похороны.

6. ПОЧИТАНІЕ БОГОВЪ 498
Культъ. Игры.

В. ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО (Фр. Баумгартена) 501

1. РИМСКОЕ ИСКУССТВО ВЪ ЭПОХУ АВГУСТА 501
Искусство эпохи Августа. Храмъ Аполлона на Палатинѣ. Римскій форумъ. Форумъ Августа. Театръ Марцелла. Строительство

Стр.

Агриппы. Гробницы. Живопись. Пластика. Статуя Августа. Ara Pacis. Торевтика. Рѣзные камни. Діоскуриды. Зодчество въ эпоху остальныхъ императоровъ юліево-клавдіевой династіи. Храмъ божественнаго Августа. Золотой домъ Нерона.

2. ИСКУССТВО ВЪ ЭПОХУ ФЛАВІЕВЪ 522

Зодчество. Площадь Мира. Колоссей. Термы Тита. Помпеи. Базарныя площади. Театры. Тормы. Улицы. Частные дома. Декоративные стили. Живопись. Потолки. Утварь. — Архитектура въ Римѣ при Домитіанѣ. Domus Augustana. Арка Тита. Флавіевы медальоны. Гробница Гатеріевъ. Forum Transitorium.

3. РИМСКОЕ ИСКУССТВО ВО ВТОРОМЪ СТОЛѢТІИ ПОСЛѢ Р. Х. 549

Балюстрады ростръ. Форумъ Траяна. Колонна Траяна. Пантеонъ. Храмъ Венеры и Ромы. Тибуртинская вилла. Пластика. Molos Hadriani. Храмъ Фаустины. Колонна Марка. Конная статуя Марка Аврелія. Тріумфальная арка.

4. УПАДОКЪ РИМСКАГО ИСКУССТВА ВЪ III СТОЛ. 568

Арка Септимія Севера. Палатинъ. Септизодій. Термы Каракаллы. Термы Діоклетіана. Базилика Максентія. Арка Константина. Общій обзоръ.

5. ИСКУССТВО ВЪ РИМСКИХЪ ПРОВИНЦІЯХЪ 574

Сѣверная Африка (Тимгадъ, Тебесса). Аравія и Сирія (Петра, Бальбекъ, Пальмира). Малая Азія (Эфесъ, Пергамъ, Аспендъ). Эллада (Аѳины, Олимпія). Балканскій полуостровъ (Адамклисси, Спалато). Галлія (Монако, Арль, Нимъ, Оранжъ, Триръ).

6. АНТИЧНОЕ ИСКУССТВО ВЪ ПЕРІОДЪ ХРИСТІАНСТВА. . 586

Живопись катакомбъ. Раннє-христіанская пластика. Саркофаги. Пластическія украшенія изъ слоновой кости. Архитектура. Базилика. Купольныя церкви. Гробница Ѳеодериха. Святая Софія. Мозаика. Иллюстрированныя библіи.

С. ДУХОВНОЕ РАЗВИТІЕ И ПИСЬМЕННОСТЬ (Р. Вагнера) 604

I. ЭПОХА АВГУСТА 604

1. ВВЕДЕНІЕ 604

Монархія. Августъ. Меценатъ. Литературная жизнь. Проза. Поэзія. Придворная поэзія. Характеръ работы поэтовъ. Оцѣнка.

2. ВЕРГИЛІЙ 608

Жизнь. Эклоги. Георгики. Цѣль. Содержаніе. Искусство. Энеида. Возникновеніе. Содержаніе. Оцѣнка Энеиды старымъ и новымъ временемъ. Патріотическое дѣйствіе. Эпическая техника. Вліяніе Энеиды на послѣдующія поколѣнія.

3. ГОРАЦІЙ 617

Жизнь. Эподы. Оды. Отношеніе Горація къ греческимъ поэтамъ. Любовная лирика. Дружескія пѣсни. Римскія оды. Пѣсни о богахъ. Случайныя стихотворенія. Сатиры и письма. Искусство болтовни. Рамка. Личныя отношенія. Переживанія. Міровоззрѣніе и искусство жизни. Картины современной жизни. Вліяніе Горація на послѣдующія поколѣнія.

4. ТИБУЛЛЪ. ПРОПЕРЦІЙ. ОВИДІЙ 626

Кружки поэтовъ. Элегія.—Тибуллъ. Его характеристика. Творчество. Делія и Немесида. Циклъ элегій, воспѣвающихъ любовь

Стр.

Сульпиціи. Проперцій. Ученая поэзія. Кинеія. Этіологическія стихотворенія. Любовное посланіе Аретусы и элегія на смерть Корнеліи. (Надгробная надпись, посвященная Туріи). Характеристика Проперція.—Овидій. Жизнь. Талантъ. Вліяніе реторики. «Amores». «Героиди». «Наука любви». «Фасты». «Метаморфозы». Трудность задачи и успѣшность ея разрѣшенія. Связываніе легендъ. Искусство разсказа. Отношеніе къ миеу. Произведенія, написанныя во время ссылки: «Tristitia» и Письма изъ Понта.

5. ПРОЗА. СЕНЕКА. ЛИВІЙ. ДІОНИСІЙ ГАЛИКАРНАССКІЙ. ДІОДОРЪ. СТРАБОНЪ 640

Ораторское искусство. Реторика. Сенека Старшій.—Историографія. Ливій. Содержаніе его труда. Достоинства и недостатки. Искусство изложенія. Языкъ. — «Monumentum Ancyranum».—Діонисій Галикарнасскій.—Труды по всемірной исторіи. Діодоръ. Николай изъ Дамаска. Помпей Трогъ (Юстинъ). — География. Всемірная карта Агриппы. Страбонъ. — Спеціальныя науки: Гигинъ. Юба. Веррій Флаккъ. Витрувій.

II. ОТЪ ТИБЕРІЯ ДО ТРАЯНА 652

6. ВВЕДЕНІЕ.

Характеристика эпохи. Вліяніе императоровъ. «Серебряная латынь».

7. ПОЭЗІЯ 654

Сатирическая поэзія: Персій. Петроній. Содержаніе романа. Пиръ Тримальхіона. Характеристика. Сенека и его «Обращеніе въ тыкву» Клавдія. Ювеналъ. Греческая и римская эпиграмма. Марціалъ. Содержаніе его эпиграммъ. Искусство Марціала. Поэзія Стація.—Эпосъ. Луканъ. Миѳологическій эпосъ Валерія Флакка и Стація. Дидактическая поэзія: Колумелла. Маній.—Басни Федра и Бабрія.—Трагедіи Сенеки. Сюжеты. Характеристика. Вліяніе на позднѣйшія поколѣнія. «Октавія».

8. ПРОЗА 668

Сенека. Жизнь, характеръ, творчество. Философская точка зрѣнія. Стилистическое искусство.—Историографія. Веллей. Курцій Руфъ. Исторія современныхъ событій. Іосифъ. Тацитъ. Жизнь и сочиненія. Діалогъ объ ораторахъ. Агрикола. «Германія». Исторія и анналы. Вопросъ объ источникахъ. Характеръ Тацита и его міровоззрѣніе. Субъективность (Безумство Цезарей). Искусство изложенія. Языкъ.—Плиній Младшій. Письма къ Траяну.—Полигисторы. Плиній Старшій. «Естественная исторія». Плутархъ. Жизнь. Біографіи. Оцѣнка. «Moralia». Содержаніе. и характеристика. Энциклопедія Цельса.—Писатели-спеціалисты. Колумелла. Валерій Максимъ. Фронтинъ и Поліэнъ. Труды римскихъ землемѣровъ. Поваренная книга Апиція.—Грамматика и реторика. Валерій Пробъ. Асконій. Квинтиліанъ.

III. ЭПОХА ПОЗДНЕЙ ИМПЕРІИ 688

9. ОБЗОРЪ. Значеніе эпохи. Образованіе. Роль грековъ. Адріанъ. Архаизмъ въ литературѣ. Религія и философія. Науки.—Развитіе провинціальной культуры. Возникновеніе романскихъ языковъ.

10. ПОЭЗІЯ 692

Упадокъ и послѣдній подъемъ въ IV и V стол. Квинтъ изъ Смирны. Мусей. Орфическая поэзія. Ноннъ. Клавдіанъ. Авсоній. Памматіанъ.—Романъ. Апулей. Характеристика греческаго романа.

Стр.

11. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА 700

Возникновеніе аттицизма. Діонисій Галикарнасскій. Кекилій. «О возвышенномъ». Аттицизмъ и асіанизмъ. Возрожденіе эллинства во второй софистикѣ. Діонъ Хрисостомъ. Аристидъ. Филостратъ. Римскій архаизмъ. Фронтонъ.—Исторіографія. Светоній. Біографіи императоровъ. Амміанъ Марцеллинъ. Греческіе историки. Арріанъ. Аппіанъ. Кассій Діонъ.—Мѣстное антикварное изслѣдованіе. Павсаній.—Сборники Эліана и Аѳенея, Геллія, Макробія и Марціана Капеллы.—Лукіанъ. Ходъ его образованія. Характеристика. Искусство. Языкъ. Содержаніе произведеній.—Поздній періодъ расцвѣта софистики въ IV столѣтіи.

12. НАУКИ 715

Общая картина.—Филологія. Эксцерпты. Схоліи. Миѳографы. Аполлоній Дисколъ и Геродіанъ. Римскіе грамматики. Словари: Фринихъ. Поллуксъ. Памфилъ. Гесихій и Свида. — Математика: Діофантъ. Птолемей.—Естествовѣдѣніе: «Физіологъ». Діоскуридъ. — Медицина: Методическая школа. Пневматическая школа. Компилятивные труды: Галенъ. Орибасій.—Юридическія науки, ихъ значеніе. «Constitutiones» императоровъ. Великіе юристы II стол. Кодификація законовъ. Codex Justinianeus.—Взглядъ на будущее.

13. ФИЛОСОФІЯ 723

Превращеніе философіи въ филологію. Діогенъ Лаэртскій. Этническая популярная философія. Стоицизмъ: Эпиктетъ и Маркъ Аврелій. — Александрійско-іудейская философія. (Распространеніе и вліяніе евреевъ. Іудейскіе апологеты. Семьдесятъ толковниковъ. Апокрифы). Философія Филона.—Новопиѳагорейцы. — Новоплатоники. Теологическая философія Плотина, Порфирія и Ямблиха. Юліанъ. Античная наука умираетъ.

14. РЕЛИГІЯ 732

Упадокъ римской религіи. Культъ императоровъ. Потребность въ спасеніи. Вліяніе Востока. Суевѣріе, астрологія и магія. Содержаніе и сущность мистерій. Культъ Миеры. Культъ Солнца.

15. ХРИСТІАНСТВО 741

Точка зрѣнія при оцѣнкѣ его. Іисусъ Христосъ. Павелъ. Христіанская литература: Евангеліе. Посланія Павла. «Откровеніе» Іоанна. Греческій библейскій языкъ.—Язычество и христіанство. Жажда спасенія и увѣренность въ немъ. Богосыновничество и любовь къ ближнему. Способность христіанства къ приспособленію. Вліяніе эллинизма. Гностицизмъ.—Отцы церкви. Возникновеніе христіанской науки въ Александріи и Карѳагенѣ. Задачи и труды отцовъ церкви. Апологетика. Зарожденіе христіанской поэзіи. Августинъ. Жизнь. «Исповѣдь». «Градъ Божій». Значеніе Августина.

Перечень таблицъ и картъ.

ЗАГЛАВНАЯ КАРТИНА. ПОРТРЕТЫ МУМІИ ИЗЪ ФАЮМА.

ТАБЛИЦА I. ВЕНЕЦІАНСКАЯ РУКОПИСЬ А ИЛІАДЫ. Къ стр. 151 текста.

ТАБЛИЦА II. СИДОНСКІЙ САРКОФАГЪ АЛЕКСАНДРА. Пентолійскій мраморъ. Константинополь. Съ фотогр. Къ стр. 170 текста.

ТАБЛИЦА II a. СЦЕНА БИТВЫ И ЛЬВИНОЙ ОХОТЫ (на узкой сторонѣ саркофага Александра). Съ фотогр. Къ стр. 170 текста.

ТАБЛИЦА III. МОЗАИКА, ИЗОБРАЖАЮЩАЯ АЛЕКСАНДРА въ битвѣ съ Даріемъ. По Ф. Винтеру. Къ стр. 184 текста.

ТАБЛИЦА IV. ПРІЕНА, ВИДЪ СЪ ПТИЧЬЯГО ПОЛЕТА. Реконструкція по рисунку Циппеліуса. Къ стр. 228 текста.

ТАБЛИЦА V. МОЗАИКА НА ДЕЛОСѢ. По «Monuments Piot», XIV, табл. XV, съ небольшими возстановленіями Ф. Гройнора. Къ стр. 241 текста.

ТАБЛИЦА VI. ВОЕННЫЯ СЦЕНЫ, РОСПИСЬ ОДНОЙ ГРОБНИЦЫ НА ЭСКВИЛИНѢ. Римъ. По «Bullettino Communale di Roma», 1889, табл. 11/12. Къ стр. 370 текста.

ТАБЛИЦА VII. СТѢНА ИЗЪ ДОМА ЛИВІИ НА ПАЛАТИНѢ. Римъ. По «Monumenti inediti», XI, табл. 22 сл. Къ стр. 373 текста.

ТАБЛИЦА VIII. КАРТИНА ИЗЪ ОДИССЕИ СЪ ЭСКВИЛИНА. Римъ. Ватиканская библіотека. По Верманну. Къ стр. 374 текста.

ТАБЛИЦА VIII a. РИМСКІЙ ФОРУМЪ ИМПЕРАТОРСКАГО ВРЕМЕНИ. По Люкенбаху. Къ стр. 501 текста.

» VIII b. CAMPO VACCINO въ XVIII в. По Пиранези, «Veduto di Roma».

» VIII c. ТЕПЕРЕШНІЙ РИМСКІЙ ФОРУМЪ. ВИДЪ СЪ СѢВЕРО-ЗАПАДА. Съ фотографіи.

ТАБЛИЦА IX. 1. ARA PACIS AUGUSTAE. Видъ съ запада. Реконструкція Дурма. Ср. Baukunst der Etrusker u. Roemer [2], фиг. 80 Къ стр. 516 текста.

2. ФРАГМЕНТЪ ФРИЗА СЪ ПОБѢГАМИ. РИМЪ. Музей Термъ. Съ фотографіи.

2a. ЧАСТЬ УКРАШЕНІЯ ВНУТРЕННИХЪ СТѢНЪ. Съ фотогр.

3. БОГИНЯ ТЕЛЛУСЪ. Флоренція. Уффиціи. По Петерсену, Ara Pacis Augustae, табл. III.

4. ЮЖНЫЙ ФРИЗЪ.

5. ЖЕРТВОПРИНОШЕНІЕ ПЕНАТАМЪ. Римъ. Музей Термъ. Съ фотографіи.

6. БРОНЗОВАЯ МОНЕТА ДОМИТІАНА. Парижъ, Cabinet des médailles. По Петерсену, ук. соч., рис. 60, 5.

КАРТА I. Развитіе римскаго государства.—Государства діадоховъ послѣ битвы при Ипсѣ въ 301 г. до Р. Хр.—Германія въ эпоху Тацита.

КАРТА II. Средняя Италія.

КАРТА III. Римъ въ эпоху имперіи.

КАРТА IV. Римъ въ эпоху имперіи (внутренній городъ).

ЭЛЛИНИЗМЪ

НКП — РСФСР
ЯРОСЛАВСКИЙ
Областной отдел [illegible]ного
ОБРАЗОВАНИЯ
Областной методический
дошкольный кабинет
_____ 193 г.
№ I

Эллинист.-римская культура.

Рис. 1. Золотой медальонъ изъ Тарса. См. Кёрр, 52; Winckelmannsprogramm, стр. 3.

a. Лицевая сторона. АЛЕКСАНДРЪ ВЕЛИКІЙ.

b. Оборотная сторона. АЛЕКСАНДРЪ НА ЛЬВИНОЙ ОХОТѢ.

ВВЕДЕНІЕ

Понятіе эллинизмъ.

Эллинизмъ—греческій міръ послѣ Александра Великаго—долгое время не привлекалъ вниманія не только широкой массы интеллигенціи, но и научнаго изслѣдованія. Несравненная мощь и красота творчества классической Греціи естественнымъ путемъ затмили періодъ трезвой критики и ломки, называемый обыкновенно эпохой Діадоховъ и Эпигоновъ по имени преемниковъ Александра. Лѣтъ 70 тому назадъ великій нѣмецкій историкъ Дройзенъ первый далъ мѣткое научное имя всему историческому періоду отъ Александра до Августа и впервые освѣтилъ его сложныя внѣшне-историческія условія. Лишь современная наука взялась за изслѣдованіе культурно-исторической стороны эпохи. Наше знаніе ея, благодаря постоянно растущему матеріалу надписей, египетскихъ папирусовъ, значительныхъ литературныхъ находокъ, достигнетъ когда-нибудь степени совершенства недосягаемой для какого-либо иного періода античной исторіи. И дѣйствительно, съ культурно-исторической точки зрѣнія ни одна эпоха не заслуживаетъ большаго вниманія. Наше изложеніе покажетъ, что эллинизмъ, составляя базу римской культуры, оказалъ также вліяніе на всемірную культуру христіанства въ ея зарожденій и развитіи. Больше того—выясняются своеобразнѣйшія точки соприкосновенія съ раннимъ эллинизмомъ нашей современной культуры, вновь отдалившейся отъ римской.

Историческое развитіе.

Прослѣдимъ сначала внѣшнія условія, при которыхъ эллины завоевали міръ и распространили свое вліяніе вплоть до отдаленнѣй-

шихъ областей Востока, разумѣется, воспринявъ многіе элементы восточной культуры.

Смерть Александра Великаго (рис. 1a, b и др.; ср. Указатель) въ далекомъ Вавилонѣ (323 г. до Р. Хр.) знаменовала конецъ всемірной монархіи, но не конецъ господства эллиновъ надъ міромъ. Нѣкоторое время исторія Діадоховъ представляетъ дикій хаосъ: возвышаются и исчезаютъ со сцены сильныя личности, возникаютъ и гибнутъ обширныя государства; постепенно лишь кристаллизуются опредѣленныя формы. Сначала регенты—повидимому, въ интересахъ наслѣдниковъ и родныхъ Александра—пытались охранить единство монархіи. Противъ этихъ тенденцій шли энергичные вожди, вышедшіе изъ школы великаго царя и имѣвшіе въ виду укрѣпленіе своей личной династіи. Строго цѣлесообразно съ первыхъ шаговъ дѣйствовалъ сатрапъ Египта, умный Птолемей, сознавая ясно, что выпавшая на его долю страна фараоновъ обособленностью своего положенія и историческаго прошлаго представляетъ благодарнѣйшую почву для его сепаратистическихъ замысловъ.

Рис. 2. ДЕМЕТРІЙ ПОЛІОРКЕТЪ.
Монета. Ср. Imhoof-Blumer, «Porträtköpfe auf ant. Münzen». Tf. I.

Въ сложной борьбѣ, которую вели сатрапы отдѣльныхъ частей Александровой монархіи въ ближайшіе 22 года послѣ смерти великаго царя, значеніе регента постепенно уничтожается, такъ какъ члены македонской царской семьи, одинъ за другимъ, гибнутъ насильственной смертью, а съ ними и единый безкорыстный защитникъ ихъ интересовъ, ловкій грекъ Евменъ. Идею государственнаго единства олицетворялъ лишь одинъ изъ великихъ полководцевъ Александра—дальновидный Антигонъ, который, несмотря на то, что уже при смерти царя былъ шестидесятилѣтнимъ старикомъ, энергичной дѣловитостью сумѣлъ завоевать себѣ значеніе въ Малой Азіи; онъ одинъ преслѣдуетъ смѣлую цѣль достигнуть единоличнаго господства надъ всей монархіей Александра. Въ достиженіи этого плана ему оказываетъ неуклонную поддержку его одаренный, но непостоянный сынъ—воинственный Деметрій „Поліоркетъ“, что значитъ „осаждающій города“ (рис. 2).

Изъ тенденцій этихъ властителей интересно отмѣтить ихъ защиту греческой свободы. Властитель Македоніи Кассандръ утвердилъ Деметрія Фалерскаго намѣстникомъ Аоинъ. Будучи лично человѣкомъ, любившимъ пожить, Деметрій въ теченіе 10-ти лѣтъ (317—307) проводилъ своеобразную попытку управленія государствомъ, слѣдуя философски-этическимъ принципамъ. Его правленію положилъ конецъ сынъ Антигона, награжденный за это вмѣстѣ съ отцомъ своимъ торжественными почестями. Въ качествѣ освободителя Средней Греціи и Пелопоннеса его, какъ нѣкогда

царя Филиппа, объявляютъ на Коринѳскомъ Истмѣ военачальникомъ союзныхъ греческихъ общинъ.

Неудержимо росшій захватъ власти Антигона и Деметрія вызвалъ коалицію слѣдующихъ территоріальныхъ властителей, принявшихъ по примѣру Антигона титулъ царей: мужественнаго и дальновиднаго Птолемея Египетскаго; самаго „царственнаго“ изъ военачальниковъ Александра—Селевка, одинаково искуснаго какъ полководца и какъ правителя Верхней Азіи; жестокаго и своенравнаго повелителя Македоніи Кассандра и, наконецъ, храбраго, но алчнаго и тираническаго властителя Ѳракіи и части Малой Азіи Лисимаха. Битва при Ипсѣ (301 г.), рѣшенная громаднымъ напряженіемъ военныхъ силъ, положила вмѣстѣ съ жизнью предѣлъ мечтамъ Антигона объ единствѣ монархіи.

Рис. 3. СЕЛЕВКЪ.
Бронза изъ Геркуланеума, нынѣ въ Неаполѣ.
Ср. Arndt, «Porträte», Tf. 101. Фот. Bruckman, A.-G. München, phot.

Эта памятная битва опредѣлила въ существенныхъ чертахъ внѣшнюю картину эллинистическаго міра. Единая монархія похоронена. Каждый властитель стремится укрѣпить за собой опредѣленную территорію и, въ лучшемъ случаѣ, расширить ее: Птолемей утверждается въ Египтѣ; Селевкъ (рис. 3) въ такъ называемомъ Сирійскомъ государствѣ, т.-е. въ древне-азіатскомъ Персидскомъ царствѣ; Антигону Гонату, сыну умершаго въ сирійскомъ плѣну Деметрія, удается, подавивъ многочисленныя возстанія, получить въ постоянное владѣніе Македонію. Государство Лисимаха, разрушенное Селевкомъ, погибло вмѣстѣ со своимъ основателемъ (281).

Въ дальнѣйшей исторической эволюціи мы видимъ три великія монархіи, на которыя естественнымъ путемъ и вслѣдствіе всего историческаго развитія распалось государство Александра, въ борьбѣ, полной неожиданностей. Родственныя связи, заключенныя сначала Антигономъ съ сирійской царской семьей, не обманули его надеждъ. Вскорѣ, однако, возникъ антагонизмъ между самой большой континентальной силой, государствомъ Селевкидовъ, и первой морской мощью—Египтомъ, при трехъ первыхъ Птолемеяхъ разумно отдававшимъ предпочтеніе господствовавшей эллинской цивилизаціи передъ египетскимъ національнымъ.

Почти столѣтіе длился этотъ антагонизмъ; борьба шла съ попеременно колеблющимся успѣхомъ, пока, наконецъ, остатокъ сирійскаго государства не былъ покоренъ Помпеемъ (63), Египетъ—Октавіаномъ (30).

Рядомъ съ тремя главными державами стоятъ мѣньшія греческія государственныя образованія. Роль древняго города-государства (polis) отнынѣ сыграна (Э. К., стр. 66). За исключеніемъ Аѳинъ, послѣ потери своего значенія на морѣ сохранившихъ нѣкоторое время руководящую роль какъ центръ образованности и науки, въ этотъ періодъ большого матеріальнаго расцвѣта выдвинулись только нѣкоторые приморскіе города Малой Азіи и острововъ; однако, и это достигалось часто лишь при помощи новаго принципа—вступленія въ союзъ—по образцу двухъ значительнѣйшихъ союзныхъ государствъ коренной Греціи—этолійскаго и ахейскаго. Такъ, этимъ путемъ развивается постепенно подъ покровительствомъ Родоса нѣкотораго рода ганзейскій союзъ, имѣвшій высокое значеніе для эллинистической цивилизаціи. И на долю тихаго Эпира выпадаетъ сыграть преходящую роль во внѣшней исторіи эллинизма, благодаря личности его властителя, воинственнаго Пирра (рис. 4).

Рис. 4. ПИРРЪ.
Мраморный бюстъ изъ Геркуланеума, нынѣ въ Неаполѣ.
Ср. Arndt, «Porträts». Tf. 337.

Изъ числа мелкихъ греческихъ государствъ только Пергамское, управляемое Атталидами въ тѣсной связи съ Римомъ, выдвинулось послѣ паденія Лисимаха (рис. 5). Возникшее, какъ это бывало въ древне-греческое время, изъ города, оно завоевало себѣ почетное мѣсто въ культурѣ эллинизма. Отдѣлившееся отъ той же всемірной монархіи царство Виѳинія едва-ли когда-либо вполнѣ прониклось духомъ эллинизма; его просвѣтительная роль, главнымъ образомъ, ограничивается предоставленіемъ большой самостоятельности расположеннымъ въ немъ греческимъ городамъ. Наконецъ, чисто-внѣшній характеръ носитъ грецизація Арменіи, Каппадокіи и Понта, въ которомъ въ послѣднее столѣтіе до Р. Хр. греко-восточный элементъ въ лицѣ великаго Митридата еще разъ мощно возстаетъ противъ римскаго. И у западныхъ эллиновъ, особенно въ самомъ цвѣтущемъ ихъ городѣ, Сиракузахъ, совершается переворотъ въ духѣ эллинизма, и создается въ подражаніе древней тираніи нѣчто въ родѣ эллинистическаго царства подъ властью Агаѳокла (317—289) и, главнымъ образомъ, Гіерона II (275—215), вѣрно преданнаго римлянамъ. Попытки Сициліи объединить западно-эллинскій міръ, разъединяемый внутреннимъ несогласіемъ, успѣхомъ не увѣнчались; подобныя же попытки не удались и Востоку, личностямъ въ родѣ Пирра.

Распространеніе эллинизма.

Широкій размахъ эллинизма сказывается особенно сильно въ томъ, что онъ не ограничивается горизонтомъ древней монархіи Александра, но за предѣлами ея охватываетъ въ бо́льшей или мѣньшей степени разнообразнѣйшія націи; такъ, напримѣръ: сѣверныхъ галловъ, основавшихъ въ Малой Азіи эллинизованное союзное государство „галатовъ“, парѳянъ на югѣ, индовъ и крайнія части восточной Азіи, карѳагенянъ на Западѣ, съ конца же III вѣка до Р. Хр. особенно римлянъ, которымъ

впослѣдствіи всѣ греческіе союзы и государства политически подчинились. Эта всепокоряющая мощь эллинизма, въ равной степени распространявшая свои благодѣянія на такихъ ожесточенныхъ противниковъ, какъ римляне и карѳагеняне, на государства Востока и пароянъ, въ эпоху, когда моральная и политическая сила греческой націи была ослаблена, объясняется исключительно высокимъ значеніемъ эллинистической цивилизаціи: долгое время это была господствующая куль-

a b

Рис. 5. ПЕРГАМСКІЙ ЦАРЬ (Аттал I.?).
Ср. «Altertümer von Pergamon», Bd. VII, Tf. 31—32.
Бюстъ найденъ на южномъ горномъ склонѣ города. Наход. въ Берлинѣ.
Гладкая прическа волосъ (a), слишкомъ простая на позднѣйшій вкусъ, замѣнена кудрявымъ парикомъ (b), что театральнѣе, но отнюдь не придаетъ лицу болѣе значительнаго выраженія.

тура міра. Правда, это не была чисто-греческая культура; вплоть до коренныхъ греческихъ политій ее въ бо̀льшей или мѐньшей степени проникали элементы другой міровой культуры—восточной. Только съ половины II столѣтія, когда римляне стали проникаться эллинизмомъ, поскольку это допускалъ романизмъ, начинается болѣе живое распространеніе восточной культуры, которая совершенно затопляетъ передовые посты эллинскаго міра. Первымъ могучимъ народомъ, рѣзко противоставшимъ эллинизму, были пароняне. Дѣйствительно, возвышеніе Пар-

оянскаго царства въ 250 г. до Р. Хр., главнымъ образомъ, положило предѣлъ дальнѣйшему проникновенію эллинизма на Востокъ.

Характеръ эллинизма.

Нашего бѣглаго обзора внѣшнихъ фактовъ эллинистическаго періода достаточно, чтобы убѣдиться, насколько культура эллинизма отличается отъ эллинской, стоявшей подъ знаменемъ города-государства. Черты ея отличія, однако, составляютъ, въ свою очередь, точки соприкосновенія съ современной цивилизаціей.

Изъ двухъ міровыхъ творческихъ началъ, индивидуализма и принципа общинности, первый, успѣхъ котораго былъ подготовленъ греческой софистикой, пріобрѣтаетъ въ эту эпоху такое значеніе въ Греціи, какъ никогда раньше. Тѣмъ не менѣе, и второе начало приводитъ къ своеобразнымъ новымъ формамъ государственной жизни.

На политической почвѣ мы ярче всего наблюдаемъ индивидуализмъ въ образахъ властителей. Нѣтъ эпохи во Всемірной Исторіи, въ которой бы съ подобной быстротой, часто на протяженіи немногихъ лѣтъ, возникали и рушились міровыя государства въ полной зависимости отъ могучихъ индивидуумовъ, отъ безпощадныхъ, практическимыслящихъ, властныхъ личностей, какихъ зналъ Римъ конца республики и—въ мѣньшихъ историческихъ рамкахъ—итальянское Возрожденіе. Впервые въ исторіи мы видимъ эллинистическія государства, базирующіяся на династическомъ принципѣ монархіи, которыя могутъ быть сравниваемы съ современными. Во многихъ отношеніяхъ организація ихъ вплоть до деталей въ сущности не превзойдена государствомъ нашего времени; такъ, напримѣръ, организованное подданство гражданъ, зависимое отъ монарха войско, до мельчайшихъ частностей систематизированное чиновничество, блестящій дворъ, дающая тонъ придворная знать, указы, титулы, меценатство и друг. Въ противоположность монархіямъ впервые возникаютъ своеобразныя союзныя государства, созданныя общиннымъ началомъ. Съ другой стороны, городъ-государство настолько утратилъ свое политическое значеніе, что въ немъ почти нѣтъ мѣста даже политическимъ партіямъ. Греческіе города, какъ древніе, исторически прославленные, такъ и имѣющіе міровое значеніе новые, ведутъ въ сущности политически призрачное существованіе, несмотря на кипучую внѣшнюю жизнь. Однако, въ строительной горячкѣ, въ роскоши богослуженія и государственнаго обученія, въ начинаніяхъ общественнаго характера, въ жизни и дѣятельности многочисленныхъ корпорацій они развиваютъ цвѣтущую муниципальную жизнь, напоминающую своими явленіями нашу культуру. Политику же отнынѣ создаютъ великіе народы съ міровымъ именемъ и отдѣльныя яркія личности.

A. ГОСУДАРСТВО. ЖИЗНЬ. РЕЛИГІЯ

1. ГОСУДАРСТВО

Монархія.

Монархія для эллинистическаго времени не только характерная, но и наиболѣе важная государственная форма. Въ классическую эпоху Греціи зародыши ея уже существовали. Но, оставивъ въ сторонѣ героически-патріархальное царство Гомера (Э. К., стр. 52), и такія, особнякомъ стоящія ограниченныя формы монархической власти, какъ едва ли идущее въ сравненіе двоедержавіе въ Спартѣ (Э. К., стр. 83 сл.), мы приходимъ къ выводу, что монархія существовала только въ тиранніяхъ (Э. К., стр. 77) и на периферіи эллинскаго міра. Но тиранніи всегда выростали на почвѣ древняго города-государства и представляли единичныя, быстро преходящія явленія, а остальныя монархическія единицы едва ли могутъ считаться чисто-греческими. Однако, именно средн послѣднихъ оказалось государство, хотя и напоминающее на первый взглядъ древне-героическое, но давшее толчокъ къ новой монархической формаціи — это было государство Македонское. Великій кругъ, казалось, былъ замкнутъ: въ древнѣйшія времена эволюція началась съ патріархальной царской власти, ею же она и заканчивается. И, тѣмъ не менѣе, Македонское міровое царство, властвующее въ своемъ безпредѣльномъ распространеніи надъ разнообразнѣйшими народами, есть новое государственное образованіе, образцомъ котораго былъ Востокъ со своей деспотической властью. Въ сущности, македонское царство было живо во всѣхъ разнородныхъ монархіяхъ эллинистической эпохи и лишь по истеченіи 300 лѣтъ потухло съ гибелью послѣдняго изъ нихъ. Правда, въ зависимости отъ степени вліянія древнихъ восточныхъ культуръ мы видимъ сильное внутреннее различіе въ трехъ великихъ міровыхъ державахъ; только въ самой Македоніи наслѣдственная патріархальная царская власть держится крѣпче; на Египетъ вліяетъ традиція фараоновъ, на Сирію — традиція древнихъ персидскихъ царей.

Личности.

Молодое македонское царство, въ сущности, созданіе нѣсколькихъ великихъ личностей. Мы видимъ въ Македоніи исключительное въ исторіи явленіе: на престолѣ отецъ и сынъ, и трудно рѣшить, кто изъ

нихъ стоитъ выше—Филиппъ, выдающійся политикъ и полководецъ, создавшій государство и войско, или Александръ, использовавшій войско для созданія своей міровой монархіи. Еще бо̀льшее удивленіе вызываетъ долговѣчность молодой монархіи послѣ смерти своего основателя Александра, который послѣ 13-тилѣтняго правленія, почти въ расцвѣтѣ лѣтъ, сошелъ въ могилу.

Разумѣется, объясненія слѣдуетъ искать прежде всего въ несравненной творческой мощи юноши-героя, не потерявшаго своего обаянія для человѣчества и послѣ смерти. Въ противоположность большинству героевъ древне-эллинскаго времени, въ противоположность своему лукавому отцу, онъ былъ человѣкъ нравственный, недостатки котораго блѣднѣютъ передъ постоянно въ немъ пламенѣвшимъ благороднымъ увлеченьемъ всѣмъ высокимъ, передъ чистотой и правдивостью его природы, передъ способностью любить ближнихъ и человѣчество. Но не только его царственное благородство и его царственный умъ предназначали его быть государемъ. Съ его геніальностью была связана неудержимая энергія, не дававшая ему никогда покоя. Благодаря способности быстро взвѣсить и неуклонно провести то, что, по его мнѣнію, ведетъ къ побѣдѣ, онъ сталъ однимъ изъ самыхъ выдающихся полководцевъ всѣхъ временъ. Объ Александрѣ какъ правителѣ, ставившемъ себѣ строго-опредѣленныя цѣли, какъ объ основателѣ эллинистической монархіи путемъ организаціи войска и государства, будетъ свидѣтельствовать каждый отдѣльный фактъ нашего изложенія, такъ какъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ намъ придется начинать съ него.

Передъ характеромъ и геніальностью Александра личности всѣхъ другихъ эллинистическихъ монарховъ совершенно блѣднѣютъ. И все-таки преемники Александра (Діадохи), его старые полководцы,—въ большинствѣ случаевъ выдающіеся люди, умные, мужественные и властные, смѣло отваживавшіеся сами ковать свою судьбу.

Право на престолъ.

Въ теченіе нѣкотораго времени, стремясь защитить существованіе Александровой монархіи въ интересахъ его наслѣдниковъ или въ своихъ, большинство діадоховъ могло обосновать законность своихъ притязаній на престолъ желаньемъ—дѣйствительнымъ или фиктивнымъ—охранить наслѣдіе Александра. Лишь послѣ того, какъ властители отдѣльныхъ частей государства принимаютъ царскій титулъ (торжественно пишущійся въ актахъ передъ именемъ собственнымъ), картина мѣняется, и окончательно кладется основаніе эллинистическому государству въ его характернѣйшей формѣ. Когда достойные „преемники“ Александра, царствовавшіе въ силу своей способности быть правителями, были замѣнены менѣе даровитыми сыновьями и преемниками (которыхъ и въ этомъ смыслѣ можно назвать „Эпигонами“), появилась необходимость обосновать извѣстную законность престолонаслѣдія. Родственными связями

со старымъ царскимъ домомъ эта цѣль могла быть достигнута лишь въ немногихъ случаяхъ за малочисленностью женскихъ представительницъ царскаго рода. Мнимаго происхожденія отъ боговъ было недостаточно для монарховъ, такъ какъ они раздѣляли эту честь со многими представителями знати. И только обожествленіе царей сдѣлало ихъ положеніе обособленнымъ. Этотъ культъ монарховъ развился постепенно и не вполнѣ единообразно въ различныхъ династіяхъ: монархъ могъ быть причисленъ къ богамъ послѣ смерти или при жизни, онъ могъ пассивно принимать поклоненіе отъ небольшого круга людей или же требовать его отъ своихъ подданныхъ. Александръ сначала только мирился съ необходимостью принятія божескихъ почестей, впослѣдствіи, вызывая негодованіе македонцевъ и грековъ, онъ сталъ ихъ требовать изъ государственныхъ соображеній и ради пріобрѣтенія высшаго значенія на Востокѣ. Его преемники сначала ограничивались принятіемъ почестей отъ благодарныхъ общинъ въ качествѣ основателя города, „Освободителя“ или „Благодѣтеля“. Впослѣдствіи иногда имъ воздавались почести въ связи съ культомъ Александра Великаго (рис. 6); такъ было, напримѣръ, съ Птолемеемъ Сотеромъ. Наконецъ, царей стали чтить какъ боговъ и при жизни; со II столѣтія до Р. Хр. они сами въ своихъ указахъ называютъ себя „богами“ (ср. Б. 2).

Рис. 6. АЛЕКСАНДРЪ.
Монета времени Лисимаха.
(Imhoof-Blumer, «Porträtköpfe auf ant. Münzen». Taf. 1).
Чеканена черезъ 20 лѣтъ приблизительно послѣ смерти Александра. Образцомъ могъ служить рѣзной камень Пирготела (ср. Указатель). Бараній рогъ знаменуетъ сына Аммона.

Монархія, обнимавшая безпредѣльныя пространства и формировавшаяся по образцу восточнаго деспотизма, должна намъ казаться абсолютной. Не мѣняютъ дѣла случайные слѣды просвѣщеннаго абсолютизма, которые мы находимъ въ лицѣ философски-образованнаго Антигона Гоната, считавшаго монарха первымъ слугою государства. Такъ же мало значенія имѣетъ тотъ видъ народнаго собранія, которое македонцы, какъ „вооруженный народъ“, созывали въ исключительныхъ случаяхъ. Собраніе войска вѣнчало діадемой новаго царя и присягало ему на вѣрность послѣ прочтенія завѣщанія предшественника. Въ военныхъ событіяхъ послѣ смерти Александра македонское войско иногда еще играетъ роль, напоминающую древне-германскія отношенія; такъ, напримѣръ, оно отмѣняетъ иногда распоряженія царскаго завѣщанія, вторгается въ управленіе государства и даже въ выборы регента. Въ эпоху упадка мы видимъ въ Александріи такой же хаотическій режимъ преторіанцевъ, какъ позднѣе въ Римѣ. Однако, подобное положеніе вещей— исключеніе, и важнѣе народнаго собранія въ сущности государствен-

Абсолютизмъ.

Народное собраніе.

Государственный совѣтъ.

ный совѣтъ. Уже въ древней Македоніи онъ объединялъ подъ предсѣдательствомъ монарха его „друзей“, имѣвшихъ, правда, бо́льшее значеніе какъ дворцовая знать, чѣмъ какъ совѣтчики, ибо монархъ совершенно не былъ обязанъ считаться съ ихъ мнѣніемъ.

Поддапные.

Оставивъ въ сторонѣ часто мало мотивированныя вспышки возстанія въ коренной Греціи, насъ поражаетъ та покорность, съ которой греческій міръ подчинился великой неограниченной царской власти и примирился съ абсолютизмомъ. Но время упадка классической Греціи характеризуется уже охлажденіемъ интереса къ городу-государству; широкая масса находитъ гораздо больше удовлетворенія въ частной дѣятельности, въ наживѣ и наслажденіи жизнью. Среди раздора партій, большею частью царившемъ въ городѣ-государствѣ, пробуждается стремленіе къ опредѣленной государственной власти, способной оказать защиту отъ внѣшняго врага, укрѣпить внутренній миръ и увеличить благосостояніе государства. Философія того времени направляла и благороднѣйшіе умы къ спокойной, созерцательной жизни. Кромѣ того, мы убѣдимся, что муниципальную жизнь въ греческихъ городахъ характеризуютъ еще многія черты свободы и независимости; мы увидимъ даже, что эта жажда независимости городовъ Малой Азіи отчасти подготовила паденіе сирійскаго государства. Что же касается варваровъ, то для нихъ восточный деспотизмъ былъ единственно возможной формой правленія.

Рис. 7. ТАКЪ НАЗЫВ. «КАМЕЯ ПТОЛЕМЕЕВЪ». Вѣна. Ср. Furtwängler, «Ant. Gemmen», Tf. 53. Длина 11 стм. Камея была нѣкогда собственностью императора Рудольфа II. Къ этому времени относятся, по всей вѣроятности, незначительныя дополненія на султанѣ шлема и на шеѣ. Камея изображаетъ, повидимому, Александра Вел. и его мать, Олимпіаду. Змѣя на шлемѣ символизируетъ змѣю, которую незадолго до рожденія царя нашли на ложѣ матери; изображеніе молніи на нащечникѣ—совъ Олимпіады передъ первой брачной ночью о поразившей ее молніи. «Сына Аммона» напоминаетъ изображеніе его головы на задней части шлема.

Царица.

Со стремленіемъ легитимировать права на престолъ связано требованіе, чтобы и супруги царей, нерѣдко варварскаго происхожденія, были царскаго рода. Двѣ жены Александра были царевны не греческаго рода. Отступленіе отъ этого обычая, на которое рѣшился, напримѣръ, Пергамскій царь Атталъ I, женившійся на простой гражданкѣ, вызывало такой же протестъ, какъ аналогичные случаи въ наше время. Ясно, что при такихъ условіяхъ монархи почти всегда заключали браки, пренебрегая личной симпатіей; расторгали ихъ, если это вызывали соображенія государственной необходимости. Создается положеніе

вещей (примѣръ: Деметрій Поліоркетъ), напоминающее многоженство Востока. Тѣмъ не менѣе, законная супруга монарха играетъ выдающуюся роль: она раздѣляетъ царскіе почести (рис. 7) и культъ. Въ Египтѣ она становится даже постоянной соправительницей мужа. О значеніи этого высокаго положенія царицы въ вопросѣ о положеніи женщины вообще будетъ сказано ниже (стр. 62).

Престолонаслѣдіе.

Такъ какъ ни одна эллинистическая монархія, исключая Македонской, не была связана ни съ опредѣленной націей, ни съ опредѣленной династіей, то долговѣчность ея всецѣло зависѣла отъ упроченія послѣдней. Поэтому права престолонаслѣдія, особенно легко нарушавшіяся въ эти тревожныя времена, нуждались въ строгой нормировкѣ. Престолъ наслѣдовалъ старшій сынъ законной царицы, затѣмъ шли „агнаты“; даже нелегитимные сыновья покойнаго монарха имѣли преимущество передъ его дочерьми и ихъ мужьями. Подобно нашимъ обычаямъ, слѣдующій по старшинству агнатъ, мать или совѣтъ опекуновъ бралъ на себя опеку надъ несовершеннолѣтнимъ. Въ иныхъ случаяхъ преемникъ уже при жизни отца, отказавшагося отъ престола, замѣнялъ его или становился его соправителемъ—явленіе, принявшее въ царствѣ Селевкидовъ почти характеръ обычая. Управленіе государствомъ двумя братьями на равныхъ правахъ или дѣленіе его между ними во избѣжаніе раздоровъ изъ-за наслѣдства является фактомъ, идущимъ въ разрѣзъ съ современными обычаями.

Рис. 8. ЭЛЛИНИСТИЧЕСКІЙ МОНАРХЪ АФРИКИ.
Бронза изъ Геркуланеума. Въ Неаполѣ. (Фотографія).
Отдѣльные длинные локоны, по всей вѣроятности, позднѣйшее добавленіе, сдѣланное на основаніи античныхъ слѣдовъ. Сомнѣнія въ томъ, что это портретъ мужчины, лишены основанія. Головная повязка характеризуетъ монарха. Похожіе парики украшали женщинъ изъ Ѳивъ и Мемфиса: повидимому, тутъ монархомъ сдѣлана уступка вкусу своихъ африканскихъ подданныхъ. Губы были посеребрены.

Внѣшній блескъ двора.

Стремленіе къ внѣшнему блеску, особенно подъ вліяніемъ Востока, характерно для этой абсолютной монархіи. Впервые возникаетъ типичная и для нашихъ дней царская одежда: скипетръ, пурпуровая мантія, пурпуровый вѣнецъ и діадема, т.-е. бѣлая повязка, обвивающая волосы и свѣшивающаяся на спину (рис. 8). Развивается придворный церемоніалъ, прототипъ современнаго. Силою вещей Александръ былъ принужденъ отказаться отъ принятія самаго унизительнаго акта его, проскинесы, т.-е. колѣнопреклоннаго почитанія.

Государства. Величина ихъ.

Властное, блестящее положеніе монарховъ становится намъ понятнымъ, если мы отдадимъ себѣ отчетъ въ величинѣ подчиненныхъ имъ областей. Александръ властвовалъ надъ міровой державой, не выпадавшей на долю ни единаго смертнаго: она обнимала народы эллин-

ской, семитской, египетской, иранской и индійской культуръ. Но и послѣ его смерти три міровыя монархіи (оставивъ въ сторонѣ мѣньшія) являются государствами, которыя можно сравнить по ихъ протяженію съ современными великими державами. Впервые во всемірной исторіи мы застаемъ систему государствъ, въ которой взаимное равновѣсіе власти играетъ такую же роль, какъ и нынѣ въ пресловутомъ политическомъ равновѣсіи Европы. Громадное государство Селевкидовъ обнимало пространство въ $3^1/_2$ милл. кв. клм., или, исключая рѣдко заселенныя плоскогорія Ирана, около 600000 кв. клм. Государство Птолемеевъ составляло $^1/_5$ этого пространства (120000 кв. клм.), не считая обширныхъ, относящихся къ нему, пустынь; Македонія же обнимала въ періодъ своего наибольшаго протяженія $^3/_4$ величины Птолемеевскаго царства (90000 кв. клм.). И количествомъ населенія — приблизительно 30 милліоновъ — царство Селевкидовъ превышаетъ всѣ остальныя. Около $^1/_8$ (10 милл.) этого числа составляетъ густое населеніе Египта; населеніе же Македоніи опредѣляютъ въ 3—4 милл.

Варвары.

Разрушеніе Александромъ преградъ, отдѣлявшихъ эллинскій міръ отъ всѣхъ другихъ народовъ, такъ называемыхъ варваровъ, одна изъ величайшихъ культурныхъ заслугъ, извѣстныхъ всемірной исторіи. Поэтому, устанавливая всюду вліяніе греческаго духа, мы должны учитывать и сильное обратное вліяніе Востока. Отсутствіе предвзятости, проявляемое Александромъ въ этнографическомъ отношеніи, руководило имъ и въ политикѣ. Онъ сохранилъ въ широкомъ размѣрѣ особенности отдѣльныхъ частей своего государства, давая имъ часто возможность самимъ опредѣлять форму своего государственнаго строя. Этимъ объясняется, напримѣръ, одновременное существованіе въ Малой Азіи монархій, вольныхъ городовъ и храмовыхъ государствъ, что дѣлаетъ не лишеннымъ основанія сравненіе Александровой монархіи съ нѣмецкимъ государствомъ средневѣковья, опиравшимся на родъ ленной системы. Преемники Александра рѣшали этнографическую и связанную съ ней политическую проблему разными способами. Не можетъ быть рѣчи, конечно, о Македоніи, замкнутой въ обоихъ отношеніяхъ въ себѣ. Въ двухъ же другихъ міровыхъ государствахъ пути, по которымъ шелъ великій монархъ ради сліянія эллиновъ съ чужеземными элементами населенія, были оставлены. Такимъ образомъ нельзя сказать, осуществился ли бы когда-нибудь демонически-отважный планъ совершеннаго сліянія націй, составлявшій мечту Александра. Подобная проблема и теперь еще не утратила практическаго значенія, напримѣръ, въ польскомъ вопросѣ. Живо симпатизируя автохтонной культурѣ, особенно религіи Египта, Птолемеи исключали, однако, египтянъ изъ военной службы и должностей высшаго управленія; здѣсь сліяніе обоихъ національныхъ

элементовъ не осуществилось. Еще болѣе строгими эллинами остались Селевкиды, отвергавшіе бракъ съ туземными царевнами и восточную одежду. И тогда какъ Египетъ представлялъ, по крайней мѣрѣ, строгое политическое единство, царство Селевкидовъ страдало шаткостью, ставшей пагубной для его дальнѣйшаго существованія. При такомъ широкомъ сохраненіи національныхъ особенностей не могла сложиться—главнымъ образомъ, въ обширныхъ монархіяхъ—та сила, которая нѣкогда составляла гордость древняго города-государства и славу Рима—сплоченное гражданство.

Насажденіе городовъ.

Великая проблема эллинизаціи и сліянія эллиновъ съ варварами опирается главнымъ образомъ—какъ это ни странно—на новую форму того-же греческаго города-государства, которое составляло самое типическое явленіе древне-эллинской культуры (Э. К., стр. 66). Характерно возрожденіе греческой колонизаціи, прекратившейся съ половины VI вѣка съ развитіемъ новаго Персидскаго царства и съ расцвѣтомъ Карѳагена. Въ ту эпоху основателями колоній были отдѣльныя греческія племена; теперь колонизація исходитъ только отъ монарховъ, и грандіозность ея размѣровъ превосходитъ старую (Э. К., стр. 69 сл.).

Александру приписывается основаніе болѣе 70 городовъ; среди нихъ нѣкоторые сохранили еще міровое значеніе и понынѣ, какъ, напримѣръ: египетская Александрія; расположенная на югъ отъ Исса, имѣющая столь важное значеніе для Багдадской желѣзной дороги, нынѣшняя Александретта; города на мѣстѣ Герата и Кандагара; города въ мѣстностяхъ близъ Вавилона и при устьѣ Тигра, которые съ возрожденіемъ культуры вновь воскреснутъ, хотя, быть-можетъ, и не совсѣмъ на прежнихъ мѣстахъ.

Среди преемниковъ Александра первое мѣсто въ заботахъ о колонизаціи принадлежитъ Селевкидамъ; одному Селевку приписываютъ насажденіе 75 городовъ. Исполненные благоговѣнія къ родинѣ, Селевкиды основали въ своемъ молодомъ государствѣ вторую Македонію, перенося въ нее даже наименованія родныхъ рѣкъ и горъ. Въ сѣверной Сиріи было много ново-основанныхъ городовъ, получившихъ свои имена отъ городовъ Македоніи. Особенное значеніе пріобрѣли тѣ изъ нихъ, которые были названы по именамъ членовъ династіи Селевкидовъ: Антіохія съ морской гаванью Селевкіей, Лаодикея и Апамея. Среди многочисленныхъ городовъ Месопотаміи выдѣляется Селевкія на Тигрѣ, резиденція старшаго Селевка, основанная имъ на разстояніи одного дня пути отъ старой метрополіи Александра—Вавилона. Сѣть греческихъ городовъ раскинулась по Мидіи, Персіи, Парѳіи, вплоть до оазиса Мерва.

Особенно благодарную почву греческая колонизація, какъ и въ древнее время (Э. К., стр. 50), нашла въ Малой Азіи, главнымъ образомъ, на сѣверъ отъ Тавра, въ меньшей мѣрѣ на югѣ, въ Киликіи. Послѣ разрушенія государства Лисимаха, Селевкиды и повелители Пергама проявили усиленную колонизаторскую дѣятельность. Не отставали и властители небольшой Виѳиніи; основанная ими метрополія, Никомедія, стала со временемъ однимъ изъ важнѣйшихъ городовъ Азіи, сохранивъ и понынѣ свое значеніе.

По сравненію съ колонизаторской дѣятельностью Селевкидовъ работа Птолемеевъ кажется незначительной, ибо съ самымъ выдающимся городомъ эпохи эллинизма,

Александріей, и возникшей еще въ эллинскую эпоху, Навкратидой (Э. К., стр. 71) можно сравнить лишь Птолемаиду, представлявшую собою, подобно Александріи въ Нижнемъ Египтѣ, значительный центръ эллинизма въ Верхнемъ Египтѣ. Кромѣ того, въ Египтѣ существовалъ рядъ военныхъ колоній не-городского характера. Сравнительно незначительна колонизація Птолемеевъ въ подвластныхъ имъ странахъ южной Сиріи, гдѣ грозила реакція со стороны іудейства, на южномъ берегу Малой Азіи и у Краснаго моря.

Колонизаціонное движеніе, распространившееся отъ третьей міровой державы, Македоніи, по Иллиріи и Пэоніи, было слабо. Тутъ слѣдуетъ отмѣтить крупный портъ Деметріаду, Кассандрію и сохранившія значеніе и до нашихъ дней Салоники (Θессалоника).

Окинувъ общимъ взглядомъ это колонизаціонное движеніе, мы приходимъ къ выводу, что, за исключеніемъ нѣкоторыхъ періодовъ въ исторіи Сѣверной Америки, не существуетъ второй эпохи столь быстраго насажденія городовъ. Въ цѣляхъ этого насажденія ясно отдавалъ себѣ отчетъ уже Александръ. Это—до извѣстной степени военныя колоніи, и въ этомъ смыслѣ онѣ—прототипъ римскихъ. При покореніи великихъ областей съ преимущественно не-греческимъ населеніемъ, монархамъ нужны были центры, застрахованные отъ возстаній, внутри страны, пункты оплота отъ внѣшнихъ враговъ, особенно отъ натиска независимыхъ варварскихъ ордъ. Казалось также необходимымъ вознаградить и одновременно прочно расположить въ свою пользу войска, несшія многіе годы военную службу. Этимъ путемъ монархи создавали запасную военную силу, въ случаѣ необходимости всегда готовую ихъ поддержать. Поэтому и надѣлы землею назначались сообразно съ военнымъ рангомъ и служебными условіями, напр., такъ, чтобъ конному воину дать возможность содержать коня. Помимо чисто-милитаристическихъ разсчетовъ уже для Александра играли роль и глубокія соображенія экономическаго характера. Впервые не только избытку населенія Греціи, но и обѣднѣвшимъ его слоямъ открывается возможность искать на чужбинѣ заработокъ и въ лучшемъ случаѣ достигать благосостоянія. Возрожденіе ближняго Востока, быть-можетъ, и не очень отдаленное, обнаружитъ всему культурному міру, какъ использовала сокровища страны великая эпоха эллинизма, какъ путемъ основанія городовъ на надлежащихъ пунктахъ она открыла и обезопасила торговые пути въ далекія страны. Глубже всѣхъ своихъ преемниковъ преслѣдовалъ Александръ насажденіемъ городовъ и просвѣтительныя цѣли. Эллинская культура проникла въ нихъ не только черезъ посредство македонскихъ наемниковъ, но и благодаря всякаго рода художникамъ, представителямъ науки, врачамъ и учителямъ. Съ отвагой и цѣлесообразной энергіей Александръ стремился склонить варварскія страны къ греческой культурѣ и слить варваровъ съ эллинами.

Слiяніе варваровъ съ эллинами.

Хотя города, возникшіе во время эллинистической колонизаціи, не лежали обособленно среди варварской страны, подобно большинству колоній древне-эллинской эпохи, тѣмъ не менѣе, вызванный греческими городами великій процессъ *слiянiя* не вездѣ совершился равномѣрно и съ равной интенсивностью. Эллинской культурѣ во многихъ отношеніяхъ очень устойчиво противостоялъ оріентализмъ, часто открыто поощряемый политикой монарховъ. Различеніе трехъ полосъ эллинизма по интенсивности его вліянія въ общемъ правильно: оно сильнѣе всего въ Передней Азіи, затѣмъ слѣдуетъ Сирія, наконецъ, Египетъ. Въ городахъ греческій элементъ въ большинствѣ случаевъ одерживалъ верхъ, даже при сліяніи окрестныхъ варваровъ съ ихъ населеніемъ. Тѣмъ не менѣе, Александрія особенно ярко доказываетъ, что смѣшеніе и въ городахъ часто носило лишь внѣшній характеръ. Первенствующую роль здѣсь играли македонцы, затѣмъ слѣдовали греки, персы и другіе чужестранцы (рис. 9); особенно многочисленны были евреи, имѣвшіе большое значеніе въ торговой жизни; на послѣднемъ мѣстѣ стояли египтяне. Въ Малой Азіи эллинизація распространилась прежде всего изъ городовъ на прибрежныя страны, даже на негреческія Ликію и Памфилію; нѣдра же страны ей открывались медленно. Съ сѣвера энергично проникали въ М. Азію кельтскіе элементы, такъ что кельтскій языкъ здѣсь продержался до эпохи Имперіи. Многіе варварскіе обычаи сохранились у фригійцевъ; на ликаонскомъ языкѣ говорили до позднѣйшихъ временъ; Каппадокія продолжительное время противостояла греческой цивилизаціи. Въ Сиріи только города были эллинизованы, глубь страны оставалась варварской. Несмотря на перенесеніе столицы государства на дальній Востокъ, густота туземнаго населенія и климатическія условія не благопріятствовали укорененію греческаго элемента; напротивъ, онъ сталъ уступать восточному вліянію. Такимъ образомъ слѣдствіемъ грецизаціи для эллиновъ во многихъ случаяхъ являлось не повышеніе ихъ культурнаго уровня, а вырожденіе. Вопреки всѣмъ политическимъ мѣрамъ (стр. 6, 14) осуществлялось смѣшеніе расъ, возраставшее, главнымъ образомъ, благодаря наемничеству, пріобрѣтавшему все большее значеніе.

Рис. 9. ГОЛОВА НУБІЙЦА ИЗЪ КИРЕНЫ.
Бронза. Брит. Муз. Ср. Rayet, «Mon. de l'art. ant.», II, Tf. 14.
Живо схвачены и переданы этнографическія особенности нубійской расы: курчавые волосы, отлогій лобъ, выдающіяся скулы, толстыя губы.

Монархъ—высшая инстанція во всѣхъ областяхъ управленія: въ

Управленіе.

ЯРОСЛАВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА
ЯРОСЛАВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ОТДЕЛ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
Областной методический дошкольный кабинет
№

войскѣ, въ финансахъ, въ юрисдикціи и въ религіозныхъ дѣлахъ (послѣднее особенно въ Египтѣ). Если бы въ бо́льшемъ объемѣ сохранились эфемериды, т.-е. дѣловые дневники, которые монархи вели по примѣру Александра и которые можно сравнить съ современными сборниками узаконеній и постановленій правительства, они могли бы намъ дать представленіе объ огромной дѣятельности монарха. Онъ управлялъ государствомъ при помощи законовъ, указовъ и чиновничества.

Чиновники

Впервые въ исторіи въ великихъ міровыхъ державахъ выступаетъ на сцену пожизненное чиновничество. Представители его могли выработать гораздо болѣе совершенное и плодотворное умѣнье, чѣмъ это могла сдѣлать магистратура древняго города-государства, обыкновенно избираемая по жребію на годъ (Э. К., стр. 251 сл.). Въ одномъ отношеніи, правда, новое время уступаетъ старому: значеніе ораторскаго искусства падаетъ и мѣсто „демагоговъ“ занимаетъ дипломатъ, и въ ту отдаленную эпоху уже связанный „святымъ молчаньемъ“. Это чиновничество составляло іерархію, высшей ступенью которой былъ царь. Слѣдуетъ рѣзко разграничивать государственную и придворную службу, характерную для восточныхъ деспотій, но проникшую затѣмъ и на Западъ. Всѣ эти институты въ корнѣ дѣло Александра, пытавшагося и этимъ путемъ соединить Востокъ съ Западомъ. Только въ одномъ отношеніи эпигоны не слѣдуютъ по стопамъ великаго монарха: они отдаютъ явное предпочтеніе грекамъ передъ чужеземными элементами. Сыновья знатнѣйших*ъ македонскихъ вельможъ воспитываются въ государственномъ „пажескомъ“ корпусѣ, основанномъ Филиппомъ, и уже на школьной скамьѣ завязываютъ близкія отношенія съ царевичами, особенно съ наслѣдникомъ* престола. Но и греки рядомъ съ македонцами достигали высшихъ государственныхъ должностей, варвары же только въ единичныхъ случаяхъ.

Тѣлохранители.

Характерны для милитаристической базы Александровой монархіи царскіе тѣлохранители „древне-македонскаго происхожденія“; это непосредственные приближенные монарха, подобно нашимъ генералъ-адъютантамъ. При Александрѣ число ихъ достигало 8-ми. Изъ крупныхъ эллинистическихъ государствъ институтъ тѣлохранителей переходитъ въ Пергамъ, Сиракузы, даже въ Эпиръ. Монархъ при случаѣ даетъ имъ важныя порученія.

Первый министръ государства.

Насъ поражаетъ неопредѣленность функцій перваго министра государства, или, говоря языкомъ Востока, визиря. Александру и тутъ принадлежитъ инициатива. Онъ ясно увидѣлъ всю пользу такого замѣстительства монарха въ лицѣ высшаго чиновника-исполнителя, вѣдавшаго внѣшними дѣлами, управленіемъ провинцій и важными государственными процессами. Александръ довѣрилъ эту отвѣтственную должность своему близкому другу, Гефестіону, а затѣмъ Пердиккѣ. Впослѣдствіи эта инстанція власти (въ лицѣ чиновника ἐπὶ τῶν πραγμάτων) существо-

вала въ Сирійскомъ царствѣ и у пергамцевъ; въ другихъ государствахъ, даже въ Египтѣ съ его организованной чиновничьей іерархіей, ихъ не было.

Изъ обычаевъ Персидскаго царскаго двора была заимствована важная должность государственнаго секретаря, на обязанности котораго лежало формулировать указы монарха, налагать на нихъ печать и передавать ихъ по назначенію. При Александрѣ эту должность исполнялъ преданный и умный Эвменъ.—Разница между царской гвардіей и остальнымъ войскомъ, часто игравшая роковую роль, отражается въ должностяхъ, съ одной стороны, начальника гвардіи, на обязанности котораго лежала личная охрана монарха, и, съ другой стороны, государственнаго секретаря по военнымъ дѣламъ.—Во главѣ финансоваго управленія Александръ поставилъ высшее должностное лицо—генералъ-интенданта; его преемники сохранили это устройство, хотя въ царствѣ Селевкидовъ ко вреду монархіи сатрапы нерѣдко захватывали въ свои руки сборъ податей.—Такимъ образомъ, мы видимъ цѣльную систематизацію всѣхъ вѣтвей государственнаго управленія, изъ которыхъ каждая заканчивалась высшимъ должностнымъ лицомъ.

Сокретарь кабинета.

Военачальники.

Высшіе финансовые чиновники.

Подъ начальствомъ главнаго чиновника соотвѣтственныя должностныя лица группируются въ строго-іерархическомъ порядкѣ.

Іерархія чиновничества.

Монархи поступили мудро, слѣдуя примѣру Александра и сохраняя старое національное управленіе государствами. Персидскія сатрапіи продолжали существовать и только впослѣдствіи, при Селевкидахъ, нѣсколько разъ подвергались дѣленію. Помощниками главнаго сатрапа являлись военачальники; съ теченіемъ времени обѣ должности—управленія гражданскихъ и военныхъ дѣлъ—соединились въ рукахъ стратега. Въ Египтѣ Александръ и его преемники сохранили старое дѣленіе областей на „номы“. Но и тутъ главенствующаго номарха со временемъ замѣнилъ стратегъ, въ распоряженіи котораго былъ царскій „писецъ“. „Номы“ (области) дѣлились на „топы“ (округа) съ топархомъ во главѣ; „топы“ же, въ свою очередь, на „комы“ (селенья) съ комархомъ во главѣ; у всѣхъ этихъ чиновниковъ были помощники—секретари. Въ позднѣйшее время величина государства вызвала потребность соединенія областей въ болѣе крупныя единицы управленія, что и было сначала осуществлено въ эпистратегіи Ѳиваидѣ съ эпистратегомъ во главѣ; во времена имперіи остальная часть Египта была раздѣлена на двѣ дальнѣйшія эпистратегіи. Управленіе въ дальнихъ владѣніяхъ Птолемеевъ, соединенныхъ въ болѣе обширныя провинціи, какъ, напр., Кипръ, Кирена и др., было организовано проще. Стратеги, стоявшіе во главѣ ихъ, соединяли въ своихъ рукахъ веденіе военныхъ, гражданскихъ и финансовыхъ дѣлъ. Рядомъ съ этимъ существовало—напр., для городовъ Ликіи, Кикладъ и Кирены—избираемое отдѣльными городами провинціальное представительство, во главѣ котораго стояли соотвѣтственные, назначенные монархомъ, чиновники. Македонія, наконецъ, сохранила свое старое дѣленіе на автономныя общины и города, существовавшее при Филиппѣ. Только дальнія провинціи и въ Македоніи управлялись стратегами. Распредѣленію функцій гражданскаго управленія соотвѣтствовало распредѣленіе, часто соединеннаго съ нимъ, военнаго. Государственному секретарю военныхъ дѣлъ были подчинены секретари гарнизоновъ отдѣльныхъ провинцій, имъ же, въ свою очередь, секретари отдѣльныхъ военныхъ отрядовъ. Финансовымъ интендантамъ были подвластны интенданты провинцій; имъ же

множество низшихъ должностныхъ лицъ; къ числу ихъ принадлежатъ сыгравшіе столь важную культурную роль инженеры водныхъ путей въ Египтѣ и Вавилонѣ.

Придворная служба.

Исключительно придворную службу несутъ, конечно, главный стольникъ, главный кравчій, егермейстеръ и камергеры. Всѣ эти должности заимствованы изъ восточнаго придворнаго церемоніала. Такимъ образомъ, многія знакомыя намъ черты западной придворной жизни

Рис. 10. ЗДАНІЕ СОВѢТА ВЪ МИЛЕТѢ (Булевтеріонъ).
(Ср. С. III, b). Съ фотографіи.

средневѣковья и нашего времени заимствованы съ Востока черезъ посредство эллинистической культуры.

Судъ.

Изъ объединенныхъ въ лицѣ монарха видовъ власти только судебная настолько сосредоточена въ его рукахъ, что отдѣльныя должностныя лица подчинены ему непосредственно; подобно этому судья и въ наше время отправляетъ правосудіе „именемъ монарха“. До извѣстной степени независимо развивается жречество.

Городъ-государство.

Наряду съ монархіей и въ эллинистическое время широко и въ полной, повидимому, силѣ продолжаетъ существовать старая государственная форма эллинской эпохи—городъ-государство (по́лисъ, Э. К., стр. 66).

Эту древне-демократическую форму принимаютъ большей частью и вновь основанные монархами города, даже военныя колоніи. Очень рѣдко монархъ вторгался въ ихъ самостоятельность настолько, чтобы предоставить управленіе общинами царскимъ чиновникамъ подобно тому, какъ пергамцы поступили въ Андросѣ и Эгинѣ. Въ большинствѣ случаевъ онъ довольствовался проявленіемъ своего вліянія на городъ, пользуясь правомъ имѣть въ немъ гарнизонъ и черезъ посредство гарнизоннаго начальника требовать къ себѣ для отчета высшее должностное лицо общины. Такъ, напр., поступалъ пергамскій царь со стратегами и экзегетами. Въ Александріи не только главное должностное лицо города, „экзегетъ", назначался монархомъ, но и начальники полиціи, пожарной команды, главный судья и правитель архива. Если негреческія общины, какъ, напр., въ Ликіи и Финикіи, и имѣли сходный съ греческимъ строй, то все же политически неправоспособное восточное населеніе управлялось государственными чиновниками; такъ было и въ Египтѣ, гдѣ только три (стр. 16) греческихъ города сохраняли нѣкоторое время самоуправленіе. Но въ большинствѣ греческихъ городовъ оно удержалось въ старой формѣ. Вплоть до временъ римской имперіи совѣтъ (рис. 10), народъ и множество чиновниковъ играли большую роль: рьяно постановлялись рѣшенія и издавались законы, торжественно даровались права гражданства и другія почести (Э. К., стр. 244 сл.), какъ въ древне-эллинское время. Тѣмъ не менѣе, въ старыхъ формахъ (рис. 11) жилъ уже новый духъ: городъ-государство, какъ городская республика, отжилъ свой вѣкъ. Государственная жизнь превращается въ городскую. Магистраты, объединяемые теперь въ родъ коллегіи, нерѣдко значеніемъ превосходятъ совѣтъ. Для высшаго должностного лица и въ городахъ принятъ титулъ стратега. Въ связи съ большимъ развитіемъ торговли очень важное значеніе пріобрѣтаютъ надзиратели рынка, которымъ часто принадлежатъ полицейскія и судебныя функціи. Возникаетъ уже теперь и наболѣвшій впослѣдствіи вопросъ о раздачахъ

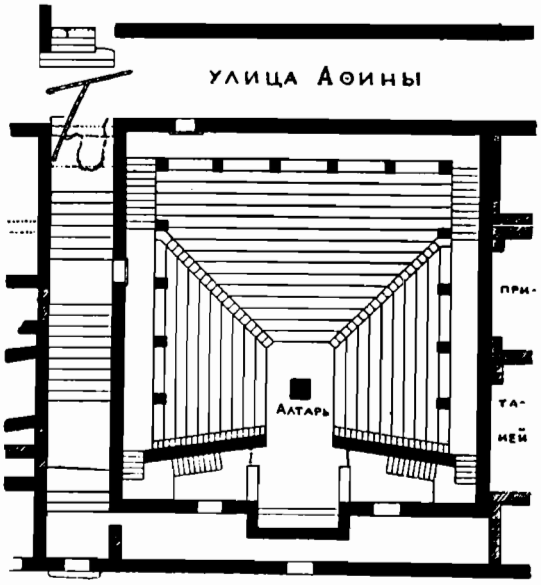

Рис. 11. ЗДАНІЕ НАРОДНАГО СОБРАНІЯ ВЪ ПРІЕНѢ (Экклесіастеріонъ); ср. С. III, 4. «Priene», рис. 211.

хлѣба и требуетъ отъ времени до времени особо назначенныхъ чиновниковъ. Насъ поражаетъ большое значеніе, которое пріобрѣтаетъ вопросъ о воспитаніи юношества и о назначеніи соотвѣтственныхъ для рѣшенія этихъ дѣлъ должностныхъ лицъ (ср. А, 5). Въ связи съ увлеченіемъ юношества спортомъ, въ связи съ другими явленіями, какъ, напр., расцвѣтъ торговли и проникновеніе чужеземныхъ культовъ, начинаетъ развиваться жизнь корпорацій, парализующая интересъ къ государственной жизни и много способствующая національной и соціальной нивелировкѣ. Въ союзахъ художниковъ, посящихъ до извѣстной степени интернаціональный характеръ, это теченіе рѣшительно несовмѣстимо съ нормами стараго государственнаго права (ср. А, 6).

Города. Среди греческихъ городовъ, о которыхъ рѣчь еще будетъ многократно, Спарту и Ѳивы придется упоминать по поводу печальныхъ явленій въ ихъ жизни, тогда какъ, рядомъ съ торговымъ городомъ Коринѳомъ, Аѳины все еще сохраняютъ высокое культурное значеніе.

Аѳины. Аѳины переживаютъ въ области политической жизни свою послѣднюю фазу. Стремленіе стать подъ покровительство монарховъ, въ честь которыхъ называются даже вновь основанныя филы, и попытки ограничить разнузданную демократію — характерныя черты этого періода. Такъ, напр., число гражданъ ограничивается въ связи съ установленіемъ высокаго имущественнаго ценза, возникаютъ охранители законовъ, дѣлаются попытки возстановить древній надзоръ ареопага надъ нравами (Э. К., стр. 87, 254), пока, наконецъ, римляне усиленіемъ магистратской власти окончательно не придаютъ строю аристократическаго характера. И въ Аѳинахъ на сцену выступаетъ сила властнаго индивидуума; государство находится временами въ зависимости отъ людей, управляющихъ имъ на подобіе древнихъ тирановъ; памятнѣе всѣхъ остальныхъ намѣстничество Деметрія Фалерскаго (ср. стр. 4).

Малая Азія. Расцвѣтъ городовъ, какъ и въ древнее время (Э. К., стр. 50, 71), особенно интенсивенъ въ Малой Азіи. Благодаря новѣйшимъ раскопкамъ мы объ этомъ расцвѣтѣ въ эллинистическую эпоху знаемъ особенно много. Кромѣ городовъ на берегу Чернаго моря, какъ Синопъ и Гераклея, мы видимъ на культурномъ западномъ берегу, близъ царскаго Пергама, расположеннаго въ глубинѣ страны (рис. 12), Лампсакъ съ цвѣтущей торговлей, ключъ къ Геллеспонту, Абидосъ, древнюю Смирну, въ III столѣтіи вновь достигнувшую большого значенія, Эфесъ, знаменитый древнѣйшимъ, своеобразнымъ культомъ Артемиды, Магнесію съ пріобрѣтеннымъ въ то время при посредствѣ чуда культомъ богини Артемиды, красиво расположенную на горѣ, вновь основанную Пріену — малоазійскія Помпеи,—наконецъ, Милетъ съ богатой промышленностью

Острова. и прекрасными портами. Богато расцвѣли и острова, какъ пользовавшіеся самостоятельностью, подобно Хіосу, такъ и зависимые отъ Египта, какъ Самосъ, Косъ, древній центръ медицинскаго искусства, и Ѳера, имѣвшая столь важное значеніе для колоніальной жизни Египта, или, наконецъ, имѣвшій міровое значеніе, какъ торговое и ганзейское госу-

дарство, Родосъ—древняя Венеція. Важнѣйшіе изъ многочисленныхъ, вновь основанныхъ царскихъ городовъ уже перечислены (стр. 15 сл.). Характерной же чертой для развитія города-государства—во всѣхъ отношеніяхъ, особенно же въ политическомъ—является возникновеніе городовъ съ міровымъ значеніемъ, по величинѣ равныхъ городамъ нашего времени, хотя и не самымъ большимъ. Число жителей Александріи, Антіохіи и Селевкіи достигаетъ полумилліона. Сиракузы же сохранили свое прежнее, по древнимъ понятіямъ изумительное число населенія въ 100000 чел. Міровые центры.

Третьей формой государственности, въ сущности созданной эллинистической эпохой, и самой совершенной съ точки зрѣнія государственно- Союзныя государства.

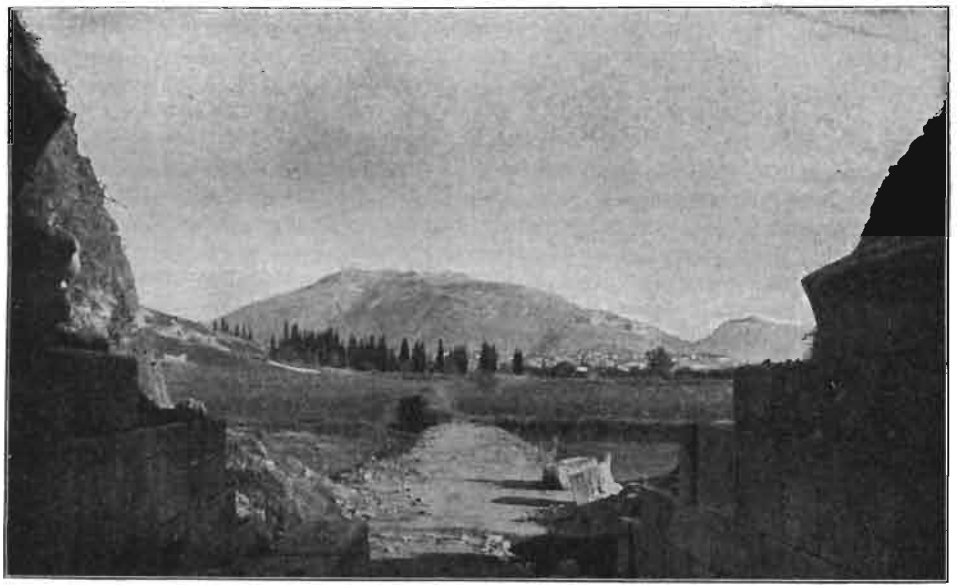

Рис. 12. АКРОПОЛЬ ПЕРГАМА.
Фотографія снята съ пургана Малъ-Тепе. Сквозь кипарисы видѣются дома современной Бергамы.

правовой является союзное государство. Вліяніе этихъ союзовъ при ихъ незначительной величинѣ и узости жизненныхъ условій было незначительно и недолговѣчно. Тѣмъ не менѣе, изученіе перваго опредѣленнаго появленія въ исторіи государственнаго строя, лежащаго въ основѣ строя современной Германіи, представляетъ большой интересъ. Трудныя историческія условія того времени сплотили греческія общины: онѣ не были въ силахъ самостоятельно защищаться и не желали ставить себя въ зависимость отъ помощи монарха, могущей стать роковой. Возникаютъ государственныя формы, прототипомъ которыхъ врядъ ли можно считать непрочные союзы, группировавшіеся вокругъ святилища, подобно амфиктіоніямъ (Э. К., стр. 130, 131), или безсильныя передъ отдѣльными

общинами сплоченія племенъ средней и сѣверной Греціи, какія мы видимъ у акарнанцевъ, фокійцевъ, ѳессалійцевъ, главнымъ же образомъ, беотійцевъ. Такими союзными государствами, даже разноплеменныхъ общинъ, были: этолійскій союзъ, распространившійся особенно въ средней Греціи, но вліявшій даже на острова и Аркадію, и ахейскій въ Пелопоннессѣ. Въ обоихъ союзахъ греки не считались съ географическими границами, задерживавшими развитіе другихъ союзовъ. Однако, древній союзный строй базировался еще на древнемъ городскомъ строѣ, что должно было уменьшать его значеніе.

Правда, членамъ отдѣльныхъ общинъ было предоставлено право заключать браки съ членами союзныхъ общинъ и пріобрѣтать недвижимую собственность въ ихъ территоріяхъ. Мѣры, вѣсъ и монета, равно какъ и основные законы, были одинаковы для всѣхъ. Однако, во внутреннемъ управленіи, построенномъ на демократическихъ основахъ, каждая община замыкалась въ себѣ. Центральная правительственная власть союза вѣдала лишь внѣшнія дѣла, вопросы о войнѣ и мирѣ, заключала договоры и вела войну. Она воплощалась въ общемъ союзномъ собраніи, на которое всякій членъ союзнаго государства имѣлъ право явиться. Союзное собраніе собиралось нѣсколько разъ въ годъ—по крайней мѣрѣ, у ахейцевъ — и не только въ исключительныхъ случаяхъ. Голосованіе происходило по городамъ. По образцу древняго городского строя у каждаго союза былъ „союзный совѣтъ“, постоянный у этолійцевъ, періодическій, повидимому, у ахейцевъ; совѣтъ рѣшалъ дѣла меньшей важности. Подобно союзному совѣту Германіи каждому городу принадлежало число голосовъ, соотвѣтственно его величинѣ. Первоначально въ обоихъ союзахъ высшее управленіе было по республиканскому образцу поручено коллегіи чиновниковъ; впослѣдствіи этотъ принципъ былъ разумно замѣненъ монархическимъ: во главѣ союза стоялъ лишь одинъ магистратъ, титулъ котораго—стратегъ (полководецъ)—ясно свидѣтельствовалъ о главной цѣли союза въ тѣ тревожныя времена. Этотъ избираемый на годъ президентъ является исполнителемъ всѣхъ постановленій, у него хранится печать союза. Въ соотвѣтствіи съ демократическимъ принципомъ, власть его была ограничена особой коллегіей. Его помощникомъ, какъ предводителя на войнѣ, былъ гиппархъ—начальникъ конницы, замѣнявшій стратега въ случаѣ необходимости; вторымъ помощникомъ его является навархъ или адмиралъ. Административными дѣлами союза у этолянъ завѣдывали секретарь и хранитель казны; отъ времени до времени назначались номографы, для пересмотра узаконеній. Всѣ должностныя лица союза избирались союзнымъ собраніемъ на годъ. Хотя высшая должность считалась годовой, выдающимся лицамъ ее предоставляли повторное число разъ—извѣстнаго Арата въ ахейскомъ союзѣ переизбирали до 17 разъ.

Какъ ни идеальна, по существу, идея подобнаго союзнаго государства, его значеніе уменьшается благодаря соединенію въ одномъ лицѣ функцій полководца и правителя государства, полной зависимости союза, при отсутствіи систематической нормировки, отъ произвольнаго рѣшенія отдѣльныхъ общинъ, а также благодаря пополненію финансовъ союзной казны только взносами отдѣльныхъ общинъ и зависимости союза отъ контингентовъ союзнаго войска.

2. ПРАВО

При всей скудости источниковъ, право эпохи эллинизма заслуживаетъ тѣмъ бо́льшаго вниманія, что оно, по мнѣнію Миттейса, величайшаго знатока въ данной области—„если не формальной законченностью, то внутреннимъ идейнымъ богатствомъ равноцѣнно римскому, а этическимъ содержаніемъ, быть-можетъ, даже превосходитъ его“. Такъ какъ въ Римѣ даже въ эпоху имперіи восточная часть государства, замкнутая въ себѣ, всегда противостояла западной, то для дальнѣйшей эволюціи права большой интересъ имѣетъ эллинистическая фаза его развитія, препятствовавшая до извѣстной степени воспріятію Востокомъ права римскаго. Она сохраняетъ свое значеніе какъ „народное право“ въ противоположность праву „государственному“. Такимъ образомъ, благодаря послѣднимъ изслѣдованіямъ въ области эллинизма, изученіе римскаго права вступило въ совершенно новую стадію. Эллинистическое право.

Впрочемъ, и въ предѣлахъ эллинизма мы находимъ въ области правовой разные пути развитія. На ряду съ нормами, возникшими въ греческихъ городахъ на почвѣ древне-эллинской правовой жизни, мы видимъ юридическія нормы монархій.

Наибольшій интересъ, разумѣется, представляетъ для насъ развитіе права въ великихъ міровыхъ государствахъ. Здѣсь и въ данной области стекаются разныя вліянія: рядомъ съ греческимъ вліяніемъ имѣютъ значеніе древне-македонское и восточное. Благодаря властному положенію эллинистическихъ монарховъ возникаетъ убѣжденіе въ полной несвязанности ихъ закономъ. Личность монарха воплощала въ себѣ правовую защиту. Уже во времена Птолемеевъ рабъ, молящій о защитѣ передъ статуей царя, былъ неприкосновененъ. Въ одной лишь Македоніи мы находимъ признаніе высокаго значенія древней народной общины или, имѣвшаго равную силу, военнаго собранія. Только этотъ органъ произноситъ смертный приговоръ, но и эта прерогатива естественнымъ образомъ переходитъ со временемъ къ монарху. Въ государственныхъ процессахъ государственный совѣтъ (стр. 11 сл.) былъ родомъ высшаго судилища, состоящаго изъ „друзей“ монарха. Не имѣя возможности всѣ дѣла рѣшать лично, монархъ назначалъ судей, оставаясь высшей инстанціей, къ которой апеллировали, которая утверждала всѣ смертные приговоры. Эти царскіе судьи разсылались по всей Малой Азіи съ правомъ судопроизводства надъ туземнымъ населеніемъ; греческіе же города сохраняли право собственнаго судопроизводства, поскольку оно не находилось въ рукахъ царскихъ гарнизонныхъ начальниковъ. Міровыя монархіи.

Египетъ. Государственное судопроизводство.

Въ Египтѣ условія государственнаго судопроизводства мы можемъ прослѣдить точнѣе. Судьями здѣсь являются, повидимому, отдѣльные чиновники или коллегіи ихъ. При этомъ Александрія находилась на особомъ положеніи. Только о сельскихъ судахъ наши свѣдѣнія болѣе подробны. Здѣсь существовало два вида судовъ, ярко иллюстрирующихъ національное дѣленіе на египтянъ и на грековъ. Рядомъ съ древнѣйшимъ высшимъ трибуналомъ лаокритовъ, т.-е. „народныхъ судей", съ замысловатымъ письменнымъ веденіемъ дѣла, мы видимъ со временъ Птолемеевъ греческихъ хрематистовъ, прибѣгавшихъ лишь къ устному дѣлопроизводству. Выборъ того или другого состава суда совершался въ зависимости отъ языка актовъ, на которые опирался разбираемый процессъ. И здѣсь, однако, эллинизмъ сдѣлалъ постепенно большія завоеванія. Греческій судъ захватывалъ все больше и больше компетенцію суда лаокритовъ. Эти греческія комиссіи хрематистовъ, каждая въ составѣ трехъ судей, секретаря, низшаго чиновника и эйсагога, т.-е. лица, дающаго ходъ тяжбѣ принятіемъ жалобы и представленіемъ ея суду, исполняли, вѣроятно, свое назначеніе какъ странствующіе судьи, дабы не отрывать сельскаго населенія отъ полевыхъ работъ. Это явленіе напоминаетъ намъ подобное же явленіе въ лицѣ областныхъ графовъ Карла Великаго. Въ частныхъ процессахъ должностнымъ лицамъ принадлежала, повидимому, лишь роль посредниковъ, такъ что судъ и чиновничество являются опредѣленно разграниченными.

Для иллюстраціи веденія гражданскаго процесса приводимъ докладъ сельскаго эпистата стратегу о приглашеніи въ мировой судъ и о безуспѣшности этого приглашенія (въ 221 году до Р. Хр.): „Мосхіонъ привѣтствуетъ Діофана. Мнѣ врученъ Доримахомъ искъ къ Діонисію, въ которомъ онъ проситъ позаботиться о возстановленіи его права. Вызвавъ Діонисія, я ему прочелъ искъ и потребовалъ признанія правъ Доримаха; когда же Діонисій сталъ отрицать принадлежность Доримаху упомянутаго въ жалобѣ имущества, я его 7-го Фармуѳія послалъ къ тебѣ. Привѣтствую тебя! Въ 15-мъ году, 5-го Фармуѳія. Мосхіонъ".

Документы.

Богатство документовъ, особенно же разнообразіе формъ частныхъ актовъ, составляютъ характерную черту греческой правовой жизни Египта. Кромѣ частныхъ актовъ, мы имѣемъ документы, составленные передъ нотаріатомъ агораномовъ, т.-е. надзирателей рынка. Образцомъ послѣднихъ, повидимому, послужили акты, составляемые туземцами передъ оффиціальнымъ монографомъ. Впослѣдствіи не только высшіе судьи, но и низшіе государственные чиновники свидѣтельствовали документы, относившіеся къ области ихъ управленія. Насъ поражаютъ въ документальныхъ данныхъ установленіе примѣтъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ: указываются годы, ростъ, цвѣтъ лица, формы его и особыя примѣты. До времени Діоклетіана регистрировались и частные документы, служа основой для сбора соотвѣтственнаго налога.

Семейное право.

Особенно интересно прослѣдить развитіе семейнаго и имущественнаго права въ Египтѣ.

Бракъ.

У коренныхъ египтянъ, кромѣ документально закрѣпленнаго [такъ называемаго „записаннаго"] брака, нерасторжимаго безъ особыхъ причинъ и матеріально обезпечивающаго дѣтей, существовала вторая форма, менѣе связывающая, расторжимая безъ законнаго штрафа, при которой приданое и права наслѣдства дѣтей закономъ не нормировались. У рековъ Египта узаконенію брачнаго союза предшествовали, подобно обычаямъ нашего времени, оффиціальное объявленіе о немъ и религіозная санкція хіерофитовъ. Вопросъ о приданомъ нормированъ во всѣхъ случаяхъ. Оно не переходитъ во

владѣніе мужа, но и жена не имѣетъ права распоряжаться имъ свободно; мужъ отвѣчаетъ за него въ размѣрѣ его денежной стоимости. Жена свободно располагаетъ лишь частью его, состоящей въ большинствѣ случаевъ изъ предметовъ женскаго туалета. Какъ и въ древне-греческомъ правѣ, при раздѣлѣ наслѣдства приданое принимается въ разсчетъ. При пользованіи капиталомъ ни одному изъ супруговъ не было предоставлено право располагать имъ независимо отъ другой стороны.

Греческій брачный контрактъ 311/310 г. до Р. Хр.: „Въ седьмой годъ царствованія Александра, сына Александра, и въ 14-годъ сатрапіи Птолемея. Мѣсяцъ Діосъ. Актъ о бракосочетаніи Гераклида и Деметріи. Гераклиду дается въ законныя жены уроженка Коса, Деметрія, ея отцомъ, Лептиномъ, изъ Коса и матерью Филотисъ; ему, свободному, дается свободная, приносящая съ собою парядами и драгоцѣнностями 1000 драхмъ; да предоставитъ Гераклидъ Деметріи сколько подобаетъ свободной женщинѣ, мы же должны поступать, какъ лучше всего покажется при совмѣстномъ обсужденіи Лептина и Гераклида. Если же Деметрія будетъ застигнута въ дурномъ поступкѣ, позорящемъ ея мужа Гераклида, да лишится она всего, что ей принадлежало; Гераклидъ же пусть заявитъ, въ чемъ онъ обвиняетъ Деметрію, въ присутствіи трехъ свидѣтелей, вызванныхъ обѣими сторонами. Но и Гераклиду воспрещается взять въ свой домъ, въ обиду Деметріи, другую женщину, имѣть дѣтей отъ другой, или оскорблять Деметрію подъ какимъ-либо предлогомъ. Если же Гераклидъ будетъ застигнутъ въ чемъ-либо изъ сказаннаго, и Деметрія объявитъ объ этомъ передъ тремя свидѣтелями, вызванными обѣими сторонами, Гераклидъ обязанъ вернуть Деметріи приданое, полученное ею, т.-е. 1000 драхмъ, и приплатить александрійской монетой 1000 драхмъ. Взысканіе же должно быть произведено, какъ по законному приговору суда, Деметріей и сторонниками ея съ самого Гераклида и всего его имущества на сушѣ и на морѣ. Этотъ актъ имѣетъ силу во всѣхъ случаяхъ, какъ-будто онъ заключенъ тамъ, гдѣ сошлются на него Гераклидъ или Деметрія и защитники ея. Гераклиду и Деметріи предоставлено право самимъ сохранять этотъ документъ и ссылаться на него. Свидѣтели: Клеонтъ изъ Гелы, Лисій изъ Темны, Антикратъ изъ Темны, Аристомахъ изъ Кирены, Аристодикъ изъ Коса“.

Наслѣдственное право.

Въ наслѣдственномъ правѣ Египта вплоть до эпохи имперіи характерно стремленіе обезпечить имущество за дѣтьми, оставивъ за родителями только право пользованія имъ. Завѣщаніе, при составленіи котораго обыкновенно присутствовало шестеро свидѣтелей, со времени Птолемеевъ становится обычнымъ и у туземцевъ. Существуютъ также обычай наслѣдственныхъ договоровъ между супругами и наслѣдственный раздѣлъ между дѣтьми на случай смерти родителей. Наряду съ опекой надъ несовершеннолѣтними, которую можетъ взять на себя и мать, существуетъ опека надъ женщиной, распространившаяся у туземцевъ лишь съ I столѣтія до Р. Хр.

Имущественное право.

Многочисленныя постановленія нормируютъ вопросы имущественнаго права. Древне-египетское мѣстное право требуетъ, чтобы сумма неуплаченныхъ процентовъ не превышала капитала. Согласный съ греческимъ правомъ той эпохи законъ взысканія съ должника въ египетскихъ документахъ допускаетъ принудительное взысканіе безъ судебнаго приговора. Обязательство арендатора въ эллинистическое время замѣняется письменными договорами обѣихъ заинтересованныхъ

сторонъ. Годовая аренда теперь часто замѣняется многолѣтней.— Особенно детально по сравненію съ римскимъ разработано залоговое право.

Обычай римскаго закладного права, по которому залогодатель взыскивалъ выданную имъ ссуду путемъ продажи залога, въ Египтѣ не существовалъ. Происходила только обезпечительная передача, при чемъ должникъ сохранялъ право пользованія закладомъ, если это не было оговорено иначе, не имѣя, однако, ни права продажи, ни права перезалога. Рядомъ съ этимъ существовала настоящая гипотека, оставлявшая до опредѣленнаго срока объектъ ссуды во владѣніи должника. Въ противоположность римскому залоговому праву, взысканіе заклада могло быть совершено лишь при помощи суда.

Право купли и продажи. Право купли и продажи движимаго и недвижимаго имущества въ Египтѣ также отличалось детальной и притомъ разнообразной, въ зависимости отъ объекта сдѣлки, разработкой.

При продажѣ недвижимости заключались два акта: „актъ о серебрѣ“ и „актъ объ отсутствіи“. Первый содержитъ соглашеніе сторонъ и квитанцію покупщика, второй формулируетъ обязанности продавца по отношенію къ покупателю и соотвѣтствуетъ нашему обычаю записыванія имущества на чье-либо имя. При всякой покупкѣ имѣется въ виду наличный платежъ, хотя бы фиктивный. При покупкѣ движимостей ограничиваются одностороннимъ актомъ, т.-е. заявленіемъ продавца и его квитанціей. Двухсторонніе акты составляются иногда при продажѣ раба, совершаемой, повидимому, съ большей осторожностью.

Греческіе города. Въ греческихъ городахъ, какъ въ основанныхъ монархами, такъ и въ зависимыхъ отъ нихъ, въ общемъ имѣли силу эллинскія правовыя нормы (Э. К., 86 сл., 257 сл.). Замѣчается, однако, сильный упадокъ старыхъ судовъ присяжныхъ. Право взысканія, раньше строго нормированное, широко предоставлялось должностнымъ лицамъ, слѣдящимъ за общественнымъ порядкомъ, и на ихъ постановленія врядъ ли существовала апелляція къ суду присяжныхъ. Такой судъ продолжалъ существовать, быть-можетъ, для старыхъ „письменныхъ“ жалобъ (Э. К., стр. 88). Однако, совершенный упадокъ значенія судебныхъ рѣчей въ литературѣ, начиная съ III ст., доказываетъ призрачность его существованія.

Въ высокой степени странное явленіе этого времени — обычай предоставлять веденіе частныхъ дѣлъ судьямъ, вызваннымъ изъ союзнаго города. Эти частные судьи— не спеціалисты—сначала дѣлаютъ попытки покончить несогласія сторонъ мировой сдѣлкой. При неудачѣ подобной попытки, они часто рѣшаютъ многочисленные процессы по закону, и какъ ихъ, такъ и пославшія ихъ общины, по свидѣтельству надписей, вознаграждаетъ общая признательность. Съ другой стороны, мы съ удивленіемъ видимъ, что въ собственной Греціи суды годами бездѣйствуютъ, такъ что кредиторъ въ это время не былъ въ состояніи добиться удовлетворенія.

Третейскіе суды. По свидѣтельству документовъ, разногласія отдѣльныхъ городовъ отнынѣ часто рѣшаются третейскими судами, если за разсмотрѣніе дѣла не возьмется самъ монархъ. Странное явленіе эпохи, отра-

жающееся и въ правовой жизни (ср. А, 6), мы наблюдаемъ въ расширившемся правѣ убѣжища, т.-е. мѣста защиты отъ законнаго пре- Право убѣжища.
слѣдованія.

При всемъ многообразіи описанныхъ юридическихъ формъ слѣдуетъ помнить, что передъ нами эпоха оживленнѣйшихъ сношеній грековъ между собой, время, въ которое право гражданства отдѣльному лицу могло быть даровано цѣлымъ рядомъ греческихъ общинъ. Такимъ образомъ происходятъ естественный обмѣнъ и нивелировка въ области права.

3. ФИНАНСЫ

Вся прочность государства въ эллинистическое время—при его Монархіи.
значительномъ богатствѣ въ гораздо бо́льшей степени, чѣмъ въ древнегреческое—должна была основываться на упорядоченномъ финансовомъ хозяйствѣ. Исключительное значеніе финансовыхъ средствъ для эллинистическихъ монархій иллюстрируетъ примѣръ Пергамскаго царства, которое могло быть основано Филетеромъ (рис. 13) лишь благодаря тому, что въ рукахъ его, какъ командующаго крѣпостью, при распаденіи мірового государства Лисимаха осталась богатѣйшая казна. Къ сожалѣнію, наши источники въ этомъ важномъ вопросѣ весьма скудны; здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, наше изложеніе до извѣстной степени ограничится Египтомъ, о которомъ обильный документальный матеріалъ папирусовъ даетъ намъ богатыя свѣдѣнія (ср. А, 5). Впрочемъ, Египетъ выдвигаетъ на первое мѣсто не только случайность уцѣлѣвшихъ памятниковъ, но и финансовое значеніе.

Рис. 13. ТЕТРАДРАХМА ЕВМЕНА I.
Cp. Brit. Mus. Cat. of Coins. Mysia, Tf. 24.
Грубоватая голова изображаетъ Филетера; онъ, какъ основатель династіи, изображенъ на всѣхъ монетахъ Атталидовъ. На оборотѣ монеты изображена сидящая на тронѣ Паллада, свидѣтельствующая о древности культа Аѳины въ Пергамѣ. Символическая случайность—Пергамъ и Аѳины поклонялись одной и той же богинѣ-покровительницѣ.

Финансовое хозяйство во всѣхъ трехъ великихъ монархіяхъ, есте- Доходы. Землевладѣніе.
ственнымъ образомъ, прежде всего, опирается на крупное землевладѣніе. Македонія, управляемая на патріархальныхъ началахъ, главнымъ образомъ, зависѣла, повидимому, отъ этихъ доходовъ. Поэтому царская щедрость, проявляемая по примѣру отца уже Александромъ, могла сыграть роковую роль, награждая широкими земельными раздачами вѣрное войско и уменьшая тѣмъ самымъ эти доходы.

Селевкиды унаслѣдовали, сохранившіеся со временъ Персіи, значительныя домэны, уменьшившіеся такъ же, какъ въ Македоніи, путемъ продажи, главнымъ же образомъ, благодаря широчайшему насажденію городовъ; это уменьшеніе царскихъ имѣній въ связи съ расцвѣтомъ городовъ должно было привести государство къ гибели. Не менѣе значительно было крупное землевладѣніе монарховъ и въ Египтѣ, гдѣ подъ вліяніемъ древняго государственнаго права фараоновъ на монарховъ смотрѣли какъ на единственныхъ собственниковъ земли; поэтому доходы съ царскихъ домэновъ здѣсь, вѣроятно, значительно превышали доходъ отъ земельнаго налога. Большую часть этой царской земли употребляли подъ хлѣбопашество; о другихъ способахъ ея эксплуатаціи въ Египтѣ мы скажемъ ниже. По естественнымъ условіямъ въ составъ этихъ царскихъ домэновъ могли входить и лѣса, какъ напр., въ Македоніи и Сиріи, и у Птолемеевъ на Кипрѣ.

Въ свое время Сципіонъ Младшій испросилъ себѣ въ качествѣ почетнаго дара право охоты въ обширныхъ лѣсахъ Македоніи; роскошныя кедровыя ливанскія рощи принадлежали Селевкидамъ. Громадные пальмовые лѣса и пастбища составляли имущество Птолемеевъ и Селевкидовъ; кромѣ того, у нихъ были, съ давнихъ временъ традиціонные въ Передней Азіи, конскіе заводы. Македонскіе монархи располагали богатѣйшими рудниками, главнымъ образомъ, въ открытыхъ Филиппомъ золотыхъ и серебряныхъ розсыпяхъ Пангэя; значительный доходъ приносили египетскому царю золото, топазы и мѣдь Кипра, острова, давшаго этому металлу его имя.

Коронное право и монополіи.

Многочисленны были также регаліи и монополіи. Къ привилегіямъ охоты въ египетскихъ казенныхъ лѣсахъ (въ Египтѣ существовала, организовавшая государствомъ, охота на слоновъ) присоединяются привилегіи рыболовства, перешедшія отъ фараоновъ къ Птолемеямъ.

Соляная монополія, игравшая вплоть до новаго времени столь важную роль, существовала въ царствѣ Селевкидовъ и Птолемеевъ. Птолемеямъ принадлежала также монополія на рудники, каменоломни, на добываніе натра, квасцовъ, на изготовленіе масла, добывавшагося въ то время въ Египтѣ не изъ оливокъ, и на добываніе киренскаго гладыша (Э. К., 70, рис. 62). Существовали въ Египтѣ и монопольныя царскія мануфактуры полотна, тонкихъ матерій, а также дававшія большой доходъ государственныя торговыя станціи на Красномъ морѣ.

Налоги.

Дальнѣйшій источникъ казенныхъ доходовъ составляли налоги. Въ связи съ высокимъ значеніемъ земледѣлія земельный налогъ— наиважнѣйшій изъ нихъ. Кромѣ того, въ Египтѣ существовало множество косвенныхъ налоговъ. Взимались налоги и съ имущества.

Въ эпоху паденія Македонской монархіи земельный налогъ достигалъ все еще 200 талантовъ (почти 1 милл. марокъ). Въ то время какъ въ царствѣ Селевкидовъ этотъ налогъ взимался въ размѣрѣ десятой доли урожая, въ Египтѣ, типичной странѣ земледѣлія, его взимали въ размѣрѣ, установленномъ разъ навсегда въ зависимости отъ качества почвы и характера ея использованія. При этомъ существовавшіе уже при Фараонахъ кадастры ежегодно тщательно провѣрялись межевщиками; необходимость такой провѣрки вызывалась ежегодными наводненіями Нила. Обложеніе налогомъ урожая съ финиковыхъ пальмъ характерно для африканской страны. Высота подоходныхъ налоговъ была значительная; такъ, напримѣръ, взимался налогъ въ размѣрѣ $^1/_3$ дохода съ голубятенъ, очень распространенныхъ въ области Нила (рис. 14). Нѣкоторые же налоги, судя по источникамъ, устанавливаются лишь съ эпохи имперіи, напр., подоходный налогъ на постройки, взимавшійся по расчету доходности дома. Многочисленны, прежде всего, налоги на ремесло, взимавшіеся со всякаго ремесленника помѣсячно и въ установленномъ размѣрѣ, въ зависимости отъ вида ремесла. Мы имѣемъ нѣкоторое понятіе о большомъ разнообразіи этой нормы: во времена имперіи съ торговца старьемъ взималось въ мѣсяцъ 10 марокъ, съ красильщика 20 м., съ отягченнаго наивысшимъ сборомъ торговца благовонными мазями въ пять разъ больше. Налогъ на движимое имущество взимался съ владѣльцевъ рабовъ, скота, лошадей, воловъ, верблюдовъ, домашней птицы, овецъ, свиней, даже съ бѣдной женщины, владѣвшей однимъ только поросенкомъ, съ повозокъ и съ лодокъ рыболововъ. Всеобщій систематизированный подоходный налогъ, однако, не былъ выработанъ еще и въ царствѣ Птолемеевъ.

Рис. 14. МОЗАИКА «ГОЛУБОКЪ» ИЗЪ ВИЛЛЫ АДРІАНА.
Ср. Gusman, «La villa impér. de Tibur», Tf. 2.
Знаменитѣйшее античное изображеніе голубей. Плиній разсказываетъ, описывая полъ-мозаику художника Соса въ Пергамѣ: посерединѣ пола «изображена пьющая голубка, затемняющая поверхность воды тѣнью своей головки; остальныя сидятъ, прихорашиваясь, на краю чаши». За исключеніемъ тѣни, описаніе Плинія совпадаетъ съ нашимъ изображеніемъ.

Подушная подать въ царствѣ Селевкидовъ и въ Египтѣ распространялась лишь на туземное населеніе; какъ ни странно, но бо́льшее значеніе она пріобрѣтаетъ лишь въ эпоху имперіи. Внѣ Египта мы встрѣчаемъ послужившій образцомъ и для Рима военный налогъ; напр., въ Сиракузахъ. Этотъ военный налогъ, взимавшійся въ Сиріи какъ „галльскій“ налогъ, можетъ быть сравненъ съ извѣстнымъ „турецкимъ налогомъ“, взимавшимся съ XVI столѣтія въ Австріи.

Изъ предметовъ потребленія взимался налогъ съ соли, съ употреблявшагося для мытья, вмѣсто обычнаго у насъ мыла, натра, добываніе котораго составляло государственную монополію; взимались также рыночныя, ввозныя и вывозныя пошлины со

всѣхъ предметовъ ввоза и вывоза; эти налоги играли, конечно, важную роль и въ другихъ государствахъ. Для Египта важны еще таможенныя пошлины на товары, шедшіе транзитомъ, и пошлины охранительныя, напр., на ввозъ масла. Къ косвеннымъ налогамъ на предметы потребленія слѣдуетъ также причислить налогъ на производство вина и пива.

Пошлины.

Подобно нашему времени число разнообразныхъ сборовъ было безгранично велико; въ Египтѣ къ нимъ относятся: уплаты за канцелярскіе расходы, къ которымъ относится и пошлина съ наслѣдства, платившаяся даже роднымъ сыномъ, наслѣдовавшимъ отцу, гербовый сборъ, уплаты при куплѣ и продажѣ земельныхъ участковъ и при арендѣ, какъ вознагражденіе за труды чиновниковъ, многочисленные дорожные и портовые сборы, исчислявшіеся въ зависимости отъ числа грузовъ, пошлины за пользованіе казенными дорогами, идущими по пустынѣ и содержавшимися на счетъ государства, или за пользованіе государственными рѣчными судами.

Уже въ эпоху Птолемеевъ въ Египтѣ взимались пошлины, значительно разросшіяся въ эпоху имперіи, шедшія на покрытіе вполнѣ опредѣленныхъ отраслей государственнаго управленія, не только на обезопасеніе страны и путей сообщенія, главнымъ образомъ, на сооруженіе столь важныхъ въ Египтѣ каналовъ и плотинъ, на истребленіе вредныхъ крокодиловъ и бегемотовъ, на зрѣлища, флотъ, но и на содержаніе полиціи, полицейскихъ судовъ, казенныхъ бань, на плату докторамъ, адвокатамъ (пошлина, взимавшаяся съ пользовавшагося услугами послѣдняго), даже на транспортъ мѣдныхъ денегъ, которыми уплачивались подати, и на содержаніе тюрьмы для несостоятельныхъ должниковъ. И въ остальныхъ эллинистическихъ государствахъ существовалъ обычай чтить проѣзжающаго монарха почетнымъ даромъ, называемымъ „вѣнкомъ“. Войска стали требовать такого же подношенія отъ народа, а, въ концѣ концовъ, всѣ проѣзжающіе черезъ страну должностныя лица желали за свои труды имѣть „вѣнокъ“—своего рода „бакшишъ“.

Налоги на содержаніе храмовъ.

Мы считаемъ удобнымъ тутъ же упомянуть и о налогахъ на содержаніе храмовъ, необходимость которыхъ вызывалась невозможностью покрыть доходами храма всѣ расходы его, главнымъ образомъ, по слѣдующей причинѣ: главнѣйшій изъ упомянутыхъ налоговъ „апомойра“, по которому взималась шестая доля урожая винограда, фруктовъ и овощей, съ 264/3 года по Р. Хр. былъ предназначенъ на культъ царицы Арсинои, т.-е. въ сущности секуляризованъ (ср. В. 2). Налогъ, вносимый храму при продажѣ дома, соотвѣтствуетъ современному налогу при переходѣ имущества, которымъ пользуются и въ наше время церковные приходы вновь основанныхъ мѣстечекъ.

Повинности.

Итакъ, Египетъ представляетъ собою картину гораздо большаго обремененія налогами, чѣмъ государство въ наше время. Кромѣ налоговъ, существовали еще повинности работой, состоявшія въ сооруженіи насыпей, поставкѣ вьючныхъ животныхъ, лодокъ для проѣз-

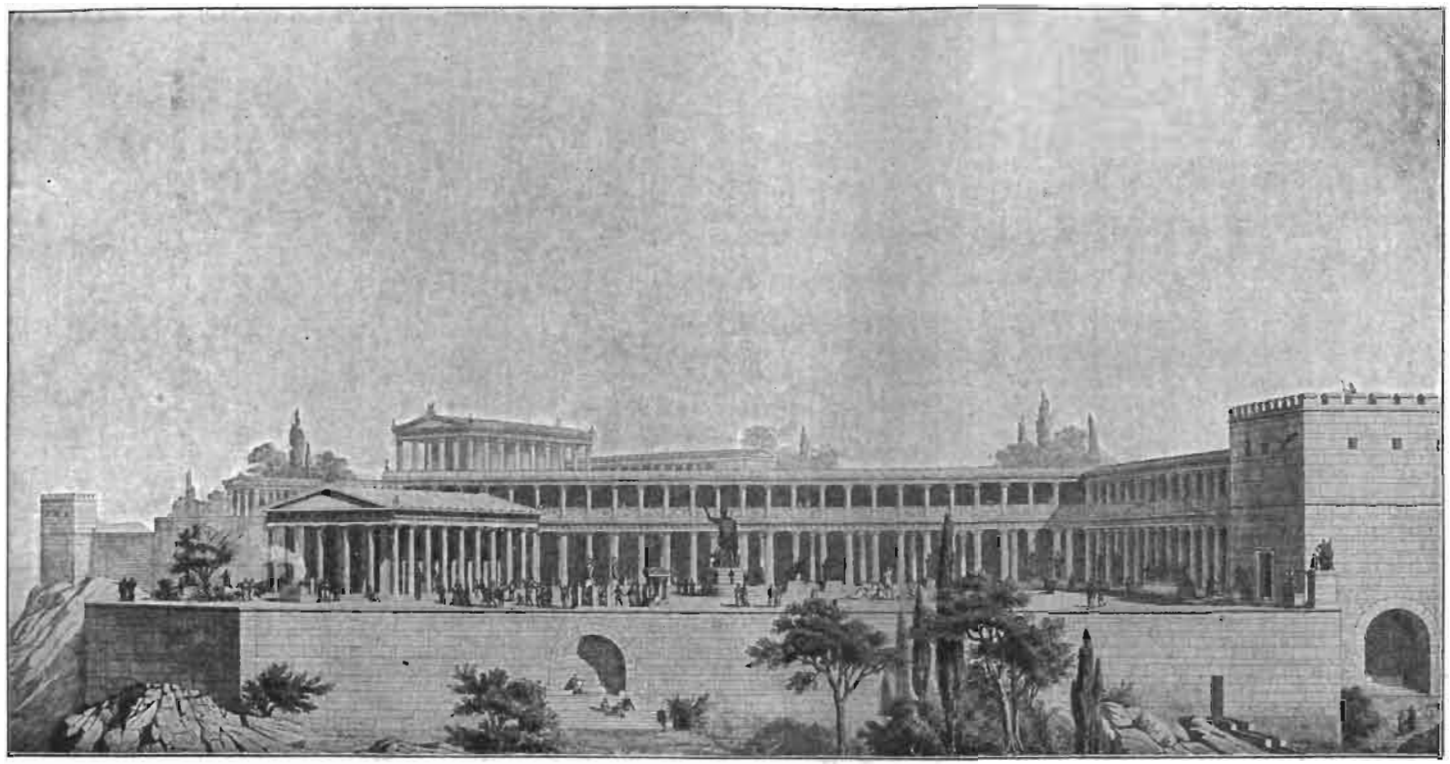

Рис. 15. ТЕРРАСА АѲИНЫ ВЪ ПЕРГАМѢ.
Ср. «Altertümer von Pergamon», II, Tf. 41 (ср. С., III., 2).

По реконструкціи Р. Бома.

жающихъ государственныхъ чиновниковъ или войска. Финансовые результаты этой системы были, правда, колоссальны: при Птолемеѣ II доходы государства достигали приблизительно 70 милліоновъ марокъ. Цѣлью этой финансовой политики было эксплуатировать средства страны, чтобы занять выдающееся положеніе на Средиземномъ морѣ. Селевкиды унаслѣдовали громадныя сокровища Александра въ Сусѣ, Экбатанѣ и Вавилонѣ, давшія имъ большую власть въ руки. Со временемъ, впрочемъ, эти богатства должны были истощиться. Тѣмъ не менѣе, царскія сокровищницы представляютъ собою характерное явленіе въ финансовомъ хозяйствѣ эллинистическихъ монарховъ, унаслѣдовавшемъ традиціи Востока. У Митридата ихъ было еще 75.

Государственныя сокровищницы.

Расходы.

Большимъ доходамъ сотвѣтствовали крупные расходы. Главнѣйшіе изъ нихъ, какъ и у насъ, были расходы на войско и флотъ. Кромѣ того, содержаніе двора, жалованіе чиновникамъ, особенно многочисленнымъ въ Египтѣ, посольства, культъ, въ связи съ торжественными праздненствами, затраты на земли, особенно необходимыя въ Египтѣ, насажденіе городовъ въ Сиріи, громадныя повсемѣстныя издержки на постройки (рис. 15) и сооруженія въ родѣ насыпей и каналовъ, траты на регулированія рѣкъ, постройку мостовъ, остатки которыхъ и теперь еще возбуждаютъ наше удивленіе (рис. 16), расходы на идейныя потребности, на науку и искусство, на развитіе торговли и, наконецъ, на всякія „облагодѣтельствованія“ греческихъ общинъ.

Финансовое управленіе.

Мы имѣемъ болѣе подробныя свѣдѣнія лишь о финансовомъ управленіи Птолемеевъ, у которыхъ оно было детально организовано. Рядомъ съ находившейся въ Александріи главной государственной кассой существовала частная царская казна, пополняемая доходами со сдачи въ аренду государственныхъ домэновъ и отдѣльными, связанными съ арендой, налогами. Въ связи съ главной государственной кассой стоялъ центральный банкъ. На ряду съ нимъ отдѣленіе центральнаго государственнаго банка имѣлось и въ каждой метрополіи; существовали даже сельскіе банки. Банкъ выплачивалъ жалованіе чиновникамъ, „пособія“ [συντάξεις] жрецамъ, жалованіе и продовольственныя суммы войскамъ, деньги на общественныя работы; банкъ же, въ свою очередь, принималъ уплату налоговъ и всѣхъ платежей казнѣ. Управленіе государственными магазинами, особенно громадными складами запасовъ зерна, также было детально организовано (стр. 39). На ряду съ многочисленными отдѣльными магазинами существовалъ центральный магазинъ въ Александріи. Громадное количество чиновниковъ съ главнымъ завѣдующимъ лицомъ, діойкетомъ (управителемъ), во главѣ, управляло кассами и складами.

Раскладка податей.

При организаціи податнаго обложенія, въ основу котораго было положено административное дѣленіе страны, были использо-

ваны всѣ методы установленія плательщиковъ налоговъ и объектовъ обложенія.

Ежегодно домохозяева подавали государству списки всѣхъ жильцовъ своего дома съ перечисленіемъ имепъ, съ обозначеніемъ возраста и внѣшнихъ примѣтъ, ремесла, подушной подати, отношенія къ военной службѣ; эти податные списки могли быть использованы и при рѣшеніи вопросовъ, связанныхъ съ владѣніемъ рабовъ, и при переписяхъ населенія. Объекты податей въ нихъ спеціализировались, каждая группа ихъ составляла отдѣльную декларацію; плательщикъ налога самъ объявлялъ ихъ оцѣнку. Иногда—соответственно нѣмецкой современной формулѣ „по совѣсти и разумѣнію"—требовалась

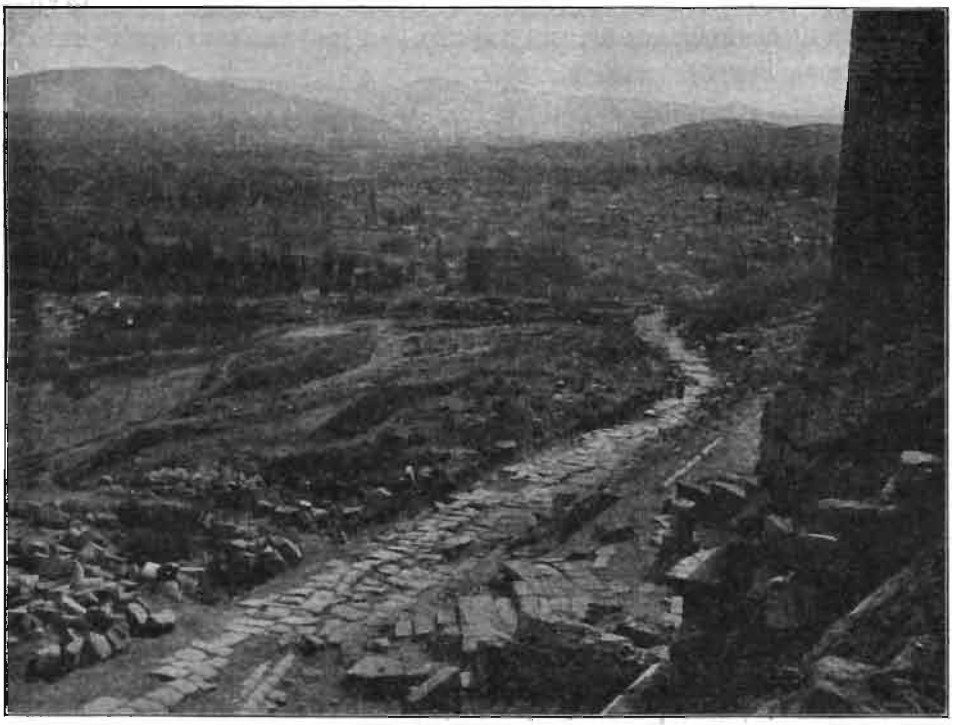

Рис. 16. „ПЕРГАМЪ. ГОРОДСКАЯ ДОРОГА ОТЪ НИЖНЕЙ АГОРЫ КЪ ВОРОТАМЪ ГИМНАСІЯ. По фотографіи.

Около мостовой видны водопроводныя трубы. На переднемъ краю снимка остатки монументальнаго помѣщенія для источника.

письменная клятва именемъ монарха. Должностныя лица производили контроль разными способами. Если откупщикъ податей заявлялъ протестъ противъ государственной оцѣнки, прибѣгали къ слѣдующей хитроумной мѣрѣ: его заставляли самого продать результатъ урожая; если онъ при продажѣ получалъ больше оффиціальной оцѣнки товара, барышъ принадлежалъ ему, государство же получало опредѣленную долю; если владѣлецъ давалъ слишкомъ высокую оцѣнку, убытокъ несъ откупщикъ налога, будучи обязаннымъ выплатить разницу государству, которое такимъ образомъ получало гораздо большую сумму, чѣмъ получило бы отъ фактическаго дохода. Послѣ произведеннаго оффиціальнаго контроля составлялись податныя книги, при чемъ заявленія плательщиковъ склеивались вмѣстѣ, составляя такимъ образомъ огромные свитки, и изъ нихъ затѣмъ дѣлались извлеченія. Кромѣ того, со временъ фараоновъ велись кадастры земли и зданій, и составлялись карты полей. Нашимъ крѣпостнымъ книгамъ

соотвѣтствовали въ эпоху имперіи извѣстные отдѣлы областныхъ архивовъ. По личнымъ листамъ, хранившимся въ архивахъ и распредѣленнымъ по отдѣльнымъ мѣстностямъ, двое чиновниковъ, завѣдывавшихъ этими листами, могли въ каждый данный моментъ дать нужныя свѣдѣнія о составѣ имущества даннаго лица; ибо въ эти списки заносились запрещенія продажи, поручительства и всякаго рода отягощенія имущества. Центральное податное вѣдомство въ Александріи опредѣляло размѣръ налоговъ, сроки уплаты, способъ взиманія, натурой или инымъ путемъ. Взиманіе податей сдавалось на откупъ; лишь въ эпоху римской имперіи государство перешло къ системѣ непосредственнаго взиманія.

Система государственнаго откупа.

Царство Птолемеевъ своей системой государственнаго откупа, примѣнявшагося къ домэнамъ и къ налогамъ, послужило образцомъ Риму.

Что касается національности откупщика, то интересно отмѣтить колебанія: въ III стол. до Р. Хр. преобладаютъ греки, во II стол. число грековъ и египтянъ равно, не исключались и евреи; не допускались лишь чиновники государственнаго управленія и рабы.

Государство и тутъ стремилось къ наибольшей выгодѣ. Часто откупщики соединялись въ товарищества, откупъ можно было перепродать другому лицу. Откупщикъ нуждался въ многочисленномъ персоналѣ и, разумѣется, не легко добивался желательной прибыли. Онъ не имѣлъ права взимать болѣе опредѣленной нормы; между тѣмъ, желая даже получить въ свою пользу не болѣе законныхъ 10%, онъ долженъ былъ во что бы то ни стало взыскать всю сумму налога. Поэтому онъ могъ прибѣгать ко всякимъ принудительнымъ средствамъ: тѣлесному наказанію, принудительному захвату залоговъ, часто даже при содѣйствіи войска. При этихъ условіяхъ, несмотря на право жалобы, низшіе слои народа страшно страдали отъ сборщиковъ податей, и непріязнь къ нимъ часто прорывалась самыми элементарными способами.

Вольныя общины.

О финансовомъ положеніи свободныхъ общинъ мы сравнительно мало освѣдомлены. Интересно, что въ особенно хорошо управляемыхъ городахъ, какъ въ Милетѣ конца III столѣтія, мы видимъ существованіе опредѣленнаго бюджета, которому ежегодно предшествовала составляемая соотвѣтствующей комиссіей смѣта; мы знаемъ, напр., о занесеніи въ нее суммы на школьное обученіе. Доходы состояли изъ таможенныхъ пошлинъ и другихъ сборовъ, связанныхъ съ торговлей и рынкомъ; въ торговыхъ городахъ — изъ транзитныхъ пошлинъ, нѣкоторыхъ монополій, главнымъ образомъ, соляной; менѣе обычны были доходы съ казенныхъ заводовъ. Тѣмъ не менѣе, часто возникали сложныя финансовыя затрудненія, для устраненія которыхъ прибѣгали къ разнымъ способамъ, между прочимъ, къ государственнымъ займамъ, за которые граждане поручались лично. Безотрадное явленіе представляютъ собой, съ одной стороны, конфискаціи, съ другой—продажа казенныхъ имѣній за безцѣнокъ для полученія па-

личныхъ денегъ. Такъ какъ съ паденіемъ благосостоянія исчезаютъ систематическія повинности гражданъ въ видѣ литургій (Э. К., стр. 264 сл.), то возникаетъ необходимость прибѣгать къ благотворительности частныхъ лицъ.

Въ благодарность за нее достопочтенные граждане—особенно въ Малой Азіи—часто получали новый титулъ „Вѣнценосца“; во время торжествъ такое лицо шло съ „вѣнкомъ бога“, и его именемъ назывался годъ; въ случаѣ необходимости стефанефорами могли быть и зажиточныя женщины или дѣти, или же само божество.—Даже жреческое достоинство, приносившее нѣкоторые доходы и связанное съ почетными привилегіями, часто покупалось или бралось на откупъ.

Пожертвованія.

Все многочисленнѣе становились пожертвованія на опредѣленныя цѣли, остававшіяся въ обычаѣ и въ эпоху имперіи. Особенно много жертвовали монархи, часто значительными суммами,—на раздачи хлѣба, на нужды обученія, особенно на необходимое при гимнастическихъ упражненіяхъ масло, на празднества и связанныя съ ними денежныя раздачи, на жертвоприношенія, игры, храмы и общественныя постройки, особенно, на устройство бань. Низкопоклонныя просьбы, съ которыми общины обращались къ своимъ благодѣтелямъ, а равно и почести, даруемыя имъ общинами за благодѣянія, разумѣется, пагубно дѣйствовали на нравы, развивая раболѣпіе. Съ другой стороны, почетныя приношенія стоили общинамъ массу лишнихъ денегъ. Даровались золотые вѣнки, статуи (ср. рис. 35); аѳиняне воздвигли ихъ Деметрію Фалерскому (стр. 4) столько, сколько дней въ году,—и все это, чтобъ впослѣдствіи разрушить эти статуи послѣ его изгнанія!

Наилучшее примѣненіе своимъ средствамъ находили сами города; о многихъ изъ нихъ мы скажемъ ниже при обзорѣ развитія искусства, напр., о Пергамѣ, Милетѣ, Эфесѣ и Пріенѣ, или Дельфійскомъ и особенно Делосскомъ святилищахъ. Въ нихъ мы видимъ: обширныя зданія для государственной жизни и торговли, помѣщенія для собранія органовъ управленія (рис. 10 сл.), рыночныя помѣщенія и рынки съ нормальными мѣрами и нормальными часами (рис. 17), мѣста для гимнастическихъ упражненій юношей, гимнасіи и школы для состязанія въ борьбѣ, бани; кромѣ того, храмы, порты съ набережными и складами, все это объединенное граціознымъ изобрѣтеніемъ юга—просторными колоннадами.

Экономическое положеніе.

Сельское хозяйство.

Разсматривая экономическія основы, на которыя опиралась финансовая сила эллинистическихъ государствъ, мы убѣждаемся, что хлѣбопашество въ разныхъ частяхъ Греціи находится въ различныхъ фазахъ эволюціи. Въ коренной Греціи, нѣкогда красовавшейся дивными полями злаковъ, оно было въ самомъ печальномъ упадкѣ. Причины этому коренились столько же въ общемъ регрессѣ и обнищаніи населенія, сколько являлись результатомъ множества войнъ, съ одной стороны, и расцвѣта торговли—съ другой. Уже не-

задолго до конца IV в. Аѳины были принуждены выпрашивать у Антигона хлѣбъ и лѣсъ.

Богатство хлѣбомъ странъ на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря (Э. К., стр. 69) вслѣдствіе частыхъ нападеній варваровъ на греческіе города сильно упало. Даже плодородіе Малой Азіи, и сейчасъ еще самой природой предназначенной для хлѣбопашества, не достигало необходимаго расцвѣта благодаря полу-крѣпостному положенію сельскаго населенія и предпочтенію, оказываемому государствомъ городамъ. Иногда государство дѣлало само странную попытку взять хлѣбную торговлю въ свои руки, что засвидѣтельствовано, напр., для Самоса. Только вѣчно юная и благодатная почва Египта сохранила, какъ и во времена фараоновъ, свое господствующее значеніе хлѣбообильной страны (рис. 18 a, b) такъ же, какъ на Западѣ островъ Сицилія. Въ Египтѣ значительная часть земли фактически принадлежала еще царю, обрабатывалъ ли онъ ее самъ, или отдавалъ въ аренду. Остальная часть земли, предоставленная частнымъ владѣльцамъ, часто нуждалась въ при-

Рис. 17. БАШНЯ ВѢТРОВЪ ВЪ АѲИНАХЪ.

Фотографія.

Около 35 г. до. Р. Хр. построена сирійцемъ Андроникомъ изъ Кирроса на сѣверномъ склонѣ Акрополя (Э. К., планъ Аѳинъ). На каждой сторонѣ восьмиугольной мраморной башни мы видимъ изображеніе одного изъ 8-ми вѣтровъ. Всѣ боги вѣтра смотрятъ въ одну и ту же сторону, однообразно поднимая поклажія ноги и единственное у каждаго (!) крыло. Подвижный тритонъ на высотѣ крыши указывалъ жезломъ направленіе вѣтра. Подъ рельефомъ вырѣзаны солнечные часы; въ пасмурную погоду и ночью руководствовались водяными часами, устроенными внутри башни и соединенными водопроводомъ съ источникомъ Акрополя Клепсидрой. На переднемъ планѣ видны остатки кровли и колонны рынка.

веденіи въ годное для хлѣбопашества состояніе. Но и сами монархи прибѣгали къ амеліораціи земли въ своихъ владѣніяхъ, такъ что пространство плодородной почвы въ Египтѣ постоянно росло. Къ этимъ мѣрамъ улучшенія почвы относятся также каналы и плотины; особенно грандіозны были водныя сооруженія въ Файумѣ, подарившія странѣ пространныя нивы, главнымъ образомъ, заселяемыя отслужившими воинами (стр. 15). Количество ежегодно производимой пшеницы въ древнемъ Египтѣ было, по всей вѣроятности, очень значительно; вспомнимъ, что и въ наше время, при распространеніи многочисленныхъ новыхъ полевыхъ культуръ, засѣвъ пшеницы занимаетъ 50% всей почвы. Большимъ распространеніемъ пользовалась также и культура ячменя. Много культивировались виноградъ, растенія, изъ которыхъ получалось масло, какъ, напр., кунжутъ и др., разводились овощи, ленъ.

Рис. 18а. ЧАШКА FARNESE (внутренняя часть). Неаполь. По фотографіи.
Символическое изображеніе обильнаго плодородія Египта (ср. С. III, 1: подробное описаніе).

Сборъ зерна съ царскихъ полей, повидимому, былъ дѣломъ сложнымъ, требовавшимъ много труда. Арендные договоры и списки, которые велись сельскими писарями, позволяютъ думать, что откупщики привозили зерно на казенныя гумна, гдѣ его молотили, а затѣмъ, послѣ разсчета съ откупщиками, большая часть его при помощи транспортныхъ обществъ, содержателей вьючныхъ животныхъ, отвозилась въ казенныя житницы.

Естественно, что благодатная почва Египта вызывала и расцвѣтъ скотоводства: разводились волы, верблюды, ослы, главнымъ же образомъ, куры, голуби, гуси; большой доходъ получался также отъ нильскаго рыболовства.

Въ экономической жизни эллинистической эпохи торговля, безъ Торговля.

сомнѣнія, занимаетъ первое мѣсто — и въ этомъ отношеніи эллинизмъ соприкасается съ современностью. Тогда какъ до Александра торговля ограничивалась Средиземнымъ моремъ, походы великаго монарха открыли ей пути въ страны, богатыя сырыми матеріалами и новыми заморскими продуктами. Такимъ образомъ, въ Греціи возникаетъ жажда къ диковинамъ Востока, возможность пріобрѣтенія которыхъ повышалась вмѣстѣ съ притокомъ богатства съ Востока же. Промышленность, растущая въ связи съ торговлей и возраставшей роскошью, искала сбыта, поощряя тѣмъ самымъ торговлю. Эти сокровища Востока состояли изъ: китайскаго шелка, пряностей и благовоній Аравіи, слоновой кости и драгоцѣнныхъ сортовъ дерева, страусовыхъ перьевъ, драгоцѣнныхъ камней и индійской стали.

Рис. 18b. ЧАШКА FARNESE (внѣшняя сторона). Ср. С. III, 1.

Неаполь. Ср. Furtwängler, «Ant. Gemmen», Tf. 54.

20 сант. въ діаметрѣ. Изъ одного куска сардоникса. Горгонейонъ (голова Медузы на змѣиной кожѣ эгиды) сохранился безъ поврежденій, за исключеніемъ одного отверстія, пробуравленнаго въ средневѣковьѣ на самой серединѣ его.

Изъ числа древнихъ торговыхъ центровъ, Аѳины процвѣтаютъ вплоть до III вѣка, уступая затѣмъ мѣсто Коринѳу; послѣ паденія его и благодаря пріобрѣтенію Делоса Аѳины вновь нѣсколько поднимаются, пока Сулла не наноситъ имъ тяжелаго удара (86 г. до Р. Хр.). Коринѳъ въ свое время опередилъ Аѳины, сохранивъ значеніе свое вплоть до разрушенія римлянами (146 г. до Р. Хр.).

Аѳины.

Коринѳъ.

Халкида.

Евбейская Халкида служила посредницей между Македоніей и Греціей. Благодаря Александру центръ торговли былъ перенесенъ на Востокъ, и такимъ образомъ основаніе Александріи (ср. С, III, 1), и понынѣ сохранившей значеніе торговаго центра, совершенно затмило всѣ древніе торговые города коренной Греціи.

Александрія.

Рис. 19. МАЯКЪ НА ФАРОСѢ. Александрійская монета II стол. по Р. Хр.

Удвоенная величина (ср. указатель). H. Thiersch, «Pharos», Abb. 6.

Ясно видны четырехугольная нижняя часть постройки и тритоны на верхней части ея. Менѣе ясны октогонъ (по Тиршу) и круглая вершина башни.

Снабженная великолѣпными гаванями, расположенная на берегу рѣки,

служащей прекраснымъ путемъ сообщенія, Александрія становится главнымъ торговымъ центромъ тогдашняго міра. Птолемеи настолько оцѣнили это значеніе, что, подобно нынѣшнимъ англичанамъ, ставили свою міровую политику въ зависимость отъ торговли, отдавая себѣ при этомъ отчетъ и въ аграрномъ значеніи (стр. 29) страны. Птолемеи учитывали также роль Краснаго моря, и понынѣ еще важную. Александрія была съ нимъ соединена каналомъ; караванный путь велъ въ Аравію. Такимъ образомъ властители Египта обезпечивали себѣ какъ сухопутные торговые пути, такъ и вліяніе на Эгейскомъ морѣ. Исходя изъ громадныхъ складовъ и заводовъ, потокъ торговаго движенія охватывалъ всѣ извѣстныя тогда страны, проходя мимо знаменитаго маяка на островѣ Фаросѣ (рис. 19, 20), сооруженнаго уже первымъ Птолемеемъ для обезопашенія мореходства. Торговыя сношенія завязаны были Птолемеями и съ южной Африкой, и съ Аравіей, и, черезъ посредство Аравіи, съ Индіей, даже съ дальней Азіей; послѣ того какъ Римъ разбилъ Пирра, Филадельфъ вступилъ въ сношенія и съ Римомъ. Широко распространена была и внутренняя торговля между отдѣльными областями, а также мѣстный обмѣнъ на рынкахъ каждаго отдѣльнаго города.

Ввозъ состоялъ, главнымъ образомъ, изъ благородныхъ сырыхъ матеріаловъ въ родѣ слоновой кости и пряностей, изъ которыхъ въ царскихъ мастерскихъ выдѣлывались мази и благовонныя эссенціи, служившія предметомъ вывоза; ввозились

Рис. 20. «ФАРОСЪ» ВЪ АЛЕКСАНДРІИ.
Ср. Thiersch, «Pharos», Beilage 1 (ср. указ.).
Реконструкція А. и Г. Тирша, главнымъ образомъ, на основаніи многочисленныхъ изображеній маяка на монетахъ (ср. рис. 19).

Маякъ былъ символомъ и гербомъ Александріи. Многія детали, особенно верхней части, сомнительны.

и рабы-негры, перепродаваемые изъ Александріи въ другія страны. Характерно, что вывозъ былъ значительнѣе. Онъ состоялъ изъ продуктовъ промышленности, какъ-то: полотна, папируса, косметикъ, стекла, и сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, прежде всего — зерна. Эта торговля также въ значительной степени находилась въ рукахъ царя, что снова доказываетъ упрочненность финансоваго положенія монарха. Послѣ паденія этой грандіозной торговли при послѣднихъ лишенныхъ предпріимчивости Птолемеяхъ, разумныя мѣры Августа вызвали новый подъемъ ея. Несмотря на давнее вторженіе въ торговлю италійскихъ купцовъ, греки, особенно александрійцы, среди нихъ многочисленные евреи, имѣвшіе въ качествѣ портовой полиціи большое вліяніе въ дѣлахъ вывоза зерна, сохранили торговлю въ своихъ рукахъ.

Рядомъ съ Александріей и остальныя метрополіи государствъ Діадоховъ, конечно, развивались въ торговые центры. У Антіоха I возникъ даже смѣлый планъ соединенія Каспійскаго моря съ Чернымъ, съ цѣлью завязать сношенія съ расположенными тамъ значительными торговыми городами, особенно съ Синопомъ; во всякомъ случаѣ, Селевкидамъ удалось возстановить старые торговые пути и открыть новые.

Антіохія. Антіохія, часто выступавшая и какъ охранительница интересовъ другихъ торговыхъ городовъ, и близкая къ ней Селевкія, опередили

Селевкія. древніе выдающіеся греческіе города Малой Азіи; Селевкія на Тигрѣ становится оживленнымъ центромъ сношеній между Средиземнымъ моремъ и Индіей. Кассандрія около Θессалоникъ въ Македоніи и Лисимахія во Θракіи, въ качествѣ царскихъ резиденцій выдвигаются и въ торговомъ отношеніи.

Родосъ. Важное положеніе занималъ Родосъ. Онъ отстоялъ свою свободу даже противъ такихъ энергичныхъ воителей, какъ „завоеватель городовъ“ Деметрій; окруженный со всѣхъ сторонъ египетскими владѣніями, онъ поддерживалъ хорошія отношенія съ могущественными Птолемеями. Такія же отношенія существовали у него въ теченіе долгаго времени съ еще болѣе могучимъ римскимъ сенатомъ.

Цвѣтущая торговая республика, выработавшая образцовое коммерческое и долговое право, стоитъ во главѣ рода „ганзейскаго“ союза островныхъ грековъ, имѣя въ то же время доходныя владѣнія и на материкѣ. При помощи солиднаго военнаго флота, уже въ то время, какъ и нынѣ, бывшаго необходимымъ условіемъ обезпеченія торговли, Родосъ защищаетъ ее отъ господствовавшихъ продолжительное время на Средиземномъ морѣ разбойниковъ. Его торговля распространяется не только на югъ и западъ, въ Александрію, Карѳагенъ и Сиракузы, но и на сѣверъ, черезъ Малую Азію вплоть до южной Россіи, о чемъ свидѣтельствуютъ штемпеля найденныхъ здѣсь глиняныхъ сосудовъ. Такимъ образомъ, до своего ослабленія убійцею Цезаря, Кассіемъ (43), задачей Родоса было служить посредникомъ между югомъ и Грецiей. Ибо главное его занятіе составляетъ транзитная торговля; экспортъ его состоитъ только изъ двухъ важнѣйшихъ его продуктовъ—масла и вина.

Такое же положеніе торговаго посредника занимаетъ островъ Делосъ, въ концѣ IV стол. освобожденный отъ аѳинской зависимости, но послѣ побѣды Персея (166 д. Р. Хр.) вновь возвращенный аѳинянамъ римлянами въ качествѣ вольной гавани, и безпощадно разрушенный въ 69 г. до Р. Хр. Митридатомъ. Делосъ соединялъ Востокъ съ Западомъ, главнымъ образомъ, съ Италіей, служа съ конца III вѣка, въ періодъ расцвѣта Италіи, мѣстопребываніемъ многочисленныхъ италійскихъ купцовъ. Делосъ.

Сиракузы также принимали участіе въ міровой торговлѣ; характерно, что они въ вѣсѣ своихъ монетъ придерживались птолемеевской системы. Всемірнымъ же господствующимъ центромъ западной торговли, съ которымъ Сиракузы не могли конкурировать, былъ, до покоренія его Римомъ, семитскій Карѳагенъ. Сиракузы.

Путешествія съ торговой цѣлью и тогда совершались, главнымъ образомъ, морскимъ путемъ; отваживались переправляться черезъ открытое море, отказавшись отъ древняго способа плаванія вдоль берега. Такимъ образомъ, при попутномъ вѣтрѣ можно было въ теченіе 6—7 дней переправиться изъ Мессины въ Александрію. Подобно военнымъ судамъ и торговыя достигали размѣровъ нынѣшнихъ океанскихъ великановъ; Гіеронъ Сиракузскій построилъ корабль водоизмѣщеніемъ въ 4200 тоннъ. Въ естественной связи съ развитіемъ торговли, возникаютъ оживленныя сообщенія на сушѣ, особенно въ царствѣ Селевкидовъ. Образуются караванные пути, изъ которыхъ многіе существуютъ и понынѣ. По примѣру персовъ, въ царствѣ Селевкидовъ и въ Египтѣ большія государственныя дороги содержатся въ образцовомъ порядкѣ. Онѣ служили, прежде всего, для ускоренной передачи вѣстей монархамъ, но способствовали въ высокой степени и торговымъ сношеніямъ. Антигонъ, пользуясь этими путями, ввелъ снова старую персидскую почту. Сохранился, между прочимъ, почтовый журналъ изъ Египта середины III стол. до Р. Хр. Правда, эта почта, какъ переправляемая верхомъ, такъ и разносимая пѣшими вѣстниками, обслуживала только государство. Путешествія.

Характерно, что только теперь развиваются путешествія. Не только солдаты и купцы объѣзжали міръ, но и актеры и другіе художники; наконецъ, путешествія предпринимаются ради удовольствія. Начинаютъ входить въ обычай гостиницы. Онѣ, повидимому, были многочисленны въ Египтѣ; тутъ были и оффиціальныя гостиницы, и скромные постоялые дворы, соотвѣтственно различнымъ элементамъ населенія. Въ III столѣтіи ѳиванцы, на основаніи старыхъ отношеній гостепріимства, потребовали въ свободное пользованіе домъ въ Дельфахъ; съ другой стороны, здѣсь за 30 статеровъ (570 марокъ) сдается въ аренду постоялый дворъ, принадлежащій святилищу.

Сравнительно съ древнимъ временемъ и торговля деньгами значительно расширяется. Торговля деньгами.

Монетная система въ ближайшее время значительнымъ измѣненіямъ не подвергается. Самой распространенной повсюду монетой продолжаетъ быть тетрадрахма, соотвѣтствующая приблизительно талеру (Э. К., стр. 90). Кромѣ того, въ ходу золотые статеры, равняющіеся крупной нѣмецкой золотой монетѣ; нѣкогда ихъ началъ чеканить царь Филиппъ, подогнавъ ихъ вѣсъ подъ вѣсъ персидскаго дарика; этимъ путемъ онъ желалъ и финансовыми мѣрами подготовить походъ въ Персію. Что касается типа серебряной монеты, то любопытно, что, 150 лѣтъ спустя послѣ смерти Александра, города южной Россіи, никогда не входившіе въ составъ его монархіи,

продолжали чеканить введенный имъ типъ государственной монеты, подобно талеру Маріи-Терезіи, который и нынѣ еще чеканится у нѣкоторыхъ народовъ Африки. Въ македонской золотой монетѣ „филиппахъ“ сохранилось имя великаго монарха, впервые ихъ чеканившаго; она была распространена даже въ южной Галліи.—Валюта, повидимому, была всюду разная; мы знаемъ, что, напр., въ Египтѣ рядомъ съ серебряной валютой (отношеніе 1 : 120) существовала древняя мѣдная. Если при откупѣ оцѣнка производилась на основаніи серебряной валюты, то плательщикъ мѣдью долженъ былъ добавлять 10%. Во II столѣтіи въ Египтѣ установилась прочно мѣдная валюта, и серебряныя монеты, какъ въ другихъ странахъ золотыя, встрѣчались въ обмѣнѣ лишь случайно. Вслѣдствіе финансовыхъ затрудненій мы нерѣдко встрѣчаемъ малоцѣнную монету. Большая разница въ характерѣ государствъ отражается и въ типахъ монетъ. Тогда какъ, напримѣръ, египетскія монеты очень однообразны, монеты Сиріи съ ея многочисленными греческими городами отличаются чрезвычайнымъ разнообразіемъ.

Банки.

Кромѣ государственныхъ банковъ, существовавшихъ не только въ Египтѣ (стр. 35 сл.), но и во многихъ городахъ Малой Азіи, и представлявшихъ собою скорѣе государственныя центральныя кассы, былъ цѣлый рядъ частныхъ банковъ. Иногда они составляли государственную монополію, какъ, напр., въ Египтѣ. И въ Малой Азіи мы встрѣчаемъ банки, сданные государствомъ на откупъ,—обычай, относящійся, вѣроятно, еще къ эллинской эпохѣ. Святилища, подобно Делосу и египетскимъ храмамъ, эксплоатируютъ свои сокровища, какъ банки и депозитныя кассы. Сомнительно, чтобы банки открывали значительный кредитъ, развѣ только въ видѣ краткосрочныхъ ссудъ на морскую торговлю, ибо количество драгоцѣннаго металла въ тѣ времена было очень ограниченно. Доходъ съ операцій былъ небольшой. Размѣръ его съ 12%-наго въ IV ст. упалъ въ III ст. до 10%, во II ст. до 7%. Интересно, что денежныя операціи и тогда уже были связаны съ разными искусственными пріемами для повышенія цѣнъ; такъ, напр., искусственно ограничивали засѣвъ необходимаго количества зерна.

Большинство союзовъ иностранцевъ, сосредоточивавшихся въ эллинистическую эпоху въ такихъ центрахъ торговли и движенія, какъ Аѳины, Делосъ и Родосъ, представляли собой, по всей вѣроятности, торговыя ассоціаціи. Но встрѣчаются въ нашихъ свидѣтельствахъ товарищества, опредѣленно названныя торговыми; они состояли въ Аѳинахъ и Делосѣ, главнымъ образомъ, изъ сирійцевъ и египтянъ. Эти организаціи крупныхъ торговцевъ и судохозяевъ, къ которымъ присоединялись и экспедиторы, возникаютъ на чужбинѣ прежде всего ради роднаго культа, часто сопровождая его устройствомъ роскошныхъ празднествъ.

Ассоціаціи купцовъ.

Промышленность.

Большое значеніе имѣла, повидимому, также промышленность. И на этой почвѣ значеніе коренной Греціи, не исключая Аѳинъ, падаетъ. Особенной интенсивностью промышленность отличается въ Египтѣ, гдѣ продукты ея составляютъ большую часть предметовъ вывоза. Однако,

фабричное производство и здѣсь, и въ другихъ мѣстахъ, невелико, ибо, какъ мы увидимъ ниже (стр. 49), число фабричныхъ рабовъ очень незначительно. Судя по бытовымъ даннымъ, число мелкихъ ремесленниковъ въ Египтѣ было очень велико; многіе изъ нихъ продолжали обрабатывать свою землю, требующую затраты силъ лишь въ теченіе небольшой части года. При этомъ спеціализація труда была значительная: мы видимъ свинобоевъ, плетельщиковъ камышевыхъ цыновокъ, зерномѣровъ, садовниковъ-фруктовщиковъ, булочниковъ-кондитеровъ. Насъ поражаетъ, что въ эллинистическую эпоху только въ Египтѣ существовали ремесленныя гильдіи, возникшія, повидимому, во времена фараоновъ, въ остальныхъ же странахъ, особенно въ богатой впослѣдствіи гильдіями Малой Азіи, онѣ возникли лишь подъ римскимъ вліяніемъ. Не менѣе интересно то, что въ Египтѣ ремесленники жили на опредѣленныхъ, названныхъ по ихъ ремесламъ, улицахъ. Такое же явленіе мы видимъ во времена имперіи въ средѣ малоазійскихъ ремесленниковъ, находившихся подъ римскимъ вліяніемъ, и въ средневѣковомъ быту, историческіе слѣды котораго сохранились до нашихъ дней. Часть промышленности находилась въ рукахъ жречества. Но она часто обслуживала только храмы, ибо Птолемеи сильно ограничили въ этомъ отношеніи права духовенства. Кромѣ труда скульпторовъ, живописцевъ и каменотесовъ, сюда относится, главнымъ образомъ, приготовленіе масла, муки, хлѣба, а также выработка изъ тонкаго нѣжнаго египетскаго льна тканей, необходимыхъ для богослуженія. Продавали, главнымъ образомъ, овощи, а также пиво, такъ что въ Египтѣ, гдѣ мы находимъ прототипъ христіанскаго монастыря, сходство съ послѣднимъ простиралось вплоть до обладанія пивоварней включительно. Еще больше, чѣмъ жречество, поощрялъ промышленность самъ монархъ. Часто нелегко разобраться въ вопросѣ, составляла ли та или другая отрасль промышленности монополію государства, или только выдѣлка производилась на царскихъ мануфактурахъ; во всякомъ случаѣ, монархъ Египта былъ не только самый богатый владѣтель земли, но и крупнѣйшій промышленникъ страны.

Мы уже указывали на соляную монополію, монополію на патръ, квасцы, масло, гладышъ, металлы, камни и ткани (стр. 29). Кромѣ продуктовъ первой необходимости, въ царскихъ промышленныхъ заведеніяхъ производились изысканные предметы роскоши: мази, ладанъ, благовонія — объектъ увлеченія не одной царицы,—стеклянные предметы, издѣлія изъ драгоцѣнныхъ камней, драгоцѣнные сосуды, бронзы, главнымъ же образомъ, играющій столь существенную роль, папирусъ и монастырское пиво.— Сравнивая съ этими промышленными заведеніями современныя государственныя фабрики, какъ, напр., мейссенскій фарфоровый заводъ, не слѣдуетъ забывать одного различія: промышленныя заведенія египетскихъ монарховъ монополизировали всю прибыль въ ущербъ подданнымъ; современныя же казенныя фабрики, менѣе заботясь о прибыли, служатъ народу школой техническаго умѣнія и выработки художественнаго вкуса.

Имущественные контрасты.

Ставя вопросъ, какъ при данныхъ условіяхъ культуры распредѣлялось имущество, мы убѣждаемся, что общее положеніе вещей безотраднѣе, чѣмъ въ древне-эллинское время, ибо грань между бѣднымъ и богатымъ стала значительно рѣзче. Мы неоднократно указывали на чрезвычайные размѣры имущества монарховъ (стр. 32). Но и государственная служба, особенно въ Македоніи, была очень доходна; съ войны возвращались обыкновенно съ большими богатствами. Не менѣе прибыльна была торговля, особенно въ сношеніяхъ съ дальними странами. Имущество, достигавшее милліона марокъ, не представляетъ собою рѣдкости; въ нѣкоторыхъ домахъ одно серебро достигало подобной цѣнности. Правда, такое богатство было удѣломъ сравнительно немногихъ, а скоро добытыя сокровища и утрачиваются обыкновенно очень быстро. Александръ, напр., часто уплачивалъ долги своихъ обнищавшихъ офицеровъ. Рядомъ съ сравнительно немногочисленными богачами стояла громадная масса бѣднаго люда, которому государство уже тогда часто принуждено было помогать раздачами хлѣба. Безпрестанныя войны въ странѣ, эмиграція самыхъ жизнеспособныхъ элементовъ населенія на Востокъ, приводили коренную страну въ упадокъ. Такимъ образомъ и населеніе Аѳинъ постепенно обѣднѣло, тѣмъ болѣе, что не только ихъ серебряные рудники были истощены, но и торговля, какъ мы видѣли (стр. 40), утратила прежнее значеніе. Уже въ 321 г. до Р. Хр. въ Аѳинахъ только 12000 гражданъ обладали имуществомъ, стоимостью менѣе 2000 драхмъ (1600 мар.) каждый, и лишь 9000 располагали бо̀льшимъ имуществомъ. Не иначе должны были сложиться условія въ странѣ, приносившей своимъ властителямъ такой большой доходъ, какъ Египетъ, гдѣ казна выжимала изъ страны всю возможную прибыль, а бѣдняки стонали подъ тяжестью утонченно придуманныхъ налоговъ. Нѣкоторое улучшеніе положенія средняго сословія было связано съ опредѣленнымъ жалованьемъ, получаемымъ теперь многочисленными чиновниками. При всемъ этомъ, со времени Александра Великаго существенно повышаются цѣны, которыя въ V вѣкѣ были необременительны.

Жалованіе и рабочая плата.

Приведемъ нѣкоторыя данныя изъ обширнаго матеріала, который мы имѣемъ о высотѣ гонораровъ, жалованья и уплатъ за отдѣльныя работы. Въ началѣ III ст. до Р. Хр. въ Теосѣ три начальныхъ учителя, въ зависимости отъ распредѣленія ихъ по классамъ обучаемыхъ, получаютъ по 500 др. (400 м.), 550 др. и 600 др.; учитель игры на кіѳарѣ получаетъ 700 др., учитель военныхъ упражненій лукомъ и копьемъ 250 др., фехтмейстеръ за 2 мѣсяца службы 300 др. Въ концѣ того же столѣтія положеніе вещей въ Малой Азіи не измѣнилось; учителю гимнастики въ Милетѣ помѣсячно платятъ 30 др. (24 м.), начальному учителю 40 др. (32 м.). Содержанію учителя-художника соотвѣтствуетъ доходъ архитектора въ Делосѣ, получающаго ежедневно по 2 др. (1,60 м.); впрочемъ, и каменотесъ получаетъ здѣсь столько же. Если рабы на постройкахъ кромѣ одежды зарабатываютъ 4 обола (около 50 пфен.), а рабыня при храмѣ половину этой цѣны, то они получаютъ значительно больше бѣдныхъ рабочихъ на египетскихъ каналахъ, получавшихъ въ III ст. до Р. Хр. въ среднемъ по 1 оболу (13 пфен.)

въ день, при чемъ каждый 10-тый день, какъ день отдыха, не оплачивался.—Примѣромъ расцѣнки отдѣльныхъ работъ можетъ послужить плата за столь распространенныя въ античномъ мірѣ разнородныя публикаціи: въ Делосѣ въ III столѣтіи рабочій за вырѣзку 300 буквъ на мраморѣ получалъ 1 др. (80 пфен.), такъ что длинныя надписи, часто находимыя въ Делосѣ, оплачивались въ 200 др. (160 м.). Деревянныя доски съ нарисованными буквами были дешевле, та же надпись обходилась въ 7 др. (5,50 м.).— Что касается жалованія военнымъ, приведемъ примѣръ египетскаго солдата, приставленнаго къ охотѣ на слоновъ и получавшаго 4 обола (50 пфен.), тогда какъ родоссцы платили своимъ критскимъ наемникамъ вдвое больше этого.—Интересно также сравненіе этой суммы съ одновременными гонорарами низшихъ чиновниковъ. Египетскій сборщикъ податей получалъ 30 др. (24 м.) въ мѣсяцъ, т.-е. столько же, сколько въ Милетѣ учитель гимнастики, служитель 20 др. (16 м.), писецъ, хранившій квитанціи, 10 др. (8 м.), инспекторъ же 100 др. (80 м.).

Цѣны на продукты.

Соотвѣтственно этимъ низкимъ гонорарамъ и цѣны на продукты были невысоки, что мы узнаемъ изъ примѣровъ, относящихся къ III столѣтію. Въ Египтѣ артаба (въ среднемъ 30 лит.) ячменя обходилась въ 4¼ обола (60 пфен.), артаба пшеницы 1½ др. (1,20 м.); понятно, что цѣны на зерно въ Египтѣ были очень низки. Въ Делосѣ пшеница стоила приблизительно вдвое дороже, именно 6—7 др. (около 5 м.) за медимнъ (52,5 л.); столѣтіемъ позднѣе цѣна пшеницы на Делосѣ уменьшилась на половину и сравнялась съ египетской цѣной. Египетское же вино было дорого, за него платили по 8 др. (6¼ м.) за метретъ (39,4 л.), тогда какъ въ западной Малой Азіи оно стоило половину упомянутой цѣны. Метретъ масла, стоившій въ Малой Азіи 36 др. (28¼ м.), въ Египтѣ стоилъ почти столько же, хотя оно здѣсь было лишь суррогатомъ, добытымъ изъ содержащихъ масло растеній, что представляетъ интересный результатъ монополіи и охранительныхъ пошлинъ.

Делосъ даетъ интересные примѣры квартирныхъ цѣнъ. Небольшія квартиры стоятъ въ это время 25—44 др. (20—35 м.) въ годъ. Два примѣра могутъ иллюстрировать повышеніе и пониженіе наемной платы въ теченіе опредѣленнаго времени. Въ 279 г. до Р. Хр. наемная плата домика въ Делосѣ составляла 25 др., въ 250 г. до Р. Хр. 41 др., въ 241 г. до Р. Хр. 58 др., въ 180 г. до Р. Хр. 50 др.; другой случай: въ 279 г. до Р. Хр. 65 др., въ 250 г. до Р. Хр. 60 др., въ 241 г. до Р. Хр. 90 др., въ 221 г. до Р. Хр. 33 др. Въ Дельфахъ мы встрѣчаемъ болѣе высокую плату, въ IV стол. мы видимъ годовую наемную плату въ 11—30 статеровъ (210—570 м.).

Натуральное хозяйство.

Вопросъ о томъ, насколько еще существовало натуральное хозяйство, имѣетъ большое значеніе для исторіи соціальнаго развитія эллинистическаго періода. Преобладаніе денежнаго хозяйства становится понятнымъ уже какъ результатъ изложеннаго выше широкаго распространенія торговли. Тогда какъ въ древне-восточныхъ государствахъ, съ царствомъ фараоновъ во главѣ, налоги и дары, приносимые монарху натурой, свидѣтельствуютъ о преобладаніи натуральнаго хозяйства, въ системѣ налоговъ персидскаго государства мы видимъ уже переходъ къ денежному хозяйству. Греческая торговая предпріимчивость должна была со временемъ привести къ исчезновенію натуральнаго хозяйства. При этомъ вполнѣ естественно, что налоги въ царствѣ Селевкидовъ продолжаютъ во многихъ случаяхъ еще вноситься зерномъ, складываемымъ въ царскихъ житницахъ. Замираніе натуральнаго хозяйства мы видимъ на примѣрѣ государства Птолемеевъ. Часть

земельнаго налога взималась натурой, т.-е. пшеницей, ячменемъ и растеніями, изъ которыхъ добывалось масло. Но дѣлалось это только тамъ, гдѣ плата натурой непосредственно могла быть употреблена для продовольствія войска и чиновниковъ или же сырой матеріалъ могъ быть использованъ въ казенномъ фабричномъ производствѣ.

По сдѣланнымъ разсчетамъ налогъ натурой составлялъ только 30-тую часть всѣхъ доходовъ. И государственные домэны, доходы съ которыхъ, естественнымъ образомъ, поступали въ натурѣ, приносили монарху послѣ продажи излишка продуктовъ нѣкоторую денежную прибыль. Характерно также прямое участіе монарховъ въ денежныхъ аферахъ.

Преобладаніе денежнаго хозяйства проявляется и въ продовольствіи войскъ; во II стол. до Р. Хр. изъ 3 артабъ зерна, получаемыхъ войскомъ, только одна вносилась натурой, такъ что $^3/_4$ „пайка“ солдата уплачивались деньгами. Вносились наличныя деньги даже за вино и лошадиный кормъ, тогда какъ квартира и продовольствіе войскъ давались, конечно, въ натурѣ, какъ и въ наше время. Система вознагражденія чиновниковъ, жрецовъ и ученыхъ Музея была смѣшанная. Естественно, что латифундіи и пожертвованія давали храмамъ, кромѣ денежныхъ доходовъ, и доходы натурой; но и здѣсь уплаты натурой постепенно вытѣсняются по мѣрѣ того, какъ жречество интенсивнѣе стремится составить капиталъ торговлей и денежными операціями. Даже въ деревнѣ все сильнѣе растетъ потребность въ денежномъ хозяйствѣ, хотя бы уже для покрытія всѣхъ безчисленныхъ налоговъ. Въ большихъ помѣстьяхъ распространяется, между прочимъ, обычай платить рабочимъ деньги вмѣсто пива и вина. Что касается такъ называемаго домоваго хозяйства, связаннаго съ натуральнымъ, то мы видимъ, что сельскій хозяинъ начинаетъ многое покупать, особенно платье, и понынѣ еще часто изготовляемое въ имѣніяхъ домашнимъ трудомъ. Мы видимъ это по большому числу ремесленниковъ съ ихъ спеціализаціей труда и по рѣдкому пользованію рабскимъ трудомъ.

Рабы.

Насъ поражаетъ малое значеніе рабовъ сравнительно съ тѣмъ, что мы знаемъ о римскомъ государствѣ. Даже въ Беотіи въ IV стол. рабы были малочисленны, въ Фокидѣ и Локридѣ ихъ до времени Александра почти совсѣмъ не было. Паденіе благосостоянія Аѳинъ скорѣе способствовало сокращенію ихъ числа, чѣмъ повышенію. Даже въ промышленныхъ мѣстностяхъ, они, повидимому, были малочисленны: число свободныхъ превышало ихъ. Это относится и къ Коринѳу и особенно къ Египту, условія жизни котораго намъ лучше всего извѣстны. Лишь въ Александріи число рабовъ сравнительно значительно: при $^1/_2$ милліонѣ населенія отношеніе свободныхъ къ рабамъ выражается отношеніемъ 2:3. Въ деревнѣ же число рабовъ, повидимому, было невелико, ибо, какъ мы видимъ, ихъ трудъ ни для сельскихъ, ни для промышленныхъ цѣлей не примѣняется, рабы фигурируютъ только въ качествѣ домашней прислуги. Въ зажиточныхъ домашнихъ хозяйствахъ бываетъ отъ 1—4 слугъ, какъ у насъ, и характерно, что только въ римскихъ домахъ рабы многочисленнѣе. Самое выдающееся положеніе въ домѣ занимаютъ рабыни, съ совершенно непонятной для древне-греческихъ взгля-

довъ откровенностью служившія наложницами господину, положеніе вещей, принимающее въ Египтѣ характеръ полигаміи. Рабовъ-ремесленниковъ мы встрѣчаемъ рѣдко и только въ богатыхъ домахъ. Ихъ положеніе отличается бо̀льшей свободой: они имѣютъ право заниматься своимъ ремесломъ для себя, и господинъ лишь производитъ съ ними разсчетъ; съ другой стороны, вольноотпущенники нерѣдко остаются въ домѣ бывшаго господина и продолжаютъ ему служить. И на царскихъ фабрикахъ работаютъ свободные рабочіе. Даже въ большихъ царскихъ латифундіяхъ не пользовались трудомъ рабовъ; земли участками сдавались въ аренду крупнымъ предпринимателямъ, которые, въ свою очередь, отдавали землю въ аренду мелкимъ арендаторамъ. Роковымъ явленіемъ была незбѣжность для казны прибѣгать въ иныхъ случаяхъ къ принудительной отдачѣ въ аренду, превращавшейся такимъ образомъ въ родъ тяжелой повинности. Въ общемъ же мы въ Птолемеевскомъ Египтѣ видимъ то же положеніе вещей, что на Востокѣ и въ гомеровской Греціи; обострения, созданныя впослѣдствіи Римомъ, еще не возникли,—что при чрезвычайной безпритязательности и политической незрѣлости густо населенной страны насъ не поражаетъ.

Соціальная борьба.

При описанныхъ соціальныхъ контрастахъ борьба была неизбѣжна.

Пока еще не вопросъ о рабахъ волновалъ эллинистическое общество, а контрастъ между богатыми и бѣдными или, лучше сказать, обѣднѣвшими. Ибо эгоистическая тенденція, характерная для эпохи, очень легко доводила людей до имущественнаго банкротства. Невоздержность и разнузданная роскошь превышали всякія границы, даже въ такихъ государствахъ, какъ Спарта. Поэтому не удивительны кровавыя гражданскія смуты, напр., у этолянъ.

Нигдѣ шаткость положенія вещей не сказывалась съ болѣе ужасающей ясностью, чѣмъ въ Спартѣ, экономическая жизнь которой основана была исключительно на земледѣліи. Число полноправныхъ спартанцевъ роковымъ образомъ уменьшалось; въ рукахъ же имущаго класса, въ разрѣзъ со спартанской традиціей (Э. К., стр. 80), сосредоточились большія земельныя богатства и даже крупные денежные капиталы. Нужда землевладѣльцевъ, стонавшихъ подъ бременемъ долговъ, грозила революціей. Во второй половинѣ III в. одинъ изъ спартанскихъ царей рѣшился на своеобразную реформу, проведенную отчасти уже Аѳинами въ древнее время (Э. К., стр. 75) и многократно предстоявшую Риму впослѣдствіи: онъ прибѣгнулъ къ прощенію долговъ и раздачѣ земель; принятіемъ же новыхъ людей въ число гражданъ онъ думалъ воскресить древнее спартанское гражданство къ новой жизни. Эта попытка потерпѣла неудачу, ибо Агидъ стремился сначала провести только освобожденіе отъ долговъ, благодаря которому выигрывали только обремененные долгами землевладѣльцы. Преемникъ его плановъ, отважный и увлекающійся славой родины, царь Клеоменъ, правда, провелъ новый земельный раздѣлъ съ принятіемъ новыхъ гражданъ, но его реформу подкосило опасное политическое положеніе Греціи, погубившее и Спарту.

Рабочій вопросъ также нерѣдко волновалъ эллинистическое

общество, о чемъ свидѣтельствуютъ египетскіе папирусы. Бывали забастовки, случаи дурного обращенія надзирателей, сцены, напоминающія намъ Моисея въ Египтѣ. Эта своеобразная древняя культурная страна, съ древнѣйшихъ временъ вплоть до сегодняшняго дня, во многихъ отношеніяхъ представляетъ неизмѣнную картину.

Лишь подъ вліяніемъ оттолосковъ римскихъ возстаній рабовъ періода Гракховъ начинается броженіе среди рабовъ эллинскаго міра. Возстаютъ рабы въ аттическихъ и македонскихъ рудникахъ. Интереснѣйшимъ соціальнымъ движеніемъ является тщетная попытка послѣдняго Пергамскаго царя, претендента Аристоника, основать новое государство, завоевавъ съ помощью рабовъ и массъ обѣднѣвшихъ свободныхъ гражданъ свободу и равенство для „гражданъ солнца“, какъ они себя называли.

Эллинистическое время, между прочимъ, породило и неизбѣжный результатъ жизни большихъ культурныхъ центровъ — столичный плебсъ — что мы, главнымъ образомъ, видимъ на примѣрѣ Александріи, пестро смѣшанное населеніе которой многократными возстаніями волновало метрополію.

4. ВОЕННОЕ ДѢЛО

Прочность эллинистическихъ міровыхъ державъ базировалась не только на финансовыхъ основахъ, но и на военныхъ; въ описанной исторической эволюціи войско играло характерную роль: охраняя престолъ монарха, но и захватывая иной разъ въ свои руки власть надъ нимъ, оно должно было стать болѣе важнымъ факторомъ въ вопросѣ о прочности государства, чѣмъ когда-либо во всемірной исторіи. Мы убѣдились, какъ военный чиновникъ (стратегъ) вытѣсняетъ гражданскаго (стр. 19 сл., 24), какъ титуломъ стратега именуютъ высшее должностное лицо въ общинахъ, даже совершенно не воинственныхъ (стр. 21).

Въ зависимости отъ происхожденія слѣдуетъ различать три категоріи эллинистическаго войска, которыя смѣняютъ другъ-друга и смѣшиваются: это—древняя національно-македонская дружина, всеобщій созывъ эллиновъ и варваровъ, жителей одного государства, и наемное войско.

Военный строй Македоніи.

Понятно, что въ Македоніи въ главныхъ чертахъ сохранилось древне-македонское военное устройство, основывавшееся на свободномъ крестьянствѣ и военной знати. Тогда какъ у остальныхъ Діадоховъ, кромѣ довольно обширныхъ гарнизоновъ, было небольшое постоянное войско, въ Македоніи не было ни постояннаго войска, ни флота. Однако, подобно современнымъ албанцамъ, воинственное населеніе очень быстро превращалось изъ крестьянъ и пастуховъ въ мужественныхъ солдатъ. Уже при Филиппѣ своеобразіе македонскаго войска сказывалось въ особенно интимномъ отношеніи солдатъ къ монарху. Солдаты

конной дружины назывались просто „товарищами“ (гетерами), пѣшотные солдаты „пѣшими товарищами“ (педзетерами). Чтобы сгладить перевѣсъ, сказывающійся уже въ самомъ имени, этой первой во всемірной исторіи (Э. К., стр. 273), прекрасно дисциплинированной кавалеріи, Филиппъ выдвинулъ знаменитую „фалангу“ — пѣхоту, вооруженную длинной (въ $5^1/_2$ метровъ) сариссой (македонское копье) и небольшимъ щитомъ. Рядомъ съ пѣшей дружиной (педзетерами) — тяжелой инфантеріей — Александръ организовалъ, по образцу древнихъ пельтастовъ (Э. К., стр. 272), вооруженныхъ легкими копьями щитоносцевъ (гипаспистовъ), дѣленіе которыхъ на хиліархіи (тысячи) греческаго происхожденія. И конные солдаты дѣлились на группы, на гиппархіи, распадавшіяся на полки (илы) и сотни. Среди конницы и легковооруженной пѣхоты отдѣльные отряды составляли царскую охрану. Рядомъ съ ними стояли особые гетеры (товарищи), составлявшіе ближайшую личную охрану монарха, и царскіе пажи, предназначенные для личныхъ услугъ и стоявшіе рядомъ съ гипаспистами (щитоносцами). Все войско было связано личными отношеніями съ монархомъ. Особенно близки были ему нѣкоторые высшіе чины арміи, которыхъ можно сравнить съ нашими генералъ-адъютантами (см. стр. 19). Они назначались лично царемъ; послѣ смерти каждаго вакантное мѣсто немедленно замѣщалось. Всѣ властители великихъ монархій сохраняли это чисто-македонское зерно войска, опираясь, главнымъ образомъ, на македонцевъ, занимавшихъ главныя должности при дворѣ и въ государственномъ управленіи. Кромѣ Македоніи, это преимущество македонцевъ особенно ярко сказывалось въ Египтѣ. Здѣсь македонскіе солдаты являются гражданами обоихъ греческихъ городовъ Александріи и Навкратиды; стоятъ они, главнымъ образомъ, въ Александріи. Пробѣлы въ войскѣ заполнялись потомками военныхъ колонистовъ-македонцевъ, хотя они и не были уже чистокровными македонцами.

Варварское войско.

Геніальная мысль великаго Александра упрочить свою міровую власть сліяніемъ эллиновъ и варваровъ не была осуществлена его преемниками и въ области военной организаціи. О планахъ Александра организовать такое міровое войско будетъ сказано ниже (стр. 54). Кромѣ него въ этомъ вопросѣ сказали свое слово одни только Птолемеи. Послѣ побѣды Птолемея IV при помощи египетскихъ войскъ въ битвѣ при Рафіи (217), египтяне, благодаря начинавшейся въ ту пору націоналистической реакціи, стали проникать въ составъ регулярнаго войска, гдѣ до этого времени наибольшее значеніе имѣли наемники.

Наемники.

Наемники составляютъ третій важный элементъ въ эллинистическомъ войскѣ. Живое изображеніе ихъ на службѣ персидскаго царя Кира мы впервые встрѣчаемъ въ „Анабасисѣ“ Ксенофонта. Важную роль играютъ они и въ Аѳинахъ въ послѣдніе годы аѳинской демократіи

(Э. К., стр. 275); позднѣе ихъ значеніе все увеличивается, и вскорѣ услугами наемниковъ широко начинаютъ пользоваться какъ діадохи, такъ и греческія общины. Ихъ вербовали на обширныхъ „наемническихъ рынкахъ“ въ Греціи, Ѳракіи, на Критѣ и въ Малой Азіи; наемники были родомъ изъ самой Греціи, изъ Ѳракіи и изъ мѣстностей южной и центральной Малой Азіи. Руководимые разумными разсчетами, египетскіе монархи сплачивали наемниковъ опредѣленной мѣстности земляческими организаціями. Въ качествѣ предводителей особенно цѣнили воинственныхъ этолянъ. Эти наемники, подобно бандамъ кондотьеровъ эпохи Возрожденія, не знали большой привязанности къ своему властителю, часто на полѣ битвы измѣняя ему въ пользу другого и переходя къ побѣдителю. Сплоченное чувствомъ товарищества, наемное войско дѣлилось на отряды (лохи); послѣдніе часто сами выбирали себѣ предводителя и представляли родъ демократической общины, самовластно принимающей рѣшенія. Недостатокъ идеализма въ службѣ наемниковъ не искупался ихъ тактической подготовленностью. Часто уволенные наемники примыкали къ шайкамъ морскихъ разбойниковъ, до времени Помпея тревожившихъ Средиземное море.

Военныя колоніи. Александръ является творцомъ еще одной организаціи, ставившей войска въ постоянную и прочную зависимость отъ монарха. Это—насажденіе военныхъ колоній, извѣстныхъ намъ и въ Азіи, въ царствѣ Селевкидовъ, но детально знакомыхъ намъ лишь въ Египтѣ. Большинство солдатъ въ качествѣ клеруховъ получало по жребію надѣлъ земли; причисленные къ активному запасу, они въ случаѣ войны должны были идти на службу. Эти земельные надѣлы переходили къ ихъ сыновьямъ, и такимъ образомъ въ составѣ населенія страны возникало чисто-военное сословіе. Но обязанность сельскаго населенія предоставлять имъ жилища подъ постой являлась для коренного населенія тяжелой повинностью, приводившей къ опаснымъ конфликтамъ.

Дѣленіе войска. О дѣленіи войска мы знаемъ мало. Всюду властители стремились обезпечить себѣ личную охрану, напоминавшей своей организаціей въ бо̀льшей или меньшей степени гвардію Александра. Для Египта основой служило, повидимому, дѣленіе на округа, со стратегомъ во главѣ каждаго. Принадлежность къ конницѣ или пѣхотѣ была предусмотрѣна, ибо земельный надѣлъ коннаго солдата былъ больше. Отдѣльные отряды насчитывали по 1000, 500, 100 и 50 человѣкъ. Соотвѣтственно отрядамъ распредѣлялись начальники: особое значеніе въ „странѣ писцовъ“ имѣли чиновники интендантства. Въ греческихъ общинахъ военачальники все еще называются старыми именами стратеговъ, полемарховъ и гиппарховъ (Э. К., стр. 251 сл.).

Роды оружія. Уже Александръ соединилъ зерно своихъ македонцевъ съ контингентами другихъ греческихъ племенъ и варварскихъ народовъ. Въ

войскѣ же его преемниковъ мы видимъ соединеніе всѣхъ пріобрѣтеній военнаго искусства и такое сочетаніе всѣхъ видовъ оружія (рис. 21, 22), которое до того времени еще не было достигнуто. Зерно войска составляли солдаты македонской фалангы, вооруженные сариссой въ $6^1/_2$ метр. длины и тѣсно прилегающимъ къ тѣлу панцыремъ; соотвѣтственно металлическимъ украшеніямъ щитовъ, они называются то „среброщитными“, то „мѣдощитными“. Конница, преимущественно набираемая изъ страны всадниковъ—Θессаліи (Э. К., стр. 5), въ своемъ главномъ македонскомъ контингентѣ была вооружена тяжелымъ панцыремъ, небольшимъ кованнымъ щитомъ и пикой. Особенное значеніе пріобрѣтаетъ возникшая въ послѣдній періодъ эллинской эпохи легкая инфантерія пельтастовъ, входившая въ составъ войскъ не только тогдашнихъ греческихъ общинъ, но и эллинистическихъ монарховъ. Уже въ древнемъ греческомъ войскѣ существовали отряды стрѣлковъ, пращниковъ и метателей камней; теперь возникаютъ рядомъ съ ними многочисленные легкіе отряды коннаго и пѣшаго войска, поставляемые населеніемъ данной страны; въ Македоніи—оракійцы, пэонцы и иллирійцы; въ царствѣ Селевкидовъ—разнообразнѣйшіе контингенты всей Азіи, начиная съ галловъ, вооруженныхъ щитами величиною съ дверь, и кончая аравійскими наѣздниками на верблюдахъ, кавалеріей катафрактовъ, вооруженной тяжелыми панцырями, и персидскими боевыми колесницами съ косами. Съ нашей

Рис. 21. РЕЛЬЕФЪ СЪ ИЗОБРАЖЕНІЕМЪ ОРУЖІЯ ИЗЪ ПЕРГАМА.

Ср. «Altertümer von Pergamon», II, Tf. 43.

Кромѣ обычнаго оружія (шлема, кожанаго панцыря, меча съ висящей на немъ повязкой съ кистями, овальныхъ щитовъ), изображены оригинальныя детали вооруженія, повидимому, неэллинскаго воина, сражавшагося на колесницѣ: маска лошади, маска-шлемъ, украшенная бородой, и кожаныя (?) рукавицы для нижней части рукъ. Посреди рельефа колесница съ отверстіями для поводьевъ на верхней части ея.

полевой артиллеріей сравниваютъ знаменитыхъ боевыхъ слоновъ Александра, заимствованныхъ имъ изъ Индіи; нагруженные многочисленными стрѣлками, они вносили переполохъ въ ряды враговъ. При умѣніи противника задержать ихъ капканами и усѣянными гвоздями досками, или напугать ихъ факелами и крикомъ, ихъ появленіе могло быть обезврежено, иногда же становилось даже пагубнымъ для своего же войска. Насколько римляне изощрились справляться и съ этой особенностью эллинистической военной тактики, показываютъ намъ ихъ побѣды надъ Пирромъ и Антіохомъ III. Со II столѣтія поэтому слоны исчезаютъ изъ войскъ Селевкидовъ и Птолемеевъ, гдѣ ими, главнымъ образомъ, пользовались. Объ употребленіи метательныхъ орудій на полѣ битвы, которое и у насъ шире развилось лишь со времени нѣмецко-французской войны, въ эту эпоху не можетъ быть рѣчи; тѣмъ не менѣе, въ этомъ направленіи дѣлались попытки даже консервативными лакедемонцами.

Тактика и стратегія.

Естественно, что съ эпохи Александра Великаго начинается новая эра военнаго искусства. Однако, Александръ умеръ слишкомъ преждевременно, чтобы успѣть осуществить и въ этой области свои планы реорганизаціи.

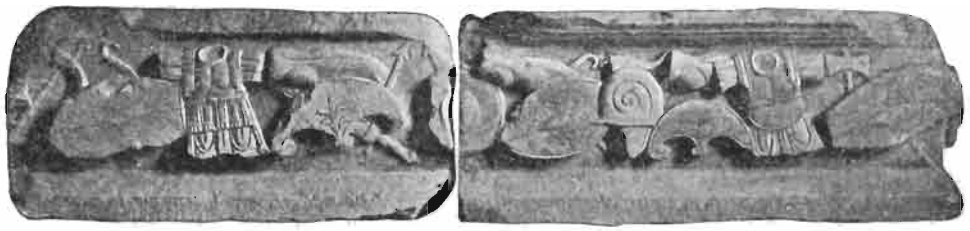

Рис. 22. ЧАСТЬ ФРИЗА ПРОПИЛЕЙ МИЛЕТСКАГО ЗДАНІЯ СОВѢТА (Булейтеріонъ).
Ср. Wiegand, «Milet, Ergebnisse des Ausgrabungen», II, Tf. 15. Рядомъ съ овальными щитами, похожими на пергамскіе, мы видимъ щиты пельтастовъ въ видѣ полумѣсяца. Изображеніе едва намѣчено, почти не моделировано. Предметы вооруженія переданы бѣгло, безъ детальной характеристики, напр., шлемъ непропорціонально великъ. Зная часть фриза, длина котораго 41 метръ, знаешь весь; на всемъ его протяженіи шаблонно повторяются одни и тѣ же предметы вооруженія.

Фаланга.

Планы реорганизаціи Александра касались и всемірно-знаменитой фаланги; это была масса тяжело-вооруженныхъ въ 16 рядовъ глубины, 5 первыхъ рядовъ которой по данному знаку начинали дѣйствовать своей длинной сариссой. Александръ прекрасно видѣлъ, что эта система наступленія могла имѣть успѣхъ лишь въ случаѣ нападенія. Положеніе становилось критическимъ, когда неровность почвы или наступленіе на фланги разрывало сплоченность массы или нарушало ея стройность. Александръ мечталъ о новомъ строѣ фаланги, въ которомъ должно было произойти на военной почвѣ такое же сліяніе Востока съ Западомъ, какого онъ добивался въ политикѣ; уже по этой причинѣ планъ былъ отклоненъ его преемниками. Новая фаланга, состоявшая изъ 15 рядовъ, должна была въ серединѣ вмѣщать персидскіе отряды, вооруженные стрѣлами и метательными копьями, и такимъ образомъ должна была быть годной для дальняго боя; она должна была, кромѣ того, равномѣрно распадаться на части отъ 1000 до 10 человѣкъ.

Для развитія тактики со времени Александра сомкнутость массъ фаланги, неподвижно выжидавшей результатовъ борьбы фланговъ и

только тогда переходившей къ рѣшительному наступленію, стала роковой. Мы увидимъ полную побѣду надъ этой тактикой римскаго, болѣе подвижного способа наступленія, тѣмъ болѣе, что фалангитъ, кромѣ сариссы, былъ вооруженъ только короткимъ мечомъ, годнымъ лишь для колющаго удара. Рядомъ съ фалангой, бо́льшую самостоятельность отнынѣ пріобрѣтаетъ кавалерія. Не только эллинистическіе монархи, но и два большихъ союзныхъ государства, этолянъ и ахейцевъ, обращали вниманіе на постоянную ея тренировку, такъ что конница была въ состояніи перестраиваться и дѣлать повороты, не теряя сомкнутости. Конница.

Совокупная тактика войскъ по испытанной системѣ Александра, которой продолжали придерживаться, была слѣдующая: конница и легковооруженные открывали битву совмѣстно съ крыломъ, во главѣ котораго находился полководецъ, затѣмъ выступало второе крыло, и только подъ конецъ громоздкая фаланга. Своеобразіе этой тактики вызывало необходимость имѣть запасные отряды для отпора наступленій на опасно обнаженный флангъ фаланги. Этой цѣли иногда служили слоны, расположенные, если не передъ фронтомъ, то по линіи, прикрывающей фланги и идущей отъ крыльевъ назадъ. Другіе резервы, особенно на флангахъ, были постоянно готовы къ нападенію. Сраженіе.

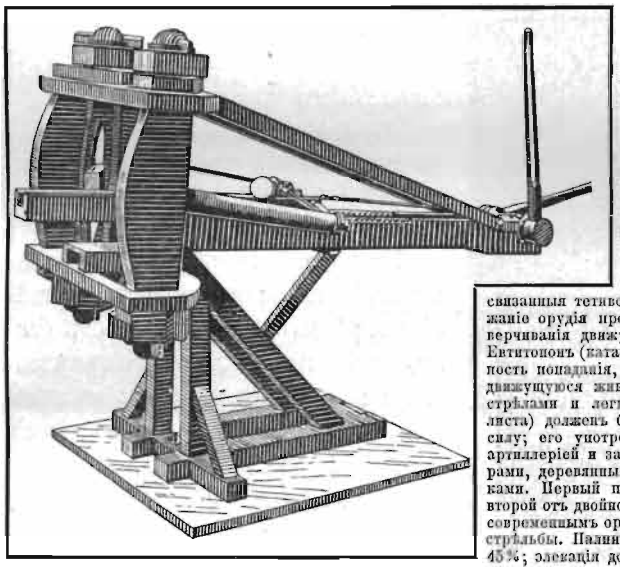

Рис. 23. PALINTONON (БАЛЛИСТА).

Реконструкція полковника E. Schramm («Griechisch-römische Geschütze, Metz.», 1910, S. 22, Fig. 3).

Движущая сила древнихъ орудій лежитъ въ эластичности свитыхъ изъ жилъ или женскихъ волосъ канатовъ; эти канаты или связки канатовъ ставились въ вертикальномъ положеніи въ особыхъ натяжныхъ рамахъ по обѣ стороны открытаго сверху дула или желоба орудія; въ эти эластичные канаты вставлялись деревянныя, связанныя тетивой, ручки. Натягиваніе или заряжаніе орудія производится путемъ обратнаго навертыванія движущагося по дулу выбрасывателя. Евтитононъ (катапульта), цѣль котораго была точность попаданія, употреблялась для стрѣльбы въ движущуюся живую цѣль; поэтому его заряжали стрѣлами и легкими ядрами. Палинтононъ (баллиста) долженъ былъ развить возможно бо́льшую силу; его употребляли для борьбы съ вражеской артиллеріей и заряжали тяжелыми каменными ядрами, деревянными балками и свинцовыми слитками. Первый получилъ свое имя отъ простого, второй отъ двойного лука; оба рода соотвѣтствуютъ современнымъ орудіямъ для настильной и навѣсной стрѣльбы. Палинтононъ стрѣляетъ подъ угломъ въ 45°; элевація достигается поднятіемъ лафета.

Искусство осады развивается съ рафинированностью, съ которой можетъ опять-таки сравниться только, зависимая отъ него, римская техника и нѣкоторые тактическіе пріемы новаго времени. Къ успѣшно употреблявшимся уже царемъ Филиппомъ euthytona (машинамъ для метанія копій) и palintona (рис. 23, машинамъ для метанія камней), катапультѣ и Осада.

баллистѣ, метавшимъ громадныя стрѣлы или цѣлые каменные грузы, присоединились машины, метавшія огненныя стрѣлы и употреблявшіяся, главнымъ образомъ, осажденными. Подвижныя, покрытыя панцырями, башни, часто громадной высоты, направляли изъ многочисленныхъ этажей оружіе на непріятелей. Славились орудія старшаго Діонисія Сиракузскаго, сооруженія же „осадителя городовъ“ Деметрія Поліоркета превзошли все существовавшее до него.

Его «helepolis» (завоевательница городовъ), оказавшаяся, правда, безсильной сломить мужественный Родосъ, была громадная осадная башня въ 50 м. высоты, хранившая въ себѣ въ 9 этажахъ множество орудій, окруженная по сторонамъ громадными таранами. Прибѣгаютъ къ существеннымъ и въ современной войнѣ минамъ, въ связи съ разными утонченными пріемами, въ родѣ выпусканія удушливыхъ паровъ на непріятеля. Пользуются лѣстницами, подъемными мостами, предохранительными щитами и палатками, чтобы безопасно дѣйствовать противъ врага таранами съ предохранительными крышами и „черепахами“. Но и оборонявшіеся защищались всякими способами: обивкой стѣнъ металломъ и мокрой кожей, шестами, снабженными крюками, которыми управляли со стѣнъ и т. п.

Рис. 21. НИКА ИЗЪ САМООРАКИ. Фотографія. Снимокъ показываетъ кузовъ судна, на которомъ стоитъ богиня.

Военный обозъ.

Громадный военный обозъ, слѣдовавшій за эллинистическимъ войскомъ, рѣзко отличалъ его отъ благородной картины древняго гражданскаго войска. Съ войскомъ въ эллинистическую эпоху шелъ не только провіантъ и матеріалъ для военныхъ нуждъ, за нимъ слѣдовали и жены и дѣти, напоминая войско ландскнехтовъ. На мѣстахъ остановокъ эллинистическое войско располагалось обширнымъ лагеремъ, плохо укрѣпленнымъ сучковатыми деревьями, отличаясь и этимъ отъ римскаго войска, строившаго прекрасно защищенные лагери.

Лагерь.

Морская война.

Большое значеніе имѣло усовершенствованіе морской войны въ это время. Типъ судна (рис. 24, 25) развивается въ сходномъ съ современнымъ направленіи, стремящемся въ своихъ сверхдредноутахъ превзойти дредноуты. Рядомъ съ тріерами, отступающими постепенно на задній планъ, распространяются четырех- и пятирусныя тетреры и пентеры. Онѣ были въ ходу уже въ первой половинѣ IV стол. въ Сициліи. Строились и бо́льшія суда. Деметрій сооружалъ даже шестнадцатипалубныя суда, оказавшіяся, однако, непригодными. Ря-

домъ съ большими броненосцами существовалъ—и здѣсь такимъ образомъ сказалось свойственное эллинистическому времени богатство формъ—цѣлый рядъ небольшихъ судовъ, нерѣдко принадлежавшихъ разбойничьимъ шайкамъ, услугами которыхъ часто пользовались эллинистическіе монархи. Боевая пригодность судовъ увеличивалась множествомъ нововведеній. Угрожать непріятельскому судну огнемъ было открытіемъ опытныхъ моряковъ родоссцевъ. Съ этой цѣлью съ судна далеко въ море свѣшивались на длинныхъ шестахъ горящія металлическія корзины.

Рис. 25. НИКА ИЗЪ САМОѲРАКИ.
Реконструкція Цумбуша.
Ср. Studniczka, «Die Siegesgöttin», Fig. 55.
Суда по изображенію на одной монетѣ (рис. 73), трубу держали иначе: она покоилась на ладони. Деревянный крестъ въ лѣвой рукѣ богини изображаетъ или трофей, или шестъ для него; быть-можетъ, это стилисъ (райна на задней части корабля), употребляемая для поднятія вымпела или прикрѣпленія украшенія на кормѣ (афластонъ).

Число громадныхъ судовъ было, разумѣется, значительно меньше числа древнихъ тріеръ въ классическое время (Э. К., стр. 243 сл.). Лишь Деметрій одержалъ однажды побѣду при Саламинѣ на Кипрѣ флотомъ, численностью въ 170 судовъ. Въ общемъ же и большой флотъ рѣдко достигалъ 100 крупныхъ военныхъ кораблей; знаменитые флоты Родоса и Пергама рѣдко насчитывали даже половину этого числа.

Въ стройныхъ маневрахъ эллинскаго времени военное судно двигалось съ ловкостью борца; тяжелыя суда естественнымъ образомъ начали прибѣгать къ пріему, противорѣчившему старымъ боевымъ правиламъ и состоявшему въ нанесеніи удара тараномъ спереди и поврежденіи непріятельскаго судна подъ ватерлиніей. Что касается боевого строя, то тактика, введенная Александромъ въ сухопутную войну и состоявшая въ энергичномъ выступленіи сначала однимъ флангомъ, часто примѣнялась и на морѣ.

Полиція.

Рядомъ съ войскомъ и полиція организована въ нѣкоторыхъ случаяхъ по-военному; напр., въ Египтѣ, гдѣ Александрія находилась подъ охраной городского полицеймейстера, „почного полководца“.

5. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ

Жилища.

По картинѣ жизни поздняго эллинскаго періода (Э. К., стр. 263) мы предугадываемъ ея дальнѣйшее направленіе и видимъ все растущую роскошь ея.

Рис. 26. СЕРЕБРЯНАЯ ЧАША ИЗЪ ГИЛЬДЕСГЕЙМА.
Ср. Pernice-Winter, Tf. I.
Лошна отдыхаетъ послѣ побѣдной борьбы.
Чаша найдена въ 1868 году, со многими другими серебряными сосудами, въ Гильдесгеймѣ. Нынѣ въ Берлинѣ. Трактовка одежды, форма шлема, орудіе въ правой рукѣ богини напоминаютъ намъ пергамскія скульптуры. На скалѣ передъ богиней вѣнокъ изъ лавра или маслины, охраняемый ея совой; края чаши украшаетъ богатый орнаментъ изъ аканеа и пальметокъ.

Царскіе дворцы.

Правда, эллинистическія жилища Делоса и Пріены поражаютъ насъ своей простотой, но подъ вліяніемъ Востока и въ этой области начинаетъ пробуждаться стремленіе къ болѣе изысканной обстановкѣ жизни. Появляются дома съ двумя половинами, одна изъ которыхъ по образцу восточныхъ гаремовъ служитъ жилищемъ женщинъ и семьи. Возникаютъ, неизвѣстныя въ скромномъ древнемъ жилищѣ, пріемныя и столовыя, украшенныя колоннадами. Царскіе дворцы, правда, не отличаются чрезмѣрной роскошью. Но надо сознаться, что у насъ мало данныхъ для сужденія о дворцахъ великихъ монарховъ; съ другой же стороны, временныя жилища, въ родѣ палатокъ и кораблей, поражаютъ совершенно необычайнымъ комфортомъ.

Внутреннее убранство дома.

Растущее богатство эпохи міровой торговли отражается и на внутреннемъ убранствѣ жилища. Кромѣ нѣкоторыхъ новыхъ художественныхъ формъ, Востокъ снабжалъ эллинскій міръ и драгоцѣнными матеріалами: благородными сортами дерева, слоновой костью, драгоцѣнными металлами и алебастромъ. О нѣкоторыхъ бронзахъ, а также о многихъ сосудахъ, трактованныхъ съ тончайшимъ художественнымъ вкусомъ и часто сдѣланныхъ изъ разныхъ сортовъ стекла или изъ драгоцѣннаго металла (рис. 26),

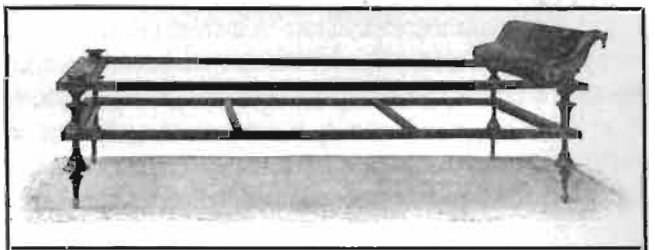

Рис. 27. ЛОЖЕ ИЗЪ ПРІЕНЫ.
Ср. Wiegand-Schrader, «Priene», стр. 379.
Вырѣзанныя изъ дерева ножки и спинка были для прочности окованы бронзой; на спинкѣ эта обивка образовывала тончайшей формы, искусно моделированную, лошадиную головку. Сама кровать состоитъ изъ двойной рамы. Верхняя была обтянута кожаными ремнями, на которыхъ покоился матрацъ.

часто украшенныхъ драгоцѣнными камнями, будетъ сказано ниже въ отдѣлѣ объ искусствѣ. Послѣднія изысканія въ Пріенѣ доказываютъ лишній разъ, что бронза была излюбленнымъ металломъ эллинизма. Чисто декоративныя, часто очаровательныя, статуэтки становятся все многочисленнѣе, на ряду съ предметами практическаго назначенія, въ родѣ разной утвари, ларей, ложъ, кроватей (рис. 27), канделябровъ съ многочисленными лампами (рис. 28, 29) и др. Пробуждается то несравненное, изысканное умѣнье художественно украшать жилище, которое мы наблюдаемъ еще и въ эпоху римской имперіи. Чувство стиля эпохи характеризуется, на ряду съ другими особенностями, стремленіемъ избѣгнуть загроможденія жилища предметами, что такъ безобразитъ современные дома.

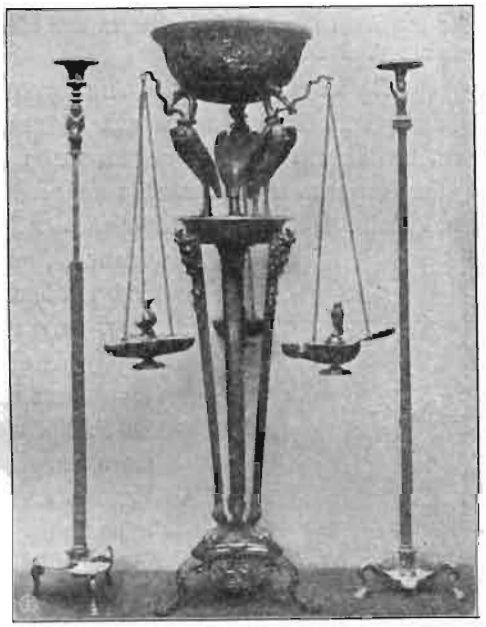

Рис. 28. КАНДЕЛЯБРЪ. НЕАПОЛЬ. По фотографіи.

Подъ вліяніемъ персидскаго Востока и монарховъ пріобрѣтаютъ бо́льшее значеніе **парки**. Парки. Въ столицахъ существуютъ даже общественные парки, напр., прелестная Дафна, излюбленное мѣсто развлеченія мірового города Антіохіи, устроенное по образцу современныхъ загородныхъ садовъ.

Рис. 29. ВЕРХНЯЯ ЧАСТЬ КАНДЕЛЯБРА. Въ Вѣнѣ, изъ Эфеса. По фотографіи.

Походы Александра внесли новое какъ въ манеру устройства дома и его обстановку, такъ и въ **одежду**. Одежда. Они ознакомили грековъ съ новыми тканями, напр., съ бумажными матеріями, и интенсивнѣе распространили уже извѣстныя, какъ, напр., шелкъ. Они же научили цѣнить чужеземныя формы и моды. И въ этой области произошло, такимъ образомъ, сліяніе чужеземнаго съ роднымъ греческимъ, въ иныхъ же случаяхъ привились и совсѣмъ чужія формы одежды, какъ, напр., персидская и ливійская одежда.

Мужчины опять начинаютъ носить короткій **хитонъ** (Э. К., стр. 279), временно почти совершенно вытѣсненный богатымъ складками гиматіемъ. Въ связи съ живымъ Хитонъ.

процвѣтаніемъ ремесла распространяется эксомида, хитонъ съ прорѣхой для лѣвой руки, оставлявшій грудь обнаженной. Полотняный хитонъ женщинъ, форма котораго, послѣ многочисленныхъ колебаній моды (рис. 33), въ позднее классическое время напоминала пеплосъ, теперь принято опоясывать оригинальнымъ способомъ, вызывавшимъ подражаніе во времена „Empire“. Женщины опоясывались не въ таліи, а ниже ея или ниже груди. Сверхъ хитона онѣ носили мантію или короткій плащъ, которымъ можно было покрыть голову.

Ткани и техника ихъ производства.

Бумажный хлопокъ, употребленный впервые воинами Александра въ сыромъ видѣ для набивки подушекъ и сѣделъ, употреблялся въ индійскаго издѣлія тканяхъ для одежды; впослѣдствіи же его стали обрабатывать и самостоятельно, главнымъ образомъ, въ Египтѣ и Передней Азіи. Искусно пользовались и другими растеніями для выработки тканей. Для шелка главнымъ центромъ производства былъ долгое время Косъ. Косскія нѣжныя, затканныя золотомъ и окрашенныя въ пурпуровый цвѣтъ, ткани составляли матеріалъ „косскихъ нарядовъ“ гречанокъ, пока съ I вѣка до Р. Хр. китайскій шелкъ не вызвалъ полнѣйшаго переворота въ производствѣ матерій. Рядомъ съ новыми старые матеріалы, шерсть и полотно, соткапные въ новыхъ сочетаніяхъ, оживлялись новыми цвѣтами и узорами. Пестрота тканей, вышиваніе, особенно золотомъ, тканье парчи, проникающее съ востока, достигли высочайшаго расцвѣта; создавались причудливѣйшія украшенія нарядовъ, часто избыткомъ декоративной роскоши заглушавшія здоровое чутье стиля. Наивная орнаментика Гомера въ классическую эпоху была на повседневныхъ нарядахъ замѣнена геометрическимъ и строгимъ стильнымъ орнаментомъ, теперь же возвращаются и богатый растительный орнаментъ, и безстильное сочетаніе изображеній животныхъ съ человѣческими.

Рис. 30. Т. НАЗ. НАРЦИССЪ (быть-можетъ, молодой Діонисъ). Ср. v. Duhn, «Pompeji», Tf. I.

Женскій нарядъ.

Плетеная остроконечная шляпа съ широкими полями, безчисленные сорта обуви, о которыхъ намъ даетъ понятіе одно изъ стихотвореній Геронда, богатыя золотыя украшенія, благовонныя мази, бѣлила, фальшивыя волосы — вотъ принадлежности туалета эллинистической свѣтской дамы.

Роскошь нарядовъ.

При колоссальномъ распространеніи роскоши понятно повсемѣстное появленіе въ Греціи магистратовъ для наблюденія за роскошью въ одеждѣ и ея пресѣченіемъ (гинайкономы); дѣйствительность ихъ вліянія такъ же призрачна, какъ въ наше время призывы къ простотѣ.

Борода.

Удивительное постоянство моды сказалось въ томъ, что греки на полъ-тысячелѣтія отказались отъ обычнаго ношенія длинной бороды. За исключеніемъ консервативныхъ философовъ (рис. 31 и 48 сл.), теперь бороду всѣ брили. Такая перемѣна моды казалась бы еще болѣе удивительной, если признать, что на это повліялъ примѣръ Александра.

Рис. 31. ПОРТРЕТЪ ИЗЪ АНТИКИѲЕРЫ.
Бронза, найденная въ морѣ, нынѣ въ Аѳинахъ. Ср. Svoronos, «Athen. Nat.-Mus.», Tf. 3.
Превосходна трактовка волосъ.

Ѣда.

Прогрессирующая роскошь въ связи съ чужеземнымъ вліяніемъ, особенно съ вліяніемъ Востока, сказывается и въ обычаяхъ ѣды. Новая комедія особенно полна намековъ на излишества въ этой области. Но все же характерно, что грекъ этого періода не дошелъ до крайностей грубой невоздержности римлянина временъ имперіи. О подобной распущенности безумнаго сибаритства мы, по крайней мѣрѣ, не слышимъ даже при дворѣ монарховъ. Роскошь во многихъ случаяхъ сводится лишь къ вызваннымъ комфортомъ жизни утонченнымъ наслажденіямъ стола. Характерна роль повара. Поваръ Деметрія Фалерскаго купилъ себѣ на скопленныя въ нѣсколько лѣтъ деньги два большихъ доходныхъ дома. Кромѣ повара, любимой фигурой новой комедіи является параситъ, бѣднякъ, который въ благодарность за полученныя кулинарныя наслажденія занималъ приглашенныхъ гостей своего хозяина; многіе изъ такихъ параситовъ заслужили безсмертіе своимъ остроуміемъ. Не удивительно поэтому, что гастрономическая литература—проза и поэзія — начинаетъ процвѣтать.

Утонченные пищевые продукты.

При выборѣ утонченныхъ продуктовъ пищи развивается мода, особенно наблюдаемая въ эпоху римской имперіи, отдавать предпочтеніе предметамъ дальняго привоза, напр.: печенью изъ Каппадокіи, копченому мясу изъ Ликіи или Испаніи; богачи же покупали и рабовъ изъ этихъ странъ, умѣвшихъ приготовлять заморскія блюда во всемъ ихъ своеобразіи. Пряности запада вытѣснили старыя, давно бывшія въ употребленіи, какъ, напр., гладышъ (Э. К., стр. 71 сл.). Въ вино стали класть пряности и пить его горячимъ. Кромѣ вина, среди греческаго населенія Египта сильное распространеніе находитъ давно цѣнимое здѣсь пиво.

Пиры.

Въ обычай слѣдующаго за трапезой симпосія (Э. К., стр. 280 сл.) эллинистическое время въ общемъ измѣненій не внесло (рис. 32). И въ эту эпоху усердно велась серьезная философская и научная бесѣда, не меньше процвѣтало широкое веселье попойки: публичныя женщины и Variétés дополняли наслажденія.

Успѣхи этихъ увеселеній намъ рисуетъ забавный разсказъ Алкифрона, дающій въ своихъ письмахъ живую картину эллинистическихъ нравовъ: добрый поселянинъ воскликнулъ при видѣ фокусника, искусно вынимавшаго шары изъ носа и ушей: „Да не является подобная бестія на мой дворъ; послѣ его визита все исчезнетъ“.

Запреты излишествъ роскоши, неразрѣшеніе, напр., въ Аѳинахъ, приглашать къ столу болѣе 30 гостей, фактически ничего не достигали. Гораздо большее значеніе имѣло въ эту эпоху контрастовъ возникновеніе аффектированной простоты киниковъ въ противовѣсъ излишествамъ роскоши, поощряемымъ даже философскими ученіями, въ родѣ, правда, невѣрно понятаго ученія Эпикура.

Рис. 32. КУБОКЪ ИЗЪ ГИЛЬДЕСГЕЙМСКАГО СЕРЕБРЯНАГО КЛАДА.

Берлинъ. Ср. Pernice-Winter, Tf. 9. Стѣнки кубка покрыты четырьмя лавровыми вѣтками, положенными крестъ-на-крестъ. Ручки обломаны, также ножка, которая, по всей вѣроятности, была выше реставрированной. Очень реалистичныя лавровыя вѣтви и строго стилизованный листовый орнаментъ на краю кубка были позолочены.

Нѣкоторые примѣры изъ папирусовъ Оксиринха III стол. послѣ Р. Хр. иллюстрируютъ, насколько даже форма пригласительныхъ писемъ напоминаетъ обычаи нашего времени:

„По случаю бракосочетанія дочери Исидоръ приглашаетъ тебя отобѣдать у него въ домѣ центуріона Тита въ 9 часовъ“.

„Тебя приглашаетъ Декадархъ на пиръ 26-го въ 8 часовъ“.

„Привѣтъ тебѣ, госпожа моя Серенія, отъ Петосириса. Сдѣлай все, о госпожа, чтобы 20-го въ день торжества рожденія бога пріѣхать ко мнѣ, и сообщи мнѣ, пріѣдешь ли на кораблѣ, или на ослѣ, дабы послать его тебѣ. Смотри, госпожа, исполни это. Я желаю тебѣ всѣхъ благъ“.

Женщины.

Духъ новаго времени сильно сказывается и въ измѣненіи положенія женщины. Эмансипація ея явно прогрессируетъ. Причинъ, породившихъ ее, нѣсколько (рис. 33). Прежде всего, съ прекращеніемъ интенсивной политической дѣятельности, отпала главная причина прежняго отчужденія мужчины отъ семьи и дома. Кромѣ того, женщины въ иныхъ случаяхъ становились владѣлицами большой части капитала, находившагося въ обладаніи у гражданства, подобно тому, какъ раньше въ Спартѣ (Э. К., стр. 283), и это является второй причиной ихъ бо́льшей самостоятельности. Мы часто видимъ въ послѣдующей исторіи,

особенно во времена имперіи, женщинъ, жертвующихъ свое состояніе на общественныя нужды: на постройки, на водопроводы, бани, общественныя строенія, на учрежденія для воспитанія юношества и религіозныя нужды. Въ юго-западной Малой Азіи онѣ, благодаря своему богатству, несутъ литургіи и достигаютъ эпонимныхъ государственныхъ должностей (стр. 33); правда, въ названныхъ мѣстностяхъ дѣло не обошлось безъ вліянія, именно здѣсь исконнаго, права матріархата. Главное же объясненіе болѣе достойнаго положенія женщины коренится въ торжествѣ индивидуализма вообще. Значительную роль сыграли въ этомъ вопросѣ эллинистическія царицы, въ большинствѣ случаевъ македонскаго происхожденія: въ сѣверныхъ частяхъ Греціи женщины всегда пользовались сравнительной свободой. Хотя положеніе царицы страдало отъ легкости расторженія ея брака, отъ заключенія монархомъ новыхъ браковъ и возможности для него имѣть изъ политическихъ разсчетовъ нѣсколько законныхъ женъ (стр. 12), однако, онѣ умѣли жить жизнью, достойной ихъ высокаго положенія. Во всѣ времена, какъ въ эпоху средневѣковья, такъ и въ наше время, блескъ въ придворную жизнь вносили женщины. За это же ихъ и въ эллинистическую эпоху не перестаютъ прославлять поэты и ученые. Даже волосы царицы попали, благодаря одному поэту, въ составъ небесныхъ свѣтилъ. Царицы и придворныя дамы занимаются спортомъ; онѣ наѣздницы, онѣ имѣютъ даже право появляться на пиршествахъ. Примѣръ двора находитъ откликъ въ гражданскихъ кругахъ. Государства оказываютъ женщинамъ почетъ, даруютъ имъ право проксеніи (права общественнаго гостепріимства), права гражданства; въ обыденной жизни—и это, быть-можетъ, еще важнѣе—женщина пользуется вниманіемъ, ей цѣлуютъ, напр., руку и т. д. Въ то же время измѣнился тонъ въ свѣтскомъ общеніи обоихъ половъ, ставшій, однако, вмѣстѣ съ тѣмъ, и непринужденнѣе. Женщина путешествуетъ одна, что напоминаетъ уже обычаи нашихъ дней, и ея желаніе нравиться не возбуждаетъ осужденія. Съ повышеніемъ положенія женщины повышается и ея образованіе. Ниже мы

Рис. 33. АРИСТОКРАТКА.
Ср. Mon. d. Inst. XI, Tf. II.
Museo Torlonia, Римъ. Голова—современная реставрація.
Съ чисто-аттической граціей дѣвушка откинулась на спинку стула, подъ которымъ лежитъ догъ, громоздкое туловище котораго особенно выразительно оттѣняетъ всю тонкость женственной фигуры.

Женское обученіе. встрѣтимся со стремленіемъ улучшить обученіе дѣвушекъ, особенно понятнымъ современности. Женщины принимаютъ живое участіе въ литературѣ и наукѣ; литература — правда, не къ выгодѣ своей — была во многихъ случаяхъ разсчитана на читательницъ. Разсужденія философовъ и философокъ, рѣчи риторовъ о бракѣ и семейномъ счастьѣ свидѣтельствуютъ о назрѣвшемъ въ тѣ времена важномъ значеніи

Женскій вопросъ. женскаго вопроса.

Нравственность. Въ возвышеніи положенія женщины мы должны отчасти усмотрѣть здоровое вліяніе Рима. Нельзя того же сказать о нравственности. Во времена общественнаго упадка правовъ болѣе достойное, но и болѣе свободное, положеніе женщины, къ сожалѣнію, не привело къ дѣйствительному оздоровленію семейной жизни. Положеніе гетеръ, снисходительное отношеніе къ свободѣ полового общенія и распространенная боязнь брака, введеніе гинайкономовъ, на обязанности которыхъ лежало наблюденіе не только за излишествами роскоши, но и за общественнымъ поведеніемъ женщинъ,—все это уже печальные признаки. Въ Аѳинахъ и при дворахъ діадоховъ находились гетеры, которыя красотой и умомъ могли соперничать съ знаменитыми женщинами древне-эллинской эпохи (Э. К., стр. 283). Съ общимъ упадкомъ Аѳинъ въ началѣ III столѣтія исчезаютъ, однако, со сцены и эти выдающіяся женщины. Не могутъ онѣ сохранить своего вліянія и при царскихъ дворахъ, гдѣ имъ приходится конкурировать съ болѣе образованными, но не болѣе нравственными, чѣмъ онѣ, придворными дамами.

Бракъ. Понятно, что при заключеніи брака (стр. 26 сл.) сохраняются старые прелестные обряды (Э. К., стр. 108 сл.). Конечно, царскія свадьбы стали отличаться необычайной роскошью. Александръ подалъ блестящій примѣръ при заключеніи брака съ Роксаной, соединивъ свое свадебное торжество со свадьбами многихъ вельможъ.

Воспитаніе и обученіе. Большое значеніе въ эллинистическое время пріобрѣтаютъ вопросы обученія и воспитанія, деталей которыхъ мы, однако, почти не знаемъ; свѣдѣнія наши опираются, главнымъ образомъ, на случайныя и неполныя данныя греческихъ надписей.

Высшая школа. Софисты эпохи Пелопоннесскихъ войнъ дали толчокъ къ углубленію обученія, указавъ на необходимость развитія ораторскаго искусства (Э. К., стр. 528). Теперь ту же роль сыгралъ интересъ къ философіи, настолько углубившійся, что можно говорить о чемъ-то въ родѣ университетскаго образованія. Ниже будетъ сказано о зарожденіи научнаго изслѣдованія въ школахъ Платона и Аристотеля, о безсмертныхъ заслугахъ передъ человѣчествомъ эллинистическихъ монарховъ, особенно египетскихъ и пергамскихъ, создавшихъ колоссальныя библіотеки, соединенныя съ учеными обществами и институтами для научныхъ изслѣдованій; здѣсь же мы хотимъ лишь обратить

вниманіе на то, что школы философовъ посѣщались не только сторонниками опредѣленнаго философскаго направленія, но служили до извѣстной степени проводниками общаго высшаго образованія. Это, главнымъ образомъ, касается перипатетиковъ; говорятъ, что школу Ѳеофраста посѣщало 2000 учениковъ, правда, быть-можетъ, не одновременно.

Рядомъ съ высшей школой, центрами которой, вплоть до римскаго времени, были, главнымъ образомъ, Аѳины и Александрія, рядомъ съ спеціальными школами для медиковъ, какъ въ Косѣ и Александріи, и филологическими институтами Александріи и Пергама (стр. 149 сл.), теперь, какъ никогда раньше, начинаютъ расцвѣтать средняя и народная школы.

Эфебіи.

Центръ всего этого движенія представляетъ собой институтъ эфебіи въ Аѳинахъ, гдѣ онъ впервые былъ организованъ въ формѣ, послужившей образцомъ для остальныхъ городовъ; существовавшій уже при Аристотелѣ, онъ получилъ, однако, болѣе опредѣленную организацію лишь при Деметріи Фалерскомъ (стр. 4), которому раньше приписывали его основаніе. Цѣлью эфебіи было прежде всего подготовленіе къ военной службѣ, что характерно для духа времени. Характерно, какъ этотъ первоначально совершенно зависимый отъ государства институтъ въ большинствѣ случаевъ принимаетъ характеръ оффиціальной корпораціи, въ которой спортъ, торжественныя рѣчи и процессіи, часто просто ребяческое тщеславіе, постепенно вытѣсняютъ военныя черты ея.

Съ причисленіемъ къ эфебамъ молодые граждане Аѳинъ вступали въ гражданское и правовое совершеннолѣтіе. Наступало двухлѣтнее время подготовки, до нѣкоторой степени напоминающее нашу службу „вольноопредѣляющихся“. Изъ предложенныхъ самими юношами трехъ кандидатовъ народъ избиралъ для каждой филы софрониста (наставника) и для веденія всей группы космета (надзирателя), находившагося подъ начальствомъ стратега. Обученіе, въ началѣ исключительно физическое, было поручено шести учителямъ, руководившимъ гимнастикой, пріучавшимъ владѣть оружіемъ гоплитовъ, лукомъ, копьемъ и вообще обращаться съ оружіемъ. Военнымъ упражненіямъ и сторожевой службѣ въ крѣпости Мунихіи и на сосѣднемъ морскомъ берегу посвящался первый годъ, въ теченіе котораго эфебы получали приблизительно по 50 пфенниговъ въ день жалованья, на которое они сообща жили. Всенародный смотръ въ концѣ года, происходившій въ театрѣ, многими чертами напоминаетъ средневѣковое посвященіе въ рыцари. Принявъ отъ гражданской общины щитъ и мечъ, юноши присягали въ древнемъ храмѣ покровительницы страны, богини Аглавры. На второмъ году службы они составляли гарнизонъ крѣпостей и изучали тактику осадной войны.

Съ теченіемъ времени были внесены измѣненія. Тѣсная связь съ административнымъ дѣленіемъ и государственными учрежденіями исчезаетъ; опредѣленный возрастъ перестаетъ играть роль, а со II стол. послѣ Р. Хр. въ составъ эфебовъ принимаются и чужестранцы. Въ связи съ внѣшними перемѣнами стоятъ внутреннія. Рядомъ съ обученіемъ военному дѣлу, въ составъ котораго входятъ теперь и упражненія на военныхъ судахъ и верховая ѣзда, все большее значеніе пріобрѣтаютъ блестящія процессіи и жертвоприношенія; поощряется и умственное развитіе: эфебы посѣщаютъ школы

грамматиковъ, риторовъ и философовъ (стр. 64 сл.). Полный упадокъ института эфебіи мы видимъ въ эпоху имперіи: въ средѣ предоставленныхъ самимъ себѣ эфебовъ образуются небольшія общества, въ которыхъ юноши въ ребяческомъ тщеславіи присваиваютъ себѣ всѣ почетные титулы, связанные съ учрежденіями древнихъ Аѳинъ (Э. К., стр. 241 сл.), не исключая титула ареопагита. Военное значеніе института совершенно падаетъ: центръ интересовъ сосредоточивается отнынѣ на блестящихъ празднествахъ, устраиваемыхъ гимнасіархами, выбираемыми изъ среды эфебовъ.

Внѣ Аѳинъ, гдѣ эфебія процвѣтаетъ до III ст. послѣ Р. Хр., мы, по большей части, получаемъ о ней свѣдѣнія въ то время, когда она находится въ послѣдней стадіи своего развитія. Она способствуетъ, особенно въ Малой Азіи, о которой наши свѣдѣнія полнѣе, прежде всего, блеску муниципальной жизни греческихъ городовъ, почти совершенно утратившихъ политическое значеніе. Въ связи съ этимъ мы убѣждаемся, что и тутъ эфебія не ограничивается тѣлеснымъ воспитаніемъ.

Въ большинствѣ случаевъ 18-ый годъ былъ срокомъ принятія на службу, которая, вѣроятно, продолжалась одинъ годъ. И внѣ Аѳинъ этотъ, въ корнѣ государственный, институтъ начинаетъ принимать черты частнаго товарищескаго союза (стр. 74), хотя надзоръ за эфебами находится въ рукахъ государственныхъ чиновниковъ, напр., гимнасіарховъ. Боги-покровители эфебовъ—Гермесъ и Гераклъ. Капиталъ эфебовъ, пополняемый дарами гражданъ и монарховъ, часто достигаетъ значительныхъ размѣровъ. Доходамъ, въ числѣ которыхъ была входная плата въ театръ, соотвѣтствовали крупные расходы: на всякія почести, широко даровавшіяся въ тѣ времена (стр. 36), на праздники, агоны и др.

Юноши. Увлеченіе юношества спортомъ вызвало явленіе, особенно широко распространившееся въ Малой Азіи временъ имперіи. По истеченіи эфебской службы, юноши, желая сохранить возможность общенія въ спортѣ и празднествахъ, основывали примыкавшіе къ эфебіи союзы „Юношей“, организованные по образу союзовъ „Мальчиковъ“. Это были товарищества, фигурирующія часто рядомъ съ эфебіями. Члены ихъ также проводили время въ тѣлесныхъ упражненіяхъ и научныхъ занятіяхъ. Но эти союзы являются уже вполнѣ частными обществами, а не государственными институтами.

Мальчики. Низшая ступень обученія мальчиковъ находилась обыкновенно въ частныхъ рукахъ; въ Аѳинахъ, на Делосѣ, повидимому, знаменитомъ въ этомъ отношеніи, мы можемъ доказать существованіе многихъ частныхъ школъ. Съ III стол. растетъ число государственныхъ школъ, въ которыхъ, помимо взноса при поступленіи, обученіе, повидимому, было безплатное. Принудительнаго обученія никогда не существовало, чѣмъ объясняется, напр., въ Египтѣ громадное число безграмотныхъ, несостоятельныхъ поставить свою подпись на документахъ.

Во многихъ важнѣйшихъ вопросахъ, особенно въ вопросахъ обученія, мы съ трудомъ разграничиваемъ высшія и низшія школы; часто возникаетъ сомнѣніе въ существованіи такого дѣленія, цѣлесообраз-

ность котораго оспаривается, хотя безъ основанія, и въ наше время. Поэтому мы всѣ виды школъ разсмотримъ въ связи.

Гимнасій.

Центромъ воспитанія и образованія юношества, вплоть до поздняго времени, является гимнасій. Гимнасіархъ, рядомъ съ которымъ стоитъ болѣе спеціальное лицо—пайдономъ (надзиратель за дѣтьми), является однимъ изъ важнѣйшихъ должностныхъ лицъ города. Гимнасій получаетъ названіе по имени бога, героя, писателя, или благодѣтеля, особенно, монарха. Ибо обѣднѣвшія общины были весьма зависимы отъ ихъ щедрости (стр. 36). Гимнасій, монументально построенный и богато украшенный, снабженный всѣми возможными гигіеническими приспособленіями, особенно банями, представлялъ собой, рядомъ съ храмомъ, одинъ изъ наиболѣе характерныхъ для эллинистическихъ городовъ архитектурныхъ типовъ (стр. 36, рис. 34).

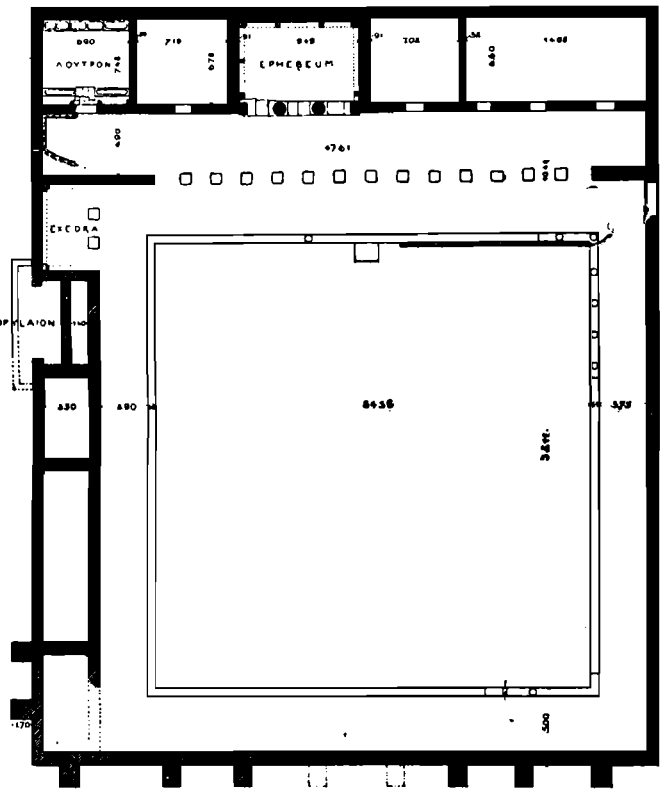

Рис. 34. ПРІЕНСКІЙ ГИМНАСІЙ.
Wiegand-Schrader, «Priene», стр. 266.

Учителя.

При назначеніи учителей мы видимъ совершенно непостижимое для насъ проведеніе принципа выборности. Учителя „свободныхъ“ мальчиковъ также избирались ежегодно, и притомъ на одинъ годъ. Съ этой цѣлью въ Милетѣ въ концѣ III столѣтія происходила спеціальная сессія народнаго собранія. Народъ давалъ клятвенное обѣщаніе не руководствоваться при выборахъ никакимъ беззаконнымъ вліяніемъ; кандидатъ на должность давалъ, въ свою очередь, клятву въ томъ, что онъ ни единаго изъ гражданъ не проситъ ни о выборѣ, ни о ходатайствѣ за него. Это странное на нашъ взглядъ преувеличеніе демократическаго

принципа обнаруживаетъ всю скромность требованій, предъявлявшихся къ педагогическимъ способностямъ кандидата, если даже предположить, что даровитаго учителя выбирали многократно. Впрочемъ, славный Гіеронимъ, бывшій во II столѣтіи до Р. Хр. 52 года учителемъ на Родосѣ, врядъ ли состоялъ на государственной службѣ.

Составъ педагогическаго персонала въ Милетской школѣ „свободныхъ“ мальчиковъ былъ очень скроменъ: къ нему принадлежали 4 учителя гимнастики и 4 начальныхъ учителя, находившихся подъ наблюденіемъ пайдономовъ. Въ составъ теосской школы, въ которой обучались эфебы, мальчики и даже дѣвочки въ началѣ III столѣтія, входили: 3 начальныхъ учителя, 2 учителя гимнастики, кіѳаредъ, учитель фехтованія, стрѣльбы изъ лука и метанія копья.

При странномъ способѣ назначенія учителей, ихъ жалованье, конечно, не повышалось въ зависимости отъ продолжительности службы; лишь въ Теосѣ начальные учителя, какъ мы видѣли (стр. 46 сл.), получали разный гонораръ въ зависимости отъ трудности преподаванія. И время вносило незначительныя перемѣны (стр. 46 сл.) въ условія оцѣнки учительскаго труда. Однако, учителя пользуются другими выгодами, соотвѣтствующими простодушнымъ понятіямъ времени и не совершенно отошедшими въ область преданія и у насъ: такъ, напр., учителю, принимавшему участіе въ состязаніи учениковъ въ Пріенѣ, полагался въ качествѣ награды живой теленокъ или извѣстная сумма денегъ. На долю учителей выпадали, однако, и болѣе идеальныя почести — прекрасные памятники, торжественныя похороны — часто въ самомъ гимнасіи.

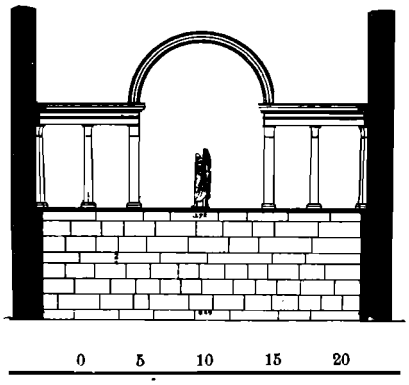

Рис. 35. СѢВЕРНАЯ СТѢНА ЭФЕБЕЙОНА ПРІЕНСКАГО ГИМНАСІЯ.

Ср. «Priene,» стр. 268.

Квадры нижней части стѣны, высота которой 3,50 метр., были покрыты именами учениковъ. Громадный сводъ надъ статуей основателя гимнасія можетъ служить образцомъ пріенскихъ сводовъ, часто встрѣчающихся въ ея архитектурѣ съ 200-го г. до Р. Хр.

Научное преподаваніе.

Рядомъ съ физическими упражненіями памятники наши сравнительно рѣдко упоминаютъ о научномъ преподаваніи. Въ Эретріи и Пріенѣ мы видимъ философское и риторическое обученіе. Часто представителями этихъ предметовъ являются странствующіе учителя, риторы или историки; такой странствующій историкъ преподавалъ, напр., римскую исторію во II стол. до Р. Хр. въ Дельфахъ. Богаче остальныхъ намъ рисуется программа обученія въ Теосѣ, гдѣ младшихъ учениковъ экзаменовали по чтенію, каллиграфіи, пѣнію, игрѣ на кіѳарѣ, пѣнію подъ аккомпанементъ кіѳары, а старшихъ по писанію нотъ для инструментальной и вокальной музыки, рисованію, чтенію отрывковъ изъ трагедіи и комедіи, даже по „всеобщему образованію“ (полиматіи). Есть случаи упоминанія въ школьной программѣ математики, напр., въ Магнесіи; характернымъ же признакомъ времени является, главнымъ образомъ,—какъ впослѣдствіи и въ Аѳинахъ—значеніе панегирической и дидактической рѣчи, рядомъ съ культомъ поэзіи.

Жизнь школы.

Повидимому, многочисленны были школьные документы, сохранившіеся на многихъ надписяхъ: списки учениковъ, подобные нашимъ годовымъ отчетамъ, въ которыхъ упоминаются и школьная комиссія, и начальствующіе чиновники, списки классовъ, изъ которыхъ мы можемъ заключить о размѣщеніи учениковъ въ классѣ по успѣхамъ, списки наградъ и ученическихъ коллегій: все это напоминаетъ современные порядки, исключая, могущаго заполнить цѣлые томы, несмѣтнаго количества именъ учениковъ (ср. къ рис. 35), иногда вмѣстѣ съ ихъ прозвищами, которыми испещрены стѣны школьныхъ зданій.

Каникулы были распредѣлены различно. Къ нимъ присоединялись многіе, свободные отъ занятій, дни въ память основанія школы, смерти почетнаго члена, главнымъ же образомъ, дни рожденія монарха, начала его правленія, дни національныхъ праздниковъ, которые по греческому обычаю праздновались даже ежемѣсячно.

Заключительные экзамены, игравшіе, повидимому, скорѣе роль испытанія для учителей, чѣмъ для учениковъ, имѣли важное значеніе. Мы знаемъ также о поѣздкахъ юношества за городъ для упражненій въ бросаніи копья, въ стрѣльбѣ изъ лука или въ управленіи метательными орудіями. Учителя гимнастики предпринимали съ лучшими учениками поѣздки въ сосѣдніе города.

Отношеніе къ государству.

Утративъ государственный характеръ, организаціи молодежи никогда не порывали связи съ государствомъ и его религіей. Правда, объ особыхъ празднествахъ, расходы которыхъ покрывались изъ школьныхъ капиталовъ, мы ничего не слышимъ, но юношество принимало участіе въ государственныхъ торжествахъ, напр., въ пріемахъ монарховъ и т. п. Особая забота удѣлялась развитію музыкальныхъ способностей молодежи, благодаря которой юноши и дѣти имѣли возможность активно выступать въ праздничныхъ хорахъ, особенно въ честь родного божества. Не менѣе живое участіе принимало юношество въ состязаніяхъ и играхъ, о чемъ свидѣтельствуютъ многочисленныя пожертвованія на эти цѣли, главнымъ образомъ, во времена имперіи. Кромѣ участія молодежи во внѣшней блестящей жизни общинъ, особенно характерной для эллинистическаго времени, существовали серьезныя стремленія дать подрастающему поколѣнію гражданское воспитаніе. Аттическіе эфебы, напримѣръ, присутствовали въ народномъ собраніи; и если они изъ этого курса аттической политики не могли почерпнуть ничего хорошаго, то не идея института была этому виною. Въ Милетѣ въ половинѣ III стол. до Р. Хр. додумались до присяги эфебовъ не только строю, но и политикѣ своего государства.

При высокой оцѣнкѣ гимнасія понятно, что въ Египтѣ „окончившіе гимнасій“ составляли привилегированный классъ населенія. Клятва въ полученіи эфебскаго воспитанія (подобно современному гимназическому диплому) обезпечивала за юношей право выступать кандидатомъ на коммунальныя должности. Отдѣльные города и селенія имѣли оффиціальные списки всѣхъ жителей съ гимназическимъ образованіемъ.

О жизни учащагося въ городѣ и попеченіи о немъ отца даетъ намъ представленіе письмо изъ египетскаго Оксиринха, датированное, правда, II столѣтіемъ послѣ Р. Хр.

„Корнелій привѣтствуетъ своего сына Гіерака. Всѣ мы домашніе шлемъ тебѣ сердечный поклонъ и всѣ съ тобою. Съ человѣкомъ, о которомъ ты часто пишешь, не предпринимай ничего, пока я благополучно не прибуду къ тебѣ въ сопровожденіи Вестина и съ ослами. Если богамъ будетъ угодно, я скоро буду у тебя въ концѣ мѣсяца Мехейра, такъ какъ сейчасъ у меня спѣшныя дѣла. Смотри, не обидь никого въ домѣ, посвяти себя исключительно книжкамъ и научной работѣ, и ты вынесешь пользу. Пусть Опофрасъ дастъ тебѣ бѣлую одежду, которую носить съ пурпуровой мантіей, другую ты будешь носить съ мантіей миртоваго (?) цвѣта. Я тебѣ пошлю черезъ Анубаса деньги, мѣсячную прибавку и вторую пару яркокрасной (обуви?). Посылкой деликатессъ ты насъ обрадовалъ, я тебѣ за нихъ пошлю деньги черезъ Анубаса; до его пріѣзда ты своими деньгами покрой твое пропитаніе и пропитаніе твоихъ слугъ, пока я тебѣ не пришлю денегъ. За мѣсяцъ Тиби въ твоемъ распоряженіи, сколько ты требуешь: для Фронима 16 драхмъ, для Абасканта съ людьми и Мирона 9 др., для Секунда 12 др. Пошли Фронима къ Асклепіаду отъ моего имени, дабы онъ получилъ отъ него отвѣтъ на письмо, которое я ему написалъ, а ты его перешли. Извѣсти меня о твоихъ желаніяхъ. Будь здоровъ, дитя мое! 16-го Тиби.—Моему сыну Гіераку отъ его отца Корнелія".

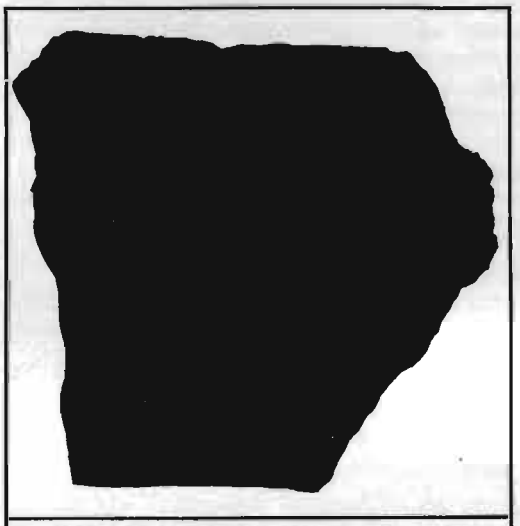

Рис. 36. ЧЕРЕПОКЪ (остраконъ), СОДЕРЖАЩІЙ ЧАСТНУЮ КВИТАНЦІЮ.

Ср. Wilcken, «Griech. Ostraka», II, Tf. III, Nr. 1027.

«Асклепіадъ, сынъ Харемагона, привѣтствуетъ Портида, сына Пермамида. Я получилъ отъ тебя слѣдуемую мнѣ долю жатвы и урожая съ земли, отданной тебѣ для обработки въ аренду въ 15-мъ году, и требованій у меня къ тебѣ больше нѣтъ. Написалъ за него Эвмелъ, сынъ Гермула, которому это поручили, такъ какъ самъ Асклепіадъ пишетъ слишкомъ медленно. 15 годъ, 2-го Фаменова».

Женское обученіе.

Въ связи съ измѣненіемъ положенія женщины повышается уровень и женскаго образованія (стр. 62 сл.). Оно урегулировано иногда государствомъ и находится подъ его надзоромъ, какъ, напримѣръ, въ Малой Азіи. Въ программѣ женскаго образованія, повидимому, гораздо болѣе скромной, особое значеніе имѣло музыкальное образованіе дѣвочекъ, подобно юношамъ выступавшихъ въ праздничныхъ хорахъ. Есть и попытки совмѣстнаго обученія и корпоративнаго выступленія дѣвушекъ, особенно при дарованіи почестей.

Писчій матеріалъ.

Всесторонне поставленное дѣло обученія требовало обильной выработки писчаго матеріала. Эта необходимость вызывалась, во-первыхъ, широко развивающейся литературной продуктивностью на всѣхъ поприщахъ искусства и науки, во-вторыхъ, широкимъ развитіемъ техники государственнаго управленія, какъ, напримѣръ, въ Египтѣ. Изящныя, навощенныя дощечки, которыя можно было многократно употреблять, стирая написанное (Э. К., стр. 111), продолжали быть въ ходу

и въ теченіе всего римскаго періода; на ряду съ этимъ, развитіе школьнаго дѣла вызывало необходимость въ массовомъ производствѣ и такого дешеваго писчаго матеріала, на которомъ не надо было стирать написаннаго. Такимъ матеріаломъ служили кирпичи и, главнымъ образомъ, глиняные черепки сосудовъ, впервые примѣненные для цѣлей письма въ знаменитомъ аѳинскомъ остракизмѣ (Э. К., стр. 246 сл.); эти черепки служили для учителя замѣной школьной доски, для учениковъ—школьными тетрадями. Использованіе этого матеріала для письма въ Египтѣ даетъ намъ единственный въ своемъ родѣ примѣръ употребленія въ дѣло отбросовъ, кажущихся на первый взглядъ совершенно безполезными. Изъ этихъ знаменитыхъ черепковъ (острака, рис. 36), на которыхъ писались, между прочимъ, и налоговыя квитанціи Египта, современная наука извлекла живую и детальную картину античной податной системы. Египтяне, заимствовавъ этотъ обычай въ главныхъ чертахъ, повидимому, у грековъ, въ свою очередь, обучили грековъ соотвѣтственному употребленію осколковъ известняка. На ряду съ слу-

Рис. 37. ГРЕЧЕСКАЯ МУМІЯ ИЗЪ ФАЮМА.

Ср. «Aegypt. u. vorderasiat. Altert. aus Mus. von Berlin», 1895, Tf. 59. Особенно важнымъ для насъ примѣненіемъ исписанной бумаги было обертываніе въ нее мумій. Бумага накладывалась въ нѣсколько слоевъ. Эти слои приходится при разборѣ мумій тщательно снимать одинъ за другимъ. Портретъ покойника прикрѣплялся къ муміи полотняными тесемками, или же приклеивался смолой. Портреты писались на деревянныхъ дощечкахъ темперой и акварелью (ср. табл. X).

чайнымъ матеріаломъ для письма, въ родѣ полотна и кожи, большое распространеніе пріобрѣтаетъ, употреблявшаяся въ школѣ и до извѣстной степени замѣнявшая дорогіе камень и мѣдь, деревянная дощечка, что мы знаемъ изъ счетовъ делосскаго храма (стр. 46 сл.). Кромѣ того, эллинистическая эпоха пріобрѣла всемірную извѣстность выдѣлкой папируса и пергамента, первыя попытки которой, правда, относятся къ болѣе древнему времени (Э. К., стр. 111). Вплоть до времени поздней имперіи Египетъ оставался главнымъ рынкомъ бумаги; въ первой половинѣ II столѣтія до Р. Хр. въ Пергамѣ, согласно преданію, былъ изобрѣтенъ пергаментъ, выдѣлывавшійся изъ шкуръ животныхъ; прекрасныя качества пергамента признавались и позднѣйшимъ временемъ. Обоими этими видами писчаго матеріала пользовались въ видѣ свитковъ, о которыхъ еще будетъ рѣчь ниже. Количество находокъ исписанной бумаги и другихъ писчихъ матеріаловъ, относящихся къ этому періоду культуры, неисчерпаемо; среди нихъ не отсутствуютъ и вновь находимыя въ Египтѣ школьныя тетради I стол. до Р. Хр.

РОССФСР
ЯРОСЛАВСКИЙ
Областной
ОБРА
Областная
дошкольный
193 г.
№

Хотя дешевизна папируса въ Египтѣ и способствовала усердному его употребленію, все же (рис. 37) многочисленность египетскихъ папирусныхъ находокъ послѣднихъ десятилѣтій превзошла всѣ ожиданія; наукѣ лишь постепенно удается разобраться въ этомъ громадномъ новомъ и интересномъ матеріалѣ.

Мы имѣемъ документы, важные для изученія государственнаго и правового строя (стр. 26), долговые документы и расписки въ полученіи ссуды, квитанціи, закладныя, договоры о продажѣ и арендѣ, контракты найма, подряды, документы о бракѣ (стр. 26 сл.), о разводѣ, завѣщанія, акты о наслѣдствѣ, договоры товариществъ, донесенія полиціи, наложенія штрафовъ за податныя утайки. Кромѣ того, мы имѣемъ всякаго рода частныя записи, домовыя и дѣловыя книги о заказахъ и доставкахъ товара, пригласительныя записки (стр. 62) и т. д. Особый же интересъ представляютъ многочисленныя письма, раскрывающія передъ нами всю интимную жизнь древнихъ египтянъ: тутъ и утѣшающее письмо почтительныхъ сыновей преслѣдуемому судьбою отцу, тутъ и серьезное внушеніе забывшему свой долгъ мужу, докладъ управляющаго хозяину о сборѣ винограда, прошеніе жреца, требующаго выдачи слугъ, отнятыхъ у него за долгъ и необходимыхъ ему для ухода за крокодилами (ср. стр. 70 сл., 73, 80).

Погребеніе.

Въ обычаяхъ погребенія, отличающихся въ общемъ большой консервативностью, приходится констатировать нѣкоторыя измѣненія. Постановленіе Демострія Фалерскаго въ Аѳинахъ, изданное въ цѣляхъ ограниченія роскоши надгробныхъ памятниковъ,

Рис. 38. САРКОФАГЪ АЛЕКСАНДРА. Ср. Hamdi-Bey et Reinach, «Nécr. royale à Sidon», Tf. 25.

причинило большой ущербъ задушевному народному искусству и положило конецъ дивной аттической надгробной пластикѣ (Э. К., стр. 377 сл.). Отнынѣ допускались только три простыя формы могильнаго памятника, оставшіяся общеупотребительными до римской эпохи: круглая колонна, каменная плита и надгробная урна. Съ другой стороны, роскошь жизни монарховъ не могла не отражаться и на обычаяхъ погребенія. Объ этомъ свидѣтельствуютъ похоронныя процессіи, подобныя погребенію Александра, при которомъ фигурировала необыкновенная, возбудившая много толковъ, похоронная колесница (стр. 181), дивные саркофаги, украшенные съ тончайшей, законченной художественностью, какъ, напр., роскошный такъ называемый саркофагъ Александра (рис. 38, ср. стр. 170 сл. и Указатель). Этой помпой заражаются и гражданскія общины. Особенно широко распространяется обычай торжественныхъ похоронъ въ Малой Азіи; здѣсь немалую роль при этомъ играетъ юношество (стр. 66).

Письмо изъ Оксиринха (II стол. послѣ Р. Хр.), выражающее соболѣзнованіе по случаю смерти. Незатѣйливый слогъ его доказываетъ всю сложность такой задачи и для античнаго человѣка: „Ирина соболѣзнуетъ Таоннофридѣ и Филону. Я была опечалена и оплакала покойнаго подобно тому, какъ оплакала (своего) Диднмаса. Я совершила все, что подобаетъ, также всѣ мои домочадцы: Эпафродитъ, Ѳермуѳіонъ, Филіонъ, Аполлоній и Плантъ. Ничего не сдѣлаешь противъ такой судьбы! Утѣшайте другъ друга! Будьте здоровы! 1-го Гаѳира. Таоннофридѣ и Филону.

6. ПОЧИТАНІЕ БОГОВЪ

Несмотря на весь идейный переворотъ въ почитаніи боговъ (стр. 89 сл.), формы его остаются старыми (Э. К., стр. 118 сл., 287 сл.). Если, съ одной стороны, новыя теченія, возникающія подъ вліяніемъ Востока, сильно углубляютъ религіозное чувство, то, съ другой, старые, выросшіе на религіозной основѣ, институты принимаютъ все болѣе свѣтскій характеръ.

Союзы.

Это прежде всего относится къ возникшей, главнымъ образомъ, на религіозной базѣ, греческой корпоративной жизни союзовъ и обществъ, все развитіе которой падаетъ на эллинистическое время. Если раньше и существовали ея зародыши, то въ древнѣйшее время общественныя группы, возникавшія въ результатѣ административнаго дѣленія народа на демы, фратріи и филы (Э. К., стр. 240), въ общемъ удовлетворяли стремленіе къ корпоративной жизни. Лишь послѣ утраты политической свободы, съ исчезновеніемъ древняго дружиннаго устройства войска, съ появленіемъ большого экономическаго подъема, вызваннаго развитіемъ дальней торговли, съ проникновеніемъ чужихъ культовъ, съ укорененіемъ космополитизма и индивидуализма, корпоративное стремленіе стало проявляться свободно и независимо отъ государства. Въ первые моменты своего развитія это движеніе носитъ чисто-религіозный харак-

теръ; впослѣдствіи въ большинствѣ случаевъ религіозная форма остается, интересы же скорѣе направлены на практическія цѣли, главнымъ образомъ, на радостное наслажденіе жизнью. Мы наблюдаемъ, прежде всего въ Аѳинахъ, отпаденіе гражданъ отъ оффиціальнаго культа, не удовлетворяющаго религіозныхъ потребностей. Въ тѣсномъ кругу „Оргеоновъ“ аѳиняне ищутъ душевнаго удовлетворенія въ культѣ своихъ простыхъ божествъ, своихъ „Защитниковъ“, „Помощниковъ“, „Спасителей“, „Дарователей прибѣжища“; это же стремленіе въ концѣ классической эпохи привело къ почти повсемѣстному признанію „Спасителя“ Асклепія. Союзы „Приносящихъ жертву“ въ остальной Греціи носили сходный характеръ. Впослѣдствіи религіозный элементъ отступаетъ на задній планъ, хотя члены союза продолжаютъ внѣшнимъ образомъ группироваться около религіознаго празднества; только во II вѣкѣ имперіи религіозное движеніе вспыхиваетъ съ новой силой въ мощномъ развитіи мистицизма. Съ проникновеніемъ въ греческія общины чуждыхъ, часто даже негреческихъ элементовъ населенія, во II вѣкѣ до Р. Хр. особенно развиваются θίασοι; самое названіе общества указываетъ на „праздничный“ характеръ его, типичный для союзовъ этой эпохи, когда въ Аѳинахъ и на Делосѣ, съ его цвѣтущей торговлей, жизнь сдѣлалась богатой и роскошной. Рядомъ съ θίасомъ вскорѣ возникаетъ, особенно въ Аѳинахъ, и въ третьемъ центрѣ торговли и сравнительно древней корпоративной жизни, Родосѣ, ἔρανος, т.-е. товарищество; названіе союза мѣтко характеризуетъ переходъ отъ общественнаго къ болѣе товарищескому пониманію жизни корпорацій, хотя въ иныхъ случаяхъ члены товарищества и любили давать товариществу имя какого-либо божества. Отмѣтимъ также широкое распространеніе такихъ общихъ наименованій союзовъ, какъ „синодъ“ (собраніе), употреблявшихся, главнымъ образомъ, для египетскихъ и находящихся подъ вліяніемъ Египта корпорацій. Мы оставляемъ въ сторонѣ единичныя наименованія.

Сотни этихъ греческихъ ассоціацій насчитываютъ среди своихъ членовъ громадное число *негражданъ*; часто даже онѣ состоятъ исключительно изъ нихъ, такъ какъ во множествѣ случаевъ придерживаются чужеземныхъ культовъ. *Женщины* и *рабы* также не исключены изъ сообщества со свободными гражданами. Однако, участіе рабовъ, объединяющихся, съ своей стороны, въ союзы, составляетъ, повидимому, большое исключеніе; что же касается женщинъ, то онѣ, если и принимали участіе въ союзахъ, допускались только къ празднествамъ, или же исполняли по религіознымъ соображеніямъ функціи храмовыхъ прислужницъ и жрицъ.

Исключеніе женщинъ и рабовъ является естественнымъ въ *профессіональныхъ товариществахъ*. Выше перечислены коллегіи торговцевъ (стр. 44), землячества солдатъ (стр. 51) и, поощряемые государствомъ, союзы юношества (стр. 65 сл.). Кромѣ нихъ, существовали союзы философовъ (стр. 96), врачей и сценическихъ артистовъ (стр. 80). Насъ поражаетъ фактъ отсутствія опредѣленныхъ ремесленныхъ гильдій, вплоть до эпохи имперіи (стр. 44); въ болѣе раннее время онѣ существовали только въ Египтѣ.

Въ яркую противоположность Риму, *организація* союзовъ отличается край-

ней многочисленностью должностныхъ лицъ. Предсѣдательство не всегда находится въ рукахъ одного лица, во многихъ случаяхъ оно дѣлится между духовнымъ и свѣтскимъ представителемъ. Необходимѣйшія должности, напр., секретаря и казначея появляются не сразу и принимаютъ въ отдѣльныхъ союзахъ разныя формы. Частыя напоминанія о религіи не скрываютъ главной цѣли союзовъ — наслажденія благозвучными титулами, — какъ, напр., въ богатомъ Родосѣ, — и роскошными торжествами, не безъ вліянія и участія монарховъ. Внѣшній блескъ, почести и драгоцѣнные почетные дары, напр., золотые вѣнки, деньги для преподнесенія которыхъ часто стекались съ трудомъ, составляютъ главное увлеченіе. За постояннымъ отсутствіемъ достаточныхъ средствъ неудачно осуществлялась и главная цѣль обществъ, взаимное профессіональное поощреніе. Эта корпоративная жизнь грековъ до извѣстной степени замѣняла имъ угасающую политическую жизнь; съ другой же стороны, она часто просто приводила къ нравственной распущенности: въ Ѳивахъ, по свидѣтельству Полибія, многіе люди отказывались отъ семейнаго очага и оставались бездѣтными, чтобы принимать участіе въ союзныхъ трапезахъ; широко распространился обычай завѣщать капиталъ обществамъ; считалось честью ежемѣсячно принимать участіе въ бо́льшемъ количествѣ пировъ, чѣмъ насчитывалось дней въ мѣсяцѣ.

Что касается центровъ культа, то они, въ большинствѣ случаевъ, сохранили свое старое значеніе, а нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напр., Делосъ, достигли новаго расцвѣта. Центры культа.

Въ новомъ эллинскомъ обществѣ пріобрѣтаетъ значеніе чужеземное жречество. Не только въ Іерусалимѣ, но и въ главномъ городѣ галатовъ Пессинунтѣ и въ Передней Азіи вообще существовали жрецы-цари. Особое значеніе пріобрѣло египетское жречество; Птолемеи, разумно слѣдуя примѣру Александра, не разрушали національной религіи. Это жречество никогда не было эллинизировано, хотя и принадлежало къ чиновничьей іерархіи государства, назначалось монархомъ и имѣло съ нимъ разнаго рода сношенія. Въ общемъ политику Птолемеевъ характеризуетъ стремленіе поставить церковь въ зависимость отъ себя, и путемъ секуляризацій (стр. 32) воспользоваться ея богатымъ имуществомъ. Тѣмъ не менѣе, египетское жречество, часто бывшее наслѣдственнымъ, имѣло гораздо бо́льшее значеніе, чѣмъ греческое когда бы то ни было (Э. К., стр. 122); при недостаточно энергичной національной и церковной политикѣ государства оно могло представлять для него большую опасность. Жрецы.

Египетское жречество во многихъ отношеніяхъ послужило образцомъ христіанству. Рядомъ съ профессіональными жрецами, раздѣленными на филы, существовало свѣтское жречество, исполнявшее разнообразныя функціи. Верховные жрецы были, вмѣстѣ съ тѣмъ, управителями храмовъ; ибо имущество египетской церкви достигало значительныхъ размѣровъ. У египетскихъ храмовъ имѣлась обширная земельная собственность, при чемъ отдѣльному святилищу въ иныхъ случаяхъ принадлежало больше 50 кв. килом. плодородной почвы. Объ участіи жречества въ промышленности и денежныхъ спекуляціяхъ сказано выше (стр. 44 сл.). Территорія храма, на которой построены были дома, гостиницы, школы, ремесленныя заведенія, составляла часто самостоятельный кварталъ города, напоминая намъ большіе средневѣковые монастыри. Для управленія храмовымъ имуществомъ приходилось организовать сложное финансовое управленіе. Доходы храмовъ были очень велики, хотя находились подъ наблюденіемъ казны.

Оракулы.

Изъ числа религіозныхъ институтовъ прошлаго нѣкоторое значеніе сохраняютъ оракулы: Дельфы (Э. К., стр. 125, 263 и сл.), сильно упавшіе въ эпоху, непосредственно предшествовавшую македонскому владычеству въ Греціи, при Александрѣ и его преемникахъ переживаютъ новую пору расцвѣта.

Рис. 39. МОЛЯЩІЙСЯ МАЛЬЧИКЪ.
Бронза. Берлинъ. 1,28 м. высоты.
Neue Photograph. Ges. Berlin.

Руки — современная реставрація; въ оригиналѣ онѣ были подняты не такъ высоко. Молящійся юноша проситъ, повидимому, о побѣдѣ въ состязаніи. Статуя перебывала въ рукахъ многихъ знаменитыхъ владѣльцевъ. Въ1586 г. она принадлежала Венеціанской республикѣ, при Людовикѣ XIV ее пріобрѣлъ главный интендантъ финансовъ Франціи, Н. Фуке. Сынъ его продалъ статую савойскому принцу Евгенію, по завѣщанію котораго она перешла къ князю Лихтенштейну. Послѣдній продалъ ее Фридриху Великому; заплативъ за нее необычайную, по тогдашнимъ понятіямъ, сумму въ 5000 талеровъ, Фридрихъ украсилъ ею террасу дворца Сансуси. Въ 1806 г. Наполеонъ увезъ ее въ Парижъ, откуда она лишь въ 1815 г. была привезена обратно.

При Александрѣ былъ достроенъ храмъ, хотя роскошная постройка, намѣченная въ его завѣщаніи для Дельфъ и другихъ храмовъ, не была осуществлена. Значеніе Дельфъ особенно повысилось послѣ нашествія галловъ, отраженіе которыхъ въ 278 году приписывали помощи бога, ниспославшаго землетрясеніе, грозу и бурю, срывавшую обломки скалъ. Это великое событіе превратилось въ панэллинскій славный подвигъ, и дельфійскій храмъ, охраняемый въ то время этолянами, снова наполнился дарами и сокровищами, пожертвованными монархами и городами. Усердно давались предсказанія, хотя и не въ древней стихотворной формѣ. Особое значеніе имѣло даровапіе Дельфами цѣлому ряду городовъ,—главнымъ образомъ, Малой Азіи,—извѣстныхъ своими святилищами, права убѣжища, оказывавшаго защиту отъ судебнаго преслѣдованія (стр. 29) и игравшаго въ жизни большую роль. Въ началѣ II ст. до Р. Хр. мѣсто этолянъ заняли римляне, уже раньше имѣвшіе отношеніе къ Дельфамъ. Однако, ихъ появленіе и набѣги сѣверныхъ варваровъ вскорѣ уничтожили значеніе оракула. Исчезли даже поднимающіеся изъ земли пары, нѣкогда воодушевлявшіе Пиѳію къ пророчествамъ. Во времена имперіи при Траянѣ и Адріанѣ Дельфы снова пріобрѣтаютъ значеніе, пока, наконецъ, Ѳеодосій не уничтожилъ послѣднихъ слѣдовъ языческаго культа.

Празднества.

Особый блескъ пріобрѣтаютъ празднества. Ихъ расцвѣтъ не есть, разумѣется, признакъ повышенія религіознаго чувства, скорѣе напротивъ: многія празднества совсѣмъ утрачиваютъ характеръ религіозныхъ торжествъ, такъ какъ часто поклоненіе божеству замѣняется поклоненіемъ монарху (ср. стр. 89 сл.).

Въ побѣдныхъ торжествахъ, въ освященіи ново-основанныхъ городовъ, въ свадебныхъ празднествахъ и другихъ случаяхъ, монархи проявляли необычайный блескъ. Три тысячи артистовъ принимали участіе въ празднованіи воз-

вращенія Александра изъ Индіи. Знаменита была организованная Птолемеемъ II въ память отца торжественная процессія съ участіемъ войска, необъятнымъ множествомъ произведеній искусства и драгоцѣнностей. Въ 180 году мы слышимъ о чемъ-то въ родѣ всемірной выставки въ Александріи, перешедшей, повидимому, уже границы простого зрѣлища; здѣсь фигурировали выдающіяся породы скота, сельско-хозяйственные продукты, дивные цвѣты, но не отсутствовали также и произведенія изобразительныхъ искусствъ.

Стремленіе блескомъ празднества привлечь широкіе круги участниковъ проявляютъ и городскія общины. Разныя вымышленныя чудеса даютъ поводъ небольшимъ общинамъ придать своимъ торжествамъ панэллинскій характеръ. Недостатокъ въ деньгахъ возмѣщается пожертвованіями богатыхъ гражданъ или монарховъ.

Рис. 40. БОРЦЫ (изъ Флоренціи). Фотографія.
Мраморъ. Найдены въ 1583 г. въ Римѣ вмѣстѣ съ Ніобидами.
Теперь въ Трибунѣ.
Головы античныя, но принадлежащія не къ этимъ туловищамъ. Правая рука побѣдителя, занесенная, какъ-будто, для удара, невѣрно реконструирована; такой пріемъ былъ по правиламъ борьбы запрещенъ.

Въ этой блестящей жизни праздниствъ большое значеніе имѣютъ игры, утрачивавшія нерѣдко свой агонистическій характеръ (ср. рис. 39), идею состязанія (Э. К., стр. 127 сл.), и принимавшія характеръ простого зрѣлища. Въ классическую эпоху Аоинамъ въ этой области принадежало первенство; впослѣдствіи же игры, какъ здѣсь, такъ и во всей коренной Греціи, утратили свое значеніе. Зато они распространились по всему эллинскому міру, вплоть до мѣстностей съ варварскимъ населеніемъ. Рядомъ съ древними національными играми (Э. К., стр. 127 сл.) возникаютъ новыя, имѣющія общій интересъ. Сюда относятся „Сотеріи“ въ Дельфахъ, возникшія въ память спасенія святилища отъ дикихъ варварскихъ ордъ (стр. 76), и нѣкоторыя игры въ

Игры.

городахъ Малой Азіи (стр. 22). Монархи, естественнымъ образомъ, имѣли большое вліяніе на развитіе агонистики. Они устраивали агоны не только въ своихъ резиденціяхъ, подобно блестящимъ египетскимъ „Птолемеямъ“ въ Александріи, но и въ свободныхъ греческихъ городахъ, при чемъ игры назывались въ честь монарховъ ихъ именами. Со II вѣка Римъ начинаетъ вытѣснять эллинистическихъ монарховъ, и въ честь его возникаютъ многочисленныя „Ромеи“ и другіе агоны, названные по имени знатныхъ римлянъ. Дается и цѣлый рядъ игръ по особымъ поводамъ, особенно побѣдныхъ.

Рис. 41. КУЛАЧНЫЙ БОРЕЦЪ.
Ср. «Ant. Denkm.», I, Tf. 4.
Бронза, найденная въ Римѣ въ 1884 г.; находится въ музеѣ Термъ.

Въ связи съ развитіемъ образованности гимническіе агоны (стр. 64 сл.) отступаютъ на задній планъ. Поскольку они не организуются въ скромныхъ размѣрахъ инициативой подрастающей молодежи (стр. 66 сл.), ихъ предоставляютъ почти исключительно профессіональнымъ атлетамъ (Э. К., стр. 299 сл.), среди которыхъ много полуварваровъ (рис. 40—41). Лишь состязаніе въ конномъ бѣгѣ сохраняетъ значеніе, въ виду увлеченія этимъ спортомъ при царскихъ дворахъ.

Главный интересъ отнынѣ удѣляется мусическимъ агонамъ. Распространяются аоинскія „Діонисіи“, особенно поощряемыя Александромъ и его преемниками, обожествленными подъ именемъ „Новаго Діониса“. Почти во всѣ древнія національныя игры—Исомійскія, Немейскія, Пиѳійскія—вносится мусическій элементъ; возникаютъ, какъ мы уже видѣли, новыя великія празднества. Характеръ этихъ игръ существенно мѣняется. Въ драматическихъ представленіяхъ все больше начинаетъ совершенствоваться сценическое искусство, снова оживляется форма сатирической драмы. Всюду раздаются энкоміи (хвалебныя рѣчи) въ память мертвыхъ и въ честь живыхъ, пэаны воспѣваютъ монарховъ.

Обычные издревле въ Малой Азіи эпическіе агоны распространяются и на Западъ.

Особенно высокое значеніе пріобрѣтаетъ теперь музыка. Рядомъ съ хоровымъ пѣніемъ, интересные дельфійскіе образцы котораго стали теперь доступны научному изслѣдованію, начинаютъ выступать солисты, часто лишь аккомпанируемые хоромъ. Все больше выдѣляются инструментальная музыка и съ нею виртуозное мастерство игры на кіоарѣ (рис. 42) и на флейтѣ. Рядомъ съ театромъ отнынѣ существуетъ Одеонъ — концертная зала.

Музыка.

Многія праздничныя увеселенія того времени — что характерно для вкуса его — напоминаютъ намъ современныя Variétés; мы видимъ, напр., среди артистовъ жонглеровъ и акробатовъ, что также слишкомъ хорошо знакомо нашему времени.

Варьете.

Безчисленныя празднества со времени Александра Великаго не могли бы осуществляться, если бы мусическая агонистика не перешла почти исключительно въ вѣдѣніе опредѣленныхъ замкнутыхъ корпорацій, командировавшихъ членовъ своихъ на празднества въ разныхъ частяхъ Греціи. Это явленіе представляетъ собой своеобразнѣйшій продуктъ греческой корпоративной жизни; здѣсь соединялись представители разныхъ общинъ, образуя родъ государства въ государствѣ, впервые осуществляя идею союза союзовъ.

Профессіональные союзы артистовъ.

Рис. 42. МОЛОДОЙ НЕГРЪ СЪ САМБУКОЙ.

Парижъ. Ср. Kayet, «Mon. de l'art. ant.», II, Tf. 85.

Бронза прекрасно сохранилась, за исключеніемъ треугольнаго струннаго инструмента, покоившагося на правомъ плечѣ. Лѣвая рука негра лежала на его струнахъ. Этимъ объясняется искривленное положеніе верхней части туловища. Прелестно передано юное, еще не сформировавшееся тѣло молодого негра. На лицѣ у него смѣсь неудовольствія и грусти.

Первое такое товарищество „артистовъ Діониса“ мы встрѣчаемъ въ Аѳинахъ; въ составъ его входили не только разные музыканты, поэты, рапсоды, режиссеры, но и гардеробщики и промышляющіе отдачей костюмовъ въ наемъ. Милость монарховъ, а впослѣдствіи благосклонность Рима, поддерживали это товарищество привилегіями. Его существованіе можно прослѣдить вплоть до I ст. до Р. Хр., такъ какъ, благодаря покровительству со стороны Рима, оно одерживало верхъ въ конкуренціи съ другимъ обширнымъ союзомъ — исомійско-немейскимъ. Послѣдній сталъ опредѣленнѣе выдвигаться со времени разрушенія Коринѳа; онъ имѣлъ множество развѣтвленій по всей Греціи; центромъ его были Онвы. И этотъ союзъ пользовался поддержкой многихъ монарховъ и обслуживалъ многія общины артистическими силами. Характерно, что въ послѣднія десятилѣтія II в. римляне нашли нужнымъ взять на себя посредничество въ его спорѣ съ аѳинскимъ синодомъ.

Третьей значительной корпораціей служителей Діониса былъ союзъ малоазійскихъ артистовъ „Іоніи и Геллеспонта“, съ которымъ нѣкоторое время былъ связанъ родъ придворнаго театра пергамцевъ; центромъ его сначала былъ Теосъ. Это товарищество пережило распаденіе пергамскаго царскаго дома, съ которымъ оно находилось въ тѣснѣйшей связи. И въ Египтѣ со времени Птолемея I, повидимому, существовалъ союзъ артистовъ, также въ египетскомъ Кипрѣ; и тотъ, и другой назывались именами властвовавшихъ монарховъ; подобные же союзы существовали на греческомъ Западѣ, въ Сиракузахъ и въ Регіи.

Нравы.

Въ итогѣ, вглядываясь въ нравы, мы видимъ печальную картину. Высока личная отвага большинства дѣятельныхъ монарховъ; двое изъ нихъ, Антигонъ и Лисимахъ, въ преклонныхъ годахъ пали на полѣ битвы. Но для этихъ людей произвола и власти человѣческая жизнь цѣны не имѣетъ; они часто жестоки въ собственной семьѣ, хотя существуютъ и благородныя исключенія. Рядомъ съ внѣшней вѣжливостью мы видимъ внутреннюю грубость. Въ связи съ гордой надменностью монарховъ развиваются низкопоклонство и раболѣпіе подданныхъ. Народъ отвыкаетъ отъ закаляющей военной службы; въ погонѣ за наживой и выгодой гибнетъ честность; старая гражданская честь умираетъ въ новой монархіи. Эмансипація женщины не повышаетъ ея нравственнаго уровня; напротивъ, прочнымъ основамъ брака грозитъ бо́льшая опасность, чѣмъ когда-либо; въ Египтѣ открыто практикуется подкидываніе дѣтей. Слыша о насиліяхъ, убійствахъ, ограбленіяхъ храма и другихъ преступленіяхъ, мы уже не удивляемся. И, тѣмъ не менѣе, эта эпоха въ своихъ философскихъ ученіяхъ проповѣдывала тѣмъ, кто былъ готовъ прислушиваться, идеалы человѣчности, живые и понынѣ (стр. 102).

Образцомъ здоровыхъ воззрѣній простодушной нравственности, не умиравшей въ средѣ народа и въ эпоху античности, пусть послужитъ, ставшее уже довольно извѣстнымъ, письмо II ст. по Р. Хр., написанное египетскимъ рекрутомъ съ мѣста стоянки мисенскаго флота своему отцу на родину. „Своему отцу и господину, Эпимаху Апіонъ шлетъ привѣтъ. Прежде всего я желаю, чтобъ ты былъ здоровъ и вполнѣ счастливъ, и чтобы ты, сестра моя, ея дочь и мой братъ были благополучны. Я воздаю благодарность богу Серапису за спасеніе меня, когда я былъ въ опасности на морѣ. По прибытіи въ Мессены (Мисенъ) я получилъ viaticum отъ царя въ размѣрѣ 3 золотыхъ монетъ, и я благополученъ. Прошу тебя, отецъ мой, пришли мнѣ письмецо, во-первыхъ, о твоемъ здоровьѣ, во-вторыхъ, о здоровьѣ моихъ сестры и брата, въ-третьихъ для того, чтобы я могъ почтить твою руку, ибо ты меня хорошо воспиталъ, а потому я надѣюсь, если на то воля боговъ, быстро пойти впередъ. Передай поклоны Капитону, сестрѣ и брату моимъ, Серениллѣ и друзьямъ моимъ. Посылаю тебѣ черезъ Эвктемона мой портретъ. Имя мое Антоній Максимъ. Желаю тебѣ благополучія. Центурія Аѳиноника. — Привѣтъ тебѣ отъ Серена, сына Агаѳодемона...., Турбона, сына Галлонія.... — Эпимаху въ Филадельфію отъ его сына Апіона.—Отдай (письмо) въ 1-ой когортѣ апамейцевъ...., счетоводу, отъ Апіона, дабы онъ (его) (передалъ) Эпимаху, отцу его“.

Въ слѣдующемъ отдѣлѣ мы увидимъ процессъ растворенія греческой культуры въ римской; вмѣстѣ съ тѣмъ, мы убѣдимся, что мно-

гія ея начала переживаютъ не только римскую республику, но и имперію, особенно цѣпко удерживаясь въ византійской монархіи, откуда они проникаютъ въ нѣмецкое средневѣковье, а этимъ путемъ и въ нашу современную культуру. Такимъ путемъ греческая цивилизація создала нашу культуру, дѣйствуя не только косвенно черезъ посредство римской, но и непосредственно; не погаснувъ окончательно подъ давленіемъ римской образованности, она именно этимъ навѣки доказала свое безсмертіе. [*Поландъ*].

Рис. 43. АЛЕКСАНДРЪ ВЕЛИКІЙ.
Золотой медальонъ Eddé въ Александріи.
Ср. Dressel, «Goldmedaillons von Abukir», Tf. 3.
На шлемѣ изображена конная битва. На панцырѣ—Александръ, восѣдающій на престолѣ между Никой и Арете (?), подающими ему вѣнки. На оборотной сторонѣ изображена Аѳина съ двумя шлемами, копьемъ и змѣей передъ колонной, на которой начертаны слова Ὀλύμπια δος', т.-е. 274 г. аттической эры=242/3 г. послѣ Р. Хр. Дата относится къ раздачѣ наградъ за участіе въ Олимпійскихъ играхъ города Береи въ Македоніи.

В. ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРА

1. УСЛОВІЯ И ЗАДАЧИ

Точка зрѣнія современной науки.

Моментъ вступленія Александра Великаго въ Азію положилъ начало новому времени; насильственный переворотъ въ государственной жизни долженъ былъ повлечь за собою и переворотъ въ умственной и духовной жизни. Внѣшняя исторія эллинизма намъ теперь довольно ясна (стр. 3); за гораздо болѣе сложную проблему вѣрнаго освѣщенія ея интеллектуальнаго значенія наука взялась еще позднѣе и лишь въ новѣйшее время съ успѣхомъ.

На этомъ пути научнаго изслѣдованія стояли три преграды. Изъ безчисленныхъ произведеній этой эпохи оживленной литературной продуктивности до насъ дошли очень немногія. Врядъ ли всѣ эти потери достойны сожалѣнія; во всякомъ случаѣ, онѣ лишаютъ насъ возможности составить себѣ общее представленіе о литературѣ того времени. Темны для насъ, въ особенности, первые моменты развитія новаго теченія. Лишь по гораздо болѣе позднимъ подражаніямъ мы получаемъ представленія объ оригиналахъ, относящихся къ творческому III столѣтію. Еще больше приходится жалѣть о нашемъ незнакомствѣ съ личностями того времени. Традиція передаетъ намъ массу именъ, но гдѣ найти человѣка, образъ котораго былъ бы для насъ такимъ же живымъ, какъ образы Сократа или Демосѳена? И, наконецъ, переходя отъ классической эпохи расцвѣта къ новой культурной атмосферѣ, мы испытываемъ разочарованіе. Съ площади народнаго собранія свобод-

наго города мы внезапно переносимся въ великолѣпные покои царскаго дворца, изъ театра, въ которомъ весь народъ благоговѣйно внималъ словамъ родного поэта, въ классную комнату, въ „мастерскую“ науки, въ будуаръ свѣтской женщины. Все, что мы слышимъ, больше говоритъ уму, чѣмъ сердцу, и, находя нѣжный цвѣтокъ, мы убѣждаемся, что онъ растетъ не на росистомъ лугу, а въ нарядномъ искусственномъ саду. Не удивительно, что при этихъ условіяхъ долгое время въ „Александринизмѣ“ видѣли только „Эпигонство“.

Значеніе эпохи эллинизма.

Разумѣется, эллинизмъ жилъ наслѣдіемъ великаго прошлаго; но это прошлое его не подавило; эллинизмъ создавалъ новыя цѣнности, произведенія искусства, литературы и науки, въ которыхъ своеобразіе эпохи отражается во всей широтѣ. Чѣмъ дальше эти произведенія уклоняются отъ классической эпохи, тѣмъ больше они намъ напоминаютъ современныя.

Прежде всего, въ этотъ періодъ совершается одно изъ знаменательнѣйшихъ событій исторіи человѣчества: распространеніе эллинистической цивилизаціи на Востокѣ, внутреннее перерожденіе эллинской культуры въ обще-человѣческую, даровавшее ей силу впослѣдствіи завоевать Римъ и тѣмъ самымъ весь міръ. Ибо не греческая культура, а эллинизмъ составляетъ базу нашей западной цивилизаціи. И въ этомъ смыслѣ III столѣтіе смѣло можно назвать „кульминаціонной эпохой эллинской культуры“.

Почва, на которой возникаютъ новыя теченія.

Лишь на первый взглядъ новыя идеи и формы умственной жизни могутъ показаться возникшими непосредственно, безъ прецедентовъ. Присматриваясь ближе, можно въ большинствѣ случаевъ установить ихъ давнишнее зарожденіе и старые корни. Уже за сто лѣтъ до Александра софистика положила начало просвѣтительному движенію, цѣлью котораго было освободить человѣчество отъ узъ закона и государственной религіи. Нынѣ городъ-государство, владѣвшій до той поры мыслями и дѣятельностью своихъ гражданъ, потерялъ политическое значеніе и съ нимъ жизненную силу. Такъ, зарождается эмансипація индивидуума: дѣло каждой отдѣльной личности создать себѣ свой идеалъ жизни, находимый иными въ тупомъ чувственномъ наслажденіи, другими въ неутомимой активности съ цѣлью личной выгоды, немногими же избранными, число которыхъ незамѣтно растетъ, въ стремленіи къ облагороженной высшей нравственной и религіозной жизни. Границы, въ предѣлахъ которыхъ живутъ эти стремленія,—не тѣсное городъ-государство, а весь міръ, открытый отнынѣ наблюдательности и энергіи эллиновъ. Все это было дѣломъ Александра Великаго.

Знаменателенъ тотъ фактъ, что великій персидскій походъ по трагической случайности былъ предпринятъ не Филиппомъ, а его великимъ сыномъ. Воспитанный человѣкомъ, равнымъ ему по геніальности,—Аристотелемъ, онъ соединяетъ въ себѣ мужество македонца съ образованностью эллина, благодаря которымъ и для которыхъ

ему суждено было покорить міръ. Филиппу никогда не пришло бы въ голову везти съ собой въ Азію цѣлый штабъ ученыхъ, историковъ, поэтовъ, ради изученія ими чужой страны и для того, чтобъ они описали его дѣянія. Ужасная борьба, въ теченіе 40 лѣтъ колебавшая міръ послѣ ранней смерти Александра, больше послужила распространенію эллинизаціи, чѣмъ преграждению путей ея. Войска этого періода, въ корнѣ своемъ македонско-греческія, странствовали изъ страны въ страну, оставаясь годами на разныхъ стоянкахъ. Многочисленные новые города, основанные Александромъ и его преемниками, стали столькими же центрами сліянія эллинскаго начала съ восточнымъ (ср. стр. 17 сл.). Когда же государства діадоховъ окончательно сформировались, отдѣльные монархи стали насильственно насаждать греческую образованность въ разныхъ, далеко разбросанныхъ центрахъ въ средѣ своихъ новыхъ подданныхъ. Въ этой образованности діадохи видѣли общій источникъ своей силы. Снова, такимъ образомъ, бодро потекла мирная культурная работа.

Характеристика эллинизма.

Новый эллинизмъ существенно отличается отъ древняго эллинства и имѣетъ точки соприкосновенія съ нашимъ временемъ. Въ эпоху трудной борьбы творческая фантазія эллиновъ изсякла, трезвость и разумъ одерживаютъ вверхъ. Въ ново-созданныхъ іерархіяхъ чиновниковъ (ср. стр. 18 сл.) главную роль начинаетъ играть стремленіе къ наживѣ, къ занятію опредѣленнаго ранга и положенія. Необходимость же пріобщенія варваровъ къ греческому языку и обычаямъ вызывала неизбѣжность систематизаціи и оформленія элементовъ греческой образованности. Литература, признанная классической, существовала; но горизонты расширялись передъ эллинами изо дня въ день. Передъ пытливымъ умомъ грека открывалась задача вникнуть въ чудеса Востока, отъ Инда до Нила, и создать себѣ представленіе о его древнѣйшихъ культурахъ. Все влекло идти дальше по новому пути, указанному Аристотелемъ, этимъ создателемъ и организаторомъ научной работы; такимъ образомъ, эллинизмъ сталъ золотымъ вѣкомъ науки. Ученый, въ сосредоточенномъ трудѣ собиравшій сокровища знанія и путемъ методическаго изслѣдованія и систематизаціи дѣлавшій ихъ достояніемъ широкихъ массъ, начинаетъ пользоваться уваженіемъ и почетомъ. Въ эту же эпоху возникаетъ искусство перевода, культурное посредничество котораго совершенно неизбѣжно также и для насъ.

Тогда какъ научное изложеніе въ большинствѣ случаевъ безыскусственно, часто даже лишено всякой формы, задача риторики состоитъ въ повышеніи эффекта литературной рѣчи разнообразными искусственными пріемами. Во всѣхъ областяхъ, какъ это наблюдается и въ пергамскихъ скульптурахъ (стр. 202 сл.), мы видимъ сознательное стремленіе вызвать сильное впечатлѣніе, во что бы то ни стало. Исторія окончательно погружается въ реторику и поэтому почти утрачиваетъ научное значеніе. Въ связи съ преобладаніемъ индивидуализма она выдвигаетъ на первый планъ великія личности, съ драматическими эффектами описывая превратности ихъ судьбы. Рядомъ съ этимъ въ формѣ діатрибы (стр. 107) вырабатывается общепонятный типъ народной

проповѣди, направленной противъ упадка нравовъ и пороковъ времени. Утонченная культура, благами которой общество широко наслаждалось, вызываетъ реакцію. Реакція эта сказалась, между прочимъ, въ тоскѣ по жизни, въ романтическомъ исканіи безвозвратно утраченной простоты, безмятежной жизни первобытнаго прошлаго, жизни пастуховъ въ полѣ, жизни народовъ, созданныхъ фантазіей. Всѣ эти настроенія отражаетъ поэзія, ставящая себѣ главной задачей выработку изящной формы, удовлетворяющей и тонкаго знатока; поэзію теперь культивируютъ большей частью ученые, изысканная образованность которыхъ, самодовольно выставляемая на показъ, не трогаетъ нашего сердца, часто производя впечатлѣніе вычурности. Намъ ясно, что поэты эти пишутъ для „образованныхъ“, тогда какъ Гомеръ и Софоклъ говорили всему народу.

Чѣмъ шире распространяется введенное софистами высшее образованіе, тѣмъ рѣзче становится грань между образованнымъ и необразованнымъ. Эта грань, настолько же чуждая древнимъ эллинамъ, насколько неизбѣжная на современный взглядъ, можетъ намъ служить вѣрнымъ критеріемъ при оцѣнкѣ литературныхъ и художественныхъ произведеній.

Рознь образованныхъ и необразованныхъ часто отодвигаютъ на задній планъ передъ господствующимъ контрастомъ, — контрастомъ между эллинами и варварами. Соревнованіе между греческими политіями и племенами, создавшее въ интеллектуальной области столько великаго и столько отрицательнаго въ политической, утратило значеніе. Всякій человѣкъ, говорившій по-гречески, чувствовалъ себя по сравненію съ варваромъ существомъ высшаго порядка. Отъ него ускользало наблюденіе, что постоянное общеніе съ варварами неуловимо измѣняло обликъ его родной культуры. Подобно тому, какъ въ наше время Востокъ съ настойчивымъ постоянствомъ противоборствуетъ проникновенію европейской цивилизаціи, такъ и въ тѣ времена не можетъ быть и рѣчи о подчиненіи Востока эллинству; напротивъ, Востокъ начиналъ внушать эллинамъ повсюду, гдѣ распространялось ихъ вліяніе, свое собственное міровоззрѣніе, тѣмъ ли путемъ, что отдѣльные выдающіеся „варвары“ проникались греческой образованностью, или тѣмъ, что умственныя и религіозныя теченія Востока пробуждали родственныя настроенія въ греческомъ народѣ. Такъ совершался внутренній обмѣнъ, подобный тому, который произошелъ позднѣе между греками и римлянами, когда обѣ стороны являлись и дающими, и берущими.

На этой почвѣ, сначала въ умахъ отдѣльныхъ лицъ, а затѣмъ постепенно становясь общимъ достояніемъ, впервые возникаетъ идея общаго, всемірнаго гражданства. Киникъ Діогенъ (стр. 106), какъ говорятъ, былъ первый, назвавшій себя космополитомъ. Тогда какъ Аристотель въ своей „Политикѣ“ устанавливаетъ тезисъ — эллины рождены для господства, варвары для подчиненія, уже въ

300-мъ году высшій государственный идеалъ Зенона (стр. 102) выражается въ мысли: „мы не должны жить раздѣльно по областямъ и городамъ, обособленные своимъ спеціальнымъ правомъ, мы должны жить согражданами и собратьями, съ одинаковымъ для всѣхъ порядкомъ жизни, подобно стаду, пасущемуся на общемъ пастбищѣ". — Итакъ, отнынѣ существовала только единая всемірная образованность — эллинистическая, и задачей каждаго, стремящагося впередъ, народа было сдѣлать ее своимъ достояніемъ; для однихъ, какъ для римлянъ, она являлась элементомъ, проникавшимъ весь народъ, будившимъ въ немъ жизнь, для другихъ, какъ для дикихъ парѳянъ, лишь внѣшнимъ лоскомъ.

Койнэ. Неразрушимымъ созданіемъ этой культуры является эллинистическій, обще-народный греческій языкъ (ἡ κοινή). Прошло около столѣтія съ тѣхъ поръ, какъ аттическое нарѣчіе робко проникло въ литературу, ставъ рядомъ съ іонійскимъ литературнымъ языкомъ. За это время оно завоевало не только литературу, но, какъ языкъ дѣловой и оффиціальный, широко распространилось на всѣхъ поприщахъ. Царь Филиппъ вводитъ его въ свою канцелярію. Войска Александра переносятъ аттическій языкъ на Востокъ, и съ той поры этотъ единый носитель умственной жизни служитъ средствомъ пониманія и общенія между отдаленнѣйшими націями. Исключеніе составляли поэты, естественнымъ образомъ сохранявшіе народные діалекты, присущіе видамъ ихъ поэзіи.

Литературный языкъ. Недавно еще въ койнэ усматривали только испорченное аттическое нарѣчіе, лишь въ новѣйшее время мы оцѣнили сущность и истинное значеніе ея. Изученіе койнэ еще въ полномъ разгарѣ, такъ какъ всякій день обогащаетъ матеріалъ ея. Пути литературнаго и разговорнаго языка, какъ всегда, расходятся. Первый внѣшнимъ образомъ съ поразительной стойкостью держится старыхъ формъ. Однако, если уже греческій языкъ древнѣйшихъ писателей замѣтно уклоняется отъ разговорнаго аттическаго языка, то теперь происходитъ еще болѣе глубокая внутренняя переработка его. Въ меньшей степени она зависитъ отъ постояннаго соприкосновенія съ чужими языками, такъ какъ греческій языкъ былъ слишкомъ еще жизнеспособенъ, чтобъ поддаться глубокому вліянію чужихъ языковъ, случайныя же заимствованія имѣли лишь мѣстное (какъ, напр., въ Александріи) распространеніе. Такъ, еврейская окраска греческаго языка семидесяти толковниковъ далеко не кажется несомнѣнной. Гораздо яснѣе вырисовываются обычныя языковыя явленія, обусловливаемыя эволюціей всякаго языка.

Рѣдкое многообразіе формъ выраженія (ими говорящій по-гречески варваръ едва ли лучше умѣлъ пользоваться, чѣмъ школьники въ наше время) все больше исчезаетъ и уступаетъ постепенно мѣсто однообразной, но зато общепонятной, рѣчи. Уве-

личенное число предлоговъ служитъ для отчетливости ея; неизбѣжное оскудѣніе языка восполнялось описательными и составными формами. Большинство словъ давнымъ-давно утратило свою колоритность и непосредственно живое значеніе, рѣчь становится все абстрактнѣе и переполняется условными оборотами и фразами.

Въ противоположность этому прогрессивному омертвѣнію рѣчи слѣдуетъ, однако, отмѣтить удивительнѣйшую гибкость и воспріимчивость, съ которыми этотъ языкъ охватилъ и ясно выразилъ необъятное богатство новыхъ явленій и идей—вспомнимъ римскую культуру и всю область христіанскихъ понятій. Къ сожалѣнію, стремленіемъ искусственно вернуть прозу къ аттицизму этому естественному процессу развитія съ I ст. до Р. Хр. былъ положенъ преждевременный предѣлъ.

Разговорный языкъ.

Этотъ аттицизмъ навсегда отрѣзалъ литературный языкъ отъ разговорнаго. Естественно было, что послѣдній съ самаго начала сильнѣе смѣшивался съ чуждыми элементами. Все своеобразіе греческаго языка въ устахъ египтянина мы узнаемъ изъ безчисленныхъ папирусовъ, нѣкогда выброшенныхъ какъ макулатура, а теперь служащихъ намъ драгоцѣнными памятниками, изъ которыхъ мы черпаемъ свѣдѣнія о будничной жизни и повседневномъ языкѣ на протяженіи нѣсколькихъ столѣтій. Понятіе о свѣжести и безыскусственности этой народной рѣчи мы получаемъ, не подозрѣвая того, при чтеніи Новаго Завѣта. Надо помнить, что люди, написавшіе его, вышли изъ среды простого народа, говорившаго какъ-разъ тѣмъ языкомъ, который характеренъ для греческихъ папирусовъ Египта.—Рядомъ съ вырожденіемъ формъ, происходилъ постепенный, но глубокій переворотъ въ произношеніи—итацизмъ. Изъ греческихъ діалектовъ, судя по надписямъ, вплоть до I-го стол. до Р. Хр. многіе сохранились въ мѣстномъ употребленіи. Движеніе началось съ одного изъ нихъ—беотійскаго: стали произносить звуки ει, η, впослѣдствіи οι — какъ *и*, αι какъ *э*. Этотъ итацизмъ лишь со временъ имперіи пріобрѣтаетъ права гражданства. Онъ характеризуетъ и языкъ современной Греціи, приписывающей, съ понятнымъ, но лишеннымъ основаній, патріотизмомъ, его возникновеніе классической эпохѣ.

Творческій періодъ эллинизма.

Творческій періодъ эллинизма — III столѣтіе. Поразительно много новаго во всѣхъ областяхъ создано, главнымъ образомъ, въ первую половину этой эпохи. Послѣ нея наступаетъ періодъ омертвѣнія, упадка и рьянаго собиранія старыхъ и новыхъ сокровищъ знанія.

Главные центры.

Аѳины въ первое время сохраняютъ свое почетное мѣсто „очага образованности Эллады“, хотя уже съ IV стол. интеллектуальная жизнь вновь начинаетъ расцвѣтать пышнѣе и въ греческихъ городахъ Малой Азіи. Не удовлетворяя, правда, идеалу Платона, во главѣ аѳинскаго государства въ теченіе 10 лѣтъ стоитъ философъ, Деметрій Фалерскій (стр. 4). Въ Аѳинахъ возникаютъ новыя школы философовъ, и

новая комедія остается чисто-аттическимъ продуктомъ. Однако, съ 270 года начинается упадокъ. Аѳины продолжали все еще жить старой славой; они оставались центромъ высшаго образованія, привлекая жаждущую знанія молодежь и любознательныхъ путешественниковъ.— „Куда ни ступишь", говоритъ Цицеронъ,—„всюду исторія". Однако, руководящими центрами умственной жизни отнынѣ являются столицы державъ діадоховъ; только небольшая республика Родосъ (ср. стр. 42) еще долгое время сохраняла за собой интеллектуальную самостоятельность.

Вся культура, не всегда къ ея выгодѣ, пріобрѣтаетъ оттѣнокъ монархизма. Поскольку монархами руководилъ государственный разсчетъ, поскольку искреннее увлеченіе высшимъ образованіемъ,—это вопросъ. Нѣкоторымъ изъ нихъ (напр., первымъ Птолемеямъ и македонскому царю Антигону Гонату) опредѣленно приписывается такое увлеченіе, и многочисленныя авторскія посвященія книгъ подтверждаютъ молву. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что ихъ милостивое покровительство искусству и наукѣ, особенно же богатыя средства, жертвуемыя на нихъ, привлекали къ ихъ дворамъ широкіе круги изслѣдователей, поэтовъ и художниковъ. Нѣтъ уже отдѣльныхъ геніальныхъ личностей, возвышающихся надъ толпой; но всюду идетъ усердная работа учителей и учениковъ; борьба разнородныхъ умственныхъ теченій и соревнованіе центровъ умственной жизни возбуждаютъ мысль. Александрія, торговая метрополія новой великой Эллады (стр. 40 сл. и 180 сл.), становится и остается вплоть до позднѣйшихъ временъ также и интеллектуальнымъ ея центромъ. Этимъ она обязана, главнымъ образомъ, двумъ первымъ монархамъ—Птолемею Сотеру (323—285) и Птолемею Филадельфу (285—247), систематически поднимавшимъ эллинистическую культуру, ограждая ее отъ поглощенія богато развитой туземной культурой. Въ лицѣ Филадельфа, въ особенности, мы несомнѣнно имѣемъ вдумчиваго покровителя всѣхъ областей умственной жизни. Основаніемъ „Музея" имъ создана была первая академія наукъ, а александрійскія библіотеки оказались великой сокровищницей, сохранившей большую часть того, чѣмъ мы еще богаты въ области греческой литературы. И сирійскіе монархи пытались окружить свою метрополію Антіохію литературнымъ блескомъ; однако, ихъ успѣхъ былъ лишь мимолетнымъ. Въ властителяхъ же маленькаго національно-греческаго Пергама Птолемеи имѣли значительныхъ соперниковъ, созданія которыхъ, нынѣ снова воскресшія передъ нами, вызываютъ наше удивленіе.

2. РЕЛИГІЯ

Общій обзоръ.

Уже Протагоръ своимъ „ignoramus“, а Еврипидъ горькими словами: „если боги грѣшны, не боги они“ — произнесли смертный приговоръ надъ античнымъ міромъ боговъ. Не спасли его ни формальное сохраненіе благочестивыми гражданами культа отцовъ, ни роскошныя процессіи діадоховъ. Тѣмъ не менѣе, прошло почти еще тысячелѣтіе до окончательнаго погребенія политеизма. Ибо передъ нами не только прогрессирующій процессъ разложенія, начавшійся, строго говоря, уже съ эпохи Гомера; современная углубленная и расширенная наука исторіи религіи устанавливаетъ не только процессъ разложенія старой религіи, но и процессъ ея внутренняго приспособленія къ новому міровоззрѣнію. Религія проникается новыми идеями, заимствованными отчасти изъ греческой философіи и народнаго религіознаго самосознанія, отчасти изъ чужеземныхъ культовъ.

Съ этими новыми теченіями, а не съ давно забытыми олимпійцами, вступаетъ въ рѣшительную борьбу христіанство. Оно могло одержать въ ней побѣду, лишь слившись до извѣстной степени съ этими теченіями. Передъ нами начальныя стадіи постепенной, но постоянной эволюціи, продолжающей вліять, помимо нашего сознанія, вплоть до нашихъ дней. Для пониманія ея мы должны сдѣлать попытку вдуматься въ міръ чувства и мысли древности.

Упадокъ старой религіи.

Наша вѣра—религія міровая, тогда какъ жизненная сила эллинскихъ боговъ коренилась въ родной почвѣ, на которой были воздвигнуты ихъ святилища, въ городѣ-государствѣ, поклонявшемся имъ. Религія и патріотизмъ тѣсно соприкасались; государство и церковь сливались во-едино. Гражданинъ Периклова вѣка благоговѣйно взиралъ на Аѳину, покровительницу родного города. Рядомъ съ Эрехѳейономъ и его святыми реликвіями возвышался Парѳенонъ, воздвигнутый въ благодарность богамъ, спасшимъ народъ отъ уничтоженія персами. Въ Аѳинѣ олицетворена святость государства, она была охранительница союзной казны; почитаніе боговъ было патріотической обязанностью, которой добросовѣстно подчинялся и Сократъ. Такъ было по всей Элладѣ. Съ упадкомъ города-государства (ср. стр. 20 сл.), и вѣра въ его боговъ утратила свою непоколебимость. Гражданинъ, уходившій на далекую чужбину, узналъ подъ другимъ небомъ и другія божества; и даже благочестивый аѳинянинъ сначала смотрѣлъ со скептическимъ недоумѣніемъ, а затѣмъ съ восхищеніемъ, на таинственный ритуалъ культа Исиды въ Пиреѣ.

Такимъ образомъ, космополитизмъ и въ религіи (ср. стр. 85 сл.) одерживаетъ верхъ, а съ нимъ совершается окончательный переворотъ: религія становится дѣломъ личной совѣсти. Индивидуумъ, предоста-

вленный самъ себѣ, самъ долженъ былъ искать путей спасенія въ этой и, какъ мы увидимъ, въ загробной жизни, находя лишь нѣкоторую замѣну государственнаго культа въ частныхъ религіозныхъ собраніяхъ (ср. стр. 73 сл.).

Рис. 44. МЕДИЧЕЙСКАЯ ВЕНЕРА.
Мраморъ. Флоренція. Фотографія.
Съ XVI стол. во владѣніи семьи Медичи.
Реставрированы руки, передняя часть базы съ фальсифицированной надписью художника. Богиня только-что покинула морскія волны,—на это указываетъ дельфинъ. Мы видимъ самую юную и въ то же время самую человѣчную изъ Венеръ. Ея стыдливость не изъ самыхъ подлинныхъ. Нижняя часть приподнятыхъ кверху вѣкъ производитъ впечатлѣніе чувственности. Ямочка въ подбородкѣ, браслетъ и серьги—все это скорѣе аттрибуты кокетливой смертной, чѣмъ богини.

Еще интенсивнѣе разрушали религію внутреннія причины. Могутъ ли боги, надѣленные уже Гомеромъ слишкомъ человѣческими качествами и изображавшіеся искусствомъ интересующей насъ эпохи въ ослѣпительной чувственной красотѣ (рис. 44), возбуждать молитвенное настроеніе? Они ли являются прибѣжищемъ въ горькой нуждѣ? Куда дѣлась справедливая власть милостивыхъ боговъ въ переживаемыхъ съ содроганіемъ ужасныхъ событіяхъ, въ возвышеніи и паденіи великихъ державъ и мощныхъ личностей? Не стоялъ ли беззащитный человѣкъ передъ неумолимой властью судьбы или передъ коварной случайностью? Не даромъ великіе трагики давно уже съ потрясающей ясностью доказали въ отраженіи миѳовъ всю тщету борьбы даже величайшаго героизма съ безпощадной судьбой! Поэтому богиня Тихе (Tyche), олицетворяющая то слѣпую случайность, то счастливый успѣхъ, то геній города или монарха (рис. 45), отнынѣ почитается многими какъ единая богиня. Такимъ образомъ распространяется пессимистическое міровоззрѣніе, и сѣмя скептицизма, посѣянное софистами, приноситъ плоды. Если въ IV столѣтіи „отвергающій боговъ“ былъ въ глазахъ аѳинянъ чудовищемъ, то теперь скептицизмъ одерживаетъ побѣду. Эпикуръ не уставалъ доказывать нелѣпость общепринятой религіи, а академикъ Карнеадъ (около 155) опровергалъ всѣ доводы, доказывающіе существованіе боговъ.

Раціонализмъ.

Не такъ легко было, однако, искоренить боговъ изъ сознанія образованныхъ и народа. Поэтому уже давно существовавшій, а съ III и II ст. занявшій господствовавшее положеніе, р а ц і о н а л и з м ъ пытался перекинуть мостъ между старой вѣрой и новымъ просвѣтительнымъ теченіемъ. Результаты этихъ попытокъ кажутся намъ плоскими, часто просто смѣшными, но задуманы онѣ серьезно. Дѣлалось усиліе извлечь изъ миѳовъ реальный смыслъ, отбрасывая всѣ искусственныя наслоенія. Въ лицѣ Зевса и въ родѣ олимпійцевъ видѣли властныхъ царей и благодѣтелей человѣчества, насаждающихъ высшую культуру и почитаемыхъ послѣ смерти, какъ было въ дѣйствительности съ Александромъ и діадохами. Е в г е м е р ъ, использовавшій эти воззрѣнія въ любопытномъ романѣ, слылъ главнымъ представителемъ этого направленія, понынѣ еще называемаго евгемеризмомъ (ср. стр. 146). Однако, онъ не былъ его создателемъ.

Аллегорическое толкованіе.

А л л е г о р и ч е с к о е т о л к о в а н і е является вторымъ путемъ, ведущимъ къ той же цѣли. Съ необычайной виртуозностью примѣняемое отнынѣ стоиками, оно становится неизсякаемымъ средствомъ поддержанія связи философіи съ народной религіей. Путемъ рискованныхъ этимологій и толкованій стоики вкладываютъ въ самые незатѣйливые образы и разсказы аллегоріи силъ природы, интеллектуальныя и нравственныя потенціи и философскія понятія.

Рис. 45. ТИХЕ АНТІОХІИ.
Мраморъ. Ватиканъ. Фотографія.
Съ оригинала Евтихида (ср. стр. 144).
Голова античная, но принадлежащая не этой статуѣ. По монетамъ мы знаемъ, что Тихе изображали съ стѣнянымъ вѣнцомъ на головѣ. У ногъ ея юный рѣчной богъ Оронтъ.

Гера олицетворяетъ воздухъ, Аѳина высшій, чисто-духовный слой эѳира, почему она и рождается изъ главы Зевса. Ея имя Тритогенейа символизируетъ три области философіи. Хромой Гефестъ, опирающійся на посохъ, символизируетъ земной огонь, для поддержанія котораго нужно дерево. Борьба Аполлона съ дракономъ означаетъ побѣду свѣта надъ пагубнымъ мракомъ. Гераклъ—великій учитель человѣчества, покорившій похоти и страсти въ побѣдѣ надъ вепремъ, львомъ и быкомъ. Одиссей, служа примѣромъ человѣчеству, побѣждаетъ всѣ пороки; онъ избѣгаетъ жизни лотофаговъ, посвященной только наслажденію, онъ ослѣпляетъ въ лицѣ Полифема дикій гнѣвъ, онъ не поддается у Кирки волшебству похоти, онъ проѣзжаетъ невредимымъ между Сциллой бевстыдства и Харибдой разврата. — То, что намъ кажется игрой

остроумія или нелѣпостью, въ тѣ времена понималось углубленно. По тому остроумію, которое щедро вкладывалось въ толкованіе гомеровскихъ аллегорій, мы убѣждаемся, какъ велико было значеніе Гомера вплоть до позднѣйшихъ временъ.

Это аллегорическое толкованіе, распространенное впослѣдствіи Филономъ на Ветхій Завѣтъ и отцами церкви на Новый, породило много вреда и не искоренено еще изъ Библіи и въ наше время.

Философская религія.

Однако, философія создала и новыя моральныя и религіозныя цѣнности, живыя еще понынѣ. Ея этика переросла отсталую вѣру въ боговъ, ища замѣны утраченной религіи. Стоицизмъ создалъ высокій, хотя и недосягаемый, идеалъ въ образѣ мудреца, указавъ въ стремленіи къ его достиженію пути нравственнаго усовершенствованія и истиннаго счастья. Возвышенная идея пантеизма, наполнявшая умы мыслителей таинственнымъ предчувствіемъ, несмотря на свою неопредѣленность или, быть-можетъ, именно благодаря ей, подготовила пути къ чистому монотеизму.

Реакція.

Правда, эта философская религія лишь постепенно овладѣла умами образованныхъ. Со II стол., однако, и въ низшихъ слояхъ общества пробуждается реакція противъ безвѣрія и раціонализма, не могущихъ надолго удовлетворить исканій человѣческой души. Государственная религія не давала отвѣта и на тревожный вопросъ о судьбѣ души въ загробной жизни. Только личное, интимное отношеніе индивидуума къ божеству, окутанное неизбѣжной завѣсой таинственности, могло здѣсь даровать утѣшительную увѣренность. Исканіе ея уже въ VI стол. привлекало много адептовъ въ элевсинскія и орфическія мистеріи (Э. К., стр. 22). Это настроеніе возродилось теперь съ новой силой и стало одерживать верхъ надъ вольнодумствомъ новаго времени. Элевсинскія мистеріи переносятся въ Александрію, распространяется тайный культъ самоѳракскихъ кабировъ. Высоко чтится Асклепій, „Спаситель“ человѣчества, сулившій избавленіе, по крайней мѣрѣ, отъ всѣхъ тѣлесныхъ недуговъ. Безчисленное множество больныхъ совершало паломничество въ его храмъ въ Эпидаврѣ, и надписи перечисляютъ чудесные случаи исцѣленія, обнаруживающіе печальное распространеніе вѣры въ чудо и суевѣрія.

Чужеземныя божества.

Въ общемъ же эллинскія божества отжили. Поэтому люди тревожно обращались къ чужеземнымъ богамъ. Они давно уже укоренились въ Элладѣ. Изъ Ѳракіи является Діонисъ съ своимъ оргіастическимъ культомъ. Культъ фригійской матери боговъ, Кибелы, несмотря на отталкивающія формы его, также находитъ распространеніе. Отнынѣ начинается глубокое религіозное вліяніе Востока на Западъ, достигшее высшаго напряженія лишь въ эпоху имперіи и подготовившее побѣду христіанства. Ибо религіозно-эмоціональная жизнь народовъ Востока, къ которой пріобщились теперь и греки, представляетъ собой діаметральную противоположность раціоналистической спе-

куляціи греческой философіи: Востокъ базировалъ свою религію не на знаніи, а на вѣрѣ, которая путемъ таинственнаго внутренняго переживанія приводила къ непосредственному созерцанію божества и сліянію съ нимъ. Свобода передвиженія народовъ устранила также національностическую обособленность религій, порождая сліяніе разнороднѣйшихъ боговъ и культовъ. Этотъ синкретизмъ легко объясняется воззрѣніями политеизма. Всюду существовали божества, извѣстныя или „невѣдомыя“ (ср. Дѣянія Апостоловъ XVII, 23), требующія, быть-можетъ, почитанія и грозящія карой отказывающему имъ въ немъ. Никто не вѣдалъ, которые изъ этихъ боговъ были сильнѣе; въ Греціи, и особенно въ Римѣ, существовалъ даже обычай въ бѣдствіяхъ страны, когда казалось, что родные боги отказывали въ спасеніи, взывать къ помощи чужеземныхъ. Кромѣ того, греки и римляне всегда были склонны въ божествахъ варваровъ узнавать своихъ боговъ. Такъ думалъ уже Геродотъ, будучи въ Египтѣ, а Тацитъ простодушно повѣствуетъ, что германцы почитаютъ Меркурія (Водана), Геракла и Марса (Донара и Дзіу). Теперь съ Востока являются новыя божества, очаровывающія умы ореоломъ таинственности и чудодѣйственнымъ культомъ и покоряющія сердца откровеніями великаго будущаго блаженства.

Рис. 46. САРАПИСЪ.
Мраморный бюстъ въ Ватиканѣ, по оригиналу Бріаксида(Э.К., стр.426). Ср. Roscher, «Lex. d. Mythol.», IV, ср. 365.
Въ основѣ произведенія лежитъ голова Зевса, которой (измѣненной трактовкой волосъ) приданы таинственно-скорбныя черты подземнаго божества. Модій на его головѣ символизируетъ бога плодородія; лучи, бывшіе на головной повязкѣ,—отношеніе къ Геліосу.

Сходство съ родными богами отчасти дѣйствительно существовало, отчасти безъ труда могло быть найдено, и такимъ путемъ пришельцы до извѣстной степени узаконивались. Подобное сліяніе давно произошло на Востокѣ, главнымъ образомъ, въ Вавилонѣ, гдѣ похожіе по существу великіе боги и пары божествъ слились во-едино. Здѣсь и въ Египтѣ теологическая спекуляція жречества, отсутствовавшаго въ Элладѣ, направляла умы къ вѣрѣ въ единое всемогущее божество, господствующее надъ всѣми остальными и почитаемое какъ Всебожество.

Эти воззрѣнія находили сильную опору въ умной религіозной политикѣ діадоховъ, ясно отдававшихъ себѣ отчетъ въ томъ, что охраняемая ими государственная религія могла служить надежнѣйшимъ залогомъ устойчивости ихъ молодыхъ государственныхъ образованій. Особенно важно было монархамъ сохранить связь съ мѣстной религіей въ Египтѣ, удовлетворяя одновременно грековъ. Въ лицѣ Сараписа Птолемеямъ удалось создать новаго бога новой династіи, пережившаго

Сараписъ.

ее на долгое время. Культъ Сараписа былъ еще живъ въ эпоху римской имперіи; Веспасіанъ ввелъ его при дворѣ. Разрушеніе Сарапейона въ Александріи (390 по Р. Хр.) ознаменовало для Египта конецъ язычества такъ же, какъ для Аѳинъ закрытіе платоновской академіи.

Сохранилась оффиціальная легенда, связанная съ введеніемъ культа Сараписа и сочиненная, видимо, по порученію властей элевсинскимъ жрецомъ. Побуждаемый повторными вѣщими снами, Птолемей Сотеръ перенесъ святое изображеніе Сараписа изъ Синопы понтійской. Идентичность этого Сараписа съ вавилонскимъ Сарапси, оракулъ котораго, даваемый въ вѣщемъ снѣ, вопрошали во время послѣдней болѣзни Александра, намъ кажется вѣроятной; это обстоятельство сразу повышало значеніе новаго божества. Въ Египтѣ оно было уравнено Озирису-Апису. Среди римлянъ нѣкоторые его называли, слѣдуя Тациту, Эскулапомъ, другіе Озирисомъ, многіе Юпитеромъ, большинство же Dis pater (Hades). И дѣйствительно, въ его существѣ и образѣ — послѣднемъ великомъ типѣ божества, созданномъ эллинскимъ искусствомъ, — соединяются черты всѣхъ названныхъ божествъ—бога покровителя вселенной, властителя подземнаго царства и бога плодородія (рис. 46).

Исида.

Еще раньше начала овладѣвать умами египетская матерь боговъ, Исида, впослѣдствіи часто почитаемая въ связи съ Сараписомъ.

Уже въ 333 г. у торговцевъ Пирея было признанное государствомъ святилище богини, тогда какъ въ Аѳинахъ въ то время чужеземные культы были строго запрещены. Въ I вѣкѣ до Р. Хр., когда существовалъ уже храмъ Исиды въ Помпеяхъ, въ Римѣ протестовали противъ введенія египетской богини, подозрительной по своему происхожденію и отталкивающей своеобразнымъ ритуаломъ; но уже Калигула строитъ ей храмъ, если и не въ городѣ, то на Марсовомъ полѣ. Кто могъ противостоять этой могучей богинѣ, олицетворяющей то Афродиту, то Деметру, то Геру, богинѣ, которая властвовала на землѣ и дарила почву плодородіемъ, которая, подобно волшебницѣ, учила таинственнымъ искусствамъ, была спеціальной защитницей женщинъ и открывала, наконецъ, доступъ къ загробной вѣчной жизни въ подземномъ царствѣ? Кромѣ всего остального маяилъ и чувственный элементъ ея культа. Жрецы съ бритыми головами ежедневно совершали священнослуженіе (чѣмъ не чтили ни одного античнаго божества); широкія массы привлекались торжественными процессіями. Мимическое изображеніе мисѳ возбуждало въ молящихся переходъ отъ глубокой печали къ пламенной радости, подобныхъ скорби и радости, пережитыхъ богиней, когда она искала убитаго Озириса и нашла его. Послѣ многихъ испытаній и посвященій передъ лицомъ, допущеннымъ въ святое святыхъ храма, открывался глубокій смыслъ святого откровенія; онъ не только становился способнымъ созерцать божество, но въ экстатической восторженности самъ становился Озирисомъ или Сараписомъ и тѣмъ самымъ достигалъ увѣренности въ дарованіи ему впослѣдствіи „живой воды“ вѣчной жизни.

Культъ монарховъ.

Непонятное на нашъ взглядъ представленіе о превращеніи (хотя бы на нѣсколько мгновеній) смертнаго въ божество, получило, между тѣмъ, оффиціальную санкцію въ культѣ монарховъ, т.-е. обожествленіи властвующаго царя. Древніе были далеки отъ рѣзкаго разграниченія бога и человѣка. Миѳическія божества, правда, ревниво карали дерзновеніе (Hybris) нечестивца, считавшаго себя равнымъ имъ. Однако, роды героевъ, сыновья боговъ и свершители чудесныхъ подви-

говъ сглаживали грань между людьми и богами. Воздвиженіемъ алтарей или насажденіемъ священныхъ рощъ оказывались геройскія почести выдающимся историческимъ основателямъ городовъ и благодѣтелямъ; въ школахъ философіи день рожденія Платона или Эпикура чтился какъ праздникъ полубога. Но пока всюду обожествлялись лишь умершіе; апоосозъ монарховъ при жизни начинается съ Александра. Есть основанія предполагать, что онъ, не только благодаря оракулу Аммона,

Рис. 47. ПОКЛОНЕНІЕ ИСИДѢ.

Стѣнная роспись изъ Геркуланума, въ Неаполѣ. Фотографія.

Передъ дверью святилища, по сторонамъ которой покоятся два сфинкса, между жрицей и жрецомъ, держащими систрумъ (погремушка Исиды), стоитъ облеченный въ бѣлыя ткани, бритый верховный жрецъ, показывая вѣрующимъ урну, наполненную водой изъ Нила. Вѣрующіе, большей частью женщины,—вѣкоторыя съ систромъ въ рукѣ,—расположились направо и налѣво отъ лѣстницы и на ступеняхъ ея. Между этими двумя группами стоитъ жрецъ, съ бѣлымъ жезломъ въ правой рукѣ. На переднемъ планѣ изображенъ увѣнчанный алтарь, огонь котораго жрецъ раздуваетъ вѣеромъ. Направо сидитъ играющій флейтистъ. Ибисы и пальмы характеризуютъ египетскій ландшафтъ.—Картина торжественнаго богослуженія набросана эскизно, но выразительно и съ большимъ настроеніемъ.

но и въ сознаніи выдающихся успѣховъ своихъ, самъ считалъ себя высшимъ существомъ, несмотря на нежеланіе македонцевъ признавать его божественность. Мы знаемъ опредѣленно, что малоазійскіе греческіе города, освобожденные отъ персидскаго ига и видѣвшіе въ Александрѣ „Спасителя и Освободителя“, стали ему оказывать божескія почести первыми. Тѣмъ не менѣе, оффиціально признанное обожествленіе

властителя могло возникнуть исключительно на Востокѣ, гдѣ въ Персидскомъ царствѣ глубочайшая грань отдѣляла царя отъ подданныхъ, гдѣ въ Египтѣ царь считался если не богомъ, то воплощеніемъ бога-покровителя государства. Здѣсь въ 270 г. былъ сдѣланъ рѣшающій шагъ. Послѣ смерти любимой жены и сестры Птолемея Филадельфа, Арсинои, онъ учредилъ ей и себѣ культъ „Θεοὶ ἀδελφοί“ („боговъ-братьевъ“). Послѣдующихъ же царей съ ихъ супругами провозглашали уже богами непосредственно при восшествіи ихъ на престолъ. Цари Сиріи и другіе властители послѣдовали данному примѣру; лишь въ Македоніи этотъ обычай не привился. Только въ Римѣ культъ императоровъ вошелъ въ составъ оффиціально признанныхъ обрядовъ государственной религіи. Богъ-монархъ прежде всего олицетворялъ вселенную въ него божественную волю; но чѣмъ рѣже и меньше личность монарха соотвѣтсвовала этой высокой идеѣ, чѣмъ неудержимѣе падало значеніе государственныхъ божествъ, тѣмъ интенсивнѣе ищущія спасенія широкія массы народа обращались къ мистеріямъ, сулившимъ блаженную жизнь и въ этомъ, и въ загробномъ мірѣ.

Итакъ, эллинизмъ является періодомъ колебаній и религіозныхъ исканій, въ которомъ борются и сочетаются такія контрастирующія силы, какъ вѣра и суевѣріе. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ эллинизмѣ скрыты корни дерева, осѣнившаго своей тѣнью весь міръ,—христіанства.

3. ФИЛОСОФІЯ

Вліяніе Аѳинъ. Развитіе послѣаристотелевской философіи внѣшнимъ образомъ обусловлено тѣмъ, что она вышла изъ одного центра, какъ изъ одного философскаго факультета. Въ Аѳинахъ дѣлали свои научныя изысканія академики и перипатетики; здѣсь же проповѣдывали свою мудрость киники и киренаики, наравнѣ съ представителями болѣе древнихъ школъ. При этомъ важно отмѣтить соединеніе представителей отдѣльныхъ школъ въ корпораціи, въ которыхъ вырабатывалась и сохранялась опредѣленная традиція (стр. 73 сл.). Всеобщее уваженіе, оказываемое Ѳеофрасту, спасло эти школы отъ попытки демократіи, сдѣланной въ 306 году, учредить надъ ними административный надзоръ и цензуру. Такимъ образомъ, Аѳины открывали для ищущихъ знанія разнообразные пути. Непрестанный обмѣнъ мыслей, борьба контрастирующихъ воззрѣній могли сбить новичка съ толку, побуждая, вмѣстѣ съ тѣмъ, способныхъ людей къ критикѣ и творческой активности.

Новыя цѣли. Новая эпоха ставила новыя задачи и философіи. До этого времени городъ-государство былъ центромъ, отъ котораго зависѣла религіозная и нравственная жизнь гражданъ. Съ упадкомъ его эта зависимость рушилась, и отдѣльная личность стала искать другихъ руково-

дителей. Великіе поэты, являвшіеся учителями народа въ V вѣкѣ, не возстали изъ мертвыхъ. На помощь пришла философія; она создала опредѣленныя основы моральной мысли, воли и дѣйствій, она указала новыя цѣли, обогатившія жизнь новыми цѣнностями.

Съ этого момента начинается великое перерожденіе философіи, которое мы можемъ прослѣдить въ теченіе столѣтій, и завершеніе котораго мы видимъ въ періодъ имперіи. Его руководящими принципами являются: уклоненіе отъ чистой науки, преобладаніе этики, обращеніе къ религіи. Спекулятивная мысль, работавшая надъ неразрѣшимыми вопросами, не спасала людей ни въ жизни, ни при смерти, а передъ людьми, стремившимися къ научнымъ изысканіямъ, отнынѣ открывалось широчайшее поле работы въ области отдѣльныхъ научныхъ дисциплинъ. Практическую же философію, въ которой люди теперь ощущали потребность, можно было построить только на популярной морали. Этическая система лишь въ томъ случаѣ овладѣваетъ сердцами людей, если ея основы чисторелигіозны; это старая истина, которую въ наши дни опять начинаютъ забывать.

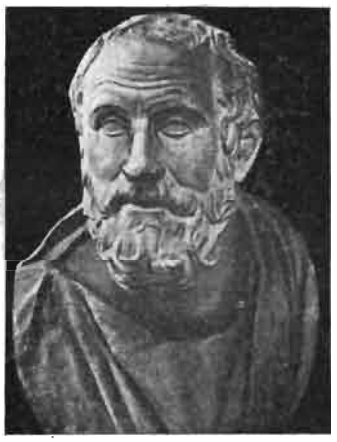

Рис. 48. КАРНЕАДЪ.
Гипсовый бюстъ (оригиналъ не сохранился). Копенгагенъ.
Ср. Arndt, «Portraits», Tf. 505.
F. Bruckmann. A.-G. München, phot.

Старыя школы.

Для этого перерожденія философіи въ старыхъ школахъ Платона и Аристотеля (Э. К., стр. 545 сл.), достигнувшихъ подъ достойнымъ руководствомъ высокаго внѣшняго расцвѣта, не хватало внутренней силы. Если онѣ и не продолжали жить исключительно славой своихъ великихъ учителей, онѣ, тѣмъ не менѣе, считали своей главной задачей не творческое идейное проявленіе, а комментированіе и вдумчивое расширеніе ученія и трудовъ своихъ основателей. Это относится къ ближайшимъ преемникамъ Платона, руководителямъ академіи, его племяннику Спевсиппу и строгонравственному Ксенократу. Лишь послѣ смерти послѣдняго (314) академія углубляется преимущественно въ вопросы этики, а Кранторъ пишетъ свой знаменитый трактатъ утѣшенія подъ заглавіемъ „О страданіи“. Этотъ отказъ отъ спекулятивнаго мышленія повелъ Аркесилая (315—240), поднявшаго школу на новую высоту, прямымъ путемъ къ скептицизму. Онъ съ остроумной находчивостью ухватился за больное мѣсто гносеологіи стоицизма (стр. 100), выводившей наше познаніе изъ чувственнаго воспріятія, и пришелъ къ выводу о недостижимости истиннаго познанія и долгѣ мудреца воздерживаться отъ сужденій. Этотъ недостатокъ опредѣленныхъ убѣжденій, однако, не осво-

Академія.

бождаетъ мудреца отъ обязанности поступать разумно и жить нравственно. Впослѣдствіи Карнеадъ, оказавшійся блестящимъ представителемъ философіи въ посольствѣ философовъ 155 г. до Р. Хр. въ Римѣ, остроумнѣйшей діалектикой пытался доказать отсутствіе критерія для различенія истинныхъ представленій отъ ложныхъ, такую же невозможность доказать цѣлесообразность существованія міра и дѣйствіе въ мірѣ провидѣнія, равно какъ и бытіе боговъ. Онъ же доказывалъ всю противорѣчивость представленія о личномъ богѣ при логическомъ доведеніи этой мысли до конца. Такимъ образомъ не истина является для насъ достижимой, а только лишь вѣроятность, представляющая собой въ зависимости отъ степени и силы ея, болѣе или менѣе надежное основаніе нашего нравственнаго поведенія.

Рис. 49. ѲЕОФРАСТЪ.
Голова гермы въ виллѣ Альбани въ Римѣ.
Ср. Theophrast, «Charaktere», hsg. v. d. Phil. Ges. Leipzig.

Перипатетики.

Той универсальности мысли и знаній, которыми отличался Аристотель, его ученики, перипатетики, не достигли. Мы должны имъ быть признательны за то, что они оставили его философію неприкосновенной, посвятивъ всѣ силы разработкѣ естественныхъ и умозрительныхъ наукъ. Въ этой области имъ принадлежитъ почетное мѣсто. Цицеронъ говоритъ о нихъ: „они такъ изучили природу, что ни одна область неба, моря или земли не осталась неизслѣдованной ими“. Величайшимъ почетомъ пользовался, какъ ученый и учитель, любимый ученикъ Аристотеля, Ѳеофрастъ изъ Лесбоса (около 372—287). Его большая систематическая компиляція воззрѣній физиковъ составляетъ главный источникъ нашихъ знаній о древнѣйшей философіи. Ѳеофрастъ является также и создателемъ ботаники; но извѣстность свою онъ пріобрѣлъ, главнымъ образомъ, какъ авторъ превосходной книжки о нравственныхъ типахъ человѣка, возбуждавшей столько восхищенія и вызвавшей столько попытокъ подражанія.

Послѣ краткаго опредѣленія слѣдуетъ въ каждомъ случаѣ описаніе характера, не въ формѣ, однако, общаго образа, а въ видѣ наброска отдѣльныхъ чертъ характера и въ формѣ описанія рѣчей и поступковъ обыденнаго человѣка въ разные моменты его жизни. Сжатымъ, безыскусственнымъ языкомъ, съ большой непринужденностью изложенъ рядъ тонкихъ наблюденій. Передъ нами точно трудъ естествоиспытателя, группирующаго и дѣловито описывающаго всѣ любопытные виды человѣческаго рода. Правда, виды homo insipiens—не homo sapiens; ибо описаны только отрицательные типы характеровъ, не низкіе злодѣи, а представители качествъ, дѣлающихъ людей смѣшными или невозможными въ хорошемъ обществѣ: высмѣиваются болтливость и тупость, недовѣрчивость и рѣзкость, безтактность и неприличіе, несвоевременная дѣловитость и лѣность, погоня за наживой и скупость, суевѣріе и пр. При этомъ мы узнаемъ поучительныя и часто

очень любопытныя стороны интимной античной жизни, очень близко напоминающія нашу жизнь, ибо люди со своими крупными ошибками и мелкими слабостями остались тѣ же. Мы видимъ передъ собою будничную и праздничную жизнь на улицѣ, въ цырюльняхъ, на рынкѣ, на любовныхъ и жертвенныхъ пиршествахъ, въ театрѣ, въ судѣ и въ народномъ собраніи. Ѳеофрастъ рисовалъ свои типы не только съ натуры, онъ привлекалъ и характерные образы комедіи, съ несравненной жизненной правдой нарисованные, напримѣръ, его другомъ Менандромъ, новымъ философомъ сцены.

Новыя школы.

Двѣ новыя школы, оказавшія рѣшающее вліяніе на всю умственную жизнь позднѣйшаго античнаго міра, были школы стоиковъ и эпикурейцевъ. Мы должны остановиться на нихъ подробнѣе. На это вызываютъ насъ широко распространенныя неясныя и односторонніе представленія о нихъ, сказывающіяся въ обыденномъ употребленіи словъ „эпикуреизмъ“ и „стоическое равнодушіе“.

Стоики.

Подобно большинству своихъ адептовъ основатель стоической школы, Зенонъ (около 334—262), былъ семитъ, родомъ съ Востока, что не осталось безъ вліянія на его философскую спекулятивную мысль.

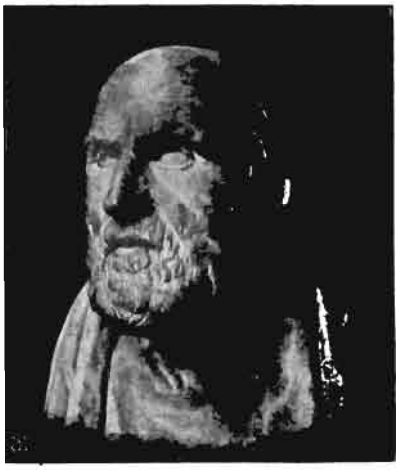

Рис. 50. ХРИСИППЪ.
Мраморъ. Лондонъ. Съ фотографіи.

Зенонъ.

Родившись на полу-финикійскомъ Кипрѣ, онъ юношей переселился въ Аѳины, гдѣ слушалъ представителей господствовавшихъ философскихъ системъ. Лишь въ возрастѣ зрѣлаго человѣка, около 300 года, онъ выступилъ съ проповѣдью своего новаго ученія. „Картинная галлерея“ (Стоа пойкилэ, Э. К., стр. 324) около рынка, въ которой онъ больше всего любилъ говорить, дала прозвище его школѣ. Очень скоро возросла его слава; даже македонскій царь Антигонъ Гонатъ былъ его адептомъ. Зенонъ былъ извѣстенъ нравственной строгостью, простымъ достоинствомъ и скромной умѣренностью образа жизни. Его преемникомъ былъ Клеанѳъ (331—233), съ трудомъ выбившійся изъ низшихъ слоевъ общества, человѣкъ большого, но нѣсколько тяжеловатаго ума, одаренный, однако, тонкимъ чувствомъ. До насъ дошелъ его красивый гимнъ Зевсу, прославляющій мудрость, всемогущество и милость всевышняго бога и содержащій въ себѣ мольбу пріобщить людей, часто слѣпо нарушающихъ общеобязательные божескіе законы, къ его мудрости, съ помощью которой онъ справедливо управляетъ вселенной. Такъ могъ бы написать и христіанинъ. Однако, при Клеанѳѣ стоическая школа стала приходить въ упадокъ; она снова поднимается лишь при киликійцѣ Хрисиппѣ (около 280 — 207), большой ученостью и прямолинейно строгой діалектикой углубившемъ и защитившемъ ученіе стоицизма и тѣмъ впервые созданшемъ для него твердую базу. „Нѣтъ стои безъ Хрисиппа!“—было принято говорить. О его громадномъ литературномъ творчествѣ — его сочиненія обнимали собой 700 свитковъ — подлинные фрагменты и обрывки, пересказанные другими писателями, даютъ намъ сравнительно полное представленіе. Связный матеріалъ источниковъ мы, однако, имѣемъ лишь для эпохи имперіи. Мы видимъ, какъ первоначальная мертвенная условность системы постепенно исчезаетъ, и происходитъ приспособле-

Клеанѳъ.

Хрисиппъ.

ніе ея къ требованіямъ и условіямъ дѣйствительности, о которыхъ мы, забѣгая въ нашемъ изложеніи впередъ, скажемъ уже теперь.

Слѣды происхожденія стоическаго ученія изъ кинизма (Э. К., стр. 545), въ которомъ Зенонъ пережилъ свой періодъ „бури и натиска", всюду ясны. Стоическая философія не только научно обосновала кинизмъ и возстановила его связь съ культурой,—она построила цѣльную систему, импонировавшую законченностью и логичностью. И хотя кульминаціонный пунктъ этой системы, идеалъ мудреца, реально былъ такъ же недостижимъ, какъ образъ совершеннаго христіанина, для глубокихъ умовъ онъ былъ стимуломъ, неудержимо влекущимъ стремиться всѣми силами къ достиженію этой цѣли.

Логика. Стоикамъ мы обязаны дѣленіемъ философіи на логику, физику и этику. Въ ихъ логикѣ, которая должна охранять крѣпость философіи какъ стѣна, мы видимъ первую попытку построенія дѣйствительной теоріи познанія: первоначально душа подобна неисписанной навощенной дощечкѣ, на которой „отпечатлѣваются" наши чувственныя воспріятія. При содѣйствіи прирожденнаго человѣку разума эти представленія сгущаются въ понятія и умозаключенія. Критеріемъ ихъ истинности служатъ ясность, опредѣленность и непосредственная очевидность, съ которой они навязываются душѣ, предполагая, что она совершенно здорова и поэтому способна воспринять истину. Въ работѣ надъ понятіями — сущность всякаго научнаго познанія.

Физика. Основываясь въ физикѣ на Гераклитѣ и Аристотелѣ (Э. К., стр. 225 и 552), стоики смѣлыми пріемами примиряютъ діаметрально противоположные научные тезисы того и другого. Стоя, повидимому, на строго матеріалистической точкѣ зрѣнія, они утверждаютъ, что все въ мірѣ матеріально; ибо, говорятъ они, все творящее или страдающее должно быть чувственно-реально. Но „тѣлами" они считаютъ, кромѣ объектовъ воспріятія чувствъ, и душу, понятія, качества, распространяющіяся подобно теченію воздуха въ пространствѣ, и т. д. Это своеобразное предположеніе возвращаетъ стоиковъ къ динамическому міровоззрѣнію Аристотеля. Два принципа существуютъ при возникновеніи вселенной: косное, безкачественное первовещество и активная, созидающая духовная первосущность. Изъ неразрывнаго сліянія этихъ двухъ началъ возникло все сущее въ опредѣленной послѣдовательности; къ нимъ же все вернется вновь послѣ великой катастрофы всемірнаго воспламененія для того, чтобы дать мѣсто новому мірообразованію. Эта же духовная первосущность есть постоянно движущійся и все движущій первоогонь, проникающій вселенную. Наша душа также составляетъ часть этого огня; онъ течетъ по всему тѣлу въ видѣ соединеннаго съ кровью теплаго дыханія и покидаетъ тѣло при смерти. Духовная первосущность въ то же время есть разумъ вселенной, по законамъ котораго

все создано прекрасно и цѣлесообразно; ибо безнравственность неизбѣжна, какъ контрастъ нравственности, и также служитъ осуществленію добра. Эта духовная первосущность есть судьба, сохраняющая послѣдовательное сцѣпленіе причины и слѣдствія; она, наконецъ, божество, которое можно назвать Зевсомъ, но которое слѣдуетъ понимать не какъ свободно дѣйствующую личность, а пантеистически, какъ вездѣсущую силу природы. Однако, несмотря на фаталистическое пониманіе всего сущаго (детерминизмъ), стоики не вполнѣ отказывались отъ признанія свободы человѣческой воли. Помимо зависимости дѣйствій человѣка не только отъ внѣшнихъ причинъ, но и отъ субъективной природы, большое значеніе имѣетъ то, подчиняется ли человѣкъ міровому цѣлому по собственному побужденію или противъ своей воли—мысль, близко соприкасающаяся съ христіанскими понятіями.

Этика.

Мы переходимъ такимъ образомъ на почву этики, составляющей центръ системы и наглядно доказывающей попытки стоицизма согласовать высокіе идеалы съ трезвой дѣйствительностью. Цѣль этой этики — счастье и путь къ нему, требованіе безусловной подчиненности отдѣльнаго индивидуума всей вселенной, несмотря на инстинктъ самосохраненія, т.-е. требованіе жизни въ полномъ согласіи съ законами природы. Эта разумная жизнь базируется на истинномъ знаніи добродѣтели (ср. Сократъ, Э. К., стр. 543), ея сознательномъ и принципіальномъ проведеніи въ жизнь. Ибо добродѣтель не только высшее, но и единственное благо, такъ какъ она вѣчна и при всѣхъ обстоятельствахъ остается благомъ. Съ другой стороны, существуетъ только одно зло—моральная порочность; все остальное, считаемое зломъ, для мудреца не существуетъ. И смерть ему не страшна, ибо она въ природѣ естественна; мудрецъ имѣетъ даже право „уйти изъ жизни", если она потеряла для него всякое значеніе. Все, лежащее между добродѣтелью и порокомъ, строго говоря, безразлично, адіафоронъ, особенно наслажденіе, которое—даже порождаемое добродѣтельной активностью — остается слѣдствіемъ ея, а не цѣлью. Однако, эти выводы слишкомъ рѣзко противорѣчили здравому разуму, привыкшему смотрѣть на здоровье и богатство какъ на благо, на болѣзнь же и на бѣдность какъ на зло. Поэтому „адіафора" (безразличное) были раздѣлены на три группы: на естественныя и потому желательныя, на противоестественныя и потому пагубныя; все же, лежащее между этими двумя группами, считалось безразличнымъ. Въ связи съ этимъ расширяется кругъ обязанностей. Если исполненіемъ обязательнаго долга считалось лишь безусловное осуществленіе добра, то теперь рядомъ съ нимъ постепенно возникали все болѣе детальныя предписанія „надлежащихъ" поступковъ въ дѣйствительной жизни.

Злѣйшимъ врагомъ добродѣтели являются аффекты, болѣзненно

повышенные природные инстинкты, порождаемые ошибочной оцѣнкой цѣнностей. Похоть, сластолюбіе, забота, страхъ — недостойны мудреца, ибо они нарушаютъ внутреннее здоровье человѣка. Съ другой стороны, однако, нельзя было отрицать, какъ нельзя было отрицать душевныхъ движеній вообще, того, что такія настроенія, какъ радость, расположеніе, забота не только допустимы, но и желательны. Ихъ объясняли какъ невинныя естественныя влеченія, могущія, однако, перейти въ недопустимые аффекты. Высшей цѣлью, при всемъ томъ, является апатія, абсолютное душевное спокойствіе, полное осуществленіе добродѣтели въ сознательномъ подчиненіи божественнымъ законамъ вселенной; такое душевное состояніе ограждено отъ всѣхъ жизненныхъ печалей. Передъ нами идеалъ, вполнѣ подходящій для усталой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, живущей тревожной жизнью эпохи.

Этой цѣли, однако, достигаетъ лишь совершенный мудрецъ, въ которомъ стоики видѣли осуществленіе идеала добродѣтели. Съ настойчивымъ доктринерствомъ, наперекоръ всѣмъ возраженіямъ, защищали они извѣстные парадоксальные тезисы:—одинъ только мудрецъ всевѣдущъ и всемогущъ, онъ богатъ въ нищетѣ, свободенъ въ оковахъ, счастливъ въ болѣзни, счастливъ, перенося пытку, даже умирая. Всѣ другіе люди въ сравненіи съ нимъ глупцы. Одно горе! Стоикамъ не удавалось нигдѣ найти подобнаго мудреца! Если міръ не состоялъ исключительно изъ глупцовъ, то слѣдовало установить относительныя степени различія между добромъ и зломъ, между людьми, серьезно ищущими добродѣтель, и людьми—подобно Сократу и Антисѳену (Э. К., стр. 544)—близкими къ осуществленію идеала мудреца.

Если отчужденіе отъ жизни самодовлѣющаго мудреца является высшимъ счастьемъ для него, то онъ, тѣмъ не менѣе, долженъ чувствовать себя членомъ человѣческаго общества, также являющагося твореніемъ природы. Онъ долженъ служить примѣромъ своимъ собратьямъ—людямъ въ ученіи и въ жизни; онъ долженъ культивировать дружбу, осуществимую только между мудрецами; онъ можетъ не пренебрегать бракомъ, являющимся, конечно, только дѣломъ разсудка; онъ можетъ быть активнымъ членомъ въ жизни государства, съ цѣлью осуществленія добра. Идеальное государство, построенное Зенономъ, было на самомъ дѣлѣ идеальной анархіей; его корни надо искать, по всей вѣроятности, въ воззрѣніяхъ его основателя, почерпнутыхъ въ свое время изъ кинизма; сюда относится также цѣлый рядъ странныхъ и непонятныхъ намъ воззрѣній о нравственномъ и допустимомъ въ обществѣ. Надъ понятіемъ же государства и національности побѣдоносно поднимается идея всемірнаго гражданства (ср. стр. 85), идея гуманности, обнимающей все человѣчество. Всѣ люди братья, ибо Богъ всѣмъ намъ отецъ; и рабы—люди, и они имѣютъ право на человѣчное обращеніе.

Значеніе стоицизма.

Такимъ образомъ, стоики пріобрѣли безсмертную славу созданіемъ первой научной системы морали, обоснованіемъ долга человѣка изъ его природы и законовъ вселенной, признаніемъ свободы воли, возложеніемъ на человѣка нравственной отвѣтственности за его поступки. Поскольку стоическая философія была построена на вѣрѣ въ божество, управляющее вселенной, она могла ищущимъ душамъ замѣнить народную религію, тѣмъ болѣе, что не отклоняла ея рѣзко, а пыталась обогатить ее высшимъ содержаніемъ. Ниже мы увидимъ, какъ стоицизмъ, благодаря Панэтію и Посидонію, принимаетъ все болѣе религіозную окраску и характеръ популярно-морализирующей философіи, оказавшей сильное вліяніе на нравственную жизнь эпохи имперіи.

Эпикурейцы.

Эпикуръ совершенно инымъ путемъ искалъ и нашелъ желанное освобожденіе отъ мучительныхъ вопросовъ жизни.

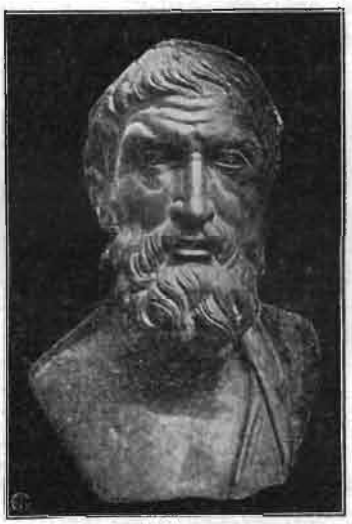

Рис. 51. ЭПИКУРЪ.
Бронзовый бюстъ въ Неаполѣ. По фотографіи.

Эпикуръ (341—270), сынъ аоинянина, родившись въ Самосѣ, съ 306 года жилъ въ Аоинахъ. Онъ отнюдь не былъ самоучкой, какъ любилъ утверждать, но научнаго образованія Зенона у него не было, что давало ему поводъ съ пренебреженіемъ относиться къ теоретической наукѣ и древнѣйшимъ философамъ. Въ противоположность строгому семитскому проповѣднику, онъ обладалъ кроткимъ, человѣколюбивымъ нравомъ и выросъ подъ вліяніемъ аоинской культуры. Онъ скромно жилъ въ своемъ саду въ тѣсномъ общеніи съ своими друзьями, боготворившими нуждавшагося въ постоянномъ признаніи и пониманіи учителя. И женщины имѣли доступъ къ этому союзу. Въ образѣ и ученіи Эпикура насъ привлекаетъ особенно то, что больше всего возбуждало протеста со стороны древнихъ художественныхъ критиковъ,—именно его простой безыскусственный народный языкъ, на которомъ онъ писалъ и обращался къ народу. Подобно тому какъ онъ самъ неутомимо увѣщевалъ своихъ учениковъ постоянно и твердо держаться тезисовъ его ученія, такъ и его философская система не эволюціонировала. Мы видимъ поэтому ея неизмѣненное отраженіе еще въ дидактической поэмѣ Лукреція и въ твореніяхъ Филодема, найденныхъ въ библіотекѣ одного эпикурейца въ Геркуланеѣ.

Философія Эпикура—не научная система и не претендуетъ ею быть. Ибо ея основатель дошелъ до опредѣленнаго міровоззрѣнія не путемъ постепеннаго научнаго изысканія, наоборотъ—передъ нимъ съ самаго начала ясна была цѣль: пріобрѣсти въ непоколебимомъ душевномъ покоѣ постоянство счастья; и только въ связи съ цѣлью возникала задача найти надежнѣйшій путь къ ея достиженію. Все остальное для него имѣло цѣнность и значеніе лишь какъ средство, ведущее къ цѣли.

Физика. Поэтому его логика несовершенна и опровержима. Задачей его физики является, главнымъ образомъ, огражденіе человѣка отъ ошибочныхъ представленій и суевѣрій. Этой цѣли совершеннѣе всего достигаетъ демокритовское ученіе объ атомахъ, исключающее всякое воздѣйствіе духовныхъ высшихъ силъ (Э. К., стр. 539). Душа живетъ только въ тѣлѣ и послѣ смерти его исчезаетъ подобно дыханію. Поэтому „намъ никакого дѣла нѣтъ до смерти“, и нѣтъ ничего неразумнѣе боязни ея. То же относится и къ богамъ. Ибо боги дѣйствительно существуютъ, хотя имъ въ міровоззрѣніи Эпикура, строго говоря, нѣтъ мѣста. Но рѣшительно исключивъ изъ своего міровоззрѣнія все миѳическое и религіозное, онъ помѣстилъ своихъ боговъ въ интермундіи, т.-е. въ промежуточныхъ пространствахъ между множествомъ сущихъ міровъ, предоставивъ богамъ вести въ нихъ блаженную жизнь... эпикурейскихъ мудрецовъ. Такъ какъ боги ничего не дѣлаютъ для людей, и людямъ дѣла нѣтъ до нихъ! Этимъ путемъ препятствія, стоящія на пути къ достиженію блаженства несчастными смертными, устранены.

Высшее благо, цѣль всѣхъ нашихъ стремленій—наслажденіе. Это въ доказательствѣ не нуждается, ибо не въ каждомъ ли живомъ существѣ заложена естественная потребность возможнаго благополучія и желаніе отсутствія страданія? Однако, подъ этимъ наслажденіемъ не слѣдуетъ понимать удовольствіе въ узкомъ смыслѣ или пріятное волненіе души, какъ его понимаетъ Аристиппъ (Э. К., стр. 545), которому Эпикуръ вообще слѣдуетъ въ своей этикѣ. Эпикурейцы стремятся создать непоколебимое состояніе блаженства, достижимое лишь въ освобожденіи отъ всякаго волненія, въ полнѣйшемъ покоѣ духа, въ атараксіи. Для достиженія ея необходимо вѣрное опредѣленіе сущности, видовъ и результатовъ наслажденія. Наслажденіе плоти (какъ выражались уже тогда), хотя и естественно, однако, оно лишь преходяще, и результатомъ его часто являются страданія. Поэтому мудрецу подобаетъ ихъ сократить; онъ различаетъ естественныя потребности отъ кажущихся. Естественныя же потребности весьма легко удовлетворимы. „Кто недоволенъ малымъ, тотъ ничѣмъ недоволенъ. Мудрецъ же, живя на водѣ и хлѣбѣ, блаженъ подобно Зевсу“.

Часто несчастье и страданія—одно порожденіе воображенія; гдѣ они неизбѣжны, слѣдуетъ по возможности защищаться отъ нихъ утѣшительными доводами. Выше всего—блаженство души, соединяющее воспоминаніемъ и надеждой настоящее съ прошедшимъ и будущимъ и поэтому долговѣчное. Оно недостижимо безъ добродѣтели, ибо только она даетъ человѣку способность вѣрно оцѣнивать наслажденіе и страданіе. Итакъ, добродѣтель Эпикуру необходима подобно стоику, но не какъ самоцѣль; обладая ею, онъ достигаетъ высшаго совершенства. „Мудрецъ живетъ среди людей подобно богамъ въ наслажденіи вѣчными благами“.

Онъ, правда, не можетъ жить внѣ общенія съ людьми, но избираетъ достойнѣйшую форму его въ свободно избранной дружбѣ съ родственной душой и тѣмъ самымъ достигаетъ наивысшаго счастья; такова была связь учителя съ его вѣрнымъ Метродоромъ. Тонкость пониманія дружбы Эпикуромъ сказывается въ отрицаніи имъ пиѳагорейской общности имущества, ибо она доказывала, по его мнѣнію, недовѣріе къ друзьямъ, а гдѣ недовѣріе, тамъ нѣтъ настоящей любви. Семейную жизнь Эпикуръ, однако, ставилъ низко. Вообще же характерно, что почти всѣ разбираемые нами философы остались холосты. Государство, подобно праву и закону, существуетъ прежде всего для защиты людей. Поэтому мудрецъ только въ томъ случаѣ приметъ активное участіе въ его жизни, когда этого потребуетъ личное его благо. „Живи замкнуто!“ — одинъ изъ знаменитыхъ девизовъ, въ которые Эпикуръ любилъ воплощать свою этику.

Рис. 52. ДІОГЕНЪ.
Мраморная статуя. Вилла Альбани въ Римѣ.
Ср. Arndt, «Porträts», Tf. 321.
F. Bruckmann, A.-G. München, phot.
Руки, чаша, посохъ, также собака и пень — новѣйшая реставрація. Передъ нами характерное изображеніе безпріязательнаго уличнаго философа. Умная, съ непривѣтливымъ взглядомъ голова сутуловатаго старца съ запущенной бородой. Художникъ реалистично изобразилъ всю некрасивость дряхлаго тѣла.

Того, чему обычно придаютъ названіе эпикуреизма, мы въ ученіи и жизни Эпикура и его послѣдователей не находимъ; ихъ характеризуютъ моральная строгость и кроткая гуманность. Его ученіе въ наше время назвали религіей „der Stillen im Lande“, ибо строгій догматизмъ и совмѣстная жизнь его приверженцевъ, почитавшихъ Эпикура какъ святого, безъ всякаго сомнѣнія, придаютъ его ученію характеръ религіозности. Такимъ образомъ Эпикуръ совершенно неповиненъ въ томъ, что впослѣдствіи люди, жившіе въ роскоши и излишествахъ, ссылались на его философію.

Стоики и эпикурейцы составляли рѣзкій контрастъ и яро враждовали между собой; тѣмъ не менѣе, въ ихъ ученіи поразительно много общаго; въ этихъ общихъ чертахъ — въ матеріалистическомъ міровоззрѣніи, въ самодовлѣніи индивидуума, въ бѣгствѣ отъ общественной

жизни, въ стремленіи къ счастью, которое каждый отдѣльный человѣкъ можетъ найти лишь въ себѣ самомъ и лишь въ пассивномъ душевномъ покоѣ,—сказывается основное настроеніе эпохи.

Скептики. Изъ него вытекаетъ и скептицизмъ, направленіе котораго ясно уже изъ названія. Его основателемъ является Пирронъ изъ Элиды, пропутешествовавшій въ качествѣ солдата Александра вплоть до Индіи; его ученикъ Тимонъ (ср. стр. 118) записалъ его ученіе. Сомнѣніе можно назвать началомъ всякой философіи, и мы эту мысль встрѣчаемъ въ разныхъ формахъ съ тѣхъ поръ, какъ Ксенофанъ (Э. К., стр. 226) пришелъ къ выводу, что обо всемъ возможно лишь мнѣніе.

Съ увеличеніемъ числа противорѣчивыхъ системъ сомнѣніе растетъ; теперь оно возводится въ философскій принципъ: настоящая сущность вещей намъ недоступна и недостижима, ни путемъ чувственнаго воспріятія, ни путемъ мышленія. Каждому мнѣнію и доводу можно противопоставить обратное мнѣніе и обратный доводъ. Все—разумѣется и данная мысль!—остается проблематичнымъ. Въ этомъ полномъ отреченіи, освобождающемъ отъ всякихъ колебаній, отъ всякихъ стремленій, мудрецъ достигаетъ того непоколебимаго покоя, въ которомъ высшее счастье. Эта мертвенная точка зрѣнія сначала привлекала мало адептовъ; впослѣдствіи, однако, и она нашла для себя благодарную почву. И въ новѣйшей философіи скептицизмъ часто претенціозно заявлялъ о себѣ, не будучи, однако, въ состояніи надолго удовлетворить ищущую человѣческую душу.

Киники. Не слѣдуетъ преувеличивать вліянія этихъ школъ на умственную жизнь послѣдующаго времени. Лишь постепенно ихъ міровоззрѣнія распространились шире, оставаясь всегда, главнымъ образомъ, сосредоточенными въ кругахъ образованнаго общества. Народу доступъ въ стоическую школу Зенона и въ садъ Эпикура былъ закрытъ. Однако, и

Діогенъ. для уличной толпы существовалъ свой философъ, Діогенъ изъ Синопа (ум. въ 323 г.), проводившій ученіе Антисѳена на практикѣ (Э. К., стр. 544). Въ Аѳинахъ онъ былъ такимъ же извѣстнымъ лицомъ, какъ раньше Сократъ. За его крайне свободное поведеніе ему дали прозвище „собаки“ (κύων), а его учениковъ назвали киниками. Этотъ оригинальный святой, о своеобразномъ нравѣ и находчивомъ остроуміи котораго разсказывали массу анекдотовъ, презиралъ всякую условность житейскихъ формъ, намѣренно и явно выказывая свое пренебреженіе ко всякой цивилизаціи. Въ независимости отъ всѣхъ потребностей и желаній, въ аскетическомъ закаленіи тѣла отъ всякихъ немочей онъ находитъ освобожденіе отъ безчисленныхъ желаній, заботъ и колебаній, въ которыя погружены его собратья. Такимъ образомъ онъ возвысился до, хотя и нищенскаго, но абсолютнаго самодовлѣнія индивидуума.

И эта пролетарская философія нашла сторонниковъ. Самымъ восторженнымъ изъ нихъ былъ Кратетъ, знатный ѳивянинъ, раздавшій все свое имущество, съ цѣлью вести образъ жизни Діогена и проповѣдывать его ученіе, на что Кратета и его послѣдователей наталкивало глубокое сожалѣніе къ страданіямъ человѣчества. Научными лекціями, какъ это дѣлали остальные философы, въ широкихъ массахъ ничего не могло быть достигнуто. Проповѣди киниковъ были одновременно интересны и поучительны, онѣ состояли изъ серьезнаго и грубо-комическаго элементовъ, будучи пересыпаны обильными примѣрами, анекдотами, поговорками и шутками. Онѣ положили начало—главнымъ образомъ, въ лицѣ Біона изъ Борисѳена, ученика Кратета,—новой литературной формѣ, діатрибѣ. Она замѣнила философскій діалогъ, напоминая его спонтанно вставляемыми возраженіями и тутъ же отвѣтами самому себѣ, и оказалась удобной формой для непринужденной бесѣды на самыя разнообразныя темы, или для нападокъ на общественные недостатки, не безъ естественнаго оттѣнка сатиры. Кому не приходятъ при этомъ на умъ сатиры Горація? И дѣйствительно, поэтъ сознается, что его „sermones“ (рѣчи) обязаны происхожденіемъ Біону. Въ эпоху имперіи старая форма кинизма вновь возрождается. Его странствующіе проповѣдники путешествовали изъ одного города въ другой въ качествѣ „античныхъ нищенствующихъ монаховъ“, то фанатично, то остроумно бичуя упадокъ нравовъ и роскошь. Надъ ними часто издѣвались; однако, они, безъ всякаго сомнѣнія, не мало способствовали пробужденію совѣсти простолюдина, приготовивъ его къ воспріятію болѣе чистой религіи. Итакъ, мы наблюдаемъ, какъ философія постепенно беретъ на себя духовное руководство массами, между тѣмъ какъ поэты добровольно отказываются отъ благороднѣйшей своей задачи, исправлять и увѣщевать народъ. Поэзія все опредѣленнѣе и сознательнѣе становится самодовлѣющимъ искусствомъ. Она начинаетъ почти исключительно ставить себѣ задачу, заинтересовать и поразить читателя тончайшимъ изощреніемъ художественной формы и занять его умъ богатымъ разнообразіемъ матеріала. Кратетъ.

4. НОВАЯ КОМЕДІЯ И ДРУГІЯ СЦЕНИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ

Начнемъ съ трагедіи, ибо въ ней продолжалась непосредственная эволюція созданій классическаго періода. Къ сожалѣнію, кромѣ установленія этого факта, мы мало что можемъ сказать о ней. Правда, Птолемеи I и II устраивали роскошныя театральныя представленія, привлекавшія новыхъ поэтовъ, изъ которыхъ семерыхъ чтили какъ плеяду трагиковъ. Но блескъ этого семизвѣздія померкъ очень быстро, ибо свѣтъ его былъ заимствованный. Старыхъ же мастеровъ, Софокла и Трагедія.

особенно Еврипида, прославляемаго отнынѣ какъ предвѣстника новой эры,—слава, въ которой ему отказывали аѳиняне,—всюду ставили на сценѣ и читали; какъ въ оригиналахъ, такъ впослѣдствіи въ римскомъ перевоплощеніи эти „классики“ вдохновляли умственную жизнь послѣдующихъ столѣтій.

Комедія. Иначе шло развитіе новой комедіи! Она возникла и развилась исключительно только въ Аѳинахъ, правдиво отражая въ себѣ развитіе

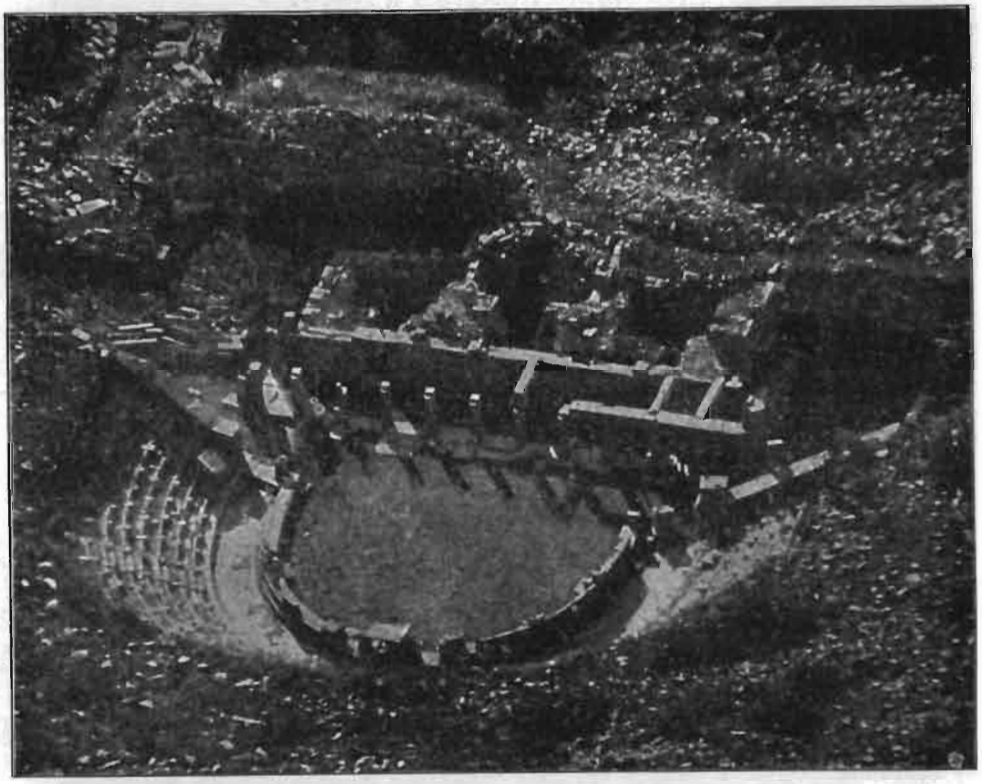

Рис. 53. ТЕАТРЪ ВЪ ПРІЕНѢ.

Ср. «Priene», стр. 235. Снимокъ сдѣланъ съ высоты Акропольской скалы.

Мы различаемъ ряды мѣстъ для зрителей, лѣстницу, ведущую къ нимъ, и проходъ между ними и почетными мѣстами близъ орхестры; около южной части орхестры возвышаются колонны проскенія, за нимъ сцена съ тремя дверьми. Изъ каменныхъ балокъ, соединявшихъ сцену и проскеній, три еще сохранились на старомъ мѣстѣ; мы видимъ на нихъ вырѣзы, въ которыхъ укрѣплены были доски покрытія.

греческой жизни въ собственной Греціи. Эволюціонируя по пути, указанному Еврипидомъ, „средняя“ комедія (Э. К., стр. 512) уже въ четвертомъ столѣтіи задается новыми цѣлями; этихъ цѣлей съ легкостью въ быстромъ развитіи достигаетъ теперь новая комедія. Лишь робкіе намеки напоминаютъ намъ рѣзкую личную сатиру задорной комедіи-фарса V столѣтія. По уважительнымъ причинамъ пѣсня на политическую тему—какъ впослѣдствіи въ священной римской имперіи—была въ дан-

ное время пѣсней нежеланной! Не было повода высмѣивать новыхъ поэтовъ; оставались философы, непонятныя „филистерамъ“ воззрѣнія и жизненныя привычки которыхъ охотно поднимались на смѣхъ. Изъ искусствъ выше всѣхъ остальныхъ славится кулинарное—„ни одинъ изъ смертныхъ, оскорбившихъ повара, не избѣгнулъ гнѣва боговъ; ибо его мастерство священно“ (Менандръ). Всюду чувствуется потребность отдыха, извѣстнаго рода боязнь нарушить спокойное благодушество людей, становящееся послѣ паденія политической роли Аѳинъ все опредѣленнѣе цѣлью жизни. Комедія ограничивается узкимъ горизонтомъ домашней и общественной жизни; она становится „мѣщанской“, изображая, однако, не только комическіе образы и выдвигая комическія стороны жизни, но давая нерѣдко образы серьезные и трогательные.

Картина общества.

Передъ нами открывается картина общества, клонящагося къ упадку. Нѣтъ и слѣда высшихъ интересовъ, и приходятъ на умъ слова Гейне: „Es nährt sich das Getriebe von Hunger und von Liebe“... То глубокое значеніе, которое Еврипидъ въ своихъ трагедіяхъ нѣкогда придавалъ любви, было непріятно современнымъ ему аѳинянамъ; они съ неудовольствіемъ видѣли героевъ и героинь великаго прошлаго поглощенными недостойной страстью. Прошло сто лѣтъ послѣ смерти Еврипида, и любовь становится властительницей драматической сцены, оставаясь ею вплоть до нашихъ дней. Съ поражающимъ насъ постоянствомъ новая комедія изображаетъ любовь исключительно низшихъ слоевъ общества, что, однако, объясняется условіями времени. Эмансипація женщинъ, проповѣдуемая также и Еврипидомъ, не проникла въ круги почтенныхъ гражданъ. „Границей для свободной женщины“ все еще оставались „ворота двора“ (Менандръ); для дочерей же невѣстъ (обременительное и „трудно сбываемое имущество!“) непринужденное общеніе съ мужчинами было исключено, такъ что интересную любовную исторію поэтъ принужденъ былъ обставлять совершенно исключительными условіями. Въ виду этого писатели комедій дѣлали своими героинями почти исключительно легкомысленныхъ гетэръ, покорявшихъ юношей тѣлесной красотой, часто же житейской ловкостью и привлекательностью. Слѣдуетъ поэтому думать, что мужская молодежь въ дѣйствительной жизни не отличалась той распущенностью нравовъ, какую мы видимъ изображенной въ комедіи. Поэтъ избиралъ болѣе вольную почву, на которой онъ свободнѣе могъ изобразить ищущую и находящую, ревнивую и отверженную любовь со всѣми ея нѣжнѣйшими оттѣнками и страстными порывами; въ созданной имъ обстановкѣ онъ могъ вволю описывать необычайно интересныя интриги, романтическія происшествія соблазна и похищенія дѣвушки, онъ могъ въ концѣ пьесы — для удовлетворенія публики, конечно, а не разгнѣваннаго отца—открыть въ описанной гетэрѣ свободную аѳинянку, вѣнчающую свою любовь къ герою брачнымъ союзомъ.

Типы. Вокругъ этихъ влюбленныхъ паръ группируются всѣ остальныя дѣйствующія лица. Во-первыхъ, отцы, то ворчливо и недовѣрчиво охраняющіе сыновей, то, при воспоминаніи о собственныхъ грѣхахъ молодости, предоставляющіе юношамъ наслаждаться вволю. Рѣже фигурируютъ матери, но не отсутствуетъ и теща. Безотрадна картина семейной жизни, даваемая комедіей; супруги тяготятся другъ другомъ, слѣдя съ ревностью за жизнью одинъ другого; поэтому холостая жизнь превозносится какъ величайшее счастье; ибо „самое ужасное чудовище— женщина“ (Менандръ). Рядомъ съ этими героями выступаютъ второстепенныя дѣйствующія лица: знаменитые параситы, окружающіе стараго или молодого господина лестью, блюдолизы, исполняющіе какія угодно сомнительныя порученія за вкусный обѣдъ; дѣловитый поваръ, философствующій о своемъ искусствѣ; онъ изобрѣлъ даже безсмертіе, ибо запахъ его яствъ воскрешалъ мертвыхъ; имъ однажды (свободное подражаніе Еврипиду) „овладѣло даже горячее желаніе громко возвѣстить землѣ и небесамъ, что... кушанье подано“. Излюбленнымъ же дѣйствующимъ лицомъ является сопутствующій господину рабъ, то преданный и вѣрный, остроумный и даже съ философской жилкой, то—въ большинствѣ случаевъ — задорный, ловкій и готовый подстроить какія-угодно лукавыя козни. Со стоическимъ спокойствіемъ принимаетъ онъ ужаснѣйшія угрозы и переноситъ заслуженныя порціи ударовъ; изъ всякой бѣды и всякаго затрудненія онъ находитъ выходъ, оставаясь постоянно господиномъ положенія, часто перехитряя своихъ повелителей. Одинъ только Менандръ изъ поэтовъ новой комедіи, повидимому, характеризуетъ рабовъ сдержаннѣе. То, что именно рабы почти всегда завязываютъ и проводятъ интригу пьесы, находитъ свое объясненіе въ слѣдующихъ соображеніяхъ. Подобно тому какъ впослѣдствіи римляне утѣшались въ театрѣ тѣмъ, что всѣ изображаемыя на сценѣ безбожныя происшествія имѣли мѣсто въ далекихъ Аѳинахъ, такъ и въ Аѳинахъ въ свое время благочестивый отецъ семейства успокаивался мыслью, что только рабы способны на такія отчаянныя продѣлки. Часто, правда, рабъ со спокойнымъ злорадствомъ устраиваетъ козни своему старику-господину; прежде же всего онъ заклятый врагъ грязнаго ростовщика и алчнаго сводника, которыхъ онъ при случаѣ съ наслажденіемъ колотитъ, обманываетъ и съ которыми обходится по заслугамъ ихъ откровенно-безстыднаго ремесла. Рядомъ съ рабомъ, объектомъ комическаго изображенія является хвастунъ-офицеръ, полуэкзотическая диковина, расплодившаяся, какъ всегда, за время длительныхъ войнъ. Онъ менѣе невиненъ, чѣмъ ловкій лейтенантъ старыхъ нѣмецкихъ фарсовъ, но такъ же трусливъ и глупъ, надменъ и хвастливъ; надъ нимъ насмѣхаются и его надуваютъ — особенно когда онъ порывается штурмомъ овладѣть женскими сердцами. У Менандра встрѣчается также и образъ сентиментальнаго полковника.

Не во всѣхъ пьесахъ въ центрѣ стояла любовная исторія; часто поэтъ задавался цѣлью на образцовомъ экземплярѣ изобразить во всѣхъ ея проявленіяхъ какую-либо человѣческую слабость. Такимъ образомъ именно тогда были созданы, не покидающіе и нашу сцену, безсмертные характерные типы скряги, самомучителя, хвастуна, суевѣрнаго и др. Ѳеофрастъ писалъ свои характеристики людскихъ слабостей подъ вліяніемъ новой комедіи, въ свою очередь, воодушевлая ее къ созданію новыхъ типовъ (стр. 98).

Міровоззрѣніе.

Часто разбросанныя нравственныя сентенціи и изреченія придаютъ комедіи философскій и морализирующій оттѣнокъ, смягчающій рѣзкую остроту остального содержанія. Трудно, однако, предположить, чтобы поэты новой комедіи смотрѣли на театральное зрѣлище какъ на средство моральнаго воздѣйствія; объ этомъ достаточно ясно свидѣтельствуютъ произведенія Плавта и Теренція. Разнообразнѣйшіе типы людей въ разнородныхъ случаяхъ жизни произносятъ эти сентенціи, что заставляетъ насъ видѣть въ нихъ нравственныя воззрѣнія, характеризующія эпоху.

Немало мѣткихъ словечекъ встрѣчаемъ мы среди этихъ сентенцій; многія проникнуты явнымъ или скрытымъ эгоизмомъ, лишеннымъ всякихъ идеаловъ, утилитаризмомъ и отсутствіемъ религіозности—имя божества присваивается чему-угодно. Менандръ заявляетъ однажды: „Неужто ты думаешь, будто у боговъ хватитъ времени изо дня въ день каждому смертному отмѣривать долю добра и зла?“ Это изреченіе, какъ мы это знаемъ теперь, онъ объясняетъ очень тонко въ томъ смыслѣ, что боги надѣляютъ всякаго человѣка характеромъ, играющимъ роль его повелителя: „онъ намъ служитъ божествомъ, направляющимъ насъ къ добру или злу!“ Часто проскальзываетъ пессимистическое настроеніе: „Счастливъ тотъ, кто рано покидаетъ суету жизни, безъ страданія насладившись всеобщими благами въ родѣ солнца, звѣздъ, воды и огня; и долгая жизнь показываетъ намъ ихъ все въ томъ же видѣ“. „И если божество“, говоритъ Менандръ, „тебѣ обѣщало бы даровать новую жизнь послѣ смерти, выбери все, что угодно, скорѣе даже жизнь осла, нежели человѣка“. „Ибо“, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, „всѣ животныя счастливѣе человѣка, который самъ виною всѣхъ своихъ бѣдствій“. Какая бездна между этой усталостью и вѣрой въ жизнь и въ силу религіи Солона или Эсхила!

Ограниченный подборъ сюжетовъ.

Безучастно проходятъ наши поэты мимо глубокихъ проблемъ семейной и общественной жизни, затрагиваемыхъ современной драмой. Ихъ цѣль—изображеніе дѣйствительныхъ людей и вещей для развлеченія публики, при чемъ они дальше Аѳинъ не ушли, что нерѣдко придаетъ ихъ пьесамъ черты мѣщанства и однообразія. Сколько благодарныхъ мотивовъ и интересныхъ характеровъ нашелъ бы вдумчивый писатель въ жизни государствъ діадоховъ: жизнь при дворѣ съ ея временщиками и льстивыми царедворцами, отношенія между неловкими варварами и греками, выказывавшими, по всей вѣроятности, уже тогда рядомъ съ самоувѣренностью беззастѣнчивую хитрость. Существовали и типы ученыхъ, полуобразованныхъ любителей, литературныхъ карье-

ристовъ. Мы вновь дѣлаемъ наблюденіе, что у грековъ часто отсутствовала способность направить литературную форму, пережившую высшую пору своего развитія, въ новое, часто само собою напрашивающееся русло.

Творчество. Въ предѣлахъ указанныхъ добровольно поставленныхъ себѣ границъ наши поэты достигли великаго. Наблюдательнымъ взоромъ уловили они въ своихъ аѳинянахъ общечеловѣческія слабости, склонности и страсти, надѣляя все новыми характерными чертами свои, въ сущности, немногочисленные типы. Такимъ образомъ, они создали неподражаемые образцы для всемірной драматической сцены. Сначала въ рамкахъ римской жизни, затѣмъ, въ теченіе вѣковъ, въ рамкахъ англійской, французской и нѣмецкой, мы продолжаемъ встрѣчать образы, созданные когда-то Менандромъ и его кружкомъ.

Образцомъ послужила и ихъ тенденція выработки законченнаго дѣйствія изъ условій и типовъ пьесы, поддерживая напряженность интереса завязкой неожиданной интриги, недоразумѣніями и сценами узнаванія. Впрочемъ, къ этой темѣ мы еще вернемся, говоря о подражаніяхъ на римской почвѣ, такъ какъ мы все еще не имѣемъ ни одной пьесы Менандра, которая дошла бы до насъ цѣликомъ.

Изъ числа болѣе чѣмъ 60 писателей новой комедіи выдвинемъ
Филемонъ. трехъ. На первомъ мѣстѣ стоитъ Филемонъ (около 361—263), написавшій болѣе 100 пьесъ. Повидимому, онъ былъ серьезнѣе Менандра, съ которымъ у него много сходства, и славу котораго онъ затмилъ въ глазахъ публики сильнымъ, колоритнымъ изображеніемъ жизни и болѣе выразительными остротами, чѣмъ Менандръ. Онъ подражалъ Еврипиду: „Еслибъ знать навѣрное“—говорило одно изъ его дѣйствующихъ лицъ,— „что мертвые не лишены чувства, я бы тотчасъ повѣсился, только бы увидѣть Еврипида“.

Дифилъ. Иной типъ представлялъ собою Дифилъ изъ Синопы. Его продолжала привлекать бо́льшая свобода „средней“ комедіи. Ибо онъ изображалъ не только современную ему жизнь, въ его произведеніяхъ встрѣчаются и постепенно вымирающій жанръ миѳологической травестіи (Э. К., стр. 459 и 460), и изображеніе историческихъ личностей прошлаго, часто комбинируемые между собою причудливыми способами.

Менандръ. „Звѣздой новой комедіи“ былъ безспорно Менандръ (около 342—291).

Онъ происходилъ изъ знатной семьи и былъ другомъ Деметрія Фалерскаго (стр. 4). Одаренный живымъ умомъ, Менандръ овладѣлъ многосторонней образованностью своего времени, а общеніе съ Эпикуромъ и занятія у Ѳеофраста углубили его знаніе людей. При этомъ полная матеріальная обезпеченность давала ему свободную возможность посвятить жизнь поэтическому творчеству и изысканному наслажденію жизнью. Онъ и внѣшностью былъ элегантный свѣтскій человѣкъ, объ общеніи котораго съ гетэрами ходило немало толковъ. Онъ пренебрегъ соблазнительнымъ предложеніемъ Птолемеевъ, сохранивъ вѣрность своему родному городу. Менандръ преждевременно скончался

благодаря несчастной случайности во время купанья въ своемъ имѣніи близъ Пирея, гдѣ онъ проводилъ бо́льшую часть своего времени изъ-за хрупкаго здоровья.

Характеристика.

Менандръ былъ такимъ же характернымъ типомъ аѳинянина своего времени, какъ 150 лѣтъ тому назадъ Софоклъ. По этимъ двумъ типамъ можно судить о разницѣ въ характерѣ эпохъ. Этимъ объясняется и то, почему никто не могъ дать болѣе вѣрнаго отраженія тогдашнихъ Аѳинъ въ творепіяхъ комической музы. Съ техникой писательства Менандра, по всей вѣроятности, познакомилъ его дядя, писатель комедій, Алексисъ; прямымъ же учителемъ его былъ Еврипидъ, продолжателемъ котораго можно назвать Менандра. Въ его произведеніяхъ контрастъ трагедіи и комедіи до нѣкоторой степени сглаживается, такъ какъ онъ пренебрегалъ въ большинствѣ случаевъ грубымъ комическимъ эффектомъ, чаще стремясь растрогать зрителя, чѣмъ разсмѣшить. Онъ больше цѣнилъ тонкую и остроумную обрисовку характера вплоть до психологическихъ частностей, чѣмъ дѣйствіе, поражающее искуснымъ сплетеніемъ. Гнѣвной сатирѣ онъ предпочиталъ то спокойный юморъ, то самоувѣренно-насмѣшливую улыбку. Какъ остроумно смѣется онъ, напримѣръ, надъ суевѣріемъ: кому-то, обрадованному доброй примѣтой при видѣ разорваннаго ремня его праваго сапога, возражаютъ: „Это совершенно естественно, ибо ремень былъ старъ, а ты слишкомъ скупъ, чтобъ замѣнить его новымъ!“ Онъ былъ слишкомъ тонокъ для вкуса своихъ современниковъ, привыкшихъ къ болѣе сочнымъ краскамъ; послѣ перваго очень быстраго успѣха ему только 7 разъ даровали награду. Лишь болѣе позднее время вполнѣ оцѣнило его значеніе.

Рис. 54. МЕНАНДРЪ.
Мраморный бюстъ въ Бостонѣ. Съ фотографіи.

Житейская мудрость.

Просвѣщенная житейская мудрость, которую Менандръ въ краткихъ сентенціяхъ влагалъ въ уста дѣйствующихъ лицъ, пріобрѣтала симпатіи серьезныхъ людей еще и въ позднѣйшее время. Многія его изреченія сохранились въ сборникахъ. Они не всѣ жемчужины, и не всегда въ нихъ новыя мысли; скорѣе это тѣ неизмѣнныя

истины, высказанныя частью кратко и просто, частью вылитыя въ новую, остроумную форму, которыя бѣдное человѣчество все вновь и вновь забываетъ.

Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ; онѣ принадлежатъ къ безсмертной общечеловѣческой сокровищницѣ изреченій житейской мудрости.—Жить только для себя не значитъ жить.—Рѣчь мужчины обнаруживаетъ существо его.—Для злого поступка достаточно и малаго повода.—Кого боги любятъ, тому они даруютъ раннюю смерть.—Человѣкъ, соединяющій красоту тѣлесную со злою душою, подобенъ прекрасному кораблю съ дурнымъ кормчимъ.—Блаженъ, соединяющій умъ съ богатствомъ, ибо только первый пользуется съ доброй цѣлью послѣднимъ.—Богатство слѣпо и ослѣпляетъ всѣхъ, смотрящихъ на него, не сводя глазъ.—Открытая дружба краше спрятаннаго глубоко въ землѣ сокровища.—Необдуманно вырвавшееся слово такъ же трудно удержать, какъ брошенный камень.—Если хочешь знать, кто ты, оглянись на могилы по твоему пути.—Здоровый лѣнтяй годенъ меньше страдающаго лихорадкой; ибо онъ, не принося пользы, съѣдаетъ вдвое больше.—Кто никогда не терпѣлъ, тотъ неноспитанъ.—Каждый отецъ—глупецъ. Сюда же относится и изреченіе, ставшее знаменитымъ благодаря Цезарю и тоже принадлежащее перу Менандра: „Жребій брошенъ! (Jacta alea est)“.

Произведенія.

Менандръ написалъ болѣе 100 комедій, работая, вѣроятно, легко и до нѣкоторой степени бѣгло. Во всякомъ случаѣ, передаютъ его отвѣтъ другу, шутливо напомнившему ему: „Скоро праздникъ Діонисій, а ты еще не написалъ пьесы“. „Я ее уже написалъ; ибо планъ готовъ, только стишки остается добавить“! Имѣя, по крайней мѣрѣ, 9 римскихъ подражаній его комедіямъ, мы все-таки лишь съ открытіемъ новѣйшихъ фрагментовъ получили представленіе объ его искусствѣ.

Правда, мы не обладаемъ пока еще ни однимъ произведеніемъ Менандра въ цѣлости, хотя мы были близки къ этому; въ Афродитополѣ найдены не больше, не меньше, какъ фрагменты собранія комедій Менандра, нѣкогда употребленные въ качествѣ макулатуры для прикрытія глинянаго сосуда, наполненнаго документами, имѣвшими для владѣтеля большее значеніе, чѣмъ для насъ. Эти листки содержатъ фрагменты изъ пяти комедій, среди нихъ почти половина „Суда“. Изъ разныхъ другихъ находокъ удалось сопоставить 450 стиховъ другой знаменитой пьесы Менандра: „Перикейромене“ (Остриженная). Въ общемъ у насъ теперь новые фрагменты 12 пьесъ, дающіе широкое поле для научныхъ изысканій.

Нѣкоторыя изъ этихъ комедій очень близки другъ къ другу. Предпосылки дѣйствія въ пьесѣ не всегда правдоподобны, мы лишь до извѣстной степени уясняемъ себѣ ходъ его. Что насъ поражаетъ въ этихъ пожелтѣвшихъ листкахъ, это свѣжесть и непринужденность языка, психологическая углубленность характеристикъ, дающихъ тонкія индивидуалистическія черты. Во всемъ этомъ убѣждаетъ лишь чтеніе оригинала.

«Третейскій судъ».

Въ „Третейскомъ судѣ“ передъ нами прелестно импровизированная сцена суда на деревенской улицѣ. Двое одѣтыхъ въ войлочныя ткани рабовъ, угольщикъ Сирискъ и пастухъ Даосъ, идутъ, споря, и предлагаютъ встрѣчному Смикрину разсудить ихъ. Даосъ живо, почти задыхаясь отъ волненія, разсказываетъ, какъ онъ въ

лѣсу нашелъ подкинутое дитя и подарилъ его по настоятельной просьбѣ Сириску, такъ какъ у жены послѣдняго только-что умеръ новорожденный ребенокъ. Теперь же Сирискъ требуетъ отъ него и жалкія драгоцѣнности, бывшія при мальчикѣ. Вѣдь несправедливо же требовать всего, оставивъ находчика безъ награды. Съ ораторской ловкостью Сирискъ, однако, увѣряетъ, что драгоцѣнности, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежатъ бѣдному сиротѣ—онъ беретъ его при этомъ на руки,—о которомъ онъ отнынѣ въ качествѣ опекуна долженъ заботиться. Быть-можетъ, это дитя аристократической крови, и его ждетъ великая судьба, если во-время прольется свѣтъ на его происхожденіе, какъ часто случается въ трагедіяхъ. Если бы великіе герои Пелей и Пелій были найдены такимъ же безчестнымъ пастухомъ, какъ Даосъ, они бы всю жизнь остались бѣдными пастухами. Сириску присуждаются дитя и драгоцѣнности, и Даосъ, брапясь изъ-за несправедливости приговора, вынимаетъ изъ своего мѣшка золотыя игрушки и кольцо; послѣднее, однако, случайно подоспѣвшимъ рабомъ признается за собственность его молодого господина Харисія. Какъ потомъ выясняется, кольцо очутилось въ рукѣ незнакомки при ночномъ любовномъ приключеніи Харисія во время праздника Тавроболій. Эта незнакомка — дочь Смикрина — впослѣдствіи стала женой Харисія, но не пользуется его любовью за рожденіе ребенка (ребенка она подкинула). Въ весьма серьезномъ монологѣ Харисій, самъ грѣховодникъ, полонъ самоукоризны въ томъ, что мучилъ невинную жену. Скряга Смикринъ, требующій обратно дочь, особенно же ея приданое, выслушиваетъ отъ ловкаго раба длинное внушеніе; пришедшему въ ярость отъ проступка дочери Смикрину жена цитатами изъ Еврипида доказываетъ естественную неизбѣжность любви.

Рис. 55. МЕНАНДРЪ ВЪ РАБОЧЕЙ КОМНАТѢ.
Ср. Schreiber, «Hellenist. Reliefbilder», Tf. 84.
Мраморный рельефъ въ Латранскомъ музеѣ въ Римѣ.
Поэтъ, чертами лица напоминающій Менандра, погруженъ въ глубокое раздумье. Передъ нимъ свѣшивается со стола послѣдняя его рукопись въ видѣ свитка; на столѣ лежатъ маски главной героини и плутоватаго раба; третью маску—героя—поэтъ держитъ въ лѣвой рукѣ. Справа въ дверяхъ незамѣтно появляется муза; она поднимаетъ правую руку по направленію къ поэту, какъ-будто нашептывая слова нѣжности, влагаемыя поэтомъ въ уста героя.

Вообще же мы на каждомъ шагу видимъ глубокое вліяніе Еврипида на Менандра. Пользуясь его свободными пріемами, Менандръ въ нѣсколькихъ комедіяхъ предоставляетъ божеству въ прологѣ излагать предпосылки пьесы, напр., въ „Остриженной“. Героемъ этой комедіи является горячій, но добродушный офицеръ изъ Коринѳа, отрѣзавшій своей любовницѣ за невѣрность волосы (значеніе заглавія пьесы) и изгнавшій ее этимъ позоромъ изъ своего дома. Внѣ себя отъ своей грубой выходки, онъ пытается вернуть дѣвушку. Въ концѣ концовъ, герой на ней женится, такъ какъ она оказывается дочерью свободнаго гражданина. «Perikeiromene».

Въ комедіи „Крестьянинъ“ Даосъ, рабъ богатаго дома, возвращается изъ деревни, гдѣ сынъ бѣдной сосѣдки Миррины служитъ у зажиточнаго крестьянина. Собираясь обрадовать ее радостной вѣстью, онъ предварительно повѣствуетъ очень подробно, какъ «Кростьянинъ».

крестьянинъ во время работы въ виноградникѣ „въ лучшемъ видѣ“ разбилъ себѣ ногу. Потомъ только выясняется главное: въ благодарность за заботливый уходъ во время болѣзни старикъ участливо освѣдомляется объ условіяхъ жизнь ухаживавшаго за нимъ сына сосѣдки и рѣшаетъ наградить добраго юношу, женившись на его сестрѣ. Говоря это, плутъ Даосъ прекрасно знаетъ всю безвыходную неловкость положенія матери и дочери, ибо послѣдняя любятъ его молодого господина.

«Саміянка». Особый интересъ заслуживаетъ „Саміянка“, веселый фарсъ, произведеніе юныхъ лѣтъ Менандра; въ немъ мы находимъ въ первый разъ тонъ фарса, обычный въ римской комедіи. Удачна въ немъ сцена, въ которой богатый Демей „просвѣщаетъ“ своего бѣднаго сосѣда, глуповатаго Никерата, объясняя ему проступокъ его дочери. Вѣдь Зевсъ же сошелъ къ Данаѣ въ видѣ золотого дождя; теперь же онъ сотворилъ чудо, проникнувъ въ видѣ обыкновеннаго дождя въ ветхій, всюду протекающій, домъ Никерата. Вѣдь многіе люди, по всей вѣроятности, сыны бсговъ, судя по ихъ свободному поведенію, напр., параситъ Херестратъ, всюду безплатно обѣдающій. Такая насмѣшка надъ современникомъ напоминаетъ пріемы старой комедіи такъ же, какъ нарушающее иллюзію обращеніе актера къ зрителямъ.

Рис. 56. УЛИЧНЫЕ МУЗЫКАНТЫ.
Мозаика изъ Помпей. Неаполь. Съ фотографіи.
Играющій на тимпанѣ кроталистъ, флейтщица, у которой на лицѣ larva; у мужчинъ же—маски. Роль маленькаго карлика около женщины не ясна. По всей вѣроятности, здѣсь изображены такъ назыв. метрагирты, т.-е. странствующіе музыканты-нищіе. Это произведеніе Діоскурида Самосскаго, одна изъ прекраснѣйшихъ мозаикъ, дошедшихъ до насъ. Оригиналомъ послужила, вѣроятно, живопись.

Только теперь мы въ состояніи судить о томъ, насколько слабо римская передѣлка передаетъ тонкость и изящество стиля Менандра. Сообразно со своими сюжетами онъ пользуется разговорнымъ языкомъ, свободно приноравливая его къ триметру, льющемуся совершенно просто и естественно, нигдѣ не страдая искусственностью. Какой контрастъ со смѣлостью геніальнаго художника рѣчи Аристофана! Однако, съ паденіемъ аѳинскаго государства померкнулъ и блескъ старой комедіи; вліяніе же новой продолжается по сію пору, и среди эллиновъ, имѣвшихъ безсмертное вліяніе на міровую литературу, одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ благовоспитанному любимцу граціи, Менандру, какъ его называли въ противоположность „невоспитанному“ Аристофану.

Мимы и родственные литературные виды. Подобно тому, какъ рядомъ съ Діонисомъ, богомъ-покровителемъ сценическаго искусства, стояли низшія божества растительнаго міра, такъ и рядомъ съ высшимъ драматическимъ искусствомъ всегда существовало низшее. Изъ него въ свое время возникли трагедія и комедія (Э. К., стр. 465 и 497), оно же и пережило ихъ. Однако, мы мало знаемъ объ этомъ литературномъ родѣ, такъ какъ въ литературной традиціи онъ рѣдко всплываетъ на поверхность подобно нашимъ маріонеткамъ, „Петрушкамъ", уличнымъ пѣснямъ и т. п., съ которыми интересующій насъ жанръ имѣетъ много сходства. Тѣмъ не менѣе, это искусство не лишено значенія. Возникшее въ средѣ народа и предназначенное для него, народное драматическое искусство дастъ намъ представленіе объ инстинктахъ и вкусахъ широкихъ массъ; съ другой стороны, оно въ то же время сильно вліяетъ на эти вкусы и инстинкты. Грубое, задорное, шуточное, часто непристойное, но исполненное жизнерадостности и жизненной силы—это было чисто-реалистическое искусство. Именно поэтому его популярность въ эпоху эллинизма все возрастала. Уже Филиппъ (подобно Суллѣ) покровительствовалъ мимамъ и пѣсенникамъ. Странствующіе представители этого искусства стоятъ на одной ступени съ уличными комиками и фокусниками; свое искусство они демонстрируютъ всюду: на улицахъ и рынкахъ, на пиршествахъ и праздникахъ. Мы едва можемъ прослѣдить все разнообразіе ихъ искусства; лишь о двухъ направленіяхъ мы имѣемъ представленіе.

Низшіе виды драматическихъ произведеній.

Въ Іоніи на жизнь смотрѣли радостными взорами. Новелла въ „Одиссеѣ" о любви Ареса къ Афродитѣ была нѣкогда сложена въ Іоніи; „іонійскія пѣсни" пріобрѣли дурную славу за свое легкомысліе. Здѣсь расцвѣтали гилародія и магодія. Первую исполняли пѣвцы въ женскихъ нарядахъ, сопровождая пѣніе юмористическими и неприличными сценами и танцами; вторая носила болѣе серьезный характеръ, почему артисты являлись увѣнчанными и въ бѣлыхъ костюмахъ. Неожиданныя находки папирусовъ даютъ намъ представленіе объ этой поэзіи.

Іонійцы.

Гилародія. Магодія.

„Пѣснь дѣвушки"—длинная арія въ страстныхъ ритмахъ трагедіи. Передъ нами не Медея и не Аріадна, а дѣвушка изъ народной среды, оплакивающая свое горе. Ее по ничтожнымъ причинамъ покинулъ любовникъ, но сердце ея не можетъ забыть невѣрнаго. Темной ночью—вмѣсто факела свѣтитъ пламя ея сердца—она подходитъ къ его двери и горюетъ въ мукахъ ревности и одинокой грусти, задыхаясь и говоря отрывистыми словами. Смягчатъ ли ея мольбы и угрозы жестокосердаго юношу, мы не знаемъ, ибо конецъ пѣсни не сохранился. Недавно издана похожая пѣсня въ іонійскихъ строфахъ, въ которой дѣвушка горюетъ о любовникѣ, поступившемъ въ число бойцовъ цирка.

«Пѣснь дѣвушки».

У дорійцевъ мимическія способности соединялись со склонностью къ задорной насмѣшкѣ. Мы имѣемъ въ виду мегарскую комедію съ

Дорійцы.

ея характерными типами (Э. К., стр. 497). Но и въ Спартѣ народъ издавна находилъ удовольствіе въ сценкахъ дейкеликтовъ, представлявшихъ въ смѣшномъ видѣ доктора, аптекаря, вора плодовъ и т. п. Особую жизненность эти сценки пріобрѣтаютъ лишь въ дорійскихъ колоніяхъ. Въ жизнерадостномъ Тарентѣ, гдѣ существовало больше праздниковъ, чѣмъ будней, ихъ разыгрывали фліаки, объ удалой игрѣ которыхъ мы можемъ судить по причудливымъ вазовымъ изображеніямъ. Около 300 г. писатель Ринѳонъ создалъ здѣсь въ своихъ пародіяхъ трагедіи новый видъ „юмористической трагедіи“ (hilarotragodia). Эту идею онъ заимствовалъ изъ Сиракузъ, гдѣ въ V стол. первый писатель комедіи, Эпихармъ, нашелъ въ травестіи миѳологическихъ сюжетовъ неисчерпаемую тему, которой былъ обезпеченъ неизсякаемый успѣхъ (Э. К., стр. 497). Здѣсь же Софронъ внесъ въ литературу сценки въ народномъ вкусѣ, выхваченныя изъ жизни, такъ называемые мимы (Э. К., стр. 499), что обозначало всякое подражаніе; впослѣдствіи мимы стали коллективнымъ названіемъ всѣхъ низшихъ видовъ драматическихъ представленій. По мимамъ Ѳеокрита и Геронда мы въ состояніи судить, какой живой жизненной правды они достигали, хотя эти произведенія Ѳеокрита и Геронда и были предназначены лишь для чтенія передъ публикой. Оба создаютъ изъ мима художественную литературную форму, что одно въ достаточной степени доказываетъ его популярность въ тогдашнемъ обществѣ. Мимы неизмѣнно оставались однимъ изъ любимыхъ литературныхъ видовъ. Они были распространены и у римлянъ, и надъ мимами продолжали еще потѣшаться, когда трагедіи и комедіи давно уже исчезли со сцены. Актеры и актрисы, представлявшіе, полуимпровизируя, эти сценки, прибѣгали къ самымъ сильнымъ эффектамъ, считаясь съ грубыми инстинктами народа — съ его вкусомъ къ задорному юмору, пошлымъ шуткамъ и двусмысленностямъ, съ его интересомъ къ приключеніямъ и всему фантастическому. Недавно въ Оксиринхѣ найденъ, составленный для театра, планъ подобнаго мима.

Дейкеликты.

Фліаки.

Ринѳонъ.

Мимы.

Рис. 57. УЛИЧНЫЙ ТОРГОВЕЦЪ.
Терракотта неизвѣстнаго происхожденія. Парижъ.
Ср. Rayet, «Mon. de l'art ant.», II, Tf. 88.
Комическое достоинство этого безобразнаго нищаго-продавца неподражаемо. Бѣдняга обѣими руками держитъ, отклонившись немного назадъ, свой лотокъ, на которомъ нѣкогда лежалъ его товаръ. Онъ кричитъ изо всѣхъ силъ, что видно по напряженнымъ мускуламъ шеи.

«Отравительница».

„Отравительница“—страшная исторія съ веселымъ исходомъ. Старѣющая госпожа, не долго думая, собирается отравить своего раба Эсопа, отвергнувшаго ея любовь, вмѣстѣ съ рабыней Аполлоніей; при этомъ предполагается ихъ разлучить, чтобъ они не могли передъ смертью утѣшаться видомъ другъ друга (Гюонъ и Реція въ „Обс-

ренѣ"!). Проникные сочувствіемъ товарищи способствуютъ ихъ бѣгству, но имъ, тѣмъ не менѣе, не удается уйти отъ своей судьбы—во всякомъ случаѣ, на сцену приносятъ ихъ тѣла. Госпожа же отдаетъ свою любовь другому рабу, Малаку, болѣе покорному ея желаніямъ. Чтобы сбѣжать съ нимъ, она задумываетъ виномъ отравить своего мужа за завтракомъ. Благодаря хитрости въ ея рукахъ оказалось, однако, вмѣсто яда безвредное усыпляющее средство. Когда она, торжествуя, стоитъ у тѣла мужа, и лукавый Малакъ притворно затягиваетъ надгробный плачъ, мнимый мертвецъ просыпается, караетъ виновныхъ и награждаетъ добрыхъ, ибо и любовная чета, разумѣется, умерла лишь притворной смертью.

5. ЭЛЕГІЯ и ЭПИГРАММА

Косская школа поэтовъ.

Лирика всецѣло переноситъ насъ на почву новаго времени. Когда говорятъ объ „александрійской" поэзіи, мы прежде всего вспоминаемъ романтическія элегіи и трогательные пастушескіе стихи. Колыбель этой новой поэзіи не Александрія, а обращенная къ Египту юго-западная часть Малой Азіи. Около 300 года до Р. Хр. на Косѣ вокругъ Филета сгруппировался кружокъ передовой молодежи, связанной тѣсной дружбой и посвятившей себя наукѣ и поэтическому творчеству.

«Праздникъ жатвы» Ѳеокрита.

Въ своей наиболѣе граціозной идилліи „Праздникъ жатвы" Ѳеокритъ набросалъ картину этой веселой совмѣстной жизни, связанной съ безпечными затѣями и разряживаньемъ. Приглашенный однимъ изъ друзей на праздникъ жатвы, онъ съ двумя товарищами отправляется въ путь. Въ полуденную палящую жару они встрѣчаются съ Ликидомъ—имена фиктивныя. Тотъ нарядился въ „настоящаго" пастуха, съ ролью котораго рѣзко контрастируютъ его продуманныя литературныя сужденія. Чтобы скоротать время, они затѣваютъ состязаніе въ пѣніи. Ликидъ въ своей пѣснѣ шлетъ своему любимцу Агеанакту пожеланіе морской тиши во время его путешествія и съ наслажденіемъ мечтаетъ о свиданіи при радостномъ пиршествѣ подъ звуки пастушеской пѣсни. Въ противоположность ему, Симихидъ (Ѳеокритъ) высмѣиваетъ въ шутливомъ тонѣ любовныя муки своего друга Арата, тщетно воспѣвающаго упрямаго любимца Филина. Разставаясь, Ликидъ подаетъ ему, смѣясь, награду. Достигнувъ дома гостепріимнаго друга, они располагаются въ тѣни прохладнаго источника, подъ звуки пѣнія птицъ и треска кузнечиковъ, наслаждаясь дивнымъ лѣтнимъ вечеромъ.

Косскіе поэты проявляютъ много художественнаго чутья при выборѣ поэтическихъ формъ. Искусственные размѣры диѳирамбовъ и одъ безъ прелести музыки не удовлетворяли слуха. Растянутость эпическаго повѣствованія не согласовалась со вкусомъ времени, отвергавшимъ обыденную пищу и жаждавшимъ лакомства. Пользуясь дистихомъ, можно было въ размѣренномъ красивомъ движеніи изобразить не только всѣ чувства, но разсказать забытую легенду, приноровивъ ее ко вкусу эпохи, или въ обликѣ баллады или повѣсти изобразить недавно пережитый любовный романъ, изощряясь при этомъ въ искусствѣ стиха и рѣчи. Начинается, такимъ образомъ, новый расцвѣтъ элегіи.

Элегія.

Элегія въ Іоніи никогда не умирала. За 100 лѣтъ до Филета, такой же полу-поэтъ, полу-ученый Антимахъ, изъ Колофона, ища утѣшенія

послѣ смерти своей возлюбленной, сталъ собирать и писать миѳическія легенды о несчастной любви (Э. К., стр. 465). Его произведеніе, мало замѣченное въ свое время, становится образцомъ для Филета и его кружка. Подобно писателямъ новой комедіи, эти поэты воспѣваютъ почти исключительно любовь, и, естественнымъ образомъ, чаще страданія, нежели радости ея. Но напрасно ищемъ мы у нихъ искренняго выраженія личнаго чувства. Точно увѣщаніе Каллимаха не воспѣвать ничего не засвидѣтельствованнаго переносится изъ области выбора сюжета на область чувства. Съ наслажденіемъ трактуется ученый матеріалъ легендъ, рѣчь украшается вычурными словами и оборотами, заимствованными изъ разныхъ забытыхъ поэтическихъ источниковъ.

Филетъ.

Рис. 58. Эллинистическій поэтъ.
Бронза изъ Геркуланеума. Въ Неаполѣ. Съ фотографіи.

Бюстъ, по всей вѣроятности, изображаетъ поэта, ибо на одномъ изъ экземпляровъ этого часто копировавшагося произведенія мы встрѣчаемъ плющевый вѣнокъ. Глаза старика, повидимому, полуслѣпые, волосы—рѣдѣющіе, открытый ротъ указываетъ на страданіе одышкой; поэтъ прожилъ длинную жизнь, полную напряженной умственной работы.

Филетъ прославился, главнымъ образомъ, элегіями, посвященными своей супругѣ Биттидѣ. Этотъ болѣзненный человѣкъ, хрупкое тѣло котораго, изнуренное научными трудами, служило постояннымъ объектомъ остротъ (ср. рис. 58), былъ приглашенъ въ Александрію въ качествѣ воспитателя Птолемея Филадельфа, гдѣ онъ, сдѣлавшись главой кружка писателей, пріобрѣлъ большое вліяніе.

Гермесіанактъ.

Подъ вліяніемъ Антимаха, его другъ Гермесіанактъ обработалъ въ честь своей возлюбленной Леонтіонъ рядъ старыхъ и новыхъ любовныхъ легендъ и разсказовъ и написалъ собраніе элегій, которое больше отличалось изобиліемъ матеріала, чѣмъ прелестью и художественностью. Таковъ, по крайней мѣрѣ, длинный фрагментъ, въ которомъ разсказаны любовныя похожденія разныхъ великихъ людей, частью причудливо задуманныя. Насъ не удовлетворяютъ чисто-внѣшняя связь разсказовъ и ученая манера лишь бѣгло касаться событій. Этолянинъ Александръ объединяетъ рядъ такихъ элегій, влагая въ уста Аполлона предсказанія судьбы несчастныхъ влюбленныхъ. Это, по всей вѣроятности, настолько же утомляло вниманіе читателя, насколько утомляла его „Александра“ Ликофрона, по формѣ и трактовкѣ принадлежащая къ этому же виду поэзіи.

Этолянинъ Александръ.

«Александра» Ликофрона.

„Александра“—неподражаемое произведеніе ученой поэзіи. Въ безконечно длинной рѣчи въ трагическихъ триметрахъ посолъ докладываетъ Пріаму о таинственныхъ предсказаніяхъ Кассандры (Александры). Этимъ объясняется торжественность тона произведенія.

Сама ясновидица объявляетъ, что „таинственное пророчество сфинкса руководитъ ею"; и, дѣйствительно, безъ посторонней помощи ни одинъ человѣкъ не выберется изъ этого зачарованнаго лѣса.

Начиная съ перваго взятія Трои Геракломъ, Кассандра описываетъ исторію войны, борьбу между греками и троянцами и жестокости, сопровождавшія разрушеніе города. Однако, и на побѣдителей сниздетъ гнѣвъ Аѳины (Э. К., стр. 200). Изъ избѣгнувшихъ гибели въ бурѣ, ниспосланной для уничтоженія Аянта, большинство долго странствуетъ, заселяя, наконецъ, послѣ тяжкихъ испытаній берега Средиземнаго моря отъ дальняго Востока вплоть до крайняго Запада. Но страданія и гибель ждутъ и достигнувшихъ отчизны. Ей же, несчастной Кассандрѣ, которую ожидаетъ смерть вмѣстѣ съ Агамемнономъ, предстоятъ въ будущемъ божескія почести, а изъ рода троянца Энея произойдутъ римляне, которые отомстятъ побѣдителямъ за страданія побѣжденныхъ. Ибо съ незапамятныхъ временъ, съ похищенія Іо до похода Александра, существуютъ вражда и ненависть между Азіей и Европой.—Возбуждавшій много споровъ вопросъ о томъ, какимъ образомъ намекъ на будущее міровое господство римлянъ вкрался въ произведеніе, рѣшается очень простымъ предположеніемъ, что авторъ его жилъ въ началѣ второго вѣка.

Главная мысль, напоминающая намъ Геродота (Э. К., стр. 515), не лишена величавости; но произведеніе загромождено безчисленнымъ множествомъ легендъ и таинственныхъ намековъ, рѣчь полна искусственныхъ фигуръ, образовъ и метафоръ. Языкъ диѳирамбовъ изощренъ до послѣдней крайности. Восхищеніе, вызываемое подобнымъ произведеніемъ, является характернымъ символомъ эпохи. Не знаешь, чему больше дивиться—поэту ли, сложившему эту мозаику рѣдкихъ легендъ и словъ, трудолюбію ли, съ которымъ его впослѣдствіи изучали и толковали. Даже школьниковъ не избавляли отъ этого труда.

Фигурныя стихотворенія.

Вкусъ къ таинственному затемненію смысла стиховъ мы видимъ, между прочимъ, и въ такъ называемыхъ „фигурныхъ стихотвореніяхъ", которыя мы упоминаемъ только ради ихъ оригинальности. Это—небольшіе стихи, расположеніемъ строкъ изображавшіе тотъ предметъ, на которомъ они были написаны. Симій написалъ „Топоръ", „Яйцо" и „Крылья Эрота", Ѳеокритъ и Досіадъ обмѣнялись „Свирѣлью" и „Алтаремъ".

Каллимахъ.

Законодателемъ и завершителемъ новаго направленія былъ **Каллимахъ** (около 310—240). Онъ происходилъ изъ дорійской колоніи Кирены. Занятія въ Аѳинахъ сблизили его со школой перипатетиковъ и познакомили его съ ихъ литературно-историческими трудами. Впослѣдствіи онъ зарабатывалъ себѣ средства, будучи школьнымъ учителемъ въ Александріи, до тѣхъ поръ, пока Птолемей Филадельфъ не обратилъ на него вниманія и не нашелъ въ немъ себѣ лучшаго помощника для организаціи и использованія его библіотеки. Среди произведеній Каллимаха, заполнявшихъ болѣе 800 (!) свитковъ, существенную роль играетъ и поэзія. Ей онъ, главнымъ образомъ, обязанъ своей славой. Въ концѣ концовъ, онъ сталъ вліятельнымъ основателемъ цѣлой школы поэтовъ; извѣстнѣйшіе писатели называли себя учениками Каллимаха, и типъ поэтизирующаго ученаго, хотя не на благо поэзіи, долго оставался господствующимъ. Прославилась его литературная полемика съ Аполлоніемъ, направленная противъ эпоса послѣдняго (стр. 132), право на

существованіе котораго онъ оспаривалъ. Часто цитируемыя слова: „большая книжка—большое зло“ именно тогда были сказаны Каллимахомъ. Оба поэта обмѣнивались враждебными намеками и инвективами; однако, Каллимахъ одержалъ побѣду. Независимо отъ той или иной оцѣнки его поэзіи, мы должны признать умѣніе Каллимаха удовлетворять вкусу своего времени.

Элегіи. О его поэзіи мы знаемъ мало; новѣйшія папирусныя находки, однако, намъ кое-что открыли (ср. ниже, стр. 123). Изъ его элегій сохранились двѣ: одна религіознаго содержанія, другая, написанная на случай изъ придворной жизни, послѣдняя—только въ передѣлкѣ Катулла.

Написанное на дорическомъ нарѣчіи „Купанье Паллады“ должно было быть прочтено во время праздника въ честь Аѳины и подготовить появленіе богини. Поэтому стихотвореніе оживлено обращеніями къ богинѣ и дѣвушкамъ, принимающимъ участіе въ торжествѣ. Въ центрѣ стоитъ разсказъ объ Аѳинѣ и сынѣ ея подруги Харикло, молодомъ Тиресіи, случайно застигнувшемъ богиню во время купанья; слѣдуя непоколебимымъ законамъ боговъ, богиня должна была покарать Тиресія лишеніемъ зрѣнія, но изъ жалости къ юношѣ она даровала ему силу ясновидца.

„Волосы Береники“ — придворный панегирикъ въ стилѣ рококо. Царица посвящаетъ богамъ свои волосы за счастливое возвращеніе мужа съ войны; когда они неожиданно исчезаютъ съ жертвеннаго алтаря, услужливый придворный астрономъ узрѣваетъ ихъ на небесахъ. Волосы одарены рѣчью, они съ трогательною любовью прощаются съ царицей, желая ниспаденія небесъ на землю, чтобы снова очутиться на главѣ своей возлюбленной повелительницы.

Вообще, катастеризмы, превращенія миѳическихъ образовъ въ созвѣздія, до сихъ поръ сохранившихъ античныя наименованія, были излюбленнымъ сюжетомъ александрійцевъ.

Этіи. Главнымъ произведеніемъ Каллимаха (рядомъ съ Гекалой; ср. стр. 130) были Этіи, кладезь избранныхъ легендъ, возбуждавшій восхищеніе позднѣйшихъ писателей и воодушевлявшій ихъ къ подражаніямъ. Это былъ сборникъ элегій, объяснявшихъ „Причины“ праздничныхъ и культовыхъ обычаевъ, толковавшихъ имена странъ и боговъ. Во вступленіи элегіи Каллимахъ описываетъ видѣніе музъ въ стилѣ Гесіода (Э. К., стр. 203); музы являются поэту въ сновидѣніи на Геликонѣ; въ концѣ стихотворенія авторъ прощается съ музами, такъ какъ отнынѣ онъ переходитъ къ прозѣ.

Кидиппа. Въ Этіи включена была новелла, содержаніе которой мы знали и раньше по позднѣйшимъ пересказамъ, повѣствующая о любви Аконтія и Кидиппы. Во время праздника Аполлона Делосскаго Аконтій бросаетъ къ ногамъ прекрасной Кидиппы, воспламенившей его сердце, плодъ айвы съ лукаво задуманной надписью: „Клянусь Артемидой, я буду женой Аконтія!“ Ничего не предугадывая, дѣвушка громко прочитываетъ эти слова и тѣмъ самымъ связываетъ себя клятвой. Впослѣдствіи, по возвращеніи на родину въ Косъ, она трижды принуждена откладывать день свадьбы, ибо каждый разъ заболѣваетъ загадочной болѣзнью, пока, наконецъ, Дельфійскій Аполлонъ не открываетъ ея отцу безсознательнаго клятвопреступленія дѣвушки и бракъ не соединяетъ влюбленныхъ. — Недавно найдена 2-я часть стихотворенія, разочаровавшая насъ;

ученый поэтъ не задался цѣлью красиво закончить граціозный разсказъ, ему было важнѣе выказать свою обширную „ученость“ (надъ которой онъ при случаѣ самъ смѣется). Поэтому онъ заканчиваетъ свой разсказъ весьма трезвой передачей миѳической исторіи острова Кеоса, слѣдуя древнему мѣстному историку Ксеномеду.

Ямбы.

Слѣдующія страницы той же недавно найденной рукописи Каллимаха даютъ намъ впервые представленіе о ямбахъ поэта. Для пересказа анекдотовъ и басенъ, а также для непринужденнаго обсужденія литературныхъ вопросовъ, онъ находитъ удобную форму въ холіямбѣ, созданномъ Гиппонактомъ (Э. К., стр. 215).—Красиво и живо разсказываетъ онъ басню о спорѣ между лавромъ и оливковымъ деревомъ. Оба дерева выдвигаютъ свои достоинства, стараясь превзойти другъ друга. Другія деревья принимаютъ участіе въ спорѣ, вызывая этимъ, однако, гнѣвъ лавра. Конца спора мы не знаемъ.

Рис. 59. ЭРОТЫ НА БИГѢ, КОТОРУЮ ВЕЗУТЪ ДЕЛЬФИНЫ.
Изъ дома Веттіевъ въ Помпеяхъ.
Съ фотографіи.
Совершенно импрессіонистическая живопись на черномъ фонѣ. Мы находимъ въ этомъ домѣ рядъ изображеній повседневныхъ работъ, исполняемыхъ эротами. Всѣ эти рисунки хотя и бѣгло набросаны, тѣмъ не менѣе, очень выразительны.

Гимны.

Пять написанныхъ гекзаметрами гимновъ посвящены богамъ. Въ искусно задуманныхъ рамкахъ они пересказываютъ разные миѳы, рисуя живую картину религіозныхъ торжествъ, но производятъ, въ общемъ, блѣдное впечатлѣніе. Черты модернизаціи миѳовъ (напр., Гермесъ въ качествѣ „пугала“ въ дѣтской на Олимпѣ) такъ же неумѣстны въ этихъ гимнахъ, какъ литературные намеки и придворная лесть. Торжественный тонъ и искусственная наивность производятъ охлаждающее впечатлѣніе; поэту, какъ человѣку своего времени, освященныя стариной легенды внутренне чужды; онъ подходитъ къ нимъ съ остроуміемъ изслѣдователя, съ сознательной ироніей просвѣщеннаго свѣтскаго человѣка, разсчитывавшаго на пониманіе такихъ же просвѣщенныхъ читателей,—иногда же проскальзываютъ и нотки иронизирующаго юмора.

Гимны другихъ писателей.

Многіе поэты писали гимны, посвященные богамъ и монархамъ, и въ гекзаметрахъ, и въ лирическихъ размѣрахъ. Они предназначались для религіозныхъ празднествъ, на которыхъ роскошь зрѣлища прикрывала утрату религіознаго чувства. Находки надписей воскресили имена нѣкоторыхъ мѣстныхъ поэтовъ. Въ небольшихъ стихотворныхъ посвященіяхъ Исилла, вырѣзанныхъ въ Эпидаврѣ въ честь Аполлона и Асклепія около 280 года, мы въ торжественныхъ выраженіяхъ узнаемъ о процессіи по древнему ритуалу, устроенной, по иниціативѣ Исилла, въ честь его роднаго города, и о пэанѣ, сочиненномъ по этому поводу. Заслуженный интересъ возбудилъ, незначительный по содержанію, дельфійскій гимнъ Аполлону благодаря присоединеннымъ къ нему нотамъ, открывшимъ гимну, между прочимъ, доступъ даже въ современныя концертныя залы.

Исиллъ.

Пѣсни. Недавно опубликованный берлинскій папирусъ даетъ намъ характерный образецъ пѣсней Каллимаха, открывающихъ въ этомъ оригинальномъ писателѣ новую сторону. Передъ нами, правда, лишь фрагменты траурной пѣсни, написанной анапестическимъ размѣромъ на смерть Арсинои, боготворимой Филадельфомъ супруги. Во введеніи описывается съ захватывающей простотой впечатлѣніе, вызванное вѣстью о смерти царицы въ народной массѣ: „Не стало царицы! Наша звѣзда закатилась!“ Огни возвѣщаютъ городамъ и селамъ печальную вѣсть. Дымъ отъ нихъ достигаетъ далекаго острова Лемноса, гдѣ покойная сестра Арсинои, Филотера, принятая въ свиту Деметры, какъ-разъ гоститъ у Хариты, супруги Гефеста. Исполненная тревоги, не объятъ ли пламенемъ одинъ изъ городовъ Египта, она умоляетъ Хариту, поднявшись на гору Аѳонъ, посмотрѣть вдаль. По возвращеніи Харита печально говоритъ ей: скорбная вѣсть достигла насъ съ твоей отчизны. Плачъ раздается въ твоемъ родномъ городѣ. Не кончина простого смертнаго поразила страну, судьба унесла одну изъ великихъ. Народъ оплакиваетъ смерть твоей единственной сестры...

Рис. 60. ПЬЯНАЯ СТАРУХА.
Мраморъ. Глиптотека въ Мюнхенѣ. По фотографіи.
Со смѣлымъ юморомъ изображены нестерпимая жажда костлявой старухи, восторгъ, съ которымъ она крѣпко обнимаетъ сосудъ съ виномъ. Этотъ юморъ сглаживаетъ отталкивающее впечатлѣніе. У сморщенной старухи осталось лишь нѣсколько зубовъ; на пальцѣ у нея кольцо, въ ушахъ когда-то были серьги, что видно по оставшимся въ нихъ отверстіямъ.

Это не александрійская придворная поэзія, а искреннее чувство, хотя и выраженное въ своеобразной формѣ. Мы впервые видимъ наивное или намѣренно-наивное сплетеніе боговъ съ событіями настоящаго. Этотъ пріемъ мы встрѣтимъ у римлянъ временъ имперіи, у Стація и Клавдіана (ср. указат.); онъ играетъ также большую роль въ поэзіи и играхъ Возрожденія и находящагося подъ его вліяніемъ позднѣйшаго времени.

Эпиграммы. **Эпиграмма.** Каллимахъ былъ несравненный мастеръ эпиграммы. Эта форма сыграла совершенно особую роль въ литературѣ. Въ теченіе 2000 лѣтъ писались греческія эпиграммы. Подобно стаямъ мотыльковъ окружаютъ онѣ дерево эллинистической поэзіи, начиная почти съ ранняго расцвѣта его, вплоть до поздняго періода увяданія. Вызванная потребностью момента, возникшая изъ „надписей“ надгробныхъ стелъ и посвященій (Э. К., стр. 213), эпиграмма постепенно становится всеобъемлющей художественной формой, въ которой подвизаются и дилетанты, и геніальные писатели. Эпиграмматическая форма была создана для вкуса эллинистическаго времени, любящаго все тонкое, граціозное, остроумное. Тогда какъ повѣствующая элегія переходитъ въ эпосъ, эпиграмма выражаетъ чистолирическое настроеніе, отражая въ прегнантной формѣ настроенія и

впечатлѣнія, бѣглыя наблюденія и остроумныя мысли. Къ ней, такимъ образомъ, прибѣгаютъ всѣ, она становится излюбленной формой. Въ нее облекаются и покаяніе и самовосхваленіе, утѣшеніе и радость участія, дружественныя напутствія и злыя насмѣшки, посвященія богамъ и монархамъ, друзьямъ и меценатамъ. Игра остроумія вносилась и въ серьезныя надгробныя надписи: усердно изощрялись въ посвященіяхъ легендарнымъ героямъ, поэтамъ, философамъ. Писались эпиграммы на произведенія искусства. Мы имѣемъ, напримѣръ, около 50 эпиграммъ, посвященныхъ реалистическому изображенію коровы Мирономъ и восхваляющихъ ее разными допустимыми и недопустимыми пріемами (Э. К., стр. 326). Главную же роль какъ въ эпиграммѣ, такъ и въ элегіи играетъ любовь. Эросъ впервые сталъ господствовать въ поэзіи и искусствѣ, продолжая, независимо отъ теченія вѣковъ, царить въ немъ и понынѣ; въ то время былъ созданъ цѣлый лексиконъ любовныхъ выраженій, сдѣлавшійся достояніемъ культурныхъ народовъ черезъ посредство римскихъ элегиковъ.

Слава такого необыкновеннаго развитія эпиграммы принадлежитъ, кромѣ Каллимаха, Асклепіаду Самосскому. Въ немъ привлекательны естественность языка и живость чувства. Мы охотно слѣдимъ за похожденіями поэта, за его романами съ гетэрами, воспламенявшими его жаждущее любви сердце. Въ 63 эпиграммахъ Каллимаха мы едва узнаемъ автора гимновъ; такъ онъ мѣтокъ въ своей рѣчи, такъ остеръ въ проведеніи основной мысли эпиграммы. Правда, нѣкоторые слишкомъ остроумно сплетенные обороты, нѣкоторые намеки на личности остаются намъ непонятными. Мы находимъ у него и проблески искренняго чувства, напр., когда онъ предается грустнымъ воспоминаніямъ о покойномъ другѣ, съ которымъ онъ въ былое время бесѣдовалъ до захода солнца. „А теперь ты, галикарнасскій гостепріимецъ, давнымъ-давно превратился въ прахъ; только соловьи твои поютъ попрежнему свою пѣсню; на нихъ грозный Аидъ не наложитъ тяжелой руки своей“. Прелестно надгробіе: „Святымъ сномъ здѣсь покоится Саонъ, Дикона сынъ, Акантіецъ: не говори о смерти, праведникъ легъ на покой“. Надгробія часто принимаютъ форму краткаго діалога между покойникомъ и прохожимъ странникомъ. Шутливо-остроумный тонъ иныхъ посвященій возбуждаетъ даже сомнѣніе въ ихъ предназначеніи для священнаго мѣста. Въ любовныхъ эпиграммахъ больше остроумія, чѣмъ страстности.

Асклепіадъ.

Каллимахъ.

Почти всѣ поэты того времени писали эпиграммы, но мы не можемъ подробно останавливаться на этихъ художественныхъ бездѣлушкахъ. Лишь объ одномъ оригиналѣ, Леонидѣ Тарентскомъ (III стол.) мы не можемъ не упомянуть. Онъ много путешествовалъ; отецъ его научилъ ограничиваться хлѣбомъ и солью, такъ что мыши въ его лачужкѣ оставались голодными. Несмотря на всѣ тѣневыя стороны жизни, его не покидали мужество и радостность; онъ былъ одаренъ способностью во всемъ видѣть лучшія стороны. Поэтъ самъ сравниваетъ себя съ птицами, не требующими за свое пѣніе возмездія отъ странника. Муза его любитъ и охранитъ его память, если ему

Леонидъ.

придется когда-нибудь покоиться въ чужой землѣ. Леонидъ—поэтъ маленькихъ людей; онъ описываетъ приношеніе ими орудія своего ремесла въ даръ Аѳинѣ, ихъ посвященія богамъ-покровителямъ лѣса и поля принадлежностей рыбной ловли и охоты, ихъ жертву тѣмъ же богамъ доли урожая или пары оленьихъ роговъ, которые они вѣшали на священныхъ деревьяхъ. Его трогаютъ униженные, потерпѣвшіе крушеніе; имъ онъ посвящаетъ многія эпиграммы, онъ жалѣетъ бѣднаго мертвеца, неукрашенную могилу котораго топчутъ ноги равнодушныхъ прохожихъ. По могилкѣ пастуха, подъ звуки свирѣли, блея, бѣгаютъ козы; да украситъ ее путникъ первыми весенними цвѣтами! И знатному богачу-вельможѣ придется послѣ смерти лежать въ такой же тѣсной могилѣ! Поэту хочется охранить отягченное плодами дерево отъ камней дикихъ мальчугановъ и виноградную лозу отъ алчности козла. Ему не измѣняетъ и насмѣшливое остроуміе — его старая пьяница (рис. 60) горюетъ не о мужѣ и дѣтяхъ, а о пустотѣ чаши, украшающей ея могилу!

Сборники.

Обиліе этихъ сохранившихся до насъ бѣглыхъ, случайныхъ набросковъ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что большинство изъ нихъ сначала было вырѣзано на металлѣ или камнѣ. Впослѣдствіи изъ этихъ отдѣльныхъ цвѣтковъ сплетались „вѣнки“ или „букеты“. Самый большой сборникъ—знаменитая Палатинская Антологія X стол. — обнимаетъ больше 3600 эпиграммъ. Она интересно отражаетъ колебанія времени, моды, соотношенія между искусными поэтами и воспріимчивыми и невоспріимчивыми учениками, возникновеніе и исчезновеніе опредѣленныхъ формулъ и мыслей. Встрѣчается, конечно, и много чисто-ремесленнаго, незначительнаго, даже иного низменнаго, но попадаются и образцы тонкаго искусства. Тутъ таится масса граціозной находчивости и блестокъ остроумія; мѣтко сравненіе этихъ произведеній съ античными геммами. Они рисуютъ намъ, прежде всего, картину повседневной и праздничной жизни разнообразнѣйшихъ эпохъ съ неменьшей живостью, чѣмъ тысячи расписныхъ вазъ и утвари всякаго рода.

6. ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ

Эпиллія.

Эпилліонъ. Что думалъ Каллимахъ о „современномъ“ ему эпосѣ, знаемъ мы по его Гекалѣ, фрагменты школьнаго экземпляра которой сохранились. Въ ней разсказывалось объ укрощеніи Ѳесеемъ марафонскаго быка; этотъ разсказъ составлялъ, однако, лишь фонъ для эпизода, самого по себѣ незначительнаго, посѣщенія героемъ бѣдной Гекалы.

Гекала.

Съ неподражаемымъ мастерствомъ разсказываетъ поэтъ, какъ добрая старушка, нѣкогда видѣвшая болѣе свѣтлые дни, оказываетъ пріютъ продрогшему отъ дождя юношѣ; разспрашивая съ любопытствомъ, она угощаетъ его всѣмъ, чѣмъ сама богата, не жалѣя даже заботливо припрятанной ветчины, а утромъ провожаетъ его благословеніемъ. Отблескъ этого неподражаемаго искусства миніатюры мы видимъ еще въ Филемонѣ и Бавкидѣ Овидія. По возвращеніи Ѳесея, побѣдившаго чудовище, поселяне его осыпаютъ листьями, привѣтствуя ликующими криками. Онъ же торопится къ лачугѣ Гекалы, но находитъ ее умершей отъ тревоги за него. Ѳесей чествуетъ ея память праздествомъ.

Итакъ, поэтъ не возноситъ современниковъ къ легендарнымъ образамъ, онъ, напротивъ, хотя и въ красивой формѣ, сплетаетъ эти образы съ повседневной жизнью; его цѣль — только занять читателя и поразить его воображеніе искуснымъ сплетеніемъ матеріала. У Каллимаха заимствовалъ это искусство Овидій.

Мы знаемъ также нѣсколько граціозныхъ эпиллій Ѳеокрита. Въ утѣшеніе отъ любовныхъ страданій онъ посвящаетъ своему другу Никію эпиллію о любимцѣ мощнаго Геракла, Гилѣ, увлеченномъ нимфами въ морскую пучину. „Маленькій Гераклъ“ рисуетъ дѣтскую Алкмены, гдѣ мать укачиваетъ маленькаго силача, лежащаго на щитѣ отца рядомъ со своимъ смертнымъ братомъ. Вдругъ приближаются змѣи съ горящими очами. Весь домъ встрепенулся отъ жалобнаго крика Ификла; Гераклъ, не долго думая, задушилъ чудовища и показываетъ ихъ, сіяя, подоспѣвшимъ родителямъ, которымъ позванный прорицатель предсказываетъ будущее величіе героя. Ѳеокритъ.

„Европа“ буколика Моска (около 150 г.) не отличается той же свѣжестью, но и она не лишена граціозности. Москъ.

Вѣщій сонъ финикійской принцессы служитъ введеніемъ. Она утромъ спѣшитъ со своими подругами къ берегу моря за цвѣтами. При этомъ подробно описываются полныя значенія рельефы ея серебряной корзиночки. Откуда ни возьмись, стоитъ на лугу передъ нею прекрасный быкъ, мычащій отъ наслажденія при ея ласкѣ. Только-что она успѣла сѣсть на его спину, какъ онъ бросился съ нею въ морскую пучину и умчалъ ее, окруженный веселой толпой морскихъ божествъ. Съ развѣвающейся по вѣтру одеждой, трепетно схватившись за рога быка, Европа съ тревогой разспрашиваетъ его. Она чуетъ, что ее увлекаетъ божество. Зевсъ открывается ей и объявляетъ ей счастье, ожидающее ее.

Лучшій образецъ занимающаго насъ литературнаго вида мы имѣемъ въ „Свадьбѣ Ѳетиды“ Катулла, художественная композиція которой отражаетъ стиль александрійцевъ (быть-можетъ, она слѣдуетъ знаменитому оригиналу). Мы ее поэтому разберемъ тутъ же. Катуллъ. Свадьба Ѳетиды.

Когда юная толпа избранной аргивской молодежи отправлялась за золотымъ руномъ, Пелей впервые узрѣлъ Ѳетиду среди нереидъ, рѣзвившихся вокругъ корабля. Вся Ѳессалія собралась на свадьбу богини со смертнымъ. Дворецъ сіялъ золотомъ и слоновой костью; драгоцѣннѣйшее же украшеніе представлялъ собою пурпуровый покровъ, изображавшій Аріадну, которая, окаменѣвъ отъ горя, смотритъ вслѣдъ уходящему кораблю Ѳесея. Въ какія муки ее погрузила Венера! Покинувъ все изъ любви къ нему, она теперь бродитъ одинокая по пустынному берегу, изливая кручину свою въ стонахъ и проклятіяхъ. Но къ покинутой приближается Діонисъ, окруженный сатирами и вакханками, чтобъ сдѣлать ее супругой своей. На свадебный же пиръ, къ которому, наконецъ, возвращается поэтъ, вслѣдъ за земными гостями шествуютъ небесные. Всѣ боги приносятъ дары, даже дряхлыя парки поютъ молодой четѣ свадебный гимнъ. Вотъ какъ жилось въ тотъ божественный вѣкъ, когда боги еще жили среди смертныхъ.

Идиллія и мимы. Къ эпиллію тѣсно примыкаетъ буколическая поэзія. Въ ней мы видимъ сочетаніе эпической формы, драматической Буколическая поэзія.

жизненности и лирическаго содержанія. Въ ней, правда, употребляется почти исключительно гекзаметръ; однако, все чаще встрѣчающаяся буколическая цезура, отдѣляющая двѣ послѣднихъ стопы, и сочетаніе группъ стиховъ въ вольныя строфы съ повтореніемъ однообразнаго припѣва, кромѣ того, примѣненіе дорическаго діалекта сближаютъ буколическую поэзію съ народной лирикой. Форма діалога способствуетъ непринужденности выраженія чувствъ и мысли. Въ центрѣ почти всегда стоятъ одна или нѣсколько пѣсней.

Рис. 61. РЕЛЬЕФЪ КОЛОДЦА ИЗЪ ПАЛАЦЦО ГРИМАНИ (Венеція). Находится въ Вѣнѣ. Мраморъ. Ср. Schreiber, «Hellenistische Reliefbilder», Tf. I. Въ пещерѣ львица, тревожно озираясь, кормитъ своихъ дѣтенышей. Надъ пещерой разстилается вѣтвистый платанъ, въ тѣни котораго на цоколѣ, подобномъ алтарю, возвышается nature morte въ рамкѣ (маска, гирлянда изъ фруктовъ, пастушеская свирѣль). Факелъ и тирсъ прислонены къ картинѣ, гирлянда свѣшивается съ нея, опускаясь до скалы. Направо настоящій алтарь изъ полевыхъ камней, на немъ лежатъ шишія и гранатовое яблоко. Пещера, трактовка дерева, реалистическое изображеніе мѣстами всклокоченной, вообще же гладкой, шерсти львицы напоминаютъ намъ трактовку жертвы пенатамъ на Ara pacis. Существуетъ pendant къ этому рельефу, изображающій въ подобной же пещерѣ овцу, кормящую ягненка.

Стремленіе къ бѣгству отъ настоящаго глубоко заложено въ существо людей. И Гомеръ уже говорилъ о „добромъ старомъ времени“; Гесіодъ и другіе поэты заманчивыми красками рисовали картину золотого вѣка безгрѣшности. Насколько же сильнѣе должна была сказаться жажда „возвращенія къ природѣ“ теперь, въ вѣкъ до крайности утонченной культуры, такъ же, какъ впослѣдствіи въ вѣкъ кринолиновъ и париковъ. Природы не надо было искать въ давнемъ прошломъ: она была тутъ же, за городской стѣной, у пастуховъ и крестьянъ. За ихъ жизнью съ любовью начинаетъ наблюдать кружокъ писателей, забавляясь подражаніемъ ихъ нравамъ (ср. стр. 119), и эта граціозная поэзія производитъ на столичныхъ жителей такое же живительное впечатлѣніе, какое производили на рыцарей, пресыщенныхъ миннезангомъ, крестьянскія плясовыя пѣсни Нейдгардта. Матеріаломъ, къ которому могла примкнуть

эта поэзія, послужили безыскусственныя пѣсни, пѣвшіяся, особенно въ Сициліи, пастухами подъ звуки тростниковой свирѣли (syrinx), и многія, еще жившія среди нихъ, пастушескія легенды. Уже Стесихоръ (Э. К., стр. 221) нѣкогда воспѣвалъ прекраснаго Дафниса, ослѣпленнаго за невѣрность къ нимфѣ. Мастеръ буколической поэзіи, **Θеокритъ**, также былъ сицилійцемъ (около 305—250). Θеокритъ.

Родившись въ Сиракусахъ, онъ посвятилъ себя поэзіи, живя въ Косѣ. Впослѣдствіи онъ, подобно Вальтеру фонъ деръ Фогельвейде, ищетъ признанія у великихъ міра сего, Гіерона и Птолемея, при дворѣ которыхъ долго живетъ. Въ концѣ жизни Θеокритъ, вѣроятно, вернулся въ свой любимый Косъ.

Рис. 62. СТАРАЯ КРЕСТЬЯНКА. Полифемъ.
Мраморъ. Римъ. Дворецъ Консерваторовъ.
Съ фотографіи.
Голова прекрасно подходитъ ко всему образу, но она современная реставрація. Старая полунагая крестьянка, давно бросившая всякую заботу о внѣшности, бредетъ на рынокъ, держа овечку подъ мышкой.

Первая идиллія, Θ и р с и д ъ, сразу обнаруживаетъ передъ нами все обаяніе этой поэзіи. Подъ сѣнью шумящихъ деревьевъ мы видимъ двухъ пастуховъ со стадами. Θирсидъ собирается спѣть товарищу дивную пѣсню о Дафнисѣ; наградой ему будутъ коза и рѣзной бокалъ, тонкое украшеніе котораго граціозно описывается. Въ грустной пѣснѣ, прерываемой частымъ однообразнымъ напѣвомъ, разсказывается, какъ люди, животныя, даже боги оплакиваютъ умирающаго отъ любовныхъ мукъ Дафниса, окружая его. Когда же приближается къ нему улыбающаяся Афродита, онъ произноситъ горькіе укоры богинѣ. Вся природа приметъ иной обликъ послѣ его смерти. Даже сердце жестокой богини тронуто; она наклоняется, чтобы поднять Дафниса, но онъ падаетъ мертвымъ.

Состязаніе двухъ пастуховъ въ мастерствѣ пѣнія, какъ въ „Праздникѣ жатвы“ (стр. 119),— мотивъ часто повторяющійся. Такъ, Дафнисъ и Даметъ воспѣваютъ любовь неуклюжаго П о л и ф е м а къ Галатеѣ. Этимъ благодарнымъ сюжетомъ Филоксена (Э. К., стр. 463) пользуется Θеокритъ, убѣждая влюбленнаго друга, что противъ страданій любви существуетъ лишь одно средство — поэзія. Даже истомленный любовью Полифемъ воспѣвалъ непреклонную нимфу съ высоты скалы. Онъ славитъ свое богатство, чтобы заставить забыть уродство свое, онъ сулитъ ей въ даръ четырехъ медвѣжатъ, если она согласится придти въ его лѣсную пещеру; онъ обѣщаетъ даже научиться плавать, чтобы убѣдиться, дѣйствительно ли море такъ прекрасно.

Совершенно иныя ноты звучатъ въ пятой буколикѣ Θеокрита. Встрѣчаются два грубыхъ парня и тотчасъ же набрасываются другъ на друга съ обвиненіемъ въ кражѣ. Затѣмъ они дразнятъ одинъ другого въ краткихъ двустишіяхъ („Schnaderhüpfln“ — сказалъ бы нѣмецъ), пока не приходитъ дровосѣкъ, присуждающій одному изъ нихъ награду за пѣніе.

Въ „Жнецахъ“ хорошо проведенъ контрастъ между чувствительной и грубоватой буколической поэзіей: жнецъ Букэй грустно повѣсилъ голову; его терзаетъ «Жнецы».

мысль о возлюбленной. Трезвый Милонъ предлагаетъ ему спѣть пѣсню, и онъ воспѣваетъ свою чернобровую тонкую цыганку. Милонъ не мастеръ на подобныя пѣсни; однако, онъ знаетъ старую, бодрую пѣсню жнецовъ. „Вотъ какъ слѣдуетъ пѣть мужчинамъ за работой на солнцѣ; ты же жалуйся на свою чахоточную любовь дома матери, въ постели".

«Чародѣйка». Не менѣе деревенской жизни привлекали наблюдательность Ѳеокрита большой городъ и его нравы. Онъ употребилъ все свое искусство, чтобы воскресить нѣкоторые мотивы Софрона, нѣсколько модернизировавъ ихъ. Въ „Чародѣйкѣ" онъ изображаетъ суевѣріе своего времени. При магическомъ свѣтѣ луны Снмайѳа таинственно чародѣйствуетъ, непрестанно вертя волшебный кружокъ, чтобы вернуть любовь измѣнившаго ей возлюбленнаго. Она жалуется Селенѣ на свое горе: на какомъ-то празднествѣ прелестный юноша внезапно воспламенилъ ея сердце, потомъ, позванный ею, пришелъ къ ней, истомленной любовью, а теперь сосѣдка сообщаетъ ей, будто онъ любитъ другую.

«Праздникъ Адониса». Въ „Праздникѣ Адониса" живой діалогъ рисуетъ намъ очаровательную картину изъ жизни александрійскихъ праздниковъ. Въ сопровожденіи двухъ женщинъ мы присутствуемъ на празднествѣ Адониса, какъ-бы переживая его на самомъ дѣлѣ. Горго забѣгаетъ за Праксиноей въ ея отдаленное жилище. Мы слышимъ ихъ болтовню о мужьяхъ, прислугѣ, нарядахъ. Затѣмъ онѣ съ трудомъ проталкиваются сквозь, подобную муравейнику, толпу всадниковъ и пѣшеходовъ и благополучно достигаютъ, наконецъ, святилища — хотя и въ оборванныхъ нарядахъ. Здѣсь онѣ такъ непосредственно и громко восторгаются великолѣпными одеждами и изображеніемъ Адониса, что болтовней своей на своемъ дорическомъ діалектѣ возбуждаютъ негодованіе окружающихъ. Однако, начинается уже пѣніе пріѣхавшей изъ далекихъ странъ пѣвицы, въ которомъ говорится о любви Афродиты къ безвременно погибнувшему юному Адонису. Весьма удовлетворенныя женщины спѣшатъ домой, ибо—мужья ждутъ дома обѣда.

Птолемей. Въ „Праздникъ Адониса" вплетены лестныя слова объ устроительницѣ торжества, Береникѣ; въ хвалебномъ же гимнѣ Птолемею Ѳеокритъ превозноситъ царя, его предковъ, супругу, богатство, изъ котораго онъ щедро удѣляетъ и поэту.

Искусство. Сухой перечень содержанія не можетъ передать всей граціозной детальной прелести этихъ мелкихъ стихотворныхъ произведеній; ихъ слѣдуетъ читать, по возможности, въ оригиналѣ, который одинъ только можетъ передать и строго разсчитанные эффекты діалектическихъ оттѣнковъ. Ѳеокритъ не творческій геній, но искренній и тонко чувствующій поэтъ, а эти качества были рѣдки въ ту эпоху. Мы уже видѣли, что онъ занимался не только буколической поэзіей. Однако, славой своей онъ обязанъ своимъ пастушескимъ стихотвореніямъ. Ѳеокрита не слѣдуетъ ставить на одну доску съ его то искусственными, то сентиментальными подражателями, будь то Вергилій и Лонгъ или Гесснеръ и Фоссъ. Ѳеокритъ умѣетъ изображать и дѣйствительную жизнь пастуховъ съ подлинной жизненной правдой и часто съ удачнымъ юморомъ. Если же подъ именами пастуховъ въ иныхъ случаяхъ скрывались самъ поэтъ или его друзья, то этого рода шутки рѣдко умаляютъ прелесть стихотвореній; въ свое же время эта особенность дѣлала стихотворенія особенно пикантными и интересными. Ѳеокритъ обладаетъ покоряющимъ умѣньемъ перенести читателя въ обстановку, настроеніе и кругъ описываемыхъ людей. Его изображеніе

оживлено тысячью мелкихъ, красивыхъ, живыхъ деталей и наблюденій. Онъ и въ наше время покоряетъ столичнаго жителя своей непосредственной любовью къ природѣ. Ѳеокритъ, однако, сознаетъ границы своего таланта и держится ихъ. Онъ не прибѣгаетъ къ героической торжественности и напыщенности, всегда оставаясь художникомъ-жанристомъ. Ѳеокритъ великъ въ маломъ, онъ одинъ изъ послѣднихъ эллинистическихъ поэтовъ, восхищающихъ насъ стройной гармоніей формы и содержанія. Его произведенія настолько же связаны съ родной почвой и временемъ, насколько творенія древняго крестьянскаго поэта Гесіода.

Геронд̀ъ.

Рис. 63. МАЛЬЧИКЪ И ГУСЬ.
Мраморъ въ Ватиканѣ.
Съ фотографіи.
Одно изъ произведеній искусства, которыми любуются женщины у Геронда въ храмѣ Асклепія.

Тонкая поэтичность Ѳеокрита не свойственна миміямбамъ косскаго поэта Геронда, воскрешеніе котораго въ 1890 году возбудило всеобщее удивленіе. Геронд̀ъ является послѣдователемъ Софрона (Э. К., стр. 499), хотя и заимствовалъ іонійскій діалектъ и холіямбы [хромые ямбы], приближающіеся къ свободной прозѣ (Э. К., стр. 215) у Гиппонакта. Съ поражающей, иной разъ отталкивающей, откровенностью рисуетъ онъ небольшія сценки изъ повседневной жизни въ формѣ діалога. Эти сценки знакомятъ насъ, между прочимъ, и съ тѣневыми сторонами нравовъ, тогда какъ Ѳеокритъ и элегики бережно избѣгали всего двусмысленнаго. Подобно Ѳеокриту, Геронд̀ъ умѣетъ немногими штрихами нарисовать передъ нами живыхъ людей въ опредѣленной обстановкѣ; читая его миміямбы, мы ихъ наблюдаемъ такъ же непосредственно, какъ теперь, слыша случайную бесѣду на улицѣ, въ лавкѣ, на художественной выставкѣ. Какой угодно современный реалистъ могъ бы позавидовать живой наблюдательности Геронда; поведетъ ли онъ насъ въ классную комнату, сапожную мастерскую, въ судъ, гдѣ хозяинъ словоохотливо доказываетъ, что въ Косѣ нѣтъ больше права и справедливости, если строго не покарается смѣлая кража въ его харчевнѣ сомнительнаго характера; послѣдуемъ ли мы за поэтомъ въ домъ достойной хозяйки, къ которой приходитъ соблазнительница, пока ея мужъ пребываетъ въ развращенномъ Египтѣ; войдемъ ли мы въ храмъ Асклепія, гдѣ двѣ женщины восхищаются прелестью и жизненной правдой разставленныхъ произведеній искусства (рис. 63), и уходятъ, сопрово-

ждаемыя привѣтливымъ увѣреніемъ сторожа, что никогда еще божеству не жертвовался болѣе желанный даръ, чѣмъ ихъ скромное приношеніе. Въ большинствѣ случаевъ описаны женщины низкаго сословія, болѣе или менѣе невинную болтовню которыхъ мы слышимъ. Жалобы на лѣнь и глупость прислугъ, не умолкающія даже въ храмѣ, живо напоминаютъ наше время.

«Учитель».

Въ „Учителѣ“ Метротима приводитъ своего негоднаго сынишку, Коттаба, къ учителю Ламприску, прося строго наказать мальчика за его продѣлки. Мальчишка съ трудомъ выучиваетъ азбуку, не говоря уже о мудрыхъ изреченіяхъ: школьная плата — сущія выброшенныя деньги! Вмѣсто того, чтобъ учиться, онъ шляется въ дурномъ обществѣ, онъ игрокъ и обкрадываетъ даже родителей. Во время весьма тягостнаго наказанія мальчикомъ овладѣваетъ внезапная кротость, и онъ принимаетъ добрыя рѣшенія. Когда же Ламприскъ устаетъ и опускаетъ ремень, обозленная мать все еще не удовлетворена.

Рис. 64. ШКОЛА ВЪ ПОМПЕЯХЪ.

Стѣнная роспись въ Неаполѣ. Ср. Jahn, «Handwerk», Tf. I. Обученіе происходитъ подъ открытымъ небомъ среди колоннъ форума. Налѣво сидятъ прилежные ученики, передъ которыми стоитъ учитель; направо громко кричатъ караемые. Постыдное наказаніе производится совершенно такъ, какъ его описываетъ Геронд, и какъ его изображаетъ 1700 лѣтъ спустя (въ 1463 году) Бенодцо Гоццоли на фрескахъ въ С. Джиминьяно близъ Сіены, рисующихъ жизнь святого Августина.

Кердонъ.

Прекрасно нарисованъ сапожникъ Кердонъ (наживающій деньги). Онъ дѣловито раскладываетъ передъ новыми покупательницами свои мастерскія издѣлія, съ энтузіазмомъ восхваляя ихъ; затѣмъ онъ, въ качествѣ отца, обремененнаго семействомъ, начинаетъ жаловаться на преступную дороговизну кожи, запрашивая на этомъ основаніи необычайныя цѣны, пока покупательницамъ, наконецъ, не удается сторговаться. Точь-въ-точь подобныя сценки мы и теперь наблюдаемъ на югѣ!

Художественный эпосъ.

Художественный эпосъ, дидактическая поэзія и пародія. Рядомъ съ новосозданіями въ области поэзіи наша эпоха пышнаго расцвѣта учености дѣлаетъ и попытки воскресить древній героическій эпосъ.

Аполлоній Родосскій. Argonautica.

Побѣжденный насмѣшками кружка Каллимаха (стр. 121) въ Александріи, авторъ большого эпоса объ Аргонавтахъ, Аполлоній изъ Александріи, былъ награжденъ тѣмъ бо́льшимъ сочувствіемъ на своей второй родинѣ, въ Родосѣ. Аргонавты представляли собою благодарный матеріалъ для романтическаго эпоса въ стилѣ Виландовскаго „Оберона“; но Аполлоній былъ человѣкомъ слишкомъ трезваго ума. Подражая „Одиссеѣ“, но не проникшись ея духомъ, онъ нанизываетъ одно на другое описанія безчисленнаго ряда приключеній. Дѣйствія много, но все совершается автоматически, подобно обдуманной театральной постановкѣ, въ которой режиссерами, между прочимъ, являются и боги. Безчисленныя дѣйствующія лица не одухотворены жизнью. Героическое исчезло, и поэтъ былъ безсиленъ его воскресить. Ясонъ является жалкимъ вождемъ: онъ нигдѣ не дѣйствуетъ рѣшительно; его появленіе

большей частью печальное, робкое и нерѣшительное. Хороши нѣкоторыя описанія и красивы детали; но жанровое искусство часто производитъ впечатлѣніе мелочности. Оно насъ не очаровываетъ такъ же, какъ множество сравненій. Еще болѣе отрезвляющее впечатлѣніе производитъ миѳологическая, географическая и антикварная ученость автора, которую онъ вплетаетъ повсюду, слѣдуя манерѣ александрійцевъ.

Лучше другихъ 3-я книга, центръ которой составляетъ Медея. Тутъ Аполлоній втихомолку принялъ къ свѣдѣнію злостную критику александрійцевъ. Аргонавты прибыли въ Колхиду; однако, лишь при помощи царевны можно нарушить чары, окружающія золотое руно. Поэтому Гера и Аѳина дипломатически навѣщаютъ Афродиту, занятую туалетомъ. Плутъ Эротъ такъ погруженъ въ удачную для него игру въ кости съ Ганимедомъ, что не слышитъ приближенія матери. Но когда она обѣщаетъ ему въ награду дивный мячъ Зевсова мальчика, онъ въ восторгѣ бросается къ ней. Пораженная его стрѣлою, Медея видитъ Ясона. Она не можетъ забыть его облика, не покидающаго ея даже во снѣ. Она пытается скрыть свою страсть передъ пытливо разспрашивающей сестрой. Въ ночной тиши ея сердце борется между долгомъ дочери и любовью къ незнакомцу. Когда же Ясонъ внезапно предстаетъ передъ нею у одинокаго храма Гекаты, прекрасный подобно восходящему изъ морской глубины Сиріусу, у нея темнѣетъ въ глазахъ, колѣни подкашиваются, и горячій румянецъ покрываетъ ея лицо. Она безъ сопротивленія внимаетъ его чарующей рѣчи, сулящей ей счастье и славу въ далекой Элладѣ. Какой контрастъ между этой сентиментальной дѣвушкой и демонической дѣтоубійцей Еврипида!—Мы пропускаемъ скитанія возвратнаго пути и связанную съ ними своеобразную географическую эрудицію: съ удивленьемъ узнаемъ мы о впаденіи одного изъ рукавовъ Дуная въ Адріатическое море. Однажды героямъ приходится въ теченіе 12 дней тащить корабль по сушѣ, что неправдоподобно, но, тѣмъ не менѣе, внушено поэту музой.

Ріанъ.

Среди многочисленныхъ поэтовъ, подвизавшихся въ области эпическаго жанра, слѣдуетъ упомянуть имя критскаго грамматика Ріана, обработавшаго удачно выбранный матеріалъ. Въ центрѣ его большого Мессенскаго эпоса стоялъ Аристоменъ, національный герой второй мессенской войны. Подвиги его, правда, напоминаютъ намъ скорѣе подвиги вождя разбойничьей шайки, но именно это составляло ихъ прелесть; и теперь еще они пересказываются въ популярныхъ учебникахъ исторіи.

Дидактическая поэзія.

Созданная Гесіодомъ, дидактическая поэзія опять пріобрѣтаетъ популярность, непонятную намъ нынѣ. Ея главнымъ представителемъ является Аратъ изъ Киликіи (около 310—245), жившій въ большомъ почетѣ при македонскомъ дворѣ. По порученію своего покровителя Антигона Гоната онъ написалъ трудъ о небесныхъ явленіяхъ („Phaenomena“). Появленіе его было цѣлымъ литературнымъ событіемъ, его неутомимо читали, комментировали, переводили, хотя Аратъ вовсе не былъ астрономомъ, а заимствовалъ свою мудрость у ученаго Евдокса. Онъ безспорно сумѣлъ найти удачный тонъ для подобнаго произведенія. О матеріалѣ, всеобщій интересъ къ которому былъ въ то время обезпеченъ, онъ говоритъ серьезно и вдумчиво.

Аратъ.

«Phaenomena».

Вступленіе составляетъ проникновенный гимнъ, свободное подражаніе Клеанеу (стр. 99): „Мы начинаемъ съ Зевса; ибо все исполнено Зевса, и мы также принадлежимъ къ его роду“ (ср. Дѣянія Апостол. XVII, 28). Онъ все на землѣ мудро устроилъ, онъ помѣстилъ на небесахъ звѣзды, направляющія годъ и поступки людей. Перечисленіе созвѣздій знакомитъ насъ со множествомъ символическихъ образовъ, которыми фантазія и ученость населили небеса. Но главный интересъ поэта сосредоточивается на простомъ описаніи; миѳологическій фонъ часто только намѣчается; рѣдко, для того, чтобы дать отдыхъ вниманію читателя, онъ трактуется детально; такъ, напримѣръ, подробно описана „Дѣва“, которая въ лицѣ Справедливости (Dike) въ золотомъ вѣкѣ жила среди смертныхъ, въ серебряномъ лишь изрѣдка покидала Олимпъ и окончательно удалилась на небеса, когда ея призывы къ благочестію не находили себѣ болѣе отзвука среди людей. Вторая часть—„Примѣты погоды“—представляетъ собою сборникъ вѣрныхъ и мелкихъ наблюденій, очень напоминающихъ наши крестьянскія примѣты. Колебанія въ окраскѣ и формѣ луны и солнца, разные оттѣнки поведенія животныхъ, до червей включительно, служили вѣрными предвѣстниками бури, дождя и ясной погоды, съ которыми тщательно считались и крестьянинъ, и мореплаватель. Однако, Зевсъ многое скрылъ отъ очей смертныхъ, и потому надежнѣе, когда двѣ или три примѣты совпадаютъ!

Никандръ.

Ученый Никандръ изъ Колофона, жившій во II столѣтіи при пергамскомъ дворѣ, былъ очень незначительнымъ писателемъ. Оба его сохранившихся произведенія, описывающія средства отъ ядовитаго укуса животныхъ и противъ отравленія пищей, по формѣ и содержанію критики не выдерживаютъ. Утраченныя стихотворенія о земледѣліи и метаморфозахъ послужили Вергилію и Овидію образцами, далеко ими превзойденными.

Поваренныя книжки. Архестратъ.

Лучше были поэтическія поваренныя книжки, имитировавшія тонъ и стиль серьезнаго эпоса. Уже въ 330 году Архестратъ изъ Гелы изложилъ въ своемъ сочиненіи „О пріятной жизни“ гастрономическія наблюденія, вынесенныя изъ путешествія, предпринятаго съ этой цѣлью. Онъ перечисляетъ всѣ гастрономическія тонкости, съ точностью отмѣчая, гдѣ и когда можно ихъ получить въ лучшемъ видѣ. Онъ начинаетъ съ даровъ Деметры, прекрасно родящихся на Лесбосѣ, такъ что даже боги посылаютъ туда Гермеса на рынокъ. Затѣмъ перечисляются отмѣнныя рыбы, къ которымъ онъ дѣловито присоединяетъ рецепты рыбныхъ блюдъ; при этомъ авторъ съ неодобреніемъ отзывается о сиракузцахъ, портящихъ эти блюда избыткомъ сыра и пикантными соусами. О дичи и птицѣ говорится болѣе кратко. Въ заключеніе разбираются вина и лакомства, заключающія пиръ; ибо только сиракузцы пьютъ вино подобно лягушкамъ, безъ всякой закуски. Мисіецъ Матронъ даетъ описаніе аттическаго пиршества. Мы не передаемъ богатѣйшаго состава меню. Описаніе было переплетено болѣе или менѣе удачными пародіями гомеровскихъ стиховъ.

Тимонъ.

Серьезнѣе содержаніе силлъ Тимона изъ Фліунта (ок. 315—226), въ которыхъ вѣрный ученикъ Пиррона (стр. 106) съ точки зрѣнія скептика остроумно и юмористически высмѣиваетъ ученіе и странно-

сти философовъ. Свое повѣствованіе онъ удачно облекаетъ въ форму разсказа о путешествіи въ Аидъ,—форма, въ которую Гете и Шиллеръ воплотили часть своихъ „Ксеній“. Первая книга изображала споръ философовъ въ Аидѣ, разрѣшенный, разумѣется, энергичнымъ вмѣшательствомъ Пиррона. Существовала Nekyia и среди произведеній киника Мениппа изъ Гадары (около 280), также нападавшаго на другія философскія секты; пишетъ Мениппъ прозой, смѣшанной съ пародическими стихами. Этой такъ называемой менипповской сатирѣ усердно подражалъ впослѣдствіи не только Варронъ, но и Лукіанъ, примыкая къ ней больше, чѣмъ до сихъ поръ предполагали. Менипп.

Рядъ другихъ киниковъ создалъ на ряду съ гексаметромъ, казавшимся избитымъ и стариннымъ, новую метрическую форму для дидактической поэзіи въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Послѣднія папирусныя находки даютъ намъ о ней нѣкоторое понятіе. Холіямбы Гиппонакта (Э. К., стр. 215) оказались удобнымъ размѣромъ для легкой литературной болтовни и для полушутливой, полусерьезной проповѣди нравственнаго совершенствованія, на подобіе діатрибы (стр. 106), легко принимавшей сатирическій характеръ. Въ этой формѣ написано разсужденіе Феникса изъ Колофона (послѣ 300 г.) объ умѣніи пользоваться богатствомъ, недавно сдѣлавшееся намъ извѣстнымъ. Въ томъ же папирусѣ словамъ Феникса предшествуетъ строгая проповѣдь противъ стремленія къ наживѣ. Философствующій государственный дѣятель, Керкидъ изъ Мегалополя, обращается къ своимъ друзьямъ съ сердечными изліяніями подобнаго же рода въ лирическихъ размѣрахъ, называемыхъ меліямбами. Они наполнены мѣткими поэтическими цитатами и смѣлыми словообразованіями. Въ одномъ изъ стихотвореній онъ громитъ древнихъ боговъ за несправедливость. Въ ихъ власти было бы лишить грязнаго ростовщика и расточителя его „свинскаго богатства“, отдавъ его нищему, умирающему съ голоду; однако, боги этого не дѣлаютъ. Ибо они перестали видѣть и слышать; слѣдовало бы предоставить ихъ астрономамъ, устремляющимъ взоры свои на звѣзды, а людямъ нужны были бы новые и лучшіе боги.— Находки такихъ фрагментовъ въ Египтѣ доказываютъ распространенность этихъ популярныхъ произведеній въ народѣ. Но и Луцилій, и Горацій читали ихъ впослѣдствіи въ Римѣ и пользовались ими какъ образцами для своихъ сатиръ. Холіямбы. Феникс. Керкидъ. Меліямбы.

7. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА

Въ разсматриваемую нами эпоху писали безъ конца; умственная живость и воспріимчивость интеллигентныхъ круговъ общества были поразительны. Число папирусовъ, сохраненныхъ въ египетскихъ пескахъ, доказываетъ намъ, какъ много люди читали даже въ маленькихъ городахъ.

Ораторское искусство.

Съ паденіемъ греческой свободы значеніе одной области литературы совершено замираетъ—это ораторское искусство. Политическія рѣчи отнынѣ произносились развѣ только въ совѣтѣ министровъ. Исчезаютъ великіе защитники или обвинители, своимъ искусствомъ рѣчи сдѣлавшіе незначительные процессы безсмертными; панегирики же монархамъ и меценатамъ, къ счастью, еще не записывались. Такимъ образомъ, ораторское искусство въ теченіе немногихъ десятилѣтій падаетъ со своей горделивой высоты и утрачиваетъ силу и значеніе. Уже рѣчь Деметрія Фалерскаго, властвовавшаго въ Аѳинахъ съ 317 по 307 годъ, отличается слащавостью и безсиліемъ; ее можно было сравнить съ пестротканнымъ нарядомъ гетэры. Въ Іоніи же мы видимъ полное отступленіе отъ аттическихъ образцовъ. Съ 300 года здѣсь вырабатывается новый стиль, примыкающій къ софистической реторикѣ (Э. К., стр. 529) и соотвѣтствовавшій какъ цѣлямъ асіанцевъ, такъ и вкусу эпохи. Его развитіе шло по двумъ путямъ, изъ которыхъ каждый отличался одинаковой искусственностью: представители перваго изъ нихъ писали краткими, обрывочными фразами, слащавый ритмъ которыхъ произносился нараспѣвъ; представители же второго выражались высокопарнымъ и высоко-патетическимъ языкомъ. Эти писатели ставили себѣ цѣлью—подобно причудливому искусству пергамскаго алтаря гигантовъ (стр. 205 сл.)—сильными средствами вызывать сильный эффектъ. Этотъ такъ называемый асіанизмъ существовалъ дольше, чѣмъ онъ этого заслуживалъ. Мы впослѣдствіи увидимъ его у римлянъ и грековъ въ борьбѣ съ аттицизмомъ.

Асіанизмъ.

Риторика.

Тогда какъ ораторское искусство умираетъ, пышно расцвѣтаетъ его младшая сестра—риторика. Лишь воинъ могъ обойтись въ жизни безъ искусства обдуманной, выразительной рѣчи. Поэтому риторика становится существеннымъ предметомъ въ образованіи юношества, и ея пустыя школьныя декламаціи и искусственныя правила имѣли на всю позднѣйшую литературу самое роковое вліяніе. Риторика вліяла не только на живую рѣчь, но и на письменное слово, и число писателей, отважившихся, подобно Эпикуру, выражаться просто и естественно, было очень невелико. Въ томъ, что цѣлыя области античной литературы вызываютъ въ насъ чуждое и расхолаживающее впечатлѣніе, виновна, главнымъ образомъ, риторика.

Философія.

Труды философовъ носили въ большинствѣ случаевъ безыскусственный характеръ научныхъ произведеній; къ тому же многіе изъ ихъ авторовъ были не изъ Аттики. Труды Зенона отражали его негреческое происхожденіе. Хрисиппъ писалъ, пренебрегая формой, а Эпикуръ — просто и „необразованно“, какъ выражались его критики, исключительно преслѣдуя „непонятную“ цѣль яснаго и точнаго выраженія мысли. Одновременно, однако, начинаются попытки распространенія

философскихъ ученій въ широкихъ кругахъ народа. Эпикуръ и его послѣдователи писали свои „Письма“ съ цѣлью, съ которой впослѣдствіи писалъ свои письма апостолъ Павелъ. Въ это же время возникаетъ обычай— неудачное подражаніе Платону и Ксенофонту (Э. К., стр. 545 и 524),— писать разсужденія на разнообразныя связанныя между собою ученыя темы въ формѣ „симпосіевъ“ (бесѣдъ во время пира). Популяризаціи философіи больше всего способствовала кинническая діатриба, безыскусственность и живость которой плѣняла и неученаго читателя (стр. 106).

Рис. 65. АЛЕКСАНДРЪ ВЕЛИКІЙ (деталь такъ назыв. мозаики Александра).
Съ фотографіи Зоммера (ср. стр. 184 сл.).
Техника мозаики не допускала болѣе точной передачи деталей; все существенное трактовано, однако, съ яркимъ реализмомъ: развѣвающіеся волосы, рѣдкія бакенбарды, расширенные глаза.

Историіографія же давно подпала вліянію риторики (Э. К., стр. 527 сл.) и не сумѣла освободиться отъ него. Она достигаетъ въ эту эпоху переворотовъ высокаго расцвѣта. Наше представленіе о ней, однако, остается шаткимъ, ибо до насъ дошло въ оригиналѣ только одно, и то лишь частями сохранившееся, произведеніе Полибія. Правда, утраченные труды историковъ мы знаемъ не только по случайнымъ фрагментамъ, такъ какъ позднѣйшіе историки усердно списывали ихъ. Однако, называя свои источники только въ случаяхъ ихъ разнорѣчивости или Историіографія.

несогласія съ ними автора, эти позднѣйшіе авторы лишь въ рѣдкихъ случаяхъ даютъ современному изслѣдованію возможность съ точностью приписать чужое, заимствованное ими, добро опредѣленному предшественнику заимствующаго писателя.

Современная исторія.

Центръ интереса направленъ, естественнымъ образомъ, на современную исторію. Можно было ожидать, что основаніе всемірной македонской монархіи послужитъ поводомъ къ расцвѣту историографіи, рѣдко имѣвшей передъ собой болѣе благодарный матеріалъ. Отсутствіе этого расцвѣта ярко характеризуетъ умственные интересы эпохи. Никто не желалъ знать фактической эволюціи, хотѣли потрясающаго, трогательнаго и любопытнаго изображенія событій въ стилѣ трагедіи. По-

Александръ.

этому Александръ Вел. не былъ воспѣтъ новымъ Гомеромъ, какъ онъ того желалъ, и не дождался такого историка, какого онъ заслуживалъ. Точный матеріалъ давали тщательно ведомые царскіе дневники, тщательно записывавшіеся указы и инструкціи, а также переписка монарха. Этими данными воспользовались двое участниковъ походовъ Александра, позднѣйшій царь Птолемей I и Аристобулъ, труды которыхъ впослѣдствіи послужили главнымъ источникомъ Арріану. Каллисѳенъ же, племянникъ Аристотеля, которому Александръ самъ поручилъ увѣковѣчить свои дѣла и начинанія, писалъ въ придворномъ стилѣ; его многочисленные послѣдователи разсказывали о дѣятельности и подвигахъ великаго монарха въ преувеличенномъ и фантастическомъ духѣ. Изъ исторіи Александра такимъ образомъ постепенно вырастаетъ романъ объ Александрѣ. Онъ принялъ, въ концѣ концовъ, форму цѣлой „Одиссеи“, героя которой проводили черезъ всѣ чудеса Востока. Этой „Одиссеей“ наслаждались еще во времена всего Средневѣковья.

Гіеронимъ.

Гіеронимъ изъ Кардіи былъ призваннымъ историкомъ борьбы діадоховъ, очевидцемъ которой онъ былъ въ качествѣ полководца и государственнаго дѣятеля. Въ его распоряженіи были македонскій государственный архивъ, мемуары Пирра и другіе цѣнные источники, прежде же всего богатый запасъ личныхъ воспоминаній и наблюденій очевидца, улавливавшихъ истинную суть событій. Онъ пишетъ стилемъ военнаго человѣка, безыскусственно, наглядно и съ возможной правдивостью. Всѣ наши достовѣрныя свѣдѣнія объ этой эпохѣ сводятся къ Гіерониму.

Дуридъ.

Первый, заимствовавшій изъ него, былъ Дуридъ, властитель Самоса, правда, ставившій себѣ въ своей греко-македонской исторіи (отъ 370 до 280 г.) совершенно иную цѣль: писать по возможности интересно и занятно. Въ его изложеніи большую роль играютъ патетическія сцены, анекдоты, любопытныя похожденія, описаніе роскошныхъ торжествъ и туалетовъ, поэтическія цитаты и сентиментальныя размышленія. Характеренъ, однако, интересъ автора къ отдѣльной личности и ея жизни.

Естественному интересу къ вновь открытымъ странамъ шли навстрѣчу труды египетскаго и вавилонскаго жрецовъ, Манеѳона и Беросса, оставшіеся, однако, мало замѣченными. Первый написалъ при Птолемеѣ Филадельфѣ исторію Египта, второй — исторію Вавилона съ древнѣйшихъ временъ. Цѣнность этихъ двухъ писателей, труды которыхъ сохранились только въ фрагментахъ, заключается въ пользованіи ими матеріаломъ туземныхъ актовъ. Къ этому выводу мы пришли съ тѣхъ поръ, какъ чтеніе іероглифовъ и клинообразнаго письма стало достояніемъ науки.

Манеѳонъ и Берессъ.

Историческія произведенія, дававшія исторію всего тогдашняго міра, все опредѣленнѣе характеризуютъ космополитическія идеи времени; узкій націонализмъ эллиновъ казался устарѣлымъ. Историки этого типа идутъ рука-объ-руку съ ходомъ всемірной исторіи, перенося центръ интереса на Западъ, гдѣ взоры всѣхъ приковывалъ Римъ, показавшій свою мощь сначала Таренту, а затѣмъ Сициліи. Съ этой поры начинается романизація эллинизма. Въ большихъ трудахъ Тимэя, Полибія и Посидонія давался обзоръ исторіи Запада отъ легендарной эпохи вплоть до диктатуры Суллы.

Универсальная историографія.

Тимэй (около 345—250) былъ сыномъ основателя Тавроменія (Таормины). Изгнанный за участіе въ партійной борьбѣ изъ своей родины, онъ жилъ въ Аѳинахъ, гдѣ одинъ изъ исократиковъ, къ сожалѣнію, слишкомъ усердно посвятилъ его въ реторику. Здѣсь Тимэй въ теченіе 50 лѣтъ писалъ исторію своей родины. Объемистый трудъ, построенный на солидномъ основаніи, не ограничивался Сициліей, касаясь и окружающихъ странъ, затрагивая въ экскурсахъ всевозможные вопросы. Онъ начинался легендарнымъ временемъ, кончался 264-мъ годомъ; миѳы разсказывались съ любовью и часто очень неудачно толковались.

Тимэй.

Сопоставляя крайне разнорѣчивые отзывы о Тимэѣ, слѣдуетъ различать между собираніемъ и разработкой матеріала. Громадное количество матеріала собрано Тимэемъ съ поразительнымъ трудолюбіемъ; онъ его черпаетъ не только изъ писателей, но собираетъ его и лично во время своихъ путешествій; пользуется онъ и документальными источниками. Усердно стараясь систематизировать эту массу матеріала, онъ не уклонился отъ большого труда сведенія всѣхъ хронологическихъ датъ къ Олимпіадамъ, положивъ, такимъ образомъ, Олимпіады въ основу хронологіи вообще. Изложеніе же его находится подъ внѣшнимъ и внутреннимъ вліяніемъ реторики, цѣнившей эффектъ выше истины. Тимэй съ громадной самоувѣренностью исправляетъ и высмѣиваетъ своихъ предшественниковъ; онъ въ своей ироніи не щадитъ даже Аристотеля. Тѣмъ злостнѣе въ возмездіе за это современники и преемники Тимэя обрушились на него самого. Онъ былъ лишенъ глубокаго знанія людей. Предубѣжденность затемняла его взоръ; каждаго великаго человѣка онъ

подгонялъ подъ заранѣе готовый шаблонъ. Прототипомъ злого тирана для него, конечно, былъ Агаѳоклъ; онъ рѣшался даже приписывать этому властному человѣку трусость. Благороднаго же Тимолеонта онъ окружилъ ореоломъ благодѣтеля народа. Въ дѣйствительной связи событій онъ не отдавалъ себѣ отчета, будучи преисполненъ страннаго суевѣрнаго фатализма. Богиня судьбы (Tyche) возвѣщаетъ свою волю въ предсказаніяхъ, предвѣщаніяхъ и вѣщихъ снахъ; по ея мановенію совпадаютъ столь значительныя событія, какъ основаніе Рима и Карѳагена (!); съ прихотливой закономѣрностью воздаетъ она народамъ и царямъ за ихъ дѣла; не случайность, напр., что аоиняне послѣ святотатства надъ „гермами“ пострадали отъ „Гермократа“. Тимэй чрезвычайно любилъ вставлять длинныя назидательныя рѣчи, совершенно неумѣстныя въ пылу событій и возникавшія лишь въ ученомъ кабинетѣ ретора. Полибію онѣ напоминали ученическія работы на заданныя темы. Несмотря на все это, трудъ Тимэя значителенъ и долгое время оставался главнымъ источникомъ для изученія исторіи Запада.

Рис. 66. ПОЛИБІЙ (?).
Съ фотографіи.
Статуя найдена въ 1880 г. въ сѣверной Аркадіи. Врядъ ли это нашъ историкъ. Когда пелопонесскіе города рѣшили воздвигнуть колонны въ его честь, ему было, по крайней мѣрѣ, 65 лѣтъ. Изображенный воинъ моложе. Интересенъ торжественный жестъ статуи, напоминающій статую Августа изъ Prima Porta.

Полибій.

Жизнь.

Своей славой лучшаго эллинистическаго историка Полибій (около 205—120) до извѣстной степени обязанъ судьбѣ.

Будучи сыномъ ахейскаго стратега Ликорта, онъ родился въ Мегалополѣ и выросъ, принимая живѣйшее участіе въ междоусобіяхъ ахейскаго и этолійскаго союзовъ, о которыхъ мы благодаря его описанію знаемъ больше, чѣмъ о многихъ важнѣйшихъ событіяхъ. Однако, судьба предназначила его для дѣятельности на болѣе широкомъ поприщѣ. Однимъ изъ 1000 заложниковъ, взятыхъ римлянами изъ Греціи въ 167 году, онъ очутился въ Римѣ въ домѣ Эмилія Павла. Будучи воспитателемъ и другомъ Сципіона Младшаго, онъ его часто сопровождалъ въ путешествіяхъ и походахъ, напр., въ Карѳагенъ и Нумантію. Тѣмъ временемъ въ 150 году ему и его соотечественникамъ было разрѣшено возвращеніе на родину; пользуясь опытомъ и связями, онъ отнынѣ является постояннымъ посредникомъ между греками и римлянами, облегчая своей родинѣ сліяніе съ міровой римской монархіей, за что онъ и былъ награжденъ высокими почестями.

Того, чего онъ на практикѣ добивался въ малыхъ рамкахъ, онъ въ большихъ стремился достигнуть своимъ историческимъ трудомъ. Вращаясь въ кругахъ, гдѣ сходились всѣ нити политики, онъ позналъ все величіе римскаго государства, которому онъ въ качествѣ республиканца всецѣло симпатизировалъ. Содержаніе его исторіи.

Онъ сталъ убѣждаться въ призваніи римлянъ къ разрѣшенію задачи созданія мірового государства; исполненный этой идеи, онъ пишетъ свою міровую исторію. Ставя себѣ задачей описать пути, время и цѣли завоеванія міра римлянами, онъ стремится доказать неизбѣжность и даже благотворность подчиненія Риму. Исторія Полибія обнимала періодъ въ 120 лѣтъ, отъ первой попытки перехода римлянъ за границы Италіи до разрушенія Карѳагена и Коринѳа. Первая пуническая война составляетъ вступленіе; со второй начинается подробное изложеніе, дальше проведенное строго хронологически. Кромѣ небольшихъ отступленій, въ строго разсчитанныхъ промежуткахъ вставлено было три длинныхъ экскурса, заполнявшихъ цѣлыя книги: очень цѣнное для насъ описаніе римскаго государственнаго устройства и организаціи римскаго войска, разсужденіе о цѣляхъ и средствахъ исторіографіи и географическій обзоръ. 40-я книга содержала рядъ заключительныхъ выводовъ и нѣчто въ родѣ общаго указателя. Къ сожалѣнію, цѣликомъ до насъ сохранились только первыя 5 книгъ, изъ остальныхъ мы, къ счастью, имѣемъ извлеченія и значительные фрагменты.

Полибій до утомительности часто объясняетъ, какими принципами онъ — въ противоположность своимъ предшественникамъ — руководствуется въ писаніи исторіи. Онъ избѣгаетъ тона „болтовни въ цырюльнѣ“, онъ не превозноситъ съ трагическимъ пафосомъ своихъ героевъ до боговъ, т.-е. онъ заклятый врагъ занятной для читателя реторической исторіи. Полибій видитъ въ призваніи историка нравственно-отвѣтственную обязанность учителя современности и потомства, которыхъ онъ долженъ научить политическому мышленію, съ одной стороны, и стойкому отношенію къ колебаніямъ личнаго счастья при видѣ великихъ историческихъ судебъ, съ другой. Онъ преслѣдуетъ такимъ образомъ не научныя, а чисто-практическія цѣли. Характеристика.

Главная его цѣль—изученіе истины. Ей онъ неутомимо служилъ. Во время своихъ систематическихъ путешествій онъ видѣлъ мѣста историческихъ событій, разспрашивалъ очевидцевъ, списывалъ документальный матеріалъ, многое же пережилъ лично; по старымъ авторамъ онъ изучалъ древнѣйшую исторію, правда, искаженную недостаточнымъ пониманіемъ, партійностью и вводящей въ заблужденіе искусственностью изложенія событій. Непрестанная, рѣзкая, часто ненавистническая и не всегда справедливая критика предшественниковъ (особенно много читаемаго Тимэя) составляетъ непріятную особенность труда Полибія.

Его созданіе поразительно. Группируя по глубоко продуманному плану свой громадный матеріалъ, онъ никогда не теряетъ изъ виду цѣлаго, хотя чисто-хронологическое распредѣленіе нерѣдко нарушаетъ описаніе хода событій и вызываетъ необходимость повтореній. Въ качествѣ военнаго и дипломата онъ дѣловито рисуетъ ясную и наглядную картину походовъ, битвъ и переговоровъ. Какъ добросовѣстный докладчикъ онъ выше всякихъ партій. Будучи грекомъ, онъ сроднился со всѣмъ римскимъ, не переставая быть грекомъ. Его преклоненіе передъ величіемъ Рима не мѣшало ему впослѣдствіи видѣть приближеніе будущаго распада и предостерегать о немъ. Его необъективность къ противникамъ въ описаніи греческихъ междоусобій человѣчна и понятна.

Честное намѣреніе Полибія освѣтить связь событій, т.-е. писать исторію прагматическую, обнаруживаетъ намъ предѣлъ его способностей, сказывающійся, между прочимъ, въ принципіальномъ отклоненіи всего, выходящаго за предѣлы политической исторіи. Добросовѣстно и почти боязливо-педантично выводитъ онъ одно событіе изъ другого; но какъ-разъ всюду разбросанныя назидательныя разсужденія его доказываютъ незнакомство его съ тѣми ирраціональными силами, которыя вращаютъ колесо исторіи, незримо направляя нити ея. Ему чуждо было сознаніе, что личности создаютъ исторію, хотя это убѣжденіе никогда такъ ярко не оправдывалось, какъ войной Ганнибала. Его прагматика очень разумна, но и очень трезва. Съ отсутствіемъ глубины не миритъ и его часто высказываемое основное философское убѣжденіе въ могуществѣ судьбы (въ смыслѣ Провидѣнія стоиковъ), направляющей все въ мірѣ къ опредѣленной цѣли.

Искусство изложенія.

Слабѣйшей стороной Полибія является его изложеніе. Его отрицательное отношеніе къ реторикѣ было разумно и приближаетъ Полибія къ современности, тогда какъ одинъ изъ античныхъ критиковъ стиля просто причисляетъ его къ неудобочитаемымъ писателямъ. Пишетъ онъ, однако, слишкомъ ужъ трезво и невозмутимо однообразно, не различая главнаго отъ второстепеннаго. Желая выдвинуть событіе, онъ не даетъ драматически напряженнаго разсказа, а нагромождаетъ рядъ разсужденій, нисколько не способствующихъ оживленію разсказа; одинаково безполезны и утомительны безпрестанныя обоснованія, почему и зачѣмъ авторъ теперь поступаетъ такъ, а не иначе. Нельзя отъ человѣка требовать всесторонности, но невольно представляешь себѣ, съ какой мощью описалъ бы Ѳукидидъ катастрофы 2-й Пунической войны. То же можно сказать о стилѣ: монотонно, безъ замѣтныхъ позышеній и не производя особаго впечатлѣнія, льются его длинные періоды, не дающіеся ему, впрочемъ, съ легкостью, а тщательно вылощенные. Въ этомъ насъ убѣждаетъ его боязнь зіянія.

Не предъявляя къ Полибію высшихъ требованій, мы, однако, должны признать въ немъ великаго историка и его трудъ безсмертнымъ и безгранично цѣннымъ для насъ. Грекъ, полуплѣнникъ, воспитавшій римлянамъ ихъ благороднѣйшаго полководца, онъ проповѣдывалъ величіе Рима съ такой убѣжденностью, исполненный такого искренняго преклоненія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, объективности, какъ ни одинъ римлянинъ. Позднѣйшее время почти исключительно ему обязано болѣе точными свѣдѣніями о величайшей героической эпохѣ Рима.

Посидоній.

Всѣмъ, чего недоставало Полибію, въ высокой степени обладалъ его продолжатель, знаменитый стоикъ, Посидоній (около 135—51): глубиной философскаго образованія, серьезной религіозностью, поразительными свѣдѣніями во всѣхъ областяхъ человѣческаго знанія, не говоря уже о способности къ энтузіазму и о богатствѣ рѣчи. Намъ еще часто придется говорить о немъ и его вліяніи на интеллектуальную жизнь послѣдующаго времени. Ясно, что подобный человѣкъ, не будучи ни полководцемъ, ни государственнымъ дѣятелемъ, тѣмъ не менѣе былъ способенъ съ болѣе высокой точки зрѣнія понять исторію своего времени и глубже вникнуть во внутреннюю связь событій. Его искусство этнографа обнаруживается въ построенномъ на строгой наблюдательности описаніи кельтскаго народа, изъ котораго многое заимствовано Цезаремъ. Кстати замѣтимъ, что здѣсь впервые упоминаются два важныхъ предмета потребленія современнаго культурнаго міра — мыло (которое галлы употребляли для крашенія волосъ) и пиво. Если бы этотъ трудъ, обнимавшій въ 52 книгахъ исторію до диктатуры Суллы, сохранился, онъ бы, конечно, затмилъ славу Полибія.

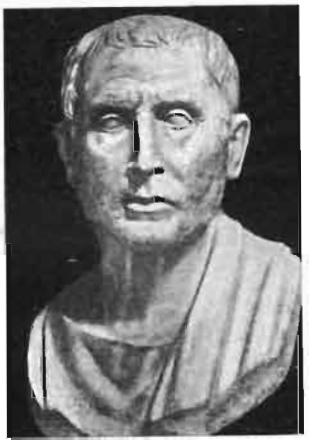

Рис. 66 a. ПОСИДОНІЙ.
Мраморный бюстъ въ Неаполѣ.
Ср. Arndt, «Portraits», Tf. 239.
F. Bruckman, A.-G. München, фотогр.

Хронологія.

Тѣмъ временемъ двѣ области знанія, безъ которыхъ универсальная исторіографія была бы лишена почвы,—хронологія и географія были расширены и углублены однимъ и тѣмъ же великимъ ученымъ, Эратосѳеномъ (около 275—195); онъ создалъ изъ нихъ особыя научныя дисциплины. О географіи будетъ сказано ниже (стр. 156). Въ хронологіи уже Тимэй практически провелъ лѣтосчисленіе по Олимпіадамъ; но лишь Эратосѳенъ принялся за трудную задачу, основываясь на этой же базѣ, привести въ опредѣленную систему спутанныя хронологическія даты по царямъ, архонтамъ, жрецамъ и т. д. Онъ систематизировалъ хронологію съ 1184 года, къ которому относили взятіе Трои, вплоть

до смерти Александра (323). При этомъ Эратосѳенъ принималъ во вниманіе также культурно- и литературно-историческія даты, какъ мы это находили уже въ мраморной хроникѣ Пароса 264 года. Работу Эратосѳена во II столѣтіи продолжалъ аѳинянинъ Аполлодоръ въ его много читавшейся „Хроникѣ“, написанной ямбическимъ триметромъ въ видѣ историческихъ таблицъ. Его попытка установленія датъ рожденія великихъ людей, въ большинствѣ случаевъ неизвѣстныхъ, критики не выдерживаетъ: считая какое-нибудь опредѣленно датированное событіе ихъ дѣятельности періодомъ „расцвѣта“ ихъ жизни, совпадавшаго по пиѳагорейскому ученію съ 40-мъ годомъ человѣка, онъ отсчитывалъ годы до рожденія.

Историческія монографіи.

Пространной области историческихъ монографій мы коснемся лишь кратко. Большое вліяніе и тутъ оказалъ примѣръ Аристотеля (Э. К., стр. 552 сл.). Одинъ изъ его учениковъ, Дикэархъ изъ сицилійской Мессаны, даетъ въ своей „Жизни Греціи“ первый опытъ греческой исторіи культуры. Онъ начиналъ „золотымъ вѣкомъ“, сущность котораго въ противоположность фантазіямъ поэтовъ онъ понималъ вѣрно: Дикэархъ ясно видѣлъ вліяніе древнѣйшей культуры Востока на Грецію, исторію которой онъ доводилъ до своего времени.

Дикэархъ.

Біографіи.

Тотъ же Дикэархъ и Аристоксенъ являются создателями біографіи, въ первое время сосредоточивавшейся на философахъ и другихъ писателяхъ. Къ сожалѣнію, она вскорѣ пошла по нежелательному пути. Біографы были лишены необходимаго критическаго чутья и способности отличать существенное отъ несущественнаго. Они стремились собрать любопытныя легенды, анекдоты и сплетни, принимая на вѣру даже насмѣшки писателей комедіи. Если въ представленіи послѣдующихъ временъ образъ многихъ великихъ людей, — напр., Сапфо, Еврипида— сохранился невѣрнымъ и искаженнымъ, то это ихъ вина. Половина того, что широкими кругами долго считалось исторіей греческой литературы, состоитъ изъ подобныхъ басенъ.

О характерѣ этой эллинистической біографіи мы узнаемъ по недавно найденной въ Оксиринхѣ біографіи Еврипида, написанной перипатетикомъ Сатиромъ, составившимъ въ концѣ III столѣтія собраніе біографій знаменитыхъ государственныхъ дѣятелей, философовъ и поэтовъ. Находка насъ поразила: подобно позднѣйшимъ писателямъ, пытавшимся (Аѳеней) интересной формой сгладить сухость ученаго матеріала, Сатиръ придаетъ своей біографіи форму разговора между нѣсколькими мужчинами и женщиной. Довольно подробное и богатое цитатами изложеніе просто и красиво. Судя по фрагментамъ, въ біографіи описывалась не только жизнь, но и творчество, характеръ и міровоззрѣніе поэта. Нѣтъ недостатка въ анекдотахъ; однако, они сообщаются въ большинствѣ случаевъ съ нѣкоторой оговоркой, тогда какъ позднѣйшіе эксцерпторы передаютъ ихъ уже какъ факты.

Перипатетики издавали и мемуары. Вскорѣ полководцы и государственные дѣятели стали также прибѣгать къ этой удобной формѣ для изображенія своихъ подвиговъ, съ личной точки зрѣнія. Всюду ярко проявляются свобода и высшая оцѣнка индивидуума. Начали издаваться письма, напр., переписка между Александромъ и Аристотелемъ. Такимъ образомъ постепенно развивается новая литературная форма, сохранившая для насъ много цѣннаго матеріала. Правда, въ связи съ этимъ вскорѣ появляется обычай приписывать великимъ людямъ, въ родѣ Платона, Демосѳена или тиранна Фаларида, письма, подлинность которыхъ долго не подвергалась сомнѣнію. Тѣмъ непосредственнѣе и достовѣрнѣе отражается повседневная жизнь этихъ столѣтій въ безчисленномъ множествѣ оффиціальныхъ и частныхъ писемъ, найденныхъ въ Египтѣ и написанныхъ на папирусѣ (ср. стр. 70, 73, 80). Въ нихъ вырабатывается совершенно опредѣленный стиль, постепенное развитіе котораго становится намъ все болѣе и болѣе извѣстнымъ. Мемуары. Письма.

То же относится къ рѣшеніямъ народныхъ собраній, договорамъ, почетнымъ надписямъ и другимъ актамъ, почти ежедневно находимымъ на камнѣ и папирусѣ (ср. стр. 71 сл.). Мы встрѣчаемъ въ нихъ опредѣленныя формы канцелярскаго языка, который сначала характеризуется аттической краткостью и дѣловитостью, впослѣдствіи же становится многословнымъ и высокопарнымъ. Кратеръ (около 321—265) напалъ на удачную мысль издать собраніе народныхъ рѣшеній изъ аттическаго государственнаго архива, снабдившее историковъ вмѣсто обычнаго матеріала анекдотовъ документальными данными. Болѣе широкой цѣлью задался въ началѣ II столѣтія ученый „періегетъ“ Полемонъ изъ Иліона. Неутомимо путешествовалъ онъ по греческимъ странамъ, изучая исторически достопамятныя мѣстности, описывая собранныя въ разныхъ мѣстахъ произведенія искусства и списывая надписи на нихъ. Его многочисленные труды послужили образцомъ и источникомъ всѣхъ позднѣйшихъ путеводителей. Акты. Кратеръ. Полемонъ.

Понятно, что въ эту эпоху повышенной любознательности развивается болѣе узкое, но болѣе доступное по цѣли, мѣстное изслѣдованіе отдѣльныхъ странъ. Оно отличается мелочностью, сплетнями и недопустимыми преувеличеніями; но Аристотель и его въ своихъ Политіяхъ (Э. К., стр. 552) поставилъ на научную базу. Центръ интереса, разумѣется, привлекала Аттика, исторію которой по примѣру Гелланика (Э. К., стр. 229), изслѣдовалъ цѣлый рядъ аттидографовъ. Лучшимъ трудомъ была Аттида прорицателя Филохора, въ которой онъ изложилъ исторію родного города съ древнѣйшихъ временъ до 261 г. Это была безыскусственно написанная хроника, перечислявшая годъ за годомъ событія, становясь, конечно, съ приближеніемъ къ новому времени все подробнѣе. Подобнаго же рода труды были написаны о Мѣстная исторія. Аттидографы.

Спартѣ и другихъ городахъ и странахъ; рядомъ съ ними существовало безчисленное множество отдѣльныхъ монографій объ основаніи городовъ, о мѣстныхъ легендахъ, о жертвоприношеніяхъ, агонахъ, нравахъ, государственныхъ организаціяхъ и топографическихъ вопросахъ. Въ стремленіи къ научному объясненію всѣхъ своеобразныхъ обычаевъ, именъ и т. п. сказывалось направленіе времени (стр. 119), любившаго относить ихъ возникновеніе къ легендарной эпохѣ.

Мины о богахъ. Новое просвѣщенное время не могло не выяснить своего отношенія какъ къ этой легендарной эпохѣ, такъ и къ богамъ и миѳамъ. Полное ихъ отрицаніе не согласовалось съ сознаніемъ античнаго человѣка, которому проводимая нами рѣзкая грань между легендой и исторіей настолько же была чужда, насколько давно было забыто дѣйствительное значеніе древнихъ миѳовъ. Поэтому, желая спасти еще не погибшее, ихъ раціонализировали или толковали аллегорически. Попытку перваго рода толкованія сдѣлалъ уже Гекатей (Э. К., стр. 229), во второмъ съ бо̀льшимъ остроуміемъ, чѣмъ было бы желательно, изощрялись стоики и другіе философы (ср. стр. 92).

Евгемеръ. Опредѣленнѣе всѣхъ поступаетъ Евгемеръ (послѣ 290): въ своемъ „Священномъ Писаніи“ онъ объявляетъ Урана, Кроноса, Зевса и весь родъ боговъ обыкновенными могущественными смертными и царями, обожествленными за ихъ подвиги. Онъ увѣрялъ, что своими глазами видѣлъ на золотой колоннѣ у островитянъ панхейцевъ къ югу отъ счастливой Аравіи историческій разсказъ объ этомъ самихъ Зевса и Гермеса. Помѣщеніе своего фантастическаго вымысла въ такую документальную обстановку не только ввело въ заблужденіе наивные умы, но нашло и подражателей. На ряду съ этимъ онъ наградилъ своихъ панхейцевъ идеальнымъ государственнымъ устройствомъ собственнаго изобрѣтенія. Этимъ произведеніе Евгемера примкнуло къ тенденціознымъ романамъ-утопіямъ, входившимъ тогда въ моду и вызваннымъ къ жизни крупными географическими открытіями. Въ подобной же формѣ незадолго до Гекатей. Евгемера абдеритъ Гекатей представилъ передъ своими современниками какъ идеалъ нравственности легендарный народъ блаженныхъ гиперборейцевъ. Его, къ сожалѣнію, очень распространенная исторія Египта была своеобразнымъ смѣшеніемъ вымысла и истины, египетскаго и греческаго элементовъ; онъ высоко превозносилъ страну фараоновъ за ея форму правленія, мудрые законы и произвольно истолкованную авторомъ религію. Мы видимъ, какъ при сближеніи съ эллинами варвары все сильнѣе имъ импонируютъ; какъ эллины въ то же время постепенно утрачиваютъ вѣру въ свое богоподобное совершенство.

Аполлодоръ. Среди миѳологическихъ трактатовъ и книгъ о чудесахъ, написанныхъ для развлеченія читателей, выдѣлился рѣзко трудъ хронографа Аполлодора аѳинскаго (II в., см. стр. 143) „О богахъ“. Это была

первая и единственная въ древности широко-задуманная попытка исторіи греческой религіи. Получивъ философское и филологическое образованіе подъ руководствомъ двухъ учителей, стоика Діогена и толкователя Гомера Аристарха, Аполлодоръ не ограничился собираніемъ безчисленнаго множества версій преданія, именъ, жертвоприношеній и празднествъ, но задался цѣлью систематизировать этотъ хаосъ и понять сущность и эволюцію отдѣльныхъ божествъ. Несмотря на рискованныя этимологіи и аллегорическія толкованія, Аполлодоръ далеко опередилъ въ этой области своихъ современниковъ, что объясняется не только его ученостью и остроуміемъ, но и глубокой религіозностью, снова пробуждавшейся въ то время въ сердцахъ многихъ (стр. 92).

Легкая литература.

О развлеченіи читающей публики заботились очень усердно, хотя и въ необычной для насъ формѣ. Многія изъ вышеназванныхъ произведеній, не только тенденціозные романы съ описаніемъ путешествій, но и серьезные историческіе труды и біографіи были написаны съ этой цѣлью. Почти во всѣхъ этихъ произведеніяхъ мы находимъ смѣшеніе правды и вымысла; цѣлью ихъ было не только просвѣтить, но и доставить наслажденіе. Это-то и дѣлаетъ ихъ странными въ нашихъ глазахъ; но только съ этой точки зрѣнія мы въ правѣ подходить къ нимъ, отнюдь не считаясь съ ними какъ съ чисто-научными произведеніями. Въ повѣствовательной литературѣ продолжала господствовать поэзія; лишь постепенно рядомъ съ нею укореняется проза. Мы многократно указывали, какъ героическій эпосъ изъ поколѣнія въ поколѣніе приспособлялся къ міровоззрѣнію эпохи, не утрачивая своего обаянія; со II стол. появляются и прозаическіе пересказы эпоса, обработанные въ формѣ романа, не считавшагося съ древней традиціей. Мѣстныя легенды, всюду собираемыя поэтами, были, по большей части, чистыми новеллами того же характера, какъ тѣ, которыя мы находимъ уже у Геродота. Эти новеллы, то трогательныя, то фантастичныя, то фривольныя, усердно собирались и пользовались широкой популярностью (напр., двусмысленные „Милетскіе разсказы“). Многія изъ нихъ очень древни и крайне живучи. Большинство зародилось на богатомъ фантазіей Востокѣ, сплетаясь часто съ извѣстными именами и снова оживая въ болѣе позднее время въ памяти народа то тутъ, то тамъ. Многія изъ нихъ и намъ знакомы, напр., новелла о невѣстѣ изъ Коринѳа, объ эфесской матронѣ, о больномъ царевичѣ, въ недугѣ котораго опытный лѣкарь (Эрасистратъ, ср. стр. 158) узнаетъ любовь къ мачехѣ. Кромѣ того, возникаютъ сборники анекдотовъ и шутокъ, книги о „чудесахъ“, въ которыхъ собирались таинственные случаи и сверхъестественныя явленія изъ жизни природы и людей. Многія изъ этихъ темъ вносились въ діатрибы (стр. 107), читавшіяся и философски, и нефилософски настроенными людьми съ тѣмъ наслажденіемъ, съ кото-

рымъ мы читаемъ остроумный фельетонъ. До насъ сохранились почти исключительно произведенія римской эпохи; образцы же ихъ относятся къ эпохѣ эллинистической.

8. НАУКА

Общій обзоръ.

Ни въ одной области творческая сила III столѣтія не проявилась такъ ярко и активно, какъ въ развитіи наукъ, хотя многія изъ нихъ и раньше уже стояли на значительной высотѣ. Онѣ возникли, порожденныя философски-пытливымъ умомъ іонійцевъ (Э. К., стр. 224 сл.), и никогда не утрачивали связи съ философіей (пережитокъ этого пониманія—теперь ужъ забытаго—мы видимъ въ нашемъ объединеніи разныхъ областей науки въ „философскій“ факультетъ). Аристотель (384—322) своимъ универсальнымъ умомъ обнималъ всѣ области науки; въ качествѣ перваго великаго организатора научной работы онъ, тѣмъ не менѣе, направилъ своихъ учениковъ на опредѣленныя задачи; ограниченная область и спеціальный характеръ этихъ задачъ постепенно опредѣляли границы между отдѣльными научными дисциплинами и философіей. Эта специализированная научная работа, осуществляемая перипатетиками, прочно централизовалась въ Александріи, разумно поощряемая Птолемеями. Здѣсь въ водоворотѣ смѣшенія народностей и торговой жизни она нашла себѣ болѣе благопріятную почву, чѣмъ даже въ свое время въ Милетѣ. Такъ создалось выдѣленіе отдѣльныхъ спеціальныхъ наукъ и ихъ все развивавшееся углубленіе, существующія и понынѣ. Въ этомъ смыслѣ можно съ полнымъ основаніемъ говорить объ „александрійской эпохѣ“.

Рис. 67. ПТОЛЕМЕЙ СОТЕРЪ. По Imhoof-Blumer, «Portätköpfe auf ant. Münz.», Tf. 1.

Главные результаты въ этомъ направленіи были достигнуты въ третьемъ столѣтіи; во второмъ смѣлость поступательнаго движенія начинаетъ падать, одновременно съ охлажденіемъ къ наукѣ монарховъ и паденіемъ интереса широкихъ массъ; эпигоны живутъ уже только великимъ прошлымъ, а черезъ ихъ посредство до насъ долетаютъ лишь слабые отголоски его. Исключительно посредниками являются даже такія величины, какъ Птолемей и Галенъ, считавшіеся когда-то свѣтилами мудрости: ихъ заслуга состоитъ только въ томъ, что они сообщаютъ намъ безконечно много цѣннаго изъ трудовъ своихъ предшественниковъ; послѣдніе же, благодаря рьяному усердію этихъ эксцерпторовъ, оказались забытыми. Этимъ объясняется гибель почти всѣхъ оригинальныхъ научныхъ трудовъ — за исключеніемъ математики; поэтому у насъ такъ мало и достовѣрныхъ свѣдѣній о нихъ, относя-

щихся къ эпохѣ расцвѣта эллинизма; напр., всѣ наши свѣдѣнія объ александрійскомъ музеѣ основываются на немногочисленныхъ намекахъ современниковъ и на позднѣйшихъ замѣткахъ. Съ увѣренностью мы можемъ сказать только одно: почти всѣ научные труды, по примѣру Аристотеля, написаны простымъ, дѣловитымъ стилемъ, благопріятно отличающимся отъ напыщеннаго слога реторики.

Къ сожалѣнію, мы принуждены ограничиться общимъ обзоромъ, общимъ освѣщеніемъ, отдѣльными примѣрами; однако, и ихъ достаточно для доказательства многимъ неизвѣстнаго факта, что основы современныхъ точныхъ научныхъ дисциплинъ заложены были въ эллинистическое время. Правда, рентгеновскіе лучи и безпроволочный телеграфъ были ему еще неизвѣстны; но все, чего можно было достигнуть при помощи ограниченныхъ средствъ, находившихся въ распоряженіи тогдашнихъ ученыхъ, было достигнуто. Возникали и рѣшались животрепещущія проблемы; многія открытія и изобрѣтенія новаго времени были сдѣланы уже тогда—и забыты.

Филологія.

1. **Филологія.** Вѣрное чутье подсказывало Птолемею Сотеру (323—285) и Птолемею Филадельфу (285—247), что ревниво охраняемая древняя премудрость египетскаго жречества и ихъ враждебность ко всему чужеземному могли быть побѣждены исключительно широкимъ распространеніемъ и углубленіемъ эллинской цивилизаціи. Время этому благопріятствовало; въ рукахъ у эллиновъ имѣлось могучее оружіе—законченная литература, признанная классической. Средства для добыванія драгоцѣнныхъ манускриптовъ со всѣхъ концовъ міра изобиловали — прибѣгали къ золоту, къ милости, не гнушались и хитростью. Этимъ путемъ возникли двѣ знаменитыя александрійскія библіотеки, въ Брухейонѣ и Серапейонѣ. По истеченіи немногихъ десятилѣтій число свитковъ первой достигало 500 000, послѣдней же около 43 000 (ср. стр. 182). Классификація и использованіе этихъ сокровищъ представляли громадную задачу; однако, ученые библіотекари образцово справлялись съ нею. Уже Каллимахъ (ср. стр. 121) составилъ основной каталогъ, обнимавшій 120 (!) томовъ и озаглавленный „Списки выдающихся людей во всѣхъ областяхъ знанія и ихъ трудовъ“. Съ обширной библіотекой въ царскомъ дворцѣ былъ связанъ Музей, научное общество, организованное по образцу корпорацій аоинскихъ философовъ на основѣ совмѣстной жизни и общаго культа. Содержался музей, какъ и другія учрежденія, на средства Птолемеевъ. Нетрудно во всемъ этомъ узнать вліяніе совѣтчика египетскихъ царей—Деметрія Фалерскаго (стр. 4).

Главные представители.

Интенсивность умственной жизни этого кружка, поощряемаго царской милостью и растущимъ участіемъ интеллигентныхъ круговъ общества, была необычайная. Насъ глубоко поражаютъ люди въ родѣ Каллимаха (310—240) и Эратосѳена (около

275—195), прокладывающіе пути своими трудами въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ знанія. Рядомъ съ неутомимой библіотечной и кабинетной работой, они принимали участіе въ литературной полемикѣ, обучали учениковъ, находя, кромѣ всего, время и настроеніе для поэтическаго творчества. Часы досуга проводились въ веселомъ общеніи и оживленной бесѣдѣ съ остроумными людьми, знавшими рѣшительно все; на этихъ собраніяхъ въ изощреніяхъ остроумія и шуткахъ за дессертомъ, вѣроятно, возникли многіе изъ тѣхъ, скорѣе задорныхъ, чѣмъ любознательныхъ вопросовъ, надъ которыми съ тщетной серьезностью изощрялись позднѣйшіе ученые. Впослѣдствіи прогрессирующая спеціализація научныхъ дисциплинъ овладѣла всѣми силами ученаго. Такими спеціалистами были: „величайшій изъ филологовъ“ древняго міра, Аристофанъ византійскій (около 262—185), и его ученикъ, знаменитый критикъ текста, Аристархъ изъ Самоѳраки (около 220—145).

Задачи.

Филологія возникаетъ въ александрійской библіотекѣ. Правда, уже съ VI столѣтія детально занимались поэтами, особенно Гомеромъ. Ближайшимъ къ этому побужденіемъ было ихъ значеніе для школы; однако, и зрѣлые люди любили цитировать поэтовъ въ серьезной и остроумной бесѣдѣ. Мы видимъ примѣры у Аристофана; въ своемъ Протагорѣ Платонъ передаетъ намъ забавный образецъ софистическаго толкованія поэта — каковымъ оно не должно быть. Основаніе литературно-историческому изслѣдованію было положено Аристотелемъ; однако, лишь работа библіотекарей породила систематически-филологическое изслѣдованіе, какъ самоцѣль.

Въ большихъ библіотекахъ ученые впервые познакомились съ цѣлымъ рядомъ разнорѣчивыхъ рукописей классическихъ произведеній эпоса и другими; рукописи эти требовали сличенія и ученой оцѣнки. При ближайшемъ изученіи многія произведенія, приписывавшіяся знаменитымъ авторамъ, оказывались не принадлежащими ихъ перу. Въ самомъ текстѣ обнаруживались цѣлые ряды стиховъ, „недостойныхъ поэта“, и слѣдовательно, представлявшихъ позднѣйшія интерполяціи; такими стихами искажали, напримѣръ, артисты экземпляры трагедій, предназначенные для театра. Множество отдѣльныхъ мѣстъ текста перестали быть понятными, то въ результатѣ искаженія смысла переписчикомъ, то благодаря затемненію мысли забытыми или діалектическими оборотами рѣчи (въ такъ назыв. глоссахъ), то, наконецъ, благодаря намекамъ на древніе миѳы, событія, опредѣленныя личности (напр., въ комедіи); все это требовало комментарія знатока.

Результаты.

Александрійскіе филологи энергично принялись за эти новыя задачи и преодолѣли ихъ съ поразительной быстротой, въ чемъ ихъ великая заслуга. Если перваго библіотекаря Зенодота (ум. около 260) еще приходится упрекать въ часто насильственномъ и произвольномъ отношеніи къ тексту, то уже Аристофанъ византійскій вдумчиво и осторожно опредѣляетъ руководящіе принципы критики текста, а его отличающійся остроуміемъ и осторожностью ученикъ Аристархъ впервые проповѣдуетъ необходимость толкованія поэта путемъ проникновенія въ смыслъ словъ и наблюденія надъ особенностями стиля его вмѣсто простого выбрасыванія непонятныхъ мѣстъ текста.

Всѣ эти изысканія опубликовывались въ изданіяхъ, прекрасные образцы которыхъ были созданы Аристофаномъ. За краткимъ введеніемъ и указателемъ содержанія слѣдовалъ текстъ, снабженный критическими знаками (ср. таблицу), но лишенный еще примѣчаній. Объясненія къ тексту давались въ комментаріяхъ и безчисленныхъ толкованіяхъ, распространяющихся о самыхъ разнообразныхъ вопросахъ съ многосторонней ученостью. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ сорока учениковъ Аристарха, Аполлодоръ (стр. 146), написалъ двѣнадцатитомный комментарій къ гомеровскому каталогу кораблей, послужившій главнымъ источникомъ географіи Страбона. Издавались и лексиконы, въ противоположность нашимъ словарямъ, никогда не обнимавшіе всего за-

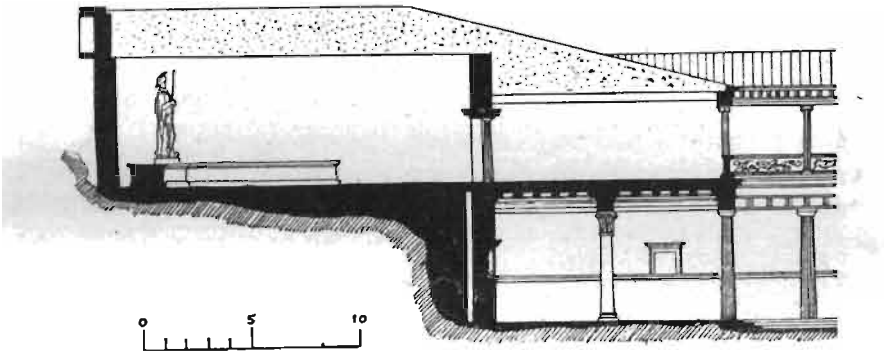

Рис. 68. БИБЛІОТЕКА И МУЗЕЙ ИСКУССТВЪ ВЪ ПЕРГАМѢ.

Ср. Springer-Michaelis, рис. 662 (реконструкція P. Бона). Ихъ, къ сожалѣнію, очень скудныя развалины расположены по сосѣдству съ царскимъ дворцомъ. Пергаменты сохранялись въ четырехъ, не особенно большихъ, помѣщеніяхъ, на полкахъ, прикрѣпленныхъ желѣзными скрѣпами къ стѣнѣ. Въ главномъ отдѣленіи возвышалась мраморная Паллада, покровительница наукъ; кромѣ того, эту и остальныя залы украшали многочисленныя статуи поэтовъ и писателей. Въ свѣтлой, тѣнистой галереѣ передъ входомъ въ залы была устроена читальня. Въ библіотекѣ хранилось временами до 200000 томовъ; только Александрійская библіотека была богаче. Ср. стр. 194.

паса словъ опредѣленнаго языка, по ограничивавшіеся замѣчательными выраженіями. Большая часть слѣдовъ этой многосторонней ученой работы собрана теперь кропотливымъ трудомъ изъ схолій, которыми впослѣдствіи снабжались самые тексты. Самыя содержательныя изъ нихъ—схоліи къ Гомеру; ибо Гомеръ, „поэтъ“ по-преимуществу, положилъ начало детальной филологической критикѣ текста, къ нему же она постоянно возвращалась вновь (ср. таблицу).

Новѣйшая филологія.

Съ тѣхъ поръ еще въ теченіе 1½ тысячелѣтія античные авторы искажались и расширялись списываніемъ текстовъ, разрушались или исправлялись конъектурами ученыхъ и гибли отъ невзгодъ времени, пока книгопечатаніе не положило предѣлъ разрушенію распространеніемъ многочисленныхъ совершенно одинаковыхъ экземпляровъ. Поэтому передъ филологіей, снова возродившейся въ Италіи въ эпоху Ренессанса, возникли несравненно болѣе сложныя задачи, чѣмъ тѣ, которыя были разрѣшены александрійскими учеными. Только постепенно филологія достигаетъ прежней высоты, превзойдя ее методичностью критики и тщательностью экзегезы лишь въ новое время.

Да вникнетъ **любитель**, читающій въ наше время древняго писателя, сколько самоотверженнаго труда было положено для созданія удобочитаемаго текста съ краткими цѣлесообразными примѣчаніями. Пусть онъ справедливѣе оцѣнитъ часто осмѣиваемую „филологическую мелочность и педантичность", отдавъ себѣ отчетъ въ томъ, что эти тексты составляютъ главную основу нашихъ историческихъ познаній объ античномъ мірѣ, часто существенно зависимыхъ отъ чтенія и интерпретаціи отдѣльнаго предложенія, даже отдѣльнаго слова.

Пергамъ. И другіе столичные города стремились не уступать въ славѣ Птолемеевскому двору. По образцу Александріи Селевкиды основали въ концѣ III столѣтія библіотеку въ Антіохіи, а Атталиды въ **Пергамѣ**: при обоихъ дворахъ состояли и кадры ученыхъ. Пергамская скульптура и архитектура (стр. 193 сл.), возбуждающія наше восхищеніе, свидѣтельствуютъ о высокой степени культурнаго расцвѣта, въ которомъ наука сыграла, вѣроятно, не послѣднюю роль; ея памятники, однако, не появились изъ нѣдръ земли; мы о нихъ узнаемъ большей частью лишь по не всегда безпристрастнымъ отзывамъ александрійцевъ. Призрачная память о ней сохранилась въ названіи пергамента, который научились изготовлять здѣсь взамѣнъ папируса. Подъ вліяніемъ Стои пергамская школа филологовъ отдавала предпочтеніе интерпретаціи по существу, антикварному изслѣдованію и грамматикѣ передъ односторонней критикой текста. При этомъ она увлекалась аллегорическимъ толкованіемъ поэтовъ, сначала строго отвергавшимся александрійской школой. Разногласіе этихъ двухъ направленій, имѣвшихъ равныя права на существованіе, выразилось въ оживленной полемикѣ двухъ главныхъ представителей школъ—Аристарха и Кратета изъ Малла. Подъ вліяніемъ пергамцевъ, особенно же Кратета, возникаетъ, какъ увидимъ ниже, и латинская филологія. Объясняется это постоянными близкими отношеніями между Римомъ и Пергамомъ.

Дидимъ. Посредникомъ между александрійской филологіей и Римомъ является **Дидимъ** (около 65 г. до Р. Хр. — 10 послѣ Р. Хр.). Этотъ человѣкъ съ мѣдными внутренностями (Chalkenteros), „Bibliolathas", потерявшій счетъ своимъ собственнымъ книгамъ, которыхъ онъ написалъ 3500, подобенъ громадной ученой сокровищницѣ. Недавно найденные фрагменты его комментарія къ Демосѳену, однако, доказываютъ, что и онъ придавалъ большое значеніе интерпретаціи.

Грамматика. Въ тѣ времена и еще долго спустя филологовъ величали „грамматиками"; настоящая же **грамматика** обязана своимъ происхожденіемъ не филологамъ, а философамъ. Чтобы овладѣть средствами рѣчи и изощрить ихъ, софисты задумывались надъ звуками и группами словъ, надъ значеніемъ ихъ и синонимикой, даже надъ построеніемъ предложенія. Но за систематическую работу принялись только стоики, прежде всего Хрисиппъ (около 240), опредѣленно систематизировавшій и снабдившій названіями отдѣльныя части рѣчи, падежи, времена глагола и

ВЕНЕЦІАНСКАЯ РУКОПИСЬ А ИЛІАДЫ.

Таблица даетъ представленіе о способѣ работы александрійскихъ филологовъ и о рукописномъ преданіи античныхъ текстовъ. Въ такихъ постоянно изъ столѣтія въ столѣтіе вновь переписываемыхъ пергаментныхъ рукописяхъ сохранились греческіе и римскіе писатели, извѣстные въ наше время; большинство переписчиковъ, однако, довольствовалось списываніемъ одного только текста. Только въ послѣдніе десятилѣтія число вновь открытыхъ папирусныхъ рукописей, представленіе о которыхъ даетъ Э. К. рис. 340 („Персы" Тимоѳея), значительно увеличилось. Сколько новаго принесли намъ эти рукописи, объ этомъ мы говорили уже не разъ; текстъ уже раньше извѣстныхъ намъ писателей въ этихъ рукописяхъ первыхъ вѣковъ до и послѣ Р. Хр. далеко не всегда, однако, лучше, чѣмъ въ гораздо болѣе позднихъ пергаментныхъ рукописяхъ. Все дѣло заключается въ томъ, былъ ли текстъ методически обработанъ уже въ древности или нѣтъ.

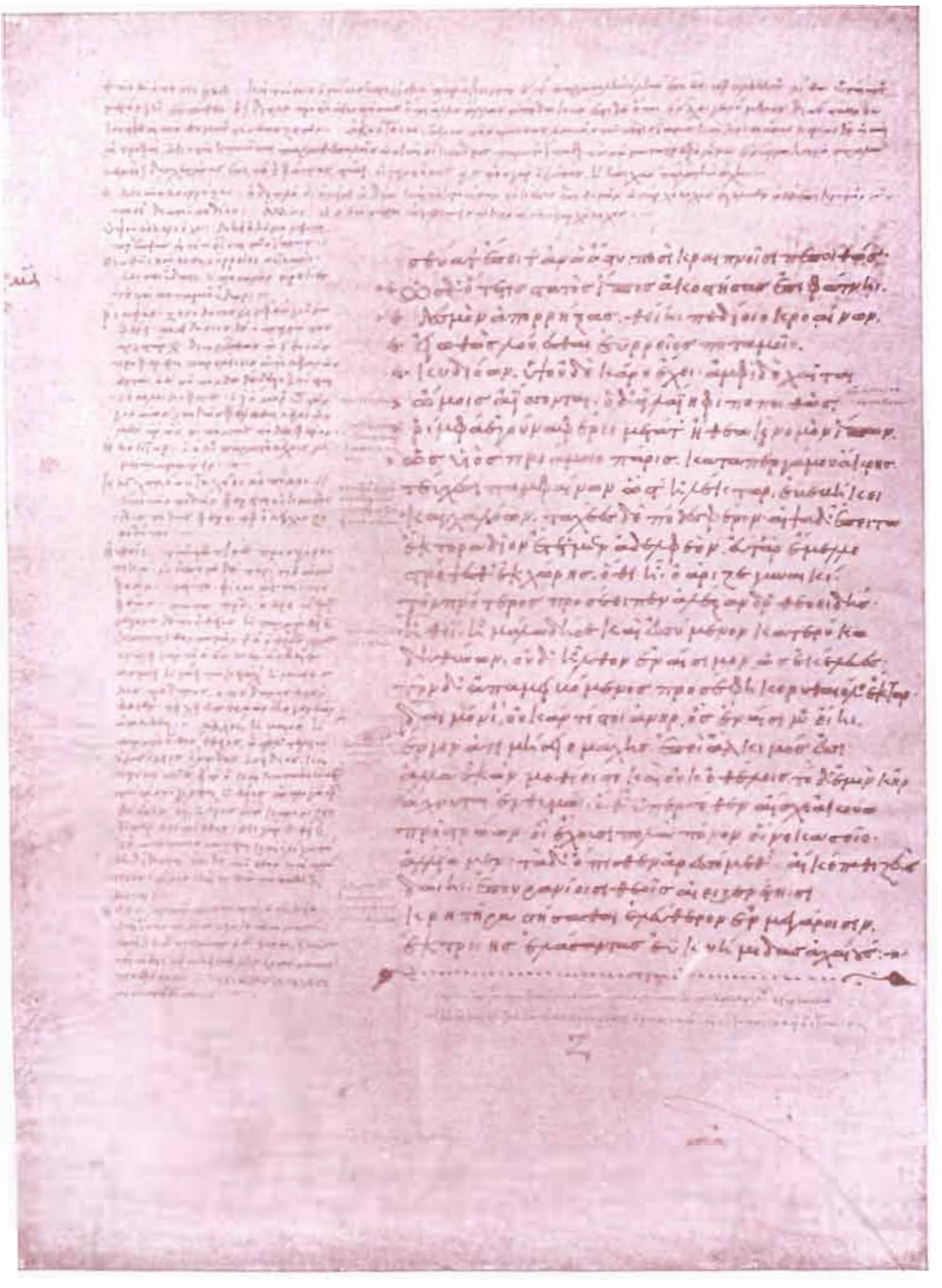
Немногія рукописи даютъ намъ такое ясное представленіе о слѣдахъ, которые оставила въ рукописяхъ дѣятельность античныхъ филологовъ, какъ знаменитая рукопись Гомера библіотеки св. Марка въ Венеціи. Это—видная, тщательно написанная пергаментная рукопись 11—12 в. величиной 39 × 28, содержащая Иліаду и, какъ введеніе къ ней, важныя выдержки изъ хрестоматіи Прокла. Здѣсь изображенная страница содержитъ окончаніе 6 книги (Z). Критическіе знаки, замѣнявшіе для знающаго читателя до извѣстной степени критическій комментарій, взяты изъ изданія Аристарха. Они обозначаютъ:

— обелъ (на данномъ листѣ не имѣется) неподлинность стиха;

> дипле: Аристархъ сдѣлалъ къ этому стиху важное примѣчаніе;

※ астерискъ: стихъ встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ.

Сходіи, заполняющія широкія поля, а также покрывающія иногда пространство между текстомъ и схоліями, равно какъ и внутреннія поля, содержатъ объясненія разнообразнаго характера. Ихъ особое значеніе заключается въ томъ, что приписи, повторяющіяся въ концѣ отдѣльныхъ книгъ (на таблицѣ подъ послѣднимъ стихомъ) называютъ тѣ важные источники, на основаніи которыхъ составлены схоліи: „въ основѣ лежатъ произведенія Аристоника о критическихъ знакахъ Аристарха, Дидима о рецензіи текста Аристарха, Никанора объ интерпункціи Иліады и Геродіана о просодіи Иліады".

т. д. Они являются, такимъ образомъ, создателями грамматической терминологіи, ставшей въ латинскомъ переводѣ достояніемъ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. Филологи, лишь постепенно перешедшіе отъ работы надъ текстомъ къ изученію языка какъ такового, приняли эту искусственную терминологію; около 120 г. одинъ изъ учениковъ Аристарха, Діонисій ѳракіецъ, написалъ первую греческую грамматику. Эта незначительная школьная книжечка, сохранившаяся и до насъ, имѣла неожиданный успѣхъ: черезъ посредство римлянъ она легла въ основу грамматикъ всѣхъ языковъ культурнаго міра. Правда, древнимъ грамматикамъ были чужды понятія о разницѣ буквы и звука, о научной исторіи языка, не говоря уже о сравнительной грамматикѣ. Этимъ объясняется вся несостоятельность и произвольность ихъ этимологическихъ толкованій, съ растущимъ усердіемъ писавшихся, главнымъ образомъ, со времени Хрисиппа. Мы съ улыбкой читаемъ эти то остроумныя, то нелѣпыя словообразованія.

Великій вопросъ объ отношеніи словъ къ вещамъ, т.-е. о происхожденіи языка, уже раньше занималъ ученыхъ. Но даже Платонъ въ его остроумныхъ разсужденіяхъ въ „Кратилѣ“ не приходитъ къ опредѣленному выводу въ вопросѣ о томъ, созданы ли слова „природой“, или „закономъ“ соединены съ вещами. Хрисиппъ въ вопросѣ о возникновеніи словъ держался перваго принципа, въ вопросѣ о ихъ развитіи— второго. Это дало поводъ къ знаменитому спору между Аристархомъ и Кратетомъ на тему о томъ, подчиняется ли строй нашей рѣчи строгимъ законамъ единообразія или нѣтъ, и съ тѣхъ поръ слова „аналогія“ и „аномалія“ стали знаменемъ двухъ лагерей грамматиковъ.

2. **Математика** живетъ въ сферѣ чистаго мышленія; поэтому зарожденіе ея въ философіи и, въ свою очередь, вліяніе ея на философію (Платонъ) особенно ясны. Эту науку создали въ шестомъ столѣтіи пиѳагорейцы (Э. К., стр. 227). Они установили существенныя понятія, тезисы и доказательства геометріи и создали ученіе о пропорціяхъ, подробно развитое впослѣдствіи современникомъ Платона Евдоксомъ (которому мы, между прочимъ, обязаны аналитическимъ методомъ доказательства). Онъ же двинулъ впередъ стереометрію и овладѣлъ сложнымъ ученіемъ объ ирраціональныхъ числахъ, занимавшимъ уже пиѳагорейцевъ. Интересны разностороннія попытки рѣшенія проблемъ о коническихъ сѣченіяхъ, объ удвоеніи куба, о квадратурѣ круга, и несостоятельность тогдашней науки передъ неразрѣшимымъ понятіемъ безпредѣльности. Многое и великое уже было достигнуто; въ эпоху же александрійцевъ двое ученыхъ совершенно разнаго наклона ума довели математику до степени совершенства, превзойденнаго лишь новымъ временемъ. Въ Германіи не отдаютъ себѣ въ этомъ фактѣ должнаго отчета, несмотря на теорему Пиѳагора, уравненія Діофанта, спираль

Математика.

Архимеда и т. п.; въ Англіи же элементы Евклида все еще продолжаютъ служить учебникомъ въ школахъ—что было бы совершенно недопустимо въ иной области.

Евклидъ. Дѣятельность Евклида въ Александріи относится ко времени Птолемея Сотера (323—285). На вопросъ послѣдняго, не существуетъ ли болѣе удобнаго метода проникновенія въ его науку, Евклидъ смѣло отвѣтилъ: „Въ геометрію не ведетъ Царская улица“ (существовавшая въ Александріи). Въ своихъ „Элементахъ“ Евклидъ образцовымъ способомъ суммируетъ результаты, достигнутые до той поры наукой. Исходя изъ неопровержимыхъ постулатовъ и аксіомъ, предпосылая каждой изъ 13 книгъ опредѣленія, онъ съ прямолинейной логичностью, въ краткихъ тезисахъ и доказательствахъ, строитъ почти безупречную систему геометріи и стереометріи, принятую и понынѣ. Алгебру и теорію чиселъ (вплоть до III столѣтія послѣ Р. Хр.) трактовали только въ связи съ геометріей и въ ея формахъ.

Архимедъ. Рядомъ съ Евклидомъ стоитъ геніальный изобрѣтатель и мыслитель Архимедъ (287—212), родомъ изъ Сиракузъ, гдѣ онъ прожилъ всю жизнь, посвятивъ ее исключительно научнымъ занятіямъ, почему онъ и пишетъ на дорическомъ діалектѣ. Въ годы ученія онъ завязалъ сношенія съ александрійцами. Его методологія механическихъ теоремъ, которую онъ послалъ Эратосоену, желая показать ему путь, по которому онъ шелъ къ своимъ выводамъ, лишь недавно стала достояніемъ науки. Онъ погибъ при взятіи его родного города римлянами, нападенія которыхъ столько времени отражались изобрѣтенными имъ грандіозными военными машинами. Нерѣдко, вѣроятно, произносилъ онъ въ своей жизни ставшее пословицей „Heureka!“; за время своей жизни онъ не только „нашелъ“ и практически примѣнилъ основные законы механики, но безспорно былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, величайшимъ математикомъ античнаго міра, двинувшимъ науку по совершенно новымъ путямъ. Главной его заслугой было открытіе принциповъ анализа безконечно малыхъ величинъ.

Поразительны его заслуги въ разработкѣ теоріи „движенія данной тяжести подъ вліяніемъ данной силы“, въ сознаніи которыхъ онъ гордо восклицаетъ: „Дай мнѣ мѣсто куда ступить, и я приведу землю въ движеніе“. Онъ ухитрился спустить на воду нагруженное трехмачтовое судно помощью рычаговъ, приведенныхъ царемъ Гіерономъ безъ всякаго затрудненія въ движеніе при посредствѣ вращаемой рукоятки. Онъ открылъ принципъ гидростатики, давшій ему возможность опредѣлять удѣльный вѣсъ тѣлъ, напр., короны Гіерона изъ фальшиваго золота; онъ вычислилъ центръ тяжести шара и цилиндра и сдѣлалъ рядъ сложныхъ опредѣленій поверхностей и объемовъ. Онъ рѣшилъ проблему приблизительнаго вычисленія окружности и поверхности шара и убѣдился, что шаръ составляетъ $^2/_3$ описаннаго около него цилиндра. Поэтому онъ выразилъ желаніе, чтобъ на его гробницѣ былъ изображенъ шаръ, вписанный въ цилиндръ. Въ своемъ оригинальномъ произведеніи о числѣ песчинокъ („безчисленны подобно песчинкамъ на берегу моря“) онъ сочинилъ остроумную систему для обозначенія какихъ угодно крупныхъ чиселъ.

Нѣсколько позднѣе Аполлоній изъ Перги остроумно развилъ ученіе о коническихъ сѣченіяхъ (парабола, эллипсъ и гипербола).

Механика.

Одновременно мы видимъ высокое развитіе практической механики, тріумфомъ которой была уже знаменитая осада Родоса въ 304 году (ср. стр. 56). При помощи открытія давленія воздуха Ктесибій изобрѣтаетъ метательное орудіе, дѣйствовавшее подъ вліяніемъ сжатія воздуха. Объ искусныхъ и поразительныхъ изобрѣтеніяхъ, которыми онъ и позднѣйшіе механики старались превзойти другъ друга, даютъ представленіе труды его преемника Филона византійскаго и Герона александрійскаго. Этотъ выдающійся математикъ I столѣтія послѣ Р. Хр. широко примѣнялъ науку на практикѣ. Его ученіе объ измѣреніяхъ лишь недавно вновь стало достояніемъ науки; одинъ изъ архитекторовъ церкви Св. Софіи пользовался сочиненіемъ Герона о постройкѣ сводовъ, а его труды по механикѣ пользовались большой извѣстностью въ эпоху Возрожденія.

Сложные приборы, сооруженные въ то время путемъ использованія давленія воды или воздуха, даже пара, снабженные рычагами, винтами, зубчатыми колесами и проч., напоминаютъ намъ современную технику. Назначеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ было чисто-практическое, какъ-то: пожарныхъ насосовъ, прессовъ для выжиманія масла, снабженныхъ винтами канатныхъ дорогъ, стаскивавшихъ цѣлыя глыбы съ горъ, устроенныхъ по принципу современныхъ канатно-проволочныхъ дорогъ, ковшей, спускавшихся и подпимавшихся безконечной вереницей на цѣпи подобно нашимъ землечерпалкамъ. Послѣдніе употреблялись и при сооруженіи скорострѣльныхъ оружій. Существовали автоматическія отмычки дверей и автоматическіе же резервуары священной воды; автоматическое устройство мойки, соединявшее воду и пемзу (вмѣсто мыла), изобрѣлъ уже Ктесибій, которому принадлежитъ также изобрѣтеніе Геронова фонтана. Чаще же всего прибѣгали къ искусству механики для развлеченія публики путемъ устройства фонтановъ, волшебныхъ сосудовъ, птицъ, взлетавшихъ отъ преслѣдованія появлявшейся изъ воды змѣи, и т. д. Въ религіозныхъ цѣляхъ устраивался таинственный апоѳеосъ Вакха, дѣлавшаго при воспламененіи алтаря возліяніе молокомъ и виномъ, при чемъ его окружали танцующія вакханки. Въ сущности и знаменитые часы страсбургскаго собора, ежедневно привлекающіе и понынѣ толпу любопытныхъ зрителей, своимъ возникновеніемъ обязаны античной техникѣ. Вѣнцомъ всѣхъ этихъ диковинъ являлся автоматическій театръ Филона, въ 5 сценахъ показывавшій всю трагедію Навплія, въ которой изображалась гибель многихъ греческихъ героевъ на возвратномъ пути изъ Трои: тутъ фигурировали и постройка кораблей, и спускъ ихъ, парадъ флота, окруженнаго играющими дельфинами, буря, громъ и молнія.

Астрономія.

3. О древней астрономіи судятъ обыкновенно свысока, но безъ основанія. Уже пиѳагорейцы утверждали, что земля представляетъ собою шаръ; одинъ изъ нихъ, Филолай, помѣщалъ ее не въ центрѣ вселенной, а представлялъ ее себѣ вращающейся вокругъ центральнаго огня съ другими созвѣздіями; второй, Экфантъ, нашелъ вращеніе земли вокругъ оси (Э. К., стр. 228). Однако, Платонъ и Аристотель настаивали на центральности положенія земли, опредѣливъ этой точкой зрѣнія картину античнаго міропредставленія. Тѣмъ не менѣе, геніальному

Евдоксу удается при помощи его системы гомоцентрическихъ сферъ удовлетворительно объяснить кажущееся движеніе небесныхъ тѣлъ вокругъ земли. Въ Александріи, въ построенной по вавилонскому образцу обсерваторіи производились наблюденія надъ небесными свѣтилами, а по широкому распространенію сочиненія Арата (около 250 г., ср. стр. 133) мы можемъ судить о живости интереса къ астрономіи. Очень немногіе люди знали и знаютъ теперь, что въ это время Аристархъ самосскій доказалъ вращеніе земли и планетъ вокругъ солнца. Его смѣлое предположеніе, однако, слишкомъ противорѣчило кажущейся очевидности и потому было отвергнуто; 1800 лѣтъ должны были пройти, пока Коперникъ сдѣлалъ открытіе, давнымъ-давно сдѣланное Аристархомъ. Тѣмъ не менѣе, наблюденія и вычисленія греческихъ астрономовъ не лишены значенія. Самымъ знаменитымъ изъ нихъ былъ Гиппархъ (II стол.), открывшій наступленіе равноденствія, вычислившаго путемъ тригонометріи параллаксъ солнца и съ безконечнымъ тщаніемъ составившій списокъ 800—900 неподвижныхъ звѣздъ, въ цѣляхъ установленія будущихъ измѣненій въ аспектѣ звѣзднаго неба. Исполненный научнаго усердія, онъ вполнѣ отдавалъ себѣ отчетъ въ величинѣ и сложности своихъ задачъ; отсутствіе телескоповъ и точныхъ приборовъ новаго времени лишали его возможности доводить изысканія до желательной точности. Это, однако, не его вина.

Географія.

4. **Географія.** Греки, особенно живые іонійцы, всегда смотрѣли на міръ Божій открытыми глазами. Объ этомъ настолько же ярко свидѣтельствуетъ Гомеръ, насколько Геродотъ; и у Ксенофонта и впослѣдствіи у Посидонія мы встрѣчаемъ искусство живого и непосредственнаго описанія чужеземныхъ народовъ и странъ. Между тѣмъ, горизонты „обитаемой земли“ значительно раздвинулись. Походы Александра открыли Востокъ; его „Исчислители шаговъ“ измѣрили длину военныхъ дорогъ, а описанія его полководцевъ (напр., адмирала Неарха о переходѣ черезъ Персидскій заливъ) приносили вѣсти объ отдаленныхъ и неизвѣстныхъ странахъ. На Западѣ постепенно расширялось римское государство. Безъ опасностей и безъ большихъ денежныхъ затратъ сдѣлались доступными далекія путешествія съ научными цѣлями (ср. стр. 43). Даже Геркулесовы столбы давно перестали служить предѣломъ пытливой любознательности.

Уже около 500 года карѳагенянинъ Ганнонъ предпринялъ путешествіе вдоль западнаго побережья Африки. Онъ достигнулъ, по всей вѣроятности, огнедышащей горы Камеруна и видѣлъ много чудеснаго, между прочимъ, поросшихъ волосами людей, обитателей лѣса, которыхъ проводники называли „гориллами“. Еще большее значеніе имѣло сдѣланное 200 годами спустя открытіе сѣвера въ результатѣ смѣлаго путешествія массаліота Пиѳея, ученаго астронома. Онъ изучилъ берега Испаніи и Галліи; онъ посѣтилъ острова, родящія олово, и установилъ треугольную форму острова Британніи. Здѣсь Пиѳей услышалъ смутную вѣсть о расположенномъ на полярномъ кругѣ

островѣ Ѳулѣ, за которымъ простирается ледяной безжизненный океанъ; тутъ онъ дѣлаетъ наблюденія надъ прогрессирующей краткостью ночей. Пиѳей проникаетъ и далеко въ Сѣверное море, родину янтаря; его интересуютъ морскіе отливъ и приливъ и вліяніе полнолунія на чрезвычайные размѣры послѣдняго. Всѣ эти наблюденія и много другого чудеснаго, а также свои астрономическія исчисленія и своеобразныя свѣдѣнія о населеніи побережныхъ странъ были собраны Пиѳеемъ въ его трудѣ „Объ океанѣ". Онъ пріобрѣлъ за него славу безсовѣстнаго лгуна (напр., со стороны Полибія и Страбона); и лишь новое время справедливѣе оцѣнило заслуги „перваго изслѣдователя сѣвернаго полюса".

Эратосѳенъ.

Дикэархъ (стр. 144), дѣлавшій, между прочимъ, измѣренія высоты горъ Эллады, уже пытался обработать постепенно разросшійся географическій матеріалъ. Дѣломъ Эратосѳена (около 275—195) было превращеніе географіи въ научную дисциплину. Неизбѣжные пробѣлы и неточности этой первой попытки, рѣзко осуждавшіеся уже Гиппархомъ, не уменьшаютъ заслугъ ея. Основой географіи Эратосѳена послужило его знаменитое измѣреніе земли. Онъ нашелъ, что солнце въ Александріи на высшей точкѣ его стоянія лѣтомъ отстоитъ отъ зенита на $7^1/_6°$, тогда какъ оно въ то же самое время въ Сіенѣ вполнѣ освѣщаетъ глубокій колодецъ, т.-е. находится въ зенитѣ. Такъ какъ разстояніе между этими городами равнялось 5040 стадіямъ, то величина окружности земли опредѣлялась въ $50 \times 5040 = 252000$ стадіевъ, т.-е. въ 6300 (на самомъ дѣлѣ въ 5400) миль. Эти вычисленія въ связи съ описаніями странъ и путешествій, правда, содержавшими очень неточныя опредѣленія разстояній, дали Эратосѳену возможность набросать карту обитаемой земли съ указаніемъ градусовъ долготы и широты. Его географическій трудъ снабженъ былъ краткими, но содержательными поясненіями. Въ немъ же онъ спорилъ со своими предшественниками, опровергая прежде всего преувеличенно лестную оцѣнку гомеровской географіи и сообщая въ то же время интересныя наблюденія надъ измѣненіями земной поверхности.

Естественныя науки.

5. **Естественныя науки** созданы Аристотелемъ. Его труды по зоологіи (Э. К., стр. 552) поражаютъ насъ уже однимъ количествомъ прежде необработаннаго матеріала. На основаніи детальнаго изслѣдованія, основаннаго на наблюденіяхъ надъ вскрытыми животными, пополняемыхъ, кромѣ того, бесѣдами съ рыбаками, охотниками, пастухами и сельскими жителями, Аристотель съ поразительной талантливостью построилъ по опредѣленнымъ характернымъ признакамъ систему животнаго царства, просуществовавшую въ наукѣ 2000 лѣтъ. Разумѣется, современной наукѣ не трудно установить многочисленные недочеты Аристотеля. Его достойнымъ преемникомъ въ области естествознанія былъ Ѳеофрастъ (около 372—287, ср. стр. 98), которому Аристотель предоставилъ работу надъ ботаникой. Сохранились его ученіе о растеніяхъ и физіологія растеній. Все достижимое при несовершенствѣ пособій (онъ

работалъ безъ микроскопа!) въ области описанія, объясненія и систематизаціи безчисленнаго множества растеній Θеофрастомъ было достигнуто. Онъ сумѣлъ путемъ простого описанія и удачныхъ сравненій съ родной флорой дать своимъ читателямъ представленіе о рѣдкихъ растеніяхъ, ставшихъ извѣстными послѣ походовъ Александра. Дальше Аристотеля и Θеофраста античное естествознаніе не пошло. Въ Александріи ученые мало удѣляли ему вниманія; впослѣдствіи оно превратилось въ собираніе рѣдкостей и измельчало. Болѣе или менѣе серьезно имъ занимались только настолько, насколько оно практически было примѣнимо въ сельскомъ хозяйствѣ или медицинѣ.

Медицина.

6. Единственная необходимая наука, **медицина** съ VI стол. до Р. Хр. вплоть до эпохи имперіи непрерывно прогрессировала. Теорія и практика шли рука-объ-руку, каждый день приносилъ новыя данныя, а растущая въ связи съ утонченностью культуры изнѣженность увеличивала число докторовъ и усложняла ихъ задачи. Медицина слѣдовала по пути, предначертанному ей Гиппократомъ (Э. К., стр. 557). Культъ наукъ въ Александріи, являвшійся плодотворной для нея почвой, и личный интересъ къ медицинѣ первыхъ Птолемеевъ способствовали возникновенію здѣсь лучшей медицинской высшей школы. Здѣсь возникаетъ первый анатомическій институтъ, въ которомъ не только производится искусное вскрытіе труповъ, но и вивисекція надъ приговоренными къ смерти преступниками. Благодаря этому два величайшихъ ученыхъ александрійской школы, ея основатель Герофилъ и Эрасистратъ, пріобрѣли широкую извѣстность въ области анатомическихъ изслѣдованій. Первый былъ настолько же великимъ ученымъ, насколько искуснымъ врачемъ; еще и понынѣ жива его, фактически все труднѣе осуществимая, мысль: „Лишь владѣющій въ одинаковой степени теоріей и практикой можетъ быть совершеннымъ врачомъ“. Эрасистратъ, дѣятельность котораго протекала сначала при антіохійскомъ дворѣ, а затѣмъ въ Александріи, гдѣ онъ занимался чистой наукой, былъ крупнымъ ученымъ, не лишеннымъ въ качествѣ ученика философовъ излишней зависимости отъ теоріи. И тотъ, и другой примыкали къ косской школѣ Гиппократа. Къ сожалѣнію, ихъ ученіе извѣстно намъ лишь по позднѣйшимъ компиляціямъ.

Александрійская школа.

Герофилъ первый распозналъ въ нервахъ проводники чувствъ и силы воли, хотя онъ еще и не умѣлъ опредѣленно отличать отъ нервовъ артеріи и связки, называвшіяся до той поры νεῦρα (neura). Онъ изучилъ мозгъ, который онъ считалъ центромъ всѣхъ нервовъ, и гдѣ, по его мнѣнію, пребывала душа. Эрасистратъ въ этой и другихъ областяхъ былъ продолжателемъ и дополнителемъ открытій Герофила. Практическую медицину Герофилъ усовершенствовалъ, создавъ ученіе о пульсѣ. Онъ, однако, придерживался косской теоріи о четырехъ основныхъ сокахъ организма, пытаясь воздѣйствовать на больной организмъ изобиліемъ лѣкарствъ. Въ обоихъ отношеніяхъ Эрасистратъ держался противоположныхъ воззрѣній, прописывая легкія средства лѣченія

и ограничивъ примѣненіе излюбленнаго въ античности кровопусканія. Онъ, однако, раздѣлялъ другое основное заблужденіе своихъ коллегъ, именно убѣжденіе въ томъ, что въ артеріяхъ течетъ не кровь, а pneuma (дыханіе жизни). Тѣмъ не менѣе, онъ былъ близокъ къ открытію кровообращенія, исходящаго отъ сердца и возвращающагося къ нему. Главную причину всѣхъ болѣзней онъ видѣлъ въ полнокровіи (plethora), противодѣйствовать которому онъ совѣтовалъ путемъ діэтической нормировки вегетаріанской пищи, паровыхъ ваннъ, массажа и здороваго движенія. Онъ придавалъ большое значеніе предохраняющей отъ заболѣванія гигіенѣ, настаивая, однако, на томъ, что врачъ долженъ точно руководствоваться привычками и образомъ жизни каждаго даннаго паціента.

Эмпирическая школа.

Въ концѣ столѣтія въ противовѣсъ догматическому направленію сторонниковъ Герофила и Эрасистрата возникаетъ эмпирическая школа, перенесшая философскій скептицизмъ на медицину. Она возстаетъ противъ теоріи и спекуляціи, какъ вводящихъ въ заблужденіе, и въ этомъ ея заслуга; ея односторонность же сказывается въ объявленіи безполезности всей теоретической науки, даже анатоміи. Это направленіе считалось исключительно съ опытомъ, основаннымъ на фактическихъ наблюденіяхъ стараго и новаго времени и въ крайнемъ случаѣ только дающимъ право на проведеніе аналогій. Результатомъ этого паправленія было созданіе образцовыхъ пріемовъ для наблюденія за симптомами болѣзней.

Излишне говорить о томъ, что многія античныя теоріи, способы лѣченія и лѣкарства нынѣ утратили всякое значеніе и кажутся странными. Нѣкоторыя заблужденія, правда, исчезали, другія же, въ родѣ гуморальной теоріи, были неискоренимы. Однако, степень достигнутаго тогда, при всемъ несовершенствѣ средствъ, возбуждаетъ наше удивленіе. Вскорѣ наступаетъ упадокъ медицины, не задерживаемый, а скорѣе усиливаемый полемикой школъ разныхъ паправленій. Ограничивались практическимъ врачебнымъ искусствомъ и усовершенствованіемъ лѣкарствъ. Ученіе о ядахъ и противоядіяхъ (ср. Никандръ, стр. 134) возбуждало подозрительно живой интересъ. Во всякомъ случаѣ, великій Митридатъ, сильно досаждавшій въ I стол. до Р. Хр. римлянамъ, занимался ими подробно не изъ безкорыстнаго увлеченія наукой. [*Вагнеръ*].

Рис. 69. АПОКСІОМЕНЪ ЛИСИППА.

Рис. 70. АЛЕКСАНДРЪ АЗАРА.

Съ фотографіи.

Герма (рис. 70) найдена въ 1779 г. среди развалинъ виллы близъ Тиволи итальянцемъ Азара и подарена Наполеону; теперь находится въ Луврѣ. Носъ—новѣйшая реставрація. На стволѣ гермы надпись ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΣ ΦΙΛΙΠΠΟΥ ΜΑΚΕΔ.

С. ИСКУССТВО

ВВЕДЕНІЕ

Архитектура.

Послѣ Александра Великаго искусство совершенно мѣняетъ свой обликъ. Муки исканія для него завершились, оно свободно располагаетъ всѣми средствами выраженія, оно побѣдило всѣ техническія трудности. Только такое искусство неограниченныхъ возможностей удовлетворяетъ чрезвычайно повышеннымъ требованіямъ новой эпохи. Преемники Александра считали покровительство искусству главной задачей монарха. И въ этомъ отношеніи они оставались чистыми эллинами. Своимъ придворнымъ художникамъ они ставятъ гораздо болѣе широкія задачи, чѣмъ бывшія осуществимыми въ тѣсныхъ жизненныхъ рамкахъ коренной Греціи. Отъ искусства, взлелѣяннаго ихъ несмѣтнымъ богатствомъ, монархи ждутъ созданія грандіозныхъ произведеній, подобныхъ произведеніямъ восточнаго искусства. Творцы-художники перестаютъ сосредоточиваться исключительно въ Аѳинахъ, въ Аргосѣ, въ Коринѳѣ или Сикіонѣ: влеченіе на Востокъ неудержимо овладѣваетъ и ними, они на-

чинаютъ тянуться за почестями и наградами при восточныхъ дворахъ діадоховъ.

Всемірные города вырастали изъ земли, такъ сказать, за-ночь. Архитектура. Храмы, составлявшія нѣкогда въ древней Элладѣ главную задачу архитектуры, постепенно отступаютъ на задній планъ; заманчивыми задачами новаго времени становятся отнынѣ: царскіе дворцы, рынки съ зданіями совѣта, театры съ колоннадами, частные дома, обильно снабженные водой и остальнымъ комфортомъ. Отдѣльныя формы этой архитектуры остаются болѣе или менѣе старыми; однако, новыя потребности жизни вызываютъ необходимость въ постройкахъ новаго типа; намъ предстоитъ увлекательная задача показать на отдѣльныхъ примѣрахъ, какъ старыя формы приспособляются къ новымъ запросамъ. Практическая красота эллинистическихъ городовъ поражаетъ насъ даже въ развалинахъ. Съ какой простотой и несравненной естественностью вырастаютъ изъ почвы рынки, площади, рядъ гаваней и улицъ! Какъ они эффектно воплощаютъ богатство своихъ строителей! Искусство строенія городовъ, которому положилъ основаніе софистъ Гипподамъ милетскій въ дни Перикла, празднуетъ отнынѣ свой высочайшій тріумфъ.

Новыя, великія задачи возникаютъ и въ области пластики. Пластика. Потребность въ скульптурномъ украшеніи принимаетъ все болѣе широкіе размѣры. Александръ Великій заказываетъ для погребальнаго костра своего друга Гефестіона ни болѣе, ни менѣе какъ 1000 позолоченныхъ колоссальныхъ статуй; у него возникъ совершенно серьезный планъ преобразить всю гору Аѳонъ въ статую, изображающую его самого и держащую въ правой рукѣ городъ съ 10000 жителей; на островѣ Родосѣ показывали сотни колоссовъ. Однако, пластика разрастается не только въ ширь, она и внутренне углубляется; возникаетъ портретная скульптура. Склонность къ реализму составляетъ отличительную черту этого времени. То, что впервые было осуществлено Силаніономъ (ср. Э. К., стр. 432), достигаетъ отнынѣ высшаго расцвѣта: необычайная близость къ природѣ и живѣйшая индивидуализація портретнаго искусства этой эпохи соединяются съ неподражаемымъ совершенствомъ техники.

И живопись ставила себѣ рядъ новыхъ задачъ. Живопись. Въ числѣ ея постоянныхъ сюжетовъ мы видимъ и портретъ, и, прежде всего, ландшафтъ. Сентиментальное тяготѣніе столицы къ сельской жизни, въ результатѣ котораго въ поэзіи зарождается идиллія (стр. 127), живо способствуетъ развитію пейзажной живописи. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ ни одной картины, дающей намъ эллинистическій ландшафтъ. Но, если принять во вниманіе художественное совершенство мозаики Александра въ Помпеѣ и заключать на этомъ основаніи о высокихъ достоинствахъ другихъ родовъ мозаики, мы должны будемъ составить себѣ самое вы-

Эллинист.-римская культура. 11

ГИМ — РФС... ЯРОСЛАВСКИЙ ... ОБЛАСТНОЙ ... ДОШКОЛЬНЫЙ ... №

сокое мнѣніе о большомъ художественномъ и спеціально живописномъ умѣньи интересующей насъ эпохи.

Художественная промышленность.

Роскошь эпохи Александра и его преемниковъ, проникшая и въ художественную промышленность, была поразительна. Никогда не существовало болѣе великолѣпной выбивной изъ драгоцѣннаго металла посуды. Производство терракоттовыхъ фигурокъ процвѣтало болѣе, чѣмъ когда-либо (Э. К., стр. 446). Спеціальностью же эллинистической эпохи была глиптика, т.-е. искусство вырѣзыванія миніатюрныхъ фигурокъ на драгоцѣнныхъ камняхъ. Мозаика Александра служитъ возбуждающимъ наше постоянное удивленіе показателемъ того совершенства, съ которымъ передавались мысли и красочные эффекты сложной композиціи разноцвѣтными мозаичными камешками.

При обозрѣніи греческаго искусства мы остановились на хронологическомъ порядкѣ изложенія, желая показать, прежде всего, постепенную эволюцію его. Въ началѣ эллинистической эпохи эта эволюція въ главныхъ чертахъ завершена. Поэтому передъ нами открывается возможность связнаго разсмотрѣнія искусства по отдѣльнымъ и главнымъ центрамъ его. Начиная съ Сикіона и Аѳинъ, гдѣ мы и въ этотъ періодъ еще застаемъ за работой выдающихся художниковъ, мы, считаясь съ результатами новѣйшихъ раскопокъ, разсмотримъ возникновеніе значительныхъ центровъ искусства какъ въ Александріи, такъ и въ Пергамѣ, Родосѣ, Делосѣ, Пріенѣ и Милетѣ.

I. СИКІОНЪ

Сикіонъ.

Въ четырехъ часахъ къ западу отъ Коринѳа, на бѣловато-сѣрой горной террасѣ, расположены величественныя развалины арголидскаго Сикіона. Театръ, прислоненный къ горной стѣнѣ, прекрасно построенный стадій, развалины водопровода, служатъ свидѣтелями нѣкогда большого значенія этого города. Въ теченіе столѣтій Сикіонъ былъ однимъ изъ главныхъ центровъ искусства. Здѣсь родился великій Поликлетъ, здѣсь же родина Лисиппа. Рядомъ съ этими великими скульпторами многочисленные живописцы основали здѣсь родъ академіи, долгое время считавшейся образцовой.

Лисиппъ въ качествѣ придворнаго скульптора.

Мы уже говорили о Лисиппѣ и его кипучей дѣятельности (Э. К., стр. 437). Остается сказать о немъ какъ о придворномъ скульпторѣ Александра Великаго; ниже будетъ, между прочимъ, упомянуто и о его сыновьяхъ и другихъ его ученикахъ, распространившихъ произведенія его школы по всему міру. Александръ Великій — такъ думали въ древности — соглашался позировать, среди всѣхъ ваятелей своего времени, исключительно Лисиппу такъ же, какъ среди живописцевъ только Апеллесу и только Пирготелесу для произведеній глиптики. Вопросъ о томъ, каковъ былъ портретъ славнѣйшаго полководца

всѣхъ временъ, изваянный знаменитѣйшимъ скульпторомъ современникомъ, возбуждаетъ, разумѣется, нашъ живѣйшій интересъ; однако, матеріалъ, которымъ мы располагаемъ, не даетъ на него удовлетворительнаго отвѣта. Число портретовъ великаго монарха очень велико. Мы обладаемъ, кромѣ того, довольно подробными свѣдѣніями о манерѣ Лисиппа. Онъ не избѣгалъ передавать въ изображеніи монарха мельчайшія реалистическія черты, при чемъ величавость образа Александра отъ этого не умалялась. Тѣмъ не менѣе, намъ не удается опредѣленно выдѣлить изъ множества портретовъ Александра несомнѣнную копію съ оригинала Лисиппа; во многихъ случаяхъ остается сомнительнымъ, имѣемъ ли мы передъ собой портретъ монарха или одного изъ его діадоховъ; послѣдніе усердно старались подражать великому Александру какъ въ жизни, такъ, главнымъ образомъ, въ своемъ внѣшнемъ обликѣ, достигая поворотомъ головы, прической и т. п. внѣшностями сходства, вводящаго насъ въ заблужденіе (ср. рис. 2).

Рис. 71.
АЛЕКСАНДРЪ, ВООРУЖЕННЫЙ КОПЬЕМЪ.
Золотой медальонъ. Берлинъ. Ср. Dressel, «Goldmedaillons von Abukir», Tf. II.
Найденъ въ Египтѣ (Абукирѣ?) вмѣстѣ съ другими 20 медалями. Изображеніе вычеканено на чечевидообразновыпукломъ кускѣ металла. Обычай углублять зрачки относится лишь къ концу II стол. послѣ Р. Хр.

Внѣшній обликъ Александра мы знаемъ, главнымъ образомъ, по Плутарху. Судя по описанію Плутарха, монархъ держалъ голову высоко поднятой съ легкимъ наклономъ влѣво; его волосы, подобно гривѣ, вздымались надъ лбомъ; гордые глаза его, зрачки которыхъ смотрѣли въ разныя стороны и потому казались очень дальнозоркими, окаймлялись слегка приподнятыми нижними вѣками, что придавало имъ выраженіе нѣкоторой мечтательности. Искусству Лисиппа удавалось передать на своихъ портретахъ эту мечтательность, ничуть не уменьшая впечатлѣнія мощности въ образѣ царя.

Вплоть до недавняго времени мы знали только одну герму довольно грубой работы и вдобавокъ плохо сохранившуюся (рис. 70), изображеніе на которой до извѣстной степени передаетъ образъ монарха съ своеобразными чертами, упоминаемыми Плутархомъ. Нѣсколько нервная подвижность мускулатуры напоминаетъ намъ лисипповскаго Апоксіомена; характерны также для сикіонскаго мастера оттѣнокъ усталости, изнуренности (ср. Э. К., стр. 438). Однако, о безспорности лисипповскаго происхожденія этой жалкой работы кописта не можетъ

быть и рѣчи; никто не станетъ утверждать, что это изображеніе передаетъ свѣтлый героизмъ Александра.

Среди портретовъ монарха работы Лисиппа самымъ знаменитымъ, по всей вѣроятности, былъ Александръ, „вооруженный копьемъ“. Слабый отблескъ этого произведенія мы, вѣроятно, имѣемъ въ золотомъ медальонѣ, чеканенномъ для раздачи въ видѣ награды на „Олимпійскихъ играхъ“ 242/3 года послѣ Р. Хр. въ Македоніи.

Передъ нами не профиль царя, онъ изображенъ en-face, что гораздо сложнѣе. Голова, на мощной шеѣ, напоминающей вола, нѣсколько наклонена впередъ, ротъ полуоткрытъ, характеризуя живость темперамента изображеннаго; глаза смотрятъ вдаль; развѣвающіеся волосы высоко поднимаются надо лбомъ, напоминая гриву; незамѣтные бакенбарды окаймляютъ щеки (ср. рис. 65). На панцырѣ можно различить Палладу и ворочающаго камень гиганта; на щитѣ—женскій бюстъ (Гея?), подъ нимъ солнце, луну и двѣ звѣзды; на крайней каймѣ щита—знаки зодіака. Копье, выступающее изъ-за этого великолѣпнаго щита, Александръ держитъ въ лѣвой рукѣ; оно заканчивается оригинальнымъ наконечникомъ, почему портретъ и получилъ названіе по копью.

Этотъ некрасивый, но крайне индивидуалистичный портретъ, достойный величайшаго изъ мастеровъ, Лисиппа, дышитъ кипучей живостью, бурнымъ темпераментомъ, высокимъ полетомъ мысли и цѣлей, въ связи съ энергіей, обезоруживающей всякое противодѣйствіе.

Остальные портреты Александра не отличаются той безпощадной характеристикой, которая, безъ сомнѣнія, была типична для портретовъ Лисиппа. Слишкомъ велика была потребность идеализаціи покорителя міра; не хотѣли мириться съ неподкупной честностью Лисиппа, проникавшей его изображенія царя; такимъ образомъ возникли всѣ тѣ идеализованные портреты, которые наполняютъ наши музеи. Мужественная фигура героя преображалась иногда въ мечтательнаго юношу; часто обоготворенный уже при жизни монархъ изображался съ аттрибутами божества и превращался во что бы то ни стало въ бога (ср. рис. 6). Иногда, наконецъ, сентиментально подчеркивались трагическія стороны его рано потухшей жизни (ср. рис. 43), и именно эти, проникнутые трагическимъ выраженіемъ портреты, пользовались, повидимому, особой распространенностью.

Привилегированнаго положенія, занимаемаго Лисиппомъ при дворѣ Александра, было достаточно для обезпеченія его ученикамъ милости греческихъ монарховъ. Во всякомъ случаѣ, художники, работавшіе при дворахъ діадоховъ, прибѣгали къ художественнымъ пріемамъ Лисиппа, всюду пропагандируя по всему эллинистическому міру его идеалы искусства.

Лисистратъ. Къ школѣ Лисиппа мы должны отнести его брата, Лисистрата. Повидимому, онъ большой самобытностью не отличался. Однако, изобрѣтеніемъ способа снимать гипсовые слѣпки со статуй и масокъ съ покойниковъ онъ обогатилъ пластику вѣрнымъ средствомъ передавать

въ портретномъ искусствѣ съ живѣйшимъ реализмомъ индивидуальныя черты образа. Этому изобрѣтенію обязана, по всей вѣроятности, своей неумолимою безобразностью статуя Демосоена (Э. К., рис. 352).

Изъ трехъ сыновей Лисиппа мы назовемъ Боедаса, который изваялъ статую молящагося мальчика. Есть основанія предполагать идентичность съ этой статуей знаменитой берлинской бронзы (рис. 39); форма головы и трактовка тѣла ставятъ его непосредственно рядомъ съ лисипповскимъ Апоксіоменомъ (Э. К., рис. 326). Боедасъ.

Рис. 72.
МОНЕТА ИЗЪ АНТІОХІИ.
Ср. Gardner, «Types of greek coins», pl. 15.
Чеканена при царѣ Тиграпѣ. Богиня-покровительница города держитъ вмѣсто колосьевъ пальмовую вѣтку въ рукѣ.

Ученикъ Лисиппа, Евтихидъ, былъ одновременно скульпторомъ и живописцемъ. Его знаменитѣйшее произведеніе, статуя изъ позолоченной бронзы, изображала богиню судьбы Антіохіи, т.-е. богиню-покровительницу этого города, идентичную съ самимъ городомъ. Мы имѣемъ небольшую реплику этого (рис. 45, ср. рис. 72), очень цѣнимаго въ Сиріи, произведенія, дающую намъ представленіе о силѣ выразительности этой глубоко-задуманной аллегоріи. Существуетъ множество подражаній новаго и стараго времени; и современное искусство прибѣгаетъ къ этому мотиву, создавая аллегорическія фигуры городовъ, знаменитыхъ крѣпостью или поддерживающихъ цвѣтущую торговлю. Евтихидъ.

Рис. 73.
МОНЕТА ДЕМЕТРІЯ ПОЛІОРКЕТА.
Гипсовый слѣпокъ съ экземпляра берл. коллекціи.

Если раньше представленіе о городѣ сливалось съ образомъ какой-нибудь богини, напр., городъ Аѳины съ образомъ Паллады, Эфесъ съ Діаной, Самосъ съ Герой, то теперь самый городъ превращался въ богиню, снабженную индивидуальными, характеризующими его положеніе, чертами. Антіохія была основана на Оронтѣ, на мѣстѣ, гдѣ часто вызывающая наводненія рѣка, послѣ длиннаго подземнаго теченія, вновь появляется на поверхности земли. Эта топографическая деталь изображена въ лицѣ бодраго пловца, показывающагося изъ ущелья въ погахъ богини, которыми она сдерживаетъ его стремительность. Колосья въ рукѣ богини символизируютъ плодородіе равнины Оронта; вѣнецъ въ видѣ городской стѣны—первый примѣръ этого украшенія—указываетъ на боевую защищенность города.

Тому же Евтихиду часто приписывается самоѳракійская Ника (рис. 74); нѣкоторые же находятъ въ этомъ могучемъ произведеніи, бурномъ предвѣстникѣ новой эпохи, скорѣе слѣды аттическаго искусства. Воплотить морскую побѣду въ лицѣ богини Побѣды, стоящей на кораблѣ, было новой и удачной мыслью. Насколько намъ извѣстно, впервые подобный трофей былъ созданъ въ ознаменованіе побѣды Деметрія Поліоркета при кипрскомъ Саламинѣ (306 г.; ср. рис. 73). Этотъ мотивъ, судя по монетамъ, пользовался большимъ успѣхомъ. Идентич- Ника изъ Самоѳракіи.

ность трофея Деметрія съ нашей Никой поэтому такъ же сомнительна, какъ приписываніе ея Евтихиду. Но, хотя въ данномъ случаѣ знаніе намъ измѣняетъ, и мы не въ состояніи опредѣлить ни школы этого дивнаго произведенія, ни повода, вызвавшаго его возникновеніе, восхищеніе наше передъ нимъ отъ этого не уменьшается: среди всѣхъ богинь побѣды, созданныхъ античнымъ искусствомъ, пальма первенства безспорно принадлежитъ самоѳракійской Никѣ.

Рис. 74. ПИКА ИЗЪ САМОѲРАКИ.
Мраморъ. Съ 1879 г. она эффектно украшаетъ Escalier Daru въ Луврѣ.
По фотографіи Braun-Dornach.

Она возвышалась нѣкогда на островѣ Самоѳракѣ, на отвѣсной высокой скалѣ, отдѣленная лишь ущельемъ отъ святилища Кабировъ, мистеріи которыхъ нашли въ эллинистическую эпоху на островахъ Эгейскаго моря множество пламенныхъ адептовъ. Кабиры считались покровителями мореплаванія, и Ника на кормѣ корабля воплощала морскую побѣду. Охваченная радостнымъ волненіемъ, она спѣшитъ достигнуть кормы корабля и, прикладывая трубу къ устамъ, разноситъ по долинамъ побѣдный кличъ. Могучая волна жизни проникаетъ стройную дѣвственную фигуру съ ея эластичными движеніями. Бурный вѣтеръ развѣваетъ мягкія крылья и складки одежды. Подъ нѣжнымъ прозрачнымъ хитономъ, перехваченнымъ

поясомъ ниже груди, мы чувствуемъ трепетное тѣло. Мантія изъ тяжелой ткани окутываетъ ноги, изображенныя въ широкомъ шагѣ; она содѣйствуетъ не только большей выразительности формъ тѣла, пересѣкая ихъ смѣлыми линіями, но полна и собственной богатой жизни.

Не меньшей извѣстностью, чѣмъ школа скульпторовъ, пользовалась сикіонская школа живописи. Мы ее знаемъ, къ сожалѣнію, только по скуднымъ литературнымъ замѣткамъ. Судя по нимъ, сикіонскіе мастера усматривали центръ тяжести въ вѣрности рисунка и выработанности техники, въ чемъ ихъ взгляды совпадали съ воззрѣніями Поликлета и Лисиппа,—тогда какъ богатство мысли и фантазія не составляли ихъ сильныхъ сторонъ. Главой этой высоко цѣнимой школы живописи, успѣшно конкурировавшей долгое время съ аѳинской, былъ Евпомпъ. На вопросъ Лисиппа, кому изъ мастеровъ лучше всего слѣдовать, Евпомпъ указалъ на народъ и прибавилъ: „надо подражать чистой природѣ, а не художникамъ“. Какъ это изреченіе, такъ и значительное число его выдающихся учениковъ, подтверждаютъ оригинальность этого царя живописи; среди его учениковъ Памфилъ отличался тонкимъ математически-геометрическимъ образованіемъ и рѣдкимъ талантомъ учителя. Среди лучшихъ учениковъ Памфила, увеличившихъ его славу, мы упомянемъ извѣстнаго Павсія (Э. К., стр. 392). Особенно сильное впечатлѣніе въ мірѣ художниковъ производили его черный быкъ, написанный въ неожиданномъ раккурсѣ en-face, и его Methe (опьянѣніе), подносящая стеклянную чашу къ губамъ, не закрывая сю лица. Смѣлость, съ которой Павсій впервые дѣлаетъ роспись потолковъ (lacunaria), удовлетворявшую зрѣніе, возбудила всеобщее восхищеніе; безъ солиднаго знанія перспективы эта попытка никогда не удалась бы.

Евпомпъ. Памфилъ. Павсій.

Сикіонцы, по всей вѣроятности, писали à tempera, т.-е. прибѣгали къ смѣшенію красокъ съ яичнымъ бѣлкомъ, клеемъ или иными животными веществами. Памфилъ же и Павсій примѣняли, между прочимъ, и кропотливый пріемъ энкаустики, правда, осуществимый лишь для писанія картинъ небольшихъ размѣровъ, при чемъ достигался необычайный и прочный блескъ красокъ.

Къ энкаустикѣ прибѣгали исключительно въ греческой живописи. На фонъ клались восковыя краски, расплавляемыя на немъ прикосновеніемъ раскаленной палочки, благодаря чему онѣ сливались и прочно впитывались въ фонъ. Въ V вѣкѣ прибѣгали къ этому пріему для произведеній искусства, окраска которыхъ могла пострадать отъ непогоды, напр., при росписи архитектурныхъ деталей, кораблей, т.-е. всюду, гдѣ нынѣ пользуются масляными красками. Послѣднія такъ же, какъ энкаустика, отличаются прочностью и ясностью тоновъ. Благодаря этому блеску восковыхъ красокъ, не темнѣвшихъ со временемъ подобно маслянымъ, онѣ употреблялись и для картинъ. Мы еще многократно вернемся къ этому ниже (ср. по указателю Помпеи и Фаюмъ).

Энкаустика.

Апеллесъ.

Слава сикіонской школы достигла Азіи. Она побудила іонійца Апеллеса, прошедшаго школу въ Эфесѣ, поучиться у Памфила. Съ неутомимымъ трудолюбіемъ — nulla dies sine linea, говорятъ о немъ — онъ овладѣлъ въ Сикіонѣ смѣлостью рисунка, тонкостью наблюденія, сдѣлавшими изъ него самаго славнаго живописца въ Греціи. Въ его личности и въ его искусствѣ много родственнаго съ Рафаелемъ; подобно великому урбинцу онъ былъ трудолюбивъ, богатъ мыслями, граціей и мягкостью. Апеллесъ безконечное число разъ писалъ портреты Филиппа II, Александра Великаго и его полководцевъ. Особенной славой пользовалась статуя Александра на конѣ; конь отличался такой живостью изображенія, что живые кони ржали, проходя около него. На другомъ портретѣ Александръ былъ льстиво уподобленъ Зевсу; онъ изображенъ былъ съ молніей въ правой рукѣ; ярко освѣщенная рука, держащая молнію, контрастировала съ темной фигурой царя и точно выступала изъ картины въ смѣломъ раккурсѣ. Апеллесъ, по всей вѣроятности, не писалъ картинъ сраженія, избѣгая вообще чуждой ему драматичности. Для храма Асклепія на островѣ Косѣ онъ написалъ свое знаменитѣйшее произведеніе, Афродиту Anadyomene; въ безчисленныхъ стихахъ воспѣвали ее вѣрующіе паломники. Картина изображала богиню красоты и любви, поднимающуюся по грудь изъ серебристой пучины моря и выжимающую руками воду изъ волосъ своихъ. Самой интересной проблемой для художника являлось, повидимому, изображеніе нижней части тѣла богини, просвѣчивающей сквозь волны. Подобную же задачу предложилъ Апеллесу Александръ, заказавъ написать въ полной наготѣ свою любовницу Панкасту. Написалъ ее Апеллесъ въ духѣ спящей Венеры Джорджоне. Тѣло женщины было изображено такъ, что подъ кожей какъ бы просвѣчивала циркулирующая въ тѣлѣ кровь. Эта картина долгое время считалась недостижимой по совершенству исполненія. Единственное произведеніе, богатое фигурами, о которомъ мы знаемъ, очень характерно для Апеллеса. Оно изображало не историческую или миѳологическую сцену, а лишь аллегорію, Клевету. Послѣдняя была воплощена въ образѣ женщины, влекущей юношу за волосы къ королю Длинноуху, совѣтчиками котораго являлись Невѣжество и Подозрительность. Впереди всѣхъ стояла Зависть, рядомъ съ Клеветой изображены были Хитрость и Обманъ. Въ концѣ шествія двигалось жалкое Раскаяніе, со стыдомъ оглядывавшееся на Правду. Въ общемъ картина была безжизненной игрой остроумія. Она воодушевила, однако, нѣсколькими столѣтіями позже, въ числѣ другихъ, и Ганса Гольбейна.

Прелесть твореній Апеллеса заключалась не въ идейномъ содержаніи ихъ, а въ совершенствѣ техники. Онъ былъ истиннымъ художникомъ краски; эффектами рефлексовъ онъ придавалъ блескъ тѣлу, закон-

ченныя картины онъ покрывалъ матовымъ тономъ, такъ называемой лазурью, смягчающей рѣзкость свѣтлыхъ тоновъ и придающей картинѣ единство настроенія. Подобно Полигноту и другимъ своимъ предшественникамъ, Апеллесъ избѣгалъ яркой пестроты тоновъ: на его палитрѣ преобладали черный и бѣлый, красный и желтый тона; во избѣжаніе нарушенія цѣльности красочнаго впечатлѣнія онъ не употреблялъ яркой синей краски съ ея живой скалой тоновъ. По его собственному убѣжденію его сила заключалась прежде всего въ граціи (Charis). Апеллесъ не любилъ долго терзаться надъ совершенствованіемъ картины; въ назрѣвшій моментъ онъ отрывалъ отъ нея кисть (manum de tabula!), благодаря чему его творенія никогда не страдали вымученностью. Глубиной мысли Полигнотъ значительно превосходилъ его; однако, искусство Апеллеса владѣть красками, его чисто-живописное мастерство не были превзойдены никѣмъ. Множество распространенныхъ о немъ веселыхъ анекдотовъ рисуетъ намъ его какъ чарующую личность, пользовавшуюся исключительной популярностью.

II. АѲИНЫ

Съ художественными школами Сикіона рьяно соревновали художники въ близкихъ Аѳинахъ. Несмотря на политическій упадокъ города, Аѳины и при преемникахъ Александра сохраняли господствующее положеніе какъ центръ интеллектуальной жизни. Богато украшенныя памятниками минувшаго величія, онѣ оставались городомъ ученыхъ и философовъ. Подобно Александру Великому, покровительство Аѳинамъ продолжали оказывать діадохи, какъ Птолемеи, такъ и Селевкиды, главнымъ же образомъ, великіе меценаты искусства, пергамскіе цари (см. ниже). Такимъ образомъ, находясь подъ покровительствомъ великихъ міра сего, Аѳины все еще могли сохранять иллюзію, что онѣ представляютъ „Элладу Эллады“.

Творчество, проявляемое въ это время въ аѳинскихъ художественныхъ мастерскихъ, было очень интенсивно. Большихъ художественныхъ заказовъ греческихъ общинъ становилось, правда, все меньше, но тѣмъ крупнѣе были заказы иноземные. Давно уже завязались очень выгодныя сношенія съ Востокомъ. Кипучую дѣятельность проявляли въ Эфесѣ Пракситель, въ Галикарнассѣ Скопадъ, Леохаръ и др. (Э. К., стр. 430). Бріаксидъ, товарищъ Скопада (Э. К., стр. 430), вышедшій изъ аѳинской школы, послѣ окончанія Мавзолея не вернулся на родину; онъ работалъ надъ большими заказами въ Родосѣ, Антіохіи и, наконецъ, Александріи. Послѣ міровыхъ завоеваній Александра аттическіе художники все неудержимѣе стали тянуться на Востокъ, властители котораго довѣряли постоянно растущее число крупныхъ

порученій аттическимъ мастерскимъ. Великолѣпнымъ образцомъ такихъ иноземныхъ заказовъ, получаемыхъ аттическими ваятелями вскорѣ послѣ смерти Александра и прекрасно ими исполняемыхъ, служитъ такъ назыв. саркофагъ Александра (рис. 38 и табл. II и IIа).

Саркофагъ Александра.

Онъ былъ найденъ въ 1887 году на мѣстѣ древняго Сидона съ 16 другими саркофагами въ подземной могилѣ. Объ одномъ изъ этихъ саркофаговъ, окруженномъ 18 женскими фигурами въ стилѣ Праксителя, мы уже говорили (Э. К., рис. 302). Саркофагъ Александра значительно больше (2,30 м. длины) и богаче всѣхъ остальныхъ. За исключеніемъ копій, мечей и луковъ, сдѣланныхъ изъ бронзы или серебра, которые были обломаны раньше при ограбленіи могилы, содержавшей саркофагъ, онъ прекрасно сохранился. Въ первомъ увлеченіи находкой саркофагъ приняли за гробъ, хранившій смертные останки Александра. Это—заблужденіе; наименованіе же саркофага „Александровымъ“ оправдывается главнымъ содержаніемъ изображеній, относящихся къ охотѣ и войнамъ царя. Великолѣпный саркофагъ принадлежалъ, по всей вѣроятности, сидонскому царю Абдалониму, назначенному Александромъ послѣ битвы при Иссѣ властителемъ Финикіи. Поэтому естественно было на одной изъ продольныхъ сторонъ саркофага изобразить эту битву Александра; близость же отношеній финикійскаго властителя съ Александромъ подчеркиваетъ сцена на другой продольной сторонѣ, гдѣ мы видимъ македонскаго царя и Абдалонима на львиной охотѣ. На поперечныхъ сторонахъ саркофага и въ фронтонахъ воспроизведены другія событія изъ жизни финикійскаго царя, въ смыслѣ которыхъ мы, по однимъ этимъ изображеніямъ, разобраться не можемъ.

Картина битвы состоитъ только изъ 13 сражающихся и 5 павшихъ воиновъ: и, тѣмъ не менѣе, какое впечатлѣніе разгара и хаоса битвы! Битва клонится къ концу, лишь посерединѣ мы видимъ персовъ, еще обороняющихся съ успѣхомъ; справа македонскіе всадники неудержимо атакуютъ фланги, что въ дѣйствительности рѣшало битвы Александра (ср. стр. 51). Въ крайней фигурѣ налѣво мы узнаемъ самого Александра Великаго съ львиной шкурой вмѣсто шлема, подобно второму Гераклу: онъ сразилъ лошадь противника и готовится нанести смертельный ударъ всаднику. Всю эту группу мы почти безъ измѣненій видимъ на мозаикѣ Александра (рис. 65); въ обоихъ случаяхъ оригиналомъ послужило, вѣроятно, какое-нибудь извѣстное произведеніе монументальнаго искусства. Фигурѣ Александра направо соотвѣтствуетъ согнувшійся всадникъ на особенно неуклюжей лошади: вѣроятно, это Парменіонъ, обыкновенно командовавшій лѣвымъ крыломъ въ большихъ битвахъ Александра. И онъ съ смѣлой увѣренностью побѣждаетъ непріятельскаго всадника, раненнаго на смерть и падающаго на руки одного изъ собратьевъ. Одинъ изъ персидскихъ всадниковъ спѣшитъ на помощь къ умирающему; однако, грекъ, въ идеальной наготѣ, преграждаетъ ему путь. Трудно сказать, кого изображаетъ греческій всадникъ, наносящій въ серединѣ картины ударъ персу, припавшему на одно колѣно. Перевѣсъ, повидимому, на сторонѣ грековъ; однако, художникъ отдаетъ должное и самоотверженному мужеству варваровъ.

Меньшей законченностью отличается картина львиной охоты; однако, благодаря болѣе разсѣянной группировкѣ фигуръ, красота каждой изъ нихъ выдѣляется еще болѣе ярко, чѣмъ въ картинѣ битвы. Левъ, ноги котораго слишкомъ высоки, впился зубами въ грудь лошади, на которой сидитъ Абдалонимъ, не теряющій хладнокровія, несмотря на всю близость опасности. Персъ, вооруженный сѣкирой, и двое грековъ-всадниковъ приходятъ на помощь находящемуся въ опасности царю. Волосы особенно бурно устремляющагося всадника налѣво украшены узкой діадемой: вѣроятно, это Александръ. Къ этой законченной центральной группѣ присоединяются еще по три фигуры

СЦЕНА БИТВЫ И СЦЕНА ЛЬВИНОЙ ОХОТЫ (УЗКАЯ СТОРОНА САРКОФАГА АЛЕКСАНДРА).

(Съ фотографіи).

Сидонскій саркофагъ Александра.

(Пентел. мрам. Константинополь. Съ фотографіи).

Саркофагъ (рис. 38) имѣетъ форму храма; вмѣсто колоннъ вокругъ него тянется полоса рельефовъ. База сливается въ сплошной цоколь, карнизъ котораго напоминаетъ намъ сѣверный портикъ аѳинскаго Эрехѳейона (Э. К., рис. 296). Архитравъ украшенъ прекраснымъ меандромъ, фризъ—нѣжно намѣченнымъ орнаментомъ изъ золотистыхъ виноградныхъ листьевъ на фіолетовомъ фонѣ. Симу украшаютъ рогатыя львиныя головы въ видѣ водосточныхъ трубъ, край и вершина крыши усажены женскими головками, увѣнчанными листьями подобно кидѣйцамъ. Могучіе львы покоятся на углахъ фронтона; акротеріями служатъ пальметки, поддерживаемыя грифонами.

Памятникъ прекрасно сохранился. Лишь нагая фигура въ сценѣ львиной охоты лишена головы; отсутствуетъ все безъ исключенія оружіе, нѣкогда сдѣланное изъ металла. Особенно хорошо сохранились к р а с к и, покрывавшія ткани, оружіе, глаза и губы. Въ гаммѣ красокъ отмѣтимъ ясные слѣды синей. Характерно, что древніе художники, какъ напримѣръ Полигнотъ, и оригиналъ, послужившій образцомъ мозаикѣ Александра, ея избѣгаютъ.

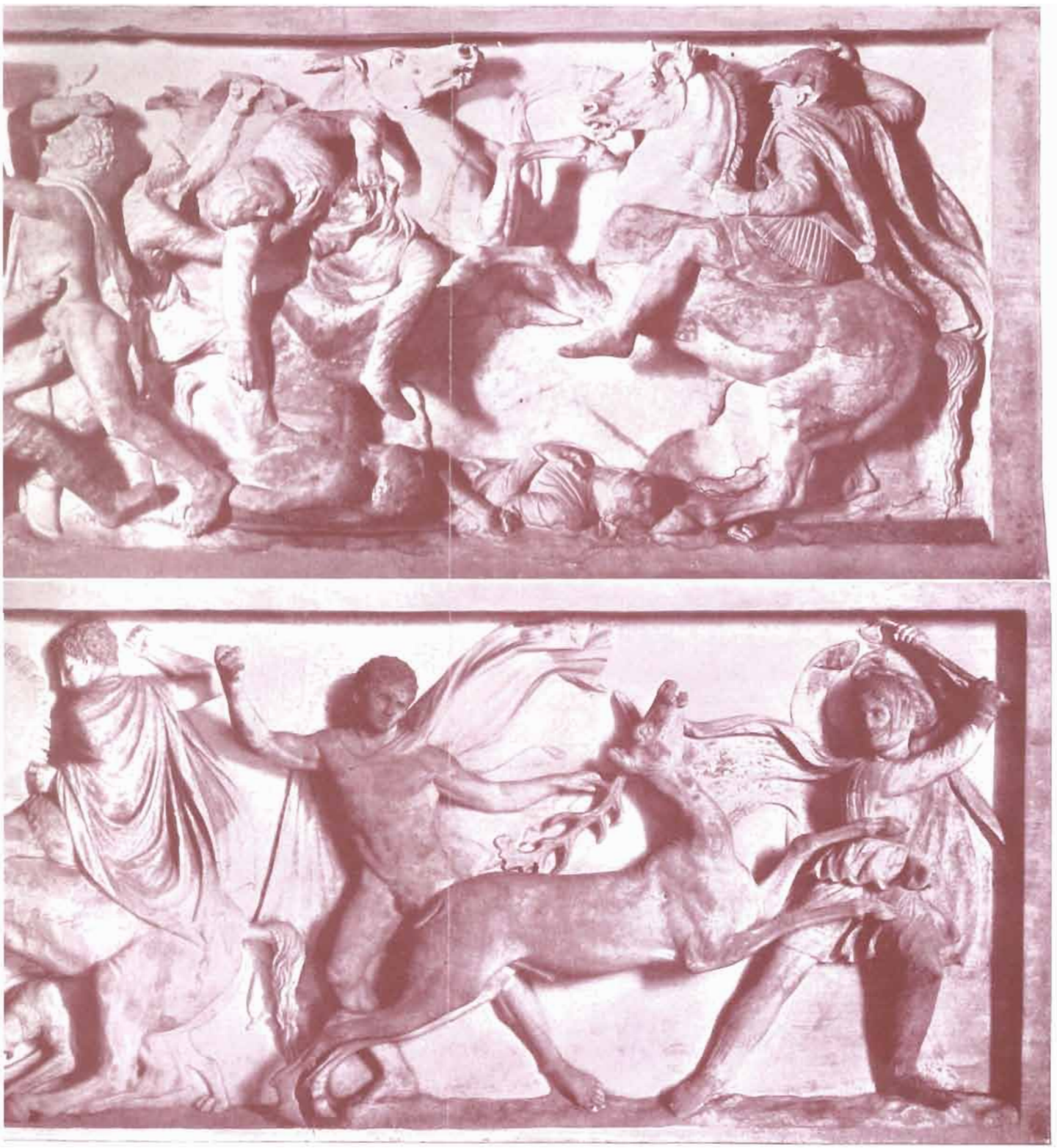
Александръ Вел. (?)

БИТВА ГРЕКОВЪ И ВАРВАРОВЪ.

ЛЬВИНАЯ ОХОТА.

Парменіонъ.

Сцена битвы и львиной охоты на узкой сторонѣ саркофага Александра. (Съ фотографіи).

Рис. 75. ОТДѢЛЬНЫЯ ГОЛОВЫ САРКОФАГА АЛЕКСАНДРА.
Ср. Hamdi Bey—Reinach, «Une nécropole royale à Sidon», Tf. 32.

слѣва и справа: стрѣлокъ въ персидской одеждѣ и обнаженный грекъ, бѣгущій со своей собакой, до нѣкоторой степени еще примыкаютъ къ центральной группѣ; грекъ и персъ, однако, убивающіе оленя, у праваго края картины никакой связи съ львиной охотой не имѣютъ.

Саркофагъ сработанъ изъ аттическаго пентелійскаго мрамора; его рельефы созданы, по всей вѣроятности, аттическими мастерами.

Орнаментъ цоколя напоминаетъ украшеніе базы колоннъ Эрехѳейона. Кони той же коренастой, небольшой расы, которую мы видимъ на парѳенонскомъ фризѣ (Э. К., стр. 347 сл.). Непосредственными прототипами фигуръ, съ ихъ движеніями, полными темперамента, съ развѣвающимися тканями одеждъ, являются фигуры фризовъ Мавсолея (Э. К., рис. 316), также созданныхъ аттическими художниками. Разнится лишь группировка фигуръ, особенно въ картинѣ битвы.

Борцы Мавзолея разставлены свободно; на нашемъ же саркофагѣ они такъ тѣсно нагромождены въ три ряда, что фонъ совершенно исчезаетъ. Благодаря этому усиливается впечатлѣніе разгара битвы, художественный эффектъ повышается и достигается полная иллюзія. При этомъ художникъ еще совершенно пренебрегаетъ исторической достовѣрностью картины. Рельефъ самъ по себѣ не говоритъ намъ, изображена ли битва при Иссѣ, или при Арбелѣ? Лица даже главныхъ фигуръ не портреты. Одежда не отличается соотвѣтствіемъ дѣйствительности; среди вооруженныхъ мы видимъ совершенно нагихъ воиновъ. Кони греческихъ всадниковъ отличаются отъ персидскихъ только тѣмъ, что у лошадей персовъ чолка связана въ прямо стоящій хохолъ. Различія расы не охарактеризованы ни у людей, ни у животныхъ. Наиболѣе интересная особенность саркофага, о которой ни одна репродукція не можетъ дать яснаго представленія,—это сохранившаяся свѣжесть росписи скульптуръ: яркія краски сверкаютъ на тканяхъ и оружіи, въ волосахъ и зрачкахъ глазъ; подкладка и отвороты панцырей, полосатые или усѣянные точками персидскіе штаны тщательно расписаны. Такія детали, какъ раны, чапраки и т. п., передаются исключительно красками. Нагія части тѣла покрыты лазурью. Штрихи красокъ подчеркиваютъ выраженіе лица; особенно великолѣпно написаны глаза—какъ сверкающіе гнѣвомъ въ борьбѣ, такъ и умирающіе. Однако, и въ росписи художникъ придерживался принциповъ идеальнаго стиля. Онъ нигдѣ не оттѣнялъ красками, предоставляя это углубленіямъ рельефа. Лошадей онъ не пишетъ натуралистично, то вороными, то караковыми. Его цѣлью было повысить росписью силу эффекта, выдѣлить живое тѣло на фонѣ тканей и вооруженія. Если одинъ и тотъ же художникъ изваялъ фигуры изъ мрамора и покрылъ ихъ прозрачной дымкой росписи, то его талантъ живописца не уступаетъ его таланту скульптора. Его твореніе, извлеченное неразрушеннымъ, сіяющимъ красотой формы и свѣжестью красокъ, изъ царской могилы Сидона, подобно видѣнію изъ эпохи великаго царя.

Портретное искусство.

Какъ въ Аѳинахъ, такъ и въ Сикіонѣ процвѣтало искусство портрета. Мода въ этомъ отношеніи очень перемѣнилась. Если еще Пракситель (Э. К., стр. 407 сл.) пренебрегалъ портретнымъ искусствомъ, то сыновья его особенно имъ увлекались (рис. 76). Возникла потреб-

ность видѣть вокругъ себя живыя изображенія современниковъ; цѣлыя улицы, театръ и другія зданія украшаются портретами выдающихся гражданъ славнаго времени города. Народъ, главнымъ образомъ, дорожилъ портретами литературныхъ свѣтилъ; возникаетъ литературный портретъ. Мы уже имѣли случай привѣтствовать произведенія, отвѣчавшія этой новой потребности (ср. Э. К., рис. 342, 344, 351—355). Портреты, съ ихъ тонкой передачей индивидуальнаго, представляютъ собою цѣнное дополненіе къ тому представленію, которое мы создаемъ себѣ о своеобразіи поэта или писателя на основаніи его произведеній. Это значеніе не уменьшается, если портретъ не передаетъ подлинныхъ чертъ, показывая намъ писателей, не портретированныхъ при жизни, въ идеализированныхъ изображеніяхъ, приспособленныхъ къ духу эпохи (ср. Э. К., рис. 160). Портреты многихъ великихъ людей еще неизвѣстны намъ; тѣмъ не менѣе, они существуютъ среди безчисленныхъ безыменныхъ или снабженныхъ невѣрнымъ именемъ портретовъ, наполняющихъ наши музеи. Безчисленныя копіи нѣкоторыхъ изъ нихъ служатъ доказательствомъ того, что въ этой массѣ портретовъ имѣются изображенія лицъ, пользовавшихся широкой популярностью. Такъ какъ главный интересъ представляло изображеніе головы, въ которой сосредоточивалось все индивидуальное, то портреты особенно часто изображались въ старинной формѣ гермы.

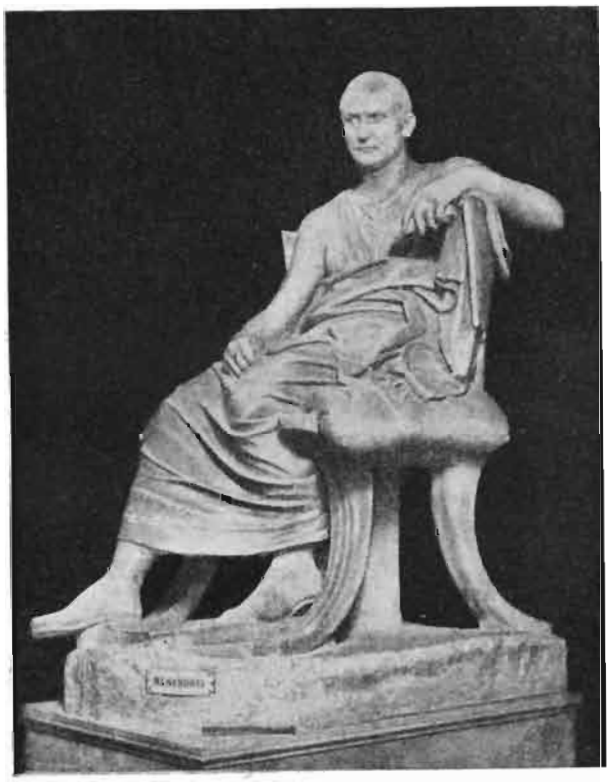

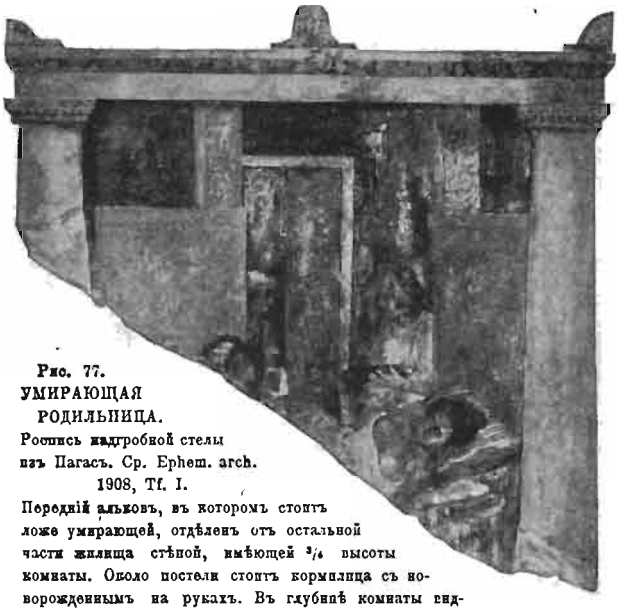
Рис. 76. ТАКЪ НАЗЫВАЕМЫЙ МЕНАНДРЪ.

Мраморъ. Римъ, Ватиканъ. Ср. Brunn, «Denckmäler», Nr. 495. F. Bruckmann, A-G. München, phot.

Кефисодотъ и Тимархъ, сыновья Праксителя, украсили аѳинскій театръ Діониса статуей сидящаго Менандра. Быть-можетъ, портретъ сдѣланъ былъ съ натуры. База ихъ произведенія найдена, но она мала для изображенной здѣсь статуи Менандра. Кромѣ того, засвидѣтельствованные надписями портреты Менандра имѣютъ совершенно иныя черты лица (рис. 54 сл.).

Живопись. Рядомъ съ пластикой въ Аѳинахъ IV столѣтія процвѣтала живопись, сознательно соперничавшая съ сикіонской академіей. Повидимому, ея направленіе стояло въ связи съ ѳиванской художественной школой, процвѣтавшей въ краткій періодъ политическаго значенія Ѳивъ и вызвавшей такую же краткую эпоху расцвѣта живописи въ столицѣ Бэотіи. Представителемъ этой ѳиванской школы живописи былъ, между прочимъ, и Филоксенъ изъ Эретріи, написавшій большую картину, изображавшую „битву Александра съ Даріемъ"; главнымъ же представителемъ ея надо считать Аристида, добивавшагося въ своихъ картинахъ яркихъ эффектовъ.

Филоксенъ.

Аристидъ.

Рис. 77.
УМИРАЮЩАЯ РОДИЛЬНИЦА.
Роспись надгробной стелы изъ Пагасъ. Ср. Ephem. arch. 1908, Tf. I.
Передній альковъ, въ которомъ стоитъ ложе умирающей, отдѣленъ отъ остальной части жилища стѣной, имѣющей ⅔ высоты комнаты. Около постели стоитъ кормилица съ новорожденнымъ на рукахъ. Въ глубинѣ комнаты виднѣется полуоткрытая дверь, въ которую входитъ фигура, нарисованная въ перспективномъ ракурсѣ. Тона комнаты, въ изображеніи которой художникъ добивался пространственнаго углубленія, отличаются естественностью и цѣльностью.

Онъ также написалъ обширную историческую картину, битву съ персами, состоявшую изъ 100 фигуръ. Выше было уже сказано о его раненной на смерть матери съ ребенкомъ у груди (Э. К., стр. 392). Его „Молящагося" вы точно слышали, его „Больной" производилъ неизгладимое впечатлѣніе; съ яркимъ реализмомъ ѳиванскій художникъ изображалъ высоко-патетическія сцены жизни.

Евфраноръ. Самымъ выдающимся ученикомъ этого ѳиванца былъ Евфраноръ, извѣстный въ Аѳинахъ какъ скульпторъ и какъ живописецъ (ср. Э. К., стр. 392). Его многосторонность была поразительна. Онъ создавалъ колоссальныя скульптуры, онъ гравировалъ столовые сервизы, изображалъ битвы и аллегоріи, писалъ объ искусствѣ и былъ одинаково совершенъ въ каждой отрасли его. Особенно увлекался онъ своимъ реализмомъ: Паррасій (Э. К., стр. 390) изобразилъ Ѳесея, точно вскормленнаго однѣми розами, Евфраноръ же написалъ его точно откормленнаго бычьимъ мясомъ, но, тѣмъ не менѣе, его Ѳесей былъ импозантенъ и величественъ. Эта грандіозность концепціи, вымиравшая уже въ IV стол., повидимому, составляла характерное преимущество Евфранора.

Его младшимъ ученикомъ былъ трудолюбивый Никій. Въ горячкѣ работы онъ забывалъ о туалетѣ и ѣдѣ. Никій выбиралъ темы работъ съ большой осторожностью. Писать цвѣты и птицъ онъ считалъ унизительнымъ. Рекомендуя въ качествѣ сюжетовъ битвы всадниковъ и морскія сраженія, онъ, насколько намъ извѣстно, самъ ихъ не использовалъ. Никій любилъ изображать миѳологическихъ героинь, Іо (ср. указатель), Калипсо, Андромеду, послѣднюю въ божественной наготѣ. Его картины отличались пластичностью, что, по всей вѣроятности, объяснялось его работами въ области пластики. Онъ не считалъ ниже своего достоинства украшать скульптуры Праксителя и другихъ ваятелей необходимой росписью, благодаря которой тѣло отдѣлялось отъ волосъ и тканей, и разныя ткани одежды различались оттѣнками одна отъ другой; мы видимъ нѣчто подобное еще и нынѣ на саркофагѣ Александра (выше, стр. 172 сл.). Никій.

Рис. 78. МЕДЕЯ ПЕРЕДЪ УБІЙСТВОМЪ ДѢТЕЙ.
Помпеянская стѣнная картина. Неаполь. Фотографія.
Направо стоитъ Медея; ея рука лежитъ уже на рукояткѣ меча. Ея глубоко лежащіе глаза яснымъ взглядомъ остановились на невинныхъ дѣтяхъ, безпечно играющихъ въ астрагалы налѣво на возвышеніи. Въ дверяхъ сзади показывается фигура педагога дѣтей. На росписи въ Геркуланумѣ лицо и фигура Медеи выразительнѣе. Тамъ, въ ея неподвижныхъ глазахъ истинное отчаяніе; мы видимъ по ея рукамъ всю борьбу глубоко изстрадавшейся женщины.

Тотъ же Никій не отказывался отъ росписи надгробныхъ памятниковъ. Мы знаемъ прекрасные рельефы, въ безконечномъ многообразіи создававшіеся въ IV стол. аѳинскими скульпторами (Э. К., рис. 258 сл., 309). Тѣ же сцены удобнѣе, чѣмъ рѣзцомъ, можно было написать восковыми красками на мраморныхъ стелахъ. Никій, Павсій и другіе великіе мастера не пренебрегли этой работой, и, такимъ образомъ, роспись надгробныхъ памятниковъ, безъ сомнѣнія, достигаетъ совершенства надгробной пластики. Расписныя стелы изъ Пагасъ.

Ея вліяніе внѣ Аѳинъ было чрезвычайно велико. Четыре года тому назадъ въ ѳессалійскихъ Пагасахъ нашли сотни расписныхъ надгробныхъ памятниковъ, встроенныхъ въ крѣпостную башню; эти частью уцѣлѣвшія еще изображенія идентичны съ аттическими надгробными рельефами. Роспись восковыми красками сдѣлана ѳессалійскими ремес-

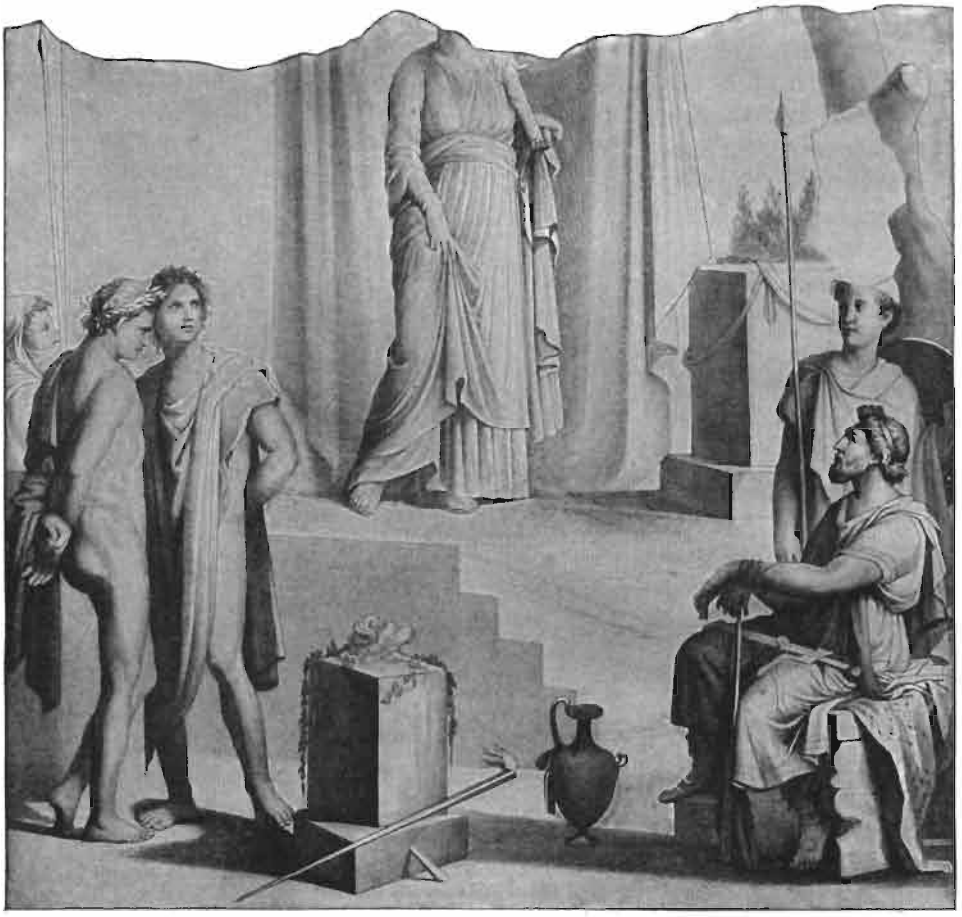

Рис. 79. ОРЕСТЪ И ПИЛАДЪ ПЕРЕДЪ ѲОАНТОМЪ.

Помпеянская стѣнная картина позднаго стиля. Неаполь. Ср. «Mon. d. Ist.», VIII. Tf. 22.

Направо возсѣдаетъ Ѳоантъ, положивъ мечъ на колѣни. За нимъ стоитъ тѣлохранитель съ длиннымъ копьемъ. Слѣва второй воинъ, вооруженный двумя копьями, приводитъ Ореста и Пилада. У Ореста на головѣ лавровый вѣнокъ; руки его связаны; онъ покорно опустилъ взоръ. Передъ плѣнниками стоитъ алтарь, на которомъ догораетъ жертва. Изъ глубины картины приближается Ифигенія, держа въ рукахъ изображеніе Артемиды. Ясно, что передъ нами копія извѣстнаго произведенія искусства: оба друга налѣво составляютъ несравненную, прелестную группу. Вопросъ о принадлежности этой картины кисти Тимомаха остается подъ сомнѣніемъ.

ленниками III вѣка при посредствѣ энкаустики. Ихъ грубоватая техника даетъ лишь очень отдаленное представленіе о всей красотѣ аттическихъ образцовъ. Однако, одно совершенно ясно—даже живописцы-ремесленники уже умѣли изображать на своихъ росписяхъ пространственное

углубленіе (рис. 77). Картина Аэтіона „Свадьба Александра и Роксаны“, извѣстная намъ по детальному описанію Лукіана, доказываетъ, что великое искусство эпохи Александра овладѣло основными законами пер-

Аэтіонъ.

Рис. 80.
БЕЛЬВЕДЕРСКІЙ ТОРСЪ.

Голова, руки и ноги ниже колѣнъ погибли. Эти части тѣла были сработаны отдѣльно изъ мрамора. Статуей особенно восторгался Микеланджело; Винкельманъ также пѣлъ ей хвалебные гимны. Реконструкція торса—вопросъ спорный. Львиная шкура, лежащая на скалѣ, заставляетъ думать о Геракѣ. Думали и о Полифемѣ, ожидающемъ свою Галатею и о прикладывающемъ свирѣль къ устамъ Марсіи. На скалѣ начертано имя художника—Аполлонія изъ Аѳинъ. На подобнаго рода копіяхъ чаще всего встрѣчаются имена аѳинскихъ мастеровъ.

Рис. 81. БАРБЕРИНСКІЙ ФАВНЪ.

Греческій оригиналъ изъ пароскаго мрамора. Раньше онъ находился въ Palazzo Barberini (Римъ), нынѣ въ Мюнхенѣ. Фотографія. Быть-можетъ, фавнъ украшалъ Moles Hadriani; фигура найдена здѣсь во рву въ XVII столѣтіи и реставрирована Бернини. Не дошли до насъ правая нога, части лѣвой, нижняя часть лѣвой руки и пальцы правой. Подъ головой шкуры отверстіе для трубы фонтана. Глубоко впавшіе глаза свидѣтельствуютъ о вакхическихъ наслажденіяхъ, которымъ предавался фавнъ, прежде чѣмъ онъ, опьянѣвшій и усталый, уналъ на свое скалистое ложе. Намъ кажется, что мы слышимъ его храпъ.

спективы. Мѣстомъ дѣйствія сцены была „прекрасная комната невѣсты“.

Тимомахъ изъ Византіи (около 150 ? до Р. Хр.)

Тимомахъ.

Мраморъ въ Бельведерѣ Ватикана. Ср. Oester. Jahresh. 1906, стр. 312.

Рис. 82. ФАВНЪ ИЗЪ CASA DEL FAUNO.
Бронза. Неаполь. Фотографія.

находился подъ сильнымъ вліяніемъ драматической поэзіи Аттики, хотя родомъ былъ и не изъ Аѳинъ. Славилась его картина, изображавшая Медею передъ дѣтоубійствомъ (рис. 78). Многочисленныя эпиграммы свидѣтельствуютъ о впечатлѣніи, произведенномъ на современниковъ изображеніемъ горькой душевной муки, глубочайшаго материнскаго страданія; самыя выразительныя черты въ изображеніяхъ Медеи на разнообразныхъ помпеянскихъ фрескахъ (ср. Э. К., рис. 345), безъ сомнѣнія, заимствованы у Тимомаха. Славились его безумный Аяхъ, его Ифигенія въ Тавридѣ, также продолжающая жить въ помпеянскихъ стѣнныхъ росписяхъ (рис. 79). Его интересные типы съ ихъ углубленной духовностью захватываютъ насъ даже въ жалкихъ и часто искаженныхъ воспроизведеніяхъ. Тимомахъ заканчиваетъ плеяду великихъ греческихъ художниковъ-живописцевъ: прежде чѣмъ окончательно потухнуть, пламя ярко загорѣлось въ послѣдній разъ.

Аттическіе кописты.

Когда во II столѣтіи римляне овладѣли Греціей, передъ аѳинскимъ искусствомъ открылось новое, широкое поле работы. Главнымъ образомъ, аттическіе художники создаютъ для Рима или даже въ самомъ Римѣ всѣ тѣ безчисленныя произведенія искусства, въ которыхъ нуждался народъ, господствовавшій надъ всѣмъ міромъ. Аѳины превращаются въ центръ искусства, принявшаго характеръ фабричнаго производства. Для оживленія сбыта въ Аѳинахъ во время большихъ празднествъ устраиваются настоящія художественныя выставки. Большинство произведеній является репродукціями знаменитыхъ твореній прошлаго. Съ одинаковымъ мастерствомъ въ Аѳинахъ копировали какъ классическія произведенія великихъ аттическихъ художниковъ, такъ и произведенія другихъ школъ. Подобныя копіи, а не оригиналы составляютъ, какъ извѣстно, главное содержаніе нашихъ музеевъ древностей. Проявленіе большой оригинальности при подобной работѣ копистовъ было невозможно; тѣмъ не менѣе,

Рис. 83.
АМУРЪ СЪ ДЕЛЬФИНОМЪ.
Бронза. Неаполь. Съ фотографіи Алинари.

заслуга этихъ позднихъ аттическихъ мастеровъ велика: въ своихъ, часто технически совершенныхъ воспроизведеніяхъ они передали творенія славной эпохи греческаго искусства Риму и тѣмъ самымъ всему культурному міру.

Этимъ позднимъ аттическимъ мастерамъ удаются, повидимому, и нѣкоторыя новосозданія: сатиры, въ видѣ отдѣльныхъ фигуръ или въ группѣ съ нимфами, въ смѣлыхъ поворотахъ и движеніяхъ (рис. 81 сл.); прелестныя статуи Афродиты (рис. 44), граціозность которыхъ особенно подчеркнута; противоестественные, отталкивающіе Гермафродиты, нѣчто въ родѣ третьяго пола, воплощавшіе повышенную чувственность. Кромѣ этихъ, не всегда безупречныхъ произведеній, въ аѳинскихъ мастерскихъ съ высшимъ изяществомъ выдѣлывались мраморные роскошные сосуды, подставки для треножниковъ, канделябровъ и т. п.

Тѣмъ не менѣе, въ сравненіи съ началомъ нашей эры упадокъ искусства и, прежде всего, художественнаго вкуса, безспоренъ. Въ Аѳинахъ посреди городского рынка оффиціальное зданіе, такъ называемая **башня вѣтровъ** (рис. 17), украшено рельефами, отличающимися такой бѣдностью формъ и мысли, что это одно уже можетъ служить яснымъ доказательствомъ всей глубины паденія художественнаго чутья, наступившаго, наконецъ, даже здѣсь.

ИСКУССТВО ПРИ ДВОРАХЪ ДІАДОХОВЪ

III. АЛЕКСАНДРІЯ

Александрія.

Среди городовъ, игравшихъ въ эллинистическое время выдающуюся роль въ культурной жизни, первое мѣсто принадлежитъ основанной Александромъ на Дельтѣ, съ волшебной быстротой расцвѣтшей, Александріи. Ея основатель мечталъ создать изъ нея столицу всего греческаго

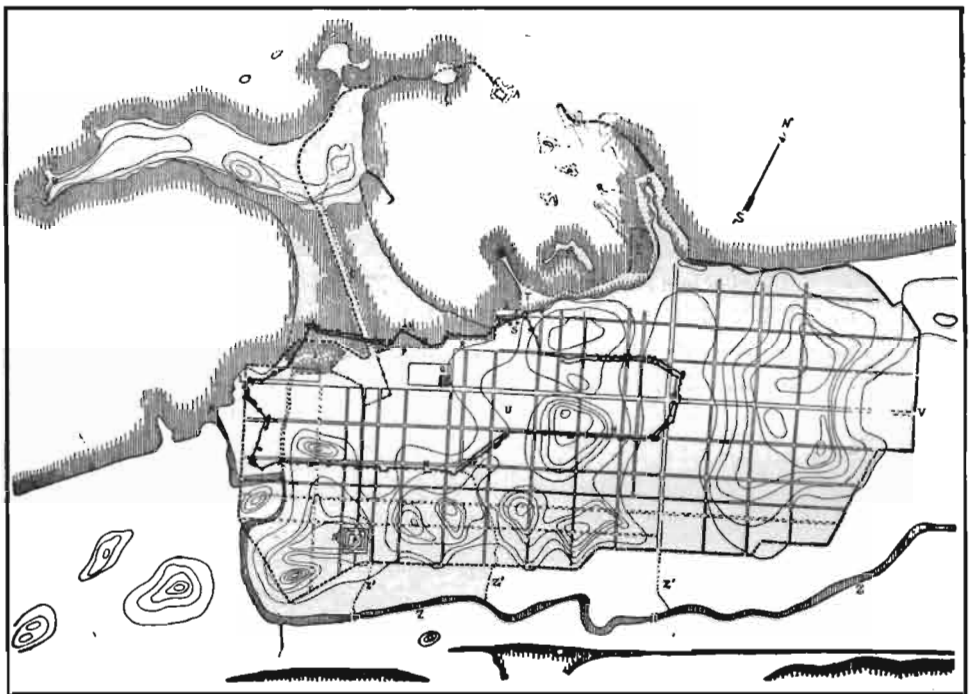

Рис. 84. ПЛАНЪ АЛЕКСАНДРІИ.

Ср. Pauly-Wissowa, «Realencycl.». Bd. I, Sp. 1379.

A. Мѣсто Фароса. B. Современный маякъ при въѣздѣ въ портъ Евноста. C. Гептастадій, нѣкогда узкая насыпь, теперь въ 1500 м. ширины. D. Мысъ Лохій. E. Гавань для государственнаго флота. F. Островъ Антиродосъ. G. Дворецъ, построенный Айтоніемъ. H. Арабская городская стѣна. I. Военная гавань Киботосъ. K. Устье Нильскаго канала. L. Лунныя ворота. N. Сарапейонъ. P. Корабельныя верфи. Q. Предполагаемое мѣсто музея. R. Эмпоріонъ съ магазинами. S. Обелиски передъ храмомъ Цезаря. T. Храмъ Посидона. U. Гробница Александра Вел. V. Солнечныя ворота. Z. Нильскій каналъ. Z'. Водопроводъ, проведенный изъ Нильскаго канала.

міра, и при мудромъ правленіи Птолемсевъ она долгое время до извѣстной степени отвѣчала этому назначенію. Нигдѣ планъ сліянія восточной и эллинской культуры, владѣвшій умомъ Александра, не былъ проведенъ совершеннѣе. Еще въ эпоху римской имперіи Александрія продолжаетъ считаться первымъ торговымъ центромъ міра; лишь позднѣе число жителей императорскаго Рима превзошло метрополію при устьѣ Нила.

Легенда говоритъ, что Александръ Вел. въ зиму 332/1 года лично обозначилъ границы города мукою. Строителемъ города онъ назначилъ родосскаго архитектора Дейно-

крата. Для новаго города была избрана холмистая мѣстность на лишенномъ гавани побережьѣ Дельты, гдѣ мысъ Лохій (D на планѣ, рис. 84) тянется къ острову Фаросу (A): требовалось лишь соорудить дамбу въ 7 стадіевъ (1200 м.) длины (C), чтобъ получить, съ востока совершенно замкнутую, съ запада же открытую гавань. Самъ городъ имѣлъ форму, приближающуюся къ параллелограмму, раздѣленному на прямоугольники точно оріентированной сѣтью улицъ, пересѣкающихся подъ прямыми углами, годныхъ для проѣзда въ экипажахъ и верхомъ. Царскій дворецъ Птолемеевъ лежалъ на мысѣ Лохій (D)

Рис. 85. ПОХОРОННАЯ КОЛЕСНИЦА АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКАГО.

Реконструкція С. Мюллера, по оригинальному рисунку Г. Нимана. Реконструкція возможна на основаніи добросовѣстнаго описанія колесницы историка Іеронима изъ Кардіи (стр. 138).

Катафалкъ напоминалъ храмъ на колесахъ. На 16 іонійскихъ колоннахъ, между которыми вились выбитые изъ золотыхъ блахъ листья аканеа, покоился позолоченный антаблементъ; передніе части туловищъ животныхъ, такъ называемыя προτομαί, украшали карнизъ. Между ними на золотыхъ кольцахъ свѣшивались золотые шнуры. По угламъ антаблемента возвышались золотыя Ники и висѣли кисти съ бубенцами, звенѣвшими при движеніи колесницы. Крыша (реконструкція въ видѣ такъ называемаго «крестоваго» свода на нашемъ рисункѣ ошибочна) отличалась очень легкой покатостью и была снабжена спереди и сзади небольшими фронтонами. Она была крыта имитированной черепицей, на краяхъ которой блестѣли драгоцѣнные камни. На вершинѣ крыши покоился золотой лавровый вѣнокъ (на нашей реконструкціи вытканный на знамени), листья котораго при движеніи колесницы сіяли подобно молніи. Могила по серединѣ первстиля была окружена золотой рѣшеткой, сквозь прозрачную сѣть которой ясно виднѣлся саркофагъ. Гробъ изъ чеканнаго золота имѣлъ антропоидную форму, т.-е. по возможности приспособленную къ формамъ тѣла. Онъ былъ покрытъ золототканнымъ пурпуровымъ покрываломъ; рядомъ съ гробомъ лежало оружіе покойнаго. Четыре стороны рѣшетки были увѣшаны картинами, написанными на полотнѣ; находясь на нѣкоторой высотѣ, онѣ гроба не закрывали. Передняя сторона изображала Александра на боевой колесницѣ, устремляющагося въ битву; одна изъ продольныхъ сторонъ—македонскую конницу, вторая—рядъ слоновъ со всадниками, и, наконецъ, на задней поперечной сторонѣ была изображена эскадра, которой царь посвятилъ свои послѣднія заботы. На задней сторонѣ находился входъ въ могилу, огражденную рѣшеткой. Его охраняли два льва. Ступицы колесъ, которыя мы должны себѣ представить подъ нашимъ изображеніемъ, были украшены львиными головами. Не меньше 64 отборныхъ муловъ, запряженныхъ въ 4 ряда, везли колесницу; упряжь каждаго изъ нихъ была усѣяна драгоцѣнными камнями, головы ихъ были убраны золотыми вѣнками и бубенцами.

и примыкающей къ нему съ юга территоріи; онъ занималъ почти треть всей территоріи города, заключая въ себѣ дворцовыя строенія и сады необычайной прелести, кромѣ того театръ, арсеналъ и тюрьму, гавань для царскихъ судовъ (E), знаменитый Музей (около Q), соединенный съ портиками, читальнями и рефекторіей для работающихъ здѣсь ученыхъ; на сѣверъ отъ Музея, по направленію къ гавани, тянулась величайшая въ античности библіотека, заключавшая въ себѣ, въ концѣ концовъ, 900000 свитковъ. Наконецъ, въ предѣлахъ дворца лежала гробница Александра Вел. (около U). Изъ остальныхъ городскихъ построекъ особенно выдѣлялся Сарапейонъ (около N): широкая лѣстница въ 100 ступеней вела черезъ Пропилеи къ высокому подію святилища, охватывавшаго цѣлый рядъ храмовъ, обширныя помѣщенія для жрецовъ и, прежде всего, вторую большую библіотеку.

Въ этой оживленной столицѣ Птолемей I основалъ свой Музей съ принадлежащей къ нему библіотекой, назначеніемъ которой было служить прибѣжищемъ эллинской поэзіи и науки. Выше уже было указано, какъ блестяще осуществленъ былъ этотъ планъ (стр. 88, 149 сл.). Разумѣется, эта дружественная культурѣ династія взяла подъ свое покровительство и изобразительныя искусства; она украсила свою резиденцію роскошными постройками и всевозможными произведеніями искусства, постоянно обезпечивая работой цѣлый штатъ художниковъ. Метрополія Птолемеевъ сдѣлалась главнымъ центромъ художественнаго вкуса, античнымъ Парижемъ. Тѣмъ досаднѣе для насъ почти полное отсутствіе болѣе или менѣе значительныхъ остатковъ города и его построекъ. Ни одинъ городъ древности не былъ разрушенъ такъ основательно, какъ Александрія. Этому виною отчасти недолговѣчность строительнаго матеріала, необожженнаго кирпича, употребленнаго для большей части построекъ. Но и монументальныя каменныя постройки настолько разрушены, что мы часто не въ состояніи болѣе или менѣе точно указать, гдѣ онѣ находились. Современный городъ, расположенный на мѣстѣ античнаго, уничтожилъ почти всѣ древнія развалины; существованіе его служитъ препятствіемъ и для систематическихъ раскопокъ. Однако, и тутъ восторжествовало чутье археологовъ. Мы вскорѣ будемъ имѣть реконструкцію храма Сараписа (N на рис. 84); реконструкцію маяка, возвышавшагося на островѣ Фаросѣ и возбуждавшаго удивленіе, какъ одно изъ семи чудесъ міра, мы уже имѣемъ (рис. 20).

Фаросъ. Фаросъ, какъ его называли для краткости, былъ созданіемъ инженера Сострата изъ Книда. Онъ былъ, по всей вѣроятности, законченъ въ 279 году и возвышался на точкѣ пересѣченія меридіана и параллельнаго круга Александріи; четыре стороны его базы были оріентированы по четыремъ сторонамъ свѣта. У подножья его были выстроены, по всей вѣроятности, защитная насыпь и молы противъ натиска волнъ. Изъ этого укрѣпленія, нѣсколько суживаясь кверху, поднимался квадратный фундаментъ маяка. На вѣнчавшихъ его карнизахъ сидѣли тритоны. Они трубили въ рогараковины, по направленію четырехъ главныхъ вѣтровъ. Надъ четырехугольнымъ строеніемъ возвышалось восьмиугольное, заканчивавшееся, въ свою очередь, круглымъ маякомъ, на которомъ горѣлъ огонь. Коническая крыша завершалась большой бронзовой фигурой Посейдона (?). Высота башни была свыше 100 м.; строеніе въ виду своего прак-

тическаго назначенія было лишено почти всякаго украшенія. Внутри, въ квадратномъ свѣтовомъ дворѣ выстроена была рампа, по которой удобно можно было взбираться наверхъ маяка. Шахта служила лифтомъ для подъема освѣтительнаго матеріала. Этотъ маякъ, 1½ тысячелѣтія (до 1326 г.) стоявшій у въѣзда въ одинъ изъ величайшихъ торговыхъ городовъ Средиземнаго моря, послужилъ, вѣроятно, образцомъ для построекъ сходнаго типа; не только минаретовъ, но и другихъ типовъ башенъ, сочетающихъ четырехугольную, восьмиугольную и округлую формы.

Внутреннее убранство соотвѣтствовало величинѣ и красотѣ этихъ александрійскихъ строеній. И тутъ мы черпаемъ наши свѣдѣнія изъ разсказовъ современниковъ, не устающихъ описывать всю безграничную роскошь, которую монархи вносили даже въ такія временныя сооруженія, какъ корабль для поѣздокъ по Нилу или погребальную колесницу (рис. 85).

Живопись.

Живопись въ Александріи, безъ сомнѣнія, занимала среди искусствъ первенствующее мѣсто; ей особенно интенсивно покровительствовали при дворѣ Птолемеевъ. Главой александрійской школы живописи былъ родившійся въ Египтѣ Антифилъ. Онъ отличался поразительной продуктивностью благодаря какому-то ускоренному пріему живописи, о которомъ мы не освѣдомлены. Своего царственнаго мецената онъ изобразилъ въ качествѣ охотника, окруженнаго, по всей вѣроятности, грандіознымъ ландшафтомъ; онъ написалъ также значительные портреты Александра и его отца Филиппа; эти произведенія очень славились. Впослѣдствіи они помѣщены были въ Римѣ въ портикѣ Октавіи и положили начало всемірной славѣ Антифила. Въ его картинѣ „Раздувающій огонь“ восхищались освѣщеніемъ лица мальчика, раздувающаго пламя; знаменитъ былъ его сатиръ, затѣнявшій рукой глаза отъ какого-то сильнаго источника свѣта: художникъ любилъ, по всей вѣроятности, живописные свѣтовые эффекты. Существовало еще его изображеніе женщинъ, занятыхъ выдѣлкой шерсти. Такимъ

Антифилъ.

Рис. 86. ЭНЕЙ, БѢГУЩІЙ ИЗЪ ТРОИ СЪ ОТЦОМЪ И СЫНОМЪ.

Стѣнная роспись изъ Помпей. Ср. Springer-Michaelis[9], рис. 718.

Всѣ три фигуры имѣютъ собачьи головы и ноги. Старикъ Анхисъ несетъ ларецъ (съ Пенатами?), маленькій Аскэній съ трудомъ слѣдуетъ за нимъ. Отецъ, правившій его для безопасности къ своему полсу, ведетъ мальчика за руку.

Ропографія.

образомъ Антифилъ создаетъ жанръ, то, что греки называютъ rhopographia, мелкимъ стилемъ (Kleinmalerei). Съ этихъ поръ среди сюжетовъ живописи начинаютъ все чаще фигурировать сцены въ цырюльнѣ, сапожной мастерской, изображеніе животныхъ и nature morte; а такъ какъ эти жанровыя картины не были лишены земной грязи, то ропографовъ въ насмѣшку называли rypariographi'ами, т.-е. „порнографами“. Совершенно новый жанръ создаетъ, повидимому, Антифилъ своими Grylloi или карикатурами. Мы уже знаемъ, какъ остроумны и язвительны были александрійцы. Антифилъ прекрасно сумѣлъ служить этому Genius loci. Многія карикатуры, знакомыя намъ частью по терракоттамъ (ср. Э. К., рис. 197), частью по стѣнной росписи (рис. 86), возникли, по всей вѣроятности, подъ его вліяніемъ. Его сатирическое направленіе, во всякомъ случаѣ, создало школу. Столѣтіе спустя, когда Птолемей Филопаторъ въ безпредѣльномъ преклоненіи передъ Гомеромъ воздвигнулъ ему храмъ, александрійскій художникъ Галатонъ изобразилъ царственнаго поэта въ состояніи рвоты, которую глотаютъ другіе поэты. Дальше этой безцеремонности въ средствахъ не ушла и наша сатира.

Богатый дворъ Лагидовъ привлекалъ, разумѣется, и иноземныхъ художниковъ живописи: опредѣленно упоминается продолжительное пребываніе въ Александріи Апеллеса, къ великому неудовольствію Антифила, наклеветавшаго при дворѣ на своего соперника; по преданію, месть Апеллеса состояла въ созданіи имъ аллегорической картины „Клевета“ (см. выше, стр. 168). Александрійскія мозаики представляютъ собою слабое возмѣщеніе утраты созданій этихъ художниковъ (рис. 15, 56, 87 сл.; таблица V).

Мозаичная техника.

Искусство имитаціи живописи составленіемъ изображенія изъ мелкихъ, окрашенныхъ въ разноцвѣтные тона камешковъ, съ древнихъ временъ, повидимому, существовало на азіатскомъ востокѣ. Опредѣленные слѣды распространенія этой техники въ Греціи относятся лишь ко времени діадоховъ. Оріентализированные монархи, съ ихъ увлеченіемъ роскошью, охотно использовали новое изобрѣтеніе. Такъ какъ для составленія мозаики нужны были камешки въ возможно большемъ количествѣ тоновъ, то техника мозаики могла развиться только тамъ, гдѣ происходила обработка разноцвѣтныхъ камней, дававшихъ требуемые осколки. Къ тому же мозаика требовала много труда и времени и обходилась чрезвычайно дорого. Подобно тому, какъ въ настоящее время эта отрасль искусства процвѣтаетъ только въ Studio di Mosaico при Ватиканѣ, такъ и въ древности она существовала лишь въ немногихъ, особенно богатыхъ, царскихъ столицахъ, между которыми Александрія занимала первое мѣсто.

Мозаика, изображающая побѣду Александра.

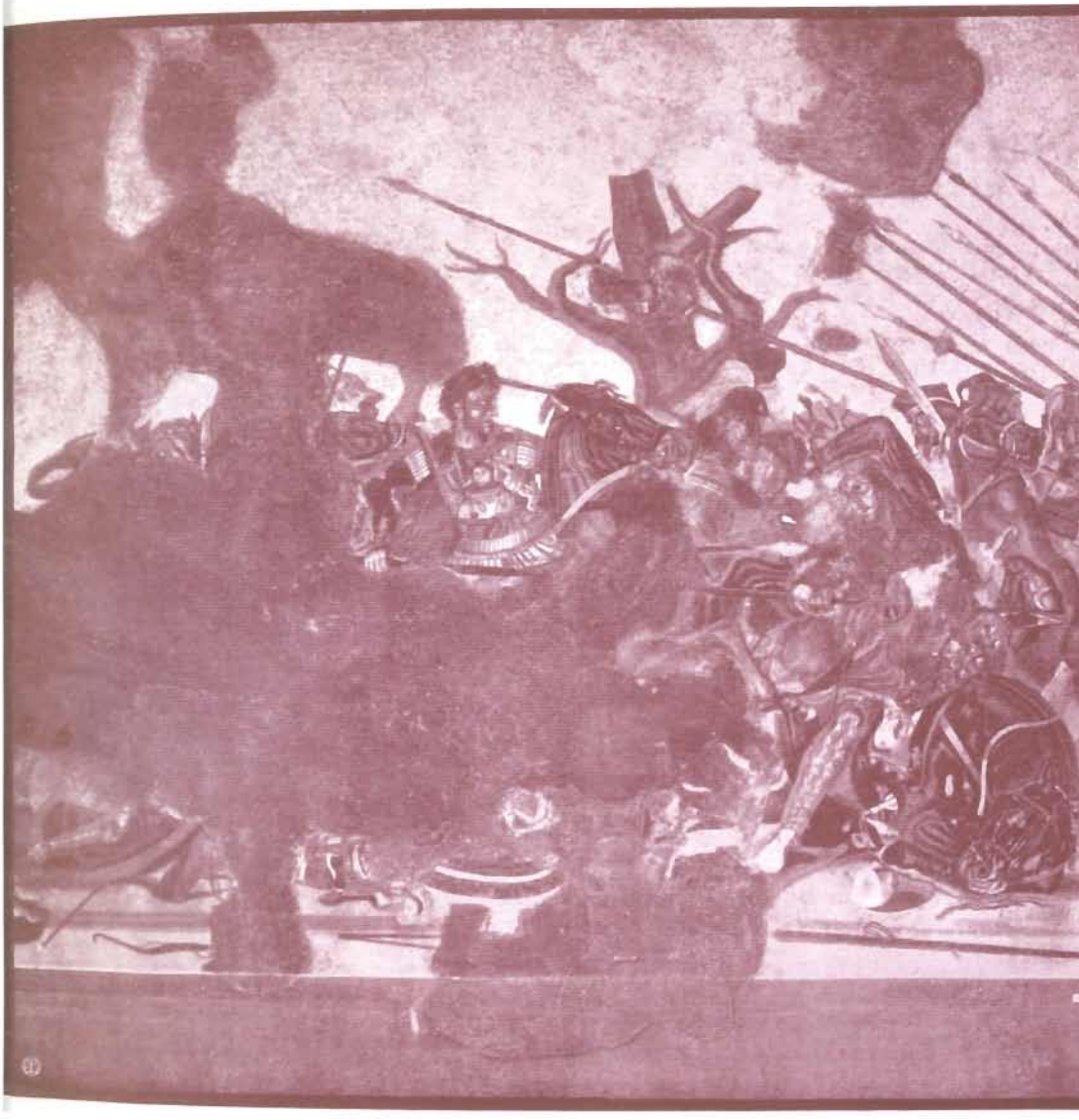
Наиболѣе совершеннымъ произведеніемъ александрійской мозаики является битва Александра, найденная въ Помпеяхъ (табл. III).

Немедленно по изготовленіи эта мозаика, состоявшая изъ 1¼ милліоновъ мельчайшихъ штифтиковъ всевозможныхъ тоновъ, представляла необычайную цѣнность. Помпеянецъ, украсившій ею свой частный домъ (casa del Fauno; ср. рис. 88), выписалъ ее вмѣстѣ съ остальными мозаиками изъ Египта, гдѣ онъ могъ пріобрѣсти

МОЗАИКА, ИЗОБРАЖАЮЩАЯ АЛЕКСАНДРА ВЪ БИТВѢ СЪ ДАРІЕМЪ.

(По Францу Винтеру).

Найдена въ 1831 г. въ экседрѣ Casa del Fauno въ Помпеяхъ, нынѣ находится въ Неаполитанскомъ музеѣ. Между колоннами при входѣ изъ перистиля въ экседру тянулась еще узкая полоса мозаики, изображавшая разныхъ животныхъ (напр., бегемота, крокодиловъ, ихневмоновъ и ибисовъ), что подтверждаетъ египетское происхожденіе этихъ мозаикъ. Мозаика сильно пострадала еще до катастрофы 79 года.

сравнительно дешево, сильно пострадавшее, повидимому, и частью уже реставрированное, произведеніе.

Битва рѣшена. Дарій, котораго можно узнать по высокой чалмѣ и луку въ лѣвой рукѣ, обращается въ бѣгство; его жестокій возница бичуетъ коней четырехупряжной боевой колесницы, безпощадно устремляющейся по тѣламъ раненыхъ и убитыхъ. Справа, поднявъ знамя, приближается отрядъ всадниковъ для охраны царя; но прежде всего навстрѣчу нападающимъ македонцамъ бросаются „родственники царя", на шеѣ которыхъ такъ же, какъ у Дарія, видна золотая цѣпь. Такъ было при Иссѣ, гдѣ „вѣрная дружина царя столпилась вокругъ его колесницы и на глазахъ его пала доблестной смертью". У одного изъ этихъ родственниковъ конь, одной масти съ царскимъ, только-что пронзенъ мечомъ; Дарій встревоженъ, требуя оказанія немедленной помощи упавшему всаднику; другой персидскій вельможа готовится спрыгнуть съ коня, предлагая его благородному предводителю. Только-что послѣдній собрался воспользоваться свѣжимъ конемъ, какъ его насквозь пронзаетъ длинная македонская сарисса. Его гибель вызываетъ выраженіе ужаса на всѣхъ лицахъ, особенно во всей фигурѣ Дарія. Слѣва неудержимо наступаютъ македонцы. Однимъ изъ первыхъ устремляется Александръ; онъ на гнѣдомъ Букефалѣ. Голова его (рис. 65) не покрыта шлемомъ, какъ при Граникѣ; послѣ этой битвы искусство любило изображать Александра съ обнаженной головой; эта деталь въ изображеніи главнокомандующаго въ битвахъ осталось характерной вплоть до нашихъ дней. Потъ льется съ Александра. Кажется совершенно невѣроятнымъ, какъ онъ одною рукой держитъ длинную сариссу, нанося ею ударъ. Надъ Александромъ возвышается обнаженное дерево—единственный намекъ на ландшафтъ, повидимому, мало интересовавшій нашего художника, хотя картина не лишена пространственной глубины.

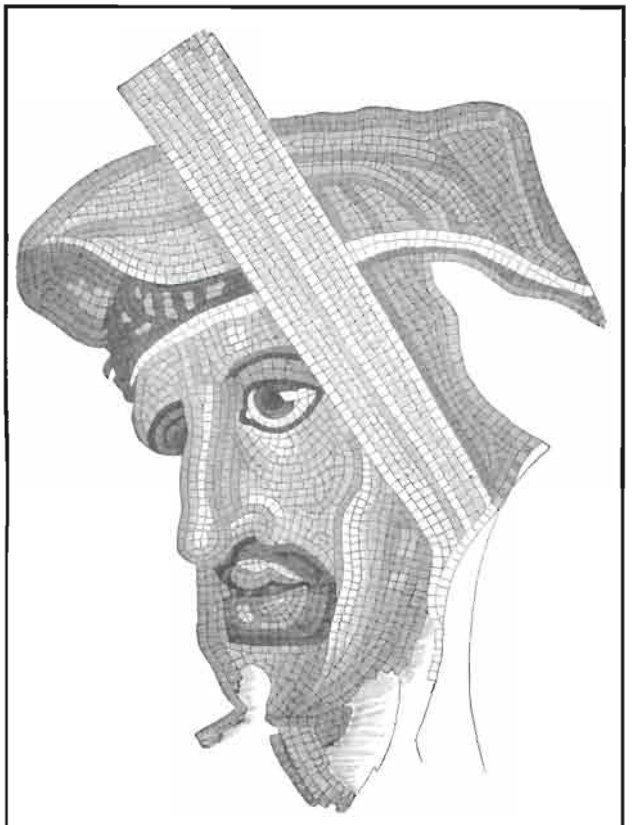

Рис. 87. ПЕРСИДСКІЙ ВСАДНИКЪ ИЗЪ МОЗАИКИ АЛЕКСАНДРА.
Ср. Mus. Borbon. VII, табл. 41.
По этой детали ясно видно частью параллельное, частью концентрическое расположеніе мозаичныхъ камней въ зависимости отъ контуровъ.

Оригиналъ въ свое время, несомнѣнно, пользовался извѣстностью и украшалъ какое-нибудь оффиціальное зданіе; вѣроятно, возникновеніе его относится ко времени послѣ смерти Александра (ср. группу упавшаго персидскаго всадника съ таковой же на саркофагѣ Александра, выше рис. 38). Творецъ картины неизвѣстенъ. Мы имѣемъ опредѣленное указаніе объ увѣковѣченіи битвъ Александра въ картинахъ четырьмя художниками (выше, стр. 174); но, несомнѣнно, славные подвиги его воодушевляли творчество не только этихъ художниковъ, и поэтому было бы безосновательно приводить, не имѣя болѣе точныхъ указаній, какое-нибудь изъ этихъ четырехъ, случайно до насъ дошедшихъ, именъ въ связь съ оригиналомъ нашей мозаики. Многочисленныя воспроизведенія ея, кромѣ помпеянскаго, свидѣтельствуютъ о знаменитости оригинала. И мы еще продолжаемъ любоваться ею. До чего живо изображено грозное волненіе битвы при посредствѣ не болѣе чѣмъ двадцати фигуръ! Съ какой отчетливостью и выразительностью вырисовываются главныя изъ нихъ на фонѣ общаго хаоса битвы! Какъ прекрасно изображены лошади, сверкающій блескъ оружія, украшенія одежды борющихся воиновъ! Какъ тонко владѣетъ художникъ формами, даже въ ихъ рискованнѣйшихъ раккурсахъ! Ограничивая себя въ пользованіи красками только четырьмя тонами—чернымъ, бѣлымъ, желтымъ и краснымъ—художникъ придаетъ картинѣ извѣстную красочную цѣльность, строго выдерживая, при всей богатой колоритности, основной тонъ! Всѣ эти техническія качества картины отступаютъ, однако, далеко на задній планъ передъ богатствомъ духовнаго ея содержанія. Главныя дѣйствующія лица картины, оба олицетворяющія благороднѣйшее самоотверженное рыцарство, сопоставлены художникомъ съ такимъ психологическимъ мастерствомъ, что у зрителя духъ захватываетъ. Передъ нашими глазами во весь ростъ стоитъ великій покоритель міра, растоптавшій во главѣ небольшого коннаго отряда колоссъ персидскаго царства. Тутъ же увѣковѣчена память о благородствѣ его противника Дарія. „Непосредственная опасность меньше ужасаетъ царя, чѣмъ гибель его вѣрныхъ, и въ этомъ глубокая мысль“—говоритъ Гете. Описанная мозаичная картина даетъ намъ, такимъ образомъ, яркое представленіе объ александрійской, греческой живописи, изображавшей историческіе сюжеты. Мы приводимъ слова того же Гете: „послѣ изученія и изслѣдованія картины мы все снова возвращаемся къ непосредственному, чистому восхищенію ею“.

Трудно понять, какъ наша мозаика и подобныя ей прекрасныя произведенія искусства могли служить украшеніемъ пола, гдѣ красота ихъ не могла быть оцѣнена должнымъ образомъ. Впослѣдствіи христіанское искусство возвысило мозаику, помѣстивъ ее на стѣны и потолокъ, для украшенія которыхъ она, вѣроятно, первоначально

и была предназначена, и гдѣ она достигала полноты красочнаго эффекта.

Относящіеся къ ранне-христіанской эпохѣ фаюмскіе портреты свидѣтельствуетъ о высотѣ александрійскаго портретнаго искусства (ср. заглавную картину). Греки и евреи, жившіе въ Египтѣ, заимствовали туземный обычай мумизированія покойниковъ; лицо же мертвеца покрывалось его портретомъ въ натуральную величину, лучше и живѣе мумій сохранявшимъ черты лица покойника (рис. 37). Въ пескахъ Фаюма сохранился цѣлый рядъ подобныхъ портретовъ, написанныхъ восковыми красками при посредствѣ энкаустики. Сходство этихъ портретовъ было, вѣроятно, поразительное. Мы имѣемъ основаніе предполагать, что и александрійскій портретъ дохристіанскаго времени отличался большой живостью и реалистичностью. Красочные эффекты этихъ портретовъ, безъ сомнѣнія, импрессіонистичны. Импрессіонизмъ, такимъ образомъ, отнюдь не представляетъ собою явленія новѣйшей дѣйствительности. Его понимали и мастерски примѣняли больше чѣмъ за 2000 лѣтъ до нашего времени на берегахъ Нила.

Фаюмскіе портреты.

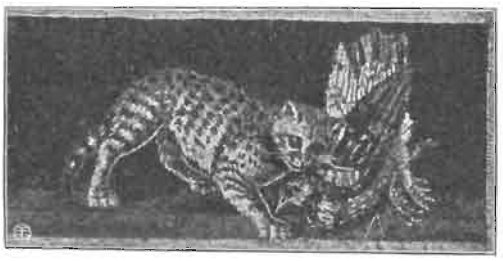

Рис. 88. АЛЕКСАНДРІЙСКАЯ МОЗАИКА ВЪ ПОМПЕЯХЪ. Фотографія.

Кошка, схватывающая перепелку, попавшую въ силки. Кошки у грековъ и римлянъ встрѣчаются лишь въ послѣднее столѣтіе до Р. Хр., тогда какъ у египтянъ онѣ въ качествѣ домашнихъ животныхъ существовали издревле.

При украшеніи стѣнъ жилища широко примѣнялась декоративная стѣнная роспись; остановимся вкратцѣ на ней, такъ какъ она послужила образцомъ для всѣхъ остальныхъ странъ: все, признаваемое прекраснымъ художниками-декораторами на берегахъ Нила, покоряло какъ обязательная мода весь греческій міръ.

Стѣнная роспись.

Во всѣ времена болѣе или менѣе сохранялось расчленение и украшеніе стѣнъ, обычное уже въ древнѣйшемъ Критѣ: на высокомъ цоколѣ изъ возможно солиднаго матеріала возвышалась главная часть стѣны, выстроенная обыкновенно изъ необожженнаго кирпича и окрашенная преимущественно въ красный цвѣтъ. Узкій поясъ отдѣлялъ цоколь отъ верхней части стѣны: онъ соотвѣтствовалъ деревянной балкѣ, издревле отдѣлявшей нижнюю каменную фундаментальную часть отъ верхней, построенной изъ глины. На $^2/_3$ высоты комнаты вдоль стѣны обыкновенно тянулся карнизъ, уставленный разными небольшими предметами домашней утвари. Потолки, по большей части, имѣли форму плоскихъ сводовъ. Вся стѣна покрывалась пестрой штукатуркой, которая въ парадныхъ комнатахъ богатыхъ домовъ украшалась росписью; въ роскошныхъ помѣщеніяхъ непрочная краска замѣнялась такъ называемой инкрустаціей, т.-е. облицовкой стѣны плитками мрамора. Она была особенно умѣстна въ Александріи, куда стекались, кромѣ разнообразныхъ сортовъ греческаго мрамора, очень прочные сорта египетскаго камня. Фрагменты этихъ пестрыхъ мраморовъ, выбрасываемые еще и

Инкрустація.

понынѣ морскими волнами близъ Александріи, безчисленны. Мраморная облицовка начиналась, конечно, съ цоколя, особенно подверженнаго всякимъ поврежденіямъ (ср. рис. 89), часто же распространялась на всю поверхность стѣны, вытѣсняя собой стѣнную роспись или замѣняя ее живописными стѣнными рельефами (ср. рис. 61). Въ храмахъ и дворцахъ мраморную облицовку часто замѣняло металлическое украшеніе. Напр., храмъ Сараписа былъ внутри украшенъ золотомъ, серебромъ и бронзой, его колонны были увѣнчаны бронзовыми капителями, а крыша выложена позолоченными черепицами. Въ помѣщеніяхъ, въ которыхъ уютность преобладала надъ роскошью, стѣны увѣшивались коврами, съ необычайной красотой выдѣлываемыми на александрійскихъ гобеленовыхъ фабрикахъ. Украшеніемъ стѣнъ служило также стекло, всѣ сорта котораго съ давнихъ временъ нигдѣ не лились, не выдувались и не окрашивались съ такимъ совершенствомъ, какъ на фабрикахъ на берегу Нила. Менѣе состоятельные классы ограничивались имитаціей металлическаго или мраморнаго украшенія жилищъ богачей дешевой штукатуркой въ соотвѣтственныхъ тонахъ. Еще шагъ дальше, и стѣнной штукатурный рельефъ замѣняется простой краской, лишенной пластичности. Эту имитирующую мраморъ расписную роскошь мы встрѣтимъ въ римскихъ жилищахъ на Делосѣ и, главнымъ образомъ, въ эллинистическихъ домахъ Помпей; въ связи съ этимъ мы и укажемъ, что этотъ видъ стѣннаго украшенія никогда не утрачивалъ слѣдовъ своего египетскаго происхожденія.

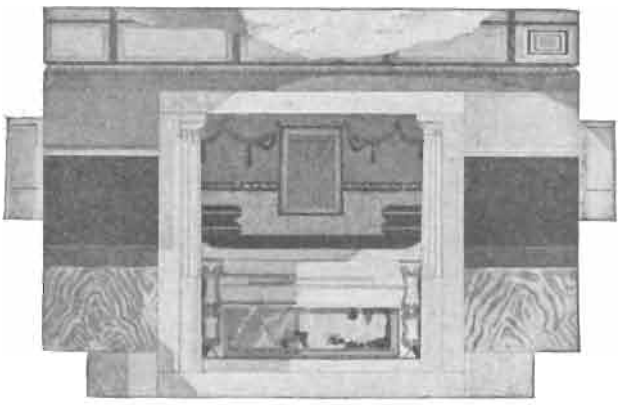

Рис. 89. МОГИЛА БЛИЗЪ СИДИ-ГАБЕРА.

Ср. H. Thiersch, «Zwei antike Grabanlagen bei Alexandria», табл. 2.

Въ 1¹/₂ час. пути на в. отъ Александріи; высѣчена въ рыхломъ береговомъ известнякѣ. Первоначально было 3 отдѣленія, изъ которыхъ уцѣлѣли только 2. Въ меньшемъ изъ нихъ находится парадное ложе, надъ которымъ въ глубокой стѣнной нишѣ помѣщался покойникъ. Интересно расчлененіе стѣны: внизу скамья, затѣмъ цоколь, имитирующій мраморную облицовку, дальше темная полоса, и на ²/₃ всей высоты красная стѣна, заканчивающаяся карнизомъ. Въ самомъ могильномъ склепѣ и могилѣ, лежащей за нимъ, мы видимъ роспись гирляндами, безъ сомнѣнія, возникшую въ обильной цвѣтами Александріи.

Эти данныя и скудные фрагменты живописи ясно свидѣтельствуютъ о процвѣтаніи александрійской живописи. Дѣло обстоитъ иначе въ области пластики. Мы нигдѣ не имѣемъ указаній на существованіе александрійской школы скульптуры, и среди многочисленныхъ скульпторовъ эллинистическаго времени нѣтъ ни одного александрійца. Это не можетъ быть случайностью. Монументальная, выросшая на родной почвѣ пластика въ Александріи, повидимому, отсутствуетъ, что, однако, не исключаетъ созданія въ Александріи многихъ произведеній скульптуры иноземными художниками. Великолѣпныя постройки Птолемеевъ не могли быть лишены пластическихъ украшеній. Въ сохранившихся описаніяхъ этихъ зданій, дѣйствительно, упоминаются богатыя статуарныя украшенія. А сколько собственныхъ портретныхъ статуй

Пластика.

воздвигли Птолемеи въ Олимпіи и въ другихъ центрахъ общеэллинскихъ состязаній! Но художники, служившіе Птолемеямъ и создававшіе эти памятники, были иноземцы. Монументальная пластика въ Александріи была, повидимому, главнымъ образомъ, представлена родосскими художниками (ср. ниже). Единственное монументальное произведеніе александ-

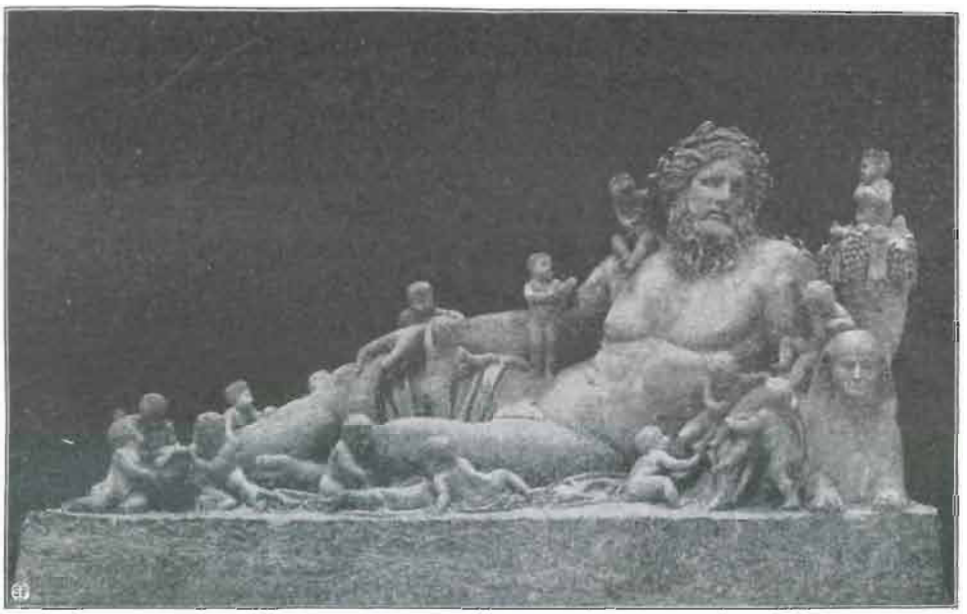

Рис. 90. НИЛЪ. Мраморъ въ Ватиканѣ. Съ фотографіи.
Найденъ при Львѣ X въ Римѣ около S. Maria sopra Minerva, на предполагаемомъ мѣстѣ храма египетской богини Исиды. Римская копія эллинистическаго произведенія. Фигуры дѣтей частью дополнены Гаспаре Споділлой.

рійской пластики, сохранившееся до нашего времени, это — статуя Нила въ Ватиканѣ (рис. 90), римское воспроизведеніе эллинистическаго оригинала, при чемъ остается сомнительнымъ, былъ ли этотъ оригиналъ статуей или картиной.

Нилъ.

Рѣчной богъ, сообразно характеру рѣки, изображенъ лежащимъ. Выраженіе его лица, обрамленнаго влажными волосами, печальное и задумчивое. Онъ приспособляется къ сфинксу, символу Египта. Въ лѣвой рукѣ у него рогъ изобилія, наполненный колосьями ржи и плодами. Изъ скрытаго для зрителя мѣста соприкосновенія рога изобилія съ почвой течетъ вода, заливающая всю базу: это символъ неизвѣстнаго въ древности источника Нила. Въ правой рукѣ у бога пучокъ колосьевъ. 16 веселыхъ дѣтскихъ фигурокъ рѣзвятся вокругъ колоссальной фигуры бога. Нѣкоторыя изъ нихъ, налѣво, играютъ съ крокодиломъ, другія съ ихневмономъ, третьи суетятся вокругъ рога изобилія или карабкаются по рукамъ и ногамъ божества. Мы имѣемъ прямое указаніе на то, что фигуры мальчиковъ символизировали 16 локтей, на которые долженъ былъ подняться Нилъ для оплодотворенія почвы Египта и полученія обильнаго урожая. Толпа дѣтей, кромѣ того, эффектно оттѣняетъ гигантскую величину главной фигуры. Попытка охарактеризовать географическое своеобразіе изображенной рѣки при

помощи сфинкса, невидимаго источника Нила, суетящихся дѣтей и египетскихъ животныхъ, съ которыми они играютъ, напоминаетъ намъ антіохійскую Tyche (рис. 45). Статуя является первымъ безспорнымъ изображеніемъ рѣчного божества, служившаго образцомъ подобныхъ произведеній искусства вплоть до нашихъ дней.

Если вообще въ Александріи существовала постоянная мѣстная школа ваятелей, то ея продуктивность, вѣроятно, ограничивалась портретами и мелкимъ искусствомъ. Въ портретахъ александрійскаго происхожденія (рис. 8 сл.) интересна наблюдательность, направленная на этнографическія особенности. Александрія со своей пестрой смѣсью населенія въ этомъ отношеніи служила прекрасной школой. Самое оригинальное, однако, было создано въ области жанра. Уже знакомая намъ склонность александрійцевъ къ крайнему реализму, любовь къ ѣдкой насмѣшкѣ, къ карикатурному изображенію жизни, порождаютъ замѣчательно удачные образы (рис. 57); съ величайшей живостью воплощаютъ они пестрое смѣшеніе племенъ, толпившихся на улицахъ всемірной столицы, будничную суету во всѣхъ ея многообразныхъ проявленіяхъ, наблюдаемыхъ изо-дня въ день. Повидимому, бытовое искусство, создавшее типы изъ опредѣленной профессіональной среды въ ея характерныхъ особенностяхъ и преимущественно изображавшее смѣшныя стороны ея, если не обязано своимъ возникновеніемъ Александріи, то особенно процвѣтало въ ней. Образцы на рис. 57, 60 и 62 не всѣ происходятъ изъ Александріи, но всѣ безъ исключенія проникнуты типичной чертой александрійскаго сарказма, всегда готоваго, не задумываясь, пожертвовать красотой ради юмористической pointe.

Жанръ.

Живописный рельефъ.

Въ болѣе древнемъ греческомъ искусствѣ рельефу было отведено сравнительно скромное мѣсто; имъ заполнялись поля метопъ и стѣнные фризы, имъ украшались надгробія и стѣнки саркофаговъ. Отнынѣ къ рельефу предъявляются новыя требованія, его размѣры значительно расширяются, онъ служитъ оживленіемъ покрытыхъ инкрустаціей стѣнъ въ частныхъ жилищахъ (ср. выше). Замѣняя собою стѣнную роспись, рельефы заимствуютъ многія особенности ея характера, сами превращаясь въ родъ живописи на камнѣ. Въ древнегреческомъ рельефѣ господствуетъ изображеніе человѣка, фонъ рельефа отличался монотонностью и безцвѣтностью; отнынѣ же художникъ съ любовью останавливается и на немъ: фигуры выдѣляются на фонѣ скалъ и деревьевъ (рис. 61), живописныхъ архитектурныхъ деталей (рис. 228), уютно устроенныхъ interieur'овъ (рис. 55). Возникаетъ ландшафтъ, какъ таковой, съ различными перспективными планами, съ дѣйствительной передачей пространственныхъ отношеній. Героическіе мотивы, преимущественно изображавшіеся древнимъ рельефомъ, были слишкомъ претенціозны для этой украшающей жилище живописи на камнѣ; если къ нимъ и прибѣгали, то трактовали тѣ же мотивы интим-

Рис. 91. БАЗА ВАТИКАНСКОЙ СТАТУИ НИЛА.
Ср. Museo Pio Clementino I, табл. 38.
Передняя сторона базы красиво изображаетъ только волны и элементы растительности; на трехъ остальныхъ полосахъ мы видимъ пасущихся коровъ, крокодиловъ среди ихневмоновъ и бегемотовъ, карликовъ-пигмеевъ въ лодкѣ, охотящихся на крокодила, фламинго среди крокодиловъ и бегемотовъ. Фламинги, по всей вѣроятности, символизируютъ сказочную птицу Трохила, оказавшую услугу крокодилу освобожденіемъ его отъ піявокъ, всосавшихся въ его пасть. Намѣчена и нильская растительность; все, повидимому, по образцамъ живописи.

нѣе, задушевнѣе, чѣмъ раньше. Персея не изображали убивающимъ морское чудовище, а галантнымъ рыцаремъ, уводящимъ послѣ совершеннаго подвига свою Андромеду со скалы (ср. указатель). Подобно эллинистической поэзіи и въ рельефахъ эллинистическаго періода царитъ эротика: грозные витязи древнихъ временъ превратились въ романическихъ героевъ и любезныхъ рыцарей. Чаще всего древніе легендарные сюжеты совершенно избѣгаются; имъ предпочитаются бытовые: сцены будничной жизни, житье-бытье мелкихъ и самыхъ мелкихъ людей, рыбаковъ, пастуховъ и, особенно, крестьянъ.

Широкое процвѣтаніе глиптики, т.-е. искусства вырѣзыванія на драгоцѣнныхъ камняхъ небольшихъ изображеній, является вполнѣ естественнымъ въ богатой міровой столицѣ Александріи. Здѣсь же, повидимому, вскорѣ послѣ смерти Александра возникъ новый видъ рѣзныхъ камней, называемыхъ камеями. На нихъ изображенія не врѣзываются, а рельефно моделируются изъ разноцвѣтныхъ слоевъ сардоникса. Нижній самый темный слой этого полудрагоцѣннаго камня служитъ фономъ, изъ слѣдующаго, свѣтлаго слоя, вырѣзывается фигура, а остальные слои искусно использованы для оттѣненія волосъ, оружія или иного украшенія; такимъ образомъ получались миніатюрные пестрые рельефы, отличающіеся какъ прочностью красокъ, такъ и долговѣчностью. Самая чудесная камея, знакомая намъ, такъ называемая Tazza Farnese (рис. 18 a и b), вѣроятно, александрійскаго происхожденія; она такъ же совершенна въ своемъ родѣ, какъ въ архитектурѣ Парѳенонъ, а въ пластикѣ Гермесъ Праксителя. Ей принадлежитъ первенство среди всѣхъ извѣстныхъ намъ пока александрійскихъ произведеній искусства.

Глиптика.

Камея.

Внѣшнюю сторону заполняетъ голова Горгоны. Она составляетъ центръ эгиды, какъ всегда изображенной изъ змѣиной кожи съ загнутыми краями, по которымъ извиваются небольшія змѣйки. У Горгоны полное лицо, неестественно маленькій ротъ и расширенные дѣтскіе глаза. Ея голову окружаетъ, на первый взглядъ, спутанная, на самомъ же дѣлѣ симметрически лежащая, масса волосъ. Два небольшихъ крылышка спрятаны въ нихъ. Подъ подбородкомъ двѣ граціозныя змѣйки сплетаются въ узелъ.

Внутренняя часть роскошной чаши украшена нѣсколькими фигурами, символизирующими плодородіе Египта. Налѣво у сикомора возсѣдаетъ Нилъ, опираясь правой рукой на рогъ изобилія. Въ ногахъ его сидитъ его супруга Евеенія (изобиліе), правымъ локтемъ опираясь на голову сфинкса. За ней выступаетъ Хоросъ, первый сѣятель и пахарь, держа въ правой рукѣ ярмо и яремный ремень плуга; мѣшокъ для посѣвнаго зерна виситъ на его плечѣ. Надъ Хоросомъ въ эоирѣ витаютъ лѣтніе сѣверные вѣтры, Этесіи, своимъ дуновеніемъ поднимающіе воду въ Нилѣ. Направо пристроились мѣсяцы наводненія и обработки полей, держа чашу и рогъ изобилія въ рукахъ.

Торевтика.

Рис. 92. СЕРЕБРЯНАЯ ЧАША ИЗЪ АЛЕКСАНДРІИ.

Ср. Monum. Piot V, Tf. I.

Найдена въ Боскореале близъ Помпей. Нынѣ въ Луврѣ. По H. de Villefosse.

Середина чаши, предназначенной для подвѣшиванія, была позолочена. На ней изображенъ бюстъ мужественной богини-покровительницы города Александріи. Голову ея украшаетъ шкура слона, снабженная хоботомъ и клыками; на ея плечи свѣшиваются уши слона. Мочки ушей проколоты; въ нихъ когда-то вставлены были кольца. Въ правой рукѣ она держитъ египетскую змѣю, на правомъ плечѣ ея покоится левъ. Лѣвой рукой богиня держитъ рогъ изобилія, надъ плодами котораго возвышается эмблема Исиды въ видѣ полумѣсяца. Одна изъ складокъ одежды также наполнена плодами, среди которыхъ стоитъ кротечный напитокъ. На лѣвой груди богини барсъ-самка поднимаетъ лапу, готовясь напасть на змѣю въ рукѣ богини. Налѣво мы видимъ систръ, музыкальный инструментъ, употреблявшійся въ культѣ Исиды (рис. 47). По краямъ чаши вьется бордюръ изъ лавра и мирта.

Такой же законченностью и прелестью красокъ отличается Птолемеевская камея въ Вѣнѣ (рис. 7), девять разнотонныхъ слоевъ которой использованы съ поразительной смѣлостью и свободой техники.

Наконецъ, Александрія является главнымъ центромъ производства издѣлій торевтики, т.-е. чеканной серебряной посуды, такого же неизбѣжнаго аттрибута въ богатомъ домашнемъ обиходѣ эллинистическихъ грековъ, какъ и римлянъ въ эпоху имперіи. Особенно оригинальный образецъ этой чеканной утвари представляютъ собою луврскіе кубки, изображающіе пляску мертвыхъ (ср. ниже о Петроніи): сюжетъ указываетъ на Александрію, городъ ученыхъ скептиковъ и саркастовъ.

Оба серебряныхъ, частью еще сохранившихъ позолоту, кубка были найдены вмѣстѣ съ другой многочисленной серебряной утварью въ 1895 г. въ Боскореале близъ Помпей. Оба кубка покоятся на трехъ низкихъ ножкахъ въ видѣ раковинъ. Верхніе края кубковъ украшены гирляндами изъ розъ, напоминавшихъ о бренности жизни, или же просто воспроизводившихъ обычное украшеніе покойниковъ. Ниже изображены по 4 сцены пляски мертвецовъ. Изображенные въ сильномъ движеніи скелеты извѣст-

ныхъ писателей и мыслителей, напоминать о необходимости спѣшить наслаждаться жизнью, прежде чѣмъ она погаснетъ. Пунктированныя надписи частью называютъ изображенныхъ лицъ, частью кратко формулируютъ эпикурейскія сентенціи о наслажденіи жизнью, которому эти кубки служили. Петроній, между прочимъ, разсказываетъ намъ объ обычаѣ подавать гостямъ во время римскихъ пиршествъ маленькій серебряный скелетъ съ цѣлью подобнаго же напоминанія.

Главная находка серебрянаго клада изъ Боскореале (рис. 92)— прелестная чаша съ изображеніемъ богини-покровительницы Александріи, безъ всякаго сомнѣнія, александрійскаго происхожденія. Производство опредѣленныхъ формъ кубковъ сосредоточивалось исключительно въ столицѣ на Дельтѣ, почему они даже назывались по именамъ Птолемеевъ.

Резиденція Птолемеевъ до царствованія послѣднихъ представителей династіи сохраняла за собою славу главнаго разсадника эллинистической культуры. Во время покоренія страны римлянами александрійская наука, искусство и художественная промышленность были въ полномъ расцвѣтѣ. При соприкосновеніи ихъ съ Римомъ вліяніе ихъ на Римъ было кореннымъ и глубокимъ (ср. ниже). Изъ древней міровой столицы Востока отнынѣ устремляется широкій, въ теченіе долгаго времени не прекращавшійся, потокъ цивилизаціи въ Римъ, гдѣ только-что возникли болѣе утонченные запросы культуры. Впослѣдствіи же, благодаря посредничеству Рима, сокровища александрійской литературы и александрійскаго искусства становятся достояніемъ всего Запада и всего человѣчества.

IV. ПЕРГАМЪ

Пергамъ.

Среди центровъ искусства эпохи діадоховъ мы въ данное время лучше другихъ знаемъ горный Пергамъ. Онъ отнюдь не былъ культурнымъ центромъ, задававшимъ тонъ. Но тогда какъ на мѣстѣ древней Александріи и въ столицахъ Сиріи почти не найдено никакихъ памятниковъ искусства, увѣнчанныя блестящими результатами раскопки въ столицѣ Атталидовъ, Пергамѣ, возстановляютъ намъ его во всѣхъ существенныхъ частяхъ: изучая Пергамъ, мы получаемъ представленіе о художественномъ богатствѣ эллинистической резиденціи.

Пергамъ былъ расположенъ въ Мисіи въ долинѣ Каика на трахитовой скалѣ, возвышавшейся на 333 м. между горными ручьями Кетіемъ и Селиномъ и самой природой созданной для крѣпости (рис. 12). Царь Лисимахъ ѳракійскій, одинъ изъ преемниковъ Александра Великаго, спряталъ тутъ свой громадный военный кладъ въ 900 талантовъ (около 32 милл. марокъ), охранявшійся евнухомъ Филетэромъ изъ Понта: послѣдній, однако, возсталъ противъ Лисимаха и началъ дѣйствовать самостоятельно; въ немъ Атталиды чтили основателя своей династіи (рис. 14). Во времена Филетэра почти весь городъ сосредоточивался на верхней площади акрополя, представляя собою типичную, обнесенную прочной стѣной, крѣпость съ древнѣйшимъ святилищемъ— дорическимъ храмомъ Аѳины (ср. мал. карту на рис. 93).

При Евменѣ I (263—241), племянникѣ Филетэра, горная резиденція уже расширилась, граждане стали селиться на склонѣ горы и были принуждены занять террасы, застроенныя впослѣдствіи алтаремъ Зевса и агорой.

Аттал I (рис. 5), наслѣдовавшій своему отцу въ 241 году, — воинственный герой среди Атталидовъ. Послѣ блестящей побѣды, одержанной при источникахъ Каика надъ галатами, онъ принимаетъ царскій титулъ. Его власть упрочивается союзомъ съ Римомъ. Многочисленные памятники, воздвигнутые близъ древняго храма Аѳины, прославляютъ его побѣды. Первымъ періодомъ расцвѣта пергамское искусство обязано многочисленнымъ заказамъ Аттала.

Никогда Пергамъ не былъ богаче, никогда страна не была счастливѣе, никогда миръ не былъ обезпеченнѣе, чѣмъ при старшемъ сынѣ Аттала I, Евменѣ II (197—159); большей частью своихъ произведеній искусства Пергамъ обязанъ ему. Расширенная резиденція и великолѣпные храмы все больше захватывали гору акрополя. Терраса Аѳины на сѣверѣ и западѣ была украшена двухъэтажными портиками, гдѣ, между прочимъ, помѣщалась знаменитая библіотека съ музеемъ искусствъ (рис. 68). Самымъ великимъ созданіемъ Евмена II былъ алтарь Зевса: терраса, посредп которой онъ возвышался, лежала ниже древняго верхняго города; однако, видъ съ нея простирался па обѣ долины. Множество домовъ обывателей было снесено для того, чтобы очистить необходимую для алтарной террасы площадь.

Самый городъ, всѣми этими постройками вытѣснепный съ высоты горы, все больше располагался по склонамъ ея (ср. мал. карту къ рис. 93). Агора па югъ отъ террасы Зевса теперь пріобрѣтаетъ законченный видъ, она окаймляется рядомъ сводчатыхъ лавокъ съ подвальными магазинами и снабжается трахитовой мостовой. Колоннада въ 15 м. ширины и 250 м. длины, опиравшаяся, главнымъ образомъ, па искусственно воздвигнутыя опорныя стѣны, соединяла агору съ театромъ, принявшимъ теперь болѣе роскошный видъ; его окаймляли галлереи-колоннады, особенно излюбленная въ Пергамѣ архитектурная форма. Іонійскій храмъ на высокой базѣ, повидимому, посвященный культу обожествленныхъ царей, эффектно заканчивалъ эту длинную перспективу. Обширная агора, расположенная на южной части горнаго склона, также построена Евменомъ II; и ее окружаютъ двухъэтажные портики со всѣхъ сторонъ; не отсутствуютъ и подвальныя помѣщенія. При этомъ же царѣ построены три гимнасія нѣсколько выше новаго рынка на склонѣ горы (ср. мал. карту къ рис. 93 и рис. 95). Лишь одной тѣнью омраченъ конецъ славнаго продолжительнаго царствованія Евмена—немилостью Рима.

Это бремя несъ и братъ Евмена, Аттал II (159—138). Въ лицѣ его бездѣтнаго племянника, Аттала III (138—133), оригинала, увлекавшагося наукой, жалкій конецъ завершаетъ исторію славной династіи: Пергамъ по завѣщанію царя переходитъ къ Риму.

К. Гуманнъ. Конце.

Открытіемъ разрушеннаго акрополя наука обязана нѣмецкому инженеру Карлу Гуманну. Строя по порученію турецкаго правительства дорогу изъ Пергама къ морскому берегу, онъ часто наблюдалъ, какъ античный мраморъ на горѣ превращался въ известь. Въ плитахъ рельефа, пересланныхъ имъ въ Берлинъ, Александръ Конце узналъ части большого алтаря, о которомъ разсказываетъ Ампелій, писатель III столѣтія послѣ Р. Хр.: онъ былъ въ „20 футовъ высоты и украшенъ очень большими скульптурами, изображавшими гигантомахію“. Въ 1879 году были начаты раскопки. Византійскія башни и стѣны, воздвигнутыя изъ античнаго мрамора поколѣніемъ, равнодушнымъ къ исторіи прошлаго, были срыты и, такимъ образомъ, обнаружены скульптуры, украшавшія алтарь и составляющія нынѣ гордость Берлинскаго музея античной скульптуры. Послѣдующія раскопки, не прекращенныя еще и понынѣ, обнаружили остальныя строенія горной крѣпости.

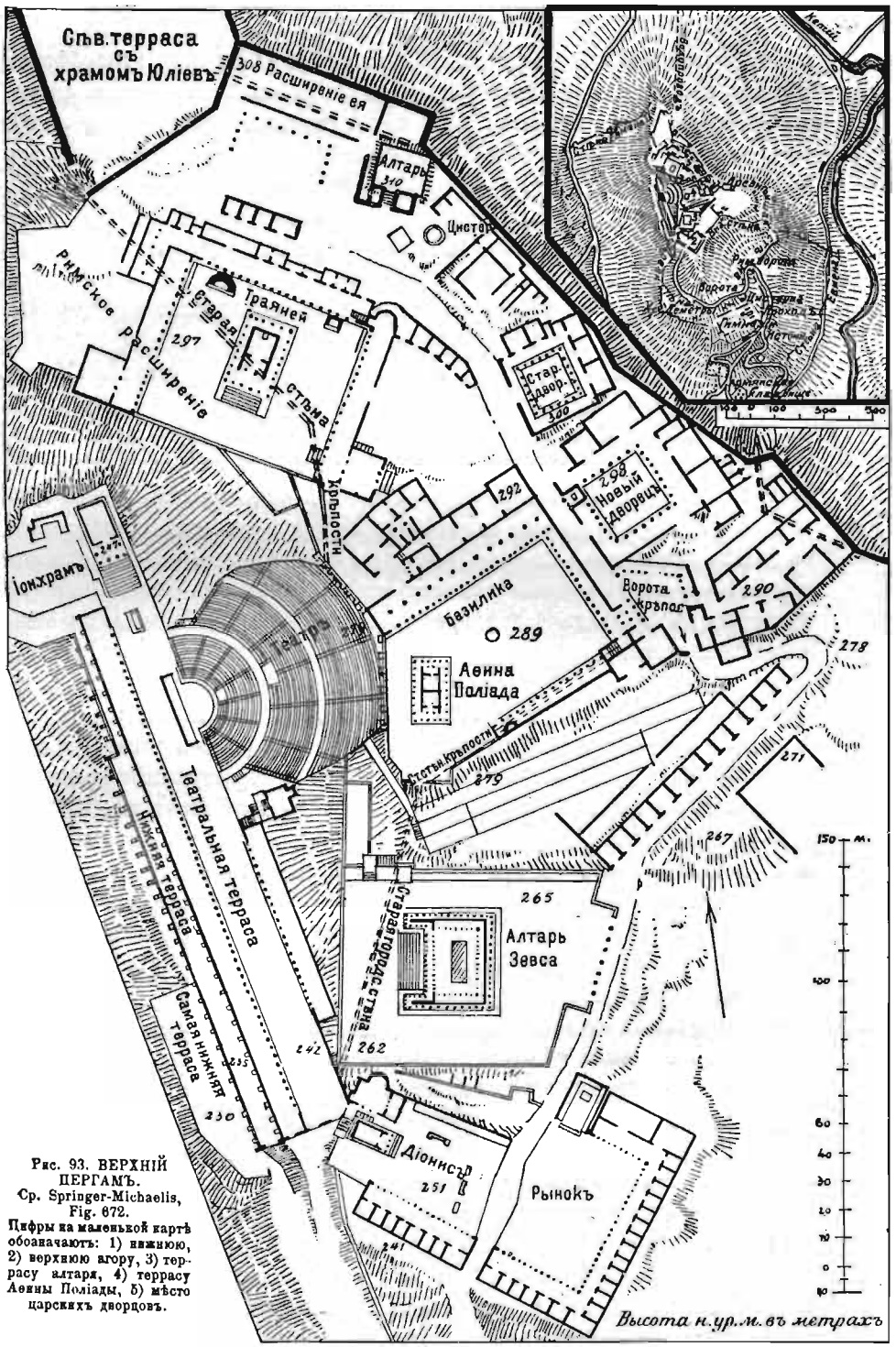

Рис. 93. ВЕРХНІЙ ПЕРГАМЪ.
Ср. Springer-Michaelis, Fig. 672.
Цифры на маленькой картѣ обозначаютъ: 1) нижнюю, 2) верхнюю агору, 3) террасу алтаря, 4) террасу Аѳины Поліады, 5) мѣсто царскихъ дворцовъ.

Въ планомѣрности строенія Пергама насъ убѣждаетъ даже бѣглый взглядъ на планъ (рис. 93): постройки крѣпости вѣерообразно располагаются вокругъ котловины театра. Естественныя неровности почвы предотвращали однообразную монотонность. Строители считались съ живописностью общаго эффекта. Впрочемъ, больше всего вниманія они, повидимому, обращали на красоту самихъ построекъ, не заботясь о сохраненіи прекрасныхъ видовъ вдаль: наслажденіе ландшафтомъ, какъ таковымъ, пробудилось гораздо позднѣе.

Архитектура храмовъ.

Въ архитектурѣ храмовъ продолжали въ главныхъ чертахъ примѣняться старыя формы. Мы замѣчаемъ при этомъ извѣстную склонность къ широкимъ, громоздкимъ архитектурнымъ формамъ. Новый архитектурный типъ, имѣвшій будущность, мы имѣемъ въ храмѣ на высокой базѣ (ср. ниже), подобномъ іонійскому храму близъ театра. Среди колоннъ коринѳская отсутствуетъ, что очень странно. Явно отдается предпочтеніе іонійскому стилю, при чемъ колонны часто вѣнчаются четырехсторонней капителью, иногда одинаково обработанной со всѣхъ четырехъ сторонъ (ср. рис. 97). Своеобразіе дорической колонны подверглось наибольшимъ измѣненіямъ; она снабжается въ большинствѣ случаевъ базой, приближается своей стройностью къ іонической, каннеллировка захватываетъ только часть ея ствола или же отсутствуетъ совершенно (рис. 98). Встрѣчаются и фантастическія новосозданія, подобно, напр., пальмовой капители храма Аѳины (ср. рис. 96 и 16). Антаблементъ не отличается прежнимъ строгимъ расчлененіемъ: триглифовый фризъ становится простымъ декоративнымъ мотивомъ, встрѣчаемымъ какъ въ іонійскихъ, такъ и въ дорійскихъ постройкахъ (ср. рис. 98). Часто встрѣчается смѣшанный характеръ антаблемента, комбинація дорическихъ триглифовъ съ іонійскимъ сухарнымъ карнизомъ. Среди общественныхъ зданій насъ особенно интересуютъ резиденціи царей. Къ сожалѣнію, какъ-разъ отъ нихъ сохранились только сильно разрушенныя капитальныя стѣны, съ точки зрѣнія исторіи искусства ничего намъ не говорящія.

Общественныя постройки и сооруженія.

Доступными изученію оказались крѣпостныя сооруженія, городскія ворота съ опускной рѣшеткой и калиткой для вылазокъ, защищенныя громадными башнями, городская стѣна съ ея безукоризненной кладкой изъ тесанаго камня, проѣзжія дороги, мощеныя трахитовыми плитами (рис. 17) и ведущія безчисленными извилинами на высоту горы. Поразительно искусно использована неровная горная почва. Внѣшнія края всѣхъ террасъ, о которыхъ мы выше не разъ уже упоминали, поддерживаются субструкціями въ видѣ стѣнъ или сводовъ и опираются на подпорныя стѣнки, требовавшія большихъ денежныхъ затратъ. Между постройкой и отвѣсной горной стѣной оставлялся промежутокъ въ 0,5 м., такъ называемая Peristasis, въ цѣляхъ предотвращенія сырости. При

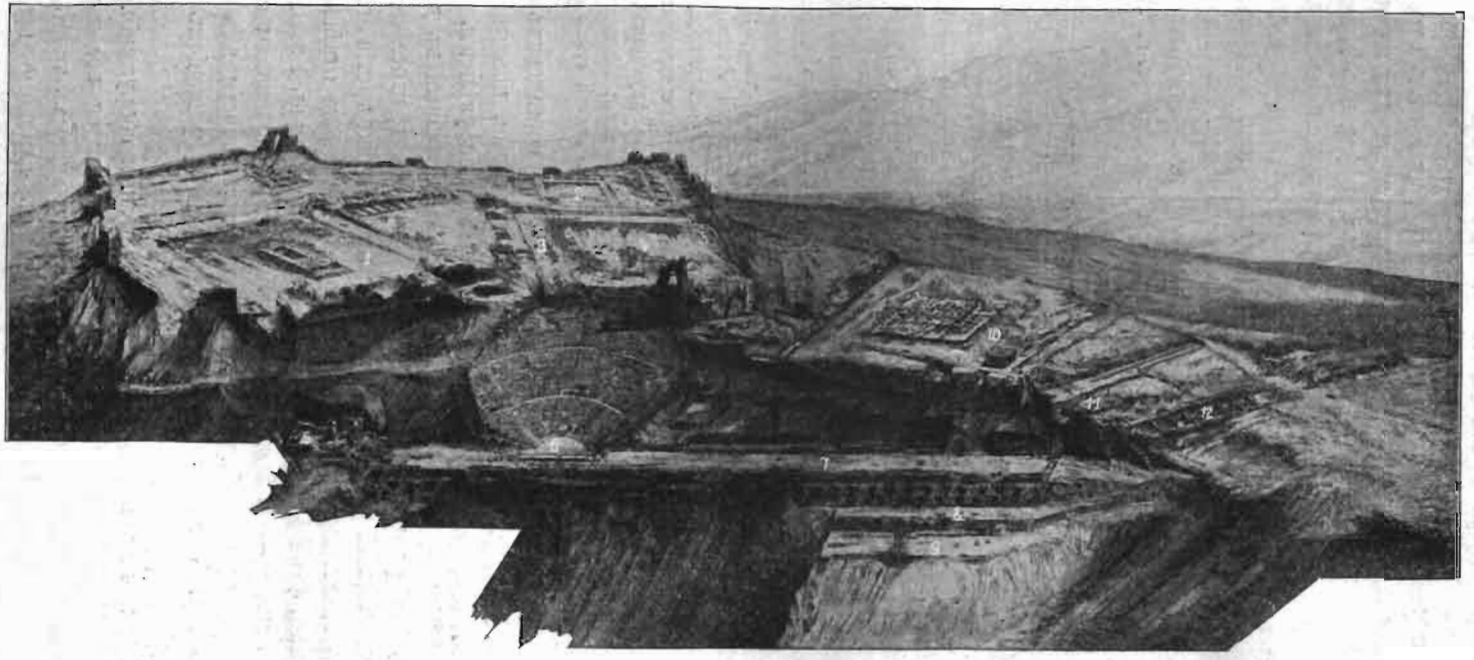

Рис. 94. ВЕРХНІЙ ПЕРГАМЪ.

Развалины въ современномъ ихъ состояніи съ птичьяго полета. Ср. Pontremoli, «Pergame», pl. 3.

1) Терраса храма Траяна.
2) Царскій дворецъ.
3) Библіотека.
4) Терраса Аѳины.
5) Іонійскій храмъ близъ театра.
6) Театръ.
7) Верхняя терраса театра.
8) Средняя терраса театра.
9) Нижняя терраса театра.
10) Алтарь Зевса.
11) Храмъ Діониса.
12) Галлерея верхняго рынка.

всей солидности построекъ мы нигдѣ не видимъ расточительности въ пользованіи строительнымъ матеріаломъ. Характерными для царскаго Пергама являются колоннады въ одинъ или два нефа; ихъ длинныя галлереи, защищенныя отъ непогоды, соединяли между собою важнѣйшія зданія (ср. галлерею театральной террасы) или декоративно окаймляли площадь. Въ честь ихъ царскихъ строителей онѣ назывались просто βασιλικαί (т.-е. „царскія“).

Рис. 95. ПОКРЫТАЯ СВОДОМЪ ЛѢСТНИЦА, ВЕДУЩАЯ ВЪ СРЕДНІЙ ПЕРГАМСКІЙ ГИМНАСІЙ.

Съ фотогр. археолог. института.

Одинъ изъ древнѣйшихъ примѣровъ свода изъ тесанаго камня въ восточной Элладѣ. Лѣстница состоитъ изъ пяти частей, раздѣленныхъ подостами. Богарные своды лѣстницъ идутъ, не возвышаясь, а горизонтально. При встрѣчѣ двухъ сводовъ подъ прямымъ угломъ естественно было бы пересѣченіе ихъ въ видѣ крестоваго свода; однако, тутъ техническая увѣренность измѣнила строителю. Эти недочеты обнаруживаютъ новизну сводчатыхъ построекъ въ Пергамѣ, заимствованныхъ, повидимому, изъ Месопотаміи.

Въ собственной Греціи подобное украшеніе города не пользовалось большимъ распространеніемъ; поэтому Атталидамъ пришла въ голову счастливая мысль увѣковѣчить память о себѣ въ Аѳинахъ и другихъ городахъ сооруженіемъ подобныхъ портиковъ. Такъ, напримѣръ, Евменъ II построилъ въ Аѳинахъ двухкорабельный портикъ, соединявшій театръ Діониса съ Одеономъ и нѣсколько напоминавшій колоннады на пергамской террасѣ театра; весь планъ стои, воздвигнутой Атталомъ II на аѳинской агорѣ, опредѣленно носитъ характеръ пергамской постройки: во фронтѣ двухкорабельной двухэтажной колоннады было 44 колонны; 21 магазинъ былъ пристроенъ къ задней стѣнѣ ея.

Въ этихъ пергамскихъ колоннадахъ впервые, повидимому, дѣлается попытка увѣнчать нижній этажъ, построенный въ дорическомъ стилѣ, болѣе граціознымъ іоническимъ, принципъ, впослѣдствіи сознательно развиваемый римлянами, присоединившими еще третій этажъ, въ коринѳскомъ стилѣ. При сооруженіи этихъ колоннадъ на отвѣсныхъ горныхъ склонахъ, фронтъ, обращенный къ горѣ, строился въ 1 этажъ, а обращенный къ склону—въ 2 этажа. Такимъ образомъ колоннады естественно и красиво приспособлялись къ неровностямъ почвы; ихъ безчисленныя колонны были особенно благороднымъ украшеніемъ городовъ.

Великолѣпны были, прежде всего, водопроводныя сооруженія. Къ цистернамъ древнѣйшихъ временъ вскорѣ присоединяются водонапорные проводы изъ далекихъ горъ; для снабженія свинцовыхъ трубъ достаточной силой сопротивленія ихъ вкладывали въ каменные квадры

съ отверстіями. Ключевая вода, достигавшая, подъ вліяніемъ давленія, зданій и площадей на вершинѣ горы, скоплялась въ нѣсколькихъ районахъ города въ красивыхъ колодцахъ. Существовали и цѣлесообразныя сооруженія для стока нечистотъ. Въ одномъ мѣстѣ подъ античной мостовой (рис. 17) найдено не менѣе одиннадцати рядомъ лежащихъ трубъ! Особое значеніе имѣли водопроводы для термъ: впрочемъ, въ Пергамѣ термъ пока не найдено. Скудны наши свѣдѣнія и о могилахъ царей и гражданъ (ср. рис. 13). Однако, несмотря на эти и нѣкоторые другіе пробѣлы, мы, тѣмъ не менѣе, имѣемъ поразительно полную картину города. Его богатую архитектуру украшала не менѣе богатая пластика.

Рис. 96. ПАЛЬМОВАЯ КАПИТЕЛЬ СЪ ПЕРГАМСКОЙ ТЕРРАСЫ АѲИНЫ.
Ср. Pontremoli, «Pergame», p. III.

Пластика. Первый періодъ расцвѣта.

Первый періодъ расцвѣта пергамской пластики относится ко времени Аттала I, преобразившаго террасу Аѳины (рис. 16) въ родъ тріумфальнаго памятника. На ней былъ воздвигнутъ цѣлый рядъ группъ и статуй, прославлявшихъ побѣды надъ галлами и Селевкидами. Тутъ возвышался прежде всего памятникъ въ 14 м. длины, которымъ Атталъ приносилъ Аѳинѣ благодарность за всѣ свои побѣды. Болѣе скромное произведеніе скульптуры увѣковѣчивало побѣду надъ галатами у источниковъ Каика (ср. выше). Наконецъ, тутъ же прославляли побѣды царя особымъ памятникомъ его офицеры и солдаты. До насъ сохранились только базы этихъ статуй съ посвятительными надписями, бронзы же, нѣкогда возвышавшіяся на нихъ, разрушены безслѣдно. Такой же участи подверглись многія другія статуи, украшавшія, главнымъ образомъ, террасу Аѳины. Творцомъ болѣе значительныхъ изъ этихъ скульптуръ надписи называютъ Эпигона. Онъ при дворѣ Аттала I, по всей вѣроятности, игралъ роль, подобную роли Лисиппа при Александрѣ. Плиній называетъ Эпигона на первомъ мѣстѣ среди многочисленныхъ художниковъ, увѣковѣчившихъ битвы Аттала и Евмена съ галлами; онъ прославляетъ его многосторонность, особенно высоко ставя произведеніе, которымъ Эпигонъ превзошелъ всѣхъ современниковъ,—трубача (tubicen).

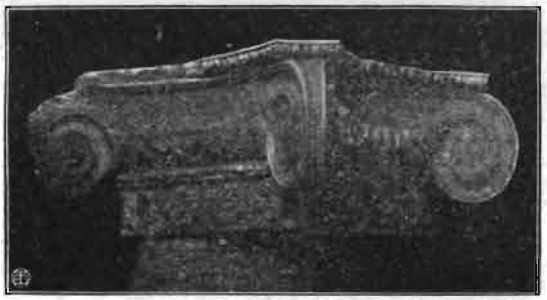

Рис. 97. ІОНІЙСКАЯ «ДІАГОНАЛЬНАЯ» КАПИТЕЛЬ КОЛОННЫ СЪ ПЕРГАМСКОЙ ТЕРРАСЫ АѲИНЫ.
Ср. «Altertümer von Pergamon» II табл. 30.

Эпигонъ.

Возникаетъ естественный вопросъ, нѣтъ ли среди уцѣлѣвшихъ до насъ скульптуръ копій съ знаменитыхъ, многочисленныхъ бронзъ, созданныхъ художниками эпохи Аттала I? Нашъ взглядъ невольно останавливается на двухъ выдающихся статуяхъ въ собраніяхъ антиковъ Рима—на умирающемъ, такъ называемомъ, капитолійскомъ борцѣ (рис. 99 сл.) и на группѣ галла, убивающаго свою жену (рис. 101).

Умирающій галлъ.

Умирающій галлъ изображенъ въ духѣ этнографическаго реализма. Описывая кельтовъ, Діодоръ говоритъ: они были высокаго роста, съ свѣтлыми волосами, которымъ при помощи извѣстной мази придавался рыжеватый оттѣнокъ; „Кельты ихъ зачесывали назадъ, напоминая сатировъ или пановъ". Усы, неуклюжее тѣлосложеніе, грубая кожа съ ея негибкими складками характеризуютъ варвара. У раненнаго на шеѣ кельтская цѣпь (torques). Въ то время какъ онъ трубилъ въ рогъ, мечъ непріятеля пронзилъ ему правый бокъ; онъ лежитъ на своемъ щитѣ, который отдастъ лишь съ послѣднимъ вздохомъ; тутъ же лежитъ сломанная труба. Собравшись съ послѣдними силами, умирающій опирается на обѣ руки, тщетно пытаясь пріостановить потокъ крови, которой истекаетъ рана; онъ умретъ угрюмый, безъ стона, съ гордой рѣшимостью на лицѣ. Художникъ, создавшій эту скульптуру, видѣлъ въ кельтахъ не только дикихъ варваровъ; его, повидимому, поражала угрюмая отважность этихъ сыновъ природы.

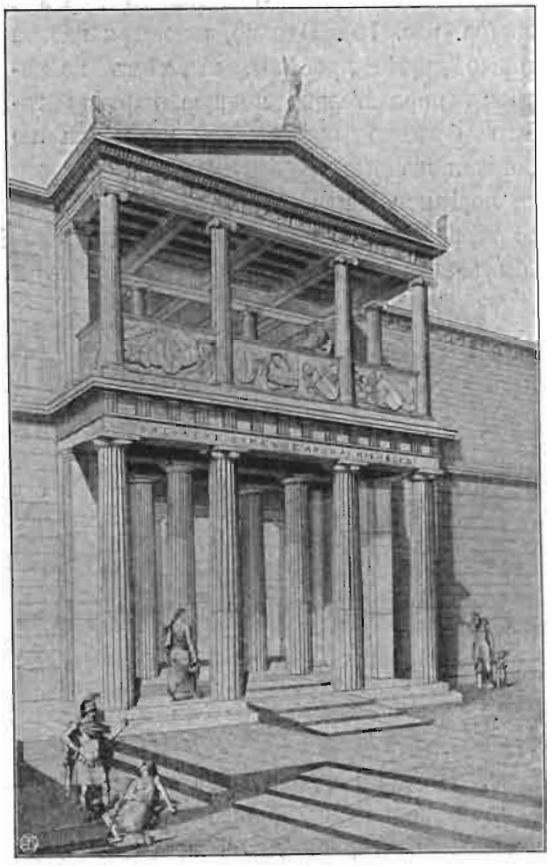

Рис. 98. ДВУХЪЭТАЖНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ ПЕРГАМСКАГО ХРАМА АѲИНЫ.

Реконструкція С. Бона.
Ср. «Altertümer von Pergamon», II, табл. 31.

Внизу дорическія, наверху іоническія колонны. Интересны рельефы балюстрадъ (рис. 21). Дорическій триглифный фризъ въ соединеніи съ іонійскимъ сухарнымъ карнизомъ распространяется и на іонійскій епистиль второго этажа. Каждому промежутку между колоннами соотвѣтствуетъ не одинъ, а нѣсколько триглифовъ.

Галлъ и его жена.

Въ Галлѣ и его женѣ мы также видимъ характерныя черты кельтовъ (рис. 101): усы мужчины, свободно ниспадающіе волосы и широкое лицо женщины; украшенія на щитѣ, на которомъ они стоятъ, напоминаютъ намъ щитъ умирающаго галла. Передъ нами созданіе безпощаднаго реализма: художникъ намѣчаетъ даже волосы подъ мышкой. Схваченъ высокотрагическій моментъ: битва потеряна, предводитель кельтовъ съ трудомъ спасся отъ непріятеля, ему и его женѣ грозитъ плѣнъ: однако, потерѣ свободы онъ предпочитаетъ смерть. Убивъ свою подругу и бросая пламенѣющій гнѣвомъ взоръ на своихъ преслѣдователей, онъ направляетъ мечъ въ

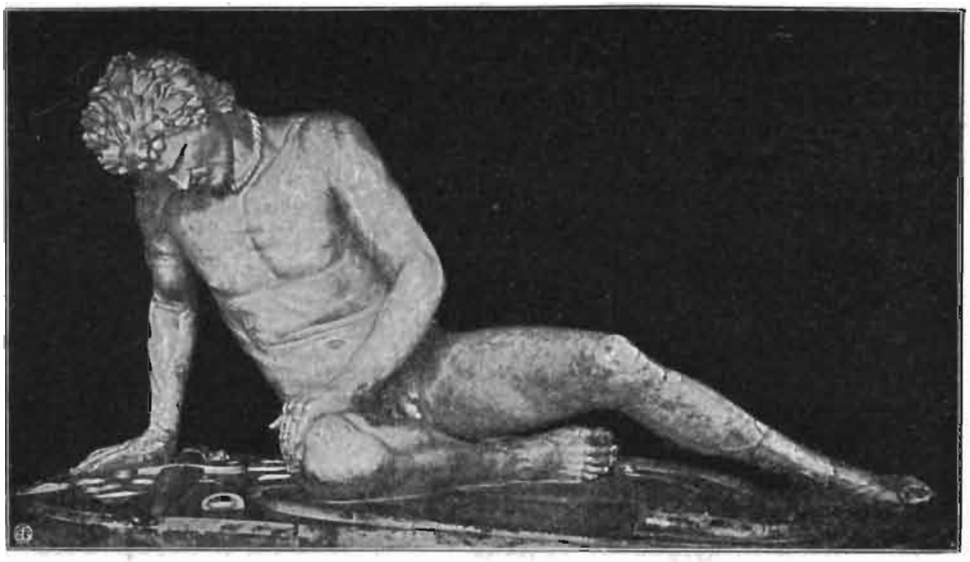

Рис. 99. УМИРАЮЩІЙ ГАЛЛЪ.
Мраморъ. Римъ. Капитолій. Съ фотографіи.
Реставрированы мечъ и труба, хотя неверно (безъ мундштука). Это не tuba, а lituus. Если слова Плинія: «praecessit in tubicine» (своимъ «Трубачемъ» онъ превзошелъ) дѣйствительно относятся къ нашей статуѣ, то римскій авторъ неточно перевелъ слово σαλπιγκτής, найденное имъ въ источникѣ (въ упомянутомъ на стр. 190 произведеніи Антигона?).

свое собственное сердце. Насъ потрясаетъ контрастъ между бурной стремительностью воина и безсиліемъ свѣшивающейся съ его руки женщины. Стихійность жестокой сцены производитъ истинно захватывающее впечатлѣніе. Мы опять видимъ художника, создавшаго памятникъ варварской свободолюбивой гордости, исполненнаго симпатіи къ врагу своей родины.

Рис. 100. ГОЛОВА УМИРАЮЩАГО ГАЛЛА
Съ фотографіи.

Подобныя картины гордой отваги и упорнаго мужества совершенно соотвѣтствовали темпераменту перваго Аттала: подобно его правленію и искусство, поощряемое царской казной, носитъ характеръ воинственности. Убійство и смерть отъ руки убійцы—это двѣ темы, безпрестанно варіируемыя искусствомъ Пергама. Образы ликующихъ побѣдителей, также созданные пергамскими художниками, далеко не столь сильно дѣйствовали на позднѣйшія поколѣнія,

какъ ихъ умирающіе или мертвые: до нашего времени сохранились главнымъ образомъ послѣдніе.

Подарокъ Аттала I.

Въ 201 году Атталъ I, встрѣченный торжественными почестями, совершилъ свой въѣздъ въ союзныя Аѳины. Въ память этого знаменательнаго дня онъ подарилъ аѳинянамъ скульптурное произведеніе, состоявшее изъ ряда фигуръ. Воздвигнуто было оно на южной стѣнѣ акрополя непосредственно надъ театромъ Діониса. Фигуры изъ очень тонкаго слоя бронзы, въ метръ вышины каждая, изображали въ четырехъ парныхъ группахъ борьбу съ амазонками и Мараѳонскую битву, гигантомахію боговъ и побѣду Пергама надъ кельтами. Самому славному военному подвигу аѳинянъ и его миѳическому прототипу Атталъ самоувѣренно противопоставилъ свою побѣду надъ кельтами, сближая себя, какъ покорителя кельтовъ, съ Зевсомъ, побѣдителемъ гигантовъ.

Рис. 101. ГАЛЛЪ И ЕГО ЖЕНА.
Мраморъ. Римъ. Museo Boncompagni.
Съ фотографіи Андерсона.
Смѣлость движенія фигуръ и многія свободно выдвинутыя впередъ части ихъ, вызвавшія необходимость примѣненія подпорокъ, заставляютъ предполагать (еще болѣе чѣмъ для рис. 99), что оригиналъ былъ изъ бронзы.

Бронзы не сохранились; однако, десять фигуръ нѣкоторыхъ изъ этихъ группъ существуютъ въ воспроизведеніяхъ изъ мрамора (рис. 102 сл.). Мы, странымъ образомъ, опять имѣемъ только образы побѣжденныхъ, тогда какъ менѣе интересные типы побѣдителей, быть-можетъ, никогда не копировались. Художникъ изображаетъ ихъ въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ, встрѣчающими неизбѣжную смерть или уже умершими. Какъ эти образы, такъ и умирающій галлъ (рис. 99), а также галлъ и его жена (рис. 101) созданы подъ вліяніемъ одного и того же настроенія. Всѣ эти патетическія сцены борьбы, которыми Атталъ I украсилъ аѳинскій акрополь, носятъ по содержанію и формѣ настолько же опредѣленно пергамскій характеръ, насколько базилики, воздвигнутыя въ Аѳинахъ же его преемниками (ср. выше, стр. 199).

Кромѣ этихъ болѣе или менѣе безспорныхъ произведеній ранняго періода расцвѣта пергамскаго искусства, мы назовемъ еще нѣсколько знаменитыхъ въ древнее время скульптуръ, происхожденіе которыхъ

точно неизвѣстно, хотя онѣ проникнуты духомъ, напоминающимъ только-что разсмотрѣнныхъ кельтовъ и другихъ воиновъ. Сюда относится прежде всего многофигурная группа, изображающая извѣстное состязаніе Аполлона съ Марсіемъ (рис. 104 сл., ср. Э. К., рис. 204). Аполлонъ этой группы не сохранился, Марсія же, висящаго на деревѣ, мы знаемъ по многочисленнымъ воспроизведеніямъ; скиѳскій рабъ, точащій ножъ и готовящійся содрать кожу съ Марсія, сохранился въ прекрасномъ экземплярѣ — знаменитомъ „Точильщикѣ“ изъ Флоренціи (рис. 105).

Аполлонъ и Марсій.

Рис. 102. ПЕРСЪ ПРИ МАРАѲОНѢ.
Копія съ скульптуры, посвященной Атталомъ.
Мраморъ. Римъ. Ватиканъ.
Ср. Mon. d. Ist. IX, табл. 21.

Всѣ эти статуи меньше человѣческаго роста и высѣчены изъ малоазійскаго мрамора, который полированъ подобно мрамору, изъ котораго изваянъ умирающій галлъ. Изображенный персъ совершенно нагъ, что странно для варвара; только фригійская шапка характеризуетъ его какъ грека. Поза человѣка, уклоняющагося отъ удара болѣе сильнаго противника, не вполнѣ естественна.

„Точильщикъ“ намъ напоминаетъ казака; онъ изображенъ въ духѣ того этнографическаго реализма, который мы уже отмѣтили какъ характерный для пергамскаго искусства. Грубость кожи, негибкость складокъ ея надъ лодыжкой, неуклюжіе суставы пальцевъ напоминаютъ намъ умирающаго галла.

„Точильщикъ“.

Должность палача, презрѣнная и въ античности, часто предоставлялась варварамъ: передъ нами варваръ и рабъ душою. Въ улыбающемся взглядѣ скрыта низкая подобострастность; это чудовище нисколько не жалѣетъ своей бѣдной жертвы, висящей передъ нимъ на деревѣ. Изображеніе скорченнаго человѣческаго существа представляло цѣлую художественную проблему; смѣлое разрѣшеніо ея обезпечило нашей скульптурѣ ея всемірную славу.

Марсій этой группы извѣстенъ въ 17 копіяхъ (рис. 106). Художникъ могъ проявить на немъ все свое знаніе анатоміи, и онъ проявилъ его съ почти безпощадной акрибіей; и тутъ мы видимъ волосы подъ мышкой (ср. рис. 101) и на груди. Передъ нами мускулатура, могущая служить моделью въ художественной мастерской. Движеніе мускуловъ настолько ясно, какъ-будто человѣкъ уже лишенъ кожи. Изображенная сцена дышетъ кровью; но какъ-разъ такіе обостренные эффекты нравились тому жестокому времени.

Рис. 103. УМИРАЮЩІЙ ГАЛЛЪ.
Мраморъ. Неаполь. Ср. Mon. d. Ist. IX, табл. 20.

Шлемъ нохарактеренъ для галла. Поражаетъ сходство съ умирающимъ галломъ Капитолія (рис. 99). Намѣчены усы и бакенбарды варвара.

Боргезскій боецъ.

Боргезскій боецъ (рис. 107), имѣющій много общаго съ Марсіемъ,—произведеніе эфесскаго мастера Агасія. Передъ нами фигура, вся состоящая изъ мускуловъ; она и теперь еще служитъ образцомъ для копированія въ нашихъ художественныхъ школахъ.

Рис. 104. АПОЛЛОНЪ и МАРСІЙ.
Мраморный дискъ. Дрезденъ.
Ср. Archaeol. Anz., 1889, стр. 99.
По композиціи диска мы получаемъ нѣкоторое представленіе о статуарной группѣ. Недостаетъ лишь точильщика, стоявшаго, по всей вѣроятности, за деревомъ.

Смѣлое движеніе и крайняя напряженность всѣхъ членовъ тѣла соединяются съ безупречной анатомической точностью. Если художникъ заслуживаетъ упрека, то исключительно только въ чрезмѣрной тщательности и педантичности. Ему знакомъ каждый мускулъ, каждый суставъ, и онъ не поступается ни единой деталью; подобная добросовѣстность болѣе подходила бы къ научному трактату, чѣмъ къ произведенію искусства.

Кулачный боецъ изъ музея Термъ въ Римѣ (рис. 41) и группа борцовъ изъ Флоренціи (рис. 40) дополняютъ наше представленіе о пергамскомъ искусствѣ.

Кулачный боецъ.

Кулачный боецъ изъ музея Термъ характеризуетъ типъ грубыхъ профессіональныхъ атлетовъ, постепенно вытѣснившихъ въ эллинистическую эпоху свободныя состязанія эфебовъ. Насъ поражаетъ честь, оказываемая этимъ заурядпымъ атлетамъ-плебеямъ увѣковѣченіемъ ихъ въ бронзовыхъ статуяхъ. Нашъ герой, утомленный, опустился на скалу, безпомощно сложивъ свои накрѣпко забинтованныя руки и поднимая голову, какъ-будто желая убѣдиться въ одобреніи зрителей. Его животное лицо отражаетъ исключительно тупое самодовольство силача. Приплюснутый носъ, полуоткрытый ротъ, верхняя губа котораго слегка вваливается, потому что верхніе передніе зубы, по всей вѣроятности, выбиты, распоротыя уши, на которыхъ висятъ капли крови, — всѣ эти слѣды кулачнаго боя художникъ изобразилъ съ натуры.

Рис. 105. ТОЧИЛЬЩИКЪ (Arrotino).
Мраморъ. Флоренція. Трибуна Уффицій.
Съ фотографіи.
Найденъ въ 1538 г. въ Римѣ. Реставрированы только детали.

Борцы.

Борцы изъ Флоренціи (рис. 40) свободны отъ всѣхъ этихъ отталкивающихъ чертъ; но и они отличаются большимъ реализмомъ. Художникъ великолѣпно знаетъ строеніе человѣческаго тѣла, чѣмъ и желаетъ блеснуть. Созданное имъ произведеніе есть искусно воплощенное движеніе эластичныхъ мускуловъ, не больше. Побѣдителю удалось лѣвой рукой схватить кисть

правой руки противника, отогнуть его руку назадъ и придавить его самого къ землѣ. Его побѣда будетъ окончательной, если онъ окажется въ силахъ схватить правой рукой правую же руку противника, а освободившейся такимъ образомъ лѣвой обезоружить лѣвую руку побѣжденнаго. Интересъ къ подобнымъ сложнымъ, сокращеннымъ положеніямъ тѣла характеренъ для искусства этой эпохи (рис. 102 и 105).

Пластика. Второй расцвѣтъ.

Той же пергамской школѣ, по всей вѣроятности, принадлежитъ часто воспроизводившійся, все еще опредѣленно не разгаданный портретъ, обыкновенно ошибочно называемый портретомъ Сенеки (рис. 58): ни одна эпоха не превзошла этого безпощадно реалистическаго изображенія небрежной внѣшности старика ученаго.

Рис. 106. ПОВѢШЕННЫЙ МАРСІЙ.
Мраморъ. Константинополь. Чинили-кіоскъ.
Съ фотографіи.

Мы видѣли, что архитектурное творчество въ Пергамѣ достигаетъ высшаго расцвѣта при Евменѣ II (выше, стр. 194). Крупнѣйшимъ произведеніемъ, возникшимъ при этомъ монархѣ, является великій алтарь съ изображеніемъ гигантомахіи. Весь его планъ и построеніе въ высшей степени оригинальны. Тѣмъ не менѣе, несмотря на почти полное разрушеніе алтаря, археологіи удалась его реконструкція въ главныхъ чертахъ, что принадлежитъ къ числу высочайшихъ ея тріумфовъ.

Алтарь.

Въ древнее время мало обращали вниманія на эту замѣчательную постройку. Фризъ, выразительной живостью котораго мы нынѣ любуемся, носилъ лишь декоративный характеръ, и его такъ же не считали достойнымъ особаго упоминанія, какъ и фризъ Парѳенона. Но античная литература хранитъ почти полное молчаніе и обо всемъ алтарѣ. Кромѣ Ампелія (выше, стр. 194), вѣроятно, еще апостолъ, авторъ Апокалипсиса (II, 12), намекаетъ на это языческое святилище въ словахъ ангела, обращенныхъ къ пергамской церкви: „Знаю, что ты живешь тамъ, гдѣ престолъ сатаны“. Уцѣлѣвшія еще на мѣстѣ развалины стѣнъ фундамента (ср. рис. 94, 10) покрываютъ собой почти квадратный прямоугольникъ въ 34 — 36 метровъ; это былъ, такимъ образомъ, одинъ изъ обширнѣйшихъ алтарей всего греческаго міра. На четырехъ ступеняхъ возвышался сначала гладкій цоколь, затѣмъ, украшенный гигантомахіей, фризъ, окаймленный рѣзко профилированными карнизами. Въ этой нижней части алтаря, имѣвшей форму куба,

на западной сторонѣ возвышалась лѣстница гигантской ширины, въ 20 пологихъ ступеней, окаймленная узкими стѣнами и ведущая на платформу, окружавшую самый алтарь. Во время празднествъ, когда гнали на верхъ алтаря гекатомбы и вокругъ алтаря волновалась праздничная толпа, величина лѣстницы переставала казаться чрезмѣрной.

Верхняя часть алтаря состояла изъ іонійской колоннады; колонны шли по всѣмъ четыремъ сторонамъ платформы, кончаясь на подестахъ лѣстницы; задняя стѣна этого портика окружала алтарный дворъ, заходя въ нѣсколько расширенномъ видѣ и на выступы лѣстницы. Только на западной сторонѣ, тамъ, гдѣ ширилась лѣстница, эта стѣна замѣнена была столбами, оставлявшими между собой 13 проходовъ къ алтарю. Антаблементъ колоннады, какъ часто въ Іоніи, не былъ украшенъ фризомъ. Плоскій потолокъ былъ снизу снабженъ кассеттами; на крышѣ нѣкогда возвышался рядъ фигуръ въ видѣ акротеріевъ (ср. рис. 108).

Рис. 107. БОРГЕЗСКІЙ БОЕЦЪ.

Мраморъ, найденный въ Porto d'Anzio, долго бывшій во владѣніи семьи Боргезе, съ 1808 г. находится въ Луврѣ.

Ср. Kayet, «Mon. de l'art ant.», II, табл. 64.

Молодой воинъ, лицо котораго производитъ нѣсколько плебойское впечатлѣніе, находится въ позѣ нападенія и самозащиты одновременно. На лѣвомъ локтѣ удѣлѣла рукоятка щита, пальцы лѣвой руки согнуты, готовясь схватить другую рукоятку. Трудно сказать, составлялъ ли бронзовый щитъ часть статуи въ ея древнемъ видѣ. Правой рукой онъ, конечно, держалъ мечъ. Шлемъ, панцырь и поножи отсутствуютъ. Противникъ выше нашего борца, вѣроятно, онъ былъ изображенъ на конѣ. Оригиналъ былъ сдѣланъ, вѣроятно, изъ бронзы.

Въ серединѣ алтарнаго двора стоялъ монументальный жертвенникъ. Выстроенный въ главныхъ частяхъ изъ мрамора, онъ имѣлъ продолговатую форму трибуны въ 3—4 метра высоты. Къ нему, по всей вѣроятности, съ запада, со стороны большой лѣстницы, вели два подъема, поворачивавшихъ одинъ вправо, а другой влѣво подъ прямыми углами; они поднимались на платформу, такъ называемую prothysis, мѣсто закланія жертвенныхъ животныхъ. На востокѣ находилось, повидимому, мѣсто свалки жертвенной золы (на рис. 109 шраффировано), которое имѣлось при всякомъ алтарѣ; на этотъ пепельный холмъ всходилъ жрецъ, когда сжигалъ въ честь боговъ бедра животныхъ. Стѣны жертвенника были также богато разукрашены (ср. рис. 108); по краямъ prothysis стояли мраморныя статуи боговъ.

Мы уже встрѣчались съ темой, изображенной на фризѣ (высота его 1,67 м., длина 120 м.): прославленіе побѣды надъ галатами, символизированной въ борьбѣ олимпійскихъ божествъ съ нападающими на

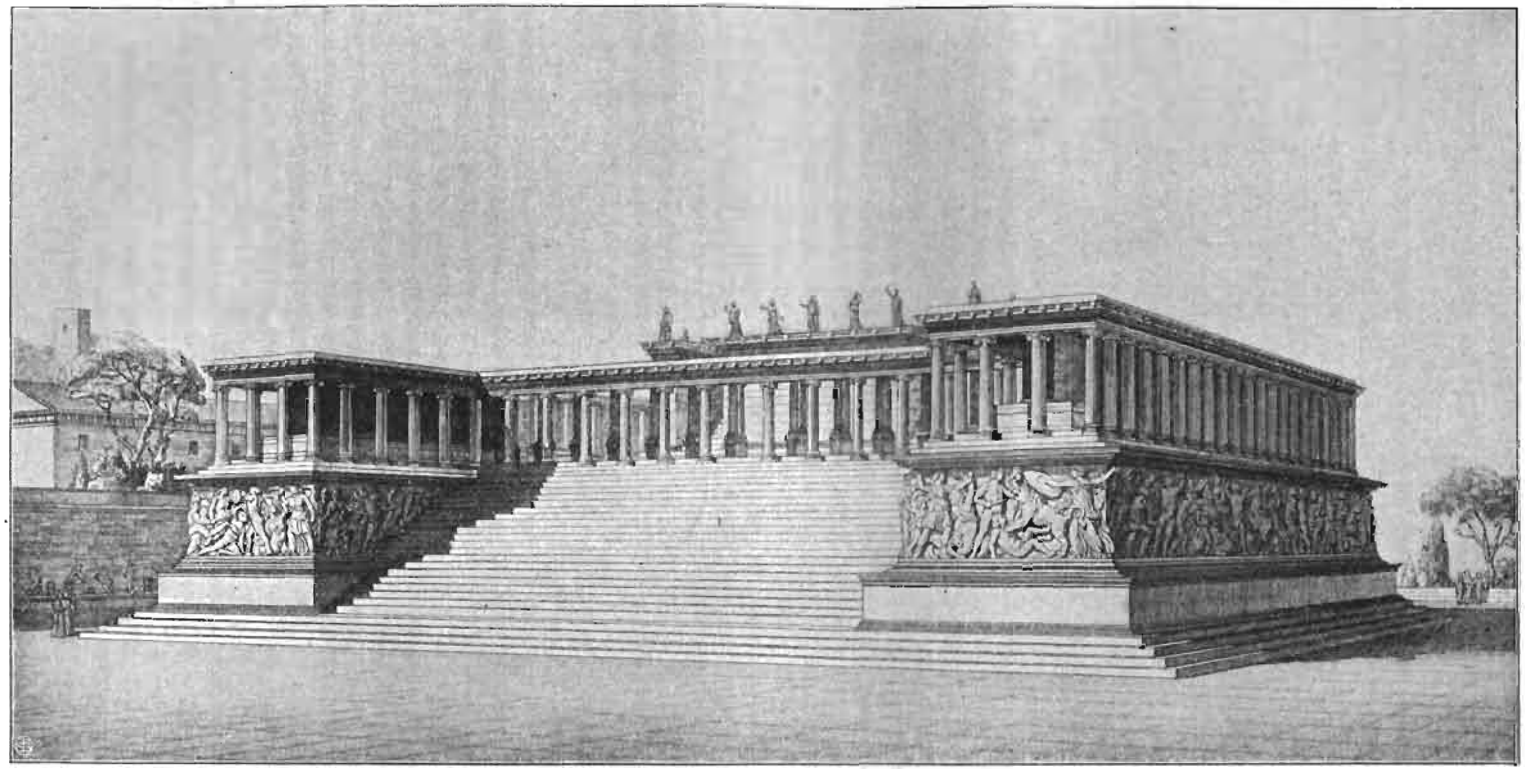

Рис. 108. ВЕЛИКІЙ ПЕРГАМСКІЙ АЛТАРЬ.

Реконструкція И. Шраммена. Ср. «Altertümer von Pergamon», III, табл. 19.

Мы ясно различаемъ цоколь, находящійся передъ задней стѣной колоннадъ. Видны также опорные столбы съ двойными полуколоннами, соединяющіе большую лѣстницу съ внутреннимъ дворомъ. Карнизъ со статуями украшаетъ жертвенникъ; видна также одна изъ лѣстницъ, ведущихъ къ prothysis (надъ серединой большой лѣстницы). Нашъ рисунокъ не передаетъ акротеріевъ, украшавшихъ плоскую крышу колоннадъ, такъ какъ ни форма ихъ, ни мѣсто точно не опредѣлены.

ихъ небесное жилище гигантами. Передъ нами божества гесіодовской «Θеогоніи».

Однако, имена множества гигантовъ, подписанныя подъ ихъ изображеніями, взяты не изъ Гесіода; они обнаруживаютъ болѣе глубокую миѳологическую эрудицію; и вообще вся композиція фриза не могла возникнуть безъ вліянія литературно-образованныхъ ученыхъ. Группировка фигуръ въ отдѣльныхъ сценахъ борьбы была слѣдующая: на западной сторонѣ были изображены божества воды и земли, на южной—великія небесныя свѣтила, на восточной—главныя олимпійскія божества, а по направленію полуночи, ночь съ ея созвѣздіями. Изъ этого обширнаго цикла образовъ мы описываемъ лишь нѣкоторые.

На передней сторонѣ южнаго выступа лѣстницы, на мѣстѣ, сразу бросающемся въ глаза, мы видимъ стремительнаго Діониса (рис. 108). Его спутники—барсъ и двое сатировъ съ отчетливо-выступающими козлиными бородавками на шеѣ. Голову Діониса вѣнчалъ плющевый вѣнокъ. Его длинныя кудри сзади связаны въ узелъ. Въ правой рукѣ онъ держалъ тирсъ, лѣвой, вѣроятно, схватывалъ своего противника. Хитонъ съ рукавами, изъ нѣжной, полосатой ткани, облекаетъ его мягкія, почти женственныя формы. Онъ опоясался звѣриной шкурой и накинулъ на плечи развѣвающуюся коротенькую мантію. Его сандаліи особенно богато украшены: все современное сапожное мастерство блѣднѣетъ передъ этой божественной обувью! Стремительное движеніе бога впередъ даетъ впечатлѣніе шелестящаго движенія въ складкахъ его прелестной одежды. Этотъ образъ Діониса отражаетъ всю высоту художественнаго творчества пергамцевъ; его слѣдуетъ держать въ памяти, желая по достоинству оцѣнить послѣднее.

На восточной сторонѣ, гдѣ сгруппированы всѣ великіе олимпійскіе боги, Аполлонъ своей физической красотой напоминаетъ намъ извѣстнаго лапиѳа парѳенонскихъ метоповъ (Э. К., рис. 223). Есть нѣкоторое сходство и съ Аполлономъ Бельведерскимъ (Э. К., рис. 320): по крайней мѣрѣ, и тутъ мантія бога въ живописныхъ складкахъ ниспадаетъ съ лѣвой руки. Лежащему у его ногъ гиганту стрѣла Аполлона пронзила лѣвый глазъ; упавъ, онъ оперся на землю, напоминая намъ умирающаго галла (ср. выше, рис. 99).

Четыре плиты (рис. 110) посвящены изображенію борьбы Зевса; онъ властно движется впередъ; мантія соскользаетъ съ его плечъ. Лѣвой рукой онъ потрясаетъ эгиду, правая поднята и ниспосылаетъ новый ударъ молніи. Его обувь искусно сплетена изъ ремней; на плащѣ намѣчены продольныя складки. Зевсъ вонзилъ въ лѣвое бедро рухнувшаго къ его ногамъ гиганта громовую стрѣлу, великолѣпный образецъ кузнечнаго искусства. Второй ударъ поразилъ въ спину гиганта направо отъ Зевса. Третій гигантъ, мускулатура спины котораго обращена къ зрителю, дѣлаетъ попытку укрыться шкурой отъ молніеноснаго удара. Въ борьбѣ принимаетъ участіе и орелъ Зевса, вцѣпившійся когтями въ змѣиную голову, которой заканчиваются покрытыя чешуей ноги третьяго гиганта. Этотъ третій гигантъ—противникъ, достойный Зевса; въ его глазной впадинѣ сверкалъ нѣкогда драгоцѣнный камень; только змѣевидныя ноги и по звѣриному заостренныя уши характеризуютъ существо низшаго порядка. Въ изображеніи одного изъ гигантовъ, въ профиль, второго en-face, третьяго обращеннымъ къ зрителю спиной, мы усматриваемъ не случайность, а мудрый художественный разсчетъ.

Лучше остальныхъ сохранилось изображеніе Паллады Аѳины (рис. 111). Вооруженная аттическимъ шлемомъ, эгидой и круглымъ щитомъ, она влечетъ за собой крылатаго Алкіонея, безсмертнаго лишь въ предѣлахъ своей родины. Ея сообщницей

является змѣя Эрехѳея, вонзившая зубы въ грудь Алкіонея. Въ удивительно переданномъ движеніи сопротивляется гигантъ всемогуществу Аѳины, но даже мощныя крылья, прикрѣпленныя къ ключицѣ, не спасаютъ его такъ же, какъ патетически протянутая къ матери рука. Направо отъ Аѳины поднимается изъ своего царства богиня земли, моля взоромъ и жестомъ за своего сына. Справа прилетаетъ Ника, обвивая шлемъ Аѳины вѣнкомъ (изъ металла).

Рельефы алтаря являются чѣмъ-то совершенно новымъ. Раньше, сообразно съ характеромъ рельефа, предпочитали изображать фигуры въ профиль; здѣсь же большинство изъ нихъ взято впрямь, что одно уже придаетъ имъ нѣкоторую театральность. Фигуры почти округлы и производятъ въ рѣзкомъ чередованіи свѣта и тѣни впечатлѣніе мощныхъ рустовъ. Прежній цѣльный ровный фонъ рельефа, простиравшійся за фигурами, здѣсь совершенно покрытъ крыльями гигантовъ, орловъ и другими деталями.

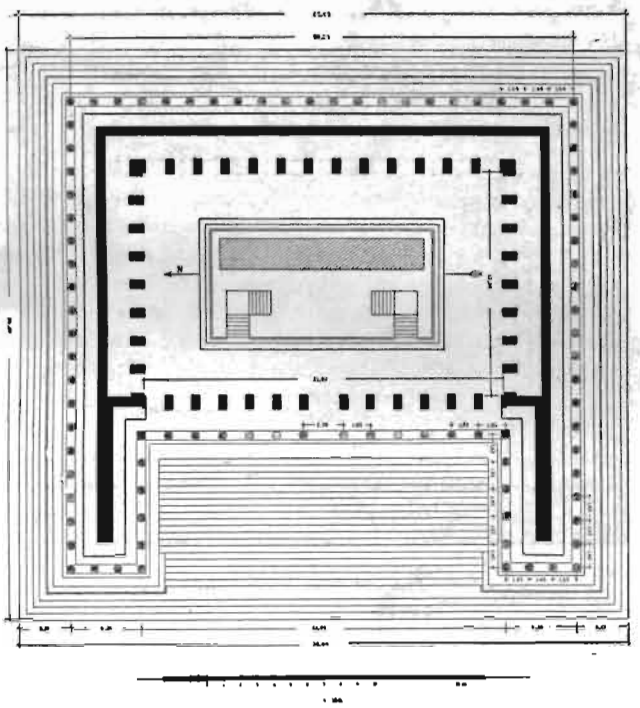

Рис. 109. ПЛАНЪ ВЕЛИКАГО ПЕРГАМСКАГО АЛТАРЯ.
Реконструкція Шраммена.
Ср. «Altertümer von Pergamon», III, табл. 15.
Время постройки внутренняго портика, покоющагося на опорныхъ столбахъ съ колоннами, точно не опредѣлено; неизвѣстно также, былъ ли онъ когда-нибудь вполнѣ законченъ.

Художникъ не только не избѣгаетъ пересѣченій фигуръ, но стремится къ нимъ; это въ значительной степени создаетъ впечатлѣніе тревоги и волненія. Декоративность рельефа является главной цѣлью художника; чисто-декоративную роль играютъ волосы, крылья и змѣиныя конечности; крылья не помогаютъ летать, змѣиныя ноги слишкомъ толсты, чтобы служить въ борьбѣ. Особенно много вниманія обращено на точное изображеніе матеріальныхъ деталей: оружіе, ткани, обувь и мѣхъ трактованы съ такимъ тщаніемъ, точно художники стремились дать образцы портному, сапожнику, кузнецу и скорняку. Мелкой тщательностью, придающей важное значеніе второстепеннымъ

Рис. 110. ЗЕВСЪ ВЕЛИКАГО ПЕРГАМСКАГО АЛТАРЯ.
Мраморъ. Берлинъ. Ср. «Altert. von Pergamon» III_2, табл. II.
По этому и нижеслѣдующему рисунку мы ясно видимъ, какъ первоначальныя сравнительно узкія мраморныя плиты были сначала прикрѣплены къ алтарю, а затѣмъ уже слѣдовала скульптурная работа художника.

деталямъ, это увядающее искусство явно напоминаетъ раннюю архаику (ср. Э. К., стр. 157). Мотивы движенія искусственны и сложны; всѣ фигуры взяты широко впрямь, онѣ высокодраматичны въ проявленіи всей своей могучей мускулатуры. Все проникнуто позой и декламаціей. Монотонное фортиссимо звучитъ во всемъ фризѣ; въ этой шумной, бурной симфоніи нигдѣ не слышимъ мы нѣжнаго звука. Подобно теченію складокъ, часто стремящихся направо и одновременно налѣво, и движеніе въ одной и той же фигурѣ нерѣдко направляется въ противоположныя стороны. Въ этомъ отношеніи особенно характеренъ гигантъ Алкіоней (рис. 111).— Боги, къ которымъ наши скульпторы, повидимому, относятся скептически, не превосходятъ гигантовъ духовностью, побѣждая ихъ чисто-физической силой, болѣе могучимъ ростомъ, лучшимъ оружіемъ и рѣшающимъ участіемъ въ борьбѣ священныхъ животныхъ. Новые мотивы борьбы

Рис. 111. АѲИНА ВЕЛИКАГО ПЕРГАМСКАГО АЛТАРЯ.
Мраморъ. Берлинъ. Ср. «Altertümer von Pergamon», III_2, табл. 12.
Направо отъ шлема Аѳины видны еще отверстія, въ которыхъ былъ прикрѣпленъ металлическій побѣдный вѣнокъ богини. Вообще металлическія украшенія были многочисленны.

не найдены; художникъ прибѣгаетъ къ старымъ, перевоплощая ихъ при помощи новой техники въ новыя формы.

Композиція всего фриза, по всей вѣроятности, задумана однимъ художникомъ, который имени своего не называетъ; выполненіе же ея выпало на долю многочисленныхъ скульпторовъ, высѣкшихъ свои имена на цоколѣ подъ плитами рельефа. Распредѣленіе частей рельефа между разными художниками для насъ неуловимо. Двое изъ нихъ оказываются пергамцами; это подтверждаетъ существованіе при Атталидахъ въ самомъ Пергамѣ мѣстнаго поколѣнія художниковъ, что вполнѣ естественно. Одинъ изъ художниковъ называетъ своей родиной Аѳины, что свидѣтельствуетъ о тѣсной связи пергамскаго искусства съ аттическимъ. Мотивъ гигантомахіи, одинъ изъ излюбленныхъ въ аттическомъ искусствѣ всѣхъ временъ, подтверждаетъ эту связь. Многіе мотивы постановки фигуръ, многократно повторяющіеся во фризѣ алтаря, восходятъ къ аттическимъ образцамъ.

Однако, несмотря на пользованіе аттическими сюжетами и аттической группировкой, характеръ работы этихъ художниковъ чрезвычайно далекъ отъ аттическихъ образцовъ. Навязчивыя, громкія струны, звучащія въ этихъ скульптурахъ, скудная одухотворенностью физическая сила ничего общаго не имѣютъ съ аттическими образцами, это—черты чисто-азіатскія, специфически пергамскія. Онѣ логически развиваются изъ условій, характеризующихъ царствованіе Аттала I (см. выше, стр. 194). Совершенно вѣрно сравненіе этого пергамскаго придворнаго искусства со стилемъ барокко; оно родственно твореніямъ Бернини, Пьерра Пюже или Франсуа Рюда. Еще 30 лѣтъ тому назадъ это направленіе не встрѣчало сочувствія; наше поколѣніе относится къ нему болѣе справедливо. Несомнѣнно поэтому, что, несмотря на всѣ отрицательныя стороны пергамскаго искусства, оно найдетъ себѣ справедливую оцѣнку и пониманіе. Поняты и оцѣнены будутъ и творческая его оригинальность въ разнообразной трактовкѣ гигантовъ, и смѣлость декоративнаго эффекта всей композиціи. Пергамское искусство расцвѣло подъ покровительствомъ династіи, высшая слава которой состояла въ счастливой побѣдѣ надъ кельтскими варварами; оно выявляется поэтому подобно воину, гремящему доспѣхами и блещущему оружіемъ.

Геракл̀ъ находятъ маленькаго Телофа.

Рис. 112. ФРАГМЕНТЫ ФРИЗА ТЕЛЕФА ВЪ ПЕРГАМѢ.
Мраморъ. Берлинъ. Ср. «Alt. v. Perg.», III_2, табл. 32 и 31.

Фризъ Телефа.

Небольшой фризъ, украшавшій внутреннія стѣны алтарнаго двора и покрывавшій части стѣны, обращенныя къ лѣстницѣ, кажется значительно болѣе позднимъ. Онъ тянулся на 1,80 метра выше мощенаго плитами алтарнаго двора, выдѣляясь, такимъ образомъ, почти непосредственно на фонѣ неба; этимъ объясняется, что фигуры фриза не достигаютъ крайней линіи его подобно большому фризу. Приблизительно треть первоначальной длины фриза сохранилась въ обломкахъ, но и они очень сильно повреждены. Сюжетомъ была мѣстная легенда о Телефѣ.

Авга, посвященная въ жрицы дочь аркадскаго царя Алея, родила Гераклу Телефа; отецъ заключилъ ее въ ларь и бросилъ въ море, по которому она доплыла до Мисіи; здѣсь Авгу удочерилъ властитель страны Теворантъ. Ея сынъ Телефъ, брошенный на аркадской горѣ Парѳеніонѣ, но вскормленный львицей, возмужавъ, также является въ Мисію и въ своемъ невѣдѣніи заключилъ бы бракъ съ родной матерью, если бы Геракл не помѣшалъ этому. Въ борьбѣ съ ахейцами, причалившими къ берегу Мисіи во время перваго похода на Трою, Телефъ былъ смертельно раненъ копьемъ Ахилла. На его тревожный вопросъ оракулъ отвѣтилъ: „Нанесшій тебѣ рану исцѣлитъ ее“. Телефъ отправляется въ Аргосъ, завладѣваетъ маленькимъ Орестомъ и грозитъ мальчику смертью, если Ахиллъ не исцѣлитъ его. Наконецъ, рана Телефа залѣчивается ржавчиной, снятой съ копья Ахилла. Характеръ композиціи, задуманной по знаменитой драмѣ Еврипида, рѣзко отличается отъ главнаго фриза. Послѣдній строго придерживается традиціоннаго единства времени и пространства, тогда какъ фризъ Телефа разсказываетъ намъ въ стилѣ хроники всѣ приключенія героя то въ Пелопоннесѣ, то въ Мисіи, то на высотахъ горъ, то въ храмахъ. Безпрерывная смѣна мѣста дѣйствія естественнымъ образомъ влекла за собой варіацію сценеріи. Тогда какъ въ гигантомахіи фонъ еще совершенно лишенъ пейзажныхъ элементовъ, онъ здѣсь оживляется разнообразными деревьями, скалами, храмами; такимъ образомъ, пергамское искусство обогащается и „ландшафтнымъ рельефомъ“ (ср. выше, стр. 190). Оба рельефа рѣзко отличаются другъ отъ друга и по настроенію: если во всѣхъ сценахъ гигантомахіи звучитъ fortissimo furioso, то тутъ преобладаетъ тихое спокойствіе; точно непосредственная близость къ жертвенному алтарю навѣяла миръ на всѣ образы фриза.

Рис. 113. ТАНЦУЮЩАЯ ВАКХАНКА.

Мраморъ. Константинополь. Ср. «Ant. Denkm.», II, табл. 35. Памятникъ, деталь котораго представляетъ собою данный рельефъ, былъ круглой формы. Прелестны безчисленныя тонкія складки почти прозрачной, мягкой ткани; положеніе пальцевъ руки манерное; на рукѣ браслетъ съ изящнымъ замкомъ.

Лучше остальныхъ сохранилась плита фриза, разсказывающая намъ находку маленькаго Телефа Геракломъ (рис. 112, направо). Остановившись среди дикой горной мѣстности у ствола большого платана, Гераклъ видитъ своего сына. Онъ радостно смотритъ на мальчика, тянущагося къ сосцамъ львицы. Фигура героя напоминаетъ знаменитое произведеніе Лисиппа, его отдыхающаго Геракла (Э. К., рис. 332).

Рис. 114. ЖЕНСКАЯ ГОЛОВКА ИЗЪ ПЕРГАМА.
Мраморъ. Берлинъ.
Ср. Brunn, «Denkm.», № 159.
F. Bruckman. A-G. München, phot.

Смыслъ другого фрагмента (рис. 112, налѣво), пейзажные элементы котораго еще многообразнѣе, неясенъ. У подножья скалы, около пещеры, опустилась на одно колѣно дѣвушка, раскладывающая огонь подъ огромнымъ котломъ. На скалѣ сидитъ женщина, покрывъ голову вуалью и напряженно смотря налѣво.

Рис. 115. ВЕНЕРА МИЛОССКАЯ.
Мраморъ. Парижъ. Съ фотографіи.
Найдена въ 1820 г. на одномъ изъ Кикладскихъ острововъ, Мелосѣ (т.-е. Milo), въ экседрѣ гимнасія вмѣстѣ съ гермой, которая, можетъ-быть, стояла нѣкогда налѣво отъ статуи. На этой гермѣ вырѣзана надпись, называющая имя художника, Агесандра или Александра, сына Менида изъ Антіохіи на Меандрѣ. Быть-можетъ, онъ и является авторомъ статуи. Правая рука богини поддерживала у чреслъ ниспадающую одежду, лѣвая держала, вѣроятно, яблоко,— символъ, встрѣчающійся на милосскихъ монетахъ.

Кромѣ этого величественнаго алтаря, Евменъ II украшалъ выдающимися скульптурами и другія зданія своей резиденціи. Мы уже упоминали о колоннадахъ террасы Аоины (см. выше, стр. 198). Сорокъ-восемь балюстрадъ, расположенныхъ въ видѣ перилъ между колоннами верхняго этажа (ср. рис. 21 и 98), были украшены рельефами. Въ виду побѣднаго характера памятника, мы видимъ здѣсь оружіе и трофеи, сгруппированные въ живописномъ безпорядкѣ. Для изученія античнаго оружія и деталей судостроенія эти рельефы небезинтересны; однако, трактовка ихъ лишена какой бы то ни было худо-

Рельефы оружія.

жественной цѣнности. Мы видимъ все пагубное вліяніе придворнаго искусства, навязывавшаго художнику свой солдатскій вкусъ къ оружію и военной формѣ.

Однако, пергамскимъ художникамъ заказывали не одни только произведенія на военныя темы; они удачно справлялись и съ другими сюжетами, о чемъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, рельефъ танцующей вакханки (рис. 113). Передъ нами воплощеніе высшей граціи обаятельной красоты. Еще не убѣдившагося въ томъ, что Пергамъ живетъ завѣтами аѳинскаго искусства, убѣдитъ эта чарующая женская фигура, окутанная въ ткани: это ли не младшая сестра богинь побѣды, низлетѣвшихъ на балюстраду храма Аѳины Ники (ср. Э. К., рис. 246 сл.)?

Танцующая вакханка.

Рис. 117. ГОЛОВА ДѢВУШКИ ИЗЪ АНЦІЯ.
Съ фотографіи.
Ср. рис. 116.

Рис. 116. ДѢВУШКА ИЗЪ АНЦІЯ.
Мраморъ. Найденъ въ 1898 г. въ Порто д'Анціо.
Съ фотографіи.
Передъ нами, повидимому, оригиналъ. Высокая дѣвушка идетъ широкимъ шагомъ. Нижняя одежда изъ тонкой полосатой ткани опоясана ниже грудей. Мантія изъ болѣе тяжелой ткани образуетъ вокругъ таліи жгутъ, къ которому дѣвушка прислоняетъ свою дощечку. На дощечкѣ лежатъ лавровая вѣтка, миніатюрный ловъ, свитокъ пергамента и фрагменты оливковаго вѣнка, который дѣвушка держала въ правой рукѣ. Голова и правое плечо высѣчены изъ отдѣльнаго куска мрамора.

Если эта нѣжная женская фигура не характерна для основного направленія пергамскаго искусства, то еще менѣе характерна совершенно импрессіонистическая женская головка (рис. 114). Мы не знаемъ аналогичной трактовки во всемъ античномъ искусствѣ. Формы лишены прозрачной отчетливости, волосы плавно

Женская головка.

сливаются, рѣзкая выразительность замѣняется мягкими переходами массъ. И, несмотря на эту мягкость, сколько глубоко индивидуальной жизненности!

Венера Милосская.

Общимъ характеромъ эта головка нѣсколько напоминаетъ „Венеру Милосскую“ изъ Лувра (рис. 115)—типичное созданіе эллинизма постольку, поскольку оно не даетъ намъ средствъ опредѣлить столѣтіе и школу создавшихъ ее художниковъ. Въ одномъ только сходятся всѣ: въ восхищеніи этимъ тѣломъ, проникнутымъ истинной жизнью, этой величественной головой, этой гибкой плавностью фигуры.

Дѣвушка изъ Анціи.

Упомянемъ тутъ же недавно найденную „Дѣвушку изъ Анціи“, родина и время возникновенія которой остаются тайной (рис. 116). Въ изображеніи тонкихъ складокъ хитона и, главнымъ образомъ, въ жгутѣ, въ который собранъ плащъ, сказываются слѣды пергамскихъ фигуръ. Смѣлая разстановка ногъ отдаленно напоминаетъ Аполлона Бельведерскаго (Э. К., рис. 320), котораго она, однако, превосходитъ естественностью и простотой граціи. Особенно чарующее впечатлѣніе производитъ голова (рис. 117) съ задумчиво опущеннымъ взоромъ; прическа слегка напоминаетъ мужскую.

Живопись.

Въ богатой резиденціи Атталидовъ, разумѣется, процвѣтала и живопись. Мы опредѣленно знаемъ о затратѣ монархами колоссальныхъ средствъ на пріобрѣтеніе оригинальныхъ твореній древнихъ мастеровъ; мы знаемъ о посылкѣ въ Элладу мѣстныхъ художниковъ, копировавшихъ знаменитыя картины для пергамскихъ музеевъ. Процвѣтаетъ въ Пергамѣ и искусство мозаики: знаменитую пергамскую достопримѣчательность представляла собою мозаика „неметенной залы“, изображавшая полъ съ остатками яствъ и весело клевавшими ихъ птицами.

Художественная промышленность.

Художественная промышленность также достигаетъ высокаго развитія. Среди поставщиковъ пергамскаго двора упоминаются, между прочимъ, извѣстные чеканщики.

Одна изъ великолѣпнѣйшихъ чашъ гильдесгеймскаго серебрянаго клада, по всей вѣроятности, пергамскаго происхожденія (рис. 26). Паллада возсѣдаетъ въ позѣ, встрѣчающейся на безчисленныхъ пергамскихъ монетахъ (ср. рис. 14). Въ рукѣ богиня, повидимому, держитъ корабельныя снасти, встрѣчаемыя и на пергамскихъ рельефахъ. Моделировка скалъ напоминаетъ фризъ Телефа; все матеріальное трактовано съ тѣмъ тщаніемъ и той любовью, которыя мы наблюдаемъ на фризахъ великаго алтаря. Мастера глиптики, между прочимъ, Аѳеніонъ (рис. 118), также работали для дворца Атталидовъ; замѣчательной красотой отличались создаваемые ими сосуды и т. п.

Пергамское придворное искусство нельзя, такимъ образомъ, назвать просто искусствомъ упадка. Характеръ эпигонства въ немъ, конечно, сказывается; его насквозь проникаетъ болѣзненное мудрствованіе. Тѣмъ не менѣе, оно является распространителемъ лучшихъ традицій аттическаго искусства въ Азіи, чѣмъ живо способствуетъ эллинизаціи Востока.

Коллекціонированіе.

Упомянемъ еще одну крупную заслугу пергамскихъ царей: ихъ любовь къ коллекціонированію произведеній искусства. Оригиналы и стильныя копіи древнихъ произведеній, украшавшіе царскія библіотеки, сами по себѣ уже составляли обширную коллекцію. Среди нихъ были очень раннія скульптуры: колоссальный Аполлонъ Опата (Э. К., стр. 302 сл.), Аѳина-Паллада по Фидію (Э. К., рис. 208); кромѣ того, работы младшаго Кефисодота, сына Праксителя, Силаніона (Э. К., стр. 432) и др., возбуждавшія впослѣдствіи алчность римлянъ, увлекавшихся искусствомъ. Монархи пріобрѣтали также копіи знаменитыхъ картинъ (стр. 208), о чемъ было сказано выше. Въ связи съ этими обширными коллекціями — впервые въ исторіи — возникаютъ первые слѣды художественной критики; скульпторъ Антигонъ пишетъ руководства по исторіи разныхъ областей изобразительныхъ искусствъ, и его художественно-историческія сужденія пользуются популярностью въ теченіе долгаго времени.

V. РОДОСЪ

Родосъ.

Художественную дѣятельность Пергама дополнялъ островъ Родосъ. Тогда какъ тамъ ставитъ задачи художникамъ монархія, преслѣдующая опредѣленныя цѣли, здѣсь свободные граждане посвящаютъ себя служенію искусству. Тамъ памятники увѣковѣчиваютъ военную славу монарховъ, на Родосѣ искусство прославляетъ блага мирнаго труда, рисуя намъ картину несмѣтныхъ богатствъ, явившихся результатомъ торговой политики родосскихъ купцовъ и судохозяевъ приморскаго города.

Рис. 118. РОДОССКАЯ МОНЕТА.
Ср. Brit Mus. Cat. of greek Coins. Caria, pl. 38. Голова Гелiоса на обратной сторонѣ напоминаетъ голову Колосса (стр. 218).

Рис. 119. КАМЕЯ АѲЕНІОНА.
Ср. Furtwängler, «Ant. Gemm.», табл. 57. Сардониксъ. Неаполь.
Зевсъ устремляется на бурной колесницѣ противъ двухъ гигантовъ съ змѣиными ногами, сражая ихъ своей молніей.

Городъ Родосъ былъ построенъ въ 408 году по проектамъ строителя Гипподама милетскаго въ сѣверной части острова; его положеніе было совершенно неприступно. Городъ сталъ очень быстро расцвѣтать; но значеніе его въ эллинистическомъ мірѣ возросло лишь послѣ освобожденія Родоса Александромъ Великимъ отъ гнета Персіи. Такъ какъ какъ-разъ въ это время первенствующее положеніе Аѳинъ въ торговлѣ падаетъ, то свободный островной городъ начинаетъ играть отнынѣ роль Аѳинъ, сумѣвъ разумной политикой удержать въ теченіе 250 лѣтъ превосходство надъ всѣми остальными торговыми центрами Средиземнаго моря. Расцвѣту

торговли соотвѣтствовало возрастаніе богатства, которое, въ свою очередь, содѣйствовало процвѣтанію искусства.

Постройки. Мы пока мало знаемъ объ архитектурномъ творчествѣ острова, несомнѣнно носившемъ характеръ большой продуктивности. Датчане раскопали крѣпость родосскаго города Линдоса, найдя, между прочимъ, громадное количество надписей и статуй, относящихся къ самымъ разнообразнымъ эпохамъ; но памятники архитектуры и здѣсь оказались почти совершенно разрушенными. Уцѣлѣли только развалины нѣсколько разъ перестраивавшейся лѣстницы, расположенной между двумя воротами и ведущей къ акрополю и къ знаменитому храму Линдосской Аѳины. Несомнѣнно, имѣется отдаленное сходство съ аѳинскими Пропилеями, но лѣстница въ Линдосѣ еще грандіознѣе, еще шире, напоминая своей величественностью лѣстницу великаго пергамскаго алтаря Зевса.

Когда Родосъ сдѣлался свободнымъ, въ немъ, по благопріятному сплетенію судьбы, жили двое геніальныхъ художниковъ: живописецъ Протогенъ и скульпторъ Харетъ.

Протогенъ. О Протогенѣ дошелъ до насъ рядъ анекдотовъ, доказывающихъ, съ одной стороны, его популярность, приписывающіе ему, съ другой—необыкновенно тщательную и мастерскую технику. Только объ одномъ его произведеніи, написанномъ для пинакотеки въ аѳинскомъ акрополѣ, мы имѣемъ сравнительно точныя свѣдѣнія. Оно изображало Паралосъ и Аммонисъ, два аѳинскихъ государственныхъ судна, въ видѣ двухъ человѣческихъ фигуръ, которыхъ аѳиняне считали Одиссеемъ и Навсикаей. Интересны его „микроскопическія военныя суда“, изображенныя имъ на той же картинѣ, повидимому, въ видѣ деталей ландшафта, къ которому какъ къ фону, слѣдовательно, прибѣгалъ уже Протогенъ.

Харетъ. Наши свѣдѣнія о Харетѣ изъ Линдоса, великомъ скульпторѣ и современникѣ Протогена, отличаются такой же скудостью. Онъ былъ ученикомъ Лисиппа; если уже послѣдній создавалъ произведенія крупнаго масштаба, то Харетъ сосредоточиваетъ свое творчество, главнымъ образомъ, на нихъ. Его родосскій колоссъ принадлежитъ къ числу всемірныхъ чудесъ. Онъ изображалъ Геліоса, бога-покровителя острова, въ видѣ позолоченной фигуры въ 100 ф., стоявшей не на колесницѣ, какъ обыкновенно, а на землѣ. Сооруженіе статуи длилось 12 лѣтъ, на нее ушло 500 талантовъ мѣди, а на скрѣпы внутри фигуры не менѣе 300 талантовъ желѣза. Лишь немногимъ людямъ удавалось охватить руками большой палецъ колосса. Средства на это гигантское сооруженіе дала продажа осадныхъ машинъ, привезенныхъ Деметріемъ Поліоркетомъ въ 305 году на Родосъ и брошенныхъ имъ послѣ неудавшейся осады; колоссъ былъ побѣднымъ трофеемъ надъ этимъ величайшимъ воиномъ эпохи діадоховъ. Уже въ 227 году землетрясеніе уничтожило его. Развалины колосса въ теченіе столѣтій продолжали возбуждать удивленіе людей. Когда въ VII столѣтіи послѣ Р. Хр. евреи изъ Эмесы купилъ эти обломки, для перевозки ихъ понадобилось 900 верблюдовъ.

Къ сожалѣнію, изъ твореній этихъ двухъ великихъ художниковъ до насъ не дошло ни одно. Неизвѣстно даже, представляютъ ли изображенія головы Геліоса, украшающія со временъ Александра обратную сторону родосскихъ монетъ (рис. 119), копію произведенія Харета. Во всякомъ случаѣ, его созданіе принесло плодотворные результаты: повидимому, въ Родосѣ создалась благодаря ему художественная мастерская, содер-

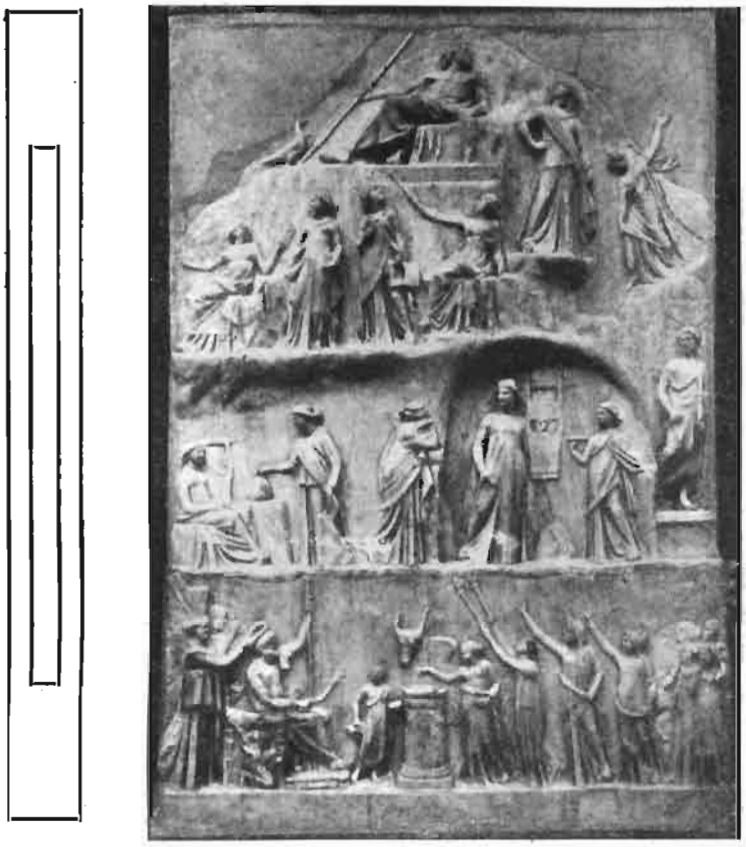

Рис. 120. АПОѲЕОСЪ ГОМЕРА АРХЕЛАЯ ПРІЕПСКАГО.

Мраморный рельефъ Британскаго Музея. Ср. Brunn, «Denkm.», № 50. F. Bruckmann, A.-G. München, phot.

Рельефъ, найденный на Via Appia, высѣченъ изъ малоазійскаго мрамора. По всей вѣроятности, оригиналъ. Сцена происходитъ на Парнассѣ. На скалистомъ престолѣ въ театральной позѣ возсѣдаетъ Зевсъ со своимъ орломъ. Ниже расположены 9 музъ, ближе къ Зевсу и превосходя остальныхъ высотой роста, Мнемосина, мать музъ. Во второй полосѣ снизу (въ Коракійскомъ гротѣ?) стоитъ Аполлонъ въ одѣяніи кифареда съ лирой въ рукѣ. Рядомъ съ нимъ видѣется украшенный священными повязками дельфійскій омфалосъ. Справа къ богу приближается девятая муза со свиткомъ въ рукѣ; она несетъ новѣйшее произведеніе поэта, почетная статуя котораго возвышается направо передъ треножникомъ — наградой поэта въ поэтическомъ состязаніи. Сцена третьей полосы рельефа происходитъ во внутреннемъ помѣщеніи, что мы видимъ по висящему на колоннахъ ковру на заднемъ планѣ. Передъ нимъ возсѣдаетъ Гомеръ, властитель царства поэзіи, съ жезломъ въ рукѣ. Ойкумене, обитаемая земля, поднимаетъ вѣнецъ надъ его головой, крылатый же Кронось держитъ передъ нимъ два свитка. Эта группа символизируетъ независимость Гомера отъ пространства и смѣны вѣковъ. Около его престола направо склоняетъ колѣна Иліада, вооруженная мечомъ, налѣво Одиссея съ корабельнымъ украшеніемъ (aplustre). Лягушка и мышь въ ногахъ Гомера символизируютъ его «Войну Мышей и Лягушекъ». Въ глубинѣ направо стоитъ алтарь и за нимъ буйволъ,—порода, разводимая въ особенно большомъ количествѣ на югѣ Малой Азіи. Къ алтарю слѣва приближается, въ качествѣ служащаго при жертвоприношеніи мальчика, Миѳъ; справа приближаются Исторія, Поэзія, Трагедія и Комедія, характеризованныя котурнами и головнымъ уборомъ ὄγκος: всѣ эти области человѣческой мысли обязаны поэту вдохновеніемъ. Во главѣ второй группы, состоящей изъ четырехъ лицъ, идетъ маленькая фигура Physis; дальше слѣдуютъ Мужество, Память, Вѣрность и Мудрость, т.-е. главныя добродѣтели, къ которымъ воодушевляла поэзія Гомера. Датировка рельефа основана на портретномъ сходствѣ Кроноса и Ойкумены съ Птолемеемъ IV и его сестрой и женой Арсиноей (на которой онъ женился въ 217 году). О глубокомъ почитаніи Гомера этимъ представителемъ Птолемеевъ ср. стр. 184. Творцомъ идейнаго содержанія рельефа и его посвятителемъ считаютъ Аполлонія Родосскаго (ср. стр. 132), написавшаго въ Александріи свой эпосъ объ аргонавтахъ. Родина отказала ему въ заслуженной оцѣнкѣ, онъ получилъ ее только отъ Родоса, даровавшаго поэту права гражданства.

жавшаяся на государственныя средства, гдѣ работали надъ бронзовыми статуями крупнаго размѣра. Кромѣ Геліоса, на островѣ Родосѣ существо-

вали, повидимому, еще сотни другихъ колоссовъ. Вѣроятно, Харетъ и положилъ начало любви къ колоссальному, характеризующей родосское искусство.

Тѣмъ не менѣе, въ Родосѣ возникали и цѣнились, конечно, и произведенія меньшаго и мелкаго масштаба. Такимъ художникомъ-миніатюристомъ былъ Боэѳъ изъ Халкедона, дѣятельность котораго относится ко II стол.; онъ славился созданіемъ миніатюрныхъ дѣтскихъ портретовъ, прелестными изящными бездѣлушками изъ серебра и рѣзными камнями. Боэѳъ, по всей вѣроятности, былъ создателемъ часто копировавшагося, воспроизводимаго и въ наше время мальчика съ гусемъ (рис. 63).

Боэѳъ.

Рис. 121. ПОЛИГИМНІЯ.
Мраморъ. Берлинъ. Съ фотографіи.
Сравненіе съ музой налѣво отъ Аполлона на рис. 120 обнаруживаетъ ошибочность реставраціи; голова была взята не вполнѣ, а въ профиль.

Мотивъ этой статуи не новый. Одно аттическое надгробіе IV столѣтія изображаетъ мальчика въ обществѣ гусей. Уже за сто лѣтъ до Боэѳа Геронд̀ъ (ср. стр. 131) описываетъ восхищеніе двухъ косскихъ гражданокъ при видѣ подобной группы въ храмѣ Асклепія. „Посмотри,—обращается одна женщина къ другой,—какъ мальчуганъ душитъ гуся! Если бы не видѣть мрамора, можно было бы поклясться, что ребенокъ заговоритъ!“ Однако, классическую форму для этого сюжета создалъ, несомнѣнно, Боэѳъ. Его мальчикъ относится съ тою же глубокой серьезностью къ своей дѣтской борьбѣ, съ какой герой относится къ своему подвигу; подобно миніатюрному Геркулесу, ребенокъ всѣми силами упирается во влекущую его впередъ птицу. Съ тонкой наблюдательностью характеризовано дѣтское тѣльце, со всѣми присущими ему особенностями: пухлыми пальчиками, складками на животѣ и на ножкахъ.

Въ одной изъ самыхъ популярныхъ античныхъ скульптуръ, извѣстной подъ названіемъ „Амуръ и Психея“ (рис. подъ слов. Апулей), мы въ лицѣ Эрота видимъ старшаго брата мальчика съ гусемъ; быть-можетъ, и эта жанровая картинка вышла изъ мастерской Боэѳа. Насъ не интересуетъ поводъ, нѣкогда вызвавшій созданіе этихъ произведеній; искусство отнынѣ является самоцѣлью, созидая прекрасное ради чистой красоты.

Эллинистическая эпоха характеризуется широко распространеннымъ интересомъ къ произведеніямъ и вопросамъ литературы и литера-

турной полемики. Тѣми же интересами жили и въ Родосѣ; о нихъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, родосскій мастеръ Филискъ, создавшій знаменитую группу девяти музъ, окружавшихъ Аполлона, Латону и Артемиду. Эта группа, нѣкогда украшавшая родосскій акрополь или какое-либо общественное зданіе, часто служила образцомъ для позднѣйшихъ изображеній Аполлона и музъ. Къ этой группѣ относится, по всей вѣроятности, извѣстная Полигимнія Берлинскаго Музея (рис. 121). Въ своемъ Апоѳеозѣ Гомера Архелай пріенскій (рис. 120), по всей вѣроятности, находился подъ вліяніемъ музъ Филиска (ср. музу налѣво отъ Аполлона на рис. 120 съ рис. 121).

Филискъ.

Произведеніе Архелая очень интересно; оно даетъ живой примѣръ тѣхъ аллегорій, къ созданію которыхъ ученые заказчики въ эллинистическую эпоху вдохновляли художниковъ (ср. подпись къ рис. 120). Передъ нами первое крупное произведеніе ландшафтнаго рельефа, окружающаго фигуры скалами, деревьями и другими деталями пейзажа или внутренней обстановки жилища. Прежнее рельефное искусство грековъ принципіально избѣгало всякой живописной детали; позднѣйшій эллинистическій рельефъ почти безъ исключенія, а также рельефы эпохи римской имперіи, придерживались новаго направленія, которое мы впервые видимъ въ апоѳеозѣ Гомера и во фризѣ Телефа (ср. стр. 204).

Апоѳеозъ Гомера.

Рис. 122. ЭФЕБЪ ИЗЪ ТРАЛЛЪ.

Мраморъ. Найденъ въ 1902 вмѣстѣ съ другими статуями въ Аидинѣ (Траллы). Нынѣ въ Константинополѣ. Ср. Mon. Piot, X, pl. 4.

Юноша въ хитонѣ съ короткими рукавами и въ тяжеломъ шерстяномъ окаймленномъ плащѣ. Въ кайму плаща вшитъ свинцовый шарикъ для вытягиванія складокъ. Вокругъ шеи плащъ образуетъ широкій отворотъ, окружающій какъ бы воротникомъ граціозную голову юноши. На не сохранившихся ногахъ были сандаліи, ремни которыхъ обвивали ногу до бедеръ.

Мастеръ этого родосскаго произведенія былъ не родосецъ, а обитатель Пріены, Боэѳъ происходилъ изъ Босфорскаго Халкедона, Протогенъ былъ пришельцемъ изъ карійскаго Кавиа; золото и увлеченіе искусствомъ родосцевъ привлекало къ нимъ многихъ художниковъ и изъ другихъ мѣстностей. Какъ при возведеніи великаго пергамскаго алтаря, такъ и въ Родосѣ мы находимъ, напр., скульпторовъ изъ Траллъ, нынѣшняго Аидина въ долинѣ Мэандра.

Траллы.

Новѣйшія раскопки въ Траллахъ многократно приводили къ открытію памятниковъ искусства, свидѣтельствующихъ о дѣятельности въ Траллахъ, начиная съ IV сто-

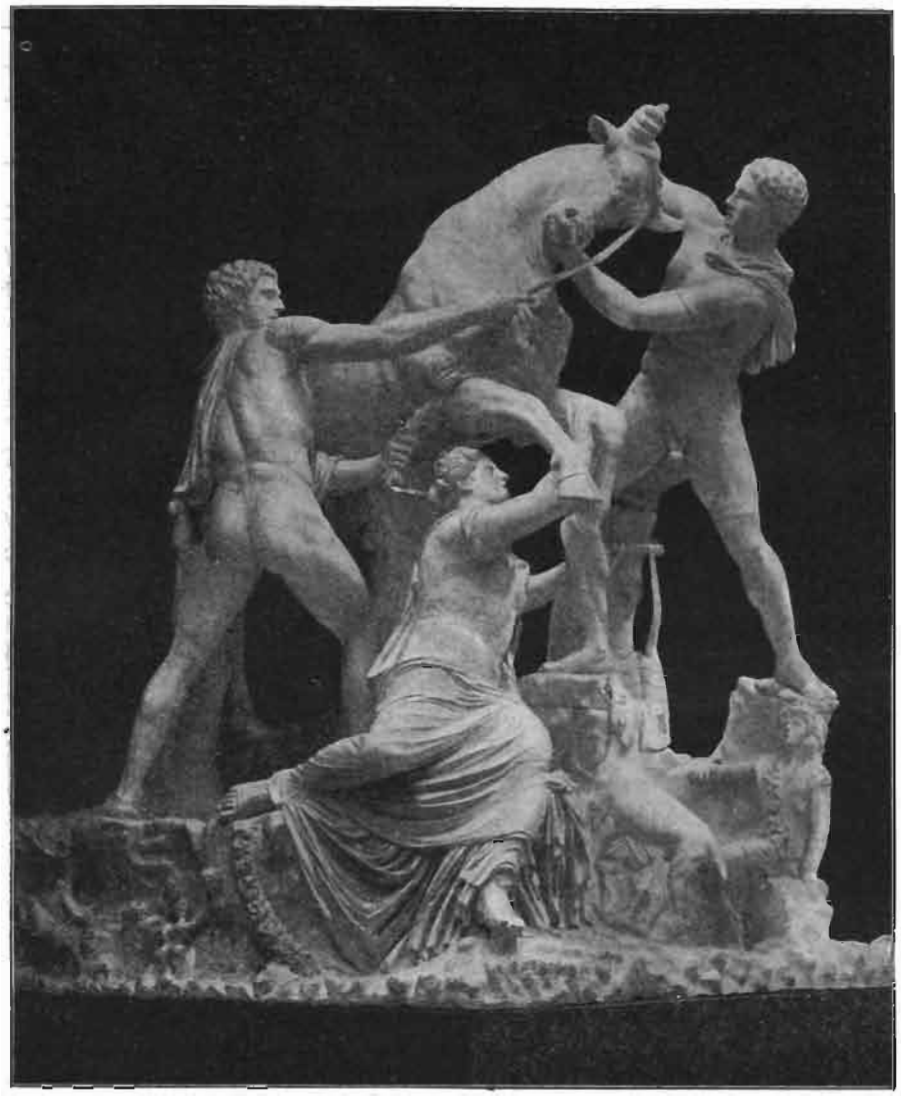

Рис. 123. ФАРНЕЗСКІЙ БЫКЪ.

Мраморъ. Найденъ въ 1546 г. въ Римѣ въ термахъ Каракаллы, нынѣ въ Неаполѣ. Съ фотографіи.

Квадратная база является дополненіемъ римскихъ скульпторовъ, создавшихъ изъ группы, скомпонованной въ видѣ рельефа, мраморную гору, на которую зритель можетъ смотрѣть со всѣхъ сторонъ. Скульптура свободно стояла посреди̇нѣ тепидарія термъ Каракаллы, и посѣтители могли обходить ее. Фантастическая скала, съ ея флорой и фауной, а также неудачная фигура юнаго Киѳерона также являются добавленіемъ рямскихъ копистовъ; имъ же принадлежитъ статуя Антіопы (на рис. 123 не видна), точно сторожъ неподвижно поставленная за быкомъ. Судя по одной античной камеѣ, Зеѳъ въ оригиналѣ не держалъ быка, а привлекалъ къ себѣ голову Дирки, чтобы обмотать ее веревкой и привязать къ быку.

лѣтія выдающихся художниковъ. Въ Траллахъ найдено лучшее воспроизведеніе Книдской Афродиты Праксителя (ср. Э. К., рис. 296 сл.). Къ самому началу ранняго эллинизма относится и такъ называемый эфебъ изъ Траллъ (рис. 122). Задумчивость, съ которой привлекательный мечтатель, скрестивъ ноги, прислоняется къ колоннѣ,

опредѣленно напоминаетъ фигуры Праксителя. Художникъ избѣгаетъ всего, могущаго отвлечь взоры отъ трактованнаго съ мироновской строгостью и, тѣмъ не менѣе, плѣнительнаго облика; поэтому онъ пренебрегаетъ изображеніемъ рукъ и намѣчаетъ на плащѣ лишь немногія простыя складки.

Изъ того же городка Каріи происходятъ Аполлоній и Таврискъ, переселившіеся въ серединѣ II столѣтія въ Родосъ; они являются создателями многофигурной скульптуры, сохранившейся до насъ въ римской копіи, прославленной на весь міръ подъ названіемъ Фарнезскаго быка (рис. 123). Фарнезскій быкъ.

При созданіи своего произведенія Аполлоній и Таврискъ находились подъ вліяніемъ Еврипидовой трагедіи „Антіопы“, содержаніе которой въ существенныхъ чертахъ слѣдующее. Ѳивянка Антіопа родила Зевсу непохожихъ одинъ на другого близнецовъ, Амфіона и Зѳа, предоставивъ ихъ воспитаніе пастуху на Киверонѣ. Ихъ дядя Ликъ впослѣдствіи принялъ участіе въ ихъ судьбѣ, что возбудило ревность Дирки, жены Лика. Она заставляетъ свою соперницу бѣжать на Киверонъ; но и здѣсь Дирка не перестаетъ преслѣдовать ненавистную ей женщину, приказывая возмужавшимъ тѣмъ врѣменемъ близнецамъ, которыхъ она принимаетъ за сыновей пастуха, привязать Антіопу къ дикому быку. Братья уже собираются исполнить ея приказаніе, какъ вдругъ пастухъ, воспитавшій юношей, открываетъ имъ ихъ происхожденіе: тогда уже не Антіопу, а Дирку привязываютъ братья къ быку.

Вѣрное чутье подсказало художникамъ выбрать для увѣковѣченія въ своемъ произведеніи именно этотъ моментъ высшаго напряженія. Если отбросить всѣ неудачныя добавленія поздняго времени (ср. подпись къ рис. 123), то получится прекрасно скомпонованное цѣлое, правильно расположенное въ пространствѣ, богатое выразительными контрастами. Лишь паша гуманность протестуетъ противъ этого акта жестокой мести, лишеннаго всякихъ смягчающихъ тоновъ. Родосцы же, повидимому, любили подобныя кровавыя безпощадныя сцены; второе большое произведеніе родосской школы, Лаокоонъ (рис. 124 сл.) Лаокоонъ. проникнуто тѣмъ же настроеніемъ.

Мастерами, создавшими Лаокоона, были, по словамъ Плинія, Агесандръ, Полидоръ и Аѳенодоръ изъ Родоса, первоклассные художники, согласно опредѣленному заявленію Плинія. Судя по родосскимъ надписямъ, всѣ трое принадлежали къ одному и тому же семейству, въ которомъ представители нѣсколькихъ поколѣній посвятили себя художественному творчеству. Агесандръ былъ отцомъ двухъ другихъ; группа Лаокоона создана около 50 г. до Р. Хр. ихъ общими трудами. Она нѣкоторое время оставалась въ Родосѣ; въ 69 г. послѣ Р. Хр. сынъ императора Титъ увезъ ее съ собой въ Римъ, гдѣ она украсила его дворецъ.

Группа воплощаетъ существовавшую уже въ IV столѣтіи, извѣстную намъ изъ второй пѣсни Вергиліевой „Энеиды“, легенду о жрецѣ Аполлона, Лаокоонѣ, пронзившемъ своимъ копьемъ деревяннаго коня, и задушеннаго на глазахъ народа двумя появившими-

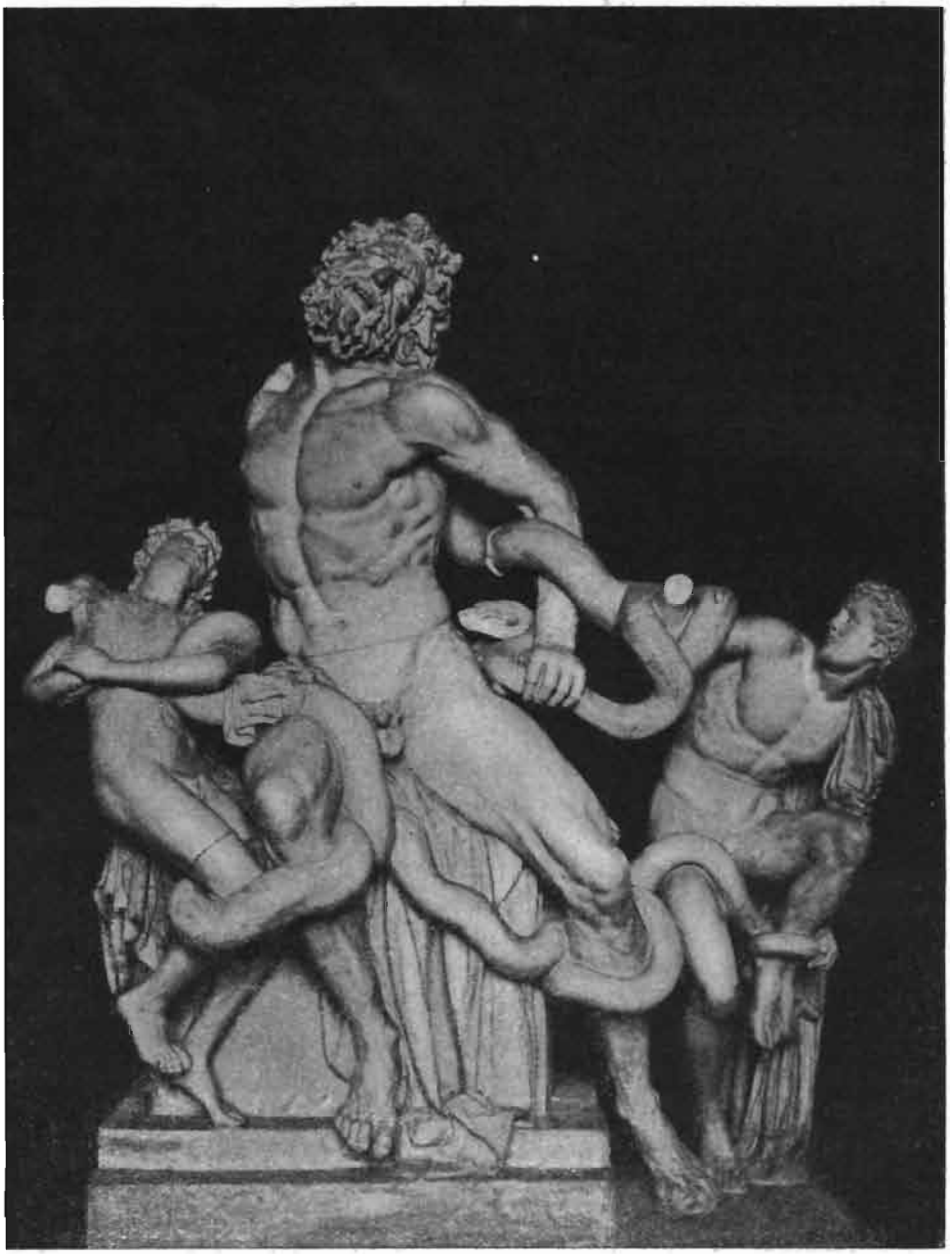

Рис. 124. ГРУППА ЛАОКООНА.
(Съ фотографіи).
Безъ дополненій, сдѣланныхъ въ XVIII столѣтіи. Группа найдена въ Римѣ въ Sette Sale, части термъ Тита, въ 1506 году. Первый, видѣвшій ее и прославившій какъ «чудо искусства», былъ Микеланджело. Нынѣ группа стоитъ въ Ватиканскомъ Бельведерѣ. (Утвержденіе Плинія, будто группа высѣчена изъ одной мраморной глыбы, невѣрно; она состоитъ изъ шести частей).

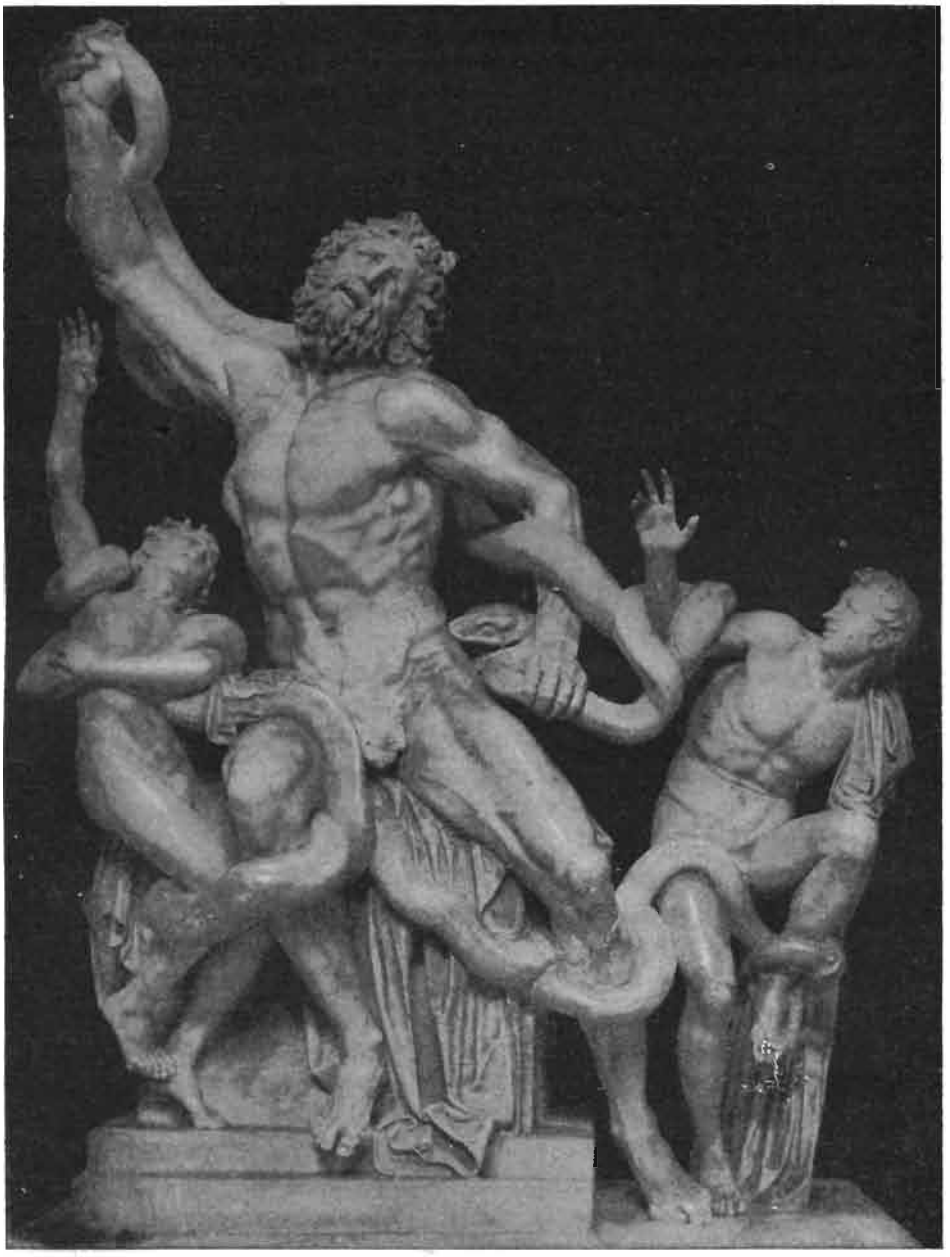

Рис. 125. ГРУППА ЛАОКООНА.

(Съ фотографіи).

Съ дополненіями, въ общемъ вѣрными, сдѣланными, по всей вѣроятности, Агостини Корнаккини около 1730 года. Весьма вѣроятно, что и правая рука Лаокоона, подобно всѣмъ остальнымъ членамъ его тѣла, находилась въ состояніи сильнѣйшаго напряженія; изгибъ руки въ локтѣ подъ прямымъ угломъ, какъ было предложено, создаетъ въ связи съ хвостомъ змѣи очень уродливый клубокъ около головы Лаокоона. Однако, театральное движеніе правой руки, напоминающее жестъ атлета, все-таки возбуждаетъ сомнѣніе.

мися изъ морской глубины змѣями; погибъ онъ вмѣстѣ со своими двумя сыновьями у алтаря, на которомъ готовился принести жертву. Лессингъ въ своемъ знаменитомъ трактатѣ „Лаокоонъ или о границахъ живописи и поэзіи“ (1766) предполагаетъ, какъ извѣстно, зависимость нашихъ художниковъ отъ поэта. Это заблужденіе: поэтъ и художники изображаютъ давно извѣстную легенду совершенно независимо другъ отъ друга; разница въ трактовкѣ сюжета, однако, правильно и тонко наблюдена Лессингомъ. У поэта сыновья умираютъ раньше отца: въ скульптурѣ воплощенъ моментъ одновременной смерти всѣхъ троихъ. Мотивъ оружія, которое Лаокоонъ Вергилія держитъ въ рукахъ, торопясь на помощь сыновьямъ, художники не могли использовать; не изображена также жреческая повязка на головѣ Лаокоона, о которой упоминаетъ поэтъ. Лаокоонъ поэта стонетъ подобно быку, пораженному жертвеннымъ ножемъ. Лаокоонъ нашей скульптуры долженъ былъ оставаться безмолвнымъ; для обозначенія тяжкаго страданія скульпторъ могъ использовать только одинъ пріемъ—изобразить исполненную болью пріостановку дыханія, которая разрѣшится тяжелымъ вздохомъ, вырывающимся изъ полуоткрытаго рта.

Передъ нами произведеніе, въ которомъ каждая деталь мудро обдумана и использована для повышенія художественнаго эффекта цѣлаго. Такъ, напримѣръ, слишкомъ маленькій алтарь, на который спускается ткань, прекрасно драпируя задній планъ, служитъ естественной точкой опоры для склонившагося подъ тяжестью страданій Лаокоона. Прямо стоящимъ, при такихъ условіяхъ, изобразить его было невозможно. Ступени алтаря даютъ возможность отцу вытянуть лѣвую ногу въ сторону, что дѣлаетъ всю фигуру полной движенія. Благодаря этимъ же ступенямъ получается возможность изображенія двухъ сыновей разнаго роста безъ нарушенія симметріи всей группы. Строгая замкнутость группы достигается, главнымъ образомъ, при помощи змѣй: оставляя обнаженными тѣ части тѣла, на которыхъ преимущественно сосредоточена сила выраженія, нижняя змѣя обвиваетъ ноги, верхняя—руки. Группа напоминаетъ намъ ткань: подобно двумъ нитямъ утка обвиваются змѣи, нижняя справа налѣво, верхняя въ обратномъ направленіи вокругъ основныхъ нитей трехъ тѣлъ, неразрывно ихъ связывая.

Очень искусно и разнообразно трактованъ мотивъ страданія въ трехъ фигурахъ; старшій сынъ видитъ приближеніе гибели, отецъ мучительно борется съ нею, младшій сынъ уже погибъ. Изображеніе сыновей наименѣе удачно; они только ростомъ дѣти, на самомъ же дѣлѣ это уменьшенныхъ размѣровъ мужчины съ слишкомъ малыми головами. Высшее совершенство достигнуто въ фигурѣ отца: превосходно выражена его напряженная борьба съ коварными животными, его усилія не поддаться ужасному страданію, его запрокинутая голова, задержанное, вздымающее грудь дыханіе, запавшая подвздошная область. Дальнѣйшее сопротивленіе невозможно: въ слѣдующій моментъ изъ сдавленной груди вырвется вздохъ отчаянія, и мужественный борецъ упадетъ, обезсилѣвъ. Руководимые тонкимъ художественнымъ чутьемъ, мастера сумѣли запечатлѣть именно этотъ моментъ высшаго напряженія борьбы, являющійся

въ то же время краткимъ моментомъ покоя, поддающимся пластическому воплощенію. Еще опредѣленнѣе, чѣмъ въ группѣ Фарнезскаго быка, мы отдаемъ себѣ отчетъ въ пространствѣ, въ которомъ происходитъ сцена; его глубина еще меньше, характеръ рельефа еще сильнѣе выраженъ. Трактовка тѣла доказываетъ совершенное знаніе анатоміи; мы не видимъ мертвыхъ плоскостей, всюду тончайшія детали, нигдѣ не преувеличенныя (за исключеніемъ лица Лаокоона). Обработка мрамора, наконецъ, отличается виртуозностью, въ ней достигнуто „чудо искусства“, по словамъ Микеланджело. Все это заслуживаетъ, конечно, высшей похвалы, и, тѣмъ не менѣе, группа насъ внутренне не захватываетъ. Насъ слишкомъ давитъ впечатлѣніе тяжелой муки, причины и конца которой мы не видимъ. Въ скульптурѣ недостаетъ примиряющихъ моментовъ; взоръ участія, которымъ старшій сынъ смотритъ на мучительную борьбу отца, насъ не удовлетворяетъ. Сцена жестока, потрясающа, но дѣйствіе ея не поднимаетъ, не освобождаетъ. Мы, современные люди, уже неспособны раздѣлять восторга Лессинга.

Этимъ ограничиваются наши свѣдѣнія объ искусствѣ Родоса, процвѣтавшемъ $2^1/_2$ столѣтія. Они очень скудны и совершенно не соотвѣтствуютъ тѣмъ даннымъ о немъ, которыя сохранились въ художественно-литературной традиціи. Число именъ родосскихъ художниковъ, сообщенныхъ Плиніемъ, очень велико; онъ знаетъ о сотнѣ родосскихъ колоссальныхъ скульптуръ; онъ называетъ въ числѣ центровъ процвѣтанія искусства Родосъ непосредственно послѣ Аѳинъ, Олимпіи и Дельфъ. По нѣсколько болѣе позднему свидѣтельству Діона Хрисостома (ср. указатель), посвятившаго родосцамъ одну изъ своихъ торжественныхъ рѣчей, Родосъ въ богатствѣ почетными статуями и другими произведеніями искусства не уступалъ ни одному изъ другихъ греческихъ городовъ. Раскопки уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, производимыя датчанами на Родосѣ, годъ за годомъ подтверждаютъ эти данныя. Число, если не статуй, то раскопанныхъ постаментовъ ихъ, превышаетъ всѣ ожиданія; мы узнаемъ о цѣлыхъ поколѣніяхъ художниковъ въ одной и той же семьѣ, о стеченіи въ богатую метрополію талантливыхъ мастеровъ со всѣхъ концовъ греческаго міра. Здѣсь имъ были обезпечены многочисленные заказы, богатство и почетъ. Какъ ни скудны доступные намъ пока слѣды художественнаго творчества родосцевъ, и они уже характеризуютъ многосторонность его: рядомъ съ глубокомысленными аллегоріями и персонификаціями здѣсь возникали граціозныя произведенія жанра, на ряду съ произведеніями ученаго искусства—мелкія декоративныя бездѣлушки. Кромѣ колоссовъ, самыми характерными созданіями родосскаго искусства являются многофигурныя группы; онѣ воплощаютъ рядъ драматическихъ сценъ, отличающихся живой выразительностью и виртуозной техникой. Эти театральныя громкія

произведенія не имѣютъ ничего общаго съ простотой и тихой строгостью искусства классической эпохи. Они напоминаютъ картину нѣкоего Θеона Самосскаго, написавшаго ожесточеннаго, устремящагося на врага гоплита; по преданію, художникъ не иначе показывалъ его публикѣ, какъ подавъ боевой сигналъ трубою. Эти произведенія искусства расчитывали на нервное возбужденіе; поколѣніе, жаждавшее такихъ обострен-ныхъ эффектовъ, страдало духовной болѣзненностью, оно вырождалось.

VI. ПРІЕНА

Пріена. Пріена—восточныя Помпеи. Здѣсь живой эллинистическій городокъ воскресъ изъ-подъ грудъ мусора. Современная строительная дѣятельность на мѣстѣ древняго города не исказила картины города: онъ ясенъ во всѣхъ своихъ частяхъ, подобно археологической модели. Раскопки Пріены были произведены нѣмецкими учеными.

Новая Пріена была основана незадолго до Александра Великаго на новомъ мѣстѣ. Мы не знаемъ, гдѣ нѣкогда лежала древняя Пріена, родина мудреца Біанта. Скала въ 371 м. высоты, почти отвѣсно возвышающаяся среди долин Мэандра и орошаемая обильнымъ источникомъ, опредѣлила мѣсто основанія города. Пріена занимаетъ часть мыса Микале, окаймляющаго на сѣверѣ бухту, въ которую впадаетъ Мэандръ; его дикіе горные утесы тянутся по направленію къ острову Самосу. Эта горная вершина представляла собою естественную крѣпость, она была создана для Акрополя (*A* на табл. IV); отвѣсныя скалы почти всюду замѣняли оборонительную стѣну. Самый городокъ пріютился на отлогомъ склонѣ, тянувшемся нѣсколько ниже отвѣсной вершины по направленію къ равнинѣ. Населеніе предусмотрительно избѣгало селиться непосредственно у подножья акропольской горы, такъ какъ отъ отвѣсной горной стѣны, въ ущельяхъ которой гнѣздились безчисленные гиганты-орлы, откалывались рыхлыя глыбы и падали въ долину, разрушая все на своемъ пути; высокій лѣсъ у подножья скалы (*B*) защищалъ Пріену отъ горныхъ обваловъ. Головокружительно крутая дорога соединяла нижній городъ съ крѣпостью.

4000 жителей скалистаго городка жили преимущественно хлѣбопашествомъ. Однако, Александръ Великій подарилъ имъ и гавань, на разстояніи одной мили отъ города при южномъ подножіи Микале, гдѣ нынѣ благодаря наводненіямъ Мэандра давнымъ-давно тянется полоса земли.

Развившееся въ IV вѣкѣ искусство городостроенія любило совершенно прямые ряды улицъ, пересѣкающихся подъ прямыми углами и идущихъ горизонтально. Проведеніе подобнаго строительнаго плана на скалистой почвѣ Пріены требовало устраненія неровностей горы при посредствѣ отески склоновъ и созданія болѣе или менѣе высокихъ опорныхъ стѣнъ. Строители энергично прибѣгали къ обоимъ средствамъ, приспособляясь по возможности къ естественнымъ очертаніямъ скалъ.

Крѣпость. На скалѣ же непосредственно стоитъ крѣпостная стѣна. Толщина ея достигаетъ только 2 м.; стѣна состоитъ изъ двухъ фронтовъ тесанаго камня, между которыми насыпаны камни и глина. Поражаетъ отсутствіе башень; крѣпостная стѣна тянулась линіей, образующей выступы, съ которыхъ обстрѣливался непріятель. Крѣ-

ПРІЕНА СЪ ПТИЧЬЯГО ПОЛЕТА.

Реконструкція по рисунку Циппеліуса.

A. Верхній городъ. B. Начало лѣстницы въ скалѣ, ведущей въ верхній городъ. C. Мѣсто, гдѣ водопроводъ входитъ въ городскія стѣны. D. Святилище Деметры. E. Театръ. F. Римскій гимнасій. G. Святилище Исиды. H. Восточныя ворота. I. Храмъ Аѳины. K. Западныя ворота. L. Рынокъ съѣстныхъ припасовъ. M. Большой рынокъ. N. Мѣсто собраній совѣта. O. Сѣв.-зап. ворота. P. Эллинистическій гимнасій. Q. Стадій.

A
B
C
D
E
F
G
H
I
K
L
M
N
O
P
Q

постной ровъ нигдѣ не сохранился, такъ что высота городской стѣны остается неизвѣстной. Въ ней было трое воротъ, двое на востокѣ и одни на западѣ. Они были увѣнчаны арками. Искусство конструкціи арокъ было уже съ 200 года знакомо Пріенѣ; эта новая архитектурная форма часто примѣнялась въ монументальныхъ постройкахъ.

Если идти въ городъ изъ гавани, то входъ въ городъ ведетъ черезъ западныя ворота (*K*). Пойдемъ по этому пути и сдѣлаемъ бѣглый обзоръ городка. Сначала мы слѣдуемъ по совершенно прямой, довольно круто поднимающейся главной улицѣ, ведущей черезъ увѣнчанныя аркой ворота на рынокъ (*L*). Узкія, скалистыя, часто снабженныя ступенями, улички справа и слѣва ведутъ подъ прямыми углами на главную улицу. Въ перспективѣ возвышается высокая терраса, на которой стоялъ храмъ Аѳины (*J*). На углу дороги, ступенями спускающейся отъ храма Аѳины на главную улицу, красуется колодецъ.

Водоснабженіе.

Пріена изобиловала свѣжей ключевой водой, проведенной изъ живописной восточной долины; она протекала по глиняпымъ трубамъ, опущеннымъ въ каналъ, вырубленный въ скалѣ. Около *C* водопроводъ входитъ въ предѣлы города; вода очищалась въ отстойномъ бассейнѣ, разливаясь затѣмъ по меньшимъ и маленькимъ глиняпымъ трубамъ по всему городу, снабжая прекрасной ключевой водой каждое отдѣльное жилище и нѣсколько городскихъ колодцевъ съ текущей водой. Для стока загрязненной воды былъ также принятъ рядъ мѣръ: мѣстами посреди улицы, мѣстами по сторонамъ ихъ, были проведены каналы съ осадочными колодцами въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ; на оживленныхъ улицахъ они прикрыты плитами. Все сооруженіе удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ современной гигіены.

Дома съ простадой.

Направо и налѣво отъ дороги тянутся стѣны разрушенныхъ частныхъ домовъ изъ тесанаго камня. Почти всѣ они были построены по однообразному основному плану (ср. Э. К., рис. 77), нѣсколько мѣнявшемуся въ зависимости отъ формы мѣста, имѣвшагося въ распоряженіи строителя; величина и распредѣленіе отдѣльныхъ помѣщеній въ зависимости отъ этого условія были чрезвычайно разнообразны.

На улицу выходили только обнаженныя сплошныя стѣны (рис. 126). Источникомъ свѣта служили не выходящія на улицу окна, а внутреннія дворики. Даже входъ обыкновенно устраивался съ боковой улицы. Главная дверь (1) ведетъ, прежде всего, въ узкій проходъ; налѣво открывается мощеный внутренній дворикъ (3). Вокругъ него группируются всѣ помѣщенія, изъ него проникаетъ свѣтъ и тепло. Главная комната (4) представляетъ собою обширный залъ (oecus), всегда снабженный открытымъ на югъ и солнце портикомъ (prostas). По этому характерному портику археологія и дала спеціальное имя типу домовъ. Зала служила жилой комнатой и пріемной; въ ней стоялъ алтарь, на которомъ хозяинъ припосилъ жертву, тутъ производилась на очагѣ или еще чаще на переносныхъ жаровняхъ варка пищи; здѣсь семья собиралась обѣдать, если этой цѣли не служило одно изъ боковыхъ помѣщеній. Противъ простады часто, хотя не всегда, лежала экседра (6), т.-е. помѣщеніе, открытое во дворъ во всю ширину передней стѣны и представлявшее собою такимъ образомъ крытое продолженіе двора. Мы не знаемъ въ деталяхъ распредѣленія комнатъ. Онѣ соединялись

двухстворчатыми дверьми, удобными въ виду ограниченности мѣста. Женская половина, вѣроятно, въ большинствѣ случаевъ находилась въ верхнемъ этажѣ, нигдѣ, однако, не сохранившемся. Внутреннее убранство жилища отличалось большой скромностью: полъ почти вездѣ сдѣланъ изъ твердо утрамбованной глины, рѣдко изъ мозаики. Матеріаломъ внутреннихъ стѣнъ служилъ бутъ, соединенный съ глиной, или воздушный кирпичъ, облицованный штукатуркой; въ рѣдкихъ случаяхъ эта облицовка имитируетъ мраморныя плиты, украшавшія жилища богатыхъ. Среди домашней утвари очень красивы кровати, обитыя бронзой (рис. 27). Въ общемъ же, бронза въ Пріенѣ рѣдкость, такъ что многіе предметы утвари, выдѣлываемые въ другихъ мѣстахъ изъ бронзы, здѣсь замѣняются глиняными или желѣзными. Въ домахъ найдены многочисленныя мелкія издѣлія изъ мрамора и произведенія керамики; тутъ и множество статуэтокъ, служившихъ домашнему культу, и многочисленныя декоративныя произведенія; мы видимъ на нихъ отпечатокъ большой жизнерадостности, даже нѣкоторой распущенности (ср. мальчика, извлекающаго занозу Э. К., рис. 197); эти терракотты изготовлялись, повидимому, въ самой Пріенѣ; примитивная керамика, какъ, напр., черепица для крыши и т. д., служила даже предметомъ вывоза. Частные дома изобилуютъ ручными мельницами изъ лавы, терракоттовыми свѣтильниками и разной другой глиняной утварью.

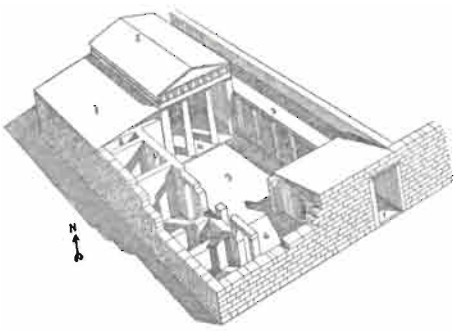

Рис. 126. РЕКОНСТРУКЦІЯ ДОМА ВЪ ПРІЕНѢ.
Ср. «Priene», рис. 299.
Для болѣе удобнаго разсмотрѣнія внутреннихъ помѣщеній юго-западныя части дома на нашемъ рисункѣ не покрыты крышей. Верхній этажъ при нашей реконструкціи во вниманіе не принятъ; мы не нашли опредѣленныхъ слѣдовъ его существованія; быть-можетъ, его и совсѣмъ не было.

Рынки.

Съ приближеніемъ къ рынку, однообразная линія молчаливыхъ домовъ нарушается многочисленными лавками и мастерскими, соединенными съ улицей лишь узкими дверьми; и тутъ также отсутствовали окна, свѣтъ проникалъ черезъ дверь. Улица расширяется (около *L*) и образуетъ малый рынокъ продуктовъ (ἀγορὰ σιτόπωλις), гдѣ находились лавки булочниковъ, а на мраморныхъ столахъ, поставленныхъ надъ сточными каналами, рѣзали и продавали рыбу и мясо.

Передъ нами открывается затѣмъ внезапно и неожиданно обширная площадь (*M*) большого рынка. Посредипѣ ея возвышается алтарь; на рынкѣ, гдѣ сосредоточивалась почти вся общественная жизнь, происходили и религіозныя празднества. Рынокъ былъ съ четырехъ сторонъ окруженъ дорическими колоннадами, къ которымъ примыкали длинные ряды расположенныхъ за ними лавокъ.

Сѣверная сторона, освѣщенная полуденнымъ солнцемъ, была выдѣлена. Вдоль главной улицы тянулась галлерея въ 116 м. длины, къ

которой на всемъ протяженіи ея вела лѣстница изъ шести ступеней. На нее выходила двухкорабельная колоннада; іонійскія колонны украшали ее внутри, фронтъ же составляли очень стройныя дорическія колонны, на которыхъ возвышался антаблементъ изъ дорическаго триглифнаго фриза и іонійскаго фронтона, украшеннаго сухариками (ср. стр. 198 о Пергамѣ). Портикъ носилъ названіе „священнаго“ и служилъ парадной залой во время городскихъ празднествъ; здѣсь нерѣдко пировали всѣ граждане города со своими именитыми гостями. Безчисленные мраморные и бронзовые памятники, украшавшіе большую лѣстницу, возвышавшіеся около нея и на рыночной площади, разнообразили и оживляли картину. Художественная цѣнность этихъ произведеній, отъ которыхъ уцѣлѣли только постаменты, конечно, была невелика: даже имена художниковъ на нихъ не обозначены. Страсть къ памятникамъ въ Пріенѣ II столѣтія достигаетъ своего апогея; нерѣдко одному и тому же лицу посвящены золотой, бронзовый, мраморный и написанный красками памятникъ! Почетные декреты, возвѣщающіе постановку статуи или дарованіе заслуженнымъ гражданамъ почетнаго вѣнка, сверху до низу покрываютъ узкія боковыя стѣны священнаго портика; гладкія внѣшнія колонны восточной и западной рыночной колоннады и внутреннія опорные столбы южной колоннады также изобилуютъ ими. Священный портикъ.

На сѣверъ отъ священнаго портика, т.-е. въ ближайшемъ сосѣдствѣ рынка, находились городскія оффиціальныя зданія (*N*, *P*), среди которыхъ насъ особенно интересуетъ мѣсто собранія народа, солидно, но просто построенный экклесіастерій (*N*), рис. 11. Экклесіастерій.

Вокругъ продолговатаго квадрата, въ центрѣ котораго возвышается алтарь, съ трехъ сторонъ тянутся мраморныя сидѣнья. Двѣ косыя стѣны, подобныя parodoi театра, отграничиваютъ четвертую сторону залы засѣданія. Между этими косыми стѣнами и южной внѣшней стѣной экклесіастерія, находилось, повидимому, мѣсто для властей, возсѣдавшихъ здѣсь передъ собраніемъ общины на одной высокой и двухъ низкихъ скамьяхъ. Полъ и въ этомъ красивомъ зданіи сдѣланъ изъ утрамбованной глины. Опорой потолка служили 14 столбовъ, воздвигнутыхъ въ верхнемъ ряду сидѣній. Свѣтъ проникалъ въ залу, главнымъ образомъ, черезъ большое окно, заканчивающееся аркой и находящееся надъ столомъ, за которымъ сидѣло правительство. Въ зданіе вели четыре двери. Зала вмѣщала отъ 4—500 гражданъ, имѣвшихъ право голоса. Кромѣ общиннаго собранія, здѣсь, по всей вѣроятности, засѣдалъ и городской совѣтъ.

Мы выходимъ изъ высоко лежащаго сѣвернаго входа экклесіастерія; передъ нами открывается живописная улица, ведущая на западъ къ храму Аѳины (*J*). Этотъ храмъ составлялъ гордость Пріены. Онъ былъ посвященъ Александромъ Великимъ. Строитель Мавсолея (ср. Э. К. стр. 426), Пиѳей завѣдывалъ его постройкой. Въ особомъ посвященномъ храму трактатѣ онъ характеризуетъ свою постройку какъ образецъ храмового строительства вообще. Благодаря щедрости царственнаго строителя, величина и великолѣпіе храма даже нѣсколько контра- Храмъ Аѳины.

стировали съ простотой деревенскаго городка: мы вспоминаемъ богатую красоту средневѣковыхъ соборовъ, часто воздвигавшихся нашими предками въ маленькихъ городкахъ. Несмотря на то, что храмъ сильно пострадалъ отъ невзгодъ времени и отъ окрестнаго населенія, и уцѣлѣли одинъ лишь мраморныя ступени его стилобата, развалины его представляютъ собою одинъ изъ самыхъ цѣнныхъ памятниковъ іонійской архитектуры въ Азіи.

Точно ориентированный храмъ, построенный изъ микальскаго мрамора, представлялъ собою перистеръ съ шестью колоннами во фронтѣ и одиннадцатью по сторонамъ; колонны были въ 11,36 м. высоты. Длина целлы равнялась 100 греческимъ футамъ; передъ нами такъ назыв. гекатомпедъ. Между архитравомъ и карнизомъ въ видѣ исключенія нѣтъ фриза. Фронтоны также были лишены украшенія; тѣмъ богаче были украшены края ихъ. Покрывавшія колонпаду кассетты отличались необыкновенной величиной и глубиной; на нихъ сохранились многочисленные слѣды росписи красной и синей красками и позолоты. Стѣны восточнаго портика были покрыты надписями — государственными постановленіями; здѣсь же былъ увѣковѣченъ актъ о посвященіи храма Александромъ. Внутри храма возвышалась статуя Аонны, уменьшенное воспроизведеніе скульптуры Фидія (ср. Э. К., рис. 211). Всѣ обнаженныя части статуи были сдѣланы изъ мрамора, одежда—изъ дерева, обтянутаго золотомъ; все это почти безслѣдно погибло. Передъ восточнымъ фронтомъ храма простиралась обширная площадь для торжественныхъ игръ и жертвоприношеній; по серединѣ ея возвышался монументальный алтарь; позднѣе пристроенный пропилъ украшалъ главный восточный входъ.

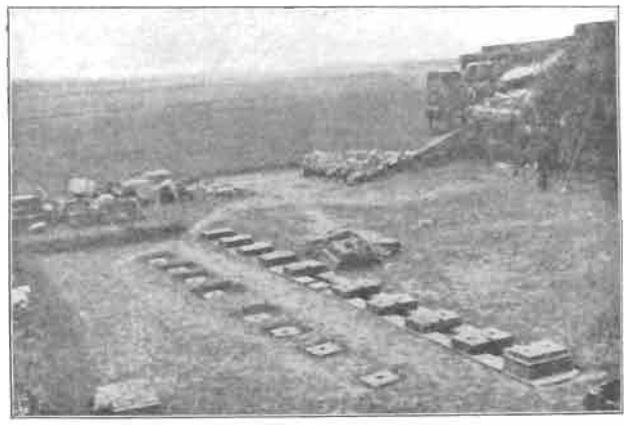

Рис. 127. АФЕЗИСЪ (START) НА ПРІЕПСКОМЪ СТАДІИ.
Ср. «Priene», рис. 262.

У входа въ стадій возвышались пропилеи въ коринѳскомъ стилѣ, состоявшіе изъ 10 опорныхъ столбовъ. Въ порогѣ, лежащемъ между девятью базами, сдѣланы углубленія, которыя покрывались досками. Въ нихъ, вѣроятно, двигались веревки, приводившія въ движеніе въ моментъ афезиса опредѣленный механизмъ, одновременно открывавшій всѣ девять проходовъ. Восемь отверстій налѣво отъ базъ колоннъ, по всей вѣроятности, представляютъ собою слѣды болѣе древней формы афезиса.

Театръ.

Самые богатые кварталы города сосредоточивались, повидимому, въ высокой сѣверной части его. Здѣсь частные дома солидно построены, большей частью, изъ тесанаго камня, найденная въ нихъ домашняя утварь отличается добротностью, лавки почти совершенно отсутствуютъ. Здѣсь же въ аристократическомъ сѣверномъ районѣ находится небольшой, но красивый театръ (*E*, ср. рис. 53). Какъ зрительное помѣщеніе, такъ и сцена необыкновенно хорошо сохранились.

Изученіе этого театра даетъ намъ рядъ новыхъ свѣдѣній. Мы видимъ, во-первыхъ, что, алтарь, мѣстомъ котораго считался центръ орхестры, на самомъ дѣлѣ находился на краю ея, въ серединѣ перваго ряда мѣстъ для зрителей. Кромѣ того, любопытны водяные часы на прямоугольномъ постаментѣ, находящіеся близъ западной parodos. Особенно интересна прекрасно сохранившаяся стѣна проскенія. Ея высота достигаетъ только 2,70 м.; 12 опорныхъ столбовъ, украшенныхъ дорическими полуколоннами, расчленяютъ ее. На колоннахъ, окрашенныхъ въ пурпуровый цвѣтъ, покоился дорическій архитравъ съ голубыми триглифами. Въ промежутки между полуколоннами вставлялись расписныя стѣнки, изображавшія ландшафтъ, такъ назыв. pinakes, которыя мѣнялись подобно нашимъ кулисамъ. Только три промежутка, соотвѣтствующіе тремъ выходамъ сцены, не закрывались кулисами; отсюда выходили актеры, игравшіе передъ полуколоннами. На опорныхъ столбахъ и стѣнѣ сцены лежали каменныя балки, на которыхъ покоился деревянный полъ; здѣсь наверху выступали боги и всѣ тѣ, которые должны были являться свыше. Всѣ эти данныя служатъ поразительнымъ доказательствомъ теоріи Дерпфельда о греческой сценѣ.

Старый гимнасій.

Недалеко отъ театра (табл. VII около *E*) находился древнѣйшій городской гимнасій (*F*). Во II столѣтіи къ нему были пристроены теплыя бани, безъ которыхъ не могли обойтись и пріенцы во II в. Нѣсколько дальше на востокъ лежало святилище египетскихъ (*G*) -боговъ Исиды, Озириса и др. (ср. стр. 94). На этой обширной площади возвышался не храмъ, а монументальный алтарь. Эти святилища относятся къ III столѣтію, времени господства Египта на азіатскихъ берегахъ.

Храмъ Деметры.

На невысокой скалѣ, недалеко отъ отвѣсной стѣны Акрополя (около *D*), находилось святилище Деметры и Коры. Съ ея террасы взоръ царитъ надъ той широкой равниной, гдѣ трудились граждане-хлѣбопашцы, моля Деметру благословить ихъ пашни.

Новый гимнасій.

Если бы въ стѣнахъ Пріены не существовало учрежденій для обученія и спорта юношества, въ жизни городка былъ бы существенный пробѣлъ. Мы уже кратно упомянули о старомъ гимнасіи (около *F*); на крайнемъ югѣ Пріены мы видимъ новый, гораздо лучше сохранившійся (около *P*). Въ распредѣленіи помѣщеній и внутреннемъ устройствѣ онъ соотвѣтствуетъ до извѣстной степени требованіямъ, предъявляемымъ къ подобному учрежденію Витрувіемъ. Непосредственно къ гимнасію примыкалъ стадій (около *Q*): величина и замѣчательное устройство его свидѣтельствуютъ о большомъ значеніи, которое спортъ и гимнастика имѣли даже въ этомъ скромномъ деревенскомъ городкѣ.

Гимнасій (рис. 34) имѣетъ видъ большого квадратнаго двора, окаймленнаго съ четырехъ сторонъ колоннадами и предназначеннаго для гимнастическихъ упражненій. Входъ былъ съ запада; къ западной и, главнымъ образомъ, сѣверной двухкорабельной колоннадѣ примыкали крытыя помѣщенія. Слѣды такъ называемаго эфебейона (рис. 35) еще сохранились; дверей въ немъ нѣтъ; его южная стѣна, замѣненная двумя колоннами, открывается на колоннаду; все помѣщеніе такимъ образомъ является такъ назыв. экседрой. Здѣсь по стѣнамъ тянулись ряды скамей, тутъ происходило обученіе. Эфебы увѣковѣчили свои имена и прозвища на мраморныхъ стѣнахъ эфебейона; когда нижняя

площадь стѣнъ оказалась исписанной, юноши, очевидно вскарабкавшись на плечи товарищей, ухитрились исписать и верхнюю. Обычная форма надписи слѣдующая: ὁ τόπος Διονυσίου τοῦ Νέστορος, т.-е. это мѣсто Діонисія, сына Нестора; ученики, такимъ образомъ, обезпечивали за собой опредѣленныя мѣста (подобно нынѣшнимъ студентамъ, прикрѣпляющимъ въ аудиторіяхъ на многолюдныхъ лекціяхъ визитныя карточки къ своимъ мѣстамъ). Имена ученниковъ составляли родъ хроники, способствовавшей поддержанію извѣстныхъ школьныхъ традицій. Въ крытой нишѣ въ сѣверной стѣнѣ эфебейона красовалась статуя заслуженнаго гражданина, основавшаго гимнасій. Замѣчательно хорошо сохранилась уборная эфебовъ (рис. 128)—λοῦτρον: изъ желоба, имѣвшаго форму симы, вода черезъ тонко моделированныя львиныя головки текла въ большія ванны. Стадій. Стадій, примыкавшій къ гимнасію непосредственно на востокѣ, имѣлъ въ длину 191 метръ. Его ширина на $^1/_3$ уступала ширинѣ Олимпійскаго стадія. Зрители сидѣли на сѣверъ отъ мѣста бѣга и только по серединѣ на ступеняхъ. Надъ этими ступенями шла галлерея въ 6 м. ширины, къ которой на сѣверѣ на всемъ протяженіи стадія примыкала дорическая колоннада, обширная великолѣпная постройка. Стартъ для состязающихся въ бѣгѣ, по-гречески ἄφεσις, находился на западномъ концѣ стадія (рис. 127). Со ступеней стадія, съ галлерей и колоннады открывалась необычайно красивая картина; въ тѣ времена море шумѣло еще у самаго подножія городской горы.

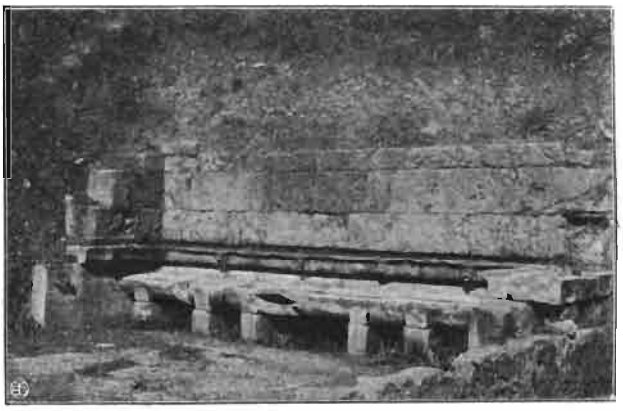

Рис. 128. УМЫВАЛЬНАЯ КОМНАТА ПРІЕНСКАГО ГИМНАСІЯ.
Съ фотографіи бар. Гильбаха.
Кромѣ стоящихъ на постаментѣ ваннъ, комната содержитъ двѣ ванны, стоящія на землѣ, вѣроятно, для омовенія ногъ.

Гробницы. Какъ всюду въ Элладѣ, жилище мертвыхъ въ Пріенѣ находилось за городскими воротами. Мы можемъ установить слѣды некрополя на большомъ протяженіи вдоль дороги за восточными и западными воротами.

Образъ жизни пріенцевъ. Жизнь, которую вели жители этого маленькаго, но чистаго и здороваго деревенскаго городка, не была, повидимому, лишена прелести и богатаго содержанія. Пріенцы—не простые крестьяне, они занимались производствомъ всякаго рода товаровъ, служившихъ предметомъ вывоза. Мы уже упоминали о пріенскихъ терракоттахъ. Какъ курьезъ назовемъ еще scammonium — слабительное средство, снабжавшееся городскимъ клеймомъ и составлявшее предметъ вывоза. Положеніе на берегу моря благопріятствовало торговлѣ и способствовало общей культурности населенія. Школа играла крупную роль въ жизни города. Граждане дорожили общественными должностями, представители которыхъ были окружены высокимъ почетомъ. Торжественныя религіозныя празднества разнообразили теченіе обыденной жизни. Въ тѣ дни святилища и пло-

щадь рынка оживлялись веселой толпой, зрѣлища въ театрѣ и на стадіи вѣнчали торжества.

VII. МИЛЕТЪ

Милетъ.

Нѣсколько часовъ ѣзды по пріенскому заливу отдѣляли въ древности Пріену отъ Милета, древней метрополіи іонійской Малой Азіи, матери 80 городовъ-колоній. Милетъ, нѣкогда занимавшій передовую позицію въ борьбѣ грековъ съ персами, въ 494 году былъ за это немилосердно разрушенъ. Со времени Александра Великаго для Милета и Пріены началась новая эра расцвѣта. Чрезвычайно выгодное положеніе Милета при устьѣ Мэандра, его четыре защищенныхъ гавани ускорили ростъ города, освобожденнаго, наконецъ, отъ гнета персидской зависимости. Пергамскіе и сирійскіе цари, а впослѣдствіи властитель міра, Римъ, дарили городъ своей милостью; Милетъ поддерживалъ оживленныя сношенія со многими городами и островами Эгейскаго моря. Раскопки, производившіяся въ послѣдніе годы Берлинскимъ музеемъ при содѣйствіи щедрыхъ нѣмецкихъ любителей искусства, познакомили насъ съ рядомъ памятниковъ, иллюстрирующихъ широкій масштабъ жизни, который характеризуетъ этотъ эллинистическій центръ всемірной торговли. Пріена даетъ намъ картину эллинистическаго провинціальнаго городка, населеннаго обитателями-землевладѣльцами; Милетъ же со своими 100.000 жителями является примѣромъ столичнаго города, населеніе котораго живетъ, главнымъ образомъ, торговлей и ремесленнымъ трудомъ. Ниже мы разберемъ только тѣ столичныя постройки Милета, которыя отличаются отъ разсмотрѣнныхъ нами пріенскихъ.

Изъ четырехъ бухтъ, которыми море врѣзывается въ орошаемые нынѣ Мэандромъ холмы Милета, важнѣйшую роль играла та, при входѣ въ которую найдено два каменныхъ льва (на мал. планѣ рис. 130 названа „Львиной бухтой“).

Крѣпостныя сооруженія охраняли бухту, въ глубинѣ которой тянулась набережная съ колоннадами. Мраморная мостовая набережной, ширина которой достигала 18 м., полого спускалась къ морю, смягчая такимъ образомъ удары морского прибоя. Колоссальная бронзовая статуя Селевка I, возвышавшаяся на набережной, свидѣтельствовала о важныхъ сношеніяхъ съ сирійской державой. На восточномъ концѣ набережной находилось (рис. 130, 3) особенно высоко почитаемое горожанами святилище Аполлона Дельфинія, одновременно служившее главнымъ городскимъ архивомъ (рис. 129).

Дельфиній.

Почетные памятники и разнородныя надписи украшали обширный дворъ (50 × 60 м.), окруженный со всѣхъ сторонъ широкими колоннадами. Многочисленныя надписи были вырѣзаны и написаны на стѣнахъ колоннадъ, даже на деревянныхъ частяхъ крыши. Нигдѣ раскопки античнаго города не дали намъ столь разнообразнаго

Рис. 129. МИЛЕТСКІЙ ДЕЛЬФИНІЙ.
Гравированъ Е. Вольфсфельдомъ по реконструкціи Каверау.
Оригиналъ гравюры любезно предоставленъ намъ Т. Вигандомъ.

и обильнаго документальнаго матеріала. Мы знаемъ благодаря ему имена эпонимныхъ магистратовъ Милета отъ 520 до 260 г. до Р. Хр., равно какъ и имена новыхъ гражданъ, которымъ было даровано право гражданства; они записаны точно въ лапидарную адресную книгу. Интересныя свѣдѣнія о строѣ Милета, разные договоры съ сосѣдними городами и царскими дворами уцѣлѣли на этихъ стѣнахъ; особенно обстоятельный актъ 448 г. до Р. Хр. сообщаетъ объ уставѣ утвержденной городомъ гильдіи пѣвцовъ, просуществовавшей болѣе 700 лѣтъ, имѣвшей даже свой домъ; въ опредѣленные дни эта пѣвческая гильдія устраивала состязанія въ пѣніи, въ мѣсяцѣ тавреонѣ она организовала ежегодную великую процессію въ святилище Дидимскаго оракула (Э. К., рис. 310). Надпись подробно сообщаетъ о ежегодномъ выборѣ новаго президіума, награждавшагося бедромъ жертвеннаго животнаго, тогда какъ смѣщаемый президіумъ вносилъ плату за вино, необходимое на торжествѣ, и представители его были обязаны спѣть solo; члены гильдіи дѣлились на классы, высшіе назывались στεφανηφόροι, т.-е. носителями вѣнка, младшіе же ὀνιτάδαι, т.-е. ослятами. Надпись перечисляетъ ихъ разнообразныя функціи и привилегіи. Городъ оказывалъ этимъ „танцорамъ Аполлона“ поддержку, предоставляя имъ въ день процессій по три жертвенныхъ животныхъ. Танцоры же своимъ пѣніемъ и пляской вносили красоту во всѣ празднества; они прислуживали гостямъ города на пиршествахъ, въ случаяхъ необходимости предоставляя кухонную и столовую утварь своего собственнаго дома.

Вдоль западной стороны Дельфинія шла роскошная улица, тянувшаяся между величественными колоннадами по направленію къ юго-западу. Семиступенная лѣстница въ 140 м. длины вела съ улицы къ сѣверному рынку (рис. 130, 5), квадратной площади, окаймленной двухъэтажными мраморными просторными колоннадами съ безчисленными небольшими помѣщеніями за ними. На востокъ отъ этой роскошной улицы (рис. 130, 7) находилось великолѣпное зданіе гимнасія, нѣсколько напоминающее нижній пріенскій гимнасій (стр. 233). Основателемъ этого гимнасія для свободнорожденныхъ дѣтей былъ, по всей

вѣроятности, нѣкій Евдемъ, пожертвовавшій на это въ 150 г. до Р. Хр. десять серебряныхъ талантовъ. Площадь на югъ отъ гимнасія и сѣвернаго рынка можно назвать площадью городского совѣта: тутъ находится булевтерій (рис. 130, 8, и рис. 10 и 13), мѣсто засѣданій городского совѣта. Булевтерій.

Самое мѣсто засѣданій и дворъ, ограниченный съ трехъ сторонъ дорическими колоннадами, были окружены стѣной; входъ въ восточной стѣнѣ былъ украшенъ четырехколоннымъ пропиломъ. Четыре двери вели со двора въ ту часть залы, въ которой, какъ въ Пріенѣ (рис. 11), засѣдали городскія власти. На южномъ концѣ залы находилась обширная сокровищница, лежавшая подъ одной изъ тяжелыхъ плитъ пола. На западѣ два входа вели непосредственно съ улицы въ залу. Болѣе 1500 посѣтителей помѣщались на изящно профилированныхъ ступеняхъ. Деревянный потолокъ покоился на 4 опорныхъ столбахъ. Внутренній видъ залы отличался большой простотой; на угловыхъ подестахъ, направо и налѣво, стояли, по всей вѣроятности, мраморные треножники. Внѣшнія стѣны залы были украшены декоративной архитектурой; промежутки между колоннами частью открывались окнами наружу, частью были заполнены круглыми щитами. Въ центрѣ передняго двора, служившаго мѣстомъ отдыха для участниковъ засѣданій, возвышалась почетная могила: тутъ были погребены оба милетскихъ гражданина, побудившихъ около 170 г. до Р. Хр. сирійскаго царя Антіоха IV воздвигнуть это дивное зданіе совѣта. Съ архитектурной точки зрѣнія зданіе совѣта очень видная постройка, пластическое же украшеніе почетной гробницы и особенно фриза пропила (рис. 22) явно обнаруживаютъ совершенный упадокъ пластической техники.

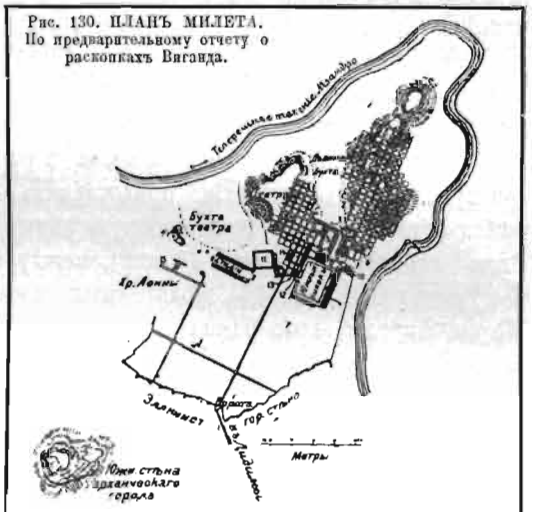

Рис. 130. ПЛАНЪ МИЛЕТА.
По предварительному отчету о раскопкахъ Виганда.

1. Треножникъ на набережной гавани. 2. Римскія термы. 3. Святилище Аполлона Дельфинія. 4. Могила. 5. Сѣверный рынокъ. 6. Римскія термы. 7. Гимнасій. 8. Зданіе совѣта. 9. Нимфей и 10. Асклепіей; оба строенія относятся къ эпохѣ имперіи. 11. Термы императрицы Фаустины. 12. Городская житница. 13. Храмъ Сараписа. 14. Палестра съ римскимъ героономъ. 15. Героонъ царя Евмена. (Тѣ строенія, о времени которыхъ особо не упомянуто, относятся къ эллинистической эпохѣ).

На площади городского совѣта (рис. 130, 9) находился, между прочимъ, Нимфей, фонтанъ, украшенный инкрустаціями изъ разноцвѣтнаго мрамора и статуями. На югъ отъ ратуши лежалъ южный рынокъ, самая обширная изъ извѣстныхъ намъ античныхъ рыночныхъ площадей. Нимфей. Южный рынокъ.

Это былъ большой дворъ, окруженный, какъ и сѣверный рынокъ, стѣною; дворъ этотъ можно было совершенно отдѣлить отъ остального города. Двухкорабельныя и двухъэтажныя дорическія колоннады окаймляли рынокъ со всѣхъ четырехъ сто-

ронъ. Безчисленные магазины и мастерскія выходили въ эти галлереи съ ихъ лѣсомъ колоннъ. Восточныя колоннады, въ три ряда слѣдующія другъ за другомъ, были подарены городу Антіохомъ I; онъ предназначилъ обильные доходы съ нихъ въ пользу Дидимскаго храма. Антіохъ II также увѣковѣчилъ здѣсь свое имя, подаривъ городу на этомъ главномъ рынкѣ галлерею; колонны ея были украшены изящными коринѳскими капителями. Послѣ 78 г. до Р. Хр. былъ воздвигнутъ храмъ римскаго народа и богини Ромы; одновременно вводится римскій праздникъ для юношества съ состязаніями и факельнымъ бѣгомъ; необходимо было вытѣснить изъ памяти народа празднества, устраивавшіяся эллинистическими монархами.

Подобно этому громадному рынку съ его тысячью колоннъ, и городской хлѣбный рынокъ (12) производитъ чисто-столичное впечатлѣніе; соотвѣтственно практическому назначенію рынка колоннада его—шириною въ 13 м., длиною въ 163 м.—была лишена украшеній. Въ обоихъ ея обширныхъ корабляхъ находился складъ обильныхъ запасовъ зерна, необходимаго городу для частыхъ раздачъ зерна гражданамъ.

Расположенный вблизи отсюда храмъ Сараписа (13), воздвигнутый въ III столѣтіи, представлялъ собою, повидимому, трехкорабельную постройку, излюбленную форму раннехристіанскихъ церквей.

Термы. Рядъ городскихъ термъ (2 и 6), между прочимъ, громадныя термы Фаустины (около 11), подаренныя милетцамъ супругой императора Марка Аврелія, возникаютъ въ эпоху римскаго владычества.

Съ западной стороны передъ ними находился обширный дворъ, окруженный колоннами коринѳскаго стиля. По обѣ стороны длиннаго корридора были расположены раздѣвальни, изъ которыхъ посѣтители входили въ помѣщенія для холоднаго и теплаго купанья и въ sudatorium. Приспособленія для топки довольно хорошо сохранились. Въ термахъ существовалъ также залъ для лекцій, мусей. Въ полукруглой апсидѣ уцѣлѣла каѳедра со ступенями; въ стѣнныхъ нишахъ стояли статуи, между прочимъ, игравшій на лирѣ Аполлонъ и Музы, напоминающіе позой и трактовкой одеждъ музъ рельефа Архелая (ср. рис. 120).

Театръ. Постройка громаднаго театра, возникшаго въ эллинистическую эпоху, была окончательно завершена лишь во времена послѣ Траяна. Развалины театра еще понынѣ составляютъ громаду въ 30 м. высоты, доминируя со своей ослѣпительной роскошью мрамора надъ всей мѣстностью. Это былъ самый обширный театръ въ Малой Азіи, онъ вмѣщалъ не менѣе 25000 зрителей. Въ древнее время съ высшихъ уступовъ его открывался видъ на одну изъ четырехъ бухтъ со всей ея торговой суетой.

Стадій. Непосредственно близъ театра и бухты находился стадій: на обѣихъ короткихъ сторонахъ его стояли на мраморныхъ цоколяхъ три пары водяныхъ часовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ уже въ древнемъ Милетѣ точно слѣдили за временемъ. Неподалеку отъ стадія, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ древнимъ храмомъ Аѳины (15), возвышалось святилище, воздвигнутое милетцами ихъ благодѣтелю и

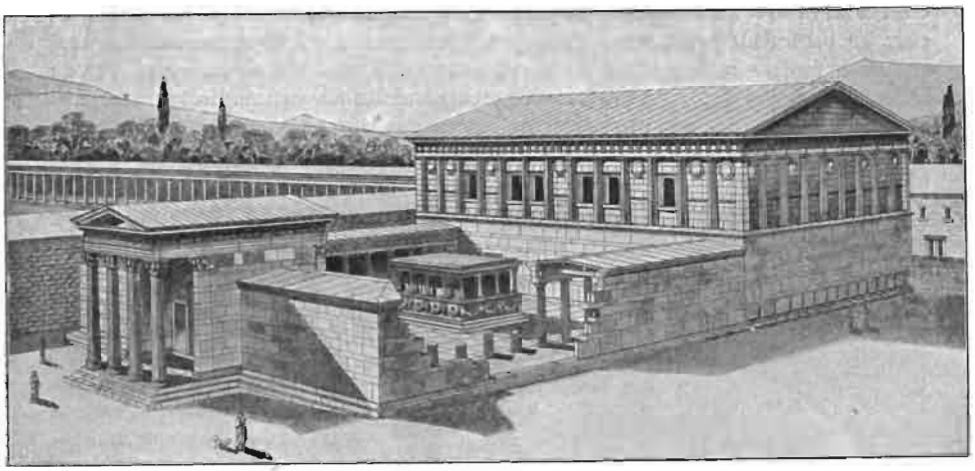

Рис. 131. МИЛЕТСКОЕ ЗДАНІЕ СОВѢТА.
Реконструировано Кнакфуссомъ. Ср. «Milet», II, табл. 14.
На нашемъ рис. отсутствуетъ часть стѣны, чтобы дать возможность разсмотрѣть внутренность портика и особенно почетную гробницу посреди двора, реконструкція которой, впрочемъ, совершенно спорна. Колоннада налѣво—часть южнаго рынка.

союзнику, знакомому намъ уже Евмену II Пергамскому (стр 194): въ немъ стояла колоссальная бронзовая статуя высоко почитаемаго царя.

Нѣмецкимъ археологамъ удалось, наконецъ, раскопать на большомъ протяженіи эллинистическую городскую стѣну. Ея толщина достигала мѣстами 5 м., на равныхъ разстояніяхъ ее прерывали башни, въ верхнихъ этажахъ которыхъ были приспособленія для склада оружія. Найдены и городскія ворота, черезъ которыя священная процессія направлялась въ Дидиму. Прямая улица съ тротуарами направо и налѣво соединяетъ ворота съ набережной Львиной бухты. За воротами же по обѣ стороны длинной священной дороги (16 км.) тянутся могилы. Городская стѣна.

Эллинистическій Милетъ во всемъ придерживается грандіознаго масштаба, удовлетворяя повышенной требовательности столичнаго города. Среди общественныхъ зданій храмы явно утрачиваютъ свою прежнюю роль. Бросаются въ глаза рынки, праздничныя колоннады, гимнасій, термы, вообще свѣтскія зданія, что и въ наше время характеризуетъ столичные города. Къ тому же у милетцевъ было выдающееся по красотѣ и роскоши святилище въ близкой Дидимѣ.

Дидимскій оракулъ Аполлона существовалъ съ глубокой древности. Онъ по своему значенію соперничалъ съ Дельфами, издревле обладая правомъ убѣжища. Во время Персидскихъ войнъ древнее святилище сгорѣло, колоссальное изображеніе божества—твореніе Канаха (Э. К., 308), было увезено въ Сусу. Дидима.

Около 200 года Селевкиды вернули изображеніе и принялись за новую постройку храма, продолжавшуюся въ теченіе столѣтій, вплоть до эпохи императора Адріана. Колоссальное святилище такъ и осталось незаконченнымъ. Берлинскій музей уже нѣ-

сколько лѣтъ производитъ раскопки развалинъ храма. Работа далеко еще не закончена, тѣмъ не менѣе, мы уже имѣемъ нѣкоторое представленіе о всей оригинальности святилища и необычайной роскоши его (рис. 132 сл.). Длина храма равнялась 109 м.; ширина 51 м. Его окружала священная роща, незаселенная людьми. Посѣтители храма сначала подходили къ архаической стѣнѣ, съ высоты которой на $2^1/_2$ м. глубины спускалась лѣстница къ храму (рис. 133). На южной продольной сторонѣ эта опорная стѣна переходила въ рядъ ступеней, на которыхъ такъ же, какъ на ступеняхъ храма, сидѣли зрители, смотрѣвшіе на великія дидимскія игры, особенно на факельный бѣгъ, начинавшійся отъ алтаря передъ восточнымъ фронтомъ, огибавшій храмъ и снова возвращавшійся къ алтарю.

Рис. 132. ХРАМЪ АПОЛЛОНА ВЪ ДИДИМѢ.
Съ фотографіи Аѳинскаго археолог. института.
Рисунокъ показываетъ лѣстницу, ведущую къ pronaos. Виденъ рядъ богато украшенныхъ базъ колоннъ. На переднемъ планѣ (въ серединѣ) лежатъ фрагменты фриза, украшеннаго орнаментомъ и громадными головами медузъ.

На семи высокихъ ступеняхъ возвышается стилобатъ. Двойной рядъ іонійскихъ колоннъ окружалъ целлу; 12 колоннъ между сильно выступающими антами украшали pronaos. Всѣхъ колоннъ-великановъ въ храмѣ было 120, вышина каждой равнялась почти 20 м., каннелюры не были окончены. Колонны восточнаго фронта отличались особымъ великолѣпіемъ: базы были украшены пальметками и мэандромъ (рис. 132), капители—фантастическимъ сочетаніемъ бюстовъ боговъ, головъ быковъ и грифоновъ. На фризѣ красовались маски медузъ среди могучихъ побѣговъ (рис. 132). Целла состояла изъ передней, покоившейся на двухъ колоннахъ, и изъ обширнаго adyton, лежавшаго на 4 ½ м. глубже и не защищеннаго крышей. Между pronaos и передней было дверное отверстіе въ 8 м. ширины, которое, однако, не закрывалось, порогъ состоялъ изъ громадной каменной глыбы въ 1½ м. высоты. Изъ pronaos'a въ adyton вели, покрытые сводами, слегка понижавшіеся ходы справа и слѣва отъ дверп. Въ стѣны надъ этими ходами были вдѣланы лѣстницы съ двойнымъ поворотомъ, ведшія на крышу храма. Потолокъ этихъ лѣстницъ былъ оригинально украшенъ гигантскимъ мэандромъ на голубомъ фонѣ (рис. 134). Изъ передней залы три портала вели по широкой (въ 16 м.) лѣстницѣ

въ adyton. Порталы были украшены рельефами изъ слоновой кости, на которыя Птолемей XIV (51—47 г. до Р. Хр.) пожертвовалъ ни болѣе, ни менѣе какъ 35 большихъ слоновыхъ клыковъ. Въ глубоко расположенномъ adyton'ѣ, находилась, вѣроятно, земная расщелина, черезъ которую съ древнихъ временъ вопрошался оракулъ. Тутъ не было крыши, стѣны помѣщенія были украшены полуколоннами и пилястрами. О назначеніи отдѣльныхъ помѣщеній мы не освѣдомлены; возможно, что и послѣ новыхъ изслѣдованій оно останется неразгаданной тайной. Но уже теперь ясно одно: нигдѣ въ мірѣ мы не найдемъ такого ослѣпительнаго великолѣпія мрамора и подобной тонкости его обработки.

Многое въ описанныхъ грандіозныхъ постройкахъ Милета и его окрестностей носитъ совершенно современный характеръ. Милетцы вполнѣ оцѣнивали всю эффектную красоту обширныхъ колоннадъ, необозри-

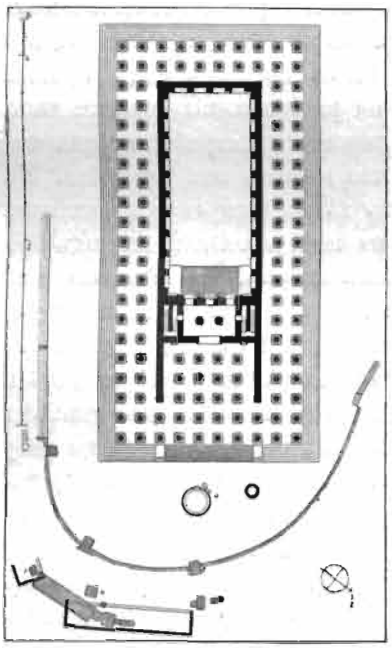

Рис. 133. ПЛАНЪ ДИДИМЕЙОНА.
Ср. Wiegand, «VII. vorläufiges Bericht über Milet», Tf. 4.

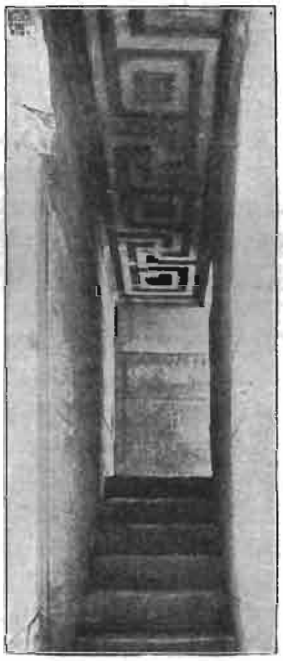

Рис. 134. ПОТОЛОКЪ НАДЪ ЛѢСТНИЦЕЙ ВЪ ДИДИМЕЙОНѢ.
Ср. Wiegand, «VII. vorläufiges Bericht über Milet», Abb. 16.

мыхъ сотенъ колоннъ; они любили заканчивать перспективу улицъ монументальнымъ зданіемъ, издали привлекающимъ взоры; они сознавали все практическое удобство сѣти улицъ, пересѣкающихся подъ прямыми углами; тѣмъ не менѣе, распредѣленіе площадей и памятниковъ не отличается педантичностью. Изрѣзанность полуострова морскими бухтами, разнообразіе холмовъ и возвышенностей способствовали красотѣ города.

Кто же были создатели этой богатой картины города? Подобно тому, какъ мы это установили для Пріены, большинство колоннадъ и

построекъ было создано не самоотверженностью гражданъ, а широкой щедростью царственныхъ меценатовъ. Античная гражданская добродѣтель, забывавшая свое собственное жилище, думавшая только о возможно большей красотѣ и богатствѣ общественныхъ учрежденій, преимущественно храмовъ, наиболѣе богатое убранство которыхъ составляло гордость гражданъ, давно отжила свой вѣкъ. Чужда она была и эллинистическому Милету.

VIII. ДѢЛОСЪ

Делосъ.

Раскопки въ Пріенѣ и въ Милетѣ не даютъ намъ представленія о жилищахъ богатыхъ гражданъ въ эллинистическую эпоху. Наши свѣдѣнія дополняетъ Д е л о с ъ, раскапываемый уже въ теченіе десятилѣтій французами; рядомъ съ развалинами святилищъ и громадныхъ общественныхъ зданій здѣсь изъ нѣдръ земли воскресъ рядъ аристократическихъ ж и л и щ ъ г р а ж д а н ъ. Они расположены большей частью на довольно узкихъ, неправильныхъ уличкахъ; постройка города не отличается планомѣрностью; кажется, что возникъ онъ случайно. Въ виду густоты населенія, каждый клочекъ холмистаго города использованъ. Здѣсь, какъ и всюду на благодатномъ югѣ, обитатели жилищъ большую часть дня проводили подъ открытымъ небомъ, что сказывается и на характерѣ жилищъ. Мы уже видѣли въ Пріенѣ, что существенную часть каждаго дома составлялъ внутренній дворъ. То же въ Делосѣ. И здѣсь, кромѣ того, комнаты отличаются тѣснотой и на нашъ взглядъ неуютностью. Уличные фасады домовъ имѣютъ въ нижнемъ этажѣ только двери, окна отсутствуютъ. Гдѣ они есть, окна выходятъ не на улицу, а во внутренній дворъ. Что касается этого двора, то существуетъ большая разница между домами Делоса и Пріены. Въ Делосѣ не встрѣчается обычная въ Пріенѣ (выше, стр. 221) простада. Здѣсь квадратный дворъ со всѣхъ сторонъ ограниченъ портиками, что̀ создаетъ богатую форму такъ называемаго перистиля, очень распространенную и впослѣдствіи принятую всюду въ Италіи. Мы снова встрѣтимъ эту архитектурную форму въ Помпеяхъ. Одной изъ своихъ сторонъ перистиль примыкаетъ къ внѣшней стѣнѣ дома. Свободное пространство между его колоннами находилось подъ открытымъ небомъ; черезъ перистиль свѣтъ проникалъ въ помѣщенія дома, проникалъ и дождь; вся дождевая вода, падавшая во дворъ перистиля, а также вода, стекавшая съ крышъ, тщательно собиралась въ обширныя цистерны, регулярно находимыя подъ имплювіемъ; надо помнить, что островъ былъ бѣденъ источниками. Цистерны обыкновенно раздѣлены на мѣньшіе резервуары, одновременно служащіе фильтрами воды, текшей изъ одного резервуара въ другой. Вода, необходимая для употребленія, вытягивалась въ ведрахъ на канатахъ черезъ колодези, устроенные въ перистилѣ или вблизи его. Обыкновенно

Перистильные дома.

сѣверная часть портика перистиля бываетъ нѣсколько шире остальныхъ трехъ (на рис. 135 изображена восточная часть); въ нее выходитъ самая большая и роскошная зала дома. Перистиль, соединенный съ залой, имѣвшей форму экседры, служилъ мѣстомъ прогулки, замѣняя собой садъ, который въ Делосѣ совершенно отсутствуетъ. Высота нижняго этажа достигаетъ $6^1/_2$ м. и больше. Насколько остальныя жилыя комнаты обширны и богаты воздухомъ, настолько убоги, по нашимъ понятіямъ, спальни и хозяйственныя помѣщенія; возникаетъ предположеніе, что делосцы нерѣдко спали и стряпали пищу во дворѣ и въ портикахъ, а не во внутреннихъ комнатахъ. Отхожія мѣста существовали только въ немногихъ домахъ; цѣлый рядъ условій комфорта, безъ которыхъ мы себѣ жизни представить не можемъ, въ Делосѣ отсутствуетъ. Однако, мы не должны забывать нашего незнанія назначенія верхнихъ этажей въ домахъ; мы имѣемъ основаніе предполагать, что въ нихъ находились не худшія комнаты.

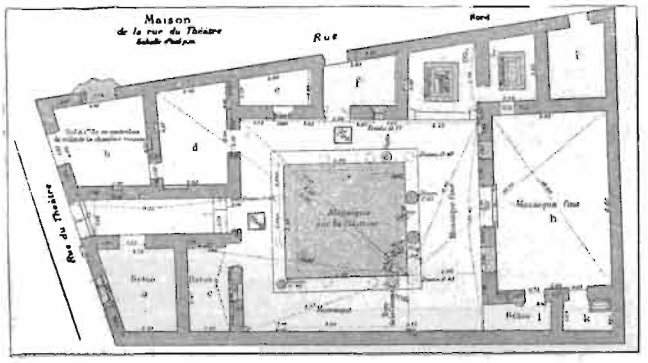

Рис. 135. ДОМЪ «ТРЕЗУБЦА» ВЪ ДЕЛОСѢ.
«Bull. de corr. hell.», 1895, табл. 5.

Домъ расположенъ по узкой, неравномѣрно вымощенной улицѣ, ведущей къ театру. *a*—комната сторожа съ рѣшотчатымъ окномъ на улицу. *b*—лавка на углу улицы, съ 2 входами. *c*, *d* и *e*—хозяйственныя помѣщенія. *e*—можетъ-быть, кухня. Въ *f*—дверь для поставщиковъ хозяйственныхъ продуктовъ и лѣстница, ведущая въ верхній этажъ. *g*—экседра, южная сторона которой открыта къ восточному перистилю; кромѣ того, слѣды стоявшаго тутъ дивана. *h*—особенно роскошное помѣщеніе (8×5 м.), освѣщенное дверью и двумя окнами изъ перистиля. Прекрасная мозаика въ семи тонахъ. Внизу стѣна украшена въ инкрустаціонномъ стилѣ, наверху—триглифами, консолями, головами быковъ и масками; все это въ сочетаніи, которое трудно возстановить. *i*—лавка. *j*—опять роскошное помѣщеніе: цвѣтная мозаика, на стѣнѣ штукатурный фризъ, изображающій эротовъ съ голубыми крыльями, порхающихъ среди гирляндъ. *k*—микроскопическая спаленка съ большимъ, мраморнымъ умывальникомъ или ванной. *l*—корридоръ, соединяющій перистиль и залу *h*. Въ перистилѣ и имплювіи также былъ мозаичный полъ. Нѣкоторыя мозаики отличаются поразительною тонкостью исполненія; такъ, напр., въ сѣверномъ перистилѣ обвитый лентами трезубецъ, давшій наименованіе дому, кромѣ того, якорь, вокругъ котораго обвился дельфинъ. Подъ имплювіемъ находится большая цистерна, гдѣ собиралась вся стекающая съ крышъ вода.

Во всякомъ случаѣ, убранство главныхъ помѣщеній часто отличалось поразительнымъ великолѣпіемъ. Колонны и антаблементъ перистиля въ большинствѣ случаевъ были изъ мрамора, также всѣ пороги и косяки. Портики и всѣ главныя помѣщенія дома были вымощены мозаикой; этотъ видъ пола прекрасно соотвѣтствовалъ южному климату, гдѣ, для бо́льшей прохладности помѣщеній, полъ часто поливается водой. Мозаичные и другіе полы сдѣланы съ небольшимъ скатомъ, чтобы вода моментально стекала, и полъ высыхалъ. Мозаики не всѣ одинаково сработаны: мы видимъ то орнаменты, мэандръ или разноцвѣтные квадраты, то цѣлыя картины, которыя по красотѣ рисунка и

Рис. 136. СИЛЕНЪ ИЗЪ ДОМА ДІОНИСА ВЪ ДЕЛОСѢ.

Мраморная статуя, найденная въ Делосѣ въ 1904 году; нынѣ находится въ Аѳинахъ.

Ср. «Bulletin de corr. hell.», 1907, табл. 11.

По второму экземпляру той же фигуры мы знаемъ, что силенъ въ правой рукѣ держалъ тамбуринъ, лѣвой — конецъ мѣха для вина, лежащаго на его лѣвомъ плечѣ. На силенѣ першавая нижняя одежда, подобная той, которую надѣвали актеры, изображавшіе силеновъ; на нее накинутъ плащъ, эффектно подчеркивающій полноту благодушнаго существа. Борода раздѣлена на 6 завитковъ.

и художественномъ чутьѣ обитателей ихъ, какъ и самыя постройки.

Изъ остальныхъ строеній, найденныхъ въ Делосѣ, слѣдуетъ упомянуть о многокорабельной колоннадѣ недалеко отъ набережной гавани и отъ рынка (рис. 137); это зданіе по всему своему плану и конструкціи крыши (ср. рис. 138) служитъ предвѣстникомъ впослѣдствіи очень распространенной въ Римѣ формы базилики.

Базилики.

гармоніи тоновъ являются среди сохранившихся до насъ мозаичныхъ картинъ наиболѣе совершенными образцами античнаго искусства мозаики (табл. V).

Почти всѣ стѣны въ парадныхъ комнатахъ покрыты прочной штукатуркой, имитирующей въ разноцвѣтныхъ тонахъ мраморную инкрустацію, знакомую намъ по Александріи (ср. стр. 188). Къ сожалѣнію, верхняя часть стѣнъ нигдѣ не сохранилась: найденныя, однако, на полу штукатурныя окрашенныя колонки, архитравы, консоли, маски свидѣтельствуютъ о богатомъ украшеніи именно верхней части стѣны. Мы встрѣчаемъ тотъ же стиль декораціи жилищъ сто лѣтъ спустя въ древнѣйшихъ домахъ Помпей. Меблировка делосскихъ домовъ, безъ сомнѣнія, богатая и претенціозная, къ сожалѣнію, почти нигдѣ не уцѣлѣла; но многочисленные мраморные фрагменты произведеній искусства, найденные въ нихъ (ср. рис. 136), такъ же краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о богатствѣ

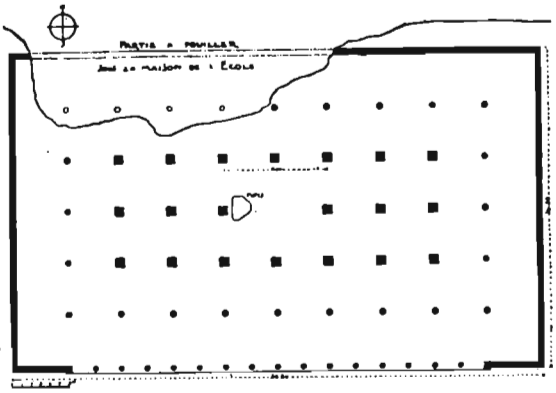
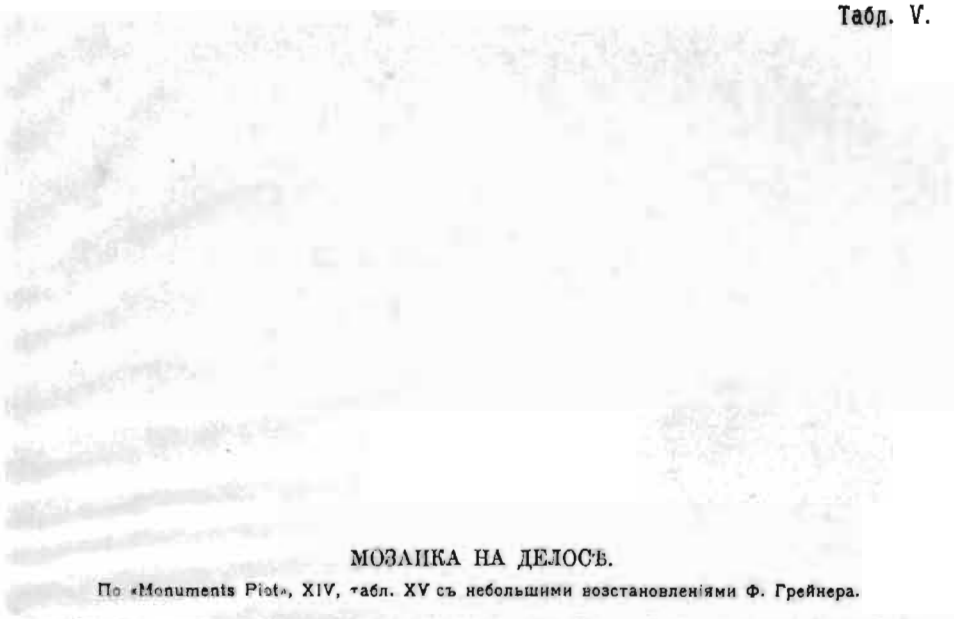

Рис. 137. «БАЗИЛИКА» ВЪ ДЕЛОСѢ.

Ср. «Comptes rendus», 1907, p. 616.

Построена около 125 года до Р. Хр. Она была съ трехъ сторонъ окаймлена стѣнами. На югъ, по направленію къ агорѣ, она заканчивалась портикомъ въ 15 колоннъ, такъ что южная сторона почти на всемъ протяженіи своемъ была открыта. Внутри возвышаются 44 колонны, при чемъ внѣшній рядъ дорическихъ колоннъ окружаютъ три ряда болѣе высокихъ іоническихъ. Въ центрѣ этой двухкорабельной іонической колоннады находилось маленькое, лишенное крыши, помѣщеніе съ большимъ колодцемъ. При разной высотѣ внѣшнихъ и внутреннихъ колоннъ является возможной только та конструкція деревянной крыши, которую впослѣдствіи примѣняли въ базиликахъ (ср. рис. 138).

МОЗАИКА НА ДЕЛОСѢ.

По «Monuments Piot», XIV, табл. XV съ небольшими возстановленіями Ф. Грейнера.

Діонисъ, появляющійся здѣсь съ крыльями, какъ Эросъ, ѣдетъ верхомъ на тигрѣ, держа въ рукѣ тирсъ. Онъ одѣтъ въ восточные штаны, только ноги не обуты. Передъ тигромъ опрокинутый канеаръ. Краски въ высокой степени ярки, примѣнена и синяя въ различныхъ тонахъ. Обратить вниманіе на то, какъ цементъ, связывающій камешки мозаики, также имѣетъ разнообразную окраску, чѣмъ усиливается пестрота картины.

Эта архитектурная форма, чуждая древней Греціи, не прибѣгаетъ къ длинному портику; она представляетъ собою многокорабельное, опирающееся на колонны и снабженное крышей, рыночное зданіе, типъ котораго заимствованъ, по всей вѣроятности, изъ Египта, гдѣ подобная

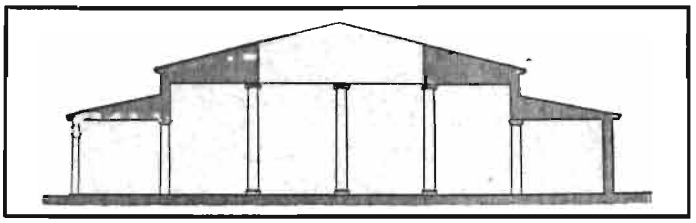

Рис. 138. ДЕЛОССКАЯ БАЗИЛИКА.
Разрѣзъ по Леру.
Ср. «Comptes rendus», 1906, рис. 619.
Разрѣзъ съ юга на сѣверъ. Мѣсто, не покрытое штраффировкой, находилось подъ открытымъ небомъ.

архитектурная форма всегда существовала. Особое значеніе упомянутыхъ делосскихъ находокъ въ томъ, что онѣ знакомятъ насъ съ первыми примѣрами двухъ важнѣйшихъ архитектурныхъ формъ, распространенныхъ впослѣдствіи на западѣ—съ перистилемъ и базиликой.

IX. ИТОГИ

Итоги.

Мы суммируемъ выводы изъ нашего обзора центровъ эллинистической культуры. Одно совершенно ясно: глубоко-индивидуалистическое направленіе, присущее искусству періода расцвѣта, безвозвратно погибло. Политическому многообразію древняго времени соотвѣтствовало многообразіе локальныхъ стилей: каждая маленькая городская республика жила своей политикой и своимъ самобытнымъ искусствомъ. Отнынѣ политической монотонности, созданной македонскимъ владычествомъ, и въ области искусства соотвѣтствовало своего рода однообразіе. Контрасты городовъ стушевываются, преимущества отдѣльныхъ школъ становятся достояніемъ болѣе или менѣе всего эллинистическаго міра искусства: возникаетъ нѣчто въ родѣ койне (ср. стр. 86), общепонятный языкъ искусства.

Эллинистическое искусство не ищетъ, оно пресыщено и вполнѣ созрѣло. Оно лишено той чарующей свѣжести и плѣнительной искренности, которыя характеризуютъ раннее искусство. Мы болѣе не видимъ борьбы ищущихъ талантовъ съ художественнымъ матеріаломъ, мы не видимъ ихъ мучительнаго исканія лучшихъ средствъ выраженія, болѣе совершенной техники. Нѣтъ, эллинистическіе художники достигли высоты техническаго совершенства, не знающаго такихъ трудностей. Бравированіе этимъ техническимъ мастерствомъ нерѣдко даже бѣднитъ ихъ творенія. Колоссальность размѣровъ заказанныхъ меценатами произве-

Рис. 139. ГЕРКУЛАНЕЙ.
(Съ фотографіи.)
Мы видимъ на рисункѣ, насколько глубоко расположены развалины подъ современнымъ городкомъ Резиной. Въ виду этого продолженіе раскопокъ безъ разрушенія послѣдняго является невозможнымъ.

деній искусства также шла въ ущербъ ихъ художественности. Многія произведенія эллинистическаго періода сильнѣе поражаютъ своей колоссальностью и другими внѣшними средствами, чѣмъ одухотворенностью содержанія; они проникнуты громко навязчивой, театральной патетичностью.

Искусство этой эпохи характеризуется еще одной отрицательной чертой: блѣднѣетъ нѣкогда строгое чувство стиля. Въ былое время пластика стремилась только къ пластическому эффекту, живопись къ живописному. Теперь же разныя области искусства сближаются, скульпторъ стремится къ достиженію эффектовъ, составляющихъ особенность живописи; произведенія его достигаютъ полноты впечатлѣнія лишь въ садахъ, паркахъ, словомъ—въ живописной обстановкѣ.

Тѣмъ не менѣе—и мы настаиваемъ на этомъ—объ упадкѣ художественнаго творчества въ эллинистическую эпоху не можетъ быть и рѣчи. Если слѣды его замѣтны, то не вездѣ. Конечно, во многихъ центрахъ, въ которыхъ нѣкогда процвѣтало самобытное великое искусство, въ Аргосѣ, Коринѳѣ, даже въ Аѳинахъ и Сикіонѣ, художественная продуктивность сильно падаетъ или совершенно изсякаетъ; возникаютъ

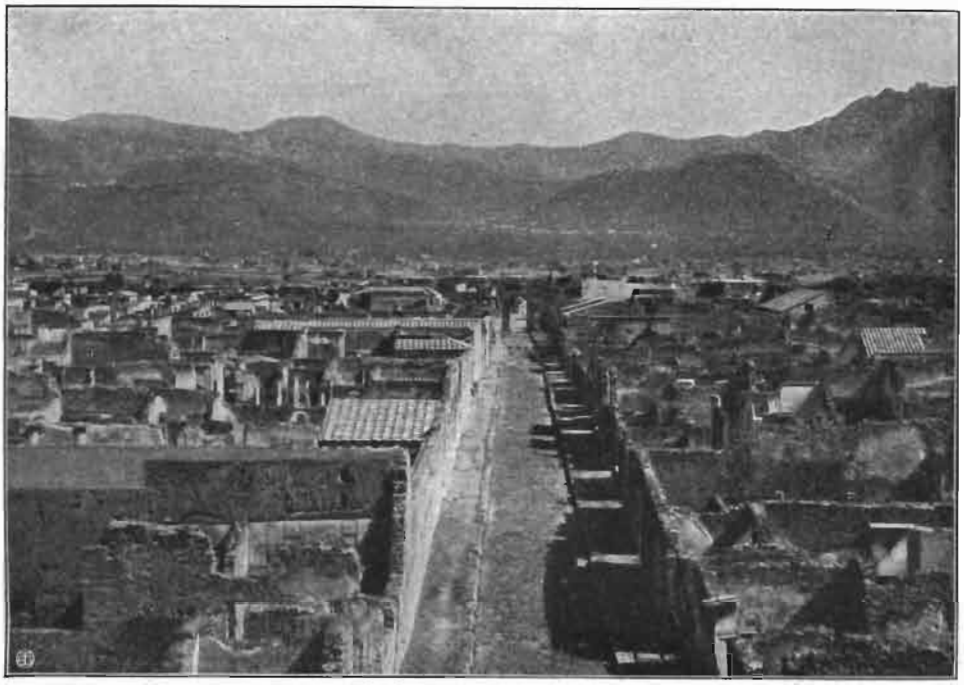

Рис. 140. УЛИЦА ВЪ ПОМПЕЯХЪ.
(Съ фотографіи.)
Передъ нами открывается съ городской стѣны видъ на strada di Mercurio, на южномъ концѣ которой виднѣется арка, нѣкогда поддерживавшая водопроводный резервуаръ. За аркой улица носитъ названіе strada del Foro и кончается около храма Юпитера (рис. 172) у сѣверо-восточнаго угла рынка. Вдали тянутся Monti Lattari и направо Monte S. Angelo.

зато новые центры въ родѣ Родоса и Делоса, поднимающіеся на небывалую высоту, не говоря уже объ Александріи и Пергамѣ, гдѣ художники, окруженные богатствомъ жизни, милостью меценатовъ и всеобщимъ воодушевленіемъ, создаютъ много великаго, не перестающаго и понынѣ возбуждать наше восхищеніе.

Еще значительнѣе дальнѣйшее вліяніе этого художественнаго творчества; все римское искусство имъ проникнуто; попробуйте отбросить все то, чѣмъ римское искусство обязано эллинистическому; много ли останется чисто-римскаго? Съ другой стороны, эллинистически-римское искусство продолжаетъ жить въ художественномъ творчествѣ Средневѣковья и эпохи Возрожденія, оно живо также и въ современномъ искусствѣ. Отдавая себѣ отчетъ въ этой неугасаемой жизненности созданій эпохи эллинизма, мы не можемъ не признать ея великаго значенія. [*Баумгартенъ*].

РИМЪ

ЦАРСКІЙ ПЕРІОДЪ И РЕСПУБЛИКА

ВВЕДЕНІЕ

Между двумя націями, принадлежащими къ одному и тому же великому семейству европейскихъ народовъ, не можетъ существовать болѣе глубокаго контраста, чѣмъ между греками и римлянами. Римлянинъ, одаренный бо́льшей физической упругостью, чѣмъ эллинъ, создаетъ единичный среди культурныхъ націй всего міра типъ суровой мужественности, связанной съ самоувѣренностью (рис. 141). Этотъ народъ, одаренный трезвымъ умомъ, всю свою огромную энергію посвящалъ почти исключительно жизни государства, и ни одному народу не было суждено, подобно Риму, достигнуть господства надъ націями всего культурнаго міра. Характерный контрастъ между римлянами и греками особенно ярко бросается въ глаза послѣ разсмотрѣнія эпохи эллинизма: тамъ всемірное государство, созданное единой личностью и погибшее съ нею, здѣсь народъ, незамѣтно начавшій свой историческій путь съ созданія одного города, а затѣмъ навязавшій всему человѣчеству свое городское право.

Рис. 141. ПОРТРЕТЪ РИМЛЯНИНА. ТЕРРАКОТТА. I стол. до Р. Хр. Въ Бостонѣ. Съ фотографіи.

Римъ обладалъ всѣми данными, чтобы быть распространителемъ общечеловѣческой культуры; глубоко проникнутые идеей государственности и гордо самоувѣренные, римляне не замыкались отъ вліянія иноземной цивилизаціи. Это прежде всего относится къ эллинизму, но и культура Востока, элементы которой проникали и оплодотворяли эллинизмъ, вошла, какъ мы видѣли, въ общій могучій потокъ, исходя изъ котораго римская культура распространилась на все человѣчество. Современная наука въ противовѣсъ переоцѣнкѣ эллинизма убѣждаетъ

насъ все яснѣе, что въ основѣ культурной эволюціи Рима лежатъ не только чужеземные элементы; человѣчество обязано многимъ великимъ и геніальнымъ творчеству или творческому пересозданію римлянъ.

Ясно, что эта глубокая эволюція совершалась постепенно; но ради цѣлостности дальнѣйшаго изложенія мы будемъ различать только два главныхъ періода ея. Столѣтія протекли, прежде чѣмъ Римъ вышелъ изъ рамокъ культуры сравнительно небольшого, хотя и созданнаго для господства, племени—древнихъ латиновъ. Съ середины IV стол. до Р. Хр. городъ меньше, чѣмъ въ теченіе столѣтія, становится властителемъ всего полуострова и носителемъ культуры Италіи. Побѣдное завершеніе войны съ Ганнибаломъ открываетъ Риму въ концѣ III столѣтія пути всемірной политики: его власти покоряются страны Средиземнаго моря, весь міръ въ извѣстныхъ въ то время границахъ. На культурѣ Рима начинаетъ сказываться вліяніе завоеванныхъ странъ; уже въ началѣ этого періода всемірныхъ завоеваній начинаетъ проявляться культурное вліяніе эллинизма, не утрачивающее своей силы, несмотря на сліяніе съ восточной культурой. Основаніе римской имперіи кладетъ начало полному вліянію міровыхъ культуръ; Римъ становится міровымъ центромъ. Мы заканчиваемъ характеристику римской культуры моментомъ постепеннаго разрушенія великаго государственнаго организма, хотя эволюція ея продолжается въ романскихъ и германскихъ странахъ, гдѣ она перерождается въ культуру общечеловѣческую.

1. СТРАНА И НАСЕЛЕНІЕ ЕЯ

Италія. Какъ ни закончена картина Италіи на картѣ, какъ ни опредѣлено понятіе, связываемое съ ея именемъ,—все же даже распространеніе этого имени на всю страну создалось постепенно; сначала имъ обозначалась лишь самая крайняя юго-западная полоса полуострова, и только постепенно имя Италія распространилось на весь полуостровъ. По древне-италійскому обычаю (стр. 259), это имя происходитъ отъ названія животнаго: Италія означаетъ слово „Страна быка“, рабочаго вола (vitulus), символизирующаго исконное призваніе италійскаго народа, народа-земледѣльца, по всѣмъ его природнымъ качествамъ и духовному складу.

Подобно Греціи, Италія создалась изъ сочетанія моря и горъ. Омываемая на западѣ Тирренскимъ моремъ, на востокѣ Адріатическимъ, она тянется по направленію къ носителю древней культуры, Востоку. Изъ всѣхъ полуострововъ Европы, Италія, благодаря сосѣдней Сициліи, ближе всѣхъ примыкаетъ къ Африкѣ. Расположенная въ центрѣ Средиземнаго моря и раздѣляющая два главныхъ бассейна его, она самой судьбой предназначена къ господству надъ нимъ; современная Италія

снова начинаетъ вспоминать объ этомъ своемъ назначеніи. Оба главныхъ берега Италіи сформированы совершенно различно: западный берегъ богатъ бухтами, портами и островами, восточный, за исключеніемъ Тарентскаго залива на югѣ, мало изрѣзанъ.

Въ прямую противоположность Греціи, культура Италіи расцвѣтаетъ прежде всего на богатомъ портами Тирренскаго моря и культурно болѣе воспріимчивомъ западѣ; оба полуострова точно повертываютъ другъ другу спину, вслѣдствіе чего Италія сохраняетъ извѣстную степень самобытности по сравненію съ Греціей; лишь самая южная область, расположенная вокругъ Тарентскаго залива, была открыта вліянію Востока.

Верхняя Италія.

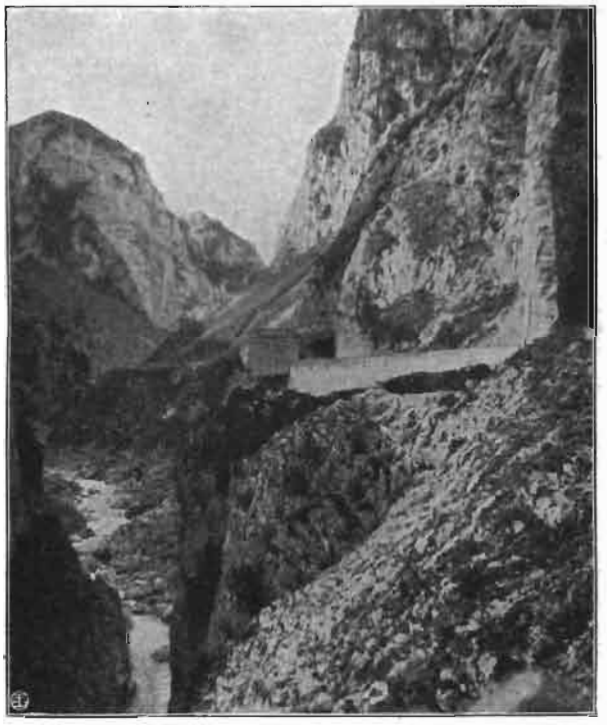

Рис. 142. ГОРНЫЙ ПРОХОДЪ ФУРЛО.
Снимокъ проф. Рентгъ въ Дрезденѣ.
Въ горномъ проходѣ Фурло, въ древнее время называемомъ Intercisa, впослѣдствіи Petra pertusa, Фламиніева дорога перерѣзываетъ Апеннины. Туннель въ 37 м. длиною построенъ императоромъ Веспасіаномъ въ 77 г. по Р. Хр.

Изъ трехъ частей, на которыя обычно дѣлятъ полуостровъ,— Верхней, Средней и Нижней Италіи, — только Верхняя, лишь поздно присоединенная къ остальной, рѣзко отъ нея отдѣляется. Альпы величественнымъ кругомъ окаймляютъ верхне-италійскую равнину, орошаемую самой значительной рѣкой страны, По, не уступающей полноводностью Рейну. Альпы, несмотря на дикую природу, богаты многочисленными горными дорогами, мѣста скрещенія которыхъ способствовали уже въ древности быстрому расцвѣту городовъ. Многочисленные притоки По, частью вытекающіе изъ знаменитыхъ красотой своей природы верхне-италійскихъ озеръ, также способствуютъ богатому орошенію страны, тѣмъ болѣе, что населеніе съ древнихъ временъ неутомимо проводило каналы и строило плотины для урегулированія бурныхъ потоковъ. Только тропическія страны превосходятъ необычайное плодородіе этой прекрасной равнины. Одно и то же поле снабжаетъ че-

ловѣка обильною пищей, благороднымъ напиткомъ и дорогой одеждой: поле кукурузы усажено питающими шелковичнаго червя тутовыми деревьями, обвитыми, въ свою очередь, виноградомъ.

Апеннины. На югѣ верхне-италійская равнина отдѣляется отъ остальной Италіи отрогами Апенниновъ, длина которыхъ достигаетъ 1600 клм.; они начинаются близъ Морскихъ Альповъ, сначала тянутся къ восточному берегу, затѣмъ развѣтвляются на двѣ длинныя главныя цѣпи, идущія къ югу, и расширяющіяся въ Самнійское плоскогоріе; дальше они стремятся къ западному берегу, кончаясь мысомъ dell'Armi (Leucopetra) и Спартивенто (promontorium Herculis). Апеннины значительно ниже Альповъ (въ среднемъ ихъ высота отъ 1000 до 1800 м.); ихъ обнаженные известковые склоны гораздо менѣе плодородны; тѣмъ не менѣе, освѣщенные лучами южнаго солнца, они отличаются тихой, мирной прелестью (рис. 142).

Средняя Италія. Три равнины средне-италійскаго запада, сыгравшія рѣшающую культурную роль, о значеніи которой свидѣтельствуютъ вплоть до нашего времени имена Флоренціи, Рима и Неаполя, обязаны своеобразіемъ природы многочисленнымъ потухшимъ вулканамъ; исключеніе составляетъ Везувій; но и онъ въ историческое время бездѣйствовалъ вплоть до разрушительнаго извержения 79 г. по Р. Хр. (рис. 139 сл. и 172). Эта цѣпь древнихъ вулкановъ простирается отъ озера Больсены вплоть до величественныхъ Албанскихъ горъ и тянется по всему Лаціо; Понцанскіе острова соединяютъ ее съ обширной областью вулкановъ Кампаньи. Такъ какъ и на западѣ Сардиніи тянется рядъ потухшихъ вулкановъ, то получается громадная вулканическая цѣпь, окаймляющая море. Этотъ вулканизмъ создалъ ту гармоничность горныхъ линій, которая характеризуетъ Италію: онѣ сначала мягко повышаются, затѣмъ круто стремятся въ высоту; встрѣчающіяся здѣсь вулканическія озера (рис. 143) отличаются той же красотой линій. Вулканическій характеръ имѣетъ практическое значеніе для культуры человѣка: мѣстность характеризуется изобиліемъ не-

Рис. 143. LACUS NEMORENSIS У ПОДНОЖІЯ АЛБАНСКОЙ ГОРЫ.
(Съ фотографіи.)

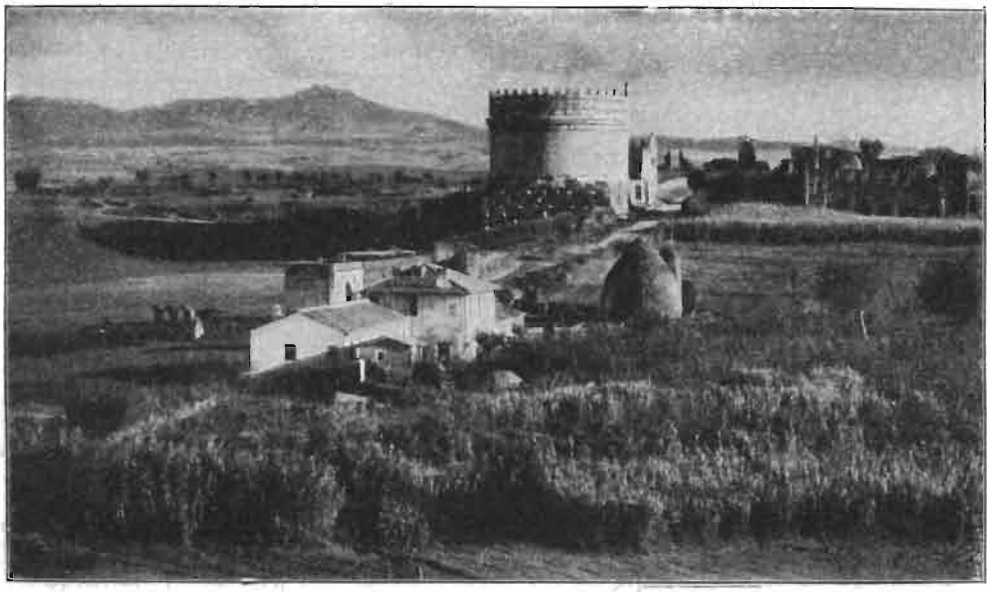

Рис. 144. РИМСКАЯ КАМПАНЬЯ.

(Съ фотографіи.)

Налѣво отъ гробницы Цецилія Метеллы, находящейся на Via Appia и превращенной въ средневѣковую крѣпостную башню, вдали видѣются Албанскія горы, надъ которыми возвышается Монте Каво (Mons Albanus).

большихъ вершинъ, удобныхъ для насажденія городовъ, она даетъ хорошій камень, утилизируемый для построекъ, почва ея въ высшей степени плодородна; на вулканическихъ образованіяхъ уже при незначительномъ вывѣтриваніи ихъ хорошо растутъ виноградъ и маслина. Пересѣкаемая горными цѣпями, ограниченная на востокѣ и югѣ Тибромъ, этрусская равнина является самой сѣверной изъ трехъ западныхъ равнинъ Средней Италіи; она чрезвычайно богата озерами. Къ ней примыкаетъ болѣе узкая и ровная латинская равнина, „Кампанья“ въ тѣсномъ смыслѣ; тихо-величавая, раскинувшаяся въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ шумной столицей міра — Римомъ, она представляетъ собою картину, богатую глубокимъ настроеніемъ. Горы, окружающія эту равнину, и разбросанные среди нихъ древніе центры культурной жизни, сочетаются въ самые своеобразные и прекрасные ландшафты этой типичной страны живописи. Между романтическими Сабинскими горами (рис. 397) на сѣверо-востокѣ, при входѣ въ область которыхъ лежитъ славящійся краснвыми водопадами Тибуръ (рис. 396), и дикими Вольскскими горами на югѣ простираются величественныя Албанскія горы съ доминирующей надъ остальными, возвышающейся посреди горнаго вала, Албанской горой (рис. 144), у подножья которой разстилаются живописныя озера. „Рав-

Рис. 145. ВИДЪ НА НЕАПОЛЬ И ВЕЗУВІЙ ИЗЪ МОНАСТЫРЯ КАМАЛЬДОЛИ.
(Съ фотографіи.)
На переднемъ планѣ Castel Sant'Elmo.

нина" въ самомъ прекрасномъ смыслѣ слова, благословенная Кампанья съ ея богатымъ обиліемъ винограда и всѣми другими благородными дарами природы, съ ея открытымъ греческой культурѣ плѣнительнымъ берегомъ Неаполя (рис. 145 и 415), надъ которымъ возвышается Везувій, является самой южной изъ трехъ средне-италійскихъ западныхъ равнинъ.

Восточная часть Средней Италіи сплошь гориста; здѣсь нѣтъ обширныхъ равнинъ. Къ ней принадлежатъ: привѣтливая Умбрія съ ея мирными долинами и садами, сабеллъская возвышенность, нынѣшніе Абруццы, по которой тянутся безчисленныя горныя цѣпи съ высочайшими вершинами полуострова (Гранъ-Массо д'Италія, 2920 м.); къ нимъ примыкаютъ уже названныя Сабинскія и Вольскскія горы, и, наконецъ, болѣе низкое, неровно изрѣзанное безчисленными холмами и горами плоскогорье—Самній.

Нижняя Италія. На западѣ и на востокѣ заканчиваютъ полуостровъ двѣ полосы земли. Такъ какъ горы въ Нижней Италіи, въ противоположность Средней, идутъ вдоль западнаго берега, то культура западныхъ областей бѣднѣе: такъ, напр., горная Луканія и узкій выступъ Италіи, по которому тянутся безлюдныя и богатыя лѣсомъ горы Силы, Бруттій, нынѣшняя Калабрія. Въ восточной части Южной Италіи находится вѣчно страдающая отъ засухи равнина Апуліи, названіе которой нынѣ распространяется на весь Востокъ Нижней Италіи, и холмистая Калабрія.

Сицилія, отдѣленная узкимъ проливомъ отъ Италіи, почти вдвое превышающая величиной королевство Саксонію, представляетъ собою плоскогоріе въ 600—700 м. средней высоты, понижающееся съ сѣвера на югъ. Грандіозный массивъ Этны, почти достигающій области снѣговъ (3300 м.), возвышается надъ неправильной линіей горъ, прерываемыхъ глубокими ущельями (рис. 146). Сицилія.

Рис. 146. КАСТРОДЖОВАННИ, ДРЕВНЯЯ ЕННА, ВЪ ЦЕНТРѢ СИЦИЛІИ.
(Съ фотографіи.)
Налѣво поднимается изолированная отъ города возвышенность, крутая скала, увѣнчанная замкомъ. Дороги, ведущія въ долину, поросли такъ назыв. macchie, густымъ кустарникомъ мирта, масличнымъ деревомъ, шалфеемъ и т. п., покрывающими обширныя пространства въ Сицилія и Греціи.

Вмѣстѣ съ вулканами на Липарскихъ островахъ, расположенныхъ къ сѣверу отъ Этны, Этна составляетъ единственную область дѣйствовавшихъ въ теченіе всей древности вулкановъ. Правда, Этна, этотъ могучій горный вулканъ, часто опустошалъ страну; тѣмъ не менѣе, онъ же является ея благодѣтелемъ, создавъ плодородіе почвы всего восточнаго берега. Благодаря плодороднымъ долинамъ, рѣкамъ и гаванямъ, этотъ берегъ вообще находится въ особенно благопріятномъ положеніи. Въ обоихъ послѣднихъ отношеніяхъ съ нимъ соперничаетъ западный выступъ Сицилія, тогда какъ на югѣ хотя и имѣются обширныя рѣки,

но отсутствуютъ гавани; сѣверъ Сициліи имѣетъ лишь узкую береговую равнину (рис. 147).

Сардинія и Корсика.

Болѣе мелкіе острова Сардинія и Корсика напоминаютъ Сицилію: плодородная, богатая равнинами Сардинія не достигла расцвѣта, главнымъ образомъ, благодаря болотистому климату; гавани гористой, богатой лѣсами Корсики, лишенной большихъ долинъ, отличались болѣе здоровымъ климатомъ, чѣмъ Сардинія, но и этотъ островъ остался въ сторонѣ отъ культурнаго развитія.

Характеръ страны.

Климатъ Италіи, очень разнообразный въ различныхъ областяхъ ея, отличается меньшимъ контрастомъ между лѣтомъ и зимой, чѣмъ, напр., въ Германіи. На склонахъ Апенниновъ, а также на морскомъ побережьѣ нѣкогда простирались великолѣпные лѣса. Въ нихъ, кромѣ хвойныхъ деревьевъ, встрѣчались дубы, буки и разные виды южныхъ деревьевъ, въ родѣ вѣерообразной пиніи и стройнаго кипариса, рядомъ съ многочисленными сортами кустарника, среди котораго главную роль играли лавръ и миртъ. Просо, ячмень и полба родились обильно; лишь съ V столѣтія начинаютъ разводить пшеницу; культивируются также бобы и рѣпа. Виноградъ, маслина, фиговыя деревья съ ранняго времени пріобрѣтаютъ крупное значеніе. Благодаря карѳагенянамъ распространяются финиковыя пальмы и гранатовыя деревья. Съ I стол. до Р. Хр. начинаютъ культивироваться болѣе тонкіе сорта фруктовъ, какъ, напр., вишня и каштанъ; въ I ст. по Р. Хр. начинаютъ разводить абрикосы, персики и миндаль. Древніе римляне, однако, не знали ни тутоваго, ни апельсиноваго, ни лимоннаго деревьевъ. Рисъ, кукуруза, агавы или кактусы такъ же, какъ распространившійся лишь нѣсколько десятилѣтій тому назадъ эвкалиптъ,—рядъ растеній, характеризующихъ современный итальянскій ландшафтъ,—были неизвѣстны древнему времени.

Населеніе.

Тогда какъ Греція, никогда не осуществившая идеала политической сплоченности, была населена единымъ народомъ одного племени, Италія, достигнувшая полнаго государственнаго единства, объединяла значительное количество племенъ и даже народовъ. Благодаря тому, что переселеніе племенъ въ до-историческую эпоху совершалось сухимъ путемъ, и благодаря своеобразному положенію сравнительно узкаго Апеннинскаго полуострова, окруженнаго со всѣхъ сторонъ моремъ, можно по мѣсту жительства племени приблизительно датировать время его переселенія. Наиболѣе древнія племена оттѣснялись позднѣйшими пришельцами на береговую полосу полуострова или на крайній югъ его. На западѣ Верхней Италіи мы встрѣчаемъ горное племя лигуровъ, у которыхъ хлѣбопашество еще не играло никакой роли, а въ противоположномъ восточномъ углу—опытныхъ мореплавателей, венетовъ, быть-можетъ, иллирійскаго происхожденія. На юго-востокѣ жило древнее племя япиговъ, о которыхъ въ наукѣ суще-

ствуетъ едва ли справедливое мнѣніе, что они проникли сюда морскимъ путемъ изъ Иллиріи; древніе сикулы уже въ историческое время были оттѣснены въ Сицилію съ юго-запада. Большинство всѣхъ этихъ племенъ (исключеніе составляли, можетъ-быть, одни лигуры) принадлежало къ великому арійскому семейству народовъ.

Италики.

Главныя племена Италіи, создавшія ея исторію, италики въ тѣсномъ смыслѣ, въ свою очередь, отличались значительными племенными особенностями. Движеніе этрусковъ съ Альповъ оттѣсняло ихъ изъ старыхъ центровъ ихъ разселенія, находившихся въ Верхней Италіи, по направленію къ восточной части полуострова. Такъ какъ одна изъ вѣтвей, дойдя до Тибра, двинулась на западъ, въ Средней Италіи образовались двѣ обширныя народности: латинская и умбро-сабелльская. Латины заселили приморскія равнины по обѣ стороны Тибра; съ праваго берега рѣки ихъ оттѣснили позднѣе этруски. На юго-востокѣ латиновъ отъ общей массы племенъ другой народной группы отдѣляли вольски, на сѣверо-востокѣ — эквы.

Рис. 147. СОЛУНТЪ БЛИЗЪ ПАЛЕРМО, населенный первоначально финикійцами. Съ фотографіи.

Упомянутыя племена второй группы, въ свою очередь, распадались на умбровъ и на сабелловъ, происходившихъ отъ сабиновъ, разселявшихся съ своеобразной планомѣрностью. Сабины имѣли обыкновеніе въ трудныя времена посвящать избытокъ молодого населенія божеству въ видѣ ver sacrum, предоставляя ему искать себѣ новую родину подъ охраной священнаго животнаго. Самниты, напр., были отправлены подъ охраной вола, гирпины—подъ охраной волка, пиценты—подъ охраной дятла; слѣды этихъ преданій сохранились въ названіяхъ племенъ и мѣстностей. Такъ основались племенныя общины вестиновъ, марруциновъ, френтановъ на морскомъ побережьѣ и эквовъ, герниковъ, вольсковъ, марсовъ и пелигновъ внутри страны. Наиболѣе крупное изъ этихъ племенъ — самниты, отличающіеся только по имени отъ родственнаго племени сабиновъ, побѣдоносно проникаетъ въ плодородную равнину Кампаньи, заселятъ

ее, Луканію и Бруттій. Оскскій языкъ сабелльскихъ племенъ настолько отличался отъ латинскаго, что его трудно считать однимъ изъ діалектовъ послѣдняго.

На сѣверъ отъ латиновъ поселились этруски. О значеніи этого народа загадочнаго происхожденія, оказавшаго самое древнее культурное вліяніе на Римъ, мы скажемъ особо (стр. 266 сл.). Народомъ совершенно иного происхожденія были галлы, которые въ концѣ V столѣтія до Р. Хр., въ свою очередь, вытѣснили этрусковъ изъ плодородной долины По и заняли такимъ образомъ среднюю полосу Верхней Италіи.

Въ Сициліи существовали остатки очень древнихъ племенъ, повидимому, родственныхъ иберамъ. Главнымъ же образомъ здѣсь разселились сиканы, оттѣсняемые проникавшими изъ Италіи сикулами въ западную часть острова.

Наконецъ, для правильной оцѣнки культурной эволюціи Италіи важно обратить вниманіе на очень раннее зарожденіе городовъ-
Колонія. колоній, основанныхъ пришлыми, культурно-передовыми народами. Къ нимъ принадлежатъ финикійцы, поселившіеся, главнымъ образомъ, въ сѣверной и сѣверо-западной Сициліи; наплывъ ихъ, однако, вскорѣ былъ ограниченъ проникшими сюда съ VIII столѣтія греками. На значеніе этой греческой колонизаціи, превратившей и Нижнюю Италію въ „Великую Грецію“, мы уже указывали (Э. К., стр. 69 сл.), характеризуя эллинскую культуру. [*Поландъ*].

2. ЯЗЫКЪ И РЕЛИГІЯ

Своеобразіе и характеръ народа особенно ярко и глубоко отражаются въ его языкѣ и религіи; сравненіе грековъ съ римлянами доказываетъ это положеніе особенно убѣдительно.

Языкъ. Исторія латинскаго языка, его распространенія и вліянія отражаетъ всю эволюцію римскаго государства и высокую культурную миссію римскаго народа. Нарѣчіе небольшой страны, строго говоря, одного города, покорило себѣ и, въ концѣ концовъ, вытѣснило всѣ остальныя италійскія нарѣчія: умбрскій языкъ, сабелльскіе діалекты осковъ и самнитовъ и своеобразный этрусскій языкъ. При этомъ оно, разумѣется, заимствовало изъ нихъ такъ же, какъ впослѣдствіи изъ греческаго языка, многочисленныя слова и выраженія. Въ противоположность свободному творческому многообразію греческихъ діалектовъ, мы видимъ въ Италіи строго-единообразное развитіе языка, исходившее изъ Рима и потому исключавшее дробленіе на діалекты.

Латинскій языкъ принадлежитъ къ группѣ индо-германскихъ языковъ; заманчивая гипотеза объ его первоначальной принадлежности къ единой греко-италійской группѣ не выдержала критики новѣйшаго науч-

наго изслѣдованія. Знакомый намъ латинскій языкъ является результатомъ продолжительнаго процесса сліянія, шлифовки и утонченія, происшедшаго въ недоступный нашему наблюденію до-литературный періодъ. Впрочемъ, дають намъ нѣкоторое представленіе объ изобиліи древнихъ формъ и окончаній (iovestod: iusto; sakros: sacer) фрагменты надписи на знаменитомъ форумскомъ камнѣ шестого столѣтія. Еще въ III столѣтіи мы встрѣчаемъ въ надписяхъ, число которыхъ начинаетъ расти (ниже будетъ приведена надпись, посвященная Сципіону), слѣды древняго обилія дифтонговъ (Gnaivod: Gnaeo; oino: unum; ploirume: plurimi; quei: qui; quoius: cuius); около 200 года у Плавта они уже почти исчезли. Съ другой стороны, мы наблюдаемъ благодаря ограниченному распространенію письменности неизбѣжное исчезновеніе окончаній (oino: unum; Cornelio: Cornelius), безпрепятственно прогрессировавшее въ народномъ латинскомъ языкѣ. Этимъ процессомъ объясняется возникновеніе уже въ тѣ времена нѣкоторыхъ древне-латинскихъ формъ, напоминающихъ итальянскія (Cornelio, duonoro: bonorum; ср. итальянское loro изъ illorum).

Литература, возникающая съ 240 года подъ вліяніемъ Греціи, положила предѣлъ этой неустойчивости языка. Она съ чисто-римской систематичностью устанавливаетъ законныя формы рѣчи и ея построенія, проводя тѣмъ самымъ разъ навсегда границу между литературнымъ и народнымъ языкомъ, изъ свѣжаго живого источника котораго она могла бы постоянно черпать творческую силу.

На долю учителей языка и школьныхъ преподавателей, въ большинствѣ случаевъ чужеземцевъ, выпадаетъ сложная задача постепеннаго приспособленія неуклюжаго деревенскаго и солдатскаго языка къ требованіямъ эллинистическаго искусства рѣчи и стиля, задача установленія правописанія и систематизаціи грамматики. Всѣ эти задачи были выполнены вполнѣ удовлетворительно. Установившійся латинскій литературный языкъ представляетъ собою законченное цѣлое; его правила—законы, тогда какъ греческій языкъ вплоть до позднихъ временъ сохранилъ творческую свободу и гибкость. Благодаря своему богатству формъ (двойственному числу, аористу, оптативу, среднему залогу) и множеству краткихъ, но мѣткихъ частицъ, греческій языкъ, конечно, превосходилъ латинскій способностью ясно выражать тончайшіе оттѣнки мысли и чувства безъ синтаксическихъ трудностей. Мы неоднократно слышимъ жалобы римскихъ поэтовъ и писателей на бѣдность и отсутствіе гибкости родной рѣчи; множество понятій, связанныхъ съ однимъ и тѣмъ же словомъ, и намъ часто затрудняетъ пониманіе и переводъ отдѣльныхъ текстовъ. Латинскій языкъ, а вслѣдствіе этого и романскіе языки лишены способности свободнаго словосліянія, возбуждающаго творчество фантазіи и дающаго греческому и нѣмец-

кому языкамъ широкую возможность въ одномъ словѣ выразить многое. Неудачныя попытки подражанія греческимъ составнымъ словамъ вскорѣ были оставлены. Латинскому языку, несомнѣнно, присуща извѣстнаго рода трезвость, сказывающаяся, между прочимъ, въ прозаической сухости собственныхъ именъ и географическихъ наименованій; съ другой же стороны ею обусловливаются опредѣленность и ясность выраженія мысли. Неспособность латинскаго языка конкуррировать съ красотой греческаго глубоко удручала просвѣщенныхъ римлянъ; однако, они были въ правѣ гордиться вдумчивой силой и величавымъ достоинствомъ родной рѣчи, въ которой сквозила вся гордая gravitas римскаго гражданина.

Римляне, при всемъ несовершенствѣ средствъ своего языка, непоколебимой выдержкой воли и раціональной систематичностью достигаютъ поразительныхъ результатовъ. Одинъ и тотъ же языкъ воплощаетъ широкое богатство цицероновскаго краснорѣчія и вдумчивую сдержанность тацитовскаго языка. Латинскій языкъ съ непереводимой краткостью создаетъ рядъ безсмертныхъ изреченій, слова которыхъ точно вылиты изъ стали. (Multum non multa. Mens sana in corpore sano. Oderint, dum metuant. Occidat, dum imperet. Volenti non fit iniuria. Ecce homo. Memento mori.). Онъ же создаетъ и удивительный цицероновскій періодъ, логически расчленяющій и прозрачно объединяющій весь рядъ мыслей пишущаго въ строгомъ подчиненіи однихъ членовъ ряда другимъ.

Въ теченіе вѣковъ послѣ паденія государства ясность ума и практическій разумъ римлянъ продолжаютъ жить въ ихъ родномъ языкѣ, создавъ изъ него крупный культурный факторъ, установившій и поддерживавшій умственное общеніе между самыми разнообразными націями. Теперь, когда роль латинскаго языка какъ всемірнаго посредника сыграна, особенно настойчиво приходится напоминать объ этомъ. Латинскій языкъ въ средніе вѣка и вплоть до новаго времени былъ языкомъ права, науки и дипломатическихъ сношеній, оставаясь до нашихъ дней языкомъ католической церкви. Мы продолжаемъ имъ пользоваться въ терминологіи грамматики, въ научныхъ ботаническихъ обозначеніяхъ, хотя и дѣлались попытки вытѣсненія его. При самомъ бѣгломъ наблюденіи даже наша обыденная рѣчь обнаруживаетъ во множествѣ заимствованныхъ словъ слѣды римскаго культурнаго вліянія.

Народный языкъ.

Еще болѣе значительную культурную миссію выполнилъ, однако, находившійся въ пренебреженіи, народный языкъ. Мы его встрѣчаемъ еще въ комедіяхъ Плавта во всей его свѣжести и непосредственности. Затѣмъ онъ точно исчезаетъ съ лица земли; лишь надписи, возникавшія въ народной средѣ, какъ, напр., стѣнныя надписи въ Помпеяхъ, предупрежденія грамматиковъ противъ употребленія вульгарныхъ выраженій и другой случайный матеріалъ даютъ намъ скудное

представленіе о народной рѣчи, все больше отдалявшейся отъ „хорошей“ латыни. Только случайныя данныя говорятъ намъ о рядѣ явленій, совершающихся въ народномъ языкѣ: о постепенномъ оскудѣніи формъ склоненія и спряженія, замѣнявшихся предлогами и вспомогательными глаголами, о продолженіи существованія старинной элементарной конструкціи предложенія, пренебрегающей грамматической корректностью, и т. п. Однако, именно, эта вульгарная латынь, а не литературный языкъ, послужила источникомъ возникновенія романскихъ языковъ, среди которыхъ румынскій и въ самомъ имени своемъ сохранилъ указаніе на свое римское происхожденіе. Мы никогда не будемъ въ состояніи изслѣдовать весь ходъ этой эволюціи, которой, разумѣется, предшествовало развитіе позднихъ латинскихъ діалектовъ во Франціи, Испаніи и т. д., ибо древнѣйшіе памятники романской литературы относятся лишь къ девятому вѣку. Тѣмъ не менѣе, романскіе языки даютъ намъ возможность бросить ретроспективный взглядъ на нѣкоторыя явленія въ развитіи вульгарной латыни.

Рис. 148. МѢДНЫЙ AS СЪ ГОЛОВОЙ ЯНУСА. Ср. Hill, «Hist. Roman Coins», табл. I.

Религія. Старые боги.

Національная римская религія не имѣла такого же сильнаго вліянія на будущее, какъ латинскій языкъ; неспособная къ самостоятельной эволюціи и углубленію, она уже рано стала проникаться греческими религіозными образами и представленіями. Характерныя черты ея съ поразительной ясностью вырисовываются въ „родныхъ“ богахъ, indigetes, древней „религіи Нумы“. Они съ точностью отражаютъ трудовую, однообразную жизнь римскаго поселянина, ограниченному міровоззрѣнію котораго были чужды идеальныя цѣли и творческая фантазія. Существовали спеціальныя божества—охранители всѣхъ видовъ земледѣльческихъ работъ: паханія, бороньбы, полотья, удабриванья, косьбы, жатвы; другія способствовали всходамъ, росту, цвѣтенію и созрѣванію посѣва. Многочисленныя божества оберегали рожденіе и ростъ ребенка отъ колыбели до перваго его лепета и первыхъ шаговъ, и т. д. Охранителями дома были Янусъ (ianus), покровитель дверей, и Веста, покровительница домашняго очага, рядомъ съ пенатами, охранителями кладовой (penus).

Всякаго человѣка охраняетъ геній, воплощающій его второе „я“, всякую женщину—Юнона, а Lar familiaris, добрый семейный геній, оберегаетъ домъ и землю; души мертвецовъ, съ одной стороны, внушаютъ страхъ въ видѣ призраковъ и привидѣній, съ другой стороны—вызываютъ къ себѣ почтеніе; ихъ называютъ „добрыми богами“ (di manes), пытаясь умиротворить ихъ этимъ обращеніемъ. Домашній культъ этихъ

мелкихъ божествъ-покровителей держался упорнѣе другихъ; многія формы его живы и теперь въ христіанскомъ культѣ святыхъ.

Болѣе широко распространено было почитаніе, и болѣе широкъ былъ кругъ дѣйствія оффиціальныхъ государственныхъ боговъ—олицетвореній силъ природы или покровителей растительнаго царства.

Главными представителями ихъ были Юпитеръ, Марсъ и Квиринъ; къ концу эпохи царей ихъ подъ вліяніемъ этрусковъ замѣняютъ Юпитеръ, Юнона и Минерва, почитавшіеся въ древнѣйшемъ римскомъ храмѣ капитолійскаго Юпитера. Юпитеръ былъ властителемъ небесъ и богомъ молніи, охранителемъ права и вѣрности, покровителемъ государства. И остальные латинскіе города находились подъ покровительствомъ каждый своего Юпитера, но римскій Juppiter optimus maximus—самый „свѣтлый и великій" среди нихъ. Марсъ, родственный Квирину, былъ въ древнее время, повидимому, богомъ весны, и древне-римскій годъ начинался мѣсяцемъ, названнымъ его именемъ, т.-е. мартомъ (этого счета мы безсознательно придерживаемся и теперь, называя сентябрь седьмымъ, а декабрь — десятымъ мѣсяцемъ). На всеннее же время обыкновенно падали войны, и чѣмъ интенсивнѣе онѣ захватывали энергію римлянъ, тѣмъ опредѣленнѣе Марсъ становился исключительнымъ богомъ войны. Теллусъ была покровительницей посѣва, Помона — охранительницей плодовъ, Сатурнъ (Saeturnus) былъ богомъ земледѣлія, Волканъ—божествомъ огня и т. д. Мужскому божеству съ добросовѣстной систематичностью противопоставляется въ большинствѣ случаевъ женское, напр.: Jovis (Juppiter): Jovino (Juno), Liber: Libera; однако, эти пары не всегда мыслятся въ супружеской связи.

Рис. 149. КАПИТОЛІЙСКАЯ ТРОИЦА БОГОВЪ: МИНЕРВА, ЮПИТЕРЪ И ЮНОНА.
Мраморный рельефъ въ Трирѣ.
Съ фотографіи.

Римлянина, такимъ образомъ, со всѣхъ сторонъ окружали благія или угрожающія божества, съ которыми онъ не имѣлъ никакой личной связи, такъ какъ они сами являлись безличными, безкровными конструкціями, свидѣтельствующими о мелочной и точной добросовѣстности, а также о бѣдности фантазіи своихъ почитателей. Поэтому римляне не воплощаютъ своихъ боговъ въ человѣческіе образы; это воплощеніе было впослѣдствіи заимствовано ими у грековъ такъ же, какъ поклоненіе богамъ въ храмахъ—у этрусковъ. Римскій народъ не создаетъ самобытныхъ религіозныхъ миѳовъ; созданная позднѣе поэтическая миѳологія находится подъ греческимъ вліяніемъ; для изслѣдованія римской религіи

она имѣетъ поэтому такъ же мало значенія, какъ разсказы эпиковъ и историковъ легендарнаго и героическаго періодовъ для изученія римской исторіи.

Центръ интереса сосредоточивался на культѣ, о которомъ мы скажемъ ниже. Люди пытались укротить и умилостивить высшія силы молитвой, обѣтомъ, жертвой, очистительнымъ ритуаломъ, празднествами и играми, древнія формы и формулы которыхъ охранялись съ суевѣрнымъ страхомъ; въ иныхъ случаяхъ человѣкъ стремился покорить божество хитростью или принужденіемъ. Часто сказывается необычайно наивное, чисто-практическое, даже просто коммерческое отношеніе къ богамъ, ожидающее, даже требующее мзду за мзду.

Тѣмъ не менѣе, этотъ добросовѣстно выполняемый культъ, эта трезвая религія оказывали глубокое вліяніе на благочестіе, нравственность и дѣятельную жизнеспособность римлянъ. Она ставила жизнь со всѣми ея отдѣльными явленіями въ зависимость отъ таинственной власти божествъ, не отличающихся близостью къ смертнымъ и человѣкоподобіемъ (уже у Гомера!) греческихъ боговъ. Независимо отъ колебаній временъ, отъ перемѣны мѣста и условій жизни, народъ не переставалъ поклоняться своимъ богамъ вплоть до позднѣйшихъ временъ, о чемъ свидѣтельствуютъ тысячи вотивныхъ надписей и священныхъ статуй, находимыя во всѣхъ концахъ обширнаго государства (ср. рис. 149).

Новые боги.

Государственная религія вскорѣ обогатилась новыми богами (di novensides), проникавшими сначала изъ сосѣднихъ латинскихъ и этрусскихъ городовъ (напр., Гераклъ, богъ торговли и торговыхъ сношеній,—изъ Тибура, Касторы, покровители всадническаго сословія,—изъ Тускула), впослѣдствіи же непосредственно изъ греческихъ колоній. Къ нимъ относились съ тѣмъ почтительнымъ благоговѣніемъ, которое древніе, особенно же римляне, всегда испытывали передъ всякимъ чужеземнымъ божествомъ. Чувство священнаго долга побуждало римлянъ обезпечить богамъ покоренныхъ и разрушенныхъ городовъ новое убѣжище въ Римѣ (напр., при покореніи Вей). Предсказанія Сивиллиныхъ книгъ, проникнувшихъ въ Римъ изъ древне-греческой колоніи Кимы (Cumae), уже до конца періода царей и раскрываемыхъ по постановленію сената при наступленіи народныхъ бѣдствій или дурномъ предзнаменованіи (prodigium), въ значительной степени способствовали принятію греческихъ божествъ и греческаго культоваго ритуала. Къ Сивиллинымъ книгамъ прибѣгали особенно часто во время второй пунической войны, когда ужасные удары судьбы грозили Риму разрушеніемъ, и глубоко встревоженный народъ отчаялся въ милосердіи боговъ своихъ предковъ и въ спасительной силѣ древнихъ обрядовъ. Въ эту эпоху совершается полное перерожденіе римской религіи, осуществившееся отчасти въ сліяніи римскихъ и греческихъ божествъ, отчасти въ замѣнѣ родныхъ

боговъ иноземными божествами, ихъ празднествами и ритуаломъ. Это перерожденіе совпало съ началомъ распространенія греческой образованности. Съ нею же постепенно, но неудержимо, проникали въ высшіе слои общества раціонализмъ и матеріалистическое міровоззрѣніе просвѣщенной эллинистической философіи, подрывая старую религіозность. Частыя изгнанія философовъ не могли остановить этого движенія.

Упадокъ религіи.

Такимъ образомъ со II вѣка наступаетъ ужасающій упадокъ религіи. Храмы опустѣли, благочестивые обычаи были забыты, возрастающее число игръ служило только развлеченіемъ массъ, должности жрецовъ, нѣкогда считавшіяся глубоко почетными, теперь часто оставались незамѣщенными. Мудрыя реформы Августа могли только внѣшнимъ образомъ противодѣйствовать этому прогрессирующему упадку, не будучи въ состояніи пробудить въ народѣ живого религіознаго чувства. Лишь глубокое религіозное исканіе и просвѣтленная вѣра въ Бога, проникшія съ Востока и охватившія обширное римское государство, совершили это чудо, разрушивъ послѣ долгой борьбы и внѣшнія формы внутренне давно умершей религіи. [*Вагнеръ*].

3. ЭТРУСКИ И ОСКИ

Этруски.

Какъ самымъ вліятельнымъ сосѣдямъ молодой римской общины мы имъ посвятимъ отдѣльную главу. Наука еще не пришла къ единодушному выводу о происхожденіи и языкѣ этрусковъ, о культурѣ которыхъ наши свѣдѣнія довольно опредѣленны. Они́ больше всѣхъ остальныхъ италиковъ отличались воспріимчивостью къ вліянію, шедшему съ греческаго Востока: самая ранняя керамика, знакомая намъ по этрусскимъ гробницамъ, формой и техникой родственна микенской и ранне-кипрской керамикѣ, что заставляетъ предполагать торговыя сношенія Этруріи съ побережьемъ Эгейскаго моря уже во II тысячелѣтіи до Р. Хр. Какъ тогда, такъ и впослѣдствіи, безстрашный морской разбой „тирренцевъ“ составлялъ опасность восточныхъ морей; путемъ грабежа въ ихъ руки попадали предметы производства восточной культуры, которыя затѣмъ въ качествѣ драгоцѣннѣйшихъ даровъ часто клались въ могилу покойника. Съ VIII вѣка мы находимъ въ этрусскихъ гробницахъ несомнѣнно греческія вазы; въ VI столѣтіи ихъ корабли, повидимому, непосредственно отправлялись въ Аѳины, импортируя тончайшія произведенія аттической керамики (Э. К., стр. 172 сл.) къ себѣ на родину. Имѣются также слѣды одновременнаго торговаго обмѣна съ Кипромъ.

Архитектура.

Особенно интересна этрусская архитектура, имѣвшая сильнѣйшее вліяніе на развитіе строительной дѣятельности въ значительной части Италіи. Не надо забывать и того, что этрусскіе архитекторы

были строителями первыхъ государственныхъ зданій Рима, носившаго въ первыя столѣтія своего существованія чисто-этрусскій характеръ. Мы въ состояніи прослѣдить по кладкѣ стѣнъ архитектурныхъ памятниковъ всю эволюцію этрусскаго строительнаго искусства, начиная съ примитивной полигональной стѣны и кончая постройками изъ тщательно отёсанаго камня. Къ числу наиболѣе раннихъ и удачнѣйшихъ созданій принадлежатъ неразрушимые временемъ ложные каменные своды, напоминающіе намъ микенскія куполообразныя могилы и корридоры (Э. К., рис. 26, 31). И здѣсь, и тамъ сводъ создается путемъ постепеннаго выдвиганія внутрь верхнихъ плитъ постройки. Этруски не изобрѣли цилиндрическихъ сводовъ, какъ раньше было принято думать; но они особенно рано заимствовали это важное изобрѣтеніе Востока (ср. текстъ къ рис. 95), примѣняя его шире грековъ. Римляне же, строительное искусство которыхъ достигаетъ высшаго совершенства въ конструкціи арокъ и сводовъ, и въ этой области были лишь учениками своихъ этрусскихъ сосѣдей.

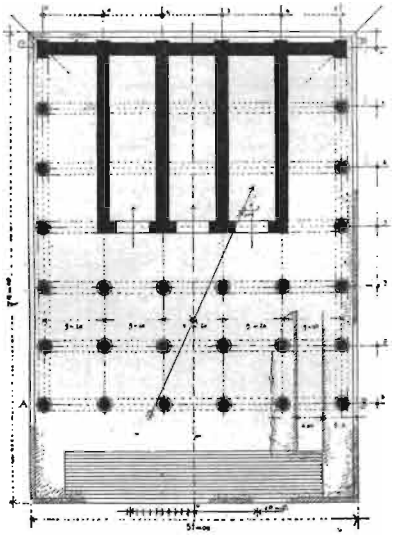

Рис. 150. ПЛАНЪ КАПИТОЛІЙСКАГО ХРАМА ЮПИТЕРА.

Ср. Durm, «Baukunst d. Etrusker und Römer», 2. Aufl. Fig. 111.

По преданію, храмъ этотъ былъ воздвигнутъ въ этрусскомъ стилѣ этрусскимъ архитекторомъ, одобренъ этрускомъ Тарквиніемъ; все это показываетъ, что онъ, во всякомъ случаѣ, построенъ былъ по этрусской архитектурной схемѣ.

Храмы.

Храмы этрусковъ, среди которыхъ древнѣйшіе относятся къ шестому столѣтію, имѣютъ нѣсколько иной планъ, чѣмъ греческіе, что стоитъ въ связи съ богатымъ развитіемъ религіознаго ученія о наблюденіи за полетомъ птицъ. Входъ, обращенный на Востокъ, украшался настолько глубокимъ портикомъ, что порогъ целлы приходился ровно въ серединѣ всего зданія (рис. 150). Антаблементъ выстраивался изъ дерева, отличавшагося въ Этруріи прекраснымъ качествомъ; деревянныя колонны можно было поэтому разставить шире, чѣмъ при каменномъ антаблементѣ греческаго храма. Часто храмъ возвышался не на трехъ ступеняхъ подобно эллинскому, а на подіи вышиною въ этажъ, къ которому только со стороны фронта вела лѣстница между двумя подестами (рис. 151). Этрусскія колонны ближе всего напоминаютъ дорическія; онѣ были, однако, снабжены базой и чрезвычайно громоздкимъ абакомъ; стволъ ихъ въ большинствѣ случаевъ былъ гладкій, безъ каннелюръ (рис. 151). Триглифный фризъ отсутствовалъ. Деревянный антаблементъ богато украшался черепичной облицовкой; круто поднимающіеся края фронтоновъ особенно часто заканчивались черепичными, пестро-расписанными

гребневыми и фронтовыми акротеріями. Целла въ большинствѣ случаевъ состояла изъ трехъ частей, въ ней помѣщались три статуи боговъ. Опистодомъ отсутствовалъ.

Древнѣйшее италійское жилище.

Какъ повсемѣстно въ Италіи, такъ и въ Этруріи древнѣйшій домъ имѣлъ видъ покрытой соломой круглой хижины; эта форма всегда оставалась излюбленной, о чемъ свидѣтельствуютъ круглые храмы Весты и другихъ божествъ (ср. рис. 153). Рядомъ съ нею рано появляется квадратная форма сельскаго дома, напоминающая нѣмецкіе сельскіе домики въ Саксоніи: подобно послѣднимъ, эта форма соединяла на одномъ уровнѣ и подъ одной крышей жилыя помѣщенія, амбаръ и стойло (рис. 152). Жилище состояло, главнымъ образомъ, изъ центральной комнаты, гдѣ горѣлъ очагъ; потолокъ этой комнаты всегда былъ черенъ отъ дыма (atrium, отъ слова ater — черный); атрій окружали небольшія комнаты. Высокая соломенная крыша покрывала всю постройку, свѣтъ и воздухъ проникали только въ главную дверь (fauces) и въ двѣ боковыхъ двери въ концѣ боковыхъ корридоровъ, называемыхъ alae. Въ городахъ съ узкими улицами, гдѣ дома строились стѣной къ стѣнѣ, alae были закрытыя; въ этихъ случаяхъ въ крышѣ и потолкѣ атрія дѣлалось свѣтовое отверстіе (рис. 179). Это отверстіе, къ которому спускались всѣ четыре стороны крыши, и черезъ которое свободно проникалъ дождь, называлось комплувіемъ; цистерна же, находившаяся подъ нимъ на полу атрія, — имплувіемъ. Изъ атрія, получающаго видъ дворика, естественнымъ образомъ очагъ съ теченіемъ времени убираютъ, но старое наименованіе, утратившее смыслъ, остается за наилучше освѣщеннымъ помѣщеніемъ

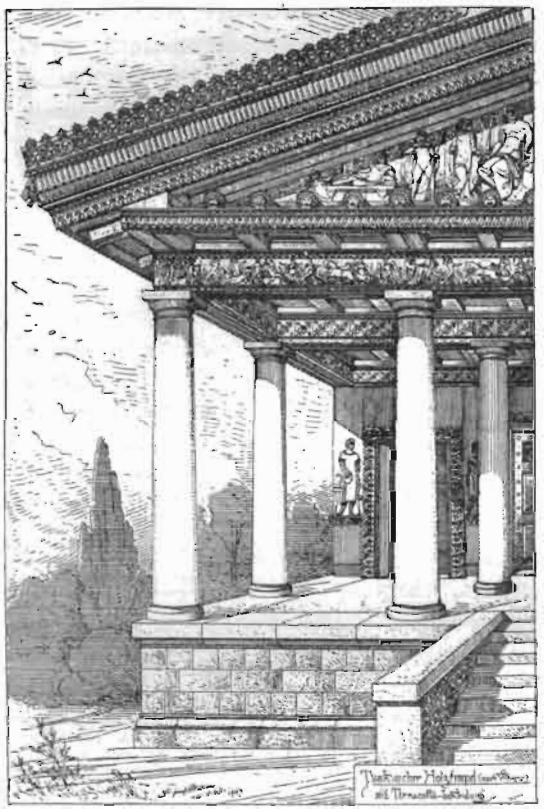

Рис. 151. РАЗРѢЗЪ ЭТРУССКАГО ХРАМА.
Ср. Durm, «Baukunst der Etrusker und Römer», 2. Aufl. Fig. 129.
Интересны обширный, свѣтлый портикъ, далеко другъ отъ друга разставленныя колонны такъ называемаго тосканскаго ордена, а также деревянный антаблементъ, украшенный постро-расписанными терракоттами.

дома. Большая зала, открытая одной стороной къ атрію, называлась таблиномъ, вѣроятно потому, что только здѣсь имѣлся досчатый полъ; тутъ стояла брачная постель. Типъ „дома съ атріемъ“, какъ его обыкновенно называютъ, постепенно распространяется, повидимому, изъ Этруріи по всему полуострову. Въ подобныхъ домахъ жили и римляне эпохи республики. Обычныя формы жилищъ, какъ круглая, такъ и квадратная, продолжаютъ жить какъ въ погребальныхъ склепахъ, такъ и въ могильныхъ урнахъ (рис. 164, 181); первые особенно интересны намъ своей росписью: ни одна область античной культуры не дастъ намъ такой сплоченной серіи памятниковъ. По этимъ стѣннымъ росписямъ этрусскихъ гробницъ мы прежде всего можемъ ясно прослѣдить никогда не прерывавшееся, постоянно растущее вліяніе греческихъ образцовъ.

Рис. 152. ДРЕВНЕ-ИТАЛІЙСКІЙ СЕЛЬСКІЙ ДОМЪ.
Cp. Springer-Michaelis ⁹, Fig. 782.

Живопись. Живопись являлась, повидимому, излюбленнымъ искусствомъ этрусковъ. Мы ее знаемъ лишь по росписямъ гробницъ, но она же, по всей вѣроятности, служила

Рис. 153. КРУГЛЫЙ ХРАМЪ НА FORUM BOARIUM ВЪ РИМѢ.
(Съ фотографіи.)
Божество, которому былъ посвященъ этотъ храмъ, еще не установлено. Круглая база была нѣкогда окружена десятью ступенями; въ настоящее время храмъ сильно осѣлъ, что нарушаетъ его эффектность. Изъ 20 коринѳскихъ колоннъ сохранилось 19. Къ сожалѣнію, античный антаблементъ и купольное покрытіе разрушены. Свѣтъ въ маленькую целлу проникалъ черезъ два окна и дверь. Въ глубинѣ направо видѣется храмъ Fortuna Virilis.

украшеніемъ жилищъ. Росписи вырубленныхъ въ скалѣ гробницъ, особенно типичныя для южной Этруріи, дѣлались непосредственно по стѣнѣ, выбѣленной известкой; тех-

ника эта напоминаетъ фресковую живопись. Три четверти всѣхъ росписей изображаютъ тризны по покойникамъ, на которыхъ женщины пьютъ не меньше мужчинъ. Танцоры и музыканты оживляли пиршества, устраивавшіяся подъ открытымъ небомъ среди деревьевъ (рис. 155). Излюбленнымъ сюжетомъ фресокъ являлись также всякаго рода игры въ честь покойниковъ, сцены охоты, рыбной ловли. Уже въ самыхъ раннихъ росписяхъ въ Grotta Campana близъ Вей (рис. 158), относящихся къ шестому столѣтію, ясны слѣды вліянія коринѳской вазовой живописи; въ этой же могилѣ найдены коринѳскіе сосуды. Въ нѣсколько болѣе поздней группѣ могильныхъ росписей, украшающихъ, глав-

Рис. 154. РАСПИСНОЙ ГЛИНЯНЫЙ САРКОФАГЪ.

500 г. до Р. Хр. изъ Черветри. Нынѣ въ Лондонѣ. Ср. Murray, «Terracotta-Sarcophagi», pl. 9.

На двойной подушкѣ покоится совершенно обнаженный старикъ съ исхудалымъ туловищемъ; около него сидитъ его жена, на головѣ у нея локоны, шею украшаетъ ожерелье, въ ушахъ были серьги; на ней короткій хитонъ, чулки и сандаліи; подобно своему супругу и она не отличалася красотой. Быть-можетъ, эти поразительно уродливыя лица—маски покойниковъ? Ложе, покоящееся на подставкахъ въ видѣ четырехъ сиренъ, украшено на четырехъ сторонахъ сценами изъ жизни воина; на обращенной къ зрителю сторонѣ мы видимъ борьбу двухъ воиновъ, напоминающую намъ подобныя же изображенія на халкидскихъ вазахъ. Левъ помогаетъ побѣждающему борцу. Мужчины и женщины присутствуютъ при борьбѣ. Крылатыя существа направо и налѣво символизируютъ, по всей вѣроятности, души борющихся. Своеобразныя пальметки изображаютъ орнаментацію ножекъ ложа.

нымъ образомъ, могилы древняго Тарквиній близъ Корнето, мы видимъ попытки реалистическаго изображенія дѣйствительной жизни; здѣсь преобладаютъ этрусскіе обычаи и костюмы (рис. 155). Съ 450 года, однако, вліяніе аттической керамики, импортъ которой все возрасталъ, становится исключительнымъ: сюжеты еще въ теченіе 100 лѣтъ остаются этрусскими (рис. 157), фигуры людей, однако, кажутся намъ неудачными подражаніями греческимъ вазамъ. Наконецъ, и національные сюжеты уступаютъ мѣсто греческимъ миѳамъ (рис. 156); но такъ какъ этрусскіе художники знали этотъ міръ легенды только по вазамъ, то въ миѳологическихъ росписяхъ встрѣчается немало недо-

разумѣній и искаженій. Чѣмъ древнѣе гробницы, тѣмъ онѣ бѣднѣе тонами. Совершенно отсутствуетъ стремленіе точно передать реальныя краски: художникъ не затрудняется писать зеленыхъ львовъ или синихъ лошадей. Тона и сюжеты этихъ росписей отличаются элементарностью и грубостью: мы на первомъ планѣ видимъ въ нихъ сцены грубаго наслажденія или сладострастной жестокости.

Почти совершенно не имѣемъ мы статуарныхъ этрусскихъ произведеній изъ камня. Это, повидимому, объясняется недостат- Статуи.

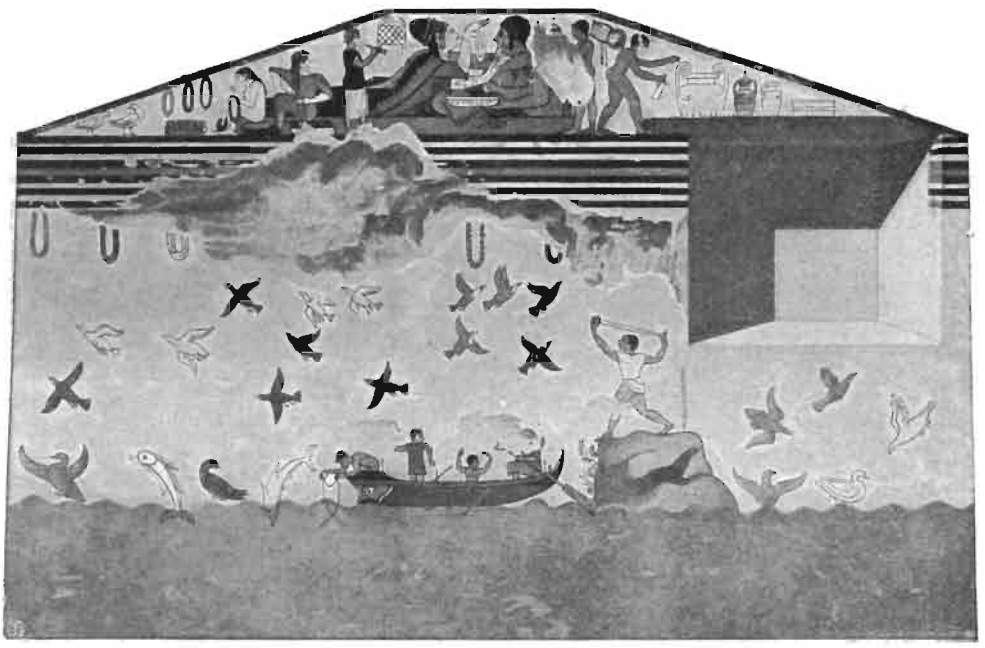

Рис. 155. СТѢННАЯ РОСПИСЬ ИЗЪ TOMBA DELLA PESCA E DELLA CACCIA БЛИЗЪ КОРНЕТО.
Ср. Mon. d. Inst. XII, табл. 14.

Наверху на плоско-срѣзанномъ фронтонѣ грота мы видимъ одно изъ многократно встрѣчающихся изображеній пира. У мужчины на шеѣ цѣпь съ медальономъ (буллой), женщина одѣта въ національный этрусскій костюмъ и носитъ на головѣ особенно высокую этрусскую шляпу. Слуги заняты музыкальными инструментами, наливаніемъ вина и плетеніемъ вѣнковъ. Главную часть картины занимаетъ изображеніе широкаго моря. Дельфины ныряютъ въ волнахъ, лебеди плаваютъ и летаютъ, множество птицъ порхаетъ подъ небесами; со скалы, на которой видна нѣкоторая растительность, пращникъ направляетъ въ нихъ свое оружіе, тогда какъ рыболовъ въ лодкѣ ловитъ рыбу. Передъ нами типичный ландшафтъ съ массой воздушнаго пространства надъ волнами. Пестрые вѣнки висятъ не въ воздухѣ, а свѣшиваются съ антаблемента.

комъ соотвѣтствующаго матеріала; этрусскія мраморныя каменоломни были найдены лишь въ римское время. Надгробныя урны въ теченіе столѣтій украшались рельефами, носившими чисто-фабричный характеръ; они художественнаго значенія не имѣютъ, но интересны своей трактовкой греческихъ миѳовъ, и здѣсь нерѣдко искаженныхъ (ср. рис. 154).

Особое положеніе занимаетъ алебастровый саркофагъ изъ Корнето (рис. 156), на которомъ около 300 года искусный художникъ изобра-

зилъ сцены борьбы амазонокъ, пользуясь греческими образцами классической эпохи: это произведеніе богатствомъ тоновъ и моделлировкой формъ превосходитъ всѣ этрусскія стѣнныя росписи.

Бронза. Литыя изъ бронзы произведенія пользовались въ Этруріи широкимъ распространеніемъ. Судя по историческому преданію, этрусскіе города были переполнены бронзовыми статуями, воздвигнутыми въ честь доблестныхъ гражданъ. Правда, сохранившійся до насъ образецъ (рис. 229) подобныхъ бронзовыхъ памятниковъ, знаменитый ораторъ

Рис. 156. РАСПИСНОЙ АЛЕБАСТРОВЫЙ САРКОФАГЪ ИЗЪ КОРНЕТО.
Флоренція. Ср. «Journ. of hell. Stud.», 1882, табл. 36.
Средняя группа главной стороны саркофага, расписанной съ свободной симметріей. Изображена амазонка-наѣздница въ борьбѣ съ двумя греками. Фигура праваго воина исполнена лишь наполовину; онъ слегка откинулся назадъ, чтобы нанести ударъ лошади. Уже въ древности верхняя часть росписи была повреждена грубой попыткой вторично вырѣзать этрусскую надпись, уже вырѣзанную на крышкѣ саркофага.

(arringatore), былъ созданъ лишь въ періодъ по присоединеніи Этруріи къ Риму (послѣ 300 г.). Искусство украшенія блестящей поверхности металла геометрическими узорами и фигурными изображеніями, распространенное и въ Элладѣ, широко примѣнялось по всей Средней Италіи, гдѣ оно достигло большого совершенства. Желѣзо съ Эльбы и мѣдная утварь всегда принадлежали къ числу главнѣйшихъ предметовъ вывоза Этруріи. Здѣсь спеціально вырабатывались металлическія з е р к а л а съ богатой гравировкой; среди нихъ есть прекрасныя работы, не превзойденныя греческими (рис. 163).

Керамика.

Этруски достигли также великаго мастерства въ керамикѣ. Они употребляли глину не только для упомянутыхъ выше надгробныхъ урнъ; этруски воздвигали изъ этого матеріала, который они прекрасно умѣли обжигать и украшать граціозной росписью, монументальные саркофаги со статуями покойниковъ въ натуральную величину на ихъ крышкѣ (рис. 154). Мы упомянули выше о примѣненіи черепичной облицовки для деревянныхъ антаблементовъ храмовъ. Изъ расписной глины дѣлались, однако, и культовыя статуи въ храмахъ. Изъ нея же сдѣлано было древнѣйшее изображеніе Юпитера въ римскомъ Капитолійскомъ храмѣ; художникъ Вулька изъ Вей украсилъ его фронтоны терракоттами. Среди этрусскихъ сосудовъ интересны такъ называемыя вазы буккеро и рельефы на нихъ (рис. 159); глина этихъ вазъ прокуривалась древеснымъ углемъ и окрашивалась въ очень темный цвѣтъ, придававшій имъ видъ старой бронзы: эти буккеро, замѣнявшіе драгоцѣнную бронзовую утварь, часто клались въ могилу покойниковъ.

Рис. 157. ѲЕСЕЙ И ПИРИѲОЙ ВЪ АИДѢ.
Стѣнная роспись Tomba dell' Orco близъ Корнето.
Ср. Mon d. Inst. IX, табл. 15.
Оба героя сидятъ на скалахъ, къ которымъ они были прикованы за попытку похищенія Прозерпины; Тухульха, чудовище, часто встрѣчаемое въ расписныхъ гробницахъ, потрясаетъ змѣями надъ головой виновныхъ; оно настолько же характерно-этрусское, насколько фигуры героевъ чисто-греческія.

Рис. 158. СТѢННАЯ РОСПИСЬ ИЗЪ GROTTA CAMPANA БЛИЗЪ ВЕЙ.
Pp. Martha, «L'art étrusque», рис. 282.
Загадочное изображеніе. Микроскопическій наѣздникъ сидитъ на жирафо-подобномъ конѣ съ высокими ногами, котораго ведетъ за узду великанъ; второй идетъ съ топоромъ впереди. На крестцѣ лошади сидитъ собака, другая бѣжитъ между ея ногъ. Мелкія круглыя пятна изображаютъ пестроту шерсти животныхъ; пустыя пространства картины всюду заполнены вьющимися растеніями.

Эти буккеро, замѣнявшіе драгоцѣнную бронзовую утварь, часто клались въ могилу покойниковъ.

Этрусское искусство, несмотря на весь блескъ, на все поразительное совершенство техники, имѣетъ въ большинствѣ случаевъ нѣсколько варварскій характеръ. Оно лишено всякой одухотворенности. При всемъ

Рис. 159. ЧАША БУККЕРО.
Флоренція. Ср. Martha, «L'art étrusque», рис. 303. Граціозный фигурный фризъ сдѣланъ при посредствѣ цилиндрическаго штампа, служившаго моделью. Другія буккеро имѣютъ фантастическія формы, исполнимыя только въ металлѣ, и украшены фигурными изображеніями, очень близко напоминающими гравировку по металлу.

Оски.

мастерствѣ подражанія грекамъ, у этрусковъ отсутствовало собственное здоровое отношеніе къ природѣ. Ихъ искусство сводится, строго говоря, лишь къ художественному ремеслу, хотя и очень утонченному; преданіе почти не сохранило именъ этрусскихъ художниковъ, и это не простая случайность.

Гораздо хуже знаемъ мы народъ, доминировавшій на югѣ Италіи, о с к о в ъ. Они составляли исконное населеніе Самніи, Кампаньи и Луканіи, прославившись, главнымъ образомъ, подъ именемъ самнитовъ въ борьбѣ противъ Рима. Съ начала пятаго столѣтія, когда этруски заняли господствующее положеніе на югѣ, оски начали хоронить своихъ покойниковъ въ склепахъ, высѣченныхъ въ скалѣ. Характеръ и украшеніе этихъ склеповъ очень напоминаютъ этрусскія гробницы въ скалахъ; повидимому, оски заимствовали этотъ обычай у этрусковъ. Подобно этрусскимъ, и раннія оскскія росписи гробницъ находятся подъ сильнымъ вліяніемъ греческаго искусства. Эта зависимость отъ греческихъ образцовъ со временемъ, однако, сгладилась; позднія оскскія стѣнныя росписи носятъ опредѣленный національно-своеобразный характеръ: одежда, оружіе, все содержаніе ихъ становятся оскскими. Сюжетами этой стѣнной живописи, естественнымъ образомъ, является прежде всего смерть, погребеніе, и продолженіе жизни покойника въ пирахъ и попойкахъ; изображаются также любимыя занятія покойника въ жизни, главнымъ же образомъ побѣдоносное возвращеніе и почетный пріемъ воина. Стѣнная роспись знакомитъ насъ съ гордой энергичной породой людей (рис. 160). Подобно этрускамъ, и оски не избѣгаютъ изобра-

Рис. 160. ОСКСКІЙ ВСАДНИКЪ ИЗЪ КАПУИ.
Ср. Jahrb. d. Inst. 1909, табл. 8. Въ Museo Campano въ Капуѣ.
На маленькой горячей лошади сидитъ воинственный всадникъ въ бѣломъ опоясанномъ хитонѣ и развѣвающейся мантіи изъ пестрой полосатой ткани; въ лѣвой рукѣ онъ держитъ два копья и аркавъ, на ногѣ его шпора. Лучшимъ украшеніемъ всадника служитъ золотой шлемъ съ боковыми клапанами и краснымъ султаномъ. Два огромныхъ пера воткнуты за боковыя крылья шлема; уши коня украшены такими же перьями. Вся роспись была, вѣроятно, въ самыхъ яркихъ тонахъ.

женія кровавыхъ сценъ. Борьба на жизнь и смерть (рис. 207) играла, повидимому, главную роль среди ихъ игръ въ честь покойника; кровавый обычай гладіаторскихъ игръ, которыми римляне впослѣдствіи такъ безмѣрно увлекались, происходили, вѣроятно, не изъ Этруріи, а изъ страны осковъ. Названіе древнѣйшихъ гладіаторовъ самнитами врядъ ли простая случайность! Каменный амфитеатръ, форма зрительной залы, опредѣленно предназначенная для гладіаторскихъ игръ, повидимому, также впервые возникла въ оскской Кампаньи. [*Баумгартенъ*].

4. ВОЗНИКНОВЕНІЕ РИМА

Легенда относитъ, какъ извѣстно, возникновеніе Рима къ 753 году до Р. Хр.; фактически же онъ основанъ былъ, вѣроятно, столѣтіемъ позднѣе. Сначала Римъ, согласно преданію, въ теченіе четверти тысячелѣтія управлялся семью царями, пока власть не была замѣнена республиканскимъ строемъ. Главнымъ внѣшнимъ событіемъ этого періода было занятіе Римомъ мѣста Альбалонги во главѣ союза, объединявшаго латиновъ.

Древнѣйшій Римъ представлялъ собою одно изъ многочисленныхъ селеній, основанныхъ латинами. Италики жили въ замкнутыхъ селеніяхъ уже въ долинѣ По. Деревни на сваяхъ, строившіяся здѣсь для защиты отъ частыхъ наводненій, создавались уже въ доисторическую эпоху по опредѣленному плану и были окружены валомъ и рвомъ. Когда италики были оттѣснены въ Среднюю Италію, умбросабелльскія племена еще не разселились по городамъ, не свойственнымъ, между прочимъ, и гористому характеру ихъ родины. Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ латинами! Климатъ, вѣроятно, въ связи съ ихъ малочисленностью по сравненію съ надвигавшимися родственными сабеллами побудили ихъ покинуть нездоровыя низины, гдѣ находились ихъ поля и пастбища, и поселиться небольшими общинами на очень удобныхъ для поселенія возвышенностяхъ.

Среди этихъ городковъ нѣкотораго рода почетное мѣсто принадлежало, повидимому, Альбалонгѣ, занимавшей вполнѣ защищенное положеніе между албанскимъ озеромъ и склономъ албанской горы; здѣсь находилось святилище высшаго бога, слывшее и въ позднія времена еще центромъ латинскаго племени (рис. 144). Совершенно особыя условія должны были вызвать возникновеніе и расцвѣтъ въ очень нездоровой мѣстности города на семи холмахъ—Рима. Основаніе города на холмахъ, а не около моря, вызвано было стремленіемъ оградить себя отъ вражескихъ нападеній и найти здоровое мѣсто для жилья.

Съ другой стороны, многоводный Тибръ способствовалъ удобному сообщенію съ моремъ, лежащимъ на разстояніи 25 клм. отъ города.

Особенно важнымъ этотъ путь оказался тогда, когда получила большое развитіе торговля; правда, интенсивность торговли стала болѣе или менѣе значительной только черезъ рядъ столѣтій послѣ основанія города. Но уже въ древнія времена добываніе соли въ приморскихъ низменностяхъ представляло большія выгоды. Наконецъ, положеніе города вблизи этрусской границы имѣло, повидимому, громадное значеніе; при этомъ безразлично, являлся ли Римъ пунктомъ оплота Лаціи противъ культурной націи этрусковъ или противъ сабиновъ, постоянно грозившихъ нападеніемъ на латинскія равнины, или онъ представлялъ собою,

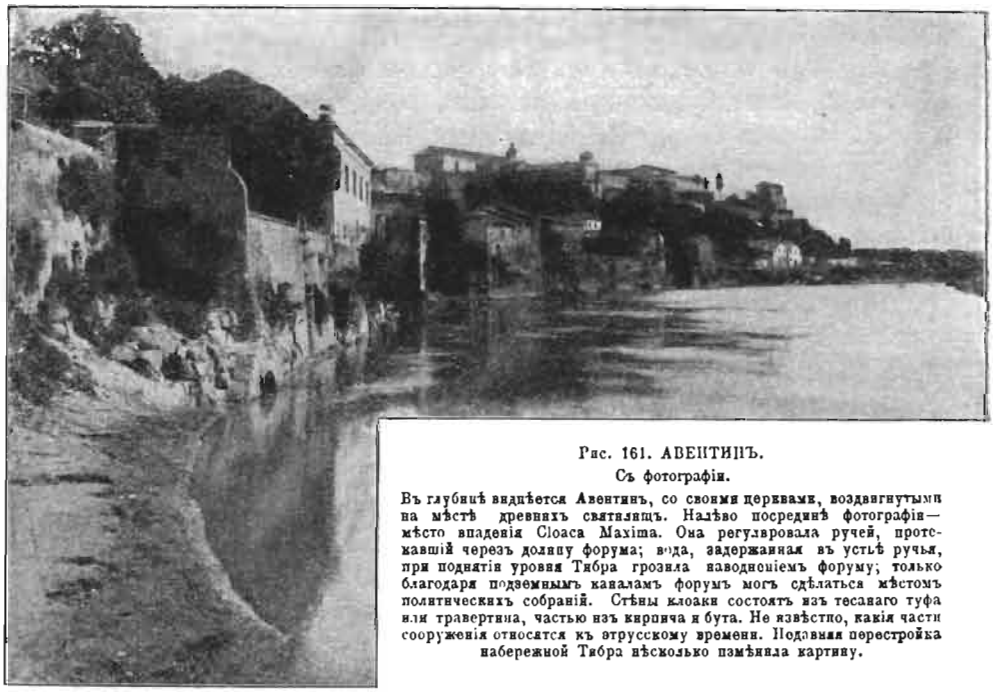

Рис. 161. АВЕНТИНЪ.
Съ фотографіи.

Въ глубинѣ видѣется Авентинъ, со своими церквами, воздвигнутыми на мѣстѣ древнихъ святилищъ. Налѣво посрединѣ фотографіи — мѣсто впаденія Cloaca Maxima. Она регулировала ручей, протекавшій черезъ долину форума; вода, задержанная въ устьѣ ручья, при поднятіи уровня Тибра грозила наводненіемъ форуму; только благодаря подземнымъ каналамъ форумъ могъ сдѣлаться мѣстомъ политическихъ собраній. Стѣны клоаки состоятъ изъ тесаннаго туфа или травертина, частью изъ кирпича и бута. Не извѣстно, какія части сооруженія относятся къ этрусскому времени. Недавняя перестройка набережной Тибра нѣсколько измѣнила картину.

слѣдуя новѣйшимъ взглядамъ науки, поселеніе латиновъ, искони подвластное этрускамъ. Не подлежитъ, во всякомъ случаѣ, никакому сомнѣнію, что послѣдніе римскіе цари были этрусками, и что уже до нихъ этрусская культура проникла въ Римъ.

Древнѣйшая исторія поселенія все еще покрыта мракомъ неизвѣстности; открытіе „чернаго камня“ нѣсколько лѣтъ тому назадъ неожиданно указало на существованіе могилъ близъ форума, но свѣта на этотъ вопросъ не пролило. Ясно обнаруживающаяся двойственность, особенно въ области религіозныхъ учрежденій, заставляетъ предполагать одновременное существованіе въ теченіе нѣкотораго времени двухъ поселеній: окруженной стѣнами Roma Quadrata на величественно возвышающемся Палатинѣ, древнія стѣны котораго уцѣлѣли

до нашихъ дней, и второго селенія къ востоку отъ Палатина, на Квириналѣ и сосѣднихъ возвышенностяхъ, заселенныхъ „collini"—жителями холмовъ; между обоими селеніями лежала крѣпость—Капитолій, долженствовавшая въ ближайшемъ будущемъ сдѣлаться оплотомъ обоихъ поселеній. Преданіе, вполнѣ согласующееся съ взаимоотношеніемъ племенъ и заслуживающее, по всей вѣроятности, довѣрія, объясняетъ увеличеніе города принятіемъ въ составъ гражданства сабиновъ, многократно покидавшихъ свою гористую родину. Въ расцвѣтающій городъ стекаются и другія племена, латины и этруски, заселяются всѣ семь холмовъ его; послѣднимъ включенъ былъ въ составъ города Авентинъ, какъ крѣпость, возвышающійся надъ Тибромъ (рис. 161). Хотя обширныя пространства города остаются еще незастроенными, тѣмъ не менѣе, онъ окружается стѣной, киклопическія развалины которой и понынѣ еще возбуждаютъ наше изумленіе. Основательность наименованія этой стѣны именемъ царя Сервія остается, однако, подъ большимъ сомнѣніемъ, такъ какъ начало ея постройки, по всей вѣроятности, относится не къ эпохѣ царей.

5. ЭПОХА ЦАРЕЙ

Раздѣленіе народа.

Согласно древнимъ воззрѣніямъ, римскій народъ (populus Romanus), состоялъ только изъ полноправныхъ гражданъ, называвшихся „дѣтьми отца"—патриціями, такъ какъ они одни имѣли отца, имѣвшаго извѣстныя права. Несмотря на всю скудость извѣстій о древнѣйшей исторіи небольшого городка съ его скромной сельской волостью, мы все-таки усматриваемъ, что, несмотря на соціальную раздробленность народной общины, она объединена была строгой организаціей. Благодаря разноплеменности состава населенія, дѣленія общины возникаютъ не всецѣло изъ семьи и рода; естественныя родовыя группы объединялись искусственно созданными попечительствами—куріями. Рядомъ съ этимъ комплексъ семей составлялъ родовой союзъ, Gens, объединенную священными религіозными обрядами и обрабатывавшую часть земельной собственности на правахъ общаго пользованія. Десять такихъ Gentes составляли попечительство, курію. Всѣхъ курій было 30. Вопросъ о трехъ древнихъ трибахъ—Ramnes, Tities, Luceres, возникновеніе которыхъ приводилось въ связь съ каждой изъ трехъ народностей, заселившихъ Римъ, а въ послѣднее время съ одной этрусской, остается нерѣшенной проблемой. Римское народное собраніе (комиціи) квиритовъ, какъ они себя торжественно величали, собиралось по куріямъ, по куріямъ же производился наборъ войска, при чемъ каждая курія ставила на „сборъ" (легіонъ) сотню тяжело-вооруженныхъ пѣхотинцевъ и десять всадниковъ.

Кліенты. Въ личной зависимости отъ полноправныхъ гражданъ были кліенты, т.-е. „зависимые“, лишенные всякихъ политическихъ правъ. Патрицій являлся ихъ патрономъ, т.-е. покровителемъ, замѣняющимъ кліента во всѣхъ юридическихъ дѣлахъ, требовавшимъ, однако, взамѣнъ ряда услугъ, особенно когда попадалъ въ бѣду самъ. Кліентела возникла, по всей вѣроятности, изъ военноплѣнныхъ покоренныхъ латиновъ, которымъ, въ большинствѣ случаевъ, оставлялась часть ихъ полей. При разрастаніи семьи въ родъ покоренные оставались собственностью всего рода. Сохраняя за собой землю и недвижимую собственность, они платили поземельный оброкъ зерномъ и скотомъ. Эта древняя кліентела вскорѣ растворяется въ плебсѣ.

Плебеи. Когда цѣлыя латинскія общины были принуждены переселяться въ Римъ, и растущее значеніе города стало привлекать латиновъ и другихъ италійцевъ, эта „толпа“, что означаетъ названіе plebs, не была подобно кліентамъ присоединена къ родамъ, что́ дало бы имъ слишкомъ опасный перевѣсъ надъ царской властью; пришельцы оставались свободными, имѣли право безъ посредничества патрона заключать между собой или съ патриціями юридически-законныя сдѣлки, могли заключать имѣвшіе законную силу браки, правда, лишь въ своей средѣ. Они не служили въ войскѣ, были исключены изъ религіозной общины патриціевъ и не имѣли политическихъ правъ. Плебеи жили внѣ священной городской границы, pomerium'a, на холмахъ Эсквилина и Авентина, отдѣленныхъ рвомъ отъ древняго города, если они не оставались въ качествѣ поселянъ на предоставленныхъ имъ для обработки родныхъ поляхъ.

Царь. Во главѣ общины стоялъ царь, объединявшій въ своемъ лицѣ подобно всякому древнему, также и греческому царю, военную, судебную и жреческую власть (Э. К., стр. 52). Эта царская власть отличалась отъ патріархальной власти своей выборностью, несмотря на которую, однако, ея незыблемость была удивительно мудро обезпечена. При смерти царя его власть просто переходила въ руки патриційскихъ отцовъ семейства, избиравшихъ каждые 5 дней временнаго носителя власти (interrex), вплоть до того момента, когда одинъ изъ междуцарей предлагалъ созванному по куріямъ народу, куріатнымъ комиціямъ, новаго царя изъ числа гражданъ. Для санкціонированія (inauguratio) народнаго избранія царь обращался къ богамъ, послѣ чего собраніе носящихъ военное оружіе свободныхъ гражданъ передавало ему высшую власть—imperium. Отнынѣ онъ всевластный пожизненный повелитель. Царь появляется подобно божеству на колесницѣ, съ жезломъ изъ слоновой кости въ рукѣ, нарумяненный, съ золотымъ дубовымъ вѣнкомъ на головѣ; его сопровождаютъ „вѣстовые“ (lictores), несшіе передъ нимъ инсигніи его власти надъ жизнью и смертью гражданъ въ видѣ прутьевъ и топоровъ.

Однако, царь не имѣлъ права отклоняться отъ установленнаго строя, такъ какъ зависѣлъ отъ народнаго собранія, особенно же отъ „совѣта старѣйшинъ“.

Сенатъ.

Этому собранію старѣйшинъ, сенату, состоявшему и пополняемому изъ патриціевъ по назначенію царя, первоначально задуманному въ видѣ представительства патриційскихъ родовъ, принадлежало не законодательное, а совѣщательное право, хотя царь, слѣдуя обычаю, считался съ auctoritas сената, т.-е. съ его одобреніемъ.

Сервіевская конституція.

Первое преобразованіе государственнаго строя, впервые возложившее на плебеевъ несеніе нѣкоторыхъ государственныхъ повинностей,—это такъ называемая Сервіевская конституція, которую обыкновенно относятъ еще къ періоду царей. Время ея возникновенія, однако, не засвидѣтельствовано, и подробности не выяснены. Несомнѣнно лишь, что подобно аѳинской конституціи Солона (Э. К., стр. 75 сл.), въ основу воинской повинности и взимаемаго на военныя нужды налога, tributum, былъ положенъ имущественный цензъ. Что касается военной службы, то граждане распадались на центуріи (сотни), изъ которыхъ каждая ставила по 100 человѣкъ. Вся же страна была раздѣлена на административные округа (tribus). Кромѣ нововведеній въ области военнаго и финансоваго управленія, эта новая организація гражданства заключаетъ въ себѣ и важную политическую реформу: всѣ граждане, входившіе въ составъ одного изъ имущественныхъ классовъ, отнынѣ въ качествѣ „вооруженнаго народа“ собираются для голосованій въ центуріатныя комиціи, постепенно вытѣсняющія старыя—куріатныя комиціи. Не подлежитъ, разумѣется, сомнѣнію, что рѣшающая власть и въ этихъ голосованіяхъ принадлежала все еще патриціямъ, обладавшимъ болѣе крупнымъ имуществомъ, такъ что высшій классъ вмѣстѣ съ 18 всадническими центуріями составлялъ 98 центурій, которымъ всѣ остальные классы могли противопоставить лишь 90.

Культурныя условія.

У римлянъ не было своего Гомера подобно грекамъ, поэтому мы лишены всякихъ опредѣленныхъ свѣдѣній о культурѣ періода царей; однако, нѣкоторыя черты римской культуры исторической эпохи настолько типично-патріархальны, что ихъ исконность несомнѣнна.

Право.

Народъ, даровавшій всему культурному міру нормы права, проявлялъ свой духъ законности съ древнѣйшихъ временъ. Даже въ доисторическій періодъ своего существованія онъ перерастаетъ первобытныя правовыя воззрѣнія другихъ индогерманскихъ народовъ. Поскольку власть надъ семьей не принадлежитъ отцу, судъ чинитъ только царь, возсѣдая на „курульномъ“ сѣдалищѣ въ законные присутственные дни, окруженный своими вѣстовыми, на судномъ мѣстѣ, трибуналѣ. Мы не встрѣчаемъ ни родового суда, ни второй обычной формы самозащиты, долго сохранявшейся у другихъ народовъ,—крова-

вой мести. Въ государственныхъ процессахъ, касающихся тяжкихъ преступленій, какъ измѣны, поджога, „злостнаго убійства“, оскорбленія женской чести, лжесвидѣтельства, судебное разбирательство производится лично царемъ. Онъ лично ведетъ процессъ и постановляетъ приговоръ, предварительно посовѣтовавшись съ привлеченными имъ совѣтчиками; царь, однако, могъ предоставить постановленіе приговора и своему замѣстителю. Помощниками царя являлись, по всей вѣроятности, разслѣдователи убійствъ (quaestores parricidii). Пытку примѣняютъ только къ рабамъ, но виды смертной казни разнообразны и жестоки: преступника вѣшали, сжигали или сбрасывали со скалы. Ходатайство о помилованіи (provocatio), обращенное къ народу, могло быть допущено или отклонено царемъ. Ему же принадлежитъ право дисциплинарнаго взысканія за нарушенія порядка, состоявшаго въ уплатѣ штрафа скотомъ. Въ частныхъ процессахъ, въ которыхъ царь участвуетъ только въ случаяхъ апелляціи, судъ пытается закончить тяжбу мировой сдѣлкой, и только въ случаѣ отказа обидчика отъ удовлетворенія наступало вмѣшательство государства. Право собственности охранялось съ желѣзной строгостью, и нарушители его, въ томъ числѣ и несостоятельный должникъ, не находившій въ теченіе 60 дней поручителя, присуждались вмѣстѣ съ имуществомъ и дѣтьми въ личную собственность кредитору, имѣвшему право продать должника въ рабство или убить его. Наслѣдственное право охранялось съ тою же строгостью, при чемъ всѣ равноправные члены семьи, не исключая женщинъ, получали равныя доли; однако, вскорѣ были найдены способы свободнаго распоряженія имуществомъ. „Вѣчный договоръ“ римлянъ и латиновъ, по которому послѣдніе имѣли рядъ привилегій передъ остальными иноземцами, восходитъ по всей вѣроятности къ очень древнему времени и представляетъ собою прототипъ государственныхъ договоровъ. Въ общемъ, древнее римское право поражаетъ присущей ему трезвой ясностью, свободной отъ идеалистической символики другихъ индо-германскихъ народовъ, проводящее принципъ безпощадно-строгой системы кары, несмотря на очень широкую свободу личности.

Занятія. Сельское хозяйство.

Римляне, подобно всѣмъ остальнымъ племенамъ полуострова, были въ эту эпоху прежде всего крестьянами-земледѣльцами, на что указываетъ уже символическое наименованіе Италіи (стр. 220). При основаніи города ходъ его стѣнъ намѣчался плугомъ. Ни одинъ народъ вселенной не работалъ съ такимъ упорнымъ трудомъ надъ каждымъ завоеваннымъ клочкомъ земли. Послѣ каждаго завоеванія граждане получали для обработки часть земли, обыкновенно одну треть, при чемъ уже во времена Сервіевской конституціи земля не представляетъ собою родовую собственность, а личную собственность отдѣльныхъ гражданъ. На первомъ мѣстѣ стояло хлѣбопашество. Судя

по роли вина въ религіозномъ ритуалѣ, съ древнихъ временъ процвѣтало также виноділіе, хотя количество виноградниковъ и фиговыхъ деревьевъ было еще незначительно. Греки познакомили римлянъ съ маслиной. Скотоводство было еще очень ограничено. Что касается хозяйства крупныхъ земельныхъ собственниковъ, то оно базировалось не на рабскомъ трудѣ, а на эксплуатированіи клієнтовъ. Общественныя пастбища, отдававшіяся въ аренду товариществамъ скотоводовъ, были въ эту эпоху, повидимому, невелики.

Рис. 162. ДЕТАЛЬ ФИКОРОНІЕВСКОЙ ЦИСТЫ.
Циста находится въ Кирхеріанскомъ музеѣ въ Римѣ.
Ср. Baumeister, «Denkmäler», рис. 501.
Греческая работа, сдѣланная въ Италіи и предназначенная для италійскаго рынка. Налѣво нѣсколько юношей изъ числа аргонавтовъ, направо аргонавтъ, утоляющій свою жажду, налѣво юноша, упражняющійся на мѣшкѣ съ пескомъ, котораго передразниваетъ добродушно смѣющійся силенъ, барабанящій по своему животу.

Торговля производилась только внутри страны. Во время праздненствъ устраивались ярмарки, на которыя въ главный союзный городъ стекалось множество народа, особенно латиновъ. Большимъ оживленіемъ отличалась ярмарка у подножья высокаго Сораkта, куда стекались римляне, этруски и сабины. Въ древней мѣновой торговлѣ мѣновой единицей служили, главнымъ образомъ, быки и бараны, къ которымъ впослѣдствіи присоединилась очень цѣнимая латинами мѣдь. Только западный берегъ Италіи велъ заморскую торговлю, если не считать греческихъ городовъ на юго-востокѣ. Лишь этрусская торговля доходила до Греціи, латины не проникали дальше Сицилiи; здѣсь они, по преданію, уже въ концѣ эпохи царей заключили торговый договоръ съ карѳагенянами. Богатая металлами Этрурія вела очень интенсивную торговлю металлическими издѣ-

Торговля.

Рис. 163. ЭТРУССКОЕ ЗЕРКАЛО.
Ромулъ съ Ромуломъ и Ремомъ.
Ср. Mon. d. Inst. XI, tabl. 3.

ліями, пользовавшимися и впослѣдствіи широкимъ распространеніемъ (рис. 162 и 163); Лаціи же, объектами вывоза котораго служили только скотъ и рабы, ограничивался импортомъ металлическихъ произведеній, пурпура, полотна, слоновой кости и пряностей.

Промышленность. Въ эпоху царей въ Римѣ господствовала, главнымъ образомъ, частная промышленность, но преданіе приписываетъ уже царю Нумѣ основаніе ремесленныхъ цеховъ; существовали золотыхъ дѣлъ мастера, мѣдники, плотники, валяльщики, красильщики, сапожники, горшечники и флейтисты. Сервіевская конституція при организаціи своихъ военныхъ дѣленій имѣла въ виду службу въ войскѣ флейтистовъ, кузнецовъ и плотниковъ.

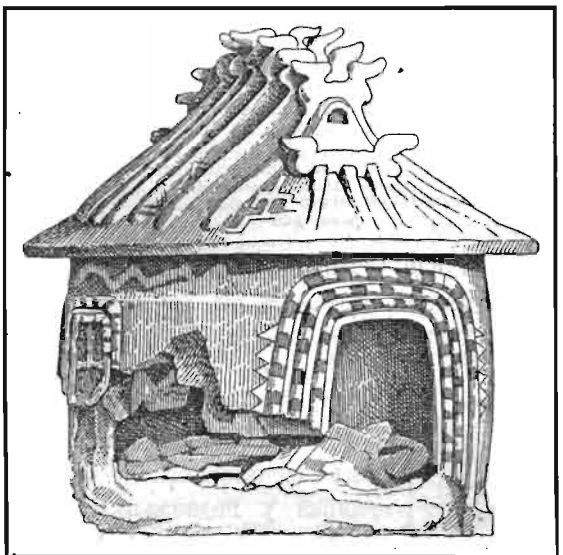

Рис. 164. ГЛИНЯНАЯ УРНА ВЪ ФОРМѢ КРУГЛОЙ ХИЖИНЫ.
Изъ Корнето, нынѣ находится въ Берлинѣ.
Ср. Martha, «L'art étrusque», рис. 5.

Военное дѣло. Источникомъ нашихъ свѣдѣній о военномъ дѣлѣ эпохи царей служитъ только Сервіевская конституція, дата которой намъ въ точности неизвѣстна. Судя по ней, древнее войско, „легіонъ“ царскаго времени, состоявшій изъ 3000 тяжеловооруженныхъ и 300 всадниковъ, былъ доведенъ впослѣдствіи до двухъ легіоновъ по 3000 тяжеловооруженныхъ изъ числа гражданъ отъ 17—45 лѣтъ и усиленъ 1200 легковооруженныхъ, набранными изъ четвертаго и пятаго класса, къ которымъ присоединялись 1800 всадниковъ и въ качествѣ резерва два легіона изъ числа гражданъ отъ 46—60 лѣтъ. Кромѣ того, къ каждому легіону прибавлялись сто саперовъ, 100 сигналистовъ и музыкантовъ, а также невооруженный запасъ. Орудіями нападенія служили тяжелое копье и мечъ; первый классъ воиновъ носилъ шлемъ, грудныя латы, круглый щитъ и поножи, второй классъ — шлемъ, длинный щитъ и поножи, третій же только длинный щитъ.

Домъ. Что касается жилого дома древнихъ римлянъ, то онъ еще не утратилъ слѣдовъ древне-италійскаго крестьянскаго жилища. Послѣднее представляло собою круглую хату (рис. 164), крытую заостренной крышей, построенную обыкновенно изъ глины, сучьевъ и камыша; свѣтъ

проникалъ черезъ широкую дверь и маленькое трехугольное оконце подъ крышей.

Древняя шерстяная одежда, необходимая благодаря климату, была короче и прилегала плотнѣе къ тѣлу, чѣмъ позднѣйшая тога. Это можно заключить изъ того, что ее же, подпоясавъ особымъ образомъ, носили на полѣ битвы. Одежда.

Если нравственныя силы, если мужество и непоколебимость въ опасности и трудностяхъ, покорность и сознаніе долга, благоговѣйное отношеніе къ богамъ и закону, неподкупность, чистота нравовъ и самоотверженная любовь къ родинѣ создали величіе Рима, то корни этихъ нравовъ лежали въ семейной жизни и моральной чистотѣ ея (рис. 165). Власть отца (patria potestas) и повелителя дома была совершенно исключительная: по суровому закону ему принадлежало право жизни и смерти не только надъ женой и дѣтьми, но и надъ всѣми домочадцами. Однако, и мать семейства пользовалась высокимъ авторитетомъ и уваженіемъ. Сынъ, достигнувшій высшихъ государственныхъ магистратуръ, тѣмъ не менѣе, по снятіи своего сана былъ обязанъ повиновеніемъ отцу. Онъ во всемъ былъ въ зависимости отъ отца, который одинъ только былъ настоящимъ собственникомъ имущества и имѣлъ юридическую правоспособность. Семья.

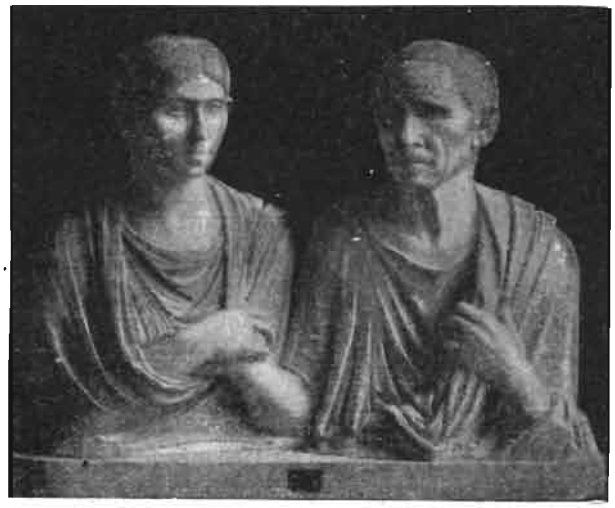

Рис. 165. РИМСКАЯ СУПРУЖЕСКАЯ ЧЕТА.
Съ фотографіи.
Мраморная надгробная группа. Римъ. Ватиканъ.

Римлянами созданъ тотъ терминъ для обозначенія почитанія боговъ (religio), который пользуется и посейчасъ наибольшимъ распространеніемъ. Если этотъ терминъ дѣйствительно означаетъ „связываніе“, то онъ прежде всего указываетъ на то, что римская религія основную задачу свою видитъ въ строгомъ выполненіи внѣшнихъ обязанностей. Она, въ концѣ концовъ, растворяется въ рядъ безчисленныхъ, часто едва понятныхъ церемоній. Весь, простирающійся до мелочей, консерватизмъ культа, основанный на боязни разгнѣвать боговъ измѣненіемъ ритуала и тѣмъ самымъ лишить священнодѣйствіе силы, отра- Почитаніе боговъ.

Рис. 166. ФРИЗЪ И КАРНИЗЪ ХРАМА ВЕСПАСІАНА ВЪ РИМѢ.

Съ фотографіи.

На фризѣ среди натуралистическихъ изображеній букраніевъ (бычьихъ череповъ) расположены разныя сакральныя принадлежности, какъ, напр., арех (головной уборъ жреца), кропило, сосудъ съ фигурной ручкой, жертвенный ножъ, чаша, ложка, топоръ. Общій архитектоническій эффектъ нарушается перегруженностью украшеніями.

жается въ нѣкоторыхъ пережиткахъ, восходящихъ къ древнѣйшимъ стадіямъ культуры: такъ, напр., въ нѣкоторыхъ ритуальныхъ обычаяхъ, въ родѣ закланія жертвеннаго животнаго исключительно при помощи бронзовыхъ или каменныхъ орудій, или возжиганія потухшаго священнаго огня Весты непремѣнно путемъ трепія двухъ кусковъ дерева (ср. рис. 166).

Мѣста почитанія боговъ.

Форма римскаго храма была создана въ Этруріи (стр. 267). Самые значительные храмы возникли въ римскомъ государствѣ въ связи съ преобразованіемъ религіи къ концу эпохи царей. Кромѣ храма Діаны на Авентинѣ, возводятся храмы Юпитера на Капитоліи и на Албанской горѣ, какъ религіозномъ центрѣ латинско-римскаго союза. Безчисленны были древнія святилища при источникахъ, у полевой межи, въ священныхъ рощахъ и поляхъ. Самымъ оригинальнымъ изъ нихъ былъ такъ называемый храмъ Януса (стр. 263) на форумѣ, ворота котораго открывались только въ случаѣ войны, когда царь съ своей ратью отправлялся на поле битвы.

Жрецы и духовныя должностныя лица.

Верховнымъ жрецомъ являлся царь; жрецы были только исполнителями его воли. При упраздненіи царской власти во избѣжаніе гнѣва боговъ былъ сохраненъ „rex sacrificulus“, тѣнь прежняго царя; его дѣятельность ограничивалась исключительно принесеніемъ древнихъ царскихъ жертвъ. Высшей коллегіей, выполнявшей жреческія функціи, были pontifices, „мостостроители“, какъ обыкновенно объясняется ихъ таинственное имя, сохраняемое и теперь римскимъ папою. Во главѣ этой коллегіи, состоявшей во времена Суллы изъ 15 жрецовъ, стоялъ pontifex maximus, который впослѣдствіи въ

качествѣ преемника духовной власти царя, жилъ въ царской Regia вмѣстѣ съ подчиненнымъ ему „царемъ-жертвоприносителемъ“. Объединяя въ своемъ вѣдѣніи богослуженіе, надзоръ за жрецами и наблюденіе за всѣми религіозными мѣропріятіями, обладая рѣшающими полномочіями во всѣхъ вопросахъ священнаго права, понтифики исполняли функціи духовнаго министерства и религіозной консисторіи. Въ качествѣ составителей

Рис. 167. ЖИЛИЩЕ ВЕСТАЛОКЪ.
Съ фотографіи.
Оно находится передъ храмомъ Кастора (3 колонны) и состоитъ изъ круглаго храма Весты, одинаковаго съ изображеніемъ богини, и самого жилища (*atrium Vestae*), обширный дворъ котораго (на нашемъ рисункѣ часть его подъ водою) былъ украшенъ статуями верховныхъ жрицъ (см. направо).

государственнаго календаря они сыграли и важную политическую роль, опредѣляя не только праздничные дни, дни судебные и дни народныхъ собраній, но и длину года; они вели списки консуловъ и связанную съ ними годовую хронику, оказавшую большія услуги исторіографіи. Высокимъ почетомъ пользовались и трое „высшихъ“ flamines (возжигателей жертвеннаго огня), имена которыхъ Dialis (Юпитеръ), Martialis, Quirinalis сохраняютъ слѣды древней троицы боговъ (стр. 264); рядомъ съ ними существовало 12 „низшихъ“ flamines. Вся педантичность и мелочность римскихъ религіозныхъ предписаній сказывается,

между прочимъ, въ безчисленныхъ запретахъ, возлагавшихся на Dialis, благодаря чему въ послѣднія времена республики никто не прельщался ни курульнымъ кресломъ, ни ликторомъ, и должность подолгу оставалась незамѣщенной. Самое оригинальное явленіе всей римской жреческой іерархіи представляютъ собой шесть цѣломудренныхъ дѣвъ при богинѣ Вестѣ, поддерживавшихъ святой огонь общиннаго очага, особенно высоко почитавшійся въ страдающей отъ лихорадокъ Италіи.

Предназначенныя къ священной службѣ въ возрастѣ 6—10 лѣтъ верховнымъ понтификомъ, весталки служили въ теченіе 30 лѣтъ: 10 лѣтъ въ качествѣ послушницъ для подробнаго изученія всѣхъ священныхъ обрядовъ, 10 лѣтъ для выполненія ихъ и послѣднія 10 лѣтъ для обученія молодыхъ весталокъ. Главной задачей весталокъ было поддержаніе священнаго огня на общинномъ очагѣ, на благо и счастье всего государства, ежедневныя жертвоприношенія муки и соли и ежедневное освященіе храма проточной водой и свѣжими вѣтвями лавра. Священнослуженіе требовало цѣломудренной чистоты и для охраненія ея весталки жили подъ надзоромъ верховной жрицы въ подобномъ монастырю атріи Весты (рис. 167), недоступномъ мужчинамъ подъ страхомъ смертной казни. Весталокъ окружали высокимъ почетомъ: онѣ шли по улицамъ города въ сопровожденіи ликтора, даже консулъ почтительно уступалъ имъ путь, въ театрѣ имъ были назначены почетныя мѣста, встрѣча съ ними преступника, шедшаго на казнь, возвращала ему жизнь и свободу. Зато проступки весталокъ карались съ суровой строгостью: за неисполненіе возложенныхъ на нихъ обязанностей имъ грозили удары розогъ, за потерю цѣломудрія—весталокъ живыми закапывали въ землю.

Особенное значеніе въ Римѣ придавалось испрашиванію воли боговъ, могущей неожиданно проявиться во всякаго рода знаменіяхъ (продигіяхъ), или же быть опредѣленно испрошенной передъ выполненіемъ разныхъ актовъ государственной важности. Эти ауспиціи наблюдались на обозначенномъ посохомъ августа на небесахъ мѣстѣ, которому соотвѣтствовало такое же мѣсто (templum) на землѣ. Пророческое значеніе имѣли молнія и полетъ птицъ, впослѣдствіи, между прочимъ, кормъ, брошенный священнымъ курамъ. Кромѣ этого, жрецы прибѣгали къ чрезвычайно подробно урегулированному прорицанію по внутренностямъ животныхъ. Авгуры, число которыхъ при Цезарѣ достигло 16-ти, были впослѣдствіи совѣтчиками высшихъ магистратовъ (стр. 297) въ важныхъ рѣшеніяхъ, чѣмъ нерѣдко пріобрѣтали роковое вліяніе на направленіе политики. Птицегаданіе давало широкій просторъ всякимъ злоупотребленіямъ, вслѣдствіе чего оно къ концу республиканскаго періода, подобно многимъ религіознымъ обычаямъ, сохраняетъ чисто формальный характеръ. Знатоками прорицанія по внутренностямъ животныхъ были haruspices, вызываемые въ случаяхъ крайней нужды изъ страны религіозно-ритуальной формалистики—Этруріи. Въ связи съ уже упомянутымъ преобразованіемъ религіи поздней эпохи царей въ Римѣ появляются знаменитыя Сивиллины книги; возникшія въ Малой Азіи и написанныя на греческомъ языкѣ, онѣ со времени ихъ рецепціи въ

Римѣ широко открываютъ доступъ греческой культурѣ. Долгое время Сивиллины книги хранились въ каменномъ ларцѣ въ подземельѣ Капитолійскаго храма Юпитера. Уничтоженныя пожаромъ 84 года до Р. Хр., онѣ были возстановлены на основаніи широко распространенныхъ изреченій и хранились въ двухъ золотыхъ ларцахъ подъ изображеніемъ Палатинскаго Аполлона. Къ нимъ обращались за директивами въ моменты тяжкихъ бѣдствій страны, часто по повелѣнію сената, черезъ посредство особой коллегіи жрецовъ, число которыхъ отъ двухъ ко времени Суллы возросло до 15. Интересно, что уже съ древнѣйшихъ временъ—насъ въ этомъ убѣждаетъ древность ритуала — существовала коллегія, вѣдавшая международными сношеніями государства,— объявленіемъ войны и заключеніемъ мира;—это были феціалы. Характерными для Рима являются также древнія братства, совершавшія въ опредѣленные торжественные дни процессіи по древнему ритуалу. Къ числу этихъ братствъ относятся двойная коллегія (стр. 276) „скакуновъ“ (salii), коллегія луперковъ, арваловъ и тицієвъ. Первые въ блестящемъ вооруженіи и со священными щитами въ рукахъ совершали ежегодно въ честь Марса процессію, связанную съ пляской; празднество завершалось торжественнымъ пиромъ. Луперки, облаченные въ мѣха, стегали встрѣчныхъ ремнями, нарѣзанными изъ шкуръ жертвенныхъ козъ и напоминающими карнавальскія плетки; эти удары приносили счастье, особенно же усиливали плодородіе матерей. Арвальское братство въ торжественной процессіи обходило въ маѣ поля съ пѣніемъ древней молитвы въ честь высокочтимой Деа Діа—богини-производительницы. Наконецъ, къ древнѣйшему времени относятся „собратья Тиція“. Коллегія эта, совершенно забытая въ теченіе долгаго времени, приводится въ связь съ древнимъ сабинскимъ царемъ Титомъ Таціемъ.

Религіозный ритуалъ.

Большое значеніе имѣлъ религіозный ритуалъ очищенія. Мы уже упоминали объ очистительныхъ процессіяхъ; остается сказать еще о наиболѣе значительномъ примѣненіи обряда очищенія въ народной жизни. Проточная вода, сѣрный дымъ, лавровыя вѣтви и огонь, черезъ который надо было перешагнуть, служили средствами очищенія. Оно обыкновенно происходило передъ молитвой, которую каждый благочестивый римлянинъ совершалъ днемъ передъ каждымъ болѣе или менѣе значительнымъ поступкомъ. Поднявъ руки къ небу, повернувшись обыкновенно лицомъ къ востоку, молящійся произносилъ молитву, облеченную въ издревле-установленныя формулы (ср. рис. 39); призывая морскихъ божествъ, молящійся обращался взорами къ морю; молясь подземнымъ божествамъ, онъ прикасался рукою къ землѣ. Какъ въ государственной, такъ и въ частной жизни было принято давать обѣты; среди формъ проклятій и закли-

Рис. 168. SUOVETAURILIA.
Кабанъ, баранъ и быкъ, всѣ торжественно разукрашенные. Съ фотографіи.
Внѣшняя стѣна Траяновскаго барьера ростръ на римскомъ форумѣ.

наній самой торжественной является devotio, клятва полководца, въ которой онъ въ торжественной формѣ обрекалъ гибели непріятельское войско, обезпечивая своему народу побѣду своей геройскою смертью.

Рис. 169. АЛТАРЬ ЭПОХИ АВГУСТА.
Римъ, музей Термъ, мраморъ. Фотографія.
Интересна свободная иллюзіонистическая трактовка черепа быка и обѣихъ платановыхъ вѣтокъ на главномъ полѣ, равномѣрно покрывающихъ поверхность. Насколько мы знаемъ, греческое искусство всегда стилизировало растенія, до созданія изъ нихъ орнамента; ср. строго-стилизованный цвѣточный орнаментъ на нижней и верхней полосахъ карниза.

Ежедневныя жертвоприношенія, совершавшіяся не только въ храмахъ, но и отцомъ семейства въ семьѣ, принадлежали къ числу безкровныхъ. Богамъ приносили въ жертву молоко, бобы, полбу, т.-е. продукты пищи древняго человѣка и особенно разнообразныя жертвенныя лепёшки, кромѣ того, вѣнки и ѳиміамъ. Среди жертвенныхъ животныхъ, тщательно выбираемыхъ въ зависимости отъ породы, пола, возраста и качествъ, чаще всего встрѣчается излюбленное домашнее животное, свинья; при великомъ государственномъ жертвоприношеніи suovetaurilia

убивались свинья, баранъ и быкъ (рис. 168), т.-е. обычный и въ наше время убойный скотъ. При строгомъ соблюденіи ритуальныхъ формъ, жертва убивалась у алтаря (рис. 169), и часть ея сжигалась цѣликомъ съ цѣлью очищенія.

Торжественное жертвоприношеніе часто сопровождалось процессіями и танцами (стр. 287); но и древнее время уже знаетъ игры, всякаго рода состязанія въ бѣгѣ, имѣвшія, однако, характеръ не зрѣлищъ, а ритуала, хотя, по обыкновенію южныхъ народовъ, толпы людей собирались на радостное торжество, особенно если оно устраивалось добрыми сосѣдями опредѣленныхъ мѣстностей или участниками опредѣленныхъ корпорацій, какъ и понынѣ въ Италіи. Кромѣ торжествъ, устраиваемыхъ общиной, важнѣйшія изъ которыхъ были названы выше, и въ семейномъ кругу изстари праздновались многіе дни радостныхъ или серьезныхъ событій; такимъ семейнымъ праздникомъ были Сатурналіи, временемъ года и нѣкоторыми обычаями сближающіяся съ нашимъ Рождествомъ; слѣдуя древнему ритуалу, господинъ въ эти дни прислуживалъ своимъ рабамъ.

РЕСПУБЛИКА

А. ГОСУДАРСТВО. ЖИЗНЬ. БОГОПОЧИТАНІЕ

1. ГОСУДАРСТВО

Громадная эволюція совершилась въ предѣлахъ полтысячелѣтія существованія римской республики; этотъ періодъ времени обнимаетъ рядъ разнородныхъ эпохъ. Тѣмъ не менѣе, мы принуждены, по цѣлому ряду внѣшнихъ причинъ, говорить объ отдѣльныхъ явленіяхъ, суммируя ихъ; при этомъ мы постараемся въ каждомъ данномъ случаѣ указать на историческое развитіе отдѣльныхъ разбираемыхъ явленій. Прежде чѣмъ приступить къ характеристикѣ этой эволюціи, дадимъ краткій обзоръ важнѣйшихъ историческихъ фактовъ.

Историческій обзоръ.

Послѣ созданія республики (510 г.) небольшимъ, обнимавшимъ приблизительно площадь въ 1000 кв. килом., городомъ-государствомъ, власть котораго простиралась до Албанскихъ горъ, Римъ въ ближайшій періодъ велъ безпрерывныя то оборонительныя, то наступательныя мелкія войны съ ближайшими сосѣдями. Однако, вскорѣ началась великая соціальная борьба, т.-е. оппозиція плебеевъ противъ гнёта аристократіи. Соціальная нужда побудила плебеевъ добиться отъ патриціевъ учрежденія народнаго трибуната (494?), охранявшаго ихъ отъ злоупотребленій кредиторовъ и магистратовъ, а вслѣдъ затѣмъ и выбора въ трибутныхъ комиціяхъ представителей изъ среды плебеевъ. Самымъ выдающимся событіемъ середины столѣтія (451) была кодификація права въ Законахъ Двѣнадцати Таблицъ, служившихъ обезпеченіемъ плебеевъ отъ магистратскаго произвола. Вскорѣ вспыхнула борьба плебеевъ съ

Рис. 170. БОРЬБА МЕЖДУ РИМЛЯНАМИ И ГАЛЛАМИ.

Съ фотографіи.

Саркофагъ изъ Капитолійскаго музея, найденный на Via Appia. На крышкѣ изображены плѣнные галлы съ дѣтьми и женами (ср. указатель подъ словомъ Даки). Въ основѣ главнаго изображенія, повидимому, лежали пергамскіе образцы. Лишающій себя жизни келтъ въ серединѣ рельефа напоминаетъ фигуры эпинскаго дара Аттала (ср. рис. 102 сл.). Фигура лежащаго подъ лошадью налѣво, и воинъ, повернувшійся къ зрителю спиной — образы, достойные великой эпохи искусства.

патриціями за равенство: на соціальной почвѣ они его добились объявленіемъ легальности браковъ патриціевъ съ плебеями (445); на политической же почвѣ достигнутый успѣхъ былъ лишь относительнымъ: плебеи добились доступа лишь къ военному трибунату, временно ставшему на мѣсто консульства (444). Вслѣдствіе наступившаго временнаго мира въ партійной борьбѣ, Римъ оказался въ силахъ одержать первую выдающуюся военную побѣду, сыгравшую, между прочимъ, роль въ организаціи и дальнѣйшемъ развитіи военнаго дѣла: послѣ продолжительной борьбы въ концѣ V столѣтія былъ покоренъ могущественный этрусскій городъ Вей и. Нападеніе дикихъ галловъ (387) на Римъ парализовало лишь на короткое время его завоевательную силу (рис. 170).

Такъ какъ еще въ теченіе первой половины IV столѣтія допущеніе плебеевъ къ консульству положило предѣлъ сословной борьбѣ, и къ концу столѣтія плебеямъ открытъ былъ доступъ къ возникшимъ тѣмъ временемъ должностямъ и жречеству, то Римъ оказался достаточно сильнымъ, чтобъ вступить на почвѣ Италіи въ борьбу съ мужественнымъ родственнымъ ему племенемъ—самнитами. Возникшія въ результатѣ этого столкновенія войны, длившіяся больше столѣтія, положили предѣлъ самостоятельности всѣхъ другихъ племенъ, между прочимъ, и культурныхъ этрусковъ, ослабѣвшихъ отъ натиска галловъ; онѣ разрушили послѣдніе слѣды самостоятельности возставшихъ латиновъ и привели, благодаря побѣдамъ надъ подоспѣвшимъ на помощь эллинистическимъ царемъ Пирромъ (стр. 6 сл.), къ покоренію греческихъ городовъ, южной Италіи.

Несмотря на то, что внутреннія, соціальныя осложненія не переставтъ красной нитью проходить черезъ исторію Рима, несмотря на возникновеніе новой опасности въ видѣ обремененнаго положенія италійскихъ „союзниковъ“, Римъ рѣшается на первую борьбу съ Карѳагеномъ (264—241). Эта война впервые столкнула римлянъ съ моремъ, на которомъ они одержали блестящія побѣды, пріобрѣтя въ результатѣ

первыя свои заморскія владѣнія, первыя провинціи. Правда, покореніе богатыхъ греческихъ городовъ Сициліи и южной Италіи грозитъ разрушеніемъ старой простоты нравовъ. Одновременно возникаетъ первая рѣзкая демократическая оппозиція противъ владычества аристократовъ. Но какъ-разъ первый демагогъ Фламиній воодушевляетъ противоборствующій ему сенатъ къ покоренію лучшей, несомнѣнно богатѣйшей части Италіи, плодородной области рѣки По (225—222). Вскорѣ послѣ этого геніальный Ганнибалъ въ разсчетѣ на неустойчивость италійскаго союза предпринимаетъ при помощи небольшого войска завоеваніе страны, бывшей въ состояніи выставить $^3/_4$ милліона солдатъ; отважные планы Ганнибала были разбиты силой гражданскаго духа, воодушевлявшаго здоровый народъ италійскихъ крестьянъ (218—201). Поразительно удачные результаты этой борьбы, давшіе Риму Испанію, богатыя владѣнія отпавшихъ союзниковъ, добычу изъ Африки и высокую контрибуцію Карѳагена, создаютъ изъ Рима міровую державу. Когда Римъ почти противъ воли своей былъ вовлеченъ въ борьбѣ трехъ эллинистическихъ міровыхъ державъ (стр. 6) на Востокѣ, люди, имѣвшіе въ своихъ рукахъ власть, сознавая слабость господствовавшей націи, не увлеклись мечтами о всемірной имперіи: Римъ не пользуется побѣдоносной македонской войной (200—197) для расширенія границъ и объявляетъ грековъ свободными. Однако, какъ эта война, такъ и слѣдующая съ Антіохомъ сирійскимъ (192—189) привлекли въ Италію массу богатствъ; подъ вліяніемъ этого притока богатствъ римская политика со времени войны противъ Ганнибала совершенно мѣняетъ свой обликъ, ея основы перестаютъ быть аграрными, торговые интересы становятся рѣшающими. Ниже будетъ сказано о лихорадочной быстротѣ роста торговли, и рядомъ съ нею крупной земельной собственности, о быстромъ распространеніи роскоши подъ вліяніемъ Востока, о воздѣйствіи на римлянъ греческой культуры, съ одной стороны воодушевлявшей ихъ къ продуктивному творчеству, съ другой — имѣвшей до извѣстной степени разлагающее вліяніе. Война противъ Персея (172—168) обогащаетъ государство новыми громадными доходами, роскошь возрастаетъ еще больше, знать бѣднѣетъ и вырождается, духъ войска падаетъ. Римское вліяніе уже не поддерживается содѣйствіемъ вѣрныхъ союзныхъ государствъ въ родѣ Родоса и Пергама: и они порабощаются, и Востокъ оказывается, по меньшей мѣрѣ, въ кліентской зависимости отъ Рима и его власти. Корыстныя побужденія приводятъ къ разрушенію цвѣтущихъ центровъ торговли, Коринѳа и Карѳагена (146).

Наступаетъ ужасная соціальная революція: борьба бѣдняка съ богачемъ. Когда благородные граждане, оставшіеся на почвѣ конституціоннаго строя, въ родѣ Сципіона Младшаго, оказались безсильными помочь бѣдѣ, его родственники, братья Гракхи принялись за реформу существующихъ порядковъ (133—121). Прежде всего, была оказана помощь обѣднѣвшимъ гражданамъ въ видѣ новыхъ надѣловъ земли и раздачъ хлѣба для созданія противовѣса крупному землевладѣнію съ его ужасной, полной злоупотребленій, эксплуатаціей рабскаго труда. На ряду съ этимъ путемъ предоставленія судовъ вновь выдвинувшемуся сословію денежной аристократіи, всадникамъ, былъ созданъ въ лицѣ этого сословія противовѣсъ знати. Однако, и эти реформы не внесли коренного улучшенія, внутреннее броженіе не утихало. Возникаютъ новыя политическія партіи, аристократическая партія—оптиматовъ и народная—популяровъ, во главѣ которыхъ нерѣдко стояли аристократы. Правда, воинственный Маріи, выдвинувшійся во времена глубочайшаго униженія аристократіи и спасшій отечество въ дни великихъ государственныхъ бѣдствій, когда мужественные сѣверные варвары, германцы, грозили поколебать основы Рима, вышелъ изъ среды простого народа. Своими побѣдами онъ былъ обязанъ нововведенію, вскорѣ поведшему республику съ логической неизбѣжностью на путь крушенія, а именно—войску наемниковъ, состоявшему изъ профессіональныхъ солдатъ, преданныхъ своему предводителю, и замѣнившихъ

отнынѣ гражданское войско. Вслѣдъ за послѣднимъ возстаніемъ союзнической угнетенной Италіи противъ Рима, въ которомъ она добивается требуемыхъ правъ (стр. 292), послѣ того какъ полуварварскій эллинизмъ въ лицѣ понтійскаго царя Митридата отваживается въ послѣдній разъ помѣриться силами съ Римомъ, Суллѣ удается возстановить временное господство аристократіи (82 г.). Въ теченіе двухъ десятилѣтій Помпей ведетъ борьбу за внѣшнюю упроченность государства и укрѣпляетъ господство его на Средиземномъ морѣ, играющемъ существенную роль для міровой державы и въ наши дни. Рядомъ съ Помпеемъ въ первомъ тріумвиратѣ вождемъ народной партіи является Цезарь. Онъ (60) вскорѣ затмеваетъ славу Помпея своими безпримѣрными побѣдами въ Галліи, Британніи и Германіи. Положивъ покореніемъ Галліи основу романизаціи этого способнаго народа, онъ побѣждаетъ съ помощью преданнаго ему войска своего противника Помпея; наступаетъ конецъ республики. Пріемный сынъ Цезаря, баловень судьбы, Октавіанъ, побѣдившій въ знаменитой Актійской побѣдѣ (31) своего противника Антонія и союзную съ нимъ египетскую царицу, прославленную Клеопатру, завершаетъ временно прерванное насильственной смертью Цезаря (44 г.) установленіе ведущаго отъ него свое имя (Kaiserthum по-нѣм.) императорскаго режима. Присоединеніе Египта, послѣдней эллинистической всемірной державы, къ римской имперіи прекратило въ зародышѣ послѣднюю попытку Востока подчинить себѣ культуру Запада.

Гражданство. Гражданское право.

Римъ былъ долгое время типичнымъ городомъ-государствомъ, и нѣтъ второго историческаго примѣра столь послѣдовательнаго возникновенія всѣхъ государственныхъ учрежденій изъ городскихъ; многія изъ нихъ сыграли міровую роль, и въ этомъ выдающееся значеніе римскаго гражданства; ни одинъ народъ не произносилъ словъ „я—гражданинъ“ съ болѣе гордымъ сознаніемъ, чѣмъ римскій.

Съ характернымъ для римлянъ строго-юридическимъ взглядомъ на вещи, они нормировали содержаніе правъ гражданина. Къ нимъ относится право пріобрѣтенія собственности и свободнаго распоряженія ею, право заключенія легальнаго брака, право голоса въ народныхъ собраніяхъ, наконецъ, право апелляціи къ народу при наложеніи каръ магистратами.

Потеря гражданскихъ правъ считалась величайшимъ позоромъ; она наступала при осужденіи гражданина, при продажѣ его въ рабство за неисполненіе имъ долга гражданина или солдата, или же при переходѣ въ другую гражданскую общину.

Полноправные граждане очень неохотно соглашались дѣлиться своими правами, которыми они очень дорожили, и которыя искони принадлежали только имъ. Мы въ нашемъ историческомъ обзорѣ уже изложили происходившую въ V и IV столѣтіяхъ знаменитую сословную борьбу плебеевъ съ патриціями за равноправіе; она стала безсмертной въ исторіи человѣчества, такъ какъ на нашихъ глазахъ угнетенный народъ безъ всякаго кровопролитія, лишь мужественной активностью достигаетъ цѣли, которую признаетъ справедливой. Латины были неполноправными гражданами, имѣвшими гражданскую правоспособность въ своей средѣ и въ сношеніяхъ съ Римомъ. Когда римляне впослѣдствіи распространили свою власть на города Италіи, они все опредѣленнѣе пытались сохранить строго обдуманную градацію правъ, признаваемыхъ за разными отдѣльными общинами, съ цѣлью воспрепятствовать ихъ тѣсному сплоченію. Такъ, напримѣръ, выслужившіе солдаты, населявшіе естественныя римскія крѣпости Италіи — колоніи, пользовались всѣми гражданскими правами, тогда какъ жители остальныхъ

общинъ, муниципіевъ, были лишены голоса въ собраніяхъ и на выборахъ. Это неравноправіе повлекло за собой цѣлый рядъ тяжелыхъ опасностей и столкновеній, пока, наконецъ, римляне не оказались принужденными даровать права гражданства (89 до Р. Хр.) своимъ одноплеменникамъ, въ качествѣ „союзниковъ“ оказавшимъ имъ поддержку въ ихъ всемірныхъ завоеваніяхъ.

Права гражданства, переходившія отъ отца къ сыну, рожденному отъ законнаго брака, могли въ исключительныхъ случаяхъ быть дарованными по народному постановленію или уполномоченнымъ на то полководцемъ, но прежде всего въ результатѣ отпуска раба на волю. Отпущенники. Въ теченіе столѣтій происходили колебанія въ вопросѣ о положеніи отпущенниковъ, въ зависимости отъ того, насколько ихъ служба въ войскѣ была нужна государству въ случаяхъ опасности. Обыкновенно съ отпускомъ на волю были связаны лишь ограниченныя права гражданства: отпущенникъ имѣлъ право голоса въ городскихъ трибахъ, будучи, однако, лишенъ права занятія должностей и права несенія военной службы; только въ третьемъ поколѣніи его потомство пріобрѣтало всѣ права гражданства. Такъ какъ при нормальномъ теченіи жизни на волю отпускались тѣ изъ рабовъ, которые выдѣлялись своими способностями, то среди отпущенниковъ часто встрѣчались очень интеллигентные люди. Они избирали профессію письмоводителей, торговцевъ и ремесленниковъ, а также художниковъ и ученыхъ; ихъ соціально-политическое положеніе не безъ основанія сравнивалось съ положеніемъ евреевъ въ эпоху средневѣковья.

Раздѣленіе римскихъ гражданъ было, какъ мы ниже увидимъ, очень многообразно въ зависимости отъ ихъ политическихъ правъ. Расчлененіе гражданства. Въ противоположность грекамъ, постоянное стремленіе къ новымъ соціальнымъ подраздѣленіямъ, отражающимся и въ политической жизни, является характернымъ для римскаго народа. Выше было сказано о крупной земельной собственности какъ признакѣ древней знати — патриціата. Характернымъ результатомъ сословной борьбы является новая знать, нобилитетъ, рядомъ со старой патриційской, сохранившей лишь идейное и религіозное преимущества; новая знать была служебная, въ составъ ея входили всѣ патриційскія и плебейскія семьи, члены которыхъ занимали такъ называемыя курульныя магистратуры. Ихъ прерогативой являлось „портретное право“, т.-е. право культа предковъ; восковыя портретныя маски, снятыя съ мертвецовъ и снабженныя соотвѣтственными подписями, говорившими о подвигахъ покойныхъ, сохранялись въ галлереѣ предковъ (рис. 171): въ дни семейныхъ праздниковъ эти портреты украшались вѣнками, а при торжественныхъ похоронахъ ихъ несли передъ покойникомъ. Разумѣется, попытка нобилитета составить замкнутую корпорацію не могла увѣнчаться успѣхомъ, какъ ни затрудняли новичку (homo novus) доступъ къ магистратурамъ и проникно-

веніе этимъ путемъ въ среду аристократовъ. Въ связи съ границей, отдѣляющей знать отъ незнати (ignobiles), естественнымъ путемъ возникаютъ политическія партіи оптиматовъ и популяровъ, между аристократической и народной партій, о которыхъ выше было уже упомянуто (стр. 291). Со второй половины II столѣтія соціальныя грани значительно обостряются. Возникаетъ троякое дѣленіе гражданъ, основой котораго являются какъ собственность, такъ и должностной рангъ. Изъ массы гражданъ, называвшейся и теперь еще plebs, выдѣляются

Всадники.

всадники, къ которымъ принадлежатъ владѣльцы капитала не меньше, чѣмъ въ 400000 сестерцій (около 75000 м.). Этотъ классъ выросъ, по всей вѣроятности, изъ древнихъ всадническихъ центурій; однако, за исключеніемъ нѣкоторыхъ обычаевъ, указывающихъ на древнюю кавалерійскую службу, онъ не имѣлъ къ ней бо́льшаго отношенія, чѣмъ остальные круги знати. Всадники пріобрѣтаютъ большое значеніе путемъ захвата въ свои руки всей крупной денежной торговли, которой сенаторы не имѣли права заниматься. Они достигаютъ громаднаго богатства въ качествѣ государственныхъ откупщиковъ, а предоставленіе имъ Г. Гракхомъ суда присяжныхъ (стр. 291), увеличило ихъ политическое вліяніе. Внѣшнимъ знакомъ отличія всадниковъ служили узкая пурпуровая полоса на нижней одеждѣ и золотое кольцо, въ праздничные же дни trabea, мантія, украшенная пурпуровой полосой; въ театрѣ имъ были предоставлены почетныя мѣста.

Сенаторское сословіе.

Высшимъ сословіемъ являлось сенаторское, состоявшее изъ членовъ сената, внѣшнимъ признакомъ отличія которыхъ служила особая одежда, широкая пурпуровая полоса и особая обувь. Во время игръ сенаторы сидѣли на почетныхъ мѣстахъ.

Народныя собранія.

Отъ времени до времени собирался весь народъ (contio) или часть его (concilium) для совѣщаній или выслушиванія сообщеній магистратовъ. Бо́льшее значеніе имѣли „сходки“, въ которыхъ происходило голосованіе, такъ называемые комиціи. Въ зависимости отъ лежащаго въ основѣ ихъ раздѣленія народа различались три формы комиціевъ. Куріатные комиціи (стр. 277), основанные на древнемъ патриційскомъ строѣ, почти совершенно утратили свое значеніе. Въ болѣе поздніе времена собирались только ликторы курій для фиктивнаго голосованія, санкціонировавшаго вступленіе новоизбранныхъ магистратовъ въ исполненіе служебныхъ обязанностей или же рѣшавшаго вопросы семейнаго права, какъ, напр., переходъ гражданина въ другой родъ.

Центуріатные комиціи (стр. 279 сл.), обнимавшіе весь народъ, долгое время имѣли главное значеніе. Въ нихъ и впослѣдствіи производились выборы высшихъ магистратовъ, т.-е. консуловъ, преторовъ и цензоровъ; первоначально имъ принадлежало также право законодательства и уголовнаго судопроизводства. Впослѣдствіи въ обла-

сти постановленія рѣшеній правомъ центуріатныхъ комицій остается объявленіе войны.

Такъ какъ народъ, собранный въ центуріатные комиціи, представлялъ собою въ сущности „вооруженный народъ“, онъ созывался магистратомъ, облеченнымъ военной властью, т.-е. консуломъ, преторомъ или диктаторомъ; комиціи собирались на Марсовомъ полѣ за городомъ, при чемъ красное военное знамя поднималось надъ городомъ, а въ крѣпость по ту сторону Тибра (Janiculum) вводились войска.

О созывѣ собранія въ одинъ изъ „присутственныхъ“ дней народъ извѣщался за три рыночныхъ дня; до открытія его испрашивались авспиціи боговъ (стр. 286). Результатомъ этого „наблюденія за небомъ“ могло быть констатированіе разныхъ небесныхъ явленій, при чемъ даже такія обычныя явленія, какъ дождь, гроза, и т. п., могли воспрепятствовать открытію собранія или прервать его. Этимъ ученіемъ нерѣдко пользовались въ политической жизни съ партійными цѣлями. Изъ совѣщательнаго собранія (см. выше) народъ (первоначально военнымъ строемъ) отправлялся къ мѣсту голосованія. Здѣсь центуріи отдѣльныхъ классовъ голосовали до тѣхъ поръ, пока не получалось большинства. Въ древнее время оно обыкновенно создавалось уже послѣ голосованія всадниковъ и перваго имущественнаго класса (стр. 279); впослѣдствіи же голосованіе было организовано болѣе демократическимъ способомъ, и перевѣсъ всадниковъ упраздненъ. Древнюю форму устнаго голосованія замѣнила письменная, на табличкахъ. По огороженному пути народъ направлялся на помостъ; здѣсь таблички опускались въ урну, а соотвѣтственныя должностныя лица производили подсчетъ. Наконецъ, руководившій голосованіемъ магистратъ объявлялъ результаты его.

Рис. 171. ДЕТАЛИ ГРОБНИЦЫ ГАТЕРІЕВЪ (ср. рис. 316 и 323).
Римъ. Латоранъ. Съ фотографіи.
Вдоль загородныхъ дорогъ Рима существовало, по всей вѣроятности, множество гробницъ, подобныхъ этому перегруженному декораціей мавзолею. Подъемная машина указываетъ на отношеніе одного изъ погребенныхъ здѣсь лицъ къ ремеслу каменщика. Бюстъ мужчины изображаетъ, вѣроятно, врача (змѣя). Ниши, заключающія оба бюста, до нѣкоторой степени напоминаютъ armaria, въ которыхъ помѣщались восковыя imagines предковъ въ атріяхъ аристократическихъ домовъ: нѣтъ только указаній на дверцы, которыми обыкновенно снабжались эти armaria.

Первоначально только плебеи собирались по административнымъ дѣленіямъ на трибы для постановленія народныхъ рѣшеній — плебисцита,—слово, не утратившее своего значенія до нашихъ дней. Съ пятаго

же столѣтія трибутные комиціи обнимаютъ весь народъ, и ихъ постановленія со времени закона Гортенсія (287) имѣютъ силу законовъ. Законодательная власть все больше переходитъ въ вѣдѣніе трибутныхъ комиціевъ, въ которыхъ земельная собственность играетъ еще бо̀льшую роль, чѣмъ въ центуріатныхъ комиціяхъ. Проекты законовъ предварительно обнародовались (промульгировались), по принятіи законы объявлялись во всеобщее свѣдѣніе (ренунціировались), и увѣковѣченныя на бронзовыхъ доскахъ, выставлялись на публичномъ мѣстѣ. На этихъ же собраніяхъ избирались низшіе магистраты, т.-е. эдилы, квесторы, военные трибуны и др., тогда какъ выборъ плебейскихъ магистратовъ, народныхъ трибуновъ и народныхъ эдиловъ оставался прерогативой собраній плебеевъ (стр. 295).

Весь этотъ строго организованный механизмъ народныхъ собраній, въ которомъ по возможности добросовѣстно охранялась историческая традиція, отличался, однако, чрезмѣрной сложностью, что́ не давало имъ возможности работать въ истинно-демократическомъ духѣ такъ, какъ работало суверенное народное собраніе Аѳинъ (Э. К., стр. 245 сл.). Государственное управленіе требовало большей устойчивости. Съ вырожденіемъ гражданства, особенно со времени начала соціальной революціи, народныя собранія превращаются въ арену ожесточенной партійной борьбы, а расширеніе правъ гражданства на всю Италію лишаетъ ихъ прежняго значенія.

Магистратура. Римскія должностныя лица, управлявшія государствомъ, магистратура, выбираемая только народомъ, развивается изъ царской власти: древняго царя замѣняютъ двое консуловъ, возникаетъ оригинальный принципъ римской коллегіальности власти, на основаніи котораго каждый магистратъ имѣетъ полное право принимать самостоятельныя рѣшенія, рискуя встрѣтить лишь протестъ своихъ коллегъ. Многообразіе римской магистратуры явилось результатомъ развѣтвленій консульскихъ полномочій и развитія самостоятельныхъ магистратуръ изъ низшаго чиновничества. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что магистратская власть для всякаго низшаго или высшаго, ординарнаго или экстраординарнаго римскаго магистрата имѣетъ большее значеніе, чѣмъ кругъ его дѣятельности; эта власть давала ему права за предѣлами его прямыхъ обязанностей. Высшей магистратской властью, сначала присущей только царю, является imperium, право повелѣвать и запрещать, получающее особую силу на полѣ битвы и дающее носителю его власть военнаго командованія и юрисдикціи. Эта высшая власть всегда должна была имѣть законнаго представителя и носителя; это ученіе является характерной чертой римской законности и строгой систематичности. Когда носитель имперія сходилъ со сцены, его временно замѣняло лицо, избранное изъ среды сената и смѣнявшееся каждые пять дней

(стр. 278), пока длилось междуцарствіе. Должностная власть магистратовъ (potestas) была очень многообразна. Такъ какъ низшіе магистраты были въ зависимости отъ высшихъ, то создалась должностная іерархія; только трибунъ занималъ, какъ мы увидимъ ниже, совершенно особое положеніе. Всѣмъ магистратамъ принадлежитъ право обращаться къ богамъ за ауспиціями, созывать народъ на совѣщательныя собранія (стр. 277), издавать эдикты или постановленія на время своей магистратуры, издавать декреты,—примѣненія законовъ или эдиктовъ, относящіяся къ опредѣленнымъ случаямъ,—и, наконецъ, право привлеченія къ отвѣтственности другихъ магистратовъ. Послѣдняя прерогатива представляла собою такое же значительное ограниченіе всякой магистратской власти, какъ право провокаціи къ народу, направленное противъ магистрата при назначеніи имъ смертной казни или значительной конфискаціи имущества.

Магистратуры могутъ быть разбиты на рубрики по различнымъ признакамъ. Терминъ „патриційскія магистратуры“, т.-е. магистратуры, занимавшіяся первоначально только патриціями, со временемъ утратилъ значеніе (стр. 289 сл.); плебейскія же магистратуры, трибунатъ и плебейскій эдилитетъ, и послѣ окончанія борьбы съ плебеями замѣщались только плебеями. Къ магистратамъ, облеченнымъ имперіемъ, принадлежали консулы и преторы, а также экстраординарный магистратъ—диктаторъ. Всѣ эти магистраты назывались „высшими“, къ нимъ принадлежалъ также цензоръ. Эти высшіе магистраты и на ряду съ ними курульные эдилы и подчиненный диктатору magister equitum, возсѣдали на „курульныхъ“ креслахъ изъ слоновой кости, почему ихъ магистратуры носили названіе „курульныхъ“.

Оригинальное явленіе греческой демократіи—замѣщеніе должностей по жребію (Э. К., стр. 249), чуждо строгому, добросовѣстному римлянину: всѣ магистратуры замѣщаются по выбору. „Кандидатъ“, названный такъ потому, что его облекала ослѣпительной бѣлизны тога, натертая мѣломъ, являлся за долгое время до выборовъ къ завѣдывавшему выборами магистрату, рѣшавшему вопросъ о допустимости кандидата; отвергнутому принадлежало право апелляціи къ сенату. Вопросъ о допустимости вторичнаго избранія одного лица въ магистраты и вопросъ объ опредѣленномъ возрастѣ для занятія выдающихся магистратуръ нѣсколько разъ нормировались закономъ. Особенно важны были нормы возраста, установленныя со второго столѣтія для трехъ ординарныхъ курульныхъ магистратуръ; согласно имъ, среднюю изъ нихъ, претуру, занимали люди, достигнувшіе возраста, считавшагося въ древности періодомъ зрѣлости мужчины, т.-е. сорока лѣтъ, къ эдилитету допускали тремя годами раньше, къ консулату тремя годами позднѣе; этимъ курульнымъ магистратурамъ должна была предшествовать квестура. Кандидатъ, облеченный въ блестящую тогу, былъ принужденъ вербовать голоса народа въ свою пользу, часто недостойно и нищенски умолять

о нихъ, какъ это поразительно изображено Шекспиромъ въ его „Коріоланѣ“; нерѣдко прибѣгали и къ подкупу.

Магистраты, избранные почти безъ исключенія на одинъ годъ, послѣ избранія и до вступленія въ исправленіе своихъ обязанностей носившіе имя „предвазначенныхъ“ (десигнированныхъ) магистратовъ, въ опредѣленный день года приступали къ исполненію своихъ обязанностей. Съ 153 г. до Р. Хр. консулы и большинство остальныхъ магистратовъ вступали въ исправленіе своей магистратуры съ 1 января, оставшагося и въ дальнѣйшемъ теченіи исторіи днемъ начала года. Для благочестиваго римлянина и это вступленіе въ обязанности магистрата естественнымъ образомъ связывалось съ игравшимъ существенную роль религіознымъ моментомъ. Ему предшествовали ауспиціи боговъ и принесеніе клятвы въ исполненіи законовъ такъ же, какъ оставляющій должность магистратъ давалъ клятву въ томъ, что магистратская присяга не была имъ нарушена. Въ исторіи Рима бывали случаи добровольнаго сложенія магистратскихъ полномочій до истеченія годового срока; были случаи и отрѣшенія отъ магистратской дѣятельности, которому предшествовало постановленіе народнаго собранія. Магистратъ, выбранный на остающуюся часть года, замѣнялъ смѣщеннаго магистрата. Ниже будетъ сказано о почетѣ, оказываемомъ бывшимъ магистратамъ; онъ сказывался не только въ правѣ называть себя консуларіями, преторіями и т. д. (стр. 304). Иногда являлось необходимымъ продолжать срокъ магистратуры, напр., для окончанія войны, въ позднѣйшее же время въ особенности при управленіи провинціями. Такимъ путемъ возникаетъ, между прочимъ, проконсульство.

Такъ какъ всѣ магистратуры были почетными, то магистратамъ не возмѣщали обыкновенно даже расходовъ, связанныхъ съ отправленіемъ ихъ обязанностей; напротивъ, они были нерѣдко принуждены дѣлать значительныя затраты изъ своего кармана, главнымъ образомъ, на игры. Взамѣнъ этого ихъ окружали высокими почестями, внѣшній блескъ которыхъ римляне въ высшей степени цѣнили въ противоположность любившимъ простоту грекамъ.

Кромѣ высокаго почета, оказываемаго магистратомъ и въ обыденной жизни, и какъ членамъ нобилитета (стр. 293), всѣ курульные чиновники носили оффиціальную одежду, украшенную пурпуровой каймой, которую они имѣли право надѣвать и по истеченіи ихъ службы во время торжествъ; внѣшніе почетные знаки отличія магистратовъ были крайне разнообразны. Особенно большое впечатлѣніе на чужестранцевъ производили, между прочимъ, пучки розогъ, обвязанныхъ краснымъ ремнемъ, съ воткнутымъ въ нихъ топоромъ; они служили символомъ принадлежащей магистрату власти надъ жизнью и смертью гражданъ внѣ предѣловъ города. Ихъ иесли передъ магистратомъ ликторы, число которыхъ колебалось въ зависимости отъ высоты ранга магистрата. Консуловъ и проконсуловъ подобно тому, какъ нѣкогда царей, сопровождало 12 ликторовъ.

Отдѣльныя магистратуры. Консулы.

Единственнымъ ограниченіемъ древней царской власти было распространеніе ея на двухъ представителей, о взаимоотношеніи власти которыхъ сказано было выше (стр. 296). Они избирались на одинъ годъ, называвшійся ихъ именемъ. Имя этихъ магистратовъ стоитъ въ связи съ ихъ военной (praetores—предводители) или судебной дѣятельностью (iudices—судьи); лишь съ теченіемъ времени укореняется харак-

терное, простое и многозначительное имя консула, означающее только „товарищъ“. Изъ числа разнообразныхъ полномочій древней царской власти военная власть была измѣнена и ограничена позднѣе и меньше всѣхъ. Консуламъ въ качествѣ полководцевъ принадлежалъ военный имперій, т.-е. верховное начальство въ связи съ властью надъ жизнью и смертью внѣ предѣловъ города (ср. выше). Консулы поэтому производили ежегодный наборъ рекрутовъ и первоначально назначали офицеровъ штаба, военныхъ трибуновъ; въ древнее время имъ принадлежало право объявленія войны и заключенія перемирія или мира, хотя впослѣдствіи консулы принуждены были считаться въ этихъ вопросахъ съ мнѣніемъ сената (стр. 304 сл.). Положеніе становилось затруднительнымъ, когда оба консула оказывались на одномъ и томъ же полѣ битвы, такъ какъ въ такомъ случаѣ главное командованіе должно было ежедневно переходить отъ одного къ другому. Изъ древней судебной власти царя консулы, въ качествѣ верховныхъ магистратовъ, сохранили прежде всего право не только наложенія дисциплинарныхъ взысканій, но и освобожденія отъ нихъ при наложеніи таковыхъ другими магистратами, за исключеніемъ трибуновъ. Имъ же принадлежало право добровольнаго судопроизводства, какъ, напримѣръ, отпуска на волю и усыновленія. Съ назначеніемъ преторовъ большинство судебныхъ полномочій перешло къ нимъ. Со времени введенія цензуры главнѣйшія функціи государственнаго управленія, попеченіе о государственномъ имуществѣ, перепись гражданъ, назначеніе сенаторовъ, выполненіе общественныхъ работъ состояли въ вѣдѣніи цензоровъ. До введенія цензуры множество величественныхъ зданій было воздвигнуто консулами. Консулы сохраняли значеніе и для законодательства; они не только созывали сенатъ и комиціи (стр. 304, 294), но предлагали и законопроекты, слѣдя въ то же время за исполненіемъ постановленій народныхъ собраній. Меньше всего сохранилось слѣдовъ отъ древней жреческой дѣятельности царя, всецѣло перешедшей на жрецовъ. Благочестивымъ воспоминаніемъ о минувшихъ временахъ было отправленіе консулами латинскаго праздника на Албанской горѣ.

Съ середины пятаго столѣтія, какъ обыкновенно принято думать (стр. 290), въ моменты трудныхъ войнъ и политическихъ смутъ, вмѣсто консуловъ, во главѣ государства стоятъ многочисленные военные трибуны.

При отлучкѣ изъ города, длящейся болѣе одного дня, консулы назначали себѣ замѣстителя, городского префекта. Съ того времени, когда наряду съ консулами въ Римѣ появились преторы, такое замѣстительство необходимо было только на время Латинскаго празднества, когда всѣ магистраты покидали городъ.

Преторы.

Значеніе, издревле придаваемое римлянами судопроизводству, ясно видно изъ того факта, что первой магистратурой, выдѣленной изъ консульской власти (367 г.), была претура, въ рукахъ которой находи-

лось гражданское судопроизводство. Со временемъ число преторовъ увеличилось, но претура не сдѣлалась, подобно консульству, коллегіальнымъ институтомъ. Каждому изъ преторовъ назначался опредѣленный кругъ дѣятельности. Высшій среди нихъ, замѣщавшій консула въ его отсутствіе, „городской преторъ“ рѣшалъ всѣ тяжбы между гражданами, „чужой“ преторъ—разсматривалъ тяжбы, въ которыхъ были замѣшаны иноземцы. Впослѣдствіи преторы назначались для управленія вновь покоренными провинціями, и съ этой цѣлью они снабжались, на ряду съ судебными полномочіями, полновластнымъ имперіемъ. Учрежденіе суда присяжныхъ свело дѣятельность преторовъ къ чисто-судебной; со времени Суллы они проводили свой служебный годъ въ Римѣ. Число преторовъ было доведено Суллою до 8, Цезаремъ до 16.

Курульные эдилы.

По образцу соотвѣтственной плебейской магистратуры (стр. 303), рядомъ съ претурой былъ созданъ курульный эдилитетъ. Два вновь созданные магистрата, принадлежавшіе по рангу и внѣшнимъ знакамъ отличія (стр. 298) къ числу магистратовъ, замѣщаемыхъ первоначально исключительно патриціями, завѣдывали вмѣстѣ съ плебейскими эдилами государственной полиціей. Имъ, между прочимъ, принадлежало право назначенія денежныхъ взысканій, противъ которыхъ существовала, однако, возможность апелляціи. Въ составъ ихъ обязанностей входилъ надзоръ за жизнью на улицахъ и площадяхъ, за общественной нравственностью, забота о содержаніи въ порядкѣ государственныхъ зданій, памятниковъ, улицъ, надзоръ за мѣрой и вѣсомъ на рынкахъ, охраненіе гражданъ отъ обмана; особенно важную роль въ экономическомъ развитіи государства играли мѣропріятія эдиловъ противъ вздорожанія зерна. Такъ какъ впослѣдствіи въ вѣдѣніе эдиловъ входило и устройство игръ, то магистратуру эту могли замѣщать только состоятельные люди.

Квесторы.

Двое квесторовъ принадлежали къ числу ближайшихъ помощниковъ царя; то же значеніе они первоначально имѣли и въ эпоху республики, какъ низшіе магистраты, назначаемые консулами. Съ конца пятаго столѣтія ихъ выбирали въ трибутныхъ комиціяхъ, при чемъ число ихъ росло съ теченіемъ времени; при Суллѣ ихъ было 20, при Цезарѣ 40. Юридическая дѣятельность квесторовъ вскорѣ совершенно заслонилась финансовой. Они охраняли государственную казну, aerarium и государственный архивъ въ храмѣ Сатурна (рис. 258), вѣдали платежами изъ государственной казны, взыскивали съ неплатящихъ должниковъ и подавали на нихъ въ судъ. Кромѣ того, квесторы пріобрѣли значеніе, сопровождая консуловъ и другихъ полководцевъ и намѣстниковъ на войну. Здѣсь они не только играли роль интендантовъ послѣднихъ, но нерѣдко являлись ихъ замѣстителями въ веденіи войны, судопроизводствѣ и управленіи. Исключительной самостоятель-

ностью пользовались четыре италійскихъ квестора, вѣдавшіе финансами союзниковъ и отчасти чрезвычайно важнымъ для Рима ввозомъ зернового хлѣба; округъ дѣятельности каждаго изъ нихъ опредѣлялся по жребію.

Цензоры.

Тогда какъ всѣ выше перечисленныя магистратуры, воплощавшія разныя степени правительственной власти, замѣщались новыми представителями ежегодно, надобность въ двухъ цензорахъ, дѣятельность которыхъ также была основана на принципѣ коллегіальной власти, возникала лишь каждыя пять лѣтъ при новой переписи гражданъ; ихъ активная служба продолжалась $1^1/_2$ года, а $3^1/_2$ года эта магистратура бездѣйствовала. Задачей цензоровъ съ половины пятаго столѣтія было составленіе гражданскихъ списковъ, что раньше входило въ кругъ обязанностей консуловъ, а также составленіе новыхъ податныхъ и рекрутскихъ списковъ. Передъ оффиціальнымъ помѣщеніемъ цензоровъ на Марсовомъ полѣ принимались и провѣрялись свѣдѣнія гражданъ, являвшихся по трибамъ, объ ихъ личности, имуществѣ и отношеніи къ военной службѣ. При этомъ, напримѣръ, провѣрка ценза всадника, признаннаго негоднымъ вмѣстѣ съ его конемъ, могла принять весьма драматическій оборотъ: всадникъ получалъ повелѣніе продать коня и такимъ образомъ исключался изъ всаднического сословія. Цензоры могли также исключить гражданина изъ трибы или изъ сената, который могъ такимъ путемъ быть до извѣстной степени заново составленнымъ. Ибо къ финансовой оцѣнкѣ вскорѣ присоединилась въ высшей степени странная и богатая послѣдствіями моральная оцѣнка; порицанія (notae) цензора за трусость или нерадѣніе по службѣ играли существенную роль въ общественной жизни Рима. Торжественная очистительная жертва заканчивала процедуру цензорской оцѣнки (стр. 287). Изъ указанныхъ цензорскихъ полномочій постепенно развиваются дальнѣйшія: съ одной стороны, отдача въ аренду государственной собственности, отдача налоговъ на откупъ, равно какъ завѣдываніе государственными расходами, надзоръ за крупными общественными работами; съ другой стороны, нравственное воздѣйствіе на явленія частной жизни, нежелательныя съ религіозной или нравственной точки зрѣнія. Въ виду выдающагося значенія цензуры, при исполненіи обязанностей которой римлянинъ во времена нравственнаго подъема могъ проявить все присущее ему чувство достоинства и моральную строгость, понятно, что она считается особенно почетной должностью, вслѣдствіе чего ее часто занимаютъ и къ ней стремятся бывшіе консулы, несмотря на то, что цензура была лишена имперія и въ магистратской іерархіи слѣдовала за претурой. Съ паденіемъ республики исчезаетъ постепенно и цензура.

Народные трибуны.

Народные трибуны, сыгравшіе очень существенную роль въ развитіи римской конституціи, а тѣмъ самымъ въ эволюціи конститу-

ціоннаго принципа вообще, своеобразно контрастируютъ съ вышеописанными магистратурами. По общепринятому мнѣнію, тотчасъ по основаніи республики (стр. 289), плебсъ одержалъ свою первую побѣду введеніемъ двухъ народныхъ трибуновъ; уже въ половинѣ пятаго столѣтія ихъ число достигло десяти. Трибунъ, являвшійся всей сущностью своей не столько магистратомъ, сколько представителемъ плебейской массы народа, изъ среды котораго и которымъ онъ избирался, сначала представляетъ собой лишь рѣзкую оппозицію всѣмъ остальнымъ магистратурамъ, являясь такимъ образомъ чисто-негативнымъ противовѣсомъ позитивной власти имперія. Трибунамъ принадлежало прежде всего право охранять свое сословіе отъ произвола патриційскихъ магистратовъ, особенно въ случаяхъ привлеченія къ военной службѣ или лишенія свободы за долги; пользуясь правомъ „intercessio", они могли заявлять протестъ противъ всякой мѣры другого магистрата, могли прерывать засѣданія сената, а также народныя собранія. Они имѣли даже право прибѣгать въ этихъ случаяхъ къ насилію; отказывающійся отъ повиновенія трибуну былъ въ его власти; онъ могъ его казнить смертью, могъ сбросить его съ Тарпейской скалы. Трибуны же сами являлись неприкосновенными (sacrosanctus); лишь въ судопроизводствѣ существовала возможность апелляціи противъ постановленія трибуна. Изъ негативной дѣятельности трибуновъ, однако, вскорѣ должна была развиться очень существенная позитивная. Пользуясь правомъ созыва плебеевъ, трибуны со временемъ говорили съ народомъ въ трибутныхъ комиціяхъ, предлагая свои законопроекты. Съ первой половины третьяго столѣтія имъ принадлежало право внесенія предложеній въ сенатъ и созыва его. Въ политическихъ процессахъ судебная дѣятельность трибуновъ, несмотря на право провокаціи, могла стать опасной для аристократіи, тѣмъ болѣе, что сами народные трибуны были неприкосновенны. — Несмотря на то, что трибуны, не носившіе внѣшнихъ знаковъ отличія патриційскихъ магистратовъ (стр. 298), не имѣвшіе права вывѣдыванія ауспицій и изданія эдиктовъ, все-таки могли парализовать силу имперія, тѣмъ не менѣе, въ стройной системѣ римской конституціи, стремящейся ограничивать одну компетенцію другой, существовали и нѣкоторыя стѣсненія трибунской власти. Во-первыхъ, трибунамъ, имѣвшимъ право дѣйствовать только лично, было запрещено покидать городъ и выѣзжать за предѣлы перваго мильнаго камня; вслѣдствіе этого они были безсильны передъ военнымъ имперіемъ, дѣйствовавшимъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ въ предѣлахъ города (стр. 296). Кромѣ того, трибуны составляли коллегію и среди десяти человѣкъ ея всегда могъ найтись одинъ, который своимъ „veto" имѣлъ возможность парализовать дѣятельность остальныхъ. Окончательное развитіе трибуната приняло очень своеобразный харак-

теръ. Онъ остался вѣренъ традиціонному своему назначенію—воплощенію оппозиціи, понятіе, съ которымъ и въ наше время связано выраженіе — народный трибунъ. Трибунатъ, выросшій на почвѣ политической борьбы плебеевъ, взялъ на себя въ великой революціи послѣдняго столѣтія римской республики веденіе новой соціально-политической борьбы; временно подавленный реакціей Суллы, онъ способствовалъ переходу республики къ монархіи (стр. 291 сл.).

Плебейскіе эдилы.

Въ качествѣ помощниковъ народныхъ трибуновъ двое эдиловъ [имя ихъ произведено отъ слова aedes и стоитъ въ связи съ храмомъ Цереры (aedes Cereris), въ которомъ хранился плебейскій архивъ] завѣдывали въ Римѣ полиціей. Впослѣдствіи, когда введена была болѣе почетная магистратура патриційскихъ эдиловъ, въ связи съ дальнѣйшей сословной нивелировкой, обѣ коллегіи сливаются, и всѣ эдилы по рангу становятся даже выше народныхъ трибуновъ, которымъ они въ древнія времена были до извѣстной степени подчинены.

Экстраординарный империй.

Мы видѣли, что империй ограниченъ былъ въ строгой планомѣрности коллегіальностью власти или раздѣленіемъ его между многими носителями; его сдерживала, съ другой стороны, постоянная угроза протестомъ со стороны власти, имѣвшей возможность парализовать его дѣйствіе; тѣмъ не менѣе, въ случаяхъ исключительной опасности возникала необходимость въ полновластномъ, безапелляціонномъ имперіи, которымъ не обладалъ даже царь. Тотъ фактъ, что римское государство такъ спокойно прибѣгаетъ къ столь опасному самому по себѣ, кратковременному исключительному средству, доказываетъ всю устойчивость его, въ противоположность греческой государственной организаціи. Въ древнее время для веденія войны съ внѣшнимъ или внутреннимъ врагомъ (для производства выборовъ, судебныхъ разбирательствъ и даже для нѣкоторыхъ религіозныхъ мѣропріятій) по постановленію сената однимъ изъ консуловъ назывался диктаторъ, который самъ назначалъ себѣ помощника и замѣстителя въ лицѣ начальника конницы. Всѣ магистраты были ему подчинены, поскольку ихъ функціи оставались за ними; противъ его постановленія въ первое время были безсильны какъ протестъ трибуна въ предѣлахъ города, такъ и апелляція къ народу. Это полновластіе ограничивалось только точнымъ опредѣленіемъ цѣли и срочностью. По прекращеніи власти диктатора или сложенія имъ съ себя должности магистратомъ, вручившимъ ему имперій, диктаторъ слагалъ свои полномочія; дольше шести мѣсяцевъ онъ ни въ коемъ случаѣ не пользовался своей властью. Кромѣ всѣхъ отличій высшаго магистрата, ему полагались 24 ликтора. Послѣ второй пунической войны древняя диктатура замѣняется въ критическія времена полномочіями, предоставляющими консуламъ исключительныя права военнаго времени; они передавались консуламъ сенатомъ при посредствѣ торжественной фор-

Диктаторъ.

мулы: „да позаботятся консулы о невредимости республики“ (videant consules, ne quid detrimenti respublica capiat). — Диктатуры Суллы и Цезаря являются исключительными, не имѣющими ничего общаго съ древнимъ законнымъ институтомъ. Исключительнымъ явленіемъ была передача всей власти съ упраздненіемъ остальныхъ магистратуръ коллегіи децемвировъ, которой поручена была кодификація права (стр. 289 сл.), а также совершенно незаконный или только прикрытый кажущейся законностью захватъ полновластія знаменитыми тріумвиратами конца республики (60 и 43 гг.).

Низшіе и экстраординарные магистраты.

Среди коллегій низшихъ магистратовъ, имя которыхъ производилось отъ числа членовъ каждой коллегіи, выдѣляются нѣкоторыя, игравшія извѣстную роль въ области правосудія; изъ числа магистратовъ, назначаемыхъ въ исключительныхъ случаяхъ, кромѣ вышеназванныхъ (стр. 299), слѣдуетъ упомянуть о комиссіяхъ для земельныхъ раздачъ и выведенія колоній.

Сенатъ.

Какъ ни велико было значеніе магистратовъ въ Римѣ, главная роль въ государственной жизни принадлежала не имъ. Въ странѣ, свято хранившей всякую традицію, управлять Римомъ и римскимъ государствомъ призвана была корпорація сенаторовъ, функціонирующихъ при нормальныхъ условіяхъ пожизненно. Въ знаменитой формулѣ, понятной всякому образованному человѣку даже въ сокращеніи (S. P. Q. R.), римскій сенатъ признаетъ за собой суверенитетъ, равный народному. Въ лицѣ римскаго сената мы имѣемъ образецъ своеобразнаго государственнаго совѣта, не похожаго ни на одно изъ совѣщательныхъ учрежденій Греціи. Названный однимъ изъ эллиновъ въ эпоху своего высшаго расцвѣта собраніемъ царей, сенатъ во всѣ эпохи міровой исторіи былъ и остался недосягаемымъ образцомъ. При всѣхъ фактическихъ колебаніяхъ числа членовъ сената нормальный составъ его опредѣлялся въ древнѣйшее время въ 300 сенаторовъ; это число, согласно общепринятому мнѣнію, вскорѣ послѣ изгнанія царей было увеличено принятіемъ въ среду сената членовъ наиболѣе почтенныхъ плебейскихъ семействъ. Уже съ древнихъ временъ этотъ почтенный государственный совѣтъ стремился использовать опытъ бывшихъ магистратовъ принятіемъ ихъ въ число своихъ членовъ. Такимъ образомъ сенатъ косвеннымъ образомъ зависѣлъ отъ народнаго выбора, напоминая въ этомъ отношеніи аѳинскій ареопагъ, правда, шедшій въ своемъ развитіи обратнымъ путемъ (Э. К., стр. 255 сл.), отъ суверенитета къ чисто-призрачному существованію. Когда поэтому цензорамъ съ середины пятаго столѣтія было поручено пополненіе римскаго сената, этотъ фактъ не создалъ серьезныхъ измѣненій, такъ какъ обычай, а впослѣдствіи опредѣленныя узаконенія, предписывали цензорамъ принимать въ сенатъ бывшихъ курульныхъ магистратовъ, пользовавшихся безупречной славой. Со вре-

мени Гракховъ въ него принимались и бывшіе народные трибуны, и такимъ образомъ число фактически „назначенныхъ“ сенаторовъ при нормальныхъ политическихъ условіяхъ было очень невелико. Властью цензоровъ изъ сената исключались недостойные члены его (стр. 301).

Засѣданіе сената отличалось свойственнымъ римлянамъ строгимъ порядкомъ и благороднымъ достоинствомъ. Украшенные знаками курульнаго достоинства (стр. 297), сенаторы по созыву магистрата, облеченнаго имперіемъ, или народнаго трибуна собирались на форумѣ; затѣмъ, по зову глашатая, они отправлялись въ курію Гостилію, находившуюся близъ рынка, или же въ одинъ изъ ближайшихъ знаменитыхъ храмовъ. Денежные штрафы и соотвѣтственныя узаконенія приковывали сенаторовъ въ тяжелыя времена къ городу и ограждали сенатъ отъ невозможности постановлять рѣшенія за отсутствіемъ законнаго числа членовъ, что̀ такимъ недостойнымъ образомъ характеризуетъ современные парламенты. Въ зависимости отъ рѣшаемаго вопроса опредѣлялась необходимость присутствія половины или трети сенаторовъ. Обычными днями засѣданій были календы (первое число мѣсяца) или иды (13-ое или 15-ое число мѣсяца); великій Цезарь палъ жертвой убійцъ на достопамятномъ засѣданіи сената въ день мартовскихъ идъ (15) 44 года. Посредѝнѣ собранія возсѣдалъ на возвышенномъ мѣстѣ магистратъ, созвавшій сенатъ, народные же трибуны сидѣли на назначенныхъ для нихъ скамьяхъ, на которыя они были переведены вскорѣ послѣ основанія трибуната съ своихъ первоначальныхъ мѣстъ, находившихся передъ залой засѣданія вокругъ предсѣдателя располагались сенаторы, безъ строго опредѣленныхъ мѣстъ. Послѣ ауспицій, обыкновенно, слѣдовалъ личный докладъ предсѣдательствующаго магистрата; по его требованію или по требованію одного изъ сенаторовъ слѣдовали пренія, происходившія въ строгомъ порядкѣ, при которомъ заслушивались по порядку старшинства мнѣнія магистратовъ и бывшихъ магистратовъ, на первомъ же мѣстѣ „главы“ (princeps), назначеннаго по довѣрію сената. Послѣ высказаннаго личнаго мнѣнія или присоединенія къ одному изъ мнѣній предшествовавшихъ ораторовъ, — не опрашивать можно было только не магистратовъ или тѣхъ, кто никогда не былъ магистратомъ — слѣдовало голосованіе: всѣ, кромѣ магистратовъ, расходились по разнымъ сторонамъ залы засѣданія. Между фактическимъ постановленіемъ сената (senatus consultum) и сенатскимъ одобреніемъ (senatus auctoritas) дѣлалась рѣзкая разница; послѣднее въ силу какого-либо формальнаго упущенія или высказаннаго протеста имѣло только моральную, а не законную силу. Предсѣдательствующій магистратъ объявлялъ рѣшеніе сената и передавалъ его квесторамъ для сохраненія въ архивѣ (tabularium).

Въ римскомъ сенатѣ, имѣвшемъ искони только значеніе совѣщательнаго органа, въ эпоху его расцвѣта соединяются всѣ нити государственнаго управленія. Магистраты во всѣхъ существенныхъ дѣлахъ совѣщаются съ сенатомъ. Самой важной областью управленія являлись внѣшнія политическія сношенія. Сенатъ оказываетъ свое вліяніе на отношенія къ чужеземнымъ государствамъ и монархамъ, даруя имъ почетные титулы вродѣ „союзника“, „друга“, или „царя“, отъ него зависитъ положеніе провинціаловъ, его вліяніе сказывается на вопросахъ о войнѣ и мирѣ, которые рѣшалъ народъ (стр. 294 сл.). Все опредѣленнѣе укоренялся обычай посылать полководцу при заключеніи имъ какихъ-либо условій или договоровъ для совѣщанія сенатскую комиссію изъ десяти человѣкъ; ихъ можно сравнить съ эфорами, сопрово-

Рис. 172. ВИДЪ НА ПОМПЕЯНСКІЙ ФОРУМЪ ПО НАПРАВЛЕНІЮ КЪ ВЕЗУВІЮ.
«Aus dem klassischen Süden», Tf. 24.
Типичная эллинистическая картина замкнутой рыночной площади провинціальнаго городка, которую окружали только офиціальныя зданія. Видъ съ Ю. на С. (ср. планъ на рис. 302). На переднемъ планѣ видны базы статуй императоровъ (A, 3 и b), на другомъ концѣ храмъ Юпитера (H) съ аркой (G). Большая база на переднемъ планѣ выстроена въ техникѣ opus reticulatum (сѣтовидная кладка, изъ квадратныхъ кусковъ туфа, очень распространенная въ Помпеяхъ и Римѣ со временъ Августа).

ждавшими, ведущаго войну, спартанскаго царя (Э. К., стр. 83 сл.). Отправлялись блестящія посольства и непосредственно изъ числа сенаторовъ, сенатъ же въ свою очередь принималъ иноземныя и царскія посольства, такъ же какъ и лично царей. Надзоръ сената за провинціями является тѣмъ болѣе естественнымъ, что ему принадлежитъ высшій надзоръ за финансами. Сенатъ же дѣлаетъ постановленія о налогахъ и податяхъ, исполненіе которыхъ было дѣломъ магистратовъ; сенатъ опредѣляетъ также экстраординарные расходы, необходимые на войну, религіозныя нужды и почести. Въ связи съ этимъ онъ имѣлъ право требовать отчета у магистратовъ въ управленіи финансами и предавать ихъ, въ случаѣ неисправности, суду. Чисто судебныя компетенціи сената ограничивались только тѣмъ, что изъ его среды набирались судьи для отдѣльныхъ судебныхъ палатъ. Вліяніе сената распространялось даже на веденіе войны, такъ какъ отъ него зависѣли утвержденіе рекрутскихъ наборовъ и опредѣленіе величины войска, мѣста военнаго

дѣйствія полководцевъ, которымъ онъ могъ продлить срокъ ихъ командованія и наградить ихъ почестями. На законодательство сенатъ оказывалъ воздѣйствіе постольку, поскольку было необходимо его предварительное одобреніе проектовъ рѣшеній, предлагаемыхъ народному собранію, и поскольку члены сената могли въ него вносить новыя предложенія. Для благочестивыхъ римлянъ большое значеніе имѣли и религіозныя мѣропріятія сената. Сенатъ назначалъ торжества для умилостивленія боговъ или для очищенія гражданъ, особенно въ дни тяжелыхъ бѣдствій; онъ наблюдалъ за культомъ, вводилъ чужеземные культы или предотвращалъ ихъ чрезмѣрное распространеніе. Наконецъ въ дни государственныхъ смутъ, какъ мы видѣли (стр. 303), сенатъ даруетъ консуламъ экстраординарныя полномочія.

Рис. 173. ОЛИЦЕТВОРЕНІЕ ОДНОЙ ИЗЪ ПРОВИНЦІЙ. СЪ БАЗЫ ХРАМА НЕПТУНА ВЪ РИМѢ.
Фотографія.
Обувь, широкіе штаны, торевтически законченный греческій панцырь наводятъ на мысль объ олицетвореніи какого-нибудь малоазійскаго народа.

Такъ какъ исконный государственный строй Рима въ сущности представляетъ изъ себя только строй города съ принадлежащей къ нему сельской территоріей, то и остальныя городскія общины съ прилегающими къ нимъ территоріями были организованы по его образцу, въ зависимости отъ широты предоставленныхъ имъ гражданскихъ правъ (стр. 292 сл.). Поскольку городами управляли римскіе магистраты, управленіе ихъ было коммунальнымъ. Во главѣ городовъ стояли два судебныхъ магистрата, съ которыми были сочинены два полицейскихъ; кромѣ нихъ существовали общинный совѣтъ, состоявшій большей частью изъ ста пожизненныхъ членовъ, и народное собраніе (рис. 172). Управленіе провинціями (рис. 173), положеніе которыхъ отличалось отъ подвластныхъ италійскихъ общинъ, главнымъ образомъ, податной зависимостью, находилось въ рукахъ римскихъ верховныхъ магистратовъ. Первоначально ими являлись преторы (стр. 299 сл.), со временъ Суллы—бывшіе преторы или консулы, посылаемые въ провинціи въ качествѣ намѣстниковъ. Полновластіе этихъ

Коммунальное и провинціальное управленіе.

намѣстниковъ вскорѣ привело къ притѣсненіямъ провинціаловъ, создалась практика управленія провинціями, бросающая мрачную тѣнь на блестящую картину республиканскаго государственнаго управленія. Несмотря на то, что государство широко обезпечивало намѣстниковъ, предоставляя имъ возможность обставить жизнь условіямп, достойными ихъ высокаго служебнаго положенія, они часто не находили границъ въ эксплуатаціи несчастныхъ провинціаловъ, предоставляя нерѣдко это выжиманіе соковъ изъ населенія откупщикамъ.

Со временъ великихъ революціонеровъ, съ эпохи Гракховъ и въ провинціяхъ насаждались такъ называемыя колоніи. Это основаніе колоній внесло значительное улучшеніе въ общее соціальное положеніе. Новыя колоніи были не только военными опорными пунктами, подобно древнимъ колоніямъ Италіи, ихъ цѣлью было обезпеченіе землей бѣдныхъ горожанъ, а со временъ Суллы и ветерановъ, что подготовило почву для процесса романизаціи провинцій. Поселенные въ уже раньше существовавшемъ городѣ, пришлые римскіе колонисты составляли тамъ аристократическій классъ населенія. Несмотря на сохраненіе большинствомъ провинціальныхъ городовъ своего управленія и своего судопроизводства, городской намѣстникъ раздѣлялъ провинціи на отдѣльные судебные округа (конвенты), гдѣ и отправлялъ правосудіе. Кромѣ того, представители отдѣльныхъ общинъ для рѣшенія общихъ дѣлъ собирались на земскихъ собраніяхъ.

2. ПРАВО

Въ періодъ своего зарожденія римское п р а в о не отличается тѣмъ характеромъ законченности, который мы склонны были бы ему приписать. Письменное закрѣпленіе обычнаго права, какъ вездѣ въ мірѣ, такъ и у грековъ (Э. К., стр. 76 сл.) являлось крупнымъ шагомъ впередъ, по сравненію съ первобытными временами. Кодификація римскаго права, какъ мы убѣдились выше (стр. 289), была произведена децемвирами. Тѣмъ не менѣе Законы Двѣнадцати Таблицъ, нѣкогда установленные децемвирами, оказались недостаточными; поэтому и послѣ появленія писанныхъ законовъ п р е т о р ъ, при вступленіи въ свою должность, всегда издавалъ э д и к т ъ, въ которомъ излагалъ принципы, которыми онъ собирался руководиться при отправленіи правосудія; изъ этихъ отдѣльныхъ эдиктовъ вырастаетъ постоянный преторскій эдиктъ. Такъ же, какъ и въ Греціи, мы наблюдаемъ въ Римѣ другое важное явленіе: съ магистратскими функціями управленія неразрывно связана судебная дѣятельность. Римское право опредѣленно разграничило отдѣльныя области судопроизводства, сохранившіяся и понынѣ. Г р а ж д а н с к о е п р а в о, распространяющееся на отдѣльныхъ личностей и ихъ интересы, ограничивается, какъ видно уже по названію его, только

гражданами, тогда какъ съ иноземцами поступали на основаніи заключенныхъ съ ними договоровъ, при отсутствіи которыхъ они были совершенно безправны. Рядомъ съ гражданскимъ существовало уголовное право, охранявшее интересы государства и считавшее убійство, поджогъ, безнравственность, волшебство преступленіями, угрожающими государству. Судопроизводство, предоставленное въ широкихъ размѣрахъ каждому магистрату въ предѣлахъ круга его дѣятельности, вольное судопроизводство при отпускахъ на свободу и усыновленіяхъ, наконецъ, третейскій судъ, рѣшающій дѣла по справедливости, уживались одновременно въ Римѣ. Суровость древнихъ правовыхъ понятій, ставившихъ отца въ совершенно исключительное положеніе (стр. 283), постепенно смягчалась проникновеніемъ въ римское гражданское право нормъ права, основаннаго на справедливости, которымъ руководствовались не граждане—такъ-называемаго международнаго права.

Процедура.

Устный и публичный разборъ всѣхъ тяжбъ на форумѣ, обычай назначенія совѣтчиковъ судьѣ или третейскому судьѣ, особенно же прирожденная способность южанина къ остроумному различенію, способствовали выработкѣ опредѣленныхъ юридическихъ нормъ на почвѣ практическаго ихъ примѣненія.

Гражданскій процессъ.

Веденіе гражданскаго процесса долгое время находилось исключительно въ рукахъ преторовъ (стр. 299 сл.), пока не обнаружилась необходимость создать особыхъ магистратовъ для провинціальныхъ городовъ, магистратовъ, выбираемыхъ самими этими городами.

Подобно тому какъ это водилось въ греческомъ правѣ, и въ римскомъ (Э. К., стр. 86), истецъ самъ доставлялъ отвѣтчика въ судъ и могъ принудить его при посредствѣ свидѣтелей къ появленію въ судѣ; въ болѣе позднія времена за появленіе отвѣтчика на судѣ могъ отвѣчать поручитель. Въ опредѣленные религіозными соображеніями судебные дни преторъ, сидя среди комиція на возвышенномъ трибуналѣ подъ открытымъ небомъ, до захода солнца отправлялъ судопроизводство; веденіе процесса начиналось произнесеніемъ древнихъ традиціонныхъ формулъ, сохранившихъ слѣды первобытнаго самосуда. Если положеніе вещей было просто, преторъ лично постановлялъ приговоръ. Нерѣдко же онъ передавалъ рѣшеніе дѣла отдѣльному судьѣ или коллегіи изъ 3—5 судей, которыхъ онъ съ согласія сторонъ назначалъ по составленному имъ заранѣе списку (album). Вопросъ о сословіи, изъ котораго выбирались судьи, игралъ крайне важную политическую роль; римскій судъ, къ сожалѣнію, не всегда оказывался свободнымъ отъ партійности. Гракхъ лишилъ сенаторовъ права поставлять судей, передавъ его всадникамъ; послѣ реакціонной попытки Суллы вновь предоставить его сенаторамъ, суды съ 70 г. до Р. Хр. состояли изъ равнаго числа сенаторовъ, всадниковъ и гражданъ плебеевъ, платившихъ наивысшіе налоги. Постоянныя судебныя коллегіи существовали только для нѣкоторыхъ категорій дѣлъ, особенно для процессовъ, касающихся отпуска на волю и для рѣшенія тяжбъ по вопросамъ наслѣдства. Передъ судьей имѣли право слова какъ истецъ, такъ и отвѣтчикъ. Они могли лично доказывать и опровергать, или же поручить дѣло защитнику (patronus). За совѣщаніемъ судей слѣдовало голосованіе при помощи табличекъ, снабженныхъ буквами A (absolvo) и C (condemno); послѣ голосованія объявлялся приговоръ. Однако, по истеченіи опредѣленнаго срока, дѣло могло быть разсмотрѣно вторично.

Уголовный процессъ.

Преторы, а до введенія претуры консулы, принимали участіе и въ ходѣ уголовнаго процесса. Суммарное веденіе дѣла допускалось только въ процессахъ обыкновенныхъ преступниковъ низкаго сословія передъ особымъ составомъ суда. Благодаря возникшему уже въ періодъ царей праву провокаціи къ народу, исконное карательное право магистратовъ переходитъ къ народному собранію—комиціямъ, причемъ центуріатныя комиціи рѣшали вопросъ о присужденіи къ смертной казни, трибутныя—о наложеніи высокихъ денежныхъ штрафовъ. Вслѣдствіе перегруженія народнаго собранія дѣлами, сначала были введены экстраординарные суды для частныхъ случаевъ, а съ 146 года постоянные суды для опредѣленныхъ категорій преступленій. Очень характерно, что необходимость въ такомъ судѣ впервые возникла для рѣшенія дѣлъ о вымогательствахъ алчныхъ провинціальныхъ намѣстниковъ и откупщиковъ налоговъ; съ теченіемъ времени число этихъ судебныхъ палатъ, во главѣ которыхъ стояли преторы или бывшіе эдилы, достигло восьми.

Истецъ ходатайствовалъ передъ преторомъ о разрѣшеніи подать жалобу. При наличности нѣсколькихъ истцовъ, въ предварительномъ обсужденіи рѣшался вопросъ о томъ, кого допустить жалобщикомъ. Затѣмъ преторъ вносилъ имя обвиняемаго въ

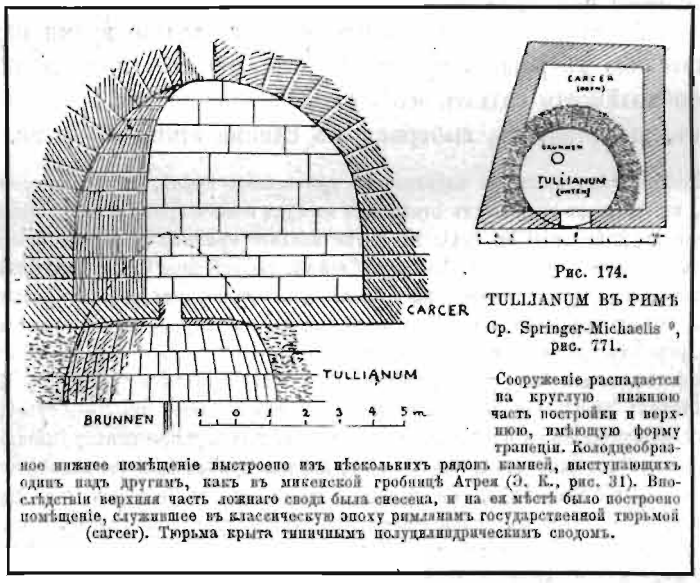

Рис. 174.
TULLIANUM ВЪ РИМѢ
Ср. Springer-Michaelis [9], рис. 771.

Сооруженіе распадается на круглую нижнюю часть постройки и верхнюю, имѣющую форму трапеціи. Колодцеобразное нижнее помѣщеніе выстроено изъ нѣсколькихъ рядовъ камней, выступающихъ одинъ надъ другимъ, какъ въ микенской гробницѣ Атрея (Э. К., рис. 31). Впослѣдствіи верхняя часть ложнаго свода была снесена, и на ея мѣстѣ было построено помѣщеніе, служившее въ классическую эпоху римлянамъ государственной тюрьмой (carcer). Тюрьма крыта типичнымъ полуцилиндрическимъ сводомъ.

свой списокъ и вызывалъ его на допросъ. Въ несложныхъ случаяхъ, преторъ и здѣсь рѣшалъ дѣло лично, въ сложныхъ же онъ передавалъ веденіе его соотвѣтственному постоянному суду, если же вопросъ касался смертной казни—то комиціямъ. Въ первомъ случаѣ истецъ и обвиняемый произносили свои рѣчи, послѣ чего приводились документальныя и свидѣтельскія доказательства, судьи присягали и слѣдовало голосованіе. При разсмотрѣніи дѣла передъ судомъ народа, требовался разборъ его въ три срока, послѣ чего переходили къ голосованію. Объявленіе приговора и наложеніе наказанія закан-

чивали процессъ. Защитники (patroni) играли въ уголовномъ процессѣ большую роль. Защита или обвиненіе выдающихся людей покрывали новичка славой и пробивали ему путь къ государственнымъ должностямъ. Эти патроны не пренебрегали никакими средствами для достиженія своихъ цѣлей. Кромѣ нихъ въ судъ нерѣдко являлись добрые знакомые обвиняемаго (advocati), защищая его вѣскостью своего положенія въ городѣ. Въ Римѣ, точно такъ же какъ и въ Аѳинахъ, допускалось воздѣйствіе на судей стонами, слезами, траурной одеждой, приведеніемъ въ судъ дѣтей или родныхъ обвиняемаго.

Наказанія.

Въ видѣ кары налагались денежныя взысканія, подсудимый приговаривался къ изгнанію, ставшему съ теченіемъ времени обычной замѣной смертной казни, наконецъ, къ смертной казни. Приговореннаго къ смерти обыкновенно убивали ударомъ топора; древній обычай сбрасыванія съ Тарпейской скалы былъ со временемъ преданъ забвенію; по отношенію къ иноземцамъ и рабамъ примѣнялась жестокая казнь—смерть на крестѣ. Съ смертной казнью и запрещеніемъ общей воды и общаго огня была связана конфискація имущества. Можно было избѣжать обоихъ наказаній добровольнымъ уходомъ въ изгнаніе до судебнаго приговора (exilium); въ послѣднія времена республики къ изгнанію прибѣгали, какъ къ самостоятельной карѣ (ср. рис. 174).

3. ФИНАНСЫ

Монета.

Основа всякой упорядоченной финансовой системы, чеканная монета, вводится въ Римѣ съ половины пятаго столѣтія до Р. Х. Римъ, какъ своей монетой, такъ и основами систематическаго государственнаго хозяйства, обязанъ децемвирамъ. Въ былыя времена единицей оцѣнки служилъ скотъ—какъ показываетъ римское слово pecunia,—кромѣ того мѣдь, въ формѣ литыхъ брусковъ. На обычной у италійцевъ мѣдной монетѣ—асѣ, распадавшемся по дуодецимальной системѣ на 12 унцій, въ Римѣ изображалась голова Януса (рис. 148); своей цѣнностью асъ соотвѣтствовалъ 50 пфен. Послѣ побѣды надъ Пирромъ начали чеканить серебряную монету, соотвѣтствующую аттической драхмѣ и называвшейся денаріемъ, такъ какъ она соотвѣтствовала десяти асамъ, курсировавшимъ отнынѣ и отдѣльно, какъ мелкая монета. Такимъ образомъ, на Западѣ и на Востокѣ Европы существовала одна монетная единица, цѣнность которой (78 пфен.) равняется монетной единицѣ, распространенной въ большинствѣ государствъ и въ наше время (Э. К., стр. 89). Въ основу оцѣнки, правда, клали древнюю валюту, беря за единицу счета сестерцій, т.-е. монету въ $2^1/_2$ аса, стоимостью въ $17^1/_2$ пфен. Черезъ полстолѣтія, послѣ введенія чеканки серебра, начали чеканить и золото, что, однако, опредѣленно утверждается только со времени имперіи, т.-е. Цезаря.

Государственные налоги.

Такъ какъ по римскимъ воззрѣніямъ всѣ общинныя земли покореннаго врага переходили въ законную собственность государства, то, естественно, главнымъ источникомъ государственныхъ дохо-

довъ для Рима сдѣлались завоеванія, даже въ томъ случаѣ, если государство, слѣдуя установленному обычаю, отчуждало въ свою пользу лишь треть покоренной территоріи. Въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ этими домэнами управляло само римское государство. Обыкновенно всѣ земли, за исключеніемъ земель, предоставленныхъ гражданамъ или латинамъ (стр. 292), для насажденія колоній на правахъ полной собственности, отдавались государствомъ, какъ общественная земля (ager publicus) въ пользованіе гражданъ, плативших государству изъ доходовъ налоги.—Повинность эта часто исполнялась очень нерадиво, что вынудило государство въ концѣ концовъ совершенно отказаться отъ этого источника доходовъ. Невоздѣланная земля приносила доходы какъ общественное пастбище; государство эксплуатировало также лѣса, рѣки и озера съ ихъ рыбными ловлями. Тогда какъ италики, только однажды, при покореніи ихъ были принуждены отдавать часть земли Риму, провинціальныя земли по римскому воззрѣнію оставались навсегда государственной собственностью. Правда, и по отношенію къ нимъ примѣнялись иногда мѣры, принятыя по отношенію къ италикамъ, но чаще всего провинціалы оставались владѣльцами своей земли и Римъ требовалъ отъ нихъ лишь уплаты податей. При этомъ римляне, разумно приспособляясь къ мѣстнымъ обычаямъ, взимали налоги то въ видѣ поземельной подати, то въ видѣ подушнаго сбора. Поземельные налоги въ иныхъ случаяхъ сливались съ подоходными, какъ напр. десятая доля урожая въ Сициліи и Азіи; часто же побѣдоносный полководецъ назначалъ разъ навсегда stipendium, т.-е. опредѣленную сумму налога.

Государственныя земли.

Налоги.

По сравненію съ египетской системой налоговъ (стр. 30 сл.), налоги, существовавшіе въ другихъ странахъ, представляются незначительными. Самыми существенными среди нихъ являются пошлины на ввозимые товары. Существовала также пошлина на отпускъ на волю, главной цѣлью которой было, вѣроятно, воспрепятствовать слишкомъ широкому пользованію отпускомъ на волю рабовъ.

Таможенныя пошлины.

Подобно тому, какъ это было въ Аѳинахъ (Э. К., стр. 253), и въ Римѣ къ числу экстраординарныхъ доходовъ принадлежалъ прямой подоходный налогъ, взимавшійся въ военное время (tributum); этотъ налогъ, однако, скорѣе носилъ характеръ государственнаго займа, такъ какъ обыкновенно возвращался изъ суммы военныхъ контрибуцій, выплачиваемыхъ непріятелемъ. Характернымъ является совершенное исчезновеніе этого налога послѣ столь успѣшной въ финансовомъ отношеніи третьей македонской войны (167). Продолжалось лишь взиманіе налога съ низшаго имущественнаго класса, освобожденнаго отъ военной службы. Военныя контрибуціи достигали высокихъ размѣровъ, часто значительно превосходя военныя издержки и обильно наполняя государственную казну, тогда какъ военную добычу

Налоги на имущество.

Военныя контрибуціи.

полководецъ распредѣлялъ среди солдатъ.—Конфискаціи имущества также приносили иногда государству, недопустимые на нашъ взглядъ, высокіе доходы, по сравненію съ которыми регулярные денежные штрафы составляли менѣе значительный источникъ дохода.—Однимъ изъ оригинальнѣйшихъ явленій было завѣщаніе монархами своихъ владѣній римскому народу (стр. 194). Конфискація имущества. Наслѣдства.

По сравненію съ этими обширными доходами расходы, на современный взглядъ, были невелики. Высшія государственныя магистратуры, за исключеніемъ намѣстничества, считались „почетомъ“ (honores), низшіе же чиновники получали скромные оклады. Намѣстникамъ провинцій платились большія суммы, съ цѣлью обезпеченія имъ возможности быть достойными представителями государства. Даже войско не требовало высокихъ расходовъ, такъ какъ регулярно выплачиваемое ему съ конца V в. жалованіе по окончаніи войны взималось съ покореннаго врага. Даже значительные расходы по сооруженію и содержанію построекъ мирнаго времени, развалины которыхъ продолжаютъ возбуждать наше удивленіе, расходы по постройкѣ общественныхъ зданій, храмовъ, термъ, по сооруженію улицъ, водопроводовъ, базаровъ и пристаней отчасти покрывались налогами, которые взимались съ пользовавшихся всѣми этими учрежденіями. Высокія издержки, связанныя съ религіознымъ культомъ и устройствомъ игръ, возлагались на плечи магистратовъ (стр. 298), такъ что бюджетъ культа, затраты на жалованье жрецамъ и организацію торжествъ не требовали значительныхъ затратъ со стороны государства. Новыя и очень высокія финансовыя обязательства возникаютъ со времени великой соціальной реформы Гракховъ въ видѣ хлѣбныхъ раздачъ бѣдному люду, совершавшихся первоначально за небольшую плату, впослѣдствіе же совсѣмъ безплатно. Государственные расходы.

Управленіе финансами находилось, какъ мы видѣли (стр. 305), въ рукахъ сената при содѣйствіи цензоровъ и квесторовъ. Послѣдніе охраняли, между прочимъ, государственную казну въ храмѣ Сатурна. Подобно тому, какъ раньше въ Египтѣ (стр. 36 сл.), система отдачи налоговъ на откупъ, установленная римскимъ сенатомъ, повлекла за собой рядъ тяжелыхъ послѣдствій. Каждое пятилѣтіе разнообразные виды налоговъ отдавались на откупъ лицу, предлагавшему наивысшую за нихъ сумму, и эти откупщики (publicani), принадлежавшіе, обыкновенно, къ всадническому сословію (стр. 294), пытались при этомъ добиться наибольшей выгоды; въ глазахъ провинціала откупщикъ и „грѣшникъ“, были синонимами, и эта печальная слава вполнѣ оправдывается фактами. Система откупа нерѣдко примѣнялась и къ расходамъ, при этомъ, конечно, сообразно римской финансовой системѣ, подрядъ сдавался тому, кто требовалъ за исполненіе его наименьшую сумму. Управленіе финансами.

Экономическое положеніе. Сельское хозяйство.

Въ теченіе долгаго времени, кромѣ государственной и военной службы, только земледѣліе считалось дѣятельностью, достойной римскаго гражданина; о немъ трактуютъ выдающіяся произведенія римской литературы. Съ обработкой пашни связывалось представленіе торжественнаго священнодѣйствія. При основаніи городовъ черта, по которой должна была проходить городская стѣна (стр. 278), проводилась плугомъ; аристократы, подобные Цинциннату, дошедшіе отъ плуга до высшихъ государственныхъ должностей, представляютъ изъ себя типичныя явленія. Политическая эволюція Рима со времени борьбы патриціевъ съ плебеями тѣснѣйшимъ образомъ связана съ аграрнымъ вопросомъ (ср. выше стр. 291 сл.). Съ одной стороны разрастается крупная земельная собственность, владѣльцы которой въ своихъ большихъ экономіяхъ эксплуатируютъ рабскій трудъ, слѣдуя примѣру Карѳагена; съ другой стороны гибнетъ мелкій земельный собственникъ—крестьянинъ, его задолженность—результатъ безпрестанныхъ войнъ—ставитъ его въ полную зависимость отъ милости богачей-кредиторовъ. Мелкая земельная собственность постепенно поглощается крупной и въ концѣ эпохи республики ее въ лучшихъ случаяхъ замѣняетъ система аренды, пріобрѣтающая, впрочемъ, крупное значеніе только въ періодъ имперіи. Если цѣлью Лициніевыхъ законовъ (въ серединѣ IV столѣтія) дѣйствительно являлось воспрепятствованіе необычайному росту крупной земельной собственности, то и они не могли оказать коренной помощи мелкимъ собственникамъ — крестьянамъ; насажденіе колоній (стр. 291 сл.) было болѣе дѣйствительнымъ средствомъ. Даже великая реформа, задуманная Тиберіемъ Гракхомъ, рѣшившимъ превратить внѣиталійскую землю въ крестьянскіе дворы, т.-е. провести колонизацію въ современномъ стилѣ, была не въ силахъ предотвратить упадокъ крестьянства. Особенно роковыя послѣдствія вызвалъ запретъ, лишавшій сенаторовъ права принимать участіе въ денежныхъ операціяхъ. Хотя этотъ запретъ и обходился разными путями, но все же въ результатѣ аристократы направляли свою предпріимчивость, главнымъ образомъ, на созданіе большихъ имѣній. Передъ нами встаетъ трагическая картина—народъ, все существо котораго льнуло къ работѣ на родной землѣ (стр. 252), крестьянство, покорившее міръ силой своего духа, отрывается отъ самой близкой ему задачи.

Надо, однако, замѣтить, что хлѣбопашество даже въ крупныхъ земельныхъ хозяйствахъ перестаетъ приносить требуемый доходъ, вслѣдствіе безразсудно колоссальнаго ввоза зерна изъ Сициліи и Африки при отсутствіи охранительныхъ пошлинъ. Гораздо болѣе выгоднымъ считалось разведеніе овощей и фруктовъ; особенно много производилось масла и вина; еще болѣе доходнымъ было скотоводство, особенно овцеводство, дававшее главный продуктъ италійскаго сельскаго хозяйства—шерсть.

На сельско-хозяйственныя работы затрачивалось много труда. Дѣлались попытки амеліораціи почвы путемъ очищенія ея отъ камней и поросли, смѣшенія разныхъ сортовъ земли, глубокой вспашки, орошенія и дренажа. Важную роль играло растительное и минеральное удобреніе почвы; лучшимъ видомъ его считался птичій пометъ. Земледѣльческія орудія были многочисленны и разнообразны: бороны, кирки, остроумно конструированные плуги, въ которые впрягались волы (стр. 252). Въ Кампаніи и Этруріи, отличавшимися тучностью почвы, жатву собирали нѣсколько разъ въ году; чаще всего встрѣчается многопольная система хозяйства со смѣной зерновыхъ хлѣбовъ и бобовыхъ растеній, такъ что поле черезъ каждый годъ оставляется подъ паромъ.—Крупныя хозяйства эксплуатировали трудъ многочисленныхъ рабовъ, обращеніе съ которыми отличалось большой суровостью; они нерѣдко работали въ оковахъ и проводили ночь въ невольничьей тюрьмѣ; съ другой стороны рабы-пастухи со своими стадами вели очень независимое существованіе. Разумѣется, соціальное положеніе этихъ двухъ классовъ невольниковъ грозило опасностью обществу и даже государству. Такъ какъ крупные земельные собственники въ большинствѣ случаевъ принимали участіе въ государственной жизни, они часто бывали принуждены поручать веденіе хозяйства въ своихъ домэнахъ главнымъ управляющимъ или „гуртовщикамъ“ изъ рабовъ. Съ конца республики помощникомъ главнаго управляющаго въ области финансовыхъ дѣлъ часто является особый секретарь; помогаетъ управляющему при веденіи хозяйства и жена. Кромѣ рабовъ на время разгара работъ, особенно въ періодъ сбора урожая, берутся временные рабочіе, по свободному найму, обычай, практикуемый и въ наше время въ крупныхъ имѣніяхъ.

Торговля.

Какъ ни выгодно было помѣщеніе капитала въ сельское хозяйство, торговля въ обширныхъ политическихъ границахъ республики расцвѣтаетъ не менѣе интенсивно. Еще въ IV столѣтіи Римъ въ своихъ договорахъ съ Карѳагеномъ и Тарентомъ былъ принужденъ отказаться отъ веденія самостоятельной заморской торговли; въ теченіе долгаго времени онъ пользуется посредничествомъ греческихъ городовъ, Сиракузъ, Массаліи, Родоса, Аполлоніи въ Эпирѣ. Съ III столѣтія, въ связи съ оттѣсненіемъ Карѳагена и покореніемъ Сициліи, съ утвержденіемъ господства надъ Тирренскимъ и Адріатическимъ морями, начинаетъ развиваться римская торговля на морѣ. Великія міровыя войны конца III и первой половины II столѣтія дали римской торговлѣ сильный толчокъ, раздвинувъ ея границы на Востокѣ. Униженіе Родоса (стр. 291) и основаніе свободной гавани на Делосѣ доказываютъ господство римскихъ коммерсантовъ надъ греческими. Послѣ разрушенія Коринѳа и Карѳагена, торговая мощь Рима была внѣ конкуренціи. Тогда какъ Остія являлась однимъ изъ центровъ внутренней торговли, внѣшняя римская торговля направлялась изъ Путеолъ черезъ Коринѳъ, впослѣдствіи черезъ Делосъ на Востокѣ, входя въ непосредственныя сношенія и съ Александріей и съ сирійскими портами. Однако, римская торговля ограничивается почти исключительно ввозомъ, что является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ несмѣтныхъ богатствъ, скоплявшихся въ государствѣ и въ частныхъ рукахъ въ результатѣ завоеваній. Кромѣ зерна и рабовъ, объектами ввоза служили, главнымъ образомъ, предметы мате-

ріальной роскоши вродѣ пряностей, одежды, домашней утвари и украшеній, предметовъ житейскаго комфорта. Объектами вывоза были, прежде всего, масло, вино и желѣзо.

Упомянутый выше запретъ, лишавшій сенаторовъ права заниматься торговлей, способствовалъ возникновенію среди всадниковъ (стр. 294) особаго сословія коммерсантовъ, вскорѣ разросшагося въ настоящую денежную аристократію. Въ цѣляхъ обезпеченія купцовъ отъ крупныхъ денежныхъ потерь, возникали товарищества изъ 50 и бо́льшаго числа торговцевъ, сооружавшія множество торговыхъ судовъ на общія средства. Повсемѣстно возникаютъ колоніи римскихъ купцовъ, значеніе которыхъ въ чужихъ общинахъ часто очень велико: какъ Александрія, такъ и города Сиріи и Малой Азіи, Делосъ, Утика, Испанія и Галлія наводнены римскими купцами.

Рис. 175. МЯСНАЯ ЛАВКА.
Рельефъ (вывѣска). Нынѣ находится въ Дрезденскомъ Альбертинумѣ.
Съ фотографіи.
Сидящая женщина занята своей приходо-расходной книжкой.

Торговля шла морскими и сухими путями, то пользуясь древними караванными дорогами на Востокѣ (стр. 39 сл.), то пробивая себѣ новыя, напр., въ далекой Галліи. Ея росту въ значительной степени способствовали прекрасныя дороги, проложенныя, главнымъ образомъ, для военныхъ нуждъ.

Громадное число этихъ вѣковѣчныхъ д о р о г ъ существовало уже въ республиканское время. Особое значеніе пріобрѣли тѣ изъ нихъ, которыя вели изъ Рима, какъ напр.: Фламиніева на сѣверъ (ср. рис. 140), Латинская на юго-востокъ, главнымъ же образомъ v i a A p p i a, „царица всѣхъ дорогъ“, сооруженная въ 315 г. до Р. Хр. цензоромъ Аппіемъ Клавдіемъ. Выложенная гладкими, тщательно другъ къ другу пригнанными каменными плитами, имѣя въ ширину 4½ м., она и нынѣ тянется прямой линіей по направленію къ Албанскимъ горамъ; Аппіева дорога, окруженная памятниками великаго прошлаго, и нынѣ еще, въ своемъ разрушеніи и молчаливой торжественности, служитъ свидѣтелемъ могучей, дѣятельной силы Рима (рис. 144), не перестающей вызывать нашего уваженія.

Существованіе множества м е л к и х ъ с т о л и ч н ы х ъ т о р г о в ц е в ъ подтверждаетъ всю выгодность торговли въ Римѣ, хотя это занятіе считалось недостойнымъ римскаго гражданина и было поэтому предоставлено рабамъ и вольноотпущенникамъ. Римъ, подобно нынѣшнимъ южнымъ городамъ, былъ переполненъ тавернами и лавочками, въ которыхъ ремесленники въ большинствѣ случаевъ сами продавали свой товаръ

(рис. 175). Для продажи съѣстныхъ продуктовъ существовали многочисленные спеціальные базары, начиная базаромъ скота и кончая базаромъ лакомствъ. Со II столѣтія существуютъ также базарныя галлереи и обширные склады, главнымъ образомъ, на Тибрѣ у подножія Авентина (рис. 161).

Торговля деньгами.

Съ появленіемъ удобной монеты начинаетъ расти и денежная торговля. Рядомъ съ мѣнялами, называемыми греческимъ именемъ трапезитовъ, лавки которыхъ впослѣдствіи сосредоточились на форумѣ, со временемъ выдѣляются предприниматели, отдававшіе деньги въ ростъ. Съ половины II столѣтія эти ростовщики, имѣвшіе кліентами росточительную молодежь и честолюбивыхъ кандидатовъ на магистратуры, зарабатывали большія деньги не только въ Римѣ, но и въ провинціяхъ, имѣя дѣло какъ съ частными людьми, такъ и съ цѣлыми общинами. Это ростовщическое вымогательство въ провинціяхъ, главнымъ образомъ, въ Малой Азіи, стояло въ связи съ разрушительной системой государственнаго откупа. Денежная аристократія, принадлежавшая главнымъ образомъ къ всадническому сословію (стр. 294), пользовалась такимъ образомъ двойной выгодой: съ одной стороны она выручала громадныя суммы путемъ государственнаго откупа (стр. 313 сл.), съ другой стороны она отдавала провинціаламъ, изъ которыхъ всѣ соки были высосаны, и которые не были въ состояніи внести налоговъ, деньги подъ высокіе проценты. Примѣръ „достойнаго“ убійцы Цезаря, М. Брута, взимавшаго 48% вмѣсто законныхъ 12%, иллюстрируетъ все безстыдство, котораго достигли эти денежныя операціи. Разнородныя банковыя операціи напоминаютъ (рис. 176) современныя; между прочимъ, въ большомъ ходу была плата по чекамъ: юный Цицеронъ, сынъ оратора, тратившій много денегъ въ Аѳинахъ, получалъ ихъ по чекамъ.

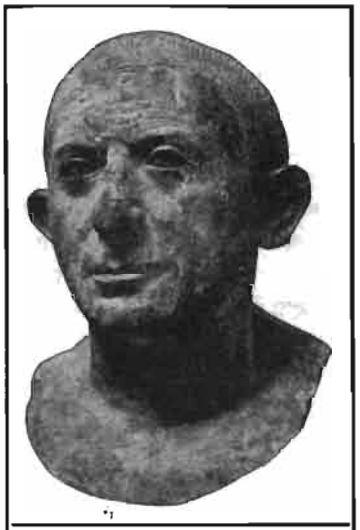

Рис. 176. БАНКИРЪ ЦЕЦИЛІЙ ЮКУНДЪ ИЗЪ ПОМПЕЙ.
Бронза. Неаполь.
По фотографіи.

Биржа.

Роль биржи т. е. мѣста обсужденія денежныхъ дѣлъ и заключенія сдѣлокъ играли въ Римѣ базилики, пріобрѣтавшія все бо́льшее значеніе, между прочимъ и для судопроизводства (рис. 278, 302, 353 и 355). Въ Римѣ не было государственнаго банка, подобно египетскому (стр. 44); онъ возникалъ лишь отъ времени и до времени, въ видѣ временнаго учрежденія, при крупныхъ нереводахъ государственныхъ суммъ.

Натуральное хозяйство.

Ясно, что при только-что изложенныхъ условіяхъ, натуральное хозяйство вскорѣ отходитъ на задній планъ. Оно сохраняетъ лишь нѣкоторое значеніе въ области системы податей, поскольку часть ихъ, а также арендная плата за государственныя земли, уплачивается зерномъ. Домашнее хозяйство, которое въ первыя столѣтія существованія Рима обходилось и въ области изготовленія пищи, спеціально хлѣба, и въ области одежды безъ содѣйствія ремесла, постепенно утрачиваетъ прежнее значеніе; оно, повидимому, не живетъ полной жизнью даже въ деревнѣ. Принципъ, все производить по возможности домашними средствами и не прибѣгать къ куплѣ, остается для хорошаго сельскаго хозяина въ силѣ; тѣмъ не менѣе домашняя выдѣлка предметовъ замѣняется покупкой ихъ въ городѣ, не исключая и платья.

Промышленность.

Къ числу древнихъ видовъ промышленности, обычныхъ въ Римѣ уже въ періодъ царей, присоединяются постепенно новые виды ея; вызвано это какъ увеличивающейся спеціализаціей труда, такъ и чужеземнымъ вліяніемъ. Ремесленники были свободными людьми, что характерно для римской жизни; они уже со временъ царей, какъ мы видѣли (стр. 282), сплочивались въ корпораціи, явленіе не имѣющее аналогій на греческой почвѣ (стр. 44 сл.). Однако, красивая пословица „у ремесла золотое дно“ въ Римѣ почти не оправдалась. Пренебрежительное отношеніе къ ремесленному труду обусловливаетъ переходъ всей промышленной дѣятельности въ руки отпущенниковъ; и въ этой области выростаютъ крупныя предпріятія капиталистовъ, основанныя на интенсивной эксплуатаціи рабскаго труда, такъ что судьба мелкихъ собственниковъ крестьянъ постигаетъ и мелкаго ремесленника. Однако, эта крупная промышленная предпріимчивость всегда была очень ограниченна; мы уже убѣдились, что Римъ мало производилъ для вывоза.

Богатство.

Крупныя земельныя имѣнія уже одни представляли изъ себя значительное богатство. Во времена Цицерона имѣніе въ Сициліи приносило въ годъ 42000 римскихъ модіевъ пшеницы (3700 гектолитровъ). До колоссальныхъ предѣловъ разрастается богатство благодаря торговому обмѣну, разнымъ видамъ откупа и денежныхъ операцій. Право на военную добычу признавалось настолько открыто, что во время веденія войны съ бѣдными странами, солдатамъ обѣщался minimum добычи; поэтому изъ военныхъ походовъ возвращались богатыми людьми не только ветераны; открывалась широкая возможность пріобрѣтенія капиталовъ этимъ путемъ и полководцамъ. Еще болѣе печальнымъ фактомъ является обогащеніе многихъ людей за счетъ убитыхъ ими согражданъ, подвергнутыхъ опалѣ (aquae et ignis interdictio), явленіе, вызванное гражданскими войнами и достигшее возмутительной легализованности въ проскрипціяхъ поздней республики. Знаменитый Крассъ,

богатство котораго въ Римѣ вошло въ пословицу, не забытую и понынѣ, достигъ съ свое время покупкой имѣній изгнанниковъ и строительными спекуляціями крупнѣйшаго благосостоянія; его капиталъ оцѣнивали въ 40 милліоновъ марокъ, что, въ сравненіи съ современными американскими понятіями, правда, очень немного, если даже принять во вниманіе гораздо большую цѣнность денегъ въ тѣ времена.

Среднее сословіе.

Признакомъ печальнаго экономическаго положенія Рима была малочисленность среднягo сословія; въ современной Германіи мы, къ счастью, наблюдаемъ совершенно обратное явленіе. Въ небольшихъ городахъ положеніе вещей было нѣсколько благопріятнѣе; оттуда Римъ въ лицѣ homines novi обогащался свѣжими элементами (Марій, Цицеронъ). Въ общемъ же самая горькая нищета уживается рядомъ съ блестящимъ богатствомъ. Нужда въ Римѣ была велика и въ эпоху сословной борьбы, когда у плебеевъ еще не было земельной собственности, и въ эпоху послѣ уравненія сословныхъ правъ, когда Гракхи организовали соціальную революцію, не оказавшую, однако, коренной помощи. Роковымъ симптомомъ постепеннаго роста нищеты являются возникшія съ эпохи Гракховъ и періодически повторявшіяся государственныя хлѣбныя раздачи.

Нужда.

Цѣны.

Чтобы понять высокую цѣнность денегъ и всю горькую нужду бѣднаго класса, слѣдуетъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, что римскій четверикъ ($8^3/_4$ л.) зерна въ ту эпоху стоилъ 50 пфен., а поденный заработокъ рабочаго составлялъ такую же сумму.

Рабы.

Тягость соціальныхъ условій все росла, вслѣдствіе постояннаго роста численности рабовъ, подрывавшихъ вольный трудъ и отнимавшихъ хлѣбъ у мелкихъ ремесленниковъ.

Особенно большого количества рабовъ требовали латифундіи и крупная промышленность, такъ же какъ гладіаторскія игры, о которыхъ рѣчь еще впереди. Съ другой стороны, растущая роскошь домашняго обихода вызывала необходимость въ цѣломъ рядѣ людей для домашнихъ услугъ; въ наше время этотъ трудъ исполняется главнымъ образомъ женщинами; въ богатыхъ домахъ держали швейцаровъ, каммердинеровъ, поваровъ, лакеевъ, парикмахеровъ, брадобреевъ, гофмейстеровъ, лекторовъ, секретарей, лекарей; по улицѣ за господиномъ слѣдовали лакеи, носильщики его паланкина и номенклаторы, обращавшіе его вниманіе на имена встрѣчныхъ лицъ, которыхъ господинъ былъ расположенъ почтить поклономъ. Болѣе почетныя должности занимали управляющіе имуществомъ, домомъ, имѣніями и ихъ секретари (стр. 315).

Войны Рима, въ особенности съ Востокомъ, Карѳагеномъ, Грецiей и Азіей, бросали на рынокъ огромныя ужасающія массы рабовъ. Даже такой благородный человѣкъ, какъ Эмилій Павелъ продастъ 150000 эпиротовъ въ рабство; нѣкоторыя войны съ некультурными народами, ничѣмъ Риму не грозившими, представляли изъ себя въ сущности не что иное, какъ охоту на рабовъ. Особенно интенсивно процвѣтала торговля рабами на Делосѣ, находившемся почти всецѣло во власти

римскаго капитала (стр. 317). Наибольшее число рабовъ доставлялъ Востокъ. Особенно цѣнились трудоспособные сирійцы. Число сѣверянъ, галловъ и германцевъ, также было велико. Положеніе рабовъ, разумѣется, было очень разное. Судьба невольника, родившагося въ домѣ, была благопріятнѣе жизни купленнаго раба. Разумѣется, физическая красота или научное образованіе ставили раба въ привилегированное положеніе. Однако, на долю широкой массы рабовъ выпадала печальная судьба; особенно мучительна была жизнь рабовъ въ латифундіяхъ, гдѣ они работали въ оковахъ (стр. 315). Если же внѣшнія условія жизни бывали иной разъ и сносными, то рабъ не имѣлъ никакихъ личныхъ правъ, хотя у него и была возможность заработать себѣ капиталъ (peculium), который могъ быть употребленъ на выкупъ свободы. При всѣхъ этихъ условіяхъ, неудивительно что Римъ со II стол. до Р. Хр.—въ полную противоположность Греціи—не перестаетъ бороться съ ожесточенными возстаніями рабовъ. Случаи подобныхъ опасныхъ войнъ бывали въ Нижней Италіи но, главнымъ образомъ, въ типичной странѣ латифундій, Сициліи.

4. ВОЕННОЕ ДѢЛО

Древнѣйшій военный строй.

Въ эпоху республики мы видимъ два типа римскаго войскового строя: съ одной стороны „вооруженное гражданство“ (стр. 294), первый призывъ котораго находился въ возрастѣ между 17 и 46 годами, второй между 45 до 60, съ другой стороны гражданское наемное войско. Римское военное дѣло впервые опредѣленно организуется въ такъ-называемой Сервіевской конституціи (стр. 282), въ историчности которой современная наука сильно сомнѣвается. Во всякомъ случаѣ, во времена Камилла мы застаемъ въ Римѣ уже вполнѣ организованное войско. Въ это время Римъ задался задачей завоеванія перваго города, значительно превосходившаго Римъ, этрусскихъ Вей. Легіонъ, состоявшій изъ 4200 человѣкъ отнынѣ выстраивался не замкнутой фалангой, а менѣе сплоченно, въ три линіи, расположенныя въ шахматномъ порядкѣ. Въ первомъ строю стояли такъ-называемые гастаты, распадавшіеся на десять ротъ или манипулъ, въ свою очередь дѣлившихся на 2 центуріи; во второй линіи, за промежутками между манипулами первой линіи, стояли такъ-называемые принцепсы, въ третьемъ же, за промежутками между манипулами второго, испытанные въ бою тріаріи. Къ этимъ тяжело-вооруженнымъ присоединялись легко-вооруженные, которые, начавъ битву, могли сквозь интервалы быстро отойти въ тылъ. Къ каждому легіону принадлежало 300 тяжело-вооруженныхъ всадниковъ, распадавшихся на десять подраздѣленій—эскадроновъ (turma), каждый по три декуріи (10 человѣкъ).

Войсковой строй Марія.

Постоянная военная служба со временемъ становилась гражданамъ въ тягость; наряду съ этимъ, римскіе полководцы предпочитали профессіональныхъ солдатъ, особенно имѣя дѣло съ опасными сѣверными врагами. Все это вызываетъ реорганизацію войска, завершившуюся при Маріи. Онъ проводитъ систему вербовки. Тогда какъ въ былыя времена неимущіе классы были освобождены отъ военной службы, теперь войско набирается почти исключительно изъ бѣдныхъ гражданъ всей Италіи, клятвенно обязывавшихся служить въ теченіе двадцати лѣтъ, а въ конницѣ—десяти. То, что войско выигрывало такимъ путемъ въ смыслѣ технической выучки, граждане и армія Италіи теряли въ смыслѣ нравственной доброкачественности, не говоря уже о томъ, что гораздо болѣе тѣсная связь, сплачивавшая солдатъ съ производившимъ наборъ полководцемъ, могла оказаться въ высшей степени опаснымъ орудіемъ въ политической борьбѣ, что и сказалось фактически. Съ теченіемъ времени наборъ легіоновъ начали производить и въ провинціяхъ; иногда принимали въ легіоны, между прочимъ, отпущенниковъ и рабовъ, получавшихъ при поступленіи на службу права гражданства. Марій произвелъ также коренную реформу тактики легіона, усиленнаго до 6000 человѣкъ. Онъ соединяетъ въ одну когорту по три манипула всѣхъ трехъ строевъ, не нарушая ихъ раздѣленія на центуріи. Всѣ легіонеры были снабжены тяжелымъ, типично-римскимъ вооруженіемъ и (стр. 323 сл.) метательнымъ оружіемъ, pilum. Легко-вооруженное войско совершенно упраздняется; усиленная, по сравненію съ прежнимъ временемъ, конница набирается изъ чужеземныхъ элементовъ.

Марій же далъ легіону знакъ отличія, имѣвшій впослѣдствіи большое для него значеніе, замѣнивъ скромныя знамена манипуловъ, въ видѣ рукъ или изображеній животныхъ, прикрѣпленныхъ къ шестамъ, горделивымъ серебрянымъ орломъ легіона.

Союзное войско.

До распространенія правъ гражданства на всѣхъ италиковъ, войско римскихъ легіонеровъ усиливалось одинаковымъ по численности, если не болѣе сильнымъ войскомъ *италійскихъ союзниковъ*. Они сражались, построенные по когортамъ, на флангахъ союзнаго войска. Часть этихъ союзническихъ пѣшихъ и конныхъ отрядовъ составляла особую гвардію (*extraordinarii*), къ которой полководецъ прибѣгалъ въ исключительныхъ случаяхъ. Со времени пунических войнъ прибавляются вспомогательныя войска (auxilia), набиравшіяся въ провинціяхъ или союзныхъ государствахъ внѣ Италіи. Съ развитіемъ военнаго искусства возникаетъ необходимость въ спеціальномъ оружіи. Кромѣ старыхъ нестроевыхъ, т. е. плотниковъ и кузнецовъ (стр. 282), кромѣ галльскихъ, германскихъ, оракійскихъ, испанскихъ и нумидійскихъ всадниковъ, все больше вытѣснявшихъ италійскую конницу, со временемъ къ войску присоединяются критскіе стрѣлки и балеарскіе пращ-

ники. И эти отряды состояли подъ командой римскихъ офицеровъ, которымъ подчинены были ихъ національные вожди.

Численность войска.

Что касается до численности войска въ эпоху римской республики, то она, конечно, сильно колебалась въ зависимости отъ потребностей момента. Тогда какъ каждый консулъ до второй Пунической войны располагалъ двойнымъ легіономъ, во времена этой напряженной борьбы наборъ достигалъ 23-хъ легіоновъ, такъ что военная сила Италіи равнялась почти $^3/_4$ милліона солдатъ; надо помнить, что союзники должны были выставлять нѣсколько большее число солдатъ чѣмъ граждане.

Командованіе.

Вплоть до временъ Суллы главное командованіе надъ войскомъ и неограниченный имперій (стр. 299) принадлежали одному изъ консуловъ; при исключительной многочисленности войскъ, главнокомандующими могли быть и преторы и, въ видѣ исключенія, даже частныя лица.

Красная мантія главнокомандующаго, paludamentum, представляетъ изъ себя пережитокъ древней царской одежды (стр. 278). Ликторы несутъ передъ главнокомандующимъ топоры и прутья, символъ его власти надъ жизнью и смертью солдатъ. Его свободное право заключенія договора съ непріятелемъ часто становилось неудобнымъ для сената. Послѣдній въ такихъ случаяхъ нерѣдко прибѣгалъ къ знаменитому коварному пріему выдачи непріятелю полководца, заключившаго нежелательный договоръ. Выше было охарактеризовано (стр. 305 сл.) участіе сената въ вопросахъ о заключеніи мира по окончаніи войны. Личную охрану и службу около главнокомандующаго несла избранная преторіанская когорта, въ которую въ періодъ поздней республики входили, главнымъ образомъ, личные друзья и политическіе единомышленники главнокомандующаго, въ иныхъ случаяхъ даже историографы и поэты.

Квесторъ.

Въ финансовыхъ дѣлахъ главнокомандующему оказывалъ помощь (стр. 300) генеральный интендантъ—квесторъ. Въкачествѣ замѣстителей его сопровождали легаты, т.-е. посланные отъ сената, назначаемые по личному выбору главнокомандующаго; въ періодъ поздней республики, особенно же при Цезарѣ, командованіе войсками легатовъ становится обычнымъ явленіемъ. Номинальными командирами легіоновъ

Легаты.

Военные трибуны.

являются военные трибуны, аналогичные нашимъ штабнымъ офицерамъ,—по шесть въ каждомъ легіонѣ; для нормальныхъ четырехъ легіоновъ римскаго консульскаго войска они выбирались народомъ въ трибутныхъ комиціяхъ, для остальныхъ легіоновъ—назначались полководцемъ. Первоначально отдѣльныя пары военныхъ трибуновъ командовали легіономъ каждая въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, причемъ одинъ смѣнялъ другого ежедневно; со временемъ трибуны уступаютъ мѣсто легатамъ, тѣмъ болѣе, что вошло въ обыкновеніе назначать трибунами неопытныхъ сыновей заслуженныхъ гражданъ, даже раньше достиженія ими двадцатилѣтняго возраста. Всѣ фронтовые офицеры, которые въ римскомъ войскѣ обыкновенно выслуживались изъ рядовыхъ солдатъ,

одинаково назывались центуріонами; въ легіонѣ 60-ти центуріямъ соотвѣтствовало 60 центуріоновъ.

Центуріоны.

Для центуріоновъ, несмотря на однородное названіе, существовала возможность движенія впередъ отъ одной должности центуріона къ другой вплоть до высшаго центуріона, такъ называемаго примипила, котораго привлекали даже къ высшему военному совѣту. Необходимый для наказанія провинившихся солдатъ прутъ виноградной лозы (рис. 178) служилъ символомъ военнаго начальствованія центуріона. Надѣленный по окончаніи службы землей, онъ выходилъ въ отставку, и эти отставные военные составляли въ маленькихъ городкахъ, пользовавшуюся большимъ почетомъ, провинціальную знать.

Унтеръ-офицеры назначались центуріонами; особенно опредѣленно выступаютъ въ описаніяхъ историковъ знаменоносцы и носители орла легіона. Въ каждой турмѣ конницы кромѣ штабнаго офицера существуютъ три декуріона. Всѣ неримскіе отряды, контингенты, вооруженные спеціальнымъ оружіемъ и союзническія войска, подчинялись не только своему непосредственному начальнику, но и римскимъ главнокомандующимъ офицерамъ (префектамъ).

Рис. 177. ЛЕГІОНЕРЪ ВЪ ПОЛНОМЪ ВООРУЖЕНІИ.

Фотографія.

Надгробный памятникъ, найденный въ Висбаденѣ, относящійся, по всей вѣроятности, къ концу I столѣтія п. Р. Х. Надпись гласитъ: *C(aius) Val(erius), C(ai) f(ilius), Berta, Menenia (tribu), Crispus, mil(es) leg(ionis) VIII Aug ustae), an(norum) XL, stip(endiorum) XXI, f(rater) f(aciundum) c(uravit)*. Суда по надписи, покойный былъ солдатомъ восьмого легіона; братъ почтилъ его этимъ памятникомъ; онъ умеръ сорока лѣтъ послѣ 21 года службы. На немъ шлемъ, украшенный широкими нащечниками и наушниками и раздвоеннымъ султаномъ. Ткань, обернутая вокругъ шеи, предохраняетъ отъ тренія кожанаго панцыря, спускающагося до середины бедеръ. Съ широкаго кушака, украшеннаго металломъ (*cingulum*), спереди спускаются кожаные ремни съ металлическими украшеніями. Мечъ на бандульерѣ (*balteus*) свѣшивается на правой сторонѣ груди. Правой рукой легіонеръ держитъ pilum, лѣвой вогнутый четырехугольный щитъ (*scutum*), окованный металломъ.

Вооруженіе и одежда.

Въ противоположность мирному гражданину, воинъ (рис. 177), кромѣ обычной нижней одежды, одѣтъ въ короткій военный плащъ (sagum), скрѣпленный пряжкой на плечѣ; плащъ этотъ онъ сбрасываетъ во время боя. Оборонительное вооруженіе воина состояло изъ кожанаго или мѣднаго шлема, который во время похода висѣлъ на ремнѣ на правой сторонѣ груди, изъ деревяннаго, обтянутаго кожей и обитаго желѣзомъ, щита, который во время переходовъ носился солдатомъ въ кожаномъ футлярѣ на спинѣ, изъ панцыря, состоявшаго изъ ремней, мѣдныхъ колецъ или чешуи, и изъ поножей, которыя впослѣдствіи носились только на правой ногѣ, такъ какъ лѣвую въ достаточной мѣрѣ защищалъ щитъ. Главнымъ наступательнымъ оружіемъ являлся мечъ; со времени второй Пунической войны мечъ имѣлъ обоюдоострый клинокъ и острый наконечникъ. Кромѣ того воинъ вооруженъ кинжаломъ. Со временъ Марія тяжелое копье

было замѣнено оригинальнымъ метательнымъ копьемъ Римлянъ, характернымъ pilum: длинная гибкая желѣзная часть копья, снабженная на концѣ загнутыми крючьями, вонзалась при первой схваткѣ въ щитъ противника, вонзившаяся желѣзная часть сгибалась подъ тяжестью массивнаго деревяннаго древка, и противникъ былъ принужденъ бросать свой щитъ. Подобное же вооруженіе имѣли конные солдаты; только щитъ былъ меньше, мечъ длиннѣе; кромѣ того, они часто вооружены были двумя копьями. Спеціальнымъ оружіемъ, какъ-то лукомъ: и пращей, метавшей свинцовыя пули, обыкновенно снабженныя именемъ полководца, пользовались только вспомогательныя войска. Самые важные сигналы давались при помощи тубы, имѣвшей форму прямой трубы, расширявшейся къ концу; конницѣ служилъ согнутый lituus; кромѣ того, употреблялись полевой (cornu) и лагерный (bucina) рожокъ, имѣвшіе самую разнообразную форму (ср. рис. 263). Багажъ очень обременялъ римскаго солдата. Кромѣ оружія онъ несъ съѣстные припасы, посуду, шанцевыя орудія, лопату и т. п.; общій вѣсъ его поклажи достигалъ 30 клг., что приблизительно равняется ношѣ нѣмецкаго солдата. Весь тяжелый багажъ, провіантъ, палатки, крупныя шанцевыя орудія и т. д. перевозились на вьючныхъ животныхъ, сопровождаемыхъ погонщиками (calones), отряды же саперныхъ войскъ, состоявшіе подъ начальствомъ, назначенныхъ полководцемъ, префектовъ, перевозили всѣ осадныя орудія.

Бой. Конница и разсѣянные легковооруженные начинали сраженіе на флангахъ, борьба велась въ порядкѣ, удержанномъ и Маріемъ, въ трехъ строяхъ, причемъ первый строй гастатовъ поддерживался вторымъ—принцепсами и только подъ конецъ, если возникала надобность, выступалъ резервъ тріаріевъ. Иногда войско строилось въ видѣ клина или круга. Самымъ оригинальнымъ способомъ разстановки войска является такъ-называемая „черепаха“, при которой фронтовая линія держала щиты вертикально, задніе ряды—горизонтально надъ головой, такъ что передъ непріятелемъ стояла покрытая щитами масса.

Походъ. Дневной маршъ, подобно переходамъ нашего войска, достигалъ приблизительно 20 римскихъ миль (30 клм.), причемъ союзники брали легіоны и военный обозъ въ середину. Если переходы совершались по близости отъ непріятеля, то войско сохраняло боевой порядокъ, при которомъ колонны шли въ трехъ строяхъ одинаковой высоты, а кавалерія находилась на флангахъ. Союзническія отборныя войска нерѣдко, особенно во время отступленій, въ моменты большой опасности оказывали большія услуги римскимъ арміямъ.

Осада. При осадѣ примѣнялись, главнымъ образомъ, изобрѣтенія эллинистическаго періода (стр. 55 сл.). Баллисты метали камни и балки, катапульты бросали стрѣлы (рис. 23). При помощи штурмовыхъ лѣстницъ, таранова, серповъ, топоровъ и камней дѣлались попытки разрушить непріятельскую стѣну, причемъ нападающіе защищались всякаго рода предохранительными крышами, палатками и другими приспособленіями, соотвѣтствующими современнымъ проволочнымъ загражденіямъ. При длительной осадѣ возводилась насыпь, прилегающая къ городской стѣнѣ, вышиною въ послѣднюю, и на ней воздвигались передвижныя башни въ нѣсколько

этажей высоты, съ запасами оружія и таранами; когда сопротивленіе врага было сломлено, переходили при помощи подъемныхъ мостовъ на непріятельскую стѣну. Сопротивленіе оказывалось огнемъ, оружіемъ, контръ-минами и резервными стѣнами.

Лагерь.

Сомкнутая система борьбы римлянъ вызывала ужасъ варварскихъ племенъ, не меньше удивленія вызывалъ ихъ быстрый и искусный способъ устройства укрѣпленнаго лагеря, который нерѣдко разбивался въ разгарѣ борьбы.

Предварительно посланные люди отмѣчали копьями и флагами не только мѣсто лагеря, но и мѣста расположенія отдѣльныхъ отрядовъ; по прибытіи войска квадратная площадь лагеря окапывалась глубокимъ рвомъ и обносилась внутреннимъ валомъ, который поднимался еще при помощи палисадъ. Двѣ главныя перекрещивающіяся улицы лагеря вели къ воротамъ, расположеннымъ на каждой изъ четырехъ сторонъ вала. На передней, бо́льшей площади лагеря, помѣщалась бо́льшая часть войска въ палаткахъ, по внѣшнимъ сторонамъ располагались союзныя войска, въ центрѣ легіоны, гастаты, принцепсы и тріаріи, распредѣленные соотвѣтственно своей принадлежности къ одной изъ трехъ категорій по обѣ стороны центральной дороги лагеря; въ самомъ центрѣ стояла кавалерія. За этой главной массой войска, на противоположной сторонѣ поперечной дороги, посреди обширной площади помѣщалась квартира главнокомандующаго, praetorium, съ его палаткой, трибуналомъ (возвышеннымъ мѣстомъ, съ котораго полководецъ обращался къ солдатамъ съ рѣчью), алтаремъ, около котораго возвышалось знамя, мѣстомъ испрашиванія ауспицій и мѣстомъ казни. Свободное пространство на одной сторонѣ служило форумомъ для собранія солдатъ, на другой сторонѣ—квесторіемъ для обоза и интендантства. Эту свободную площадь съ преторіемъ въ центрѣ, окаймляли по передней линіи—палатки офицеровъ, по сторонамъ—палатки избранныхъ отрядовъ, по задней линіи палатки добровольцевъ и вспомогательныхъ войскъ. Ночная и дневная стража, не пропускавшая никого безъ пароля, и форпосты у воротъ лагеря, охраняли его. По тройному сигналу тубы все складывалось, нагружалось и войско отправлялось въ путь.

Флотъ.

Въ противоположность грекамъ римляне не любили моря. Это сказывается, между прочимъ, и въ исторіи ихъ военнаго флота; его существованіе и составъ находились въ зависимости отъ необходимости момента, почему онъ не всегда оказывался на высотѣ положенія. Первыя военныя суда оказались въ рукахъ римлянъ въ видѣ добычи послѣ покоренія приморскихъ городовъ. Въ началѣ и концѣ первой Пунической войны римскій флотъ дѣйствовалъ очень успѣшно, но рядъ пораженій впослѣдствіи нѣсколько разъ принуждалъ римлянъ прерывать веденіе войны на морѣ. Въ періодъ всемірнаго господства Рима, упадокъ его флота достигъ крайнихъ предѣловъ; даже защита отъ смѣлыхъ пиратовъ оказывалась ему не по силамъ, пока Помпей не положилъ конца ихъ разбою. Типы судовъ, разумѣется, представляли изъ себя подражанія греческимъ судамъ, бывшимъ въ ходу также у карѳагенянъ. Наряду съ небольшими судами, обычной формой является пятипалубное судно съ 300 гребцовъ. Знаменитымъ нововведеніемъ римлянъ, въ которомъ, впрочемъ, сицилійскіе греки оказались ихъ предшественниками,

былъ абордажный мостъ, оказавшій имъ большія услуги въ первомъ морскомъ сраженіи (261 г. до Р. Хр.). Пользуясь имъ, римляне могли замѣнить искусную технику морского сраженія, составлявшую нѣкогда славу аѳинянъ (Э. К., стр. 275 и сл.), пріемами сухопутнаго боя. Въ связи съ этимъ число матросовъ судна было увеличено до 120 человѣкъ. Принимая во вниманіе слабый интересъ, удѣляемый римлянами флоту, становится понятнымъ, что только бѣднѣйшіе граждане служили въ немъ; въ большинствѣ случаевъ во флотъ шли союзники; въ качествѣ гребцовъ работали исключительно рабы. Командованіе надъ флотомъ поручалось тѣмъ же лицамъ, которые командовали надъ сухопутнымъ войскомъ: консуламъ, преторамъ и др. (стр. 322), что также доказываетъ непониманіе римлянами задачъ военнаго флота.

Служба. Военная служба предъявляла къ римлянину высокія требованія. Не говоря о спеціальной подготовкѣ къ службѣ во флотѣ, и римскій солдатъ продѣлывалъ цѣлый рядъ упражненій, причемъ обращалось вниманіе на быстрое исполненіе команды, маршировку съ поклажей, въ которой тщательно тренировался солдатъ, такъ же какъ и въ стрѣльбѣ, гимнастикѣ, фехтованіи и фортификаціонныхъ работахъ, игравшихъ у Римлянъ, какъ мы убѣдились (стр. 325), существенную роль, да и въ наше время вновь пріобрѣтающихъ большое значеніе. Къ труду солдатъ-землекоповъ часто прибѣгали и для сооруженій мирнаго времени, улицъ, мостовъ, водопроводовъ, каналовъ и др.

Дисциплина отличалась строгостью. Раздаваемые центуріономъ палочные удары были въ большомъ ходу.—Къ числу наказаній принадлежали вычеты изъ жалованья, лишеніе отпуска, продленіе срока службы, позорный столбъ, пониженіе въ чинѣ, исключеніе изъ военной среды и даже смертная казнь; приговореннаго къ смерти казнили ударомъ топора или ударами кнута, при чемъ послѣднее выполнялось товарищами-солдатами на подобіе шпицрутеновъ позднѣйшаго времени. Прибѣгали, наконецъ, и къ самой ужасной формѣ казни, децимированію, т.-е. казни каждаго десятаго солдата—кара, обыкновенно постигавшая мятежниковъ.

При этомъ жалованіе, которое регулярно выплачивалось всему войску лишь со времени реорганизаціи Камилла (стр. 320), было очень невысоко. Въ древнѣйшее время оно для легіонера достигало 26 пфен. въ день, центуріону платилось вдвое, кавалеристу втрое больше, лишь въ эпоху имперіи эти суммы были увеличены. Изъ жалованья вычитывались, кромѣ того, деньги на обмундировку, оружіе и содержаніе. Правда, въ распоряженіи солдатъ была военная добыча и они получали дары отъ полководцевъ при почтеніи ихъ тріумфомъ. Въ концѣ республики доходы даже нижнихъ чиновъ достигали значительныхъ размѣровъ, не говоря уже о наградахъ, получаемыхъ солдатомъ въ случаѣ его почетной отставки (стр. 291 сл.).

Не было недостатка ни въ наградахъ, ни въ почестяхъ. Кромѣ прибавокъ жалованія и служебныхъ льготъ существовалъ цѣлый рядъ военныхъ знаковъ отличія: браслетовъ, ожерелій, почетныхъ копій, знаменъ и носившихся на груди небольшихъ щитовъ (phalerae), соотвѣтствовавшихъ до нѣкоторой степени нашимъ орденамъ (рис. 178). Офицеры обыкновенно награждались разнаго рода вѣнками, внѣшній видъ и названія которыхъ — corona muralis, corona obsidionalis, corona navalis — характеризовали заслугу награжденнаго; дубовый вѣнецъ (ср. рис. 202) съ надписью „за спасеніе гражданина“ или травяная корона, даровавшаяся солдатами полководцу за освобожденіе отъ осады, отличались достойной простотой. Побѣдоноснаго полководца ожидалъ цѣлый рядъ особыхъ почестей. Послѣ одержанной побѣды, войско торжественно провозглашало его „императоромъ“, и даже люди, въ родѣ Цицерона, очень дорожатъ полученіемъ этого титула отъ своихъ солдатъ. Сенатъ организуетъ празднества въ честь побѣдителя, или чтитъ его тріумфомъ, устраивая римлянамъ зрѣлище, блестящая торжественность котораго очень характерна для этого народа (рис. 320—322).

Почести.

Тріумфъ.

Рис. 178. НАДГРОБІЕ ВИЦЕЦЕНТУРІОНА ВОСЕМНАДЦАТАГО ЛЕГІОНА, ПАВШАГО ВЪ БИТВѢ ВЪ ТЕВТОБУРГСКОМЪ ЛѢСУ (9 г. по Р. Хр.).

Боннъ, Provinzialmuseum. Фотографія.

Его вѣнчаетъ гражданскій вѣнокъ; на шеѣ у него три ожерелья, на груди пять мѣдныхъ орденовъ, руки въ браслетахъ (*armillae*). Подъ тунікой надѣтъ кожаный панцырь, заканчивающійся внизу и на рукахъ двумя рядами кожаной бахромы. Лѣвой рукой центуріонъ придерживаетъ плащъ (*sagum*), правой держитъ палку (*vitis*). Надпись гласитъ: *M. Caelio, T(iti) f ilio), Iem(onia tribu), Bon(onia), o(ptio) leg(ionis) XIIX ann(orum) LIII [v]idit bello Variano. ossa inferre licebit. P(ublius) Caelius, T(iti) f(ilius), Iem(onia tribu), frater fecit.* По обѣимъ сторонамъ покойнаго изображены портреты двухъ его отпущенниковъ.

Чтобы не утратить правъ имперія, полководецъ даетъ сенату отчетъ на Марсовомъ полѣ за предѣлами города и испрашиваетъ у него согласія на тріумфъ. Съ

Марсова поля тріумфальное шествіе направлялось черезъ Фламиніевъ и Главный циркъ (circus maximus) по направленію къ „Священной дорогѣ“; по ней оно тянулось черезъ форумъ на Капитолій. Во главѣ процессіи шествовали сенатъ и магистраты, присоединившіеся по пути. За военнымъ оркестромъ везли безчисленную добычу полководца: статуи, картины, бронзу и другія драгоцѣнности, если тріумфъ праздновался послѣ покоренія эллинистическаго государства, — нечеканное золото и серебро. Для реалистическаго римскаго искусства характерно стремленіе увѣковѣчить передъ глазами народа великіе моменты побѣдоносно завершенной войны въ пластическихъ или живописныхъ изображеніяхъ крѣпостей и судовъ. Отдѣльныя общины преподносили полководцу безчисленные почетные дары, между прочимъ золотые вѣнки. Такъ какъ тріумфъ въ сущности происходилъ въ честь Юпитера, въ шествіи шли не только торжественно украшенные бѣлые жертвенные быки, но и знатные военноплѣные, которыхъ по древнему суровому военному обычаю, продержавшемуся вплоть до позднихъ временъ, въ иныхъ случаяхъ ждала смерть. Тріумфаторъ приближался подъ звуки торжественной музыки, сопровождаемый ликторами, увѣнчавшими свои fasces лавровыми вѣтвями—символомъ побѣды. Онъ стоялъ на великолѣпной колесницѣ, облеченный въ златотканное и пурпуровое одѣяніе, съ орлинымъ жезломъ въ рукѣ, четверка бѣлыхъ коней везла колесницу: тріумфаторъ казался земнымъ представителемъ Капитолійскаго Юпитера. Въ рукѣ онъ держалъ лавровую вѣтвь, лавръ вѣнчалъ его голову, а стоявшій за нимъ рабъ склонялъ надъ его головой золотой вѣнецъ Юпитера. Характерно для воззрѣній римлянъ, что сыновья принимаютъ участіе въ чествованіи отца, малолѣтніе, стоя на тріумфальной колесницѣ, взрослые, слѣдуя за нею въ числѣ офицеровъ. Чисто человѣчная черта дополняла эту величественную картину: всѣ римскіе граждане, освобожденные участіемъ полководца отъ неволи на чужой сторонѣ, принимали участіе въ шествіи, украшенные головнымъ уборомъ отпущенниковъ. Торжественную процессію замыкали солдаты, увѣнчанные лавромъ и пѣвшіе, слѣдуя характерному солдатскому обычаю, не только славящія тріумфатора пѣсни, но и веселыя, высмѣивающія его. На Капитоліи тріумфаторъ низлагалъ лавровую вѣтку, которую онъ несъ, на колѣни статуи Юпитера. Благодарственное жертвоприношеніе, праздничный пиръ, угощеніе войска и народа, щедро надѣленныхъ подарками, заканчивали торжество; въ эпоху поздней республики оно нерѣдко затягивалось на нѣсколько дней. Полководецъ, неудостоенный великаго тріумфа, могъ безъ особаго разрѣшенія сената подняться въ тріумфальномъ шествіи къ старому храму Юпитера на Латинской горѣ. Овація представляла изъ себя скромное побѣдное торжество, при которомъ побѣдитель, увѣнчанный миртовымъ вѣнкомъ, пѣшкомъ входилъ въ предѣлы города.

5. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ

Жилище семьи, домъ, съ художественной и технической точекъ зрѣнія, будетъ разсмотрѣнъ ниже. Здѣсь же мы ограничимся указаніемъ назначенія главныхъ помѣщеній римскаго дома. Помпеи особенно наглядно доказываютъ намъ, что подобно нашему времени характеръ жилищъ яснѣе всего отражаетъ соціальныя грани населенія. И во времена древняго Рима было не мало людей, принужденныхъ жить въ убогихъ домишкахъ, лишенныхъ просторнаго помѣщенія, объединявшаго всѣхъ членовъ семьи (атріума), или въ бѣдныхъ квартирахъ многоэтажныхъ домовъ, служившихъ богатымъ спекуляторамъ источникомъ высокихъ доходовъ или же въ тѣсныхъ комнаткахъ за или надъ убо-

гими лавченками. Что же касается богачей, то ихъ не удовлетворялъ и римскій нормальный домъ со всѣми его типичными обширными помѣщеніями; они пристраивали къ нему многочисленныя колоссальныя залы и открытые перистили.

Входя съ улицы (рис. 140) въ богатый домъ республиканской эпохи, посѣтитель попадалъ въ обширное открытое помѣщеніе, v e s t i b u l u m, въ которомъ кліенты почтеннаго хозяина собирались по утрамъ на поклонъ (s a l u t a t i o); съ исчезнове-

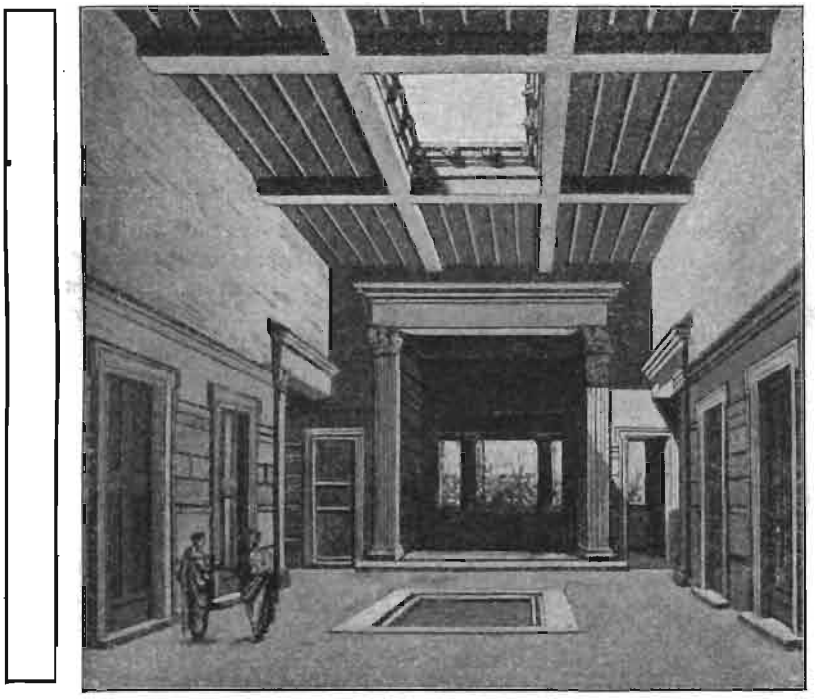

Рис. 179. АТРІЙ ВЪ CASA DI SALLUSTIO.
Реконструкція по Mau, «Pompeji», Fig. 152.
Мы видимъ украшенный львиными головами комплювій въ потолкѣ и имплювій въ полу. Въ широкое окно просторнаго таблинума виденъ маленькій перистиль. На стѣнахъ подражаніе мраморной инкрустаціи (такъ назыв. I стиль стѣнной декораціи).

ніемъ этого обычая и объемъ vestibulum'а уменьшился. Входная дверь, обыкновенно открывавшаяся внутрь, на ночь запиралась ключомъ очень искусной работы и была украшена красивымъ дверным кольцомъ, форма котораго въ эпоху Возрожденія достигла тонкаго изящества. Входъ охранялся сидѣвшимъ въ своей комнатѣ сторожемъ, который въ древнее варварское время даже приковывался къ своему мѣсту; въ менѣе роскошныхъ домахъ сторожа замѣняла собака, или же изображеніе ея на мозаичномъ порогѣ съ полушутливымъ предостереженіемъ — c a v e c a n e m! Сторожъ, котораго въ болѣе позднее время обыкновенно вызывали звонкомъ, вводилъ посѣтителя по узкому проходу въ а т р і й (рис. 179); по образцу эллинистическихъ домовъ въ центрѣ потолка атрія возникаетъ оригинальное отверстіе c o m p l u v i u m; стоявшій въ серединѣ очагъ замѣняется бассейномъ для воды, i m p l u v i u m'омъ, съ роскошнымъ мраморнымъ столомъ или фонтанной статуей около него. Лишь въ скром-

ныхъ домахъ атрій продолжалъ служить мѣстомъ сбора семьи. Изъ атрія шли дверп въ жилыя комнаты и спальни. Въ богатыхъ домахъ атрій служитъ пріемной для посѣтителей, парадной комнатой; веретено домовитой хозяйки изъ него исчезаетъ, а древняя брачная постель замѣняется почетнымъ кресломъ хозяйки; на старомъ мѣстѣ остаются лишь домашнія божества, лары, помѣщенные въ спеціальныхъ ларарiяхъ (рис. 180), а также очень почтенный, окованный желѣзомъ или желѣзный денежный сундукъ. Въ этомъ парадномъ помѣщеніи хранились также восковыя маски, снятыя съ покойныхъ членовъ семьи (i m a g i n e s); прикрѣпленныя къ деревяннымъ бюстамъ, онѣ были разставлены въ обоихъ боковыхъ флигеляхъ (a l a e) задней части атрія (рис. 181), представлявшихъ собой нѣчто въ родѣ галлереи предковъ. Съ теченіемъ времени возникаетъ вполнѣ понятный обычай украшать атрій и другими символами семейной славы—трофеями, статуями, рельефами и др. Расположенный за-атріемъ, отдѣленный отъ него занавѣсомъ, т а б л и н ъ возникаетъ, по всей вѣроятности, изъ деревянной веранды, выходившей въ садъ, въ которой семья лѣтомъ собиралась къ столу. Въ домахъ знатныхъ государственныхъ дѣятелей таблинъ предназначался для дѣлового пріема; это былъ кабинетъ хозяина. Присущая италику любовь къ природѣ съ ея пестрой роскошью цвѣтовъ уже въ давнее время вызвала желаніе имѣть расположенный въ глубинѣ дома садикъ; гдѣ онъ отсутствовалъ, его замѣняла живопись на задней стѣнѣ дома. Въ эпоху вліянія эллинизма этотъ садикъ превратился въ п е р и с т и л ь; украшенный пестрыми расписными стѣнами, великолѣпными портьерами, колоннами—нерѣдко расположенными по всѣмъ четыремъ сторонамъ, — геометрически - распредѣленными цвѣточными грядками, фонтанами съ мраморными и бронзовыми статуэтками и всякими другими изящными произведеніями мелкаго искусства, перистиль со своимъ красивымъ видомъ на всѣ стороны дома отличался своеобразной красотой, полной настроенія. Въ болѣе позднихъ домахъ перистиль соединялся коридоромъ (f a u c e s), проходившимъ около таблина, съ остальной частью дома; рядомъ съ нимъ часто былъ раскинутъ садъ подъ открытымъ небомъ. Тщательная отдѣлка перистиля вполнѣ естественна, ибо въ немъ сосредоточивается вся семейная жизнь:

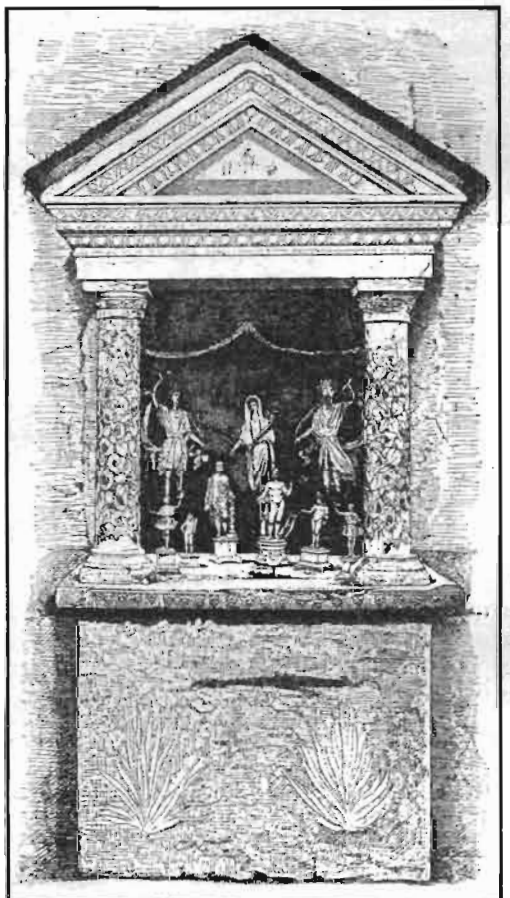

Рис. 180. ДОМАШНЯЯ ЧАСОВЕНКА (ЛАРАРІЙ).
Ср. Schreiber, «Kulturhistor. Bilderatlas», Taf. 18, 6.
Въ нишѣ, по обѣ стороны Венеры Помпеянской, стоятъ лары въ типичной одеждѣ и позахъ: въ коротких туникахъ, съ короткими рукавами и съ шарфами, обвитыми въ видѣ пояса, съ низкой обувью на ногахъ; въ высоко-поднятой правой рукѣ лары держатъ рогъ изобилія, въ лѣвой—жертвенную чашу. Остальныя фигуры изображаютъ другихъ боговъ, вѣроятно, пенатовъ.

здѣсь домовитая хозяйка работала съ своими рабынями, тутъ же рѣзвились дѣти; примыкающая къ перистилю экседра служила пріемной для гостей. Въ болѣе позднихъ домахъ перистиль въ большинствѣ случаевъ не служитъ столовой. Характерны разнообразіе и многочисленность столовыхъ въ нѣкоторыхъ домахъ; семья собиралась къ столу во флигеляхъ атрія, или же въ спеціальной лѣтней или зимней столовой, triclinia, и, наконецъ, въ парадныхъ залахъ (oeci). Въ связи съ развитіемъ столовой, бо́льшее значеніе пріобрѣтаютъ кухня и кладовая, находившіяся въ глубинѣ дома; размѣръ обыкновенной кухни, равняющейся 3 : 4 м., чрезвычайно невеликъ.

Небольшія спальни располагались вокругъ атрія и перистиля; вокругъ перваго находились болѣе скромныя помѣщенія для слугъ, вокругъ перистиля—спальни господъ, иногда соединенныя съ небольшой комнатой для прислуги. Римскія термы, совершенство которыхъ не превзойдено даже современными банями, отвѣчали пресловутымъ требованіямъ гигіены, о которыхъ такъ много говорятъ въ наше время (ср. ниже термы). Въ частныхъ домахъ также устраивались банныя помѣщенія, состоявшія изъ раздѣвальни, комнаты для холоднаго и теплаго купанья и для холоднаго обливанія. Крайнимъ несовершенствомъ отличалось устройство клоакъ, какъ и сейчасъ на югѣ; обыкновенно ихъ замѣняли простыя ямы, вырытыя въ большинствѣ случаевъ по сосѣдству съ кухней. Во многихъ домахъ существовали гимнастическія залы; удовлетворенію умственныхъ потребностей служили библіотеки, часто очень обширныя; рѣже встрѣчаются коллекціи картинъ (пинакотеки). Новѣйшія помпеянскія раскопки, открывшія многоэтажные дома, дадутъ намъ болѣе ясное представленіе объ общей картинѣ улицы, которая намъ до сихъ поръ рисовалась смутно. Хотя вся красота античнаго дома сосредоточивается на interieur'ѣ, и внѣшняя архитектура его отличается поразительной простотой, окна верхнихъ этажей могли играть бо́льшую роль въ расчлененіи фасада, чѣмъ мы пока предполагали (рис. 182); то же самое относится къ несомнѣнно существовавшимъ балконамъ и башенкамъ, о которыхъ мы имѣли очень неопредѣленное представленіе. Вѣроятно, не во всѣхъ домахъ довольствовались также убогими деревянными лѣстницами. Въ незатѣйливыхъ открытыхъ лавочкахъ, ютившихся въ передпихъ помѣщеніяхъ нижняго этажа, кипѣла живая суетливая жизнь южанъ-ремесленниковъ, наблюдаемая и понынѣ въ Италіи; открытая лавка съ ея содержимымъ, видимымъ съ улицы, замѣняла современныя безвкусныя выставки товара въ окнахъ магазиновъ.

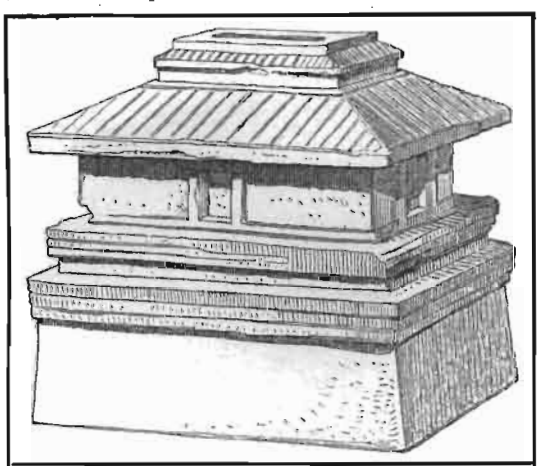

Рис. 181. УРНА ВЪ ФОРМѢ АТРІЯ.
Ср. Durm, «Baukunst der Etrusker», 2. Aufl., Fig. 43.
Изъ Кьюзи. Нынѣ находится въ Берлинѣ. Виды façades и одна изъ alae.

Увлеченіе знатнаго римлянина природой побудило его превратить съ теченіемъ времени древнюю сельскую виллу, первоначально служившую лишь сельскому хозяйству, въ мѣсто отдыха и, въ концѣ концовъ, роскоши и наслажденія жизнью,—обычай, вызывавшій въ свое время ожесточенныя нападки старика Катона. Въ послѣднее столѣтіе респуб- Виллы.

лики великолѣпная сельская вилла, какъ предметъ роскоши, широко распространяется, и люди въ родѣ Марцелла и Лукулла задаютъ въ этомъ отношеніи тонъ; и Цицеронъ горячо любилъ свое Тускуланумъ или Форміанумъ.

Эти сельскія виллы, въ большинствѣ которыхъ сельское хозяйство уже было упразднено, находились въ очаровательныхъ мѣстностяхъ, среди лѣсовъ, холмовъ, рѣкъ и озеръ, съ открывающимися видами въ дали и на море. Перистиль въ этихъ виллахъ, какъ мѣстахъ уюта и пріязненнаго общенія, играетъ главную роль, тогда какъ атрій,

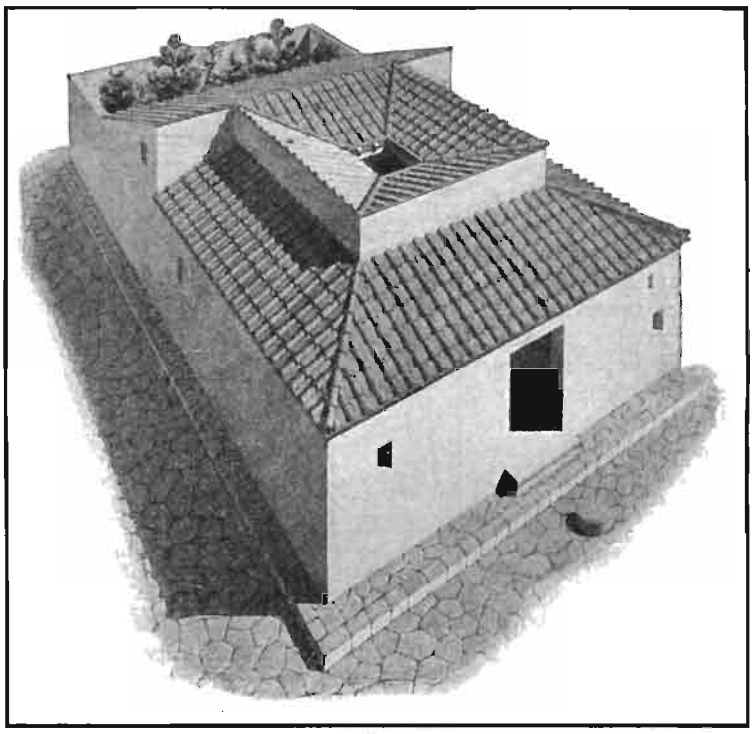

Рис. 182. ИТАЛІЙСКІЙ ДОМЪ СЪ АТРІЕМЪ.
Ср. Mau, «Pompeji», Fig. 127.
Насъ больше всего поражаетъ отсутствіе оконъ; оно объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что строители этихъ домовъ еще не знали стекла и потому не могли устроить отверстій въ стѣнѣ, пропускающихъ свѣтъ и задерживающихъ воздухъ. Улица съ подобными домами производила впечатлѣніе вымершей.

если онъ есть, находится въ отдаленныхъ частяхъ виллы. Всѣ помѣщенія здѣсь были обширнѣе, разсчитаны на отдыхъ и на духовное наслажденіе жизнью; рядомъ со столовыми и купальнями, портиками и гимнастическими залами, тутъ были библіотеки и картинныя галлереи. Красивую, ласкающую глазъ картину представляли собою примыкавшіе къ дому сады съ обширной центральной аллеей, прудами, фонтанами, кипарисами, лавровыми и миртовыми деревьями, платанами, грядами розъ, фіалокъ и лилій. Характеръ этихъ садовъ приближался къ искусственнымъ садамъ французскаго рококо съ ихъ грядами геометрической формы, остриженными деревьями и кустарникомъ въ видѣ фигуръ.

Убранство. Убранство жилищъ со второго столѣтія до Р. Хр. принимало все болѣе роскошный характеръ. Не удивительно, что объ отопленіи,

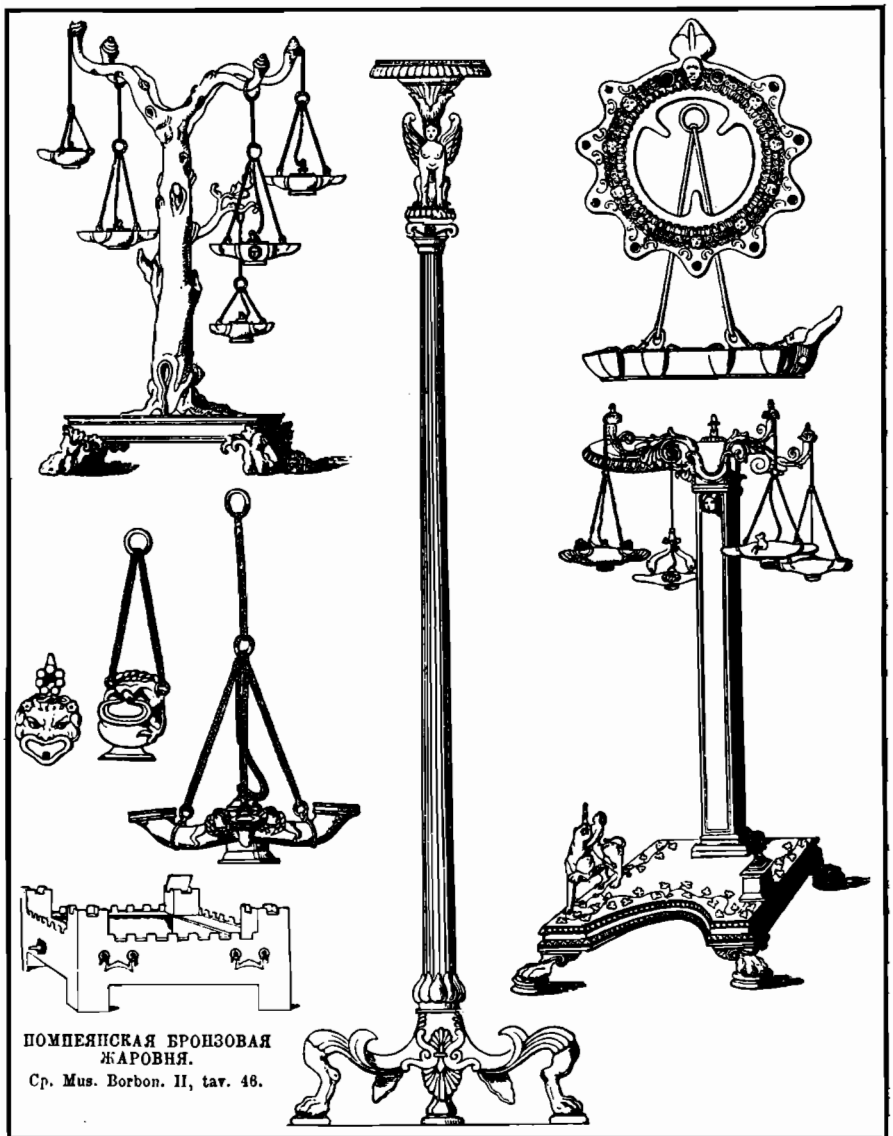

Рис. 183. БРОНЗОВЫЕ КАНДЕЛЯБРЫ И ВИСЯЧІЯ ЛАМПЫ ИЗЪ ПОМПЕЙ:
двѣ изъ нихъ—архитектурной формы (колонна и пилястръ), одна въ видѣ дерева. Интересна фигура, украшающая базу одной изъ лампъ.
По. Overbeck, «Pompeji», Fig. 321 сл.

которое и сейчасъ въ южныхъ странахъ не отличается совершенствомъ, заботились очень мало. Рядомъ съ жаровней, и теперь еще не вышедшей на югѣ изъ употребленія (рис. 183), изрѣдка встрѣчаются камины; съ начала послѣдняго столѣтія до Р. Хр. мы видимъ уже искусно устроенное паровое отопленіе, главнымъ образомъ, въ термахъ, сначала

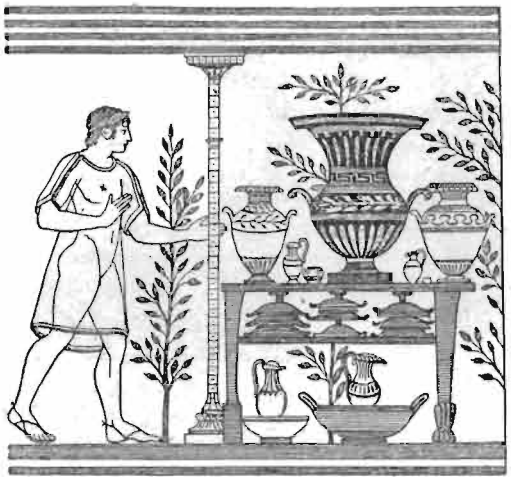

Рис. 184. СТОЛЪ ДЛЯ РАЗЛИВАНІЯ ВИНА (*abacus*).
Этрусская стѣнная роспись.
Ср. Baumeister, «Denkmäler», III, Fig. 1907.

согрѣвавшее только полъ, а затѣмъ и стѣны. Для освѣщенія въ древнѣйшее время употребляются сальныя или восковыя свѣчи, бывшія въ ходу у этрусковъ, но незнакомыя грекамъ; впослѣдствіи свѣчи замѣняются лампами съ однимъ или нѣсколькими фитилями; онѣ либо висѣли по одиночкѣ (рис. 183), либо стояли или висѣли въ большомъ числѣ на художественныхъ канделябрахъ. Матеріаломъ этихъ лампъ такъ же, какъ и малочисленной сравнительно съ современной обстановкой мебели, служила, главнымъ образомъ, бронза; предметы домашней обстановки характеризуются неподверженностью модѣ и слѣдами греческаго вліянія; рядомъ съ чисто-греческими издѣліями встрѣчаются подражанія греческимъ образцамъ. Во множествѣ случаевъ кровати, столы и др. замѣнялись просто каменными возвышеніями.

Рис. 185. ДЕЛЬФІЙСКІЙ СТОЛЪ.
Съ фотографіи.
Изъ Помпеянскаго храма Исиды. Столъ, на которомъ разставлялись сосуды во время торжественнаго священнослуженія.

Римскій, обыкновенно очень высокій, lectus, соотвѣтствовавшій греческой клинѣ (Э. К., стр. 98), ночью служилъ постелью, а днемъ диваномъ для отдыха, занятій, обѣда, даже парадным ложемъ мертвецу; впрочемъ, форма ложа мѣнялась въ зависимости отъ его назначенія. Онъ дѣлался изъ бронзы, черепахи, слоновой кости, драгоцѣнныхъ металловъ и разныхъ сортовъ благороднаго дерева, часто употреблявшагося только для фанерки. Матрацы обыкновенно покоились на ремняхъ и были набиты растительными волокнами, шерстью или перьями; они покрывались пурпуровыми одѣялами. Сидѣніями служили кресла въ видѣ трона для хозяина (solium), двойныя сидѣнія (биселлы), стулья со спинкой или, чаще, безъ нея, скамьи (субселліи). Столы, обыкновенно круглые на одной ножкѣ, часто дѣлавшейся изъ слоновой кости, изготовлялись изъ мрамора, самые драгоцѣнные же изъ благоухающаго лимоннаго дерева, которое было въ такой модѣ, такъ цѣнилось, что даже бережливый Цицеронъ не поскупился заплатить за подобный столъ 500.000 сестерцій (около 100.000 марокъ). На четырехугольномъ абакѣ, на которомъ при торжественныхъ обѣдахъ разливалось вино,

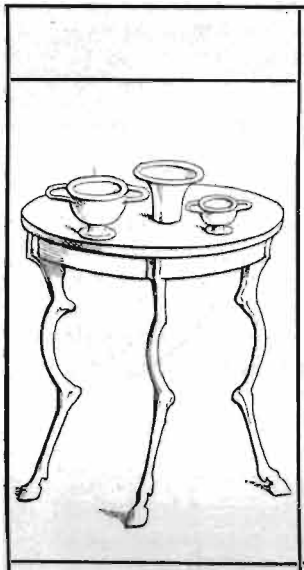

Рис. 186. SCYTHI И CYATHUS на столикѣ, употребляемомъ во время пиршествъ.
Помпеянская стѣнная роспись.
Ср. Baumeister, «Denkmäler», III, Fig. 1908.

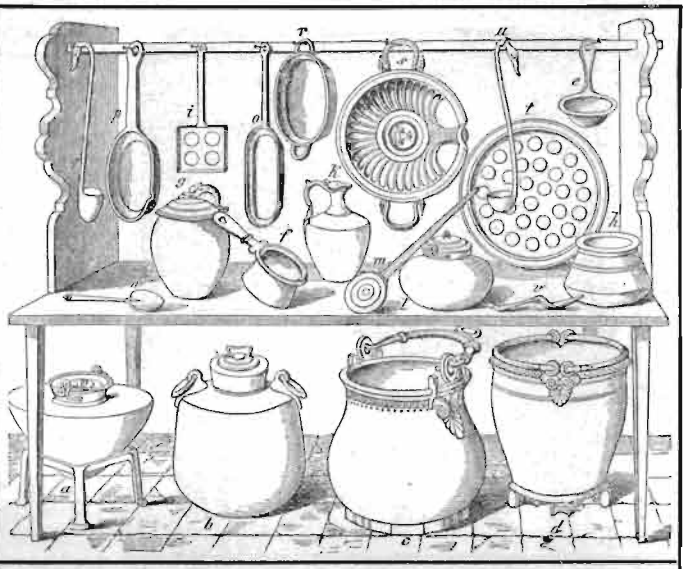

Рис. 187. ПОМПЕЯНСКАЯ КУХОННАЯ УТВАРЬ.
Ср. Overbeck, «Pompeji», Fig. 241.
a. Котелъ на треножникѣ; *b*, *g*, *k*, *l* котлы; *c*, *d* ведра; *e* ложка; *f* кастрюлька; *i*, *t* сковородки для пирожныхъ; *k* кувшинъ; *m* кухонная ложка; *n*, *v* суповая ложка *o*, *p* сковороды; *q*, *u* ложка для вина; *r* противень; *s* форма для пирожнаго.

красовался весь запасъ великолѣпныхъ сосудовъ богатаго хозяйства (рис. 184). Особенной граціозностью отличались такъ называемые дельфійскіе столы (рис. 185). Рядомъ съ довольно рѣдко встрѣчавшимися шкапами различной формы, среди которыхъ имѣлись стѣнные шкапы, широкимъ распространеніемъ пользовались сундуки, снова входящіе въ моду и въ наше время.

Сосуды.

И среди сосудовъ трудно выдѣлить чисто-римскіе. Многіе изъ нихъ греческаго происхожденія, многіе заимствуютъ греческія формы. Мы оставляемъ въ сторонѣ многочисленную кухонную утварь (рис. 187 и 189); въ доброе старое время всѣ драгоцѣнности столовой утвари сводились къ серебряной солонкѣ, съ конца же республики расписная керамика уступаетъ мѣсто серебряной или золотой посудѣ, нерѣдко чеканной работы, украшенной драгоцѣнными камнями или припаянными, художественно исполненными вставками, такъ называемыми emblemata. Очень цѣнилось однотонное или пестрое стекло; за такъ назы-

Рис. 188. КРАТЕРЪ И «САМОВАРЪ».
Помпеянскія бронзы.
Ср. Mus. Borbon. II, tav. 32 и III, tav. 63.

Рис. 189. БРОНЗОВЫЙ СОСУДЪ ДЛЯ ГОРЯЧЕЙ ВОДЫ, ИЗЪ ПОМПЕЙ.
Ср. Mus. Borbon. II, tav. 46.

Рис. 190. СТРИЖКА И ЧИСТКА СУКНА ПРИ ПОМОЩИ ТОПТАНІЯ ЕГО НОГАМИ.
Рельефъ изъ музея въ Sens.
Съ фотографіи.

ваемые муррпнскіе сосуды, первый образецъ которыхъ былъ привезенъ въ Римъ Помпеемъ съ Востока, платились колоссальныя цѣны. Изъ многочисленныхъ сосудовъ для питья, о которыхъ говоритъ, напримѣръ, Горацій, особымъ распространеніемъ пользовались scyphi въ формѣ чашки и нѣсколько бо̀льшіе cyathi (рис. 185), красивые кубки (canthari) съ большими ручками и плоскія чаши (paterae), — все формы, одни имена которыхъ уже обнаруживаютъ ихъ греческое происхожденіе (Э. К., стр. 100 сл.). Кромѣ перечисленныхъ сосудовъ были въ употребленіи изящныя амфоры для вина или воды, для мытья или возліяній и привычные для южанина кратеры, въ которыхъ смѣшивалось вино (рис. 188).

Одежда.

Строго выдержанное стремленіе римлянина къ систематичности и порядку сказывается, какъ во многомъ другомъ, такъ и въ древней одеждѣ, въ ея строгомъ однообразіи и даже опредѣленныхъ узаконенныхъ формахъ ея; возникновеніе моды, пренебрегающей обычаемъ, освященнымъ старпной, служитъ несомнѣннымъ признакомъ упадка нравовъ. Римлянинъ подобно греку (Э. К., стр. 59) носитъ двойную одежду (рис. 191). Въ эту эпоху одежда дѣлается изъ некрашеной шерстяной ткани, которая, сразу снятая съ кросенъ, шла въ употребленіе или

же отдавалась сукновалу для выдѣлки изъ нея плотнаго сукна (рис. 190); лишь къ концу республики на женскіе наряды идетъ полотно или шелкъ; въ то же время появляется пестрая одежда.

Нижняя одежда мужчины, называемая т у н и к о й, представлялъ изъ себя безрукавную или снабженную короткими рукавами рубашку, опоясанную въ таліи, спускавшуюся до колѣнъ; туника уже въ давнее время замѣнила собой платъ. Тунику иногда украшали двѣ узкія или широкія пурпуровыя полосы, знаки отличія всадниковъ или сенаторовъ, спускавшіяся отъ шеи и плечъ спереди и на спинѣ. Въ одной туникѣ римлянинъ ходилъ только дома,

Рис. 192. СТАТУЯ ИМПЕРАТОРА ТИБЕРІЯ ВЪ ТОГѢ.

Мраморный торсъ, найденный на Капри; присоединенная къ торсу голова Тиберія найдена тамъ же. Статуя нынѣ находится въ Луврѣ.

(Съ фотографіи.)

Рис. 191. ГРУППА МЕНЕЛАЯ.

Мраморъ. Римъ. Музей Термъ. (Съ фотографіи.)

Мать и сынъ? или сестра и братъ? Орестъ и Электра? Во всякомъ случаѣ «тяхое довѣріе», какъ Гердеръ окрестилъ эту группу, носящую черты аттическихъ надгробныхъ рельефовъ строгаго стиля. Одежда уже не чисто-греческая.

надѣвая подъ нее иногда еще одну исподнюю рубашку. Оффиціальной одеждой свободнаго римлянина была т о г а, заимствованная, по всей вѣроятности, отъ этрусковъ; ни одинъ народъ не носилъ своей національной одежды съ большей гордостью, чѣмъ римлянинъ. Тога отличала гражданина, пользовавшагося всѣми гражданскими правами, отъ не-римлянина и опальнаго, лишеннаго правъ; она отличала совершеннолѣтняго отъ несовершеннолѣтняго, и — съ введеніемъ особой военной формы — мирнаго гражданина отъ воина.

Обыкновенная тога была чисто-бѣлаго цвѣта, траурная тога темнаго, естественнаго цвѣта, кандидатъ на магистратуру облекался въ спеціально „набѣленную“ (стр. 297) тогу, тріумфирующій полководецъ—въ роскошно вышитую; тога юношей и высшихъ магистратовъ (стр. 298), такъ называемая praetexta, была украшена пурпуровой полосой. Тога представляла изъ себя эллиптически скроенный кусокъ шерстяной ткани въ 4:2½ м.; она складывается вдвое и одинъ ея конецъ перебрасывается черезъ лѣвое плечо и свѣшивается внизъ, другой покрываетъ спину; онъ перетягивается затѣмъ, на правую сторону, черезъ правое плечо или подъ нимъ, и перебрасывается на лѣвое плечо или лѣвую руку (рис. 192). Главное искусство состояло въ драпировкѣ складокъ, переброшенныхъ съ правой стороны на лѣвое плечо, придававшихъ одеждѣ римлянина всю своеобразную красоту и все величавое достоинство ея. Къ концу республики римскіе франты изощрялись въ эффектной драпировкѣ своихъ широчайшихъ тогъ, при чемъ дѣло не обходилось безъ помощи многочисленныхъ слугъ. Во время

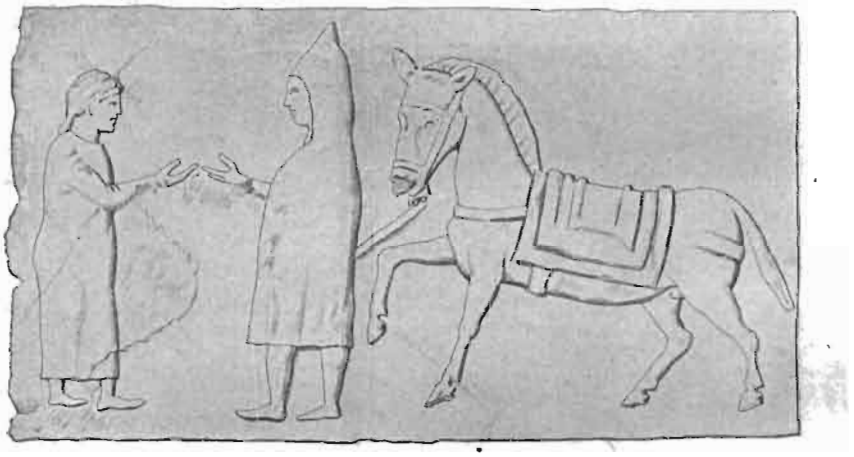

Рис. 193. ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ, ОБЛЕЧЕННЫЙ ВЪ ПЕНУЛУ, покрывавшую всю фигуру, оставлявшую только прорѣху для головы. Путешественникъ расплачивается съ хозяйкой. Сцена очень типичная для италійскихъ нравовъ и... безнравственности.—«Секстарій (1/8 л.) вина и хлѣба стоятъ одинъ асъ (20 пфен.), закуска 2 аса....., сѣно для мула 3 аса.» Характерно, что именно послѣдняя сумма возбуждаетъ гнѣвъ путника («этотъ мулъ меня съ могилу сведетъ!»).
Рельефъ изъ Эзерніи (Самній).
Ср. Baumeister, «Denkmäler», III, Fig. 2373.

путешествій надѣвались разнообразные плащи, предохранявшіе отъ южной пыли, какъ, напр., paenula (рис. 193); рабочіе и мелкій людъ носили плащъ, называемый, подобно военной одеждѣ, s a g u m. Въ аналогичныхъ случаяхъ, на работѣ и во время путешествій, римлянинъ носилъ шляпу, которыя, подобно греческимъ (Э. К., стр. 103), бывали остроконечными или снабженными широкими полями; шляпу часто замѣняетъ капюшонъ, придѣланный къ короткому плащу (c u c u l l u s).

Костюмъ облеченнаго въ тогу римлянина дополняетъ высокая о б у в ь; обувь сенаторовъ и всадниковъ отличалась особыми украшеніями; съ туникой носились только сандаліи. Особыя формы имѣла солдатская обувь, отъ которой получилъ свое прозвище одинъ изъ императоровъ (Caligula). Римлянинъ не носитъ палки, въ противоположность привычкамъ грека (Э. К., стр. 104). На рукѣ онъ носитъ к о л ь ц о, назначеніе котораго было прежде всего практическое: оно служило печатью; золотой перстень сенаторовъ, всадниковъ и магистратовъ былъ почетнымъ знакомъ отличія. Изнѣженные франты носили браслеты и изощрялись въ разнообразіи и тонкости колецъ, усыпанныхъ драгоцѣнными камнями.

Женщина также носила двойное одѣяніе, похожее на мужское, вскорѣ, однако, замѣненное тройнымъ (рис. 194 сл.). Женская туника спускалась до лодыжки. Надъ туникой носили спускающуюся до полу столу, родъ безрукавнаго или снабженнаго короткими рукавами хитона (Э. К., стр. 102), снизу украшеннаго фалбалами. Верхнее одѣяніе, palla, длинная шаль, облекала фигуру подобно тогѣ, но тѣмъ не менѣе настолько отличалась отъ мужской, что по мужской тогѣ узнавали на улицѣ публичную женщину. Верхнюю одежду дѣвушки также украшала пурпуровая полоса. Концомъ паллы женщины часто покрывали голову, особенно матроны и весталки (рис. 195); распространена также и прозрачная вуаль. Туфли или сандаліи, носовой платокъ, вѣеръ и зонтикъ завершали женскій туалетъ. Съ теченіемъ времени все больше укоренялся обычай ношенія драгоцѣнностей изъ золота, серебра и драгоцѣнныхъ камней, особенно жемчуга: въ туалетъ женщины входили пряжки, шпильки, діадемы и ожерелья; серьги и браслеты, имѣвшіе, подобно греческимъ (Э. К., стр. 101), форму змѣи; отпущенницы носили, модныя и въ наше время, длинныя тонкія золотыя цѣпи и кольца на лодыжкахъ.

Рис. 194. ВѢРОЯТНО ЮЛІЯ, ДОЧЬ ТИТА, найденная со статуей Тита около S. Giovanni in Fonte. Мраморъ. Ватиканъ, Braccio Nuovo. (Съ фотографіи.)

Рис. 195. ЖРИЦА ЕВМАХІЯ, пожертвовавшая Помпеямъ во время Тиберія торговые ряды. Мраморная статуя. Неаполь. Музей. (Съ фотографіи.)

Въ древнее время носили длинные волосы и бороду, лишь съ III столѣтія мужчины среднихъ лѣтъ брѣются. Женская прическа очень разнообразна и часто вычурна; большую роль играютъ разнообразныя повязки; молодыя дѣвушки носятъ волосы собранными въ узелъ или заплетенными въ косы, которыя обвиваютъ

голову въ видѣ вѣнка (рис. 194). Уже старикъ Катонъ любуется свѣтлыми женскими волосами; этотъ цвѣтъ вскорѣ стали получать искусственными средствами.

Домашняя жизнь. Домашняя жизнь римлянина протекаетъ, разумѣется, очень разнообразно въ зависимости отъ государственной или частной дѣятельности хозяина дома. Въ древнѣйшія времена гражданинъ усердно занимался земледѣліемъ (стр. 314), поскольку онъ не былъ обреченъ на печальное, всюду въ мірѣ однородное, существованіе пролетарія. Не только растущіе запросы общественной жизни принуждали римлянина предоставлять хозяйство слугамъ, этому отчасти способствовало стремленіе къ праздной жизни и роскоши, возникшее во II стол. до Р. Хр. въ связи съ проникновеніемъ эллинизма.

Римлянинъ встаетъ рано и подкрѣпляется скромнымъ завтракомъ (jentaculum), состоящимъ изъ хлѣба съ солью, молока, фруктовъ, сыра, въ большинствѣ случаевъ и вина. Знатный человѣкъ посвящаетъ продолжительное время пріему кліентовъ (salutatio) и необходимымъ личнымъ посѣщеніямъ. Самые почтенные люди отправляются въ сенатъ. Утренніе часы римлянинъ проводитъ въ судахъ, въ качествѣ присяжнаго, обвинителя, защитника, совѣтчика, или просто зрителя. Jeunesse dorée, имѣвшая въ своей средѣ не мало катилинарскихъ типовъ, убивала массу времени на праздношатанье и на разныя иногда сомнительныя развлеченія. Съ развитіемъ культуры обѣдъ переносится на вечеръ подобно тому, какъ у насъ. Въ полдень подавался второй завтракъ, prandium, состоявшій изъ холодныхъ или горячихъ блюдъ, рыбы, мяса, хлѣба, сыра и фруктовъ. Послѣ завтрака, наступаетъ краткій отдыхъ, необходимый по условіямъ южной жизни. За гимнастическими упражненіями, къ которымъ принадлежала излюбленная игра въ мячъ, слѣдовало купанье, въ древнее время въ Тибрѣ, а впослѣдствіи дома (стр. 331); общественныя термы распространяются лишь въ эпоху имперіи.

Обѣдъ. Затѣмъ слѣдуетъ обѣдъ (cena). Торжественныя трапезы на свадебныхъ и похоронныхъ торжествахъ, нѣкоторыхъ религіозныхъ празднествахъ, главнымъ образомъ во время Сатурналій (стр. 289), отличались опредѣленнымъ ритуаломъ. Римляне заимствовали у этрусковъ и грековъ обычай лежанья за столомъ, впослѣдствіи принятый и женщинами, которыя въ древнее время за столомъ не появлялись. Если дѣти принимали участіе въ обѣдѣ, то они сидѣли отдѣльно. Вокругъ квадратнаго стола располагались въ видѣ подковы три ложа (рис. 27 и 199), триклиній; на каждомъ изъ ложъ, слѣдуя строгому этикету, сидѣло по три человѣка; число 9 является, такимъ образомъ, максимальнымъ числомъ участниковъ обѣда; если число ихъ было больше, ставилось нѣсколько триклиніевъ. Лишь къ концу республики распространяется круглый триклиній, такъ называемая sigma.

Обѣдающіе не пользовались вилкой или ножемъ, а брали пищу ложкой или пальцами, постоянно омывавшимися или обтиравшимися кусками хлѣба; мясо лежало уже разрѣзаннымъ на общемъ блюдѣ; въ исключительныхъ случаяхъ, какъ, напр., при сервировкѣ цѣлаго кабана, оно разрѣзалось на столѣ ловкимъ слугой. За столомъ

употреблялись салфетки, въ которыхъ гости любили уносить запасы домой, но столъ не былъ покрытъ скатертью; въ случаѣ необходимости его тутъ же быстро вытирали. Несовершенство сервировки сглаживалось большимъ числомъ слугъ, нарядно одѣтыхъ и причесанныхъ, которые постоянно стояли наготовѣ (ср. рис. 199).

Торжественный обѣдъ распадался на три части. Сначала подавалась закуска,—обычай, не извѣстный древнимъ временамъ. Обыкновенно подавались холодныя, возбуждающія аппетитъ блюда: яйца, салаты, рыба и т. п., кромѣ того—mulsum, смѣсь вина и меда, вмѣсто принятаго у насъ портвейна. Самый обѣдъ состоялъ изъ трехъ, иногда изъ бо̀льшаго числа блюдъ, вносившихся на особыхъ художественной формы сервизахъ. Во время ѣды подавалось вино. Заключеніемъ обѣда служилъ дессертъ, состоявшій изъ печенья и фруктовъ. Характерно, что уже въ республиканское время возникаетъ необходимость въ законахъ, ограничивающихъ излишества стола, однако не менѣе характерно и то, что, напр., Сулла самъ не считался съ подобными имъ самимъ изданными распоряженіями. Въ общемъ, наши представленія объ излишествахъ роскоши древнихъ римлянъ сравнительно съ нашимъ временемъ преувеличены въ особенности, поскольку это касается эпохи республики; многочисленность блюдъ, напримѣръ, объясняется тѣмъ, что они подавались на выборъ. Во всякомъ случаѣ, римлянинъ только благодаря грекамъ южной Италіи и въ связи съ расцвѣтомъ торговли

Рис. 196. МЕЛЬНИЦА СЪ ЗАПРЯЖЕННЫМЪ ОСЛОМЪ.
Надгробіе изъ Остіи. Римъ; Museo Chiaramonti. Съ фотографіи.
На базѣ, слегка углубленной для ниспадающей муки, поднимается конусообразный, покрытый бороздами, жерновъ (*meta*), надъ нимъ полый, похожій на солнечные часы, двойной конусъ подвижнаго жернова (*cotillus*); между обоими мололось зерно. Наверху, налѣво, на деревянной перекладинѣ виситъ звонокъ, подъ нимъ большой молотъ, на стѣнѣ кнутъ.

знакомится съ разнообразными изысканными продуктами ѣды и замысловатымъ приготовленіемъ блюдъ.

Пищевые продукты.

Вся умѣренность южанина древняго времени сказывается въ главномъ продуктѣ его питанія—соленой кашѣ, сваренной изъ полевыхъ овощей (puls), прежде всего изъ полбы; или же изъ жженаго и молотаго ячменя (polenta). Лишь впослѣдствіи стали печь разнообразные виды, въ особенности, пшеничнаго хлѣба. До 171 года до Р. Хр. хлѣбъ пекся дома; впослѣдствіи же у булочника (рис. 197), исполнявшаго одновременно и работу мельника (рис. 196 и 198). Кромѣ цереалій, въ число которыхъ входитъ и просо, употребляются стручковыя растенія, прежде всего излюбленные простымъ народомъ и употребляемые даже въ сакральномъ ритуалѣ — бобы. Безчисленны были сорта свѣжихъ овощей, начиная артишоками, спаржей и кончая капустой и рѣпой, очень распространеннымъ латукомъ и многочисленными луковичными растеніями. Не пренебрегали и грибами. Очень разнообразны травы и пряности; изъ числа заморскихъ пряностей особенно употребительны перецъ, имбирь, корица и гладышъ. Большой распространенностью пользуются всѣ сорта плодовъ: яблоки, груши, сливы, айва, финики, гранатовое яблоко, фиги, виноградъ, и, наконецъ, привезенные въ Италію Лукулломъ вишня, орѣхи, миндаль и каштаны. Не доставало лишь апельсиновъ и лимоновъ, столь характерныхъ для ландшафта современной Италіи.

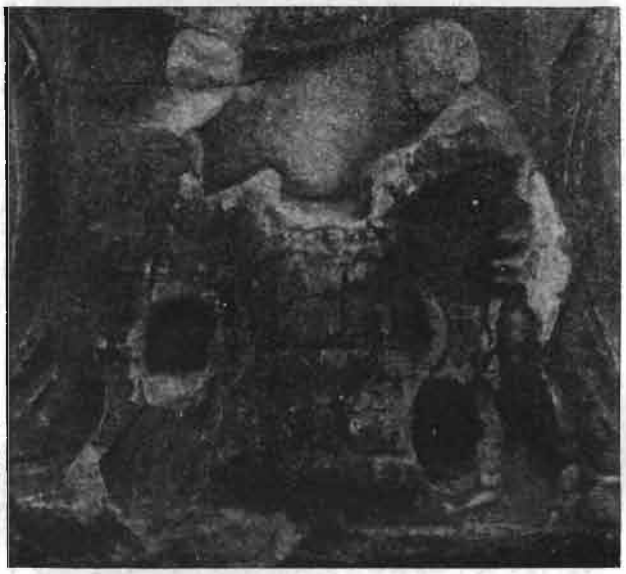

Рис. 197. ДВОЕ БУЛОЧНИКОВЪ, ХЛОПОЧУЩИХЪ ОКОЛО ЧАНА.
Рельефъ саркофага въ Villa Medici.
Съ фотографіи.

Говядина употреблялась въ пищу лишь въ видѣ исключенія, ее замѣняла баранина, мясо ягненка и козы, главнымъ же образомъ свинина, изъ которой приготовлялись разныя лакомыя блюда, и колбаса. Въ ходу была также и дичь: зайцы, олени, лани, кабаны и т. д. Изъ птицъ особенно распространены были гуси, печень которыхъ и тогда уже считалась лакомымъ кускомъ, куры и всѣ ихъ разновидности, голуби и дрозды, и теперь еще въ Италіи употребляемые въ пищу, кромѣ того куропатки, фазаны, привозимые изъ заморскихъ странъ, даже павлины, аисты и журавли. Очень разнообразны были сорта рыбъ, подававшихся къ столу; съ I стол. до Р. Хр. богатыя имѣнія обзаводятся собственными прудами для разведенія рыбы (piscinae); Лукуллъ устроилъ подобный прудъ на берегу моря для морскихъ сортовъ рыбы; этимъ способомъ разводили очень цѣнившуюся мурену. На обширныхъ заводахъ процвѣтало маринованіе и соленіе рыбы, служившей дешевымъ продуктомъ пищи; больше всего употреблялись крупный тунецъ и скумбрія, соотвѣтствующая нашей селедкѣ; здѣсь же

приготовлялись рыбные соуса, замѣнявшіе наши англійскіе. Употреблялись въ пищу и черепокожныя животныя, морскіе ежи, улитки, въ особенности же цѣнившіяся уже римлянами устрицы, для разведенія которыхъ въ первомъ столѣтіи былъ устроенъ паркъ на Лукринскомъ озерѣ. Куриныя яйца и разнообразные сорта сыра входили въ число обычныхъ пищевыхъ продуктовъ; масломъ пользовались только какъ цѣлебнымъ средствомъ, а для приготовленія пищи брали оливковое масло, какъ и въ наше время на Югѣ.

Всѣ эти съѣстные припасы продавались въ лавкахъ, разсѣянныхъ по городу и, главнымъ образомъ, на спеціальномъ рынкѣ (macellum), или же разносились по домамъ. Хозяйка дома, повидимому, мало заботилась о кухнѣ; въ древнее время ею завѣдывали рабыни, впослѣдствіи же все большее значеніе пріобрѣтаютъ повара. Молоко—преимущественно козье и овечье—цѣнилось почти только въ деревнѣ. Что касается вина, сохраняемаго въ погребахъ, въ громадныхъ бочкахъ, чаще всего въ амфорахъ съ узкимъ горломъ (рис. 200), то Италія со временемъ начинаетъ славиться не только наибольшимъ количествомъ производимаго вина, но и наивысшимъ качествомъ его. Тогда какъ до начала перваго столѣтія до Р. Хр. отдавалось предпочтеніе греческимъ винамъ, Хіосскимъ и Лесбосскимъ, теперь начинаютъ высоко цѣнить итальянскія вина, Цекубское и Фалернское, вывозившіяся въ громадномъ количествѣ. Очень распространены были всѣ сорта вина, смѣшаннаго съ пряностями, рядомъ съ названнымъ выше mulsum и фруктовыми винами, тогда какъ употребляемое въ нѣкоторыхъ странахъ пиво (стр. 45), въ Италіи не было въ ходу.

Рис. 198. ПЕЧЕНІЕ ХЛѢБА И РАЗМОЛЪ. Рельефъ саркофага въ Латеранскомъ музеѣ. Съ фотографіи.

Пирушки.

Вслѣдъ за послѣобѣденнымъ принесеніемъ жертвы Ларамъ (рис. 180), въ связи съ сервировкой десерта начиналась пирушка „по греческому обычаю“ (Э. К.,

стр. 106 сл., 280 сл.), какъ обыкновенно выражались, къ которой приглашались гости и съ конца республики даже женщины (рис. 199).

Рис. 199. ПИРУШКА.
Стѣнная роспись въ Помпеяхъ. Съ фотографіи.

Симпосіархъ опредѣлялъ составъ смѣси вина, въ которой преобладала вода, и руководилъ пирушкой, пѣснями, тостами и т. д. Красивый обычай воспѣванія присутствующими подъ аккомпаниментъ флейты хвалы отцамъ и предкамъ, былъ постепенно преданъ забвенію: пирушку оживляли музыканты, мимы, клоуны и въ особенности пѣвицы. Пирующіе часто развлекались игрой въ кости, безобидной ея формой, при помощи четырехъ четырехсторонніхъ костей (астрагаловъ), или же азартной игрой, преслѣдуемой даже закономъ, состоявшей въ бросаніи двухъ или трехъ шестисторонніхъ костей (tesserae). Болѣе невинный характеръ носили разнородныя игры на шахматной доскѣ, и распространенная и сейчасъ еще на югѣ игра въ „морру“, при которой требуется отгадать число поднятыхъ пальцевъ.

Рис. 200. РОЗЛИВЪ ВИНА
изъ большого мѣха въ остроконечныя амфоры.
Сцена происходитъ передъ дверью харчевни.
Стѣнная роспись въ Помпеяхъ.
Ср. Jahn. Handwerk, Tf. 5.

Семья. Мы видѣли, что римская семья древнѣйшаго времени характеризовалась необычайно строгой нравственностью (стр. 283); эта чистота семейной жизни, естественнымъ образомъ, сохраняется и въ славную эпоху республики; но позже, по мѣрѣ упадка моральной устойчивости въ самомъ государствѣ, падаетъ и семейная жизнь.

Въ зависимости отъ высокаго значенія придаваемаго римлянами праву, они и на брак ъ смотрѣли прежде всего какъ на юридическую сдѣлку, обставленную цѣлымъ рядомъ услов ій. Обѣ стороны должны были обладать правомъ на заключеніе гражданскаго брака (conubium), нѣкогда завоеваннымъ плебеями ожесточенной борьбой. Родственныя отношенія между брачущимися не служили препятствіемъ къ браку, хотя самое ученіе о степеняхъ родства было самымъ тщательнымъ образомъ разработано въ римскомъ правѣ; наконецъ, требовалось согласіе заинтересованныхъ сторонъ; въ древнѣйшее время таковыми являлись исключительно представители отцовской власти, въ болѣе позднюю эпоху и сами заключающіе бракъ. О бракѣ, основанномъ на симпатіи, не могло быть и рѣчи, такъ какъ дѣвушка была лишена возможности общенія съ мужчинами; ея помолвка, которая, правда, являлась расторжимой, часто рѣшалась уже во время ея дѣтства, при чемъ она въ древнее время закрѣплялась денежнымъ задаткомъ, впослѣдствіи же болѣе духовнымъ символомъ—кольцомъ. Сосуществованіе разныхъ формъ заключенія брака объясняется исторической эволюціей. Бракъ.

Жена переходила во власть мужа, во-первыхъ, путемъ торжественной confarreatio, получившей свое названіе отъ жертвоприношенія лепешекъ изъ полбы; при ней присутствовали верховный pontifex, flamen Dialis и десятеро свидѣтелей; во-вторыхъ, путемъ „купли“ (coemptio), буквальный смыслъ которой, фактически давно забытый, сохранялся въ символѣ вѣсовъ; въ-третьихъ, путемъ „usus“, при которомъ бракъ считался законнымъ, послѣ того какъ жена по свободному рѣшенію проживала въ домѣ будущаго мужа цѣлый годъ, не проведя внѣ его даже трехъ ночей. На ряду съ этимъ существовала болѣе вольная форма брака, по которой жена оставалась во власти отца и была наслѣдницей его имущества. Естественно, что бракъ, закрѣпленный религіозными церемоніями (confarreatio) и считавшійся неразрушимымъ, со II столѣтія до Р. Хр. становится болѣе рѣдкимъ. Въ періодъ имперіи почти исключительно господствуетъ третья форма брака, рядомъ съ которой изрѣдка упоминается coemptio. Заключеніе брака.

Ритуалъ бракосочетанія очень напоминаетъ греческій (Э. К., стр. 60 сл.), но сообразно характеру римлянина онъ урегулированъ гораздо точнѣе.

Важнымъ вопросомъ для римлянина являлся уже выборъ дня. Кромѣ обычныхъ праздниковъ, календъ, нонъ, идъ и многочисленныхъ праздниковъ отдѣльныхъ боговъ, браки не заключались въ опредѣленные зловѣщіе дни, игравшіе вообще сравнительно крупную роль въ жизни римлянъ (стр. 295). Наканунѣ брака невѣста прощается со своей дѣвичьей жизнью, снимаетъ свое дѣвичье платье, посвящаетъ свои куклы ларамъ и наряжается въ особую тунику recta, въ которой проводитъ ночь; въ день свадьбы она на прямо ниспадающую тунику надѣваетъ желто-красную паллу и покрываетъ голову и часть лица вуалью (flammeum) того же цвѣта. Волосы невѣсты раздѣлялись на шесть рядовъ,—подобно „небеснымъ невѣстамъ“—весталкамъ, и украшались лентами и вѣнками изъ цвѣтовъ, собранныхъ самой невѣстой; въ болѣе позднее время и женихъ украшалъ себя вѣнкомъ. Если ауспиціи благопріятствуютъ, то въ присутствіи свидѣтелей составляется брачный договоръ, поскольку къ нему прибѣгаютъ; въ немъ прежде всего опредѣляются размѣры приданаго; послѣ клятвеннаго

обѣта бракосочетающихся, замужняя женщина соединяетъ ихъ правыя руки,—это торжественный заключительный обрядъ бракосочетанія. Первая часть торжества заканчивается жертвоприношеніемъ, которое въ рѣдкихъ случаяхъ совершается въ храмѣ, и свадебнымъ пиршествомъ въ празднично-убранномъ домѣ невѣсты. Вечеромъ женихъ вырываетъ невѣсту изъ объятій матери, символизируя древній обычай похищенія дѣвушки, и вмѣстѣ съ ея веретеномъ и прялкой уводитъ ее въ свой домъ, въ веселомъ свадебномъ шествіи при свѣтѣ факеловъ, музыкѣ флейтъ и пѣніи шутливыхъ стиховъ нѣсколько грубаго характера. Невѣсту ведутъ трое мальчиковъ, одинъ изъ нихъ идетъ впереди съ факеломъ, а женихъ одной рукой бросаетъ орѣхи по пути своей молодой жены, другой рукой несетъ факелъ. При входѣ въ новое жилище, невѣста вѣнчаетъ дверь вѣтками и уснащаетъ ее мазями, послѣ чего ее переносятъ черезъ порогъ, чтобъ ноги ея не касались пола. Въ атріи ей вручаются ключи дома, и она принимается подъ кровъ и защиту его. На слѣдующій день новобрачная приноситъ первое жертвоприношеніе и принимаетъ дары родственниковъ и друзей.

Женщина.

Римлянка сохраняетъ свое достойное (стр. 283) положеніе въ семьѣ и въ эпоху республики, пользуясь гораздо бо́льшей свободой, чѣмъ ея сестра—гречанка (Э. К., стр. 109 сл., 282 сл.). Характерно уже то обстоятельство, что римлянину никогда не приходитъ въ голову ограничивать свободу жены одной половиной дома. Женщина не была лишена свободнаго общенія съ мужчинами: она принимаетъ родственниковъ и сама ѣздитъ въ гости, принимаетъ участіе въ обѣдахъ у себя дома и внѣ его, при чемъ она, правда, воздерживается отъ вина, она присутствуетъ на богослуженіи, появляется въ судѣ, и ходитъ съ разрѣшенія мужа даже въ циркъ и театръ. Обычай требуетъ только, чтобъ женщина не покидала дома одна. Главной ея задачей, разумѣется, оставалось веденіе хозяйства, не столько наблюденіе за кухней, сколько надзоръ за пряжей шерсти, главнымъ же образомъ, попеченіе о воспитаніи и обученіи дѣтей. Въ болѣе поздніе времена, мужъ величалъ жену „госпожей“ (domina) сообразно высокому почету, которымъ она была окружена, и совѣтовался съ нею въ трудныхъ вопросахъ жизни; день ея рожденія, такъ же какъ общій праздникъ замужнихъ женщинъ, Матроналіи (1-го марта), торжественно праздновался. Однако, хотя римлянинъ высоко уважалъ жену, римскій бракъ носилъ чисто-конвенціональный характеръ, онъ не окружалъ женщину теплотой, напротивъ, слѣдуя типичнымъ для этого народа воззрѣніямъ, римлянинъ воздерживался отъ проявленія ея, и тѣмъ самымъ способствовалъ безнравственности и возбужденію своеволія въ страстномъ характерѣ южанки. Уже послѣ второй пунической войны развиваются страсть къ нарядамъ, расточительность и необузданность нравовъ; такъ какъ замужняя женщина отнынѣ все чаще остается во власти отца, то разводы, ограничивавшіеся простымъ устнымъ или письменнымъ заявленіемъ, въ концѣ республики становятся совершенно обычнымъ явленіемъ. Сулла и Помпей разводились по 4 раза, Цезарь и Антоній по 3 раза; даже люди подобные Цицерону или строгому Катону не останавливались пе-

редъ разводомъ. Распространяется истинный страхъ передъ бракомъ, и уже въ республиканское время государство дѣлаетъ попытки воздѣйствія на безбрачіе и бездѣтность, тѣмъ болѣе, что въ результатѣ этихъ явленій появилась пролазническая погоня за наслѣдствомъ.

Публичныя женщины.

Въ связи съ разрушеніемъ устоевъ брака, число публичныхъ женщинъ, естественнымъ образомъ, разрастается. Чужеземки, бывшія рабыни, дочери отпущенниковъ, явившіяся съ Востока, продавали себя, наполняя публичные дома или же служа въ гостиницахъ, которыя почти безъ исключенія носили характеръ настоящихъ вертеповъ (рис. 193). Еще болѣе безотрадна та откровенность, съ которой выдающіеся люди, особенно поэты послѣднихъ лѣтъ республики, показывались съ своими любовницами, среди которыхъ бывали и замужнія женщины. Даже Цицеронъ не безъ удовольствія разсказываетъ о пиршествѣ у Антонія, на которомъ присутствовала любовница послѣдняго, знаменитая мима. Тѣмъ не менѣе, честность, съ которой римляне говорятъ объ этихъ вопросахъ, выше современной лживости. Между прочимъ, и въ Римъ проникаетъ уродливое явленіе пэдерастіи, хотя она здѣсь никогда не достигаетъ тѣхъ предѣловъ безнравственности, какихъ достигла въ свое время въ Греціи.

Дѣти.

Народу, въ средѣ котораго такъ высоко цѣнилась традиція, особенно дороги были дѣти. Поэтому въ древнія времена старыя знатныя семьи гордились многочисленнымъ потомствомъ, на что, между прочимъ, указываетъ очень популярное имя Decimus („десятый“); усыновленіе также часто практикуется.

Поднявъ дитя, положенное у ногъ его, отецъ семейства тѣмъ самымъ обезпечиваетъ ему жизнь. Послѣ торжественнаго омовенія, мальчику на девятый, дѣвочкѣ на восьмой день, дается имя; на шею ребенку вѣшается амулетъ, заключенный въ ладанку (bulla), предохраняющій его отъ дурного глаза и всякаго другого опаснаго волшебства. Дѣти растутъ подъ надзоромъ матери въ близкомъ общеніи съ дѣтьми рабовъ. Какъ и у насъ, забавами дѣтской служатъ волчки, побрякушки, пестрые мячики, раковины; мальчики играютъ въ деревянное оружіе, дѣвочки въ куклы.

Воспитаніе

Обученіе (ср. рис. 416) начиналось, по всей вѣроятности, такъ же какъ и у насъ, съ шестого года. Однимъ изъ самыхъ симпатичныхъ обычаевъ древняго простого Рима было обученіе сына отцомъ, дѣвочки матерью. Правда, въ древнее время искусство воспитанія ставило своею единственною цѣлью создать изъ юноши полезнаго гражданина и добраго отца семейства; отецъ обучалъ сына владѣть оружіемъ и пахать поле. Но старый достойный Катонъ и Эмилій Павелъ уже ставили себѣ болѣе глубокія цѣли и сами лично учили своихъ дѣтей многому полезному; прежде всего, эти люди уже тѣмъ испол-

няли священный долгъ, о которомъ не мѣшаетъ вспомнить отцамъ нашего времени, что пробуждали въ дѣтяхъ вѣру въ величіе родного народа, знакомя ихъ съ національной исторіей. Съ теченіемъ времени возникаетъ три типа школы, смѣняющіе другъ друга. По преданію, со времени царя Ромула, а фактически съ V вѣка, существовали общедоступныя частныя школы, для совмѣстнаго начальнаго обученія, которымъ руководилъ учитель (litterator) за весьма скромное вознагражденіе (во времена юности Горація, напр., за мѣсячную плату въ 8 асовъ = 35 пфен.). Иногда родители предпочитали поручать обученіе дѣтей одному изъ своихъ отпущенниковъ. Рано утромъ дѣти, иногда съ огнемъ въ рукахъ, отправлялись въ школу, и просиживали въ убогихъ лачугахъ или даже просто на улицѣ, по близости отъ рынка (рис. 64 и 201) шесть дообѣденныхъ часовъ вплоть до прандія (стр. 340). Школьная дисциплина отличалась, повидимому, большой строгостью, удары были совершенно обычнымъ явленіемъ (рис. 164), тогда какъ награды составляли рѣдкое исключеніе. Каникулы были очень продолжительны, на четыре лѣтнихъ мѣсяца обученіе прекращалось, такъ же, какъ во время многочисленныхъ праздниковъ, напр., Сатурналій (Рождества) и Quinquatrus (Пасхи). Обученіе грамотѣ начиналось съ чтенія буквъ, затѣмъ слоговъ, словъ и, наконецъ, предложеній. Такъ какъ число книгъ было очень ограничено, большую роль играла диктовка поэтическихъ текстовъ, въ древнее время изъ Ливія Андроника, впослѣдствіи изъ Вергилія и Горація; содержаніе диктантовъ составляли также законы двѣнадцати таблицъ, которые заучивались, между прочимъ, и наизусть. Ариѳметика ограничивалась четырьмя главными дѣйствіями, но изучались также дроби, при чемъ къ числу учебныхъ пособій принадлежали и счетныя доски (абаки).

Начальное обученіе.

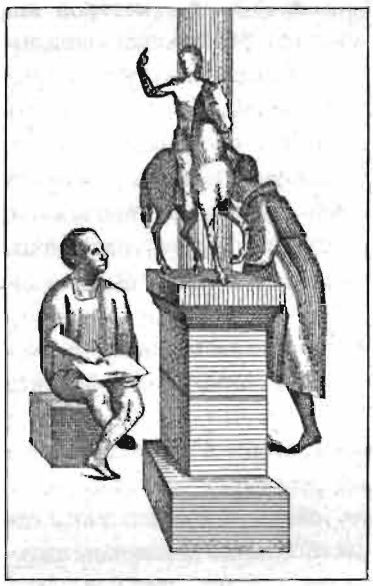

Рис. 201. СТАТУЯ ВСАДНИКА НА ПОМПЕЯНСКОМЪ ФОРУМѢ.
Помпеянская стѣнная роспись.
Ср. Jahn, «Handwerk», Tf. 1.
Мы видимъ, что обученіе происходило подъ открытымъ небомъ и что дѣтей учили рисованію съ натуры.

Всѣ виды писчаго матеріала, распространенные въ эллинистическихъ государствахъ (Э. К., стр. 111 и выше, стр. 70 сл.), примѣнялись и въ Римѣ. Въ школѣ пользовались навощенными дощечками, тѣми же, которыми пользовались для писемъ, кладя одну дощечку на другую (диптихъ); въ ходу были также пергаментъ и папирусъ, на которыхъ писали при помощи камышеваго пера и черныхъ или красныхъ чернилъ.

Писчія принадлежности.

Дѣтей съ ранняго возраста пріучали къ гимнастическимъ упражненіямъ, особенно къ бѣгу, прыганью, въ болѣе зрѣломъ возрастѣ—къ борьбѣ, кулачному состязанію, метанью копья, верховой ѣздѣ на Марсовомъ полѣ; только публичная школа гимнастики грековъ, палэстра, по нравственнымъ и педагогическимъ соображеніямъ, въ Римѣ не привилась.

Женское обученіе. Женское обученіе въ большинствѣ случаевъ ограничивалось скромными предѣлами начальной школы. Въ число предметовъ обученія входили, разумѣется, также рукодѣліе, пряжа, тканье, вышиваніе, музыка, игра на струнныхъ инструментахъ (Э. К., стр. 112 сл.) танцы и пѣніе, какъ хоровое, такъ и solo; женской гимнастикой еще пренебрегали. Когда греческій языкъ сталъ универсальнымъ языкомъ всего культурнаго міра, множество женщинъ стало имъ заниматься.

Высшее обученіе. Мы знаемъ, что во времена Пирра римскому сенату понятенъ греческій языкъ, что римскіе послы выступаютъ въ греческомъ театрѣ въ качествѣ ораторовъ передъ лицомъ народа, хотя ихъ рѣчь и не всегда вполнѣ правильна; мы поймемъ, поэтому, что съ этого времени обученіе литератора не могло удовлетворить мальчиковъ интеллигентныхъ общественныхъ слоевъ. Высшее обученіе бралъ на себя grammaticus; первоначально это былъ отпущенникъ, обучавшій юношей въ домѣ своего господина; съ середины второго столѣтія мы находимъ спеціальныя школы, руководимыя грамматиками. Эти учителя, первоначально боровшіеся съ нуждой, въ концѣ разсматриваемой эпохи часто добивались крупнаго благосостоянія. Центромъ обученія, которое то ограничивалось греческимъ или латинскимъ языкомъ, то охватывало оба языка, являлись поэты; обученіе начиналось съ Гомера, Ливія Андроника и Энпія, которыхъ въ эпоху имперіи замѣняетъ Вергилій. Сначала учитель самъ прочитывалъ ученикамъ произведеніе поэта, часто диктуя его имъ, затѣмъ выяснялъ ученикамъ его форму и содержаніе, при чемъ ему приходилось касаться самыхъ разнообразныхъ областей знанія; особенно подробно трактовались вопросы миѳологіи. Стилистическое усовершенствованіе было ближайшей цѣлью обученія, однако не пренебрегали и его нравственной стороной. Работа самого ученика состояла въ усердномъ заучиваніи наизусть прочитаннаго въ письменной и устной передачѣ и другихъ задачахъ. Для усовершенствованія въ чужомъ языкѣ къ юношѣ въ качествѣ провожатаго приставляли греческаго раба, больше приближающагося, такимъ образомъ, къ типу современнаго педагога, чѣмъ его греческій образецъ (Э. К., стр. 111). Лишь въ эпоху имперіи это чисто-гуманистическое обученіе нѣсколько расширяется; введеніе въ него музыки и геометріи обнаруживаетъ стремленіе къ „всестороннему образованію“ (стр. 68).

Риторическое обученіе. По завершеніи средняго образованія, юноша еще не могъ принимать участія въ общественной жизни. Знаніе законовъ и умѣнье говорить

пріобрѣтались путемъ практики; для этой цѣли отецъ или старшіе друзья брали юношу съ собой на форумъ и отечески его поучали. Еще въ эпоху поздней республики эти практическіе курсы государствовѣдѣнія, на которые мы смотримъ съ нѣкоторой завистью, были очень распространены. При постоянно растущемъ осложненіи государственной жизни пріобрѣтенныя такимъ путемъ свѣдѣнія удовлетворять не могли. Съ I стол. до Р. Хр. на сцену появляется риторъ, учитель ораторскаго искусства, сначала греческій, затѣмъ латинскій, которому въ первое время пришлось выдержать немалую борьбу со „стариками“. Сообразно съ цѣлью этого обученія центромъ его становится проза, а именно—ораторы и историки, къ сожалѣнію, зараженные риторикой. Съ отрицательнымъ характеромъ этого обученія насъ ближе познакомитъ литература эпохи имперіи.

Объявленіе совершеннолѣтія.

Въ эпоху республики юноша съ достиженіемъ семнадцатаго года жизни объявляется совершеннолѣтнимъ. Это событіе часто пріурочивалось къ празднику Либералій (17-го марта); обыкновенно нѣсколько связанныхъ дружественными отношеніями семействъ устраивали общій праздникъ. Съ этого дня юноша снималъ окаймленную полосою тогу мальчиковъ, praetexta, и надѣвалъ мужскую—virilis. Послѣ жертвоприношенія ларамъ родственники торжественно привѣтствовали (salutatio) юношу въ атріи передъ изображеніями предковъ. Затѣмъ отецъ отправлялся съ сыномъ къ претору, который устанавливалъ точный составъ его имени и вносилъ его въ списокъ годныхъ къ военной службѣ гражданъ. Радостное пиршество заключало семейное торжество.

Имя.

Установленіе преторомъ формы имени, напоминающее до извѣстной степени дѣятельность нашихъ дворянскихъ присутствій, указываетъ на связанность римлянина въ этой области опредѣленными узаконеніями. Верховный юристъ опредѣлялъ, соотвѣтствовало ли имя, носившееся мальчикомъ до той поры, родовымъ традиціямъ; если онъ убѣждался въ обратномъ, то имя это сохранялось только въ видѣ agnomen'а. Имя каждаго знатнаго римлянина обыкновенно состояло изъ трехъ частей: одно изъ личныхъ римскихъ именъ (praenomen), стереотипно повторявшихся въ каждой данной семьѣ (въ обиходѣ ихъ существовало всего около $1^1/_2$ дюжины); второе имя, превратившееся въ развѣтвленныхъ семьяхъ изъ семейнаго въ родовое (nomen); и, наконецъ, спеціальное фамильное имя, часто возникавшее изъ неизящнаго прозвища (cognomen) или шутливой клички. За особыя заслуги, къ мужскому имени присоединялось agnomen, какъ, напр., Africanus, Magnus и т. д. Дочерямъ часто давалось только родовое имя и обозначеніе „старшая“, „младшая“, „третья“, „четвертая“; лишь къ концу республики и онѣ именуются фамильнымъ именемъ, напр. Цецилія Метелла (къ рис. 144). Отпущенникамъ давалось родовое имя ихъ бывшаго господина, причемъ они свое неримское имя сохраняли въ видѣ cognomen; въ позднѣйшія времена къ этимъ именамъ присоединялось еще личное имя отпустившаго ихъ на волю господина.

Послѣ объявленія совершеннолѣтія, семнадцатилѣтній юноша посвящалъ себя военной службѣ; на долю знатныхъ юношей выпадало счастье изучать военное искусство подъ руководствомъ великихъ

полководцевъ ихъ современниковъ (стр. 322). Близость къ одному изъ выдающихся государственныхъ дѣятелей знакомила съ общественной жизнью; проникновеніе въ тайны правовѣдѣнія было возможно только подъ руководствомъ юриста-практика, среди которыхъ число выдающихся было очень ограничено. Однако, пытливый римлянинъ, одаренный необычайной жаждой знанія, въ большинствѣ случаевъ не удовлетворялся названными тремя ступенями школы; и юноши, и зрѣлые

Университетское образованіе.

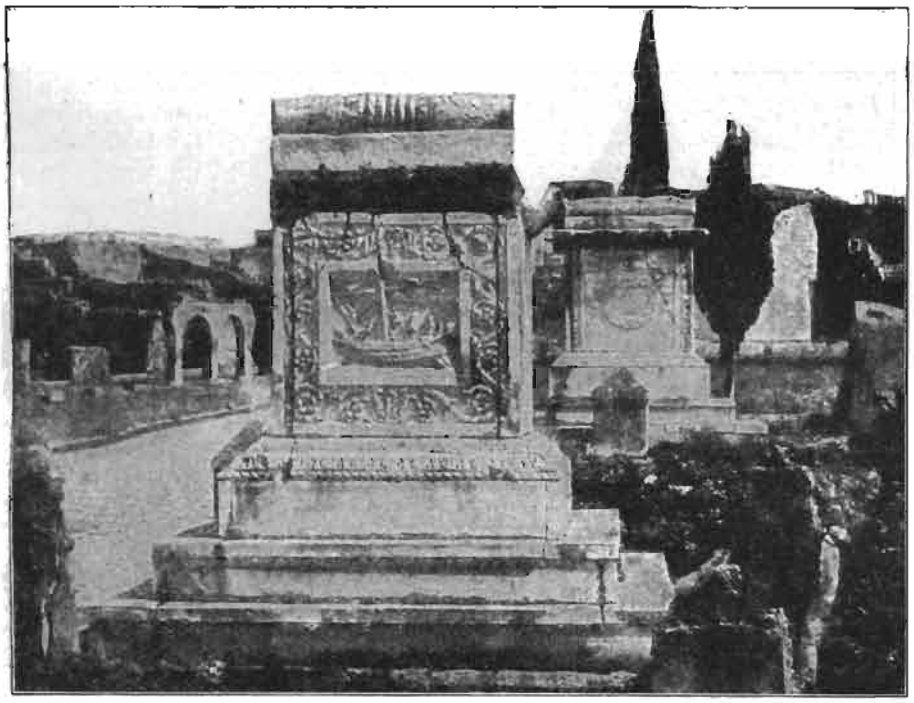

Рис. 202. ПОМПЕЯНСКІЕ НАДГРОБНЫЕ ПАМЯТНИКИ.
Съ фотографіи.
На первомъ планѣ надгробіе Naevoleia Tyche съ изображеніемъ торговаго судна (на немъ опускаются паруса,— символъ конца жизни). На второмъ планѣ надгробный памятникъ Кальвенція Квіета (Calventius Quietus), украшенный дубовымъ вѣнкомъ (*corona civica*; ср. стр. 327).

люди тянутся къ сокровищницѣ греческой мудрости, къ ея ораторскому искусству, къ ея наукѣ, въ особенности же къ философіи. Съ этой цѣлью римляне оказывали гостепріимство греческимъ ученымъ, подобно тому, какъ въ XVIII столѣтіи нѣмцы предлагали пріютъ французскимъ эмигрантамъ; предпринимались путешествія съ научной цѣлью въ центры греческой интеллектуальной жизни, гдѣ учащіеся черпали греческую науку изъ первоисточниковъ. Такими университетскими городами были въ тѣ времена Аѳины и Родосъ.

Погребеніе мертвецовъ и у римлянъ считалось священнымъ долгомъ. Если кому приходилось увидѣть по дорогѣ трупъ совершенно

Погребеніе.

чужого человѣка, то было въ обычаѣ бросить и на него горсть земли; погибшихъ на чужбинѣ римлянинъ, подобно греку, чтилъ такъ называемыми пустыми могилами (кенотафіи; ср. рис. 178: „ossa inferre licebit“).

Сынъ или одинъ изъ близкихъ родственниковъ скончавшагося закрывалъ ему глаза, называя его въ послѣдній разъ по имени. Съ роскошью погребенія борются уже законы двѣнадцати таблицъ. Подобно греческому, погребеніе распадается на три акта. Послѣ омовенія и патиранія мазями, покойника облекали въ тогу и укладывали на парадное ложе ногами къ двери. Его окружали полученные имъ при жизни почетные вѣнки, которые сопровождали его въ могилу. Раздавались флейты и струнные инструменты, въ

Рис. 203. ПИРАМИДА (въ 37 метр. длины) Цестія, умершаго въ 12 г. до Р. Хр.; она воздвигнута изъ кирпича и облицована мраморными квадрами; включена въ предѣлы городской стѣны Аврелианомъ. Направо видѣется Porta Ostiensis.

Съ фотографіи.

древнѣйшее время и голоса плакальщицъ. Vestibulum было украшено вѣтками кипариса и елей, деревьями смерти.

Похороны начинаются торжественной процессіей; импозантный характеръ похоронъ знатнаго римлянина производилъ глубокое впечатлѣніе даже на великаго историка Полибія. Въ древнѣйшее время они совершались ночью, впослѣдствіи же торжественныя похороны, о которыхъ предварительно извѣщалъ кличъ глашатая, происходили въ утренніе часы, въ моментъ наибольшаго оживленія уличнаго движенія. Церемоніймейстеръ похоронъ, окруженный ликторами, слѣдилъ за процессіей, начинавшейся въ святилищѣ древне-италійской богини Либитины. Музыканты и (въ древнее время) плакальщицы шли во главѣ ея; за ними слѣдовали мужчины, представлявшіе сцены изъ жизни усопшаго. Въ высшей степени оригинальное зрѣлище представляли изъ себя высокія колесницы, на которыхъ ѣхали предки покойнаго. Ихъ изображали кліенты, впослѣдствіи даже сценическіе артисты, съ восковыми масками на лицахъ (стр. 293); обле-

ченные въ магистратскія инсигніи, окруженные ликторами, они тянулись длинной вереницей, иногда въ нѣсколько сотенъ людей, представляя собой своеобразную и потрясающую картину. Иногда въ процессіи везлись предметы изъ военной добычи предковъ, напоминавшія о доблестныхъ дѣлахъ ихъ жизни. Несли огромныя количества сжигавшагося съ покойнымъ ладана, и дары, которые сопровождали его въ могилу; затѣмъ слѣдовалъ на парадномъ ложѣ покойникъ, окруженный факелами. За нимъ шли его близкіе въ траурныхъ одеждахъ, магистраты, сенаторы и представители аристократіи (стр. 203), снявъ съ себя всѣ почетные знаки отличія,—мужчины, покрывъ голову тогой, женщины съ распущенными волосами. Достигнувъ форума, „предки“ размѣщались на курульныхъ креслахъ, и близкій родственникъ, — если же похороны организовались государствомъ, то избранный съ этой цѣлью сенаторъ, — произносилъ *надгробное слово*, носившее характерное названіе „восхваленія“ (*laudatio*), обычай, извѣстный каждому интеллигентному человѣку по Шекспировскому Юлію Цезарю.

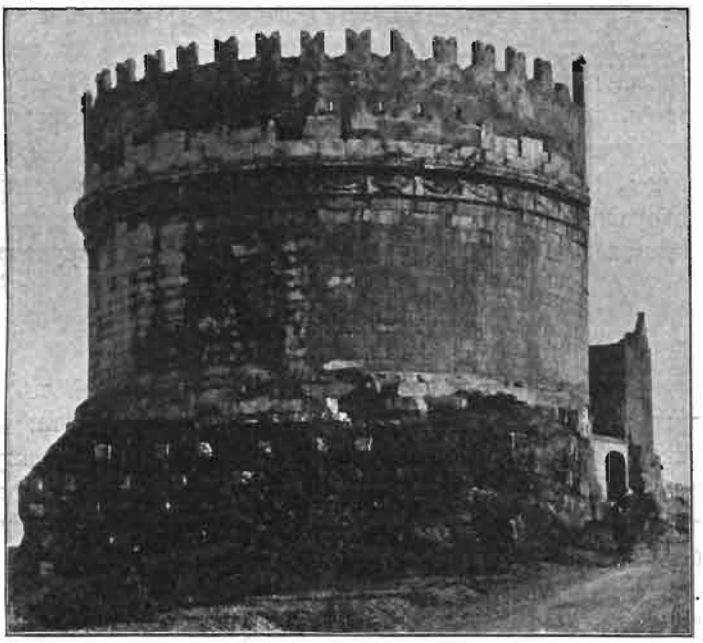

Рис. 204. ГРОБНИЦА ЦЕЦИЛІИ МЕТЕЛЛЫ (ср. рис. 144).
Съ фотографіи.
Въ двухъ километрахъ отъ Porta S. Sebastiano. Діаметръ гробницы равняется 20 м. Похороненная здѣсь Цецилія была, по всей вѣроятности, невѣсткой тріумвира Красса. Зубцы на краю крыши построены въ XIII столѣтіи, когда Гаэтани превратили гробницу въ башню. О первоначальномъ видѣ крыши мы представленія не имѣемъ.

Въ древней Италіи рядомъ съ *погребеніемъ* мертвыхъ уже въ раннюю пору возникаетъ обычай трупосожженія; лишь въ средѣ простонародья сохранялось болѣе дешевое погребеніе, котораго придерживались и нѣкоторыя старыя аристократическія семьи, напр. Корнеліи. Покойника, облаченнаго въ обычное одѣяніе, окруженнаго разными дарами (на женщинъ надѣвали ихъ драгоцѣнности, съ дѣтьми клали игрушки) на торжественномъ ложѣ несли на костеръ; одинъ изъ родственниковъ возжигалъ его при помощи факела, причемъ онъ стоялъ отвернувшись отъ мертвеца и повторялъ трижды „Прощай!“. Зола тушилась виномъ, опускалась въ урну и погребалась вмѣстѣ съ костями въ могилѣ подъ или надъ землей. Послѣ очистительнаго ритуала праздновалась тризна, которой начиналось девятидневное *похоронное торжество*, тризной же заканчивавшееся; только трауръ вдовы продолжался 10 мѣсяцевъ. Мы знаемъ по Теренцію объ обычаѣ чтить мертвецовъ похоронными *играми*. Покойнику при разныхъ случаяхъ приносились обильныя возліянія; 21 февраля праздновались Фераліи, всеобщій праздникъ мертвыхъ.

Надгробные памятники.

Надгробные памятники, украшенные хвалебными надписями, встрѣчались еще въ шестомъ столѣтіи въ предѣлахъ города, впослѣдствіи въ городѣ хоронились только выдающіеся граждане. Бѣдняковъ хоронили передъ эсквилинскими воротами. Великолѣпныя гробницы тянутся вдоль латинской, особенно же аппіевой дороги, мы ихъ видимъ также передъ Геркуланскими воротами въ Помпеяхъ. Надгробные памятники отличаются самыми разнообразными формами, представляя изъ себя то круглые или четырехугольные камни (cippi), то столбы въ видѣ алтаря (рис. 202), то скамьи, то пирамиды (рис. 203), то круглыя строенія, напоминающія замокъ (рис. 204), иногда же цѣлыя постройки въ видѣ храма съ портиками. Съ конца республики для бѣдняковъ существовали особыя кладбища, такъ называемые колумбаріи („голубятни“), особыя зданія, въ стѣнахъ которыхъ дѣлались многочисленные ряды нишъ, находившихся рядомъ и другъ надъ другомъ (рис. 287); здѣсь хоронились, главнымъ образомъ, члены товариществъ, состоявшихъ членами похоронныхъ кассъ; этотъ видъ кладбища начинаетъ вновь возрождаться въ наше время въ связи съ введеніемъ трупосожженія.

6. РЕЛИГІЯ

Въ эволюціи римской религіи сочетаются двѣ стороны народнаго духа, на первый взглядъ исключающія другъ друга: консервативное охраненіе стараго и чуткая воспріимчивость къ новому. Совершенно естественно, что при растущемъ числѣ божествъ и культовыхъ обрядовъ даже благочестивые римляне съ теченіемъ времени стали забывать многое старое, такъ что Варронъ задумывается уже надъ „неясными“ божествами. Представленія о многочисленныхъ новыхъ божествахъ проникали прежде всего изъ Италіи. Распространяется поклоненіе греческимъ богамъ, а со времени грозной войны съ Ганнибаломъ начинается широкая эллинизація религіи, приводящая къ совершенному сліянію греческихъ и римскихъ божествъ (стр. 265). Благодаря посредничеству грековъ, въ Италію проникаютъ и восточные культы: съ 204 года культъ „великой матери“ Востока, съ середины послѣдняго столѣтія до Р. Хр. культъ Исиды (стр. 94), первоначально встрѣтившій ожесточенный протестъ. Новый характеръ римскаго религіознаго культа находится въ связи съ развитіемъ Рима какъ могучей всемірной державы. Юпитеръ на Капитоліи пріобрѣтаетъ центральное значеніе для государства, святилище Діоскуровъ становится священнымъ средоточіемъ всадниковъ, тогда какъ храмъ Цереры служитъ архивомъ плебеевъ, а въ храмѣ Сатурна хранится государственная казна.

Измѣненія меньше всего коснулись религіозныхъ коллегій свѣдущихъ лицъ, которыя зарождаются въ эпоху царей (стр. 284 сл.), и пріі-

обрѣтаютъ въ республиканское время высокое значеніе. Это прежде всего относится къ понтификамъ, значеніе которыхъ разсмотрѣно въ связи съ возникновеніемъ и развитіемъ жречества rex sacrorum (стр. 284). Къ эпохѣ республики (съ 196 г.) относится учрежденіе характерной должности tresviri epulones, на обязанности которыхъ лежало устройство пиршества для всего сената во время Римскихъ и Плебейскихъ игръ, во время освященій храмовъ и тріумфовъ; ихъ число росло вплоть до временъ Цезаря. Древній сложный способъ вопрошанія воли боговъ замѣняется искусствомъ этрусскаго гаруспика. Въ эпоху поздней республики онъ принадлежитъ къ числу постоянныхъ слугъ высшаго магистрата; онъ наблюдаетъ по внутренностямъ животныхъ добрыя или зловѣщія предзнаменованія, толкуетъ молніи по мѣсту ихъ появленія на небосклонѣ, раздѣленномъ на опредѣленныя области, имѣющія разное значеніе, объясняетъ значеніе противоестественныхъ явленій природы и правильное примѣненіе очистительныхъ средствъ.

Растущее значеніе жречества, между прочимъ и для политической жизни, сказалось не только въ томъ, что послѣдней изъ уступокъ аристократіи было допущеніе къ нему плебеевъ (300), но и въ томъ, что кооптація четырехъ высшихъ жреческихъ должностей съ конца второго столѣтія до Р. Хр. замѣнена была замѣщеніемъ ихъ по народному выбору.

Культъ.

Постепенно эллинизировалось и богопочитаніе. Домашній культъ оставался консервативнымъ, государственный же принималъ новыя формы. Храмы и статуи боговъ воздвигались по греческимъ образцамъ, жертвы роднымъ божествамъ приносились по греческому ритуалу, многія древнія божества были преданы забвенію или пользовались только оффиціальнымъ почитаніемъ. Первый римскій поэтъ, Ливій Андроникъ, является новаторомъ какъ въ области педагогики, такъ и въ области культа: онъ сочиняетъ, правда, заказанный оффиціальными властями, торжественный гимнъ по греческому образцу (207 г. до Р. Хр.). Греческое вліяніе, въ связи съ стремленіемъ къ роскоши жизни, создаетъ и новыя формы религіозныхъ празднествъ.

Супликаціи были празднествами мольбы или благодаренія. Толпы гражданъ, не исключая отпущенниковъ, торжественно украшенныя вѣнками, въ теченіе трехъ дней стекались въ храмы. Въ связи съ этими праздниками устраивалось великолѣпное пиршество боговъ. Во время лектистерній мужскихъ и селлистерній (стр. 334) женскихъ божествъ вокругъ торжественнаго стола размѣщались хранившіяся въ святилищахъ фигуры боговъ, прекрасно наряженныхъ, набѣленныхъ и нарумяненныхъ. Для народа устраивались при этомъ роскошныя угощенія. Мы наталкиваемся также на слѣды зарожденія мистерій (Э. К., стр. 251), правда, въ извращенныхъ ихъ формахъ. Съ начала второго столѣтія оргіастическій культъ „великой матери“ проникаетъ въ аристократическіе слои общества; тщетна была борьба властей съ этимъ чужеземнымъ культомъ, повлекшая за собой, между прочимъ, изгнаніе прорицателей „халдеевъ“ (139 г. до

Рис. 205. КОПНЫЙ БѢГЪ ЭРОТОВЪ.

Рельефъ саркофага, находящагося въ Ватиканѣ. Ср. Mus. Pio-Clement. V, Tf. 39.

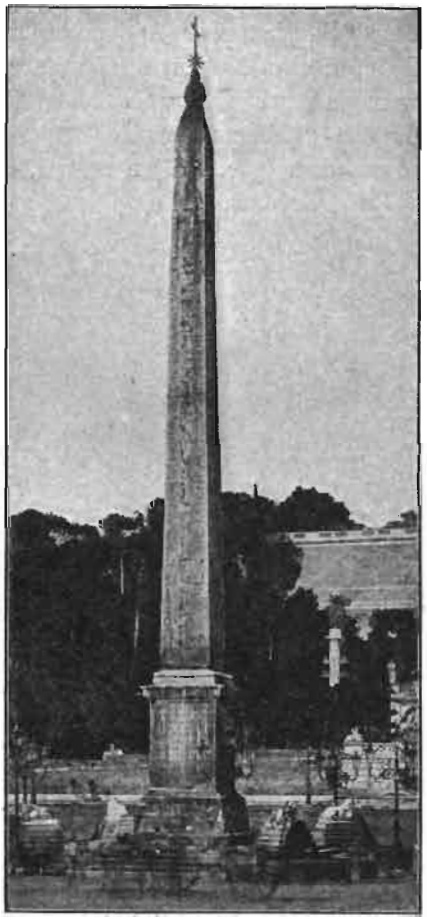
Яйцевидные предметы направо на колоннахъ показываютъ, сколько разъ достигалась цѣль бѣга; при каждомъ достижении ея одинъ изъ этихъ предметовъ снимался, а на другой колоннѣ перевертывался дельфинъ. Отдѣльные всадники представляютъ собою, быть-можетъ, desultores, перескакивавшихъ во время бѣга съ одной лошади на другую.

Р. Хр.) и ужасный массовый процессъ Вакханалій (186 г. до Р. Хр.), напоминающій громкіе процессы современной Италіи.

Всѣ эти явленія представляютъ собой симптомы быстраго упадка государственной религіи. Подъ вліяніемъ греческой поэзіи и философіи она въ послѣдній вѣкъ республики, одновременно съ ростомъ революціоннаго движенія, все болѣе и болѣе разлагалась. Высшія жреческія магистратуры пріобрѣтаютъ сильное политическое вліяніе, и таинственное искусство испрошенія божественной воли, divinatio, становится средствомъ политической борьбы. Нарушается традиціонная періодичность религіозныхъ праздниковъ, ибо понтифики перестаютъ слѣдить за календаремъ, пока не положенъ былъ этому предѣлъ систематизаціей римскаго календаря Цезаремъ.

Игры. Только одинъ институтъ процвѣтаетъ—это игры, какъ-разъ потому, что ихъ связь съ культомъ, никогда не отличавшаяся у римлянъ прочностью, окончательно рушится. Преданіе сохранило память объ играхъ, относящихся къ эпохѣ царей, сооруженіе „великаго цирка“ (стр. 358) приписывается уже Тарквинію Приску. Эти древнѣйшія игры, организуемыя жречествомъ, опредѣленно носятъ характеръ религіозныхъ торжествъ. Въ позднѣйшее время этотъ религіозный характеръ сохраняютъ однѣ только секулярныя игры. Въ серединѣ сентября праздновались ludi Romani; отправлялсь осенью въ походъ, войско давало обѣтъ почтить ими боговъ при возвращеніи въ концѣ лѣта; это празднество съ теченіемъ времени растянулось на 16 дней. Къ этимъ играмъ примыкаютъ Плебейскія игры (220), а затѣмъ въ быстрой послѣдовательности, въ эпоху полнаго перерожденія римской религіи, къ концу III столѣтія, игры Цереры, Аполлона, „Великой Матери“ (Megalenses) и Флоры. Въ концѣ эпохи республики число дней, посвященныхъ религіознымъ играмъ, достигало 64. Кромѣ того, знатныя семьи знаменовали

играми тріумфы и чтили ими, согласно древне-греческому обычаю, встрѣчаемому только у Гомера, память покойниковъ; въ концѣ разсматриваемаго нами періода устраивались также игры въ память побѣдъ Суллы и Цезаря. Часть расходовъ, даже по устройству государственныхъ игръ, ложилась на частныхъ лицъ, особенно эдиловъ, нерѣдко жертвовавшихъ все свое состояніе ради пріобрѣтенія популярности среди народа; исполнителями въ играхъ являются отпущенники, рабы и другіе низшіе общественные элементы. Уже въ республиканское время ясно обрисовывается весь контрастъ римскихъ игръ по сравненію съ древне-греческими, въ которыхъ благороднѣйшіе представители народа состязались другъ съ другомъ въ честь боговъ, сопровождая состязанія скромнымъ празднествомъ (Э. К., стр. 129). Попытки введенія греческихъ гимническихъ и мусическихъ агоновъ въ эпоху республики успѣхомъ не увѣнчались. Римскія игры все опредѣленнѣе принимаютъ характеръ великолѣпныхъ народныхъ зрѣлищъ; ихъ культурно-историческое значеніе очень велико, ибо онѣ рисуютъ намъ весь блескъ жизни римскаго мірового государства и глубоко знакомятъ насъ съ психологіей народа. Безотрадность же нашихъ наблюденій объясняется характеромъ самихъ игръ.

Цирковыя игры.

Рис. 206. ОБЕЛИСКЪ НА PIAZZA DEL POPOLO.
Съ фотографіи.
Воздвигнутъ въ 31 г. до Р. Хр. Августомъ на spina Circus Maximus.

Къ древнѣйшимъ и благороднѣйшимъ національнымъ играмъ римлянъ принадлежатъ игры въ циркѣ, сохранившія больше остальныхъ тѣсную связь съ религіей. Поэтому большинство названныхъ великихъ религіозныхъ праздниковъ, особенно праздникъ „Римскихъ“ игръ, сопровождались торжественной процессіей, которая направлялась отъ Капитолія къ циркѣ; въ ней шли не только участники состязанія, сопровождаемые музыкантами, танцорами, а также римскіе мальчики, выстроенные подобно солдатамъ, но и распорядитель игръ въ тріумфальномъ

одѣяніи Юпитера (стр. 328); на торжественной колесницѣ везлись символы и изображенія божествъ. Въ виду такого религіознаго характера цирковыхъ игръ, съ циркомъ связаны были и нѣкоторые пережитки старыхъ игръ, въ которыхъ принимало участіе само гражданство; таковы были, напр., Троянскія игры конныхъ мальчиковъ и игры всадниковъ. Въ Римѣ существовали два цирка для игръ — древній Circus Maximus между Палатиномъ и Авентиномъ и Circus Flaminius на Марсовомъ полѣ. Первый былъ длиною болѣе 600 м. и шириною въ 150 и могъ вмѣстить въ концѣ разсматриваемаго нами періода 150 000 человѣкъ зрителей. Четыре четверки лошадей семь разъ проѣзжали мимо ряда (spina) обелисковъ (рис. 206) и статуй, стоявшихъ посрединѣ цирка, и затѣмъ огибали три конусообразныхъ меты изъ свѣтлой бронзы. По сигналу, даваемому распорядителемъ игръ, сидѣвшимъ на возвышеніи, бѣгъ возобновлялся до десяти, двѣнадцати разъ, возбуждая напряженный интересъ толпы зрителей. Побѣдителя награждали вѣнкомъ, пальмовой вѣтвью или драгоцѣнными одеждами, иногда высокими денежными суммами, такъ что участники ристанія, рабы или люди другихъ низшихъ сословій, зарабатывали себѣ, подобно современнымъ жокеямъ, крупныя состоянія, хотя ихъ профессія не принадлежала къ числу почтенныхъ. Для дальнѣйшаго развитія цирковыхъ зрѣлищъ крупную роль сыграли клубы, основывавшіеся владѣтелями скаковыхъ лошадей; клубы различались по цвѣтамъ; уже въ эпоху республики существовали „красные“ и „бѣлые“.

Рис. 207. ОССКІЕ ГЛАДІАТОРЫ.
Надгробная роспись изъ Капуи, нынѣ въ Museo Campano.
Ср. Jahrb. d. Inst., XXIV, 1909, Tf. 11.
На обоихъ гладіаторахъ окаймленная красной полосой и полосатая одежда, золотые пояса, въ рукахъ желтые щиты съ краснымъ кругомъ въ центрѣ. Оба гладіатора тяжело ранены; правый геройски подавляетъ въ себѣ боль.

Театральныя игры.

Вліяніе эллинизма особенно сильно сказывается на сценическихъ представленіяхъ, которыя обыкновенно предшествовали цирковому зрѣлищу. Ихъ художественное развитіе и быстрый упадокъ будутъ разсмотрѣны ниже. Долгое время довольствовались временными деревянными театрами, пока въ 55 г. до Р. Хр. Помпей не построилъ перваго каменнаго театра, вмѣщавшаго 40 000 зрителей. Главное различіе между греческимъ (рис. 226) и римскимъ театромъ состояло въ томъ, что полукруглое пространство между мѣстами для зрителей и сценой,

оркестра (Э. К., стр. 292) служило въ послѣднемъ не для хора, а для почетныхъ мѣстъ. Сидѣнія располагались уступами, послѣдній рядъ предназначался для женщинъ, которыя въ національномъ циркѣ сидѣли среди мужчинъ. Сцена была очень широка и глубока, такъ какъ на ней рядомъ съ актерами выступалъ хоръ. Пововведеніемъ римскаго театра была крыша надъ мѣстами для зрителей, предохранявшая отъ солнца, и занавѣсъ, поднимавшійся въ концѣ акта и отдѣлявшій сцену отъ зрителей; такимъ же нововведеніемъ является музыка въ антрак-

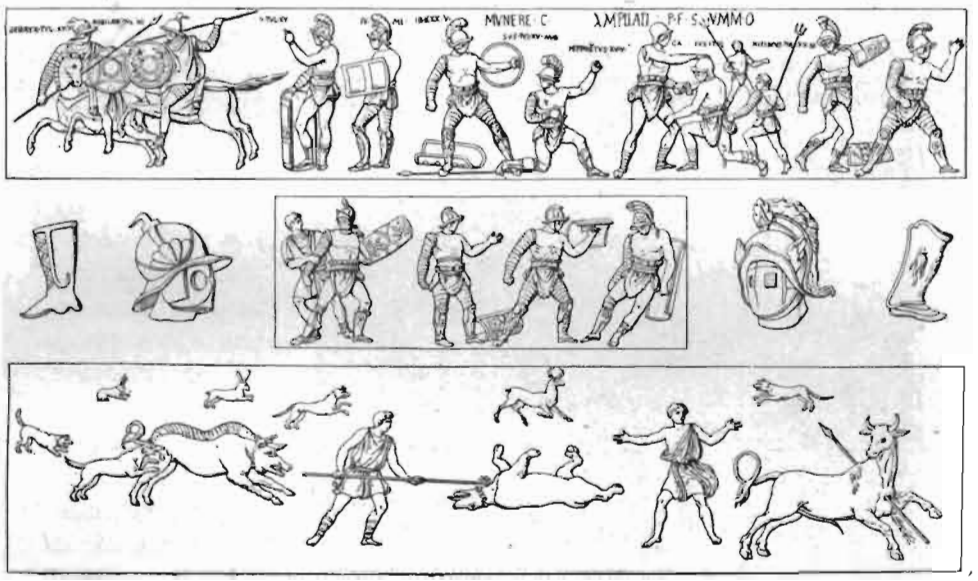

Рис. 208. СОСТЯЗАНІЯ ВЪ АМФИТЕАТРѢ.
Стуковый рельефъ съ надгробнаго памятника Умбрація Скавра въ Помпеяхъ. Ср. Baumeister, «Denkmäler» III, рис. 2353.

Первый рядъ—борьба гладіаторовъ: всадники, вообще рѣдко встрѣчающіеся, еракійцы, вооруженные маленькими щитами въ борьбѣ съ самнитами, вооруженными большими щитами, наметчики сѣтокъ съ трезубцами и «преслѣдователи». Второй рядъ—побѣдитель самнитъ, который готовится убить противника; надзиратель игръ его удерживаетъ; направо отъ него смертельно раненый самнитъ. По обѣимъ сторонамъ роскошное оружіе гладіаторовъ. Третій рядъ—охота на животныхъ: кабана, медвѣдей и быковъ; на фонѣ рельефа зайцы и олень, преслѣдуемые собаками.

тахъ. Наши свѣдѣнія о декоровкѣ сцены очень скудны: подобно греческимъ періактамъ, и на римской сценѣ фигурировали трехстороннія призмы, украшенныя картинами и замѣнявшія декораціи. Декораціи самой сцены также мѣнялись, причемъ мы у римлянъ видимъ гораздо большее стремленіе къ роскоши, чѣмъ у грековъ. Число римскихъ актеровъ не было ограничено подобно числу греческихъ; оно соотвѣтствовало, какъ у насъ, числу ролей. Римляне переносили свою любовь къ прекрасной внѣшней обстановкѣ и на сцену; великолѣпныя процессіи разнообразили зрѣлище. Маска становится аттрибутомъ актеровъ со времени Теренція. Хотя большинство актеровъ были отпущенники, даже рабы, находившіеся въ большой зависимости отъ своихъ директоровъ, и сценическая профессія считалась недостойной, тѣмъ не

менѣе представителей ея впослѣдствіи осыпали не только богатыми дарами, статуями и надѣляли правомъ гражданства, но люди вродѣ Суллы относились къ нимъ съ почетомъ, а во времена Цицерона годовой доходъ актера Росція достигалъ 100 000 марокъ, знаменитая же мима зарабатывала около половины этой суммы (ср. рис. 223).

Амфитеатръ.

Третій видъ типично римскихъ зрѣлищъ—бои гладіаторовъ, къ которымъ греки относились съ препебреженіемъ, происходили со времени Цезаря въ деревянномъ, съ 29 года до Р. Хр. въ каменномъ амфитеатрѣ. Возникшая при Веспасіанѣ постройка этого типа, такъ наз. Колизей, съ рядами сидѣній на обѣихъ сторонахъ эллиптическаго круга (ср. рис. 296 сл.), вмѣщала всѣхъ свободныхъ гражданъ Рима. До возникновенія архитектурнаго типа амфитеатра изъ смѣлаго соединенія двухъ деревянныхъ театровъ, амфитеатральныя игры происходили на скотномъ рынкѣ или на форумѣ, причемъ зрители располагались на крышахъ лавокъ. Главнымъ амфитеатральнымъ зрѣлищемъ являются знаменитыя состязанія гладіаторовъ, немало способствовавшія огрубѣнію римскихъ нравовъ. Они проникаютъ въ Римъ изъ Кампаньи (рис. 207) и возникли, по всей вѣроятности, изъ похоронныхъ игръ, состоявшихъ въ борьбѣ военноплѣнныхъ у трупа павшаго героя; смерть состязающихся замѣняла древнюю человѣческую жертву. У римлянъ эти борцы также падаютъ жертвой, правда, жертвой справедливости: ибо гладіаторы были приговоренными къ смерти преступниками, которымъ думали облегчить смерть болѣе достойнымъ видомъ ея; школы гладіаторовъ, въ которыхъ несчастные преступники жили въ суровыхъ условіяхъ и обучались пріемамъ борьбы, замѣняли до извѣстной степени наши тюрьмы. Въ Римѣ борьба гладіаторовъ происходила первоначально во время частныхъ похоронныхъ торжествъ; устройство состязаній въ

Рис. 209. БОРЬБА ЖИВОТНЫХЪ ВЪ ЦИРКѢ.
Мраморный рельефъ эпохи Августа, найденный въ театрѣ Марцелла въ Римѣ. Ср. Baumeister, «Denkmäler», III, рис. 2355.
Борющіеся съ львами, пантерами и медвѣдемъ облечены въ легкія туники, оставляющія правое плечо и грудь обнаженными. Со шлема спускаются широкіе нащечники и забрало.

связи съ общественными празднествами (съ 105 г. до Р. Хр.) считалось, въ сущности говоря, личнымъ дѣломъ магистратовъ; ихъ не смѣли ставить въ связь съ культомъ. Вскорѣ эти грубыя зрѣлища пріобрѣтаютъ громадную популярность среди суроваго римскаго народа и становятся однимъ изъ средствъ пріобрѣтенія народнаго расположенія; у людей вродѣ Цезаря были свои казармы гладіаторовъ, Аттикъ зарабатывалъ крупныя деньги сдачей гладіаторскихъ труппъ въ наемъ.

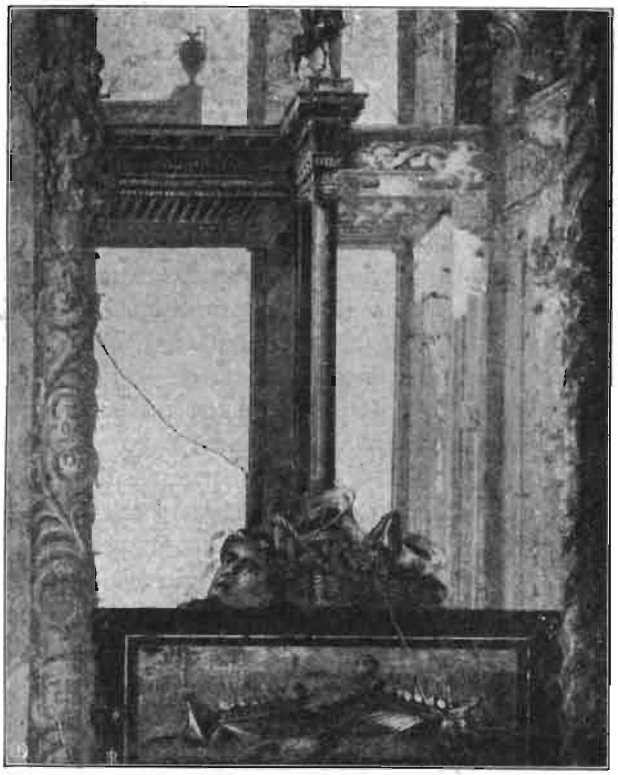

Рис. 210. NATURE MORTE НА СТѢНѢ 4-го СТИЛЯ.
Изъ дома Веттіевъ въ Помпеяхъ. Съ фотографіи.
Вверху амфора, Пегасъ, щитъ съ большою головою въ центрѣ. Внизу наумахія. Надъ ея рамой маска и корзина съ разнообразной утварью.

Существовалъ цѣлый рядъ типовъ гладіаторовъ, которые въ разномъ вооруженіи сражались другъ съ другомъ (рис. 208): самниты съ громаднымъ шлемомъ съ забраломъ, напоминающимъ средневѣковыя формы, и съ большимъ овальнымъ щитомъ, оракійцы, вооруженные круглымъ щитомъ и кривой саблей, наметчики сѣтокъ, вооруженные трезубцемъ, пытавшіеся набросить противнику сѣть на голову, и такъ называемые „преслѣдователи“, вооруженные шлемомъ, мечомъ и щитомъ; кромѣ того, мурмиллоны съ изображеніемъ рыбы на ихъ галльскомъ шлемѣ, даже борцы на колесницахъ, введенные Цезаремъ, видимо, по британскому образцу. Оружіе, прекрасно гравированное и украшенное рельефами, въ большинствѣ случаевъ отличалось поразительной роскошью. Самое напряженное волненіе вызывалъ заключительный актъ борьбы, когда противникъ переставалъ защищаться и зрители рѣшали его участь, требуя жестами и знаками пальцевъ смерти или дарованія жизни побѣжденному. О размѣрахъ этихъ массовыхъ убійствъ свидѣтельствуютъ игры при Цезарѣ, когда бывали случаи одновременнаго состязанія 320 паръ бордовъ или борьбы 500 пѣшихъ, 300 конныхъ гладіаторовъ и 20 слоновъ.

Не меньшее волненіе возбуждали травли звѣрей въ амфитеатрѣ, устраиваемыя съ 186 г. до Р. Хр. передъ глазами жадной до зрѣлищъ публики; борьба львовъ съ пантерами смѣнялась борьбой людей съ

Травли звѣрей.

дикими звѣрями или болѣе невинной охотой вооруженныхъ людей, сопровождаемыхъ собаками. Въ ходу было, между прочимъ, зрѣлище, напоминающее испанскій бой быковъ, во время котораго разъяренное животное дразнили красными платками (рис. 208). Жестокое бросаніе безоружныхъ людей, хотя бы и тяжкихъ преступниковъ, на растерзаніе дикихъ звѣрей (рис. 209) представляло собой одну лишь видимость борьбы. Увеселеніемъ публики служили также зрѣлища невиннаго характера въ видѣ, напр., фокусовъ прирученныхъ животныхъ; римскій амфитеатръ до извѣстной степени замѣнялъ римлянину зоологическій садъ; Помпей привезъ для него перваго носорога въ Европу; Цезарь—первую жираффу. Разумѣется, массовое избіеніе дикихъ звѣрей (Помпей однажды отдалъ на убой въ амфитеатрѣ 500 львовъ) освобождало отъ нихъ страны, которымъ они грозили опасностью, ввозъ ихъ способствовалъ поддержанію торговыхъ сношеній съ отдаленными странами: тѣмъ не менѣе, главнымъ результатомъ этихъ дикихъ кровопролитій явилось ужасающее притупленіе всякой человѣчности и крайнее огрубѣніе нравовъ. Не меньшее волненіе зрителей возбуждали морскія сраженія или навмахіи, ставшія съ 107 г. до Р. Хр. обычнымъ зрѣлищемъ амфитеатра и влекшія за собой гибель сотень людей (рис. 210).

Навмахіи.

Финансовые результаты этихъ игръ также рисуютъ намъ печальную картину. Такіе факты, какъ трата на гладіаторскія игры 30 талантовъ (140000 мар.) или расточеніе на нихъ Милономъ, прославленнымъ, благодаря защитѣ Цицерона, милліоннаго состоянія, свидѣтельствуютъ о размѣрахъ безумнаго разбрасыванія денегъ въ концѣ эпохи республики, а вмѣстѣ съ тѣмъ и объ ужасающемъ упадкѣ нравовъ: широкіе круги народа, котораго нѣкогда характеризовало высокое нравственное благородство, опускаются до низкаго распутства. Римъ созрѣлъ для имперіи, подавившей гражданскую свободу, окончательно умирающую въ эту эпоху. [*Поландъ*].

B. ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

1. РИМЪ И ЭЛЛИНИЗМЪ

Римское искусство.

Вскорѣ послѣ смерти Александра Великаго эллинизмъ завоевалъ весь Востокъ; все восточное побережье Средиземнаго моря вплоть до глубины континентовъ покоряется совершенству формъ проникавшей сюда греческой культуры. Еще бо̀льшіе тріумфы ожидали греческую культуру на Западѣ. Когда римляне покорили всѣ страны, въ которыхъ господствовалъ греческій языкъ, они въ свою очередь были побѣждены культурой эллиновъ и явились проводниками ея въ западномъ мірѣ: въ Римѣ и благодаря Риму греческая культура и греческое искусство становятся общимъ достояніемъ всѣхъ народовъ Средиземнаго моря.

Эта эллинизація римлянъ совершается не сразу и не всегда въ результатѣ непосредственнаго соприкосновенія съ греками. Вплоть до IV столѣтія до Р. Хр. Римъ носитъ характеръ совершенно этрусскаго города; эллинистическая культура коснулась его только постольку, поскольку этруски и оски, оказывавшіе свое вліяніе на Римъ съ юга, въ свою очередь, находились въ культурной зависимости отъ грековъ. Когда римляне въ III и II ст. до Р. Хр. становятся политическими властителями Средиземнаго моря, они непосредственно соприкасаются съ греческими правами и обычаями; лишь древне-этрусская и оскская культура, проникнутыя сознаніемъ своей національной цѣнности, долго противоборствовали побѣдоносному проникновенію греческой культуры. Однако, въ послѣднее столѣтіе до Р. Хр. эта борьба рѣшена, и господство эллинизма въ Римѣ и римской державѣ непоколебимо и неограниченно. Отнынѣ лучшія силы увядающаго греческаго искусства сосредоточиваются въ Римѣ, гдѣ ко времени имперіи развивается національное искусство, которое постольку заслуживаетъ названіе римскаго, поскольку оно воплощаетъ римскіе сюжеты, оставаясь въ основѣ своей чисто-греческимъ.

Итакъ, въ римскомъ искусствѣ догораютъ послѣдніе отблески творческой силы греческаго искусства. Оттѣнки національно-италійскаго, этрусскаго и оскскаго характера (стр. 266 сл.) въ немъ въ концѣ концовъ почти совершенно стушевываются; тѣмъ не менѣе съ ними приходится считаться. Ниже будетъ разсмотрѣно творчество нижне-италійскихъ грековъ въ эллинистическую эпоху. Отсюда греческая культура впервые проникаетъ къ римлянамъ; этотъ народъ, судьбою предназначенный къ господству надъ міромъ, уже давно жилъ греческими формами жизни, задолго до завоеванія эллинистическаго Востока оружіемъ и до созданія въ себѣ центра эллинистической культуры во всей ея широтѣ.

2. ИСКУССТВО РЕСПУБЛИКАНСКАГО РИМА

Искусство въ до-республиканскомъ Римѣ.

Область вокругъ Рима была заселена гораздо раньше того времени, о которомъ говоритъ литературное преданіе римлянъ. Недавно въ долинѣ форума, около юго-восточнаго угла храма Фаустины, на 3 м. подъ мостовой Sacra Via были открыты доисторическія могилы, въ которыхъ либо хоронили покойниковъ, либо опускали золу труповъ, преданныхъ сожженію (рис. 211). Эта находка подтверждаетъ предположеніе о сожительствѣ въ Римѣ двухъ разныхъ племенъ—латиновъ, жившихъ, быть-можетъ, на Палатинѣ и Капитоліи и предававшихъ покойниковъ сожженію, и сабиновъ, переносившихъ своихъ мертвецовъ съ Квиринала въ долину форума, гдѣ они, не разрушая древнихъ латинскихъ гробницъ, хоронили покойниковъ въ гробахъ изъ туфа или въ выдолблен-

пыхъ стволахъ. Въ естественныхъ скалахъ туфа дѣлались своеобразныя отверстія; въ нихъ ставились плохо обожженныя урны, сдѣланныя безъ гончарнаго круга, въ большинствѣ которыхъ сохранились пепельныя урны въ видѣ домика (ср. рис. 164, 181) съ прахомъ покойника и небольшіе сосуды. Въ этихъ же урнахъ найдено, кромѣ того, нѣсколько протокоринѳскихъ вазъ (ср. Э. К., стр. 170) и бронзовыхъ фибулъ, украшенныхъ янтаремъ; золото отсутствуетъ. Всѣ находки относятся къ эпохѣ до 500 года. Въ историческую эпоху эта мѣстность называлась Doliola, по находимымъ здѣсь уже въ древности отъ времени до времени глиняпымъ сосудамъ: римлянинъ относился къ этимъ мѣстностямъ съ суевѣрнымъ страхомъ; обычай запрещалъ здѣсь плевать на землю.

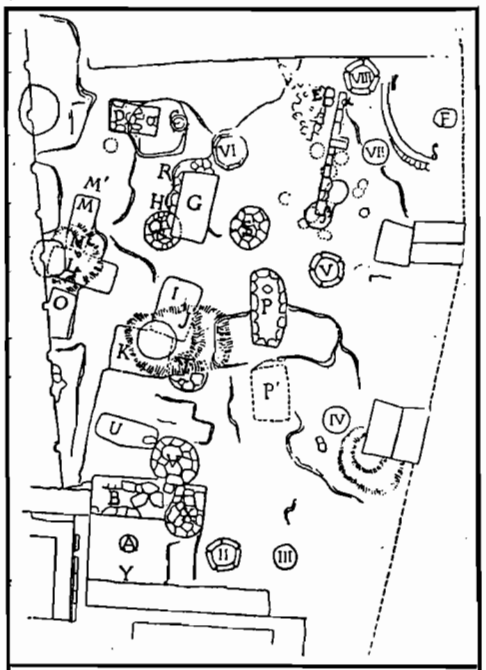

Рис. 211. ДОИСТОРИЧЕСКОЕ МѢСТО ПОГРЕБЕНІЯ БЛИЗЪ РИМСКАГО ФОРУМА.
Ср. Hülsen, Forum Romanum, Nachtrag, стр. 26.
Всѣхъ гробницъ около 40, урны обозначены римскими цифрами, остальныя могилы римскими заглавными буквами.

Другой памятникъ, недавно найденный подъ плитами форума, также относится къ раннему царскому періоду. На границѣ между форумомъ и комиціемъ въ 1899 г. было найдено мѣсто, выложенное черными мраморными плитами и окаймленное бѣлымъ мраморомъ (рис. 212). Находка напоминала lapis niger, о которомъ упоминаютъ римскіе антикваріи, говоря, что онъ находится вблизи трибуны ораторовъ, гдѣ предполагалась могила Ромула или Фаустула. Правда, на могилѣ Ромула, судя по описанію, стояло два льва: но возможно, что два постамента, найденные подъ чернымъ камнемъ въ болѣе древнемъ слоѣ, служили базами этихъ львовъ. О загадочной надписи, найденной тамъ же ср. стр. 261.

Волканалъ. Къ очень отдаленной древности относится и такъ называемый Volcanal, алтарь Вулкана, сооруженіе котораго приписывается уже Ромулу: остатками его считаютъ нѣсколько плитъ туфа около лѣстницы, ведущей къ храму Конкордіи (рис. 328); въ такомъ случаѣ тутъ же находилась древнѣйшая ораторская трибуна, впослѣдствіи замѣненная рострами.

Мѣстности, которыя легенда связываетъ съ преданіемъ объ основаніи города, съ древнѣйшихъ временъ локализируются близъ Пала-

тина или на немъ. Сюда относится и святилище на западномъ склонѣ его, Луперкалъ, гдѣ волчица вскормила близнецовъ; здѣсь, повидимому, была естественная пещера, нынѣ засыпанная, въ которой находился источникъ; недалеко отсюда росла священная смоковница, около которой близнецы были выброшены волнами; на краю холма находилась хижина Фаустула изъ плетеныхъ сучьевъ, нѣсколько разъ разрушавшаяся и вновь возстанавливаемая. По близости отсюда находилось также вишневое дерево, выросшее по преданію изъ копья, брошеннаго Ромуломъ съ Авентина въ долину цирка. Всѣ эти мѣста локализируются благодаря упоминанію о томъ, что они находились надъ scalae Caci. Эта лѣстница представляетъ собою единственный и теперь еще существующій путь, ведшій изъ долины цирка по ряду высѣченныхъ въ туфѣ ступеней на Палатинскій холмъ. Тамъ, гдѣ обыкновенная дорога, ведущая съ форума, достигаетъ area Palatina, лежала Roma Quadrata, святилище, въ которомъ Ромулъ, послѣ проведенія пограничной борозды вокругъ вновь основаннаго города, посвятилъ богамъ употребленное при этомъ орудіе для почитанія потомству. Всѣ эти памятники, часто упоминаемые преданіемъ, нынѣ исчезли.

Луперкалъ.

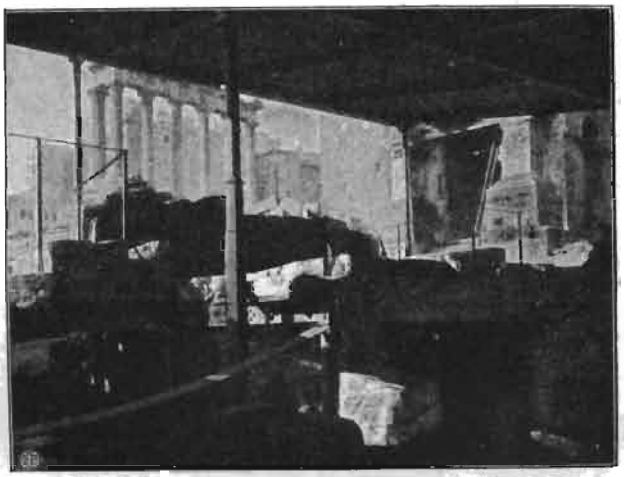

Рис. 212. LAPIS NIGER НА РИМСКОМЪ ФОРУМѢ.
Съ фотографіи.
Помостъ изъ чернаго мрамора ярко освѣщенъ. Подъ нимъ обѣ базы львовъ, иначе орієнтированныя. Въ глубинѣ видѣются 8 колоннъ храма Сатурна.

Roma Quadrata.

Рис. 213. CLOACA MAXIMA.
Съ фотографіи.

Римляне были почти совершенно лишены природнаго художественнаго дарованія. Они были въ этомъ отношеніи въ полной зависимости отъ своихъ сосѣдей, этрусковъ.

Этрусскій Римъ.

Этруски около 600 года покорили Римъ; этрусскій знатный родъ Тарквиніевъ господствовалъ въ Римѣ, носившемъ въ это время чисто этрусскій характеръ. Многіе житейскіе и религіозные обычаи проникли въ Римъ изъ Этруріи; такъ, напр., прорицаніе по внутренностямъ животныхъ и искусство наблюденія и толкованія полета птицъ, кромѣ того, этрусскій обычай тріумфа, разнаго рода предметы роскоши, царскій тронъ изъ слоновой кости, и т. д. Этрусскіе архитекторы воздвигали римскіе храмы, сообразуясь съ этрусскимъ ритуаломъ, и по этрусскимъ образцамъ,

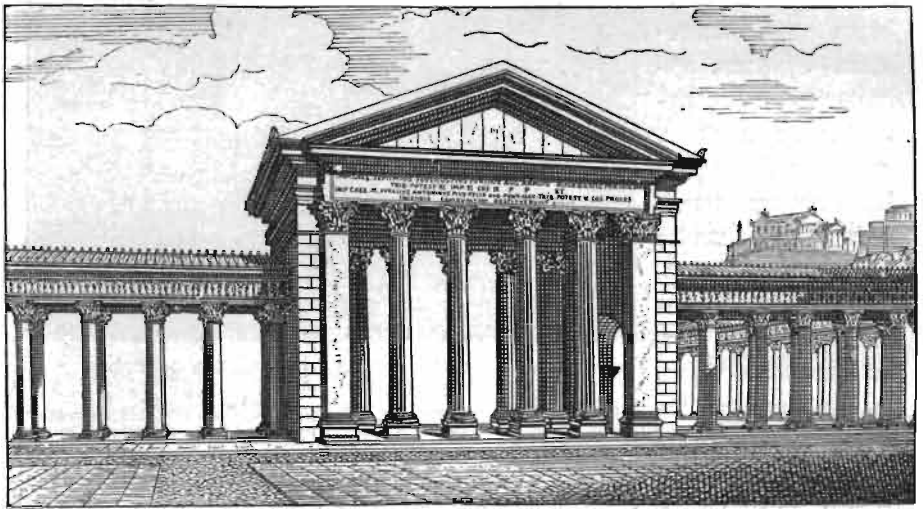

Рис. 214. PORTICUS OCTAVIAE.
Реконструкція Канины.
Ср. Schneider, «Das alte Rom», Tf. IX, 14.

Построенъ Августомъ на мѣстѣ болѣе древняго портика, воздвигнутаго въ 147 г. Л. Метелломъ Македонскимъ. Галлереи, нѣкогда окружавшія квадратный дворъ, состояли изъ 300 колоннъ. На дворѣ возвышалось два храма, Юпитера и Юноны; кромѣ нихъ тутъ находилась библіотека и зала засѣданій, гдѣ иногда собирался сенатъ. Драгоцѣнныя сокровища искусства украшали эти строенія и галлереи: Афродита Фидія, Эротъ Праксителя изъ Овсній (Э. К., стр. 409), 25 всадниковъ изъ битвы при Гранникѣ Лисиппа, Музы Филяска изъ Родоса (стр. 221) и др.; здѣсь же была найдена Медицейская Венера (рис. 44). Стѣнная роспись, сдѣланная знаменитыми мастерами, дополняла роскошь помѣщеній.

т.-е. на высокой квадратной базѣ, съ обширнымъ портикомъ, безъ опистодома, съ деревянной кровлей и богатыми терракоттовыми украшеніями на ней; издѣліемъ этрусскихъ же мастеровъ. Такъ, храмъ великаго Юпитера на Капитоліи представлялъ собою типично этрусскую постройку (рис. 150 сл.); его тройная целла, въ которой сначала стояли статуи Юпитера, Марса и Квирина, впослѣдствіи же изображенія Юпитера, Юноны и Минервы, вполнѣ соотвѣтствовала этрусскому культу божественной троицы (ср. рис. 149). Планъ и устройство остальныхъ храмовъ первоначально также носили этрусскій характеръ. На ряду съ храмами упомянемъ остальныя постройки Тарквиніевъ: колодецъ близъ форума, снабженный этрусскимъ ложнымъ сводомъ (рис. 174, стр. 267), туннель Cloaca Maxima, отводившій воду съ низколежащаго форума; въ

постройкѣ его впервые широко примѣнены были своды изъ клинообразныхъ каменныхъ плитъ (рис. 213 и 161). Множество этрусскихъ бронзовыхъ статуй, мѣдной и желѣзной утвари, а также другихъ этрусскихъ издѣлій привозилось по Тибру; въ Римѣ, повидимому, существовалъ

Рис. 215. ПОРТИКЪ ОКТАВІИ.
Современное его состояніе. Отъ большой постройки сохранились только жалкія развалины западнаго портала; интерколюмніи отчасти застроены современными кирпичными стѣнами.
Съ фотографіи.

близъ форума особый кварталъ, предназначенный для этрусскихъ купцовъ и называвшійся Vicus Tuscus.

Вліяніе Великой Греціи.

Представляя собою въ теченіе долгаго времени чисто этрусскую царскую резиденцію, Римъ находился подъ одновременнымъ вліяніемъ греческихъ центровъ на югѣ. Извѣстно, какія оживленныя сношенія поддерживали уже Тарквиніи съ халкидской колоніей Кимѣ близъ Неаполя, откуда они заимствовали греческій шрифтъ и прорицанія Сивиллы. Въ 496 году проникаетъ въ Римъ изъ іонійской Элеи на югѣ отъ Неаполя культъ Деметры, и двумъ греческимъ мастерамъ, Демофилу и Горгасу было поручено украсить храмъ Деметры пестрыми керамиковыми рельефами; знаменитая римская Волчица (рис. 219) служитъ,

между прочимъ, свидѣтельствомъ этого ранняго вліянія великогречскаго искусства.

Послѣ того, какъ этруски, одновременно тѣснимые на сѣверѣ галлами, на югѣ латинами, утратили свое господство въ Лаціи, греческое вліяніе становится всемогущимъ и вытѣсняетъ этрусское. Это совершилось въ началѣ четвертаго столѣтія. Со времени дарованія Капуѣ правъ римскаго гражданства, т.-е. съ 338 года, культурная связь между Римомъ и Кампаньей пріобрѣтаетъ еще бо́льшую прочность. Произведенія, подобныя саркофагу Л. Корнелія Сципіона (рис. 220) и такъ называемой Фикоронской цистѣ (рис. 162), свидѣтельствуютъ о силѣ обаянія варварскаго Рима для греческихъ художниковъ уже въ III столѣтіи,—обаянія, привлекавшаго не худшія силы въ городъ на Тибрѣ.

Храмы.

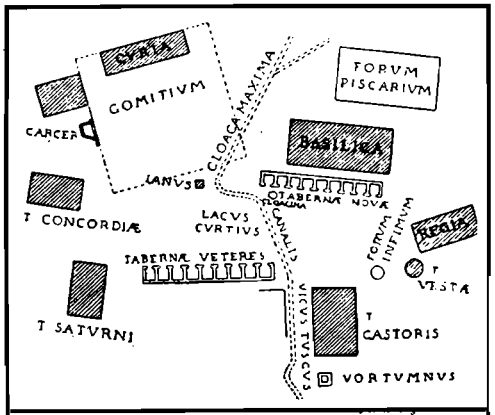

Рис. 216. РИМСКІЙ ФОРУМЪ ВЪ ЭПОХУ РЕСПУБЛИКИ.
Ср. Hülsen, «Forum Romanum», стр. 10.

Архитектура храмовъ особенно ярко свидѣтельствуетъ о вытѣсненіи этрусскаго вліянія греческимъ. Квадратный планъ постройки съ III столѣтія все чаще замѣняется продолговатымъ; обширный портикъ со входомъ въ центрѣ уступаетъ мѣсто чисто-греческимъ архитектурнымъ формамъ. Съ начала II столѣтія въ Римъ проникаетъ коринѳская капитель, вскорѣ становящаяся одной изъ излюбленныхъ художественныхъ формъ. По образцу эллинистическаго Востока при римскихъ храмахъ возникаютъ дворы; съ 138 года такой дворъ существуетъ при Капитолійскомъ храмѣ; портикъ Метелла, впослѣдствіи возобновленный Августомъ и названный въ честь его сестры porticus Octaviae, также представлялъ собою типичную эллинистическую постройку съ дворомъ и галлереями, съ двумя храмами и другими постройками среди нихъ (рис. 214 сл.). Новая всемірная столица была также богата базиликами, назначенными для торговли и судопроизводства, арками, статуями и цѣлымъ рядомъ полезныхъ сооруженій, вродѣ мощенныхъ военныхъ дорогъ, мостовъ и акведуктовъ, сооружаемыхъ римскими инженерами съ 300 года съ поразительнымъ совершенствомъ.

Портикъ Октавія.

Рынокъ.

Ниже мы перечислимъ еще неупомянутыя нами строенія, стоявшія въ республиканскую эпоху на римскомъ форумѣ (рис. 216). Форумъ въ то время былъ прежде всего рынкомъ; въ виду этого назначенія площади, по обѣимъ продольнымъ сторонамъ ея тянулись деревянныя лавки (tabernae) мясниковъ и продав-

цовъ овощей. При сліяніи Via sacra съ рынкомъ возвышалась арка—fornix Fabianus, которую A. Fabius Maximus Allobrogicus украсилъ статуями своихъ предковъ. Cloaca Maxima еще не вся была покрыта сводомъ; на мѣстѣ соединенія этого канала съ сѣверной частью форума возвышалось небольшое святилище, посвященное богинѣ-очистительницѣ—Венерѣ Cloacina. По близости отсюда находилась часовня двуликаго Януса, двери которой закрывались только тогда, когда въ Римѣ царилъ миръ. Здѣсь же показывали земную расщелину или болото, въ которую въ эпоху Ромула бросился сабинскій полководецъ Меттъ Курцій (lacus Curtius). Между Arx и Капитоліемъ побѣдитель кимвровъ, Кв. Лутацій Катулъ, построилъ двухъэтажное зданіе государственнаго архива (tabularium, ср. стр. 372). У основанія его въ 366 г. до Р. Хр. М. Фуріемъ Камилломъ былъ воздвигнутъ храмъ Согласія (templum Concordiae), и въ 497 году храмъ Сатурна. Праздникъ его основанія, Сатурналіи, были однимъ изъ самыхъ популярныхъ римскихъ народныхъ праздниковъ. Съ древнѣйшихъ временъ въ нижнемъ этажѣ этого храма помѣщался государственный архивъ. Онъ въ 42 г. до Р. Хр. былъ реставрированъ Л. Мунаціемъ Планкомъ; 8 неканнелированныхъ гранитныхъ колоннъ этого реставрированнаго храма уцѣлѣли понынѣ (рис. 212). На противоположномъ концѣ рынка находился круглый храмъ Весты, въ которомъ шестеро весталокъ охраняли священный огонь общественнаго очага (рис. 167). По одну сторону отъ него лежала Regia, мѣсто засѣданій коллегіи понтификовъ, по другую, у подножья Палатина, нынѣ вновь найденный источникъ Ютурны (т.-е. „Помощницы“ отъ juvare), охранявшей всѣ водныя сооруженія (рис. 276). Въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ источникомъ Ютурны съ начала эпохи республики возвышался храмъ Діоскуровъ или Castores, о многократныхъ перестройкахъ котораго будетъ сказано ниже. Первую базилику близъ рынка построилъ М. Порцій Катонъ Цензорій въ 185 году, вторую, по истеченіи шести лѣтъ, цензоры М. Эмилій Лепидъ и М. Фульвій Нобиліоръ; довольно значительныя развалины этой, многократно реставрированной и украшенной Basilica Aemilia сохранились на сѣверной сторонѣ форума. Къ сѣверу отъ нея находился рыбный рынокъ (forum Piscarium). Въ 170 г. Т. Семпроній Гракхъ воздвигнулъ галлерею на южной сторонѣ форума, названную по его имени basilica Sempronia; на ея фундаментахъ возникла впослѣдствіи basilica Julia Цезаря.

Комицій.

Центръ политической жизни въ эпоху республики сосредоточивался на небольшомъ, точно ограниченномъ квадратіомъ мѣстѣ, находящемся въ сѣверной части рынка близъ тюрьмы. На сѣверной границѣ его была расположена Curia, гдѣ обыкновенно происходили засѣданія сената. Противъ нея, на мѣстѣ соприкосновенія комиція и форума, находилась древнѣйшая ораторская трибуна съ мѣстомъ для сенаторовъ (Senaculum) и для чужеземныхъ пословъ (Graecostatis). Въ остальной части комиція толпился народъ, когда происходили голосованія и судопроизводство.

Постоянно растущее изобиліе почетныхъ бронзовыхъ статуй, украшавшихъ Капитолій и другія общественныя мѣста, привлекало многочисленныхъ скульпторовъ въ Римъ. Jus imaginum, дававшій знатнымъ семействамъ право украшать атрій своихъ домовъ восковыми изображеніями знаменитыхъ предковъ или нести ихъ во время публичныхъ похоронъ передъ покойникомъ (стр. 352), въ свою очередь способствовалъ расцвѣту портретнаго искусства. Подобно тому, какъ въ этихъ imagines больше всего цѣнилось портретное сходство, такъ и въ почетныхъ статуяхъ, украшавшихъ общественныя мѣста, стремились къ наибольшему реализму; онъ вполнѣ соотвѣтствовалъ трезвому уму римлянъ.

Живопись. Наши свѣдѣнія о живописи ранне-республиканской эпохи весьма скудны. Представители знати очень рѣдки среди художниковъ. Примѣръ Фабія Пиктора, посвятившаго себя живописи, вызывалъ порицаніе, и Цицеронъ убѣжденъ, между прочимъ, что эти предразсудки спо-

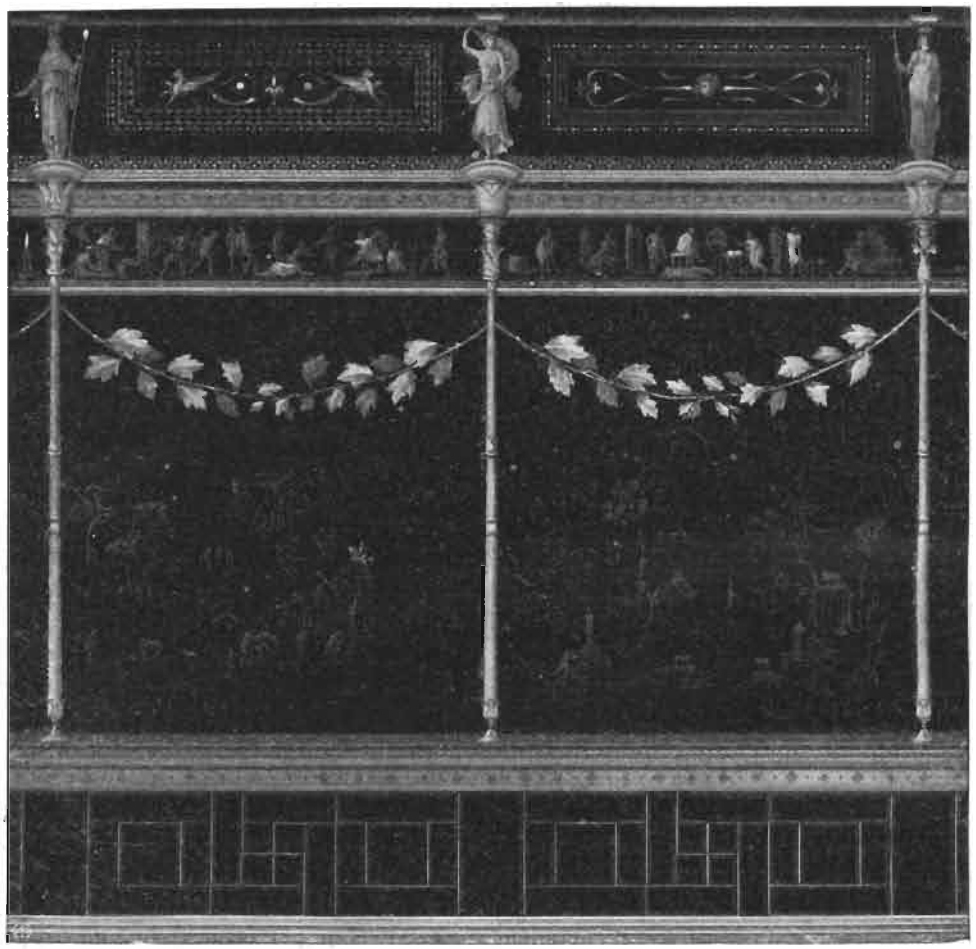

Рис. 217. ЧЕРНАЯ СТѢНА ИЗЪ CASA FARNESINA ВЪ РИМѢ.
Ср. Lessing-Mau, «Wand- und Deckenschmuck eines römischen Hauses», Tf. 9.
Интересны гирлянды, характерное украшеніе 2-го и 3-го стиля. Сцена суда на узкой полосѣ фриза цоколя.

собствовали слабой эволюціи римской живописи. Уже въ IV и III стол. большинство художниковъ, писавшихъ портреты римлянъ или импровизировавшихъ для тріумфальныхъ процессій картины покоренія городовъ и странъ, о характерѣ которыхъ мы получаемъ представленіе по оригинальной надгробной росписи съ Эсквилина (ср. табл. VI), были греками.

ВОЕННЫЯ СЦЕНЫ ИЗЪ ОДНОЙ ГРОБНИЦЫ НА ЭСКВИЛИНѢ. РИМЪ.

По «Bulletino communale di Roma», 1889, табл. 11—12.

Роспись по архаическому обыкновенію расположена полосами, одна надъ другой; въ умѣренномъ рисункѣ раккурсовъ сказывается греческая школа. Внизу три воина съ овальными щитами и перьями на шлемахъ, какъ ихъ носили самниты. Въ средней полосѣ какой-то Кв. Фабій въ бесѣдѣ съ какимъ-то М. Фанніемъ; направо за первымъ многочисленная военная свита, изображенная въ меньшемъ масштабѣ; фигуры, стоящія одна сзади другихъ, расположены въ три ряда одинъ надъ другимъ. Вверху тѣ-же полководцы; сзади Фаннія на этотъ разъ стѣна съ караульными за ея зубцами. Типъ письма надписей позволяетъ отнести картину къ III или II в. до Р. Хр.

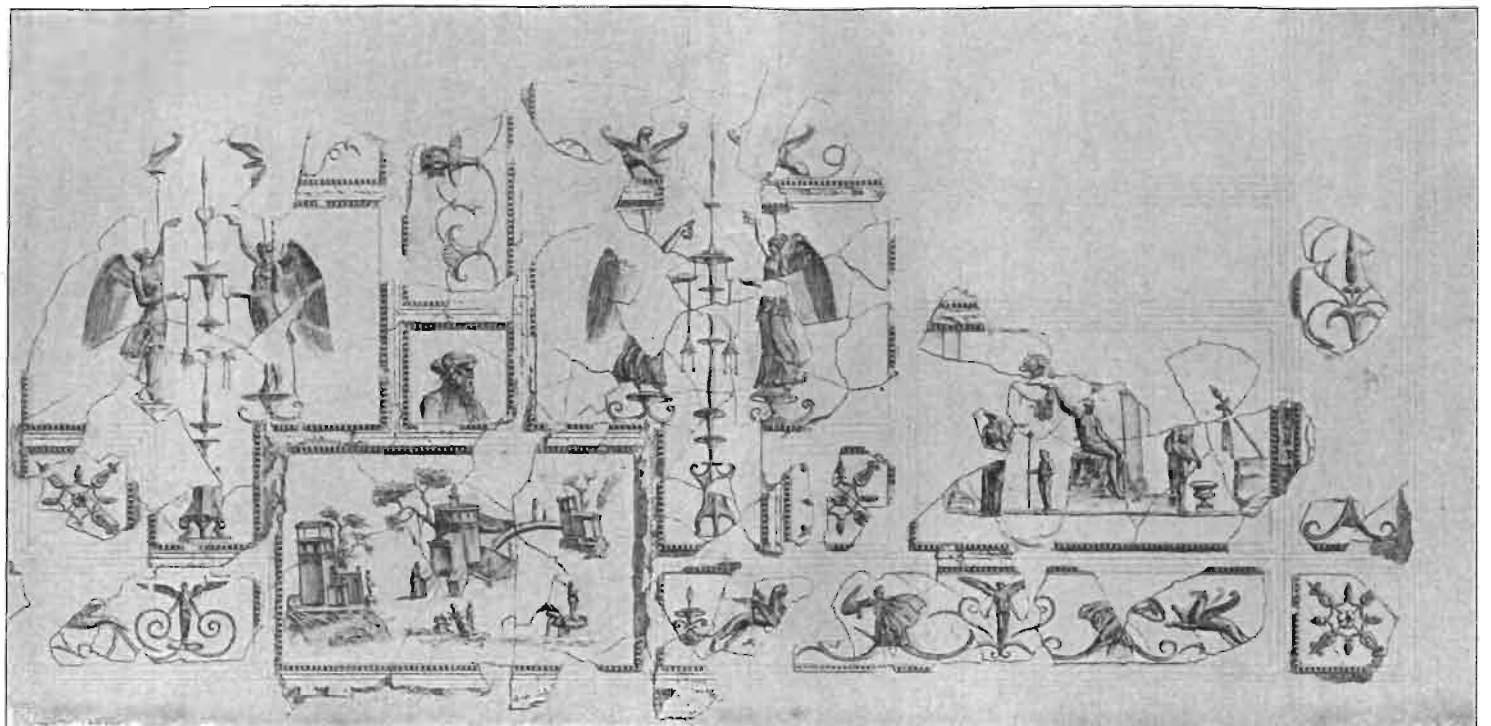

Рис. 218. ШТУКАТУРНЫЯ УКРАШЕНІЯ СВОДЧАТАГО ПОТОЛКА ОДНОЙ ИЗЪ КОМНАТЪ ВЪ ДОМѢ ФАРНЕЗИНЫ.

Ср. Lessing-Mau, ук. м., табл. 15.

Потолокъ расчлененъ на большіе и маленькіе, богато обрамленные, квадраты. Въ нихъ изображены вакхическія сцены; близъ сельскихъ святилищъ представлены изящныя богини побѣды и разнообразныя орнаментальныя животныя; все это импровизировано съ геніальной увѣренностью на быстро сохнущемъ штукатурномъ фонѣ. Стиль вполнѣ соотвѣтствуетъ стилю стѣнъ.

Ввозъ греческихъ памятниковъ искусства.

Итакъ, куда бы мы въ III и II стол. ни направили взора, мы всюду видимъ растущее вліяніе эллиновъ. Порицающіе голоса Катона и другихъ націоналистовъ остаются безсильными; когда римляне со времени паденія Сиракузъ (212 г. до Р. Хр.) стали вывозить всѣ лучшія статуи и картины изъ покоренныхъ греческихъ городовъ въ Римъ, послѣдніе слѣды древней этрусско-латинской самобытности въ искусствѣ мало-помалу стушевываются.

Такъ, напр., въ тріумфѣ Фульвія Нобиліора надъ этолянами въ 187 г. до Р. Хр. фигурировало не менѣе 285 бронзовыхъ фигуръ и 230 мраморныхъ статуй; въ тріумфѣ Эмилія Павла же 20 лѣтъ спустя—250 повозокъ, нагруженныхъ статуями и картинами. Преданіе говоритъ о Мумміи, разрушителѣ Коринѳа (146 г.), что онъ наводнилъ Римъ произведеніями греческой скульптуры. Лишь богатства Аѳинъ и Александріи оставались неприкосновенными; всѣ же остальные центры эллинистическаго искусства принуждены были уступить свои драгоцѣннѣйшія сокровища Риму.

Постройки.

Греческую архитектуру невозможно было перенести въ Римъ; однако, послѣдній стремится затмить ее великолѣпіемъ своихъ общественныхъ зданій. Входятъ въ употребленіе: новые строительные матеріалы: раньше строили изъ плохого кирпича, высушеннаго на воздухѣ, теперь же обжигали кирпичъ, доводя его до твердости стали; тогда какъ въ былыя времена для построекъ употребляли только рыхлый туфъ и пеперинъ, которымъ изобиловали холмы Рима и берега Албанскаго озера, теперь у подножья Тивольскихъ водопадовъ (рис. 396) были

Травертинъ.

открыты каменоломни прекраснаго травертина. Изъ этой породы камня, напоминающей мраморъ, можно было воздвигать монументальныя постройки. Въ 69 году возвышается уже одинъ изъ фронтовъ Табулярія (рис. 328), представлявшій собой удачную комбинацію арокъ съ колоннами—архитектурная форма, впослѣдствіи часто примѣнявшаяся для театровъ и базиликъ (ср. рис. 278, 281, 296). Вмѣстѣ съ

Мраморъ.

греческой портретной скульптурой и греческія мраморныя колонны и греческій мраморъ проникаютъ въ Римъ; распространяется эллинистическій обычай облицовки простыхъ стѣнъ мраморомъ. Число выдающихся художниковъ, живущихъ въ Римѣ и привлекающихъ въ свои мастерскія многочисленныхъ помощниковъ, все увеличивается; къ ихъ числу при-

Школа Пасителя.

надлежатъ великогрекъ Паситель и его ученикъ Стефанъ, учепикомъ котораго былъ знаменитый руководитель художественной мастерской Менелай (рис. 191).

Греки, работающіе на римской почвѣ, проявляютъ себя въ самыхъ разнородныхъ областяхъ техники и стиля; въ большинствѣ случаевъ они рѣшительно отвергаютъ причудливости эллинистическаго искусства и черпаютъ вдохновеніе изъ твореній классической эпохи, производя среди нихъ выборъ, долгое время имѣвшій значеніе канона. Они отдаютъ предпочтеніе зрѣлому архаическому стилю Мирона (Э. К., стр. 326 сл.) и Каламида (Э. К., стр. 320), слѣдуя здравому реализму этихъ древнихъ

СТѢНА ИЗЪ ДОМА ЛИВІИ НА ПАЛАТИНѢ ВЪ РИМѢ.

По «Monumenti inediti», XI, табл. 22 сл.

Направо отъ ломанной свѣтлой линіи роспись теперь разрушена. Здѣсь первоначально находилась дверь. Для реставраціи разрушенной части мы вставили здѣсь картину изъ сосѣдней комнаты. Въ лѣвой части росписи открывается проспектъ на улицу: мы видимъ дома въ нѣсколько этажей и съ нѣсколькими балконами (maeniana); это тѣмъ интереснѣе, что въ Помпеяхъ мы имѣемъ очень немного остатковъ верхнихъ этажей домовъ. Фантастическая архитектура надъ этимъ проспектомъ (барóчный портикъ и передъ нимъ такъ называемый священный балюстръ) не стоитъ съ этимъ проспектомъ въ какой-либо связи. Мы поэтому безъ колебанія дополнили такую же архитектуру на правомъ концѣ росписи надъ картиной, изображающей Галатею. Картина въ срединѣ росписи изображаетъ Іо, охраняемую Аргусомъ (направо), слѣва приближается ея освободитель Гермесъ. Третья (дополненная) картина изображаетъ морской пейзажъ: на скалѣ сидитъ Полифемъ и простираетъ руки къ любимой имъ Галатеѣ.

Сцены, изображенныя на небольшихъ диптихахъ надъ карнизомъ, толкованію не поддаются.

мастеровъ въ воплощеніи природы, и создаютъ нѣкоторыя очень граціозныя, если и не оригинальныя произведенія.

Портретное искусство. Портретное искусство, всегда процвѣтавшее въ Римѣ, пользуется все болѣе широкимъ распространеніемъ (рис. 141, 165, 171, 176). Правда, произведенія этой эпохи носятъ слѣды зависимости художниковъ отъ дурного вкуса заказчиковъ, лишенныхъ всякаго эстетическаго чутья (ср. рис. 171). Сбыту многочисленныхъ произведеній художественныхъ мастерскихъ способствовала оживленная торговля, связанная съ частыми аукціонами; число щедро платящихъ покупателей не изсякало, ибо въ аристократическихъ кругахъ Рима отнынѣ считается признакомъ хорошаго тона быть знатокомъ искусства и коллекціонеромъ. Торговля произведеніями искусства.

Сохранились и нѣкоторыя стѣнныя росписи, относящіяся къ эпохѣ поздней римской республики. Обычай пестраго убранства interieur'овъ римляне, по всей вѣроятности, также заимствовали у грековъ. Тогда какъ на греческомъ Востокѣ, богатомъ сортами пестраго мрамора, жилища богачей украшались дѣйствительными мраморными инкрустаціями и только въ болѣе скромныхъ помѣщеніяхъ инкрустація замѣнялась подражаніемъ ей въ штукатуркѣ, въ Римѣ и Помпеяхъ предпочитали расписныя стѣны. Большинство немногочисленныхъ сохранившихся росписей римскихъ домовъ принадлежатъ ко второму помпеянскому стилю; сюда относятся росписи въ домѣ Ливіи на Палатинѣ, стѣны виллы Фарнезины, открытыя 40 лѣтъ тому назадъ при регулированіи Тибра. Датировка извѣстныхъ ландшафтовъ со сценами изъ Одиссеи, найденныхъ въ 1847 г. въ развалинахъ частнаго дома на Эсквилинѣ, остается сомнительной: быть-можетъ, они относятся къ республиканской эпохѣ. Стѣнныя росписи. Домъ Ливіи.

Развалины дворца, принадлежавшаго, по всей вѣроятности, императрицѣ Ливіи, находятся на западъ отъ Domus Augustana на Палатинѣ. Кромѣ обычныхъ спаленъ и жилыхъ комнатъ, мы различаемъ три парадныхъ помѣщенія, выходящихъ въ атрій, на стѣнахъ которыхъ въ написанныхъ эдикулахъ помѣщены миѳологическія изображенія (табл. VII). Только въ этихъ монументальныхъ помѣщеніяхъ второй помпеянскій стиль (см. выше), для котораго стѣны домовъ въ Помпеяхъ слишкомъ малы, достигаетъ цѣлостности эффекта, только здѣсь мы наглядно убѣждаемся, какъ этотъ стиль своими перспективными пріемами раздвигаетъ пространственныя границы. Расписныя колонны отчасти замѣнены изящными канделябрами. Карнизы и промежуточныя сочлененія разнообразнѣе, чѣмъ въ Помпеяхъ. Всѣ карнизы, даже стволы колоннъ, покрыты сѣтью расписной орнаментики. Росписи самихъ стѣнъ носятъ чисто импрессіонистическій характеръ; римскіе художники живописи вполнѣ владѣли не только линейной, но и воздушной перспективой, т.-е. естественной скалой тоновъ, для изображенія исчезающихъ вдали формъ.

Стѣнная роспись виллы Фарнезины также относится къ послѣднему періоду второго стиля: имитація архитектуры уже почти не встрѣчается, колонны въ большинствѣ случаевъ превратились въ тонкіе канделябры, главнымъ украшеніемъ обширныхъ площадей стѣнъ служатъ картины. На воспроизведенной нашимъ рисункомъ (рис. 217) стѣнѣ изъ архитектурныхъ элементовъ остались только канделябры, раздѣляющіе площадь росписи; воздухъ въ видѣ чернаго фона покрываетъ всю поверхность стѣны за ними. Этотъ воздухъ страннымъ образомъ орнаментированъ сверху, а снизу Фарнезина.

расписанъ нѣжно намѣченными ландшафтами. Мы различаемъ на черномъ фонѣ тріумфальную арку со статуей всадника и изображенія египетскаго Аписа; это наводитъ на мысль объ египетскомъ вліяніи и напоминаетъ о покрытіи въ ту эпоху на берегахъ Нила цѣлыхъ стѣнъ стекломъ (стр. 188). Не представляетъ ли собой эта черная стѣна живописное воспроизведеніе такой стеклянной облицовки? Сравнительно хорошо сохранились и сводчатые потолки (рис. 218) виллы, покрытые стильными, легкими украшеніями въ видѣ бѣгло моделлированныхъ въ сырой штукаткѣ фигуръ и декоративныхъ поясковъ.

Ландшафты изъ Одиссеи.

Къ несомнѣнно болѣе поздней эпохѣ относятся ландшафты изъ Одиссеи (табл. VIII). Они украшали стѣну (въ 20 м. длины и 5 м. высоты), двѣ нижнія трети которой были расписаны подъ цвѣтной мраморъ въ характерѣ второго стиля. Красные орнаментированные пилястры съ золотистыми, іонійски-коринѳскими капителями, расчленяли стѣну и раздѣляли отдѣльные ландшафты одинъ отъ другого. Художникъ стремится вызвать иллюзію открывающагося между пилястрами богатаго ландшафта, на фонѣ котораго происходитъ рядъ сценъ. Трактовка этого непрерывнаго ландшафта составляла главную цѣль художника и онъ ея достигаетъ превосходно: во всемъ античномъ искусствѣ мы не знаемъ ничего болѣе совершеннаго въ этой отрасли. Фигуры снабжены греческими надписями именъ; одно это уже свидѣтельствуетъ объ эллинистическомъ происхожденіи даннаго типа живописи.

Примѣненіе третьяго помпеянскаго декоративнаго стиля въ Римѣ внѣ всякаго сомнѣнія, хотя памятники его отсутствуютъ. Намъ кажется даже вѣроятнымъ, что этотъ египтизирующій стиль именно въ Римѣ, поддерживавшемъ особенно оживленныя сношенія съ Египтомъ, впервые достигъ своего высшаго развитія и отсюда уже распространился по провинціямъ, между прочимъ, проникъ въ Помпеи.

Сводя все сказанное, мы убѣждаемся, что Римъ конца республики становится всемірнымъ центромъ искусства. Тѣмъ не менѣе, несмотря на весь притокъ сокровищъ искусства, Римъ не выдерживаетъ сравненія съ эллинскими резиденціями и богатыми торговыми центрами Востока. Окончательный переворотъ въ этомъ отношеніи былъ созданъ лишь эпохой имперіи. [*Баумартенъ*].

С. УМСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРА

I. РАННЯЯ РЕСПУБЛИКА

1. УСЛОВІЯ РАЗВИТІЯ И ЗАРОЖДЕНІЕ. ЭННІЙ

Условія развитія.

Римская интеллектуальная культура двулика, подобно древнему богу Янусу. Проводя параллель съ Греціей, мы видимъ лишь болѣе грубое перевоплощеніе недослгаемыхъ греческихъ образцовъ; съ другой стороны, передъ нами строгій, не лишенный красоты ликъ, побѣдоносно устремляющій взоръ на созданные имъ новый міръ и новую эпоху. Если бы римляне покорили міръ только мечомъ, ихъ могущество оказалось бы такъ же недолговѣчно, какъ сила государствъ Востока. Съ римскими легіонами въ варварскія страны врывается потокъ

КАРТИНА ИЗЪ ОДИССЕИ СЪ ЭСКВИЛИНА. РИМЪ.

Ватиканская Библіотека По Вёрманну.

Картина изображаетъ нападеніе лестригоновъ на флотъ Одиссея. Видно, какъ разбиваются корабли въ узкой, окруженной горами бухтѣ. Перспектива примѣнена съ полной увѣренностью. Блужданія Одиссея были, какъ о томъ передаетъ намъ Витрувій, однимъ изъ любимыхъ сюжетовъ живописцевъ его времени.

культуры, она упрочаетъ основы римскаго государства, наложившаго неизгладимую печать на всѣ народы, идущіе нынѣ по пути прогресса. Убѣжденіе въ духовномъ превосходствѣ греческой культуры побуждаетъ римлянъ воспринять культуру покоренныхъ враговъ, которыхъ они презираютъ какъ людей—и въ этомъ, быть-можетъ, самая великая сила ихъ подвига. Союзъ римской мощи съ эллинской красотой рождаетъ новыя безсмертныя культурныя цѣнности.

Правда, римляне уже не представляли собою тѣхъ варваровъ, которыхъ въ нихъ видѣли гордые своей цивилизаціей греки. Одна культурная миссія была уже осуществлена римлянами; маленькій городъ латиновъ, Римъ, объединилъ народы Италіи своимъ языкомъ, своимъ правомъ и своими обычаями. Элементы эллинской образованности уже давно проникли въ Римъ, отчасти черезъ посредство этрусковъ (стр. 266 слл.), отчасти благодаря греческимъ купцамъ и соприкосновенію съ нижне-италійскими греческими городами. Уже съ эпохи царей въ Римѣ былъ принятъ греческій шрифтъ въ той его формѣ, которая была распространена въ Кампаньи. Римляне освоились и съ греческимъ языкомъ, а олимпійскіе боги пріобрѣли у нихъ права гражданства (стр. 265). Итакъ, дѣвственная почва была подготовлена для принятія новаго сѣмени, когда въ 272 году первый крупный греческій городъ, Тарентъ, попалъ въ руки римлянъ. Это сѣмя взошло 30 лѣтъ спустя, когда тарентинскій рабъ, Андроникъ, достигъ зрѣлыхъ лѣтъ жизни.

Рис. 219. РИМСКАЯ ВОЛЧИЦА.
Бронза. Римъ, Капитолійскій музей.
Съ фотографіи.
Волчица, стоявшая до 1471 г. у Латеранскаго дворца, по всей вѣроятности, произведеніе іонійскаго (халкидскаго ?) художника VI стол. Голова и шея животнаго съ ея архаической трактовкой менѣе всего пострадали отъ позднѣйшихъ реставрацій. Ромулъ и Ремъ возстановлены Guglielmo della Porta (ум. въ 1577 году).

Національные зародыши.

Именно потому, что вся римская литература родилась изъ эллинской, насъ особенно интересуетъ вопросъ о томъ, что дали римляне чисто-національнаго и дали ли они его вообще. Наши свѣдѣнія о з а ч а т к а х ъ н а ц і о н а л ь н о - р и м с к о й литературы отличаются крайней скудостью. Мы не будемъ здѣсь говорить о первыхъ жалкихъ всходахъ поэзіи. Зарожденіе греческой литературы ознаменовано Гомеровскими поэмами; первое произведеніе римской письменности, ха-

рактерное для римскаго интеллекта — законы двѣнадцати таблицъ! Какъ этотъ фактъ, такъ и обширный кодексъ законовъ, изданный тысячу лѣтъ спустя и завѣщанный римлянами культурному міру, не представляютъ собою случайностей. Почти педантичное стремленіе къ законности и праву, безъ которыхъ ни одному государству и ни одному правительству не обезпечена долговѣчность, было настолько же прирождено римлянамъ, насколько чуждо грекамъ.

Законы двѣнадцати таблицъ.

Писанные законы, которыхъ давно жаждалъ народъ, около 450 г. были начертаны на 12 бронзовыхъ таблицахъ и выставлены на форумѣ; послѣ галльскаго пожара они были возстановлены съ возможной точностью. Это законодательство въ главныхъ своихъ основахъ было фиксаціей обычнаго права въ формѣ краткихъ постановленій и запрещеній, на которомъ сказалось, однако, также значительное вліяніе греческаго законодательства. Поэтому сохранившіеся фрагменты имѣютъ такое крупное значеніе для оцѣнки типичныхъ чертъ характера римлянина. Къ суровости многихъ узаконеній не слѣдуетъ примѣнять масштаба нашей гуманной эпохи, хотя человѣчность далеко не была чужда тѣмъ временамъ. Не всѣ случаи кражи, напримѣръ, карались смертью, подобно законамъ Дракона или средневѣковымъ законамъ. Прежде чѣмъ должникъ отдавался за неуплату долга въ собственность кредитора, ему предоставлялось право въ теченіе продолжительнаго льготнаго срока искать согражданина, который бы его выкупилъ. Встрѣчаются въ этихъ законахъ и постановленія, касающіяся общественнаго полицейскаго благоустройства, напр., запретъ хоронить покойниковъ въ предѣлахъ города. Передъ нами первая, не во всѣхъ частяхъ удачная попытка письменной нормировки обширнаго сложнаго матеріала. Это былъ „катехизисъ“, посвящавшій юношество не только въ искусство жизни, но и въ обычаи и право; еще Цицеронъ на школьной скамьѣ заучивалъ эти законы наизусть.

Оффиціальныя записи.

Кромѣ нихъ существовали другія письменныя оффиціальныя записи. Такъ какъ молитва могла быть услышанной только когда она произносилась въ опредѣленной формѣ передъ даннымъ божествомъ (стр. 283), понтифики составляютъ формулы молитвъ и связанныя съ ними религіозныя указанія (indigitamenta). Освѣдомленность въ этой области составляетъ главную основу ихъ власти. Они ведутъ списки магистратовъ, фрагменты которыхъ даютъ намъ хронологическій остовъ римской исторіи. Дериватомъ этихъ списковъ являются Капитолійскія фасты, вырѣзанные около 30 г. до Р. Хр. на мраморной облицовкѣ стѣнъ оффиціальнаго жилища верховнаго понтифика. Понтифики заботились также объ упорядоченіи календаря, получившаго имя свое отъ термина Календы, оффиціально провозглашаемаго первато дня мѣсяца (calare). Верховный понтификъ заносилъ въ календарь, на бѣлую доску (album), всѣ событія даннаго года. Эти лѣтописи легли въ основу Annales maximi, изданныхъ около 123 г. до Р. Хр. въ 80 книгахъ. По мнѣнію Цицерона, они содержали однѣ только чрезвычайно сухія записи, и дали бы намъ, если бы сохранились, несмотря на всю свою обширность, очень мало историческаго матеріала, такъ какъ страницы ихъ были заполнены,

замѣтками о мимолетныхъ событіяхъ, вродѣ затменій луны и солнца и разныхъ чудесныхъ предзнаменованій.

Одновременно съ этими оффиціальными записями въ частныхъ архивахъ накоплялись документальныя данныя, касавшіяся отдѣльныхъ знатныхъ семействъ. Надгробныя рѣчи, произносившіяся во время погребенія, сохранялись въ семейныхъ архивахъ, а надписи на imagines предковъ въ домашнихъ часовняхъ (рис. 171) увѣковѣчивали славу минувшихъ поколѣній — правда, оба эти источника отличаются сомнительной фактической достовѣрностью. Надгробныя рѣчи.

Первый истинно великій римлянинъ, знакомый намъ какъ живая личность, является и первымъ римскимъ писателемъ: это былъ Аппій Клавдій Цекъ (caecus—слѣпой), строитель великой дороги, носящей его имя и понынѣ. Онъ опубликовалъ свою рѣчь, произнесенную имъ въ 280 году, которою онъ — слѣпой старикъ—не допустилъ заключенія мира съ царемъ Пирромъ. Онъ же написалъ, слѣдуя, по всей вѣроятности, греческимъ образцамъ, первое собраніе изреченій, къ числу которыхъ относится слово, живое еще и понынѣ: „всякій человѣкъ своего счастья кузнецъ“.

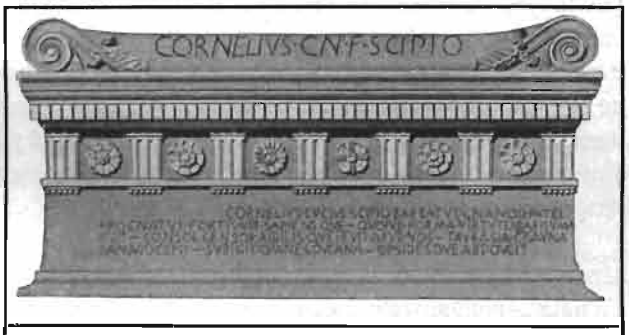

Рис. 220. САРКОФАГЪ СЦИПІОНА.
Найденъ въ гробницѣ Сципіоновъ на Via Appia. Ватиканъ.
Ср. d'Espouy, «Fragm. d'arch. antique», табл. 32.
Надъ дорическимъ триглифнымъ фризомъ съ розетками въ метопахъ тянется іонійскій дантикулъ. Крышка саркофага на обоихъ концахъ заканчивается плящими іонійскими волютами. — Похороненный здѣсь Л. Корнелій Сципіонъ Барбатъ, жизнь котораго прославляютъ звучные сатурнія, былъ цензоромъ въ 290 г. до Р. Хр.

Мы переходимъ къ поэзіи, для обозначенія которой римляне не имѣли спеціальнаго слова, что очень характерно. Ибо слово carmen означало всякое формулированное изреченіе, не исключая и прозы; поэтовъ же попросту величали „писателями“ (scribae). Исконнымъ италійскимъ стихотворнымъ размѣромъ является сатурній, сродство котораго съ нашимъ стихотворнымъ размѣромъ Нибелунговъ свидѣтельствуетъ о глубокой древности его. Каждая изъ двухъ половинъ сатурнія, часто соединявшихся при помощи аллитераціи, состояла изъ трехъ тезисовъ, приходящихся на долгіе слоги; въ арзисахъ допускались вольности. Одна изъ знаменитыхъ надписей на гробницѣ Сципіона (рис. 220) даетъ представленіе о простотѣ этого размѣра, строгаго и торжественнаго въ краткихъ стихотвореніяхъ и вызывающаго впечатлѣніе однообразія въ длинныхъ: Поэзія.

Honc oino ploirume cosensiont R[omane
duonoro optumo fuise viro,
Luciom Scipione; filios Barbati
consol censor aidilis hic fuet a[pud vos.
hec cepit Corsica Aleriaque urbe,
dedet Tempestatebus aide mereto[d votam.

„Этотъ одинъ человѣкъ, Луцій Сципіонъ, сынъ Барбата, былъ, по общему мнѣнію большинства римлянъ, достойнѣйшимъ изъ нашихъ лучшихъ мужей. Онъ былъ у васъ консуломъ (256 г. до Р. Хр.), цензоромъ, эдиломъ, покорилъ Корсику и городъ Алерію, и въ благодарности посвятилъ бурямъ храмъ“ [1]).

Elogia вродѣ вышеприведеннаго даютъ намъ представленіе объ упомянутыхъ выше надписяхъ подъ изображеніями предковъ. Что же касается надгробнаго плача (nenia), исполнявшагося плакальщицей передъ домомъ покойника, то мы о немъ свѣдѣній не имѣемъ. Ничего не знаемъ мы и о пѣсняхъ, возвеличавшихъ подвиги предковъ, пѣвшихся подъ звуки флейты за столомъ,—обычай, забытый уже во времена Катона. Поэтому вопросъ о томъ, возникли ли разсказы о героической эпохѣ изъ этихъ пѣсенъ, остается невыясненнымъ.

Культовыя пѣснопѣнія.

Священныя слова древнихъ культовыхъ пѣсенъ изстари записывались. Большимъ своеобразіемъ отличалась торжественная пѣсня Саліевъ, непонятная даже римскимъ ученымъ знатокамъ позднѣйшаго времени; она пѣлась ежегодно въ мартѣ и октябрѣ, въ началѣ и концѣ военнаго времени; вооруженные священными щитами, Саліи подъ звуки этой пѣсни шли плясовымъ шагомъ въ припрыжку по городу въ процессіи (стр. 289). Въ актахъ Арвальскихъ братьевъ, коллегіи „братьевъ-земледѣльцевъ“, устраивавшихъ священнослуженія близъ Рима въ священной рощѣ Dea Dia, сохранилось древнее пѣснопѣніе; оно пѣлось въ праздникъ божества и сопровождалось пляской, состоявшей изъ прыжковъ и топанья ногами. Пѣсня испрашиваетъ помощь ларовъ и умоляетъ воинственнаго Марса не „ниспосылать смерти и гибели на многихъ“, причемъ призываются (загадочные для насъ) Семоны. Существовалъ также рядъ молитвъ, прорицаній, формулъ проклятія и благословенія, крестьянскихъ и житейскихъ правилъ, отчасти облеченныхъ въ сатурніи, отчасти формулированныхъ въ вольной ритмической прозѣ, внушенной вдохновеніемъ момента.

Сценическія игры.

Въ другихъ празднествахъ давалась воля удали и остроумію; не даромъ опасались прославленной италійской насмѣшливости („италійскій уксусъ“)! Во время праздника жатвы и сбора винограда въ ходу

[1]) Мы видимъ по оригинальному тексту, насколько латынь того времени еще была далека отъ болѣе поздняго (ср. стр. 260 сл. и рис. 220) языка.

были грубые шутливые стихи, которыми, между прочимъ, сопровождали жениха въ его новое жилище, которые говорились даже вслѣдъ полководцу, праздновавшему тріумфъ. Эти такъ назыв. Фесценинскія шутки, уже въ раннюю эпоху положили начало безыскусственной сценической игрѣ, возникшей сначала подъ этрусскимъ вліяніемъ, и развившейся впослѣдствіи самостоятельно,—таково безспорное ядро спорнаго преданія, передаваемаго Ливіемъ. Рядомъ съ этимъ существовалъ проникшій изъ Кампаньи оскскій народный фарсъ—Ателланы, характерные типы которыхъ напоминаютъ мегарскую комедію (Э. К., стр. 497 сл.).

Общій обзоръ.

Такимъ образомъ, данныя для дальнѣйшаго развитія національной литературы были очень скудны. Несомнѣнно, зачатки драматическаго

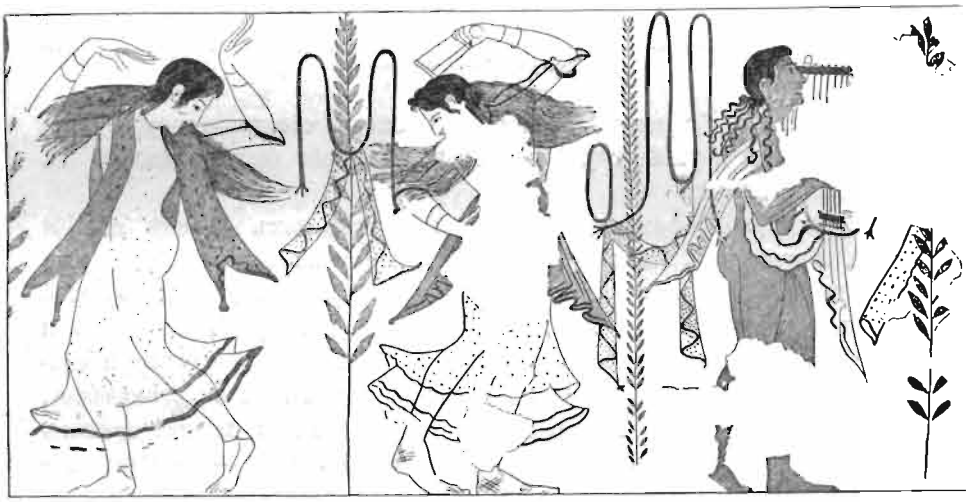

Рис. 221. ЭТРУССКІЯ ТАНЦОВЩИЦЫ И ПѢВЦЫ ИЗЪ GROTTA DEL CITAREDO БЛИЗЪ КОРНЕТО.
Ср. Mon. d. Inst., VII, табл. 79.
Интересна прозрачная трактовка тканей; постановка глазъ все еще невѣрная, тѣла женщинъ нарисованы бѣлой, тѣла мужчинъ коричневой краской, ноги отличаются неуклюжестью, руки чрезмѣрно жестикулируютъ.

искусства могли бы развиваться дальше; напротивъ, изъ застольныхъ пѣсенъ не родилась народная баллада (иначе онѣ бы не исчезли безъ всякаго слѣда), а религіозные гимны кристаллизовались въ традиціонныя формы. Мы нигдѣ не встрѣчаемъ лирическаго выраженія личнаго чувства; римлянинъ—крестьянинъ, гражданинъ, солдатъ, добросовѣстно исполнявшій свой долгъ,—не обладалъ для этого ни временемъ, ни настроеніемъ. Онъ цѣнилъ исключительно полезное и практически примѣнимое въ жизни; въ теченіе долгаго времени, какъ увидимъ ниже, это стремленіе руководило римлянами и при воспріятіи чужеземной культуры.

Оно уже рано приводитъ къ созданію самобытнаго ораторскаго искусства, представителемъ котораго былъ Катонъ. Могла бы развиться

Рис. 222. ТРАГИЧЕСКАЯ МАСКА,
окруженная переплетающимися цвѣтами и фруктами.
Съ фотографіи.
Узоры на стеклянныхъ кольцахъ, надѣтыхъ на гирлянду, сдѣланы путемъ гравировки поверхности стекла. Драматическая маска использована какъ декоративный элементъ—пріемъ декоровки, заимствованный у античности и нашимъ временемъ.

и исторіографія, безыскусственная, но цѣнная своимъ содержаніемъ; фактически же первый трудъ по римской исторіи былъ написанъ на греческомъ языкѣ.

Позднѣйшія времена обнаружили въ римскомъ народѣ еще и другія способности. Римъ совершилъ первый шагъ за предѣлы Италіи и покорилъ Сицилію, западный центръ эллинской культуры, украсившей своими сокровищами не только міровые центры вродѣ Сиракузъ и Агригента, но и рядъ небольшихъ городовъ. Тысячи офицеровъ и солдатъ привыкали къ царившей здѣсь утонченной жизни и, вернувшись, тяготились некультурностью своей сельской родины; тысячи грековъ переселялись — во многихъ случаяхъ недобровольно — въ Римъ, постоянно готовые посвятить своихъ новыхъ повелителей въ сокровищницу родной культуры, въ цѣнности которой постепенно убѣждаются широкіе круги народа.

Ливій Андроникъ.

Результатомъ этого процесса было то, что одинъ человѣкъ создалъ въ Римѣ эпическую, драматическую и лирическую поэзію. Тарентскій рабъ, Ливій Андроникъ, получилъ мѣсто воспитателя въ знатной семьѣ и впослѣдствіи, послѣ отпуска на волю, избралъ профессію школьнаго учителя. Чтобы создать учебную книгу для своей школы, онъ перевелъ Одиссею на латинскій языкъ въ сатурнійскихъ стихахъ, и этотъ учебникъ остался въ употребленіи вплоть до эпохи Горація, не всегда на радость учащейся молодежи. По окончаніи первой пунической войны, въ 240 году, Ливій Андроникъ во время римскихъ игръ ставитъ первую латинскую трагедію и комедію, въ 207 г. онъ пишетъ хоровую пѣсню для процессіи дѣвушекъ. Въ награду за это существовавшей уже въ то время коллегіи „писателей и актеровъ“ даруется храмъ для засѣданій, чѣмъ оффиціально санкціонируется ея существованіе.

Ливій Андроникъ и не мечталъ о томъ, что положитъ основу міровой литературѣ. Цицеронъ справедливо порицаетъ его за неуклюжій стихъ. Все же, надо думать, въ творчествѣ Ливія Андроника имѣлось не только энергичное хотѣнье, но и значительное умѣнье. Работа надъ Одиссеей далась первому изобрѣтателю перевода не безъ труда, но его творчество безспорно прогрессировало. Въ своемъ переводѣ Ливій Андроникъ пользуется сатурніемъ; но уже въ драмахъ ему приходится приспособлять лишенный гибкости латинскій языкъ къ греческимъ размѣрамъ; пѣсня, сочиненная на опредѣленный случай, не является уже, по всей вѣроятности, только переводомъ. Характерно, что эти первыя литературныя попытки, назначавшіяся для школы и сцены, быстро становятся достояніемъ широкихъ общественныхъ круговъ.

Невій. Дальнѣйшее развитіе поэзіи идетъ очень быстро: годомъ ея рожденія былъ 240, непосредственно послѣ этого родился Эннй, а уже въ 235 г. Невій, писавшій въ Римѣ вплоть до 204 года, ставитъ на сценѣ свое первое произведеніе. Невій—вполнѣ опредѣленная индивидуальность; онъ не переселившійся въ Италію грекъ, а латинянинъ, одинъ изъ борцовъ Пуническихъ войнъ. Его заслуга состоитъ въ томъ, что онъ съ первыхъ шаговъ направляетъ зарождающуюся литературу на національный путь. Не довольствуясь ролью посредника, сближавшаго римлянъ съ міромъ греческихъ трагедій, онъ пишетъ первыя римскія драмы (fabulae praetextae), посвященныя юности Ромула и послѣдней галльской войнѣ. Однако, склонность къ ѣдкой сатирѣ влекла Невія, прежде всего, къ комедіи. Особой извѣстностью пользовалась его „Тарентская дѣвушка“. Въ этой комедіи Невій описываетъ блудную жизнь гетэры, очаровывавшей одновременно нѣсколькихъ любовниковъ. Онъ первый прибѣгалъ къ контаминированію пьесъ, т.-е. перенесенію сценъ изъ одной комедіи въ другую. Помимо всего этого, положеніе вещей въ Римѣ представляло богатый матеріалъ для справедливой насмѣшки самоувѣреннаго демократа. Онъ безстрашно порицалъ всѣ отрицательныя стороны римской жизни, между прочимъ, высмѣивалъ аристократическій родъ Метелловъ; онъ не умалчивалъ даже о юношескихъ продѣлкахъ великаго Сципіона; на вопросъ же, что повело государство къ быстрой гибели, Невій отвѣчаетъ: „Выступаютъ модные ораторы, глупые молодчики“. Однако, шутить съ римской полиціей и гордыми Метеллами оказалось опаснымъ. Поэтъ за свою безстрашность, въ концѣ концовъ, поплатился изгнаніемъ. Разумѣется, этотъ поучительный примѣръ послужилъ предупрежденіемъ другимъ поэтамъ.

Тѣмъ богаче послѣдствіями было старческое произведеніе Невія, эпосъ въ сатурніяхъ, посвященный первой Пунической войнѣ. Въ своемъ введеніи онъ охватываетъ и доисторическую эпоху Рима, описывая

отплытіе Энея изъ Трои, его прибытіе къ Дидонѣ и пріѣздъ въ Лаціи: очевидно, Невій ставилъ себѣ цѣль прослѣдить вражду обоихъ народовъ вплоть до отдаленной старины. Его произведеніе прославило цѣлую эпоху національной исторіи,—литературная попытка, рѣдко дѣлавшаяся греками и создавшая образецъ для Эннія и Вергилія. Еще Цицеронъ и Горацій восхищались простотой и выразительностью рѣчи Невія.

Энній. Въ годъ изгнанія Невія (204) въ Римъ переселяется Эннiй. Катонъ привезъ его въ своей свитѣ изъ Сардиніи; впослѣдствіи онъ, вѣроятно, не разъ скорбѣлъ о томъ, что сгладилъ пути непріятному ему новатору и просвѣтителю.

Рис. 223. ГОЛОВА АКТЕРА.
Мраморъ. Дрезденъ. Ср. Mitt. a. d. sächs. Kunsts. II, S. 7.

Деталь посвятительнаго рельефа, изображающаго актера, сидящаго на тронѣ въ позѣ Вакха между флейтщикомъ и танцовщицей. Головка тончайшей работы, въ 4 см. высоты. Характерно, насколько черты этого античнаго мима напоминаютъ типъ современныхъ актеровъ. Рельефъ—римская оригинальная работа, относящаяся ко времени Августа.

Кв. Энній былъ родомъ изъ Калабріи, гдѣ греческая культура скрещивалась съ оскскимъ вліяніемъ; онъ съ полнымъ основаніемъ могъ сказать о себѣ, что въ немъ жило „три человѣка". Въ Римѣ Энній поселился съ авторомъ комедій Цециліемъ на Авентинѣ, и посвятилъ себя поэзіи и дѣятельности учителя. Вскорѣ нѣкоторые аристократы обратили вниманіе на способнаго и многообѣщающаго человѣка. Онъ былъ друженъ съ Сципіономъ Насикой, знакомъ съ великимъ Сципіономъ Африканскимъ, прославленнымъ въ его произведеніяхъ. Большая пріязнь связывала поэта съ М. Фульвіемъ Нобиліоромъ, который въ 189 г. взялъ Эннія въ свой этолійскій походъ, подражая обычаю эллинистическихъ царей и вызывая глубокое возмущеніе старика Катона. Впослѣдствіи Эннію были дарованы права римскаго гражданства, которыми онъ чрезвычайно гордился. Въ 169 году Энній умеръ отъ подагры, часто докучавшей неравнодушному къ вину поэту.

Анналы. Начнемъ съ главнаго произведенія его жизни, Анналъ, написанныхъ гексаметромъ, въ которыхъ онъ разсказывалъ всю римскую исторію, начиная съ Энея. Энній начинаетъ видѣніемъ, въ которомъ Гомеръ возвѣщаетъ поэту, что его душа послѣ долгихъ скитаній переселилась, наконецъ, въ него—Эннія. Первыя шесть книгъ, доводившихъ разсказъ до Пирра, были изданы отдѣльно; ибо въ предисловіи къ пуническимъ войнамъ Энній, въ сознаніи собственнаго превосходства, полемизируетъ не только съ Невіемъ, но и со своими критиками. Восьмая и девятая книги описывали войну съ Ганнибаломъ, вообще же разсказъ, по мѣрѣ его приближенія къ новѣйшему времени становился все болѣе подробнымъ, оставаясь до конца живымъ и жизненнымъ.

По формѣ и содержанію Анналы далеко превосходятъ произведенія Невія, такъ какъ Энній, насколько мы можемъ судить о произведеніи, охватывавшемъ 18 книгъ по 600 уцѣлѣвшихъ стиховъ, смѣло ставитъ себѣ новую цѣль и достойно ее осуществляетъ. Художественная группировка матеріала въ этихъ постепенно возникавшихъ анналахъ, конечно, была исключена. Фактическій матеріалъ трактованъ съ нѣкоторою сухостью; но самый характеръ содержанія влекъ за собой силу и проникновенность рѣчи, охватывая все, что вызывало благоговѣніе и почитаніе римлянъ и найдя достойнаго толкователя въ лицѣ полугрека, обрѣтшаго въ Римѣ вторую родину. Все, выходившее за эти границы, все тонкое искусство описаній, рѣчей, метафоръ Энній умѣло и искусно заимствовалъ у Гомера. Для той эпохи это былъ не упрекъ, а заслуга; только этимъ путемъ римляне знакомятся съ художественнымъ эпосомъ. Мы ограничиваемся и здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, только установленіемъ факта зависимости поэтовъ отъ своихъ образцовъ, не иллюстрируя ея примѣрами; зависимость эта доходила иногда до мельчайшихъ частностей (такъ, напр., Вергилій перевоплощаетъ тѣ же мѣста изъ Гомера, которыя были использованы Энніемъ); однако, для правильнаго освѣщенія всей римской поэзіи уже это принципіальное установленіе зависимости очень существенно.

Итакъ, Энній—создатель римскаго національнаго эпоса; его произведеніе не было забыто; и во времена Вергилія, и послѣ него, оно служило источникомъ множества популярныхъ въ народѣ цитатъ. Еще бо̀льшая заслуга Эннія состояла въ введеніи гексаметра въ римскую поэзію, хотя онъ и не проникъ во всѣ тонкости этого простого размѣра, требующаго тѣмъ не менѣе большого мастерства. Трудно было согласовать строгую размѣренность неразрѣшающихся арсисовъ и строго размѣренныхъ тесисовъ съ неустойчивымъ колебаніемъ краткихъ и долгихъ слоговъ народнаго языка, которому въ то время въ небрежномъ устномъ употребленіи грозила опасность утратить конечные слоги. Тутъ Энній оказался смѣлымъ и мудрымъ учителемъ языка; онъ положилъ основаніе латинской просодіи и создалъ художественный литературный языкъ.

Его комедіи не сохранились; тѣмъ больше славились его трагедіи, вплоть до эпохи Цицерона. Въ нихъ могли свободно проявиться его мужественность, его склонность къ патетической рѣчи и изображенію сильныхъ страстей. Эннія больше всего привлекалъ троянскій циклъ легендъ; онъ познакомилъ римлянъ, между прочимъ, съ таинственнымъ образомъ Медеи, основываясь, конечно, на Еврипидѣ, которому Энній, какъ свободомыслящій писатель, особенно горячо симпатизировалъ. Въ драмѣ національнаго характера онъ описывалъ похищеніе сабинянокъ. Трагедіи.

Позднѣйшія трагедіи.

Наше представленіе о римской трагедіи, о которой мы тутъ же, забѣгая впередъ, скажемъ нѣсколько словъ, не такъ опредѣленно какъ о комедіи, ибо до насъ дошли только фрагменты ея. Это не случайность; впечатлѣніе трагедіи на толпу было, безъ сомнѣнія, скорѣе внѣшнее, и вліяніе на мысль и чувство ея мимолетны. Цицеронъ, усердно приводящій цитаты изъ трагиковъ, нашего мнѣнія не подрываетъ. Герои, съ которыми грекъ чувствовалъ національную связь, римлянину были чужды и непонятны. Даже связь основателя Рима съ Энеемъ, пріобрѣтшая впослѣдствіи непреложность символа вѣры, была создана искусственно. Поэты стремятся заинтересовать публику сильными эффектами, напряженностью завязки и неожиданностью развязки, потрясающими и трогательными сценами, остроумными спорами и страстными рѣчами. Впослѣдствіи, когда сценическое искусство усовершенствовалось, публика увлекалась, какъ и у насъ, знаменитостями, напр., мимами вродѣ Эзопа и Росція, которыхъ она не уставала повторно смотрѣть въ ихъ лучшихъ роляхъ (рис. 223).

Къ числу классиковъ кромѣ Эннія принадлежали его племянникъ М. Пакувій изъ Брундизія (около 222—130) и умбріецъ Л. Акцій (родившійся въ 170 г.), котораго видѣлъ еще Цицеронъ. Онъ писалъ, главнымъ образомъ, о троянскомъ циклѣ легендъ и о трагической судьбѣ Пелопидовъ. Политическая борьба, которая въ то время происходила въ Римѣ, находитъ себѣ въ этомъ миѳѣ откликъ и на сценѣ. Оба поэта славились строгимъ достоинствомъ мысли, вѣскостью рѣчи и глубиной изображенныхъ характеровъ. Пакувій, подобно Эннію, тѣснѣе примыкалъ къ Еврипиду и выступалъ иногда провозвѣстникомъ либеральной просвѣщенности. Акцій писалъ болѣе свободно и любилъ переплетать сцены и мотивы изъ разныхъ пьесъ. Уже во времена Акція начинается упадокъ трагедіи, ускоренный проникновеніемъ въ литературу риторики. Приходится пожалѣть о томъ, что у римлянъ не хватало смѣлости обогатить сцену живымъ и простымъ изображеніемъ національныхъ подвиговъ родного народа. Національная трагедія историческаго содержанія (praetexta) не вышла за предѣлы отдѣльныхъ патріотическихъ праздничныхъ спектаклей, и лишь Шекспиръ показалъ міру, какой могучій эффектъ можетъ быть достигнутъ сценическими произведеніями изъ жизни Рима.

Другія произведенія.

Эннiй въ своихъ эпиграммахъ знакомитъ римлянъ не только съ гексаметромъ, но и съ дистихомъ, онъ же является творцомъ первыхъ сатиръ. Поэтъ не пренебрегъ даже задачей переработки гастрономической книги Архестрата (ср. стр. 134) для римскихъ знатоковъ въ этой области. Въ своихъ „Эпихарма“ (Э. К., стр. 497) и „Эвгемера“ (стр. 146) Эннiй вкладываетъ всю душу, желая передать римлянамъ сущность древняго и новаго греческаго просвѣщенія. Итакъ, сѣмя было заронено, оно взошло, и новая поросль заглушила тщательно ограждавшуюся римскую религію и мораль.

Вопросъ о томъ, былъ ли Эннiй геніальнымъ или талантливымъ писателемъ—вопросъ праздный. Человѣкъ, написавшій все выше перечисленное и находившій еще время углубляться въ вопросы правописанія и метрики, былъ несомнѣнно одаренъ всесторонними способностями, силой и радостью творчества. Эннiй преисполненъ гордаго сознанія, что онъ—чужеземецъ—многое далъ римскому народу, онъ не желаетъ слезъ во время своихъ похоронъ—„зачѣмъ? я живъ въ устахъ людей“. Потомство благодарнымъ взоромъ смотрѣло на патріарха римской поэзіи, всюду обнаруживая слѣды его духа и формальнаго мастерства.

2. КОМЕДІЯ И САТИРА

ПЛАВТЪ ТЕРЕНЦІЙ ЛУЦИЛІЙ

Счастливая судьба сохранила намъ комедіи Плавта и Теренція. Мы должны особенно радоваться этому, такъ какъ ни одинъ видъ греческой поэзіи не производилъ въ Римѣ такого непосредственнаго и длительнаго впечатлѣнія на народныя массы, какъ новая комедія (стр. 108 слл.). Мы можемъ прослѣдить ростъ и развитіе этого вліянія на протяженіи двухъ поколѣній, наблюдая различіе формы, въ которую оба сохранившіеся до насъ поэта облекали оригиналы, пересоздавая ихъ для римской публики; при этомъ мы знакомимся съ обычаями, вкусами и языкомъ римлянъ соотвѣтствующей эпохи. Накопецъ, въ этой комедіи бьетъ тотъ же живой источникъ, изъ котораго постоянно черпала вдохновеніе новѣйшая современная намъ комедія.

Поэты.

Послѣ Невія трое поэтовъ писали комедіи, слѣдуя греческимъ образцамъ (fabula palliata): Плавтъ, Цецилій (около 220—168), о которомъ мы имѣемъ лишь смутное представленіе, и Теренцій. Всѣ трое были не римляне: первый былъ умбръ, второй кельтъ, третій африканецъ; всѣ трое, въ противоположность своимъ многостороннимъ предшественникамъ, дѣлаютъ въ области литературы шагъ впередъ въ смыслѣ внутренняго сосредоточенія, посвящая всѣ свои силы одной области творчества.

Плавтъ.

Контрастъ между Плавтомъ и Теренціемъ сказывается уже въ біографіи Т. Макцій Плавтъ (около 254—184), человѣкъ простого происхожденія, италикъ, съ трудомъ пробиваетъ себѣ путь въ жизни. На его долю выпадаютъ тяжелые годы юношества: сначала онъ служилъ театральнымъ лаксемъ, затѣмъ былъ купцомъ и, наконецъ, мельникомъ; эти годы познакомили его какъ съ нравами театра, такъ и съ инстинктами и склонностями народной толпы. Поэтому уже первыя его произведенія, которыя онъ сочинилъ, будучи человѣкомъ зрѣлаго возраста, вращая мельничные жернова, увѣнчались успѣхомъ, не измѣнявшимъ ему въ теченіе двадцати лѣтъ и вновь воскресшимъ послѣ смерти Теренція, когда снова начали ставить его комедіи, извѣстныя въ это время только старшему поколѣнію.

Теренцій.

Что касается П. Теренція Афра (около 190—159), то на его долю выпала недолгая, но стройная жизнь. Онъ является въ Римъ изъ Карѳагена въ качествѣ раба; одаренный мальчикъ получаетъ законченное образованіе въ домѣ сенатора. Будучи отпущенникомъ, онъ заключаетъ дружбу съ младшимъ Сципіономъ Африканскимъ, домъ котораго объединялъ просвѣщеннѣйшихъ людей того времени. На этой почвѣ возникаютъ его драмы; онъ любилъ, когда въ нихъ видѣли вліяніе его благородныхъ сотрудниковъ. Теренцій умеръ во время путешествія въ Грецію въ возрастѣ, въ которомъ Плавтъ еще не написалъ ни единаго стиха.

Римская комедія.

Комедія эпохи Плавта представляетъ изъ себя нѣчто двойственное, это—кентавръ, полугреческій и полуримскій. Мы поражаемся,

какъ картины греческой жизни съ ея откровенной чувственностью могли завоевать римскую сцену; очевидно, нѣкоторый упадокъ древне-римской строгости нравовъ уже подготовилъ почву. Внѣ всякаго сомнѣнія, и сама комедія способствовала этому паденію; „жить по-гречески“ (pergraecari) на языкѣ Плавта значитъ жить бурно и весело, что вызывало понятное порицаніе почтенныхъ людей. Однако, обаяніе чужеземной утонченной культуры одерживало верхъ, а яркое и наглядное изображеніе общечеловѣческихъ слабостей не могло не вызывать сочувственнаго пониманія. Впечатлѣніе отъ этихъ комедій можно сравнить съ отношеніемъ нашей публики къ первому появленію парижскихъ комедій и оперетокъ на нашей сценѣ: публика ими усиленно увлекалась, а при видѣ на сценѣ вещей, преходившихъ всякія границы, утѣшалась мыслью, что „у насъ“ онѣ невозможны.

Римскій поэтъ не могъ ограничиться простымъ переводомъ греческой комедіи, онъ долженъ былъ ее сблизить съ римской жизнью; онъ придаетъ ей поэтому римскую окраску, вплетая въ комедіи намеки на мѣстную жизнь и нравы.

Какъ поэтъ, такъ и его слушатели не понимали цѣлаго ряда тонкостей аттическихъ комедій, тонкостей ихъ построенія, характеристикъ и стиля. Римскій обыватель отправлялся въ театръ, чтобъ посмѣяться. Охотнѣе всего онъ смѣялся надъ шаржированными типами, надъ грубымъ вымогательствомъ, надъ сценами пьянства, брани и драки. Плавтъ отдавалъ себѣ въ этомъ отчетъ и поступалъ соотвѣтствующимъ образомъ. На сценѣ необходимо было какъ можно больше живого дѣйствія; поэтому Плавтъ иногда прибѣгалъ къ рискованному пріему внесенія въ комедію сценъ или мотивовъ изъ другихъ пьесъ, что было нетрудно при однообразіи многихъ греческихъ комедій. Такія „контаминаціи“ Плавта опредѣленно установлены; трудно рѣшить только, гдѣ и какъ онъ ихъ примѣнялъ. Ясно, что всѣ эти пріемы вносили огрубѣніе въ греческія драмы; съ другой стороны, греческія комедіи именно въ этой формѣ нравились римлянамъ и много способствовали расширенію ихъ образованія. Это напоминаетъ намъ пріемы Цицерона, приспособившаго греческую философію къ пониманію римлянъ.

Оцѣнка.

Насъ очень многое поражаетъ въ комедіи Плавта; однако, Лессингъ правъ, говоря: „Станьте на точку зрѣнія его современниковъ, если вы не хотите ему незаслуженно приписывать ошибокъ“. Насъ прежде всего поражаетъ мѣсто дѣйствія всѣхъ сценъ на улицѣ, на которой жилища главныхъ дѣйствующихъ лицъ находятся рядомъ. Однако, авторъ принужденъ былъ считаться съ трудностью перемѣнъ сценической обстановки. Кто видѣлъ всю непринужденность южной уличной жизни въ наше время, не удивится, что въ комедіяхъ Плавта самыя интимныя событія домашней жизни совершаются публично. Разумѣется, ходъ дѣйствія страдаетъ нѣкоторой неправдоподобностью. Прямо противоположны современному реализму длинные монологи, въ большинствѣ случаевъ поющіеся, также частыя рѣчи въ сторону, вызывающія у дѣйствующихъ

лицъ недовѣрчивый вопросъ: „Что онъ бормочетъ про себя?“. Иллюзія нарушается также одновременной игрой нѣсколькихъ дѣйствующихъ лицъ на сценѣ, не замѣчающихъ другъ друга; хотя благодаря длинѣ сцены это мѣшало еще меньше всего. Въ то время зрители еще обладали той наивной силой иллюзіи, которую въ современной публикѣ стремятся вызвать упрощеніемъ сценическаго аппарата.

Вообще не слѣдуетъ забывать, что комедіи Плавта созданы не для чтенія, а скомпонованы ловкимъ практическимъ знатокомъ сцены исключительно для нея. Кто не знаетъ Шекспировскихъ сценъ, кажущихся въ чтеніи почти нелѣпыми, и производящихъ въ высшей степени комическое впечатлѣніе въ живомъ сценическомъ исполненіи? Такъ же Плавтъ; мы качаемъ головой надъ его растянутымъ комизмомъ ситуаціи, его безконечной болтовней, нагроможденіемъ словъ, двусмысленныхъ шутокъ. На сценѣ все это пролетаетъ веселымъ вихремъ передъ зрителемъ, едва успѣвавшимъ не только задуматься, но и воспринять. Многое, отталкивающее современнаго зрителя и оставляющее его безучастнымъ, возбуждало во времена автора цѣлую бурю веселости. Содержаніе пьесъ было самое легкомысленное. Больше многочисленныхъ двусмысленностей и непристойныхъ шутокъ поражаетъ весь распутный характеръ жизни, который приписывается прежде всего грекамъ (стр. 109). Впрочемъ, щепетильность, боязливо обходящая все непристойное, такъ же далека отъ золотой середины какъ античная наивность, обо всемъ возвѣщающая открыто: naturalia non sunt turpia. Плавтъ пользуется этой наивностью въ широчайшихъ границахъ, тогда какъ греческія комедіи рисуютъ и эти сомнительныя явленія жизни съ оттѣнкомъ граціи.

Изъ многочисленныхъ комедій, ходившихъ подъ именемъ Плавта, по изслѣдованію Варрона, 21 безспорно принадлежали его перу; онѣ всѣ сохранились. Плавтъ.

Miles gloriosus (Bramarbas)—юношеское произведеніе Плавта. Воинъ, носящій прозвище Pyrgopolinices (сокрушителя стѣнъ), сразу характеризуется какъ надменный болтунъ и неисправимый ловелась. Онъ похищаетъ прекрасную Филокомасію во время отсутствія ея любовника Плевсикла и увозитъ ее въ Эфесъ; рабъ Плевсикла, Палестріонъ, случайно также попадаетъ въ его руки; онъ даетъ объ этомъ знать своему господину, который живетъ въ сосѣднемъ домѣ у жизнерадостнаго холостяка Периплекомена. Палестріонъ тайно устраиваетъ свиданіе любящей пары; однако, рабъ Сцеледръ (злодѣй) подглядѣлъ его съ крыши; тайна открыта. Палестріонъ мигомъ придумываетъ объясненіе, разсказывая будто близнецъ Филокомасіи, сестра, похожая на нее подобно одной капли молока на другую, остановилась у Периплекомена, и ее-то увидѣлъ Сцеледръ въ объятіяхъ любовника. Начинается комическая путаница. Пока Сцеледръ подозрительно наблюдаетъ за сосѣдней дверью, Филокомасія выходитъ изъ своего дома и осыпаетъ его упреками за несправедливыя обвиненія. Сцеледръ принужденъ сознаться, что онъ не видѣлъ фактически видѣннаго; онъ окончательно сбивается съ толку при видѣ такъ наз. „Глицеры“, которая не знаетъ ни его, ни Палестріона, выходитъ изъ сосѣдняго дома и немедленно послѣ этого оказывается лежащей въ своей комнатѣ на диванѣ; въ результатѣ нескончаемой путаницы Сцеледръ принужденъ униженно просить прощенія. Тѣмъ временемъ „ловкій архитекторъ“ Палестріонъ задумываетъ планъ освобожденія дѣвушки. Какую-то развратную женщину наряжаютъ какъ жену Периплекомена; прикидываясь влюбленной въ прекраснаго офицера, она посылаетъ ему кольцо и проситъ черезъ посредство своей миловидной горничной принять ее. Самонадѣянный глупецъ, ничего не подозрѣвая, попадаетъ въ ловушку; онъ горячо благодаритъ Палестріона за совѣтъ отправить неудобную ему Филокомасію съ сестрой въ Аѳины; онъ даже соглашается поручить ее надзору вѣрнаго Miles.

Палестріона. Оба, глубоко тронутые, прощаются со своимъ господиномъ; дѣвушка съ горя даже падаетъ въ обморокъ; пришедшій за ней морякъ—переодѣтый любовникъ—съ такой необычайной горячностью поддерживаетъ ее, что грозитъ всей тайнѣ открытіемъ. Брамарбаса настигаютъ во время его свиданія съ „женой“ Периплекомена; жестоко поколоченный и обманутый, онъ радъ въ концѣ концовъ хотя бы спасти свою шкуру.

Менехмы. Смѣшеніе двухъ близнецовъ, ничего не знающихъ одинъ о другомъ, влечетъ за собой въ комедіи „Близнецы“ (Menaechmi), прототипѣ Шекспировской „Комедіи ошибокъ“, рядъ запутанныхъ осложненій, причемъ каждый изъ близнецовъ привлекается

Амфитріонъ. къ отвѣтственности за грѣхи другого. Въ миѳологической травестіи Амфитріонъ, Юпитеръ и Меркурій принимаютъ образъ Амфитріона и его раба; они съ такимъ рвеніемъ исполняютъ свои обязанности по отношенію къ Алкменѣ, рождающей отъ Юпитера Геркулеса, и къ своимъ земнымъ омонимамъ, что совершенно сбиваютъ ихъ съ толку. „Амфитріонъ“ Клейста и подражаніе этой комедіи, принадлежащее перу Мольера, даютъ нѣкоторое представленіе о ней.

Изобрѣтательность поэта ярче всего сказывается въ пьесахъ, основанныхъ на

Псевдолъ. интригѣ. Прекраснымъ примѣромъ служитъ Pseudolus (Плутъ). Ловкій рабъ Псевдолъ задумалъ добыть для своего господина флейтщицу Феницію, находящуюся во власти отвратительнаго сводника. Онъ ее уже продалъ одному военному, уплатившему большую часть суммы. Сентиментальный любовникъ узнаетъ о печальной судьбѣ дѣвушки изъ письмеца, неувѣренныя каракули котораго вызываютъ веселость Псевдола. Онъ тотчасъ рѣшается обмануть и сводника, и своего стараго господина Симона, которому онъ съ поразительной дерзостью заявляетъ, что онъ самъ на это дастъ деньги. Случай благопріятствуетъ плану: солдатъ Гарпаксъ (Хищный) приноситъ остатокъ выторгованной за дѣвушку суммы. Псевдолъ выдаетъ себя за раба торговца невольниками и принимаетъ отправленное съ солдатомъ письмо, которое должно легитимировать подателя. Тѣмъ временемъ перваго встрѣчнаго бродягу наряжаютъ Гарпаксомъ. Его снабжаютъ письмомъ и деньгами, взятыми взаймы у какого-то друга любовника, и отправляютъ къ своднику, гдѣ онъ выполняетъ свою роль съ такимъ присутствіемъ духа, что ему выдаютъ дѣвушку. Когда же настоящій Гарпаксъ, ничего не подозрѣвая, является къ своднику, то онъ и Симонъ принимаютъ его за посланнаго Псевдола и насмѣхаются надъ нимъ, пока ихъ не осѣняетъ, наконецъ, мысль, что они сами обмануты. Смѣясь, Симонъ выплачиваетъ Псевдолу всю сумму, обѣщанную ему въ томъ случаѣ, если бы рабу удалось обмануть его; Симонъ тотчасъ получаетъ деньги обратно отъ сводника, съ которымъ они бьются объ закладъ; послѣдній въ своемъ отчаяніи убѣжденъ, что день его рожденія, къ торжеству котораго онъ уже успѣлъ нанять безсовѣстно дорогого повара, будетъ днемъ его кончины. Въ заключеніи Псевдолъ празднуетъ свой тріумфъ въ удалой попойкѣ и любовныхъ похожденіяхъ, что было вполнѣ понятно и казалось естественнымъ.

Мостеллярія. Комедію привидѣній Mostellaria характеризуетъ болѣе грубый комизмъ. Рабъ Траніонъ пытается удержать неожиданно вернувшагося господина отъ входа въ домъ, въ которомъ пируетъ его сынъ, убѣждая его, будто въ немъ привидѣніе. Онъ все новыми выдумками затягиваетъ встрѣчу отца и сына. Послѣдній спасается, наконецъ, у алтаря и, пользуясь своей неприкосновенностью въ священномъ мѣстѣ, издѣвается надъ разгнѣваннымъ старикомъ.

Асинарія. Всѣ пьесы богаты комизмомъ, но лишь немногія опускаются до грубого шаржа, какъ, напр., ослиная комедія Asinaria, въ которой отецъ и сынъ увлекаются одной и той же любовницей,—мотивъ, памятный нашему старшему поколѣнію по Клингсбергамъ и Коцебу.

Аулуларія. Комедія типовъ возвышается надъ всѣми остальными видами комедій; въ ней дѣйствіе вырастаетъ не изъ традиціонныхъ мотивовъ, а изъ воплощенія въ опре-

Рис. 224. СЦЕНА ИЗЪ КОМЕДІИ.
Мраморный рельефъ изъ Неаполя.
Ср. Schreiber, «Hellenist. Reliefbilder», Tf. 83.
Разгнѣванный хозяинъ дома, котораго другъ удерживаетъ за руку, хочетъ наброситься на своего сына, возвращающагося навеселѣ съ попойки, причемъ его поддерживаетъ рабъ и сопровождаетъ флейтщица.

дѣленномъ лицѣ какого-нибудь человѣческаго недостатка. Такъ, напр., въ своей прекрасной Aulularia (Комедія горшка) Плавтъ рисуетъ типъ скупца, увѣковѣченный и въ знаменитой пьесѣ Мольера. Евклiонъ, скупость котораго наслѣдственна въ его семьѣ,—рабъ найденнаго въ его домѣ горшка, наполненнаго золотомъ. Онъ сторожитъ его по ночамъ, а днемъ торчитъ въ своемъ жилищѣ, точно хромой сапожникъ. Въ отсутствіе хозяина никто въ его домъ не впускается,—даже счастье, если бы оно задумало къ нему постучаться. Онъ съ подозрѣніемъ смотритъ на всѣхъ окружающихъ; даже бѣднаго пѣтуха, копавшаго землю вблизи клада, онъ убиваетъ. Скупецъ и себя и другихъ лишаетъ рѣшительно всего: онъ долженъ казаться бѣднымъ, чтобы быть богатымъ. Въ своемъ безпокойствѣ и страхѣ Евклiонъ переноситъ золото изъ одного потайнаго мѣста въ другое, пока наблюдавшій за нимъ рабъ не обкрадываетъ его. Отчаяніе скупца глубоко трагично. Утраченный конецъ пьесы рисовалъ, по всей вѣроятности, исцѣленіе старика отъ его порока: онъ оставляетъ деньги въ приданое своей дочери, и съ этой поры спитъ сномъ праведника.

Въ Trinummus, нравственной семейной пьесѣ съ словообильными сѣтованіями на тему объ упадкѣ нравовъ, также играетъ роль хранящійся въ домѣ кладъ. Желая спасти его для своего отсутствующаго друга Хармида, Калликлъ, знающій тайну о кладѣ, покупаетъ домъ у легкомысленнаго сына Хармида, опекаемаго имъ Тринуммъ.

Лесбоника. За это его упрекаютъ въ корыстолюбіи. Когда другъ Лесбоника, добродѣтельный юноша, полная противоположность своему пріятелю, желая помочь ему, собирается жениться на его сестрѣ, не требуя приданаго, Калликлъ втихомолку заботится о приданомъ. Мнимый посланный отца приноситъ соотвѣтствующую сумму денегъ якобы съ чужбины, онъ сталкивается въ комической сценѣ съ неожиданно возвращающимся отцемъ. Все выясняется безъ затрудненій: Калликлъ награждается заслуженной благодарностью, безкорыстный другъ—богатой невѣстой, Лесбоникъ же—въ наказаніе!—женится на дочери Калликла. Какъ извѣстно, Лессингъ обработалъ эту пьесу подъ заглавіемъ „Кладъ“ (такъ былъ озаглавленъ оригиналъ пьесы—комедія Филемона).

Плѣнные. Лессингъ перевелъ между прочимъ и „Плѣнныхъ“, которыхъ онъ, преувеличивая, называетъ удачнѣйшимъ произведеніемъ Плавта. Captivi—трогательная пьеса, стоящая особнякомъ въ ряду остальныхъ комедій. Это—хвалебный гимнъ вѣрной дружбѣ; о любви въ ней нѣтъ рѣчи. Двое военно-плѣнныхъ, Филократъ, господинъ, и Тиндаръ, слуга, помѣнялись ролями. Ихъ новый властелинъ, Геліонъ, отсылаетъ мнимаго раба на родину, желая освободить своего собственнаго сына, бывшаго тамъ въ военномъ плѣну. Между тѣмъ, обманъ обнаруживается, и Тиндара постигаетъ ужаснѣйшая кара за его вѣрность—его присуждаютъ къ работѣ въ каменоломняхъ. Однако, не замедлила и награда. Когда посланный возвращается съ освобожденнымъ плѣнникомъ, выясняется, что благородный Тиндаръ—второй сынъ Геліона, въ дѣтствѣ похищенный у отца рабомъ.

Характеристика. Среди пьесъ Плавта есть образцовыя, есть и слабыя, что, по всей вѣроятности, объясняется разной степенью совершенства оригиналовъ. Мы находимъ у него характерныя заимствованія изъ всего цикла новой комедіи, самыя позднія среди которыхъ написаны за двадцатилѣтіе до рожденія Плавта. О ходѣ развитія самого поэта мы свѣдѣній не имѣемъ, намъ извѣстны лишь немногія даты постановки пьесъ. Трудно опредѣлить, сколько въ его комедіяхъ оригинальнаго творчества.

Плавтъ лишь въ одномъ отношеніи значительно отступаетъ отъ греческой комедіи. Тогда какъ въ послѣдней почти исключительно фигурируетъ діалогъ, у Плавта въ самыхъ оживленныхъ мѣстахъ множество лирически-музыкальныхъ партій, куплетовъ для пѣнія, придающихъ комедіи почти характеръ оперетки, если не считать отсутствіе хора. Эти cantica пѣлись солистами или двумя пѣвцами поочереди. Плавтъ достигаетъ въ этихъ партіяхъ большого совершенства: внезапныя перемѣны ритма всегда гармонируютъ съ смѣняющимися настроеніями пьесы. Лишь недавнее время убѣдило насъ въ томъ, что Плавтъ пытается перенести въ свои комедіи музыкальныя и вокальныя аріи, пользовавшіяся въ то время въ эллинистическихъ городахъ большимъ успѣхомъ (стр. 117). Успѣхъ Плавта въ массѣ былъ очень великъ; болѣе культурные зрители, однако, скептически относились къ этому смѣшенію, въ чемъ насъ убѣждаетъ Теренцій, очень рѣдко прибѣгавшій къ этимъ cantica.

Ни поэтъ, ни публика, повидимому, не дорожили цѣльностью дѣйствія. Часто встрѣчающееся очень подробное изложеніе сюжета пьесы свидѣтельствуетъ о громадной трудности выясненія зрителямъ всѣхъ

предпосылокъ сложнаго дѣйствія. Этой же цѣли служили прологи, нерѣдко разсказывавшіе ходъ пьесы и лишавшія ее напряженности интереса. При завязкѣ и развязкѣ пьесы счастливая случайность играетъ бо́льшую роль, чѣмъ въ дѣйствительной жизни. Псевдолъ воспѣваетъ хвалу счастливой случайности: она достигаетъ бо́льшаго, чѣмъ всѣ мудрствованія ученыхъ людей; кто ею быстро пользуется, побѣждаетъ, и всѣ его величаютъ мудрецомъ. Дѣйствіе пьесы то идетъ очень напряженно, то останавливается, то совершенно прерывается; послѣ наступленія развязки, поэтъ торопится закончить, или же рисуетъ еще нѣсколько грубо-комическихъ сценокъ—вродѣ Аристофана,—чтобъ получить сочувственный отвѣтъ на заключительное приглашеніе: plaudite! Пьесы часто очень похожи одна на другую, и, несмотря на все разнообразіе оттѣнковъ, постоянно повторяются тѣ же характеры и тѣ же мотивы.

Рис. 225. РИМСКІЙ РАБЪ.

Бронзовая статуэтка у Ficoroni, Larv. scaen., табл. 19.

Рабъ съ маской на лицѣ, потирающій, повидимому, руку послѣ полученнаго удара.

Яркость таланта Плавта не въ общемъ построеніи драмы, а въ деталяхъ ея. Поэтъ поразительно искусно умѣетъ использовать комическое положеніе, у него всегда наготовѣ острота, если не всегда тонкая, то постоянно яркая, шутка и мѣткое словцо стремительно переплетаются, онъ неожиданно, нарушая всякую иллюзію, обращается къ зрителю. Поэтъ безъ всякаго напряженія владѣетъ всѣмъ арсеналомъ комическихъ пріемовъ: игрой словъ, двусмысленнымъ ихъ толкованіемъ, ироніей, нагроможденіемъ словъ, гиперболой, бранными, шутливыми и любовными словами, наглядными картинами и удачными метафорами. Только чтеніе подлинника знакомитъ со всѣмъ этимъ.

Плавтъ—несравненный мастеръ рѣчи. Онъ происходилъ изъ народной среды и въ народной рѣчи онъ черпалъ свою силу. Плавтъ искусно стилизировалъ народный языкъ, художественно перерабатывалъ его, не нарушая его самобытности. Во власти художника, владѣющаго этимъ искусствомъ, выраженіе всѣхъ оттѣнковъ человѣческихъ переживаній и страстей. Въ лицѣ Плавта мы видимъ блестящее подтвержденіе этой истины, въ которой лишній разъ убѣдило насъ недавнее время. Сципіоны и утонченные эстеты Августовской эпохи съ пренебреженіемъ относились къ грубости Плавта: тѣмъ не менѣе, мы ему обязаны знакомствомъ съ выразительностью и свѣжестью римской народной рѣчи, о которой безъ Плавта мы не имѣли бы понятія.

Менѣе 20 лѣтъ спустя послѣ смерти Плавта, Теренцій пишетъ свою первую пьесу „Andria“, за которой послѣдовало еще пять. Онѣ всѣ сохранились, и въ связи съ ними интересныя данныя о времени ихъ

Теренцій.

постановки и объ ихъ образцахъ; въ нихъ не забытъ даже музыкальный композиторъ и почтенный директоръ театра, Амбивій Турпіонъ, энергичный защитникъ молодыхъ талантовъ; Теренцій обязанъ своей славой его ободренію и помощи. Во время представленія его Несуга (теща), правда, самой слабой комедіи Теренція, зрители дважды сбѣгали, предпочитая смотрѣть на гладіаторовъ или акробатовъ; „Евнухъ“ же такъ понравился публикѣ, что она тотчасъ потребовала его повторенія.

Сравненіе съ Плавтомъ.

Теренцію приходилось считаться съ иными условіями времени, чѣмъ Плавту. Подъ вліяніемъ греческой культуры высшіе общественные слои стали „образованнѣе“. Это сказывается въ зарожденіи литературной критики. Къ дарамъ музы уже не относились съ прежней непосредственностью, ихъ подвергали критикѣ. Опредѣленному мнѣнію о дарованіи того или иного новаго поэта предшествовали попытки сравненія его съ прежними поэтами и литературными прототипами. Дѣло, разумѣется, не обходилось безъ придирчивости и сплетень. Нѣкоторымъ представленіемъ о положеніи вещей въ этой области мы обязаны прологамъ Теренція, снова возродившимъ одну часть Аристофановской парабазы. Теренцій публично защищался въ своихъ прологахъ отъ обвиненій и нападокъ завистливыхъ соперниковъ и злостныхъ противниковъ.

Его талантъ и общественные слои, сочувствовавшіе ему, ставили поэту задачу передать римскому обществу болѣе тонкія комедіи Менандра, который особенно привлекалъ Теренція, безъ задорныхъ отступленій Плавта. Теренцій считалъ, повидимому, всѣ добавленія Плавта въ римскомъ вкусѣ излишними для своего времени. Но такъ какъ зрители не переставали требовать живого разнообразія дѣйствія, то Теренцій также прибѣгаетъ къ контаминаціи (стр. 386), какъ къ опредѣленному художественному пріему, которымъ онъ достигаетъ большого успѣха; мы бы ея почти нигдѣ не замѣтили, если бы поэтъ самъ не сознавался въ ея примѣненіи. Въ противоположность Плавту, Теренцій видитъ центръ тяжести въ цѣльности дѣйствія, не утрачивающаго своей прозрачности даже въ сложно сплетенной интригѣ. Характеристики, правда, отличающіяся нѣкоторымъ однообразіемъ, тщательно взвѣшены и набросаны въ сдержанныхъ тонахъ; онѣ, однако, далеко не достигаютъ колоритности типовъ Плавта; почти всѣ дѣйствующія лица, за исключеніемъ рабовъ, принадлежатъ къ лучшимъ кругамъ общества, съ чѣмъ и согласуются рѣчи и поступки ихъ. Если содержаніе комедій остается довольно сомнительнымъ въ смыслѣ нравственности, то авторъ тѣмъ не менѣе тщательно избѣгаетъ всякихъ оттѣнковъ вульгарности, всякихъ грубыхъ выраженій. Въ стилѣ Теренцій стремится къ достиженію цѣли, противоположной той, которой Плавтъ добивается съ такой легкостью. Обвиненіе Теренція въ отсутствіи самобытности языка, такъ ярко характеризующей Плавта, должно уступить мѣсто признательности

Рис. 226. БОЛЬШОЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПОМПЕЯХЪ.
«Aus dem klassischen Süden», табл. 32.

Мы видимъ полукругъ оркестры и сцену, поднятую на 5 ф. выс. Акторы, играющіе роль возвращающихся съ чужбины пользовались двумя лѣстницами, которыя видны на нашемъ рисункѣ. Въ нишахъ сидѣли представители полиціи. Занавѣсъ опускался при началѣ представленія въ желобъ на вершинѣ стѣны просценіума. Надъ зрителями протягивали парусъ, защищавшій отъ солнца (*velum*). За задней стѣной, многократно перестраивавшейся, видна колоннада фойе, гдѣ впослѣдствіи были устроены казармы гладіаторовъ.

обоимъ поэтамъ, произведенія которыхъ отражаютъ двѣ фазы развитія латинскаго языка: передъ нами, съ одной стороны, грубая народная рѣчь, съ другой,—языкъ цивилизованныхъ поклонниковъ греческой культуры, перевоплощавшій всѣ тонкости діалога Менандра. Хотя послѣднее и не заслуга Теренція, но безъ него мы бы не знали, на какомъ благозвучномъ, изысканномъ, остроумномъ языкѣ говорили римляне уже за два поколѣнія до Цицерона.

Итакъ, у Теренція нѣтъ того невозмутимаго благодушія и той задорной мѣткости, съ которыми Плавтъ схватываетъ и одолѣваетъ самыя рискованныя трудности; мы соглашаемся съ Цезаремъ, называющимъ Теренція „половиной Менандра“: ему дана была тонкость грека, безъ его мощи. Теренцій, несомнѣнно,—тонкій, граціозный поэтъ, котораго постоянно читаешь съ наслажденіемъ. Онъ поднялъ римскую комедію на болѣе высокую общественную ступень и приспособилъ ее ко вкусу просвѣщеннѣйшихъ современниковъ; онъ далъ для всего міра образцы тонкихъ салонныхъ пьесъ.

Произведенія. Мы охарактеризуемъ лишь отдѣльныя оригинальныя черты комедій Теренція; большинство интригъ и мотивовъ намъ уже знакомо, причемъ Теренцій избѣгаетъ всякихъ преувеличеній и каррикатурности, что вызываетъ впечатлѣніе нѣкоторой монотонности. Сравнительно больше оживленія въ Евнухѣ; юноша проникаетъ въ домъ своей любовницы въ качествѣ евнуха и производитъ здѣсь величайшее замѣшательство. Рабу, давшему этотъ совѣтъ, доказываютъ, что онъ подвергъ жизнь своего господина опасности, чѣмъ его пугаютъ на смерть. Все, разумѣется, благополучно кончается, такъ какъ дѣвушка оказывается свободной гражданкой, и юноша женится на ней. Въ Hautontimorumenos (Наказывающій самъ себя) интересна въ началѣ пьесы характеристика стараго Менедема, прогнавшаго своего сына изъ дому за честную любовную связь; раскаявшись въ своемъ поступкѣ, Менедемъ трудится въ полѣ, желая раздѣлить печальную участь своего бѣднаго Клиніи. Когда же изгнанный сынъ возвращается домой, неувѣренный въ пріемѣ отца, Менедемъ готовъ все простить. Въ противовѣсъ старику, его сосѣдъ Хреметъ олицетворяетъ спокойную житейскую мудрость, готовую все понять и многое простить („я—человѣкъ; ничто человѣческое мнѣ не чуждо“). Хреметъ, правда, скорѣе „помощникъ, совѣтчикъ и путеводитель“ для другихъ, чѣмъ для себя. Ибо его легкомысленный сынъ жестоко надуваетъ отца, не замѣчающаго, что онъ самъ этому способствуетъ. И въ двухъ другихъ пьесахъ противопоставляются два разныхъ типа отцовъ и дѣтей. Послѣдніе, въ своихъ любовныхъ похожденіяхъ, добиваются цѣли при помощи хитрыхъ интригановъ. Въ „Форміонѣ“ эту роль исполняетъ находчивый паразитъ, блестяще выполняющій задачу примиренія возвращающихся изъ путешествія отцовъ съ продѣлками сыновей, совершенными за время ихъ отсутствія.

Евнухъ. Hautontimorumenos. Форміонъ.

Адельфы. Въ Братьяхъ (Adelphi), самой удачной пьесѣ Теренція (по Менандру), внѣшнее дѣйствіе просто и не особенно напряженно: молодой Эсхинъ спасаетъ изъ рукъ сводника юную арфистку, которую тайно любитъ его застѣнчивый братъ Ктесифонтъ, чѣмъ возбуждаетъ справедливое подозрѣніе въ невѣрности со стороны своей любовницы Памфилы, на которой онъ давно обѣщалъ жениться. Этотъ эпизодъ служитъ фономъ для обрисовки двухъ противоположныхъ характеровъ и для обсужденія серьезной педагогической проблемы—случай исключительный въ комедіи. Герои—сыновья почтеннаго Демеи, стараго ворчуна, богатаго скупца, ведущаго безрадостное существованіе въ деревнѣ. Его кроткій братъ Миціонъ, славный старый холостякъ, усыновилъ Эсхина, и отецъ принужденъ съ гнѣвомъ видѣть, какъ его сына балуютъ и портятъ. Миціонъ, разсмотрѣвшій доброкачественную сущность въ юношѣ, предоставляетъ ему наслаждаться молодостью во всю ширь; онъ ему не запрещаетъ столичныхъ удовольствій, требуя отъ юноши только довѣрія и откровенности. Эсхинъ боготворитъ за все это дядю; однако, онъ скрываетъ отъ него свою душевную тайну! Демея же тѣмъ строже относится къ своему Ктесифонту. Юноша воспитывается въ древней строгости нравовъ, и отецъ убѣжденъ, что выростилъ совершенство; эту увѣренность въ немъ усердно поддерживаетъ плутоватый рабъ Сиръ. Каково же отчаяніе отца, когда онъ узнаетъ, что скандальное похищеніе дѣвушки Эсхиномъ, за которое Эсхину приходится выслушать не мало упрековъ, совершено Эсхиномъ для любимаго старикомъ Ктесифонта. Убѣжденіе въ томъ, что одна строгость не привела къ желанной цѣли, производитъ своеобразную перемѣну въ характерѣ Демеи: онъ внезапно становится добродушнымъ и щедрымъ рѣшительно ко всѣмъ, правда, на счетъ своего брата; человѣколюбіе Миціона доводитъ его до того, что онъ женится на старой матери Памфилы. Ему урокъ, въ свою очередь, и онъ мудрости не выказалъ: безграничное добродушіе пріобрѣтаетъ любовь всѣхъ и каждаго, но эта любовь цѣны не имѣетъ.

Fabula togata. Послѣ Теренція греческая комедія на римской почвѣ не создаетъ ничего новаго; между тѣмъ, римская національная комедія

(fabula togata) переживаетъ короткую пору расцвѣта; мы глубоко скорбимъ, что ни одинъ изъ ея образцовъ не уцѣлѣлъ. Сохранились только заглавія и рядъ безсвязныхъ стиховъ. Римская національная комедія описываетъ колоритнымъ языкомъ, съ остроуміемъ и детальностью жизнь маленькихъ людей. Она рисуетъ жизнь латинскихъ провинціаловъ и союзниковъ („которые болтаютъ на оскскомъ или вольскомъ языкахъ, ибо по-латыни они не понимаютъ"), разныхъ сословій и ремесленниковъ („Арфистка", „Парикмахеръ", „Сукновалъ", „Авгуръ"), она высмѣиваетъ человѣческія слабости („Расточитель", „Притворщикъ"). Эту комедію проникаетъ совершенно иная, болѣе здоровая атмосфера; она съ внушительной бранью открещивается отъ похожденій съ гетэрами, сосредоточивая свой интересъ на семейной жизни („Тетки", „Разводъ", „Близнецы"). Въ домѣ царитъ строгій порядокъ; въ немъ не только тщательно метутъ и убираютъ, но изъ него удаляются всѣ безправственные элементы; достойная матрона энергично руководитъ всѣмъ домомъ: горе мужу, запоздавшему домой или идущему запретными путями! Здѣсь рабъ никогда не бываетъ умнѣе своего господина. Правда, размахъ творчества этихъ поэтовъ, повидимому, былъ невеликъ; ибо самый популярный поэтъ fabula togata Афраній, современникъ младшаго Сципіона, много заимствуетъ изъ Менандра, что̀ находитъ полное одобреніе не только среди современниковъ, но и въ позднѣйшее время (его читаетъ, напр., Горацій). Римляне слишкомъ привыкли ко всему примѣнять греческій масштабъ.

Ателлана.

Рядомъ съ этими болѣе содержательными драмами не переставалъ пользоваться популярностью народный фарсъ, atellana (стр. 379). Онъ возникаетъ изъ импровизацій диллетантовъ, не принадлежавшихъ къ сословію актеровъ; эти импровизаціи сначала были распространены въ Кампаньи, затѣмъ и въ Римѣ; вскорѣ послѣ 100 г. до Р. Хр., atellana служитъ юмористическимъ заключеніемъ трагедіи (подобно сатирической драмѣ, Э. К., стр. 466). Л. Помпоній (около 90 г. до Р. Хр.) и Новій написали болѣе ста пьесъ подобнаго типа; мы ихъ знаемъ только по заглавіямъ. Это были короткіе фарсы, написанные вульгарнымъ языкомъ, полные непристойностей и грубости, изображавшіе жизнь низшихъ слоевъ общества. Въ нихъ встрѣчались также куплеты. Актеры сразу появлялись въ маскахъ (въ противоположность комедіи) и изображали не опредѣленныхъ лицъ, названныхъ именами, а типы, въ разныхъ положеніяхъ жизни. Мы знаемъ четыре такихъ типа по именамъ: Maccus, Bucco и Pappus, олицетворяющіе неуклюжесть и глупость въ разныхъ ея градаціяхъ; имъ противопоставляется горбатый хитрецъ Dossenus. Въ отдаленныя времена, когда люди были еще проще и больше походили другъ на друга, народный юморъ всѣхъ націй любилъ рисовать эти типы (ср. Margites и мегарскую комедію, Э. К.,

стр. 497). Приблизительное представленіе о нихъ намъ дастъ современный „Петрушка“.

Мимы. Вскорѣ на ряду съ ателланами начинаютъ распространяться мимы, давно уже проникшіе въ Римъ изъ Великой Греціи (стр. 118). Уже въ 46 г. до Р. Хр. они замѣняютъ ателланы, заключавшія драматическія представленія, тогда какъ раньше мимы заполняли паузы въ драматическихъ постановкахъ во время праздника Флоры съ его неприличными танцами. По содержанію и вліянію на нравы мимы стоятъ на очень низкой ступени. Сюжеты мимовъ приблизительно тѣ же, что въ ателланахъ, т.-е. каррикатурныя сценки изъ повседневной жизни; однако, дѣйствіе было на второмъ планѣ, діалогъ большей частью импровизировался. Рядомъ съ шутомъ въ пестромъ кафтанѣ арлекина, главную роль исполнялъ архимимъ или архимима; только здѣсь женщины получили доступъ на сцену, а вмѣстѣ съ ними въ сценическія представленія проникла и безнравственность, и чувственность. Неприличный характеръ пляски, жестовъ и рѣчей были разсчитаны на самые низкіе инстинкты толпы, находя, однако, поклонниковъ и въ высшихъ слояхъ общества, напр., въ лицѣ Суллы, что весьма характерно. Два поэта облагородили остроуміемъ и юморомъ даже этотъ видъ разнузданнаго фарса: почтенный всадникъ Д. Лаберій (106—43), котораго Цезарь заставилъ во время своихъ тріумфальныхъ игръ лично выступать на сценѣ, что лишило его почетныхъ гражданскихъ правъ, и его побѣдоносный соперникъ Публилій, вольноотпущенный сиріецъ, самый знаменитый мимъ Италіи, котораго Цезарь выписалъ въ Римъ. Сохранился прелестный прологъ, въ которомъ Лаберій, полный благороднаго достоинства, сѣтуетъ на злую судьбу, выпавшую ему на долю послѣ долгой безупречной жизни: только этотъ день оказался лишнимъ въ его жизни. Изъ произведеній Публилія до насъ сохранился цѣлый рядъ краткихъ афоризмовъ (подобно Менандру, ср. стр. 114), проповѣдующихъ житейскую мудрость, основанную на трезвой разсудительности и зрѣломъ опытѣ.

Пантомимы. Впослѣдствіи мимы замѣняются нѣмыми пантомимами, господствовавшими въ эпоху имперіи—этимъ заключается эволюція драматической литературы. Она не принадлежитъ къ славнымъ страницамъ исторіи римской культуры. То, что въ ней было цѣнно съ литературной точки зрѣнія, было не римскаго происхожденія и способствовало огрубѣнію нравственности; оригинально созданное оказалось нежизнеспособнымъ. Послѣ блестящаго расцвѣта мы видимъ постепенное паденіе; банальное и пошлое одерживаютъ верхъ,—процессъ, ясно отражающій, между прочимъ, и духовный упадокъ всемірной державы. Однако, многое, что насъ отталкиваетъ и поражаетъ, объясняется наивностью античнаго человѣка и характеромъ южанина.

Сатира. Сатира. Мы возвращаемся въ кругъ Сципіона младшаго; здѣсь

возникаетъ и тотъ видъ поэзіи, который продолжаетъ критическое изображеніе римской жизни, начатое въ драмѣ. Печальна была бы судьба государства, въ которомъ правдивая общественная критика не могла бы возникнуть или была бы подавлена. Такая критика можетъ и должна исходить, прежде всего, отъ соотвѣтствующихъ властей, каковыми въ Римѣ были цензоры, то строго, то снисходительно слѣдившіе за нравственностью (стр. 301). Незабвенную память оставила по себѣ цензура Катона, преслѣдовавшаго послѣ процесса Вакханалій (въ 184 г.) роскошь и безнравственность съ неумолимой суровостью. Эта цензура, однако, представляетъ собой временное явленіе, а не поворотъ въ исторіи римскихъ нравовъ; она была не въ силахъ измѣнить утонченность формъ жизни и остановить потокъ грязи и разврата, губившій зарождавшуюся всемірную столицу.

Рис. 227. ФИГУРА ИЗЪ КОМЕДІИ
Бронзовая статуэтка изъ Lacy. scaen., табл. 9.
Остроконечная форма головы, длинныя уши и выраженіе лица характеризуютъ дурачка.

При римскомъ полицейскомъ режимѣ выступленіе частнаго лица цензоромъ нравовъ, правдивымъ и строгимъ обличителемъ, было далеко не такъ безопасно, какъ во времена Перикла въ Аѳинахъ. У мужественнаго Луцилія не было недостатка въ смѣлости; онъ является творцомъ сатиры, которой римляне впослѣдствіи глубоко гордились, какъ чисто-римскимъ созданіемъ (ср., однако, стр. 107 и 135). Съ культурно-исторической точки зрѣнія значеніе сатиры очень велико; ея главные представители даютъ намъ картину нравовъ въ предѣлахъ трехъ столѣтій; къ сожалѣнію, изъ 30 книгъ Луцилія сохранилось только около 1300 отдѣльныхъ стиховъ. Уже Энній писалъ „сатиры“, т.-е свободные стихи на очень разнообразныя темы—пестрая смѣсь, подобная жертвенной чашѣ, наполненной самыми разнородными дарами; но только Луцилій первый далъ термину и формѣ опредѣленное значеніе и содержаніе, положивъ въ основу всѣхъ своихъ сатиръ критику общественныхъ условій. Онъ же сдѣлалъ гексаметръ размѣромъ римской сатиры.

Луцилій.

Г. Луцилій (180—102) происходилъ изъ знатнаго рода одной латинской колоніи. Военная всадническая служба приводитъ его въ Римъ и сближаетъ съ кружкомъ друзей Сципіона. Богатый и холостой, Луцилій ведетъ въ Римѣ весьма независимую жизнь; онъ предпочитаетъ свободу выгодной, но сомнительной профессіи. Послѣ возвращенія изъ Нумантіи (133), гдѣ онъ служилъ въ гвардіи Сципіона, не техническая подготовка, а честное возмущеніе политическими и соціальными условіями жизни, въ связи съ злыми нападками на его доброжелателей, вдохновили музу Луцилія. Многостороннее образованіе, пріобрѣтенное

въ общеніи съ благороднѣйшими среди римлянъ и грековъ, зоркая наблюдательность и безстрашная смѣлость сдѣлали изъ него цензора нравовъ. Луцилій въ личной жизни отнюдь не былъ образцомъ добродѣтели и не желалъ имъ быть, но его высокій жизненный идеалъ, образъ великаго и вмѣстѣ съ тѣмъ человѣчно-простого покорителя Карѳагена, служили ему непоколебимымъ критеріемъ нравственной оцѣнки. Вооруженный, подобно Архилоху, мужественностью воина, часто прибѣгая къ выразительной солдатской рѣчи, онъ объявляетъ войну многоголовой гидрѣ порока, никогда не боясь называть своими именами самыя отталкивающія явленія.

Поразительно то многообразіе картинъ, которыя поэтъ развертывалъ передъ читателемъ, то повѣствуя, то въ формѣ бесѣды или письма. Онъ рисовалъ сцены войны и мира, лагерной жизни подъ Нумантіей, гдѣ Сципіонъ желѣзной рукой поддерживалъ порядокъ, сцены жизни на форумѣ, принимавшей изо дня въ день все болѣе безнравственный характеръ, гдѣ каждый думалъ только о личной выгодѣ или праздно шатался. Луцилій бичуетъ разнузданность и распутство въ ихъ самыхъ ужасающихъ формахъ. Какой контрастъ между новомодными пиршествами съ дорогими устрицами и заморскими блюдами и тѣми простыми овощами, которыми Луцилій весело довольствовался въ деревнѣ у Сципіона и Лелія, услащая скромную пищу „хорошо состряпанной бесѣдой, обильной пряностями"! Онъ открыто бичуетъ пороки, не щадя ни знатныхъ, ни незнатныхъ, отваживаясь ставить нѣкоторыхъ опасныхъ людей къ позорному столбу, называя ихъ по именамъ. Онъ описываетъ торжественное совѣщаніе боговъ, постановляющихъ приговоръ надъ клятвопреступнымъ сенаторомъ Лупомъ, причемъ боги оказываются посвященными какъ въ сухой сенатскій стиль, такъ и въ греческую философію и новомодную риторику. Луцилій искренно превозноситъ значеніе истинной философіи, и ненавидитъ напыщенность трагедіи; онъ подтруниваетъ надъ орѳографическими мудрствованіями трагика Акція. Луцилій любитъ вплетать въ свои сатиры личныя переживанія: одна изъ его книгъ называлась именемъ дѣвушки, которую поэтъ любилъ въ юные годы. Въ другомъ мѣстѣ онъ подробно описываетъ путешествіе изъ Рима въ свои сицилійскія имѣнія. Это описаніе послужило образцомъ „Путешествія въ Брундизій" Горація, каждая страница котораго носитъ слѣды вліянія его предшественника.

Лишь стиль Луцилія не удовлетворялъ художественнаго чутья поэта Августовской эпохи; ибо Луцилій пишетъ разговорной рѣчью; онъ любитъ сильныя словца, вульгарныя выраженія и греческіе обороты, и повѣствуетъ съ невозмутимой обстоятельностью. Мы вѣримъ въ его способность „двѣсти стиховъ просказать, на одной ногѣ простоявши", не сокращая и не сглаживая ихъ впослѣдствіи. Тѣмъ не менѣе, Горацій заимствуетъ для своихъ сатиръ непринужденный тонъ бесѣды Луцилія, придавая ему художественно-утопченную форму.

3. КАТОНЪ И ЗАРОЖДЕНІЕ ПРОЗЫ. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Римляне обладали гораздо бо̀льшими данными для достиженія великаго въ прозѣ, чѣмъ въ поэзіи. Болѣе позднее ея появленіе объясняется всеобщимъ закономъ эволюціи, который мы наблюдаемъ, какъ

у грековъ, такъ и у другихъ культурныхъ народовъ. Характерно, что проза съ первыхъ же шаговъ ея служитъ національнымъ цѣлямъ и что посвящаютъ ей себя не поэты—пришельцы, а знатные римляне, люди высшаго ранга и положенія.

Основателемъ латинской прозы слѣдуетъ считать Катона; къ его литературной дѣятельности, обнимавшей все, что римлянинъ могъ и долженъ былъ знать, примыкаетъ дальнѣйшее развитіе прозы. Оно направилось бы совершенно инымъ путемъ, если бы въ послѣдующіе вѣка было бо̀льше людей Катоновскаго типа. Но ихъ не было, и тѣмъ интереснѣе для насъ образъ Катона. Катонъ

М. Порцій Катонъ (234—149) происходилъ изъ плебейской семьи города Тускула. Выросшій въ крестьянской средѣ и возмужавшій въ лагеряхъ Ганнибаловой войны, онъ энергичной силой воли и способностями пробиваетъ себѣ путь къ высшимъ должностямъ; будучи въ 195 г. консуломъ и въ 184 г. цензоромъ, онъ дѣлается главой старо-римской консервативной партіи. Катонъ прекрасно понималъ, что опасному преобладанію эллинской образованности слѣдуетъ противоборствовать активной творческой работой, т.-е. созданіемъ римской литературы; неустанно служитъ Катонъ этой патріотической задачѣ отъ начала старческихъ лѣтъ и до послѣднихъ дней своихъ: „великій человѣкъ обязанъ отдавать отчетъ какъ въ своей должностной дѣятельности, такъ и въ своемъ досугѣ“.

Его главнымъ произведеніемъ были Origines, „Начала“ римской и италійской исторіи, кончающіяся подробнымъ описаніемъ современной Катону эпохи. Онъ разумно разграничивалъ существенное и второстепенное: не перечисленіе крупныхъ и мелкихъ событій годъ за годомъ, не разсказъ о томъ „какъ часто дорожали цѣны на хлѣбъ, или бывало затменіе солнца и луны“, казались Катону необходимыми, а изображеніе однородныхъ событій въ связномъ отложеніи. Широта его взглядовъ сказывалась и въ томъ, что онъ свое изложеніе не ограничиваетъ римлянами, а подробно останавливается и на другихъ народахъ. Онъ не могъ обойти молчаніемъ искусственно-созданныхъ легендъ объ основаніи государствъ и городовъ; но Катонъ оживляетъ свой трудъ краткими и мѣткими описаніями странъ и народовъ. Такъ нѣкогда поступалъ и Геродотъ; однако, Катонъ одаренъ болѣе зоркой наблюдательностью, чѣмъ патріархъ исторіи. Его замѣчаніе, сказанное о галлахъ, и понынѣ еще характеризуетъ французовъ: „они больше всего увлекаются двумя дѣлами—веденіемъ войны и остроумной бесѣдой“. Катонъ находитъ излишнимъ называть имена полководцевъ, которые были лишь исполнителями порученій народа; онъ, однако, скорбитъ о томъ, что военный трибунъ Цедицій, спасшій 400 солдатъ съ отвагой, не уступавшей мужеству Леонида, не былъ награжденъ той же славой. Само собою разумѣется, что такой опредѣленный индивидуалистъ, какъ Катонъ, былъ высокаго о себѣ мнѣнія. Произнесенныя имъ рѣчи, кото- Origines.

Рис. 228. КРЕСТЬЯНИНЪ И КОРОВА.

Эллинистическій мраморный рельефъ, оригиналъ котораго относится ко времени около 200 года; найденъ близъ Отриколи; нынѣ въ Ватиканѣ. Ср. Schreiber, «Hellenist. Reliefbilder», табл. 74.

Крестьянинъ гонитъ корову и теленка на рынокъ и поитъ ихъ по пути у колодца; на пастушескомъ посохѣ, за плечами, онъ несетъ двухъ утокъ, въ правой рукѣ держитъ вѣтку, вѣроятно, съ цѣлью отгонять мухъ.

рыя онъ приводитъ въ дословной передачѣ, какъ самому автору, такъ и послѣдующимъ поколѣніямъ, казались верхомъ совершенства. Катонъ пишетъ свѣжимъ, самобытнымъ, оригинальнымъ и мѣткимъ языкомъ; мы за 7 книгъ его Origines съ радостью отдали бы многотомныхъ историковъ позднѣйшихъ временъ.

Человѣку, никогда не желавшему молчать, подобно Катону, представлялось множество случаевъ выступать ораторомъ; онъ говорилъ не только въ сенатѣ и передъ народомъ, но и въ качествѣ обвинителя или обвиняемаго въ 47 побѣдоносно проведенныхъ процессахъ. Всѣ эти рѣчи тщательно сохранялись авторомъ; еще Цицеронъ читалъ ихъ и восхищался ими, хотя во всѣхъ отношеніяхъ былъ противоположностью Катона. И мы находимъ въ фрагментахъ замѣчательные образцы природнаго краснорѣчія, производящаго въ своей колоритной краткости сильное впечатлѣніе одной сущностью дѣла; въ каждомъ словѣ сквозитъ образъ человѣка, одареннаго живымъ характеромъ и темпераментомъ. Онъ умѣлъ говорить „весело и грозно, спокойно и съ потрясающей мощью, шутливо и сурово, глубоко и съ готовностью къ борьбѣ“ (Плутархъ). Многія рѣчи представляютъ собою сатиру въ прозѣ, изобличавшую неурядицы въ государствѣ и городѣ; ибо до конца своей жизни Катонъ оставался грознымъ „Censorius“.

Онъ съ неподкупной справедливостью выступаетъ защитникомъ провинцій отъ злоупотребленій намѣстниковъ. Онъ безстрашно защищаетъ родосцевъ, маленькое государство которыхъ собралось было отпасть отъ Рима и жестоко поплатилось за это: развѣ можно ихъ обвинять за то, говорилъ Катонъ, что они, какъ многіе другіе народы, не желали побѣды Рима? Гдѣ написано, чтобы кого-нибудь наказывали за то, объ чемъ онъ только думалъ или чего хотѣлъ?

Наставленія.

Наряду со всѣмъ указаннымъ, Катонъ съ неутомимымъ трудолюбіемъ собиралъ и записывалъ все, что ему казалось замѣчательнымъ и заслуживающимъ вниманія. Изъ этихъ „Домашнихъ книгъ“ возникъ цѣлый рядъ наставительныхъ писаній, большинство которыхъ было посвящено сыну Катона Марку, для котораго когда то отецъ, уча его грамотѣ, написалъ крупными буквами статьи для чтенія изъ римской исторіи. Посвященныя ему „Наставленія“, родъ энциклопедіи изъ всѣхъ областей знанія, содержатъ краткія предписанія практической житейской мудрости. Дополненіемъ къ нимъ служилъ „Сборникъ изреченій о нравахъ“ и отдѣльныя статьи, напр.: „Солдатскій катехизисъ“, превосносившій древнюю военную дисциплину. Одно изъ этихъ произведеній, озаглавленное „О сельскомъ хозяйствѣ“ сохранилось. Небольшая книжка интересна, какъ древнѣйшій образецъ латинской прозы, не говоря уже о томъ, что она рисуетъ правдивую картину жизни сословія, въ которомъ коренились главныя силы римской націи.

О сельскомъ хозяйствѣ.

„Изъ крестьянской среды происходятъ самые мужественные люди и храбрые солдаты; трудъ поселянина самый благочестивый, надежный, онъ не подаетъ повода къ зависти“,—говоритъ Катонъ въ введеніи. Спачала авторъ придерживается въ своемъ трактатѣ опредѣленнаго плана, отъ котораго впослѣдствіи отказывается. Онъ тономъ законодателя предписываетъ рядъ правилъ, и латинскій языкъ оказывается вполнѣ приспособленнымъ для обсужденія этого родного Риму сюжета. Мы слышимъ слова знатока-спеціалиста, который самъ душою и тѣломъ крестьянинъ. Земледѣлецъ долженъ быть неутомимымъ, онъ долженъ работать, не покладая рукъ. „Что значитъ хорошо обработать поле? Хорошо вспахать его! Что слѣдуетъ сдѣлать во-вторыхъ? вспахать! и въ третьихъ: удобрить!“ Большая куча навоза—гордость крестьянина. Авторъ внушительно предписываетъ точность, чистоту и порядокъ. „Такъ уже повелось въ сельскомъ хозяйствѣ; если что-либо одно запоздаетъ, то все запоздаетъ!“ Каждое орудіе должно ставиться на прежнее мѣсто послѣ употребленія. — Мы узнаемъ обязанности и отца семейства и управляющаго, „который не имѣетъ права мнить себя умнѣе своего господина“, „который долженъ первымъ вставать и послѣднимъ ложиться“; мы слышимъ о цѣлесообразномъ устройствѣ дома и давильни винограда, такъ же какъ и о живомъ и мертвомъ инвентарѣ имѣнія средней руки. Намъ разсказываютъ объ организаціи посѣва и жатвы, о томъ, чѣмъ занять работниковъ въ дурную погоду. Авторъ приводитъ также рецепты блюдъ, напитковъ и лѣкарствъ для людей и скота, правда, возбуждающихъ въ насъ легкое содроганіе, напр.: смѣшеніе вина съ соленымъ отваромъ и другими ингредіентами, и „вино рабовъ“, которое, будучи немного выдержано, даетъ прекрасный уксусъ. Нѣтъ недостатка и въ нѣкоторыхъ весьма выразительныхъ заклинаніяхъ.

О живомъ интересѣ римлянъ къ земледѣлію свидѣтельствуетъ, между прочимъ, латинскій переводъ труда карѳагенянина Магона о сельскомъ хозяйствѣ, сдѣланный нѣсколько позже по повелѣнію сената, который вообще никогда не интересовался литературными дѣлами.

Исторія. Историографія зарождается только въ концѣ Ганнибаловой войны; до того времени римляне, у которыхъ были полны руки дѣла, не находили досуга для описанія своихъ подвиговъ. Къ сожалѣнію, Анналисты. анналисты были лишены Катоновской широты горизонта. Они писали исключительно городскія хроники, перечисляя по образцу государственныхъ анналъ (стр. 376), внѣ прагматической связи, всѣ замѣчательныя событія года; впослѣдствіи же анналисты подпали подъ вліяніе злѣйшаго врага исторической правды — риторики, располагавшей сотнями искусственныхъ средствъ для внѣшняго украшенія исторіи, лишенной внутренней правды, искаженной патріотической окраской. Даже Цицеронъ, не колеблясь, признаетъ за риторами право искаженія историческихъ фактовъ для приданія имъ бо́льшаго эффекта.

Древнѣйшіе анналисты писали уже до Катона, но на греческомъ языкѣ, предназначая свои труды, такимъ образомъ, только для самыхъ образованныхъ римлянъ и для чужестранцевъ. Уже первый изъ нихъ, знатный Кв. Фабій Пикторъ, является создателемъ, повидимому, выдающагося въ своемъ родѣ произведенія, ибо Полибій цѣпилъ его и многое изъ него черпалъ. Онъ подробно разсказывалъ исторію основанія города и царскаго періода; о слѣдующихъ столѣтіяхъ преданіе сохранило очень скудныя свѣдѣнія; тѣмъ подробнѣе останавливается авторъ на событіяхъ своего времени. Такъ же поступали его преемники, пользуясь по примѣру Катона роднымъ языкомъ. Въ эпоху Гракховъ, богатую политическими событіями, возникаетъ цѣлый рядъ такихъ анналъ, авторы которыхъ превосходили другъ друга въ беззастѣнчивомъ дополненіи пробѣловъ исторической традиціи, рисуя событія все болѣе фантастическими красками.

Въ I стол. до Р. Хр. анналистика переживаетъ еще разъ періодъ расцвѣта. Кв. Клавдій Квадригарій, находившійся подъ вліяніемъ Полибія, рѣшается отказаться отъ легендарнаго матеріала древнѣйшей эпохи. Валерій Антіатъ, написавшій исторію отъ древнѣйшихъ временъ до Суллы (въ 77 книгахъ), былъ однимъ изъ безсовѣстнѣйшихъ и опаснѣйшихъ фальсификаторовъ, внесшій въ римскую исторію множество невѣрныхъ свѣдѣній. Итакъ, Полибій остается единственнымъ достовѣрнымъ источникомъ для исторіи эволюціи Рима вплоть до эпохи его всемірнаго господства (стр. 140). Анналисты не имѣли почти никакого литературнаго значенія; трудно установить, поскольку они легли въ основу сохранившихся до насъ историческихъ трудовъ.

Монографіи. Въ періодъ расцвѣта анналистики болѣе легкая и благодарная за-

дача обработки опредѣленной исторической эпохи не привлекала писателей. Только сто лѣтъ спустя послѣ эпоса Невія (стр. 381) появляется первая монографія, посвященная исторіи войны съ Ганнибаломъ и принадлежащая перу Л. Целія Антипатра, историка, располагавшаго богатыми свѣдѣніями. Онъ представляетъ изъ себя исключеніе въ томъ отношеніи, что не пренебрегаетъ изученіемъ источниковъ и враждебнаго лагеря, подвергая ихъ разумной критикѣ. Целій Антипатръ стремится писать пріятнымъ стилемъ, какъ приверженецъ асіанской риторики (стр. 136). Вскорѣ послѣ него Семпроній Аселліонъ пишетъ исторію своего времени. Онъ ясно отдавалъ себѣ отчетъ въ недостаткахъ трудовъ анналистовъ и слѣдовалъ разумнымъ принципамъ Полибія. Во время гражданскихъ смутъ у нѣкоторыхъ государственныхъ дѣятелей, предшественниковъ Суллы и Цезаря, возникаетъ потребность увѣковѣчить событія личной жизни и дѣятельности въ мемуарахъ.

Рис. 229. ОРАТОРЪ.
(l'arringatore).
Бронза. Флоренція.
Ср. Arndt, Porträts, Tf. 86.
F. Bruckmann, A.-G. München, phot.
Найденъ близъ Трасименскаго озера.
Ораторъ облеченъ въ римскую тогу. Его имя, судя по этрусской надписи на нижней каймѣ мантіи,— Aules Metelis; статуя воздвигнута по распоряженію его жены торевтомъ Tenine Tuthines. Глаза были сдѣланы изъ эмали или драгоцѣннаго камня.

Ораторское искусство.

Ораторское искусство всегда, повидимому, процвѣтало въ Римѣ; мы не можемъ себѣ представить всей эволюціи республики безъ воздѣйствія силою живого слова на сенатъ, народъ и войско. Политическія, судебныя и надгробныя рѣчи произносились уже задолго до зарожденія ораторскаго искусства. Въ тѣ времена золотое правило Катона еще было живо: „Твердо знай дѣло; слова найдутся сами собою“, хотя и не всякій ораторъ былъ „честнымъ человѣкомъ, владѣющимъ рѣчью“, по опредѣленію Катона.

Когда появились въ Римѣ представители греческой риторики, молодые люди римской знати были увлечены ихъ чарующимъ искусствомъ. Серьезные люди вродѣ Катона напрасно увѣщевали не поддаваться новомодному искусству, развращавшему нравы. Изгнаніе риторовъ и философовъ въ 161 году оказалось такимъ же безрезультатнымъ, какъ и эдиктъ, направленный (въ 92 г.) противъ попытки введенія латин-

скаго языка въ риторическое обученіе, съ цѣлью сдѣлать это эффектное искусство достояніемъ болѣе широкихъ круговъ. Въ исторіи римской культуры ораторское искусство сыграло большую роль: своимъ примѣромъ и своей техникой оно сдѣлало латинскую прозу тѣмъ, чѣмъ она была впослѣдствіи. Наряду съ этимъ, однако, то увлеченіе, съ которымъ риторика изучалась въ школахъ, разгорѣлось впослѣдствіи подобно пожару, испортившему и поэзію, и прозу.

Цицероновскій „Брутъ“ даетъ содержательный и изобилующій именами обзоръ исторіи римскаго ораторскаго искусства; обзоръ этотъ тѣмъ болѣе цѣненъ, что уцѣлѣвшіе образцы риторики очень скудны. Рѣчи издавались очень рѣдко—въ большинствѣ случаевъ въ видѣ политическихъ памфлетовъ,—но и изданныя рѣчи были почти совершенно вытѣснены изъ традиціи подъ могучимъ вліяніемъ Цицерона. Мы знаемъ, что Катонъ, благодаря яркости своей личности, выдвигается какъ первый великій ораторъ, но даже и онъ не былъ вполнѣ свободенъ отъ греческаго вліянія. Сципіонъ Младшій и его другъ, „мудрый“ Лелій, идутъ дальше по этому пути. Въ лицѣ геніальнаго народнаго трибуна Гая Гракха соединяются горячій темпераментъ, воодушевленіе великой идеей и глубокая обдуманность рѣчи, полной тончайшихъ оттѣнковъ. Даже Цицеронъ называетъ его величайшимъ изъ римскихъ ораторовъ, а его оцѣнка заслуживаетъ вѣры. Однако, лишь М. Антоній (143—87) и Л. Лициній Крассъ (140—91) являются достойными соперниками греческихъ ораторовъ. Сила Антонія заключалась въ умномъ и прозрачномъ построеніи рѣчи и въ искусствѣ ея произнесенія; Крассъ блисталъ изяществомъ рѣчи, краткой, но богатой красотой; онъ умѣлъ овладѣть напряженнымъ вниманіемъ своихъ слушателей. Второй славной парой ораторовъ были Гортенсій и Цицеронъ.

О зарожденіи спеціальныхъ научныхъ дисциплинъ мы скажемъ ниже (стр. 314); только юриспруденція, къ которой ни одинъ народъ не выказалъ такихъ способностей, какъ римляне, уже въ этотъ періодъ вполнѣ самостоятельно поднимается на выдающуюся высоту. По иниціативѣ стараго Аппія Клавдія (стр. 377) его секретарь Флавій обнародываетъ во всеобщее свѣдѣніе формуляры процессовъ, необходимые для практическаго примѣненія. Уже въ древнее время свѣдущіе люди начинаютъ давать юридическіе совѣты и обосновывать ихъ. Такимъ путемъ юриспруденція постепенно становится общественнымъ достояніемъ. Дальнѣйшая эволюція гражданскаго права, совершавшаяся въ связи съ измѣненіемъ жизненныхъ условій, осуществляется въ эдиктахъ преторовъ, отправлявшихъ правосудіе; эти эдикты передавались преторами своимъ преемникамъ, которые въ свою очередь издавали новые, которые такъ же передавались, получая съ теченіемъ времени силу законовъ. Научная обработка права началась съ объясне-

нія законовъ Двѣнадцати таблицъ (стр. 376) и попытки согласованія ихъ съ позднѣйшими узаконеніями и правовыми нормами. Кромѣ того, почвой для изощренія юридическаго остроумія служило обсужденіе спорныхъ юридическихъ вопросовъ, возбуждавшихъ оживленныя „контроверсіи“ и способствовавшихъ выработкѣ юридическихъ правилъ, собранныхъ Маркомъ, сыномъ Катона, и другими. Цѣльная систематизація этого обширнаго сырого матеріала по опредѣленнымъ принципамъ одна только могла создать науку о правѣ. Верховный понтификъ Кв. Муцій Сцевола, бывшій въ 95 году консуломъ, достойно разрѣшилъ эту задачу; его изложеніе гражданскаго права и его сочиненіе объ юридическихъ „опредѣленіяхъ“ легли въ основу дальнѣйшаго развитія юриспруденціи.

Общіе выводы. Передъ нами прошла эволюція литературы за 150 лѣтъ, отъ зарожденія ея и до періода классическаго совершенства; надлежащая оцѣнка ея, однако, можетъ быть сдѣлана лишь въ связи съ общимъ разсмотрѣніемъ сліянія эллинистической и римской культуръ. Внѣшнимъ образомъ литература сыграла въ этомъ процессѣ сліянія весьма скромную роль. Правда, ея преимущество передъ греческими произведеніями искусства, которыми любовались безсознательно и не понимая ихъ, состояло въ томъ, что она говорила на понятномъ для римлянъ языкѣ. Воздѣйствіе же на толпу было возможно только со сцены, не считая немногочисленныхъ книгъ, становившихся общимъ достояніемъ благодаря школѣ. Національный эпосъ Невія и Эннія возбуждалъ, несомнѣнно, живой интересъ, хотя вольнодумный „Эвгемеръ“ Эннія въ первое время врядъ-ли нашелъ себѣ широкій кругъ читателей. Подобно утонченнымъ лакомствамъ стола, книги оставались роскошью, доступной лишь избраннымъ и не всѣмъ понятной. Литература распространяется, однако, какъ разъ въ руководящихъ кругахъ общества. И съ того момента, какъ эти произведенія литературы начали читаться въ Римѣ, народъ котораго представлялъ изъ себя до того времени сплоченную массу, строго воспитанную для объединенныхъ цѣлей, разверзается бездна между образованными и необразованными. Новымъ вѣяніямъ предстояла тяжелая борьба. Общіе выводы.

Оппозиція съ одной стороны была направлена противъ пришельцевъ—Graeculi, среди которыхъ были такіе же ничтожные люди, какъ среди грековъ, разсѣявшихся послѣ взятія Константинополя турками по всему Западу, съ другой стороны, однако, еще болѣе интенсивная борьба велась съ знатными римлянами, стоявшими во главѣ новаго движенія, опередившими свое время, убѣжденными въ цѣнности и благѣ эллинской образованности. Они оказывали гостепріимство поэтамъ, которые до того времени не пользовались особеннымъ почетомъ, и собирали вокругъ себя единомышленниковъ. Такими поклонниками эллиновъ были Фламинін и Фульвіи, главнымъ же образомъ, Сципіонъ, по- Оппозиція.

бѣдитель при Замѣ, а въ слѣдующемъ поколѣніи Эмилій Павелъ, взявшій для себя лично изъ всѣхъ сокровищъ Персея (168) только библіотеку, и его пріемный сынъ, Сципіонъ Младшій, котораго соединяла съ лучшими изъ грековъ искренняя дружба. Этотъ величайшій человѣкъ своего вѣка служитъ живымъ свидѣтельствомъ возможности гармоническаго сочетанія греческой образованности съ римскими основами жизни, въ противоположность смѣшнымъ преувеличеніямъ грекоманіи. Онъ и кругъ его друзей убѣжденно охраняли красоту и чистоту родной рѣчи, тогда какъ въ Римѣ долгое время существовалъ обычай пересыпать латинскую рѣчь греческими словами, по небрежности или слѣдуя модѣ подобно тому, какъ нѣкогда въ Германіи украшали почтенную нѣмецкую рѣчь французскими оборотами.

Побуждаемая достойными цѣлями, старо-римская оппозиція стремится охранить здоровый родной народъ отъ яда чужеземнаго вліянія; ея главой является Катонъ, во всѣхъ отношеніяхъ яркая противоположность Сципіона. Несмотря на все это, именно въ его лицѣ сказывается мощь эллинизма. Человѣкъ, смотрѣвшій на поэтовъ, какъ на гулякъ, ненавидѣвшій греческихъ врачей, которые клялись отправить на тотъ свѣтъ всѣхъ „варваровъ“, требуя вдобавокъ гонораръ за эту услугу, знакомится на старости лѣтъ съ греческими писателями и черпаетъ изъ нихъ гораздо больше, чѣмъ самъ подозрѣваетъ. Какъ разъ въ это время въ Римѣ появилось нѣсколько выдающихся эллиновъ: въ 167 году въ столицу прибыли тысяча интеллигентныхъ ахеянъ — заложниковъ, среди нихъ Полибій; около 169 года появляется въ Римѣ грамматикъ Кратетъ, въ качествѣ посла, а въ 155 г. въ той же роли трое выдающихся философовъ, ученіемъ которыхъ горячо увлекалась молодежь; итакъ, оппозиція была безнадежна.

Однако, въ кругу народа недовѣріе къ новой цивилизаціи и даже презрѣніе къ ней держалось долго. Почтенный отецъ Цицерона держался образа мыслей Катона: чѣмъ лучше человѣкъ владѣетъ греческимъ языкомъ, тѣмъ онъ бо́льшій негодяй. Даже сынъ его не всегда рѣшается выказывать свое знаніе, боясь утратить славу коренного римлянина, не говоря уже о томъ, что даже самые восторженные поклонники грековъ, не исключая Цицерона, сочли бы за грѣхъ пренебречь государственной дѣятельностью ради занятій, наполнявшихъ наслажденіемъ часы ихъ досуга.

Оцѣнка. Опредѣленное сужденіе о латинской литературѣ этого періода невозможно благодаря скудости традиціи. Строго говоря, сохранилось лишь два поэта, Плавтъ и Теренцій, и одно техническое сочиненіе въ прозѣ Катона. Но характерныя черты этой литературы совершенно ясны. Поэзія открываетъ путь эволюціи, затѣмъ слѣдуетъ проза, берущая впослѣдствіи перевѣсъ. Чужеземное вліяніе на все это движеніе

сказывается уже въ томъ фактѣ, что ни одинъ изъ писателей не былъ уроженцемъ города Рима. Это явленіе повторяется и въ послѣдующихъ столѣтіяхъ. Молодые таланты стремятся въ столицу сначала изъ посюсторонней Галліи, затѣмъ изъ Испаніи и, наконецъ, изъ Африки. Ни одинъ изъ великихъ поэтовъ, какъ извѣстно, не родился въ Римѣ.

Объ органической эволюціи римской литературы подобно эллинской (Э. К., стр. 175 сл.) не могло быть и рѣчи, такъ какъ она зарождается не въ народѣ. Въ противовѣсъ безличному зарожденію греческой поэзіи, римская богата мощными индивидуальностями, проявившими поразительную и многостороннюю активность, связанную съ глубиной сознанія своихъ задачъ; ихъ неутомимое трудолюбіе быстро преодолѣваетъ несовершенства, вытекавшія изъ дилетантизма. Разбросанность и тревожность литературнаго творчества замѣняются углубленіемъ въ опредѣленную область; литература обрабатываетъ національные сюжеты, въ чужеземную поэзію вносятся элементы римской жизни.

Постепенно совершается литературный выборъ, отражающій колебанія вкуса и картину эпохи: во время гражданскихъ смутъ поэзія не создаетъ ничего новаго кромѣ сатиры, появившейся весьма кстати. Римлянинъ не переставалъ руководствоваться принципомъ воспринимать только то, что имѣло практическую цѣнность. Онъ былъ не прочь любоваться греческимъ сценическимъ искусствомъ, воодушевляться національнымъ эпосомъ, онъ предпочиталъ надгробную эпиграмму прозаической надгробной надписи; но выраженіе личныхъ чувствъ въ стихотворной формѣ казалось римлянину той эпохи игрой и потерей времени. Съ другой стороны, римлянинъ рано убѣждается во власти писаннаго слова, въ его превосходствѣ надъ мимолетностью обычной рѣчи. За всю эту эпоху мы знаемъ лишь одного знатнаго римлянина — поэта, трагика Юлія Цезаря Страбона, тогда какъ представителями прозаической литературы являются почти исключительно аристократы; эти люди преслѣдуютъ совершенно опредѣленную цѣль, погружаясь въ тайны греческой риторики или посвящая часы досуга писанію исторіи родного народа. Философія же интересуетъ ихъ не больше лирики—исключеніе составляетъ лишь небольшой избранный кругъ.

II. ВРЕМЯ ЦИЦЕРОНА

4. ОБЩІЙ ОБЗОРЪ

Столѣтіе, лежащее между смертью Суллы и кончиной Августа (78 г. до Р. Хр.—14 г. по Р. Хр.), не только перерождаетъ въ Римѣ государственныя формы, но создаетъ и рядъ вѣчныхъ духовныхъ цѣн- Предпосылки.

постей, не перестающихъ привлекать наши взоры къ этой эпохѣ: въ періодъ предсмертной агоніи республики созрѣваетъ проза; поэзія достигаетъ классическаго совершенства въ мирные годы правленія Августа. Причины, породившія этотъ духовный подъемъ, лежатъ не только въ историческихъ условіяхъ эпохи и въ предшествовавшей, выше охарактеризованной, культурной эволюціи; болѣе глубокіе корни его скрываются въ томъ широкомъ перерожденіи интеллектуальной жизни, которое началось на эллинистическомъ Востокѣ, а затѣмъ, какъ дрожжи, пропитало весь организмъ Италіи.

Философія. Въ философіи постепенно осуществляется примиреніе разнорѣчивыхъ системъ. Мы не будемъ всматриваться въ частности этого процесса, суммируемъ вкратцѣ руководящіе мотивы и цѣли его. Тревожныя времена, превратившія человѣка въ безвольное орудіе случайности, пустота и скудость въ сердцахъ, въ которыхъ погасла религія предковъ, возбуждали въ лучшихъ людяхъ жажду перерожденія и внутренняго углубленія; она охватывала все болѣе широкіе общественные круги и подготовила путь христіанству. Ни скептицизмъ Аркесилая и Карнеада, представителя философіи въ посольствѣ 155 года, ни споръ о неразрѣшимыхъ вопросахъ спекулятивнаго мышленія не могли заглушить этой жажды. Все это способ-

Эклектицизмъ. ствовало появленію эклектицизма, стремившагося примирить основные принципы отдѣльныхъ философскихъ школъ, не касаясь при этомъ противорѣчивыхъ тезисовъ отдѣльныхъ ученій. Въ новой Академіи (стр. 97) рѣшающее слово было сказано Антіохомъ, учителемъ Цицерона, который, мирясь съ недоступностью истины, довольствуется возможной въ каждомъ данномъ случаѣ степенью достовѣрности. Съ теченіемъ времени этика становится центромъ тяжести философіи. Своимъ ученіемъ о высшемъ благѣ и путяхъ добродѣтели она давала человѣку твердыя основы жизни, обезпечивая, по крайней мѣрѣ, за индивидуумомъ то счастье, которое грозило покинуть государство. Одна философія не могла однако осуществить этого чуда; ведя къ познанію истины, она не ведетъ ко внутреннему переживанію ея; поэтому связь философіи съ религіей, безъ которой люди существовать не могутъ, становится неизбѣжной.

Панетій. Къ этому времени (около 180—110) относится ученіе Панетія и его великаго ученика Посидонія. И на этотъ разъ свѣтъ проникаетъ съ Востока. Панетій происходилъ изъ Родоса и былъ въ Римѣ другомъ Сципіона Младшаго. Фактически онъ является основателемъ римскаго стоицизма, отвергавшаго рѣзкую односторонность Хрисиппа (стр. 99), проповѣдуя практически осуществимый идеалъ жизни, прекрасно соотвѣтствовавшій здравой сущности римскаго характера. Трудъ Панетія „О надлежащемъ“ является главнымъ источникомъ трактата Цицерона

„Объ обязанностяхъ“. Посидоній (около 135—51) одухотворяетъ этотъ обновленный стоицизмъ религіознымъ содержаніемъ. Онъ выросъ на своей сирійской родинѣ въ атмосферѣ восточной мистики; благодаря Панетію онъ становится адептомъ стоицизма. Погружаясь въ глубину Платоновской мудрости, душа Посидонія наполняется восторженнымъ преклоненіемъ передъ красотой вселенной, одухотворенной, направляемой и упорядоченной божественнымъ духомъ. Какъ эманація этого духа, входитъ душа въ человѣческое тѣло; въ стремленіи къ познанію, она возвышается надъ бреннымъ міромъ, пока, наконецъ, освобожденная отъ узъ его, не поднимается въ высшіе сферы. На этой базѣ Посидоній, въ противовѣсъ Эпикуру, атеистическое ученіе котораго привлекало въ Римѣ множество адептовъ, строитъ пантеистическую міровую систему, обнимавшую области знанія и вѣры (не исключая и суевѣрія), мышленія и дѣятельности. Съ высокопарящей спекуляціей и искренней религіозностью Посидоній соединяетъ серьезное стремленіе къ знанію, широко удовлетворявшееся продолжительными путешествіями на западъ, и дарованіе излагать все видѣнное, продуманное и узнанное съ убѣдительностью, живостью и воодушевленіемъ. Выше мы уже говорили объ его историческомъ трудѣ (стр. 143); рядомъ съ этимъ Посидоній работалъ и въ области географіи, астрологіи, метеорологіи и мантики. Трудно учесть всю ту, часто преувеличиваемую современной наукой, силу вліянія, которую оказали отдѣльные труды и все міровоззрѣніе Посидонія на современниковъ и позднѣйшія поколѣнія. Для римлянъ онъ былъ прежде всего посредникомъ между ними и всей эллинистической мудростью и наукой, объединившихся въ послѣдній разъ въ лицѣ этого великаго человѣка. Маленькое вольное государство родосцевъ, мужественно отстаивавшее свою независимость отъ окружавшихъ его монархій (стр. 23), становится, главнымъ образомъ, благодаря Посидонію однимъ изъ важнѣйшихъ центровъ образованности. Этому человѣку, понимавшему все величіе Рима, оказывали почетъ даже знатнѣйшіе изъ римлянъ. Когда его посѣтилъ побѣжденный императоръ Помпей, онъ запретилъ своему ликтору стучать въ дверь больного старца, который, несмотря на мучительныя страданія, произнесъ своему великому гостю рѣчь о добродѣтели, какъ единомъ благѣ; при этомъ онъ многократно прерывалъ свои слова возгласомъ: „Ты ничего не достигнешь, страданіе! Какъ ты ни мучительно, я не соглашусь съ тѣмъ, что ты зло“. Въ Родосѣ Посидонія слушалъ Цицеронъ, Варронъ находится въ зависимости отъ него, и большинство выдающихся писателей послѣдующихъ временъ обязаны ему многими цѣнными страницами. Посидоній.

Такъ осуществляется постепенно сліяніе эллинизма съ римскимъ началомъ, тогда какъ самостоятельное значеніе и вліяніе греческой цивилизаціи на востокѣ замѣтно блѣднѣетъ. Однако, побѣдители рим- Отношеніе къ эллинизму.

ляне не безсознательно покоряются интеллектуальной культурѣ побѣжденныхъ, римлянинъ остается римляниномъ, и его литература не утрачиваетъ національной окраски. Этимъ путемъ она сохраняетъ свою самобытность, жизненность и творческую силу. Съ другой стороны, близкое соприкосновеніе съ могучей націей, носительницей власти, въ свою очередь оплодотворяетъ творческую фантазію грековъ; такіе выдающіеся люди, какъ Полибій, Посидоній и Страбонъ, создаютъ свои великіе труды, служа Риму.

Эллинистическія монархіи подчинялись или были уже подчинены Риму. Множество чужеземцевъ стремится въ Римъ, желая увидѣть столицу и попытать въ ней счастья. Здѣсь поселяются грамматики, риторы, философы и поэты, увѣренные найти въ столицѣ хорошо оплачиваемый трудъ и успѣхъ. Чужеземными послами выбирались самые достойные люди, уже авторитетомъ своей личности поддерживавшіе интересы своей страны. Площади, храмы, дома все богаче украшались произведеніями искусства, стекавшимися въ Римъ либо въ качествѣ военной добычи, либо путемъ покупки; нѣкоторыя изъ нихъ служили временнымъ, но всегда возвращавшимся, украшеніемъ столицы при великихъ торжествахъ.

Римскій народъ уже не могъ и не стремился избѣжать вліянія греческой цивилизаціи. Воспитаніе юношества въ аристократическихъ домахъ было поручено греческимъ учителямъ, и знатные римляне нерѣдко имѣли своихъ домашнихъ ученыхъ. Для завершенія образованія молодежь стекалась въ Аѳины или Родосъ, подобно тому какъ въ Средніе вѣка стремились въ Парижъ, Падую или Болонью. Греческій языкъ становится все популярнѣе; Цицеронъ, Аттикъ и Цезарь въ обыденномъ общеніи столько же говорили, по всей вѣроятности, по-гречески, сколько по-латыни. Жажда образованія растетъ. Одни въ немъ искали лишь внѣшняго лоска, другіе видѣли въ образованіи средство сдѣлать хорошую карьеру, третьи, наконецъ, добивались чисто духовнаго удовлетворенія. Мы съ умиленіемъ видимъ, какъ перегруженные работой государственные дѣятели и полководцы пользуются своимъ краткимъ досугомъ для интеллектуальной работы, переносившей ихъ за предѣлы обыденнаго и дававшей имъ силы для повседневнаго труда. Особая цѣнность произведеній римской литературы состоитъ въ значительной степени въ томъ, что ихъ авторами были люди, близко стоявшіе къ общественной жизни, тогда какъ Платонъ и другіе греческіе аристократы ума совершенно устранились отъ нея.

Отрицательныя стороны.

Во всѣхъ этихъ явленіяхъ были, однако, и отрицательныя стороны. Въ былыя времена „образованные“ составляли только небольшую группу людей; отнынѣ же ихъ число все возрастаетъ, грань между ними и „народомъ“ обостряется, грозя принять характеръ непоправимой отчу-

жденности. Не надо забывать и того, что греки, ихъ литература и искусство вносили въ римскую жизнь не только здоровыя начала и воззрѣнія. Эллинская культура и ея не всегда безупречные представители, несомнѣнно, въ высокой степени способствовали неудержимому росту безнравственности, неизбѣжному въ жизни разбогатѣвшаго города. Примѣръ нашей современной жизни воочію убѣждаетъ насъ въ томъ, что высокая интеллектуальная культура не дѣлаетъ человѣка ни болѣе нравственнымъ, ни болѣе свободнымъ, ни болѣе счастливымъ. Доступность наслажденія широко открываетъ двери пороку, а грубое неправильное пониманіе цѣлей и успѣховъ культурной жизни освобождаютъ его отъ всякой сдержки. Между тѣмъ, наиболѣе благородные результаты культуры, какъ, напримѣръ, возвращеніе къ религіи въ интересующую насъ эпоху проявляются лишь тогда, когда зло достигаетъ крайнихъ предѣловъ.

Античная гуманность.

Съ другой стороны, стремленіе избранныхъ людей до глубины души проникнуться новыми элементами культуры уже въ тѣ времена даетъ добрые плоды. Настала возможность и назрѣла пора собрать всѣ разноцвѣтные лучи, исходившіе отъ эллинизма, въ одинъ источникъ свѣта, умиротворяющій своимъ чистымъ сліяніемъ разросшееся пламя гражданской смуты. Въ античной гуманности Цицеронъ и его друзья создаютъ идеалъ жизни и культуры, царившіе въ эпоху Августа, воскресшіе въ эпоху Возрожденія, дѣйствующіе и на насъ помимо нашего сознанія. Кругъ Сципіона былъ близокъ къ этому идеалу, въ лицѣ Посидонія онъ осуществился, насъ познакомилъ съ нимъ Цицеронъ. Эта гуманность основывается не только на усвоеніи людьми искусства и науки, на эстетическомъ воодушевленіи, на романтическомъ бѣгствѣ отъ настоящаго. Все это не исцѣлило бы пороковъ, которыми страдали высшіе общественные слои. Она могла осуществить свою высшую цѣль только путемъ покоренія себѣ всего человѣческаго существа, пробужденія въ человѣкѣ жажды внутренняго перерожденія и достойной жизни. Сознательной цѣлью Цицерона было, согласно этому, осуществленіе истинной, прекрасной человѣчности. Въ лицѣ его мы видимъ стройное сочетаніе внѣшне блестящихъ даровапій грека съ достойными, строгими чертами римлянина. Въ своей рѣчи въ защиту поэта Архія Цицеронъ говоритъ съ глубокой убѣдительностью: „Занятія наукой совершенствуютъ молодежь и радуютъ старость; они углубляютъ счастье и даруютъ въ несчастьи спасеніе и утѣшеніе; дома они насъ радуютъ, и не лишаютъ свободы внѣ его; они не покидаютъ насъ по ночамъ, они сопровождаютъ насъ на чужбину и въ деревню“. Они повышали цѣнность жизни, укрѣпляя человѣка жизнерадостностью и сознаніемъ своего личнаго достоинства. Вліяніе ихъ проникало всѣ области жизни: государственную дѣятельность, безкорыстную дружбу, гуманное отно-

шеніе къ подчиненнымъ и рабамъ, проявляясь въ благородной свободѣ общенія, въ топкости формъ жизни и языка.

5. ВАРРОНЪ И НАУКА

Мы начинаемъ съ Варрона не потому, что наука играла особенно выдающуюся роль въ это столѣтіе, а потому что сопоставленіе образа этого ученаго съ Цицерономъ интересно и привлекательно. Хотя Варронъ пережилъ Цицерона на цѣлые 16 лѣтъ, онъ, тѣмъ не менѣе, является представителемъ до-цицероновской литературы, служа вѣрнымъ критеріемъ оцѣнки того, что сдѣлано было Цицерономъ. Читая неуклюжія предложенія, въ которыхъ Варронъ описываетъ и одновременно уродуетъ свой родной языкъ, трудно повѣрить, что этотъ трудъ посвященъ былъ имъ Цицерону.

Филологія. Изъ наукъ пока одна только филологія укореняется въ Римѣ— и то благодаря счастливой, и вмѣстѣ съ тѣмъ несчастной, случайности. Пергамецъ Кратетъ, посѣтившій Римъ въ 169 г. въ качествѣ посла, сломалъ себѣ здѣсь ногу и въ теченіе вынужденнаго своего пребыванія въ столицѣ читалъ лекціи по грамматикѣ и литературному изслѣдованію. Онѣ встрѣтили, повидимому, сочувствіе среди пытливыхъ и систематичныхъ римлянъ; вскорѣ усердные „литераторы“ начинаютъ собирать забытыя латинскія стихотворенія и примѣнять къ римской поэзіи филологическую интерпретацію (напр., къ ставшему непонятнымъ гимну Саліевъ). Интересъ къ вопросамъ грамматики, этимологіи, правописанія и законамъ языка распространяется все интенсивнѣе. Уже древнѣйшіе поэты, создавшіе римлянамъ литературный языкъ и одновременно бывшіе ихъ учителями, задумывались надъ проблемами языка; контрастъ между литературнымъ языкомъ, подчиняющимся опредѣленнымъ законамъ, и свободной народной рѣчью возбуждалъ мысль. Луцилій пишетъ, между прочимъ, о языкѣ и стилѣ, а Цезарь въ одномъ изъ своихъ произведеній принимаетъ участіе въ оживленномъ спорѣ о томъ, основывается ли сущность и строй рѣчи на аналогіи или на аномаліи (стр. 153). Признаннымъ знатокомъ въ этой области является первый профессіональный филологъ въ Римѣ, Л. Элій Стилонъ. Цицеронъ и Варронъ были его учениками; однако, то, что для одного являлось лишь средствомъ для достиженія цѣли, для другого становится призваніемъ всей жизни.

Варронъ. М. Теренцій Варронъ (116—21), родомъ изъ Реате въ странѣ сабиновъ, олицетворяетъ собой цѣлую эпоху римской исторіи. Переживъ въ дѣтствѣ отзвуки революціи Гракховъ, онъ въ старческіе годы видѣлъ Августа, правящимъ Римомъ. Въ юности въ характерѣ Варрона запечатлѣлись типичныя черты древняго римлянина, не лишившія

его, однако, способности понимать новыя вѣянія интеллектуальной жизни. Что касается гражданскихъ смутъ, то онъ переживалъ ихъ не постороннимъ наблюдателемъ въ ученомъ кабинетѣ, а отважно стоя на своемъ посту (сторонникомъ Помпея) во время войны и мира. Въ виду этого поразительными кажутся обширность и многосторонность литературнаго творчества Варрона, несмотря даже на его долголѣтнюю жизнь. Насчитываютъ 74 произведенія Варрона, заполнявшихъ болѣе 600 свитковъ. Сохранились только два техническихъ сочиненія—о сельскомъ хозяйствѣ и о латинскомъ языкѣ; однако, слѣды творчества Варрона разсѣяны повсюду, такъ какъ онъ поставилъ себѣ широкую задачу собрать и изслѣдовать всѣ „человѣческія и божественныя древности“ римскаго народа и нарисовать для современниковъ и потомства наглядную и назидательную картину сущности и роста римской націи.

О латинскомъ языкѣ.

Мы начинаемъ съ его дѣятельности какъ филолога, обнимающей, по примѣру пергамцевъ, языкъ и литературу (ср. стр. 152). Въ 25 книгахъ о латинскомъ языкѣ Варронъ разбираетъ значеніе и происхожденіе словъ, ихъ склоненіе, спряженіе и сліяніе въ предложенія, причемъ общій обзоръ предшествуетъ болѣе детальному изслѣдованію.

Сохранилось 6 книгъ детальныхъ изслѣдованій по этимологіи и общія наблюденія о „флексіи“, склоненіи и спряженіи. Первыя вызываютъ въ насъ, стоящихъ на почвѣ сравнительнаго языкознанія, то улыбку снисхожденія, то ужасъ. Вторыя знакомятъ насъ съ вышеупомянутой полемикой аналогистовъ и аномалистовъ (стр. 153), въ которой Варронъ, будучи сторонникомъ аналогистовъ, тѣмъ не менѣе занимаетъ посредствующее положеніе. Если Варронъ въ другомъ сочиненіи даетъ указанія на законы правильнаго построенія латинской рѣчи, то самъ онъ ихъ въ разбираемой работѣ не придерживается; его языкъ и стилистическая конструкція даже для научной книжки, цѣль которой ограничивается собираніемъ матеріала, поразительно небрежны и нестройны.

Исторія литературы.

Бо́льшую цѣнность имѣли его изслѣдованія о произведеніяхъ и біографіяхъ древнѣйшихъ писателей. Уже Акцій сдѣлалъ попытку создать родъ поэтики, Варронъ обратилъ главное вниманіе на драму; онъ не только собираетъ документальныя данныя о сценическихъ постановкахъ и пишетъ поэтику, но рѣшается даже сдѣлать опытъ анализа характерныхъ типовъ комедіи. Наши комедіи Плавта какъ разъ тѣ, которыя Варронъ, на основаніи критической оцѣнки свидѣтельствъ и доказательствъ, признаетъ за несомнѣнно подлинныя. Если исторія древней литературы базируется для насъ на неожиданно большомъ количествѣ опредѣленныхъ хронологическихъ датъ, то это заслуга Варрона. Онъ писалъ о входившихъ въ то время въ моду „рецитаціяхъ“ новыхъ произведеній поэтовъ; писалъ и о „Библіотекахъ“: Цезарь поручилъ своему бывшему противнику организацію первой государственной библіотеки въ Римѣ.

Изображенія.

„Изображенія“ (Imagines) Варрона представляли собой обширную

энциклопедію, которая могла быть издана только благодаря поддержкѣ богатаго книгопродавца Аттика; она единственна въ римской литературѣ. Этотъ трудъ содержалъ въ себѣ изображенія 700 замѣчательныхъ людей всѣхъ временъ, причемъ римляне и представители другихъ народовъ были сгруппированы въ отдѣльныхъ книгахъ; въ основу группировки Варронъ съ большимъ педантизмомъ положилъ священное число семь; каждое изображеніе, подобно imagines предковъ въ атріи (стр. 376 сл.), было снабжено метрической подписью.

Древности.

Высоты своего творчества достигаетъ Варронъ, примѣняя методъ пергамскихъ ученыхъ къ римской исторіи культуры. Эта область была еще совершенно незатронута; изъ ничего Варронъ создаетъ обширное собраніе источниковъ, сокровищницу свѣдѣній, изъ которой черпали послѣдующія поколѣнія вплоть до отцовъ церкви. Его громадный трудъ, распадавшійся на двѣ части, былъ посвященъ религіознымъ и бытовымъ „Древностямъ“ римскаго народа (Antiquitates rerum humanarum et divinarum). Весь свой съ большимъ трудомъ собранный матеріалъ Варронъ классифицируетъ чисто механически по отдѣльнымъ рубрикамъ (люди, мѣста, времена, вещи, боги); о переработкѣ всего матеріала не можетъ быть и рѣчи. Тѣмъ не менѣе, Цицеронъ правъ, превознося Варрона, какъ писателя, который впервые позволилъ римлянамъ почувствовать себя дома на своей собственной родинѣ, который открылъ имъ „возрастъ родного города“, ихъ религіозное и свѣтское право, порядки мирнаго и военнаго времени, положеніе областей и урочищъ, имена, роды, отправленія и причины всѣхъ божественныхъ и человѣческихъ дѣлъ. Отдѣльную монографію посвятилъ Варронъ вопросу о происхожденіи и развитіи римскаго народа; въ сочиненіи „о семьяхъ Троянскаго происхожденія“ онъ отдаетъ дань модѣ, царившей среди римской знати, возводить свое происхожденіе къ Энею и его сподвижникамъ.

О сельскомъ хозяйствѣ.

Въ сочиненіи „о сельскомъ хозяйствѣ“ (ср. о Катонѣ стр. 401) Варронъ подробно трактуетъ объ этой важной области римской жизни.

Онъ началъ этотъ трудъ для пользы и поученія своей жены восьмидесятилѣтнимъ старцемъ, въ возрастѣ, побуждающемъ человѣка позаботиться о своемъ имуществѣ. Подобно Цицерону Варронъ прибѣгаетъ къ формѣ діалога; однако, несмотря на характеръ бесѣды, интимную окраску труда и обиліе остротъ, рѣчь автора остается безжизненной. Въ общемъ, трудъ Варрона носитъ характеръ лекцій, не выигрывающихъ отъ навязчиваго схематизма построенія; вторая книга, напр., разбита на части съ 81 точекъ зрѣнія; перечисленія „во-первыхъ“, „во-вторыхъ“, „въ-третьихъ“ въ ней не прекращаются. Первая книга, начинающаяся обращеніемъ къ 12 сельскимъ божествамъ и горячимъ восхваленіемъ родной земли, посвящена земледѣлію и винодѣлію, вторая—скотоводству, третья птицеводству, разведенію рыбъ и пчеловодству. Варронъ глубоко убѣжденъ въ высокомъ значеніи сельскаго хозяйства. Онъ съ сожалѣніемъ констатируетъ растущее тяготѣніе землепашцевъ къ городу и порицаетъ предпочитающихъ развлеченія въ театрѣ и циркѣ пашнѣ или работѣ на виноградникѣ; онъ скорбитъ о постепенномъ превра-

щеніи хлѣбныхъ полей въ пастбища вслѣдствіе дешевизны ввозимаго зерна. Намъ было бы дорого увидѣть нарисованную знатокомъ картину аграрной жизни этой переходной эпохи. Однако, ученый авторъ не ограничивается своимъ практическимъ опытомъ, онъ широко пользуется писателями—предшественниками, перечисляя 50 источниковъ. Тѣмъ не менѣе, мы узнаемъ много цѣннаго. Проливая свѣтъ на вопросъ о положеніи рабочихъ, авторъ разсѣиваетъ предубѣжденія тѣхъ, кто понятіе объ античныхъ рабахъ связываетъ съ представленіями о тяжелой жизни негровъ-невольниковъ. Надзиратели должны быть пожилыми и знающими дѣло людьми, не только отдающими приказанія, но и лично дающими рабочимъ достойный подражанія примѣръ, обнаруживающій ихъ превосходство. Они должны карать словами, а не ударами, если дѣйствіе при этомъ достигается одно и то же; надо обходиться съ ними хорошо и поощрять ихъ наградами. Слѣдуетъ при распредѣленіи труда совѣтоваться съ лучшими среди рабочихъ, давая имъ почувствовать, что господа ихъ цѣнятъ. Болѣе активнымъ надо давать лучшую пищу и одежду, надо предоставлять имъ при случаѣ льготы или давать возможность пасти свой скотъ на землѣ господина.

Энциклопедія.

Будучи уже старикомъ, Варронъ пишетъ свою „Энциклопедію“, объединявшую всѣ области человѣческаго знанія (Disciplinarum libri IX, ср. Катонъ стр. 401). Она обнимала грамматику, діалектику, риторику, геометрію, ариѳметику, астрологію, музыку, медицину и архитектуру. Эта, несомнѣнно, небезупречная группировка считалась образцовой въ теченіе всего средневѣковья; лишь двѣ послѣднія области были исключены тогда изъ круга общаго образованія; и въ наше время еще говорятъ о „семи свободныхъ искусствахъ“, часто, однако, не имѣя о нихъ яснаго представленія.

Logistorici.

Варронъ интересовался также философіей, смотря на нее съ еще болѣе утилитаристической точки зрѣнія, чѣмъ Цицеронъ. Его перу принадлежало 76 философски-историческихъ трактатовъ (Logistorici), затрагивавшихъ самыя разнообразныя темы, иллюстрируемыя примѣрами, напр.: „Катъ или о воспитаніи дѣтей“, „Марій или о судьбѣ“, „Орестъ или о безуміи“, „Сисенна или объ исторіи“. Эти своеобразныя двойныя заглавія, не случайно напоминающія намъ Цицероновскаго “Катона или о старости“, указываютъ на пріуроченіе Варрономъ, подобно Цицерону, разсужденій къ опредѣленному лицу.

Менипповы сатиры.

Мы обращаемся, наконецъ, къ сочиненію Варрона, утрата котораго представляетъ собой, можетъ быть, крупнѣйшую потерю для исторіи культуры—это 150(!) Менипповыхъ сатиръ. Соединяя въ себѣ поэзію и прозу, онѣ знакомятъ насъ съ Варрономъ какъ поэтомъ, или скорѣе какъ полу-поэтомъ. Къ стремленію новой школы поэтовъ, переносившей искусство александрійцевъ на римскую почву, Варронъ, несомнѣнно, относился скептически; лучшій образецъ для своей морализирующей проповѣди онъ находитъ въ лицѣ Мениппа (стр. 135). Тѣмъ не менѣе, созданіе Варрона отличается типично-римскимъ характеромъ. Пересыпая свою рѣчь остротами и насмѣшками, Варронъ, одѣвъ маску киника, проповѣдуетъ глубокія истины и житейскую муд-

рость. Онъ проводитъ параллель между современной порочностью нравовъ и добрымъ старымъ временемъ, „когда отъ рѣчи, правда, несло чеснокомъ, но сердце у людей находилось на настоящемъ мѣстѣ“.

Благодаря многозначительнымъ заглавіямъ и многимъ небольшимъ фрагментамъ, мы имѣемъ нѣкоторое представленіе объ этой литературной формѣ. Безыскусственная разговорная рѣчь съ чисто-народными оборотами, пословицами и вплетенными греческими словами, составляла характерную черту ея; на этомъ основномъ фонѣ весьма комическій эффектъ вызываютъ торжественныя цитаты. При случаѣ Варронъ съ поразительной легкостью прибѣгаетъ къ разнообразнѣйшимъ стихотворнымъ размѣрамъ. Удивительно богатство образовъ, развертываемыхъ авторомъ въ причудливой смѣнѣ: передъ нами проходятъ боги, аллегорическія существа и герои, фигуры трагедіи и комедіи, люди всѣхъ сословій и профессій, часто появляется и „Маркъ“, т.-е. самъ Варронъ, одинъ разъ даже въ качествѣ двойника, „Бимарка“. Особенно горько достается философамъ; въ комическихъ словесныхъ схваткахъ Варронъ высмѣиваетъ ихъ страсть къ спорамъ, ихъ сумасбродство. Но тутъ же серьезно ставится вопросъ: въ чемъ же истина? Добродѣтель—волшебный жезлъ, по мановенію котораго рождается все доброе. Въ „Евменидахъ“ во время обѣда обсуждается стоическій тезисъ, по которому всѣ люди—глупцы; онъ подтверждается цѣлымъ рядомъ краснорѣчивыхъ примѣровъ во время прогулки по городу, предпринятой послѣ обѣда для урегулированія пищеваренія. Съ высоты видно, какъ ужасныя фуріи терзаютъ бѣдный народъ, не отдающій себѣ въ этомъ отчета. Попытка открыть ему глаза кончается неожиданнымъ обвиненіемъ разскащика въ сумасшествіи; общественное мнѣніе торжественно заноситъ его имя въ списокъ безумцевъ. Въ „Aborigines“ описывается зарожденіе культуры, въ „міровомъ сверлѣ“ грядущій конецъ міра, къ которому его неустанно влекутъ недобрыя силы.

Варронъ описываетъ человѣческую жизнь отъ колыбели до могилы: „колыбель и могила близкіе сосѣди“. Основной же темой сатиръ является роковой контрастъ между новымъ и старымъ временемъ. Въ „Учителѣ старцевъ“ юный молодчикъ выясняетъ старику всѣ пріобрѣтенія прогресса новаго времени; послѣдній, однако, не вѣритъ глазамъ своимъ, видя роскошныя виллы, пиршества, эманципированныхъ женщинъ, вооруженныхъ рабовъ, возстающихъ противъ своихъ господъ. „Шестидесятилѣтній“, какъ ребенокъ, погружается въ волшебный сонъ; по истеченіи 50 лѣтъ онъ просыпается и самъ себя не узнаетъ; онъ сталъ сѣдымъ и колючимъ, какъ старый ежъ, съ острой мордой какъ у ежа. Тѣмъ временемъ въ Римѣ все приняло новый обликъ: добродѣтель замѣнилась нечестіемъ, невѣрностью и безстыдствомъ. Когда же старикъ не въ силахъ удержаться отъ негодованія, современная молодежь, недолго думая, прибѣгаетъ къ древнему обычаю и сбрасываетъ его въ Тибръ (sexagenarium de ponte!). Въ „Manius“ (рано встающій) восхваляется простота сельскаго быта; теперь же Маній встаетъ рано, чтобы бѣжать на форумъ, гдѣ онъ, стоя у корабельныхъ носовъ (Rostra), расточаетъ пустыя фразы передъ народомъ. Автору же форумъ кажется свинымъ хлѣвомъ, котораго не очистить и Геркулесу.

Варронъ бичуетъ всѣ пороки своего времени: алчность (скупецъ, владѣющій рѣшительно всѣмъ, что душѣ угодно, готовъ въ своей жадности самъ себя обокрасть), увлеченіе охотой, въ которой принимали участіе и знатныя дамы, пьянство, изысканность стола, о которомъ гастрономъ въ „Лакомой пищѣ“ читаетъ цѣлую лекцію, „живое похвальное слово“, превозносящее, напр., въ надгробной рѣчи любого проходимца точно Сципіона. При этомъ Варронъ далеко не мрачный проповѣдникъ морали. Онъ всякому желаетъ бодрой радости жизни, наслажденія любовью и виномъ, однако въ мѣру, какъ мы видимъ по его „Modicus “ (умѣренный человѣкъ). Онъ даетъ цѣлый рядъ добрыхъ совѣтовъ, напр., о заключеніи брака („къ горшку пришлась крышка“), или о необ-

ходимыхъ условіяхъ и обстановкѣ истинно пріятнаго пиршества. Сатира Варрона не издѣвается, она проникнута печальнымъ убѣжденіемъ, что Римъ клонится къ упадку. Въ своемъ „Завѣщаніи“ авторъ назначаетъ опекунами надъ дѣтьми своей музы всѣхъ тѣхъ, кому дорога судьба Рима. Не въ силахъ Варрона, однако, было пресѣчь прогрессирующій упадокъ нравовъ.

Оцѣнка.

Нелегко дать справедливую оцѣнку этого могучаго многосторонняго ученаго. Насъ поражаетъ его пчелиное трудолюбіе, не устающее нагромождать матеріалъ. Когда наукѣ удастся собрать всѣ фрагменты его трудовъ, мы убѣдимся, что источникомъ большинства нашихъ свѣдѣній изъ области древней римской культуры является Варронъ. Тѣмъ не менѣе, мы сознаемъ всю ограниченность его ума, неспособнаго внутренне переработать массу матеріала. Его причудливая педантичность, съ которой онъ группируетъ матеріалъ по чисто-внѣшнимъ схемамъ, порою вырождается въ безплодную игру цифрами, не лишенную мистическаго оттѣнка. Нашъ ученый обладалъ, однако, и нѣкоторыми поэтическими способностями, не лишенными оригинальности. Онъ былъ кромѣ того искреннимъ патріотомъ, перомъ котораго руководила забота о судьбѣ родного народа. Его несочувствіе вѣяніямъ новаго времени вполнѣ понятно. Съ литературной точки зрѣнія мы его можемъ назвать Cato redivivus (воскресшимъ Катономъ). Варронъ никогда не стремился къ стилистическому мастерству. Онъ писалъ, какъ говорилъ. Это придавало его сатирамъ ту живую непосредственность, которую позднѣйшіе писатели, къ сожалѣнію, утратили подъ вліяніемъ Цицерона.

6. ЦИЦЕРОНЪ

Колебанія въ оцѣнкѣ Цицерона.

Ожесточенный споръ возникъ въ послѣднее пятидесятилѣтіе изъ-за великаго оратора, наложившаго печать своего ума, своей рѣчи и своего имени на все свое столѣтіе. Слѣдя за этимъ споромъ, хотѣлось иногда радоваться тому, что человѣкъ, такъ глубоко дороживший своей славой среди потомства, не слышитъ тѣхъ рѣзкихъ сужденій, которыя соединялись съ его именемъ. Въ наше время споръ этотъ стихаетъ, уступая мѣсто болѣе объективной оцѣнкѣ; непосредственное пониманіе Цицерона въ рамкахъ его эпохи начинаетъ замѣнять строгую критику его съ точки зрѣнія современности. Наша точка зрѣнія будетъ исключительно культурно-исторической; въ Цицеронѣ мы усматриваемъ прежде всего не человѣка, не политика, не оратора и не писателя, а великаго учителя родного народа и всего человѣчества. Этихъ заслугъ никто за нимъ отрицать не можетъ, каково-бы ни было сужденіе о дурныхъ или хорошихъ результатахъ его вліянія. Изученіе Цицерона и его творчества имѣетъ особенно глу-

бокое значеніе для нашего времени, времени обострѣнія вопросовъ образованія и широкой популяризаціи науки, съ цѣлью пріобщенія къ ней широкихъ круговъ интеллигенціи. Кромѣ того, передъ нами человѣкъ, въ душу котораго мы можемъ заглянуть глубже, чѣмъ въ душу какого бы то ни было другого человѣка античности; писатель, связь между характеромъ, жизнью и произведеніями котораго для насъ такъ же ясна, какъ если бы онъ былъ нашимъ современникомъ.

Жизнь. М. Туллій Цицеронъ (106—43) былъ родомъ изъ того же маленькаго городка вольсковъ, Арпинума, который былъ родиной Марія (рис. 230). Получивъ тщательное образованіе въ Римѣ, онъ поселился въ немъ въ качествѣ адвоката; изъ безчисленнаго множества его судебныхъ рѣчей, въ которыхъ онъ не перестаетъ выступать вплоть до своей смерти, почти всѣ защитныя. Въ одной изъ первыхъ, въ защиту неповинно осужденнаго за отцеубійство Секста Росція, Цицеронъ съ поразительнымъ мужествомъ выступаетъ противъ одного изъ любимцевъ диктатора Суллы. Талантливость и неутомимое усердіе открываютъ homo novus доступъ къ высшимъ государственнымъ почестямъ. Честнымъ выполненіемъ должности квестора Цицеронъ пріобрѣтаетъ довѣріе провинціи Сициліи, поручающей ему въ 70 году обвиненіе грабителя Верреса. Въ 66 году онъ въ первый разъ въ достоинствѣ претора выступаетъ передъ народомъ съ рѣчью въ защиту назначенія Помпея главнокомандующимъ въ Азіи. Желанный выборъ въ консулы въ 63 году ставитъ поборника мира Цицерона во главѣ государства въ тревожное время; его дѣятельность въ это время становится для него источникомъ высокой славы, но въ то же время и самыхъ горькихъ страданій. Цицерону удается подавить въ Римѣ заговоръ Катилины; однако, допущенная имъ при этомъ незакономѣрность даетъ Цезарю въ 58 г. возможность добиться осужденія его на изгнаніе. Письма Цицерона того времени, полныя отчаянныхъ жалобъ, отражаютъ всю силу поразившаго его удара. Даже почетное возвращеніе (57 г.) не могло примирить Цицерона: оно не вернуло ему его политическаго значенія. Въ 51 году онъ имѣлъ случай осуществить въ Киликіи достойныя принципы управленія, высказанные имъ нѣкогда брату Квинту, пропретору въ Малой Азіи; но и это его не удовлетворяетъ. Въ моментъ возвращенія Цицерона начала разгораться гражданская смута, не считавшаяся уже съ исполненнымъ добрыхъ намѣреній, но безсильнымъ посредникомъ и съ „согласіемъ достойныхъ гражданъ“, къ которому въ свое время взывалъ Цицеронъ, дѣйствуя противъ Катилины. Цезарь былъ не прочь имѣть на своей сторонѣ почтеннаго вожака сенатской партіи, который, однако, въ концѣ концовъ, перешелъ въ лагерь родственнаго ему по духу Помпея: впослѣдствіи Цицеронъ вынужденъ былъ быть до-

Рис. 230. АРПИНУМЪ.
По фотографіи.

вольнымъ и тѣмъ, что Цезарь великодушно далъ ему прощеніе. Убійство Цезаря въ 44 г. снова вызываетъ его на политическую сцену, и старецъ съ юношеской горячностью громитъ въ своихъ „Филиппикахъ“ Антонія. Однако, призрачныя мечты возрожденія свободы рушатся, и 7 декабря 43 г. Цицеронъ становится жертвой непримиримой вражды Антонія. Ничто ему не доставило болѣе горькихъ страданій, ничто такъ не омрачило его память, какъ честолюбивый самообманъ, заставлявшій его добиваться роли политическаго дѣятеля, не имѣя для нея никакихъ данныхъ.

Характеръ. Характеръ Цицерона вызывалъ самую разнорѣчивую оцѣнку, начиная лишенной критики идеализаціей и кончая рѣзкимъ осужденіемъ. Это естественно, такъ какъ цѣликомъ дошедшія до насъ интимныя частныя письма отражаютъ передъ нами самыя сокровенныя колебанія его чуткой души. Тѣмъ не менѣе, вполнѣ возможно выдѣлить въ его характерѣ тѣневыя и свѣтлыя стороны. Характеръ Цицерона, несомнѣнно, не отличался устойчивостью, это создавало въ его душѣ одинъ конфликтъ за другимъ; между тѣмъ время было такое, когда только цѣльные характеры могли дѣлать настоящее дѣло. Однако, тотъ же человѣкъ впослѣдствіи мужественно борется, пытаясь въ неутомимомъ трудѣ на благо родного народа возвыситься надъ бѣдствіями эпохи и тяжкимъ личнымъ горемъ. Неустойчивость его характера усугублялась постоянной боязливой зависимостью отъ критики „благородныхъ“ и соображеніями, какъ поступить и отъ чего воздержаться, чтобы быть оправданнымъ современниками и потомствомъ. Страсть Цицерона къ славѣ была неутолима; люди эпохи Возрожденія заимствовали ее у Цицерона; велико было и его тщеславіе. Истинно великій человѣкъ строитъ свою жизнь не на несчастьѣ и невзгодахъ ближняго, а достигаетъ славы личными заслугами — эту, однажды высказанную характеристику, Цицеронъ имѣетъ право примѣнить къ себѣ. Это, однако, не давало ему основанія прославлять свое консульство во всѣхъ возможныхъ формахъ.

Рис. 231. ЦИЦЕРОНЪ.
Мраморный бюстъ въ Капитол. музеѣ въ Римѣ.
Cp. Arndt, Portráts, Tf. 254.
F. Bruckmann, A-G. München, phot.

Его положительныя качества не всегда оцѣнивались въ достаточной степени справедливо. Въ эпоху, исполненную трезваго реализма, Цицерона не покидаетъ его идеализмъ. Въ борьбѣ за сохраненіе стараго государственнаго строя имъ руководятъ не корыстныя побужденія, а честная убѣжденность. Цицеронъ былъ кроткой, гуманной натурой, онъ обладалъ нравственной чистотой и былъ свободенъ отъ алчности—и то, и другое—качества, рѣдко отличавшія въ тѣ времена честолюбцевъ. Онъ нажилъ себѣ много враговъ своимъ ѣдкимъ сатирическимъ остроуміемъ, особенно часто сказывающимся въ его письмахъ. Поразительна жажда знанія Цицерона, его активность и работоспособность; удивительная воспріимчивость ко всему новому соединялась въ немъ съ живой потребностью передачи своего знанія современникамъ на родномъ языкѣ.

Ходъ образованія. У насъ есть точныя данныя о ходѣ его образованія; въ „Брутѣ“ Цицеронъ первый дѣлаетъ интересную попытку нарисовать ходъ своего собственнаго развитія. Съ самаго начала онъ смотритъ на избранную имъ профессію съ той широтой и многосторонностью, которыя впослѣдствіи отражаются въ его книгахъ объ ораторѣ.

Рядомъ съ риторическими и юридическими занятіями теоретическаго и практическаго характера, которымъ Цицеронъ въ это богатое новыми идеями время отдавался съ одинаковымъ усердіемъ, онъ интересовался также философіей, имѣя въ Римѣ недурныхъ греческихъ руководителей. Обширная начитанность открываетъ ему міръ греческой литературы, вскорѣ воодушевившей его къ попыткамъ перевода. Послѣ перваго опыта и первыхъ ораторскихъ успѣховъ Цицеронъ предпринимаетъ путешествіе (79—77), дающее ему случай углубить свое образованіе и усовершенствовать свое искусство. Въ Аѳинахъ Цицеронъ слушаетъ философовъ, академиковъ и эпикурейцевъ, въ Родосѣ знаменитаго ритора Молона и Посидонія (ср. стр. 43). Впослѣдствіи Цицеронъ съ благодарностью сознаетъ, что все достигнутое имъ достигнуто благодаря его эллинскому образованію. Сначала оно было для Цицерона только средствомъ, ведущимъ къ цѣли, въ послѣдующіе же печальные годы онъ всецѣло погружается въ эллинскую науку; его новой жизненной задачей становится открытіе доступа къ ней своимъ соотечественникамъ. Риторическіе и философскіе труды Цицерона являются плодомъ его грустнаго вынужденнаго досуга. Живя между 55 и 51 гг. вдали отъ Рима, въ своихъ любимыхъ помѣстьяхъ онъ написалъ книги объ ораторѣ, о государствѣ и о законахъ, а во время диктатуры Цезаря, между 46 и 44 гг., рядъ риторическихъ и философскихъ произведеній.

Произведенія. Бросимъ сначала общій взглядъ на все его литературное творчество. Сохранилось 57 рѣчей; половина ихъ судебныя, но многія изъ нихъ касаются важныхъ политическихъ вопросовъ. Къ книгамъ объ ораторѣ примыкаютъ 5 небольшихъ трактатовъ отчасти техническаго, отчасти литературно-историческаго характера. Вокругъ шести главныхъ трудовъ изъ области философіи и государствовѣдѣнія группируются 7 небольшихъ. Наконецъ, переписка Цицерона представляетъ собой неоцѣнимое сокровище; состоитъ она изъ 864 писемъ въ нѣсколькихъ серіяхъ, среди нихъ 90 писемъ адресованы къ Цицерону. Эта переписка сохранила намъ цѣнныя свѣдѣнія о возникновеніи его трудовъ, свѣдѣнія, которыхъ мы, къ сожалѣнію, лишены для большинства писателей древности. Ни одинъ римскій писатель не завѣщалъ намъ бо́льшаго, тѣмъ не менѣе это далеко не всѣ труды Цицерона. Число его рѣчей заходило далеко за сто, количество утраченныхъ писемъ равняется числу уцѣлѣвшихъ. Изъ числа философскихъ трактатовъ утеряны „Consolatio“ на смерть его дочери Тулліи и прославленный діалогъ „Гортенсій“. Мы предпочитаемъ умолчать о поэтическихъ опытахъ Цицерона; изъ нихъ эпическія произведенія были преимущественно посвящены восхваленію авторомъ своихъ собственныхъ заслугъ; другого провозвѣстника своей славы Цицерону найти не удалось. Мы поражаемся плодовитостью и многосторонностью этого сорокалѣтняго творчества, разумѣется, ушедшаго болѣе вширь, чѣмъ вглубь.

Рѣчи. 1. Р ѣ ч и. Самъ Цицеронъ видитъ центръ своего творчества въ ораторскомъ искусствѣ. Оно быстро создаетъ ему крупное имя, такъ какъ здоровое чутье правильно подсказало ему вѣрные пути. Борьба Цицерона съ Гортенсіемъ за пальму первенства была борьбой двухъ діаметрально-противоположныхъ направленій стиля.

Гортензій.

Рѣдкая эпоха давала такой широкій просторъ ораторскому искусству, какъ эпоха Цицерона. Слово являлось такимъ же сильнымъ оружіемъ, какъ мечъ, который въ концѣ концовъ рѣшалъ дѣло. Хотя римляне и были далеки отъ словоохотливости и тонкаго чутья аѳинянъ, тѣмъ не менѣе и у нихъ развивается пониманіе риторической формы и утонченный къ ней вкусъ. Поэтому молодежь горячо увлекалась Кв. Гортенсіемъ Горталомъ (114 — 50), родоначальникомъ асіанскаго стиля въ Римѣ (стр. 136). Онъ былъ „царемъ судовъ“, на высотѣ своей славы, и Цицеронъ гордится, когда ихъ оружіе скрещивается, или когда они совмѣстно защищаютъ одно и то же дѣло. Однако, такъ какъ Гортенсій оставался вплоть до старости вѣренъ своимъ пріемамъ, требовавшимъ юношеской горячности и юношеской силы, его слава вскорѣ начинаетъ меркнуть, онъ уступаетъ свое мѣсто Цицерону. Послѣдній былъ исцѣленъ въ Родосѣ отъ своего увлеченія асіанской напыщенностью и вычурностью; онъ возвращается къ Демосѳену, сдѣлавшемуся его высшимъ идеаломъ и образцомъ. Разумѣется, Цицеронъ могъ бы еще строже проводить принципъ трезвости и простоты ораторской рѣчи, а потому естественно, что реакція, иниціаторомъ которой былъ Цицеронъ, вскорѣ ставитъ себѣ болѣе крайнія цѣли. Возникаетъ новое направленіе, односторонним идеаломъ котораго является простая дѣловитая рѣчь Лисія. Тѣмъ не менѣе Цицеронъ побѣдоносно царитъ надъ этими послѣдователями ново-аттицизма; они воскресаютъ лишь сто лѣтъ спустя.

Современная точка зрѣнія.

Мы, нѣмцы, довольно холодно относимся къ краснорѣчію Цицерона. Тогда какъ французы и итальянцы увлекались красотой его слова, а великіе парламентскіе ораторы въ Англіи считали его своимъ учителемъ, Цицеронъ у насъ долгое время служилъ лишь образцомъ совершеннаго латинскаго стиля, которому старались подражать въ своей собственной литературной латинской рѣчи. Разборъ его рѣчей на школьной скамьѣ такъ же мало способствовалъ живой непосредственности ихъ пониманія, какъ критическое остроуміе, съ которымъ ученые изслѣдовали „подъ микроскопомъ“ юридическіе казусы и доказательства рѣчей Цицерона. Сознаніе, что большинство рѣчей впослѣдствіи обработаны были Цицерономъ для изданія, нарушаетъ непосредственность впечатлѣнія отъ многихъ изъ нихъ; рядъ рѣчей значительно расширенъ, а нѣкоторыя даже никогда не были произнесены. Какъ извѣстно, Милонъ, защита котораго стоила Цицерону особенно многихъ усилій, съ горечью сказалъ, читая въ изгнаніи прекрасную, исправленную рѣчь Цицерона въ его защиту, сохранившуюся и до насъ: если бы Цицеронъ дѣйствительно такъ защищалъ меня, я бы теперь не питался вкусными Массильскими краснобородками! Когда Верресъ, предчувствуя исходъ своего процесса, отправился послѣ начала его въ добровольную ссылку, Цицеронъ обработалъ и издалъ въ пяти рѣчахъ весь усердно собранный обвинительный матеріалъ. Въ эпоху Цицерона это была естественная форма опубликованія тщательно обработаннаго матеріала, и нельзя не признать, что Цицеронъ мастерски справился со своей задачей.

Древніе гражданскіе процессы, иногда связанные съ довольно запутанными юридическими вопросами, представляютъ сами по себѣ мало интереса. Многое остается для насъ невыясненнымъ, потому что мы

слышимъ всегда только одну сторону, въ большинствѣ случаевъ лишь одну изъ сказанныхъ рѣчей; Цицерону, какъ самому вліятельному оратору, обыкновенно предоставлялось заключительное слово, предполагающее обсужденныя детали извѣстными.

Пониманіе рѣчей затемняется преувеличеніями, искаженіями, адвокатскими ухищреніями и извращеніями смысла законовъ; однако, слѣдуетъ принять во вниманіе, что все это входило въ число общеупотребительныхъ пріемовъ; такъ какъ эта практика извѣстна намъ только по рѣчамъ Цицерона, которыя однѣ только до насъ сохранились, мы склонны дѣлать отвѣтственнымъ и за нихъ и за другіе странные для насъ обычаи судопроизводства не время, а Цицерона лично. Между тѣмъ Цицеронъ даже воздерживается отъ многихъ злоупотребленій, бывшихъ въ ходу. Самые почтенные люди, даже Гортенсій, подкупали судей деньгами, желая обезпечить успѣшный исходъ сомнительнаго дѣла; Цицеронъ же никогда къ этому не прибѣгалъ. Противорѣчивыя сужденія оратора о событіяхъ и личностяхъ далеко не даютъ намъ права называть Цицерона безхарактернымъ. Какъ адвокатъ, онъ въ каждомъ случаѣ защищалъ дѣло опредѣленной партіи, и невозможно требовать, чтобы каждое слово, произнесенное при особыхъ условіяхъ, выражало искреннее убѣжденіе оратора, особенно въ эпоху, исполненную партійности, когда каждый день приносилъ неожиданности.

Знаменитыя политическія и судебныя рѣчи Цицерона, отражающія историческія событія, не вдохновляютъ и не увлекаютъ насъ подобно рѣчамъ Демосѳена. Въ нихъ отсутствуютъ идеи великаго государственнаго дѣятеля, а тщеславіе автора производитъ охлаждающее впечатлѣніе. Чѣмъ меньше его понимали, тѣмъ больше росла его потребность говорить о себѣ и о своихъ заслугахъ; эта потребность становится его второй натурой. Больше трети рѣчи за Сестія (56), отдѣланной съ большой любовью, авторъ посвящаетъ описанію своего изгнанія и возвращенія, которому дѣятельно способствовалъ Сестій. Правда, именно эти эпизоды, которые Цицеронъ, естественно или съ тонкимъ разсчетомъ, вплетаетъ въ свои рѣчи, насъ интересуютъ больше всего.

Мы могли бы привести еще много отрицательныхъ чертъ Цицерона; но отдадимъ себѣ прежде всего отчетъ въ томъ, какимъ обиліемъ свѣдѣній мы обязаны его рѣчамъ. Я не буду останавливаться на всемъ богатствѣ детальнѣйшихъ свѣдѣній юридическаго, экономическаго, соціальнаго и бытового характера, которыя мы изъ нихъ черпаемъ. Напомнимъ Веррины, безпощадно разоблачающія безстыдную эксплуатацію Сициліи преторомъ Верресомъ и рисующія возмутительный примѣръ римскаго корыстолюбія и жестокости; съ другой стороны, эти рѣчи отражаютъ съ вѣрностью. фотографа культуру прекраснаго греческаго острова, гдѣ даже небольшіе города поражали путешественника изо-

биліемъ сокровищъ искусства. Еще важнѣе то, что рѣчи и письма Цицерона служатъ богатѣйшимъ историческимъ источникомъ для пониманія вѣка, опредѣлившаго будущность римскаго государства. Правда, этимъ источникомъ слѣдуетъ пользоваться съ особой осторожностью вслѣдствіе партійной его окраски, но наряду съ этимъ особую привлекательность придаетъ этому источнику то, что мы изучаемъ историческія событія въ переживаніяхъ и разсказахъ очевидца. Передъ нами открывается все безправіе смутной поры Суллы; мы видимъ четыре трагическихъ акта заговора Катилины; мы переживаемъ тревожное время послѣ убійства Цезаря и безсовѣстный образъ дѣйствій Антонія, преслѣдующаго личныя цѣли. Всюду, въ судѣ, на форумѣ, въ сенатѣ, передъ нами стоитъ фигура могучаго оратора, увлекающаго и плѣняющаго своихъ слушателей только властью слова, не измѣнявшаго ему ни въ юности, ни въ старости.

Искусство Цицерона.

Мы должны себѣ отдавать въ этомъ отчетъ, желая правильно оцѣнить ораторское искусство Цицерона. Античный ораторъ стремился не только убѣдить, его цѣлью было тронуть, потрясти, и вмѣстѣ съ тѣмъ доставить эстетическое наслажденіе. Люди же, слушавшіе Цицерона, представляли изъ себя элементъ самъ по себѣ впечатлительный, но, съ одной стороны, огрубѣвшій послѣ пережитой травли людей, съ другой стороны, избалованный утонченнымъ ораторскимъ искусствомъ, и покоримый лишь сильными эффектами. Этимъ объясняются всѣ преувеличенія; Цицеронъ всегда говоритъ повышеннымъ тономъ, нагромождая превозносящія и порицающія превосходныя степени, истинный смыслъ которыхъ былъ, конечно, въ дѣйствительности гораздо болѣе блѣднымъ, подобно опредѣленнымъ формальнымъ оборотамъ въ нашемъ стилѣ писемъ. Обиліе изысканныхъ метафоръ и искусственныхъ пріемовъ придаетъ рѣчи блескъ, порою ослѣпляющій. Ораторъ прибѣгаетъ къ восклицаніямъ и вопросамъ, мольбамъ и угрозамъ, заклинаніямъ и проклятіямъ, игрѣ словъ и остроумнымъ намекамъ, обращенію къ отсутствующимъ лицамъ, діалогу съ противникомъ, которому онъ возражаетъ то съ притворнымъ добродушіемъ, то съ ѣдкой ироніей. Разнообразіе метафоръ, сравненій и примѣровъ, часто витіевато разсказанныхъ, неизсякаемо. Къ этому присоединяется ритмичность языка, которую мы цѣнить не умѣемъ и въ чтеніи про себя не улавливаемъ. Лишь наше время принялось за изученіе „ритмическихъ клаузулъ“, выдѣляющихъ опредѣленнымъ ритмомъ, главнымъ образомъ, концы періодовъ и предложеній; строго отличаясь отъ стихотворнаго ритма, онѣ переносятъ его гармоническую плавность на прозаическую рѣчь.

Всѣ эти особенности Цицероновской рѣчи сливались на ораторской трибунѣ въ чарующую симфонію, эффекту которой содѣйствовали увле-

кательное произнесеніе рѣчи и выразительность жестовъ, „краснорѣчіе тѣла“, какъ выражается Цицеронъ. Парламентскія рѣчи и великопостныя проповѣди въ Италіи даютъ намъ нѣкоторое представленіе объ этой эффектности. Живое слово сглаживало растянутость рѣчей. Для насъ многія изъ нихъ не только ничего бы не потеряли отъ значительнаго сокращенія, но даже выиграли бы; римляне же наслаждались этимъ неизсякаемымъ потокомъ краснорѣчія, величественными, стройными періодами, произносимыми ораторомъ съ логичностью и законченностью. Ибо Цицерону принадлежитъ слава изобрѣтенія и виртуознаго усовершенствованія этой художественной формы рѣчи.

Содержаніе.

Въ законченномъ искусствѣ ф о р м ы, далеко не достигнутомъ нами, коренится вѣчная цѣнность рѣчей Цицерона; она придаетъ с о д е р ж а н і ю жизненность и колоритность. Цицеронъ рисуетъ событія, съ поразительной непосредственностью оживляя картину мастерской группировкой и богатымъ разнообразіемъ. Въ Верринахъ передъ нами тянется длинный рядъ безотрадныхъ и однообразныхъ фактовъ, тѣмъ не менѣе вниманіе не утомляется. Больше этого! Мы невольно покоряемся образу мыслей оратора; мы забываемъ партійность его взгляда на вещи, его тенденцію часто умалчивать существенное и многое искажать; мы склонны ему вѣрить, когда онъ изображаетъ своего кліента идеаломъ невинности, а обвинителя тяжкимъ злодѣемъ; мы невольно ликуемъ, когда онъ въ своей находчивости превращаетъ мимолетное замѣчаніе противника въ улику противъ него же, когда онъ его лишаетъ одной точки опоры за другой, уничтожая его, наконецъ, ловко разсчитаннымъ ударомъ.

Риторическія сочиненія.

2. Р и т о р и ч е с к і я с о ч и н е н і я. Теоретическія сочиненія Цицерона, какъ спеціалиста въ краснорѣчіи, имѣютъ особенно высокое значеніе. Къ нимъ относятся три книги Цицерона объ ораторѣ, лучшее созданіе его литературнаго творчества.

Риторика, посвященная Геренію.

Къ числу болѣе раннихъ произведеній этого вида относится риторика, написанная неизвѣстнымъ авторомъ около 85 года и посвященная молодому другу автора Г е р е н н і ю. Римское ораторское искусство всегда находилось подъ вліяніемъ греческаго; тѣмъ лучшее впечатлѣніе производитъ самостоятельность нашего автора. Онъ категорически отвергаетъ изысканныя тонкости чужеземныхъ риторовъ и вообще все несущественное. По его мнѣнію, достаточно овладѣть элементами риторики; все остальное достигается практикой. Онъ принципіально переводитъ всѣ техническія выраженія на латинскій языкъ и заимствуетъ примѣры изъ римскихъ образцовъ. Такимъ образомъ, авторъ вполнѣ достигаетъ поставленной имъ себѣ цѣли дать „краткое и ясное“ руководство риторическаго искусства. Нѣкоторое время спустя Цицеронъ принимается за созданіе обширной риторики, ограничившейся, однако, книгами „объ изобрѣтеніи“. Хотя это сочиненіе и несамостоятельно, оно имѣло большое значеніе въ средніе вѣка.

Гермагоръ.

Съ исчезновеніемъ истиннаго искусства краснорѣчія въ греческомъ мірѣ, школьная риторика дѣлаетъ все болѣе усердныя попытки теоретическаго построенія системы ораторскаго искусства; сухая схематичность этихъ попытокъ не могла однако научить главному—наполненію формъ содержаніемъ. Незадолго до рожденія Цицерона уроженецъ

Малой Азіи Гермагоръ вырабатываетъ рядъ теоретическихъ предписаній объ изобрѣтеніи матеріала и его группировкѣ, объ абстрактныхъ вопросахъ и конкретныхъ случаяхъ, объ установленіи тезисовъ спора, объ интерпретаціи законовъ и о доказательствахъ, о вступительномъ и заключительномъ словѣ, и о безчисленныхъ средствахъ украшенія рѣчи.

Въ противовѣсъ этой очень популярной системѣ Цицеронъ съ самаго начала своей дѣятельности доказываетъ глубочайшій вредъ и безполезность ораторскаго искусства, лишеннаго мудрости. Основываясь на болѣе древнихъ ораторахъ, онъ приходитъ къ заключенію, что истинное искусство есть даръ природы, и что оно должно возвратиться къ ея простотѣ, что сила искусства коренится въ гармоническомъ созвучіи формы и содержанія. „Лишь богатство содержанія порождаетъ богатство рѣчи“. Тотъ, кто посвящаетъ себя ораторскому искусству, долженъ, пріобрѣтя техническія знанія, уйти въ жизнь. „Его высшая школа—форумъ, его учителя—практическая дѣятельность, законы, государственныя учрежденія и обычаи предковъ“. Только тотъ достоинъ имени оратора, кто способенъ говорить обо всемъ, въ умной, стройной, красивой рѣчи, импровизируя и сопровождая ее соотвѣтствующими жестами. Ораторъ долженъ обладать нравственнымъ достоинствомъ, всесторонним образованіемъ. Ему необходимо быть посвященнымъ въ философію, чтобы вѣрно взвѣшивать и направлять аффекты; для него неизбѣжно знакомство съ поэтами и историками, всестороннее изученіе юридическихъ наукъ. Съ другой стороны, менѣе притязательный Антоній задаетъ въ діалогѣ объ ораторѣ Крассу, предъявляющему эти высокія требованія, вопросъ, когда же занятому оратору заниматься всѣми перечисленными предметами? Настолько же умѣстно, однако, замѣчаніе, что Цицеронъ-Крассъ въ этихъ діалогахъ скорѣе развиваетъ общій идеалъ высшаго образованія (въ составъ котораго въ то время входило и краснорѣчіе), чѣмъ даетъ научное опредѣленіе ораторскаго искусства. Эти недостатки, впрочемъ, сглаживаются искуснымъ построеніемъ книги, заслуживающимъ высшей похвалы. Вмѣсто отвлеченной схемы авторъ приводитъ рядъ интересныхъ разговоровъ, полныхъ индивидуальной живописи, въ которыхъ онъ достойнымъ образомъ увѣковѣчилъ память двухъ великихъ ораторовъ, современниковъ (ср. стр. 403). Объ ораторѣ

Въ помѣстьѣ Красса незадолго до смерти владѣльца (91) собирается изысканное общество, развлекающееся бесѣдами то подъ старымъ платаномъ, то въ портикѣ, то наконецъ въ тѣнистомъ паркѣ. Это общество состоитъ изъ обоихъ признанныхъ ораторовъ, идеалиста Красса, проникнутаго духомъ эллинской культуры, опытнаго практика, Антонія, двухъ любознательныхъ молодыхъ людей, пріобрѣвшихъ уже славу хорошихъ ораторовъ, и нѣкоторыхъ искусно подобранныхъ второстепенныхъ лицъ, принимающихъ участіе въ бесѣдѣ. Центръ составляютъ разсужденія двухъ главныхъ ораторовъ, нигдѣ, однако, не теряющія изъ виду своихъ слушателей. Контрастъ характеровъ, отражающійся и на рѣчахъ ораторовъ, естественно влечетъ за собой

разностороннее освѣщеніе спорныхъ пунктовъ, безъ заключенія во всѣхъ случаяхъ со стороны Цицерона. Систематическое схематизированіе матеріала замѣняется свободнымъ расположеніемъ его, строго разсчитаннымъ, несмотря на всю кажущуюся случайность. Ораторы не останавливаются передъ своими слушателями на общихъ избитыхъ теоретическихъ правилахъ, они углубляются лишь въ интересующіе ихъ вопросы. Злободневные намеки, тревога за политическое положеніе, упоминанія главныхъ процессовъ нашихъ ораторовъ и рядъ примѣровъ изъ окружающей жизни вносятъ въ діалогъ живую струю жизни: словомъ, на основѣ греческой теоріи ораторскаго искусства возникаетъ чисто-римское произведеніе, рядомъ съ которымъ нельзя поставить ни одного эллинистическаго.

Брутъ.

Впослѣдствіи (46) Цицеронъ, защищаясь отъ нападокъ новоаттиковъ, пишетъ второе риторическое сочиненіе, которое онъ посвящаетъ своему другу Бруту, сторонніку упомянутаго направленія (ср. рис. 232). Въ „Брутѣ“ Цицеронъ сначала излагаетъ исторію римскаго краснорѣчія. Онъ усердно пытается оживить характеристикой многочисленныя имена ораторовъ древней эпохи, заключая длинный рядъ ихъ своимъ собственнымъ, какъ завершителя развитія риторики. Въ „Брутѣ“ передъ нами первое удобочитаемое литературно-историческое сочиненіе римлянъ, въ которомъ насъ больше всего интересуетъ конецъ: въ немъ мы встрѣчаемъ первую попытку глубокаго самоанализа писателя, рисующаго ходъ своего собственнаго развитія и свою характеристику. Вплоть до Августина подобная попытка остается единственной въ своемъ родѣ.

Рис. 232. Такъ наз. ЮНІЙ БРУТЪ.
Римъ. Дворецъ консерваторовъ.
По Arndt, «Porträts», табл. 445.
Bruckmann, A.-G. München, phot.

Ораторъ.

Въ „Ораторѣ“ Цицеронъ характеризуетъ идеалъ совершеннаго оратора, обязаннаго владѣть всѣми стилями и примѣнять ихъ въ соотвѣтствующій моментъ. Этого идеала не всегда достигалъ даже Демосѳенъ, но Цицеронъ даетъ понять, что онъ самъ близокъ къ нему. Для современнаго читателя, начинающаго различать индивидуальную «мелодію языка“, присущую каждому писателю, особенно интересны изслѣдованія ритма; слова, обращенныя къ Бруту, и насъ погружаютъ въ раздумье: „Какія это уши у людей, не улавливающихъ ритмичности рѣчи!“

Философскія произведенія.

Оцѣнка.

3. Философскія произведенія Цицерона одними осуждались какъ неудачныя попытки дилетанта, „написавшаго въ теченіе немногихъ мѣсяцевъ цѣлую философскую библіотеку“, другими превозносились какъ великій культурный подвигъ. Если послѣднее вѣрно, то

и первое не вполнѣ лишено основанія; все зависитъ отъ точки зрѣнія, съ которой мы производимъ оцѣнку. Цицеронъ не удовлетворитъ философа спеціалиста, который обвинитъ его въ томъ, что онъ всю свою мудрость черпаетъ изъ чужого источника, при чемъ не прибѣгаетъ къ Платону и Аристотелю, а утоляетъ свою жажду знанія въ болѣе доступныхъ и мутныхъ родникахъ эпигоновъ. Слѣдуя пріему античныхъ писателей, Цицеронъ не называетъ своихъ источниковъ; приводя длинное разсужденіе, не принадлежащее его перу, Цицеронъ только тогда называетъ имя цитируемаго автора, когда порицаетъ его за противорѣчивость или сомнительность его выводовъ. Цицерона обвиняютъ въ совершенномъ непониманіи глубокихъ идей предшествовавшихъ мыслителей, шаткости и необоснованности личнаго мнѣнія. Онъ не обогатилъ науку ни единой оригинальной спекуляціей, обвиненіе, относящееся впрочемъ почти ко всей римской философіи.

Всѣ эти упреки не лишены основанія. Однако, Цицеронъ не философъ въ строгомъ смыслѣ слова, онъ высокопросвѣщенный дилеттантъ, видѣвшій въ философіи самую существенную основу истинной образованности; поэтому онъ въ нее погружается съ увлеченіемъ, очень рѣдко встрѣчаемымъ въ наше время; какъ римлянинъ, проникнутый духомъ утилитаризма, Цицеронъ стремится сдѣлать ее достояніемъ человѣчества. Труды Цицерона знакомятъ насъ—и въ этомъ ихъ главная культурно-историческая цѣнность—съ силой вліянія греческой философіи, господствовавшей въ то время, и отраженіемъ ея въ такихъ умахъ, какъ Цицеронъ. Со многими эллинистическими источниками Цицерона мы ближе знакомимся лишь благодаря ему.

Эклектицизмъ.

Цицеронъ былъ прирожденнымъ эклектикомъ. Воззрѣніе новой Академіи, удовлетворявшейся „вѣроятностью“ (стр. 408), всецѣло соотвѣтствовало всему его существу. Оно давало ему право черпать изъ разнородныхъ философскихъ системъ то, что наиболѣе отвѣчало его основнымъ нравственнымъ принципамъ. Не чистое познаніе является самоцѣлью Цицерона, а практическая этика. Она благодѣтельница человѣчества, она утѣшительница въ печали, она ведетъ человѣка, ведетъ по пути благородной и достойной жизни. Ученіе Эпикура (стр. 103) не могло служить основой подобной жизни. Передъ умственнымъ взоромъ Цицерона стоялъ идеалъ стоическаго мудреца, возвышенный и достойный преклоненія; глубоко зная жизнь, Цицеронъ отдавалъ себѣ отчетъ въ недосягаемости этого идеала въ тѣ тревожныя времена. Тѣмъ убѣжденнѣе придерживался онъ основныхъ принциповъ стоическаго ученія, слѣдуя которымъ только жизнь, сообразная съ природой, разумна, и добродѣтель—высшее благо.

Моральная точка зрѣнія.

Это убѣжденіе, однако, сложилось у Цицерона на совершенно иной почвѣ. Въ душѣ его возникаетъ непоколебимая вѣра въ суще-

ствованіе мудраго божества, царящаго надъ міромъ, въ безсмертіи человѣческой души, представляющей собой эманацію этого божества; поэтому сама природа вселила въ нее стремленіе къ добру, несмотря на всѣ низкія склонности ея. Съ философской точки зрѣнія это разсужденіе не отличалось логичностью; тѣмъ не менѣе, такое заключеніе Цицерона являлось спасительнымъ, и позднѣйшія поколѣнія были ему за него благодарны. Цицеронъ спасаетъ ученіе о нравственности, которое не можетъ довольствоваться простой „вѣроятностью“, отъ философской полемики и омертвѣвшей оффиціальной религіи, основывая его на твердой базѣ непосредственнаго нравственнаго самосознанія, живого въ каждомъ человѣкѣ и углубляющагося съ развитіемъ его. Итакъ, оградить жизненный путь отъ испытаній, невзгодъ и печалей — во власти человѣка; въ немъ самомъ источникъ счастья, котораго у него никто отнять не можетъ. Эта „философія здраваго человѣческаго разума“ никогда не устарѣетъ, она могла бы и въ наше матеріалистичное время многихъ вернуть на путь истины, если бы они довѣрились направляющей рукѣ Цицерона.

Художественная форма.

Однако, и эта философская религія покоряетъ міръ лишь благодаря опредѣленной формѣ, въ которую ее облекъ Цицеронъ. Авторъ самъ приписываетъ ей величайшее значеніе. Онъ только того философа считаетъ совершеннымъ, который способенъ глубокомысленно и краснорѣчиво говорить на самыя возвышенныя темы. Цицеронъ сознавалъ, что наука, которая большинству казалась слишкомъ трудной, многимъ ненужной, нѣкоторымъ даже вредной, только благодаря прекрасной формѣ могла покорить его соотечественниковъ. Поэтому Цицеронъ избираетъ форму діалога, которую, однако, нигдѣ не проводитъ въ чистомъ видѣ; послѣ вступительнаго обмѣна мнѣній слѣдуютъ длинныя рѣчи, подобно діалогамъ Аристотеля. Благодаря этому литературному пріему изложеніе сложнаго матеріала принимаетъ характеръ непринужденной бесѣды, которая читается легко и просто. Противорѣчивыя мнѣнія представителей разнородныхъ философскихъ системъ вдохновляли читателя къ сравненію и критикѣ. Разумѣется, авторъ далекъ отъ несравненнаго искусства Платоновскаго Сократа, возбуждающаго творческую мысль читателя. Самое цѣнное въ этихъ діалогахъ трактовка детальныхъ вопросовъ. Эти „бѣгло набросанныя“ сочиненія Цицерона обнаруживаютъ всю покоряющую силу его чарующей рѣчи, хотя онъ въ нихъ воздерживается отъ риторической искусственности, или, быть можетъ, именно благодаря этому. Мы только въ рѣдкихъ случаяхъ чувствуемъ всю трудность передачи на латинскомъ языкѣ богатства мысли греческой философіи, съ ея установившейся терминологіей: такъ мастерски разрѣшаетъ Цицеронъ эту задачу. Ходъ логическаго разсужденія, часто неудовлетворительнаго, прерывается и оживляется то поэтической ци-

татой, то граціозно вплетеннымъ эпизодомъ изъ жизни древняго или новаго времени. Популярнымъ изложеніемъ вопроса (въ лучшемъ смыслѣ этого слова) Цицеронъ умѣетъ заинтересовать читателя. Это его главная цѣль; но осуществилась она въ полной мѣрѣ не въ его время, а въ значительно болѣе позднюю эпоху.

Вліяніе на позднѣйшія поколѣнія.

Дилеттантъ-философъ въ теченіе многихъ столѣтій пробуждалъ и поддерживалъ интересъ къ философіи—это иронія судьбы, но тѣмъ не менѣе истина,—онъ долгое время былъ единственнымъ, впослѣдствіи же главнымъ посредникомъ греческой мудрости. Сначала ожесточенно преслѣдуемый христіанствомъ, впослѣдствіи въ единеніи съ нимъ, Цицеронъ заронилъ въ человѣчество сѣмена истинной гуманности и глубокой религіозности. Почти каждое сочиненіе великихъ отцовъ церкви ясно подтверждаетъ это. Глубокое впечатлѣніе, произведенное на Августина Цицероновскимъ Гортенсіемъ, даетъ первый толчокъ къ его внутреннему перерожденію. Со временъ Возрожденія Цицеронъ является учителемъ молодежи, дѣлающей свои первые неувѣренные шаги въ отвлеченной области философіи.

Политическія сочиненія.

Степень цѣнности философскихъ сочиненій Цицерона очень разнородна. Кромѣ книгъ объ ораторѣ, проработанностью и законченностью отличаются политическія сочиненія Цицерона, возникшія вскорѣ послѣ нихъ и причисляемыя авторомъ къ философскимъ. Въ сохранившихся только частями сочиненіяхъ о государствѣ (о лучшей формѣ государственнаго строя) и о законахъ, кромѣ богатства свѣдѣній, интересенъ ихъ типично римскій характеръ. Трудъ о государствѣ знакомитъ насъ съ кружкомъ Сципіона Младшаго, передъ которымъ Цицеронъ преклонялся, какъ передъ идеаломъ просвѣщеннаго римлянина. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ являлся Сципіонъ; трудъ заканчивался „Сномъ Сципіона“ (по Посидонію), полнымъ настроенія; за преданное служеніе отчизнѣ въ немъ пророчится высшее возмездіе—безсмертіе.

Философскія сочиненія.

Цицеронъ точно предчувствуетъ надвигавшійся конецъ жизни и работы; въ послѣдніе годы ея онъ лихорадочно трудится днемъ и ночью, ставя себѣ цѣлью обработать и изложить всѣ философскія системы. Произведенія этого періода носятъ отпечатокъ бѣглости; блестящимъ доказательствомъ работоспособности Цицерона служатъ Тускуланскія бесѣды, которыя были написаны въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Насколько мы въ состояніи судить объ этихъ произведеніяхъ, они не представляютъ изъ себя лишь „Apographa“ греческихъ авторовъ, облеченныя въ неизсякаемый потокъ Цицероновскаго краснорѣчія, хотя самъ авторъ въ одномъ изъ писемъ къ Аттику даетъ имъ именно такое опредѣленіе.

Наименѣе удачны спекулятивныя изслѣдованія Цицерона какъ, напр., трактатъ „о природѣ боговъ“. Его сочиненіе „о высшемъ благѣ и высшемъ злѣ“ написано лучше и съ большей живостью. Цицеронъ больше всего увлекается вопросами нравственной философіи. Въ „Тускуланскихъ бесѣдахъ“ онъ описываетъ путь къ истинному счастью мудреца, осуществляющаго въ жизни добродѣтель, не знающаго ни страха смерти, ни страданія, ни печали, ни другихъ душевныхъ волненій. Въ трудѣ „объ обязанностяхъ“, далеко не выдерживающемъ научной критики и тѣмъ не менѣе оказавшимъ такъ много благотворнаго вліянія, Цицеронъ доказываетъ, какъ человѣкъ, со всѣми своими добрыми и злыми склонностями, можетъ принести общественную пользу, какъ онъ при серьезномъ желаніи можетъ выйти побѣдителемъ

въ борьбѣ, часто возникающей между требованіями нравственнаго закона и личной выгоды. Особенно удаченъ небольшой трактатъ Цицерона „О старости“, который охотно читаешь и перечитываешь. Въ немъ Цицеронъ, устами 84-хлѣтняго Катона, какъ достойнѣйшаго представителя бодрой старости, въ утѣшеніе себѣ и другимъ доказываетъ несправедливость упрековъ, дѣлаемыхъ обыкновенно старческому возрасту.

Письма. 4. Наконецъ, письма Цицерона по формѣ и содержанію занимаютъ совершенно исключительное положеніе. Ученый, работающій надъ обширнымъ матеріаломъ античной художественной прозы, отдыхаетъ, читая Цицерона и его друзей, пишущихъ непринужденно и „по-плебейски“ — какъ выразился однажды Цицеронъ, — избѣгая искусственныхъ выраженій и періодовъ литературнаго языка. Передъ нами великій ораторъ въ домашнемъ халатѣ, изъ подъ котораго лишь изрѣдка виднѣется сенаторская тога. Послѣднее обыкновенно обнаруживается въ письмахъ къ друзьямъ и покровителямъ, которыя могли быть прочтены посторонними лицами. Въ письмахъ къ своему другу Аттику, всегда готовому помочь и посовѣтовать, Цицеронъ пишетъ безъ всякой принужденности. Эти довѣрчивыя и почти безсознательныя признанія отражаютъ не образы поэтической фантазіи (подобно комедіи), а великую историческую личность, со всѣми ея сокровенными свѣтлыми и достойными сторонами и большими недостатками. Переписка Цицерона представляетъ изъ себя цѣнный культурно-историческій источникъ, хотя и основанный на злоупотребленіи чужой тайной; самъ Цицеронъ при случаѣ осуждаетъ подобное злоупотребленіе частной перепиской, называя его оскорбленіемъ „гуманности“: „Сколько шутокъ должны казаться нелѣпыми внѣ интимнаго круга, къ которому онѣ обращены, сколько серьезныхъ словъ не предназначено для гласности“. То же относится къ тайной душевной борьбѣ, упадку духа, въ которыхъ каешься исключительно передъ другомъ. Поэтому всѣ тѣ, кто немилосердно анализируетъ личность Цицерона на основаніи этихъ интимныхъ источниковъ, должны учитывать всю исключительность ихъ характера.

Эти письма заключаютъ въ себѣ не только характеристику Цицерона. Когда Аттикъ довѣрилъ Корнелію Непоту 11 томовъ тщательно хранимыхъ имъ писемъ Цицерона, послѣдній былъ пораженъ открытіемъ въ нихъ связной исторіи эпохи. Для насъ она имѣетъ еще бо́льшее значеніе. Благодаря письмамъ Цицерона къ его другу мы можемъ слѣдить, часто день за днемъ, не только за дѣятельностью руководящихъ политиковъ того времени, но даже за ихъ мыслями и планами; кромѣ того тѣ-же письма позволяютъ намъ непосредственно заглянуть въ частный обиходъ многихъ лицъ и даютъ намъ представленіе объ оживленномъ темпѣ интеллектуальной жизни общества.

Цицеронъ самъ намѣревался издать часть своихъ избранныхъ писемъ при помощи своего вѣрнаго отпущенника и секретаря М. Туллія Тирона, по имени кото-

раго древніе стенографическіе знаки были названы Тироновскими. Черновики важнѣйшихъ писемъ хранились въ домашнемъ архивѣ; остальныя письма, сохранявшіяся друзьями Цицерона или курсировавшія въ копіяхъ, были собраны и систематизированы. Такимъ путемъ возникли обширныя коллекціи писемъ къ друзьямъ; письма къ Аттику изданы значительно позднѣе и долгое время оставались незамѣченными благодаря простотѣ своей формы, тогда какъ остальныя служили образцами стиля. Вновь открытыя Петраркой, онѣ только въ послѣднее время оцѣнены по достоинству.

Выводы.

О б з о р ъ. Болѣе всего поражаетъ насъ въ Цицеронѣ универсальность его творчества. Имъ руководило серьезное намѣреніе овладѣть всѣмъ содержаніемъ эллинистической культуры и пріобщить къ ней родной народъ. Онъ достигаетъ цѣли, къ которой столѣтіемъ раньше стремился Сципіонъ. Чистая наука ея бы не осуществила; она была чужда Цицерону, мы не должны искать ея въ его трудахъ. Практическій умъ Цицерона побуждалъ его схватывать и использовать все, что встрѣчалъ его умственный взоръ. Его сила коренилась, безъ сомнѣнія, въ его формальномъ талантѣ. Сравненіе съ Варрономъ (стр. 412 слл.) показываетъ намъ, какъ колоссально было то, что создано было въ области стиля и формы однимъ человѣкомъ. Цицеронъ является не болѣе, не менѣе, какъ создателемъ классической латыни, оказавшимъ косвенное вліяніе на развитіе романскихъ языковъ, и положительное и отрицательное воздѣйствіе даже на нашъ родной языкъ. Разумѣется, искусному построенію Цицероновскаго періода предшествовало долгое развитіе языка, но Цицеронъ придаетъ ему прозрачность и законченность. Богатство и гибкость его рѣчи поразительны. Въ выборѣ выраженій онъ необычайно внимателенъ, отклоняя устарѣвшіе и вульгарные формы и обороты, охраняя латынь отъ внѣдренія въ нее греческихъ словъ. Его собственныя письма свидѣтельствуютъ намъ о томъ, какъ велика была эта опасность въ средѣ интеллигенціи, владѣвшей обоими языками. Цицеронъ придаетъ прозаической латыни всю ея своеобразную прелесть, строго отличающуюся отъ поэтической.

Воздѣйствіе на будущія поколѣнія.

Недавно ученый знатокъ посвятилъ подробный трудъ Цицерону и силѣ его вліянія на духовное развитіе человѣчества въ „смѣнѣ вѣковъ“. Его слѣды живы всюду: при сродненіи христіанства съ античнымъ міромъ, въ эпоху возрожденія, въ гуманизмѣ, въ англійской философіи и во французскомъ просвѣщеніи, всюду неожиданно обнаруживаются слѣды его мысли. Въ наше время многіе считаютъ Цицерона похороненнымъ; его хоронили не разъ, тѣмъ не менѣе онъ все снова возрождался, все снова воскресалъ къ новой жизни.

7. ЦЕЗАРЬ И САЛЛУСТІЙ

Историографія.

Въ эпоху многообразія живыхъ историческихъ переживаній широко разростался интересъ къ ихъ увѣковѣченію. Безплодная анна-

листика наконецъ вымираетъ (стр. 402), открываются новые пути. Въ интеллигентныхъ кругахъ общества возникаетъ потребность въ краткомъ связномъ руководствѣ по всемірной исторіи. Вліяніе выдающихся личностей на ходъ историческихъ событій углубляетъ самосознаніе и пробуждаетъ интересъ къ исторической біографіи, при чемъ римляне, исполненные національной гордости, любятъ сопоставлять своихъ дѣятелей съ греками; нѣкоторые политическіе дѣятели сами стремятся отдать міру отчетъ въ своихъ дѣлахъ и намѣреніяхъ. На первый планъ выдвигается современная исторія. Отъ этой эпохи нѣкоторые историческіе труды дошли и до насъ, и мы должны быть вполнѣ довольны выборомъ, произведеннымъ традиціей.

Непотъ. Правда, популярный Корнелій Непотъ (около 99—25) не можетъ претендовать на имя историка. Онъ былъ собирателемъ матеріала, подобно Варрону (стр. 413 слл.), но уступалъ ему въ учености. По свидѣтельству его земляка Катулла, посвятившаго ему свои стихотворенія, Непотъ былъ первымъ италикомъ, отважившимся изложить всемірную хронику въ трехъ книжныхъ свиткахъ. Хронологія, правда, его слабѣйшая сторона; онъ пользуется хроникой Аполлодора (стр. 144), въ которую вставляетъ событія римской исторіи. Непота превосходитъ его другъ Аттикъ, охватывающій въ одной книгѣ лѣтопись семи столѣтій, за исключеніемъ доисторической эпохи. Цицерону, которому авторъ ее посвящаетъ, и многимъ другимъ оба труда служили удобнымъ руководствомъ по лабиринту исторіи.

Въ своемъ собраніи популярныхъ біографій знаменитыхъ дѣятелей Непотъ знакомитъ широкіе общественные круги съ выдающимися людьми чужихъ странъ, главнымъ образомъ, Греціи, противопоставляя имъ римскихъ дѣятелей. Онъ сопоставляетъ по группамъ римскихъ и чужеземныхъ царей, полководцевъ, государственныхъ дѣятелей, поэтовъ и т. д. Сохранилась книга о чужеземныхъ полководцахъ и римскихъ историкахъ—Катонѣ и Аттикѣ. Онѣ свидѣтельствуютъ о полной несостоятельности Непота. Уже выборъ его поражаетъ насъ; изложеніе небрежно и не лишено грубыхъ ошибокъ, нигдѣ не давая сколько-нибудь законченной характеристики. Благодаря искреннему стремленію автора наградить похвалой все достойное ея и произвести нравственное воздѣйствіе на читателя, его книжка все еще продолжаетъ пользоваться популярностью. Замѣчательна біографія Аттика, написанная съ теплотой и любовью. Въ ней рисуется образъ глубоко-просвѣщеннаго, богатаго частнаго человѣка, который стоялъ въ сторонѣ отъ политической жизни, но тѣмъ не менѣе поддерживалъ живую связь съ представителями самыхъ разнообразныхъ партій, никому не отказывая въ дружественной готовности помочь.

Мнѣніе Непота о Цицеронѣ, какъ объ единственномъ человѣкѣ,

могущимъ достойно писать исторію, освѣщаетъ пониманіе Непотомъ задачи историка; наука, по его мнѣнію, должна больше государства оплакивать смерть Цицерона. Къ счастью оба великихъ историка этой эпохи, ничего не имѣя между собой общаго, въ одномъ оказались единодушными — они молча и сознательно не пошли по стопамъ Цицерона, какъ историка.

Цезарь.

Г. Юлій Цезарь (100—44), жизнь котораго мы не описываемъ, такъ какъ это задача исторіи, возбуждаетъ наше удивленіе не только какъ полководецъ и государственный дѣятель, онъ поражаетъ насъ и разносторонностью своего образованія, и многообразіемъ своего духа. Онъ достигалъ всего, чего хотѣлъ. Поэзія была чужда его „геніальной трезвости“; однако, мѣткую литературную критику онъ умѣлъ формулировать и въ стихахъ. Мощью своей рѣчи, которую Фронтонъ просто называетъ „императорской“, Цезарь покоряетъ сенатъ, народъ и войско, и мы это вполнѣ понимаемъ. Мало того, неутомимый Цезарь во время одного изъ переходовъ черезъ Альпы написалъ грамматическое сочиненіе объ аналогіи (стр. 413), а послѣ самоубійства Катона онъ въ лагерѣ пишетъ полемическій трактатъ о преувеличенной славѣ „послѣдняго республиканца“, котораго не переставали осыпать панегириками ни въ моментъ его смерти, ни позднѣе. Во время галльскихъ походовъ Цезарь продолжаетъ свой сборникъ остроумныхъ изреченій; Цицеронъ считаетъ его способнымъ отличить подлинную остроту Цицерона отъ ложно приписанной ему. Исторія своихъ войнъ, написанная Цезаремъ, примыкаетъ къ сочиненіямъ автобіографическаго характера, вызваннымъ стремленіемъ выдающихся дѣятелей освѣтить свою политическую роль, но среди нихъ она занимаетъ совершенно исключительное положеніе. Диктаторъ Сулла въ концѣ своей дѣятельности пишетъ подробные мемуары. Умаляя въ нихъ по возможности своихъ противниковъ, онъ въ гордой, тонко обдуманной скромности, приписываетъ собственные успѣхи особому покровительству богини судьбы Tyche, открывавшей будущее любимцу боговъ, „вѣнчая успѣхомъ даже

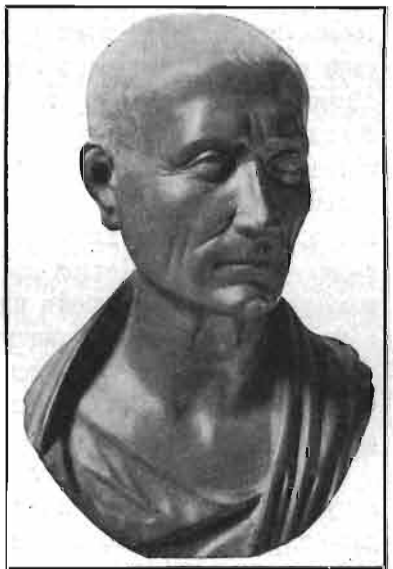

Рис. 233. ЦЕЗАРЬ.
Базальтовый бюстъ въ Берлинѣ.
По фотографіи.
Не доказано, но по многимъ соображеніямъ возможно, что эти одухотворенныя черты, трактованныя съ неумолимымъ реализмомъ и поразительнымъ мастерствомъ — черты Цезаря.

тѣ его шаги, которые онъ предпринималъ, не слѣдуя разуму своему, а просто расчитывая на счастье". И Цезарь считалъ себя любимцемъ боговъ, но какая разница въ описаніи имъ своихъ подвиговъ!

Галльская война.

Его комментаріи о Галльской войнѣ представляютъ изъ себя чисто военный отчетъ намѣстника и полководца, который дается римскому народу и говоритъ о семилѣтней борьбѣ за покореніе Галліи, закончившейся въ 52 году побѣдой надъ Верцингеторигомъ. Цезарь повѣствуетъ отъ третьяго лица, что придаетъ его труду характеръ полной объективности; его сочиненіе нигдѣ не обнаруживаетъ, что тотъ Цезарь, который, при помощи ловкой дипломатіи, разумно и смѣло совершаетъ свое великое дѣло,—самъ авторъ. Онъ описываетъ ходъ событій трезво, дѣловито и до навязчивости ясно (вспомнимъ излишнія повторенія словъ въ изложеніи, которое вообще отличается краткостью). Съ живой картинностью, которой такъ бѣдны другіе авторы, рисуетъ онъ схватки, рѣшающія битвы, побѣды и пораженія, передавая всѣ топографическія подробности. Мы видимъ возникновеніе Рейнскаго моста, мы переживаемъ экспедицію Цезаря въ Британію, борьбу его съ океаномъ и съ воинственнымъ населеніемъ при высадкѣ на берегъ, мы узнаемъ жизнь и нравы галловъ и германцевъ, насколько авторъ могъ съ ними ознакомиться. Особенно интересна описанная въ седьмой книгѣ упорная борьба Цезаря съ единственнымъ противникомъ, достойнымъ его, вождемъ арверновъ, Верцингеторигомъ.

Характеристика.

Цицеронъ, высоко ставившій въ Цезарѣ „безъискуственную и ясную краткость", видѣлъ въ этомъ трудѣ только сырой матеріалъ для будущаго историческаго произведенія; мы же думаемъ, что всякая литературная обработка обезцвѣтила бы впечатлѣніе отъ этихъ говорящихъ сами за себя подвиговъ. Мы слышимъ тяжелый шагъ мѣдныхъ легіоновъ, порабощающихъ несчастную страну, дѣйствующихъ какъ орудіе строгой неизбѣжности, единой все-покоряющей воли. Описаніе лично пережитаго и лично достигнутаго проникнуто живой силой и свѣжестью, которую мы ощущаемъ особенно непосредственно, сравнивая Цезаря съ безцвѣтностью и блѣдностью его продолжателей. Мы вполнѣ понимаемъ, что Цезарю, признававшему всѣ достоинства Цицерона, стиль его былъ внутренне чуждъ. Если поэтому Цезаря въ противоположность Цицерону называютъ представителемъ новоаттическаго стиля (стр. 421), то ясно, что онъ его придерживается вполнѣ сознательно. Событія, быстро слѣдующія одно за другимъ, разсказываются въ короткихъ, отрывистыхъ предложеніяхъ; съ другой стороны, ужасный переполохъ двѣнадцатаго легіона въ битвѣ съ нервіями въ моментъ появленія самого „Цезаря" отражается въ безконечно-длинномъ періодѣ. Однако, стиль Цезаря не является результатомъ опредѣленнаго художественнаго принципа, онъ непосредственно обусловливается его темпераментомъ. Цезарь

писалъ такъ, какъ это было ему свойственно, даже тамъ, гдѣ бы мы желали его видѣть инымъ. Не слѣдуетъ ждать отъ него пониманія галловъ, жаждавшихъ отстоять свою свободу; онъ остается холоднымъ до глубины сердца, описывая мужественное самопожертвованіе Верцингеторига или трагическую гибель Помпея.

Тенденція.

Сознательное искусство его повѣствованія сказывается (подобно Anabasis Ксенофонта) не столько въ его стилѣ, сколько въ преслѣдованіи совершенно опредѣленной тенденціи, нигдѣ не навязываемой читателю. Понятно, что, втайнѣ готовясь вершать судьбы римскаго народа, Цезарь желалъ убѣдить его въ величіи своихъ заслугъ; но наряду съ этимъ онъ обладаетъ поразительной способностью незамѣтно обосновывать и оправдывать тѣ свои планы и мѣропріятія, которые не встрѣчали въ Римѣ сочувствія или не увѣнчались успѣхомъ.

Значеніе.

Записки Цезаря—одно изъ замѣчательнѣйшихъ дошедшихъ до насъ произведеній. Онѣ для французовъ играютъ роль національной книги; намъ онѣ даютъ первыя достовѣрныя свѣдѣнія о характерѣ и бытѣ нашихъ предковъ и первыя живыя картины изъ ихъ исторіи, набросанныя очевидцемъ. Записки Цезаря изображаютъ событіе, всемірно-историческое значеніе котораго сказывается и понынѣ. Благодаря Цезарю Франція становится романской страной. Когда Цезарь появился въ Галліи, юный свѣжій народъ германцевъ, предводительствуемый вождями вродѣ Аріовиста, готовился смѣлымъ натискомъ покорить страну кельтовъ. Если бы Цезарь не остановилъ ихъ, быть можетъ, не существовало бы нынѣшней роковой непріязни между французами и нѣмцами. Всю эту борьбу намъ описываетъ человѣкъ, самъ ее задумавшій и самъ вышедшій изъ нея побѣдителемъ, напоминая намъ разсказъ нашего Мольтке о войнѣ съ Франціей, несмотря на все отличіе отъ него.

Гражданская война.

Такимъ же образомъ Цезарь въ запискахъ о гражданской войнѣ описываетъ свою рѣшительную борьбу съ Помпеемъ и его сторонниками, явно преслѣдуя при этомъ цѣль свалить вину этой борьбы и ея исхода на противниковъ. И этотъ трудъ, въ которомъ особенной ясностью и живостью отличается описаніе битвы при Фарсалѣ, замѣчателенъ, хотя онъ и не достигаетъ совершенства „Галльскихъ войнъ“. Продолжатель Цезаря, легатъ Гирцій, неохотно взявшій на себя послѣ Цезаря неблагодарную задачу описанія двухъ послѣднихъ лѣтъ войны въ Галліи (51 и 50), и полководцы, дурно ли хорошо ли увѣковѣчившіе дальнѣйшіе походы Цезаря, талантливостью не отличаются; но благодаря имъ мы имѣемъ подробныя свѣдѣнія современниковъ и историческіе матеріалы для великихъ войнъ 58—45 гг.

Саллюстій.

Послѣ гибели Цезаря возникаетъ ожесточенный споръ партій о личности и дѣятельности его, порождающій цѣлую литературу. Къ

этому кругу принадлежитъ, до извѣстной степени, и Саллустій, восторженный сторонникъ Цезаря.

Г. Саллустій Криспъ (86—35) былъ родомъ изъ Амитерна (Терни) въ странѣ сабиновъ. Во время партійной борьбы онъ былъ исключенъ изъ сената за безнравственную жизнь; Цезарь снова зачислилъ его въ сенатъ и пользовался его услугами въ разныхъ войнахъ. Будучи намѣстникомъ въ Африкѣ, Саллустій оказался виновнымъ въ вымогательствахъ. Его жизнь не согласовалась съ тѣми принципами, которые онъ впослѣдствіи такъ горячо проповѣдывалъ. Возвратившись въ Римъ съ большими богатствами, онъ устраиваетъ на Монте Пинчіо знаменитые сады, извѣстные подъ именемъ садовъ Саллустія. Здѣсь онъ, подобно Ѳукидиду, пишетъ во время вынужденнаго досуга свои историческіе труды, сначала заговоръ Катилины, затѣмъ Югуртинскую войну и, наконецъ, Исторію своего времени, начиная смертью Суллы и кончая властью Помпея (78—67). Исторія эпохи Суллы, написанная Корнеліемъ Сисенной, служитъ Саллустію образцомъ. Къ сожалѣнію, изъ главнаго труда Саллустія до насъ непосредственно дошли только нѣкоторыя рѣчи и письма, служившія образцами стиля.

Искусство изложенія.

Отношеніе между матеріаломъ, обработаннымъ Цезаремъ и Саллустіемъ, такое же, какъ отношеніе природы къ утонченной культурѣ; но обоихъ писателей характеризуетъ поразительная гармонія формы и содержанія. Первый рисуетъ намъ борьбу съ дикими варварами, второй сложныя условія жизни клонящейся къ упадку республики, развращенность столичныхъ нравовъ, порождавшую катилинарскіе типы, и высокопоставленныхъ лицъ, отличавшихся безсовѣстностью, не уступавшей лукавству Африканца, подкупившаго и побѣдившаго ихъ.

Исторіографія того времени давно уже переросла примитивный стиль анналъ; съ одной стороны, она не могла не испытать на себѣ вліянія Полибія, съ другой—пыталась облечь сырой матеріалъ въ выразительную форму. Тѣмъ не менѣе, Саллустій является первымъ, создавшимъ въ Римѣ историческіе труды, выдерживающіе сравненіе съ лучшими греческими образцами. Онъ—ученикъ Ѳукидида и Посидонія, но сохраняетъ свою яркую оригинальность. Рядомъ съ Саллустіемъ можно поставить только Тацита, преклонявшагося передъ нимъ и называвшаго его „самымъ блестящимъ римскимъ историкомъ“; Тацитъ многому научился у Саллустія. Сознательное стремленіе Саллустія писать художественно и остроумно, правда, сначала нѣсколько непріятно поражаетъ читателя; однако, это впечатлѣніе вскорѣ уступаетъ мѣсто восхищенію передъ мастерствомъ, которое онъ проявляетъ въ достиженіи этой цѣли; его богатая мыслью краткость рѣчи непрерывно поддерживаетъ напряженность вниманія, его архаическій языкъ — модернизированная рѣчь Катона—живо привлекаетъ читателя.

Передъ нашими глазами развертывается рядъ темныхъ, трагическихъ страницъ исторіи, въ силѣ впечатлѣнія которыхъ авторъ убѣжденъ: заговоръ, поколебавшій основы государства, и постыдная война,

недостойная Рима, находившагося въ зенитѣ своего могущества; вспомнимъ, что римляне были обязаны счастливымъ исходомъ ея исключительно властной рукѣ Марія, вышедшаго изъ народной среды и дѣйствовавшаго противъ воли нобилитета. Оба событія ярко обнаруживаютъ внутреннее разложеніе въ средѣ господствующаго сословія, его несостоятельность въ управленіи міровымъ государствомъ и неизбѣжность монархіи; воздвигнутая, наконецъ, Цезаремъ, она снова рушится послѣ его безсмысленнаго убійства. Это—если не высказанная открыто, то явная тенденція Саллустія. Передъ нами не историкъ изслѣдователь на подобіе Ѳукидида, стремящійся добросовѣстно использовать обширный матеріалъ источниковъ. Саллустій пишетъ какъ человѣкъ партіи, несмотря на объективный и дѣловитый тонъ его повѣствованія и справедливую критику политическихъ противниковъ. Только заслугу Цицерона въ подавленіи заговора Катилины онъ по возможности старается затушевать и такъ же ловко стремится освободить Цезаря отъ подозрѣнія въ соучастіи въ преступной дѣятельности заговорщиковъ.

Эффектнымъ введеніемъ служитъ философское разсужденіе (по примѣру Посидонія) о разницѣ между тѣломъ и духомъ, „руководителѣ и господствующемъ началѣ человѣческой жизни“; въ „Катилинѣ“ оно непосредственно связывается съ разсмотрѣніемъ причинъ политическаго и нравственнаго упадка, въ „Югуртѣ“ съ опредѣленіемъ великой задачи исторіографіи. Вообще же Саллустій любитъ вылетать въ повѣствованіе и рѣчи размышленія и мѣткія изреченія. События и личности разсматриваются въ рамкахъ соотвѣтственной эпохи и въ связи съ нею. Черта величавости проходитъ черезъ все повѣствованіе; Саллустій пренебрегаетъ дешевой эффектностью описанія отдѣльныхъ кровавыхъ событій (напр. казни приверженцевъ Катилины или Югурты).

Онъ рисуетъ въ краткихъ характеристикахъ и рѣчахъ живые, пластичные образы людей, руководившихъ исторіей. Знаменитое засѣданіе сената, рѣшавшаго участь заговорщиковъ, могучія рѣчи, произнесенныя Цезаремъ противъ смертной казни и Катономъ за нее,—самая интересная часть труда. Сколько трогательности въ словахъ умирающаго Миципсы, которыми онъ, предвидя надвигающееся несчастье, увѣщеваетъ своего честолюбиваго племянника Югурту и убѣждаетъ его не нарушать согласія съ сыновьями. Тацитъ и многіе выдающіеся историки новаго времени были правы, взявъ Саллустія себѣ за образецъ.

Памфлеты.

Просвѣщенный умъ Саллустія предполагаетъ въ своихъ читателяхъ большой запасъ литературныхъ свѣдѣній. О расширеніи послѣднихъ свидѣтельствуетъ распространеніе въ это столѣтіе разнообразнѣйшихъ брошюръ, рѣчей, писемъ, занимающихъ опредѣленную позицію въ злободневныхъ вопросахъ и выдающихся событіяхъ и стремящихся воздѣйствовать на общественное мнѣніе. Мы знаемъ множе-

ство примѣровъ. Кромѣ того, растущій интересъ къ государственной и городской жизни, интересъ, проявляемый между прочимъ и провинціей, вызываетъ необходимость созданія римской городской газеты. Постепенно зарождается власть прессы, которая нынѣ господствуетъ надъ всѣмъ культурнымъ міромъ; Цезарь первый увидѣлъ ея значеніе и пользу для государственнаго управленія. При принятіи въ 59 г. консульской власти онъ преобразовываетъ существовавшій до него частный вѣстникъ въ правительственный органъ, гдѣ публикуются оффиціальные протоколы сената.

Городскія газеты.

Вскорѣ послѣ смерти Саллустія начинается новое время, открывшее новыя задачи и передъ исторіографіей. Однако, оно не благопріятствовало ни свободѣ слова, являющейся душой исторіи, ни свободному литературному творчеству.

8. ЛУКРЕЦІЙ И КАТУЛЛЪ

Лукрецій начинаетъ свою дидактическую поэму воззваніемъ къ Венерѣ, прося ее молить лютаго Марса о дарованіи римлянамъ мира. Безъ него служеніе Музамъ невозможно. Поэтому поэзія далеко отстала отъ прозы. Постепенное умираніе греческой подражательной трагедіи понятно и врядъ-ли достойно особеннаго сожалѣнія; но въ смутную пору гражданскихъ войнъ погибла и національная римская комедія. На сценѣ господствуетъ вульгарный мимъ. На стр. 395 нарисована картина этой эволюціи.

Старое и новое направленія.

Въ литературѣ существовало два направленія: одно изъ нихъ примыкало къ Эннію, второе стремилось въ тревожныхъ исканіяхъ къ созданію новыхъ цѣнностей. Пока оба направленія ограничивались тѣснымъ кругомъ ихъ непосредственныхъ представителей — прекрасные плоды этой творческой работы созрѣли лишь въ мирное правленіе Августа. Къ счастью, мы знаемъ двухъ главныхъ представителей обоихъ направленій, Лукреція и Катулла, знакомство съ которыми ужъ одно безцѣнно для насъ; при всемъ контрастѣ между ними, они оба корифеи поэтическаго творчества, и не были превзойдены ни однимъ изъ римскихъ поэтовъ.

Лукрецій.

О жизни Т. Лукреція Кара (около 96—55) мы знаемъ только то, что онъ покончилъ съ собою въ припадкѣ безумія. Напрасно ищемъ мы въ его обширномъ произведеніи упоминаній о его личной судьбѣ; поэтъ совершенно поглощенъ своей великой задачей. Тѣмъ не менѣе, поэма Лукреція выдаетъ его тайну. Она напоминаетъ намъ лицо человѣка, на которомъ, подъ маской мужественной строгости, скрыты слѣды пережитыхъ страданій и душевнаго равновѣсія, добытаго тяжелой борьбой. Послѣднимъ онъ обязанъ исключительно Эпикуру (стр. 103). Эпи-

кура поэтому онъ не перестаетъ превозносить, какъ исцѣлителя и умиротворителя души: онъ первый отважился безстрашно вглядѣться въ религію, сковывающую духъ человѣка, мужественно распахнувъ врата, заслонявшія отъ человѣка знаніе природы. Такимъ образомъ, не земная любовь побуждаетъ Лукреція посвятить себя поэзіи, а увлеченіе абстрактной философіей; оно направило его на путь Ксенофана и Эмпедокла (Э. К., стр. 226 и 538). Такимъ страннымъ путемъ возникаетъ древнѣйшій, сохранившійся до насъ, латинскій эпосъ, дидактическая поэма „о сущности міра". Мы бы поняли намѣреніе Лукреція, какъ предшественника Цицерона, познакомить родной народъ съ этическими ученіями философовъ, облекая ихъ въ поэтическую форму. Но онъ не довольствуется пробужденіемъ поверхностнаго интереса къ философіи; онъ стремится научить и убѣдить своего читателя съ строгой научностью. Поэтому онъ берется за изложеніе наименѣе поэтической области философіи—трезваго матеріализма. О сущности міра.

Содержаніе.

Мы не будемъ подробно останавливаться на первыхъ книгахъ, въ которыхъ Лукрецій излагаетъ ученіе объ атомахъ, движущихся въ пустотѣ мірового пространства и безсознательно соединяющихся въ тѣла, познаваемыя путемъ чувствъ. Въ третьей книгѣ Лукрецій говоритъ о сущности души и ума, рождающихся одновременно съ тѣломъ, растущихъ, старѣющихъ и уничтожающихся съ нимъ. Онъ приводитъ рядъ доказательствъ, подтверждающихъ смертность души; изъ нея же вытекаетъ утѣшительная увѣренность въ неосновательности и нелѣпости страха смерти. Счастливый человѣкъ покидаетъ жизнь подобно насытившемуся страннику, находя въ смерти глубокій покой; трудно понять, почему несчастный человѣкъ стремится сохранить свою жизнь. Загробныя мученія въ аду — выдумки жрецовъ и фантазія поэтовъ; не тамъ существуютъ мученія, а въ нашей груди, терзаемой страстями. Дальше поэтъ говоритъ о нашихъ чувственныхъ воспріятіяхъ, какъ единой основѣ всякаго познанія: они возникаютъ путемъ отдѣленія отъ поверхности вещей тончайшихъ оболочекъ, дѣйствующихъ на наши чувства. Пятая книга посвящается возникновенію и законамъ вселенной. Ея центромъ является глубокомысленная исторія человѣческой культуры. Родъ человѣческій безъ помощи и попеченія боговъ постепенно переходитъ отъ звѣроподобнаго образа жизни пагихъ обитателей пещеръ къ высшимъ формамъ существованія; онъ самъ изобрѣтаетъ себѣ жилище, одежду, языкъ, а изъ образовъ фантазіи и сновидѣній, изъ созерцанія могучихъ явленій природы рождается ложная идея о богахъ, управляющихъ вселенной. Постепенно творческая мощь природы изсякаетъ; поэтъ грустнымъ взоромъ, который мы слишкомъ хорошо понимаемъ, всматривается въ утонченную культурность своей эпохи. Нѣкогда господствовала мѣдь, теперь царитъ золото: такова смѣна вѣковъ. Нѣкогда человѣкъ облекался въ мѣха, теперь ему нужны драгоцѣнныя пурпуровыя ткани, хотя онѣ отъ холода защищаютъ не больше. Люди гибнутъ въ ненужныхъ заботахъ, не понимая, въ чемъ заключается истинная радость удовлетворенія. Послѣдняя книга, въ которой Лукрецій объясняетъ различныя явленія природы, осталась незаконченной. Изданіе и сохраненіе труда Лукреція человѣчеству является заслугой Цицерона.

Оцѣнка.

Попытка облечь подобнаго рода матеріалъ въ поэтическую форму казалась почти безнадежной. Поэтическій языкъ, созданный Энніемъ,

былъ недостаточенъ для этой цѣли. Лукрецій часто жалуется на скудость родной рѣчи, на новизну и трудность трактуемаго предмета. Мы чувствуемъ въ нѣкоторыхъ частяхъ его поэмы, какъ поэтическая форма сковываетъ мысль. Логическія дедукціи читаются какъ сухая проза, лишенная законченности и стройности формы; основныя истины повторяются съ утомительной навязчивостью. Но Лукрецій, по примѣру Эпикура, оживляетъ свои доказательства мѣткими примѣрами изъ жизни природы и человѣка. Подобно тому, какъ дѣтямъ подаютъ лѣкарство въ стаканѣ, края котораго обмазаны мёдомъ, такъ и Лукрецій пытается смягчить горечь напитка, предлагаемаго читателю.

Радость творчества.

Поэзію Лукреція одухотворяетъ радость творчества, сознаніе новизны тѣхъ путей, по которымъ идетъ его муза, убѣжденіе въ своемъ призваніи освободить римлянъ отъ страха передъ богами, смертью и преисподней; ибо они напоминали поэту дѣтей, которые дрожатъ въ темнотѣ, страшась привидѣній. Эта глубокая убѣжденность Лукреція покоряетъ даже скептическаго читателя; торжественность архаическаго языка, заимствованнаго у Эннія, углубляетъ религіозную возвышенность поэмы.

Искусство.

Выслушаемъ мнѣніе знатока о поэтическомъ дарованіи Лукреція, именно Гете: „То, что его ставитъ высоко, это яркая сила его чувственнаго воспріятія, порождающая проникновенность его убѣжденія; Лукрецій обладаетъ также живой фантазіей, дающей ему возможность представлять себѣ скрытое въ незримыхъ тайникахъ природы. Эта фантазія является то воспроизводящей, повторяющей предметы, то продуктивной, одухотворяющей воспринятое, развивающей, углубляющей и претворяющей его. Лукрецій кромѣ того одаренъ поразительно продуктивной силой воображенія—излагая свои мысли, онъ вглядывается въ окружающую жизнь, дѣлаетъ сравненія и сопоставленія, конкретно подтверждающія его выводы. Въ его поэмѣ обнаруживается все значеніе аналогіи, направляющей умъ на все родственное, требующей синтеза однороднаго и единообразнаго. Отсюда непосредственно вытекаетъ поэтическая метафора. Мы видимъ яркіе примѣры всѣхъ этихъ процессовъ у Лукреція“.

Пониманіе природы.

Въ Лукреціи живо сильное, свободное отъ сантиментальности, чувство природы, характерное для римлянина; это любовное углубленіе въ природу открыло передъ нимъ пониманіе самодовлѣющей силы ея, въ которой малое и великое имѣютъ равную цѣнность. Немногіе античные поэты умѣли такъ увлекательно изображать природу: пробужденіе утра, таинственность лѣса, бурю и грозу, жизнь животныхъ. Эти картины природы отнюдь не служатъ только декоративнымъ элементомъ, обвивающимъ подобно нѣжнымъ зеленымъ вѣтвямъ сухіе научные тезисы; онѣ знакомятъ читателя съ тайнами природы и совершенно новыми представленіями о ней. Для объясненія движенія атомовъ Лукрецій прибѣгаетъ къ тонкому сравненію ихъ съ игрой солнечныхъ пылинокъ, становящихся видимыми при паденіи солнечнаго луча

въ темное помѣщеніе. Разнообразные звуки, издаваемые животными, даютъ намъ представленіе о первыхъ звукахъ человѣческой рѣчи:

. . . когда злые молосскіе псы, мягкій зѣвъ свой отверзнувъ,
„Твердые зубы оскаливъ, рычать начинаютъ во гнѣвѣ.
„То, пока ярость ихъ сдержана, звукомъ инымъ насъ пугаютъ,
„Нежели тотъ, когда лаютъ во-всю, оглашая окрестность;
„Или, когда языкомъ они нѣжно щенятъ своихъ лижутъ,
„Или, отбросивъ ихъ лапами, дѣлаютъ видъ, что желаютъ
„Пастью ужасною ихъ поглотить и кусать ихъ зубами,—
„Въ случаяхъ этихъ визжаніе мирное псовъ тѣхъ несхоже
„Съ воемъ протяжнымъ, когда остаются одни они дома,
„Или же съ крикомъ когда, изогнувшись, бѣгутъ отъ ударовъ...
(Перев. И. Рачинскаго).

Лукрецій — одинъ изъ величайшихъ художниковъ метафоры, слѣдующій тотчасъ за Гомеромъ. Черта величавости, характеризующая его поэтическое творчество, предохраняетъ его отъ мелочности и искусственности, присущей александрійцамъ.

Значеніе. Культурно-историческое значеніе поэмы Лукреція во многихъ отношеніяхъ очень своеобразно. Передъ нами яркій примѣръ таинственнаго обаянія эллинской мудрости, покорившей разумъ и сердце римлянина. Поэма отражаетъ то тревожное исканіе душевнаго мира въ земной и загробной жизни, которое проснулось въ людяхъ эпохи Лукреція. Въ ней философія осуществляетъ свое высшее призваніе, она служитъ человѣку замѣной умершей религіи; намъ кажется даже страннымъ, что эта святая задача выпала именно на долю ученія Эпикура. Тѣхъ, кто склоненъ презрительно смотрѣть на „эпикуреизмъ“, уже это одно можетъ убѣдить въ его моральной строгости и благородной жизненной мудрости. Въ свое время Лукрецій былъ одинокъ. Но уже слѣдующее за нимъ поколѣніе поэтовъ не могло его обойти, а христіанство принуждено было считаться съ нимъ. Для послѣдующихъ вѣковъ Лукреціи остается главнымъ источникомъ эпикурейской философіи; его искусство и міровоззрѣніе привлекало такихъ людей, какъ Гете и Фридрихъ Великій.

Новая школа. Наряду съ Лукреціемъ мы видимъ цѣлый кружокъ молодыхъ поэтовъ, дарящихъ Римъ „модной“ лирикой. Они подражали александрійцамъ, поэзія которыхъ казалась имъ болѣе отвѣчающей духу времени, чѣмъ поэзія классиковъ. Они жаждали пріобрѣтенія почетнаго титула „ученаго“ поэта; лирическія изліянія, въ которыхъ они просто и безыскусственно выражали личныя чувства, казались имъ лишь мелочами и бездѣлушками. Пути эллинистической поэзіи остались старые; но судить о ея дальнѣйшемъ развитіи мы можемъ только на основаніи эпиграммы. Теперь отдѣльные эллинистическіе поэты по-

являются въ Римѣ; среди нихъ Архій, извѣстный благодаря рѣчи Цицерона, и въ 73 г. элегикъ Парѳеній. Его собраніе своеобразныхъ любовныхъ исторій, посвященное другу поэта, Корнелію Галлу, и эксцерпированное изъ разнообразныхъ поэтовъ и историковъ, показываетъ намъ всю силу его воздѣйствія на римскихъ поэтовъ. Даже Вергилій находился въ молодости подъ его вліяніемъ.

Уже раньше дѣлались отдѣльныя попытки перенесенія въ Римъ эллинистическихъ формъ и сюжетовъ, такъ напр., Гн. Матій, переводчикъ Иліады, писалъ холіямбы въ стилѣ Геронда. Новая школа поэтовъ изощряется въ разнообразныхъ эллинистическихъ размѣрахъ; ея самой существенной заслугой было распространеніе элегіи, воспринявшей и углубившей, какъ мы теперь убѣдились (стр. 119), главнымъ образомъ, идейное содержаніе эпиграммы. На Авентинѣ, гдѣ жилъ уже Энній, небольшой кружокъ молодыхъ талантовъ группировался вокругъ личности уважаемаго грамматика Валерія Катона, руководившаго, между прочимъ, и первыми поэтическими попытками своихъ учениковъ; большинство этихъ поэтовъ были пришельцы изъ романизованной страны кельтовъ по рѣкѣ По. Рядомъ съ ученымъ стоялъ ораторъ Г. Лициній Кальвъ, другъ Катулла, и Г. Гельвій Цинна, корпѣвшій въ теченіе девяти лѣтъ надъ эпилліемъ „Смирна“, отличавшимся искусственной формой и безгранично скучнымъ содержаніемъ; подобно Парѳенію, онъ написалъ поэтическій путеводитель по Востоку. Описаніе вселенной П. Теренція Варрона также было географическаго содержанія; послѣдній не былъ членомъ Катоновскаго клуба. Варронъ познакомилъ римлянъ съ походомъ аргонавтовъ, въ искусной переработкѣ эпоса Аполлонія (ср. стр. 132); онъ рѣшается, кромѣ того, облечь въ эпическую форму современный историческій матеріалъ—именно борьбу Цезаря съ Верцингеторигомъ.

Валерій Катонъ.

Изъ представителей этого кружка поэтовъ сохранился только Катуллъ. Его произведенія заполняютъ лишь небольшой томикъ; среди нихъ много назначительнаго и даже слабаго; тѣмъ не менѣе, онъ является истинно великимъ поэтомъ, единственнымъ лирикомъ въ нашемъ смыслѣ слова; въ немъ больше наивности и страстности, чѣмъ въ классикахъ, которымъ онъ сглаживаетъ пути.

Катуллъ.

Валерій Катуллъ (87—54) былъ родомъ изъ Вероны и велъ въ Римѣ свободную жизнь поэта. Его счастьемъ и его гибелью была любовь къ Лесбіи. Подъ этимъ псевдонимомъ (мысленно замѣнявшимся настоящимъ именемъ любимой женщины) скрывалась Клодія, сестра пресловутаго народнаго трибуна П. Клодія Пульхра, свѣтская женщина съ сомнительной славой, бывшая на семь лѣтъ старше поэта. Она благосклонно принимала поклоненіе юнаго провинціала, пока онъ, въ концѣ концовъ, послѣ горестныхъ сомнѣній и душевной борьбы, не убѣдился въ ея измѣнѣ. Катуллъ предпринимаетъ путешествіе въ Виѳинію, чтобъ забыть свое горе; на обратномъ пути

Жизнь.

поэтъ посѣщаетъ могилу горячо любимаго брата близъ Трои. Возвращаясь на родину, онъ радостно привѣтствуетъ Сирміонъ на лазурномъ озерѣ Гарда, гдѣ находилась вилла поэта, называя его „всѣхъ полуостововъ, всѣхъ острововъ зеницей"; и теперь еще проѣзжающій здѣсь путникъ благоговѣйно произноситъ имя поэта.

Ученая поэзія.

Двѣ души жили въ Катуллѣ — душа ученаго и дѣтская душа поэта. Онъ особенно гордился своими большими парадными произведеніями въ эллинистическомъ стилѣ, стоявшими въ центрѣ его сборника. Мы уже знакомы съ двумя изъ нихъ: „Волосами Береники" и „Свадьбой Ѳетиды" (ср. стр. 122 и 127). Шедевръ метрическаго искусства представляетъ изъ себя его „Пѣснь объ Аттисѣ"; Катуллъ съ чрезвычайной легкостью владѣетъ сложнымъ іонійскимъ размѣромъ, тревожный ритмъ котораго прекрасно передаетъ дикое неистовство почитателей Кибелы, смѣшанное изъ энтузіазма и меланхоліи. Катуллъ, какъ предшественникъ Горація, прибѣгаетъ уже и къ болѣе чистому источнику эолійской лирики. Среди его твореній есть свободный гимнъ, написанный прекраснымъ плавнымъ гексаметромъ по образцу Сапфо: восходящая вечерняя звѣзда предвѣщаетъ приближеніе невѣсты, юноши и дѣвушки привѣтствуютъ ее пѣніемъ, полнымъ поэтическихъ образовъ. Однако, Катуллъ не ограничивается подражаніемъ. Шаловливая свадебная пѣсня, посвященная Виніи и Торквату, рисуетъ намъ въ нѣвучихъ размѣрахъ весь ритуалъ римской свадьбы. Катуллъ вплетаетъ и личныя переживанія въ свои поэтическія произведенія. Въ оригинальномъ письмѣ Аллію, первой крупной римской элегіи, мысль о пережитыхъ страданіяхъ любви напоминаетъ поэту грустную развязку союза Протесилая и Лаодаміи. Объясненіе въ любви Лесбіи онъ облекаетъ въ форму перевода одной изъ сапфическихъ одъ, въ тѣ же строфы свой рѣшительный отказъ отъ нея:

„Прежней любви ей моей не дождаться,
„Той, что убита ея же виной,
„Словно цвѣтокъ на окраинѣ поля
„Смятый сохой..... ... [пер. Фета].

Любовныя пѣсни.

Эти личныя душевныя изліянія рисуютъ намъ настоящаго Катулла, типичнаго итальянца, пламенно любящаго и горячо ненавидящаго; его стихотворенія, бѣгло набросанныя въ порывѣ чувства или настроенія, проникнуты живой непосредственностью, не достигнутой ни однимъ римскимъ поэтомъ ни до, ни послѣ него.

Хоть ненавижу—люблю! Зачѣмъ? быть-можетъ, ты спросишь.
Не знаю, но чувствую такъ и горько плачусь...

Въ одномъ двустишіи цѣлая жизнь человѣка! Мы переживаемъ съ Катулломъ всѣ радости и муки жаждущей, услышанной, отверженной любви, свѣтлые дни счастья и минуты отчаянія, пока онъ, наконецъ, не

разражается злобными эпдекасиллабами, затравливая негодную за отказъ вернуть поэту всѣ его стихотворенія. Подобныя же созданія минутнаго настроенія рисуютъ намъ общеніе Катулла съ друзьями. Онъ счастливъ при вѣсти о возвращеніи Вераннія, который ему дороже 300.000 друзей: онъ радуется скорому свиданію съ нимъ, разсказу о его приключеніяхъ: онъ покроетъ другу ротъ и глаза поцѣлуями. Съ какимъ задоромъ поэтъ приглашаетъ къ себѣ Фабулла на роскошный обѣдъ, предупреждая его захватить все необходимое съ собой, ибо кошелекъ Катулла въ данное время затянутъ паутиной. Какъ онъ взбѣшенъ, когда его другъ Кальвъ присылаетъ ему въ видѣ нежеланнаго новогодняго подарка цѣлую гору произведеній плохихъ поэтовъ „позоръ столѣтія“. Катуллъ преслѣдуетъ своихъ недруговъ, не исключая и политическихъ, искренней ненавистью, достигающей ѣдкаго сарказма. Онъ и его свободолюбивые друзья безпощадно и безбоязненно отваживались бросать вызовъ власть имущимъ и ихъ временщикамъ; даже великій Цезарь былъ неравнодушенъ къ язвительнымъ ямбамъ Катулла, а поэтъ намѣренно пренебрегалъ возможностью пріобрѣтенія милости Цезаря. Римская поэзія переживаетъ періодъ бури и натиска, который предшествуетъ классическому завершенію ея, подобно процессу, имѣвшему мѣсто въ Германіи; Катуллъ, преждевременно сошедшій въ могилу,—„молодой Гете“ античности.

Дружескія стихотворенія.

Политическая поэзія.

Мы разсмотрѣли два главныхъ параллельныхъ теченія въ литературѣ. Горячая полемика о значеніи и цѣнности каждаго изъ нихъ поощряли литературные интересы и возбуждали критику. Мы уже говорили объ оригинальныхъ поэтическихъ произведеніяхъ М. Варрона (стр. 415). То обстоятельство, что представители знати посвящаютъ себя поэтическому творчеству, сопровождавшемуся бо̀льшимъ или меньшимъ успѣхомъ, не играло роли для поэзіи, но являлось характернымъ показателемъ прогресса культуры; въ былыя времена подобныя попытки представляли собой рѣдкія исключенія, возбуждавшія удивленіе и даже насмѣшку.

[*Вагнеръ*].

Римская Имперія.

Введеніе.

Рис. 234. МОНЕТА СЪ ИЗОБРАЖЕНІЕМЪ ГОЛОВЫ АВГУСТА.
Ср. рис. 288, 392 и сл.
Ср. Bernoulli, Röm. Ikon. II, Tf. 32.

Какъ ни рѣзка на первый взглядъ грань, отдѣляющая римскую имперію отъ республики, обзоръ государственныхъ учрежденій обнаруживаетъ всю поразительную послѣдовательность развитія первой изъ второй. Поэтому первое полтысячелѣтіе господства римской республики смѣняется вторымъ, когда Римъ покоряется волѣ императора, при чемъ монархическій строй ни разу не возбуждаетъ серьезнаго протеста. Что касается культуры эпохи римской имперіи, то въ отдѣльныхъ явленіяхъ ея мы ничего существенно новаго не видимъ. Прогрессъ сказывается, главнымъ образомъ, въ значительномъ расширеніи базы ея и громадномъ повышеніи интенсивности. Съ имперіей въ жизни государства воцарился миръ, обезпечившій культурѣ долгій періодъ расцвѣта, пока варвары, угрожавшіе Риму съ послѣдняго столѣтія республики, не разрушили главной части государства. Исторія нравственности — самая замѣчательная сторона этой эволюціи, длившейся полтысячелѣтія: при высокомъ уровнѣ матеріальной культуры гибнетъ идеализмъ и съ нимъ нравственность, въ концѣ же концовъ побѣждаетъ жажда перерожденія и обновленія жизни. Внѣшняя исторія государства играетъ въ нашемъ изложеніи второстепенную роль, мы ея коснемся лишь въ краткихъ словахъ.

Рис. 235. КАМЕЯ ГЕРОФИЛА: ТИБЕРІЙ.
Стеклянная камея цвѣта бирюзы. Вѣна.
Ср. Jahrb. d. Inst. III, 1888, Tf. 11.
Герофилъ—одинъ изъ трехъ сыновей рѣзчика геммъ, Діоскурида. На геммѣ изображенъ, по всей вѣроятности, Тиберій.

Историческій обзоръ.

Послѣ созданія монархіи (во всемъ ея своеобразіи, о которомъ будетъ сказано ниже) государственной мудростью Августа (31 г. до Р. Хр.—14 г. по Р. Хр.), избѣгшаго ошибокъ своего геніальнаго предшественника, Цезаря, предѣлы государства не были расширены, оно было лишь защищено отъ обоихъ угрожавшихъ ему народовъ, германцевъ на западѣ

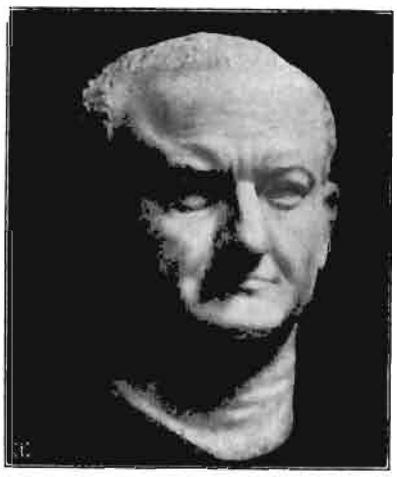

Рис. 236. ВЕСПАСІАНЪ.
Мраморъ. Римъ. Музей Термъ
(ср. рис. 295). Фотогр.

и паромъ на востокѣ. Императорская власть оставалась нѣкоторое время за семьей Августа, расширенной усыновленіемъ, т.-е. за династіей Юліевъ-Клавдіевъ. Ея представителями на императорскомъ престолѣ были: серьезный и активный, но внутренне озлобленный (рис. 192, 235), Тиберій (14–37), злобный Калигула (37–41), опьяненный всемогуществомъ своей власти, безхарактерный Клавдій (41—54) и жестокій сладострастникъ (рис. 408) Неронъ (54—68). Тяжкія гражданскія смуты 68—69 гг. обнаруживаютъ съ ужасающей очевидностью самодержавіе войска, разные легіоны котораго провозглашаютъ императорами своихъ вождей Гальбу, Отона, Вителлія и Веспасіана, быстро смѣняющихъ другъ друга. Съ Веспасіана начинается династія трехъ Флавіевъ: умнаго, трезваго и разсчетливаго (рис. 236) Веспасіана (69—79) смѣняютъ его сыновья, Титъ (79—81), слава котораго за короткое время его правленія была преувеличена, и (рис. 411) Домиціанъ (81–96), недооцѣненный и извѣстный лишь какъ „мрачный тиранъ“. При немъ границы государства значительно расширяются покореніемъ Британіи, начатымъ уже при Клавдіи. Римская имперія достигаетъ высшаго блеска во II-мъ столѣтіи при императорахъ, умѣвшихъ путемъ усыновленія обезпечивать престолъ „за достойнѣйшимъ“. За благороднымъ старцемъ (рис. 429) Нервой (96—98) слѣдуетъ величайшій римскій воинъ на престолѣ — благородный (рис. 237) Траянъ (98—117). Онъ является единственнымъ римскимъ императоромъ, шедшимъ по пути всемірнаго завоевателя Александра и цѣлесообразно расширившаго границы государства. При немъ Дакія (нынѣшняя „Румынія“) превращается въ римскую провинцію (рис. 240), носящую и понынѣ еще не только въ названіи, но и въ языкѣ слѣды глубокаго вліянія римской культуры; кромѣ нея къ римской имперіи присоединяются Аравія, даже Арменія, Месопотамія и Ассирія—области, которыхъ

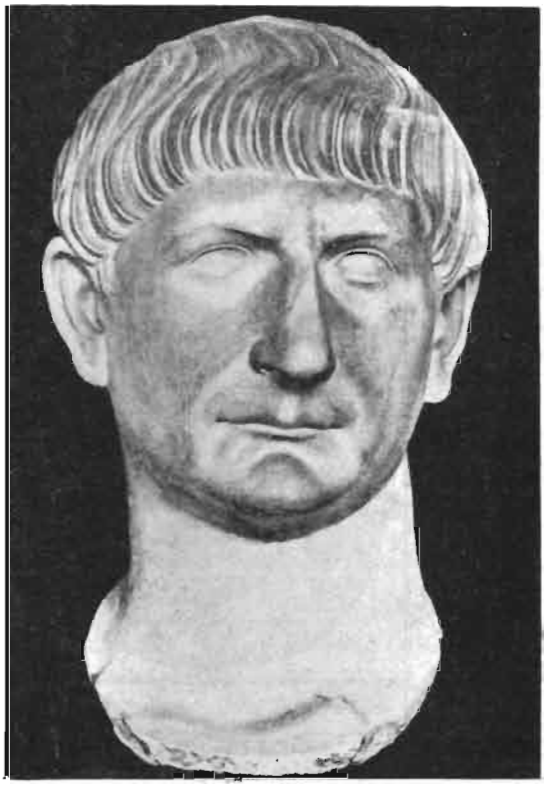

Рис. 237. ТРАЯНЪ.
Мраморъ изъ Остіи, наход. въ Мюнхенской Глиптотекѣ.
Ср. Arndt, Porträts Tf. 738.
Голова, прекрасной работы, была частью фигуры, облеченной въ тогу.

уже преемникъ Траяна, Адріанъ (117—138) не могъ удержать за собой. Говоря объ эпохѣ высшаго внѣшняго расцвѣта имперіи, намъ часто придется упоминать имя этого замѣчательнаго правителя и организатора (рис. 418). Его преемникомъ былъ миролюбивый (рис. 428) Антонинъ Пій (138—161), за которымъ слѣдуетъ философъ на императорскомъ престолѣ, благородный (рис. 238, 244, 427) Маркъ Аврелій (161—180), съ трудомъ уже дававшій отпоръ надвигавшимся германцамъ. Его жестокій и развратный сынъ (рис. 430) Коммодъ (180—192) является недостойнымъ завершителемъ плеяды благородныхъ монарховъ.

Рис 238. ЮНЫЙ МАРКЪ АВРЕЛІЙ.
Римъ. Капитолійскій музей. Съ фотогр.

Въ послѣдующій періодъ въ римской имперіи царитъ войско, ставленники его быстро смѣняютъ другъ друга на императорскомъ престолѣ, занимаемомъ иногда нѣсколькими избранниками одновременно. Послѣ первыхъ правителей этого неустойчиваго типа на престолъ вступаетъ энергичный Септимій Северъ (193–211), династія котораго продержалась съ краткими промежутками болѣе 40 лѣтъ. Къ ней принадлежитъ распущенный (рис. 239) Каракалла (211—217), Элагабалъ, (218—222), отличавшійся восточной изнѣженностью, и Александръ Северъ (222–235), руководимый добрыми намѣреніями, но лишенный силы характера. За нимъ слѣдуетъ рядъ императоровъ, почти исключительно избранныхъ войскомъ; они быстро смѣняютъ другъ друга. Бѣдствія государства возрастаютъ, оно не въ силахъ защищаться отъ варваровъ; къ германцамъ, организующимся въ прочные союзы и угрожающимъ Риму на сѣверѣ и западѣ, теперь присоединяется сильное ново-персидское государство, замѣнившее плохо-организованное парѳянское

Рис. 239. АНТОНИНЪ КАРАКАЛЛА.
Мраморъ. Берлинъ. Съ фотогр.
«Это самъ сатана!» воскликнулъ Я. Буркхардтъ при видѣ этого жестокаго, развратнаго императора солдата.

(226). Отъ враговъ откупаются золотомъ и дарами. При Галліенѣ (260—268) бѣдствія достигаютъ высшей степени напряженія; этотъ періодъ многочисленныхъ узурпаторовъ императорской власти получилъ названіе „эпохи 30 тирановъ“. Авреліанъ (270—275), „возстановитель государственнаго единства“, кладетъ предѣлъ внѣшнимъ и внутреннимъ бѣдствіямъ государства, и обводитъ городъ Римъ громадной стѣной, части которой сохранилнсь еще и понынѣ. Третій императоръ послѣ Авреліана Діоклетіанъ (284—305) былъ незнатнаго происхожденія; онъ обезпечиваетъ имперіи почти еще два столѣтія существованія властнымъ и произвольнымъ, но тѣмъ не менѣе энергичнымъ преобразованіемъ ея въ неограниченную монархію, но въ то же время толкаетъ еще сильный государственный организмъ на путь распада. При немъ Римъ перестаетъ быть центромъ государства, центръ тяжести перемѣщается на востокъ; Діоклетіанъ провелъ также идею раздѣленія власти, но подготовилъ этимъ путь къ дробленію государства. Послѣ тяжкихъ смутъ наступаетъ періодъ (323—337) безпощаднаго владычества Константина (рис. 434), основателя Константинополя (330), защитника христіанства, возстановителя государственнаго единства (323). Среди его преемниковъ, вдумчивый теоретикъ (рис. 424) Юліанъ (361—363) дѣлаетъ попытку возстановленія язычества: но побѣда христіанства остается непоколебимой. Энергичному Ѳеодосію (379—395) удается задержать движеніе германскихъ племенъ, которое принято называть великимъ переселеніемъ народовъ. Усмиривъ востокъ, онъ улаживаетъ дѣла на западѣ и соединяетъ въ послѣдній разъ обѣ половины всемірнаго государства, на которыя оно уже многократно распадалось (394—395).

Рис. 240. БАЗА TROPAEUM TRAJANI БЛИЗЪ АДАМКЛИССИ.
Памятникъ въ память побѣды надъ даками у Желѣзныхъ воротъ на Дунаѣ.

При сыновьяхъ Ѳеодосія совершается окончательный раздѣлъ государства. Западно-римская имперія покоряется, послѣ безконечно долгой борьбы, германцамъ, отъ милости которыхъ зависѣло его существованіе въ послѣднее время (476); восточно-римская имперія (рис. 426) переживаетъ неожиданный періодъ культурнаго расцвѣта при Юстиніанѣ (527—565); его попытки завоеванія Италіи остались, однако, безуспѣшными (568). Римское государство въ видѣ византійской имперіи продолжаетъ свое существованіе почти до наступленія новаго времени (1453); идея римской монархіи не утрачиваетъ своего покоряющаго обаянія и для германскихъ завоевателей Италіи—она возрождается въ римской монархіи германской націи.

A. ГОСУДАРСТВО. ЖИЗНЬ. ПОЧИТАНІЕ БОГОВЪ

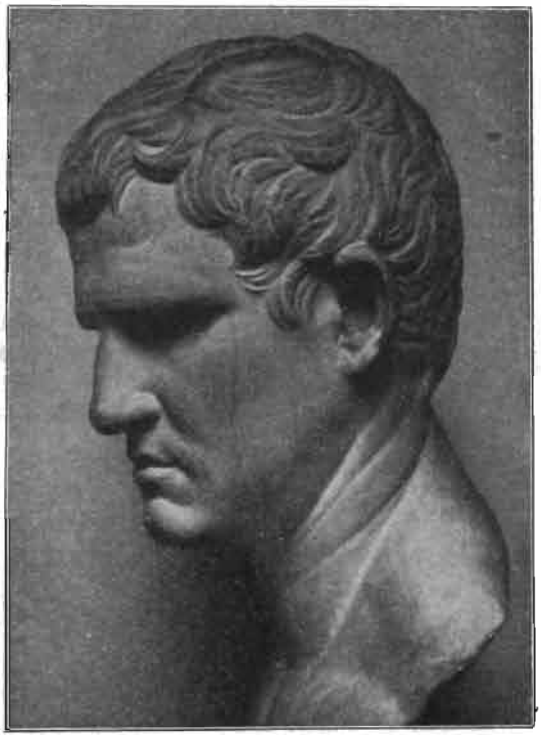
I. ГОСУДАРСТВО

Императоръ.

Римская монархія, несмотря на всѣ колебанія, пережитыя втеченіе временъ, въ первыя три столѣтія своего существованія не признавала, строго говоря, за представителями монархической власти прерогативъ, незнакомыхъ республикѣ; нововведеніемъ являлось лишь объединеніе всѣхъ магистратуръ и почетныхъ прерогативъ въ одномъ

лицѣ и фактическая пожизненность власти уже съ первыхъ моментовъ ея существованія (стр. 447). Незадолго до сложенія съ себя передъ сенатомъ и народомъ экстраординарныхъ полномочій тріумвирата, врученныхъ Октавіану (рис. 393) для возстановленія государственнаго строя, его коллега по консулату и сподвижникъ въ побѣдахъ, Агриппа (рис. 241), привѣтствуетъ его какъ принцепса. Этимъ самымъ властитель Рима не только скромно принимаетъ званіе перваго гражданина государства, подающаго первымъ въ сенатѣ голосъ (princeps senatus, ср. стр. 265), онъ фактически становится во главѣ его, особенно, если составъ сената не отличался иниціативой. Кромѣ этого титула, въ связи съ которымъ имперію часто называютъ принципатомъ, Октавіанъ получаетъ въ слѣдующемъ году (20), въ которомъ монархическая власть юридически обосновывается, имя Августа, т.-е. «возвышенный» (рис. 234), имя, предвѣщающее то религіозное поклоненіе, которое вскорѣ стало оказываться монарху. Это имя становится типичнымъ для правящаго монарха, семейнымъ же именемъ Цезаря, которое первоначально носили всѣ монархи, впослѣдствіи обозначался только преемникъ престола.

Принцепсъ.

Августъ.

Цезарь.

Рис. 241. М. ВИПСАНІЙ АГРИППА.
Мраморъ. Лувръ. По Bernoulli I, 255.
Мрачное выраженіе лица не подходитъ къ благородно-мыслящему государственному и культурному дѣятелю; но статуя, несомнѣнно, изображаетъ Агриппу, какъ показываетъ сличеніе съ монетами.

Титулъ императора, всегда предшествовавшій имени монарха, является не только простымъ почетнымъ титуломъ, вродѣ «отца отечества». Онъ знаменуетъ принятіе Августомъ въ памятномъ 27 г. до Р. Х. военнаго imperium'а (стр. 296), сначала дарованнаго на 10 лѣтъ. Имперій давалъ Августу проконсульскую власть (стр. 307) во всѣхъ провинціяхъ, въ которыхъ стояло войско, предоставляя ему какъ управленіе провинціями, къ числу которыхъ со временъ Траяна принадлежала и Италія, такъ и право назначенія офицеровъ и государственныхъ чиновниковъ. Являясь верховнымъ военачальникомъ, въ распоряженіи котораго находилось войско, составлявшее оплотъ монархіи, принимал

Императоръ.

Рис. 242. ROSTRA JULIA ПА АРКѢ КОНСТАНТИНА. Ср. рис. 274.
По фотогр. Андерсона.
Рельефъ находится надъ лѣвымъ боковымъ проходомъ арки. Онъ показываетъ необычайную ширину и просторность трибуны. Балюстрада обрывалась посерединѣ. Не извѣстно, стояли ли украшенныя фигурами колонны на трибунѣ или за нею. По угламъ фасада помѣщены были сидящія статуи.

присягу арміи, награждая и отпуская со службы солдатъ, Августъ отнынѣ сохраняетъ военный имперій и въ предѣлахъ города, окруженный необходимой личной охраной даже въ Италіи. Будучи верховнымъ военачальникомъ, онъ имѣетъ вліяніе и на подвѣдомственныя сенату провинціи, въ которыхъ стоятъ войска, другими словами, ему принадлежитъ верховный надзоръ надъ всѣми провинціями. Ему же принадлежитъ власть надъ всѣми государствами, находящимися въ зависимости отъ Рима, право объявленія войны и мира и сношенія съ иноземными государствами. Ростры, прежняя ораторская трибуна, становятся отнынѣ мѣстомъ торжественныхъ государственныхъ событій, особенно пріема чужеземныхъ властителей и ихъ пословъ (рис. 242—262). Римская полиція, организованная по военному образцу, на подобіе полиціи многихъ современныхъ государствъ, и исполнявшая между прочимъ также роль пожарной команды, также была подвластна императору; всѣ эти полномочія сводились къ власти надъ городомъ (praefectura urbis).

Если imperium снабжало полномочіями, главнымъ образомъ, внѣ предѣловъ Рима, то второе важное полномочіе императоровъ давало возможность сильнаго вліянія на внутреннюю организацію государства. Съ 23 г. до Р. Х. Августъ отказывается отъ своей постоянной консульской власти, которую послѣдующіе монархи брали на себя только ради почтенія къ древнему обычаю, и опирается на ту власть, которая въ республикѣ противопоставлялась имперію (стр. 301). Отнынѣ какъ Августъ такъ и его преемники, если не являются трибунами, то обладаютъ въ полной мѣрѣ трибунской властью. Такимъ путемъ монархъ становится представителемъ народа и передъ сенатомъ, обладая не только правомъ защиты и обвиненія, но и законодательной иниціативой, такъ же какъ правомъ воздѣйствія на всѣхъ остальныхъ представителей государственной власти. Такъ какъ трибунская власть обезпечивала монарху неприкосновенность, то всѣ посягательства на его личность жестоко карались, слѣдуя древнему строгому трибунскому закону; обладая

Трибунская власть.

властью пожизненной, онъ самъ былъ не отвѣтственеиъ. Поэтому трибунская власть монарха называлась первой въ числѣ его полномочій, по ней исчисляются годы правленія; поэтому дарованіе Августомъ въ 18 г. до Р. Хр. трибунской власти Агриппѣ было равносильно предоставленію ему участія въ дѣлахъ государственнаго управленія.

Префектура нравовъ.

Естественно, что кромѣ этихъ двухъ главныхъ полномочій монарху со временемъ предоставляется еще бо̀льшее число ихъ, главнымъ же образомъ древнія цензорскія прерогативы (стр. 301); въ качествѣ «префекта нравовъ» ему принадлежитъ право ценза и въ связи съ нимъ вліяніе на составъ сената, фактически избиравшагося имъ въ концѣ концовъ лично. Съ перечисленными прерогативами былъ связанъ цѣлый рядъ задачъ: завѣдываніе императорскою казною, право чеканки монеты, забота о путяхъ сообщенія, публичныхъ постройкахъ, водопроводныхъ сооруженіяхъ, praefectura annonae, а тѣмъ самымъ попеченіе о продовольствіи плебса, являвшагося кліентелой императора, въ связи же съ этимъ охраненіе могущества на морѣ и надъ странами-житницами Рима. Съ правомъ надзора, принадлежавшимъ ему, какъ первому гражданину государства, соединялось вліяніе монарха на юрисдикцію, о чемъ будетъ сказано ниже. Его судебныя и государственно-административныя постановленія имѣютъ силу законовъ.

Великій понтификъ.

Наконецъ, монархи являются пожизненными членами всѣхъ главныхъ жреческихъ коллегій (стр. 284 слл.), какъ-то авгуровъ и арвальскихъ братьевъ; съ 12 же года до Р. Х., когда Августъ сдѣлался преемникомъ умершаго въ этомъ году тріумвира Лепида, они занимаютъ и должность великаго понтифика, имѣя, такимъ образомъ, значительное вліяніе и на государственный культъ. Итакъ, и въ римскомъ государствѣ, подобно многимъ современнымъ, монархъ былъ summus episcopus.

Обладая исключительно широкой властью, монархъ тѣмъ не менѣе связанъ законами государства. Правда, податливый сенатъ съ слишкомъ торопливой готовностью освобождаетъ его отъ всѣхъ ограниченій, которыми онъ тяготится; предоставленіе новому монарху всѣхъ прерогативъ его предшественниковъ становится традиціоннымъ и, такъ какъ число отдѣльныхъ постановленій все растетъ, монархъ фактически освобожденъ отъ всякой законности, тогда какъ магистраты и сенатъ приносятъ присягу въ соблюденіи всѣхъ его распоряженій.

Наслѣдіе престола.

Мы видѣли въ нашемъ историческомъ обзорѣ, что отца на престолѣ часто смѣнялъ сынъ. Эти случаи не были чаще, потому что назначеніе новаго императора было, въ сущности, дѣломъ сената. Мы видѣли, правда, какъ часто войско узурпируетъ это право, предоставляя сенату лишь утвержденіе выборовъ. Въ иныхъ случаяхъ родной или пріемный сынъ уже при жизни монарха былъ его соправителемъ, наслѣдуя впослѣдствіи престолъ отца.

Императрица.

Та политическая роль, которую царица играла въ эллинистическомъ Египтѣ (стр. 12 сл.), была съ точки зрѣнія государственно-правовой немыслима въ глазахъ мужественнаго римлянина, и всѣ попытки въ этомъ направленіи честолюбивыхъ императрицъ, вродѣ напримѣръ младшей Агриппины (рис. 243), оказывались тщетными.

Почести и одежда.

Опредѣленное вліяніе эллинизма мы видимъ въ обычаѣ апоѳеоза императора, наступавшаго послѣ смерти „божественнаго“ монарха (divus); (ср. рис. 234, 428). При жизни императора обожествляютъ, правда, только въ провинціяхъ въ связи съ богиней Roma, при чемъ культъ его отправляется такъ называемыми августалами. Но клятва геніемъ императора, совершеніе возліянія въ его честь за трапезой, празднованіе дня его рожденія какъ государственнаго торжества становятся общепринятыми обычаями. Правовое положеніе монарха отражается даже во внѣшнихъ церемоніяхъ, которыя римляне такъ любили. Онъ носилъ не только инсигніи отправляемой имъ магистратуры (стр. 298), но, обладая правомъ imperium'а (стр. 451), появлялся въ Римѣ въ одеждѣ главнокомандующаго (ср. рис. 244). Императора отличало кромѣ того особое украшеніе, введенное великимъ Цезаремъ (быть можетъ, просто въ виду его эффектности)—лавровый вѣнокъ.

Рис. 243. ТАКЪ НАЗ. АГРИППИНА.
Мраморъ. Неаполь. Съ фотографіи.
Царственную фигуру принимали за мать Нерона вслѣдствіе характеризующей ее сдержанной грусти. Однако, члены царской семьи всегда изображаются моложавыми, чего мы въ данномъ случаѣ не видимъ; Агриппина же очень заботилась о своей внѣшности. На монетахъ она изображена совершенно иной. Впрочемъ, голова — фрагментъ другой статуи.

Реформа Діоклетіана.

Оставляя въ сторонѣ крайности пониманія монархической власти

проявленныя Калигулой, Нерономъ, Домитіаномъ, Элагабаломъ и др., характеръ ея вплоть до III столѣтія остается безъ измѣненій. Если Авреліанъ подъ вліяніемъ востока вводитъ царскую діадему и мантію, затканную золотомъ и усѣянную драгоцѣнными камнями, то эти внѣшніе признаки со временъ Діоклетіана становятся символомъ усиленной монархической власти. Онъ кладетъ начало абсолютной монархіи, независимой отъ сената. Діоклетіанъ пытается также опредѣленно урегулировать престолонаслѣдіе, назначивъ себѣ одного соправителя—Августа и 2-хъ преемниковъ престола — Цезарей, организація, которой предстоитъ сыграть важную роль при Константинѣ.

Рис. 244. МАРКЪ АВРЕЛІЙ, ПРИВѢТСТВУЕМЫЙ ГЕРМАНЦАМИ.
Рельефъ изъ дворца Консерваторовъ (съ тріумфальной арки, воздвигнутой на Via Flaminia).
Съ фотографіи Alinari.

Сенатъ.

Рядомъ съ монархомъ во главѣ государства существуетъ еще вторая инстанція власти—сенатъ, такъ что государство представляетъ изъ себя діархію (двоевластіе). Съ тѣхъ поръ, какъ дальновидный Августъ въ противоположность Цезарю возвращаетъ сенату его прежнее значеніе, онъ является, съ точки зрѣнія государственно-правовой, высшей инстанціей въ государствѣ, такъ же какъ въ эпоху республики, когда главное рѣшеніе дѣлъ зависѣло не отъ народнаго собранія или магистратовъ, а отъ сената.

Такъ какъ сенатъ назначалъ императора или утверждалъ его, если императора выбирало войско, такъ какъ онъ даровалъ ему его

Императрица.

Та политическая роль, которую царица играла въ эллинистическомъ Египтѣ (стр. 12 сл.), была съ точки зрѣнія государственно-правовой немыслима въ глазахъ мужественнаго римлянина, и всѣ попытки въ этомъ направленіи честолюбивыхъ императрицъ, вродѣ напримѣръ младшей Агриппины (рис. 243), оказывались тщетными.

Почести и одежда.

Опредѣленное вліяніе эллинизма мы видимъ въ обычаѣ апоѳеоза императора, наступавшаго послѣ смерти „божественнаго“ монарха (divus); (ср. рис. 234, 428). При жизни императора обожествляютъ, правда, только въ провинціяхъ въ связи съ богиней Roma, при чемъ культъ его отправляется такъ называемыми августалами. По клятва геніемъ императора, совершеніе возліянія въ его честь за трапезой, празднованіе дня его рожденія какъ государственнаго торжества становятся общепринятыми обычаями. Правовое положеніе монарха отражается даже во внѣшнихъ церемоніяхъ, которыя римляне такъ любили. Онъ носилъ не только инсигніи отправляемой имъ магистратуры (стр. 298), но, обладая правомъ imperium'а (стр. 451), появлялся въ Римѣ въ одеждѣ главнокомандующаго (ср. рис. 244). Императора отличало кромѣ того особое украшеніе, введенное великимъ Цезаремъ (быть можетъ, просто въ виду его эффектности)—лавровый вѣнокъ.

Рис. 243. ТАКЪ НАЗ. АГРИППИНА.
Мраморъ. Неаполь. Съ фотографіи.
Царственную фигуру принимали за мать Нерона вслѣдствіе характеризующей ее сдержанной грусти. Однако, члены царской семьи всегда изображаются моложавыми, чего мы въ данномъ случаѣ не видимъ; Агриппина же очень заботилась о своей внѣшности. На монетахъ она изображена совершенно иной. Впрочемъ, голова – фрагментъ другой статуи.

Реформа Діоклетіана.

Оставляя въ сторонѣ крайности пониманія монархической власти

проявленныя Калигулой, Нерономъ, Домитіаномъ, Элагабаломъ и др., характеръ ея вплоть до III столѣтія остается безъ измѣненій. Если Авреліанъ подъ вліяніемъ востока вводитъ царскую діадему и мантію, затканную золотомъ и усѣянную драгоцѣнными камнями, то эти внѣшніе признаки со временъ Діоклетіана становятся символомъ усиленной монархической власти. Онъ кладетъ начало абсолютной монархіи, независимой отъ сената. Діоклетіанъ пытается также опредѣленно урегулировать престолонаслѣдіе, назначивъ себѣ одного соправителя—Августа и 2-хъ преемниковъ престола — Цезарей, организація, которой предстоитъ сыграть важную роль при Константинѣ.

Сенатъ.

Рис. 244. МАРКЪ АВРЕЛІЙ, ПРИВѢТСТВУЕМЫЙ ГЕРМАНЦАМИ.
Рельефъ изъ дворца Консерваторовъ (съ тріумфальной арки, воздвигнутой на Via Flaminia).
Съ фотографіи Alinari.

Рядомъ съ монархомъ во главѣ государства существуетъ еще вторая инстанція власти—сенатъ, такъ что государство представляетъ изъ себя діархію (двоевластіе). Съ тѣхъ поръ, какъ дальновидный Августъ въ противоположность Цезарю возвращаетъ сенату его прежнее значеніе, онъ является, съ точки зрѣнія государственно-правовой, высшей инстанціей въ государствѣ, такъ же какъ въ эпоху республики, когда главное рѣшеніе дѣлъ зависѣло не отъ народнаго собранія или магистратовъ, а отъ сената.

Такъ какъ сенатъ назначалъ императора или утверждалъ его, если императора выбирало войско, такъ какъ онъ даровалъ ему его

прерогативы на основаніи особой lex regia, и даже смѣщалъ его въ иныхъ случаяхъ, монархъ же былъ хотя и „первымъ“ (princeps) въ сенатѣ, но тѣмъ не менѣе однимъ изъ сенаторовъ,—то сенатъ юридически стоялъ выше императора. Съ другой стороны, уже Тиберій лишаетъ народное собраніе послѣднихъ слѣдовъ значенія, передавъ въ вѣдѣніе сената выборы и законодательство.

Что касается административной дѣятельности сената, то къ ней относилось, прежде всего, управленіе подвѣдомственными ему провинціями, назначеніе въ нихъ намѣстниковъ и (вплоть до Траяна) управленіе Италіей, наконецъ, нѣкоторыя области судопроизводства. Тѣмъ не менѣе, давленіе на сенатъ свыше могло быть очень значительно, и въ правленіе активнаго или тираническаго монарха сенатъ утрачиваетъ всякое значеніе. Эта зависимость сената, число членовъ котораго отнынѣ достигаетъ 600 человѣкъ, обусловливалась, прежде всего, системой его пополненія. Въ составъ его продолжаютъ входить, главнымъ образомъ, бывшіе магистраты, кандидатуру которыхъ предлагаетъ монархъ; со времени Домитіана сенатъ принимаетъ характеръ государственнаго совѣта, избраннаго императоромъ (84). Не только составъ сената зависитъ отъ императора, но и созывъ его, который, однако, могъ быть произведенъ и консулами. Монархъ имѣлъ вліяніе на ходъ сенатскихъ совѣщаній, не только пользуясь правомъ внесенія проектовъ или правомъ кассаціи предложеній сенаторовъ путемъ intercessio (стр. 302), одно присутствіе въ сенатѣ лица, единовластно начальствующаго надъ всѣми войсками и располагающаго военной силой по своему свободному усмотрѣнію, могло опредѣленнымъ образомъ направить сенатскія совѣщанія, не допуская серьезной оппозиціи, не говоря уже о гораздо бо́льшей финансовой независимости монарха, сравнительно съ сенатомъ (см. ниже). Воля принцепса становилась окончательно рѣшающей, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда засѣдалъ не весь сенатъ, а только часть его, состоящая изъ 15—20 представителей, избранныхъ по жребію и засѣдающихъ съ магистратами даннаго года подъ предсѣдательствомъ монарха.

Магистратура. Курульные магистраты.

Въ связи съ законнымъ существованіемъ въ государствѣ двухъ высшихъ инстанцій власти существовали и двѣ соотвѣтственныя группы государственныхъ должностей. Древнія республиканскія магистратуры, представители которыхъ избираются со времени Тиберія изъ среды сената, все больше утрачиваютъ свое значеніе, понижаясь до степени простыхъ отличій. Такъ напр., консульская власть, продолжавшаяся теперь уже меньше года (впослѣдствіи бывало до 8—12 консуловъ въ году), со времени Веспасіана даровалась исключительно императоромъ; остальныя магистратуры (стр. 299 сл.) были лишь предшествующими ступенями для достиженія консулата, при чемъ эдилитетъ могъ

быть замѣненъ трибунатомъ. Пониженіе законнаго возраста (стр. 297) для отправленія магистратуръ на цѣлыхъ 10 лѣтъ такъ же служитъ показателемъ ея упавшаго значенія. Даже проконсульская власть, намѣстничество въ сенатскихъ провинціяхъ утрачиваетъ прежнее значеніе, такъ какъ начальство надъ войскомъ фактически принадлежало только императору.

Императорскіе чиновники.

Въ совершенно обратномъ направленіи развивается сословіе императорскихъ чиновниковъ, награждаемыхъ жалованіемъ и избираемыхъ, въ рѣзкую противоположность древнимъ магистратамъ, не изъ среды сенаторовъ, а изъ сословія всадниковъ (стр. 294). Большое значеніе имѣли военные и финансовые чиновники императорскихъ провинцій, легаты съ пропреторской властью и прокураторы. Къ нимъ присоединялись кураторы, наблюдавшіе за постройкой дорогъ, урегулированіемъ рѣкъ, водопроводными сооруженіями и разнородными общественными постройками. Особой вліятельностью отличались нѣкоторые префекты. Городской префектъ (praefectus urbi) вѣдалъ не только городской полиціей, бывшей раньше въ вѣдѣніи эдиловъ (стр. 303), но и уголовнымъ судопроизводствомъ въ предѣлахъ Рима, являясь впослѣдствіи инстанціей, къ которой апеллировали въ сферѣ императорскаго судопроизводства. Ему былъ подвѣдомственъ praefectus vigilum, комендантъ надъ чинами ночной охраны общественнаго спокойствія и пожарными. Рядомъ съ городскимъ префектомъ стоитъ префектъ преторіанцевъ (praefectus praetorio), начальникъ личной охраны монарха,—должность, иногда исполнявшаяся двумя лицами. Онъ пріобрѣтаетъ большое значеніе, какъ постоянный спутникъ монарха и замѣститель его въ случаяхъ необходимости; въ уголовномъ судопроизводствѣ внѣ Италіи префектъ преторіанцевъ — высшая инстанція послѣ монарха. Praefectus annonae завѣдывалъ хлѣбными раздачами, игравшими столь важную роль въ Римѣ; особенной вліятельностью пользовался префектъ Египта (praefectus Aegypti); доходы съ послѣдняго пополняли со времени Августа кассу императора. Проникновеніе императорскихъ чиновниковъ въ военное управленіе и постепенное вытѣсненіе ими легатовъ влечетъ за собой въ III столѣтіи развитіе „солдатской имперіи“.

Придворные чиновники.

Третій видъ чиновниковъ возникаетъ въ связи съ придворной службой. Она порождаетъ не только придворныя должности по образцу эллинистическихъ (стр. 18 сл.) (какъ, напр., оберъ-камергера), но такъ какъ дворъ являлся одновременно центромъ государственнаго управленія, то въ эпоху Клавдія образуются три важныхъ министерства: государственная канцелярія (ab epistolis), министерство государственныхъ финансовъ (a rationibus) и министерство для разсмотрѣнія прошеній и жалобъ (a libellis). Такъ какъ всѣми этими

дѣлами въ сущности завѣдывалъ императоръ, то во главѣ министерствъ стоятъ исключительно его отпущенники, что крайне характерно. Адріанъ первый кладетъ предѣлъ этому недостойному положенію вещей, замѣнивъ отпущенниковъ представителями всаднической сословія.

Естественно, что съ теченіемъ времени указанныя двѣ группы должностей сближаются. Монархи пытаются поставить сенатъ въ личную зависимость привлеченіемъ сенаторовъ на императорскія должности; благодаря введенію жалованія для представителей большинства курульныхъ магистратуръ, исчезаетъ существенная черта древнихъ магистратуръ, отличавшая ихъ отъ нововведенныхъ должностей. Діоклетіанъ создаетъ единообразную, строго систематическую чиновничью іерархію, въ которой гражданское и военное управленіе были строго разграничены.

Народъ. Сенатъ сохраняетъ свое значеніе по крайней мѣрѣ юридически, участіе же народа въ государственномъ управленіи совершенно упраздняется. Это являлось уже естественнымъ результатомъ распространенія римскаго гражданскаго права на провинціи. Съ теченіемъ времени все больше растетъ вліяніе чужестранцевъ, такъ что со II столѣтія многочисленные представители греческаго и египетскаго происхожденія проникаютъ въ сенатъ; въ 212 же году Каракалла даруетъ изданіемъ constitutio Antoniniana всѣмъ свободнымъ провинціаламъ права гражданства, такъ что отнынѣ все населеніе римскаго государства уравнено въ правахъ. Итакъ, Италія естественнымъ образомъ лишается своего привиллегированнаго положенія и, между прочимъ, свободы отъ нѣкоторыхъ налоговъ.

Сословные контрасты въ римскомъ гражданствѣ, обнимавшемъ населеніе въ 100 милліоновъ, опредѣляются очень рѣзко.

Сословія. Уже Августъ строго замыкаетъ рамки сословія сенаторовъ, образуя его изъ среды семей, предки которыхъ занимали курульныя должности. При малочисленности древнихъ семей, сословіе сенаторовъ расширялось принятіемъ въ его среду представителей всадничества и провинцій, даже людей низшаго сословія; а такъ какъ однимъ изъ главныхъ условій принятія въ число сенаторовъ былъ капиталъ въ одинъ милліонъ сестерцій (220.000 мар.), то плутократическія тенденціи въ немъ выражались сильнѣе аристократическихъ. Внѣшній блескъ пріобрѣтаетъ все большее значеніе, такъ что титулъ clarissimi, довлѣющій членамъ сенатскаго сословія, переходитъ даже на дочерей.

Всадническое сословіе переживаетъ ту же эволюцію; въ составъ его входили люди, владѣвшіе капиталомъ въ 400.000 сестерцій (90.000 м.). Ср. стр. 294. И оно постоянно расширялось, главнымъ образомъ, принятіемъ въ свою среду отставныхъ военныхъ, а также капиталистовъ, купцовъ, банкировъ, государственныхъ откупщиковъ и разныхъ предпринимателей. Понятно, что всадники представляли изъ себя родъ аристократіи, особенно въ провинціяхъ, такъ какъ члены сенаторскаго сословія были прикованы къ Италіи, принужденные, между прочимъ, имѣть здѣсь три четверти своей земельной собственности. Титулъ всадниковъ этой эпохи—illustres. Со времени Константина всадническое сословіе утрачиваетъ всякое значеніе.

Столичное населеніе государства пользовалось грустной привилегіей: оно имѣло постоянное право на хлѣбныя раздачи, кромѣ которыхъ оно настойчиво требовало отъ своихъ властителей зрѣлищъ.

Быстро возвышается новое сословіе отпущенниковъ, людей, пройсходившихъ изъ самыхъ разнообразныхъ странъ, особенно съ Востока; они занимаются разными практическими или учеными профессіями, ремесломъ, искусствомъ; среди нихъ множество поваровъ, докторовъ, учителей языка и т. д.; они пріобрѣтаютъ такое большое значеніе, что вызываютъ неоднократныя попытки ограниченія ихъ числа. Послѣднія оставались въ большинствѣ случаевъ тщетными. Напротивъ, возникаетъ такое смѣшеніе древней коренной италійской расы съ семитскими и хамитскими элементами, что уже одно это кровосмѣшеніе объясняетъ многія перемѣны въ нравахъ и воззрѣніяхъ, чуждыя республикѣ.

Управленіе государства.

Громадное римское государство со своими $5^1/_2$ милліонами кв. клм., простиравшееся отъ Атласа и катарактовъ Нила до Шотландіи, отъ Атлантическаго океана до Аравійскаго и Персидскаго заливовъ и Кавказа, обнимало собой разнообразные народы и разнороднѣйшія культуры, но было, въ свою очередь, отдѣлено отъ остальнаго міра болотами, лѣсами и пустынями, что способствовало цѣльности его культуры. Пограничныя укрѣпленія, дававшія возможность быстраго отпора, охраняли страну тамъ, гдѣ естественная граница, отдѣлявшая ее отъ дикихъ варваровъ, представлялась недостаточно надежной. Внѣшней цѣльности государства соотвѣтствовала и опредѣленная цѣльность государственнаго управленія, поскольку всѣ нити его до извѣстной степени сходились въ рукахъ монарха (стр. 450); мы поражаемся работоспособностью такихъ активныхъ правителей, какъ Траянъ и Адріанъ, изъ которыхъ послѣдній лично знакомится съ нуждами народа, объѣзжая свою страну. Это личное вмѣшательство монарховъ въ дѣла управленія постепенно уничтожаетъ разницу между императорскими и сенатскими провинціями.

Провинціальное управленіе.

Государственное управленіе слѣдовало принципу предоставленія отдѣльнымъ провинціямъ ихъ древней автономіи, такъ что и здѣсь народы, цари, династы и города находились въ такомъ же неустойчивомъ отношеніи къ государству, какъ соотвѣтственныя государственныя формаціи въ древней Германской монархіи. Первая императорская династія убѣжденно руководствовалась этимъ принципомъ, Антонины же, какъ мы видимъ, понимали свою задачу правителей глубже и дѣйствовали активнѣе въ интересахъ своихъ подданныхъ. Полнѣйшій переворотъ вноситъ болѣе стройная организація Діоклетіана, уничтожившаго всѣ намѣстничества, устроившаго 100 провинцій, раздѣливъ ихъ на діэцесы, а послѣднія на префектуры; чиновничья іерархія была распредѣлена соотвѣтственнымъ порядкомъ.

Большая или меньшая степень романизаціи провинцій сыграла крупную роль въ ихъ историческомъ развитіи, роль, сказывающуюся до нашего времени. Тотъ глубокій миръ, который эпоха имперіи принесла въ жизнь государства и который языческіе и христіанскіе писатели не устаютъ превозносить въ теченіе столѣтій, особенно благотворно

отразился на провинціяхъ. Правда, смуты въ борьбѣ за престолъ были нескончаемыми, войны на границахъ государства не прекращались— тѣмъ не менѣе, въ большинствѣ провинцій въ теченіе столѣтій царилъ миръ, обезпечившій многимъ областямъ богатство и расцвѣтъ, невиданный со временъ древняго Рима.

Не удивительно поэтому, если несмотря на государственное единство, организація отдѣльныхъ частей монархіи страдаетъ отсутствіемъ цѣльности; ибо римская имперія обнимала почти весь цивилизованный міръ той эпохи. Это тѣмъ менѣе удивительно, что Римъ съ мудрой умѣренностью стремился сохранять, по мѣрѣ возможности, существующее устройство отдѣльныхъ частей монархіи.

Прежде всего, дѣлаются попытки сохраненія покоренныхъ странъ подъ управленіемъ прежнихъ монарховъ, становящихся лишь въ кліентскую зависимость отъ римскаго государства. Правда, эта система рѣдко оправдывалась надолго. Ѳракія, Галатія, Каппадокія, Мавретанія, Палестина становятся римскими провинціями. Единственная страна, навсегда оставшаяся только вассальной Риму, — это интересное Боспорское царство въ нынѣшнемъ Крыму, крайній форпостъ эллинизма въ варварской скиѳской странѣ. Число провинцій, отчасти получившееся путемъ дробленія, достигало 45 уже при Маркѣ Авреліи. Вплоть до реформъ Діоклетіана на жизни провинцій сказывалось, находилась ли она въ рукахъ монарха или гораздо менѣе вліятельнаго и менѣе активнаго сената, стояли ли въ ней легіоны и было ли управленіе ея въ рукахъ военныхъ. При государственной организаціи провинцій римляне либо исходили изъ своего строя, т.-е. романизировали ихъ, либо использовали для своихъ цѣлей великое движеніе эллинизма, еще далеко не остановившееся; выборъ того или другого пути имѣлъ рѣшающее значеніе для дальнѣйшаго развитія провинціи. Въ высшей степени характерно, что Западъ весь романизируется, даже такая, вся проникнутая эллинизмомъ область, какъ Сицилія, на востокѣ же Римъ способствуетъ распространенію эллинизма, противодѣйствуя такимъ путемъ вліянію востока, сыгравшаго важную политическую роль только въ Парѳянскомъ царствѣ. Дальнѣйшая разница въ организаціи провинцій обусловливалась тѣмъ, покоилось ли управленіе на племенномъ или городскомъ строѣ. Въ послѣднемъ случаѣ возможно опять-таки большое разнообразіе въ составѣ населенія и правахъ его. Среди городовъ съ чужеземнымъ населеніемъ особое значеніе имѣютъ свободные во многихъ отношеніяхъ греческіе города (ср. стр. 20); надо помнить, что сами римляне на востокѣ организовали не мало новыхъ городовъ по греческому образцу. Бываютъ случаи возникновенія городовъ, на подобіе многихъ эллинистическихъ, путемъ совмѣстнаго поселенія окрестныхъ жителей. Если италики селятся на чужбинѣ, ихъ городское право раз-

лично (стр. 307). Примѣры провинціальныхъ колоній, населенныхъ только римскими гражданами, рѣдки; въ большинствѣ случаевъ туземное населеніе лишь усиливается римскими колонистами, или же основываются новые города, при чемъ имъ даруется такъ называемое латинское право (стр. 292); въ этихъ случаяхъ общины становятся однако постепенно городами, имѣющими гражданское право. Одно изъ интереснѣйшихъ явленій, сыгравшее существенную роль въ исторіи нѣмецкой культуры,—это возникновеніе городовъ изъ canabae, поселеній, выросшихъ при лагеряхъ. Развитіе ежегоднаго провинціальнаго собранія, знакомившаго намѣстника провинцій съ ея нуждами и жалобами, также идетъ разнообразными путями. Британское провинціальное собраніе, происходившее въ Камалодунумѣ (Camalodunum) или македонское въ Θессалоникахъ имѣли мало значенія для этихъ провинцій; но въ другихъ мѣстахъ оно играло весьма значительную роль, особенно тамъ, гдѣ соединилось съ повсемѣстно въ государствѣ чтимымъ, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ особенно блестящимъ культомъ монарха, какъ, напр., въ Лугдунумѣ (Ліонѣ), гдѣ собирались представители трехъ Галлій (стр. 462), и въ Малой Азіи, гдѣ президенты собранія, т.-назыв. асіархи, виѳиніархи и т. д., сохранили, по крайней мѣрѣ, всю внѣшнюю помпу, которой такъ дорожили эллины этой эпохи.

Краткій обзоръ познакомитъ насъ съ крайне разнообразнымъ характеромъ отдѣльныхъ провинцій.

Провинціи.

Подобно тому, какъ современныя западно-европейскія державы въ политической жизни представляютъ нѣкоторое единство, которое мы нынѣ ощущаемъ болѣе, чѣмъ когда-либо, близость другъ къ другу Испаніи, Галліи, Британніи, благодаря отчасти родственному (кельтскому) населенію, давала себя чувствовать уже въ древности, и въ организаціи Діоклетіана (стр. 454 сл.) онѣ дѣйствительно образуютъ одну префектуру.

Испанія.

Тѣмъ не менѣе и здѣсь сказываются опредѣленные контрасты. Испанія, распадавшаяся впослѣдствіи на три части, сравнительно рано становится римской провинціей. Въ своемъ цѣльномъ, сильно романизированномъ строѣ, она значительно опередила другія страны, несмотря на пестрое народосмѣшеніе, происшедшее именно тутъ, ибо къ смѣшанному племени кельтиберовъ присоединились еще до италиковъ финикіяне и греки. Управленіе Испаніи базировалось на чисто городской организаціи. Среди 400 городовъ, о которыхъ говоритъ Плиній, было множество поселеній римскихъ гражданъ, всѣ же остальные города пользовались со временъ Веспасіана такъ-называемымъ латинскимъ правомъ, предоставлявшимъ имъ вольное городское самоуправленіе. Въ Испаніи долгое время стояли легіоны.

Эта страна имѣла важное значеніе для государства, благодаря своему богатству металлами и цвѣтущей торговлѣ. Римляне провели по ней великіе торговые пути и романизировали страну настолько, что римскій языкъ уже въ ту эпоху оттѣснилъ туземные говоры въ горныя области, гдѣ слѣды ихъ сохраняются еще и понынѣ въ баскскомъ нарѣчіи. Романизація сказалась и въ томъ, что туземныя религіозныя представленія уступаютъ мѣсто римскимъ, что первые провинціалы на императорскомъ престолѣ (Траянъ и Адріанъ) родомъ испанцы, а также въ томъ, что Испанія вліяетъ и на развитіе литературы, особенно школьной. Выдающимися приморскими городами были кромѣ

древняго Гадеса (Cadiz) Тарраконъ, столица провинціи Tarraconensis, Carthago Nova, Малака; какъ городъ ученыхъ славилась Кордуба въ провинціи Бетикѣ; замѣчательны обширная Севилья (Hispalis) и Emerita Augusta (Мерида), городъ Луситаніи, населенный ветеранами и многочисленными еврейскими колонистами.

Галлія. Совершенно обособленное положеніе, сказывающееся и на современной культурѣ Франціи, занимаетъ Галлія. Климатъ южной части провинціи, древней Narbonensis, не отличается отъ климата Италіи. И здѣсь городской строй подчинилъ себѣ древнія волости. Характерно въ этой странѣ большое значеніе греческаго элемента, отражающееся еще и въ наше время въ своеобразной красотѣ женщинъ, замѣчательно также и громадное обиліе памятниковъ античности (рис. 245, 368). Рядомъ съ древней греческой союзницей Рима, Массиліей, въ которой еще въ эпоху имперіи былъ родъ греческаго университета, на противоположной сторонѣ морского берега расположенъ Нарбонъ (Нарбонна), гражданская колонія эпохи Гракховъ, бывшая долгое время самымъ насе-

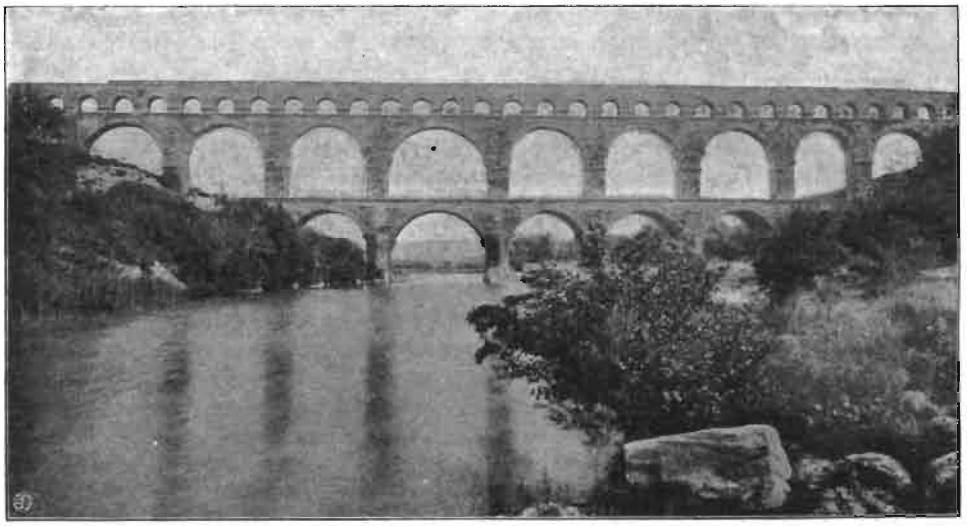

Рис. 245. PONT DU GARD, БЛИЗЪ НИМА (Nemausus).
Съ фотографіи.
Высота нижняго ряда арокъ достигаетъ 14 м., второго 16½., третій рядъ, состоящій изъ 35 низкихъ арокъ, поддерживалъ водопроводъ. Каменные выступы нѣкогда составляли основаніе деревянныхъ лѣсовъ, при помощи которыхъ воздвигались арки.

ленным городомъ Галліи; впослѣдствіи Арелатъ (Arles) на устьѣ Роны съ его цвѣтущей торговлей достигъ той-же населенности. Къ числу этихъ городовъ присоединяются гражданская колонія Forum Julii (Fréjus), стоянка государственнаго флота, латинскій городъ Nemausus (Нимъ), курортъ Aquae Sextiae (Aix), Вienna (Vienne), Авенніо (Авиньонъ) и др.—Въ основу организаціи т. наз. трехъ Галлій (Аквитаніи, Лугудунской, Бельгики) римлянами былъ положенъ кельтскій областной строй и къ управленію была привлечена кельтская знать съ ея обширной кліентелой, такъ что даже въ названіяхъ городовъ отражается имя того или иного племени (напр., Parisii вмѣсто Лутеціи). Въ общемъ же, число галльскихъ городовъ составляло меньше одной пятой числа испанскихъ. Только одинъ городъ обладалъ неограниченными гражданскими правами, это былъ центръ провинціальнаго собранія „трехъ Галлій“, блестящій торговый городъ Лугдунумъ (Ліонъ), со своимъ постояннымъ гарнизономъ государственныхъ войскъ. Лишь впослѣдствіи его славу затемняетъ Durocortorum Remorum (Реймсъ), главнымъ же об-

разомъ, Augusta Treverorum (Триръ), особенно съ тѣхъ поръ, какъ она становится главнымъ городомъ префектуры, учрежденной Діоклетіаномъ (рис. 246); въ V столѣтіи она славится какъ наибольшій городъ по ту сторону Альпъ. Изъ числа другихъ городовъ мы назовемъ Genava (Женева), Autricum (Шартръ), Cenabum (Орлеанъ), особенно же Augustodunum (Autun) и торговый городъ Burdigala (Бордо), какъ значительные центры культуры, сильно содѣйствовавшіе романизаціи; въ эпоху поздней имперіи южная Франція представляетъ изъ себя особенно благодарную почву для юридическаго ораторскаго искусства и школьной литературы. Такимъ образомъ, римская культура одерживаетъ побѣду и надъ кельтской, какъ въ области языка, такъ особенно въ области

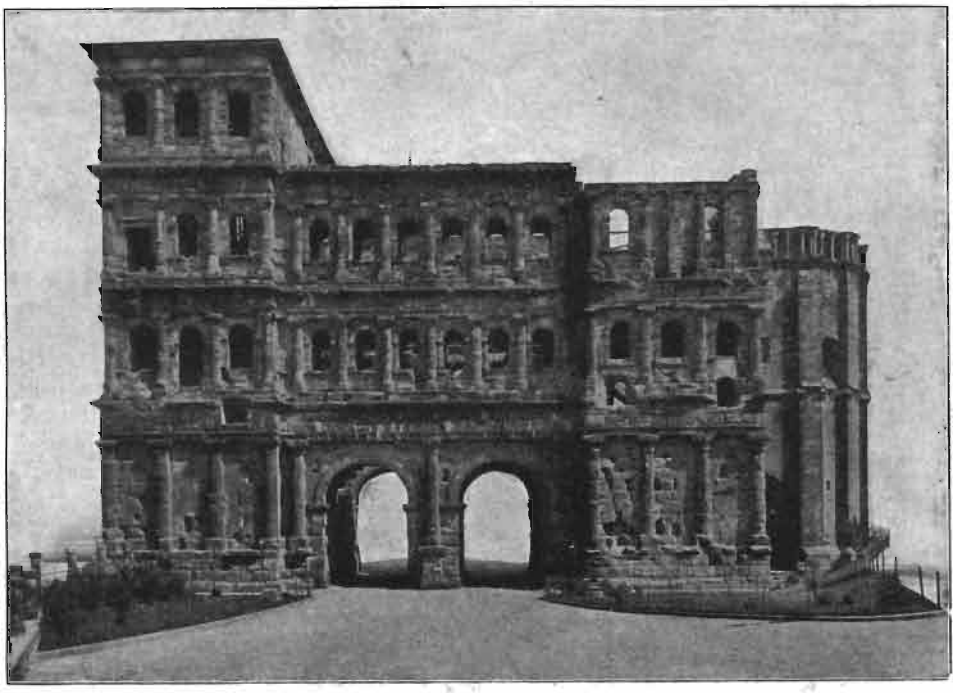

Рис. 246. PORTA NIGRA ВЪ ТРИРѢ.
Внутренній фронтъ. Со снимка Берлинской Королевской Messbildanstalt.
Ворота, составляющія нынѣ въѣздъ въ городъ, окружаютъ внутренній дворъ, такъ называемое Propugnaculum: враги, достигнувшіе этой границы, обстрѣливались изъ четырехъ этажей. Правая пристройка средневѣковаго происхожденія.

религіи, сведя на нѣтъ мрачную религію друидовъ. Понятно, что эта романизація интенсивнѣе всего сказывается на Востокѣ, въ области рѣкъ Мааса и Мозеля, гдѣ римское войско было ближе. Въ дальнѣйшемъ изложеніи будетъ сказано о роли Галліи въ доставленіи странѣ замѣчательныхъ солдатъ и богатыхъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ.

Превращеніе Британніи, вплоть до сѣверной Шотландіи, отдѣленной отъ нея двойнымъ пограничнымъ валомъ, въ римскую провинцію, несмотря на то, что затраты на сохраненіе ея не покрывались доходами, объясняется, повидимому, стремленіемъ лишить друидовъ Галліи крѣпкаго опорнаго пункта. Въ основу организаціи этой провинціи легла организація Испаніи; и въ Британніи области были превращены въ муниципальныя общины, въ большинствѣ которыхъ вводится италійскій городской строй. Лагерь легіоновъ Камалодунумъ (Colchester) со временемъ разростается въ граждан- Британнія.

скую колонію, близкая стоянка флота Лондиніумъ (Лондонъ) быстро становится оживленнымъ торговымъ центромъ; второй примѣръ развитія города изъ лагеря мы видимъ въ Эбуракумѣ (Іоркъ). Уже римляне заселили мѣстности съ горячими источниками, какъ, напр., Aquae Sulis (Bath). Растущая романизація влечетъ за собой и ростъ культуры. Рядомъ со своимъ богатствомъ металлами, Британнія начинаетъ въ громадномъ количествѣ вывозить въ Галлію хлѣбъ; на югѣ особенно многочисленны римскія частныя владѣнія. Съ теченіемъ времени и мужественные бритты охотно поступаютъ въ римское войско; въ высшихъ слояхъ общества говорятъ на латинскомъ языкѣ и увлекаются римскимъ краснорѣчіемъ.

Германія.

Рис. 247. ГЕРМАНЦЫ И ГЕРМАНКИ
съ дѣтьми, вѣроятно, заложники, передъ Маркомъ Авреліемъ; ихъ вождь собирается поцѣловать императору руку. Рельефъ съ колонны Марка (рис. 265).
Ср. Petersen, Marcus-Säule, Tf. 22.

Римская культура принимаетъ своеобразный характеръ развитія (рис. 247) въ Германіи, на долю которой выпала роль быть военной защитницей Галліи. Битва въ Тевтобургскомъ лѣсу (9 по Р. Хр.) положила предѣлъ дальнѣйшему распространенію римской провинціи Германіи, центромъ которой былъ уже „алтарь Убіевъ“ въ быстро расцвѣтающей колоніи Агриппинѣ (Кёльнъ), вплоть до береговъ Эльбы. Остатками этой обширной провинціи были Верхняя и Нижняя Германія на лѣвомъ берегу Рейна, область которыхъ въ сущности принадлежала къ Галліи. Все, созданное здѣсь римлянами, возникало въ связи съ римскимъ лагеремъ и войскомъ; стоявшее тутъ войско долгое время было необычайно численно — 8 легіоновъ. Главными опорными центрами обѣихъ провинцій является Castra Vetera близъ Везеля и Mogontiacum (Майнцъ) со своимъ Castellum Mogontiacense (Кастель) на противоположномъ берегу Рейна, великія ворота для вылазокъ Рима въ германскія земли; въ разные періоды рядъ другихъ пунктовъ служилъ стоянкой римскимъ войскамъ. Нижняя Германія располагала, главнымъ образомъ, батавами, очень цѣнными въ качествѣ солдатъ и освобожденными поэтому отъ податей; но вліяніе Рима распространялось и на другой берегъ Рейна: фризы и хауки охраняли здѣсь границы. Верхняя Германія обнимала Швейцарію (Гельвецію), области Секвановъ (Besançon), Лингоновъ (Langres), мѣстности близъ Базеля съ Augusta Rauracorum, Эльзасъ съ Argentorate (Страсбургъ), мѣстность близъ Шпейера (Noviomagus) и Вормса (Borbetomagus). Въ противоположность Нижней Германіи гра-

ница верхней провинціи была впослѣдствіи выдвинута далеко за Рейнъ: были присоединены область Рейна, часть Таунуса съ его серебреными рудниками, рядъ горячихъ источниковъ, особенно Aquae Mattiacae (Висбаденъ), вскорѣ пріобрѣвшіе крупное значеніе, и при Траянѣ область рѣки Неккара. Для обезопасенія страны былъ воздвигнутъ пограничный валъ (Limes), обозначавшій границу, и тянувшійся по направленію къ Ретіи; онъ былъ слабо укрѣпленъ, но облегчалъ сборъ войскъ, контроль пограничнаго сообщенія и сборъ пограничныхъ пошлинъ. Въ Верхней Германіи для его защиты служили кастели, охранявшіе пути; въ Заалбургѣ мы видимъ наглядную реконструкцію такого укрѣпленнаго лагеря. Въ предѣлы этой пограничной линіи были включены и заселены еще многочисленные пункты: кромѣ названнаго уже Висбадена, Aquae

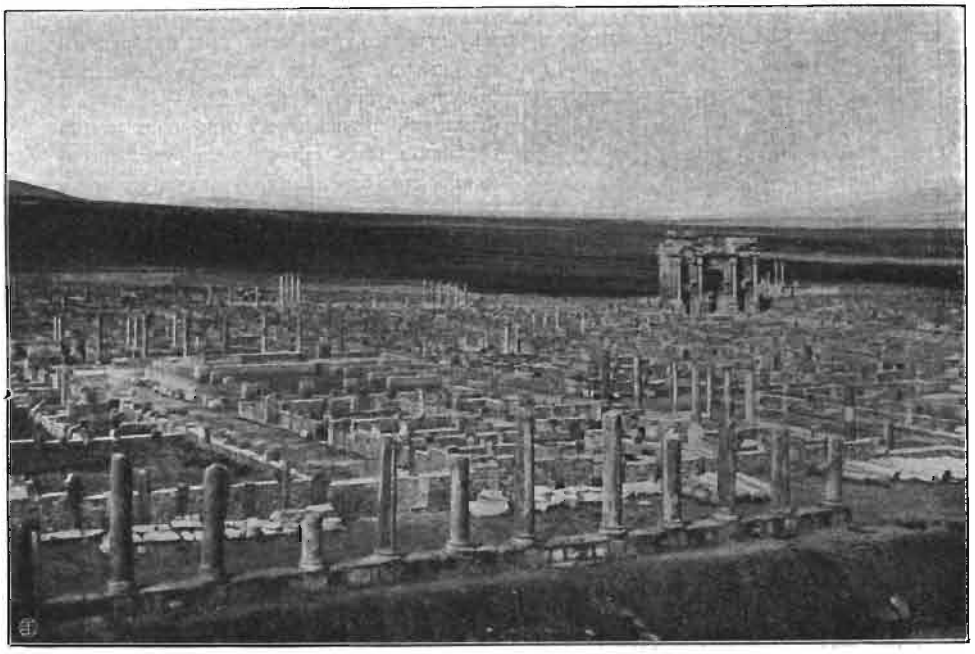

Рис. 148. ТИМГАДЪ ВЪ АЛЖИРѢ.
Cp. Gsell, Mon. de l'Algérie pl 1 1.
Мы видимъ улицы, пересѣкающіяся подъ прямымъ угломъ; большинство изъ нихъ было во всю длину окаймлено колоннами, подобно улицѣ на переднемъ планѣ. Въ глубинѣ направо—арка Траяна.

Flaviae близъ Роттвейла, Sumelocenna (Роттенбургъ), Aquae Aureliae (Баденъ), Lopodunum (Ладенбургъ), Nida (Геддернгеймъ). Всѣ эти мѣста представляли изъ себя прежде всего военные лагери. Съ теченіемъ времени многія поселенія въ Германіи получаютъ городское право, прежде всего Кёльнъ, Ulpia Noviomagus (Нимвегенъ) и Ulpia Traiana (Ксантенъ), рядомъ съ Vetera Castra, но главное значеніе оставалось за военными городами. Нельзя поэтому говорить о романизаціи этихъ областей, скорѣе о болѣе поздней ихъ германизаціи, когда римскіе города были покорены отрядами германцевъ, появившихся подъ новыми именами аламановъ и франковъ.

Подобно тѣсному взаимодѣйствію Германіи и Галліи, уже въ древнее время существовало взаимоотношеніе между Африкой и Испаніей, возрождающееся въ наше время. Интересное исконное населеніе берберовъ также указываетъ на Европу, носителями же культуры въ Африкѣ являются финикійцы, тогда какъ греческое Африка.

вліяніе здѣсь совершенно подавляется римлянами. Эта область обнимаетъ 4 провинціи—Африку, Нумидію и обѣ Мавретаніи (Tingitana и Caesariensis). Въ культурномъ же отношеніи страна представляетъ собой двѣ разнородныя картины. Съ одной стороны мы видимъ, какъ романизируются города въ области древней финикійской культуры. Утика, имѣвшая въ республиканское время большое значеніе, получаетъ латинское право, за ней вскорѣ слѣдуетъ Карѳагенъ, изъ котораго развивается благодаря италійскимъ колонистамъ второй по значенію городъ латинской части государства; по величинѣ своей онъ соперничаетъ съ Александріей. Къ перечисленнымъ городамъ присоединяются многіе маленькіе, среди нихъ прежде всего Цирта (Константине) и Сикка, тогда какъ въ пустынную Мавретанію посылались преимущественно колоніи ветерановъ. Съ другой стороны, наше особенное удивленіе возбуждаютъ значительные военные города, недавно воскресшіе изъ подъ земли въ мѣстностяхъ, которыя только благодаря громадной затратѣ культурнаго труда могли быть превращены въ удобонаселяемыя: Ламбезисъ, Тебесса и „Помпеи пустыни“ (рис. 218)—Thamugadi (Тимгадъ). Въ военномъ отношеніи защита провинціи была организована такъ совершенно, что современные французы въ этихъ мѣстностяхъ многое заимствуютъ у римлянъ. Благодаря грандіознѣйшей системѣ орошенія, Африка доставляла Риму треть всего необходимаго ему количества хлѣба, много вина и громадныя количества масла—результаты, способные пристыдить современныхъ людей. Она же снабжала Римское государство замѣчательными солдатами, изъ нея происходилъ императорскій родъ дѣятельныхъ Северовъ; дурныя стороны этого происхожденія проявились въ африканскомъ характерѣ Каракаллы. Заслуги Африки передъ литературой превышаются ея значеніемъ въ преобразованіи христіанства въ религію міра.

Рис. 219. ВОЗВРАЩЕНІЕ ТРАЯНА ПОСЛѢ ВОЙНЫ СЪ ДАКАМИ.
Рельефъ со средняго прохода арки Константина.
По фотографіи Мошони.
Изъ головы Траяна была сдѣлана голова Константина для арки въ честь послѣдняго. Той же участи подверглся императоръ на конѣ на противоположной сторонѣ прохода.

Иллирикъ. Большое пространство занимаютъ Дунайскія области. Здѣсь былъ расположенъ древній Illyricum. Его названіе сохранило воспоминаніе о древнемъ обширномъ племени, нѣкогда жившемъ между кельтскимъ и утрачивавшимъ свою политическую роль ѳракійскимъ племенемъ; потомки этого народа южнаго типа извѣстны въ наше время подъ именемъ албанцевъ, нынѣ возбуждающихъ такой живой интересъ. Изъ древняго Illyricum уже при смерти Августа выдѣляются провинціи Ретія, Норикъ, Паннонія, Далматія, Мэзія.

Ретія. Ретія (Тироль)—горная, труднодоступная страна, мало поддалась романизаціи, несмотря на многіе пункты, занятые римлянами; въ высокой равнинѣ передъ нею лежала колонія Augusta Vindelicum (Аугсбургъ), получившая отъ Адріана римское городское право. Верхне-германскій Limes въ правомъ углу сливается съ ретійскимъ, граница государства заходитъ здѣсь за Дунай на сѣверъ. Главный лагерь былъ въ Castra Regina (Регенсбургъ).

Норикъ. Норикъ, область восточныхъ Альпъ, съ ихъ замѣчательными желѣзными рудами въ Норе и съ ихъ богатствомъ золота и соли, былъ доступнѣе со стороны Италіи, вслѣдствіе чего здѣсь развивается большое число цвѣтущихъ колоній, которыя

основываются не солдатами, а гражданами. Замѣчательны среди нихъ, напримѣръ, Эмона (Лайбахъ), Целейа (Cilli), Aguntum (Линцъ), Iuvavum (Зальцбургъ).

Въ Далмаціи латинизація распространилась очень быстро, прежде всего подъ вліяніемъ цвѣтущей торговли и ремесла. Развалины Salonae, превращеннаго Діоклетіаномъ въ міровой городъ, въ развалинахъ дворца котораго помѣстился цѣлый городъ Спалато, не перестаютъ возбуждать наше удивленіе. Далмація.

Рис. 250. СКОВАННЫЙ ДАКЪ.
Мраморн. статуя въ Неаполѣ. Съ фотогр.
Pileus — видъ шапки — былъ почетнымъ отличіемъ дакской знати.

Паннонія представляла изъ себя особенно во II столѣтіи крупный военный центръ. Умиротворенная рейнская граница теперь отодвигается на задній планъ передъ линіей Дуная; тогда какъ тамъ находилось только 4 legiona, здѣсь по временамъ стояло до 12. И здѣсь такимъ образомъ, подобно Германіи, колонизація носитъ главнымъ образомъ военный характеръ; однако, кромѣ лагерныхъ городовъ со временемъ здѣсь встрѣчаются также города съ колоніальнымъ или городскимъ правомъ. Значеніе пріобрѣтаютъ Poetovio (Петтау), Aquincum (Старый Офенъ), Sirmium (Митровица) и Vindobona (Вѣна), иногда бывавшая и резиденціей императоровъ; Carnuntum (Петронелль близъ Вѣны) представляетъ изъ себя австрійскіе Помпеи; Carnuntum подобно Виндобонѣ сначала принадлежалъ къ Норику. Паннонія.

Въ населеніи остальныхъ Дунайскихъ областей сказывается кровь оракійцевъ; храбрость, сочетавшаяся въ этомъ народѣ съ характерной для него діонисической мечтательностью, легко порождала воинственную ярость.

Мэзія романизировалась прежде всего благодаря лагернымъ городамъ, среди которыхъ замѣчательны Singidunum (Бѣлградъ) и Viminacium (Костолацъ); на нижнемъ Дунаѣ существовали и гражданскія колоніи. Мэзія.

Дакія, форпостъ, отодвинутый императоромъ Траяномъ на лѣвый берегъ Дуная (рис. 249 сл.), со своими колоніями Sarmizegetusa (Ulpia Traiana), Apulum (Карлсбургъ) и др., сохранила до извѣстной степени свой чужеземный характеръ. Противъ нея при устьѣ Дуная лежала нижняя Мэзія со своими греческими городами, сильно варваризованными гетами, среди которыхъ первое мѣсто принадлежало Томи (Констанца), и городами на Дунаѣ, имѣвшими италійскій строй. Дакія.

Оракія долгое время оставалась до извѣстной степени предоставленной варварамъ. Кромѣ Византіи, цвѣтущей благодаря своему рыболовству и торговлѣ, греческіе города оказывали мало вліянія на мѣстное населеніе. Въ первомъ столѣтіи въ основѣ управленія страной лежатъ сельскіе округа. Послѣ оргавизаціи въ Филиппополѣ городского строя, Траянъ и Адріанъ основываютъ множество городовъ; послѣднимъ былъ, между прочимъ, основанъ нынѣ часто упоминаемый Адріанополь; почва Ѳракіи была богата металлами. Оракія.

Въ Македоніи греческіе города на востокѣ, особенно въ Халкидикѣ, и на западѣ (Аполлонія и Диррахій), отчасти благодаря притоку населенія изъ Италіи, превра- Македонія.

щаются въ колоніи; довольно значительная столица страны Θессалоника (Салоники) сохраняетъ свою автономію греческаго города. Благодаря сосѣднимъ золотымъ розсыпямъ, и Филиппы сохраняютъ свое значеніе. Стоби, расположенный по направленію къ Мэзіи, представлялъ изъ себя только военный лагерь. Македонія отличалась большимъ плодородіемъ, но самой существенной заслугой ея передъ государствомъ были ея мужественные солдаты, которые обыкновенно служили въ гвардіи.

Рис. 251. АРКА АДРІАНА ВЪ АѲИНАХЪ.
Съ фотографіи.
Колонны по сторонамъ главной арки разрушены. Въ верхнихъ окнахъ были вставлены тонкія плиты.

Θессалія. Θессалія, отдѣленная отъ Македоніи въ видѣ самостоятельной провинціи лишь со времени Александра Севера, сохраняетъ свое городское самоуправленіе; несмотря на плодородіе почвы, она не пріобрѣтаетъ значенія въ эпоху имперіи.

Эпиръ. Небольшой Эпиръ никогда не оправился отъ бѣдствій, постигнувшихъ его во время третьей македонской войны; только возникшій изъ сліянія окрестныхъ поселеній Никополь, основанный Августомъ на мѣстѣ актійской побѣды, достигаетъ нѣкотораго расцвѣта.

Ахайя. Ахайя, границы которой въ общихъ чертахъ совпадали съ областью древней Греціи, и при императорахъ широко пользуется правомъ общиннаго самоуправленія. Тѣмъ не менѣе, культура ея падаетъ уже въ эпоху эллинизма (стр. 34); лишь города вродѣ Аѳинъ сохраняютъ первенствующее значеніе въ области интеллектуальной жизни, пользуясь покровительствомъ богатыхъ частныхъ лицъ и императоровъ, какъ, напр., Адріана (рис. 251, 425). Матеріальное положеніе городовъ еще лучше всего тамъ, гдѣ ихъ поддерживаетъ дѣятельная энергичность римлянъ. Густо населенный

Рис. 252. УЛИЦА АРКАДІЯ ВЪ ЭФЕСѢ.
Ср. рис. 423. Forschungen in Ephesos I, Fig. 59.
Она названа въ честь восточно-римскаго императора Аркадія (4 стол.). Это была главная улица города, вымощенная большими мраморными плитами, въ 11 м. ширины; съ обѣихъ сторонъ ее окаймляли колоннады въ 5 м. глубины. Четыре колонны при пересѣченіи главной улицы съ боковой относятся къ 6-му столѣтію.

Коринѳъ, напр., знаменитый своимъ ремесленнымъ производствомъ, представляетъ изъ себя римскую общину; нынѣшній Патрасъ, не утратившій своего торговаго значенія (Patrae), основывается сплоченіемъ окрестнаго населенія и ветерановъ.

Малая Азія отнынѣ переживаетъ періодъ мира; отчасти поэтому предоставленная вѣдѣнію сената, она достигаетъ въ противоположность коренной Греціи поразительной степени матеріальнаго благосостоянія. Въ основѣ управленія ея многочисленныхъ провинцій лежитъ греческій городской строй. Процессъ эллинизаціи совершается и безъ активнаго поощренія со стороны римскаго правительства. Въ про- Малая Азія.

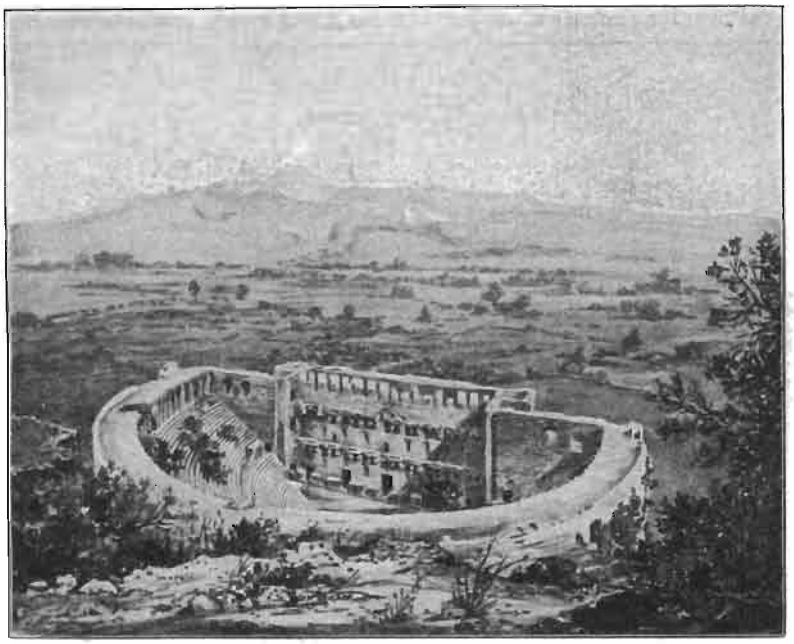

Рис. 253. ТЕАТРЪ ВЪ АСПЕНДѢ. Ср рис. 365.
По Lanckoronski.

Построенъ при Антонинѣ Піѣ. На нашемъ рисункѣ особенно ясно видна замкнутость римскаго театральнаго зданія. Parodoi греческой сцены здѣсь крыты сводами; въ этихъ надстройкахъ находились ложи для почетныхъ зрителей. Покатая крыша, служащая одновременно резонаторомъ, покрывала все зданіе сцены. Послѣдняя замыкается двухэтажной богато украшенной стѣной просценія.

винціи Азіи съ ея 500 городами новооснованіямъ почти нѣтъ мѣста. Многочисленные города средней величины (рис. 252) раздѣлены на классы и находятся въ живѣйшемъ взаимномъ соревнованіи, въ положительномъ и отрицательномъ смыслѣ. Въ Виѳиніи и примыкающихъ къ ней Понтѣ и Ликіи процвѣтаетъ греческій городской строй, въ неспокойныхъ Памфиліи и Киликіи (рис. 253 сл.) растетъ число колоній ветерановъ, въ медленно воспринимавшей греческую культуру Каппадокіи въ основѣ управленія лежатъ сельскія волости. Въ Галатіи, гдѣ удерживается множество кельтскихъ обычаевъ, за исключеніемъ области правовыхъ отношеній, центромъ цивилизаціи становится главнымъ образомъ Анкира (Ангора).

И на большихъ островахъ вродѣ Кипра, Крита и близкой къ нимъ въ культурномъ отношеніи Киренѣ развиваются греческія формы городского устройства. Кипръ, Критъ, Кирена.

Сирія. Самымъ крупнымъ намѣстничествомъ являлась Сирія; четыре легіона охраняли эту императорскую провинцію со стороны Евфратской границы. Ограниченное число городовъ ветерановъ въ этой области интенсивной эллинизаціи (стр. 16) и распространеніе здѣсь греческаго городского строя вполнѣ понятны. Среди многочисленныхъ выдающихся городовъ, выдвинувшаяся уже въ эллинистическую эпоху (стр. 22), Антіохія становится третьимъ по значенію городомъ государства; среди могущественныхъ торговыхъ городовъ сирійскій характеръ сохраняютъ Баалбекъ (рис. 257) и пережившая краткій періодъ расцвѣта, караванный центръ, Пальмира (рис. 255). Въ Сиріи произошло самое совершенное сліяніе эллинизма съ оріентализмомъ, оказавшее сильное вліяніе на жизнь всего государства, и въ этомъ ея всемірное значеніе. Съ Сиріей была связана Палестина, въ которой находился городъ римскаго типа Цезарея;

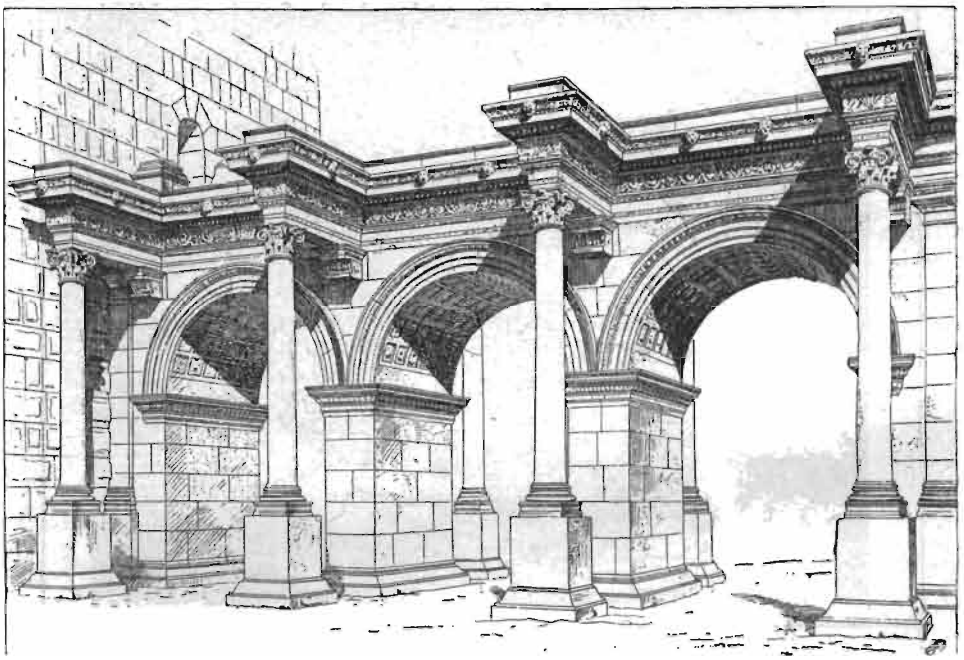

Рис. 254. МРАМОРНЫЯ ГОРОДСКІЯ ВОРОТА ВЪ АДАЛІИ (АТТАЛІЯ).
По Lanckoronski.
Колонны съ композитными капителями и антаблементомъ съ выступающими консолями нѣсколько отступаютъ отъ стѣны. Побѣги, украшающіе фризъ, сдѣланы въ очень глубокомъ рельефѣ. Слѣды нѣкогда возвышавшагося верхняго этажа едва замѣтны.

онъ пріобрѣтаетъ выдающееся значеніе послѣ разрушенія Іерусалима, несмотря на основанную впослѣдствіи на его мѣстѣ колонію Aelia Capitolina.

Аравія. Небольшая часть обширнаго полуострова, занятаго провинціей Аравіей, проявляетъ многіе слѣды эллинизирующаго вліянія Рима, распространявшагося даже на лагерь легіона Бостру; Бостра дѣлается крупнымъ центромъ сношеній Средиземнаго моря съ востокомъ. Петра, интересный городъ утесовъ съ его грандіозными древними развалинами, также имѣлъ греческое городское устройство. Покинутыя каменныя развалины Гаурана даютъ намъ яркое представленіе о цвѣтущей культурѣ этой мѣстности въ первые вѣка христіанства.

Арменія, Месопотамія, Ассирія. Къ числу римскихъ владѣній принадлежали также провинціи, пріобрѣтенныя на короткое время въ борьбѣ съ міровымъ государствомъ востока, царствомъ парояпъ: Арменія, Месопотамія и Ассирія.

Въ заключеніе нашего обзора мы скажемъ о странѣ, высокій расцвѣтъ которой достигаетъ своего предѣла въ періодъ эллинизма и которая представляетъ изъ себя латифундію императора,—это Египетъ. Здѣсь было сохранено древнее дѣленіе на области, и не было основано ни единой колоніи. Намъ часто придется говорить о все еще возраставшемъ культурномъ значеніи этой благодатной страны, столица которой, Александрія, первый міровой торговый городъ, становится вторымъ по значенію городомъ государства (рис. 256). Египетъ.

Высокое значеніе городовъ въ эпоху имперіи, основавшей сотни ихъ, подтверждается уже тѣмъ обстоятельствомъ, что государство почти Города.

Рис. 235. КОЛОННАДА ВЪ ПАЛЬМИРѢ.
Ср. Noack, Baukunst des Altertums, Tf. 183.
Черезъ обширную арку проходила боковая улица. Всѣ колонны на половинѣ своей высоты снабжены консолями, на которыхъ нѣкогда стояли, по всей вѣроятности, портреты заслуженныхъ гражданъ. Налѣво видны ворота художественной работы, украшавшія перекрестокъ двухъ улицъ.

во всѣхъ провинціяхъ опиралось на нихъ, какъ на главные органы провинціальнаго управленія.

Признакомъ этого расцвѣта города является громадный ростъ числа городовъ съ міровымъ значеніемъ. Рядомъ съ Римомъ, насчитывавшимъ въ началѣ нашей эры 1 милліонъ жителей, и столицами эллинистической эпохи (стр. 22), въ которыхъ цифра населенія достигала $^1/_2$ милліона, Александріи, Антіохіи и Селевкіи, безъ сомнѣнія еще болѣе разросшихся въ эпоху имперіи, стоятъ прежде всего (въ III стол.) Карѳагенъ, затѣмъ вскорѣ Арелате (Арль), Гиспалисъ (Севилья) и, наконецъ, Триръ. Впослѣдствіи Римъ уступаетъ мѣсто Константинополю— Міровые города.

Рис. 256. ТАКЪ НАЗЫВАЕМАЯ КОЛОННА ПОМПЕЯ ВЪ АЛЕКСАНДРІИ. Съ фотографіи.

Постаментъ статуи Діоклетіана, воздвигнутой въ 302 г. по Р. Хр. эпархомъ Помпеемъ. Колонна, высотой въ 26 м., находилась вблизи большой лѣстницы, ведущей къ храму Сераписа. На переднемъ планѣ арабское кладбище.

Расцвѣтъ.

начала упадка государства. Этимъ расцвѣтомъ отличались не только привилегированные или свободные города, положеніе которыхъ въ общихъ чертахъ опредѣлилось уже въ эпоху республики (стр. 292), но и находившіеся въ зависимости и обремененные налогами. Этому расцвѣту способствовала та большая свобода, которую центральная власть предоставляла общинамъ. Когда же города, отчасти по своей винѣ, были поставлены въ большую зависимость отъ государственной власти, они стали приходить въ упадокъ, пока Діоклетіанъ не свелъ ихъ роль къ роли колесъ своей мертвой государственной машины.

Организація.

При обзорѣ провинцій мы уже обратили вниманіе на стремленіе государства сохранять при организаціи городовъ всѣ традиціонные институты, напр. верховный совѣтъ въ Іерусалимѣ и шофетовъ въ финикійскихъ городахъ. Греческій свободный городской строй, продолжавшій свое существованіе и въ эпоху восточной метрополіи, основанной въ 330 году. Въ Италіи также были значительные центры, достигавшіе 100.000 жителей, какъ, напр., уже во времена Августа Капуя, Путеолы, Остія.

Бо́льшую роль, чѣмъ величина отдѣльныхъ городовъ, играетъ расцвѣтъ городской жизни вообще въ первые два столѣтія; упадокъ ея въ III стол. служитъ самымъ угрожающимъ показателемъ

Рис. 257. ДВЕРЬ ЦЕЛЛЫ ХРАМА ВАККА ВЪ БААЛЬБЕКѢ.

Ср. Puchstein, Baalbek, Tf. 20.

Несомнѣнна зависимость отъ сѣверной двери ликійскаго Эрехѳейона. Только размѣры здѣсь громадны и богатый орнаментъ распространяется также и на карнизъ.

эллинизма (стр. 20 сл.) способствовалъ муниципальному расцвѣту, теряющему въ нашихъ глазахъ только благодаря излишнимъ проявленіямъ внѣшняго блеска. Участіе въ общинной жизни замѣняло политическую дѣятельность гражданъ, парализованную имперіей.

Римское городское управленіе.

Въ основѣ римскаго городского строя, какъ мы уже указывали для республиканской эпохи (стр. 292), лежитъ древній республиканскій строй. Во главѣ города стоятъ двое ежегодно избираемыхъ дуумвировъ съ существенными юридическими правомочіями; рядомъ съ ними стоятъ эдилы, охранители общественнаго порядка, по образцу римской республики, и квесторъ, завѣдующій общественной казной. Для постановленія рѣшеній и производства выборовъ гражданская община въ провинціальныхъ городахъ также собирается по куріямъ и трибамъ. Самымъ важнымъ органомъ управленія провинціальнаго города былъ пожизненный общинный совѣтъ декуріоновъ, состоявшій обыкновенно изъ ста членовъ; декуріонатъ особенно ясно отражаетъ колебанія временъ. Въ былое время самые почтенные и богатые граждане съ гордостью приносили жертвы для роднаго города, мирясь съ строгостью контроля, которому подвергались ихъ дѣйствія. Съ растущимъ обѣднѣніемъ многочисленныя обязанности декуріоновъ, какъ-то взиманіе податей, посылка посольствъ къ императорскому двору, сооруженіе общественныхъ построекъ и многое другое, принимаютъ обременительный характеръ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ декуріонатъ становится наслѣдственнымъ. То, что раньше было почестью, теперь пріобрѣтаетъ характеръ непосильной тягости, нерѣдко влекшей за собой матеріальное разореніе и отчаяніе. Освобожденіе отъ декуріоната представителей высшихъ сословій, титулованныхъ лицъ, а также ветерановъ и ихъ сыновей является желанной привилегіей. Хотя этотъ принципъ лишь въ правленіи Діоклетіана проводится съ прямолинейной послѣдовательностью, тѣмъ не менѣе, самое явленіе сказывается уже со II столѣтія. Съ этимъ же періодомъ совпадаетъ вмѣшательство императоровъ въ финансовое и судебное управленіе, становившееся все болѣе необходимымъ; въ эпоху Веспасіана оно въ видѣ исключенія находилось въ рукахъ корректоровъ, впослѣдствіи же въ рукахъ juridici.

2. ПРАВО

Въ началѣ эпохи имперіи древнее право города Рима уже совершенно превратилось въ государственное. Такъ-называемое международное право (стр. 308) имѣетъ силу естественнаго права. Тѣмъ не менѣе, новѣйшее научное изслѣдованіе обнаружило, что правовая нивеллировка въ эпоху имперіи происходитъ не въ той степени, которую раньше предполагали; рядомъ съ государственнымъ правомъ во многихъ мѣстахъ сохраняется самобытное мѣстное народное право.

Императоръ.

Имперія и въ области правовыхъ отношеній также проводитъ свои консервативныя тенденціи. Важнѣйшимъ новымъ элементомъ и здѣсь является отношеніе монарха къ юрисдикціи, въ которой вліяніе его, разумѣется, все возрастаетъ. Онъ играетъ роль высшей инстанціи во всякомъ судоговореніи. Монархъ можетъ выступать только единоличнымъ судьей, но составленіе списка присяжныхъ зависитъ отъ него же. Въ уголовномъ судопроизводствѣ онъ раздѣляетъ свои функціи съ сенатомъ, такъ что и въ этой области сказывается дуализмъ государственнаго управленія.

Рис. 256. ТАКЪ НАЗЫВАЕМАЯ КОЛОННА ПОМПЕЯ ВЪ АЛЕКСАНДРІИ. Съ фотографіи.

Постаментъ статуи Діоклетіана, воздвигнутой въ 302 г. по Р. Хр. эпархомъ Помпеемъ. Колонна, высотой въ 26 м., находилась вблизи большой лѣстницы, ведущей къ храму Сераписа. На переднемъ планѣ арабское кладбище.

Расцвѣтъ.

восточной метрополіи, основанной въ 330 году. Въ Италіи также были значительные центры, достигавшіе 100.000 жителей, какъ, напр., уже во времена Августа Капуя, Путеолы, Остія.

Бо́льшую роль, чѣмъ величина отдѣльныхъ городовъ, играетъ расцвѣтъ городской жизни вообще въ первые два столѣтія; упадокъ ея въ III стол. служитъ самымъ угрожающимъ показателемъ начала упадка государства. Этимъ расцвѣтомъ отличались не только привилегированные или свободные города, положеніе которыхъ въ общихъ чертахъ опредѣлилось уже въ эпоху республики (стр. 292), но и находившіеся въ зависимости и обремененные налогами. Этому расцвѣту способствовала та большая свобода, которую центральная власть предоставляла общинамъ. Когда же города, отчасти по своей винѣ, были поставлены въ большую зависимость отъ государственной власти, они стали приходить въ упадокъ, пока Діоклетіанъ не свелъ ихъ роль къ роли колесъ своей мертвой государственной машины.

Рис. 257. ДВЕРЬ ЦЕЛЛЫ ХРАМА ВАККА ВЪ БААЛБЕКѢ.

Ср. Puchstein, Baalbek, Tf. 20.

Несомнѣнна зависимость отъ сѣверной двери ловнскаго Эрехѳейона. Только размѣры здѣсь громадны и богатый орнаментъ распространяется также и на карнизъ.

Организація.

При обзорѣ провинцій мы уже обратили вниманіе на стремленіе государства сохранять при организаціи городовъ всѣ традиціонные институты, напр. верховный совѣтъ въ Іерусалимѣ и шофетовъ въ финикійскихъ городахъ. Греческій свободный городской строй, продолжавшій свое существованіе и въ эпоху

эллинизма (стр. 20 сл.) способствовалъ муниципальному расцвѣту, теряющему въ нашихъ глазахъ только благодаря излишнимъ проявленіямъ внѣшняго блеска. Участіе въ общинной жизни замѣняло политическую дѣятельность гражданъ, парализованную имперіей.

Римское городское управленіе.

Въ основѣ римскаго городского строя, какъ мы уже указывали для республиканской эпохи (стр. 292), лежитъ древній республиканскій строй. Во главѣ города стоятъ двое ежегодно избираемыхъ дуумвировъ съ существенными юридическими правомочіями; рядомъ съ ними стоятъ эдилы, охранители общественнаго порядка, по образцу римской республики, и квесторъ, завѣдующій общественной казной. Для постановленія рѣшеній и производства выборовъ гражданская община въ провинціальныхъ городахъ также собирается по куріямъ и трибамъ. Самымъ важнымъ органомъ управленія провинціальнаго города былъ пожизненный общинный совѣтъ декуріоновъ, состоявшій обыкновенно изъ ста членовъ; декуріонатъ особенно ясно отражаетъ колебанія временъ. Въ былое время самые почтенные и богатые граждане съ гордостью приносили жертвы для роднаго города, мирясь съ строгостью контроля, которому подвергались ихъ дѣйствія. Съ растущимъ обѣдненіемъ многочисленныя обязанности декуріоновъ, какъ-то взиманіе податей, посылка посольствъ къ императорскому двору, сооруженіе общественныхъ построекъ и многое другое, принимаютъ обременительный характеръ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ декуріонатъ становится наслѣдственнымъ. То, что раньше было почестью, теперь пріобрѣтаетъ характеръ непосильной тягости, нерѣдко влекшей за собой матеріальное разореніе и отчаяніе. Освобожденіе отъ декуріоната представителей высшихъ сословій, титулованныхъ лицъ, а также ветерановъ и ихъ сыновей является желанной привилегіей. Хотя этотъ принципъ лишь въ правленіи Діоклетіана проводится съ прямолинейной послѣдовательностью, тѣмъ не менѣе, самое явленіе сказывается уже со II столѣтія. Съ этимъ же періодомъ совпадаетъ вмѣшательство императоровъ въ финансовое и судебное управленіе, становившееся все болѣе необходимымъ; въ эпоху Веспасіана оно въ видѣ исключенія находилось въ рукахъ корректоровъ, впослѣдствіи же въ рукахъ juridici.

2. ПРАВО

Въ началѣ эпохи имперіи древнее право города Рима уже совершенно превратилось въ государственное. Такъ-называемое международное право (стр. 308) имѣетъ силу естественнаго права. Тѣмъ не менѣе, новѣйшее научное изслѣдованіе обнаружило, что правовая нивеллировка въ эпоху имперіи происходитъ не въ той степени, которую раньше предполагали; рядомъ съ государственнымъ правомъ во многихъ мѣстахъ сохраняется самобытное мѣстное народное право.

Императоръ.

Имперія и въ области правовыхъ отношеній также проводитъ свои консервативныя тенденціи. Важнѣйшимъ новымъ элементомъ и здѣсь является отношеніе монарха къ юрисдикціи, въ которой вліяніе его, разумѣется, все возрастаетъ. Онъ играетъ роль высшей инстанціи во всякомъ судоговореніи. Монархъ можетъ выступать только единоличнымъ судьей, но составленіе списка присяжныхъ зависитъ отъ него же. Въ уголовномъ судопроизводствѣ онъ раздѣляетъ свои функціи съ сенатомъ, такъ что и въ этой области сказывается дуализмъ государственнаго управленія.

Рядомъ съ монархомъ и сенатомъ стоятъ постоянные суды (quaestiones) республиканской эпохи (стр. 309). Монархи часто лично рѣшали процессы офицеровъ и государственныхъ чиновниковъ; императоръ Клавдій превратилъ эту дѣятельность въ родъ спорта; случалось, что онъ иногда во время судебныхъ засѣданіяхъ въ провинціальныхъ городахъ... сладко засыпалъ. Въ процессахъ, касавшихся Рима, монарха часто замѣнялъ городской префектъ, въ процессахъ, относившихся къ остальной Италіи,— префектъ гвардіи.

Преторъ. Гражданское судопроизводство, въ которомъ императоръ игралъ только роль высшей инстанціи, продолжало находиться въ рукахъ п р е т о р а, ведшаго процессъ и назначавшаго опредѣленное число присяжныхъ въ зависимости отъ серьезности процесса.

Намѣстникъ. Въ провинціяхъ правосудіе отправлялось намѣстниками именемъ монарха; рядомъ съ ними иногда стоялъ juridicus императора. Въ исключительныхъ случаяхъ, какъ, напр., при осужденіи декуріона на смертную казнь, монархъ, къ которому вообще обращались только въ случаяхъ аппеляціи, утверждалъ ихъ приговоръ. Ежегодно происходили судебные конвенты намѣстниковъ, напр., въ Египтѣ въ трехъ городахъ: Александріи, Пелусіи и Мемфисѣ. Часто веденіе процессовъ передавалось низшимъ чиновникамъ. Муниципальныя власти, особенно дуумвиры, также отправляли правосудіе въ менѣе важныхъ случаяхъ.

Наказанія. Введеніе нѣкоторыхъ новыхъ судебныхъ к а р ъ представляетъ собой безотрадное явленіе прогресса эпохи имперіи: къ нимъ относятся изгнаніе (deportatio) рядомъ съ менѣе безчестящей relegatio, каторжныя работы въ рудникахъ и все чаще примѣнявшееся присужденіе къ гладіаторскимъ играмъ или травлѣ звѣрьми въ амфитеатрѣ.

Наука о правѣ. По мѣрѣ того, какъ значеніе адвокатовъ (при Клавдіи размѣръ ихъ гонорара еще достигалъ 10 000 сестерцій, т.-е. болѣе 2 000 мар.) и судебнаго краснорѣчія падаетъ, н а у к а о п р а в ѣ все богаче расцвѣтаетъ; выдѣляются люди вродѣ Папиніана и Ульніана, ученые, которымъ долгое время не было равныхъ. Составленіе Юстиніаномъ около 533 г. Corpus iuris является не кульминаціоннымъ пунктомъ этого процесса, а лишь завершеніемъ его.

3. ФИНАНСЫ

Монета. Право чеканки монеты принадлежитъ императору; только мѣдную монету чеканитъ сенатъ. Въ эпоху имперіи господствуетъ золотая валюта. Чеканится золотая монета цѣнностью въ 25 денаріевъ (21,75 мар.). Отнынѣ монеты украшаются портретомъ монарха (рис. 295, 298), а обратная ихъ сторона изображеніемъ божества, символа, характернаго памятника архитектуры (рис. 295, 298) или олицетворенія одной изъ характеризующихъ монарха добродѣтелей. Паденіе доброкачествен-

ности серебра являлось признакомъ шаткости государства и ложилось бременемъ на подданныхъ, угрожая, главнымъ образомъ, торговлѣ. Тѣмъ не менѣе, государство часто прибѣгало къ этому средству, не исключая такихъ идеальныхъ монарховъ, какъ Траянъ и Маркъ Аврелій; при неспособномъ императорѣ Галліенѣ серебряная монета понижается до цѣнности мѣдной. Это явленіе стояло въ связи съ сильнымъ вывозомъ золота на востокъ и уменьшеніемъ добычи драгоцѣннаго металла.

Государственные доходы.

Система государственныхъ доходовъ, въ общемъ, мало измѣнилась (ср. 311 сл.) сравнительно съ эпохой республики. Самой крупной реформой было введеніе всеобщаго прямого обложенія, которому подверглась теперь даже свободная отъ него Италія. Рядомъ съ нимъ

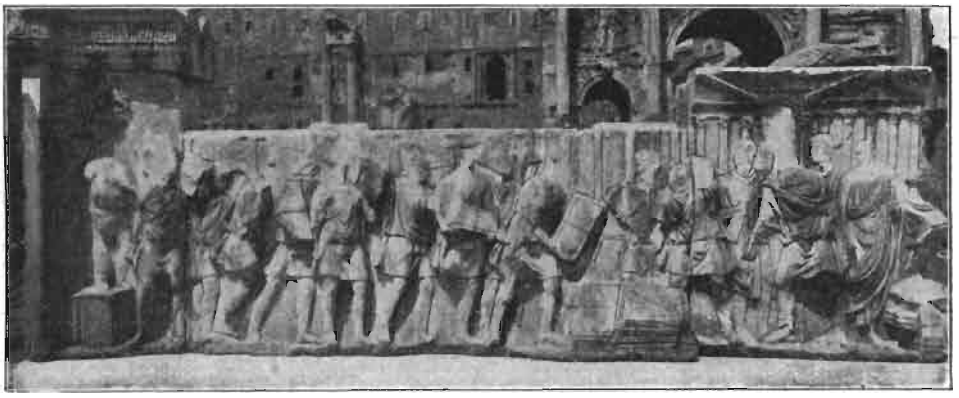

Рис. 258. ВНУТРЕННЯЯ СТѢНКА ЮГО-ВОСТОЧНОЙ БАЛЮСТРАДЫ ТРАЯНА НА ФОРУМѢ (верхъ—мѣстами поврежденъ, направо не достаетъ одной плиты). Съ фотогр. Алинари.

На фонѣ рельефа, слѣва направо, видны: фиговое дерево съ Марсіемъ, Basilica Julia, храмъ Сатурна, одна изъ арокъ табулярія, храмъ Веспасіана и ростры. Рядъ стройныхъ солдатъ несетъ огромные фоліанты, складывая ихъ въ одну груду; сидящій на рострахъ императоръ (изображенный на потерянной плитѣ) сжигаетъ ихъ; этотъ актъ относится, по всей вѣроятности, къ 100 г., когда множество новыхъ гражданъ въ провинціяхъ было освобождено отъ уплаты налога на наслѣдства, вносившагося въ размѣрѣ 20-той части.

существуетъ земельный налогъ, назначаемый въ зависимости отъ способа эксплуатаціи земли. Къ пошлинамъ на ввозъ товаровъ, рыночнымъ сборамъ, сборамъ на мостахъ и военныхъ дорогахъ присоединяются пошлины на совершеніе купли и продажи, особенно торговлю рабами, пошлины при отпускѣ на волю, наслѣдственныя (рис. 258) и судебныя пошлины, пошлины при переходѣ земельной собственности въ другія руки и при заключеніи разныхъ иныхъ юридическихъ сдѣлокъ. Хотя на подданныхъ возлагались еще нѣкоторыя тяготы, вродѣ поставокъ зерна, почтовыхъ лошадей, постоя государственныхъ чиновниковъ, доставки продовольствія войску, работъ для поддержанія военныхъ путей, водопроводныхъ сооруженій и т. п., тѣмъ не менѣе, положеніе ихъ было не тяжелое, такъ какъ въ распоряженіи государства, кромѣ того, находились богатѣйшіе доходы съ его имуществъ, не только съ рудниковъ,

каменоломенъ и соляныхъ копей, но и съ богатыхъ императорскихъ имѣній въ Египтѣ, находившихся нѣкогда во владѣніи Птолемеевъ. Лишь съ III столѣтія, когда наступаетъ всеобщее обнищаніе и распространяется выжиманіе податей при посредствѣ товарищескихъ организацій, начинаются массовыя попытки бѣгства, путемъ которыхъ населеніе избѣгаетъ взноса податей. Мѣньшее значеніе имѣли, наконецъ, доходы, состоявшіе изъ штрафовъ, конфискацій, дарственныхъ приношеній или капиталовъ, поступающихъ во владѣніе государства послѣ смерти владѣльца. Въ зависимости отъ степени своей алчности монархи разно пользовались этими средствами для обогащенія казны; иные монархи не пренебрегали и требованіемъ „денегъ на вѣнокъ“ (стр. 32) по примѣру Птолемеевъ.

Государственные расходы.

Въ связи съ повышеніемъ доходовъ въ эпоху имперіи, въ еще бо́льшей степени увеличиваются расходы. Расходы на нужды религіознаго культа, частью покрывавшіеся пожертвованіями, и на игры, устройство которыхъ предоставлялось магистратамъ (стр. 300), были все еще не высоки. Расходы государства на нужды просвѣщенія или благотворительности также не превышали скромныхъ границъ, если не считать пагубныхъ раздачъ хлѣба и случайныхъ даровъ вина, масла, мяса и денегъ народу (congiarium). Главные расходы были связаны съ жизнью двора, управленіемъ, толпой чиновниковъ и войскомъ.

Если императоръ даже не отличался безумной расточительностью, случаи которой къ несчастью были нерѣдки, тѣмъ не менѣе, одно содержаніе многочисленныхъ слугъ высшаго и низшаго разряда поглощало уже громадныя суммы. Лейбъ-медикъ императора Клавдія, напр., получалъ ежегодный гонораръ въ $^1/_2$ милліона сестерцій (болѣе 100 000 мар.). Не менѣе высоко было жалованіе государственныхъ чиновниковъ (стр. 457), которые теперь вознаграждались: число чиновниковъ, получавшихъ оклады, все возрастало, достигнувъ въ системѣ управленія Константина ужасающей цифры. Сюда присоединялись постройки въ Римѣ, Италіи и провинціяхъ, требовавшія большихъ затратъ, а также матеріальная помощь, оказываемая монархами въ случаяхъ народныхъ бѣдствій. Если содержаніе солдата въ годъ обходилось въ 800 марокъ, то римское государство тратило на ежегодное содержаніе войска около 300 мил. мар.; при этомъ не приняты въ расчетъ экстраординарные расходы, возникавшіе въ связи съ разными исключительными случаями въ жизни монарховъ и съ увольненіемъ солдатъ отъ службы. При восшествіи на престолъ, напр., Марка Аврелія каждый преторіанецъ былъ награжденъ 4000 мар.

Финансовое управленіе.

Что касается финансоваго управленія, то разница по сравненію съ положеніемъ дѣлъ въ эпоху республики заключается въ вытѣсненіи древней государственной казны, aerarium'а въ храмѣ Сатурна (стр. 313), казной императора, фискомъ; aerarium, находившійся въ вѣдѣніи сената и поддерживаемый въ иныхъ случаяхъ императорами, превращается въ концѣ концовъ въ скудную городскую кассу. Дальнѣйшимъ существеннымъ нововведеніемъ въ провинціальномъ управленіи является взиманіе налоговъ, главнымъ образомъ, на основа-

ніи предпринимаемой отъ времени до времени оцѣнки имущества, при чемъ налоги взимаются непосредственно прокураторами, тогда какъ откупъ, монополіи, пошлины, поскольку они еще существуютъ, подвергаются строгому контролю, чѣмъ устраняется главная язва общественной жизни республики (стр. 313 сл.). Наконецъ, Діоклетіанъ приводитъ взиманіе податей въ новую систему, поручивъ своимъ префектамъ (стр. 455) составленіе налоговыхъ списковъ, а взиманіе налоговъ президентамъ, стоявшимъ во главѣ провинцій.

Сельское хозяйство.

Сельское хозяйство, база всякаго здороваго экономическаго развитія, достигаетъ вскорѣ такого же неблагопріятнаго состоянія, въ какомъ оно находилось въ эпоху республики (стр. 314). Повторяются тѣ же явленія: крупная земельная собственность, т.-е. капиталъ и хозяйство, основанное на рабскомъ трудѣ, губитъ мелкаго собственника-крестьянина. Такъ, напр., при Неронѣ половина провинціи Африки принадлежала только шести владѣльцамъ, которыхъ, между прочимъ, устраняетъ Неронъ, создавъ себѣ здѣсь этимъ путемъ колоссальную земельную собственность. Усовершенствованія въ крупномъ земельномъ хозяйствѣ и государственныя хлѣбныя раздачи влекутъ за собой паденіе цѣнъ на важнѣйшій продуктъ сельскаго хозяйства—хлѣбъ, такъ что въ концѣ концовъ даже положеніе крупныхъ земельныхъ собственниковъ становится тяжелымъ и они въ Италіи ограничиваются только скотоводствомъ, если благодатная почва не отводится подъ паркъ и не дѣлается такимъ образомъ совершенно непродуктивной. Не разумный разсчетъ, а бѣдственное положеніе вещей ведетъ государство, подобно нашему времени, къ интенсивному дробленію крупной земельной собственности. За недостаткомъ значительнаго числа рабовъ части имѣнія предоставлялись свободнымъ людямъ, нерѣдко и отпущенникамъ, въ наслѣдственную аренду, за что арендаторы платили собственнику долю урожая и исполняли рядъ повинностей. Возникаетъ такъ-называемый колонатъ. Мало имѣетъ значенія, были ли отношенія арендаторовъ къ господамъ основаны на принципѣ свободной аренды, или арендаторы искони были прикрѣплены къ землѣ (inquilini); ибо и свободные колоны запутываются въ долгахъ и попадаютъ въ полную зависимость отъ крупныхъ собственниковъ; въ видахъ обезпеченія налоговъ государство защищаетъ колоновъ отъ совершенной гибели, но превращаетъ ихъ въ III и IV столѣтіяхъ въ наслѣдственныхъ крѣпостныхъ крестьянъ, явленіе, многократно имѣвшее позднѣйшія параллели. О бѣдственномъ положеніи этихъ слоевъ населенія, находившихся подъ гнетомъ двойныхъ податей, свидѣтельствуютъ ростъ эмиграціи и кровавыя возстанія порабощенныхъ, особенно частыя въ Галліи. Съ другой стороны, поселеніе въ III стол. въ пограничныхъ областяхъ германскихъ военноплѣнныхъ, которымъ поручался и надзоръ за гран-

Колонатъ.

цей, даетъ толчокъ германизаціи. Въ общемъ же, и распространеніе колоната, остановившаго превращеніе пахотной земли въ пастбища, не спасло общаго экономическаго положенія страны и не удержало упадка сельскаго хозяйства.

Торговля. Ни въ одной области благотворность эпохи имперіи не обнаружилась такъ ясно, какъ въ области торговли. Она расцвѣла уже въ послѣднія времена республики (стр. 315), однако, ни одна эпоха такъ не благопріятствовала ея развитію, какъ первыя два столѣтія христіанской эры. Когда сельское хозяйство уже совершенно упало, торговля продолжала еще привлекать энергію многихъ. Впослѣдствіи она потерпѣла сильный ущербъ отъ нападеній варваровъ, разбоя пиратовъ и общаго экономическаго кризиса, обнаружившагося въ паденіи цѣнности монеты (стр. 475), которое знаменуетъ въ концѣ концовъ совершенное государственное банкротство.

Характеръ торговли въ общемъ остался старымъ, возросла лишь предпріимчивость, распространявшаяся отнынѣ не только на всѣ провинціи, но и за предѣлы государства, на восточную Африку и Аравію, даже на Индію. Прямыхъ сношеній съ Китаемъ Римъ не имѣлъ. Дальнѣйшій прогрессъ обнаруживается въ томъ, что торговецъ не ограничивается разъѣздами съ мѣста на мѣсто, продавая товары и покупая новые, но развивается организованное торговое посредничество, въ которомъ крупные приморскіе торговые центры играютъ важную роль крупныхъ эмпоріевъ. У подножья Авентина (ср. рис. 161) нѣкогда находились громадные магазины и складочныя мѣста товаровъ; Monte Testaccio возникъ, главнымъ образомъ, изъ осколковъ испанскихъ и африканскихъ круглыхъ керамиковыхъ бочекъ (доліевъ); его высота — въ 35 м. — свидѣтельствуетъ о томъ громадномъ числѣ судовъ, которыя были въ теченіе временъ выгружены въ сосѣднемъ эмпоріи.

Характеръ торговли. На италійской почвѣ посредникомъ сношеній съ Малой Азіей, Сиріей и Александріей служили, главнымъ образомъ, Путеолы; Остія же была посредническимъ пунктомъ для громадныхъ транспортовъ хлѣба, приходившихъ съ востока. Въ первый торговый городъ всего тогдашняго міра, Александрію, текла торговля Аравіи и Индіи, въ великіе центры Сиріи—торговля Месопотаміи и средней Азіи, Карѳагенъ же поддерживалъ торговыя сношенія между сѣверной Африкой и Римомъ. Кромѣ этихъ первостепенныхъ торговыхъ центровъ, безчисленны другіе торговые города, среди которыхъ мы упомянемъ Миланъ и Аквилею въ Италіи, Кадисъ и Севилью въ Испаніи, Нарбонну, Ліонъ, Бордо, Триръ въ Галліи, Лондонъ въ Британніи, не повторяя перечисленія цвѣтущихъ городовъ Малой Азіи, оранійскаго побережья (стр. 466) и многочисленныхъ колоній въ Дунайскихъ областяхъ (стр. 467).

Сословіе купцовъ.

Судя по надписямъ, во всѣхъ названныхъ городахъ существовали обширныя постоянныя корпораціи римскихъ или италійскихъ оптовиковъ, имѣвшихъ даже вліяніе на общинныя постановленія. Однако, въ эпоху имперіи италики, утвердившіеся въ Сиріи, Африкѣ и Египтѣ, вытѣсняются изъ многихъ важнѣйшихъ центровъ. Мы видимъ, что сирійцы и александрійцы (стр. 40 сл.) не только сохраняютъ въ своихъ рукахъ торговлю на родинѣ, но часто селятся также въ чужихъ странахъ. Мы знаемъ подобныя крупныя колоніи, главнымъ образомъ, сирійцевъ въ Малой Азіи, Африкѣ, Римѣ и особенно въ Путеолахъ, даже въ Галліи. За исключеніемъ Александріи, даже число евреевъ уступаетъ числу сирійцевъ. Греческая торговля въ эту эпоху, повидимому, была незначительна; она ограничивалась, главнымъ образомъ, Чернымъ моремъ. Интересно, что и романизированные галлы принимаютъ участіе въ торговлѣ съ чужеземцами, главнымъ образомъ, съ германцами. Что касается купцовъ внѣ предѣловъ римскаго государства, то съ Италіей конкурируетъ востокъ. Въ конкуренціи съ арабами Италія одерживаетъ верхъ, поддержка же индійскихъ купцовъ была въ ея интересахъ.

Торговыя сношенія.

Отдавалось предпочтеніе морскимъ путямъ сообщенія, при чемъ движеніе поддерживалось небольшими парусными судами (ср. рис. 202) на Средиземномъ и Черномъ моряхъ, отчасти и на Атлантическомъ океанѣ. Торговля шла по большимъ воднымъ путямъ (рис. 421), какъ-то: по Нилу, Гвадалквивиру, Ронѣ, даже, несмотря на необходимость перегрузки въ меньшія суда, по Тибру или галльскимъ рѣкамъ. Уже Августъ упорядочилъ систему египетскихъ каналовъ, но и Испанія и Галлія имѣли подобные же пути сообщенія. Рядомъ съ морскими путями оживленный торговый потокъ шелъ по древнимъ караванным путямъ, ведущимъ на востокъ (стр. 39 сл.); на западѣ къ нимъ присоединялись пути, шедшіе черезъ Галлію, служившіе сообщенію германцевъ съ Британніей (стр. 316).

Дороги.

Хотя дороги, мосты (рис. 259, 245) и туннели (ср. рис. 142) строились прежде всего для военныхъ цѣлей съ той монументальностью (стр. 316), благодаря которой они сохранились вплоть до нашихъ дней, они въ значительной мѣрѣ способствовали грандіозности торговыхъ сношеній; мы представляемъ ее себѣ, мысленно воспроизведя обширную линію путей, которыми Римъ сносился со всѣмъ міромъ; упорядоченность этой системы сообщенія не уступала нашему желѣзнодорожному движенію. Непрерывная линія пути шла по древней via Appia (стр. 316) изъ Рима въ Брундизій, затѣмъ по ту сторону моря изъ Диррахія въ Византію, развѣтвлялась въ Малой Азіи и вела въ Сирію, откуда одинъ путь шелъ въ Іудею, другой къ Евфрату. Древняя Flaminia (ср. рис. 142) шла черезъ Равенну, Аквилею и дальше черезъ Дунайскіе лагери къ Черному морю. Продолженіе древней Cassia тянулось черезъ Альпійскіе проходы, касалось Майнца, Трира, Кельна, и вело въ Британнію. Четвертая главная линія тянулась вдоль Тирренскаго моря въ Галлію и черезъ Пиренеи въ Испанію. Пятая шла изъ Рима въ Карѳагенъ, откуда главная вѣтвь вела въ Марокко, вторая въ Александрію и вверхъ по Нилу.

Путешествія.

Необходимость хорошихъ путей сказывалась все сильнѣе, такъ какъ движеніе было очень оживленное, на югѣ и востокѣ сильнѣе, чѣмъ въ наше время, на западѣ же и сѣверѣ слабѣе. Не только торговцы съ караванами и войско, посылаемое по разнымъ направленіямъ, оживляли пути, но и многочисленныя оффиціальныя лица, чиновники или послы съ своими многочисленными слугами. Къ нимъ присоединялись богачи, направлявшіеся въ свои имѣнія, виллы, или курорты, путешествовавшіе ученые и художники, всякаго рода артисты, молодежь и пожилые люди, направлявшіеся въ высшія школы, наконецъ, многочисленные туристы, то побуждаемые живымъ историческимъ интересомъ, то вдохновляемые религіозно-благоговѣйнымъ чувствомъ природы. Стремленіе расширить свое образованіе путешествіемъ очень сильно сказывается въ эту эпоху. Даже императоръ Адріанъ посѣщалъ во время своихъ много-

Рис. 259. ЖЕРТВОПРИНОШЕНІЕ НА ДУНАЙСКОМЪ МОСТУ.
Рельефъ на колоннѣ Траяна. Ср. Cichorius, Trajanssäule, таб. 72.
Слѣва подходятъ трое солдатъ, держа три знамени, ихъ ведутъ офицеры. На переднемъ планѣ посрединѣ стоитъ небольшой алтарь; полуобнаженный жрецъ слѣва подводитъ жертвеннаго быка; за алтаремъ стоятъ два прислужника, держа флейты и ларцы съ ладаномъ, справа приближается императоръ, совершая возліяніе надъ пламенемъ алтаря. На заднемъ планѣ виденъ арки моста, ведущаго чрезъ Дунай при Турнъ-Северинѣ, искусно возведенный императорскимъ строителемъ Аполлодоромъ изъ Дамаска. Входы на мостъ укрѣплены башнями.

численныхъ путешествій не только исторически прославленные города, но взбирался даже на Этну.

Почта.

Способы передвиженія были, по всей вѣроятности, удовлетворительны, если частная почта ежедневно дѣлала 60—70 клм. Государственная почта, организованная Августомъ, обслуживала, правда, только государство, переправляя спѣшныя вѣсти или оффиціальныхъ лицъ, иногда небольшіе военные отряды и матеріалъ для военныхъ нуждъ. Адріанъ ее организовалъ еще шире, распредѣливъ работу между многочисленными высшими и низшими чиновниками, на обязанности которыхъ лежалъ надзоръ за крупными и мелкими почтовыми станціями, казенными гостиницами и обширными конюшнями лошадей и муловъ. Расточительные монархи обставляли свои путешествія необычайной роскошью; напримѣръ, Неронъ путешествовалъ съ 1000 экипажами, и римскіе аристократы подражали ему. Путевые экипажи были устроены съ чрезвычайнымъ комфортомъ, дававшимъ возможность въ нихъ заниматься и спать.

Гостиницы.

Только гостиницы-дворцы въ то время еще отсутствуютъ. Напротивъ, гостиницы, среди которыхъ были и казенныя, устроенныя государствомъ для должностныхъ лицъ

и т. п., отличались большой скромностью и вмѣстѣ съ тѣмъ дешевизной (рис. 193), что понятно при низкомъ общественномъ уровнѣ, на которомъ стояли содержатели ихъ. Непріятной стороной путешествій были нападенія разбойниковъ, случавшіяся особенно часто въ пограничныхъ провинціяхъ и въ горахъ; они, впрочемъ, не отличались худшимъ характеромъ, чѣмъ случаи въ наше время въ тѣхъ же мѣстностяхъ. Разбойники.

Возвращаясь къ обзору торговли, мы констатируемъ въ эпоху имперіи, главнымъ образомъ, обширный ввозъ товара. Ввозъ.

Для Рима важнѣйшимъ продуктомъ ввоза былъ, разумѣется (стр. 315), хлѣбъ. Его ввозили изъ Кампаніи, Сициліи, Испаніи и Британніи, главнымъ же образомъ изъ Африки (стр. 466) и Египта, такъ что Египетъ и Африка доставляли треть количества хлѣба, потребляемаго столицей. Скотъ ввозился, большей частью, изъ Сициліи, Африки, Британніи, черноморскихъ странъ, но и изъ Галліи и долины По, мѣстностей, славившихся, между прочимъ, отмѣнной ветчиной. Рыбу привозили, главнымъ образомъ, изъ Испаніи, оливковое масло изъ Испаніи, южной Италіи и южной Галліи, изъ Африки же въ большомъ количествѣ, но менѣе хорошаго качества. Вино поставляли Египетъ, Черное море, Испанія и Галлія (рис. 421), гдѣ расцвѣтъ винодѣлія долгое время тормозился правительствомъ. Сицилія и Испанія снабжали мёдомъ и воскомъ; Испанія же и Галлія—лѣсными матеріалами, деревомъ и смолой. Долина рѣки По и бельгійская Галлія поставляли шерсть, а также и тогда уже доброкачественныя сукна; одежда же выдѣлывалась, главнымъ образомъ, въ Италіи. Кромѣ того, Испанія снабжала серебромъ, занимая въ рудникахъ своихъ общимъ числомъ до 40.000 работниковъ; Дакія и Ѳракія, золотомъ, Британнія и остальной Сѣверъ—мѣдью, оловомъ, свинцомъ, Галлія—желѣзомъ, часто переработаннымъ въ желѣзныя орудія. Для этой эпохи роскоши и изнѣженности характеренъ обширный ввозъ объектовъ роскоши, прежде всего въ Римъ. Сюда относятся привозимые съ востока и очень высоко цѣнимые предметы въ родѣ драгоцѣнныхъ камней, жемчуга, индиго, слоновой кости, черепахи, индійской стали, ладана, мирры, всякихъ пряностей и аравійскаго пурпура. Александрія и Сирія, особенно же Антіохія, торговали продуктами ремесленнаго производства, нѣкоторые виды которыхъ вывозятся оттуда и понынѣ: оружіе и роскошные сосуды, стекло, ковры, пурпуровыя ткани, полотно, шелкъ (стр. 60), который парѳяне привозили въ сыромъ видѣ изъ Китая. Изъ Африки привозились, главнымъ образомъ, дикіе звѣри, предназначенные для амфитеатральныхъ зрѣлищъ, самому извращенному явленію роскоши. Число продаваемыхъ рабовъ съ теченіемъ времени уменьшалось (стр. 486), и ихъ поставлялъ, главнымъ образомъ, востокъ.

Сравнительно съ этимъ множествомъ объектовъ продажи, мы мало знаемъ о вывозѣ изъ Италіи. Кромѣ масла и вина, восточные народы, особенно арабы, покупали у итальянцевъ продукты ткацкой промышленности и керамики, мѣдь и латунь для предметовъ роскоши, желѣзо, часто уже въ видѣ орудій и оружія. Намъ кажется, что торговля не дала замѣтнаго толчка промышленности, даже въ смыслѣ усовершенствованія качества товара, чѣмъ италійскій вывозъ существенно отличается отъ нѣмецкаго. Повидимому, много доброкачественнаго золота и серебра потекло на востокъ, что объясняетъ, между прочимъ, описанное выше (стр. 475) пониженіе цѣнности монетъ. Вывозъ.

Тѣмъ не менѣе, картина этой всемірной торговли грандіозная. Торговля только въ незначительной мѣрѣ стѣснена была таможенными

пошлинами, размѣры которыхъ были очень ограниченны (существовали таможенные сборы и на границахъ провинцій, нѣчто вродѣ octroi), многочисленными монополіями (главнѣйшей среди нихъ была соляная) — передъ нами картина экономической объединенности, отъ которой мы въ наше время очень далеки.

Торговля деньгами.

Ясно, что денежныя операціи въ связи съ ростомъ (стр. 485) крупныхъ капиталовъ разрастаются сравнительно съ прежними временами. Благотворное вліяніе при этомъ оказывалъ контроль, осуществляемый государствомъ съ цѣлью предотвращенія злостныхъ банкротствъ; денежныя операціи находились подъ надзоромъ городского префекта или провинціальнаго намѣстника, которые имѣли право требовать предъявленія дѣловыхъ отчетовъ. Разрастается безотрадное явленіе ростовщичества. Даже главный представитель стои въ эпоху имперіи, Сенека, не пренебрегаетъ возможностью искусственнаго распространенія паники, чтобы выгодно заработать на своихъ милліонахъ, помѣщенныхъ въ Британніи. Съ конца римской республики высота процентовъ снова понижается; при Августѣ въ Римѣ обычно взимаются 4%, со времени Клавдія 6%, тогда какъ въ остальныхъ частяхъ государства взимали вдвое больше.

Натуральное хозяйство.

Однимъ изъ самыхъ странныхъ явленій въ экономической жизни было постепенное паденіе денежнаго хозяйства къ концу разсматриваемаго періода послѣ значительнаго подъема въ началѣ эпохи имперіи. Уже во время республики натуральное хозяйство постольку продолжаетъ свое существованіе, поскольку провинціи вносятъ въ большинствѣ случаевъ налоги натурой, главнымъ образомъ, зерномъ. Это явленіе не только разрастается къ концу эпохи имперіи, такъ что даже налоги въ видѣ мяса, одежды и т. д. распредѣляются по областямъ, но и должностныя лица получаютъ часть жалованія натурой, не только зерномъ и виномъ, но и одеждой, вьючными животными и др. Въ связи съ этой формой хозяйства, вновь въ обширныхъ размѣрахъ возрождается ойкосная форма его въ латифундіяхъ, такъ что всякіе предметы домашней необходимости отнынѣ выдѣлываются только домашними ремесленниками. Лишь возникновеніе восточно-римской имперіи съ середины 4 столѣтія снова возрождаетъ денежное хозяйство.

Промышленность.

Вышеописанная картина промышленности (стр. 318) въ эпоху имперіи существенно не мѣняется. Крупный капиталъ теперь меньше угрожаетъ здоровой эволюціи ея, чѣмъ въ прежнее время; онъ наноситъ гораздо бо́льшій ущербъ сельскому хозяйству. Всякій знатокъ юга вспомнитъ оживленную мелкую торговлю, широко распространенную на югѣ—мелкій ремесленникъ тутъ же въ своей крошечной лавченкѣ сбываетъ свои издѣлія, предлагая ихъ со всей присущей ему живостью южанина. Для вывоза производилось мало (стр. 481).

При оцѣнкѣ развитія промышленности мы, однако, не должны ограничиваться положеніемъ вещей въ столицѣ, какъ часто поступаютъ. Провинція, безъ сомнѣнія, опередила Римъ во многихъ отношеніяхъ. Особенно богато было промышленное производство на востокѣ; мы уже указывали при обзорѣ провинцій (стр. 469) на Египетъ, Сирію и Малую Азію. Въ Галліи промышленная предпріимчивость также очень интенсивна. Интересенъ всюду наблюдаемый фактъ отсутствія эксплуатаціи массоваго рабскаго ремесленнаго труда. Часто предприниматели отдаютъ работу на сторону и нерѣдко свободнымъ, въ чемъ насъ, главнымъ образомъ, убѣждаютъ египетскія находки. Тѣмъ не менѣе, ремесло въ Римѣ въ преобладающемъ числѣ случаевъ находится въ рукахъ отпущенниковъ, что свидѣтельствуетъ о низкой оцѣнкѣ ремесленнаго труда. Особеннаго вниманія заслуживаютъ профессіональныя ассоціаціи, существовавшія въ Римѣ съ древнѣйшихъ временъ (стр. 282); онѣ разрастаются, несмотря на воздѣйствія правительства, нерѣдко тормозившаго ихъ развитіе; положеніе вещей въ Малой Азіи (стр. 45) свидѣтельствуетъ о томъ, что эти ассоціаціи, повидимому, подъ вліяніемъ Рима переходятъ и на греческую почву. Въ III столѣтіи корпораціи превращаются въ принудительныя, что уже знаменуетъ конецъ нормальной эволюціи; цѣлью этого превращенія было гаранти́ровать государству поступленіе податей съ ремесленниковъ, за которое отвѣтственна была вся ассоціація. Такимъ образомъ, участіе въ нихъ становится наслѣдственнымъ: не только сынъ, но и зять наслѣдуетъ профессію отца; и эта принудительность является однимъ изъ колесъ въ государственномъ механизмѣ Діоклетіана. Что касается характера этихъ ассоціацій, то онѣ ничего общаго не имѣютъ со средневѣковыми, цѣлью которыхъ являлось, между прочимъ, и усовершенствованіе ремесла; онѣ почти ничѣмъ не отличались отъ остальныхъ римскихъ коллегій.

Въ связи съ ростомъ матеріальной культуры происходитъ все бо́льшая спеціализація видовъ ремесла. Не менѣе естественнымъ является развитіе ремеслъ, занятыхъ выдѣлкой предметовъ роскоши, въ чемъ сказывается все еще продолжающееся вліяніе эллинизма. Особенно часто встрѣчаются, главнымъ образомъ, въ восточной части государства, упоминанія о различныхъ ремесленникахъ, частью объединенныхъ въ корпораціи, работавшихъ въ области ткацкой промышленности—о ткачахъ, валяльщикахъ (рис. 130), красильщикахъ, портныхъ и ковровщикахъ. Римъ производилъ много шерстяныхъ и полотняныхъ тканей, Падуя также славилась этимъ производствомъ; Сирія выдѣлывала шелковыя ткани и ковры (стр. 471), на всемъ же востокѣ, особенно въ Малой Азіи, была широко распространена окраска тканей пурпуромъ. Встрѣчаются также многочисленные кожевники и сапожники. Безчисленны виды спеціалистовъ-ремесленниковъ, изготовляющихъ разныя украшенія, въ родѣ колецъ, камней, золотыхъ издѣлій (рис. 260), издѣлій изъ слоновой кости, драгоцѣнныхъ камней, черепахи и воска. Роскошь убранства жилища также поощряетъ развитіе ремесла, вызывая многіе новые виды его; многочисленны живописцы, спеціально

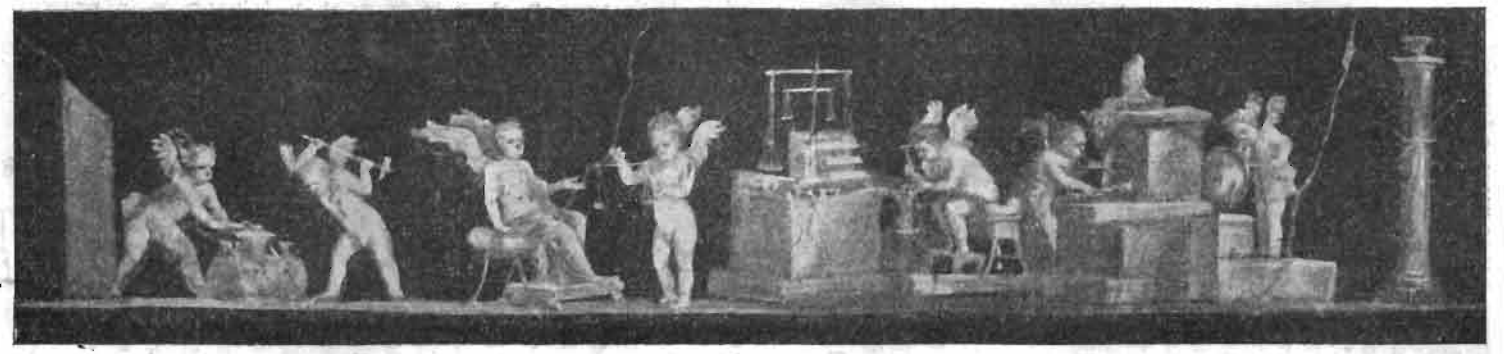

Рис. 260. АМУРЫ — ЗОЛОТЫХЪ ДѢЛЪ МАСТЕРА.

Стѣнная роспись въ домѣ Веттіевъ въ Помпеяхъ.

Ср. Hermann, Denkm. antiker Malerei, таб. 24. F. Bruckmann, A.-G. München, phot.

Слѣва направо изображены: рядомъ съ колонной двое эротовъ, кующихъ на наковальнѣ золотой брусокъ; Психея (съ сѣрыми крыльями летучей мыши) покупаетъ драгоцѣнности, эротъ навѣшиваетъ передъ нею одну изъ нихъ; на родѣ постамента съ уступами разложены разныя драгоцѣнныя украшенія, рядомъ съ которыми стоятъ двое вѣсовъ; эротъ въ кожаномъ передникѣ работаетъ паяльной трубкой надъ какимъ-то украшеніемъ, которое онъ сустъ на щипцахъ въ огонь плавильной печи; сзади печи эротъ, гравирующій золотую чашу.

Рис. 261. БИТВА ТРАЯНА СЪ ДАКАМИ.

Съ арки Константина.

Ср. Brunn, Text zu d. Denkm., таб. 589, стр. 2. F. Bruckmann, A.-G. München, phot.

Битва, въ которой множество убитыхъ и раненыхъ даковъ заполняетъ весь рельефъ. Въ серединѣ его изображенъ Траянъ на конѣ съ обнаженной головой; онъ устремляется на враговъ; его конный соратникъ протягиваетъ ему шлемъ; налѣво императоръ возвращается побѣдителемъ, ему предшествуетъ Рома, Викторія его вѣнчаетъ; направо идетъ рядъ пѣшихъ даковъ. Эта живопись на камнѣ, имѣющая 20 м. въ длину, была разрѣзана на 4 части, когда въ 312 г. была воздвигнута арка въ честь Константина, названная его именемъ. Части, на которыхъ изображенъ императоръ, украсили средній проходъ арки, двѣ остальныя части—верхнія боковыя стороны аттики (ср. рис. 249).

занимающіеся стѣнной росписью, художники мозаики, стеклянныхъ издѣлій, даже садовники-букетчики. Римъ славился своими дешевыми керамиковыми или болѣе дорогими металлическими сосудами, съ нимъ успѣшно конкурировали города въ родѣ Ареццо. Особую спеціальность представляло изъ себя производство канделябровъ (рис. 183). Производство въ Римѣ многочисленныхъ музыкальныхъ инструментовъ или выдѣлка выписываемаго изъ Африки папируса, такъ же, какъ изготовленіе разнообразныхъ земледѣльческихъ орудій, свидѣтельствуетъ о цѣломъ рядѣ другихъ культурныхъ потребностей.

Въ сознаніи народа дѣятельность ученаго и художника приближалась къ ремеслу: къ нему же относилось сценическое искусство и Variétés, а также обученіе. Выше всѣхъ еще цѣнилось искусство адвоката и врача.

Врачи.

Врачебное искусство (ср. рис. 171) и въ эпоху имперіи продолжало находиться большей частью въ рукахъ иностранцевъ, грековъ и египтянъ, часто отпущенниковъ, даже рабовъ. Домашній врачъ почти всегдъ принадлежитъ къ числу домашней челяди. Большое значеніе и крупные доходы пріобрѣтаютъ (стр. 476), разумѣется, лейбъ-медики императора и засвидѣтельствованные памятниками общинные врачи—архіатры въ Малой Азіи, оплачивавшіеся государствомъ. Существуютъ уже военные, театральные, даже школьные врачи и врачи профессіональныхъ ассоціацій. Поразительно велико, повидимому, число врачей спеціалистовъ. Рядомъ съ выдающимися представителями медицинскаго искусства существовало множество шарлатановъ, оруловавшихъ косметическими и разными другими, менѣе безопасными средствами, дѣлавшихъ массу промаховъ, приготовляя собственноручно всякія зелья,—аптекъ въ то время не было. Это явленіе естественно, такъ какъ профессіи врача у римлянъ не предшествовала опредѣленная школа.

Богатство.

Хотя богатство въ эпоху имперіи возрастаетъ, оно въ сравненіи съ современными понятіями невелико, если даже принять во вниманіе болѣе высокую цѣну золота въ древнее время. Обыкновенно приводятся три типичныхъ примѣра людей, располагавшихъ капиталомъ въ 3—400 мил. сестерцій (65—90 мил. мар.): характерно, что въ числѣ счастливыхъ владѣтелей этихъ сокровищъ преданіе называетъ двухъ знаменитыхъ отпущенниковъ Клавдія, Палласа и Нарцисса. Скромнымъ капиталомъ, покрывавшимъ необходимые запросы жизни, считался капиталъ въ 20000 систерцій (4350 м.). Повидимому, богатство въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ казалось такимъ преувеличенно большимъ, потому что нищета достигала иногда крайнихъ предѣловъ. Условія жизни въ тѣ времена были неустойчивѣе, чѣмъ въ наше время; въ денежныхъ затрудненіяхъ часто бывали даже императоры и ихъ приближенные, за которыхъ императоры нерѣдко уплачивали долги. Въ III столѣтіи, съ паденіемъ сельскаго хозяйства и торговли, общее экономическое обнищаніе все увеличивалось. Писатели этого періода жалуются на повальныя эпидеміи, неурожаи и другія бѣдствія. Императоры дѣлали попытки выручить народъ изъ бѣды. Сюда относятся и хлѣбныя раздачи и другія пожертвованія (стр. 476), которыя, правда, преслѣдовали прежде всего иную, менѣе благородную цѣль. Характерно, что подобныя пособія раздавались народу не только въ

Средніе состоянія.

Бѣдность.

Римѣ, но и въ Лоинахъ, и даже въ странѣ, изобиловавшей хлѣбомъ, изъ которой его и вывозили въ громадномъ количествѣ, въ Египтѣ.

Алиментарныя учрежденія.

Оригинальнымъ учрежденіемъ благороднаго Траяна является institutio alimentaria (рис. 262): проценты съ опредѣленныхъ капиталовъ шли на воспитаніе дѣтей свободныхъ гражданъ; мальчики обезпечивались до 18-го года, дѣвочки—до 14-го. Существовалъ цѣлый рядъ корпорацій, которыя практическіе римляне основывали съ цѣлью оказанія взаимопомощи. Подобно греческимъ (стр. 73) корпораціямъ, онѣ примыкаютъ къ какому-нибудь святилищу, отличаясь отъ послѣднихъ опредѣленной практической цѣлью; обыкновенно, союзы обезпечиваютъ похороны своихъ сочленовъ на свои средства. Жизнь корпорацій особенно

Корпораціи.

Ростры Курія Аргилетъ Эмиліева базилика Фиговое дерево съ Марсіемъ

Рис. 262. ВНУТРЕННЯЯ СТОРОНА БАЛЮСТРАДЫ ТРАЯНА НА ФОРУМѢ

(ср. рис. 258) Фотографія Алинари.

Императоръ, объявляющій въ 101 году учрежденіе *institutio alimentaria*, на основаніи которой во всѣхъ городахъ Италіи помѣщались большіе капиталы подъ закладныя на земли, а на проценты воспитывались бѣдныя дѣти, многочисленность которыхъ была очень важна для арміи. Направо Италія, держа ребенка на рукахъ, благодаритъ императора за его мудрое попеченіе.

широко процвѣтаетъ въ греческой части Малой Азіи,—это эпоха, когда къ гимнасію примыкаютъ оффиціальныя, новыя муниципальныя общества, развивающіяся въ совершенно эллинистическомъ духѣ (стр. 68): къ союзамъ молодежи присоединяются союзы стариковъ, цѣль которыхъ не столько гимнастика, сколько попойка. Культъ императоровъ способствовалъ возникновенію цѣлаго ряда пѣвческихъ и даже мистическихъ обществъ—искусство пѣнія всегда процвѣтало въ Малой Азіи.

Рабы.

Масса рабовъ продолжаетъ лишать низшіе слои населенія хлѣба. Въ теченіе первыхъ двухъ столѣтій ихъ число, повидимому, все еще росло, у иного отпущенника еще бывало по нѣсколько тысячъ рабовъ. Съ теченіемъ времени послѣ прекращенія побѣдоносныхъ и разрушительныхъ войнъ, ознаменовавшихъ эпоху республики, число ихъ падаетъ; это послужило одной изъ причинъ осложненія отпуска на волю закономъ и преобладанія въ сельскомъ хозяйствѣ труда

свободныхъ; въ Египтѣ рабы, повидимому, совершенно исчезаютъ. Философскія воззрѣнія эпохи имперіи, прежде всего ученіе стоиковъ (стр. 99), сильно способствовали еще до распространенія христіанства улучшенію судьбы рабовъ; славной заслугой Антониновъ является рядъ постановленій, охранявшихъ жизнь и даже нѣкоторую собственность рабовъ отъ произвола господина; обычай исканія защиты отъ преслѣдованія у подножья статуи императора дѣлаетъ честь эпохѣ имперіи. Вооруженныя возстанія рабовъ прекратились, если не считать незначительнаго возстанія въ Сициліи; ужасныя войны рабовъ, потрясавшія государство въ эпоху республики, никогда больше не повторялись (стр. 320).

4. ВОЕННОЕ ДѢЛО

Хотя всѣ главныя особенности военнаго строя, характеризовавшія его въ эпоху республики (стр. 320 слл. рис. 261, 263, 329), со-

Рис. 263. ВОЙСКО ТРАЯНА.

Рельефъ на колоннѣ Траяна. Ср. Cichorius, Trajanssäule, II, табл. 79.

Два военныхъ отряда, раздѣленные горнымъ хребтомъ, направляются въ общей цѣли. Судя по знаменамъ, которыя несутся за офицеромъ, ведущимъ войско, и двумя трубачами (несутъ ихъ signifer, vexillarius и aquilifer), передній отрядъ состоитъ изъ преторіанцевъ, одного цѣлаго легіона и одного отряда второго легіона. Въ отрядѣ, изображенномъ на заднемъ планѣ, шествуетъ императоръ, за нимъ юный офицеръ, трубачъ и знаменосецъ (знамя намѣчено было только краской). Въ римскомъ лагерѣ (на заднемъ планѣ направо) солдаты вспомогательныхъ отрядовъ разгружаютъ поклажу съ муловъ и повозокъ передъ палатками. Для охраны водоёма (*aquatio*) и моста (очень неискусно изображеннаго) поставленъ солдатъ, судя по вооруженію (овальный щитъ), также изъ вспомогательнаго отряда.

хранились, грандіозная армія періода имперіи представляетъ изъ себя нѣчто новое на исторической сценѣ, не имѣющее аналогіи въ древней исторіи и имѣющее лишь немногія параллели въ позднѣйшей и новой. Насъ прежде всего поражаетъ, какъ сравнительно не велика была военная сила, охранявшая міровое господство Рима. Въ эпоху Августа существовало лишь 25 легіоновъ; послѣ покоренія Британніи ихъ Легіонное войско.

было 30, со времени Септимія Севера 33. Лишь въ эпоху Константина число ихъ достигаетъ громадной цифры 175, хотя численность каждаго, повидимому, значительно понижается. Такъ какъ нормальный легіонъ состоялъ изъ 6 000 пѣхотинцевъ и 120 каваллеристовъ, къ которымъ присоединялось такое же количество вспомогательныхъ войскъ, вооруженныхъ отчасти по римскому, отчасти по чужеземному образцу, то римская армія при Августѣ насчитывала до 350 000 человѣкъ, т.-е. была на 150 000 человѣкъ меньше нѣмецкой въ мирное время. Эта сила въ исторіи Рима является первымъ дѣйствительно постояннымъ войскомъ, находившимся въ постоянной боевой готовности. Имъ пользуются только для защиты пограничныхъ провинцій, которымъ угрожаетъ врагъ. Неуклонность тактики римскаго правительства поразительна: оно не нарушаетъ сплоченности этихъ большихъ массъ войска, не раздробляетъ ихъ, а сосредоточиваетъ, главнымъ образомъ, на границѣ Рейна, впослѣдствіи на границѣ Дуная. Здѣсь легіоны имѣли постоянныя стоянки, находясь въ постоянной боевой готовности. Въ легіонѣ представлены всѣ виды оружія, даже пѣхотинецъ прекрасно знаетъ большую часть фортификаціонныхъ работъ; съ легіонами, кромѣ каваллеристовъ, были соединены (рис. 330) легко вооруженные и отряды, вооруженные метательными орудіями. Спеціальные саперные отряды fabri, стоявшіе по провинціямъ, со своимъ praefectus fabrum во главѣ, воздвигали только крупныя укрѣпленія и осадныя сооруженія (рис. 271, а). Въ войскѣ служатъ отнынѣ уже профессіональные солдаты; хотя въ римскомъ легіонѣ служили и граждане—набиравшіеся, правда, изъ разныхъ провинцій,—хотя, такимъ образомъ, римскіе солдаты и не были лишены любви къ родинѣ, и ихъ закаленность, строгость, даже суровость нравовъ были несравненны, тѣмъ не менѣе, безпрерывная военная служба способствовала огрубѣнію войска и даже жестокости. Правительство руководилось совершенно правильной тенденціей, никогда не позволять солдату оставаться праздным. Въ мирное время не ограничивались усиленными военными упражненіями, отъ которыхъ освобождались только солдаты, добровольно оставшіеся въ войскѣ, отслужившіе свой срокъ ветераны; солдаты, особенно въ правленіе Адріана, исполняли разнородныя работы мирнаго времени, состоявшія не только въ постройкѣ крѣпостей, но и въ сооруженіи улицъ, мостовъ, гаваней, каналовъ, водопроводовъ (рис. 264), даже въ насажденіи виноградниковъ и т. д. Мы уже указывали на происхожденіе городской цивилизаціи изъ военныхъ лагерей, на роль солдата какъ піонера цивилизаціи въ провинціи, главнымъ образомъ, въ сѣверной Африкѣ.

Преторіанцы. Преторіанцы были гвардіей (рис. 263), возникшей изъ древней cohors praetoria, сопровождавшей полководца въ періодъ республики на поле битвы (стр. 322). Эта личная охрана императора

состояла изъ десяти когортъ по 1000 человѣкъ каждая. Кромѣ 4 городскихъ когортъ по 1000 человѣлъ и семи когортъ vigiles, пожарной команды, организованной на военный ладъ (стр. 457), преторіанцы являлись единственнымъ войскомъ, стоявшимъ въ городѣ; со времени Тиберія постоянный лагерь преторіанцевъ находился передъ воротами Collina. Эта охрана, состоявшая прежде всего изъ италиковъ, такъ часто дерзавшая замѣщать престолъ по своему усмотрѣнію, была распущена Септиміемъ Северомъ, замѣнившимъ ее новымъ отрядомъ изъ ветерановъ, особенно изъ оракійско-иллирійскихъ солдатъ. Константинъ ее совершенно уничтожаетъ.

Надъ войсками отдѣльныхъ провинцій начальствовали императорскіе легаты, бывшіе преторы. Имъ были подвластны трибуны, коман- Командованіе.

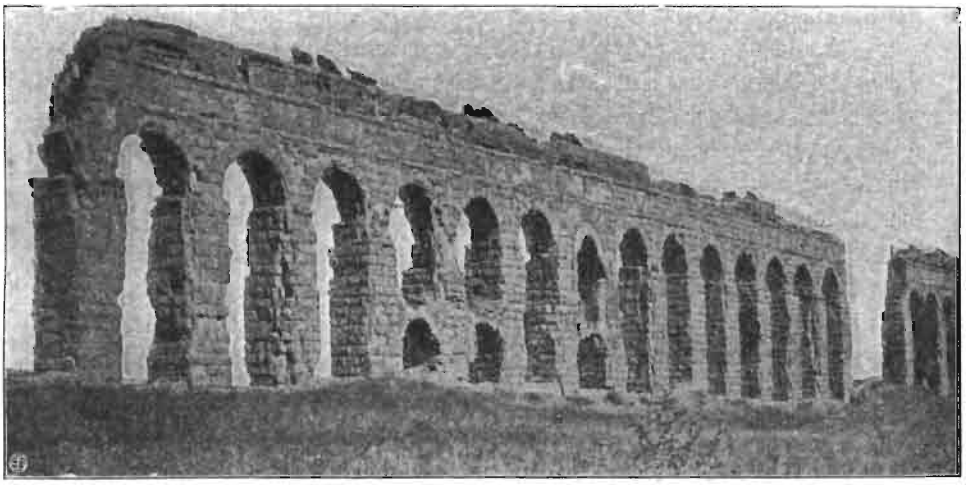

Рис. 264. AQUA CLAUDIA ВДОЛЬ VIA APPIA. Съ фотографіи.

Арки этого водопровода имѣютъ въ пролетѣ 5,5 м.; вышина ихъ въ данномъ мѣстѣ 27 м.; сохранилось ихъ 155. Жолобъ для воды наверху еще виденъ; кромѣ главнаго жолоба изъ продосторожности былъ сдѣланъ запасный.

диры отдѣльныхъ когортъ; кромѣ нихъ существовалъ префектъ лагеря, игравшій то роль коменданта, то квартирмейстера. Къ 60 центуріонамъ и 22 декуріонамъ, предводительствовавшимъ кавалеріей, присоединялись 8—9 principales, соотвѣтствующіе нашимъ фельдфебелямъ и исполнявшіе административныя обязанности. Константинъ учреждаетъ новую военную іерархію съ двумя генералъ-фельдмаршалами во главѣ ея.

Солдаты поступали на службу съ 17 лѣтъ, и служили въ гвардіи 16, въ легіонѣ 20, Условія службы.
въ вспомогательномъ войскѣ 25 лѣтъ. Ежегодное жалованіе, кромѣ хлѣба, составляло при Августѣ для легіонера до 225 денаріевъ (200 м.), для преторіанца до 720 ден. (630 м.); центуріонъ получалъ двойную сумму, трибунъ въ теченіе долгаго времени вчетверо больше; впослѣдствіи жалованіе значительно повышается, солдатамъ даютъ изъ казны военное обмундированіе и оружіе. Не было недостатка въ щедрыхъ подаркахъ монарховъ (стр. 451). Часть денегъ вносилась въ общую кассу лагеря; солдаты имѣли,

между прочимъ, свою похоронную кассу. Уходящему въ отставку ветерану легіона выплачивалось 3000 денаріевъ (2600 м.), преторіанцу 5000 денаріевъ (4350 м.), если они взамѣнъ денегъ не получали земельнаго надѣла. Отставной военный жилъ въ провинціальномъ городѣ, пользуясь всеобщимъ почетомъ, онъ былъ свободенъ отъ налоговъ, пользовался рядомъ отличій, носилъ тогу, окаймленную пурпуромъ, и имѣлъ рангъ декуріона (стр. 328). По сравненію съ республиканской эпохой кары и почести остались тѣ же. Характерно, однако, что тріумфъ становится исключительной привилегіей (стр. 328) императора, только тріумфальныя знаки отличія даруются и другимъ лицамъ.

Императоры увѣковѣчивали память о своихъ побѣдахъ (рис. 346) воздвиженіемъ колоннъ (рис. 265, 326 и сл.) и тріумфальныхъ арокъ, съ которыми насъ познакомитъ глава объ искусствѣ.

Въ теченіе столѣтій, римское войско охраняло государство; наполненіе римской арміи множествомъ германцевъ, особенно при Константинѣ, разлагаетъ и войско и государство.

Флотъ. Флотъ и въ эпоху имперіи сравнительно невеликъ. Онъ господствовалъ надъ обоими италійскими морями и сосредоточивался въ двухъ военныхъ портахъ: Мисенѣ и Равеннѣ, къ которымъ присоединяются стоянки въ Forum Julii (Fréjus) и Аквилеѣ. Небольшія эскадры стояли въ Александріи, въ Эгейскомъ и Черномъ моряхъ; имѣлись флотиліи и на наиболѣе значительныхъ рѣкахъ, на Рейнѣ, Дунаѣ и Евфратѣ. Упоминаются стоянки флота также на рѣкахъ Галліи и нѣкоторыхъ озерахъ внутри страны.

5. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ

Въ теченіе долгаго времени на частную жизнь эпохи имперіи смотрѣли какъ на верхъ роскоши и разврата; въ послѣднее время изслѣдователямъ, проникнутымъ излишнимъ аскетизмомъ, дѣлается вполнѣ обоснованный упрекъ въ односторонности; высокое богатство и въ другія эпохи, и даже въ наше время, влечетъ за собой аналогичныя явленія, не говоря уже о томъ, что наши свѣдѣнія ограничиваются столицей, и мы мало знаемъ о небольшихъ городахъ. Наконецъ, мы видимъ уже въ эпоху республики почти всѣ тѣ же явленія внѣшняго блеска. Поэтому мы ограничимся лишь краткими указаніями на измѣнившіяся условія жизни, чтобы избѣгнуть повторенія неоднократно обсужденныхъ частностей. Уже эпоха Нерона достигаетъ кульминаціонной границы въ безумномъ расточительствѣ; съ Веспасіана начинается болѣе умѣренное время.

Домъ. Со времени Августа, гордившагося превращеніемъ кирпичнаго Рима въ мраморный, частный домъ также принимаетъ болѣе роскошный характеръ, чѣмъ прежде. Драгоцѣнные матеріалы прежде всего способствуютъ бо́льшему великолѣпію жилища: многочисленные сорта пестраго камня, идущаго на облицовку стѣнъ, богатая мозаика, укра-

шавшая полъ и своды потолка, облицовка стѣнъ драгоцѣннымъ металломъ, употребленіе стекла. Художественный обзоръ Помпей рисуетъ намъ картину всего этого; онъ же свидѣтельствуетъ о сравнительно

Рис. 265. КОЛОННА МАРКА.

Римъ, Piazza Colonna. Съ фотографіи.

Изъ каррарскаго мрамора, сохранилась хуже Траяновой колонны. Цоколь первоначально начинался на уровнѣ на 2,65 м. ниже современной мостовой и былъ соотвѣтственнымъ образомъ украшенъ. На вершинѣ стояли, по всей вѣроятности, статуи императора и его супруги; теперь здѣсь возвышается фигура св. Павла. Недавно колонна была отлита въ гипсѣ и сфотографирована на средства германскаго императора и другихъ нѣмецкихъ меценатовъ (рис. 247).

скромныхъ размѣрахъ жилищъ въ эпоху имперіи. Мы знаемъ, кромѣ того, что обычная квартира сентора, соотвѣтствовавшая его общественному положенію, не должна была стоить меньше 6 000 сестерцій

(1300 м.), что во всякомъ случаѣ не является признакомъ чрезмѣрной роскоши. Характерно, какъ добивались скромности и во внѣшнемъ видѣ: нормальная высота домовъ при Траянѣ была понижена до 20 м.

Императорскіе дворцы.

Императорскіе дворцы съ обширными пріемными и садами, разумѣется, отличались бо́льшимъ великолѣпіемъ. Характерно, однако, что наибольшимъ блескомъ отличались дворцы Калигулы, Нерона и Домитіана. Изысканной роскошью славился золотой домъ Нерона, въ которомъ даже стѣны были облицованы золотомъ; въ парадныхъ залахъ его изъ открывающихся потолковъ, украшенныхъ слоновой костью, на собравшихся гостей ниспадали цвѣты.

Рис. 266. САБИНА, ЖЕНА АДРІАНА. Римъ, Музей Терм. Съ фотографіи.

Виллы.

Виллы, принадлежавшія сенаторамъ, устраивались съ большимъ комфортомъ; онѣ становятся все многочисленнѣе со времени принужденія сенаторовъ помѣщать часть капитала въ италійскія земли (стр. 458). Особенно знаменита была отчасти еще сохранившаяся вилла Адріана около Тибура. Здѣсь императоръ увѣковѣчилъ воспоминанія о своихъ путешествіяхъ, устроивъ академію, Stoa Poikile, Kanopos, уголокъ Темпе, въ чемъ онъ слѣдуетъ вкусу своего времени; мы видимъ, что въ основѣ роскоши могли лежать чисто-идеалистическія побужденія, хотя бы ограничивавшіяся романтическими настроеніями (ср. рис. 284).

Что касается убранства жилища, то мы существенныхъ перемѣнъ по сравненію съ концомъ эпохи республики не видимъ (стр. 332 слл.). Среди цѣнной мебели замѣчательны дорогіе столы (стр. 334); у Сенеки, напримѣръ, была коллекція въ 500 столовъ. Тонкіе красные сосуды изъ terra sigillata свидѣтельствуютъ объ умѣніи этого времени создать и изъ дешеваго матеріала очень изящные предметы; они получили свое имя по рельефному украшенію наиболѣе обычнаго типа этихъ сосудовъ (блюда); наши музеи изобилуютъ ими на ряду съ многочисленными стекляннымн сосудами (среди нихъ прелестные millefiori и бутылки съ пестрыми, наложенными стекляннымн нитями).

Одежда.

По сравненію съ другими эпохами одежда въ періодъ имперіи отличается простотой; носили немногіе виды очень скромной одежды, покрой которой только въ незначительной степени былъ подверженъ

модѣ. Въ нѣкоторыхъ формахъ одежды сказывается стремленіе къ удобству.

На тогу надѣвали нарядную лацерну. Съ III стол. мужчины и женщины носятъ вмѣсто туники длинную, часто очень богатую далматику съ рукавами, подъ которую надѣвалась плотно прилегавшая къ тѣлу рубашка. Почтенной тогѣ, которую теперь носитъ и простонародье, въ позднѣйшее время предпочитаютъ болѣе удобную одежду; такъ, напримѣръ, паллій, похожій на греческій гиматій. Въ эпоху поздней имперіи римляне, прежде всего солдаты, начинаютъ носить штаны, заимствованные у варваровъ, особенно въ мѣстностяхъ съ холоднымъ климатомъ.

Матеріи.

Роскошь сказывается, главнымъ образомъ, въ выборѣ тканей. Распространяются разные сорта полотна, мало употреблявшагося въ эпоху ранней имперіи, начиная тончайшимъ виссономъ и кончая грубой крестьянской тканью. Раньше носили некрученый шелкъ (стр. 60), съ III-го же столѣтія распространяется китайскій, главнымъ образомъ, въ видѣ полушелка. Особенно великолѣпна одежда изъ пурпуровыхъ тканей, роскошь которой многократно ограничивалась императорскими эдиктами; стоимость пурпуровой мантіи нерѣдко достигала 10.000 сестерцій (2.175 м.). Возникаетъ любовь къ пестротѣ красокъ, начинаютъ распространяться узорчатыя ткани. Въ противоположность современнымъ обычаямъ роскоши, мѣхъ еще не играетъ роли, его носятъ только въ путешествіяхъ. Среди драгоцѣнныхъ камней особенно цѣнился рѣдкій алмазъ, затѣмъ смарагдъ, берилъ и опалъ; со времени взятія Александріи широко распространяется также жемчугъ. Тѣмъ не менѣе, ношеніе знатной римлянкой украшенія изъ смарагдовъ и жемчуга—изъ военной добычи—цѣнностью въ 40 милл. сестерцій (около 9 милл. марокъ) поражаетъ, какъ рѣдкое явленіе. Наконецъ, въ Римѣ много денегъ расточалось на благовонія.

Рис. 267. ФАУСТИНА СТАРШАЯ, СУПРУГА АНТОНИНА ПІЯ.
Неаполь. Съ фотографіи.

Со времени Адріана снова укореняется мода ношенія широкой бороды, сохраняющаяся вплоть до эпохи христіанскаго императора Константина (рис. 418, 434); возвращеніе Юліана къ бородѣ представляетъ изъ себя намѣренное возстановленіе „языческаго обычая“. Прическа женщинъ подвержена безчисленнымъ колебаніямъ моды. Встрѣчается прическа съ проборомъ посрединѣ, зачесанные на задъ волосы и завитые локоны; со времени Флавіевъ носятъ преувеличенно высокія прически и косы (рис. 194); въ III стол. завитые волосы съ проборомъ (рис. 266) и прическу высоко зачесанную на затылкѣ (рис. 267). Фальшивые волосы, выписывавшіеся изъ Германіи и Индіи, такъ же распространены, какъ подкрашиваніе бровей и искусственные зубы.

Домашняя жизнь.

Жизнь маленькаго человѣка въ деревнѣ и теперь проходитъ въ безпрестанной дѣятельности, тогда какъ горожанинъ часто ведетъ

праздное существованіе (стр. 340), такъ же какъ въ эпоху республики, хотя древній обычай ранняго утренняго вставанія не уничтожается. Къ числу уже описанныхъ, мало серьезныхъ занятій, въ эпоху имперіи присоединяется безконечное пребываніе въ грандіозныхъ, блестяще устроенныхъ общественныхъ термахъ, гдѣ посѣтители не только переходили отъ холоднаго къ теплому и горячему купанью, устроенному съ утонченнымъ совершенствомъ, но гдѣ они находили въ великолѣпныхъ залахъ и колоннадахъ разныя развлеченія, спортъ и игры. Рестораны были мало распространены въ древности; во всякомъ случаѣ, въ харчевняхъ (popinae) или лавочкахъ (cauponae) вращается исключительно простонародье. Жизнь въ придворныхъ кругахъ отнынѣ является интереснымъ, если и не всегда безопаснымъ, развлеченіемъ для представителей высшей знати. „Друзья монарха“, дѣлившіеся на два ранга „допущенія“, т.-е. два придворныхъ ранга, не ждутъ общаго пріема, который бывалъ 1-го января, когда императоръ, облеченный въ пурпуровую тогу, принималъ въ торжественно украшенномъ дворцѣ иногда весь сенатъ, слѣдуя строгому придворному церемоніалу; этотъ церемоніалъ отъ III стол. вплоть до византійской эпохи принимаетъ все болѣе раболѣпный характеръ; „друзья монарха“ сидятъ съ нимъ за столомъ, сопровождаютъ его въ когортѣ друзей во время путешествій, императоръ же награждаетъ ихъ своей милостью или—немилостью.

Трапезы. Что касается пиршествъ эпохи имперіи, то намъ и тутъ не слѣдуетъ изъ единичныхъ фактовъ дѣлать общіе выводы. Къ числу ихъ относится рядъ типичныхъ легендъ о безсмысленномъ уничтоженіи драгоцѣнностей, о растореніи жемчуга въ напиткахъ, о жаркихъ изъ прирученной птицы. Сюда же относится отвратительный обычай искусственнаго очищенія желудка путемъ раздраженія горла павлинымъ перомъ, чтобы снова быть въ состояніи продолжать ѣду. Утонченность наслажденія не всегда вырождается въ пустое расточительство, какимъ напр., надо считать трату на розы для одного пира въ 4 милліона сестерцій (870 000 м.); эта утонченность часто способствовала полезному распространенію культурныхъ пріобрѣтеній на италійской почвѣ, откуда они распространяются по всему цивилизованному міру. Знаменитый романъ Петронія рисуетъ тѣ уродливыя границы, которыхъ достигаютъ причуды и чванство въ роскоши обѣденной обстановки.

Попойки. Развлеченія во время блестящаго симпосія носятъ болѣе разнообразный характеръ, чѣмъ въ эпоху республики (стр. 353 сл.). Кромѣ шутовъ, пѣвицъ куплетовъ, танцовщицъ, среди которыхъ отличаются цвѣтущія андалузки, развлекаются музыкой, декламаціями фарсовъ, классическихъ произведеній Гомера и Менандра, даже діалоговъ Платона; поэты стремятся пріобрѣсти извѣстность прочтеніемъ новаго произведенія за пиршествомъ знатнаго вельможи, или даже императора.

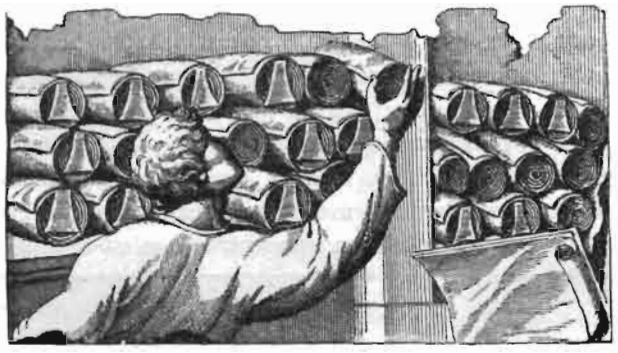

Рис. 268. БИБЛІОТЕКА. Утерянный рельефъ изъ Неймагена.

Ср, Th. Birt. Die Buchrolle in der. Kunst, рис. 159.

Двѣ полки (*loculi*), раздѣленныя стѣнкой, на которыхъ лежатъ въ три ряда свитки. На большинствѣ верхушекъ ихъ, обращенныхъ къ зрителю, находится корешокъ съ заглавіемъ книжки (*sittybos*). Читатель (или библіотекарь) вставляетъ одинъ изъ свитковъ на прежнее мѣсто, другой свитокъ развернутъ для чтенія. Повидимому, библіотека служила также читальней.

Слѣдуя греческому обычаю (Э. К., стр. 281) и философія культивируется за столомъ.

Женщина эпохи имперіи не только сохраняетъ свое достойное положеніе въ семьѣ, но эмансипація ея дѣлаетъ значительные успѣхи. Это обнаруживается, между прочимъ, на правовой почвѣ, такъ какъ отнынѣ господствуетъ въ большинствѣ случаевъ болѣе свободная форма брака (стр. 346). Женщина сохраняетъ, такимъ образомъ, право распоряженія своимъ капиталомъ за исключеніемъ приданаго, которымъ управляетъ спеціальный прокураторъ, что имѣло нерѣдко сомнительныя послѣдствія. Такъ какъ женщина и въ общественной жизни теперь занимаетъ совершенно равное съ мужчиной положеніе, то домашняя работа для многихъ теряетъ всякое обаяніе, и при воспитаніи дѣвушекъ музыка и пѣніе ставятся уже выше тканья и пряжи. Разумѣется, присутствіе женщинъ на симпосіяхъ сомнительнаго характера, во время которыхъ онѣ возлежатъ, ихъ присутствіе въ мужскомъ обществѣ въ циркѣ, непристойныя зрѣлища, особенно пантомимы, кровавыя гладіаторскія игры, посѣщеніе роскошныхъ модныхъ курортовъ, въ томъ числѣ пресловутыхъ Бай, все это понижало уровень нравственности и римлянки, и ея сестры—провинціалки. Дѣйствительно, безнравственность особенно женщины высшихъ общественныхъ слоевъ несомнѣнна; въ многочисленныхъ разводахъ и узаконеніяхъ, борящихся съ безбрачіемъ, отражается печальная бытовая картина. Тѣмъ не менѣе, литературная и эпиграфическая традиція сохранила намъ рядъ благородныхъ женскихъ образовъ, примѣровъ чистой женственности и даже мужественнаго героизма. Въ области великихъ интеллектуальныхъ движеній, въ поэзіи и наукѣ, въ философіи и христіанствѣ женщина эпохи имперіи сыграла немалую роль. Семейная жизнь. Женщины.

Въ эпоху имперіи обученіе въ трехъ обычныхъ школахъ (стр. 348 сл.), подъ руководствомъ литератора, грамматика и ритора, Обученіе.

окончательно укореняется. Въ эпоху Веспасіана былъ сдѣланъ крупный шагъ впередъ—греческіе и латинскіе риторы впервые оплачиваются государствомъ. Воспитаніе римскаго юноши отнынѣ углубляется требованіемъ болѣе разносторонняго общаго образованія, въ составъ котораго входятъ, главнымъ образомъ, музыка и знаніе геометріи: школа идетъ рука объ руку съ архаизирующими теченіями времени, такъ что съ эпохи Адріана—Вергилія и Горація замѣняютъ Эннія, Пакувія, Плавта и Катона. Высшее образованіе университетскаго типа сильно распространяется въ эпоху имперіи. Къ древнимъ просвѣтительнымъ центрамъ

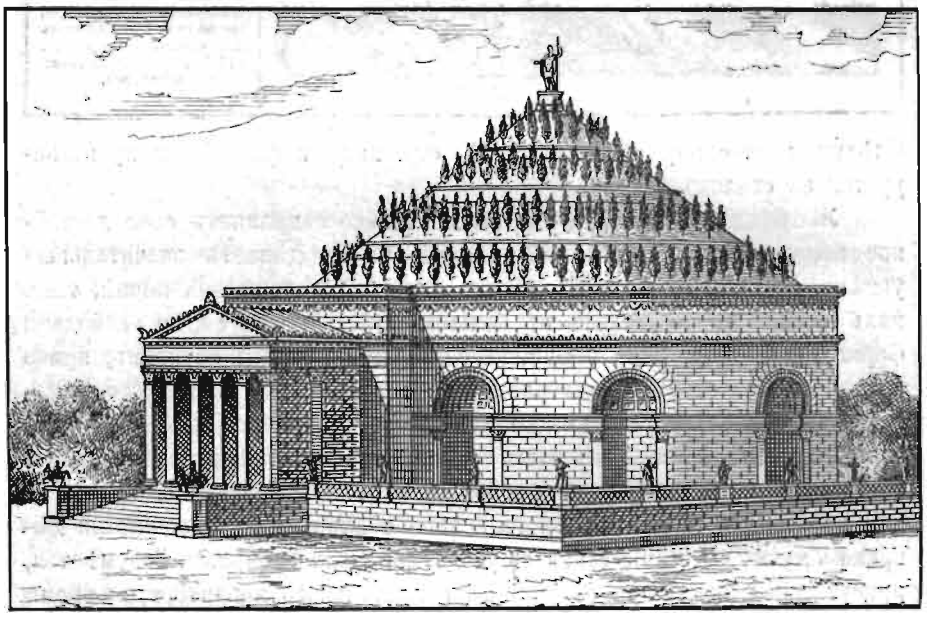

Рис. 269. МАВЗОЛЕЙ АВГУСТА.

Реконструкція по Duruy изъ Schneider'a, Das alte Rom, табл. 8.

На бронзовыхъ стелахъ при входѣ было начертано завѣщаніе Августа (ср. Monumentum Ancyranum). Кромѣ Августа тутъ было похоронено большинство членовъ Юліевой-Клавдіевой династіи. Въ паркѣ, окружавшемъ мавзолей, находился крематорій (*ustrina*), въ которомъ были сожжены останки Августа.

на востокѣ (стр. 349) присоединяются высшія школы на западѣ; кромѣ основаннаго Адріаномъ Аоснея въ Римѣ, гдѣ лекціи были доступны не только учащимся, но и образованнымъ всѣхъ сословій, существовали высшія школы въ Марселѣ и Миланѣ, впослѣдствіи въ Autun'ѣ, Бордо и Трирѣ, часто соединенныя съ богатыми библіотеками (рис. 268). И тогда уже изученіе греческаго языка было подвержено большимъ колебаніямъ: сначала оно господствуетъ, распространяясь и на западѣ, въ періодъ позднѣйшей имперіи оно падаетъ. За послѣднія столѣтія имперіи высшія школы достигаютъ большого внѣшняго блеска, переживая, однако, внутренній упадокъ; распутная и веселая жизнь учащихся становится главною цѣлью.

Ритуалъ похоронъ (стр. 397 слл.) и въ эпоху имперіи существеннымъ перемѣнамъ не подвергается. Подъ вліяніемъ христіанства все шире распространяется обычай погребенія, а въ связи съ нимъ растетъ и число античныхъ саркофаговъ, украшенныхъ рельефными изображеніями сюжетовъ изъ греческой миѳологіи; изслѣдованіе ихъ, особенно изученіе сюжетовъ, составляетъ обширную область археологіи и исторіи искусствъ (рис. 170, 340, 378, 420, 433, 435 сл.). Похороны

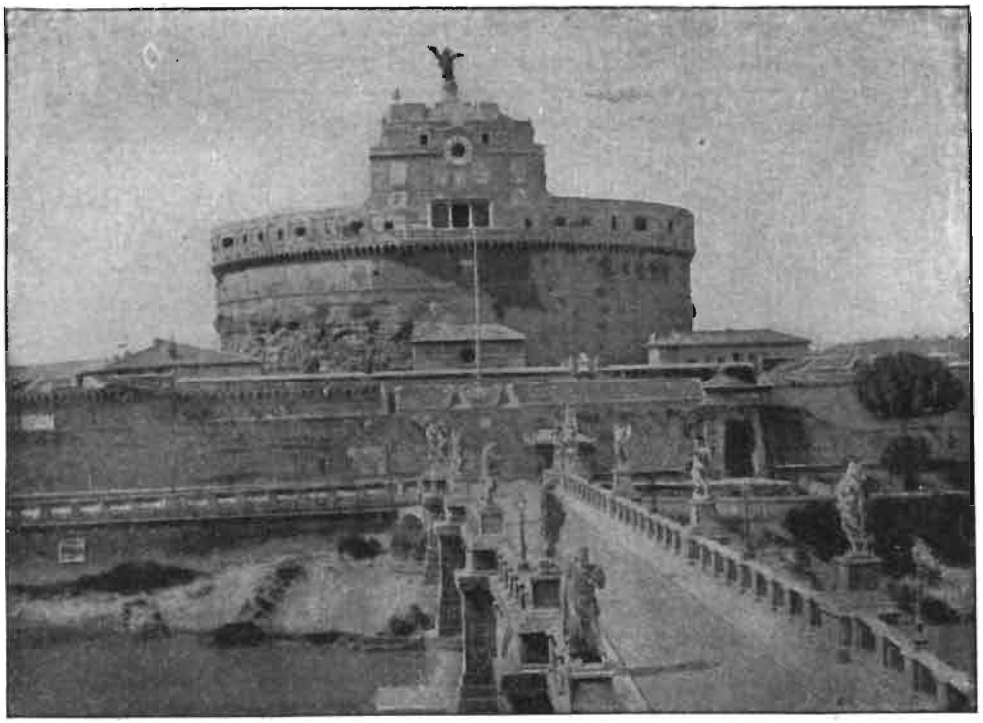

Рис. 270. MOLES HADRIANI И PONS AELIUS. Нынѣ Замокъ и мостъ Св. Ангела.
Съ фотографіи.
Во время процессіи для отвращенія чумы Григорій Великій увидѣлъ надъ башней архангела Михаила, вкладывавшаго въ ножны свой мечъ; онъ посвятилъ часовню «S. Angelus inter Nubes». Этимъ объясняется современное названіе башни. Съ X стол. она служила папской крѣпостью, въ эпоху Возрожденія въ ней находились великолѣпные папскіе покои. Что касается внѣшней стѣны, то только нижняя часть ея античной кладки.

Особенной помпой отличалось похоронное торжество въ честь императора, останки котораго, умащенные благовонными мазями и покрытые драгоцѣнными тканями, сжигались на Марсовомъ полѣ на кострѣ, формою напоминавшемъ маякъ, въ присутствіи властей и придворныхъ дамъ, облеченныхъ въ простыя бѣлыя одежды. Этотъ театральный актъ завершался своеобразнѣйшимъ обычаемъ: когда пламя костра пылало, орелъ вырывался изъ верхняго этажа сооруженной башни и улеталъ подъ небеса, символизируя полетъ (консекрированной) души покойнаго

монарха къ безсмертнымъ (рис. 428) богамъ. О роскоши и грандіозности мавзолеевъ свидѣтельствуетъ гробница Августа (рис. 269) и вѣковѣчный замокъ Св. Ангела, воздвигнутый въ память Адріана (рис. 270).

6. ПОЧИТАНІЕ БОГОВЪ

Характерной чертой богопочитанія періода республики является эллинизація его, въ эпоху же имперіи религія все опредѣленнѣе оріентализируется. Ниже будетъ сказано объ эволюціи этого своеобразнаго явленія, подготовившаго пути христіанству. Ясно, что въ связи съ этимъ перерожденіемъ религіи возникаетъ и новый культовой ритуалъ. Тогда какъ женщины поклонялись въ тайныхъ собраніяхъ, легко принимавшихъ безнравственный оттѣнокъ, главнымъ образомъ Изидѣ, мужчины, особенно солдаты, увлекались чужеземнымъ культомъ Митры съ его таинственными мистеріями, о которомъ намъ особенно ясно свидѣтельствуетъ храмъ Митры въ Заальбургѣ.

Рис. 271. АТЛЕТЫ.
Часть большой мозаики изъ термъ Каракаллы, нынѣ въ Латеранѣ.
Съ фотографіи.
Рядъ знаменитыхъ атлетовъ, которые изображены съ отталкивающимъ реализмомъ.

Игры.

Самое видное мѣсто въ культѣ занимали игры, поскольку о нихъ еще можно говорить, какъ о культѣ. Въ эпоху имперіи послѣдніе слѣды ихъ связи съ религіей исчезаютъ, игры служатъ исключительно развлеченіемъ жадной къ зрѣлищамъ народной толпѣ. Какъ ни губительна ихъ роль, онѣ представляютъ изъ себя самое типичное явленіе въ жизни имперіи. Игры становятся важнѣе народныхъ собраній. Развлекаясь ими, народъ видитъ свое правительство, населеніе Рима своего монарха. Здѣсь народъ высказываетъ свои требованія, порою съ шумной, даже угрожающей настойчивостью. Съ цѣлью умиротворе-

нія народа, главнымъ образомъ, пролетаріата, императоръ въ связи съ играми милостиво даруетъ народу угощенія, подарки, выигрышные билеты, игравшіе большую роль, устраиваетъ иллюминаціи города, среди которыхъ ужасные „факелы Нерона“ пріобрѣли печальную славу. Съ другой стороны эти игры, заполнявшія въ IV стол. почти половину всего года, своей грандіозностью и многочисленностью свидѣтельствуютъ о финансовыхъ затратахъ, неслыханныхъ въ позднѣйшей исторіи. Самымъ губительнымъ результатомъ игръ является ихъ нравственное вліяніе, привычки нѣкогда безгранично активнаго и строго-нравственнаго римскаго народа къ праздности, грубости и сластолюбію. Со временемъ—

Рис. 271 а. ОСАДА ВЕРОНЫ НА АРКѢ КОНСТАНТИНА.
Съ фотографіи.
Всѣ пропорціи поразительно невѣрны. Тяжелая фигура императора превышаетъ солдатъ на цѣлую голову. Богиня побѣды, прилетающая, чтобы вѣнчать его, отличаются легкостью полета раннехристіанскихъ ангеловъ. Одежда сраженнаго непріятеля, падающаго со стѣны, не подчиняются закону тажести, напоминая средневѣковыя изображенія аналогичнаго типа.

и это яснѣе всего отражаетъ разрывъ съ старыми традиціями—потомки благородныхъ семей, даже императоры, не задумываются выступать въ циркѣ, въ амфитеатрѣ и на сценѣ, благородныя женщины увлекаются жокеями, атлетами и грубыми мимами.

Самымъ характернымъ явленіемъ жизни цирка была борьба партій, названныхъ по отличающимъ ихъ краскамъ одежды; въ VI столѣтіи ихъ дикая вражда угрожала императорскому престолу въ Константинополѣ. Циркъ постепенно расширяется и вмѣщаетъ въ себѣ 3—400 000 людей; наряду съ нимъ Веспасіанъ сооружаетъ свой грандіозный амфитеатръ, при освященіи котораго погибли тысячи животныхъ. Мы выше указывали (стр. 396) на исчезновеніе драмы съ внѣшне блестяще-обставленной сцены (рис. 365); она замѣняется роскошными пантомимами, обстановочными пьесами, чистой виртуозностью. И въ этой об-

ласти стрално сказываются новые проблески эллинистическаго вліянія. Римъ дѣлается центромъ всемірнаго союза сценическихъ художниковъ, организованнаго по эллинистическому образцу (стр. 79); тутъ же мы видимъ корпорацію греческихъ атлетовъ, возродившихъ греческіе гимническіе агоны (ср. рис. 271). Обѣ организаціи возникаютъ не въ средѣ народа; онѣ представляютъ изъ себя грандіозныя созданія императоровъ; поразительно, что самые благородные изъ нихъ, Траянъ и его преемники поддерживаютъ эти организаціи, видя въ нихъ одно изъ орудій своего всемірнаго вліянія.

Разумѣется, всѣ описанныя картины обнаруживаютъ ужасающее паденіе нравовъ и національнаго достоинства, однако, слѣдуетъ помнить, что намъ особенно видны тѣневыя стороны римской жизни; тѣмъ не менѣе увлеченіе серьезнымъ трудомъ и активный идеализмъ не умирали въ Римѣ и, главнымъ образомъ, въ провинціяхъ вплоть до послѣднихъ столѣтій имперіи. Культурная почва, на которой выросли жизнеспособныя германскія націи, и взошли сѣмена христіанства, ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что въ ея нѣдрахъ здоровая, могучая сила (ср. стр. 80) еще не погибла.

[*Поландъ*].

РИМСКІЙ ФОРУМЪ ИМПЕРАТОРСКАГО ВРЕМЕНИ. ВИДЪ СЪ ВОСТОКА (Ср. карту IV).

Реконструкція L. Levy. По Luckenbach; «Kunst und Geschichte», I.

Отъ нижняго края картины идетъ по направленію къ бѣлымъ столбамъ Sacra Via (священная дорога) между храмомъ Фаустины и маленькимъ зданіемъ Регіи и далѣе мимо задняго фасада храма божественнаго Юлія и круглаго храма Весты къ аркѣ Августа, черезъ которую входили на форумъ, имѣющій форму вытянутаго прямоугольника (100×44).

На его лѣвой сторонѣ, вдоль которой идетъ улица, поднимается храмъ Кастора и по ту сторону Vicus Tuscus (этрусской улицы) могучая Юліева базилика, предъ которой стоятъ семь почетныхъ колоннъ; съ правой стороны площадь ограничиваютъ базилика Эмиліева (нарисована здѣсь слишкомъ малыхъ размѣровъ и неправильно) и курія Юліева (раздѣленное на три части мѣсто засѣданій сената), раздѣленныя одна отъ другой Аргилетомъ, ведшимъ къ проходному форуму Нервы. На с.-з. концѣ широко растянулась ораторская трибуна, между арками Тиберія и Септимія Севера; сзади ея видны двѣ колонны: Milliarium aureum (золотой мильный камень) и Umbilicus Romae (пупъ Рима).

Отсюда извивается продолженіе Sacra Via—Clivus Capitolinus, между храмомъ Сатурна влѣво отъ него и храмами Конкордіи, храмомъ Веспасіана и портикомъ боговъ Consentium вправо, вдоль южной стороны высокаго Табуларія; онъ ведетъ къ сѣдловинѣ Капитолійскаго холма; къ ней же съ с. стороны Табуларія отъ маленькаго четыреугольнаго зданія тюрьмы ведетъ ступенчатая дорога—Scalae Gemoniae. Ю. вершину холма вѣнчаетъ храмъ Юпитера Капитолійскаго, сѣверную—крѣпость съ святилищемъ Юноны Монеты. На горизонтѣ за Тибромъ вершины укрѣпленнаго Яникула и Ватикана.

CAMPO VACCINNO ВЪ XVIII в. И ТЕПЕРЕШНІЙ РИМСКІЙ ФОРУМЪ.

1. Храмъ Веспасіана. 2. Храмъ Сатурна. 3. Арка Септимія Севера. 4. Курія Юліева, теперь п. св. Адріана. 5. Храмъ Фаустины. 6. Храмъ Ромула. 7. Церковь S. Francesca Romana съ остатками храма Венеры и Рима. 8. Арка Тита. 9. Палатинъ и субструкціи императорскихъ дворцовъ. 10. Храмъ Кастора. 11. Храмъ божественнаго Августа и библіотека. 12. Базилика Максентія. 13. Колоссей. 14. Нимфей Нерона на с.-з. выступѣ Целія. 15. Термы Тита и Траяна. a. Албанская гора (Monte Cavo). b. Базилика Максентія. c. Храмъ божественнаго Августа. d. Храмъ Весты и домъ весталокъ. e. Доисторическій некрополь передъ храмомъ Фаустины. f. Базилика Юліева. g. Мраморныя балюстрады Траяна. h. Эмиліева базилика. i. Колонна Фоки, выстроенная изъ частей болѣе древнихъ зданій въ IV или V в., украшенная въ 608 г. статуей византійскаго императора Фоки. k. Субструкціи ростръ. l. Umbilicus Romae, идеальный центръ города, выстроенный въ соотвѣтствіи съ золотымъ мильнымъ камнемъ Августа (Milliarium aureum) на противоположномъ концѣ ростръ; передъ нимъ подъ защитной крышей остатки Волканала. m. Современная улица.

РИМСКІЙ ФОРУМЪ ИМПЕРАТОРСКАГО ВРЕМЕНИ.

Видъ съ востока.

FORVM CAES
FORVM NERVAE
FORVM VESPASIANI
ATRIVM VESTAE

CAMPO VACCINO въ XVIII в.

По Пиранези, „Vedute di Roma".

ТЕПЕРЕШНІЙ РИМСКІЙ ФОРУМЪ.

Видъ съ сѣверо-запада.

Съ фотографіи.

a
b
c
1
2
3
4
5
9
10
m

В. ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

1. РИМСКОЕ ИСКУССТВО ВЪ ЭПОХУ АВГУСТА

Почти всѣ монархи смотрѣли на покровительство искусству, какъ на одно изъ средствъ укрѣпленія своей власти. Они удѣляютъ особенно много вниманія архитектурѣ; монументальные памятники ярче всего свидѣтельствовали о всесильномъ могуществѣ монарховъ, они же долговѣчнѣе другихъ сохраняли память о нихъ. Благодаря несмѣтнымъ богатствамъ императоровъ постройки принимали размѣры, видѣнные до тѣхъ поръ только на сказочномъ Востокѣ; сводъ и арка только теперь достигаютъ высшаго развитія. Декоровка построекъ отличалась соотвѣтствующей роскошью: декоративное искусство создастъ много новыхъ и оригинальныхъ цѣнностей. Живопись и пластика проявляютъ меньше самобытности; однако, старыя эллинистическія традиціи продолжаютъ эволюціонировать и въ нихъ, порою развиваемыя съ тонкимъ пониманіемъ. Для дряхлѣющаго эллинистическаго искусства обновленіе старыхъ сюжетовъ и замѣна ихъ національно-римскими было благотворно; оно оживляется струей свѣжей жизни. Естественнымъ результатомъ трезвости римлянъ является трезвый характеръ ихъ искусства; находясь подъ покровительствомъ монарховъ, оно становится придворнымъ искусствомъ, со всѣми преимуществами и недостатками такового.

Рис. 272. КОЛОННЫ ХРАМА КАСТОРА И ХРАМЪ DIVUS AUGUSTUS НА РИМСКОМЪ ФОРУМѢ.

Съ фотографіи Мошони.

Среди развалинъ центральной части рисунка лежитъ въ глубинѣ Lacus Juturnae. На заднемъ планѣ высокія кирпичныя стѣны храма Августа.

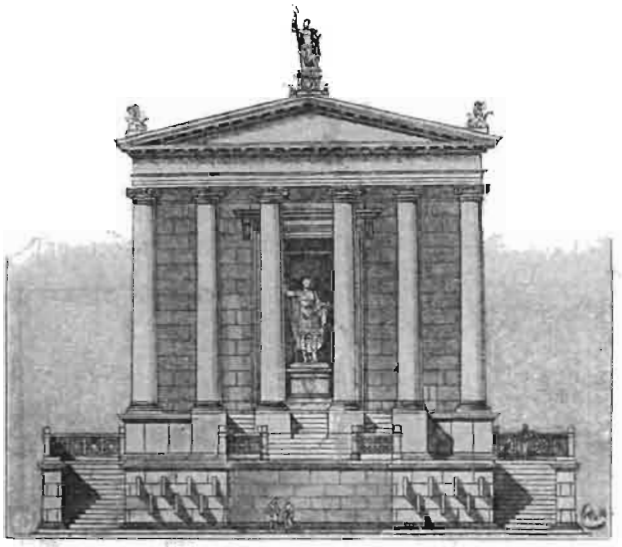

Рис. 273. TEMPLUM DIVI JULI.

Реконструкція Рихтера.

Ср. Jahrb. d. Inst. 1889, стр. 141.

Къ декоровкѣ фронтовой стѣны базы корабельными носами, ср. рис. 275.

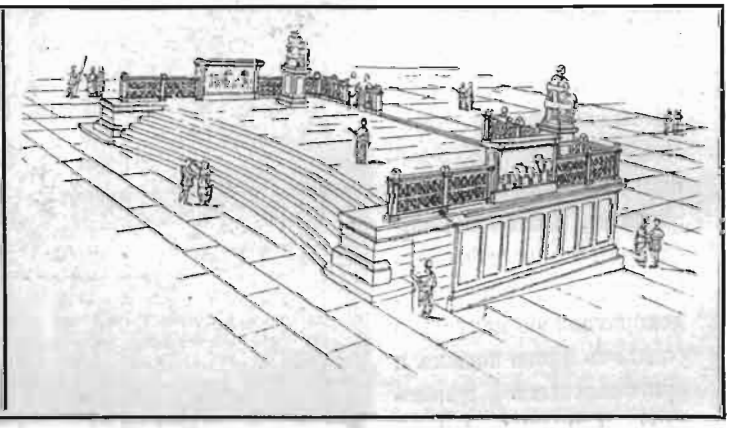

Рис. 274. ВИДЪ НА ROSTRA JULIA СЪ CLIVUS CAPITOLINUS.

Ср. Hülsen, Forum Romanum, Nachtrag, S. 4.

Реконструкція основывается, главнымъ образомъ, на изображеніи ростръ на аркѣ Константина (рис. 242). Посрединѣ боковыхъ балюстрадъ помѣщались Траяновы рельефы (рис. 198, 258 и 262).

Рис. 275. РАЗВАЛИНЫ ТРИБУНЫ ОРАТОРОВЪ.

Ср. Jahrb d. Inst. 1889, S. 5.

Въ квадрахъ туфа, нѣкогда облицованныхъ мраморными плитами, еще видны большія отверстія, въ которыхъ укрѣплены были *rostra* кораблей. Стѣна изъ кирпичей направо была построена, по всей вѣроятности, лишь въ V ст. по. Р. Хр., когда городской префектъ удлинилъ ростры послѣ побѣды надъ вандалами.

Искусство эпохи Августа.

Августъ серьезно покровительствовалъ искусству. Искусство должно было способствовать окруженію его узурпированнаго престола необходимымъ блескомъ. Очень умѣло Августъ побуждалъ поэтовъ восхвалять въ поэзіи родъ Юліевъ и способствовать проведенію и популярности его политическихъ мѣропріятій и такъ же умѣло заставлялъ опять служить своимъ цѣлямъ изобразительныя искусства. Если Римъ изобиловалъ множествомъ греческихъ художниковъ уже до Августа, то благодаря ему городъ на Тибрѣ становится центромъ и главнымъ средоточіемъ художественнаго творчества эпохи императоровъ.

Рис. 276. КАПИТЕЛЬ ХРАМА КОНКОРДІИ.
Римъ. Съ фотографіи.

Внѣшній обликъ столицы совершенно измѣнился; плохой кирпичъ, лишенные блеска туфъ и перперинъ, которыми удовлетворялись республиканцы, уступаютъ мѣсто травертину изъ Тиволи, италійскимъ и заморскимъ сортамъ мрамора. Августъ гордо заявляетъ въ своемъ завѣщаніи, говоря о Римѣ, что онъ принялъ глиняный городъ, а покидаетъ мраморный.

По сравненію съ эллинистическими столицами республиканскій Римъ былъ бѣденъ монументальными театрами и одеонами, рыночными

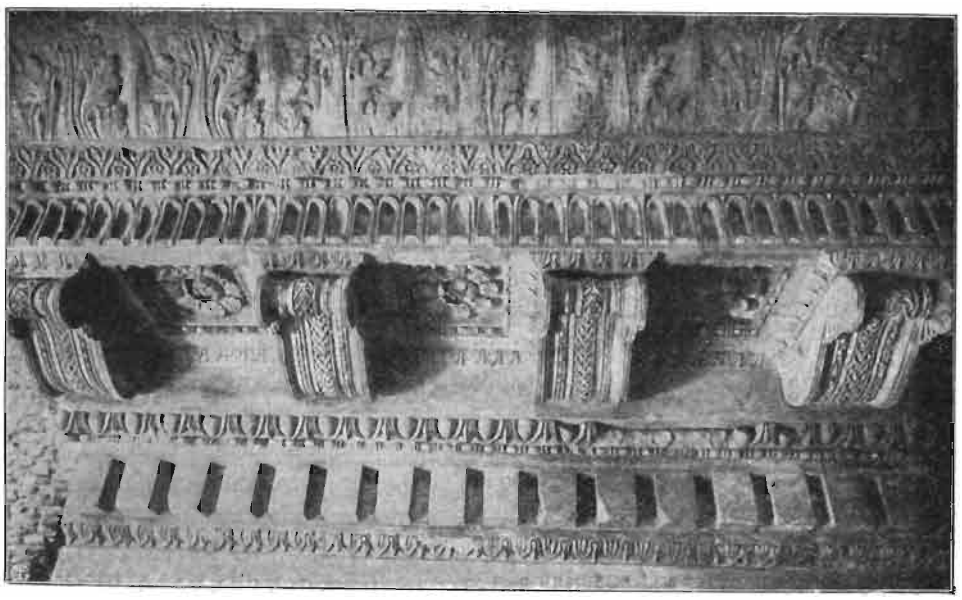

Рис. 277. КАРНИЗЪ ХРАМА КОНКОРДІИ. Римъ. Съ фотографіи.

галлереями и грандіозными термами, наконецъ, обширными дворцами для придворнаго штата императоровъ. Августъ устраняетъ этотъ недостатокъ возведеніемъ великолѣпныхъ новыхъ зданій. Храмы были бѣдны или разрушены: поэтому сенатъ поручаетъ императору реставрацію 82 полуразрушенныхъ святилищъ. Такимъ образомъ, передъ Августомъ открываются широкія строительныя задачи.

Съ 31 года дворъ располагается на Палатинѣ, гдѣ императоръ родился; дворецъ Августа, сгорѣвшій впослѣдствіи во время Нероновскаго пожара, возникъ здѣсь изъ разныхъ частныхъ домовъ; послѣ Нероновскаго пожара уцѣлѣла только спальня, простотѣ которой еще долго удивлялись. Рядомъ съ дворцомъ возвышался храмъ Аполлона изъ лунскаго мрамора, освященный Августомъ въ 28 г. до Р. Хр. Въ окружавшей его четырехугольной колоннадѣ помѣщалась обширная латинская и греческая библіотека, превосходившая богатствомъ всѣ остальныя библіотеки Рима. Храмъ и колоннада были богато и великолѣпно украшены пластикой, среди которой были произведенія архаическихъ греческихъ скульпторовъ, которыя Августъ предпочиталъ всѣмъ другимъ. До сихъ поръ ни одинъ камень этой постройки, уничтоженной пожаромъ 363 года, не найденъ.

Храмъ Аполлона на Палатинѣ.

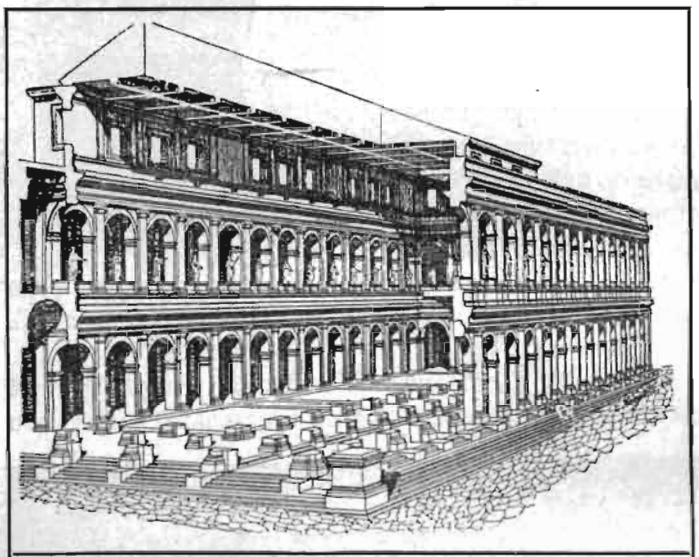

Рис. 278. BASILICA JULIA.
Реконструкція Tognetti. Ср. Hülsen, Forum Romanum, S. 61.
Мы видимъ сквозь портикъ одну изъ главныхъ залъ. Аркады галлерей и перваго внѣшняго этажа были нѣкогда украшены, по всей вѣроятности, статуями.

Римскій форумъ. Уже Юлій Цезарь началъ рядъ перестроекъ на римскомъ форумѣ: его преемникъ Августъ ихъ продолжаетъ и часть ихъ заканчиваетъ. Древняя ораторская трибуна, Rostra, находившаяся въ республиканское время на комиціи, переносится на новое мѣсто, на западную окраину форума (рис. 274 сл.). Противъ нея, на мѣстѣ сожженія останковъ Цезаря, возвышался храмъ Божественнаго Юлія (рис. 273); въ его стѣнѣ, обращенной на западъ, находилась полукруглая

Новыя ростры.

Храмъ Юлія.

ниша для алтаря, направо и налѣво отъ него стѣна была украшена рострами кораблей, — добыча Актійской побѣды. Отъ храма, освященнаго въ 29 г. до Р. Хр., сохранилась только база. На югѣ къ храму примыкала арка Августа, воздвигнутая сенатомъ и народомъ въ 19 г. до Р. Хр. въ память отнятія у парѳянъ захваченныхъ ими легіонныхъ орловъ: мы знаемъ только, что въ этой аркѣ было три прохода. Основаніе большого храма Castores или Діоскуровъ, находившагося на югѣ отъ этой тріумфальной арки, относится къ древнѣйшему періоду республики (стр. 369); онъ былъ заново перестроенъ Тиберіемъ при Августѣ въ 6 г. по Р. Хр. Сохранившіяся три колонны (рис. 167, 272) принадлежали храму, реставрированному при Траянѣ или Адріанѣ. Что касается храма Согласія, то онъ былъ впервые воздвигнутъ уже въ 367 г. до Р. Хр., и перестроенъ Тиберіемъ въ 7—10 г. по Р. Хр. съ новымъ великолѣпіемъ. Только фрагменты роскошнаго пола сохранились на мѣстѣ; капитель этого храма (рис. 276), — двѣ козлиныя головки, высовывающіяся изъ аканѳа по четыремъ угламъ абака, — а также фрагментъ карниза портика (рис. 277) ярко свидѣтельствуютъ о богатствѣ формъ, которыми располагало искусство эпохи императорскаго Рима. Этотъ же карнизъ дастъ намъ очень совершенный образецъ консоли, украшенной волютами, роль которой была такъ велика въ римской архитектурѣ; гейсонъ орнаментированъ такъ-называемыми трубками. Внутри храма нѣкогда возвышались мраморные постаменты, отличавшіеся удивительно краси-

Арка Августа.

Храмъ Кастора.

Храмъ Конкордіи.

Рис. 279. ФРОНТЪ ХРАМА МАРСА-МСТИТЕЛЯ.

Ср. Petersen, Ara Pacis, табл. 3.

Часть рельефа послѣавгустовскаго времени, вставленнаго нынѣ въ стѣну двора виллы Медичи на Monte Pincio. Въ центрѣ фриза стоитъ бородатый Марсъ въ шлемѣ, украшенномъ тремя султанами, направо отъ него Венера съ амуромъ у лѣваго плеча, далѣе Анхизъ или Ромулъ, наконецъ Тиберъ; налѣво Фортуна съ весломъ и рогомъ изобилія, рядомъ Roma, въ углу фриза лежитъ Палатинъ.

вымъ и очень богатымъ растительнымъ орнаментомъ; на нихъ же красовались статуи изъ драгоцѣннаго металла. Тиберій превратилъ храмъ въ музей: здѣсь хранились статуи работы древне-греческихъ мастеровъ, творенія Зевксида и Никія, даже кольцо Поликрата.

Юліева базилика. Basilica Julia, освященная въ 46 г. Цезаремъ въ недостроенномъ видѣ, также была возстановлена его преемникомъ, такъ какъ сильно пострадала отъ пожара (12 г. по Р. Хр.). Главная зала ея достигала 100 м. длины, 36 м. глубины и имѣла плоское покрытіе; полъ ея былъ выложенъ пестрыми мраморными плитами; здѣсь происходили засѣданія суда присяжныхъ centumviri; разныя судебныя палаты отдѣлялись одна отъ другой при помощи занавѣсовъ или передвижныхъ деревянныхъ стѣнъ. По четыремъ сторонамъ главной залы тянулись двухэтажные портики, которые были крыты сводами; мраморные столбы съ полуколоннами въ дорическомъ стилѣ поддерживали арки этого портика. На южной сторонѣ примыкали небольшія помѣщенія, назначенныя для чиновниковъ или подобныхъ цѣлей. Въ этой базиликѣ, защищенной отъ солнца и дождя, происходили судебныя засѣданія, биржевыя сдѣлки, торговая жизнь и прогулки—все, что раньше совершалось подъ открытымъ небомъ на рынкѣ. Августъ построилъ также новое зданіе для сенатскихъ засѣданій, Curia Julia, которою уже Цезарь замѣнилъ Curia Hostilia, расположенную дальше на сѣверъ. Цезарева курія окончена была лишь въ 29 г. до Р. Хр. Зданіе имѣло очень простой видъ, его украшала только золотая статуя богини Побѣды. Въ непосредственномъ сосѣдствѣ находилась Basilica Aemilia, воздвигнутая уже въ 179 г. до Р. Хр.; разрушенная пожаромъ, она была въ 14 г. по Р. Хр. возобновлена на средства, пожертвованныя Августомъ. Фасадъ базилики, украшенный квадратными пилястрами съ полуколоннами изъ бѣлаго мрамора, напоминалъ лежащую противъ нея базилику Юлія. Внутреннее ея

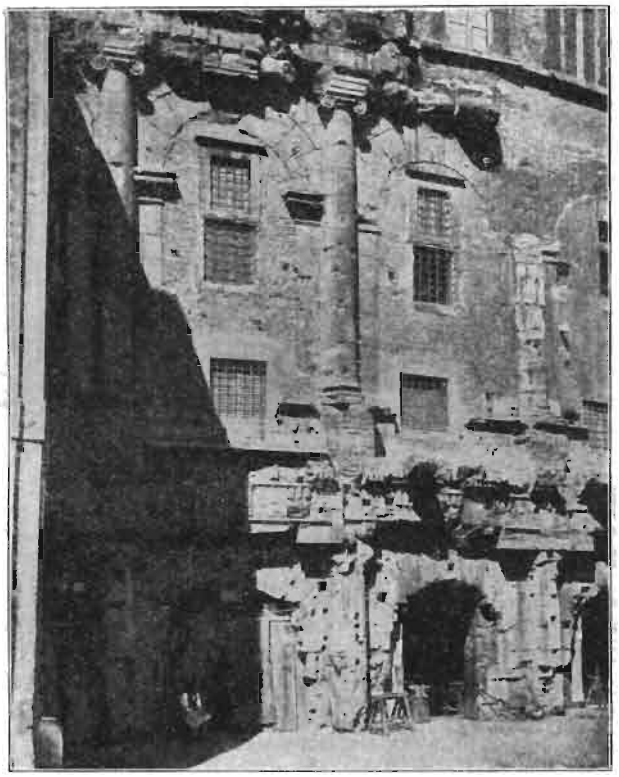

Рис. 280. ВОСТОЧНАЯ СТОРОНА ХРАМА МАРСА-МСТИТЕЛЯ.
Съ фотографіи.
Сохранились четыре колонны этой восточной части и фрагменты целлы: на южной сторонѣ находились глубокій портикъ и лѣстница. По обѣ стороны фронта храма возвышались арки, воздвигнутыя въ честь Друза и Германика.

Курія Юліева.

Эмиліева базилика.

устройство, съ которымъ насъ ознакомили систематическія раскопки, производившіяся на римскомъ форумѣ въ новѣйшее время, было однако иное; за портикомъ сначала слѣдовали служебныя помѣщенія, и только за ними находился главный залъ, входъ въ который находился на западѣ; длина зала достигала 70 м., широта 29 м. Галлереи, имѣвшія плоское, а не сводчатое покрытіе, покоились на колоннахъ, а не на пилястрахъ.

Форумъ Августа.

Рис. 281. ТЕАТРЪ МАРЦЕЛЛА.
Съ фотографіи.
Въ настоящее время нижній этажъ находится наполовину подъ землей; третій (Palazzo Orsini) перестроенъ въ стилѣ Ренессанса. Архитектура эпохи Возрожденія пользовалась этой постройкой какъ образцомъ.

Однако, Августъ не ограничивается украшеніемъ древняго римскаго рынка новыми постройками; по примѣру своего предшественника Цезаря онъ основываетъ новый рынокъ, Forum Augusti, на сѣверъ отъ forum Julium; ростъ населенія и, главнымъ образомъ, судебныхъ дѣлъ вызываетъ эту необходимость. Оба форума были окружены высокими оградами; входы въ нихъ закрывались на ночь или въ случаѣ опасности. На обоихъ форумахъ находились большія святилища: въ одномъ храмъ Венеры Родительницы, въ другомъ—Марса-Мстителя (рис. 279 сл.).

Августъ далъ обѣтъ воздвигнуть храмъ Марса Ультора (Мстителя) во время битвы при Филиппахъ, но могъ приступить къ освященію его лишь во 2 году по Р. Хр. Во всѣ времена этотъ храмъ считался одной изъ самыхъ великолѣпныхъ построекъ Рима; богатыя капители его никогда не были превзойдены въ римскомъ зодчествѣ; постройка была закончена съ величайшей тщательностью, кровля сдѣлана изъ дерева, срубленнаго въ Ретійскихъ Альпахъ при особомъ положеніи созвѣздія собаки. Въ нижнемъ этажѣ его хранились нормальныя мѣры; внутри храма находились статуи Марса, Венеры и многія другія произведенія искусства, среди которыхъ было нѣсколько твореній Апеллеса. Кромѣ того, здѣсь показывали разныя священныя реликвіи, какъ, напримѣръ, мечъ Цезаря и орлы легіоновъ, возвращенные парѳянами въ 20 г. до Р. Хр. Здѣсь представители императорскаго дома надѣвали toga virilis,

отсюда магистраты отправлялись въ подвѣдомственныя имъ провинціи, здѣсь сенатъ рѣшалъ вопросы о войнѣ и мирѣ и о тріумфахъ, здѣсь сохранялись тріумфальные инсигніи и трофеи, тутъ статуи увѣковѣчивали память о побѣдоносныхъ полководцахъ. Такимъ образомъ, этотъ обширный храмъ, построенный съ ослѣпительнымъ великолѣпіемъ, имѣлъ особое значеніе въ военной жизни Августовскаго Рима; въ провинціяхъ найдено множество реплик находившагося въ храмѣ изображенія Марса.

Театръ Марцелла.

Августъ подарилъ столицѣ и т е а т р ъ: постройка его была начата уже при Цезарѣ, но окончена лишь въ 10 году до Р. Хр. Онъ былъ названъ т е а т р о м ъ М а р ц е л л а въ память недавно скончавшагося зятя императора. Постройка не прислонялась, подобно греческимъ театрамъ, къ горѣ; „склонъ“ для уступовъ былъ сдѣланъ поэтому изъ каменной кладки. 12 арокъ стѣны, окружавшей театръ, еще сохранились: въ нихъ ютятся живописныя мастерскія ремесленниковъ (рис. 281). Нижній этажъ расчлененъ дорическими полуколоннами по сторонамъ арокъ, второй этажъ іоническими, третій, не сохранившійся, могъ быть украшенъ колоннами съ коринѳскими капителями. Отъ полукруглаго помѣщенія для зрителей уцѣлѣло нѣсколько опорныхъ стѣнъ, расположенныхъ радіусообразно. Это была первая римская постройка, всецѣло возведенная изъ травертина, при чемъ гораздо тщательнѣе позднѣйшей постройки Колизея, планъ котораго сходенъ съ театромъ Марцелла. Только театръ, открытый въ 55 году до Р. Хр. Помпеемъ, старше его. Выше (стр. 368, рис. 214 сл.) мы уже указывали на реставрацію древней Porticus Metelli на Марсовомъ полѣ, предпринятую императоромъ; въ честь его сестры портикъ былъ названъ Porticus Octaviae.

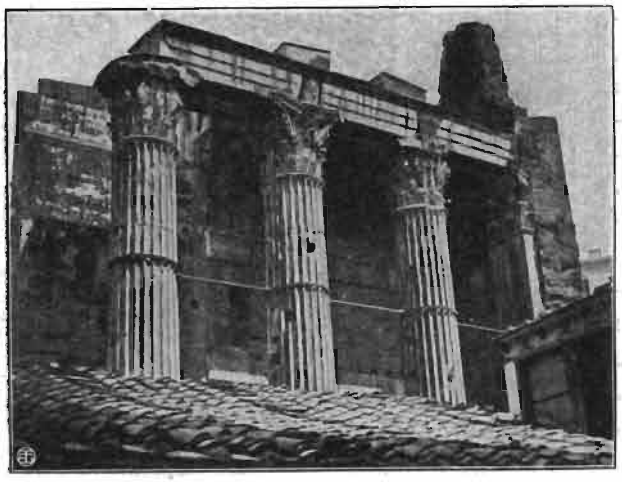

Рис. 282. ХРАМЪ НЕПТУНА ВЪ РИМѢ.
Съ фотографіи Андерсена.

Наряду съ Августомъ великими строителями были его сыновья и зятья. Особенно увлекался строительствомъ А г р и п п а. Благодаря ему Марсово поле было включено въ предѣлы отстраивавшагося города и осушено сѣтью каналовъ. Агриппа завершилъ начатыя Цезаремъ Saepta Julia. S a e p t a,—обширное зданіе, въ 1500 шаговъ въ окружности, окруженное просторнѣйшими портиками. Оно было назначено для собранія народ-

ныхъ комицій. Въ Diribitoriumѣ, очень обширной залѣ, постройка которой также была начата Агриппой, сортировались таблички, отданныя при голосованіи въ комиціяхъ, и устанавливались результаты выборовъ. Отъ обѣихъ построекъ почти никакихъ слѣдовъ не сохранилось. Что касается храма Нептуна (рис. 282), также возведеннаго Агриппой, то въ зданіи современной биржи отъ сѣверной продольной

Diribitorium.

Храмъ Нептуна.

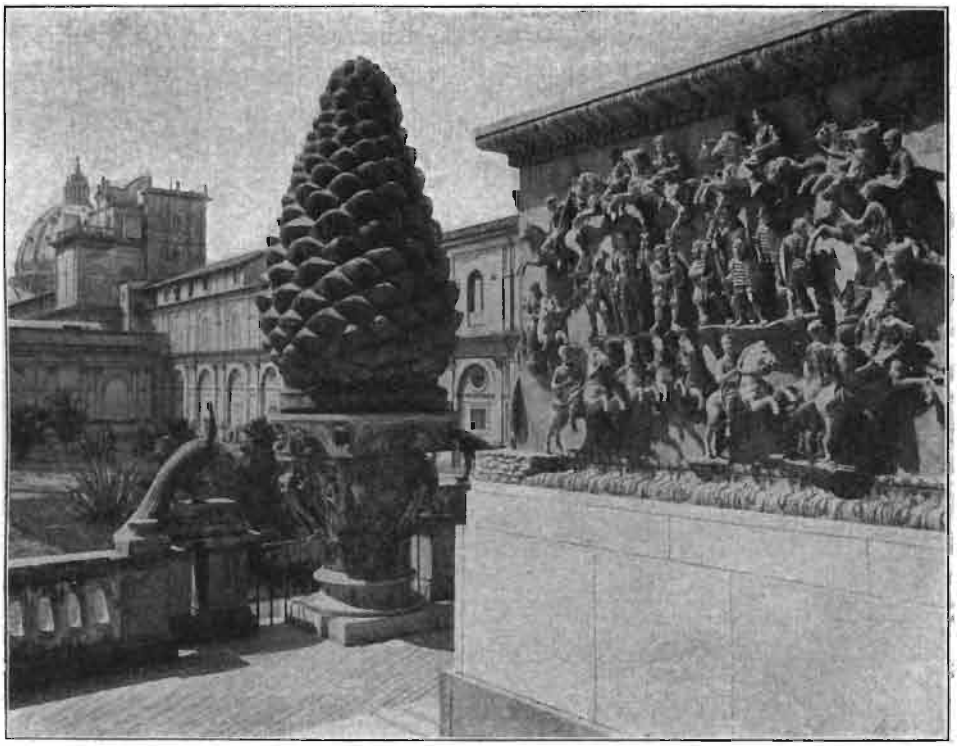

Рис. 283. LA PIGNA И ПОСТАМЕНТЪ АНТОНИНА ПІЯ.
Римъ. Giardino della Pigna, Ватиканъ. Съ фотографіи Мошони.
Судя по надписи, Pigna вылита Г. Циндіемъ Сальвомъ въ эпоху Агриппы. Въ IV столѣтіи она служила фонтаномъ (cantharus) въ атріи древней базилики Петра. Съ XVII столѣтія она украшаетъ названный по ней дворъ Ватикана. Два бронзовыхъ павлина передъ нею найдены близъ замка Св. Ангела. О находящемся за ней постаментѣ колонны Антонины Пія ср. ниже.

стѣны его сохранилось 11 коринѳскихъ мраморныхъ колоннъ въ 13 м. высоты съ частями антаблемента. Это святилище также было окружено обширнымъ портикомъ; высокая база храма была впослѣдствіи украшена большими рельефами съ изображеніями провинцій римскаго государства (рис. 173). Тотъ же Агриппа построилъ въ предѣлахъ древняго Марсова поля первыя римскія термы; онѣ были открыты въ 19 г. до Р. Хр. Часть ихъ составлялъ такъ-называемый Пантеонъ въ его первоначальномъ видѣ; его современный видъ относится къ эпохѣ Адріана

Пантеонъ.

(ср. ниже, рис. 333 сл.). Передъ нимъ на площади, окруженной колоннадами, находился фонтанъ въ 3,5 м. высоты, въ видѣ пиніевой
La Pigna. шишки, въ краяхъ чешуи которой были продѣланы отверстія (la Pigna, рис. 283). Фрагменты карниза одной изъ залъ этихъ термъ Агриппы, за Пантеономъ, сохранились; карнизъ былъ орнаментированъ чередующимся трезубцами и дельфинами (рис. 285). Стѣны термъ были украшены живописью и терракотами, расписанными въ энкаустической техникѣ; въ нишахъ возвышались статуи, а въ паркѣ вокругъ термъ красовались такія безсмертныя произведенія искусства, какъ Аноксіоменъ

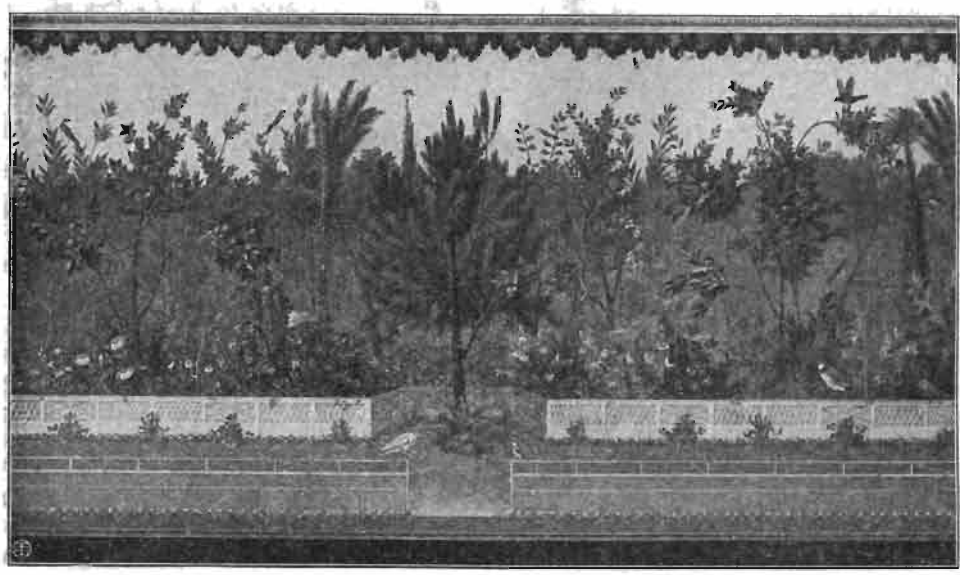
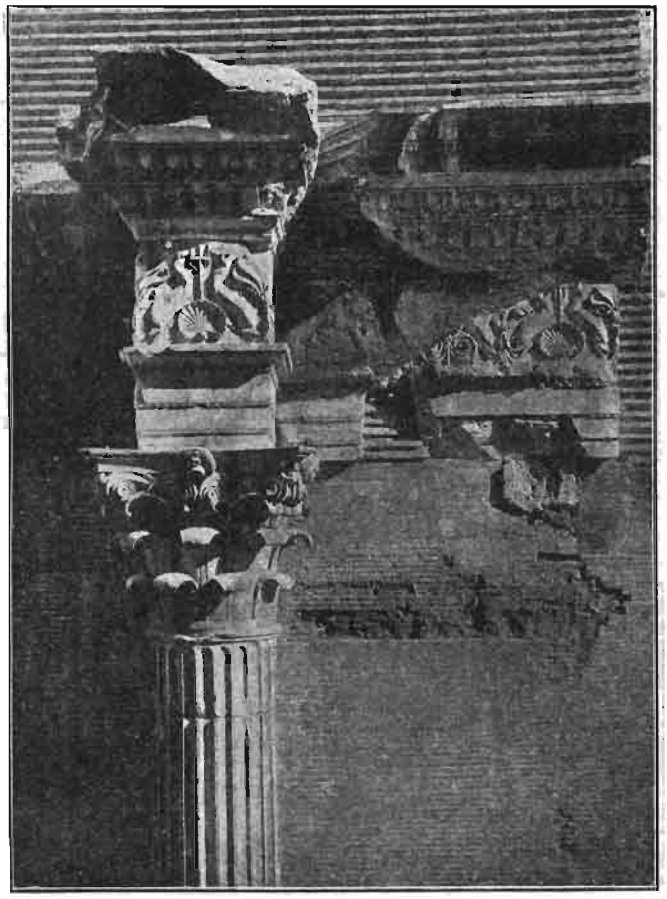

Рис. 284. СТѢННАЯ РОСПИСЬ ИЗЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВИЛЛЫ AD GALLINAS ALBAS.
Ср. Ant. Denkm. I, табл. 11.
Найдена въ 1863 г. Четыре стѣны обширной залы (11×6 м.) украшены росписью, изображающей прекрасный садъ, гдѣ разнообразныя лѣсныя и фруктовыя деревья переплетаются съ цвѣтущими кустами и оживляются большими и маленькими птицами. Картина вызываетъ живѣйшую иллюзію.

Лисиппа (Э. К., рис. 384). Послѣ смерти Агриппы эти термы перешли во владѣніе народа.

Многочисленные обелиски, перевезенные Августомъ въ Римъ и украшавшіе городъ (рис. 206), свидѣтельствуютъ о сильномъ вліяніи востока въ эту эпоху. Внуки умершаго въ 12 г. до Р. Хр. претора
Пирамида Цестія. Г. Цестія воздвигли ему даже надгробный памятникъ въ видѣ настоящей пирамиды, высотою въ 37 м.; она вся была облицована мраморомъ и находилась рядомъ съ Porta Ostiensis; въ III стол. пирамида Цестія вошла въ предѣлы Авреліановой городской стѣны (рис. 203). Другая форма гробницъ, самый ранній образецъ которой возникъ при Августѣ, представлена памятникомъ Цециліи Метелы

на Via Appia (рис. 204), также восточнаго происхожденія: на квадратной базѣ возвышается цилиндрическая постройка, верхнюю часть которой украшаетъ фризъ изъ цвѣточныхъ гирляндъ и букраніевъ. Эта монументальная гробница произвела въ Римѣ большое впечатлѣніе. Въ Мавзолеѣ Августа (рис. 269) воспроизведены ея основныя черты, увеличенныя болѣе чѣмъ вчетверо; здѣсь цилиндрическая поверхность расчленена глубокими полукруглыми нишами, мавзолей покрытъ былъ насыпью изъ земли, усаженной кипарисами и увѣнчанной колоссальной статуей императора. Адріанъ избираетъ для своего царственнаго мавзолея ту же форму. Familia Августа, т.-е. его многочисленная придворная челядь, похоронены были въ такъ называемыхъ колумбаріяхъ (рис. 287), большое число которыхъ возникло при первыхъ императорахъ. Эта форма гробницы также александрійскаго происхожденія. Въ четырехъ стѣнахъ могильнаго склепа, вырытаго въ землѣ, были вдѣланы ряды нишъ, въ которыя ставились урны съ останками; на стѣнѣ подъ урнами, покрытыми крышками, писалось имя покойника: такой способъ погребенія вызывался скученностью столичнаго населенія; къ нему снова начинаютъ прибѣгать въ связи съ распространеніемъ трупосожженія.

Колумбаріи.

Рис. 285. КАРНИЗЪ ЗАЛЫ, НАХОДЯЩЕЙСЯ ЗА ПАНТЕОНОМЪ.
Ср. Strack, Baudenkmäler, стр. 24.
Дельфины и раковины фриза, можетъ быть, указываютъ на командованіе Агриппой флотомъ.

Живопись.

Художественная станковая живопись переживаетъ въ эпоху имперіи быстрый упадокъ. Наши источники не называютъ намъ ни

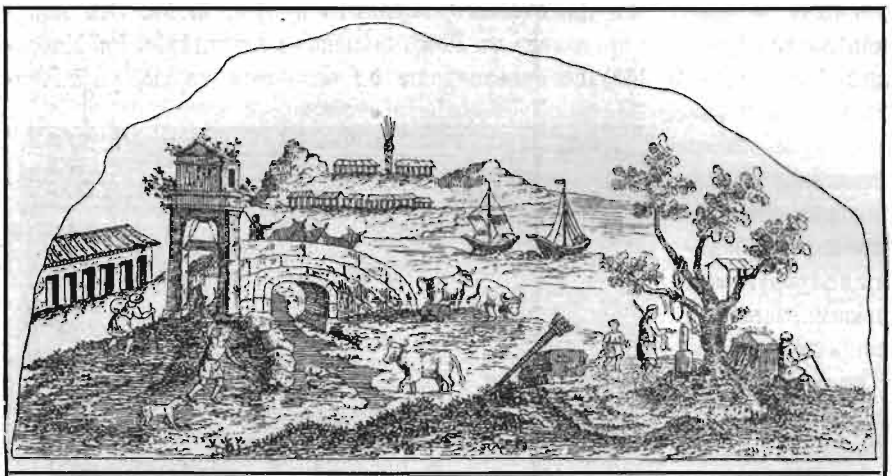

Рис. 286. СТѢННАЯ РОСПИСЬ, НАЙДЕННАЯ НА VIA APPIA.
Ср. Winckelmann, Sämtl. Werke, рис. 208.
Фреска соединяетъ всѣ красоты пейзажа: рѣку, мостъ, морскую бухту съ кораблями, горы, на которыхъ пастухи пасутъ стада,—все это съ широкими перспективными далями.

одного имени выдающагося художника, ни одного великаго произведенія. И это не случайность. Станковая живопись сходитъ со сцены, несмотря на дилетантскія художественныя попытки Нерона, Адріана, Марка Аврелія и другихъ императоровъ. Что же касается ремесленной стѣнной росписи, то она процвѣтаетъ въ императорскомъ Римѣ. Въ разное время были найдены интересные образцы и фрагменты ея, но до насъ дошло лишь очень немногое; это тѣмъ болѣе непріятно, что римская стѣнная роспись въ общемъ интереснѣе и тоньше хорошо намъ знакомой помпеянской. Особенной тщательностью отдѣлки отличается стѣнная роспись виллы Ливіи у Prima

Рис. 287. КОЛУМБАРІЙ НА VIA APPIA.
Римъ. Съ фотографіи.

Вилла Ливіи.

porta (рис. 284); ея творцомъ могъ быть извѣстный живописецъ-декораторъ Людій, о которомъ Плиній говоритъ, какъ о создателѣ новаго вида садовой живописи. Очень эффектны ландшафты, часто находимые въ Римѣ (рис. 286). Орнаментація стѣнъ въ эпоху имперіи носитъ въ большинствѣ случаевъ характеръ четвертаго помпеянскаго стиля: слѣды такой декоровки стѣнъ найдены въ субструкціяхъ, составлявшихъ часть золотого дома Нерона.

Рис. 288. АВГУСТЪ ИЗЪ PRIMA PORTA.
Мраморъ. Римъ, Ватиканъ. Съ фотографіи.
Статуя была найдена въ 1863 г. около виллы Ливіи на via Flaminia; такъ стоялъ императоръ передъ глазами своей супруги. Статуя стояла, по всей вѣроятности, въ нишѣ, такъ какъ отдѣлка задней стороны лишена тщательности. Сохранились многочисленные слѣды полихроміи. Вмѣсто скипетра императоръ, вѣроятно, держалъ копье. Дельфинъ съ маленькимъ амуромъ у правой ноги монарха символизируетъ Венеру, родоначальницу Gens Julia.

Пластика.

О созданіяхъ пластики этого періода мы уже говорили при описаніи произведеній архитектуры Августовской эпохи. Сохранились и самостоятельныя созданія пластики, прежде всего прекрасная статуя самого императора (рис. 288), изображающая его въ полномъ расцвѣтѣ силъ, въ блестящей красотѣ вооруженія. Онъ стоитъ передъ народомъ въ позѣ всесильнаго владыки, съ обнаженной головой,

Рис. 239. РЕЛЬЕФЫ АЛТАРЯ ДОМИТІЯ АГЕНОБАРБА.
a) въ Луврѣ.
Мраморъ. Ср. Furtwängler, Intermezzi, стр. 38.

Гн. Домитій (ум. въ 31 г. до Р. Хр.) незадолго до своей смерти посвятилъ храмъ Нептуну *in circo Flaminio*; алтарь этого храма былъ украшенъ рельефами: на фронтѣ и боковыхъ сторонахъ было изображено свадебное торжество Посидона и Амфитриты (b), на скрытой задней сторонѣ, обращенной къ храму,—жертвоприношеніе римскаго основателя его (a). Миѳологическій сюжетъ (b) трактованъ съ большимъ декоративнымъ умѣньемъ. Взоръ сразу направляется на центръ картины, божественную колесницу; нѣсколько нимфъ граціозно возсѣдаютъ на неуклюжихъ морскихъ чудовищахъ. Въ изображеніи римскаго оффиціальнаго жертвоприношенія художникъ проявляетъ связанность; повидимому, сюжетъ ему былъ чуждъ. Побѣдоносный полководецъ съ жрецомъ и его прислужниками стоятъ у алтаря; готовится закланіе быка, барана и свиньи (обычное suovetaurile). Военная свита Домитія облечена въ кольчуги и вооружена длиннѣйшими щитами, характерными для республиканской эпохи. Налѣво ветеранамъ даруется missio honesta; направо всадникъ заставляетъ коня разставить ноги, чтобы вскочить на сѣдло. Эти двѣ разнохарактерныя сцены, соединенныя въ одномъ и томъ же памятникѣ, представляютъ изъ себя характерные образцы, съ одной стороны, греческаго, нѣсколько идеализирующаго искусства, съ другой стороны—корректной, но весьма обыденной трезвости римскаго вкуса.

подобно эллинистическому монарху, безъ обуви, какъ идеализированный греческій герой, величественный и трезвый, какимъ онъ былъ въ жизни (рис. 393). Его панцырь, украшенный множествомъ реалистичныхъ и аллегорическихъ фигуръ, является чисто-римской художественной деталью, римской по существу и римской по содержанію сюжетовъ изъ жизни и исторіи.

На верхнихъ клапанахъ изображенъ сфинксъ,—печать Августа въ первые годы его правленія. Подъ ними изображенъ небесный богъ (Caelus) съ развѣвающимся одѣяніемъ; ниже—богъ солнца въ длинной мантіи возницы, погоняющаго свою квадригу, передъ нимъ Аврора съ факеломъ, крылатая богиня утренней росы (съ сосудомъ въ рукѣ). На главномъ полѣ изображенъ Марсъ съ волкодавомъ, ему пареянинъ вручаетъ отнятаго у римлянъ въ 53 г. орла (ср. стр. 505) легіона. Направо отъ этой сцены сидитъ Галлія съ ножнами меча, трубой, украшенной головой дракона, и знаменемъ съ изображеніемъ кабана; налѣво груститъ печальная Испанія, держа въ правой рукѣ gladius Hispaniensis: Августъ завладѣлъ этими обѣими провинціями въ 19 г. до Р. Хр. Подъ ними сидитъ богиня земли Теллусъ съ дѣтьми (Ромуломъ и Ремомъ?), слѣва приближается Аполлонъ на крылатомъ грифонѣ, держа арфу въ рукѣ, справа Діана на оленѣ съ факеломъ въ рукѣ: Августъ приписывалъ свою побѣду при Акціи покровительству Аполлона; Горацій торжественно воспѣваетъ въ своемъ Carmen saeculare въ 17 г. до Р. Хр. обоихъ боговъ.

Этотъ панцырь — прототипъ римскаго историческаго рельефа, о которомъ намъ въ дальнѣйшемъ не разъ еще придется говорить; въ немъ реалистическое изображеніе дѣйствительныхъ событій переплетается съ аллегоріями, несогласующимися, въ сущности говоря, съ трезвымъ міровоззрѣніемъ римлянина, и тѣмъ не менѣе игравшими существенную роль въ его искусствѣ.

Ara Pacis Augustae.

Самымъ великимъ благомъ, внесеннымъ монархіей Августа въ жизнь римскаго государства, былъ прочный внутренній миръ. Въ 13—9 г. до Р. Хр. сенатъ воздвигаетъ этому миру, олицетворенному въ

Рис. 290. РЕЛЬЕФЫ СЪ АЛТАРЯ ДОМИТІЯ АГЕНОБАРБА (b) въ Мюнхенѣ.
Мраморъ. Ср. Brunn, Denkm., табл. 124. F. Bruckmann, A-G. München, phot.

Августѣ, этой Pax Augusta, монументальный алтарь и учреждаетъ ей спеціальный культъ. Императоръ такъ говоритъ объ этомъ событіи въ Monumentum Ancyranum: „Когда я (въ 13 г. по Р. Хр.), послѣ благополучнаго завершенія всѣхъ дѣлъ въ Испаніи и Галліи, вернулся въ Римъ, сенатъ постановилъ въ благодарность за мое счастливое возвращеніе посвятить богинѣ Pax Augusta на Марсовомъ полѣ алтарь, на которомъ верховные магистраты, жрецы и весталки должны были совершать ежегодное жертвоприношеніе".

Оказалось возможнымъ возстановить этотъ алтарь (табл. IX, 1) на основаніи довольно значительныхъ фрагментовъ его, найденныхъ на Corso подъ Palazzo Fiano на 5 м. подъ нынѣшней мостовой.

Дворъ алтаря занималъ квадратную площадь, каждая сторона квадрата равнялась $11^1/_2$ м. Пилястры украшали четыре угла его и окаймляли оба широкихъ входа, находившихся на западной и восточной сторонахъ. Нижняя часть внѣшнихъ стѣнъ была богато украшена растительнымъ орнаментомъ (табл. IX, 2); верхняя часть—фигурными фризами, при чемъ оба фронта изображали боговъ и героевъ, продольныя же стороны воспроизводили сцены изъ жизни. На западномъ фронтѣ направо отъ входа былъ изображенъ Эней и введеніе имъ культа пенатовъ въ Лаціи (табл. IX, 5); традиціонное фиговое дерево съ волчицей и близнецами было изображено налѣво отъ западной двери; сохранились только незначительные фрагменты этого рельефа; на восточной сторонѣ налѣво отъ входа сидѣла богиня земли Теллусъ, окруженная оплодотворяющими вѣтрами, (табл. IX, 3); направо отъ восточной двери находилось очень плохо сохранившееся изображеніе богини Ромы. На фризахъ южной и сѣверной сторонъ изображено освященіе новаго святилища въ 9 г. до Р. Хр. (ср. табл. IX, 4)— тянется торжественная процессія, состоящая изъ представителей придворнаго штата Августа. Такимъ образомъ, главныя стороны памятника были украшены идеальными сценами въ греческомъ духѣ, тогда какъ въ рельефахъ менѣе видныхъ продольныхъ сторонъ проявилось римское стремленіе къ реалистичности. На нижней полосѣ внутренняго фасада стѣнъ алтарнаго двора былъ намѣченъ родъ панели; надъ нею висѣли густыя гирлянды плодовъ, привязанныя къ букраніямъ; жертвенныя чаши заполняли поля подъ гирляндами (табл. IX, 2а).

Весь алтарь былъ построенъ изъ каррарскаго мрамора и постройка его длилась $4^1/_2$ года. Въ концѣ концовъ онъ былъ наскоро законченъ, о чемъ свидѣтельствуютъ нѣкоторыя грубыя шероховатости въ скульптурной техникѣ. Уцѣлѣли слѣды полихроміи. Картины процессіи продольныхъ сторонъ нѣсколько напоминаютъ фризъ Парѳенона (Э. К., рис. 229); какъ здѣсь, такъ и тамъ изображена распадающаяся на двѣ части жертвенная процессія, двигающаяся въ томъ же направленіи. Всмотрѣвшись, однако, ближе, мы видимъ глубокую разницу. Тогда какъ рельефъ Парѳенона выдержанъ въ стилѣ рисунка и вызываетъ въ зрителѣ иллюзію тянущихся толпъ народа и всадниковъ, мы здѣсь видимъ только по два ряда людей, проходящихъ передъ нами, при чемъ передній рядъ трактованъ пластически, второй только намѣченъ въ плоскомъ рельефѣ. Тогда какъ въ процессіи Парѳенонскаго фриза

1. ARA PACIS AUGUSTAE.

Видъ съ з., реконструкція J. Durm, Baukunst der Etrusker und Römer², рис. 80.

Рельефъ съ изображеніемъ Теллусъ (рис. 3) вставленъ здѣсь налѣво отъ з. входа; его настоящее мѣсто на вост. фасадѣ около находящейся тамъ двери.

2. ЧАСТЬ ФРИЗА СЪ ПОБѢГАМИ.

Римъ, Музей Термъ. По фотографіи.

Побѣги состоятъ изъ фантастическаго соединенія аканѳовъ, пальметокъ и розетокъ. На наиболѣе видныхъ мѣстахъ среди нихъ изображены лебеди, священныя птицы столь высоко почитаемаго Августомъ Аполлона.

2a. ЧАСТЬ УКРАШЕНІЯ ВНУТРЕННИХЪ СТѢНЪ.

По фотографіи.

Мѣсто этого украшенія видно на рис. 1, вверху въ дверномъ отверстіи.

3. TELLUS.

Флоренція. Уффиціи. По Petersen, Ara Pacis Augustae, табл. III.

Богиня Земли (Tellus), родственная богинѣ Мира (Pax), сидитъ въ центрѣ рельефа, на скалѣ, въ волосахъ цвѣты, въ подолѣ фрукты, окружена растительностью. Плащъ покрываетъ голову. Въ каждой рукѣ она держитъ по нагому мальчику. У ея ногъ—въ меньшемъ масштабѣ—волъ и овца. Направо и налѣво отъ главной фигуры расположены симметрично двѣ нѣсколько меньшія женскія фигуры; верхъ тѣла обѣихъ обнаженъ; ихъ плащи развѣваются по вѣтру. Та, что налѣво, сидитъ на лебедѣ, та, что направо, на морскомъ драконѣ; это—Iovis aurae, воспѣтыя Горапіемъ въ Carmen saeculare, одна—оплодотворяющее дуновеніе вѣтра земли, другая—моря. Въ тростникѣ подъ aura налѣво лежитъ кувшинъ, на ручкѣ котораго сидитъ журавль (?).

4. ЮЖНЫЙ ФРИЗЪ.

a. въ Римѣ, Музей Термъ: 1—5: пять ликторовъ въ лавровыхъ вѣнкахъ; 6: императоръ Августъ, какъ великій понтификъ, тога накинута на голову.

b. еще въ землѣ подъ Palazzo Fiano (въ Римѣ); 7—9 и 11: четыре ликтора; 10 и 12: два фламина въ кожаныхъ шлемахъ, въ верхушкахъ которыхъ укрѣплены инсигніи фламиновъ—apices.

c. эта плита пока не найдена: здѣсь, по всей вѣроятности, изображены были между прочимъ Ливія и старшій внукъ Августа—Гай Цезарь.

d. Во Флоренціи (Уффиціи). По Петерсену, ук. соч., табл. VI. Сначала опять два фламина (15 и 16); ихъ было съ 11 г. до Р. Хр. всего четыре; изображены были они, такимъ образомъ, въ полномъ числѣ. За ними хорошенькій служка при жертвоприношеніи (camillus) (18); на его плечѣ жертвенная сѣкира (secena). Сзади него идетъ Агрипина (20) въ торжественномъ облаченіи. Въ 12 г. до Р. Хр. во время постройки алтаря онъ умеръ; несомнѣнно, что его просвѣтленный образъ былъ изображенъ въ кругу императорской семьи. Мальчикъ, держащійся за его тогу (22), вѣроятно, Лудій Цезарь, его младшій сынъ. Онъ оборачивается къ своей матери Юліи (24), женщинѣ выдающейся красоты. Сзади нея мы видимъ Тиберія (26), затѣмъ жену Друса—Антонію младшую (28) съ маленькимъ Германикомъ, утопающимъ въ своей тогѣ. Друсъ и Антонія нарушаютъ священнодѣйствіе своей дружеской болтовней; пожилая женщина дѣлаетъ имъ знакъ молчать, приложивъ палецъ ко рту. Остальныя лица процессіи не могутъ быть названы съ увѣренностью.

5. ЖЕРТВОПРИНОШЕНІЕ ПЕНАТАМЪ.

Римъ. Музей Термъ. По фотографіи.

Эней перенесъ троянскихъ пенатовъ въ Лацій; здѣсь онъ имъ приноситъ свою первую жертву. Спереди въ серединѣ стоитъ подъ дубомъ сложенный изъ каменныхъ плитъ, увѣнчанный вѣнками алтарь. Къ нему, справа подходятъ Эней съ Ахатомъ (?). Налѣво отъ алтаря стоитъ служка (camillus), босой, лавръ въ волосахъ, жертвенный кувшинъ (praefericulum) въ правой рукѣ, на лѣвой рукѣ полотенце (mappa) съ бахромой, въ ней же патера съ плодами и вѣточками лавра. Второй служка гонитъ свинью. На холмѣ, на фонѣ, налѣво видѣется святилище пенатовъ, возстановленное Августомъ. Узкая сторона его, повернутая къ зрителю, наверху на высотѣ груди забрана рѣшеткой, за рѣшеткой видны двѣ статуи боговъ съ скипетрами и патерами; это пенаты.

6. БРОНЗОВАЯ МОНЕТА ДОМИТІАНА.

Парижъ, Cabinet des médailles. По Петерсену, ук. соч., рис. 60, 5.

Видна узкая сторона алтаря съ надписью Pacis; направо и налѣво отъ алтаря совершающая возліяніе фигура.

2 a.

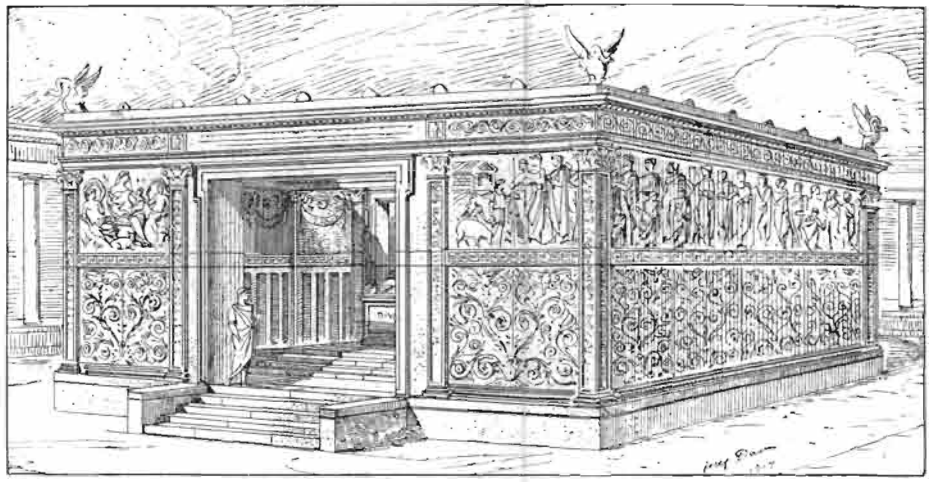

5.

a. b.

1.

3.

c. 4. d.

a.

b.

1—5. 6. 7—12.

2.

6.

11. 15. 16. 18. 20. 22—24. 26. 28. 31.

изображены только идеальныя фигуры, большинство изъ которыхъ даже нагія, здѣсь передъ нами портреты представителей императорскаго дома, ихъ женъ, дѣтей и придворныхъ, въ типичныхъ для нихъ одеждахъ. Подобно современнымъ картинамъ, изображающимъ государственныя событія и парадныя формы одежды, и эти оффиціальные рельефы большой художественной цѣны не имѣютъ; они интересны съ исторической и антикварной точекъ зрѣнія: мы не знаемъ болѣе живого изображенія Августа, его семьи и придворнаго штата.

Картины миѳологически-аллегорическаго содержанія, находившіяся рядомъ со входомъ, носятъ совершенно иной характеръ: ихъ фонъ живописующаго характера; въ нихъ использованы всѣ возможности рельефной техники, начиная полной тѣлесностью формъ и кончая чистой линейностью ихъ, благодаря чему картина вызываетъ совершенную иллюзію перспективной углубленности. Центральныя фигуры окружаются скалами, онѣ помѣщаются въ родѣ пещеры (ср. табл. IX, 5 скала подъ храмомъ Пенатовъ); это — совершенно новый художественный пріемъ. Такимъ путемъ избѣгалась тѣнь, которая должна была бы падать отъ главныхъ фигуръ на ландшафтъ фона, лишая послѣдній его перспективнаго эффекта. Художники часто прибѣгали къ этому пріему въ эпоху Августа; мы его встрѣчаемъ и на другихъ живописныхъ рельефахъ того же времени, напр., на знаменитыхъ рельефахъ изъ Palazzo Grimani (рис. 61).

Прекрасно трактованы животныя, еще совершеннѣе растительный орнаментъ. Въ гирляндахъ, украшавшихъ внутреннія стѣны, всѣ растенія поддаются ботанической классификаціи; гирлянды, густыя и широкія посерединѣ, утончаются къ краямъ, заканчиваясь нѣжнѣйшими вѣтками и лепестками, едва поднимающимися надъ фономъ. Реалистическое изображеніе растительнаго міра, лишенное всякой стилизаціи, — одна изъ самыхъ сильныхъ сторонъ искусства эпохи Августа; оно оживляетъ и одухотворяетъ омертвѣвшій орнаментъ новой красотой. Въ основѣ подобныхъ декоративныхъ произведеній лежитъ тщательно моделированный образецъ изъ терракотты, неизбѣжный для работъ въ бронзѣ и серебрѣ, и не необходимый для мрамора. Большинство художниковъ, создававшихъ подобные рельефы, были, повидимому, торевтами, вносившими свою специфическую технику въ работы изъ всякаго матеріала.

Торевтика.

Въ богатой столицѣ торевтикѣ открывалось широчайшее поле примѣненія. Мы знаемъ уже по четвертой рѣчи Цицерона противъ Верреса, какъ знатные римляне въ своихъ домахъ цѣнили серебряную утварь съ выбивными или чеканными украшеніями, стараясь добыть ее всевозможными средствами. Съ тѣхъ поръ эта страсть къ красивымъ сосудамъ тонкой работы все возрастаетъ, достигнувъ въ эпоху Августа своего апогея. Самые тонкіе экземпляры Гильдесгеймскаго клада,

найденнаго въ 1868 г. (рис. 26, 32), такъ же какъ бо́льшая часть богатаго серебрянаго клада, найденнаго въ Боскореале близъ Помпей въ 1895 г., относятся къ первой половинѣ перваго столѣтія. Изображенія на нихъ растеній и животныхъ отличаются той же тонкой наблюдательностью и свѣжестью, которыя характеризуютъ одновременную пластику; и тутъ миѳологическіе сюжеты и nature morte переплетаются съ историческими аллегоріями (рис. 291, 409 сл.); послѣднія отличаются монументальностью концепціи, свидѣтельствующей о тѣсной связи созданій большого искусства съ этими продуктами художественнаго ремесла: сцены на обоихъ бокалахъ Августа (рис. 291) были, по всей вѣроятности, скомпонованы для какого-нибудь общественнаго памятника и впослѣдствіи скопированы въ уменьшенномъ масштабѣ. Имѣвшіе средствъ для пріобрѣтенія серебряной посуды покупали себѣ утварь изъ ярко-красной terra sigillata, вырабатывавшейся въ эту эпоху съ особеннымъ изяществомъ въ этрусскомъ Аретіи и подражавшей въ украшеніяхъ серебрянымъ сосудамъ.

Чаша Августа.

Рис. 291. БОКАЛЪ ИЗЪ КЛАДА, НАЙДЕННАГО ВЪ БОСКОРЕАЛЕ.
Серебро. Парижъ. Э. Ф. Ротшильдъ.
Ср. Mon. Piot V, табл. 36.
На бокалѣ изображенъ увѣнчанный храмъ, по всей вѣроятности Юпитера Капитолійскаго. Передъ храмомъ совершается заклапіе быка. Прелестная группа, встрѣчающаяся многократно и воспроизведенная Рафаэлемъ въ его картонѣ, изображающемъ жертвоприношеніе въ Листрѣ.

О ростѣ числа знатоковъ искусства въ Римѣ въ періодъ около Р. Хр. ясно свидѣтельствуетъ, между прочимъ, распространеніе моды на рѣзные камни. Уже Цезарь былъ владѣтелемъ шести дактиліотѣкъ, а Помпей жертвуетъ коллекцію перстней изъ сокровищницы Миѳрадата на Капитоліи. При Августѣ же глиптика — рѣзьба геммъ — достигаетъ поразительнаго качественнаго и количественнаго расцвѣта: большинство сохранившихся лучшихъ геммъ относится къ этой эпохѣ. На печати, которую Августъ употреблялъ въ началѣ своего правленія (ср. стр. 514), былъ изображенъ сфинксъ, впослѣдствіи портретъ Александра Великаго, наконецъ, портретъ самого императора, вырѣзанный на кольцѣ съ поразительнымъ мастерствомъ знаменитымъ Діоскуридомъ изъ Киликіи. Благодаря оживленности сношеній, въ столицу стекались всѣ сорта камней, пригодныхъ для рѣзьбы, между прочимъ, сардоникъ, изъ разноцвѣтныхъ слоевъ котораго Діоскуридъ и его трое сыновей-

Рѣзные камни.

Діоскуридъ.

художниковъ вырѣзывали дивныя камеи (рис. 235, 292 сл.). Сохранившіяся произведенія характеризуютъ ихъ какъ приверженцевъ классическаго стиля, подражающаго раннимъ мастерамъ. Жемчужина всѣхъ камней, Gemma Augustea въ Вѣнѣ (рис. 392), также является, по всей вѣроятности, созданіемъ придворнаго рѣзчика Діоскурида. Уже тотъ фактъ, что Плиній пишетъ спеціальный трудъ о геммахъ, доказываетъ насколько великъ былъ спросъ на эти миніатюрныя художественныя произведенія. „Въ геммахъ величіе природы сосредоточено на миніатюрномъ пространствѣ"—говоритъ этотъ тонкій знатокъ. Къ 100 году по Р. Хр. это утонченное искусство быстро приходитъ въ упадокъ.

Рис. 292. КАРНЕОЛЪ ДІОСКУРИДА.
Ср. Furtwängler, Ant. Gemm., табл. 51. British Museum.
Гермесъ лѣвой рукой несетъ чашу, на которой ложитъ голова барана, въ правой онъ держитъ свой жезлъ (kerykeion). Передъ нами, повидимому, копія статуи V вѣка школы Поликлета.

Рис. 293. КАРНЕОЛЪ ДІОСКУРИДА.
Furtwängler, Ant. Gemm., табл. 5, Флоренція.
Это—самое чудесное произведеніе художника. Подъ кудрями выше лба скрываются два короткихъ бычачьихъ рога, — изображена, повидимому, Іо.

Время Юліевъ и Клавдіевъ.

Остальные представители династіи Юліевъ-Клавдіевъ также оказывали искусству дѣятельное покровительство. Тиберій проявляетъ, какъ мы видѣли (стр. 505), активную дѣятельность строителя уже при жизни своего вотчима; въ бытность свою императоромъ онъ строитъ на сѣверо-западѣ Палатинскаго холма обширный дворецъ, ставшій жертвой Нероновскаго пожара; отъ этой постройки ничего не уцѣлѣло. У подножья холма Тиберій воздвигаетъ своему предшественнику Templum Divi Augusti (рис. 276), съ квадратной, очень высокой целлой, нѣкогда покрытой, по всей вѣроятности, плоской крышей; въ стѣнныхъ нишахъ целлы стояли статуи императорской

Рис. 294. S. MARIA ANTIQUA НА РИМСКОМЪ ФОРУМѢ.
Съ фотографіи Мошони.
Кирпичные столбы и гранитныя колонны читальной залы библіотеки.

Храмъ божественнаго Августа.

семьи. Низкій портикъ съ восемью колоннами во фронтѣ находился передъ этимъ храмомъ на западной сторонѣ. Къ святилищу Августа примыкала на востокѣ библіотека, также основанная Тиберіемъ (рис. 294).

Библіотека.

Она состояла изъ квадратнаго двора, на стѣнахъ котораго висѣли въ эпоху Флавіевъ бронзовыя tabulae honestae missionis, грамоты, данныя выслужившимъ свой срокъ солдатамъ, читальной залы, опиравшейся на гранитныя колонны съ мраморными капителями, и изъ многочисленныхъ хранилищъ рукописей. Положеніе библіотеки на сѣверъ вполнѣ отвѣчало предписаніямъ Витрувія: ея тихая обособленность и тѣмъ не менѣе центральное положеніе прекрасно соотвѣтствовали назначенію ея. Вскорѣ христіанская церковь проникаетъ въ эту библіотеку и покрываетъ всѣ стѣны фресками религіознаго содержанія. Но уже въ IX вѣкѣ часовня S. Maria Antiqua упраздняется, такъ какъ развалины Палатинскаго дворца Тиберія грозили ей разрушеніемъ.

Преемникъ Тиберія, Калигула настолько расширилъ дворецъ по направленію къ форуму, что храмъ Кастора превращается въ vestibulum его дворца. Сумасбродный Калигула перекинулъ черезъ крышу святилища Августа и надъ базиликой Юлія тотъ пресловутый мостъ, который соединялъ его Палатинскій дворецъ съ Капитолійскимъ храмомъ Юпитера (рис. 295): ни развалинъ моста, ни опредѣленныхъ слѣдовъ другихъ построекъ Калигулы не сохранилось.

Рис. 295. МОНЕТА ВЕСПАСІАНА. Бронза.
Ср. Cohen I², стр. 406.
На оборотной сторонѣ изображенъ Капитолійскій храмъ, возстановленный Веспасіаномъ и Титомъ.

Въ правленіе Клавдія возникло, главнымъ образомъ, одно монументальное сооруженіе, имѣвшее крупное практическое значеніе: это водопроводныя арки Aqua Claudia, составляющія своеобразное украшеніе римской Кампаньи (рис. 264).

Водопроводъ Клавдія.

Съ III столѣтія до Р. Хр., когда нынѣшній Аниній Клавдій воздвигнулъ свою Aqua Appia, римляне все больше привыкали къ употребленію ключевой воды, стекавшей съ горъ по высокимъ водопроводнымъ аркамъ въ городъ. Среди этихъ водопроводовъ, число которыхъ въ концѣ концовъ достигало 11 и которые доставляли ежедневно около 950.000 куб. метровъ воды, сооруженіе Клавдія самое грандіозное; въ него текла вода изъ Аніо значительно выше Тиволи. Сначала вода протекала по подземнымъ штольнямъ въ горахъ, затѣмъ по аркамъ изъ туфа надъ низкими мѣстами Кампаньи, направляясь въ фильтрующіе бассейны (piscinae) и водопроводныя башни вблизи города, откуда уже распредѣлялась по отдѣльнымъ городскимъ кварталамъ. Надзоръ за водоснабженіемъ столицы принадлежалъ одному изъ высшихъ магистратовъ, именно curator aquarum.

Золотой домъ Нерона.

Слѣдовъ золотого дома Нерона, построеннаго послѣ пожара 64 г. архитекторами его Северомъ и Целеромъ, почти не сохранилось, ибо позднѣйшіе императоры, главнымъ образомъ, Траянъ торопились

уничтожить память объ этой ненавистной затѣѣ безумнаго Нерона, превративъ ее въ зданія, приносившія бо́льшую общественную пользу.

Колоссальное строеніе, тянувшееся отъ Палатина черезъ Велію и Оппій вплоть до садовъ Мецената, занимало почти вдвое большую площадь на самой цѣнной городской землѣ, чѣмъ нынѣшній Ватиканъ съ соборомъ Петра: по свидѣтельству Светонія, императоръ находилъ, что только эти великолѣпные хоромы удовлетворяютъ его чувство человѣческаго достоинства. Главный входъ дворца находился, повидимому, на мѣстѣ позднѣйшей арки Тита; здѣсь возвышался бронзовый колоссъ Нерона, въ 31,5 м. высоты, созданіе Зенодора. При Веспасіанѣ колоссъ былъ превращенъ въ статую бога

Рис. 296. АМФИТЕАТРЪ ФЛАВІЕВЪ (COLOSSEUM). Съ фотографіи.

Въ нижнемъ этажѣ арки украшены дорическими колоннами (съ базами!) по обѣимъ сторонамъ пролета, во второмъ—іоническими колоннами, опирающимися на родъ аттики, въ третьемъ—коринѳскими, въ четвертомъ—коринѳскими пилястрами на сплошной стѣнѣ; между каждой парой пилястровъ находится по три кронштейна, которымъ въ карнизѣ соотвѣтствуютъ четырехугольныя отверстія: въ нихъ просовывались высокія мачты, поконившіяся на кронштейнахъ; за эти мачты матросы императорскаго флота привязывали канаты громаднаго паруса, защищавшаго отъ солнца и растягивавшагося надъ освѣщенной солнцемъ частью зрительнаго помѣщенія. Направо землетрясеніе разрушило внѣшнія стѣны постройки; въ средніе вѣка и въ болѣе позднее время пользовались этими развалинами и даже неразрушенными частями Колосссея для возведенія новыхъ зданій въ Римѣ.

солнца, а императоръ Адріанъ удалилъ его съ первоначальнаго мѣста, поставивъ статую на новой базѣ къ сѣверо-западу отъ Колосссея, получившаго отъ нея свое народное названіе. Слѣдовъ этой статуи также не сохранилось.

Пластика.

Своеобразное проклятіе тяготѣло не только надъ архитектурой эпохи императоровъ Юліево-Клавдіевой династіи послѣ Августа, но въ еще бо́льшей степени надъ произведеніями пластики. Между аркой Тита и мирнымъ вѣкомъ Августа въ нашей традиціи зіяетъ крупный пробѣлъ, и лишь рядъ не вполнѣ опредѣленныхъ произведеній, вродѣ нѣсколькихъ рельефовъ и портретовъ (рис. 176, 243, 408), свидѣтельствуетъ о томъ, что въ Римѣ и въ этотъ періодъ продолжается дѣятельная и искусная работа скульпторовъ, достигающихъ въ своихъ работахъ утонченнаго совершенства.

2. ИСКУССТВО ВЪ ЭПОХУ ФЛАВІЕВЪ

Флавіево искусство.

Пожаръ, до тла уничтожившій при Неронѣ, въ 64 г., три квартала Рима и сильно повредившій семь кварталовъ, превратилъ городъ въ груду развалинъ; несмотря на особый добавочный налогъ, выплачивавшійся всѣмъ государствомъ на возстановленіе Рима, оно не было осуществлено ни при Неронѣ, ни въ годъ правленія четырехъ императоровъ: лишь Веспасіанъ возстановилъ городскія улицы, принудилъ собственниковъ земли къ постройкѣ домовъ, поднялъ совершенно упав-

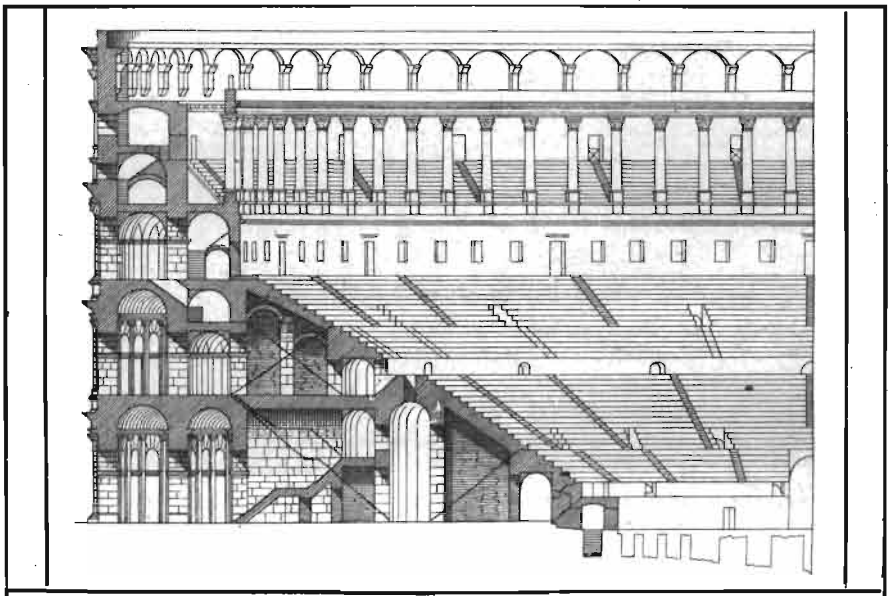

Рис. 297. АМФИТЕАТРЪ ФЛАВІЕВЪ.
Продольный разрѣзъ. Ср. Reber, Baukunst, стр. 452.

шій кредитъ. Сенатъ справедливо благодаритъ его за его дѣятельныя мѣропріятія, возрождавшія прежній Римъ; съ полнымъ правомъ ставитъ Веспасіанъ на своихъ монетахъ надпись „Roma resurgens“.

Площадь Мира.

Веспасіанъ прежде всего построилъ на сѣверъ отъ Sacra Via по направленію къ Эсквилину Forum Pacis (ср. рис. 328), грандіозный рынокъ, окруженный квадратомъ колоннадъ, въ центрѣ котораго возвышался великолѣпный храмъ Мира, хранившій многочисленныя произведенія искусства изъ Золотого Дома и трофеи іудейской войны. На одномъ изъ сосѣднихъ строеній императоръ помѣстилъ планъ возстановленнаго имъ города, вырѣзанный на мраморныхъ плитахъ, фрагменты которыхъ уцѣлѣли, тогда какъ форумъ съ храмомъ безслѣдно исчезли съ лица земли.

Колоссей.

Основныя части амфитеатра Флавіевъ, получившаго въ эпоху ранняго средневѣковья названіе Колоссея (рис. 296 сл.), также были воздвигнуты въ счастливое правленіе Веспасіана. Колоссей представлялъ изъ себя двухсторонній театръ, лишенный сцены; здѣсь кулиссы ничего не скрывали, все происходило на глазахъ зрителей,—главнымъ образомъ, жестокая смерть людей и животныхъ.

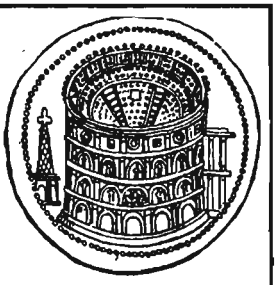

Рис. 298. МОНЕТА ТИТА СЪ ИЗОБРАЖЕНІЕМЪ КОЛОССЕЯ.
Бронза.
Ср. Cohen I², стр. 461.
По ней мы видимъ, что второй и третій этажи были украшены статуями, стоявшими въ арочныхъ пролетахъ. Налѣво—*meta sudans*, большой фонтанъ, кирпичный фундаментъ котораго и понынѣ возвышается между Колосссемъ и аркой Константина.

Веспасіанъ выбралъ для постройки мѣсто stagnum Neronis, часть парка, окружавшаго domus aurea. На искусственно-сглаженной почвѣ здѣсь возвышался колоссальный эллипсъ въ 48 м. высоты, на каменныхъ и деревянныхъ уступахъ котораго помѣщалось около 45 000 человѣкъ. Восемьдесятъ нумерованныхъ арокъ вели внутрь амфитеатра. Только внѣшнія стѣны построены изъ сплошного травертина; для внутреннихъ частей театра употребленъ и туфъ, а въ верхнихъ этажахъ, главнымъ образомъ, кирпичъ. Арена эллиптической формы покоилась на субструкціяхъ, достигающихъ 9 метровъ глубины; отверстія въ видѣ дымовыхъ трубъ съ пазами по угламъ служили для подъема клѣтокъ съ животными; назначеніе другихъ подобныхъ приспособленій намъ не ясно. Для стока воды громаднаго зданія были проведены подземные каналы. Только устройство на аренѣ навмахій не было предусмотрѣно. Помѣщеніе для зрителей распадалось на 4 части: около арены, окруженной рѣшеткой, находился возвышенный подій въ 3,5 м. ширины, гдѣ стояли подвижныя кресла почетныхъ посѣтителей. За узкимъ проходомъ слѣдовало около 20 мраморныхъ рядовъ съ надписями; мѣста здѣсь назначены были отдѣльнымъ корпораціямъ, всадникамъ, педагогамъ и оффиціальнымъ гостямъ, при чемъ количество отведеннаго каждой группѣ лицъ пространства было опредѣлено въ футахъ. Послѣ второго прохода снова слѣдовало 20 мраморныхъ уступовъ, которые совершенно разрушены подобно первымъ. За третьимъ проходомъ поднимался, наконецъ, третій ярусъ съ деревянными

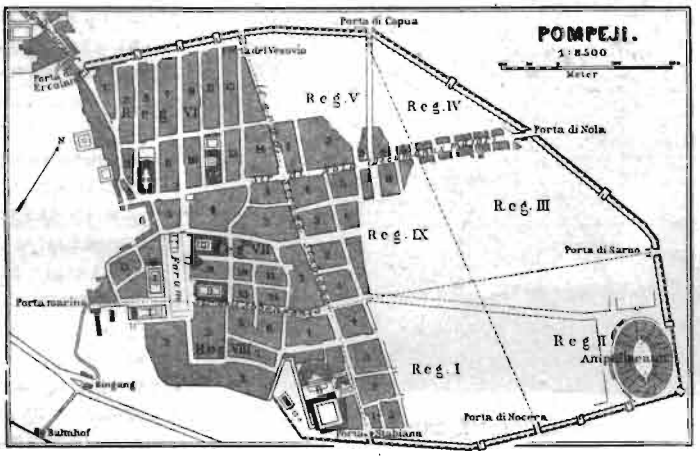

Рис. 299. ПЛАНЪ ПОМПЕЙ.
Ср. Mau, Pompeji, пл. I.
Раздѣленіе на кварталы (I—IX), а послѣднихъ на комплексы строеній (insulae), въ предѣлахъ которыхъ отдѣльные дома помѣчены номерами,—современнаго происхожденія и способствуетъ болѣе удобной ориентировкѣ.

Рис. 300. РЕЛЬЕФЪ ИЗЪ БОЖНИЦЫ ЛАРОВЪ Л. ЦЕЦИЛІЯ ЮКУНДА ВЪ ПОМПЕЯХЪ.
Ср. рис. 176. Съ фотографіи.
Изображенъ храмъ Юпитера послѣ перваго землетрясенія (въ 63 г. по Р. Хр.).

скамьями на деревянныхъ опорахъ; онѣ были, повидимому, защищены отъ дождя крышей, поддерживаемой колоннами, которая, однако, должна была мѣшать видѣть то, что происходило на аренѣ. Мы не имѣемъ представленія о конструкціи этой крыши, такъ какъ слѣдовъ ея не сохранилось.

Съ внѣшней стороны Колоссей былъ украшенъ колоннами, возвышавшимися такъ же, какъ въ театрѣ Марцелла (выше стр. 441), между окнами, которыя заканчивались круглыми арками; въ первомъ этажѣ были дорическія колонны, во второмъ—іоническія, въ третьемъ—коринѳскія, а въ верхнемъ этажѣ—коринѳскіе пилястры; колонна, такимъ образомъ, продолжаетъ служить самымъ совершеннымъ выразителемъ опорной силы въ архитектурѣ, лишь широкіе интерколумніи свидѣтельствуютъ о томъ, что за колоннами зданіе покоится на болѣе могучихъ архитектурныхъ частяхъ, т.-е. на сводахъ.

Баррьеры, раздѣлявшіе площадь вокругъ Колосссея на 156 радіальныхъ частей, предохраняли отъ безпорядочнаго скопленія публики; геніально-задуманная система лѣстницъ вела изъ обширныхъ помѣщеній нижняго этажа въ верхніе этажи, откуда проходы (vomitoria) вели къ уступамъ, служившимъ сидѣніями.

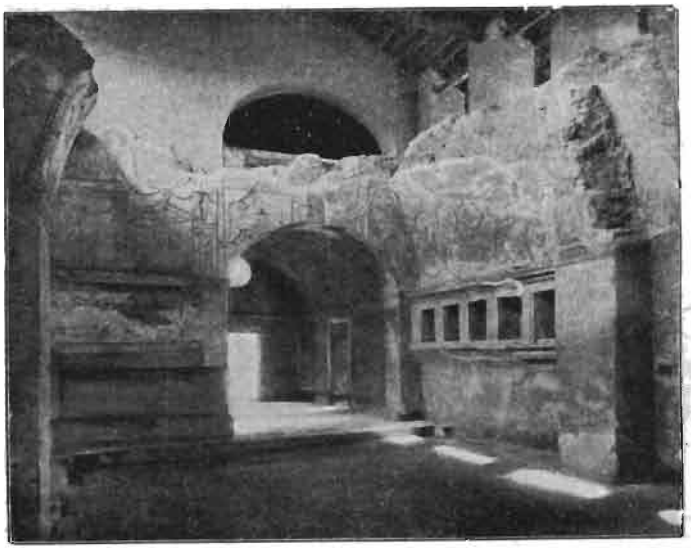

Рис. 301. РАЗДѢВАЛЬНЯ СТАБІЙСКИХЪ ТЕРМЪ.
Ср. «Aus dem klassischen Süden», табл. 33.
Интересны ниши направо, предназначенныя для платья, которое въ древности не вѣшалось, а складывалось. На сводчатомъ потолкѣ пластическая декоровка—фигуры и геометрическія украшенія.

Галлереи, тянувшіяся сзади нижнихъ рядовъ, были достаточно просторны, чтобы служить убѣжищемъ для посѣтителей театра во время дождя или въ антрактахъ; мы уже упоминали, что верхній рядъ былъ защищенъ крышей, покоившейся на колоннахъ. Стѣны галлерей были облицованы мраморомъ или покрыты штукатуркой съ причудливыми украшеніями, незначительные слѣды которыхъ еще сохранились.

Въ 80 году императоръ Титъ освятилъ постройку стодневными играми, во время которыхъ было затравлено 500 дикихъ звѣрей. Для исторіи

архитектуры разбираемое зданіе интересно, какъ первый примѣръ примѣненія въ Римѣ крестовыхъ сводовъ для покрытія верхнихъ галлерей; подобно сводамъ вообще, и крестовые, повидимому, восточнаго происхожденія; всѣ виды свода находятъ себѣ въ Римѣ самое грандіозное примѣненіе. Крестовые своды образуются путемъ пересѣченія подъ прямымъ угломъ двухъ встрѣчныхъ бочарныхъ сводовъ; тяжесть потолка благодаря этому переносится на четыре опорныхъ пункта въ углахъ—архитектурное открытіе, сыгравшее существенную роль въ болѣе свободномъ развитіи сводчатыхъ сооруженій.

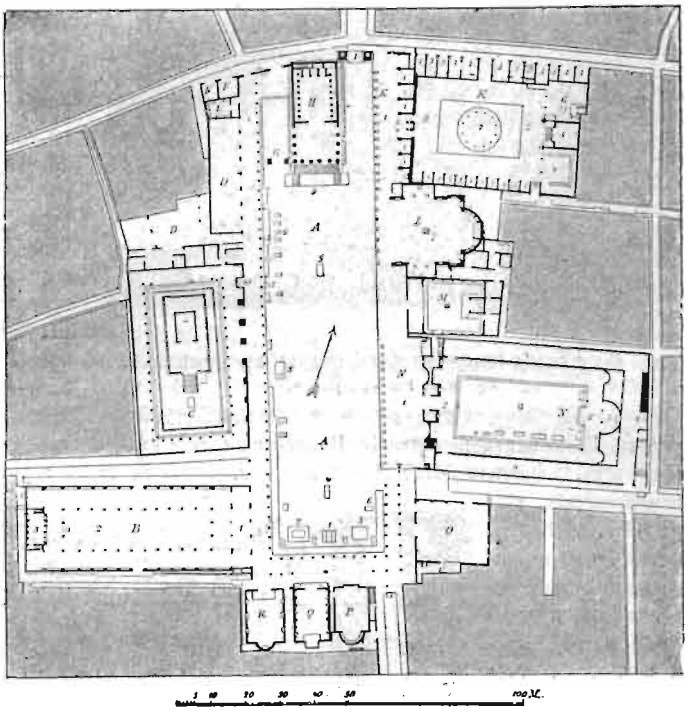

Рис. 302. ПОМПЕЯНСКІЙ ФОРУМЪ.

Ср. Mau, Pompeji, pl. II.

A—площадь, вымощенная квадратными плитами; на ней постаменты для статуй императоровъ (1 — 5) и гражданъ; дальше ораторская трибуна (9) и (около 10) столъ съ осскими или римскими мѣрами, выдолбленными въ немъ. *B*—базилики съ трибуналомъ (3). *C*—храмъ Аполлона. *D*—рыночныя галлереи. *E*—отхожее мѣсто. *F*—сокровищница (?). *G*—арка. *H*—храмъ Юпитера. *J*—тріумфальная арка Тиберія. *K*—Macellum съ лавками, 3), часовня для культа императоровъ (5), купольная постройка съ бассейномъ (7). *L*—святилище городскихъ ларовъ. *M*—храмъ Веспасіана. *N*—рынокъ Евмахіи (статуя ея около 5) *O*—Comitium. *P*—служебное помѣщеніе *duoviri iure dicundo*. *Q*—зала засѣданія городского совѣта (*decuriones*) и *R*—двухъ зданій.

Термы Тита.

Титъ, кромѣ того, обогатилъ городъ термами, выстроенными на фундаментѣ Золотого дома къ востоку отъ Колоссея. Мастера эпохи Возрожденія открыли и изучали въ уцѣлѣвшихъ обширныхъ подземныхъ субструкціяхъ (grotte) термъ тонкія штукатурныя украшенія, покрытия пестрой расцвѣткой, которыя съ тѣхъ поръ извѣстны подъ названіемъ „гротесокъ“.

Краткій періодъ правленія Тита (79—81 по Р. Хр.) ознаменовался, главнымъ образомъ, ужасной катастрофой, изверженіемъ Везувія, разрушившимъ кампанскіе города Геркуланей (рис. 139), Помпеи и Стабіи.

Помпеи были основаны осками. Городъ существовалъ уже въ VI стол. Онъ издавна находился подъ особенно интенсивнымъ влія-

Помпеи.

ніемъ сосѣднихъ эллиновъ Великой Греціи. Оно не уменьшилось, когда горное племя самнитовъ завоевало городъ въ V стол., когда, столѣтіе спустя, здѣсь укоренились римляне, а послѣ союзнической войны (въ 88 г.) въ Помпеяхъ поселилась колонія ветерановъ Суллы.

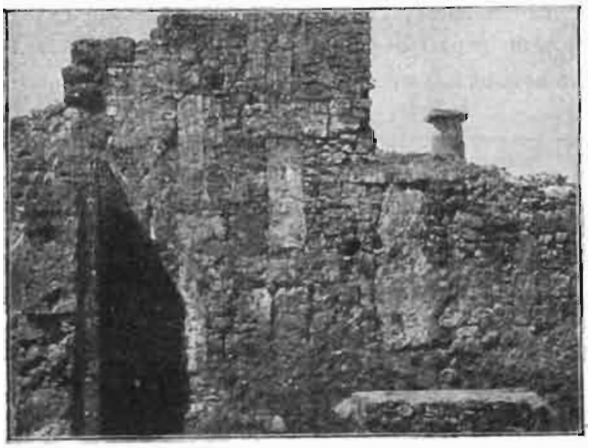

Рис. 303. КЛАДКА ИЗВЕСТНЯКОВОЙ СТѢНЫ ВЪ ПОМПЕЯХЪ.
Ср. Mau, Pompeji, рис. 9.

Городъ лежалъ въ плѣнительно живописной мѣстности на хребтѣ потока лавы, нѣсколько выше Сарно, который въ древности былъ судоходнымъ. Онъ соединялъ городъ съ моремъ, лежавшимъ въ то время приблизительно въ 500 м. отъ Помпей, способствуя его процвѣтанію, какъ складочнаго центра для продуктовъ нѣсколькихъ сосѣднихъ городовъ. Въ моментъ разрушенія Помпей населеніе ихъ—пестрая смѣсь осковъ, грековъ и евреевъ, достигало болѣе 20.000 жителей. Большая часть города погибла жертвой землетрясенія уже въ 63 г. по Р. Хр., однако, оно не послужило предостереженіемъ, и населеніе вскорѣ принялось за возстановленіе разрушенныхъ зданій (рис. 300). 24 августа 79 года городъ навѣки былъ засыпанъ пемзой и пепломъ (слоемъ въ 4 метра); 2.000 людей погибло, остальные съ трудомъ спасли жизнь. Городъ былъ покинутъ; но оставшіеся въ живыхъ раскапывали разрушившіеся дома, извлекая изъ глубины развалинъ много драгоцѣнной утвари и мраморныя части построекъ. Въ теченіе 1700 лѣтъ Помпеи оставались забытыми, пока въ XVIII стол. не были начаты раскопки археоло-

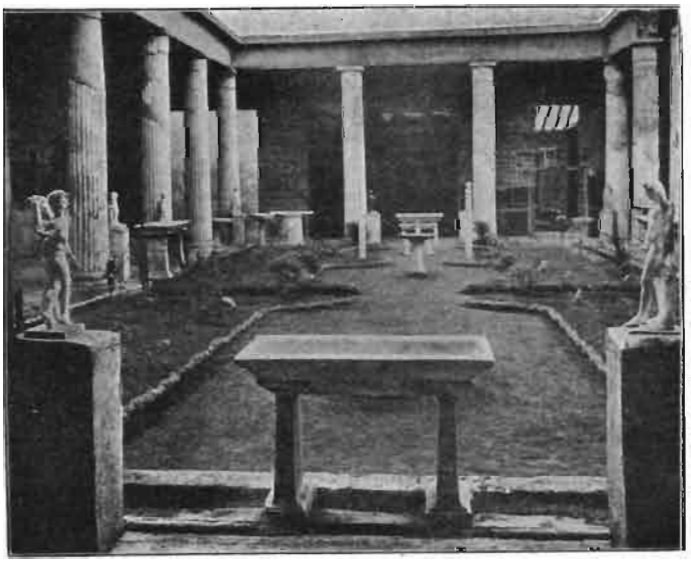

Рис. 304. ПЕРИСТИЛЬ И САДЪ ВЪ ДОМѢ ВЕТТІЕВЪ.
Ср. «Aus dem klassischen Süden», табл. 36.

говъ, систематически продолжающіяся уже 50 лѣтъ; три пятыхъ всего города (рис. 140, 299) уже раскопаны.

„Много невзгодъ бывало въ жизни"—говоритъ Гете, „но немногія невзгоды доставили потомству столько радости". Одно изъ самыхъ большихъ наслажденій—бродить по раскопаннымъ улицамъ города, входя направо и налѣво въ жилища, ремесленныя мастерскія и храмы, мысленно воспроизводя жизнь, нѣкогда кипѣвшую на затихшихъ отнынѣ базарныхъ площадяхъ, въ одинокихъ театрахъ и термахъ.

Площади.

Помпеянскій форумъ представляетъ изъ себя одну изъ наилучше сохранившихся площадей античнаго міра (рис. 172). Онъ расположенъ на самой высокой части холма и открытъ со всѣхъ сторонъ. По образцу эллинистическихъ agorai онъ постепенно пріобрѣлъ правильную, продолговатую форму, превратившись въ атріи всего города. Частныя зданія къ форуму не примыкали. Около него расположено было нѣсколько храмовъ; напримѣръ, храмъ Аполлона (рис. 302 около С.), на концѣ площади храмъ Юпитера (11), оба съ просторными предхраміями, на подобіе этрусскихъ храмовъ, оба на высокихъ подіяхъ, часто примѣнявшихся въ эллинистическихъ постройкахъ. Храмъ Аполлона окруженъ былъ обширнымъ дворомъ. Здѣсь же находилось святилище городскихъ ларовъ (L), и въ императорскую эпоху храмы и часовни (K, 5), посвященные императорамъ (M). Площадь была со всѣхъ четырехъ сторонъ окаймлена колоннадами, служившими убѣжищемъ въ жару и дождь; верхніе этажи служили удобными мѣстами для зрителей во время торжественныхъ процессій и гладіаторскихъ игръ. На площади, тщательно вымощенной плитами, стояло поразительное множество статуй заслуженныхъ гражданъ, впослѣдствіи также императоровъ. Вся шумная, неопрятная рыночная суета не была сосредоточена на площади такъ же, какъ въ Римѣ; она была выведена въ особыя закрытыя помѣщенія; торговая жизнь сосредоточивалась, главнымъ образомъ, въ обширной базиликѣ (B) съ ея высокой центральной частью и трибуналомъ на западѣ, гдѣ засѣдалъ рыночный судъ; устройство и названіе базилики свидѣтельствуютъ объ ея происхожденіи съ эллинистическаго востока. Базаръ съѣстныхъ продуктовъ и рыбы находился въ Macellum'ѣ (K) съ его рядами лавокъ и фонтаномъ для рыбъ въ центрѣ; обширный базаръ сукноваловъ сосредоточивался въ помѣщеніи, возобновленномъ жрицей Евмахіей (ср. рис. 195), въ юго-восточной части рынка (N). Въѣздъ повозокъ на площадь былъ запрещенъ; обученіе дѣтей происходило здѣсь же подъ открытымъ небомъ (ср. рис. 201); обширная площадь базара съ ранняго утра до поздняго вечера была запружена болтающей, праздной и торгующей толпой.

Вторымъ оживленнымъ центромъ городской жизни являлся Forum triangulare, получившій названіе отъ своей формы. Здѣсь надъ отвѣсномъ обрывомъ, укрѣпленнымъ самой природой со стороны Сарно, находилась самая древняя часть Помпей, городская крѣпость. Старинный греческій храмъ, древнѣйшая постройка города, занималъ большую часть площади, украшенной двумя сходящимися колоннадами и каменной скамьей съ солнечными часами для наслажденія прекраснымъ видомъ, открывающимся отсюда.

Театръ.

Обширный греческій театръ, построенный уже во II стол. до Р. Хр. и вмѣщавшій 3.000 зрителей, находился на востокъ отъ треугольной площади (рис. 226). Фойе съ галлереями, имѣвшее форму квадрата, примыкало къ нему съ юга. Огрубѣвшіе нравы поздняго времени вызвали необходимость въ приспособленіи колоннадъ для нѣлей казармъ гладіаторовъ, труппы которыхъ ѣздили изъ города въ городъ, оста-

павливаясь, между прочимъ, и въ Помпеяхъ, гдѣ онѣ устраивали въ городскомъ амфитеатрѣ представленія, пользовавшіяся большой популярностью среди публики. На востокъ отъ большого театра былъ раскопанъ меньшій, на 1.500 зрителей; онъ былъ нѣкогда покрытъ деревянной кровлей и скорѣе служилъ концертной залой, чѣмъ театромъ.

Термы. Первыя термы въ Помпеяхъ также возникли уже во II стол. до Р. Хр.; онѣ лежали на сѣверъ отъ квартала театровъ. Термы распадались на отдѣленія для мужчинъ и для женщинъ, при общей системѣ отопленія. Гипокаусты, т.-е. полыя пространства подъ полами, плиты которыхъ покоются на небольшихъ кирпичныхъ столбикахъ, между которыми циркулируетъ нагрѣтый воздухъ, были устроены въ этихъ термахъ лишь впослѣдствіи. Первоначально гимнастика играла главную роль въ термахъ. Послѣ гимнастическихъ упражненій, для которыхъ предназначался обширный дворъ, посѣтители направлялись въ раздѣвальню—apodyterium (рис. 301) и складывали одежду въ одной изъ стѣнныхъ нишъ; затѣмъ они шли въ tepidarium, помѣщеніе умѣренной температуры, а изъ него уже въ горячее отдѣленіе, caldarium, гдѣ стоялъ обширный умывальникъ съ бьющей въ немъ теплой водой; здѣсь купающіеся потѣли и, наконецъ,

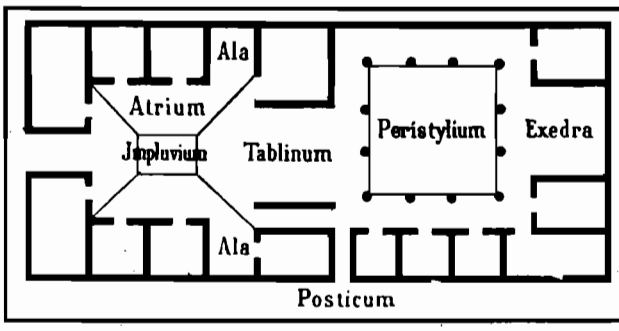

Рис. 305. ОБЫКНОВЕННЫЙ ПОМПЕЯНСКІЙ ДОМЪ.

Таблинъ, безъ сомнѣнія, былъ нѣкогда закрытъ съ внѣшней стороны, такъ какъ въ немъ обыкновенно стояла брачная постель хозяина дома; теперь онъ открытъ на 2 стороны, соединяя италійскій атрій съ греческимъ перистилемъ.

брали горячую ванну. Послѣ этого они отправлялись въ frigidarium, холодное отдѣленіе, послѣ котораго вновь возвращались въ tepidarium для потѣнія и натиранія тѣла маслами. Съ ростомъ богатства въ Помпеяхъ, какъ и въ остальныхъ городахъ, бани начинаютъ играть преувеличенную роль, вслѣдствіе чего гимнастическія сооруженія въ позднѣйшихъ помпеянскихъ термахъ отступаютъ на задній планъ, уступая мѣсто утонченному комфорту бань.

Улицы. Почти всѣ улицы въ городѣ Помпеяхъ были вымощены плитами изъ лавы; по обѣимъ сторонамъ мостовой были проложены тротуары, необычно высоко подымавшіеся надъ ней; на уличныхъ перекресткахъ, для болѣе удобнаго перехода съ одной стороны тротуара на другую (рис. 140), были помѣщены высокіе камни. Улицы были плохо приспособлены для экипажнаго движенія, совершенно запрещеннаго публикѣ въ предѣлахъ города; избѣгавшихъ ходить пѣшкомъ носили въ паланкинахъ.

Всюду были прекрасныя приспособленія для притока свѣжей воды. На углахъ важнѣйшихъ улицъ и на площадяхъ устроены фонтаны съ текущей водой; вода распредѣлялась по городу изъ колоссальныхъ резервуаровъ, покоившихся на высокихъ, каменныхъ столбахъ. Небольшія изображенія боговъ, вдѣланныя въ стѣну, или же изобра-

женія святыхъ змѣй, осквернепіе которыхъ считалось кощунствомъ, охраняли чистоту улицъ.

Особенно важныя свѣдѣнія даютъ намъ Помпеи объ античномъ частномъ домѣ; передъ нами развертывается картина его архитектуры и внутренняго убранства въ теченіе трехъ столѣтій. Древнѣйшіе дома представляли собой италійскіе атріи (ср. стр. 268, рис. 182) съ фасадами изъ известняковаго тесанаго камня; внутреннія стѣны состояли изъ известковой фахверковой кладки. Массѣ, состоящей изъ глины и камня, придавалась устойчивость поперемѣнной вертикальной и горизонтальной прокладкой квадрами изъ сарнскаго известняка (рис. 303). Дверь въ этихъ „известняковыхъ атріяхъ“ достигала необычайной высоты и ширины, точно въ нее ввозились деревенскія телѣги, Частные дома.

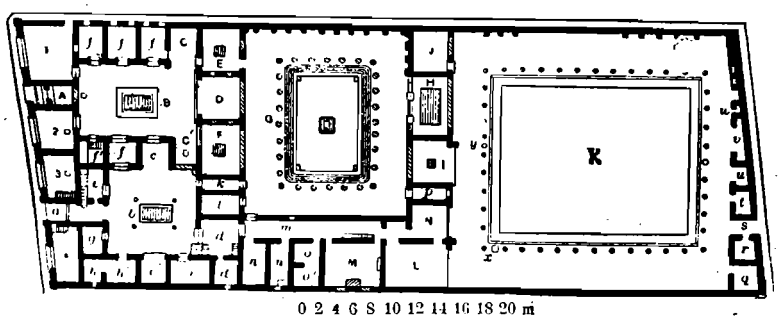

Рис. 306. ПЛАНЪ CASA DEL FAUNO ВЪ ПОМПЕЯХЪ.
Ср. Mau, Pompeji, рис. 155.
Граница между fauces (*A*) и atrium Tuscanicum (*F*); *B* мозаика рис. 222.
Мозаики также въ примыкающихъ alae—*CC'* и таблинѣ—*D*, въ Atrium tetrastylum (на 4 колоннахъ)—*b*, столовой—*E* и *F*. *G*—маленькій перистиль, *H*—экседра, въ которой находилась мозаика, изображавшая битву Александра, *I*, *J* и *L*—столовыя, *K*—большой перистиль, *M*—кухня. 1—4 лавки.

нагруженныя собраннымъ урожаемъ. Слѣдовъ какого-либо внутренняго украшенія комнатъ, колоннъ или перистиля, нѣтъ никакихъ; монотонная, безцвѣтная штукатурка покрываетъ стѣны крошечныхъ комнатъ, снабженныхъ отверстіями вмѣсто оконъ, причемъ свѣтъ въ нихъ проникаетъ, главнымъ образомъ, черезъ дверь изъ атрія. Только въ пяти такихъ известняковыхъ атріяхъ находятся со стороны улицы лавки (tabernae). Эти старинные дома были, по всей вѣроятности, лишены верхнихъ этажей.

Эта прочная, но незатѣйливая тектоника съ 200 г. до Р. Хр. замѣняется другой, примѣняющей туфовый бутъ и поэтому требующей облицовки стѣнъ штукатуркой. Туфовыя постройки, обычныя вплоть до покоренія Помпей римлянами, представляютъ собой высшій моментъ въ развитіи помпеянской архитектуры, которая ставитъ себѣ отнынѣ, главнымъ образомъ, художественныя задачи. Въ этотъ періодъ

наибольшаго богатства города вліяніе эллинизма становится всесильнымъ: къ италійскому атрію начинаютъ пристраивать греческій перистиль съ o e c u s, экседрой (стр. 229, 242), столовой или триклиніемъ (рис. 304 сл.). Къ одной или нѣсколькимъ сторонамъ перистиля примыкаютъ колоннады. Пріемъ гостей происходилъ, главнымъ образомъ, въ атріи; перистиль служилъ мѣстопребываніемъ семьи. Въ большихъ домахъ (рис. 306) существовало нѣсколько атріевъ и перистилей, а также и нѣсколько столовыхъ (триклиніевъ), которыми пользовались въ зависимости отъ временъ года. Стѣны этихъ домовъ изъ туфа были облицованы штукатуркой, украшенной имитированной мраморной инкрустаціей, заимствованной, какъ мы видѣли (стр. 187), съ эллинистическаго востока: этотъ д е к о р а т и в н ы й с т и л ь обыкновенно называется п е р в ы м ъ помпеянскимъ стилемъ.

Рис. 307. ФРАГМЕНТЪ НОВОНАЙДЕННОЙ СТѢННОЙ РОСПИСИ ИЗЪ ВИЛЛЫ ИТЕМЪ ВЪ ПОМПЕЯХЪ.

Ср. Notizie degli scavi 1910, табл. 15.

На стѣнѣ триклинія длиною въ 7 м., шириною въ 4¹/₂ м., на 1 м. отъ пола, изображено 27 фигуръ въ человѣческій ростъ. Надъ этимъ фризомъ по стѣнѣ пробѣгалъ широкій меандръ, за которымъ шла полоса, имитирующая мраморную инкрустацію. Картина изображаетъ, по всей вѣроятности, посвященіе молодыхъ дѣвушекъ въ мистеріи Діониса, въ которомъ бичеваніе посвящаемыхъ играло таинственную роль. Нашъ рисунокъ изображаетъ Діониса, небрежно усѣвшагося на колѣнахъ Аріадны (?), передъ нимъ стоитъ Силенъ съ двумя юными сатирами. Силенъ годаетъ одному изъ нихъ сосудъ съ питьемъ; онъ съ возмущеніемъ оглядывается на одну изъ дѣвушекъ, которая обращается въ бѣгство, спасаясь отъ бичеванія. Второй сатиръ держитъ въ правой рукѣ отвратительную маску Силена надъ его головой, въ лѣвой—у него струнный инструментъ. Фреска воспроизводитъ, по всей вѣроятности, знаменитый эллинистическій оригиналъ.

Первый декоративный стиль.

Подобная декоровка стѣнъ, имитирующая въ дешевой штукатуркѣ блестящее великолѣпіе александрійскихъ мраморныхъ стѣнъ, была, повидимому, широко распространена въ предѣлахъ вліянія эллинистическаго міра (стр. 244). Простой желтый цоколь украшаетъ низъ помпеянской стѣны, надъ нимъ слѣдуютъ разноцвѣтныя поля, расписанныя подъ мраморъ,—декоративная комбинація узкихъ поясковъ, прямыхъ ореостатовъ и подражанія кладкѣ изъ тесанаго камня. На высотѣ человѣческаго роста эта инкрустація заканчивается выступающимъ карнизомъ, на которомъ красовались картинки, бездѣлушки и разная мелкая утварь; верхняя часть стѣны оставалась однотонной. Стѣны были расчленены пилястрами или полуколоннами изъ штукатурки, что вызывало иллюзію глубины (ср, рис. 179).

На такой квадрированной стѣнѣ не было мѣста стѣнной живописи, обычной въ греческомъ домѣ: картина, украшавшая стѣну, спускается на полъ, возрождаясь на немъ въ видѣ м о з а и к и. Извѣстная намъ уже

Мозаика.

casa del Fauno особенно (рис. 306) богата подобными драгоцѣнными полами, мелкими и колоссальными образцами мозаики, украшенными то орнаментомъ, то фигурами, начиная тончайшей работой и кончая грубой техникой (рис. 88, 222 и табл. III). Очевидно, эти великолѣпныя произведенія возникали не въ Помпеяхъ; мы выше уже указывали (стр. 184 сл.) на оживленный ввозъ мозаики изъ ея родины—Египта.

Второй декоративный стиль.

Римляне вносятъ въ Помпеи новый архитектурный и декоративный стиль: въ постройкахъ отнынѣ примѣняется известнякъ, которому придается форма кирпича, или просто кирпичъ. Блестящая штукатурка, имитировавшая мраморную инкрустацію, замѣняется сплошнымъ раскрашиваніемъ стѣнъ: по всей вѣроятности, этотъ второй помпеянскій стиль живописной архитектуры также восточнаго происхожденія, хотя это предположеніе пока не доказано (ср. рис. 217).

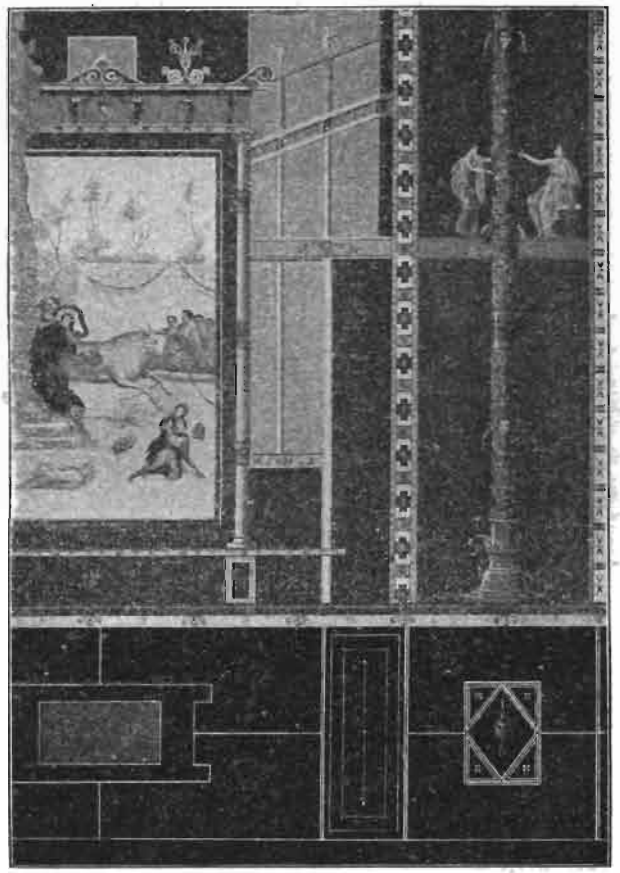

Рис. 308. ЕГИПТИЗИРУЮЩАЯ СТѢННАЯ РОСПИСЬ ИЗЪ ПОМПЕЙ.
Ср. Niccolini, Pompei II, табл. 66.

Египтизирующими элементами являются маленькія фигурки фриза надъ центральной картиной. Послѣдняя воспроизводитъ легенду о Лаокоонѣ; сцена происходитъ не на берегу моря, какъ разсказываетъ Виргилій, а въ предѣлахъ священной рощи. Картина, повидимому, независима отъ статуарной группы Лаокоона.

На цоколѣ, который въ большинствѣ случаевъ окрашенъ въ зеленый цвѣтъ, возвышаются написанныя колонны и пилястры, иногда замѣняющіеся стройными канделябрами; между ними располагаются вертикальные и горизонтальные прямоугольники подобно стѣнамъ, облицованнымъ штукатуркой. Расписной карнизъ заканчиваетъ нижнюю часть стѣны. На карнизѣ обыкновенно ставились небольшія картины въ складныхъ рамкахъ; теперь и онѣ замѣняются росписью. Станковая живопись, часто украшавшая комнаты, отнынѣ также сливается съ живописной архитектурой; великолѣпныя обрамленныя картины составляютъ часть стѣнной росписи (рис. 307, 400). Такимъ образомъ, стѣнная картина, вытѣсненная мраморной облицовкой стѣны, снова возрождается, она вытѣсняетъ однообразные мраморные квадраты

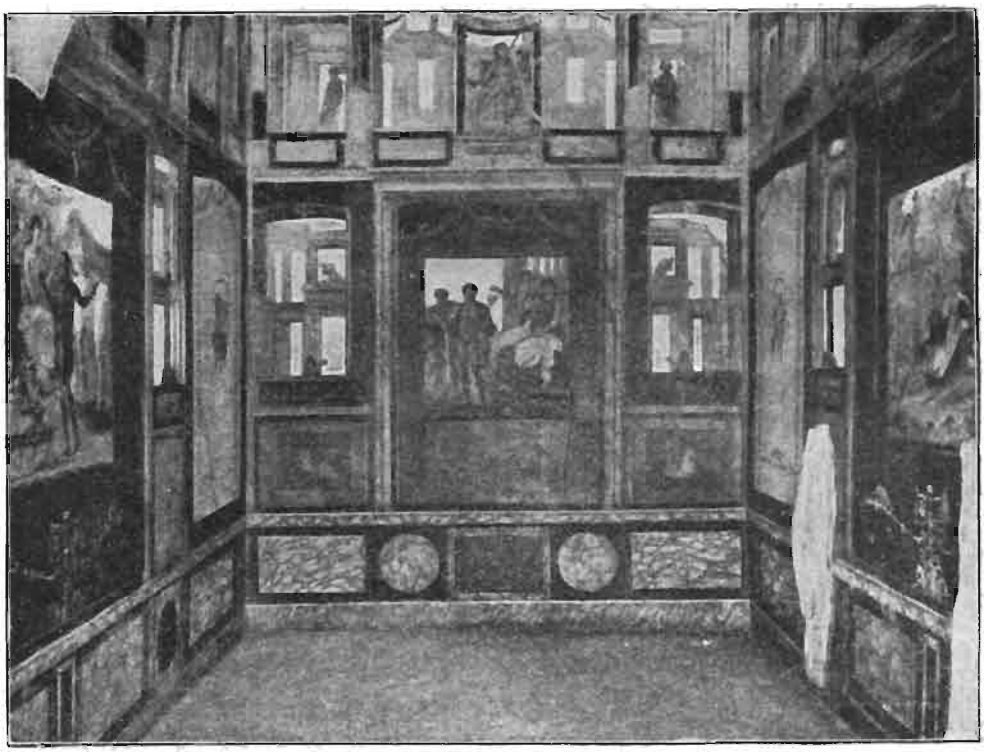

Рис. 309. ПОМПЕЯНСКАЯ СТѢНА ЧЕТВЕРТАГО СТИЛЯ.
Ср. Mau, Roscher, табл. 10.

и вскорѣ становится главнымъ украшеніемъ стѣны. Въ окраскѣ остальной ея площади снова преобладаетъ киноварь („помпеянская" красная краска, ср. стр. 187). Центральныя стѣнныя картины воспроизводятъ популярныя произведенія монументальнаго искусства. Такимъ образомъ и скромный обыватель могъ окружить себя его созданіями.

Техника живописи на описанныхъ и позднѣйшихъ помпеянскихъ стѣнахъ представляла собой не чистое al fresco, какъ до сихъ поръ предполагали, а такъ-называемое stuccolustro. Наложивъ на стѣну толстый слой известковой штукатурки, ее покрывали разными связующими органическими веществами, вродѣ молока, клея, яйца, и предварительно сглаживали въ холодномъ видѣ, затѣмъ нагрѣтымъ, желѣзнымъ утюгомъ. На приготовленной такимъ образомъ поверхности дѣлалась декоративная роспись a tempera, послѣ чего стѣна снова сглаживалась тѣмъ же способомъ и, наконецъ, покрывалась воскомъ. Это соединеніе техники al fresco и a tempera въ связи съ пріемами энкаустики придавало картинамъ прочность и яркій блескъ.

Третій декоративный стиль.

Такъ называемый третій помпеянскій декоративный стиль, распространившійся въ Помпеяхъ около Р. Хр. и продержавшійся въ теченіе 50-ти лѣтъ, особенно опредѣленно свидѣтельствуетъ о происхожденіи всего этого способа раскрашиванія стѣнъ съ эллинистическаго востока, вѣроятнѣе всего, прямо изъ Александріи. Не только

лотосъ, часто встрѣчающійся среди орнаментовъ, и другіе нильскіе мотивы, но и чисто египетскія фигурки, іероглифы, нанизанные длинными декоративными рядами или встрѣчающіеся отдѣльно, наконецъ, цѣлыя сцены на фонѣ египетскаго ландшафта указываютъ на Египетъ, какъ родину этого стиля (рис. 308).

Характернымъ признакомъ этихъ стѣнъ, расписанныхъ въ египтизирующемъ стилѣ, является, прежде всего, преобладаніе орнамента, почти неизвѣстнаго первому и второму стилю. Роль архитектурныхъ элементовъ становится чисто-декоративной. Тонкія колонки и пилястрики, карнизы и фризы, лишенные профилировки, давно перестали быть архитектурными деталями: они превратились въ простой орнаментъ, случайно сохраняющій форму колоннъ и антаблемента. Стѣнные пилястры часто превращаются въ простыя орнаментированныя полосы. На картинахъ, обрамленныхъ этой призрачной архитектурой, встрѣчаются и миѳологическія сцены (ср. рис. 308); но ландшафтъ и nature morte преобладаютъ въ этомъ стилѣ. Картины садовъ, цвѣточныхъ клумбъ и т. п. въ Помпеяхъ встрѣчаются исключительно на этихъ египтизирующихъ стѣнахъ. Это не можетъ быть случайностью. Вѣроятно, ландшафтъ и сельская жизнь были преобладавшими мотивами также и александрійской живописи, что вполнѣ понятно, при томъ большомъ значеніи, которое земледѣліе и плоды его всегда имѣли въ жизни Египта и которое ярче всего выразилось въ „стремленіи къ природѣ“, характеризующемъ всю буколическую поэзію (ср. стр. 129), процвѣтавшую въ Александріи. Кромѣ того, Александрія славилась въ позднѣйшемъ античномъ мірѣ какъ городъ садовъ и садоводства (ср. стр. 77).

Подобно формамъ и тона этихъ стѣнъ изящны и нѣжны: художники избѣгаютъ черныхъ, красныхъ и желтыхъ тоновъ; преобладаютъ благородная бѣлая краска, матово-коричневыя и другіе смягченные тона. Роспись тщательно наведена заостренной кистью и не теряетъ своей тонкости и при близкомъ разсмотрѣніи ея.

Четвертый декоративный стиль.

Понятно, что этотъ „Biedermeierstil“ со своими поблекшими красками господствовалъ недолго. Около 50 г. по Р. Хр. его вытѣсняетъ такъ называемый четвертый декоративный стиль, совершенно свободный отъ египтизирующихъ элементовъ, происходящій не изъ Египта, а, по всей вѣроятности, изъ Сиріи или одной изъ эллинистическихъ метрополій востока. Большинство помпеянскихъ домовъ расписано въ этомъ послѣднемъ стилѣ (рис. 210, 309).

Четвертый декоративный стиль болѣе богатъ архитектурными элементами, чѣмъ третій, но эта архитектура совершенно фантастическаго характера—плодъ причудливой иллюзіи. Этотъ стиль пренебрегаетъ спокойными ровными плоскостями и плоскимъ орнаментомъ. Большія центральныя картины второго и третьяго стиля замѣняются миніатюрными обрамленными картинами и легкими витающими отдѣльными фигурами. Сюжетъ росписи мало интересуетъ художника, красочный эффектъ играетъ преобладающую роль. Архитектурные элементы имитируютъ позолоченныя металлическія колонки и написаны обыкновенно желтой краской. Въ противоположность третьему стилю преобладаютъ яркіе, блестящіе, часто грубые тона. Эти художники, заимствовавшіе, по всей вѣроятности, образцы и технику на востокѣ, проявляютъ опредѣленное знаніе перспективы, и прекрасно умѣютъ намѣтить воздушную перспективу красноватыми и фіолетовыми тонами, замѣняя ими желтые. Многіе изъ этихъ бѣгло набросанныхъ эскизовъ и понынѣ пользуются большой популярностью въ культурныхъ кругахъ современной Европы.

Картины.

Картины, составляющія центръ расписныхъ стѣнъ отъ второго до четвертаго стиля, должны замѣнить намъ всѣ пропавшіе оригиналы греческой живописи: мы знаемъ ее почти исключительно по бѣглымъ фрескамъ помпеянскихъ жилищъ. Этимъ объясняется преувеличенный интересъ, проявляемый къ этимъ часто ничтожнымъ произведеніямъ. Центральный вопросъ, съ которымъ мы къ нимъ подходимъ, сводится къ вопросу о томъ, насколько передъ нами отражается греческая оригинальная живопись и что въ эти росписи внесено помпеянскими живописцами-ремесленниками. Пока на этотъ вопросъ вполнѣ опредѣленнаго отвѣта не дано. Намъ кажется, что мы уловили кое-какіе элементы, проникнувшіе изъ греческой станковой живописи въ коллекцію образцовъ кампанскихъ художниковъ, а изъ нихъ въ шаблонную ремесленную фресковую живопись Помпей. Сюда относится странный, на нашъ взглядъ, вкусъ къ ограниченной пространственной углубленности, въ которой фигуры могутъ группироваться только рядомъ одна съ другой, какъ на рельефахъ, и стремленіе къ симметрической группировкѣ въ росписи, имѣющей опредѣленный центръ съ боковыми фигурами по обѣ стороны его. Одно положеніе пока выясняется совершенно опредѣленно—греческая станковая живопись не владѣетъ ландшафтомъ такъ, какъ имъ владѣетъ современное искусство. Со времени геометрическаго стиля въ греческомъ искусствѣ доминируетъ фигура человѣка; она до конца остается центромъ всѣхъ художественныхъ исканій. Ландшафтъ, какъ въ помпеянской, такъ и во всей античной живописи, играетъ роль кулисъ, фона для фигуръ; попытки ландшафтной живописи еще слишкомъ ничтожны и не отражаютъ отношенія къ ней, какъ къ самостоятельной художественной цѣнности. Античный человѣкъ мало чувствовалъ всю прелесть настроеній атмосферы, или мрачную красоту бурнаго волнующагося моря; и въ эпоху эллинизма, въ значительной степени пробудившую чувство природы, онъ еще не умѣетъ всматриваться во вселенную съ любовью, глазами чуткими ко всякой красотѣ свѣта и формы, подобно современнымъ людямъ. Однако, за исключеніемъ этой одной области, помпеянская живопись не уступаетъ въ разносторонности современной.

Въ столовыхъ мы преимущественно встрѣчаемъ всѣ виды nature morte, группы живыхъ и мертвыхъ животныхъ, блюда съ рыбами, эффектно сгруппированные сосуды и т. п. Перистили украшаются большими группами: мы тутъ встрѣчаемъ цѣлые звѣринцы, въ которыхъ фигурируютъ всѣ виды животнаго міра, начиная бабочкой и кончая неуклюжимъ слономъ. Между прочимъ, Орфей зачаровываетъ струнами своей лиры цѣлый Ноевъ ковчегъ животныхъ. Встрѣчаются сцены охоты на мелкую дичь или дикаго звѣря, напоминающія современныя картины изъ царства животныхъ. Среди ландшафтовъ, не пользующихся особымъ вниманіемъ, особенно излюбленными мотивами являются морскіе виды, гавани, корабли, рыбаки, занятые рыбной ловлей на берегу моря. Насъ поражаетъ отсутствіе прекрасныхъ формъ Неаполитанскаго залива, очертаній Monte Sant'Angelo или Везувія, линій Капри или Искіи: традиціонныя клас-

ческія формы ландшафта предпочитались картинамъ окружающей природы. Преобладаютъ сцены изъ человѣческой жизни, начиная небольшими медальонами съ одной или двумя головками и кончая монументальными произведеніями живописи съ фигурами въ естественный ростъ. Всѣ мотивы почти безъ исключенія заимствованы изъ греческой миѳологіи. Избѣгая напоминаній о печаляхъ жизни, художники не воспроизводятъ патетическихъ и трагически-драматическихъ легендъ. Образъ Медеи (рис. 78) съ мечомъ въ рукѣ, въ душѣ которой происходитъ тяжкая борьба материнской любви съ оскорбленной гордостью женщины, или образъ цѣломудренной жрицы Ифигеніи (рис. 79), выходящей въ ея жреческой чистотѣ къ Оресту и Пиладу, такъ же рѣдки, какъ образъ Оесея, торжествующаго надъ Минотавромъ, Лаокоона (рис. 308), задушеннаго змѣями, или Дирки, привязываемой къ разъяренному быку. Какъ ни прекрасны именно эти патетическія картины, отражающія знаменитыя произведенія монументальной станковой живописи, онѣ рѣдки въ помпеянской стѣнной росписи. Большинство сюжетовъ эротическаго характера, и если встрѣчается трагическій сюжетъ, то и онъ рисуетъ обыкновенно трагичность несчастной любви. Съ этой точки зрѣнія объясняется популярность такихъ мотивовъ, какъ изображенія влюбленнаго Несса, убитаго Геракломъ, бѣдной Іо, охраняемой Аргусомъ (ср. табл. VII), умирающей отъ любовной тоски Федры, гнѣвнаго Ахилла, отъ котораго уводятъ Брисеиду (рис. 400), несчастнаго пловца Леандра, достигающаго мертвымъ своей Геро, самоубійства Пирама и Ѳисбы, горячо любившихъ другъ друга. Мотивы взаимной любви и счастливаго наслажденія встрѣчаются еще чаще картинъ несчастной любви. Въ безчисленныхъ повтореніяхъ видимъ мы Діониса съ Аріадной, Селену, нисходящую къ Эндиміону, или Ареса въ довѣрчивой близости съ Афродитой. Любовныя похожденія отца боговъ представляютъ собой одинъ изъ излюбленныхъ мотивовъ: Леда

Рис. 310. ДѢВУШКА, СРЫВАЮЩАЯ ЦВѢТЫ.

Стѣнная роспись изъ Стабій. Нынѣ въ Неаполѣ. Съ фотографіи.

«Дѣвушка не замѣтила высокаго цвѣтка, растущаго у самой дороги; повернувъ голову, она протягиваетъ руку и бережно срываетъ вершину цвѣтка, сложивъ большой палецъ и указательный: ловкимому, дѣвушка, любительница цвѣтовъ.... Уцѣлѣли почти только линіи контура, но именно эти очертанія, созвучія линій тѣла—драгоцѣнное сокровище для человѣчества. По сравненію съ ними Рафаэль тяжелъ, а Торвальдсенъ безцвѣтенъ» (Юлій Ланге).

съ лебедемъ, Европа на быкѣ (рис. 403), Даная подъ золотымъ дождемъ повторяются безчисленное множество разъ. Такой же популярностью пользовались судъ Париса, Персей, сводящій освобожденную Андромеду съ рыцарской любезностью со скалы (ср. рис. 404). Къ этимъ серьезнымъ образамъ миѳологіи присоединяется вся безконечная вереница музъ, харитъ и другихъ причудливыхъ фантастическихъ созданій, которыми изобиловала поэзія того времени (рис. 310, 399), наконецъ, веселая толпа крылатыхъ эротовъ, шутливо подражающая мірской суетѣ (рис. 59, 260). Бодрая чувственность, яркая радость жизни оживляютъ большинство этихъ образовъ. Христіанинъ, быть можетъ, не найдетъ въ нихъ мыслей о вѣчности, исканій потусторонней глубины: во всякомъ случаѣ, они говорятъ о невинномъ пониманіи всего чисто-человѣческаго, изображеннаго въ линіяхъ чистой красоты. Эта жизнерадостная наивная живопись характерна для береговъ залива, плѣняющаго всякаго смертнаго и понынѣ.

Потолки. Наши представленія объ украшеніи потолковъ жилищъ, почти нигдѣ не сохранившихся, очень скудны. Сводчатые потолки термъ были покрыты лѣпными украшеніями; граціозныя фигуры, написанныя отъ руки (рис. 301), оживляли круглыя и квадратныя поля потолковъ. Лучше представляемъ мы себѣ убранство перистилей, въ которыхъ клумбы цвѣтовъ симметрически расчленяли площадь, гдѣ вода струилась изъ изящныхъ фонтанныхъ статуй и безчисленныя фигуры свидѣтельствовали о художественномъ вкусѣ обывателей (рис. 304). О немъ и его проникновеніи во всѣ общественные слои ярче всего свидѣтельствуютъ форма и выдѣлка домашней и кухонной утвари (рис. 28, 185 сл.). До чего изящны всѣ ручки и горлышки! До чего оригинальны орнаменты ножекъ сосудовъ и кувшиновъ! Нигдѣ краны и ведра не отличаются бо̀льшимъ изяществомъ и вкусомъ, чѣмъ у помпеянцевъ. Ни у одной современной кухарки въ рукѣ не было ситка, красота узора котораго превзошла бы выбитыя узоры помпеянскихъ ситокъ.

Утварь.

Нигдѣ прошлая жизнь, отдѣленная отъ насъ тысячелѣтіями, не оживаетъ передъ нами съ такой яркой непосредственностью, какъ въ Помпеяхъ, точно эта жизнь замолкла вчера. Помпеи имѣютъ для насъ еще особое историческое значеніе: они рисуютъ намъ широкую детальную картину всѣхъ жизненныхъ формъ эллинистической культуры; мы знаемъ характерныя особенности этой культуры и общій ея обликъ исключительно благодаря воскрешенію Помпей. Только сродившійся съ этимъ маленькимъ міромъ вполнѣ проникается сознаніемъ, насколько велико было вліяніе этой завершенной въ себѣ культуры на всѣ сосѣдніе народы и въ томъ числѣ на римлянъ. И понынѣ еще вліяніе Помпей на искусство и художественное ремесло живетъ и не изсякаетъ.

Въ краткое правленіе Тита зодчество не создаетъ ничего замѣчательнаго.

Братъ Тита, Домитіанъ, широко покровительствовавшій искусствамъ, былъ одержимъ неутомимой строительной горячкой. Онъ окон-

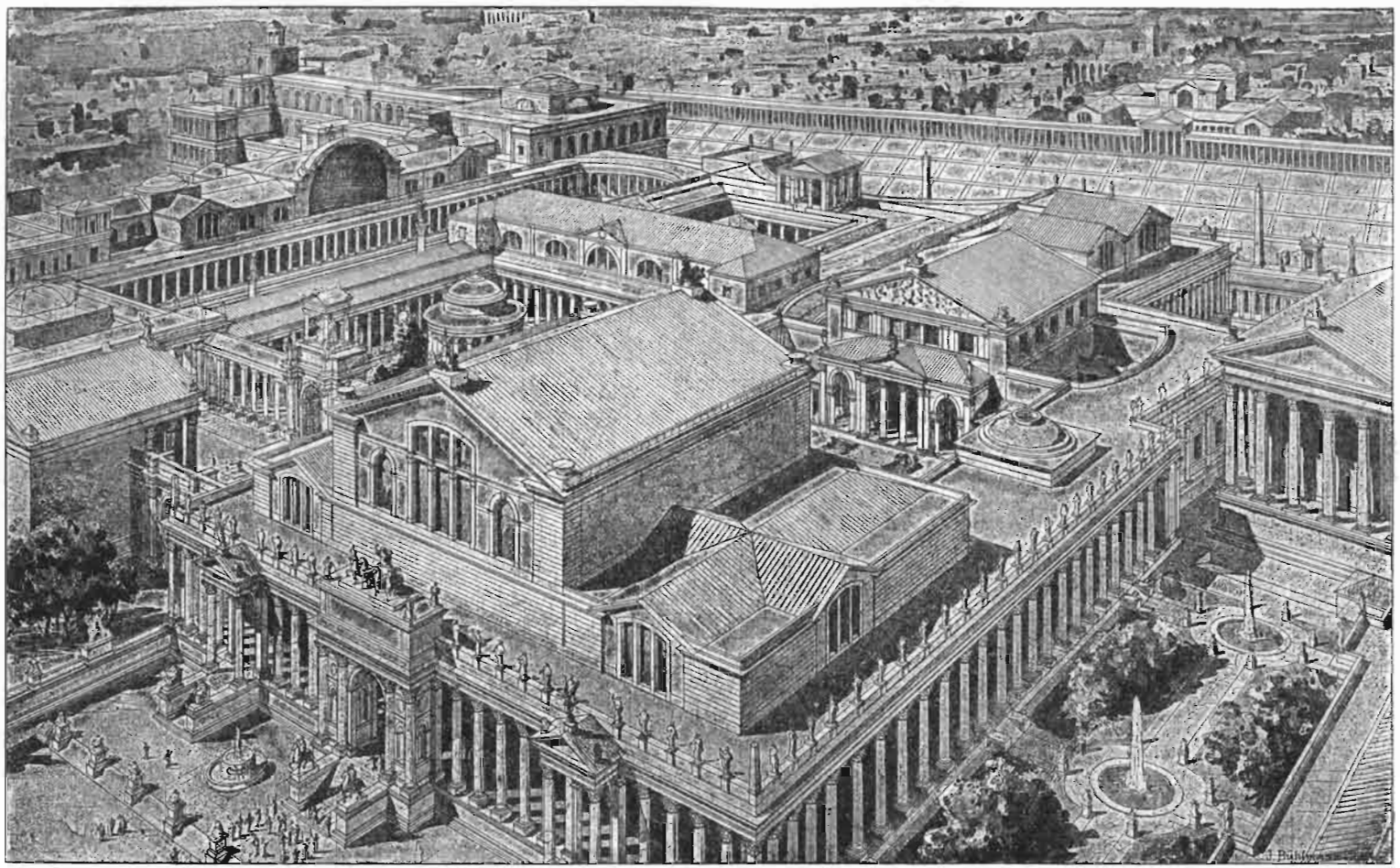

Рис. 311. ИМПЕРАТОРСКІЙ ДВОРЕЦЪ НА ПАЛАТИНѢ.
Реконструкція Н. Бильмана. Ср. Zeitschrsfi, f. Geschichte d. Arch. I.

Видъ съ сѣвера (сторона форума). Въ глубинѣ ряды уступовъ Circus Maximus.

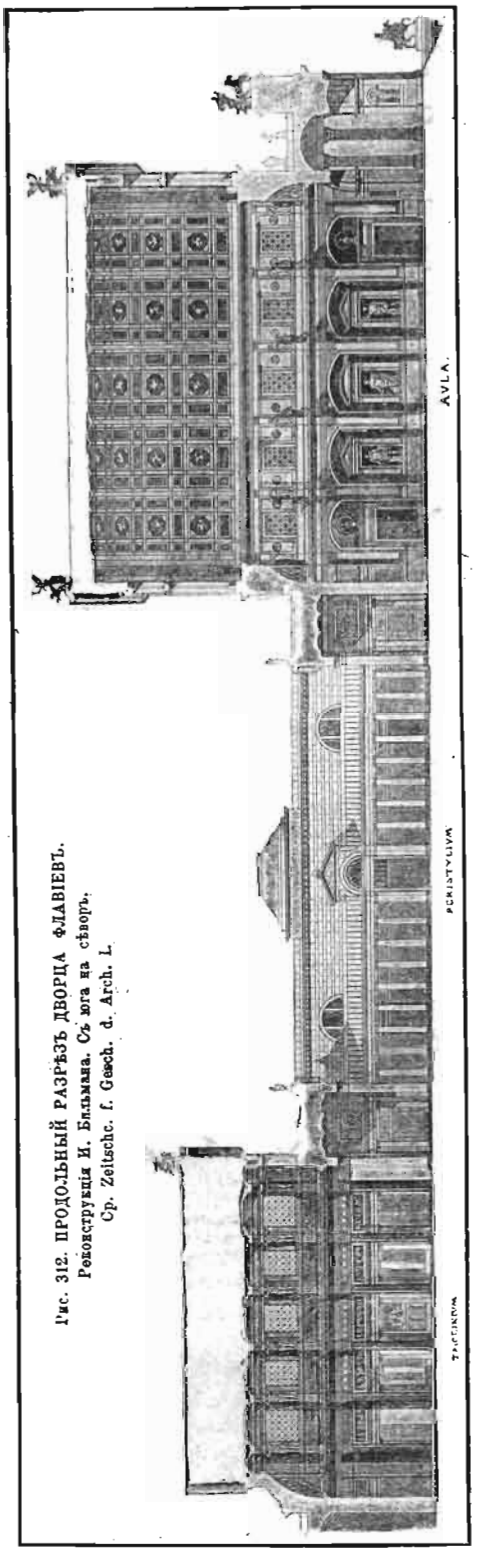

Рис. 312. ПРОДОЛЬНЫЙ РАЗРѢЗЪ ДВОРЦА ФЛАВІЕВЪ.
Реконструкція И. Бильмана. Съ юга на сѣверъ.
Cp. Zeitschr. f. Gesch. d. Arch. I.

чилъ прежде всего постройки, начатыя его отцомъ и братомъ, между прочимъ, храмъ Божественнаго Веспасіана, посвященный Титомъ отцу на clivus Capitolinus, ведущемъ на Капитолій: уцѣлѣли три каннелированныхъ коринѳскихъ колонны (20 м. высоты) съ частями антаблемента.

Домитіанъ проявляетъ необычайную строительную энергію, главнымъ образомъ, на Палатинскомъ холмѣ, гдѣ онъ съ невиданнымъ великолѣпіемъ возстанавливаетъ domus Augustana, разрушенную нероновскимъ пожаромъ; создаетъ онъ и большой дворцовый паркъ; онъ придаетъ Палатину сказочную прелесть, поражавшую въ теченіе столѣтій фантазію всѣхъ народовъ Европы.

Палатинская резиденція распадалась на три части: 1) дворецъ съ оффиціальными парадными залами (ср. рис. 311 сл.), окруженный съ трехъ сторонъ колоннадами. По направленію къ форуму, откуда былъ главный входъ, эта колоннада, опиравшаяся на колонны изъ зеленаго мрамора (циполлина), была снабжена небольшой лѣстницей и тремя порталами со ступенями. Изъ этой колоннады былъ входъ въ центральную aula или тронную залу, стѣны которой были украшены высокими мраморными колоннами; между ними въ стѣнахъ находились ниши съ базальтовыми статуями. На выступахъ карниза надъ стѣнными полуколоннами также, повидимому, возвышались фигуры. Потолокъ представлялъ собою сводъ, шириною въ 30,3 м., т.-е. на 4,5 м. больше, чѣмъ главный сводъ собора Петра. Величественно высокій и просторный, великолѣпно украшенный богатой позолотой, дворецъ былъ достоинъ

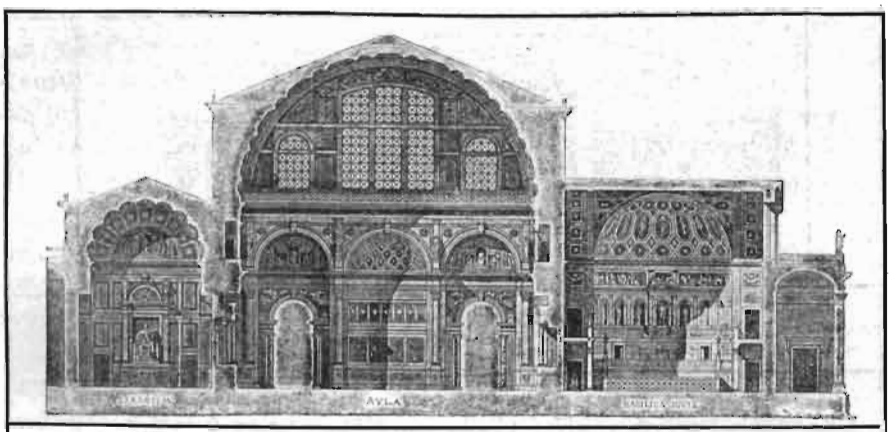

Рис. 313. ТРИ ПАРАДНЫХЪ ЗАЛЫ ДВОРЦА ФЛАВІЕВЪ.
Реконструкція И. Бильмана. Разрѣзъ съ востока на западъ. Ср. Zeitschr. f. Gesch. d. Arch. I.

властителя міра. Въ мѣньшемъ сосѣднемъ помѣщеніи налѣво былъ найденъ алтарь: тутъ находилась, по всей вѣроятности, придворная часовня. Направо отъ aula лежала basilica, гдѣ въ пристроенной къ югу апсидѣ (рис. 314 сл.) императоръ, быть можетъ, творилъ судъ. И здѣсь главное и величественное украшеніе составляли колонны, расположенныя въ 2 яруса вдоль стѣнъ. Потолокъ впослѣдствіи былъ снабженъ крестовымъ сводомъ для противовѣса давленію свода надъ аулой. На югъ отъ этихъ трехъ главныхъ зданій находился обширный дворъ съ колоннадой и садомъ. Здѣсь, противъ аула, помѣщалась столовая. Ея стѣны были украшены монолитными мраморными колоннами; потолокъ былъ плоскій; въ высокія окна направо и налѣво виднѣлись нимфеи, расположенные подъ открытымъ небомъ (рис. 318). „Прекрасная столовая“, такъ пишетъ Діонъ Кассій, „съ видомъ въ садъ перистиля, съ обѣихъ сторонъ окаймленнаго нимфеями, съ бьющими среди цвѣтовъ и прелестныхъ статуй фонтанами, убранная со всей возможной роскошью мраморомъ и золотомъ, по истинѣ достойна названія cenatio Jovis. Въ ней возлежатъ гости императора, наслаждаясь яствами, имъ прислуживаютъ прекрасные мальчики и дѣвушки, наряженные въ златотканныя одежды“. Поэтъ Марціалъ увѣряетъ, что, одновременно приглашенный на обѣдъ Домитіаномъ и Зевсомъ, онъ

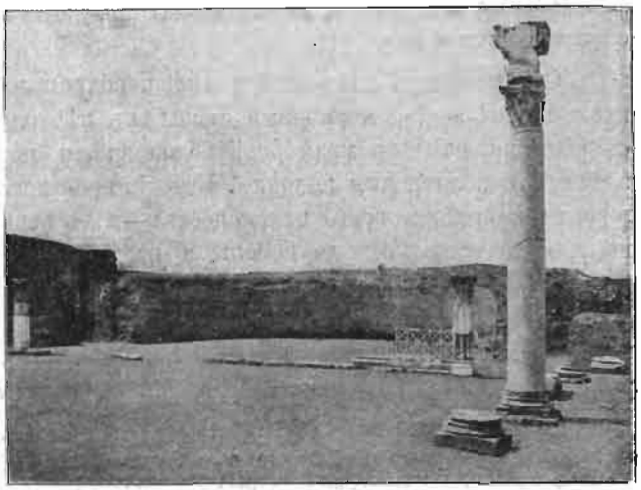

Рис. 314. БАЗИЛИКА ДВОРЦА ФЛАВІЕВЪ.
Съ фотографіи.
Мы видимъ полукруглую апсиду этой залы съ фрагментами мраморной балюстрады. Направо сохранились четыре базы колоннъ и одна уцѣлѣвшая колонна, рядъ которыхъ тянулся вдоль продольныхъ стѣнъ залы.

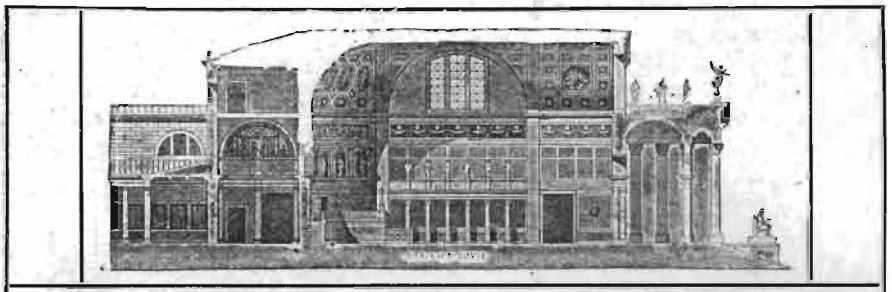

Рис. 315. БАЗИЛИКА ДВОРЦА ФЛАВІЕВЪ.
Реконструкція И. Бильмана. Ср. Zeitschr. f. Gesch. d. Arch. I.
Разрѣзъ съ юга на сѣверъ.

безъ колебанія отправился бы къ первому, даже если бы небеса были ближе, а императорскій дворецъ дальше.

2) Частные покои императора, сгруппированные вокругъ обширной колоннады и состоявшіе изъ многочисленныхъ помѣщеній отчасти очень причудливаго характера, примыкали на востокѣ къ параднымъ заламъ дворца. Въ настоящее время здѣсь еще находится вилла Mills; однако, начатыя уже здѣсь раскопки обогатятъ насъ въ недалекомъ будущемъ болѣе подробными свѣдѣніями объ этой части дворца. По направленію къ цирку примыкали помѣщенія для дворцовой челядн.

3) Дворцовый паркъ, наконецъ (рис. 317), находившійся на восточной окраинѣ холма, былъ разбитъ, по всей вѣроятности, уже въ эпоху Августа; Домитіанъ его возстановилъ и расширилъ.

Отъ всей этой сказочной роскоши сохранились только обширныя, пустыя помѣщенія, кирпичныя стѣны въ нѣсколько метровъ высоты, съ рѣдкими слѣдами мраморной облицовки, и немногія вновь поставленныя циполлиновыя колонны. Исторія произнесла свой жестокій приговоръ—приговоръ всего человѣчества—надъ этими блестящими дворцами, поднимавшимися до небесъ, и надъ нескончаемыми вереницами великолѣпныхъ покоевъ.

Другой памятникъ, завершенный Домитіаномъ у подножья Палатинскаго холма, на высшей точкѣ Веліи (рис. 355), лучше сохранился; это—арка Тита, начатая въ правленіе послѣдняго (рис. 319 сл. 322).

Арка Тита.

Изъ шести уцѣлѣвшихъ въ Римѣ тріумфальныхъ арокъ арка Тита древнѣйшая; ея названіе оправдывается тѣмъ, что скульптурныя украшенія на аркѣ изображаютъ тріумфъ Тита надъ іудеями. Существовавшее раньше предположеніе, что трумфальныя арки представляютъ изъ себя каменныя воспроизведенія деревянныхъ, воздвигнутыхъ по случаю празднованія тріумфа, не подтверждается. Подобныя арки не упоминаются ни въ одномъ изъ извѣстныхъ намъ описаній тріумфовъ. Въ республиканскомъ Римѣ было воздвигнуто нѣсколько монументальныхъ арокъ (fornices или arcus) для украшенія улицъ, но не въ связи съ тріумфомъ и не въ связи съ почетомъ, оказываемымъ опредѣленному лицу. Обычай воздвиженія подобныхъ арокъ въ честь отдѣльныхъ лицъ, повидимому, восточно-эллинистическаго происхожденія; въ Римѣ онъ становится популярнымъ лишь въ Августовскую эпоху, и арки всегда воздвигаются въ честь императоровъ или членовъ императорской семьи.

Рис. 316. ПИЛЯСТРЪ, ОБВИТЫЙ РОЗАМИ, ИЗЪ ГРОБНИЦЫ ГАТЕРІЕВЪ.

Мраморъ, Римъ, Латеранъ.

Съ фотографіи.

По обѣ стороны трехугольнаго пилястра видны стройныя вазы (?), увитыя розами. Расцвѣтшія розы изображены съ традиціонными четырьмя лепестками, бутоны трактованы натуралистично. Вазы находятся надъ вишневыми вѣтками. На вершинѣ вазъ сидятъ кричащіе попугаи, нѣсколько ниже—другія птицы. Рельефно выдѣляющіеся цвѣты на свободно разбросанныхъ, переплетающихся цвѣтущихъ вѣткахъ разсѣяны замѣчательно искусно, чѣмъ вызываются прелестные переходы свѣта и тѣни.

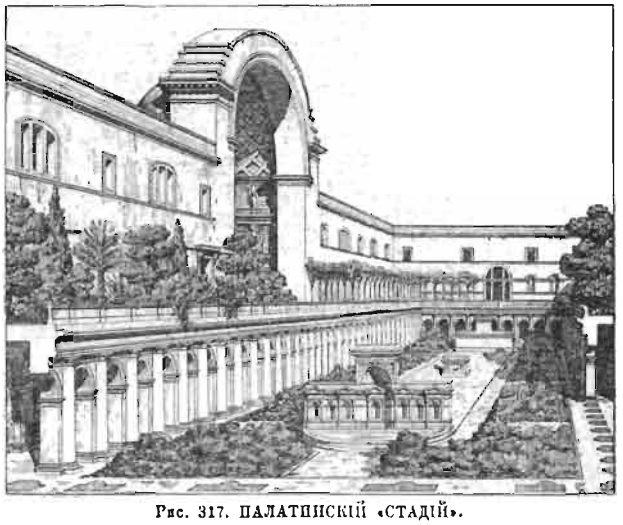

Рис. 317. ПАЛАТИНСКІЙ «СТАДІЙ».

Реконструкція Г. Тоньетти.

Ср. Haugwitz, Palatin, табл. 10.

Ср. Планъ на рис. 311. Тщательно огороженная площадь сада, длиною въ 160 м. и шириною въ 47 м., впослѣдствіи была Септиміемъ Северомъ окружена со всѣхъ сторонъ колоннадами; онъ и его сынъ Каракалла были послѣдними, внесшими усовершенствованія въ императорскую резиденцію на Палатинѣ. Длина этихъ колоннадъ равнялась ровно одной четверти мили, такъ что гуляющій могъ точно измѣрять пройденный имъ путь. Уже при Адріанѣ была къ востоку пристроена громадная экседра, овальная же пристройка въ центрѣ сада съ фонтанами по обеимъ сторонамъ относится ко времени Осодориха Вел.

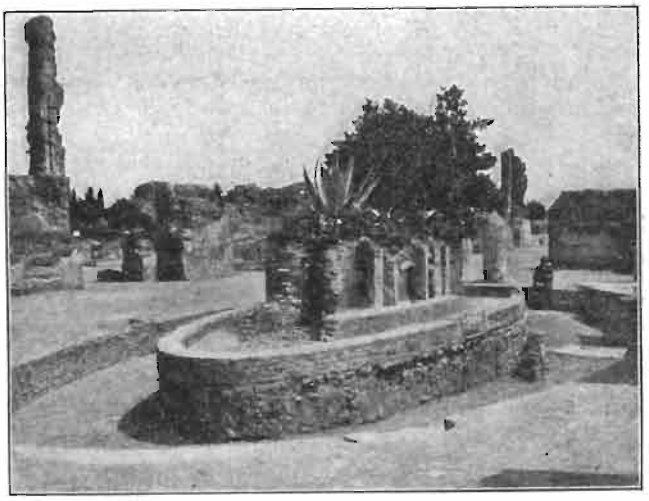

Рис. 318. НИМФЕЙ ОКОЛО ГЛАВНОЙ СТОЛОВОЙ (TRICLINIUM) ИМПЕРАТОРСКАГО ДВОРЦА ФЛАВІЕВЪ.

Съ фотографіи.

Посреди овальнаго бассейна поднимается овальное возвышеніе, нѣкогда инкрустированное мраморомъ, украшенное цвѣтами и статуями и орошаемое струями фонтана. Фигура, стоящая налѣво у стѣны, указываетъ мѣсто входа въ триклиній.

Внѣшній видъ арки Тита отличается большой простотой: на высокомъ цоколѣ возвышаются четыре полуколонны съ такъ-называемыми композитными капителями, состоящими изъ коринѳскаго аканѳа, на который опускается іонійская діагональная капитель. Между двумя средними колоннами открывается пролетъ съ сильно выдѣляющимся замковымъ камнемъ, здѣсь впервые снабженнымъ консолью. Углы арки украшены фигурами богинь побѣды, несущими пальмовыя вѣтки и знамена. На фризѣ въ крошечныхъ фигурахъ изображено тріумфальное шествіе Тита, однообразный рядъ монотонныхъ фигуръ; фигура, которую несутъ на носилкахъ налѣво, символизируетъ Іорданъ. На монументальной аттикѣ начертано посвященіе. На вершинѣ арки нѣкогда возвышалась бронзовая квадрига, на которой стоялъ императоръ.

Главное украшеніе сосредоточивается на внутренней сторонѣ арки. Цилиндрическіе своды ея покрыты богато орнаментированными кассетами. Стѣны пролета па-

Рис. 319. АРКА ТИТА.
Восточная сторона.
Съ фотографіи.
Арка изъ пентелійскаго мрамора, реставрація изъ травертина. Послѣднія оказались незамѣнимыми, такъ какъ арка долгое время (до 1322 г.) составляла часть стѣны крѣпости Франджипани.

право и налѣво украшены рельефами, справедливо возбуждающими удивленіе; они обрамлены пилястрами, оживленными выразительнымъ орнаментомъ. Рельефы интересны изображеніемъ на нихъ утвари изъ храма Соломона, главнымъ же образомъ, своимъ стилемъ. Художникъ стремится къ возможно большему реализму, что ему, однако, не помѣшало соединить нѣкоторые излюбленные въ Римѣ аллегорическіе образы съ изображеніемъ реальныхъ фигуръ. Онѣ не имѣютъ никакого отношенія къ окружающей ихъ архитектурѣ: открывается рама и мы видимъ шествіе; художникъ стремится вызвать впечатлѣніе, будто живые люди проходятъ передъ нами. Поэтому отсутствуетъ фонъ, на немъ нѣтъ тѣней отъ фигуръ: первые ряды солдатъ бросаютъ тѣнь на сосѣднихъ, эти же, подобно продольнымъ фризамъ Ara Pacis Augustae (табл. IX, 4), очень мало выдѣляются на фонѣ. Фигуры съ большимъ мастерствомъ окружены дѣй-

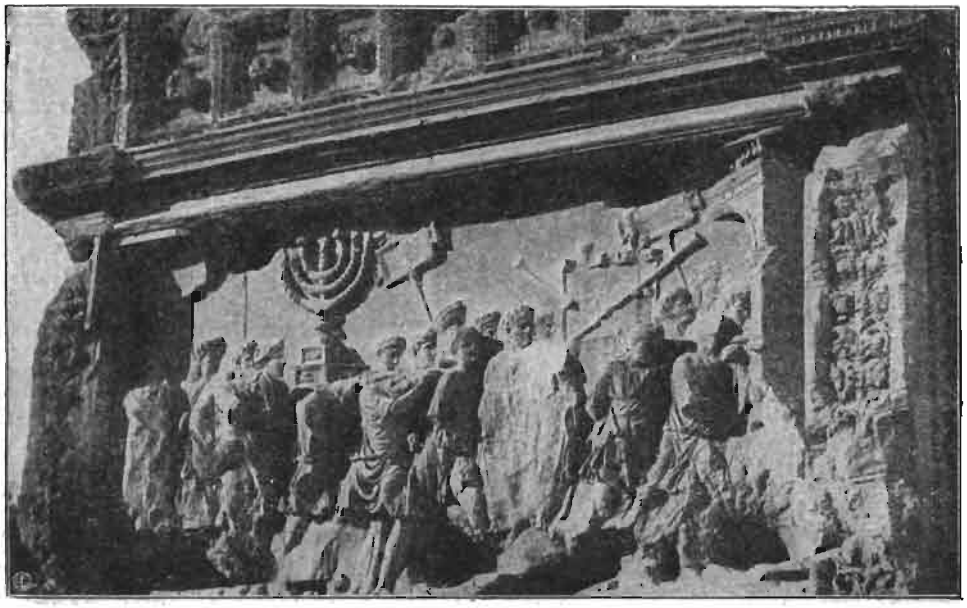

Рис. 320. РЕЛЬЕФЪ АРКИ ТИТА. Южная сторона.

Съ фотографіи.

Изображенъ тотъ моментъ тріумфальнаго шествія, когда самыя драгоцѣнныя сокровища, добытыя въ Іудейской войнѣ, вносятся черезъ городскія ворота. Солдаты, увѣнчанные лавромъ, несутъ на шестахъ золотой семисвѣчникъ, золотой столъ съ хлѣбами предложенія, съ серебряными трубами а также таблицы, на которыхъ перечислены покоренные города или другія частности побѣды. Сводъ воротъ, къ которымъ толпа устремляются, только наполовину изображенъ пластически; другая половина была намѣчена краской. Вообще арка была, по всей вѣроятности, украшена позолотой и росписью.

Рис. 321. МЕДАЛЬОНЫ ФЛАВІЕВЪ.

Съ южной стороны арки Константина. Съ фотографіи.

Стесанныя внизу рамка и профилировка пола доказываютъ, что эти медальоны первоначально висѣли ниже: эти измѣненія были сдѣланы, такъ какъ профили закрывали часть рельефа.

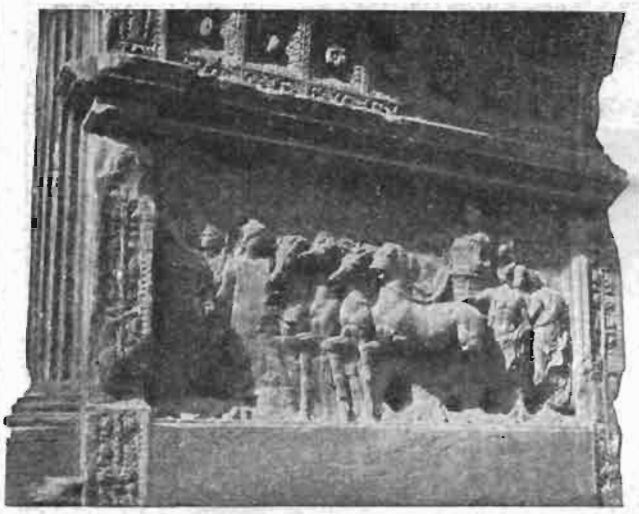

Рис. 322. РЕЛЬЕФЪ СЪ АРКИ ТИТА.

Сѣверная часть.

Съ фотографіи.

Къ сожалѣнію, рельефъ сильно пострадалъ, большинство головъ отбито. Императоръ стоитъ на богато украшенной квадригѣ, его вѣнчаетъ богиня побѣды. Около колесницы шествуетъ нагой юноша, повидимому, Genius populi Romani. Roma ведетъ колесницу, ликторы съ fasces безъ топоровъ сопровождаютъ ее. Перспектива исѣрна: колесница повернута къ зрителю, тогда какъ кони идутъ по направленію рельефа.

5 4 3 2 1

Рис. 323. ПОСТРОЙКИ ФОРУМА НА РЕЛЬЕФѢ МОГИЛЫ ГАТЕРІЕВЪ.

Римъ. Латеранъ. Съ фотографіи.

На рельефѣ изображены, повидимому, строенія южной стороны форума отъ Палатина и за Колоссей: 1. Храмъ Юпитера Stator'a у Палатина. 2. Arcus in sacra via summa, по всей вѣроятности, арка Тита; если такъ, то изображеніе очень неточно. Въ пролетѣ Roma, окруженная грудой оружія. 3. Та же арка въ профиль съ изображеніемъ Кибелы и квадригой на вершинѣ. 4. Суммарное воспроизведеніе Колосея; намѣчено фигурное украшеніе аркъ и портала. 5. Arcus ad Isis, расположенный вблизи Колосея.

Рис. 324. МИНЕРВА ВЪ КАЧЕСТВѢ ПОКРОВИТЕЛЬНИЦЫ ЖЕНСКАГО ТРУДА.

Съ фриза *Colonnae e.* Съ фотографіи.

Въ смыслѣ сильно поврежденнаго рельефа трудно разобраться. Данный фрагментъ изображаетъ Минерву, возсѣдающую на скалѣ и окруженную занимательно слушающими ее дѣвушками. Направо двѣ изъ нихъ заняты у ткацкаго станка.

ствительнымъ воздухомъ и освѣщены дѣйствительнымъ солнцемъ, и это естественное освѣщеніе въ значительной степени способствуетъ ихъ пластичности. Художникъ пренебрегаетъ какой-либо симметріей въ группировкѣ шествующихъ, тѣмъ удачнѣе вызывая иллюзію толпы, быстро устремляющейся впередъ. Мы не знаемъ въ области

Рис. 325. РАЗВАЛИНЫ ФОРУМА НЕРВЫ (le Colonnacce).
Съ фотографіи.
Сохранилась часть окружной стѣны изъ пеперина. Колонны, нѣкогда достигавшія 18 м. высоты, теперь больше чѣмъ наполовину подъ землею. Выступы антаблемента особенно богато орнаментированы. На сохранившихся постаментахъ, возвышающихся на этихъ выступахъ, нѣкогда стояли статуи. На аттикѣ между постаментами находится рельефное изображеніе Паллады; оно повторялось, быть можетъ, во всѣхъ нишахъ.

эллинистическаго искусства второго рельефа, передающаго дѣйствительность съ такой живостью и вызывающаго подобную полноту иллюзіи. Придворное искусство діадоховъ создавало, вѣроятно, такія же реалистичныя воспроизведенія придворной жизни. Однако, заслугой художниковъ, работавшихъ въ то время въ Римѣ, является очень искусное дальнѣйшее развитіе историческаго рельефа, проникнутаго духомъ римскаго реализма, создающаго произведенія поражающей жизненности.

Флавіевы медальоны.

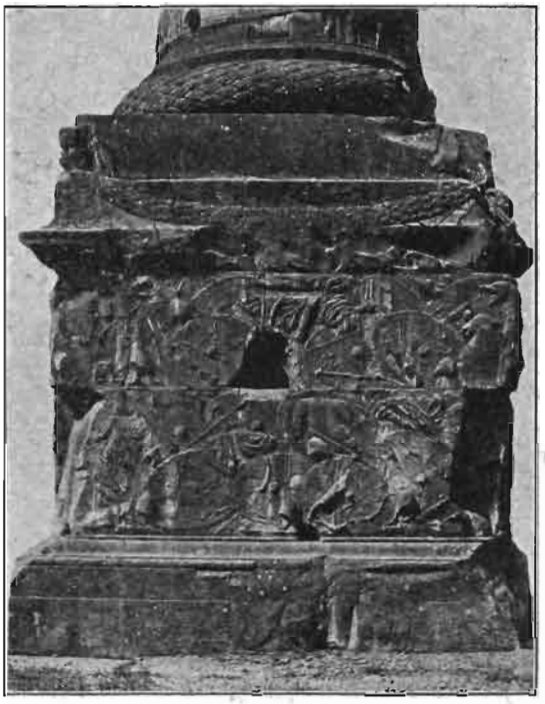
Четыре медальона, помѣщенные теперь на южной сторонѣ гораздо болѣе поздней арки Константина, украшали одну изъ частныхъ построекъ Флавіевъ, быть-можетъ, храмъ Gens Flavia, воздвигнутый Домитіаномъ на мѣстѣ его рожденія, на юго-восточной окраинѣ Квири-

Рис. 326. РАЗВАЛИНЫ BASILICA ULPIA И КОЛОННА ТРАЯНА.
Съ фотографіи.

нала, и служившій мавзолеемъ Флавіямъ. Съ той же свѣжестью, которая характеризуетъ рельефъ на аркѣ Тита (рис. 411), эти медальоны изображаютъ Домитіана въ качествѣ великаго охотника, которымъ онъ былъ въ жизни.

Мы воспроизводимъ два медальона (рис. 321). На одномъ изъ нихъ изображенъ императоръ съ своей охотничьей свитой, онъ вскакиваетъ на коня передъ порталомъ дворца. Прекрасная, прозрачная композиція. Трактовка коня опредѣленно напоминаетъ коней съ арки Тита. То-же вторая сцена, воспроизведенная на рис. 321, гдѣ императоръ на конѣ стремительно мчится за медвѣдемъ. Оба медальона поражаютъ искуснымъ расположеніемъ фигуръ въ кругѣ медальоновъ. Четыре медальона съ сѣвернаго фронта арки Константина, pendants къ рельефамъ южной стороны, также изображаютъ сцены императорской охоты, и относятся къ эпохѣ Флавіевъ; ихъ трактовка менѣе увѣренна и смѣла.

Гробница Гатеріевъ.

Рис. 327. ПОСТАМЕНТЪ КОЛОННЫ ТРАЯНА СЪ ВОСТОКА.
Съ фотографіи.

Главную площадь постамента, высота котораго равняется 8 м., заполняетъ безпорядочная груда оружія, обыкновенно окружающая трофеи. Наверху по четыремъ сторонамъ постамента сидятъ орлы, держащіе гирлянды цвѣтовъ, увитыя лентами. Въ надписи на южной сторонѣ постамента (113 года) сказано, что воздвигнутая колонна въ 100 футовъ высоты свидѣтельствуетъ о томъ, «какой высоты были гора и почва, срытыя здѣсь для великихъ сооруженій» (*ad declarandum quantas altitudinis mons et locus tantis operibus sit egestus*). Рѣчь идетъ, вѣроятно, о насыпи Сервіева *agger*, достигшей благодаря строительному мусору съ сосѣднихъ императорскихъ форумовъ значительной высоты и затруднявшей движеніе.

Рядомъ съ этимъ придворнымъ искусствомъ, представленнымъ, главнымъ образомъ, греками или художниками греческой школы, скульптуры семейной гробницы Гатеріевъ, найденной близъ Via Labicana, знакомятъ насъ съ образцами искусства, служившаго частнымъ людямъ.

Сопоставленіе разнородныхъ сохранившихся частей памятника не приведо до сихъ поръ къ несомнѣннымъ результатамъ. Послѣдніе какъ будто непосредственнѣе отражаютъ самобытный народный вкусъ, чѣмъ оффиціальныя произведенія придворнаго искусства. Гробницу украшаютъ рельефы, отличающіеся подавляющимъ множествомъ деталей (рис. 171. 323); тутъ и портреты необычайно реалистическаго характера; орнаментъ (рис. 316) соединяетъ въ себѣ традиціонную стилизацію съ натурализмомъ, соединеніе, которое мы уже часто встрѣчали въ римскихъ памятникахъ.

Домитіанъ особенно усердно почиталъ Минерву и любилъ называть себя ея сыномъ. Онъ посвящаетъ своей излюбленной богинѣ forum Palladium, начатый къ концу его правленія. Постройку завершаетъ его преемникъ, Нерва, въ честь котораго форумъ впослѣдствіи получаетъ свое оффиціальное имя. Онъ имѣлъ еще третье, народное названіе, указывавшее на положеніе этой рыночной площади между Fora Цезаря и

Форумъ Перва.

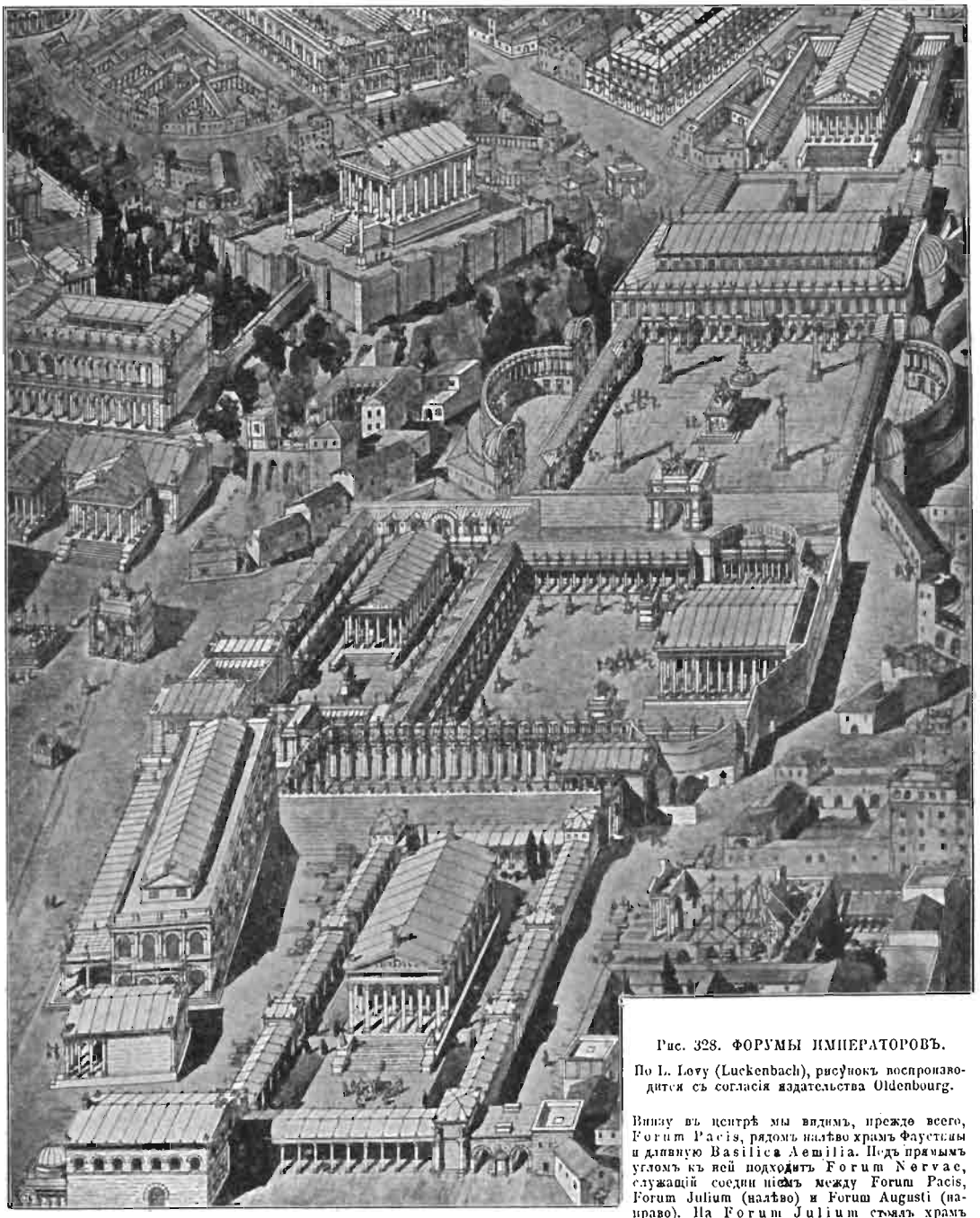

Рис. 328. ФОРУМЫ ИМПЕРАТОРОВЪ.

По L. Lovy (Luckenbach), рисунокъ воспроизводится съ согласія издательства Oldenbourg.

Внизу въ центрѣ мы видимъ, прежде всего, Forum Pacis, рядомъ налѣво храмъ Фаустины и длинную Basilica Aemilia. Подъ прямымъ угломъ къ ней подходитъ Forum Nervae, служащій сосѣдомъ имъ между Forum Pacis, Forum Julium (налѣво) и Forum Augusti (направо). На Forum Julium стоялъ храмъ Venus Genetrix, обѣщанный богамъ въ битвѣ при Фарсалѣ, въ немъ, между прочимъ, хранились Аянтъ и Медея Тимомаха. Передъ храмомъ находилось бронзовое изображеніе боевого коня Цезаря. Рынокъ не столько служилъ торговлѣ, сколько представлялъ изъ себя мѣсто для прогулокъ. Зданіе спереди налѣво на этой площади Curia Julia, новая зала сенатскихъ засѣданій: при сооруженіи своего форума Цезарь былъ вынужденъ уничтожить древній комицій вмѣстѣ съ примыкающими къ нему строеніями (Curia, Rostra). Forum Augusti былъ обведенъ стѣной въ 36 м. высоты изъ тесаннаго пентелійскаго мрамора. Вблизи сѣверной стороны стѣны шли полукругомъ, давая площади плавъ, часто повторявшійся впослѣдствіи, напр. на сосѣднемъ форумѣ Траяна. По діаметру этихъ полукруговъ идутъ аркады изъ колоннъ и пилястровъ. Внутренняя сторона стѣны была украшена многочисленными нишами, въ которыхъ возвышались статуи тріумфаторовъ, снабженныя прославляющими ихъ надписями. Къ форуму Августа примыкалъ Forum Trajani со своими памятниками Ульпіевой базиликой. За базиликой видѣется колонна Траяна, возвышающаяся между обѣими библіотеками и храмомъ Траяна, воздвигнутымъ Адріаномъ, вмѣстѣ съ окружающими его портиками, своему предшественнику. Налѣво отъ арки Траяна видѣется капитолійская Арх, налѣво подъ ней Tabularium, нѣсколько дальше храмъ Веспасіана и храмъ Согласія, передъ ними ростры и арка Септимія Севера, передъ нею же крошечный храмикъ Януса.

Августа на западѣ и форумомъ Pacis на востокѣ—именно Forum Transitorium (рис. 324 сл.).

Этотъ форумъ былъ наименьшимъ изъ императорскихъ форумовъ, но украшеніе его было весьма богато и тщательно. Фризъ надъ колоннами съ выступающимъ антаблементомъ изображалъ въ безчисленныхъ фигурахъ Минерву и ея разнообразные дары и дѣянія на благо человѣчества. Сохранилось 53 женскихъ фигуры, большинство головъ которыхъ разбито; толкованіе смысла этихъ фигуръ намъ неясно, такъ какъ литературная традиція не выясняетъ изображенныхъ деталей. Римскій характеръ фриза сказывается въ очень высокомъ кругломъ рельефѣ, въ изобиліи ландшафтныхъ и другихъ деталей на фонѣ рельефа. Но свободная постановка фигуръ, почти не пересѣкающихъ другъ друга, носитъ архаическій и скорѣе греческій характеръ. Рельефъ отличается монотонностью, въ немъ больше громкой эффектности, чѣмъ остроумія.

3. РИМСКОЕ ИСКУССТВО ВО ВТОРОМЪ СТОЛѢТІИ ПОСЛѢ Р. ХР.

Траянъ.

При Траянѣ, этомъ во всѣхъ отношеніяхъ выдающмеся правителѣ, и римское искусство переживаетъ эпоху расцвѣта; его національно-римскій характеръ никогда не проявлялся такъ опредѣленно и ярко ни въ предшествующіе, ни въ послѣдующіе періоды. Въ первые годы правленія Траяна возникли мраморныя балюстрады, украшавшія ростры, (рис. 168, 259 и 262).

Балюстрада ростръ.

Въ позднѣйшіе годы изъ нихъ сдѣланъ былъ постаментъ, благодаря чему внѣшнія стороны, обращенныя отнынѣ внутрь, прекрасно сохранились, чего, къ сожалѣнію, нельзя сказать объ интересныхъ внутреннихъ сторонахъ. На внѣшней сторонѣ обѣихъ балюстрадъ мы видимъ традиціонное suovetaurile торжественно украшенныхъ жертвенныхъ животныхъ; они точно непрестанно обходятъ ростры, очищая ихъ отъ скверны. Сцены внутреннихъ сторонъ происходятъ на самомъ форумѣ, между ростами и „Марсіемъ подъ фиговымъ деревомъ“, привезенныхъ въ видѣ добычи изъ греческаго города, близъ котораго находился трибуналъ городского претора. Живописный фонъ, трактованный въ римскомъ вкусѣ, намѣчаетъ на обоихъ рельефахъ тѣ строенія форума, которыя фактически виднѣлись за ростами. Красота трактовки орнамента заслуживаетъ высочайшей похвалы; живость, съ которой изображены движущіяся толпы народа, опредѣленно напоминаетъ рельефы арки Тита.

Форумъ Траяна.

Главнымъ созданіемъ Траяна въ Римѣ былъ его форумъ. Построенный въ 107—113 гг., онъ былъ послѣднимъ изъ императорскихъ форумовъ; величина его почти равнялась площади всѣхъ остальныхъ форумовъ вмѣстѣ взятыхъ (ср. рис. 328). Планъ обширнаго сооруженія былъ сдѣланъ Аполлодоромъ изъ Дамаска, очень талантливымъ инженеромъ и архитекторомъ, неутомимо служившимъ императору на войнѣ и во время мира. Форумъ Траяна примыкалъ въ сѣверо-западномъ направленіи къ форуму Августа. Тріумфальная арка, нѣсколько напоминающая своими колоннами, медальонами и рельефами арку Константина, вела съ юго-востока черезъ высокую окружную стѣну на площадь форума, длина и ширина котораго равнялись до 100 м.; въ центрѣ его стояла конная статуя императора, въ колоннадахъ же,

окружающихъ его съ четырехъ сторонъ, были воздвигнуты почетныя статуи. Съ внѣшней стороны къ этому квадрату, направо и налѣво, примыкало по высокой полукруглой экседрѣ; база сѣверной экседры сохранилась понынѣ (ср. рис. 328); позолоченные трофеи украшали карнизы этихъ полукруговъ. На сѣверо-западѣ квадрата возвышалась пятикорабельная Basilica Ulpia съ тремя портиками, на крышѣ которыхъ стояли позолоченныя квадриги, съ цѣлымъ лѣсомъ колоннъ и пестрыми мраморными полами (ср. рис. 326). Крыша базилики состояла изъ позолоченныхъ бронзовыхъ кирпичей. Съ сѣверо-запада непосредственно къ базиликѣ примыкали двѣ библіотеки, въ одной изъ

Рис. 329. ТРАЯНЪ НА РЕКОГНОСЦИРОВКѢ.

Рельефъ съ колонны Траяна. Ср. Cichorius, Trajanssäule, табл. 20.

Налѣво стоитъ императоръ со своей свитой на возвышенія и всматривается въ крѣпость даковъ; видны разныя строенія, два знамени съ драконами и шесть шестовъ съ черепами на нихъ. Передъ крѣпостью вырыты волчьи ямы, еще не покрытыя сучьями. Римскіе солдаты поджигаютъ постройки, сколоченныя изъ досокъ, изъ которыхъ даки (направо) обращаются въ бѣгство. Дерево служитъ границей между изображаемыми сценами, какъ часто на рельефахъ. Направо римскіе легіоны переправляются черезъ бурный потокъ.

которыхъ хранилась греческая, въ другой—римская литература. Онѣ были украшены статуями знаменитыхъ писателей и содержали многія unica. Между библіотеками и базиликой на сравнительно небольшой площади возвышалась колонна Траяна (рис. 326 сл.). Грандіозное сооруженіе Траяна заканчивалось на сѣв.-зап. храмомъ Траяна, воздвигнутымъ Адріаномъ своему предшественнику и окруженный peribolos. Кромѣ колонны Траяна, отъ этого великолѣпія почти ничего не сохранилось: однако, и то, что сохранилось (ср. рис. 417), вполнѣ объясняетъ то восхищеніе, которое форумъ Траяна возбуждалъ въ послѣдующія столѣтія, и которое испыталъ, между прочимъ, императоръ Констанцій, когда онъ въ 357 году вступилъ на форумъ Траяна и остановился въ изумленіи, точно громомъ пораженный (haerebat attonitus).

Траянова колонна.

Колонна Траяна, заслуживающая болѣе подробнаго разсмотрѣнія, была воздвигнута императоромъ въ 113—14 г. изъ паросскаго мрамора въ моментъ наивысшаго

Рис. 330. САМОУБІЙСТВО ДЕКЕБАЛА.. ...
Рельефъ на аркѣ Траяна.
Ср. Cichorius, Trajanssäule, табл. 106.
Въ холмистой мѣстности, покрытой лѣсомъ, римскіе всадники настигаютъ царя, обращающагося въ бѣгство, и собираются его захватить въ плѣнъ; но въ минуту грозящей опасности царь прорѣзаетъ себѣ горловую артерію и падаетъ, умирая. Любопытны неестественно малый ростъ лошадей, совершенно искаженный рисунокъ всадника надъ царемъ, такъ же какъ соскочившаго (направо) съ коня и держащаго его за узду.

и всеобщаго признанія его рѣдкихъ талантовъ властителя. Колонна служила гробницей и трофеемъ въ память двухъ труднѣйшихъ походовъ въ жизни императора, полной непрерывныхъ войнъ. Внутри колонны, покоющейся на іонійской базѣ и увѣнчанной дорической капителью, витая лѣстница поднимается на вершину ея, гдѣ стояла бронзовая статуя императора, теперь же стоитъ святой Петръ съ небесными ключами въ рукахъ. Ступени были врѣзаны въ барабаны колонны до соединенія частей ея, рельефныя же изображенія сдѣланы уже на воздвигнутой колоннѣ. Въ концѣ концовъ, все было украшено росписью.—Изображенія начинаются снизу и постепенно поднимаются въ видѣ спирали въ 22-хъ изгибахъ къ вершинѣ. Спираль рельефа съ неровными волнистыми краями, напоминающими края пергаментнаго свитка, кверху нѣсколько расширяется. Каждая полоса заполнена не цѣльной картиной; изображеніе распадается на верхнюю и нижнюю части. Быть-можетъ, сосѣднія библіотеки навели на мысль придать оригинальному украшенію колонны видъ развернутаго свитка? Колонна является, прежде всего, грандіознымъ трофеемъ, прославляющимъ побѣды императора надъ даками. 2500 фигуръ рельефа, который достигаетъ 200 м. длины, носятъ, конечно, чисто-декоративный характеръ и трактованы бѣгло; въ 154 детальныхъ сценахъ разсказывается ходъ обѣихъ великихъ войнъ, чѣмъ прекрасно дополняется наша литературная традиція о нихъ. Спокойныя сцены искусно смѣняются драматическими. Художникъ избѣгаетъ монотонности: только высокая фигура императора возвращается сто разъ, какъ лейтмотивъ этого торжественнаго побѣднаго гимна. Центръ интереса, повидимому, сосредоточенъ на вѣрномъ воспроизведеніи всѣхъ военныхъ деталей. Римское и дакское вооруженіе воспроизведено съ мельчайшей точностью (ср. рис. 327). Тогда какъ Помпеи служатъ намъ богатѣйшимъ источникомъ для изученія древняго быта, нашъ рельефъ представляетъ изъ себя неизсякаемый источникъ для изученія военныхъ древностей. Художники съ точностью изучили и передали также и этнографическія особенности обоихъ воюющихъ народовъ. Замѣчательна трактовка ландшафта на фонѣ рельефа: характеристика мѣстностей настолько детальна, что можетъ быть

Рис. 331. БОГИНЯ ПОБѢДЫ.
Рельефъ на колоннѣ Траяна.
Снимокъ сдѣланъ съ гипсоваго слѣпка.

Стоя среди трофеевъ, сложенныхъ изъ двухъ грудъ оружія, наша фигура отдѣляетъ 77 отдѣльныхъ картинъ первой войны съ даками (101/2) отъ столькихъ же картинъ второй (102—107). Поза Викторіи нѣсколько напоминаетъ Венеру милосскую (рис. 115). Опершись лѣвой ногой на шлемъ, она записываетъ дѣянія императора на свой щитъ, стоящій на колоннѣ, и обрамленный лавромъ.

группъ достигаетъ высокаго художественнаго совершенства, воодушевлявшаго мастеровъ Возрожденія копировать рельефы изъ сосѣднихъ къ колоннѣ домовъ, заимствуя рядъ частностей для своихъ произведеній. Хороша также общая компоновка; такъ, напр., окруженіе главной сцены двумя меньшими детальными, что часто повторяется. Художники отдаютъ должное и врагамъ римлянъ — въ этомъ сказывается достойная традиція греческихъ мастеровъ. Они изображаютъ „даковъ отважными воинами, готовыми на самопожертвованіе и пробуждаютъ особый интересъ къ ихъ царю Декебалу, какъ нѣкогда Гомеръ къ Гектору. Только побѣдителями даки никогда не изображаются, раненыхъ и убитыхъ мы видимъ исключительно на сторонѣ непріятелей, среди римлянъ они отсутствуютъ. Весь этотъ рядъ картинъ одухотворенъ свѣжей бодростью, радостью людей собственной силѣ сдѣлана серьезная попытка узнать въ воспроизведеніяхъ опредѣленныя мѣстности Дакіи. Художники сосредоточиваютъ вниманіе, главнымъ образомъ, на военныхъ сооруженіяхъ, крѣпостяхъ, башняхъ и техническихъ частностяхъ. Однако, ставя эти требованія исполняющимъ заказъ художникамъ, заказчикъ переоцѣнивалъ ихъ умѣнье. Перспектива— слабѣйшая сторона античнаго искусства вообще, что сказалось и здѣсь. Мы и тутъ видимъ старый пріемъ римскаго рельефнаго искусства, изображавшаго фигуры, стоящія одна за другой, другъ надъ другомъ (ср. рис. 259, 263, 330). Пропорціи совершенно невѣрны. Мы не говоримъ уже о миніатюрности коней; но до чего малы пропорціи домовъ, которые на рис. 329 поджигаются солдатами! Однако, рядомъ съ этими недочетами, вполнѣ объяснимыми недостаткомъ художественнаго опыта въ этой области искусства, мы видимъ великія истинныя достоинства. Рядъ отдѣльныхъ фигуръ и

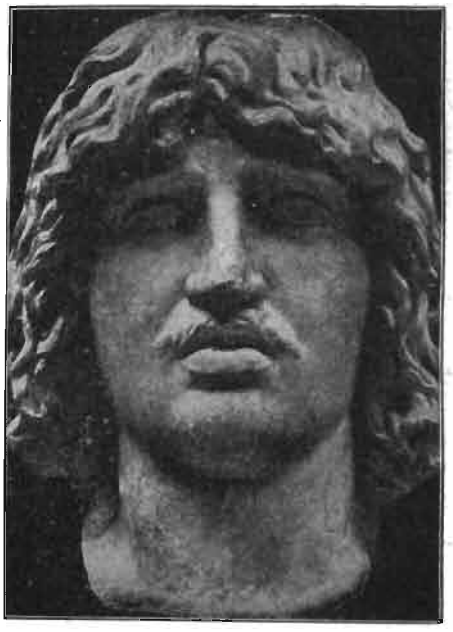

Рис. 332. ТАКЪ НАЗЫВАЕМЫЙ ТУМЕЛИКЪ.
Съ Траянова форума, нынѣ въ Лондонѣ.
Мраморъ. Съ фотографіи.

Ничѣмъ не обоснованное обозначеніе статуи молодого варвара съ усами именемъ Тумелика объясняется частичнымъ сходствомъ со статуей, извѣстной подъ названіемъ Туснельды (рис. 414).

и мощи своихъ коней. Такимъ образомъ, художники эпохи Траяна сдѣлали большое художественное дѣло, хотя безвкусное помѣщеніе рельефа на стержнѣ колонны въ значительной степени затрудняло изученіе и наслажденіе художественнымъ произведеніемъ въ цѣломъ. Расположеніе рельефа полосами, тянущимися одна надъ другой, становится послѣ созданія колонны настолько популярнымъ, что къ нему прибѣгаютъ даже для украшенія ровной стѣны, гдѣ оно необходимостью не вызывается.

Рис. 333. ПАНТЕОНЪ ВЪ РИМѢ.

Съ фотографіи.

Интересны три этажа внѣшней ротонды. Внутри куполъ начинается уже со второго этажа. Вертикальный третій этажъ служитъ противодѣйствіемъ распору купола такъ же, какъ пять каменныхъ колецъ, окружающихъ его у основанія. На необыкновенно высокомъ фронтонѣ, скаты котораго украшены консолями, сохранилось множество отверстій для прикрѣпленія помѣщавшагося здѣсь рельефа. Раньше, когда къ портику снизу вела широкая лѣстница, зданіе выдѣлялось красивѣе; теперь портикъ ниже уровня улицы.

Среди статуарныхъ фрагментовъ, украшавшихъ когда-то форумъ Траяна, особенно интересны нѣкоторыя головы варваровъ. Уже къ концу эпохи республики распространяется обычай представлять глазамъ народа во время тріумфальныхъ шествій и торжественныхъ похоронъ тріумфаторовъ скульптурныя или живописныя изображенія покоренныхъ ими племенъ; съ тѣхъ поръ подобныя simulacra gentium, цѣлью которыхъ являлась этнографическая точность изображенія, становятся одной изъ главныхъ задачъ римскихъ художниковъ

(ср. рис. 250, 332, 414); о способѣ примѣненія этихъ изображеній лучше всего свидѣтельствуетъ арка Константина, на консоляхъ аттики которой стоятъ статуи скованныхъ предводителей даковъ, создававшіяся въ безчисленномъ множествѣ въ эпоху Траяна (рис. 354). Замѣчательный рельефъ, изображавшій войны Траяна съ даками, былъ впослѣдствіи использованъ для арки Константина. Это была живопись на камнѣ (въ 20 м. длины), нѣкогда украшавшая, по всей вѣроятности, одну изъ

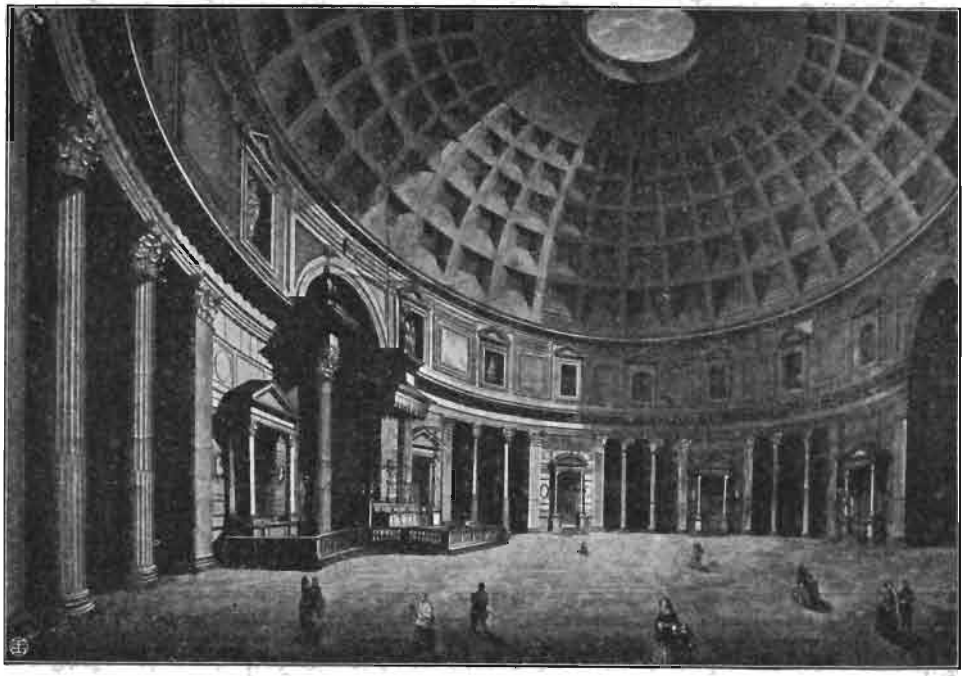

Рис. 334. ВНУТРЕННОСТЬ ПАНТЕОНА.
Съ фотографіи.
Пантеонъ съ конца VII стол. превращенъ въ церковь S. Maria ad Martyres, благодаря чему зданіе храма сохранилось. Нынѣ Пантеонъ служитъ почетнымъ мѣстомъ погребенія великихъ итальянцевъ; здѣсь покоятся Рафаэль и другіе художники, а также Викторъ Эмануилъ II Гумбертъ.

длинныхъ стѣнъ форума Траяна. Художники, создавшіе арку Константина, раздѣлили этотъ рельефъ на 4 части, выбравъ для главнаго средняго пролета сцены, въ которыхъ фигурируетъ самъ императоръ, при чемъ голова Траяна въ обоихъ случаяхъ была замѣнена головой Константина (рис. 249, 261). Остававшіеся фрагменты были помѣщены на узкихъ сторонахъ аттики.

То, что насъ такъ поражало въ рельефахъ арки Тита,—живое воспроизведеніе волнующейся народной толпы, здѣсь еще совершеннѣе; воины еще сплоченнѣе собираются въ тревожную толпу; непобѣдимые римляне, приготовляющіеся къ рѣшительной атакѣ, изображены съ еще большимъ темпераментомъ. И тутъ воины, находящіеся въ

перспективномъ отдаленіи, помѣщаются одинъ надъ другимъ; копья и знамена также оживляютъ фонъ; изображенъ и ландшафтъ: налѣво городскія ворота, направо хижины даковъ. И здѣсь господствуетъ та же безошибочная точность въ воспроизведеніи оружія и военныхъ деталей, которая характеризуетъ колонну Траяна.

Историческій рельефъ, усовершенствованіе котораго было особой заслугой римскаго искусства, никогда не достигалъ болѣе законченной формы, чѣмъ въ данномъ образцѣ. Преемникъ Траяна, Адріанъ, пла-

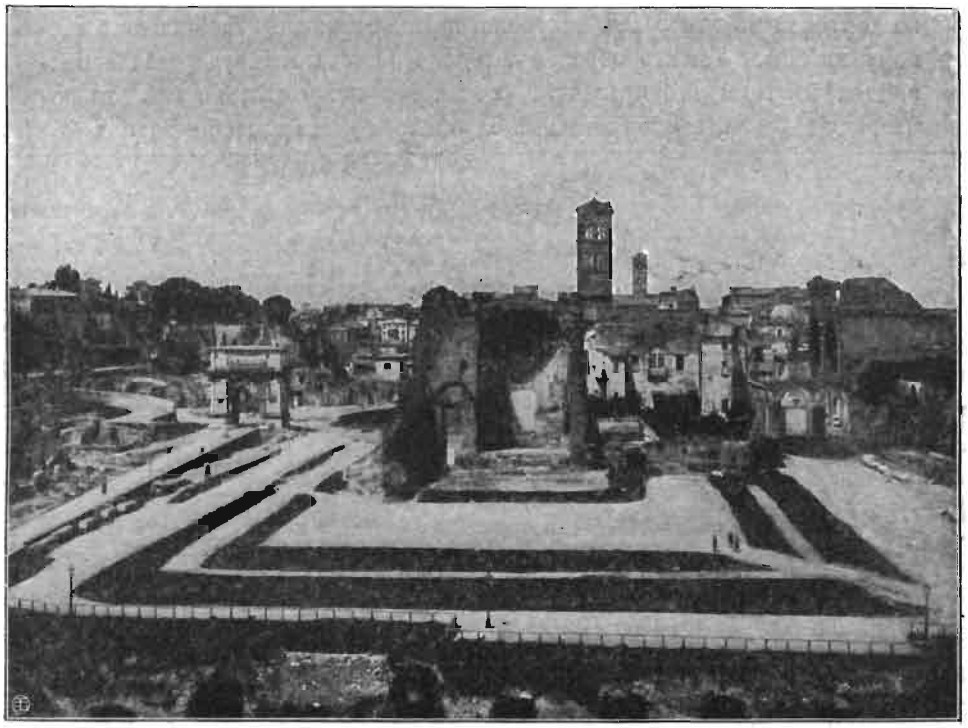

Рис. 335. ХРАМЪ ВЕНЕРЫ И-РОМЫ. Съ фотографіи.

На мѣстѣ сохранились только субструкціи и обѣ ниши для статуй боговъ, примыкающія одна къ другой, а также незначительные фрагменты боковыхъ стѣнъ и основанія внутреннихъ сводовъ. Полосы газона указываютъ размѣры площади храма. — Налѣво на высотѣ Велія виднѣется арка Тита.

номѣрно покровительствовалъ всѣмъ областямъ искусства; но этой національно-римской вѣтви его, историческаго рельефа, онъ новыми мотивами и новыми задачами не вдохновлялъ. Такимъ образомъ, дальнѣйшее развитіе отрасли искусства, много обѣщавшей при своемъ зарожденіи и соотвѣтствовавшей духу римскаго реализма, внезапно обрывается.

Адріанъ.

Въ общемъ итогѣ двадцатилѣтнее правленіе Адріана (117—138) благопріятствовало расцвѣту искусствъ. Безграничная энергія, воодушевлявшая этого монарха, миръ и народное благосостояніе, которые онъ сумѣлъ мудро охранить, и личный художественный интересъ

вдохновляли его къ покровительству искусствамъ. Онъ безпрестанно путешествовалъ по своей обширной монархіи, въ сопровожденіи цѣлыхъ когортъ инженеровъ и архитекторовъ; грандіозныя сооруженія водопроводовъ, гаваней, термъ и театровъ, завершеніе многихъ незаконченныхъ построекъ отмѣчаютъ пути, по которымъ двигался царственный странникъ. Адріанъ грѣшилъ только однимъ недостаткомъ—онъ считалъ себя призваннымъ знатокомъ во всѣхъ областяхъ искусства, будучи въ нихъ только дилетантомъ, не владѣя ни одной изъ нихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не допуская въ вопросахъ искусства никакого противорѣчія своему личному мнѣнію. Такимъ образомъ, города римскаго государства наполняются въ годы его правленія созданіями искусства; но всѣ эти памятники лишены, въ большинствѣ случаевъ, яркаго своеобразія; подобно

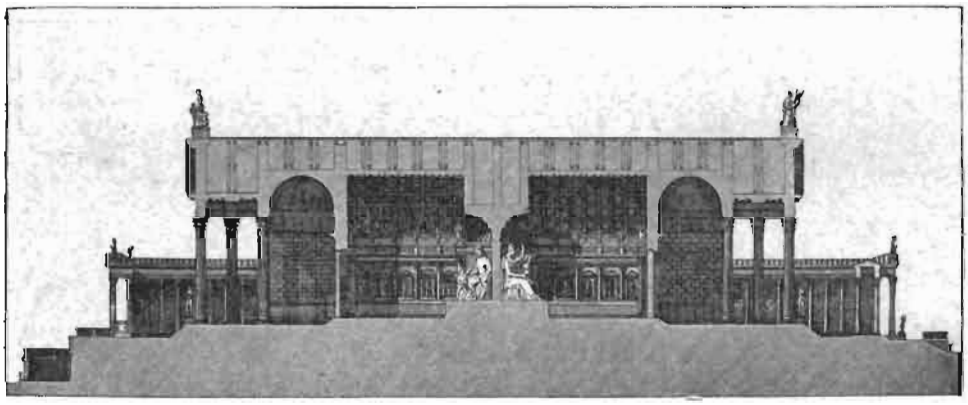

Рис. 336. ХРАМЪ ВЕНЕРЫ И РОМЫ.

Реконструкція продольнаго разрѣза, сдѣланная Кнаппомъ. Ср. Beschreibung des Stadt Rom, Bilderheft, табл. 20. Мы ясно видимъ соединеніе бочарныхъ внутреннихъ сводовъ и внутренней части пронаоса съ горизонтальными формами греческаго храма.

самому императору ихъ характеризуетъ не національно-римскія черты, а универсализмъ.

Адріанъ ставилъ себѣ цѣлью завершить всѣ незаконченныя и возстановить пострадавшія произведенія зодчества предшествующихъ эпохъ въ Римѣ. Онъ возобновляетъ храмъ Кастора на форумѣ; на мѣстѣ разрушеннаго пожаромъ Пантеона Агриппы императоръ возводитъ совершенно новое строеніе, сохранившееся въ основныхъ частяхъ до нашихъ дней и служившее въ теченіе столѣтій образцомъ купольныхъ построекъ для всего міра (рис. 333 сл.).

Пантеонъ.

Пантеонъ сохранился лучше всѣхъ другихъ античныхъ построекъ въ Римѣ. Кирпичи, съ удѣлѣвшими на нихъ штемпелями Адріана, изъ которыхъ построены конструктивно важнѣйшія части Пантеона, доказываютъ, что передъ нами совершенно новая постройка; ко времени Агриппы относится лишь посвятительная надпись 27 г. до Р. Хр., которую императоръ, имѣвшій обыкновеніе называть при реконструкціяхъ имена первоначальныхъ строителей, помѣстилъ на архитравѣ портика. Дѣйствительно, куполъ, въ 43,5 м. высоты и ширины, превосходитъ техническіе пріемы зодчества

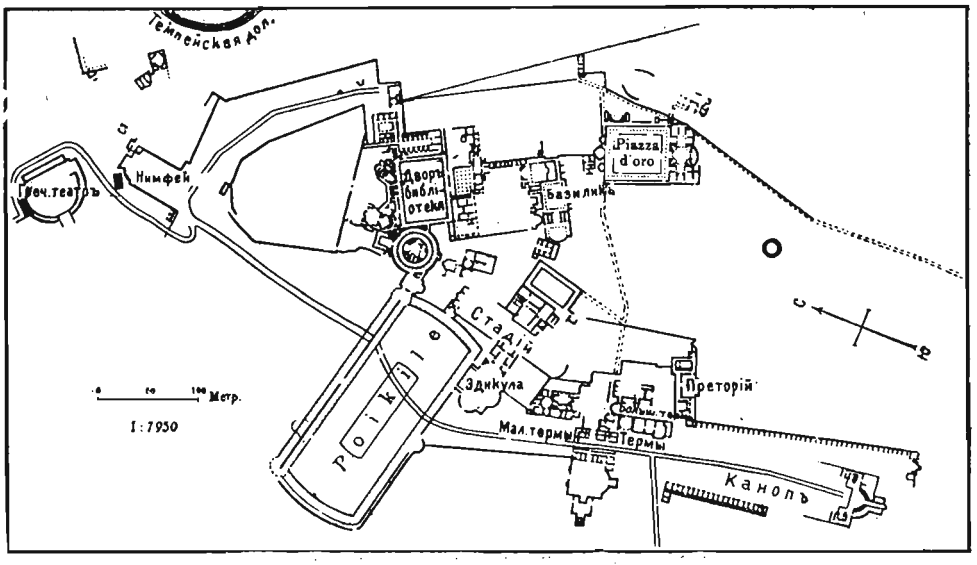

Рис. 337. ПЛАНЪ ВИЛЛЫ АДРІАНА БЛИЗЪ ТИВОЛИ.
Ср. Bädeker, Mittelitalien[13], стр. 436.
На югѣ и западѣ площадь, занятая виллой, простирается еще нѣсколько дальше.

эпохи Августа; его конструкція обнаруживаетъ близкое знакомство съ архитектурными формами востока, проводникомъ которыхъ въ Римѣ былъ, по всей вѣроятности, Аполлодоръ изъ Дамаска (ср. стр. 549). Архитектоническая проблема въ этой постройкѣ заключается въ созданіи соотвѣтственнаго противодѣйствія громадной силѣ распора свободнаго купольнаго потолка. На концахъ своихъ внѣшнія стѣны ротонды достигаютъ колоссальной толщины въ 6,70 м. и прорѣзаны во всю свою толщу искусной системой кирпичныхъ опорныхъ арокъ; для усиленія внѣшняго противовѣса наружныя стѣпы возведены на этажъ выше внутреннихъ, что очень вредитъ эффекности внѣшняго вида купола; тяжесть его принимаютъ, наконецъ, пять каменныхъ круговъ, лежащихъ снаружи у его основанія. Внутреннее пространство, созданное и поддерживаемое всѣми архитектоническими средствами, освѣщается „глазомъ“ въ 9 м. величины, находящимся на вершинѣ купола. Семь—поперемѣнно—то полукруглыхъ, то квадратныхъ нишъ расчленяютъ внутреннюю стѣну цилиндра; она снизу была украшена мраморными, сверху штукатурными инкрустаціями; пять рядовъ кассетъ украшаютъ внутреннюю сторону купола, сказочная красота котораго уже въ древности сравнивалась зрителями съ небеснымъ

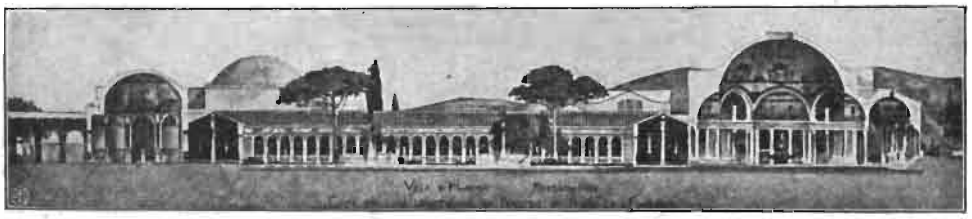

Рис. 338. ПОСТРОЙКИ PIAZZA D'ORO ВЪ ТИБУРТИНСКОЙ ВИЛЛѢ АДРІАНА.
Реконструкція поперечнаго разрѣза съ в. на з., сдѣланная Girault.
Ср. Gusmann, La villa impér. de Tibur, рис. 149.
Направо куполъ, вѣнчающій восьмиугольникъ съ вогнутыми сторонами, налѣво портики перистиля. Высокая ниша налѣво отъ линіи—часть экседры, обращенной къ «долинѣ Гомпе».

сводомъ. Къ этой ротондѣ очень легко примыкаетъ портикъ: кровля опирается на 16 монолитныхъ гранитныхъ колоннъ; она первоначально состояла изъ полыхъ бронзовыхъ балокъ, снятыхъ въ 1625 г. Урбаномъ VIII Барберини, вылившимъ изъ нихъ пушки для замка Св. Ангела. Бронзовая дверь сохранила античныя формы.

Храмъ Венеры и Ромы.

Адріанъ не построилъ новаго форума, но столько воздвигнулъ новаго и реставрировалъ стараго на древнемъ Forum Romanum, что послѣдній могъ бы быть названъ созданіемъ Адріана. Самой оригинальной постройкой на немъ былъ двойной храмъ Венеры и Ромы, построенный по личнымъ, упрямо отстаиваемымъ планамъ императора; этотъ храмъ былъ во многихъ отношеніяхъ новосозданіемъ и возбуждалъ своимъ сказочнымъ великолѣпіемъ всеобщее удивленіе (рис. 335 сл.) въ теченіе столѣтій.

Рис. 339. КЕНТАВРЪ АРИСТЕЯ И ПАПІИ
изъ Аѳродисіады (Малая Азія). Съ фотографіи.

Темно-сѣрый мраморъ. Скульптура была сдѣлана по эллинистическому образцу для виллы Адріана. Нынѣ въ Капитолійскомъ музеѣ. Эротъ сидѣлъ на спинѣ кентавра, что, однако, только усиливало его радостное настроеніе; онъ весело щекаетъ пальцами. Мы знаемъ pendant, бородатаго стараго кентавра, который хмурится отъ присутствія эрота на его спинѣ. Обѣ статуи иллюстрируютъ мысль: любовь въ юности—желанное счастье, любовь въ старости—мука.

Колоссальный храмъ возвышался на бутовой базѣ, длиною въ 145 м., шириною въ 100 м. По его продольнымъ сторонамъ тянулись портики. Новшествомъ являлась, прежде всего, двойная целла, въ которой кассетированныя ниши для статуй обѣихъ богинь соприкасались своими оборотными сторонами. Новшествомъ было, кромѣ того, расположеніе десяти коринѳскихъ мраморныхъ колоннъ во фронтахъ (ср. рис. 341); самымъ же новымъ конструктивнымъ пріемомъ было нѣсколько насильственное соединеніе горизонтальныхъ линій антаблемента греческаго портика со смѣлыми линіями внутреннихъ сводовъ храма. Кирпичныя стѣны целлы были облицованы мраморными плитами; онѣ были расчленены нишами и украшены статуями. Полъ былъ также выложенъ пестрыми плитами мрамора. Все это мраморное великолѣпіе въ средніе вѣка безслѣдно погибло въ печахъ для пережиганія извести. Аполлодоръ изъ Дамаска, раскритиковавшій несоотвѣтствіе между низкой базой храма и чрезмѣрной высотой статуй богинь, поплатился за свою смѣлость жизнью.

При постройкѣ и устройствѣ Тибуртинской виллы (рис. 337 и сл.) императоръ широко даетъ волю своей прихотливой природѣ; вилла въ основныхъ частяхъ была отстроена въ 123—126 г., съ 134 г. она становится постоянной резиденціей Адріана, которую онъ не переставалъ видоизмѣнять и перестраивать съ лихорадочной торопливостью. Вилла занимала площадь въ $^2/_3$ кв. клм., т. е. пространство вчетверо превосходившее площадь Палатинскаго дворца. Здѣсь Адріанъ увѣковѣчиваетъ воспоминанія о своихъ многочисленныхъ путешествіяхъ, называя части виллы по знаменитымъ, видѣннымъ имъ мѣстамъ, воспроизводя Темпейскую долину, Stoa poikile, Канопъ, украшенный египетскими скульптурами. Возведеніе построекъ и сооруженій вызывали необходимость въ колоссальныхъ земельныхъ насыпяхъ и грандіозныхъ субструкціяхъ, чтобы придать холмистой почвѣ необходимую устойчивость. Украшеніемъ виллы служило богатое изобиліе воды; фонтаны, бьющіе подъ открытымъ небомъ, и всякаго рода водяныя сооруженія во внутреннихъ покояхъ распространяли прохладу и свѣжесть, доставляя наслажденіе зрѣнію и слуху, подобно устройству современной сосѣдней виллы d'Este. Въ этой сельской резиденціи, кромѣ жилыхъ помѣщеній, было еще множество сооруженій и построекъ: стадій, двое термъ, три театра, библіотеки и просторныя лѣтнія и зимнія колоннады; подземные ходы соединяли большинство этихъ строеній. Прихотливый вкусъ строителя отразился не въ одной только причудливой архитектурѣ; назначеніе многихъ строеній только потому намъ не ясно, что мы плохо освѣдомлены о требованіяхъ комфорта античной резиденціи.

Тибуртинская вилла.

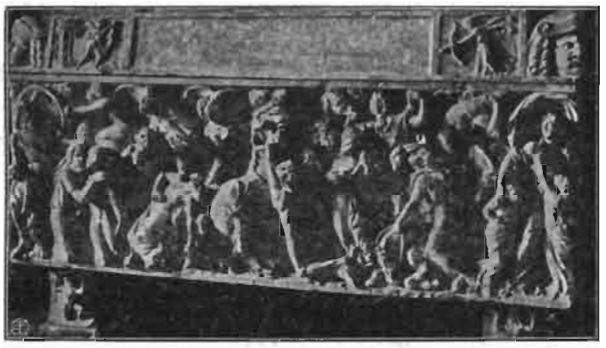

Рис. 340. САРКОФАГЪ НІОБИДОВЪ.
Найденъ съ двумя другими саркофагами близъ Porta Viminalis. Латеранъ. Съ фотографіи.
На крышкѣ направо и налѣво Аполлонъ и Діана, вооруженные стрѣлами. Въ лѣвомъ углу рельефа изображенъ Амфіонъ, въ правомъ—Ніобея. Между ними умирающія дѣти, поддерживаемыя двумя (?) педагогами и кормилицей. Сыновей смерть настигаетъ на коняхъ. Особенно эффектенъ юноша, падающій съ коня, въ центрѣ рельефа.

Самое блестящее великолѣпіе сосредоточивалось на такъ называемой Piazza d'oro, на востокѣ виллы, гдѣ находились частные покои царственнаго романтика. Эта часть совершенно уединена отъ всего окружающаго міра, отсюда открывается самый широкій видъ на всю Кампанью. Вокругъ обширнаго перистиля, отличающагося особенно низкими портиками, группируются самыя разнообразныя комнаты, прежде всего, зала, куполъ которой возвышается на восьмиугольномъ основаніи съ вогнутыми сторонами. Эта рискованная тектоника, встрѣчающаяся только въ этой виллѣ, но въ ней много-

кратно, обязана своимъ происхожденіемъ, повидимому, фантазіи императора. Къ сѣверо-восточной сторонѣ перистиля была пристроена высокая экседра, съ которой открывался видъ на красивую „Темпейскую“ долину; вообще, строитель всюду считался и съ видами на чарующую по красотѣ мѣстность.

Убранство виллы было великолѣпно; однако, штукатурка нерѣдко замѣняетъ мраморъ. Отдѣльныя архитектурныя формы отчасти поразительно огрубѣли: искусство смѣлыхъ и увѣренныхъ конструкцій надолго переживаетъ чутье къ художественной тонкости. Многочисленные орнаментированные и фигурные мозаичные полы (рис. 14), мраморные канделябры и безчисленное множество статуй, собранныхъ императоромъ (рис. 339), богато украшали виллу. Здѣсь въ одинаковой степени были представлены всѣ направленія греческой пластики, начиная V-мъ столѣтіемъ, безъ преобладанія опредѣленной эпохи; всѣ наши крупныя аптичныя коллекціи наполнены находками, сдѣланными въ Тибуртинской виллѣ. Множество дубликатовъ, встрѣчающихся въ этой коллекціи статуй, служатъ доказательствомъ поспѣшности и формальности, съ которыми она была составлена; такъ, напр., изъ-подъ земли виллы воскресло не менѣе тридцати разнородныхъ изображеній любимца императора, Антиноя (рис. 419).

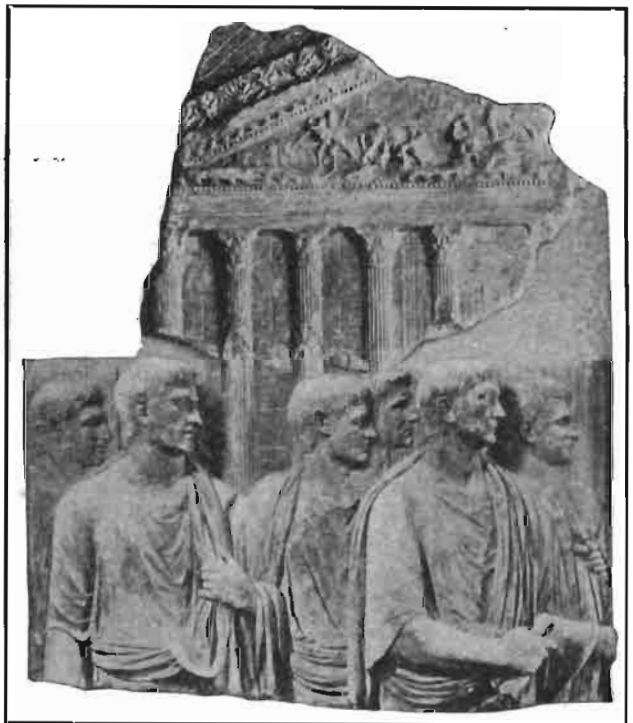

Рис. 341. РЕЛЬЕФЪ, ИЗОБРАЖАЮЩІЙ ОСВЯЩЕНІЕ ХРАМА ВЕНЕРЫ И РОМЫ.

Съ фотографіи. Cp. Röm. Mitt. 1895, табл. 5.

На фонѣ виднѣется фронтъ храма, расчлененный десятью колоннами. Петерсенъ первый увидѣлъ, что двѣ части рельефа, изъ которыхъ верхняя хранилась въ музеѣ Термъ, а нижняя въ Латеранскомъ музеѣ, составляютъ одно цѣлое.

Этотъ сынъ пастуха изъ Виѳиніи, повидимому, добровольно пожертвовалъ своей жизнью, желая спасти своего покровителя отъ недуга или другой бѣды; императоръ-романтикъ сдѣлалъ изъ него бога, воздвигая ему повсюду храмы и статуи. Образы юнаго Вакха и Гермеса вдохновляютъ художниковъ въ изображеніяхъ царскаго любимца: новой и совершенно не-римской чертой этихъ изображеній является то горестное и сантиментальное выраженіе, которое художники придавали Антиною; это новый вкладъ послѣдняго идеализованнаго античнаго образа въ искусство. Многіе портреты Антиноя именно этой чертой грусти плѣняютъ современную публику.

Въ правленіе Адріана пластика идетъ по пути эклектизма и носитъ опредѣленно универсальный характеръ. Адріана, повидимому, не

воодушевляло стремленіе къ дальнѣйшему развитію національно-римскаго рельефнаго стиля. По сравненію съ его любимыми Аѳинами ему все римское казалось варварскимъ. То, чего не сдѣлалъ Адріанъ, было достигнуто скромными художниками-ремесленниками, поставлявшими безчисленное множество саркофаговъ, спросъ на которые возросталъ въ связи съ замѣной сожженія тѣла погребеніемъ его. Сюжеты этихъ саркофаговъ заимствованы, за немногими исключеніями, изъ греческой трагедіи, что доказываетъ, насколько была еще жива связь греческаго искусства даже съ ремесломъ. Нагроможденіе множества фигуръ въ этихъ рельефныхъ композиціяхъ ново и не греческаго происхожденія. Оно значительно превосходитъ то, что эти художники видѣли на аркѣ Тита и на рельефѣ, изображавшемъ битву съ даками. Число фигуръ теперь такъ велико, что застилаетъ уже весь фонъ; глубокія тѣни, падающія отъ почти округлыхъ фигуръ, вызываютъ иллюзію углубленной пространственности, производя почти красочный эффектъ (рис. 170, 340 и 420). Саркофаги.

За 6 лѣтъ до своей смерти Адріанъ начинаетъ строить для себя и своихъ близкихъ грандіозную гробницу, названную его современниками moles Hadriani, нынѣ же называемую замкомъ Св. Ангела. Moles Hadriani. Завершеніе постройки выпадаетъ на долю его преемника (въ 139 г.); въ ея могильныхъ склепахъ были похоронены всѣ императоры и члены императорскаго дома вплоть до 217 года.

Въ гробницѣ воспроизведены въ общихъ чертахъ знакомыя намъ формы мавзолея Августа. На квадратномъ цоколѣ (84 м. каждая сторона) поднимался тамбуръ, имѣвшій 64 м. въ діаметрѣ, онъ былъ обложенъ мраморомъ и окруженъ мраморными колоннами

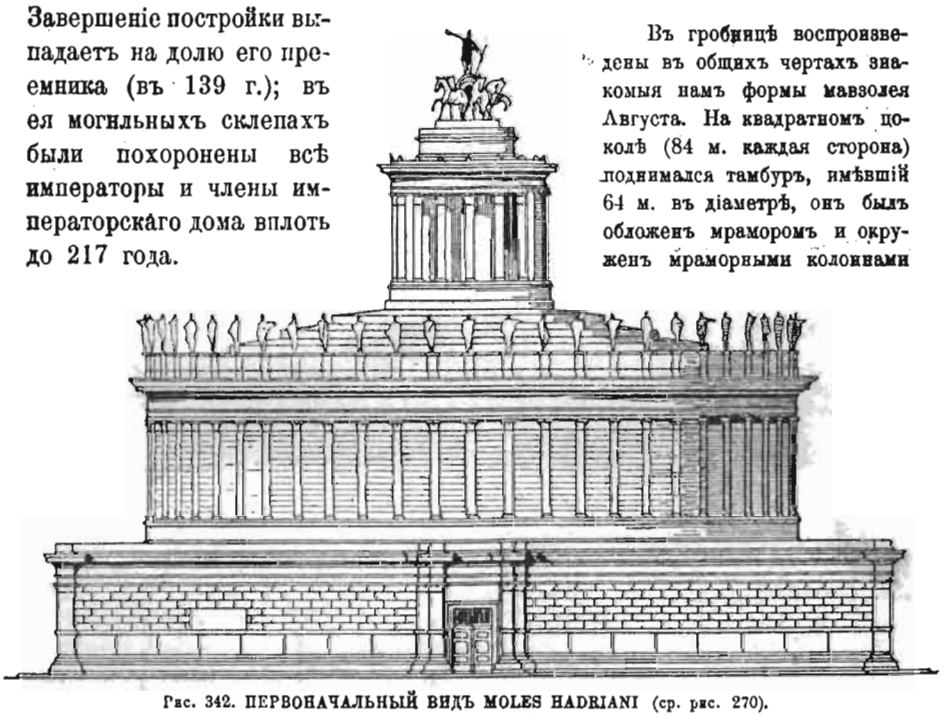

Рис. 342. ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ВИДЪ MOLES HADRIANI (ср. рис. 270).
Borgatti, Röm. Mitt. 1891, стр. 138.
На квадратной базѣ были начертаны на большихъ плитахъ имена погребенныхъ.

(или пилястрами?), на фронтонѣ его возвышались большія мраморныя статуи (ср. рис. 81). О вершинѣ мавзолея, о томъ—дѣйствительно ли его вѣнчала статуя Адріана, мы точныхъ свѣдѣній не имѣемъ. Къ просторнымъ могильнымъ склепамъ внутри гробницы вела постепенно повышавшаяся рампа. Вся постройка была окружена монументальной бронзовой рѣшеткой, украшеніями которой могли, между прочимъ, служить бронзовые павлины, находящіеся въ Giardino della Pigna (рис. 283). Pons Aelius, нынѣшній мостъ св. Ангела, велъ черезъ рѣку къ мавзолею: сохранились три античныхъ столба его (рис. 270).

Покровительство искусству Адріана носило очень широкій характеръ, но не глубокій и не вдохновлявшій національнаго творчества; съ этого момента начинается упадокъ искусства. Онъ пока еще не рас-

Рис. 343. ХРАМЪ ФАУСТИНЫ. На римскомъ форумѣ. Съ фотографіи.

Сначала храмъ былъ посвященъ прекрасной женѣ Антонина Пія, скончавшейся въ 141 году; послѣ смерти послѣдняго—и ему лично. Передъ фасадомъ, обращеннымъ къ форуму, находится алтарь, окруженный балюстрадой. Теперь здѣсь церковь S. Lorenzo in Miranda.—Направо на переднемъ планѣ храмъ Ромула, сына Максентія, законченный Константиномъ.—Въ глубинѣ рисунка, у подножья дворца сенаторовъ, видѣются колонны храма Сатурна и Веспасіана, а направо отъ нихъ—арка Септимія Севера.

пространяется на зодчество, продолжающее создавать много импозантнаго и новаго, но захватываетъ пластику, представители которой боязливо придерживаются традиціонныхъ образцовъ, а въ попыткахъ

оригинальнаго творчества или въ оффиціальныхъ произведеніяхъ проявляютъ жалкую безпомощность.

Храмъ Фаустины.

Въ правленіе Антонина Пія римскій форумъ обогатился храмомъ Фаустины (рис. 343). Шесть монолитныхъ колоннъ изъ бѣло-зеленаго мрамора (cipollino) украшали его фасадъ; прелестный матеріалъ колоннъ примиряетъ насъ съ мертвыми грифонами и цвѣтами фриза. Наслѣдники императора посвятили его памяти красную гранитную колонну на Марсовомъ полѣ, увѣнчанную статуей покойнаго. Уцѣлѣлъ постаментъ этого памятника: на одной сторонѣ его изображенъ, въ шаблонной манерѣ, торжественный апоѳеозъ императорской четы (рис. 428), двѣ другія стороны изображаютъ трубо и безвкусно конный парадъ (decursio), обычный при обожествленіи императора (рис. 283).

Постаментъ колонны Антонина Пія.

Рис. 344. ПОРФИРОВЫЙ САРКОФАГЪ СВ. ЕЛЕНЫ.
Римъ, Ватиканъ. Съ фотографіи.

Огромный саркофагъ нѣкогда стоялъ въ гробницѣ Св. Елены на Via Labicana. По-видимому, онъ первоначально былъ предназначенъ для императора Марка Аврелія, такъ какъ снабженъ его гороскопомъ. Устремляющіеся впередъ всадники изображены какъ-будто въ воздухѣ; между ними и плѣнными и убитыми варварами, лежащими подъ конями, отсутствуетъ опредѣленная связь. При папѣ Піи VI саркофагъ основательно реставрированъ.

Знаменосцы, офицеры, всадники по два и по четверо въ рядъ мчатся галопомъ вокругъ центра рельефа, гдѣ пѣшіе солдаты и знаменосцы надвигаются другъ на друга. Картина напоминаетъ парадъ оловянныхъ солдатиковъ, слегка приклеенныхъ къ фону, изображеніе лишено какой бы то ни было художественной формы, это жалкое искусство на заказъ.

Такой обаятельный представитель императорской власти, какъ Маркъ Аврелій (161—180 гг.), также былъ не въ силахъ удержать распада искусства. Объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ главное произведеніе искусства, возникшее въ Римѣ за время его правленія— колонна Марка (рис. 265). Она воспроизводитъ въ основныхъ чертахъ колонну Траяна; но насколько грубѣе художественная техника, насколько автоматичны многія фигуры! Новые мотивы отсут-

Колонна Марка

ствуютъ, старые же проникнуты какой-то мертвенностью: творческая мощь античнаго искусства сломлена.

Тѣмъ не менѣе колонна Марка, какъ памятникъ эпохи начала великой рѣшающей борьбы между германцами и римлянами, возбуждаетъ нашъ живѣйшій интересъ. Общая конструкція колонны, высота ея, достигающая 100 римскихъ футовъ, число изображенныхъ сценъ, воспроизводящихъ два похода императора въ ихъ главныхъ моментахъ, пишущая Викторія, разграничивающая картины первой и второй войны,—все это совпадаетъ съ колонной Траяна. И тутъ фигура императора повторяется 59 разъ, но соотвѣтственно миролюбивому характеру своему, онъ не изображенъ участникомъ въ сценахъ борьбы и не съ мечомъ въ рукѣ. Матеріалъ обѣихъ колоннъ разный—здѣсь каррарскій мраморъ, тамъ паросскій; но база колонны Марка значительно выше, число оборотовъ рельефа меньше, онъ круто поднимается къ вершинѣ, края его правильные. Ландшафтъ отличается меньшей детальностью, художники этой колонны сосредоточивали центръ своего интереса на изображеніи людей, главнымъ образомъ, грозныхъ варваровъ. Фигуры сдвинуты тѣснѣе, что̀ напоминаетъ пріемы, впервые осуществленные на саркофагахъ эпохи Адріана (рис. 247 и 345). Вершину колонны, очень мало суживаюшейся кверху, вѣнчали, повидимому, бронзовыя статуи императора и императрицы; въ средніе вѣка ихъ замѣнилъ ап. Павелъ.

Рис. 345. ЧУДО ДОЖДЯ СЪ КОЛОННЫ МАРКА.
Ср. Petersen, Marcus-Säule, табл. 21.
Съ распростертыхъ рукъ и бороды крылатаго Юпитера Pluvius струится вода. Лежатъ груды утонувшихъ людей и животныхъ. Эта катастрофа является желанной для римлянъ; они съ удовлетвореніемъ смотрятъ на нее. Въ средніе вѣка это чудо приписывалось молитвѣ христіанскихъ солдатъ, и паломники чтили это изображеніе.

Конная статуя Марка Аврелія

И въ другихъ произведеніяхъ этой эпохи отражается отчужденность императора отъ жизни. Мы понимаемъ, что средневѣковье особенно цѣнило единственную бронзовую конную статую, уцѣлѣвшую отъ античности. Со временъ Микеланджело она украшаетъ площадь Капитолія и послужила образцомъ почти всѣхъ позднѣйшихъ конныхъ статуй (рис. 427); но увы! императоръ-философъ поразительно неуклюже сидитъ на громоздкомъ конѣ! На рельефахъ, нѣкогда укра-

Рис. 316. АРКА СЕПТИМІЯ СЕВЕРА на римскомъ форумѣ.
Съ фотографіи.

Арка высотою въ 23 м. стоитъ очень неудачно, она заслоняла храмъ Согласія. Первоначально черезъ арку проѣзда не существовало: сохранились слѣды ступеней и въ среднемъ пролетѣ. Мостовая на нашемъ рисункѣ средневѣковаго происхожденія: при новѣйшемъ изслѣдованіи подъ нею обнаружилась надпись Констанція, относящаяся къ 356—379 гг. Высокіе постаменты колоннъ, украшающихъ фасадъ арки, покрыты рельефами, на которыхъ изображены связанные восточные плѣнники, ведомые римскими легіонерами. Надъ боковыми пролетами тянутся узкія полосы рельефа съ монотоннымъ изображеніемъ поверженныхъ толпъ варваровъ и длинными вереницами военной добычи; надъ этими полосами тянутся болѣе широкіе лентообразные рельефы, по образцу колоннъ Траяна и Марка, расположенные въ нѣсколько рядовъ и изображающіе важнѣйшіе эпизоды борьбы императора съ парѳянами и арабами. Четвертая строка длинной надписи на аттикѣ вырѣзана на углубленной поверхности: на ней имя Геты было устранено послѣ убіенія его Каракаллой (въ 211 г.). На вершинѣ арки стояла бронзовая шестиконная колесница со статуями Севера и его сыновей, окруженными трофеями.

Рис. 347. СУБСТРУКЦІИ ДВОРЦА СЕПТИМІЯ НА ПАЛАТИНѢ. Съ фотографіи.
Эта часть дворца была обращена къ долинѣ цирка.

шавшихъ тріумфальную арку на via Lata, и использованныхъ сто лѣтъ спустя для украшенія арки Константина (рис. 354), движенія императора носятъ тотъ же отпечатокъ усталости.

Кромѣ восьми рельефовъ на аттикѣ арки Константина, сохранилось еще три. Лучшій изъ этихъ послѣднихъ (рис. 244) изображаетъ императора на конѣ (ср. рис. 427) въ лѣсу, гдѣ двое германскихъ вождей умоляютъ его о пощадѣ. Конъ трактованъ не безъ умѣнья, однако неестественно раздувающаяся мантія императора, его поза, фальшивый наосъ второстепенныхъ фигуръ — черты упадка. Ими же отличается деревянная кавалькада всадниковъ, украшающая четыре стѣнки предполагаемой гробницы (рис. 344) императора.

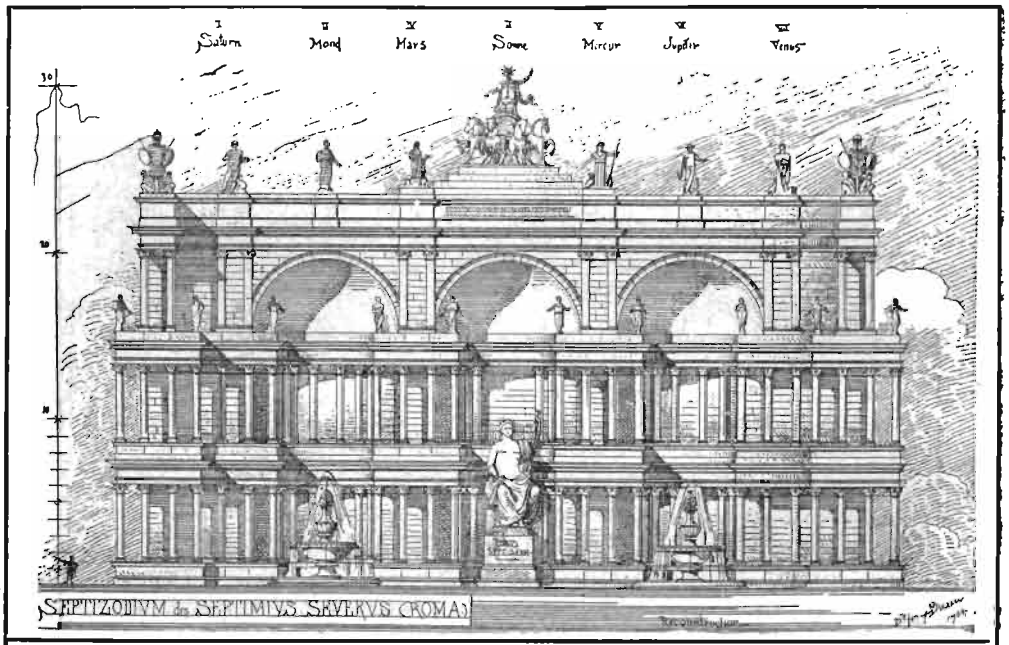

Рис. 348. SEPTIZODIUM ВЪ РИМѢ.
Реконструкція І. Дурма. Ср. Durm, Baukunst der Etrusker u. Römer², стр. 477.
Узкая трехъэтажная кулиса, приблизительно въ 100 м. длины и 30 м. высоты, съ тремя апсидами; въ двухъ боковыхъ струились фонтаны, среднюю, быть-можетъ, украшала статуя [illegible].

Рис. 349. ТЕПИДАРІЙ ТЕРМЪ КАРАКАЛЛЫ.

Нынѣшнее ихъ состояніе. Съ фотографіи.

Рядъ на фригидарій, сѣверная сторона котораго, съ нишами, видиѣется сквозь арку. Капители, стоящія на землѣ, нѣкогда вѣнчали высокія, монолитныя, гранитныя колонны, стоявшія по сторонамъ главныхъ пролетовъ.

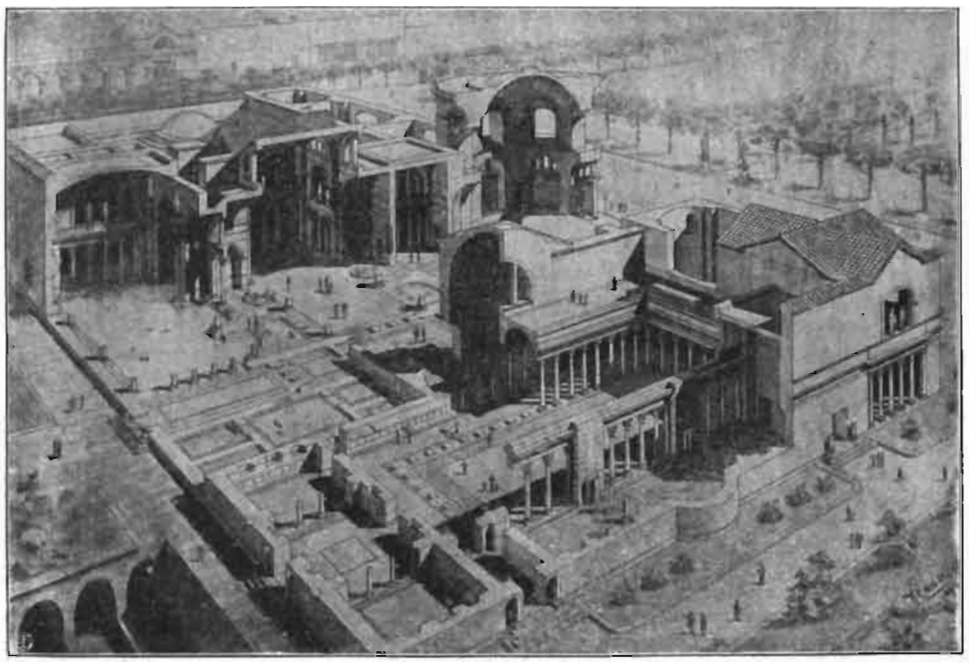

Рис. 350. ТЕРМЫ КАРАКАЛЛЫ.

Реконструкція Раутера. Ср. Iwanoff, Arch. Stud. III, таб. B.

На первомъ планѣ въ центрѣ боковые главные входы въ сѣверо-западную палестру. Часть главныхъ помѣщеній (налѣво frigidarium, направо tepidarium) передана на три четверти только въ планѣ. Направо, въ глубинѣ рисунка, куполъ caldarium'a, реконструированный лишь наполовину.

4. УПАДОКЪ РИМСКАГО ИСКУССТВА ВЪ III СТОЛѢТІИ

Арка Септимія Севера.

На десятый годъ успѣшнаго правленія ставленника солдатъ, императора Септимія Севера, сенатъ и народъ воздвигли ему и его сыновьямъ Каракаллѣ и Гетѣ арку. Архитектонически эта арка до-

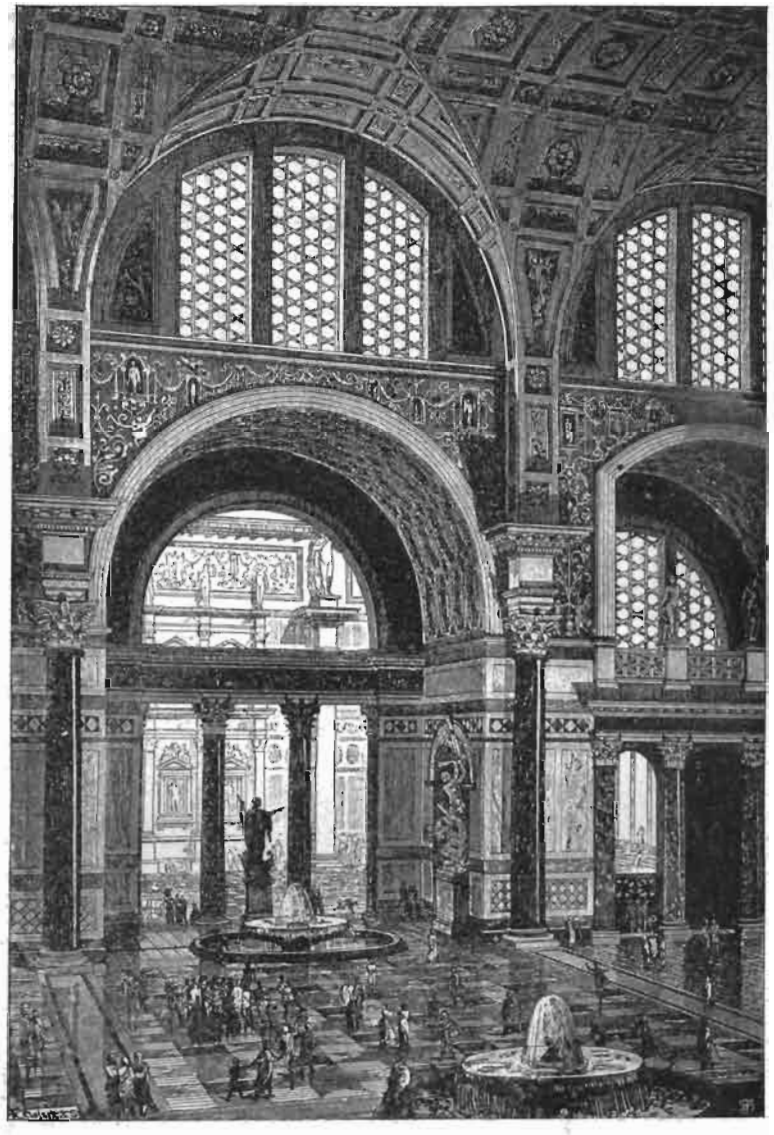

Рис. 351. ВНУТРЕННІЙ ВИДЪ ТЕРМЪ КАРАКАЛЛЫ.
Реконструкція Тирша. Ср. Springer-Michaelis[9], рис. 933.

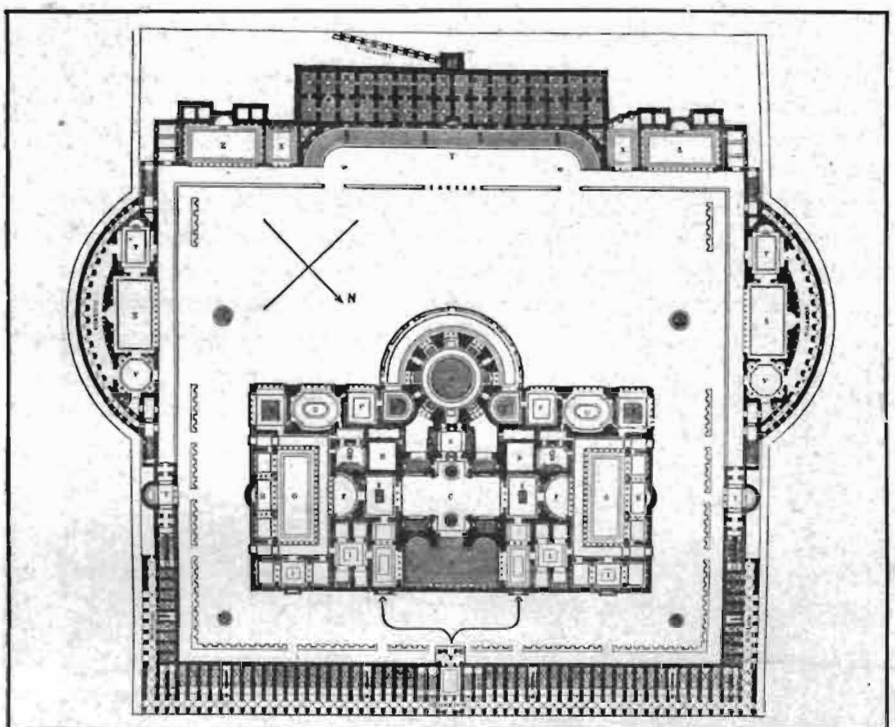

Рис. 352. ПЛАНЪ ТЕРМЪ КАРАКАЛЛЫ.

Ср. Baumeister III, рис. 1855.

A—Caldarium (горячее отдѣленіе), *C*—Tepidarium (теплое отдѣленіе для раздѣванія и натиранія), *D*—Frigidarium (холодное купанье подъ открытымъ небомъ), *GG*— такъ называемыя палестры (входныя галлереи) съ экседрами *FF*, въ одной изъ которыхъ найдена большая мозаика, изображающая гладіаторовъ (рис. 271), *SS*—главныя помѣщенія внѣшнихъ построекъ, имѣющихъ форму сегмента, *Y*—стадій съ мѣстами для зрителей на одной изъ продольныхъ сторонъ, за ними большіе резервуары воды, соединенные со спеціальнымъ акведуктомъ.

вольно эффектна, но пластическія детали ея поразительно безстильны и блѣдны; рельефы арки изображаютъ не тріумфъ императора, а его военные подвиги въ борьбѣ съ парѳянами и арабами (рис. 346).

Трехпролетная арка отличается самыми богатыми формами, примѣнимыми въ подобныхъ постройкахъ. Главные и боковые пролеты соединяются поперечными. На выступахъ антаблемента надъ композитными колоннами статуи отсутствуютъ, ибо вся аттика заполнена надписью, прославляющей императора. Богатое рельефное украшеніе отличается крайней бѣглостью трактовки, немощью увядающаго искусства. Оно лишено чувства архитектонической цѣльности; четыре или пять полосъ рельефа подвѣшены одинъ надъ другимъ, точно полосы ковра; образецъ колонны, увитой рельефомъ, оказалъ плохую услугу.

Палатинъ.

Увѣренная сила побѣдоноснаго императора-солдата отразилась, между прочимъ, и въ новыхъ постройкахъ, воздвигнутыхъ имъ на Палатинѣ. Онъ создалъ тѣ грандіозныя субструкціи и высокія сооруженія по направленію къ востоку и долинѣ цирка, которыя и понынѣ

еще въ своемъ разрушеніи и обветшалости возбуждаютъ всеобщее удивленіе своей колоссальностью и той смѣлостью, съ которой обширнѣйшія помѣщенія увѣнчаны сводами (рис. 347).

Септизодій. Входомъ въ предѣлы этихъ новыхъ строеній служилъ Septizodium (обыкновенно невѣрно называемый Septizonium), воздвигнутый Септиміемъ у юго-восточнаго подножья холма; это была декоративная постройка, великолѣпно украшенная фонтанами и статуями, части которой стояли еще въ XVI стол. (рис. 348). Будучи африканцемъ по происхожденію, Септимій желалъ этой ослѣпляющей роскошью достойно привѣтствовать уроженцевъ своей родины, приближавшихся къ всемірной

Рис. 353. БАЗИЛИКА МАКСЕНТІЯ. Съ фотографіи.

столицѣ обыкновенно отъ Путеолъ по Via Appia. Вѣря, какъ истинный африканецъ, въ астрологію, онъ украсилъ фронтонъ статуями, изображавшими семь планетъ или боговъ дней, отъ которыхъ постройка получила свое названіе.

Термы Каракаллы. Сынъ Септимія дегенератъ Антонинъ Каракалла былъ также дѣятельнымъ строителемъ. Къ 800 термамъ, существовавшимъ въ то время въ Римѣ, онъ присоединяетъ самыя грандіозныя, построенныя у южнаго подножья Авентина,—Thermae Antoninianae (рис. 349 сл.).

Онъ ставилъ себѣ цѣлью создать не только бани, но мѣсто развлеченій, центръ спорта для столичныхъ жителей. Термы находились въ паркѣ (въ 350 м. длины), окруженномъ со всѣхъ сторонъ постройками, въ которомъ струились фонтаны и изобиловали разнаго другого рода украшенія. Планъ главнаго строенія въ центрѣ этого парка, еще

понынѣ сохранившаго свою импозантность, несмотря на современныя пристройки, строго симметриченъ. Главные входы на поперечныхъ сторонахъ термъ вели въ такъ-называемыя палестры, т.-е. обширные перистили съ грандіозными экседрами, мозаичный полъ которыхъ изображалъ всевозможныхъ гладіаторовъ, отличающихся мощной мускулатурой (рис. 271). Отсюда входъ въ три центральныхъ помѣщенія, гдѣ было устроено холодное и теплое купанье, гдѣ происходили массажъ и растираніе мазями. Ослѣпи-

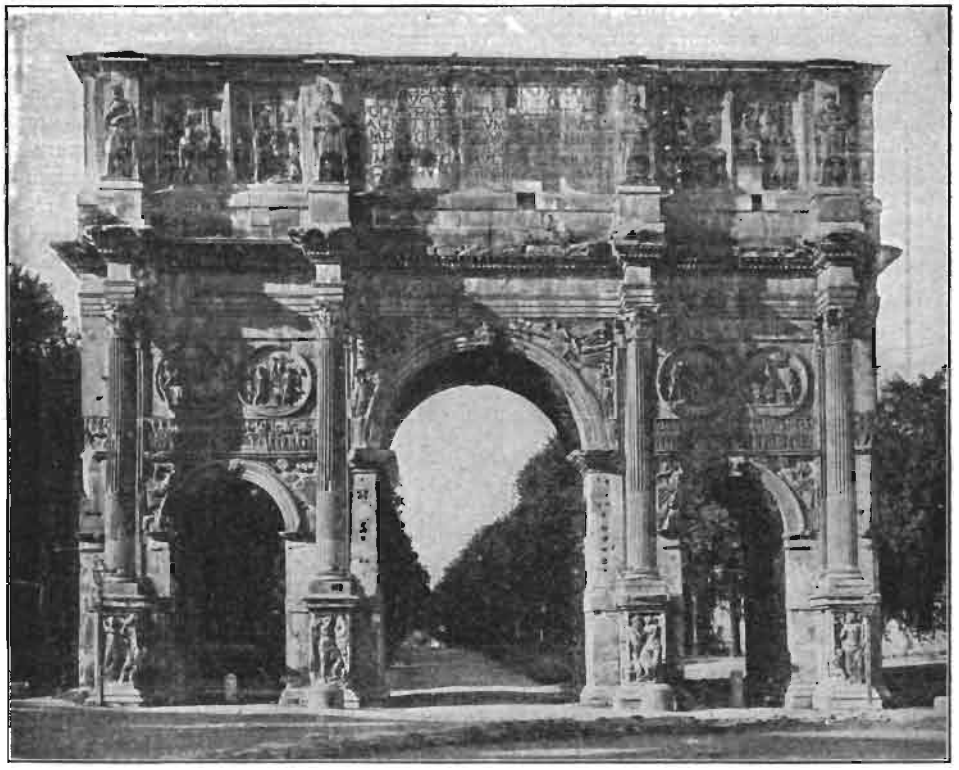

Рис. 354. АРКА КОНСТАНТИНА. Сѣверная сторона. Съ фотографіи.

Рельефы аттики сняты съ тріумфальной арки Марка-Аврелія, украшающія ее фигуры относятся ко времени Траяна, четыре медальона ко времени Адріана. Медальоны южной стороны сняты, по всей вѣроятности, съ памятника Домиціана, рельефы узкихъ сторонъ аттики и оба рельефа главнаго пролета вмѣстѣ взятые изображаютъ битву Траяна съ дакамя. Только остальныя пластическія украшенія относятся, по всей вѣроятности, къ эпохѣ Константина (ср. рис. 242. 271 a).

тельное великолѣпіе статуй (ср. рис. 123), мраморной облицовки, колоннъ, лѣпныхъ работъ и мозаики украшало колоссальныя стѣны и своды. Здѣсь столичные жители должны были чувствовать себя народомъ-властителемъ всего міра, наслаждаясь купаньемъ и спортомъ.

Смѣлая конструкція сводовъ, которой отличался, главнымъ образомъ, тепидарій этихъ термъ, была сто лѣтъ спустя воспроизведена въ величайшихъ римскихъ термахъ Діоклетіана, нынѣ чрезвычайно застроенныхъ, а также въ обширной базиликѣ, начатой императоромъ Максентіемъ въ верхней части Via Sacra рядомъ съ храмомъ Венеры и Ромы и завершенной послѣ его смерти Константиномъ Великимъ.

Термы Діоклетіана. Базилика Максентія.

Изъ большой центральной залы термъ Діоклетіана Микеланджело создаетъ церковь S. Maria degli Angeli, такъ что здѣсь эпоха Возрожденія является непосредственной преемницей античности.

Подобно остальнымъ базиликамъ и въ базиликѣ Максентія средній корабль возвышался надъ боковыми; несмотря на ширину пролета въ 35 м., онъ былъ увѣнчанъ не плоской кровлей, а тремя обширными крестовыми сводами (рис. 355). Покрытіе внутренняго помѣщенія базилики Ulpia (выше стр. 550) опиралось на 96 колоннъ; здѣсь ту же роль исполняютъ 2×4 громадныхъ пилястра, передъ которыми стояло восемь монолитныхъ колоннъ, достигавшихъ 20 м. высоты. Все было разсчитано на силу эффекта пространственной красоты законченной обширной постройки. Архитектурная техника, достигнувшая такихъ необыкновенныхъ результатовъ, всегда будетъ вызывать удивленіе. И понынѣ еще сохранившійся сѣверный боковой корабль со своими тремя кассетированными бочарными сводами (рис. 353) господствуетъ надъ всей окрестностью.

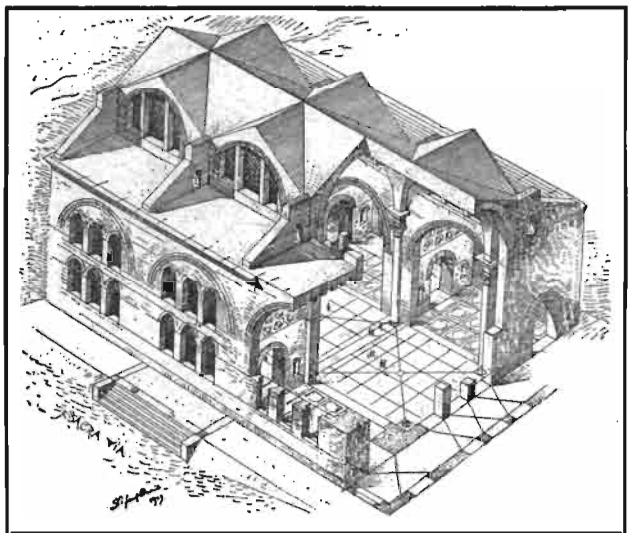

Рис. 355. БАЗИЛИКА МАКСЕНЧІЯ ВЪ РИМѢ.
Реконструкція Іосифа Дурма.
Ср. Durm, Baukunst der Etrusker u. Römer², рис. 621.

Драгоцѣнные фрагменты мраморнаго пола и стѣнной орнаментики свидѣтельствуютъ о богатѣйшемъ великолѣпіи внутренняго убранства и этой постройки. Въ его выходившей на западъ апсидѣ возвышалась колоссальная статуя Константина, обнаженныя части тѣла которой сдѣланы были изъ мрамора, одежда изъ дерева, покрытаго жестью. Фрагментъ этой статуи — гигантская голова воспроизведена на рис. 434.

Статуя изображала геніальнаго императора, заключившаго миръ съ христіанствомъ, новымъ знаменемъ котораго онъ покорилъ своихъ языческихъ соперниковъ. Самымъ монументальнымъ памятникомъ этой побѣды является спѣшно воздвигнутая въ 315 г. арка Константина, которая, несмотря на заимствованія своихъ украшеній изъ памятниковъ искусства эпохи Флавіевъ, Траяна, Адріана и Антониновъ, несмотря на искаженія жалкими новосозданіями эпохи Константина (рис. 242), производитъ цѣльное гармоничное впечатлѣніе. Эта хорошо сохранившаяся арка, казалось, искони воплощала славу императорскаго Рима; въ позднѣйшихъ частяхъ ея пластическихъ украше-

Арка Константина.

ній античность совершаетъ уже переходъ къ ранне-христіанскому искусству.

Стоя на этой грани, оглянемся на пройденный путь. Въ противность одному, недавно высказанному мнѣнію, мы остаемся при нашемъ убѣжденіи, что римское искусство въ общемъ представляетъ изъ себя послѣдніе отзвуки эллинистическаго художественнаго творчества. Больше всего самобытности проявляетъ еще римская архитектура: она до конца созидаетъ новое и конструкціей колоссальныхъ сводовъ превосходитъ все созданное въ этой области позднѣе и раньше. Произведенія живописи и пластики, однако, постоянно сохраняютъ подражательный характеръ; въ нихъ римляне перерабатываютъ наслѣдіе эллинизма и не всегда успѣшно. Греческіе художники или художники, вышедшіе изъ греческой школы, стремятся удовлетворить запросы новыхъ властителей міра; эти попытки не всегда вѣнчаются успѣхомъ. Наибольшимъ совершенствомъ отличаются еще портретъ и историческій рельефъ; эти области творчества были наиболѣе доступны пониманію практическихъ римлянъ. Часто заказчики, лишенные всякаго художественнаго чутья, ставили художникамъ требованія, превосходившія ихъ

Рис. 356. ХРАМЪ ВЪ ТЕБЕССѢ.
Ср. Gsell, Monum. de l'Algérie I, табл. 19.

Рис. 357. АРКА КАРАКАЛЛЫ ВЪ ТЕБЕССѢ.
Ср. Gsell, Monum. de l'Algérie I, табл. 43.

техническую подготовку. Они придавали, кромѣ того, цѣлому ряду внѣшностей, вродѣ мундира и чиновничьей формы, большое значеніе, лишавшее художника свободы творчества; вообще же, то обстоятельство, что римское искусство служитъ почти исключительно императору и государству, постоянно сохраняя свой придворно-оффиціальный характеръ, тяготѣетъ надъ нимъ, подобно проклятію.

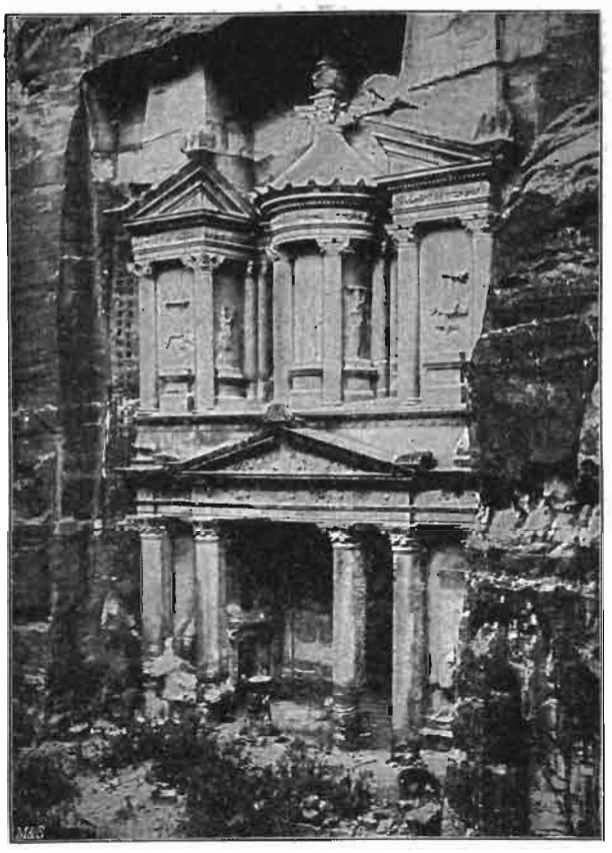

Рис. 358. ФАСАДЪ ГРОБНИЦЫ ВЪ ПЕТРѢ.

Съ фотографіи.

Фасадъ, въ 26 м. высоты, высѣченъ въ скалѣ. Его богатое украшеніе колоннами носитъ чисто-эллинистическій характеръ. Входъ въ могилу расположенъ въ глубокомъ портикѣ. Верхній этажъ состоитъ изъ двухъ боковыхъ башенокъ съ причудливыми, образующими уголъ, барочными фронтонами и изъ небольшого круглаго храмика съ крышей, заканчивающейся коринѳской капителью. Въ скульптурахъ, украшающихъ почти всѣ стѣны, мы видимъ рядъ слѣдовъ культа Изиды, распространеннаго въ близкомъ Египтѣ и пользовавшагося особымъ покровительствомъ Адріана.

Въ эпоху Константина, сила художественнаго творчества, какъ и всей античной культуры вообще, достигаетъ высшей степени оскудѣнія. Пагубныя эпидеміи и голодовки въ значительной степени способствовали этому упадку всѣхъ созидающихъ силъ, въ которомъ отдавали себѣ отчетъ и современники. Обѣднѣвшая эпоха жаждала животворнаго импульса. Этотъ импульсъ ей былъ данъ христіанствомъ.

5. ИСКУССТВО ВЪ РИМСКИХЪ ПРОВИНЦІЯХЪ

Искусство въ остальныхъ частяхъ Италіи.

Намъ остается еще кратко упомянуть о созданіяхъ римскаго искусства внѣ Рима, въ Италіи и въ провинціяхъ мірового государства, прежде чѣмъ обратиться къ памятникамъ христіанской античности. Въ самой Италіи римскіе храмы являются рѣдкостью. Многочисленнѣе тріумфальныя арки, воздвигнутыя императорами за

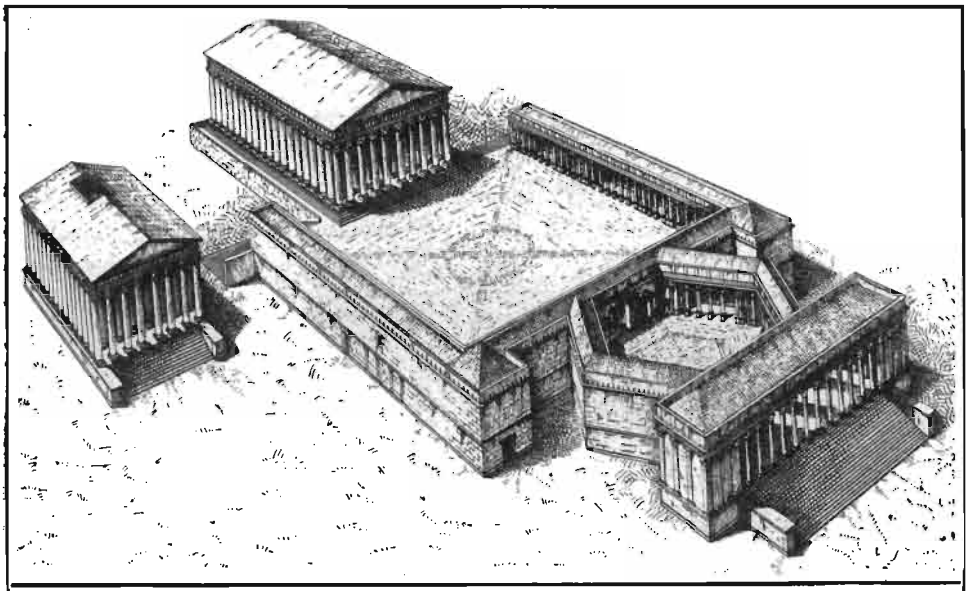

Рис. 359. ХРАМЪ СОЛНЦА ВЪ БААЛЬБЕКѢ.
Ср. Frauberger, Akropolis von Baalbek, табл. 22.
Меньшій храмъ въ глубинѣ налѣво съ 8-ю колоннами во фронтѣ—храмъ Вакха.

разныхъ мѣстахъ, Августомъ въ Аостѣ, Пизѣ, Полѣ и Римини, Траяномъ въ Анконѣ, Беневентѣ и др. мѣстахъ. Для знакомаго съ римскими арками онѣ почти ничего новаго не представляютъ. Постройки, удовлетворявшія жаждѣ къ зрѣлищамъ, лучше всего противостояли всеразрушающему времени; римскіе театры встрѣчаются въ Фіезоле и Луккѣ, въ Тускулѣ и Таорминѣ, болѣе или менѣе хорошо сохранившіеся амфитеатры на Капуѣ, въ С.-Джермано и Сиракузахъ, Путеолахъ, Веронѣ и Помпеяхъ. На италійской почвѣ сохранился также рядъ римскихъ мостовъ, напр., въ Нарни, нѣсколько водопроводныхъ сооруженій, наконецъ, многочисленныя монументальныя гробницы, и если эти уцѣлѣвшія развалины часто невелики, то онѣ всюду производятъ благородное впечатлѣніе красотою своихъ формъ и прекраснымъ матеріаломъ, употреблявшимся римлянами. Средніе вѣка это оцѣнили; они использовали античныя постройки, какъ самыя удобныя каменоломни, изобилующія идеально заготовленнымъ строительнымъ матеріаломъ. Они ихъ безпощадно разрушали. Однако, даже принимая во вниманіе разрушеніе, которому античная архитектура подвергалась въ Италіи, сравнительная рѣдкость монументальныхъ построекъ полуострова тѣмъ не менѣе поразительна. Римъ былъ для Италіи тѣмъ, чѣмъ Парижъ нынѣ для Франціи: повидимому, вся строительная продуктивность сосредото-

чивалась, главнымъ образомъ, въ Римѣ, остальная Италія терпѣла лишенія изъ-за столицы.

Сѣверная Африка.

Положеніе вещей внѣ Италіи было гораздо благопріятнѣе, особенно въ сѣверной Африкѣ. Въ эпоху имперіи она принадлежала къ числу богатѣйшихъ римскихъ провинцій, и къ III-му столѣтію, когда изъ среды ея населенія вышли нѣкоторые императоры, въ томъ числѣ Септимій Северъ, относится ея высшій расцвѣтъ. Онъ, правда, отличался односторонпимъ характеромъ. Римляне не терпѣли въ этой странѣ, пріобрѣтенной ожесточенной борьбой, чуждаго элемента. Всякое греческое вліяніе рѣшительно отклонялось. Взамѣнъ этого провинція изобиловала военными лагерями и казармами, что положило опредѣленный отпечатокъ на искусство сѣверной Африки. Издали развалины производятъ поражающее впечатлѣніе: богато украшенныя святилища, общественныя постройки и сооруженія, длинныя вереницы колоннъ, великолѣпныя тріумфальныя арки здѣсь многочисленнѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ римской имперіи; число мозаикъ также поразительно велико. Но до чего всѣ эти созданія скучны, безсодержательны, прозаичны!

Рис. 330. ХРАМЪ СОЛНЦА ВЪ БААЛЬБЕКѢ СЪ ЮГА.
Ср. Jahrb. d. Inst. 1902, табл. 7.
Мы видимъ на первомъ планѣ нѣкоторыя изъ огромныхъ камней фундамента. Три еще бо́льшіе камня лежатъ въ фундаментѣ западнаго фронта. Колонны высотою въ 20 м., антаблементъ надъ ними около 4 м. высоты. Целла за колоннами совершенно разрушена.

Богаче всего міръ развалинъ въ Тимгадѣ, который можетъ быть названъ африканскими Помпеями (рис. 248). Планъ города, возникшаго въ 100 г. по Р. Хр., напоминаетъ планъ римскаго лагеря. Улицы, вымощенныя плитами, пересѣкались подъ прямыми углами. На концахъ главныхъ улицъ возвышались декоративныя арки. Коринѳскій храмъ съ тремя целлами на подіи въ 38 ступеней украшалъ Капитолій, широко господствуя надъ окрестностями. Форумъ былъ окруженъ квадратомъ колоннадъ, и, подобно помпеянскому форуму, по возможности, изолированъ былъ отъ окружающаго города; на восточной сторонѣ его мы видимъ курію (зданіе городского совѣта) съ об-

ширной ораторской трибуной передъ нею; на западѣ зданіе суда (базилику); на южной сторонѣ находилось просторное отхожее мѣсто на 25 человѣкъ. Площадь между этими строеніями была украшена безчисленными статуями боговъ, императоровъ, намѣстниковъ и заслуженныхъ гражданъ. Лучше всѣхъ остальныхъ городскихъ памятниковъ сохранилась арка Траяна въ 12 м. высоты, находившаяся близъ форума: въ ней три пролета, передъ опорными столбами стоятъ коринѳскія колонны съ выступами антаблемента надъ ними. Въ нишахъ надъ маленькими боковыми пролетами нѣкогда находились статуи, а надъ нишами отъ колонны къ колоннѣ идетъ антаблементъ въ видѣ плоскихъ арокъ.

Тебесса.

Рис. 361. КРУГЛЫЙ ХРАМЪ ВЪ БААЛЬБЕКѢ.
Съ фотографіи.
Крыто было зданіе куполомъ. Круглую целлу окружаютъ четыре коринѳскія колонны на пятиугольныхъ базахъ. Архитравъ между колоннами вогнутъ, онъ не образуетъ портика изъ колоннъ вокругъ зданія. Въ каждомъ интерколумніи находится граціозная ниша.

Самыя прекрасныя строенія римской Африки сосредоточиваются въ Тебессѣ; особенно оригиналенъ одинъ изъ храмовъ (рис. 356). Его архитравъ раздѣленъ, точно фризъ, на поля, заполненныя скульптурными украшеніями: надъ каждой колонной находится букраній, въ метопахъ между ними — если ихъ такъ можно назвать — мы видимъ орла, держащаго въ когтяхъ двѣ змѣи. Надъ богато украшеннымъ карнизомъ возвышается еще аттика, также расчлененная на поля, заполненныя попеременно трофеями, Викторіями, скрещенными рогами изобилія или гирляндами. Никакихъ слѣдовъ фронтона не сохранилось; кровля была, повидимому, плоская. Такъ же своеобразна триумфальная арка, воздвигнутая здѣсь же богатымъ патріотомъ въ 214 г. императору Каракаллѣ (рис. 357): она четырьмя арками открывается на всѣ четыре стороны, уже тѣмъ самымъ напоминая такъ-назыв. Janus Quadrifrons, построенный, какъ предполагаютъ, въ честь Константина Великаго при входѣ на Forum Boarium въ Римѣ. Надъ каждой аркой, посрединѣ ея, помѣщается медальонъ; на сторонѣ, изображенной на нашемъ рисункѣ, мы видимъ Tyche Тебессы. На архитравѣ, выступающемъ надъ парными монолитными колоннами, по сторонамъ каждаго изъ пролетовъ нагроможденъ богатый, но совершенно безстильный орнаментъ. Повидимому, постройку вѣнчалъ куполъ.

Аравія и Сирія.

Изъ Африки мы переходимъ въ далекую Азію, въ Аравію и Сирію. Созданія римлянъ въ этихъ мѣстностяхъ не могли не быть зависимыми отъ туземнаго художественнаго творчества, проявлявшагося здѣсь уже раньше: въ римскую эпоху мы находимъ въ этихъ провинціяхъ города, носящіе всѣ существенныя черты эллинистическихъ городовъ, но превосходящіе ихъ еще болѣе грандіозной роскошью. Центромъ этихъ городовъ является не агора, а храмъ, воздвигнутый на видимой отовсюду террассѣ, окруженный портиками и дворами. Рядомъ съ нимъ встрѣчаются и тутъ стадіи, театры, термы, фонтаны (называемые нимфеями), и, главное, также какъ въ Тимгадѣ, длинныя галлереи колоннадъ. Великолѣпіе, съ которымъ богатыя провинціи отдѣлываютъ свои постройки въ эпоху римской имперіи, превосходитъ даже блескъ столичной архитектуры. Тогда какъ античныя постройки въ Римѣ подверглись безпощадному разрушенію, послѣ котораго уцѣлѣли въ большинствѣ случаевъ однѣ лишь жалкія кирпичныя стѣны, гдѣ нѣкогда сіяло великолѣпіе мрамора, постройки на далекомъ Востокѣ подверглись мѣньшему опустошенію и разграбленію въ средніе вѣка. Такимъ образомъ, монументальность эпохи поздней имперіи нигдѣ не заявляетъ о себѣ ярче, чѣмъ въ созданіяхъ римской архитектуры Сиріи и сосѣднихъ странъ.

Рис. 362. ДЕКОРОВКА ВНУТРЕННЕЙ СТѢНЫ ХРАМА ВАККА ВЪ БААЛЬБЕКѢ.

Ср. Jahrbuch des Inst. 1902, табл. 9.

Мы видимъ большое сходство со стѣнной декоровкой форума Нервы въ Римѣ. Табернакулы, распредѣленные двумя этажами между колоннами, впервые примѣнялись такимъ образомъ на стѣнахъ римскихъ театровъ. Маленькія колонны верхнихъ табернакуловъ и статуи, которыя нѣкогда должны были украшать или украшали ниши, не сохранились. Доска въ третьемъ интерколумніи слѣва помѣщена въ память посѣщенія храма въ 1898 г. императоромъ Вильгельмомъ II.

Петра.

Средоточіемъ солиднѣйшаго богатства изстари являлась Петра, центръ „счастливой“ Аравіи. Расположенная на двухъ особенно оживленныхъ караванныхъ путяхъ, она издавна была узловымъ пунктомъ всемірной транзитной торговли, пока римляне при Траянѣ не протянули и сюда своей мощной руки. Городъ расположенъ былъ романтически между красными скалами, въ склоны которыхъ онъ отчасти былъ врѣзанъ.

Граждане Петры и покойниковъ своихъ хоронили въ скалахъ. Въ 131 г. Адріанъ посѣтилъ городъ: къ этой эпохѣ, повидимому, относится богато украшенный фасадъ гробницы, воспроизведенный на нашемъ рисункѣ 358, ясно свидѣтельствующій о побѣдѣ въ Аравіи эллинистическихъ художественныхъ формъ надъ туземными, которыя постепенно вытѣсняются.

Въ Сиріи замѣчателенъ своими великолѣпными постройками, относящимися къ эпохѣ имперіи, въ особенности Баальбекъ или Геліополь. Почитавшемуся здѣсь богу солнца или Ваалу во II столѣтіи поклонялись на всѣхъ концахъ римской имперіи, что послужило достаточнымъ поводомъ для воздвиженія ему здѣсь, на мѣстѣ зарожденія культа, грандіознаго храма. Начатый при Антонинѣ Піѣ, онъ никогда не былъ завершенъ. Святилище, воздвигнутое въ ровной мѣстности между снѣжными вершинами Ливана и Антиливана, было построено на искусственной базѣ съ тою цѣлью, чтобы храмъ господствовалъ надъ всей мѣстностью. Всѣ его части построены изъ золотисто-желтаго известняка, характернаго для этой мѣстности. Съ востока громадная лѣстница вела въ длинныя пропилеи, изъ которыхъ шло три портала въ шестиугольный, окруженный портиками дворъ (рис. 359). Отсюда былъ входъ въ гораздо болѣе обширный квадратный алтарный дворъ, на которомъ помѣщался огромный жертвенный алтарь; на сѣверъ и югъ отъ него находились объемистые бассейны для воды. И этотъ дворъ былъ окруженъ колоннадами, служившими прибѣжищемъ для прихожанъ въ ненастную погоду. На западной сторонѣ алтарнаго двора вела широкая лѣстница къ главному храму Юпитера Геліополитанскаго. Въ особенно высокомъ фундаментѣ этого храма встрѣчаются квадры известняка въ 20 м. длины и 5 м. толщины. На мѣстѣ уцѣлѣло только 6 колоннъ верхней постройки съ архитравомъ (рис. 360). Планъ этого храма съ его портиками и очистительными бассейнами представляетъ собой полную аналогію съ храмомъ Іеговы въ Іерусалимѣ. Однако, несмотря на это, передъ нами чистый образецъ эллинистически-

Баальбекъ.

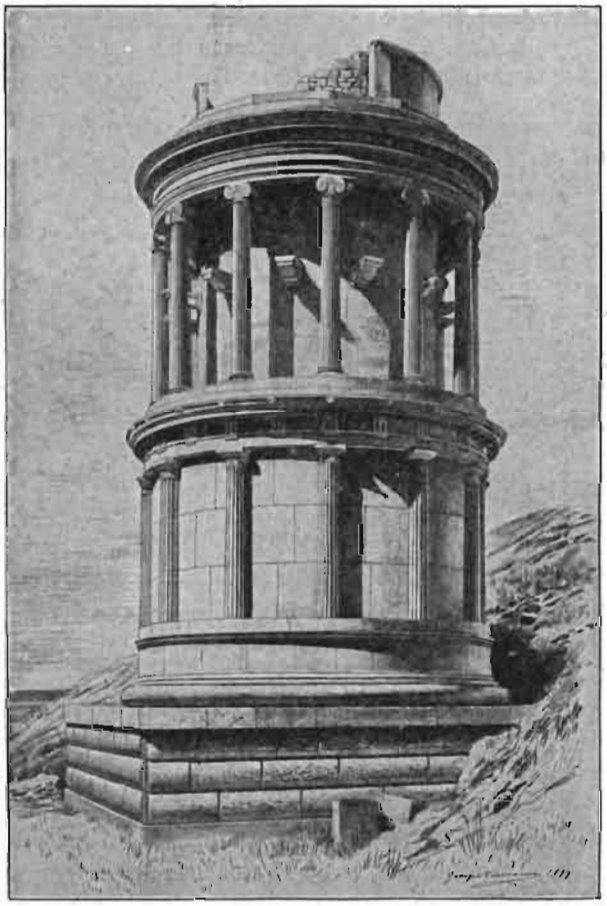

Рис. 363. ТРОФЕЙ ВЪ ЭФЕСѢ.
Ср. «Forschungen in Ephesos» I, табл. 5.

римскаго искусства. Несравнененъ также храмъ Вакха въ Баальбекѣ со своей великолѣпной декоровкой внутреннихъ стѣнъ и гигантской дверью целлы (рис. 359, 257, 361). Здѣсь же находится совершенно своеобразный круглый храмъ (рис. 361) въ стилѣ античнаго барокко. Несмотря на сильное разрушеніеотъ землетрясеній и рукъ человѣка, развалины его все еще очень импозантны. Тутъ не нужны ни опытный глазъ знатока, ни созидающая фантазія, чтобы изъ горъ невзрачнаго мусора передъ глазами воскресъ прежній храмъ. Нѣтъ, несмотря на все погибшее, здѣсь еще сохранилась живая, ослѣпительная дѣйствительность. О грядущемъ упадкѣ античнаго искусства свидѣтельствуютъ лишь общеупотребительные орнаменты, загромождающіе всѣ архитектурныя формы.

Пальмира.

Недалеко отъ восточной границы имперіи лежала Пальмира, городъ-оазисъ на пути изъ Дамаска въ Вавилонъ. Городъ переживаетъ свой періодъ высшаго расцвѣта въ III столѣтіи по Р. Хр., во время правленія Зиновіи, когда эллинистически-римская культура и на этой крайней периферіи античнаго міра одерживаетъ полную побѣду. О ней, между прочимъ, ясно свидѣтельствуютъ длинныя вереницы коринѳскихъ колоннъ, сохранившихся на одной изъ улицъ длиною въ 1100 м. (рис. 255). Эти вереницы состояли изъ двойного ряда колоннъ въ 20 м. высоты, за ними лежали дома гражданъ, передъ которыми можно было бродить въ тѣни колоннадъ. Такія улицы, по возможности съ высокими колоннадами, составляли гордость всѣхъ восточныхъ городовъ въ первыя столѣтія по Р. Хр.

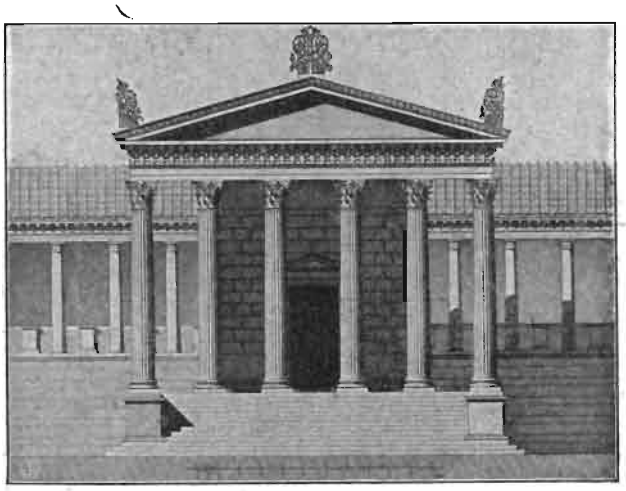

Рис. 364. ХРАМЪ ТРАЯНА ВЪ ПЕРГАМѢ.
Ср. «Altertümer von Pergamon» V, 2, табл. 16.
Рядъ прямостоящихъ украшеній въ видѣ консолей образуютъ фризъ. Въ смѣлой моделировкѣ орнамента акротеріевъ вырисовываются крылатыя Викторіи.

Малая Азія.

Эфесъ.

Въ Малой Азіи, гдѣ римляне утвердились со II столѣтія до Р. Хр., встрѣчаются многочисленные слѣды ихъ строительнаго творчества. Блестящѣе всего оно проявилось въ главномъ городѣ провинціи Эфесѣ. Однако, и другіе азіатскіе города примыкали къ направленію художественнаго вкуса, исходившаго изъ мірового города Рима, который теперь въ свою очередь несъ древне-эллинистическія формы въ римскомъ пересозданіи на востокъ.

Раскопки, предпринятыя въ Эфесѣ въ новѣйшее время Австріей, обнаруживаютъ все яснѣе, какой это былъ прекрасный, даже блестящій городъ и въ періодъ господства въ немъ римлянъ. Развалины его, правда, низки и погружены въ камыши и болото: тѣмъ не менѣе, мы можемъ распознать, насколько богатъ былъ городъ широкими и красивыми улицами, обширными площадями (рис. 252), какіе драгоцѣнные сорта мрамора здѣсь примѣнены въ постройкахъ. При сліяніи главныхъ улицъ съ гаванью

были воздвигнуты двухъэтажныя городскія ворота, особенно излюбленныя, повидимому, въ Іоніи. Пока раскопаны три обширныхъ площади: прежде всего древняя, быть можетъ, еще эллинистическая агора, къ которой примыкало монументальное зданіе библіотеки (рис. 423) и по близости отъ нея величественный трофей на склонѣ горы (рис. 363), далѣе площадь, окруженная трехкорабельными колоннадами II стол. по Р. Хр. и, наконецъ, римская агора, окаймленная со всѣхъ сторонъ галлереями въ 10 м. глубины. Непосредственно на югъ отъ нея лежала мраморная зала, мраморныя плиты и инкрустаціи которой состоятъ изъ 13 разнообразныхъ сортовъ мрамора. Стѣнныя ниши нѣкогда были богато украшены статуями. II театръ въ Эфесѣ, гдѣ народъ встрѣтилъ вражду-

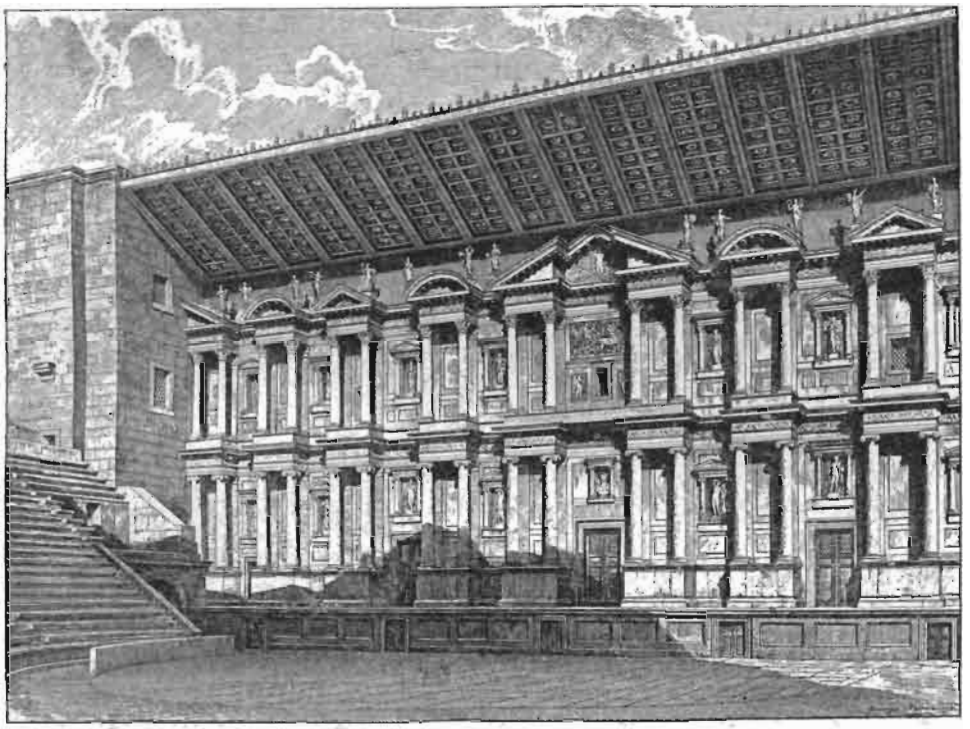

Рис. 365. СТѢНА СЦЕНЫ ВЪ ТЕАТРѢ АСПЕНДА.
Реконструкція Г. Нимана. Ср. Lanckoronski, Städte Pamph. u. Pisid. I, табл. 27.
Прекрасный образецъ излюбленной въ Римѣ архитектуры нишъ и колоннъ. Стѣна сохранилась, несмотря на разрушеніе большихъ и малыхъ колоннъ.

дебной демонстраціей апостола Павла, отличался большой роскошью, обиліемъ статуй и рельефныхъ украшеній.

Въ традиціонномъ покровительствѣ, оказываемомъ искусствамъ, ближайшимъ соперникомъ Эфеса являлся Пергамъ. Здѣсь въ эпоху имперіи на вершинѣ городской горы былъ возведенъ грандіозный мраморный храмъ въ честь Траяна (ср. выше, рис. 93 сл.), а обширная площадь храма, полученная путемъ постройки сводчатыхъ субструкцій, была съ трехъ сторонъ окружена портиками. Въ этомъ храмѣ коринѳскаго стиля, возвышающемся по италійскому образцу на высокомъ подіи и украшенномъ обширнымъ портикомъ, особенно замѣчательна оригинальная декоровка фриза и акротеріи кровли, отличающіеся чрезвычайно смѣлыми линіями (рис. 364). Въ Памфи- Пергамъ.

ліи, одной изъ южныхъ странъ Малой Азіи, въ Адаліи сравнительно хорошо сохранились городскія ворота (рис. 254), въ Аспендѣ театръ (рис. 253, 365). Чисто декоративное примѣненіе колонны для обрамленія пролетовъ арки или оживленья высокаго фасада здѣсь достигаетъ высшей красоты и искусности.

Рис. 366. ТРОФЕЙ ВЪ АДАМКЛИССИ.
Ср. Studniczka, Tropaeum Traiani, стр. 4.
На круглой базѣ тянется полоса рельефовъ въ видѣ метопъ; они изображаютъ римскихъ воиновъ въ борьбѣ и плѣнныхъ или идущихъ варваровъ. Рельефы на зубцахъ крыши, произведенія примитивнаго солдатскаго искусства, изображаютъ племена, покоренныя Траяномъ. На вершинѣ громадный трофей.

Эллада. И въ древней родинѣ греческой культуры, въ коренной Эллады, римляне отваживались ставить свое искусство эпигоновъ рядомъ съ великими оригиналами. Этимъ мужествомъ особенно отличался императоръ Адріанъ; послѣднія монументальныя постройки въ Аѳинахъ свидѣтельствуютъ объ этомъ.

Благодаря увлеченію Адріана Аѳинами здѣсь возникаетъ цѣлый новый городской кварталъ. На границѣ новыхъ и старыхъ Аѳинъ императоръ воздвигаетъ двухъэтажную арку, сохранившуюся еще и понынѣ (рис. 251). Непосредственно за этой аркой онъ завершаетъ гигантскій Olympieion, постройка котораго была начата уже при Писистратѣ (Э. К., стр. 147) и продолжена Антіохомъ IV Сирійскимъ. Удѣлѣвшія колонны относятся, повидимому, еще къ постройкѣ сирійскаго царя: ихъ было болѣе 100, высотою въ 17 м. Но именно въ этой величайшей постройкѣ, возведенной Адріаномъ въ Аѳинахъ, императоръ не захотѣлъ, въ угоду своему честолюбію, запечатлѣть своеобразіе римскаго искусства. Храмъ носитъ совершенно греческій характеръ; въ немъ завершено то, что было начато Антіохомъ. Обширная библіотека Адріана недалеко отъ древней агоры (рис. 425) носила иной характеръ. Она намъ напоминаетъ монументальный пріемъ украшенія стѣнъ, впервые осуществленный въ форумѣ Нервы и впослѣдствіи особенно богато примѣненный въ храмѣ Вакха въ Баальбекѣ. Въ этой постройкѣ императоръ перенесъ уголокъ Рима въ греческій городъ.

Аѳины.

Олимпіей.

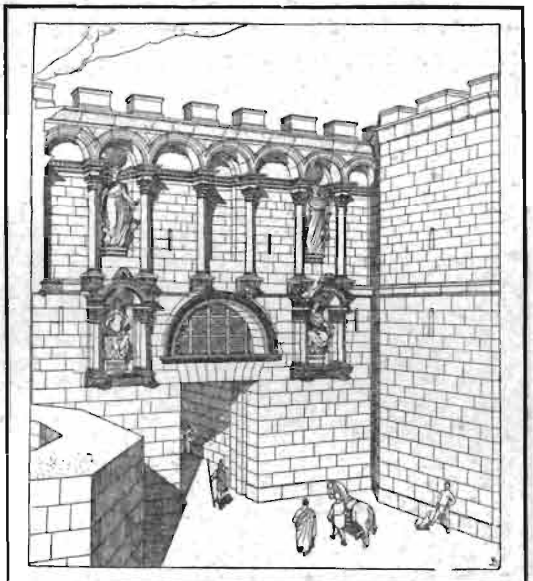

Рис. 357. PORTA AUREA ДВОРЦА ДІОКЛЕТІАНА ВЪ СПАЛАТО.

Реконструкція Б. Шульца.

Ср. Jahrb. d. Inst. 1909, стр. 49.

Городскія ворота, ведущія во дворецъ. Поперечная дверная перекладина состоитъ изъ плитъ съ выступами. Надъ ней разгруженная арка. Ниши направо и налѣво отъ нея вродъ-ли были снабжены выступающей, опирающейся на колонки кровлей, реконструированной на нашемъ рисункѣ Шульцемъ. Ниши наверху попеременно то круглыя, то прямоугольныя въ планѣ; простѣнки между нишами, также увѣнчаны арками, образуя такимъ образомъ непрерывный рядъ. Карнизъ, идущій надъ отдѣльными частями стѣны и нишами, также непрерывенъ.

Нѣкоторое время спустя послѣ Адріана ораторъ Геродъ Аттикъ посвящаетъ свои несмѣтныя богатства на достойное обновленіе обветшалыхъ построекъ Греціи и возведеніе новыхъ въ римскомъ стилѣ. По его иниціативѣ въ древнемъ стадіи Аѳинъ 50.000 уступовъ были облицованы пентелійскимъ мраморомъ, такое же украшеніе стадія было предпринято въ Дельфахъ. Въ Олимпіи же Геродъ Аттикъ строитъ ту неудачную претенціозную экседру, которая доминировала надъ всѣми строеніями, рѣзко контрастируя съ ихъ благородной простотой, (ср. Э. К., рис. 187). Самымъ долговѣчнымъ памятникомъ Герода Аттика является Одеонъ у подножья акрополя (Э. К., рис. 132). Это былъ театръ, крытый кедровымъ деревомъ, трехъярусная сцена котораго была украшена римскими сводчатыми окнами. Стѣны театра были облицованы цвѣтнымъ мраморомъ въ римскомъ стилѣ.

Одеонъ.

Сѣверъ Балканскаго полуострова вплоть до Дуная также входилъ въ предѣлы римскаго владычества. Траянъ побѣдоносно проникаетъ вплоть до Добруджи и съ понятнымъ чувствомъ удовлетворенія воздвигаетъ, близъ нынѣшняго Адамклисси, величественный трофей

Балканскій полуостровъ.

Адамклисси.

(рис. 366, ср. 240), основной планъ котораго напоминаетъ Moles Hadriani (рис. 342). При живописной Салонской бухтѣ, въ Далмаціи, на мѣстѣ своего рожденія, старый рубака Діоклетіанъ построилъ себѣ дворецъ, убѣжище на годы старости, и мавзолей для своихъ останковъ (рис. 367). Въ этомъ дворцѣ, въ предѣлахъ ограды котораго помѣстился нынѣшній городокъ Спалато, декоративная архитектура римлянъ, вдохновляемая ихъ любовью къ блеску и роскоши, вступаетъ въ новую стадію развитія: здѣсь возникаетъ прототипъ средневѣковыхъ слѣпыхъ аркадъ.

Спалато.

Галлія.

Наконецъ Галлія становится вскорѣ послѣ покоренія ея Цезаремъ одной изъ важнѣйшихъ и богатѣйшихъ провинцій. Теперь вліяніе греческаго города Массиліи могло проявляться безпрепятственно, его плодотворное воздѣйствіе сказывается вплоть до Трира. Большинство римскихъ памятниковъ встрѣчается, конечно, на югѣ, въ Провансѣ. По монументальныя строенія римлянъ сохранились также и по Сонѣ, Сенѣ, Дубсу и Мозелю. Творчество римлянъ производитъ особенно грандіозное впечатлѣніе въ Трирѣ, „этомъ сѣверномъ Римѣ“, игравшемъ въ III и IV стол. такую же крупную роль въ жизни государства, какъ самый Римъ. Рядомъ съ произведеніями зодчества Трирскія скульптуры (рис. 416, 421) поражаютъ насъ своей замѣчательной свѣжестью, несвойственной этому позднему времени и объяснимой какъ результатъ вліянія греческой Массиліи. Средневѣковое художественное творчество во Франціи черпало много плодотворнаго вдохновенія изъ этого галльско-римскаго провинціальнаго искусства.

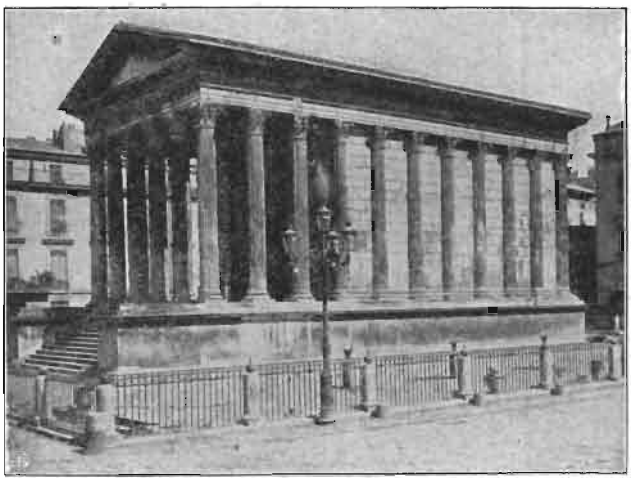

Рис. 368. MAISON CARRÉE ВЪ НИМѢ.
Съ фотографіи.
Освящонъ въ 4 г.. по Р. Хр. Интересны консоли и на скатахъ фронтона.

Прованс.

На границѣ Прованса, у Монако, возвышался трофей Августа, конструкція котораго была почти аналогична круглому трофею въ Эфесѣ (рис. 363). Подобнымъ же характеромъ отличается гробница Юліевъ въ S.-Remy, (рис. 369). Въ Арлѣ сохранился обширный амфитеатръ, въ которомъ и понынѣ еще устраивается бой быковъ. Нимъ, древній Nemausus, особенно богатъ римскими памятниками. Такъ-назыв. Maison carrée (рис. 368) - одинъ изъ лучше всего сохранившихся античныхъ храмовъ;

сохранился здѣсь и амфитеатръ; грандіозное сооруженіе Pont du Gard (рис. 245) служило акведуктомъ для притока въ городъ ключевой воды. Во всей Галліи не было недостатка въ украшавшихъ улицы аркахъ, воздвигнутыхъ въ память разпородныхъ случаевъ милостиваго попеченія императоровъ. Лучше всѣхъ сохранилась арка въ Оранжѣ; здѣсь же возвышается, между прочимъ, уцѣлѣвшій римскій театръ, внушительной величины, напоминающій театръ въ Аспендѣ (выше, рис. 365); въ немъ въ послѣдніе время снова устраиваются сценическія представленія. Что касается Трирской архитектуры, то она кажется бѣднѣе благодаря малоцѣнному матеріалу построекъ —буту или кирпичу, и благодаря отсутствію внутреннихъ сводовъ и декоративной архитектурѣ. Ни императорскій дворецъ, ни зданіе суда, называемое базиликой, ни наконецъ развалины амфитеатра или термъ особеннаго впечатлѣнія не производятъ. Только крѣпостная Porta nigra, построенная съ большой поспѣшностью въ 200 г. по Р. Хр. (рис. 246), составляетъ исключеніе. Она выстроена изъ темно-сѣраго песчаника. Характеръ ея архитектуры напоминаетъ Колоссей; здѣсь однако для украшенія и расчлененія стѣнъ во всѣхъ этажахъ примѣнены однѣ только дорическія колонны. Второпяхъ и въ виду грозящей опасности квадры употреблены были въ дѣло въ полу отесанномъ видѣ, только на мѣстѣ они должны были подвергнуться уже болѣе тщательной отдѣлкѣ; это однако никогда не было осуществлено. Такъ возникла эта могучая постройка, являющаяся тутъ, на крайней сѣверной границѣ римскаго владычества, особенно блестящимъ памятникомъ широкой строительной дѣятельности римлянъ.

Триръ.

Рис. 369. ПАМЯТНИКЪ ЮЛІЕВЪ ВЪ С.-РЕМИ ОКОЛО ТАРАСКОНА.

Съ фотографіи.

Основу гробницы составляютъ четверныя ворота—tetrapylon; она возведена въ память нѣкоего Г. Юлія, его супруги и сыновей. Цоколь украшенъ грубыми рельефами.

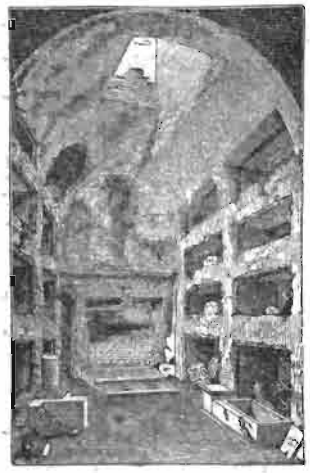

Рис. 370. ПАПСКАЯ КРИПТА.

Ср. F. X. Kraus, Christl. Kunst I, стр. 47, рис. 9.

Часть катакомбы Лудины (V-е столѣтіе). Налѣво настоящее ея состояніе, направо реконструкція де Росси, на которой мы видимъ нѣкоторыя архитектурныя украшенія, которыя встрѣчаются лишь въ видѣ исключенія, какъ напр. отдѣленіе алтаря балюстрадой; мы различаемъ также надписи на крышкахъ саркофаговъ и плиты передъ отдѣльными *loculi*. Сверху сквозь *luminare* проникаетъ свѣтъ въ криптy.

6. АНТИЧНОЕ ИСКУССТВО ВЪ ПЕРІОДЪ ХРИСТІАНСТВА

Христіанскій антикъ.

Рядомъ съ благородными созданіями придворнаго искусства въ теченіе всей эпохи имперіи идетъ развитіе невзрачнаго искусства первыхъ христіанъ. Это дополненіе придворнаго искусства тѣмъ болѣе заслуживаетъ разсмотрѣнія, что въ немъ заложены главные корни позднѣйшаго христіанскаго искусства Запада.

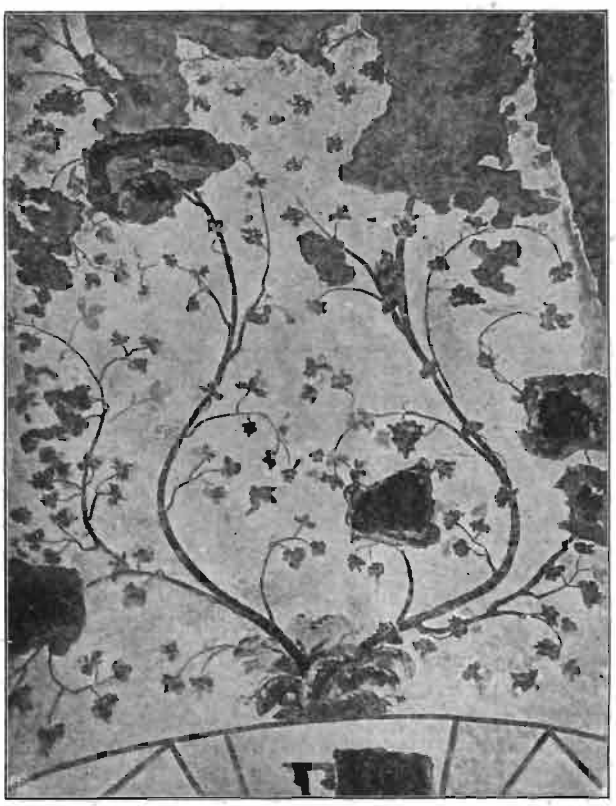

Рис. 371. СТѢННАЯ РОСПИСЬ КАТАКОМБЫ ДОМИТИЛЛЫ.
Ср. Wilpert, Katakombenmalereien, табл. 1.
Роспись относится къ первому столѣтію. Побѣги винограда, между которыми порхаютъ птицы, развѣтвляются изъ одного корня, подобно побѣгамъ на Ara Pacis (ср. табл. IX, 2). Чисто христіанскій характеръ гробницы еще ни въ чемъ не сказывается.

Расцвѣтъ ранняго христіанскаго искусства не сосредоточивается исключительно или даже главнымъ образомъ въ Римѣ, что само собою понятно, такъ какъ новая религія зарождается на Востокѣ и живущіе здѣсь римляне отличаются не меньшей продуктивностью. Однако, наше знаніе этихъ восточныхъ произведеній христіанскаго античнаго искусства еще крайне несовершенно, тогда какъ древне-христіанское искусство въ Римѣ издавна является отдѣльной научной дисциплиной, обогащаемой раскопками и изслѣдованіями. Позднѣйшее изученіе этой области античнаго искусства докажетъ, надѣемся мы, что Востокъ былъ дающей стороной въ этомъ раннехристіанскомъ художественномъ мірѣ, а Западъ принимающей. Риму отнюдь не принадлежитъ задающая тонъ первенствующая роль въ христіанской античности, эта кажущаяся роль объясняется лишь односторонностью нашихъ свѣдѣній въ области поздне-римской античности.

Живопись въ катакомбахъ, съ которыхъ мы начнемъ, какъ съ древнѣйшихъ памятниковъ христіанскаго искусства, художественной цѣнности не имѣетъ; это жалкая, небрежная мазня, сдѣланная неумѣлыми ремесленниками на дурно подготовленномъ фонѣ. Однако, только эти росписи знакомятъ насъ съ техникой и пріемами живописи первыхъ столѣтій нашей эры. Катакомбы.

Обычай погребенія въ подземныхъ корридорахъ и склепахъ, по всей вѣроятности, восточнаго происхожденія; но такъ какъ мы до настоящаго времени почти не знаемъ христіанскихъ могилъ на Востокѣ, а Римъ сплошь окруженъ (общая длина подземныхъ ходовъ равняется 900 кв. клм.), то мы принуждены изучать этотъ видъ памятниковъ исключительно по римскимъ катакомбамъ.

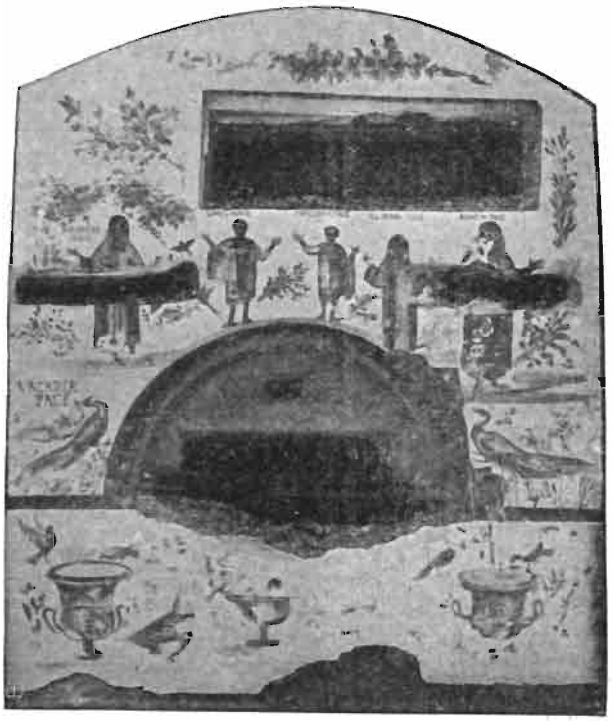

Рис. 372. ПЯТЕРО БЛАЖЕННЫХЪ ВЪ КАТАКОМБѢ КАЛЛИСТА.
Ср. v. Sybel, Christl. Antike I, табл. 4.

Наверху прямоугольный *loculus*, внизу *arcosolium*. Двѣ меньшихъ ниши вдѣланы поздпѣе, вслѣдствіе чего пострадала роспись. Пятеро блаженныхъ изображены въ позахъ орантовъ, благоговѣйно возносящихъ молитву. Надъ каждымъ изъ нихъ начертано имя съ припиской *in pace*, т. е. въ мирѣ съ Господомъ. Остальная декоровка носитъ совершенно языческій характеръ; гирлянды цвѣтовъ, двое павлиновъ, игравшихъ уже въ свѣтскомъ античномъ искусствѣ роль символовъ апоѳеоза, на нижней полосѣ росписи сосуды съ водой, которую пьютъ голубки.

И названіе ихъ римскаго происхожденія: κατὰ κύμβας называлась впадина у via Appia близъ гробницы Цециліи Метеллы (рис. 144), и народъ окрестилъ расположенную тутъ могилу Св. Севастіана „coemeterion ad catacombas“. Такъ какъ именно эта гробница постоянно оставалась доступной и посѣщалась паломниками, направлявшимися въ Римъ, то переходъ ея имени на всѣ могилы однороднаго типа объясняется безъ труда. Въ Римѣ катакомбы расположены на главныхъ дорогахъ, между 4 и 6 милевымъ камнемъ за городскими воротами; ихъ галлереи тянутся въ 2—5 этажей одна надъ другой. Частыя неправильности въ конструкціи катакомбъ объясняются главнымъ образомъ тѣмъ, что склепы высѣкались только въ зернистомъ туфѣ, негодномъ для строительныхъ цѣлей; характерно, что ихъ

Рис. 373. ДОБРЫЙ ПАСТЫРЬ НА ФОНѢ ЛАНДШАФТА.

Ср. Wilpert ук. соч., табл. 121. Изъ катакомбы Домитиллы. Роспись относится къ 300 г. по. Р. Хр. Въ холмистой мѣстности на скалѣ расположился Pastor bonus со своей пастушеской свирѣлью; вокругъ него пасется его стадо.

не дѣлали ни въ песчаномъ туфѣ, ни въ скалистой почвѣ. Основаніемъ катакомбъ всегда служила отдѣльная могила, такъ называемое cubiculum. Характернымъ признакомъ этихъ могилъ являются длинные корридоры, вызвавшіе ложное представленіе о томъ, что первоначальныя штольни для добыванія песка были впослѣдствіи приспособлены для этихъ кладбищъ. Выкапываніе подземныхъ проходовъ и склеповъ составляло особую профессію fossores. Шахты, служившія источниками воздуха и свѣта (luminaria), соединяли эти склепы съ внѣшнимъ міромъ. Всѣ стѣны снабжались квадратными или полукруглыми отверстіями, и въ этихъ loculi или arcosolia параллельно внѣшней стѣнѣ лежали покойники. Ниша закрывалась каменной плитой съ именемъ усопшаго (рис. 370).

Римляне-язычники колебались между трупопогребеніемъ и сожженіемъ. Сплоченность населенія во всемірной столицѣ со времени Августа вызывала необходимость послѣдняго (ср. рис. 287). Христіане придерживались обычая погребенія, руководимые вѣрой въ воскресеніе плоти. Каждый христіанинъ имѣлъ право на могилу. Христіане обезпечивали ее каждому члену своей общины, чѣмъ они, быть можетъ, особенно склоняли въ пользу своего ученія. И римляне основывали похоронныя общества, collegia tenuiorum. Отъ нихъ заимствовали этотъ обычай первые христіане: ихъ катакомбы являются общинными кладбищами, основанными богатыми членами общины, гдѣ каждый христіанинъ вблизи святыхъ мучениковъ и другихъ собратьевъ-христіанъ ждалъ для всеобщаго воскресенія.

Входы въ склепы находились на открытой улицѣ; власти знали, разумѣется, о ихъ существованіи, и катакомбы закрывались лишь въ періоды гоненія на христіанъ, когда возникали подозрѣнія въ совершеніи богослуженій подъ землей. Вопросъ о томъ, совершались ли богослуженія у гробницъ мучениковъ, спорный: во всякомъ случаѣ, потребности культа не отразились на архитектурной формѣ склеповъ.

Живопись. Въ этихъ переполненныхъ галлереяхъ и склепахъ для росписи оставались только плоскіе своды потолка. Въ просторныхъ склепахъ сводъ покрывался сплошной живописью до заполненія погребальныхъ нишъ. Живопись этихъ потолковъ слѣдуетъ схемѣ, характерной для росписи потолковъ языческихъ художниковъ. Центральная круглая картина окружена въ большинствѣ случаевъ четырьмя боковыми (рис. 375); по угламъ отграничены особыя поля, вся остальная поверхность свободно украшается орнаментомъ и фигурами. На стѣнахъ оставалось мало мѣста для росписи; если она есть, то она въ большинствѣ случаевъ разрушена позднѣйшимъ созданіемъ новыхъ loculi (ср. рис. 372, 374, 376).

Творцы этихъ росписей мелкіе люди; самые ранніе художники вышли, безъ сомнѣнія, изъ языческихъ художественныхъ мастерскихъ. Первыя христіанскія росписи

исполнялись, разумѣется, языческими мастерами, приспособлявшимися къ требованіямъ своихъ заказчиковъ христіанъ. Техника ихъ не отличается тщаніемъ. Нѣсколько слоевъ штукатурки на туфѣ не держались; поэтому художники довольствовались однимъ—двумя слоями. Краска набрасывалась грубыми мазками, о тщательномъ смягченіи контуровъ не можетъ быть и рѣчи. Скала тоновъ очень ограничена. Обыкновенно штукатурка составляетъ фонъ росписи, на которомъ послѣдняя дѣлается al fresco безъ предварительнаго наброска. Штукатурныя обрамленія только въ рѣдкихъ случаяхъ увеличиваютъ пластичность эффекта. Чѣмъ тщательнѣе сдѣланъ фонъ, чѣмъ детальнѣе живопись, тѣмъ она древнѣе; съ 250 года упадокъ техники прогрессируетъ съ неудержимой быстротой.

Что касается мотивовъ этой живописи, то декоративные элементы ея бѣднѣе, чѣмъ въ языческихъ гробницахъ. Обрамленіе отдѣльныхъ картинъ или совершенно отсутствуетъ или состоитъ изъ тонкихъ штриховъ или рядовъ мелкихъ точекъ. Въ общемъ, декоровка вызываетъ впечатлѣніе бесѣдки сдѣланной изъ тончайшей рѣшетки. Декоровка архитектурными элементами (какъ на рис. 370) является рѣдкимъ исключеніемъ. Древнѣйшія гробницы (рис. 371) расписаны почти исключительно цвѣтами, канделябрами, дѣтскими фигурками; во II столѣтіи уже преобладаютъ религіозные мотивы, число которыхъ въ III столѣтіи увеличивается. Среди эмблемъ многія носятъ чисто языческій характеръ, такъ напр.: дельфины вокругъ трезубца, морскіе драконы и чудовища, Пріапы, амуры, Океанъ (рис. 374). Изъ числа птицъ, естественнѣе всего располагающихся на вѣткахъ „бесѣдокъ“, господствуютъ павлины (рис. 372, 374): уже въ эпоху язычества они символизировали апоѳеозъ (ср. рис. 283). Еще многочисленнѣе изображенія голубокъ: онѣ играютъ большую роль какъ въ Древнемъ, такъ и въ Новомъ Завѣтѣ; ихъ любили изображать вблизи текущей воды (рис. 372), напоминающей о грядущемъ блаженствѣ загробнаго существованія. Излюблены были также картины жатвы или четырехъ временъ года, не имѣющія впрочемъ характера живыхъ ландшафтовъ (ср. рис. 373). Чисто античный характеръ носятъ нѣкоторыя картины изъ царства животныхъ, распространявшіяся въ связи съ идиллической поэзіей эллинизма. Многочисленныя изображенія оленей и овецъ объясняются ихъ частымъ упоминаніемъ въ Библіи. Специфически христіанскими символами являлись якорь—символъ надежды, рыба, греческое названіе которой Ἰχθύς было акростихомъ

Рис. 374. КРИПТА ОКЕАНА.
Ср. v. Sybel, Christl. Antike, I, табл. 2.
Рѣшетка на цоколѣ изображаетъ ограду райскаго сада. Въ центрѣ потолка вставленъ отдѣльно написаный портретъ. Подъ нимъ находится голова античнаго Океана съ клещами рака въ волосахъ: онъ символизируетъ освѣжающую воду и указываетъ на освѣжающую силу райскаго блаженства.

имени Христа Ἰησοῦς Χριστὸς Θεοῦ Υἱὸς Σωτήρ,—главнымъ же символомъ былъ крестъ, развившійся съ IV стол. въ монограмму имени Христа.—Сцены изъ Библіи, преобладавшія въ живописи со II стол. требовали новыхъ формъ выраженія, такъ какъ онѣ являлись новыми въ искусствѣ. Христіанскіе художники облегчали себѣ задачу, довольствуясь очень отдаленными намеками и ограниченнымъ кругомъ сюжетовъ. Преобладаютъ разсказы изъ Ветхаго Завѣта о случаяхъ божественной помощи; они соотвѣтствуютъ народному выбору, сдѣланному уже въ древне-еврейскихъ молитвахъ на случай грозящей смерти. Излюбленными сюжетами являются: Ной съ ковчегомъ, изображеннымъ въ видѣ квадратнаго ящика съ крышкой или безъ нея (рис. 376); затѣмъ Авраамъ, готовящійся принести своего первенца въ жертву; Моисей, источающій жезломъ воду изъ скалы; Даніилъ во рву львиномъ; трое отроковъ, ввергенныхъ Навуходоносоромъ въ печь огненную и оставшихся въ ней невредимыми. Особенно распространено было изображеніе Іоны (рис. 375). Этотъ удивительный пророкъ отказывается идти въ Ниневію, за что Господь ниспосылаетъ бурю, для укрощенія которой моряки выбрасываютъ Іону въ воду; его поглощаетъ морское чудовище, извергающее Іону въ третій день на сушу; онъ спѣшитъ въ Ниневію и ищетъ убѣжища у городскихъ воротъ въ шатрѣ изъ тыквъ. Побѣда надъ смертью и блаженство отдыха, драстично нарисованныя въ этомъ разсказѣ, дѣлали эту легенду близкой сердцу христіанъ. Судьба Іова изображалась рѣже (рис. 376).

Рис. 375. ПОТОЛОКЪ ИЗЪ КАТАКОМБЫ ПЕТРА И МАРЦЕЛЛИНА.
Ср. Wilpert ук. соч. табл. 61.
Роспись относит. къ 300 г. по Р. Хр. Въ центрѣ ея стоитъ добрый пастырь между двумя овцами и двумя райскими деревьями. Четыре внѣшнихъ главныхъ рисунка изображаютъ исторію Іоны (ср. рис. 435), отдохновеніе его (см. ниже) составляетъ главный сюжетъ двухъ рисунковъ. Остальное пространство заполнено четырьмя фигурами орантовъ.

Что касается новозавѣтныхъ мотивовъ, то въ нихъ центръ интереса сосредоточивался, разумѣется, на образѣ Христа, изображавшагося сначала безбородымъ и съ короткими волосами, потомъ съ III стол. длинно-кудрымъ, подобно языческому Аполлону, наконецъ бородатымъ и съ длинными волосами: это былъ, повидимому, идеальный образъ, колебавшійся въ зависимости отъ моды; традиціоннаго представленія о внѣшности Христа не существовало. Часто у него въ рукахъ волшебный жезлъ — античный аттрибутъ. Образъ добраго пастыря, въ который часто воплощается Спаситель, напоминаетъ античнаго Гермеса, несущаго телепка или овцу. Аттрибутами добраго пастыря являются посохъ и дойникъ. Онъ пасетъ овецъ или несетъ одну изъ нихъ, заблудившуюся, на своихъ плечахъ (рис. 373, 375). Часто образъ древняго пѣвца, Орфея, укрощающаго даже дикихъ звѣрей, замѣняетъ образъ Христа. Мадонна фигурируетъ только въ поклоненіи волхвовъ (рис. 376); катакомбы еще не знаютъ „Богоматери“, родившей божественнаго сына. Древне христіанскіе художники

особенно увлекаются чудесами, совершенными Христомъ; чудесное насыщеніе, претвореніе воды въ вино въ Канѣ, исцѣленіе слѣпого, разслабленнаго, страждущаго съ одромъ своимъ, кровоточивой, прикасающейся къ краю одежды Спасителя, главнымъ же образомъ, воскрешеніе Лазаря — часто повторяющіеся сюжеты (рис. 376). Художники избѣгаютъ воплощенія страстей Спасителя; христіане не хотѣли ихъ видѣть, они жаждали видѣть побѣду Христа надъ страданіемъ и смертью. Идея страшнаго суда также была чужда раннимъ христіанамъ. Лишь тайная вечеря Господа, повидимому, встрѣчалась въ рѣдкихъ случаяхъ; чаще встрѣчалось изображеніе трапезы блаженныхъ и освобожденныхъ, схема, непосредственно примыкающая къ античному представленію тризны по умершимъ. Портреты покойниковъ очень рѣдки (рис. 374)—уже одна грубость техники почти исключала возможность появленіе дѣйствительнаго портрета. Поскольку по-

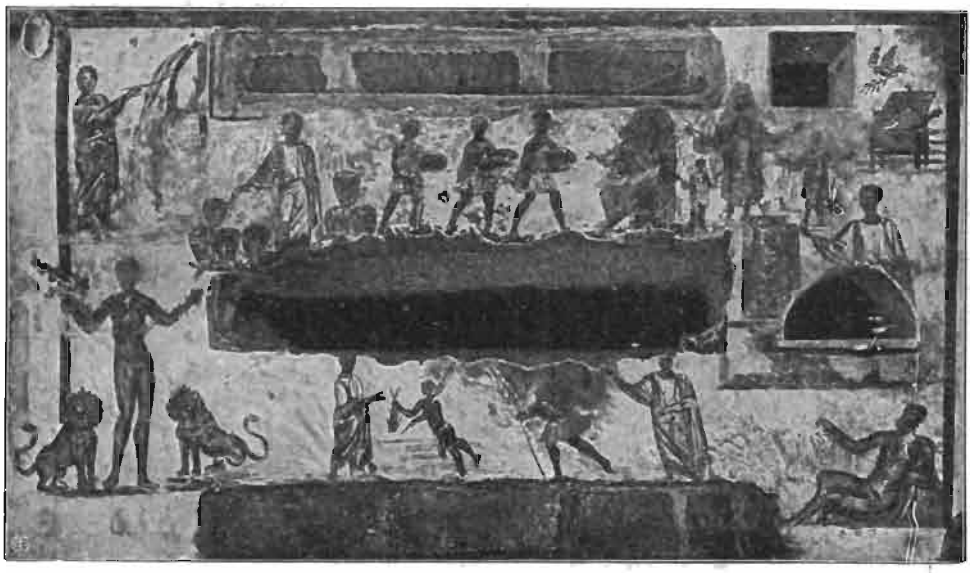

Рис. 376. СТѢННАЯ РОСПИСЬ ИЗЪ VIGNA MASSIMO.
Ср. Wilpert ук. соч., табл. 212.

Роспись относится къ 350 году. Наверху налѣво Моисей источаетъ воду изъ скалы. Дальше сцена чудеснаго насыщенія. Къ ней непосредственно примыкаетъ поклоненіе волхвовъ. Направо большая фигура оранта, окруженная двумя маленькими фигурами. Въ верхнемъ правомъ углу сидитъ Ной въ своемъ ковчегѣ, на который спускается голубь, несущій масличную вѣтвь. Внизу Господь воскрешаетъ Лазаря (высѣченный здѣсь позднѣе аркосолій сильно разрушилъ роспись). Внизу налѣво обнаженная фигура Даніила между двумя львами. Рядомъ Товія приноситъ рыбу. Дальше Іисусъ исцѣляетъ разслабленнаго. Направо Іовъ (?) лежитъ на землѣ.

койники не принимали символическаго образа агнцевъ, голубей или отдыхающаго Іоны, они изображались въ видѣ такъ-называемыхъ орантовъ, т.-е. блаженныхъ, облеченныхъ въ богатыя ткани, и простирающихъ въ молитвѣ руки къ Сыну Божьему (рис. 372, 375 сл.).

Въ общемъ, мы видимъ ограниченный кругъ идей, выражаемыхъ по опредѣленной схемѣ, въ картинахъ, лишенныхъ всякаго реализма, перспективы или иной формы пространственности, безъ какого-бы то ни было индивидуальнаго выраженія лица. Однако, какъ ни незначительна художественная цѣнность этихъ бѣглыхъ набросковъ, они тѣмъ не менѣе проникнуты ликующей радостностью, воодушевлявшей юную христіанскую общину, и глубокой вѣрой въ загробное существованіе.

Пластика.

Раннехристіанская пластика оставила послѣ себя очень немногочисленныя статуарныя произведенія; врядъ ли они были много-

Рис. 377. ДОБРЫЙ ПАСТЫРЬ.

Мраморъ. Римъ, Латеранъ.

Статуя, происхожденіе которой неизвѣстно, относится къ началу третьяго столѣтія. Онъ изображаетъ очень юнаго, длинокудраго пастуха, облеченнаго въ эксомиду и высокую обувь; черезъ плечо на широкой лентѣ перекинута его пастушеская котомка, обѣими руками на плечахъ онъ держитъ взятую обрѣтенную овечку.

численны и въ древности. Въ этомъ проявилось если не враждебное, то пассивное отношеніе христіанства къ чисто художественнымъ цѣнностямъ.

Среди раннехристіанскихъ статуй особенно широкой популярностью пользовался образъ добраго пастыря (рис. 377). Мотивъ и форма его воплощенія языческіе и античные (ср. Э. К., рис. 135). Назовемъ еще нѣсколько плохо сохранившихся статуй апостоловъ и епископовъ,

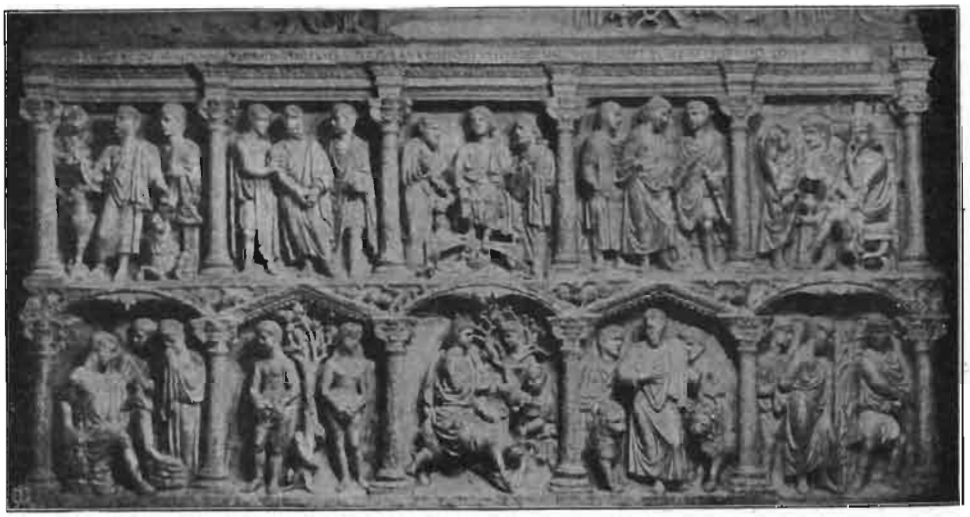

Рис. 378. САРКОФАГЪ ЮНІЯ БАССА (ум. въ 359 г.).

Мраморъ. Римъ, Grotte Vecchie, подъ соборомъ Петра. Съ фотографіи.

Рельефъ расположенъ въ двѣ полосы, расчлененныя на 10 группъ колоннами, то украшенными спиралевидной каннелюрой, то обвитыми листовымъ орнаментомъ. Наверху налѣво изображеніе начинается съ жертвоприношенія Исаака, дальше Петръ съ двумя спутниками, затѣмъ возсѣдающій на престолѣ очень юный Христосъ, который ногами упирается въ побоса (Caelus, ср. стр. 514), въ пятомъ полѣ—Іисусъ передъ Пилатомъ; сидящій Пилатъ собирается омыть руки. Верхнюю полосу вѣнчаетъ прямой архитравъ, нижнія поля попеременно увѣнчаны то арочной нишей, средина арки въ которой имѣетъ форму парящаго орла, то фронтономъ. Въ первомъ лѣвомъ полѣ нижней стороны изображенъ Іовъ, передъ которымъ жена зажимаетъ себѣ носъ, подавая ему прикрѣпленный къ шесту хлѣбъ; во второмъ полѣ Адамъ и Ева около дерева, обвитаго змѣей; въ центрѣ Спаситель, въѣзжающій въ Іерусалимъ; съ дерева на фонѣ рельефа смотритъ Закхей. Дальше Даніилъ, окруженный львами, нагая фигура котораго (на снимкѣ мы видимъ реставрацію) представляетъ изъ себя подходящій pendant къ прародителямъ. Наконецъ, взятіе въ плѣнъ Петра. Интересенъ языческій характеръ орнаментаціи архитектуры грифонами и другими животными.

христіанское происхожденіе которыхъ, однако, находится подъ сомнѣніемъ. Пластика молодой христіанской церкви стала проявляться богаче только тогда, когда она стала служить украшенію гробницъ: съ конца II столѣтія скульптурами стали украшать заимствованныя у язычества погребальныя цисты или саркофаги. Саркофаги.

Созданіе этихъ надгробныхъ рельефовъ при помощи рѣзца и бурава, такъ же какъ роспись ихъ ничѣмъ не отличаются отъ языческаго. Такъ какъ мраморная гробница являлась предметомъ роскоши, то и украшеніе ея не отличалось примитивностью, характеризующей дешевую катакомбную роспись. За украшеніе саркофаговъ нерѣдко брались скульпторы, не лишенные довольно большого умѣнья. Датировка этихъ

произведеній представляетъ большія затрудненія, такъ какъ на нихъ часто вовсе нѣтъ надписи, если же надпись имѣется, то она часто даетъ только имя покойника, не давая хронологическихъ датъ; если саркофагъ даже и снабженъ датой (ср. рис. 378), то возникаетъ вопросъ, посвящена ли надпись первому владѣтелю или же ее вырѣзали на саркофагѣ при погребеніи второго или даже третьяго покойника, что нерѣдко практиковалось. Датировка, такимъ образомъ, всегда будетъ зависѣть отъ стилистической оцѣнки, и потому на безспорность претендовать не можетъ. Разныя художественныя мастерскія придерживаются въ украшеніи саркофаговъ, разумѣется, своихъ особенностей. Съ точки зрѣнія исторіи искусствъ установленіе отдѣльныхъ центровъ производства саркофаговъ было бы очень цѣнно. Но наши свѣдѣнія объ этихъ памятникахъ слишкомъ скудны. Задняя сторона саркофага обыкновенно остается безъ украшенія, узкія боковыя стѣики его снабжаются болѣе плоскими рельефами, чѣмъ фронтъ. Часто большая часть площади заполнена волнистыми желобками (стригилами) и каннелюрами, которые только въ немногихъ мѣстахъ прерываются небольшими изображеніями. Многіе орнаменты и животныя, многочисленные эроты (рис. 433), даже цѣлыя сцены заимствованы изъ языческой живописи. Иногда вся площадь саркофага покрывалась фигурами, иногда же она архитектонически расчленялась при помощи колоннъ, увѣнчанныхъ фронтонами или арками на подобіе языческихъ гробницъ (рис. 371). На ровной поверхности фигуры располагались въ одинъ или два яруса (рис. 435 сл.). Нѣкые рельефы были почти совершенно плоски, иные приближались къ округлой пластичности. Въ общемъ мотивы, принятые въ катакомбной росписи, часто встрѣчаются и на стѣнкахъ саркофаговъ; но нѣкоторые библейскіе сюжеты, отвергавшіеся росписью, чаще начинаютъ воплощаться въ рельефѣ, такъ напр. судьба Адама и Евы, жизнь Моисея (рис. 378, 435 сл). Но подобно катакомбной живописи и рельефъ избѣгаетъ сценъ мученичества, страшнаго суда и страстей Христовыхъ. При распредѣленіи отдѣльныхъ картинъ нерѣдко руководствовались внѣшней симметріей. Художники особенно любили изображать покойника, круглый портретъ котораго часто украшалъ переднюю сторону саркофага, со свиткомъ въ рукѣ, что характеризовало его какъ усерднаго чтеца Священнаго Писанія (рис. 436). Самые благородные саркофаги были сдѣланы изъ твердаго порфира (рис. 344); ихъ дѣлали, по всей вѣроятности, въ Египтѣ, главнымъ образомъ, для покойниковъ императорскаго дома.

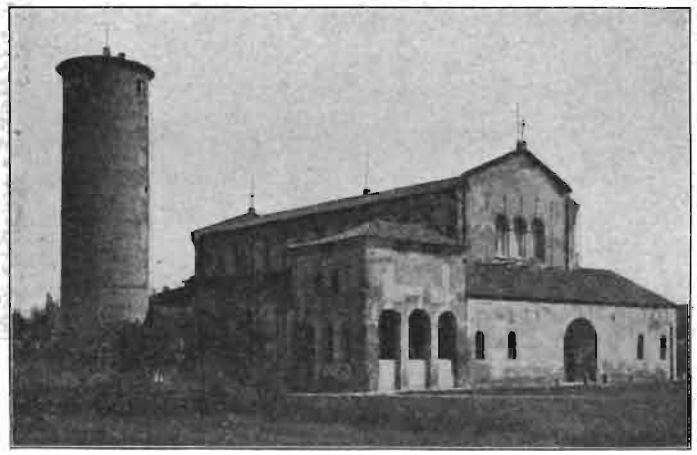

Рис. 379. S. APOLLINARE IN CLASSE БЛИЗЪ РАВЕННЫ.
Съ фотографіи.
Освящена Св. Максиміаномъ въ 549 г.
Поразительна внѣшняя простота базилики. Круглая колокольня (Campanile) пристроена, по всей вѣроятности, впослѣдствіи безъ связи съ церковью.

Слоновая кость.

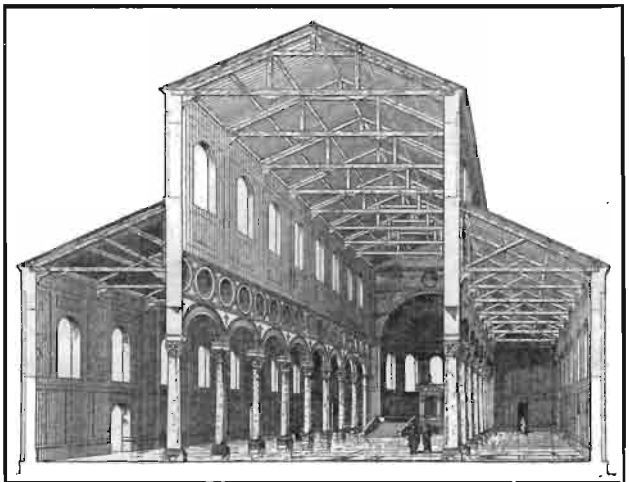

Рис. 380. S. APOLLINARE IN CLASSE близъ РАВЕННЫ.
Ср. Dehio u. Bezold, Kirchl. Baukunst des Abendlandes I, табл. 20, 3, 4.
Схема христіанской базилики. На нашемъ рисункѣ фронтовая стѣна отсутствуетъ.

Слоновая кость также употреблялась для пластическихъ украшеній, при чемъ и эта отрасль искусства пользовалась языческими образцами. Въ V и VI стол. распространяется обычай преподнесенія консулами императору или другимъ высокопоставленнымъ лицамъ своего портрета, вырѣзаннаго со всѣми эмблемами ихъ призрачной власти на пластинкахъ изъ слоновой кости. На подобіе этихъ такъ-называемыхъ консульскихъ диптиховъ и епископы заказывали пластинки изъ слоновой кости, съ изображеніями, носящими болѣе или менѣе христіанскій характеръ, многія детали и стилизація которыхъ отражаютъ ихъ происхожденіе изъ свѣтскаго античнаго искусства (рис. 383). Такая рѣзьба на слоновой кости украшала также и утварь, церковныя двери и епископскія кресла (рис. 437); сохранились, кромѣ того, очень древніе образцы дешевой, но и болѣе долговѣчной рѣзьбы по твердому дереву.

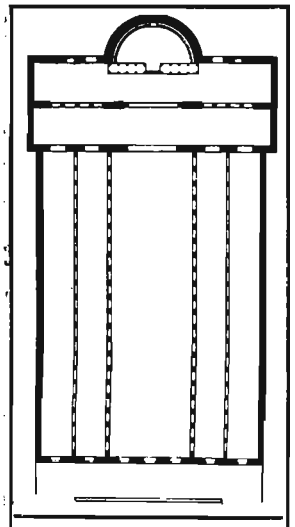

Рис. 381. ПЛАНЪ S. PAOLO FUORI LE MURA.
Римъ. Ср. Dehio u. Bezold, ук. соч. I, табл. 17, 1.
Пятикорабельная базилика съ двухкорабельнымъ поперечнымъ корпусомъ.

Христіанская базилика.

Христіанское зодчество зарождается лишь при Константинѣ и сразу проявляетъ энергичную плодовитость. Величественные храмы, воздвигнутые императоромъ въ Іерусалимѣ и Виѳлеемѣ, въ Римѣ и Константинополѣ, со временъ своего возникновенія назывались базиликами и отличались уже тѣми основными формами, которыя остаются образцовыми въ теченіе всего Средневѣковья. Дѣлались неудачныя попытки объяснить происхожденіе формъ христіанскихъ базиликъ изъ античной свѣтской архитектуры: повидимому, однако, христіанскіе зодчіе самостоятельно создаютъ новую архитектурную форму,

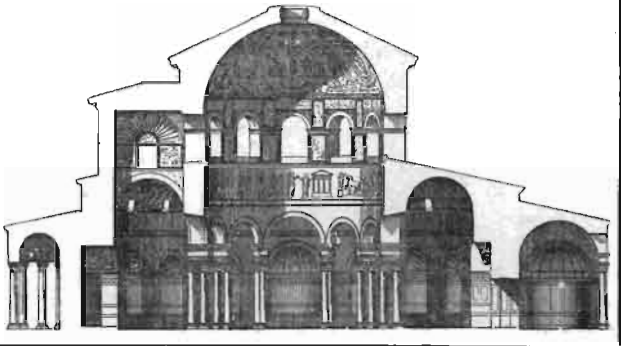

Рис. 382. S. COSTANZA ВЪ РИМѢ.

Ср. Dehio u. Bezold, ук. соч. I, табл. 8, 2.

Распоръ купола переносится при помощи бочарныхъ сводовъ на массивныя внѣшнія стѣны, въ нижнемъ этажѣ купольное кольцо производитъ впечатлѣніе легкости и прозрачности благодаря парнымъ колоннамъ

Рис. 383. РЕЛЬЕФЪ ИЗЪ СЛОНОВОЙ КОСТИ.
Лондонъ. Брит. Музей. Съ фотографіи.

Рис. 384. S. CLEMENTE ВЪ РИМѢ.

Ср. Dehio u. Bezold, Kirchl. Baukunst d. Abendlandes I, табл. 27, 2.

Кромѣ традиціонныхъ cancelli здѣсь въ видѣ исключенія окаймлена оградой и часть центральнаго корабля, въ предѣлахъ которой помѣщался особенно многочисленный хоръ.

Изъ эдикулы выступаетъ ангелъ, держащій въ рукахъ скипетръ и шаръ вселенной. Драпировка складокъ свидѣтельствуетъ объ античной школѣ. Только крестъ въ центрѣ вѣнка изъ листьевъ надъ головой ангела придаетъ ему христіанскій характеръ. Греческое изреченіе на верхнемъ краю рельефа имѣло продолженіе на второй, утерянной части диптиха.

вызванную необходимостью обширнаго помѣщенія для собраній сотенъ людей, что̀ чуждо античности и тѣсно связано съ христіанской религіей; образцомъ при этомъ, разумѣется, служатъ уже существующія античныя строенія, имѣвшія аналогичное назначеніе. Названіе, которое получили эти обширныя зданія, внутреннія помѣщенія которыхъ расчленены были колоннами, не должно насъ удивлять; вспомнимъ форму языческой базилики (рис. 137 сл.).

Характерной особенностью христіанской базилики является продолговатое, трехъ- или пятинефное строеніе, центральный корабль котораго настолько выше боковыхъ, что въ стѣнахъ его сдѣланъ рядъ верхнихъ оконъ. На противоположной входу поперечной стѣнѣ выдѣляется полукруглая апсида, крытая полукуполомъ,—здѣсь мѣсто духовенства. Почти всегда при базиликѣ имѣется atrium — дворъ, окружавшій всю церковь, или расположенный только передъ его входомъ и часто имѣвшій въ своемъ центрѣ kantharos, т.-е. фонтанъ для омовенія прихожанъ. Внутри базилики колонны, соединенныя прямымъ архитравомъ или арками, разграничивали отдѣльные нефы; перегородка (cancelli) отдѣляла мѣсто прихожанъ отъ апсиды (рис. 384). Близъ этой балюстрады, которая иногда ступенями спускалась къ остальному пространству церкви, расположенному нѣсколько ниже, стоялъ алтарь, престолъ Господній, видный со всѣхъ концовъ ея. Онъ заслонялъ кресло епископа въ апсидѣ, особенно, если былъ украшенъ балдахиномъ; поэтому рѣчь свою епископъ произносилъ съ особаго налоя, приспособленнаго передъ балюстрадой. Этихъ налоевъ иногда бывало два, и они по мѣсту своего расположенія назывались cancelli. Кровля базиликъ была деревянная, кровельныя стропила были снизу открытыя; лишь впослѣдствіи они покрывались потолкомъ, украшеннымъ кассетами. Въ окна этого прототипа христіанской церкви были вставлены тонкія, пропускающія свѣтъ и снабженныя отверстіями мраморныя плиты. Колокольни появляются лишь съ VI-го столѣтія; онѣ стоятъ отдѣльно отъ храма (рис. 379).

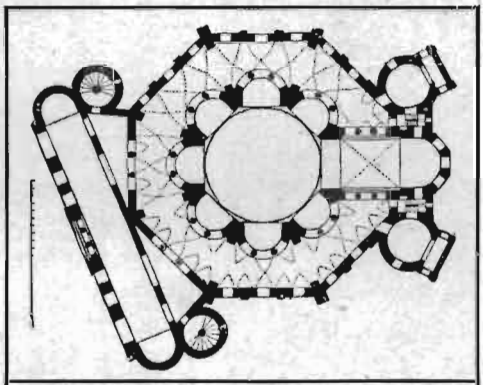

Рис. 385. ПЛАНЪ S. VITALE ВЪ РАВЕННѢ.
Ср. Dehio u. Bezold, ук. соч., табл. 4, 2.
Построенъ въ VI стол. Восемь столбовъ поддерживаютъ куполъ. Между каждыми двумя столбами находится по полукруглой нишѣ, украшенной колоннами въ 2 яруса. Асимметричность западнаго входа объясняется направленіемъ древней улицы.

Прототипомъ церкви считали форму Іерусалимскаго храма; но насколько простираются наши свѣдѣнія, его планъ былъ совершенно иной. Не забудемъ и того, что онъ былъ слишкомъ давно разрушенъ, чтобы въ IV в. служить архитектурнымъ образцомъ. По мнѣнію другихъ ученыхъ образцомъ базилики могла служить еврейская синагога. Но въ послѣдней не существуетъ апсиды и колонны равномѣрно окружаютъ всѣ четыре стороны. Какъ на образецъ указывали на языческіе храмы мистерій, вмѣщавшіе многочисленную толпу посвященныхъ. Но поскольку эти храмы намъ извѣстны, и они не объясняютъ формы древней христіанской церкви. Вѣроятнѣе предположеніе, по которому образцомъ основной формы базилики могъ послужить атрій римскаго частнаго дома, въ которомъ, безъ сомнѣнія, происходили первыя собранія христіанскихъ общинъ: но и этому предположенію противорѣчитъ отсутствіе отверстія въ крышѣ въ серединѣ атрія и имплювія въ центрѣ пола, не говоря уже о невозможности про-

исхожденія полукруглой апсиды изъ прямоугольнаго таблина. Атрій, кромѣ того, находился въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ улицей и поэтому врядъ ли могъ служить удобнымъ мѣстомъ для совершенія запретнаго богослуженія. Этимъ условіямъ въ большей степени отвѣчалъ перистиль; однако и онъ отличался отъ позднѣйшей базилики гипеэральнымъ центромъ и отсутствіемъ апсиды. Oecus, парадная комната въ римскомъ домѣ, отвѣчавшая условіямъ тайнаго собранія въ виду ея центральнаго положенія, также никогда не имѣла формы, могущей служить переходной къ формѣ базилики. Правда oecus иногда даже назывался базиликой и отличался въ императорскихъ дворцахъ роскошью, вполнѣ соотвѣтствовавшей позднѣйшимъ церквамъ (ср. рис. 314 сл.), но связи этихъ парадныхъ великолѣпныхъ залъ, опирающихся на колонны, съ христіанской базиликой также установить не удается. То же относится и къ тѣмъ языческимъ постройкамъ, которыя преимущественно и главнымъ образомъ назывались базиликами. Мы имѣемъ въ виду, царскія рыночныя колоннады, воздвигнутыя пергамскими царями въ ихъ резиденціи и въ любимыхъ ими Аѳинахъ, тѣ аналогичныя по типу постройки, которыя мы встрѣчали на рынкахъ Пріены, Милета и Делоса, столичныя базиликальныя постройки у римскаго форума (рис. 278) или на форумѣ Траяна (рис. 328). Всѣ эти базилики — достаточно обширныя, многокорабельныя постройки, нѣкоторыя изъ нихъ снабжены и апсидами; ихъ громадныя помѣщенія, однако, не служили для большихъ народныхъ собраній, они расчленялись на мѣньшія части, въ которыхъ происходили торговля и судопроизводство. Итакъ, мы не знаемъ античной постройки, планъ и пространственныя формы которой вполнѣ соотвѣтствовали бы базиликѣ. Да и почему не признать за раннехристіанскими строителями способности созданія новой архитектурной формы для новой потребности, возникшей въ связи съ жизнью христіанской общины?

Рис. 386. ВНУТРЕННІЙ ВИДЪ БАЗИЛИКИ СВ. ВИТАЛІЯ ВЪ РАВЕННѢ.
Съ фотографіи.
Базилика освящена Св. Максиміаномъ въ 547 г. Въ глубинѣ виденъ входъ въ хоръ, богато и великолѣпно украшенный мозаиками (ср. рис. 385). Колонны деамбулаторія съ оригинальными капителями въ видѣ трапецій лишены базъ, находящихся подъ плитами пола, поднятаго на 78 санти.

Рядомъ съ базиликой, въ архитектурѣ которой въ очень ограниченномъ размѣрѣ примѣнялись арка и сводъ, пользуется большимъ

распространеніемъ и купольная или сводчатая церковь. Она явно примыкаетъ къ античнымъ языческимъ образцамъ и непонятна безъ Пантеона (рис. 334) и родственныхъ ему построекъ. Традиціонная схема купола варіируется очень многообразно; въ большинствѣ случаевъ стѣны, поддерживающія куполъ, расчленяются на ряды колоннъ и внѣшній распоръ свода переводится на дальнѣйшій кругъ стѣнъ (рис. 382).

Купольныя церкви.

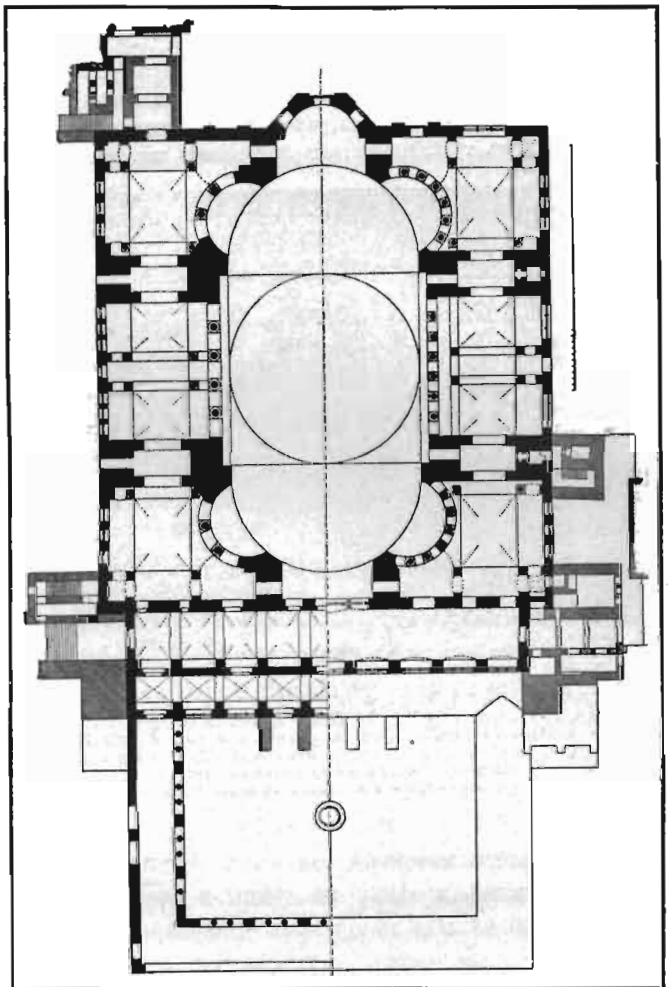

Рис. 387. ПЛАНЪ СВ. СОФІИ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ.
Ср. Dehio u. Bezold, ук. соч. табл. 6, 1.
Налѣво нижній этажъ, направо верхній. Ср. рис. 438.

Къ купольной формѣ прибѣгали не только при постройкѣ баптистеріевъ или надгробныхъ часовенъ, но и при сооруженіи обширныхъ церквей. Для хора съ алтаремъ и мѣстами для духовенства центральная часть церкви должна была расшириться соотвѣтственной пристройкой и принять схему, напоминающую ту же базилику (рис. 385 сл.).

Особенно интересной купольной постройкой является усыпальница, воздвигнутая остготскимъ королемъ Ѳеодерихомъ въ Равеннѣ при жизни его (въ 526 г.). Она представляла изъ себя правильный десятигранникъ въ 2 этажа, въ нижнемъ находились могильные склепы для родственниковъ короля, въ верхнемъ, по всей вѣроятности, его собственная могила. Монолитная глыба известняка, найденная самимъ Ѳеодерихомъ въ Истріи, служила монументальной кровлей. Разные слѣды въ стѣнахъ верхняго этажа свидѣтельствуютъ объ украшеніи ихъ декоративными архитектурными деталями изъ другого камня; зубчатый орнаментъ, тянущійся вокругъ край монолитной крыши, повидимому, германскаго происхожденія. Карлъ Великій, въ глазахъ котораго Ѳеодерихъ Великій являлся политическимъ идеаломъ,

Гробница Ѳеодориха.

тѣмъ не менѣе не постѣснился удалить бронзовую рѣшетку, окаймлявшую галлерею верхняго этажа, и употребить ее для своей октогональной гробницы въ Аахенѣ.

Святая Софія.

Высшаго тріумфа купольная форма достигаетъ въ Святой Софіи въ Константинополѣ. Она была воздвигнута на мѣстѣ базилики, построенной Константиномъ и сгорѣвшей въ 532 г., малоазіатскими зодчими, Исидоромъ Милетскимъ и Анѳеміемъ изъ Траллъ. Центральный куполъ рушился въ 558 г. во время землетрясенія; возобновленный тогда же уцѣлѣлъ и понынѣ. Колоссальная постройка поглотила 300 милліоновъ и была одной изъ главныхъ причинъ государственнаго банкротства при Юстиніанѣ. Внѣшній видъ мечети очень простъ и обезображенъ уродливой окраской; внутреннее великолѣпіе поразительно, несмотря на покрытіе турками всѣхъ фигурныхъ мозаикъ желтой краской. Пространственная красота нигдѣ не осуществлена болѣе величественно, чѣмъ тутъ, подъ этимъ свободнымъ гигантскимъ куполомъ, опирающимся на полукуполы, контрфорсами которыхъ въ свою очередь служатъ меньшіе полукуполы. Стѣны до верху облицованы узорчатыми плитами разноцвѣтнаго мрамора. Монолитные стержни колоннъ взяты изъ разныхъ античныхъ храмовъ.

Мозаика.

Рис. 388. МОЗАИКА ВЪ МАВЗОЛЕѢ ГАЛЛЫ ПЛАЦИДІИ ВЪ РАВЕННѢ.
Съ фотографіи.

Мозаика помѣщается надъ входомъ въ усыпальницу императрицы Галлы Плацидіи (ум. въ 450 г.), сестры императора Гонорія. Добрый пастырь, подобно римскому императору, возсѣдаетъ на фонѣ ландшафта, тѣмъ не менѣе онъ привѣтливо ласкаетъ одного изъ своихъ агнцевъ. Фонъ выдержанъ въ темно-синихъ тонахъ. Въ смыслѣ рисунка и колоритной красоты это одно изъ совершеннѣйшихъ произведеній древне-христіанской живописи.

Кромѣ этихъ заимствованныхъ украшеній VI-е столѣтіе прибѣгаетъ и къ своей оригинальной декоровкѣ внутренности храмовъ—мозаикѣ. Тогда какъ языческое античное искусство эллинистической эпохи богато украшаетъ мозаикой, главнымъ образомъ, полъ, христіанскіе художники возносятъ мозаику на стѣны и потолокъ. Раньше для полученія мелкихъ мозаичныхъ камешковъ утилизировался исключительно мраморъ или родственные твердые сорта камня; художники эпохи Юстиніана уже пользуются результатами значительнаго усовершенствованія, достигнутаго тѣмъ временемъ въ производствѣ стекла: мозаичные штифты теперь вырабатывались изъ блестящаго стекла; они употреблялись, главнымъ образомъ, для фона мозаикъ, при чемъ, между двумя пластинками стекла вкладывался листокъ золота, придававшій стеклу прочный блескъ и несравненную яркость. Болѣе богатое представленіе о мистическомъ впечатлѣніи этой декоровки мы получаемъ не въ Константинополѣ, а въ Равеннѣ, гдѣ готы и византійцы покрыли стѣны храмовъ мозаиками (рис. 388).

Объ успѣхахъ художественнаго примѣненія стекла лучше всего свидѣтельствуютъ такъ-называемые золоченые стеклянные сосуды, тончайшіе кубки, въ дно которыхъ между двумя пластинками стекла вкладывались раскрашенные золотые листочки нѣжнѣйшихъ очертаній. Эти сосуды относятся къ III стол. Въ ихъ рисункахъ использованы какъ мотивы катакомбной живописи, такъ и рядъ другихъ (рис. 391). Кромѣ библейскихъ новозавѣтныхъ и особенно ветхозавѣтныхъ сценъ Равеннскія мозаики сохранили намъ въ торжественныхъ картинахъ также и портреты современниковъ. Какъ ни неудачна для портрета мозаичная техника, прибѣгающая къ стекляннымъ штифтамъ, мы ей тѣмъ не менѣе обязаны достовѣрными портретами Юстиніана, его жены Ѳеодоры и ихъ придворнаго штата (рис. 426). Мозаики-же даютъ намъ понятіе о дворцѣ Ѳеодориха въ его главныхъ очертаніяхъ. Эта монументальная декоровка отражаетъ прежде всего ту грандіозную величественность, которую господствующая отнынѣ церковь проявляетъ въ первое столѣтіе послѣ Константина.

Древнѣйшія мозаики Рима въ S. Constanza (рис. 389) свидѣтельствуютъ прежде всего о господствѣ античныхъ формъ въ изображеніяхъ христіанскаго содержанія. Подобно катакомбной росписи и здѣсь ограничиваются въ большинствѣ случаевъ схематичными картинами библейскихъ событій; художники продолжаютъ преимущественно изображать сцены освобожденія и блаженства, предпочитая ихъ картинамъ страданія и мученичества. Попытки точнаго и подробнаго воспроизведенія библейской исторіи въ живописи встрѣчаются рѣдко.

Рис. 389. МОЗАИКА ВЪ S. COSTANZA ВЪ РИМѢ.
Съ фотографіи.
Сводчатый сводъ, тянущійся между стѣной купола и внѣшней стѣной церкви, украшенъ голубыми мозаиками на бѣломъ фонѣ, относящимися къ IV стол.; мотивы и формы еще совершенно античные (сборъ винограда, виноградные лозы, головы людей). Ср. рис. 382 и текстъ къ нему.

Вслѣдствіе безграмотности большинства христіанъ, въ ихъ средѣ рано возникаетъ необходимость имѣть въ рукахъ иллюстрированныя изданія священной исторіи. Мы знаемъ о существованіи Biblia illustrata, начиная съ IV столѣтія. Сохранившіяся иллюстрированныя рукописи относятся къ гораздо болѣе позднему времени, но рисунки и сюжеты ихъ являются точными копіями значительно болѣе раннихъ иллюстрированныхъ библій. Въ видѣ примѣра мы назовемъ датированную V стол. вѣнскую книгу Бытія, возникшую, по всей вѣроятности, въ одномъ изъ малоазіатскихъ монастырей (рис. 390). Весело и наивно иллюстрируется въ ней на пурпуровомъ пергаментѣ на фонѣ ландшафта, напоминающаго намъ помпеянскія росписи, первая книга Мои-

Иллюстрированныя библіи.

сея. Позднѣйшія миніатюры каролингской эпохи непосредственно примыкаютъ къ этимъ греческимъ иллюстраторамъ.

Такимъ образомъ, творчество въ области формы въ VI ст. по Р. Хр. еще не изсякаетъ, воплощая новое содержаніе христіанства, если не въ совершенные, то въ выразительные образы. Послѣ Юстиніана, однако, наступаетъ совершенный упадокъ его. Благодаря расточительному покровительству императора искусствамъ, мы наблюдаемъ на Востокѣ государственное банкротство, положившее предѣлъ дальнѣйшимъ крупнымъ тратамъ. Къ этому вскорѣ присоединяется фанатическое усердіе иконоборцевъ, надолго пресѣкшее невинную радость художественнаго воплощенія образовъ святыхъ. Въ западномъ Римѣ, изнуренномъ нашествіями лангобардовъ и германцевъ, царила такая общая нищета и такія бѣдствія, что у людей не хватало мужества и думать объ искусствѣ. Лишь 200 лѣтъ спустя въ правленіе Каролинговъ наступаетъ первый періодъ возрожденія искусствъ, произведенія котораго носятъ уже германскій характеръ и утрачиваютъ слѣды вліянія античности: наступаютъ Среднія вѣка.

Рис. 390. СТРАНИЦА ИЗЪ ВѢНСКОЙ КНИГИ БЫТІЯ, изданная Францомъ Викхоффомъ въ Beilage zum Jahrbuch des allerhöchsten Kaiserhauses XV и XVI.

Бодрствующій Авраамъ лежитъ на великолѣпномъ ложѣ. Въ вышинѣ появляется рука Господа, указывающая терзаемому сомнѣніями патріарху на дверь; на слѣдующей картинѣ Авраамъ передъ дверью любуется небомъ, усѣяннымъ свѣтилами.

Они находятся уже за предѣлами задачъ данной книги, хотя цѣль прослѣдить постоянно сказывающіеся слѣды античной традиціи въ средневѣковомъ искусствѣ далеко не является неблагодарной. Все Средневѣковье преклоняется передъ античнымъ искусствомъ, которое даже въ своемъ разрушеніи ярко свидѣтельствуетъ о несравненномъ совершенствѣ художественнаго творчества античности. Даже вдали отъ античнаго міра, посреди типично германской или франкской обстановки, насъ неожиданно поражаетъ совершенно античная фигура, чисто античный орнаментъ. Когда характерное созданіе Средневѣковья, возникшая во Франціи готика покоряетъ всѣ остальныя христіанскія страны и античность кажется окончательно похороненной, она снова торжествуетъ побѣду. Что же такое Возрожденіе, какъ не возвратъ къ завѣтамъ античнаго міра, сначала въ области литературы, вскорѣ во всѣхъ во-

просахъ художественнаго вкуса? Снова пробуждается убѣжденіе въ несравненномъ совершенствѣ художественныхъ формъ, созданныхъ эллинскими и эллинистическими художниками, и возникаетъ стремленіе ихъ по мѣрѣ силъ воскресить. И мы — преемники этой эпохи Возрожденія; античныя формы и для насъ являются образцовыми, онѣ намъ служатъ критеріемъ въ оцѣнкѣ художественныхъ новосозданій; итакъ, созданное античностью два тысячелѣтія тому назадъ сильно и животворно понынѣ. Мы прослѣдили въ этой книгѣ зарожденіе и развитіе не чуждой намъ культуры, а глубочайшія основы нашей родной.

Рис. 391. СТЕКЛЯННЫЙ СОСУДЪ СЪ ЗОЛОТОМЪ ИЗЪ КЕЛЬНА.
Лондонъ. Брит. Музей.
Ср. F. X. Kraus, Christl. Kunst I, рис. 357.
Въ дно небольшихъ стеклянныхъ чашъ въ III и IV ст. по. Р. Хр. вплавлялись тонкія, вырѣзныя, расцвѣченныя золотыя пластинки, изображавшія сцены изъ Библіи. На нашей чашѣ мы видимъ разслабленнаго съ его одромъ, оранта, Авраама и Исаака, трехъ отроковъ въ огненной печи, Даніила среди львовъ, исторію Іоны.

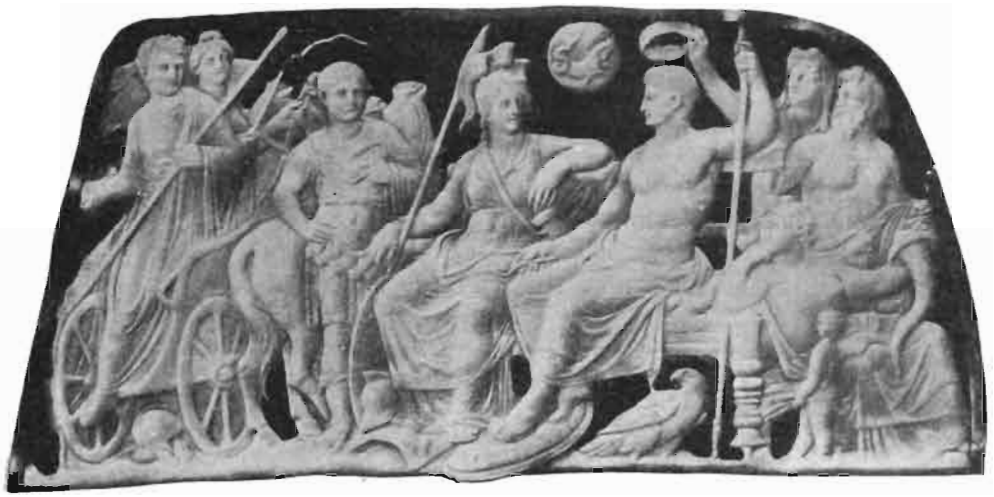

Рис. 392. GEMMA AUGUSTEA.

Камея изъ сардоникса (въ Вѣнѣ.) Ср. Furtwängler, Ant. Gemmen, табл. 59.

Подобно многимъ крупнымъ камеямъ въ ней двѣ полосы. Нашъ рис. воспроизводитъ только верхнюю. На пространномъ тронѣ возсѣдаетъ Августъ, облеченный подобно герою въ мантію только по поясъ. Въ правой рукѣ онъ держитъ lituus авгура, лѣвой опирается на скипетръ. Рядомъ съ нимъ сидитъ Рома, вооруженная подобно Палладѣ. Оба ногами опираются на оружіе—военную добычу, лежащую передъ тономъ. У ногъ Августа сидитъ орелъ Юпитера; между головами обоихъ сидящихъ изображенъ capricornus, символъ декабря: въ этотъ мѣсяцъ Августъ былъ зачатъ. Населенная часть міра (Oikumene?) держитъ вѣнокъ надъ головой императора. Рядомъ съ нею стоитъ бородатое божество—Caelus или Oceanus, передъ которымъ сидитъ Теллусъ съ рогомъ изобилія въ рукѣ и двумя дѣтьми. Налѣво отъ Ромы стоитъ вооруженный Германикъ. Налѣво отъ него богиня побѣды направляетъ квадригу, съ которой сходитъ Тиберій, повернувшійся къ императору: повидимому, тутъ увѣковѣченъ памятный тріумфъ 12 года послѣ Р. Хр., когда Тиберій, прежде чѣмъ направиться на Капитолій, палъ къ ногамъ отца. Въ нижней полосѣ два офицера и ихъ помощники воздвигаютъ трофей; плѣнный германецъ (въ штанахъ) и кельтскій паннонецъ (съ цѣпью на шеѣ) горестно сидятъ на землѣ или же ихъ влекутъ солдаты.

С. ДУХОВНОЕ РАЗВИТІЕ И ПИСЬМЕННОСТЬ

I. ЭПОХА АВГУСТА

1. ВВЕДЕНІЕ

Монархія.

Переходъ отъ республики къ монархіи въ Римѣ кладетъ начало мощному перевороту въ интеллектуальной жизни, благое вліяніе котораго сказывается тотчасъ, отрицательныя же послѣдствія обнаруживаются лишь съ теченіемъ времени. Такимъ образомъ, эта эпоха одновременно является и періодомъ блестящаго расцвѣта литературы, и переходомъ къ началу регресса.

Имперія означаетъ миръ. Наконецъ-то возстанавливаются порядокъ и спокойствіе, и запуганные или озлобленные умы снова начинаютъ жить болѣе одухотворенной жизнью. Проза окрѣпла въ годы послѣдней борьбы республики, теперь начинается золотая эра поэзіи.

Но досугъ, которымъ отнынѣ наслаждались граждане, являлся не вполнѣ добровольнымъ. Съ разрушеніемъ республики civis Roma-

nus былъ неожиданно освобожденъ отъ попеченія о благѣ государства, за которое онъ раньше чувствовалъ себя отвѣтственнымъ. Не внутреннее влеченіе, а пустота жизни, побуждающая къ созданію новой цѣли жизни, заставляетъ римлянина обращаться къ искусствамъ, которымъ государственные дѣятели республики посвящали лишь ограниченное число часовъ досуга. Чѣмъ болѣе широкіе круги охватываютъ занятія литературой, тѣмъ болѣе дилеттантскій характеръ носитъ она, тѣмъ меньше содержанія и глубины въ ея произведеніяхъ. Литература была лишена свободы, неизбѣжнаго условія всякаго непосредственно зарождающагося въ душѣ творчества, ибо всѣ взоры были направлены на того человѣка, который совершенно естественнымъ и незамѣтнымъ путемъ и въ интеллектуальной жизни становится верховнымъ судьей и цензоромъ.

Августъ.

Подобно Птолемеямъ Августъ учитывалъ всю мощь литературы и искусства, отвлекающихъ умы отъ проникновенія въ политическое положеніе вещей. Исполненный государственной мудрости, онъ подчиняетъ поэзію своему великому плану возрожденія нравственной и религіозной жизни, новаго усиленія чувства преклоненія передъ закономъ и пробужденія сознанія величія какъ вновь объединеннаго государства, такъ и его объединителя и повелителя. Однако, Августъ, который самъ занимался разными видами литературнаго творчества, соединялъ съ этими разсчетами искренній интересъ къ литературѣ и личное расположеніе къ нѣкоторымъ представителямъ ея. Посредникомъ между императоромъ и ими является знаменитый другъ его Г. Цилній Меценатъ, человѣкъ, сочетавшій въ себѣ самыя своеобразные контрасты. Будучи лично довольно посредственнымъ писателемъ, онъ собираетъ около себя изысканный кругъ жрецовъ Музъ, вродѣ Варія, Вергилія, Горація и Проперція. Онъ предоставлялъ въ ихъ распоряженіе не только средства, но часто воодушевлялъ поэтовъ идеями, побудившими ихъ къ созданію многихъ выдающихся стихотвореній, не негодуя въ иныхъ случаяхъ и на откровенно мотивированный отказъ со стороны поэта. Такимъ образомъ, „меценатство“ порождаетъ прекрасные плоды, отнюдь не являясь подавляющими свободу узами. Рядомъ съ Меценатомъ покровителями юныхъ талантовъ были М. Валерій Мессала Корвинъ, благожелатель Тибулла, и многосторонній Г. Азиній Полліонъ, другъ молодого Вергилія.

Меценатъ.

Литературная жизнь.

Столица кипѣла оживленной литературной работой. Сцена, правда, утрачиваетъ свое обаяніе, такъ какъ трагедія понижается на степень обстановочной пьесы, и мимы и пантомимы вытѣсняютъ серьезную музу (ср. стр. 396 сл.). Но вошедшія по иниціативѣ Полліона въ моду декламаціи передъ приглашенной аудиторіей способствовали ознакомленію интеллигентныхъ круговъ общества съ вновь возникавшими по-

этическими произведеніями, рѣчами и историческими сочиненіями. Возникаютъ предпріимчивыя издательскія фирмы, многочисленные рабы—писцы заняты перепиской литературныхъ произведеній, которыя красотой своего внѣшняго вида привлекаютъ покупателей въ книжныхъ лавкахъ, широко распространяя славу авторовъ въ провинціяхъ. Въ Римѣ же возникаютъ первыя публичныя библіотеки, о которыхъ мечталъ уже Цезарь.

Вѣковѣчный плодъ всѣхъ этихъ исканій и стремленій—литература Августовскаго времени оставила послѣ себя произведенія далеко не одинаковой цѣнности. Проза отходитъ на задній планъ. Краснорѣчіе, которому уже не нужно было бороться за два великихъ фактора жизни, власть и свободу, замолкло. Его замѣняетъ преувеличенный культъ реторики. Въ области спеціальныхъ научныхъ дисциплинъ продолжается оживленная работа въ духѣ Варрона. Что же касается великихъ научныхъ произведеній, ярко отразившихъ вѣяніе новаго времени, то они были созданы римлянами и греками въ данную эпоху только въ области исторіографіи и географіи. Но творцами ихъ были уже не государственные люди, а прошедшіе школу реторики ученые.

Проза.

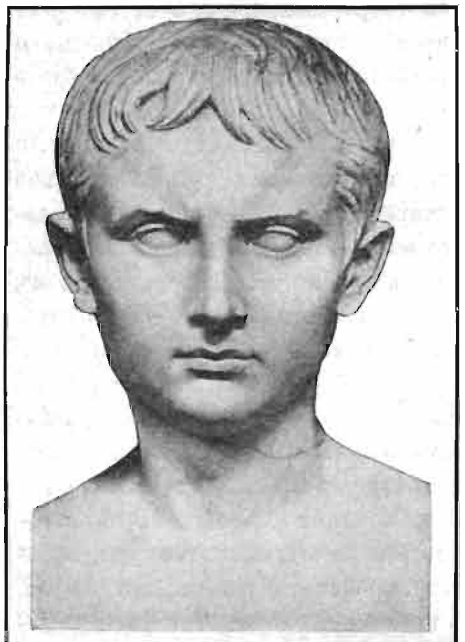

Рис. 393. ОКТАВІАНЪ.
Мраморъ. Найденъ въ Остіи, нынѣ въ Ватиканѣ.
Ср. Gardthausen, Augustus I.
Монархъ изображенъ очень юнымъ, и тѣмъ не менѣе исполненнымъ энергіи, зрѣлой интеллигентности и глубокой серьезности; каждая черта лица характеризуетъ рожденнаго властелина.

Поэзія.

Тогда какъ римская поэзія достигаетъ самаго высокаго совершенства, созданія греческихъ поэтовъ за этотъ періодъ лишь очень незначительны. Лукрецію и Катуллу, представителямъ предыдущей эпохи, соотвѣтствуютъ Вергилій, Горацій, Тибуллъ, Проперцій и Овидій—поэты съ ярко выраженной индивидуальностью, дополняющіе другъ друга и отражающіе картину своей эпохи въ разныхъ лучахъ преломленія. Эти великіе поэты окружены толпой мелкихъ талантовъ и любителей, игравшихъ роль въ поэтическихъ клубахъ; мы съ особеннымъ интересомъ наблюдаемъ ихъ интимныя отношенія и взаимное вліяніе, которое мы еще въ состояніи прослѣдить. Въ числѣ великихъ поэтовъ нѣтъ и теперь ни одного римлянина-горожанина, они стекались въ сто-

лицу съ сѣвера и юга. Не знающіе въ большинствѣ случаевъ борьбы за существованіе, не обремененные государственными должностями, часто свободные и отъ узъ брака, они безпечно отдаются своимъ наклонностямъ, занятіямъ и поэтическому творчеству, незамѣтно направлявшемуся монархомъ въ надлежащее русло.

Придворная поэзія.

Ибо только при поверхностномъ наблюденіи можетъ быть рѣчь о придворной поэзіи въ отрицательномъ смыслѣ этого слова. Во многихъ случаяхъ поэты могли быть только благодарными за поощреніе, получаемое ими свыше; они съ достоинствомъ и граціей умѣли отклонять задачи, бывшія имъ не по душѣ, вродѣ многократно требовавшагося эпическаго прославленія войнъ Августа. Заказанное или добровольное восхваленіе властителя не вырождается еще въ низкопоклонство, оно было вполнѣ искреннимъ, такъ какъ поэты больше остальныхъ смертныхъ ощущали благодать созданнаго имперіей мирнаго времени и единовластія. Прославленіе политическаго спасителя какъ божества, сошедшаго на землю для освобожденія человѣчества, намъ, правда, чуждо, но это новый придворный стиль, нѣкогда перенесенный съ персидскаго царя на Александра, а съ его послѣднихъ преемниковъ на новаго властителя міра, сначала нашедшій выраженіе въ посвятительныхъ надписяхъ, статуяхъ и храмахъ восточныхъ провинцій, вскорѣ же и въ памятникахъ Рима.

По волѣ монарха всякая серьезная поэзія должна была отличаться достойнымъ, выдержаннымъ тономъ и достойностью содержанія, подобно тому, какъ это было когда-то въ Александріи. Конечно, въ поэзію закрадываются также и фривольные стишки, сочиняемые при случаѣ даже самимъ Августомъ. Однако, мы въ Горація уже не видимъ самобытной силы Луцилія или задорнаго мужества Катулла. Вообще, при болѣе пристальномъ наблюденіи, мы замѣчаемъ во всей поэзіи этой эпохи легкую черту усталости и жажды покоя, отклоняющей отважные планы и отдающейся утонченнымъ радостямъ жизни. Романтизмъ высшихъ общественныхъ слоевъ, уходившій мечтами въ золотой вѣкъ, созданный фантазіей, или въ идеализированное родное прошлое, не противорѣчитъ этому настроенію. Онъ настолько же проникаетъ Вергилія и Тибулла, насколько Ливія.

Характеръ работы поэтовъ.

Черты сходства съ дворомъ Птолемеевъ (ср. стр. 88) простираются и на характеръ работы поэтовъ. Внѣшнее принужденіе отсутствовало. Надъ ними не тяготѣла, какъ нѣкогда надъ аоинскими поэтами, необходимость ежегоднаго снабженія театра новой пьесой, или обязанность обогащенія рождественскаго книжнаго рынка новой книжкой для подарковъ, какъ въ наше время. Поэты имѣли возможность подвергать свое произведеніе самой тщательной отдѣлкѣ, задерживать его въ теченіе девяти лѣтъ, какъ требуетъ Горацій, пока оно не ка-

залось имъ достойнымъ появленія передъ судомъ культурнаго міра— ибо поэты писали исключительно для него. Эти произведенія настолько же созданы трудолюбіемъ, насколько геніальностью; Овидій былъ единственнымъ поэтомъ, свободно владѣвшимъ стихомъ. Тайна успѣха этихъ поэтовъ коренится въ высочайшемъ совершенствѣ художественной формы. Поэтому продуктивность ихъ сравнительно не велика; но то немногое, что ими создано, выдерживаетъ высшую критику. Ихъ искреннимъ стремленіемъ было достиженіе высоты, достойной древнихъ мастеровъ. Они достигаютъ своей цѣли, свободные отъ пустыхъ попытокъ оригинальничанія, съ глубокимъ пониманіемъ пересоздавая завѣщанныя традиціей формы, одухотворяя ихъ своимъ внутреннимъ существомъ и глубочайшимъ идейнымъ содержаніемъ своего времени. Такъ возникаютъ истинно новыя поэтическія произведенія, вполнѣ заслуживающія названія классическихъ, ибо мы видимъ въ нимъ полную гармонію формы и содержанія. Такимъ образомъ, сліяніе эллинизма съ романизмомъ, совершавшееся, чѣмъ дальше, тѣмъ интенсивнѣе во всѣхъ областяхъ культурной жизни, завершается въ теченіе 200 лѣтъ.

Поэтому, несмотря на цѣлый рядъ трудностей, мы въ дальнѣйшемъ сдѣлаемъ попытку охарактеризовать въ тѣсной связи литературную эволюцію грековъ и римлянъ, протекавшую въ общемъ руслѣ *) великаго римскаго государства.

2. ВЕРГИЛІЙ.

Мы начинаемъ съ П. Вергилія Марона (70—19), провозвѣстника новаго государства, освященнаго имъ связью съ эпохой предковъ, тогда какъ его другъ Горацій, человѣкъ новаго времени, переноситъ насъ въ самый разгаръ жизни Августовской эпохи.

Жизнь. Сынъ крестьянина изъ окрестностей Мантуи не чаялъ, лежа въ колыбели, что ему суждена слава придворнаго поэта императора. Богато одаренный, но застѣнчивый юноша получилъ тщательное образованіе, сначала на родинѣ, затѣмъ въ Римѣ. Передъ нами его живые стихи, въ которыхъ онъ прощается со школой реторики и своими школьными товарищами, рѣшивъ всецѣло посвятить себя эпикурейской философіи; онъ желаетъ лишь рѣдкаго посѣщенія дорогихъ ему Музъ. Но онѣ его не покидаютъ. Вскорѣ онъ выростаетъ изъ шаловливой юношеской поэзіи въ стилѣ Катулла и пишетъ свои эклоги, къ которымъ его, повидимому, воодушевляетъ Асиній Полліонъ. Надѣлы ветерановъ землей лишаютъ Вергилія помѣстья. Онъ переселяется въ 41 г. въ Римъ, гдѣ его ждали новые друзья и новыя задачи въ литературномъ кружкѣ Мецената. Вергилій, однако, старался избѣгать столичной суеты; въ тихомъ уединеніи пишетъ онъ свои два произведенія, достигнувшія совершенства въ долголѣтней, тщательной

*) Всѣ писатели, которыхъ мы ниже будемъ называть греческими, писали по-гречески, чего мы особо упоминать уже не будемъ.

работѣ. Вдохновленный Меценатомъ, Вергилій пишетъ между 37—29 г. свои Георгики, посвятивъ затѣмъ 11 лѣтъ Энеидѣ, за созданіемъ которой Августъ слѣдилъ съ понятнымъ участіемъ. Она еще не достигла совершенства, къ которому стремился поэтъ, когда его настигла смерть. Возвращаясь изъ путешествія по Греціи, онъ скончался въ Брундисіи и похороненъ въ Неаполѣ, хотя и не у подножья Посилиппа, гдѣ въ наше время любознательнымъ туристамъ показываютъ его могилу. Энеиду, которую поэтъ желалъ предать сожженію, спасъ Августъ, а другъ его Варій издалъ ее.

Эклоги.

Въ своихъ десяти буколическихъ эклогахъ Вергилій знакомитъ Римъ съ идиллической поэзіей Ѳеокрита, которая продолжаетъ жить въ лицѣ греческихъ подражателей послѣдняго. Мы уже знаемъ эту поэзію, съ ея состязаніями пастуховъ въ пѣніи, съ ея трогательными пѣснями любви, съ ея грустью о погибшемъ Дафнидѣ и ея таинственными гаданьями (ср. стр. 129). Все это повторяется и у Вергилія, то въ видѣ мозаики, переплетенной дословными заимствованіями изъ Ѳеокрита, то въ видѣ вольнаго подражанія. Эти поэтическія произведенія ясно говорятъ намъ о томъ, какъ понятны, но вмѣстѣ съ тѣмъ неосуществимы были въ тѣ времена романтическія мечтанія о мирной жизни на лонѣ природы и въ сліяніи съ нею: это причудливыя двойственныя созданія, оставляющія насъ холодными, несмотря на благозвучіе стиха и красоту многихъ отдѣльныхъ образовъ. Намъ кажется неестественнымъ, когда на берегу Минчо оживаютъ разныя сицилійскія воспоминанія, когда пастухи, носящіе греческія имена, воспѣваютъ славу молодого бога въ Римѣ (Октавіана, и Асинія Полліона), или высмѣиваютъ римскихъ писателей-неудачниковъ, когда любовныя муки поэта Корнелія Галла воспѣваются богами и людьми подобно смерти Дафнида. Разсказъ всѣми любимаго поэта Меналка-Вергилія о бѣдствіяхъ, пережитыхъ во-время надѣла ветерановъ землею, вплетенъ искуснѣе и свя-

Рис. 394. ВЕРГИЛІЙ, СОЧИНЯЮЩІЙ ЭНЕИДУ.
Мозаика изъ Сусы, нынѣ въ музеѣ Бардо близъ Туниса.
Поэтъ сидитъ, погруженный въ думы надъ началомъ Энеиды (I,8), между Кліо, читающей ему манускриптъ, и сосредоточенно слушающей Мельпоменой.—Какое безчисленное множество разъ изображались впослѣдствіи—съ бо́льшимъ или мѣньшимъ успѣхомъ—поэты со своими Музами.

занъ съ хвалой великодушнымъ покровителямъ. Здѣсь искренне сказывается та глубокая жажда мира, которая наполняла всю Италію: „вотъ до чего распри гражданъ доводятъ несчастныхъ"! Тѣмъ не менѣе, костюмъ, заимствованный у греческаго пастуха, напоминаетъ намъ какой-то маскарадъ. Читателю все время навязывается воспоминаніе о Ѳеокритѣ, идилліи котораго, хотя и являются плодомъ утонченнаго искусства, кажутся рядомъ съ Виргиліемъ чистой природой. Впрочемъ, мы можемъ прослѣдить, какъ поэтъ постепенно достигаетъ большой самостоятельности. Объ этомъ свидѣтельствуетъ 4-я эклога. Посвященная Поллиону въ годъ его консульства (40), она торжественно возвѣщаетъ приближеніе новаго золотого вѣка. Поэтъ загадочными словами связываетъ его съ предстоящимъ рожденіемъ божественнаго ребенка, которому суждено нѣкогда властвовать надъ міромъ, умиротвореннымъ мужествомъ отца". Естественно, что впослѣдствіи въ этихъ словахъ увидѣли пророчество о рожденіи Христа.

Георгики.

Тѣмъ временемъ Виргилій задумываетъ рядъ героическихъ пѣсенъ; однако, Аполлонъ коснулся ушей и напомнилъ ему, что пастуху не слѣдуетъ покидать своихъ овецъ, ему слѣдуетъ пѣть свою кроткую пѣсню. Къ счастію, Виргилій послѣдовалъ этому совѣту: Георгики, въ которыхъ онъ безъ всякой искусственности пастушеской поэзіи воспѣваетъ родную ему сельскую жизнь, ярче всего отражаютъ его существо и особенности его таланта.

Цѣль.

Въ то время когда Октавіанъ на дальнемъ Востокѣ готовился къ рѣшающей борьбѣ, въ Италіи царилъ уже миръ. Настала пора залѣчить всѣ раны, нанесенныя войной, пріобщить суровыхъ воиновъ къ культурнымъ нравамъ, воскресить любовь къ родному клочку земли и къ трудной крестьянской работѣ. Въ этотъ моментъ Виргилій цѣломудренной рукой касается струнъ своей лиры, всей душой воспѣвая тихое счастье мирной жизни. Такова была главная цѣль, преслѣдуемая имъ и Меценатомъ. Правда, идеальнаго образа простого благочестиваго крестьянина поэзія Виргилія не воскресила; но чтеніе Георгикъ навѣвало бодрящее воспоминаніе о прекрасныхъ дняхъ минувшаго, укрѣпляя вѣру въ наступленіе съ правленіемъ Октавіана болѣе счастливой поры. Все въ нихъ дышетъ покоемъ и миромъ. Нѣкогда земледѣлецъ съ изумленіемъ будетъ взирать на покрытые ржавчиной шлемы, копья, скелеты воиновъ, на которые будетъ наталкиваться его плугъ на пропитанномъ потоками крови полѣ при Филиппахъ. Здѣсь уже нѣтъ мѣста убѣжденію старика Катона, вѣрившаго, что крестьянскій трудъ создаетъ отважнаго солдата (ср. стр. 401).

Содержаніе.

Въ первой книгѣ Виргилій говоритъ о земледѣліи. Поэтъ (подобно Варрону) начинаетъ съ воззванія къ божествамъ-покровителямъ сельской природы, кратко перечисленные дары которыхъ картинно намѣчаютъ все дальнѣйшее содержаніе. Свое воз-

званіе онъ заключаетъ обращеніемъ къ Октавіану, котораго онъ молитъ о милостивомъ покровительствѣ его смѣло задуманному труду. Въ заключеніе небесныя примѣты погоды—„кто-бъ солнце осмѣлился обманчивымъ звать?“—наводятъ его на мысли о таинственныхъ знаменьяхъ природы въ день, когда палъ великій Цезарь и новыя смуты вовлекали римлянъ въ борьбу съ римлянами.—„Поэтому, отчіе боги родные, охраните юнаго Октавіана, и да не вернутся времена, когда война и преступленія наполняли міръ, когда не было должнаго почета плугу и загнутый серпъ былъ перекованъ въ острый мечъ“. Во второй книгѣ говорится о садоводствѣ и винодѣліи. Много разныхъ деревьевъ растутъ въ разныхъ странахъ, но ни одна страна не можетъ сравниться съ плодородіемъ благодатной Италіи. Въ заключеніе книги Вергилій въ дивныхъ словахъ воспѣваетъ жизнь поселянина, далекаго отъ мірской суеты и соблазна, поклоняющагося божествамъ, дарующимъ ему блага жизни, сроднившагося со своимъ клочкомъ земли и тихо наслаждающагося своимъ незамысловатымъ счастьемъ въ равномѣрной смѣнѣ лѣта и зимы, труда и покоя, страдной поры и радостныхъ праздниковъ. Во введеніи къ третьей книгѣ сознаніе очевидной удачи произведенія окрыляетъ поэта. Онъ будетъ первымъ поэтомъ, который прославитъ Мантую, онъ мысленно видитъ, какъ на берегахъ Минчо будетъ воздвигнутъ храмъ, возвѣщающій славу поэта и Октавіана. Дальше рѣчь идетъ о скотоводствѣ и заключается необычайно реалистичнымъ описаніемъ гибельной чумы, свирѣпствовавшей среди скота. Полную противоположность этому описанію мы видимъ въ 4-й книгѣ, содержащей въ себѣ граціозное описаніе жизни пчелъ. Поэтъ заключаетъ эпилліемъ въ александрійскомъ стилѣ. Въ немъ разсказывается о древнѣйшемъ пчеловодѣ Аристеѣ, который въ своихъ заботахъ о пчелахъ обращается за совѣтомъ къ матери своей, рѣчной нимфѣ (подобно Ахиллу, обращающемуся къ Θетидѣ), и съ этой цѣлью погружается въ волны (подобно Θесею у Бакхилида).

Искусство.

Георгики Вергилія представляютъ изъ себя видъ художественнаго произведенія, котораго греки создать не сумѣли—дидактическую поэму, проникнутую истинной поэтичностью. То, что Гесіодъ изображаетъ съ безыскусственной дѣловитостью, а Никандръ съ причудливой вычурностью, то у Вергилія является прекрасной идеализаціей. Его образцомъ былъ Лукрецій. Хотя матеріалъ Вергилія и конкретнѣе Лукреціевскаго, тѣмъ не менѣе онъ, въ сущности, не поддавался эпической трактовкѣ. Поэтому вдумчивый поэтъ отказывается отъ мечты написать полное дидактическое руководство. Техническія свѣдѣнія давалъ Варронъ, писавшій именно въ то время (37 г.) свой трудъ о земледѣліи (стр. 424); кромѣ него Вергилій привлекъ какъ источники и нѣкоторыхъ другихъ писателей; однако, мы нигдѣ не ощущаемъ той кропотливости, съ которой поэтъ собиралъ детали; всѣ эти детали онъ объединилъ чарующей поэтической рѣчью въ одно художественное цѣлое. Лишенный всякой педантичности, онъ группируетъ матеріалъ, руководясь чисто художественными соображеніями, обходя многое и смѣняя бѣглые наброски привольными, широкими картинами природы. Онъ описываетъ грозу и бурю, оракійскую зиму, прекрасную весну — „истинно, міръ созданъ весною!“ — борьбу двухъ быковъ, пылающихъ ревнивой страстью и т. д. Онъ пишетъ—и это главное—не разумомъ, а душою, проникнутый любовнымъ пониманіемъ всего живого въ при-

родѣ. Онъ разсказываетъ, какъ виноградная лоза сначала требуетъ бережнаго обращенія, затѣмъ, когда она, окрѣпнувъ, начинаетъ обвивать вязъ, болѣе суровой культуры. Вергилій чудесно изображаетъ царство пчёлъ, „ихъ великодушныхъ владыкъ, ихъ нравы, труды, племена и войны“, ихъ вѣрность царицѣ, обязанности и задачи ввѣренныя каждому: многому человѣкъ можетъ у нихъ научиться! Описывая падёжъ скота, поэтъ ломаетъ себѣ голову, какъ такая неожиданная бѣда можетъ обратиться на бѣдныхъ животныхъ, которыя не бражничаютъ и не пьютъ и кручины не знаютъ. При этихъ сравненіяхъ поэтъ съ тонкостью избѣгаетъ грозящей въ подобномъ случаѣ опасности впаденія въ пародирующій тонъ. Это относится ко всѣмъ его метафорамъ, хотя онъ и любитель сравненія „малаго съ великимъ“, напр., рядовъ виноградника съ когортами, выстроенными къ битвѣ. Языкъ Вергилія граціозенъ, но лишенъ сентиментальности, стихъ его отличается благозвучіемъ.

Энеида. Когда побѣдитель послѣ битвы при Актіи вернулся въ 29 г. въ Римъ, отъ Вергилія ждали восхваленія его военныхъ подвиговъ. Врядъ ли такое произведеніе покрыло бы славой нашего поэта миролюбца, рука котораго никогда не владѣла мечемъ; не говоря уже о томъ, что оно разбередило бы только что зарубцевавшіяся раны. Поэтому Вергилій склоняетъ Августа въ пользу своего плана воспѣть славу новаго государства въ отраженіи легенды, прославляющей кстати и предка высокаго рода Юліевъ. Такъ возникаетъ Энеида. Планъ былъ хорошо задуманъ, но задача его выполненія была трудна; надо было вдохнуть жизнь въ призракъ. Эней не былъ дѣйствительнымъ національнымъ героемъ и его связь съ Лаціемъ была вымышленной. Тѣмъ не менѣе, она съумѣла пріобрѣсти убѣдительность символа вѣры и многочисленные поэты и историки наперерывъ воспѣвали ее. Такимъ образомъ, передъ Вергиліемъ была сложившаяся въ общихъ чертахъ легенда, и мы еще можемъ прослѣдить, какъ поэтъ, тщательно взвѣшивая и пересоздавая отдѣльныя детали ея, работаетъ надъ своимъ матеріаломъ. Уже прозаическая отдѣлка, которую онъ затѣмъ частями перевоплощаетъ въ поэтическую форму, потребовала, по всей вѣроятности, немало труда. Мы уже упоминали о томъ, что Вергилію не было суждено завершить свою поэму: недостатокъ окончательной отдѣлки мы ощущаемъ не только по многимъ незаконченнымъ гекзаметрамъ.

Содержаніе. 12 книгъ Энеиды группируются на 2 части: въ первой поэтъ описываетъ скитанія героя (подобно Одиссеѣ Гомера только конецъ ихъ), во второй борьбу въ Лаціи. Эней со своими близкими спасается изъ пылающей въ огнѣ Трои, [эпизодъ, который онъ впослѣдствіи разсказываетъ Дидонѣ, съ живостью описывая ночную борьбу и предшествовавшій ей коварный обманъ, которому поддались

троянцы. Его мать Венера вдохновляетъ и направляетъ Энея, и онъ находитъ въ Лаціи новую родину, а его сынъ Асканій (Julus) становится родоначальникомъ славнаго рода Юліевъ. Послѣ семилѣтнихъ скитаній грозная буря забрасываетъ Энея, уже близкаго къ цѣли, въ Карѳагенъ, гдѣ въ новооснованномъ городѣ его ждетъ радушный пріемъ. Вскорѣ Дидона начинаетъ пламенѣть любовью къ многострадальному герою. Самъ Амуръ раздуваетъ пламень любви, а Юнона соединяетъ ихъ во время охоты при громѣ и молніи въ тихомъ гротѣ. Она жаждетъ воспрепятствовать основанію римскаго государства; но повелѣніе Зевса напоминаетъ Энею о его миссіи. Покорный его волѣ, онъ рѣшается на отплытіе, а Дидона въ отчаяніи лишаетъ себя жизни. Въ Сициліи Эней чтитъ память своего отца великолѣпными играми, устроенными у его могилы. На берегу моря у Кумъ, Эней, сопровождаемый Сивиллой, спускается въ преисподнюю и встрѣчаетъ въ жилищѣ блаженныхъ своего отца Анхиса, показывающаго ему всѣхъ героевъ, которымъ суждено основать могущество Рима, вплоть до Марцелла, преждевременно умершаго племянника Августа: „вотъ такимъ судьба его міру покажетъ и дольше жить запретитъ“.

Окруженный сіяніемъ утренней зари, Эней, наконецъ, достигаетъ устья Тибра. Знаменья ему возвѣщаютъ, что обѣтованная земля достигнута. Царь Латинъ обѣщаетъ ему гостепріимство и даже руку своей дочери Лавиніи. Но Юнона сѣетъ сѣмена раздора и сама разверзаетъ тяжелыя врата войны. Пока собираются латины, герои которыхъ дефилируютъ въ блестящемъ парадѣ передъ читателями, и царь рутуловъ, Турнъ, просившій руки Лавиніи, спѣшитъ имъ на помощь, Эней пребываетъ у сѣдого Евандра на мѣстѣ, гдѣ нѣкогда возникнетъ Римъ, вербуя въ Этруріи союзниковъ. Тѣмъ временемъ Турнъ нападаетъ на осажденныхъ тевкровъ и неразлучные друзья Нисъ и Евріалъ, вызвавшіеся отыскать Энея, гибнутъ, пробираясь ночью сквозь непріятельскій лагерь. По возвращеніи Энея начинается сраженіе. Оно длится нѣсколько дней и только смерть отважнаго Турна, который падаетъ въ поединкѣ съ Энеемъ, рѣшаетъ длинную борьбу.

Оцѣнка.

Подобно Цицерону на долю поэта Энеиды выпало много хвалы, а въ послѣднее время и порицанія. Это объясняется необходимостью оцѣнки его произведенія съ двухъ противоположныхъ точекъ зрѣнія. Вергилій—ученикъ Эннія и Лукреція, поэтическій аппаратъ онъ заимствовалъ у Гомера; онъ трудолюбиво изучалъ Еврипида и александрійцевъ. Итакъ, Вергилій является эпигономъ въ полномъ смыслѣ слова и одновременно создателемъ новаго героическаго эпоса, постоянно новыя струны котораго не переставали звучать въ теченіе полутора тысячелѣтія.

Вергилій стремился соединить Одиссею и Иліаду въ одно цѣлое; самъ поэтъ и тысячи людей послѣ него были проникнуты убѣжденіемъ, что эта цѣль была имъ достигнута. Наша оцѣнка иная. Если общее построеніе поэмы и сотни деталей напоминаютъ намъ Гомера, то мы, тѣмъ не менѣе, должны признать высокое превосходство оригинала надъ копіей, не говоря уже объ охлаждающемъ впечатлѣніи постояннаго подражанія. Этотъ фактъ въ доказательствѣ не нуждается. Но поразительно то мастерство, съ которымъ мотивы Гомера вплетены въ поэму, то въ нетронутомъ видѣ, то въ свободной переработкѣ. Нужна была могучая творческая сила, чтобъ не задохнуться въ этомъ подражаніи, и Вергилій съ честью выходитъ изъ грозившей ему опасности.

Если бы мы были въ силахъ при чтеніи Энеиды совершенно отрѣшиться отъ воспоминанія о Гомерѣ, мы почти не замѣтили бы, что поэтъ всюду распоряжается чужимъ добромъ. Порицатели Вергилія забываютъ также, что всѣ римскіе поэты черпаютъ изъ неизсякаемаго источника греческой поэзіи даже и тамъ, гдѣ слѣды этого процесса для насъ неуловимы. Во всякомъ случаѣ, никто не станетъ отрицать, что Вергилій протягиваетъ руку къ самымъ изысканнымъ образцамъ ея: Энеида въ стилѣ Аполлонія (стр. 132) никогда не достигла бы славы.

Патріотическое дѣйствіе.

Въ чемъ же коренилось чарующее обаяніе Энеиды? Въ римлянинѣ тема ея пробуждала прежде всего патріотическое воодушевленіе. Въ этомъ, какъ мы уже говорили, личная заслуга Вергилія. Онъ возводитъ до героическихъ временъ не только многочисленные обычаи, исторически прославленныя мѣста и святилища, въ Энеидѣ звучатъ голоса отдаленнаго прошлаго, пророчествующіе будущее величіе настоящему Риму, уже пережившему осуществленіе его. Эти причудливыя анахронизмы нарушаютъ непосредственность иллюзіи читателя, такъ напримѣръ, когда Вулканъ изображаетъ на щитѣ Энея войны Рима вплоть до битвы при Акціи; но въ тѣ времена любили слышать то, что желали слышать. Этой же цѣли служатъ видѣнія и пророчества, знаменья и вѣщіе сны. Они окутываютъ поэму загадочнымъ полумракомъ, но нерѣдко страдаютъ искусственностью и частое ихъ повтореніе утомляетъ вниманіе. Весь міръ боговъ принимаетъ участіе въ основаніи Рима. Венера слишкомъ дѣловито направляетъ шаги своего сына и сглаживаетъ ему пути, такъ что мы не чувствуемъ къ нему ни человѣческаго участія, ни преклоненія передъ нимъ. Объясняя эту основную отрицательную сторону всей поэмы, мы могли бы сказать, что Вергилій не былъ созданъ для изображенія героическаго величія и что Августъ не военный герой (правда и не „благочестивый Эней“). Однако, главная причина въ томъ, что не Эней въ сущности стоитъ въ центрѣ поэмы, а божественная власть судьбы, орудіемъ которой онъ является. Такимъ образомъ, высшая идейная цѣль поэмы парализуетъ силу ея общаго впечатлѣнія.

Высшая цѣль.

Вергилій задавался, между прочимъ, цѣлью оказать облагораживающее дѣйствіе на своихъ согражданъ и пріобщить ихъ къ высшему этическому міровозрѣнію, достигая этого не навязчивой догматикой, а славными примѣрами изъ исторіи прошлаго. Поэтому его Эней представляетъ изъ себя идеалъ римлянина, необходимый для Августовской эпохи, по этой же причинѣ многіе герои Энеиды являются идеальными типами, лишенными горячей струи жизни и индивидуальности. Они насъ невольно наводятъ на мысль о прекрасныхъ фигурахъ, соединенныхъ въ гармоническія группы, на Августовскомъ алтарѣ Мира (стр. 514 слл.). Поэтъ избѣгаетъ всего грубаго, всякаго насилія, онъ молчитъ о низкомъ

и обыденномъ. Онъ мечталъ о возрожденіи религіознаго нравственно-достойнаго народа, онъ рисуетъ идеалъ его въ абстрактномъ пространствѣ прошлаго, безъ сомнѣнія преслѣдуя цѣль поддержать попеченіе монарха о поднятіи нравственности и возрожденіи древней религіозности. Благочестивый пророкъ врядъ ли нуждался въ указаніяхъ свыше; онъ всѣмъ существомъ отдавался высокому призванію поэта быть учителемъ родного народа, которыми нѣкогда были Пиндаръ или Эсхилъ. Итакъ, Вергилій, поскольку зависѣло отъ него, выполнилъ высокую культурно-историческую миссію, удовлетворивъ лучшіе умы своего времени: никакая критика не можетъ его лишить этой славы, если она даже права, утверждая, что эта тенденція осуществлялась въ ущербъ прелести поэзіи Вергилія.

Искусство.

Въ связи съ недавно сдѣланнымъ глубокимъ изслѣдованіемъ эпической техники Вергилія у насъ и объ *искусствѣ* его складывается новое сужденіе. Подводя итогъ всему созданному поэзіей за этотъ періодъ, мы видимъ, что Вергилій является единственнымъ отважившимся написать широко задуманное произведеніе, отражающее духъ времени. Тѣмъ онъ отличается отъ остальныхъ подражателей Гомера, что не нанизываетъ въ своей поэмѣ одно приключеніе за другимъ, а слѣдуетъ продуманному плану, и сохраняетъ цѣльность дѣйствія, протекающаго въ строго разсчитанномъ повышеніи и тщательной, иногда даже педантичной мотивировкѣ отъ одной картины къ другой. Каждая книга можетъ быть прочитана въ видѣ законченнаго цѣлаго. Картина набрасывается живой непосредственной техникой al fresco, лишь изрѣдка вставляются тонкія миніатюры. Эта техника, разумѣется, крайне далека отъ безыскуственно простого разсказа Гомера, ибо она представляетъ собой продуктъ поэтическихъ пріобрѣтеній многихъ столѣтій. Не отсутствуетъ и лирическій элементъ въ ярко выраженныхъ чувствахъ дѣйствующихъ лицъ, о которыхъ мы у Гомера лишь догадываемся. Всѣ тона разсчитаны, все полно настроенія, такъ что въ концѣ концовъ невольно жаждешь проблеска свѣжей непосредственности. Сильно сказывается вліяніе трагедіи. Истинная сущность эпики Вергилія состоитъ въ одухотвореніи повѣствующей поэмы драматической жизненностью, постоянно поддерживающей читателя въ напряженномъ состояніи, возбуждающей состраданіе или страхъ; поэтъ говоритъ самъ и заставляетъ говорить своихъ героевъ всегда повышеннымъ тономъ. Онъ создаетъ рядъ сценъ вѣковѣчной красоты. Мы напоминаемъ объ книги, которыя всякій можетъ прочувствовать въ геніальномъ переволощеніи Шиллера: разрушеніе Трои, въ разсказѣ одного лица, описывающаго только лично видѣнное имъ, что уже технически представляетъ изъ себя совершенство, и трагедію любви Дидоны. Но и позднѣйшія части, незаслуженно пользующіяся меньшей популярностью, богаты

большой красотой. Какъ въ отдѣльныхъ сценахъ, такъ и въ прекрасныхъ сравненіяхъ сказывается вліяніе александрійцевъ. Руководимый тонкимъ чутьемъ, Вергилій въ своемъ эпосѣ не выставляетъ своей учености напоказъ и избѣгаетъ удѣлять слишкомъ много мѣста поэтической миніатюрѣ, особенно свойственной его таланту. Съ другой стороны, поэтъ не учитываетъ того утомленія, которое вызываетъ въ читателѣ постоянная патетичность дѣйствія и рѣчи, подобно краснорѣчію Цицерона.

Тѣмъ не менѣе, сліяніе всѣхъ этихъ элементовъ въ законченное цѣлое, одухотвореніе старыхъ формъ новой жизнью, художественной красотой рѣчи и стиха, созданіе новаго поэтическаго языка достойны удивленія и свидѣтельствуютъ о яркомъ талантѣ формы и о поэтическомъ чутьѣ. Энеида представляетъ собой въ полномъ смыслѣ слова искусственную поэзію, но самый совершенный образецъ ея. Мы не должны искать въ ней наивности или непосредственности; вмѣсто этого мы шагъ за шагомъ можемъ прослѣдить цѣли поэта и средства, которыми онъ достигалъ этихъ цѣлей. И это поучительно и привлекательно.

Дѣйствіе на послѣдующія поколѣнія.

Проперцій пророчилъ возникновеніе произведенія „выше Иліады“, и время оправдало его слова. Немногіе поэты оказывали столь продолжительное вліяніе на всемірную литературу, какъ Вергилій. Въ эпоху имперіи и въ Средніе вѣка юношество уже на школьной скамьѣ проникалось его духомъ и его художественными формами, отраженіе которыхъ, напр., въ нѣмецкомъ чисто національномъ Waltharilied Ekkehard'a производятъ на насъ своеобразное впечатлѣніе. Вергилій пользовался славой поэта по преимуществу, и его созданія считались синонимами учености и мудрости, которыя вносились въ нихъ, между прочимъ, аллегорическими толкованіями. Поэтому Данте избираетъ нашего божественнаго поэта спутникомъ въ адъ, поэтому нѣмецкій эпикъ новаторъ Генрихъ фонъ Велдеке не нашелъ болѣе увлекательнаго оригинала, чѣмъ французскую Eneit, превратившую героевъ Вергилія въ придворныхъ рыцарей. Національный эпосъ двухъ романскихъ народовъ, „Освобожденный Іерусалимъ“ Тассо и „Лузіады“ Камоэнса съ перваго стиха обнаруживаютъ свою зависимость отъ Энеиды. Слава Вергилія и понынѣ еще жива среди склонныхъ къ патетичности романскихъ народовъ. У насъ его звѣзда стала меркнуть съ тѣхъ поръ, какъ убѣдились, сколько въ ней заимствованнаго свѣта. Вергилій не былъ сіяющимъ солнцемъ, но и тихому свѣту мѣсяца присуще свое обаяніе. Надъ всей возгорѣвшейся изъ-за него полемикой высоко стоитъ человѣчно-чарующая личность нашего пѣвца, идеалиста и цѣломудренника, что такъ рѣдко встрѣчалось въ его эпоху.

3. ГОРАЦІЙ

Кв. Горацій Флаккъ (65—8) низводитъ насъ съ идеальныхъ высотъ въ обыденную дѣйствительность. Какъ человѣкъ новаго времени онъ обладалъ даромъ критическаго наблюдателя, холодно всматривающагося въ современность. Его можно сравнить съ Лессингомъ, какъ Вергилія съ Шиллеромъ, а Овидія съ Виландомъ. Поэтому мы въ Горацiи находимъ надежнаго проводника для прогулки по Риму эпохи Августа.

Рис. 395. ГОРАЦІЙ (?). Съ фотографіи. Мраморъ изъ Помпей, нынѣ въ Неаполѣ.

Жизнь.

Римъ уже въ дѣтствѣ становится родиной Горація; отецъ его, отпущенникъ изъ южно-италійской Венусіи, переселяется въ столицу съ цѣлью дать мальчику лучшее образованіе. Щедрый на палочные удары учитель поэта, мрачный Орбилій обязанъ Горацію незавиднымъ безсмертіемъ. Когда поэтъ занимался въ Аѳинахъ философіей, умеръ Цезарь, и увлекавшаяся свободой учащаяся молодежь слѣдуетъ за знаменами Брута. Въ званіи военнаго трибуна Горацій переживаетъ битву и бѣгство при Филиппахъ. Съ „подрѣзанными крыльями“, лишившись своего помѣстья, онъ возвращается въ Римъ. Неудовлетворенность и озлобленіе внушаютъ Горацію (съ 41 г.) его первые эподы и сатиры. Вергилій и Варій рекомендуютъ его Меценату, молчавшему въ теченіе 9 мѣсяцевъ послѣ первой аудіенціи, по удостоившему затѣмъ (37) родственнаго ему по духу поэта принятіемъ въ свой интимный кругъ друзей. Меценатъ сохранилъ къ Горацію преданность покровителя и друга вплоть до почти одновременной ихъ смерти. Онъ обезпечилъ поэту беззаботное существованіе, подаривъ ему имѣніе въ Сабинскихъ горахъ. Здѣсь Горацій любилъ уединяться, предаваясь въ тиши чтенію, мыслямъ и поэтическому творчеству; не обращая вниманія на насмѣшки сосѣдей, которые съ улыбкой наблюдали за усиліями полной фигуры небольшого роста, онъ собственноручно орудовалъ иногда граблями и лопатой. Здѣсь Горацій принималъ дорогихъ друзей, угощая ихъ скромными яствами, но хорошимъ виномъ и остроумными бесѣдами. Въ Римѣ его связывали дѣла и разнаго рода обязательства; тѣмъ не менѣе, онъ сумѣлъ до извѣстной степени охранить свою независимость по отношенію къ Меценату и даже къ Августу, мечтавшему сдѣлать его своимъ тайнымъ секретаремъ.

Поэтическія произведенія.

Его поэтическое творчество не отличалось той планомѣрностью, которая была характерна для Вергилія. До 30-го года Горацій пишетъ эподы и сатиры, затѣмъ обращается къ лирикѣ и издаетъ въ 23 г. три книги одъ. Послѣ этого поэтъ возвращается къ „Бесѣдамъ“, которыя онъ издаетъ (20 г.) въ видѣ „Писемъ“. Написавъ тѣмъ временемъ (17 г.) по заказу Августа торжественную кантату для Секулярныхъ игръ, онъ

пишетъ еще книгу одъ, изданную въ 13 году. Свое творчество Горацій заключаетъ тремя обширными литературными посланіями (2-й книги писемъ), первое изъ которыхъ было по высочайшей волѣ посвящено монарху. Итакъ, Горацій написалъ немного произведеній: у насъ всего 17 эподовъ, 104 оды, 41 сатира и письма. Мы видимъ какъ тщательно онъ работалъ надъ отдѣлкой своихъ стиховъ; тѣмъ богаче содержаніе его поэзіи.

Эподы. Въ своихъ эподахъ онъ, подобно Вергилію въ его первомъ произведеніи, вноситъ новую художественную форму въ римскую литературу. Архилохъ (Э. К., стр. 214) любилъ соединять два стиха (обыкновенно ямба) въ краткую строфу, подобную дистиху. Горацію поразительно хорошо удается подражаніе этому размѣру: по существу же онъ значительно уступаетъ геніальному саркасту.

Небольшой сборникъ эподовъ заключаетъ въ себѣ образцы самой разнородной цѣнности. Ядовитыя стрѣлы, направленныя поэтомъ въ своихъ порицателей, литепы пуанты, ибо онъ не называетъ именъ. Ѣдкія изліянія противъ Канидіи, пытающейся при помощи волшебства овладѣть поэтомъ, и противъ другихъ женщинъ подобнаго же типа преувеличены и производятъ отталкивающее впечатлѣніе. Преувеличено также шуточное проклятіе, направленное на Мецената, угостившаго поэта чесночнымъ блюдомъ - чистой отравой! Заключеніе одного эпода, дающаго очаровательную картину сельской жизни, поражаетъ своей неожиданностью; такъ мечтаетъ ростовщикъ Алфій, кладущій тѣмъ не менѣе каждое первое число спокойно свои проценты въ карманъ. Политика въ эту пору занимаетъ поэта живѣе, чѣмъ впослѣдствіи, напр., въ его самомъ раннемъ стихотвореніи: онъ жаждетъ бѣжать съ толпой единомышленниковъ отъ безконечныхъ гражданскихъ войнъ, ища покоя и мира въ далекомъ океанѣ на островахъ блаженныхъ Съ грознымъ обвиненіемъ обрушивается онъ на несчастныхъ помпеянцевъ, снова готовящихся къ борьбѣ: „Не довольно ли пролито римской гражданской крови?“ Впослѣдствіи онъ озабоченнымъ взоромъ провожаетъ Мецената на войну и ликуетъ по поводу актійской побѣды.

Оды. Знакомство съ Архилохомъ открываетъ передъ поэтомъ высшія цѣли. Наперекоръ модному увлеченію александрійцами, Горацій вноситъ въ римскую литературу лирическіе размѣры лесбосскихъ поэтовъ и Анакреонта, все разнообразіе четырехстрочной системы строфъ которыхъ онъ съ наслажденіемъ развертываетъ передъ нами въ первыхъ 12 одахъ. Кто желаетъ получить представленіе о формахъ и кругѣ идей древнегреческой лирики, не можетъ обойтись безъ пѣсенъ Горація—названіе ихъ „оды“ легко вводитъ въ заблужденіе. Ясно, что Горацій рѣдко достигаетъ совершенства своихъ образцовъ, и иная строфа Сапфо или Алкея драгоцѣннѣе длинной поэмы Горація. Но внѣ всякаго сомнѣнія и то, что Горацій далеко не только подражатель. Часто только одна какая-нибудь мысль (напр., начало одного изъ знаменитыхъ стихотвореній) вдохновляетъ его фантазію, или онъ заимствуетъ какую нибудь яркую картину, сравненіе. Глубоко проникая въ старые греческіе образцы, углубивъ свое пониманіе изученіемъ эллинистической поэзіи природнымъ тонкимъ художественнымъ чутьемъ, Горацій создаетъ новую поэзію, отвѣчавшую запросамъ эпохи и осуществившую давно взлелѣян-

Образцы.

ный идеалъ сродненія греческаго и римскаго духа. Читая Горація, мы часто нападаемъ на слѣды заимствованій или реторическую окраску тамъ, гдѣ мы ждемъ непосредственности выраженія могучаго чувства; это производитъ на насъ непріятное впечатлѣніе, но мы должны помнить, что римлянину того времени подобныя ощущенія были тѣмъ болѣе чужды, чѣмъ выше была его образованность. Нарушающій наше наслажденіе миѳологическій аппаратъ принадлежалъ къ числу неизбѣжныхъ орудій всякаго поэта; онъ былъ знакомъ читателю. Всюду проявляющаяся географическая ученость была во всемірной столицѣ умѣстнѣе, чѣмъ гдѣ-либо: она вдохновляла фантазію представленіями о далекихъ странахъ, а слухъ—звукомъ инородныхъ названій. Въ этомъ отношеніи Горацій далеко не удовлетворялъ почитателей „ученой“ поэзіи. Было бы несправедливо примѣнять къ нему масштабъ, примѣнимый, напримѣръ, къ Гете, требуя, чтобъ вся его поэзія отражала лично пережитое и лично прочувствованное. Вѣдь почти вся римская лирика представляетъ изъ себя поэзію рефлексіи.

Любовныя пѣсни.

По многочисленнымъ любовнымъ стихотвореніямъ Горація мы чувствуемъ, что онъ лишь въ зрѣлые годы посвятилъ себя лирикѣ. Его, подобно Вергилію, никогда не поглощала сильная страсть. Называемыя имъ имена въ большинствѣ случаевъ являются греческими именами представительницъ полусвѣта. Его любовныя клятвы и проклятія не искренни; слегка иронизируя, онъ утѣшается самъ или утѣшаетъ друзей своихъ въ невѣрности любимой женщины. Очаровательный шедевръ—его серенада, посвященная Хлоѣ. Горацій въ восторженныхъ словахъ воспѣваетъ вино. Подобно Алкею онъ всегда находитъ удобный случай выпить: въ зимнюю стужу, въ жаркое лѣто, въ дни рожденія и побѣдныхъ торжествъ. Въ раздумьи стоитъ онъ передъ кружкой стараго массикскаго вина, „рожденнаго съ нимъ“. Онъ приглашаетъ знатока и убѣждается въ незамѣтно покоряющей силѣ вина, развязывающаго умъ и языкъ, заставляющаго мудреца высказывать свои сокровеннѣйшія мысли, пробуждающаго надежду въ душѣ застѣнчивыхъ и повышающаго мужество бѣдняковъ. Но поэтъ умѣетъ направлять и во время попойки возбужденные умы на путь спокойной бесѣды.

Дружескія пѣсни.

Въ одахъ, посвященныхъ друзьямъ, Горацій посылаетъ граціозныя приглашенія Меценату, Вергилію и другимъ, искренне проявляетъ теплое участіе къ радостямъ и печалямъ, постигавшимъ ихъ. Онъ утѣшаетъ Вергилія, утратившаго друга, и привѣтствуетъ Мецената послѣ благополучно перенесенной болѣзни. Незлобивой насмѣшкой бичуетъ онъ слабости друзей и даетъ имъ добрые совѣты. Въ одахъ, посвященныхъ его высокимъ покровителямъ, непринужденность была бы неумѣстна, но Горацій обнаруживаетъ тонкую тактичность и въ своихъ посвященіяхъ Августу. Послѣ тяжелыхъ впечатлѣній юныхъ лѣтъ, онъ слишкомъ глубоко испыталъ на своей личной жизни и на жизни другихъ благотворность мирнаго правленія монарха. Онъ не только по заказу, но вполнѣ искренне пишетъ свои знаменитыя римскія оды, съ цѣлью способствовать нравственному возрожденію вновь организованной монархіи. Съ гордостью римлянина смотритъ онъ на необъятное государство, обнимающее міръ отъ раскаленнаго юга вплоть до тумановъ сѣвера; однако, тайная забота о томъ, что корни этого могучаго дерева гнилы, волнуетъ душу поэта. Оно только тогда можетъ быть долговѣчнымъ, когда мужество и вѣрность возродятся, когда вернется древняя простота нравовъ, когда почтеніе къ богамъ предковъ наполнитъ свѣжей жизненной силой молодое безнравственное поколѣніе. Какой смыслъ въ унылыхъ жалобахъ, если преступленіе остается безнаказаннымъ, къ чему законы безъ добрыхъ нравовъ? Да бу-

дутъ жемчугъ, драгоцѣнные камни и суетное золото посвящены богамъ или брошены въ глубину моря! Горацій сознаетъ, что онъ преступаетъ границы своего таланта, возлетая въ своей пѣснѣ слишкомъ высокимъ полетомъ, что ему не дано, подобно Пиндару, возноситься къ небесамъ полетомъ лебедя; но возвышенность его темы возноситъ его надъ самимъ собою, окрыляя его слова. Горацій располагаетъ богатой сокровищницей образовъ и метафоръ, проповѣдуя нравственныя истины, углубленныя въ немъ жизненнымъ опытомъ и философской учепостью. Смерть одинаково стучится какъ въ дворцы царей, такъ и въ хижины бѣдняковъ. Мрачный страхъ одновременно съ господиномъ садится на корабль, и черная забота сидитъ за спиною всадника, летящаго на конѣ. Ни богатыя сокровища, ни ликторъ не изгонятъ душевной тревоги и заботъ, бьющихся о потолокъ подобно летучимъ мышамъ.

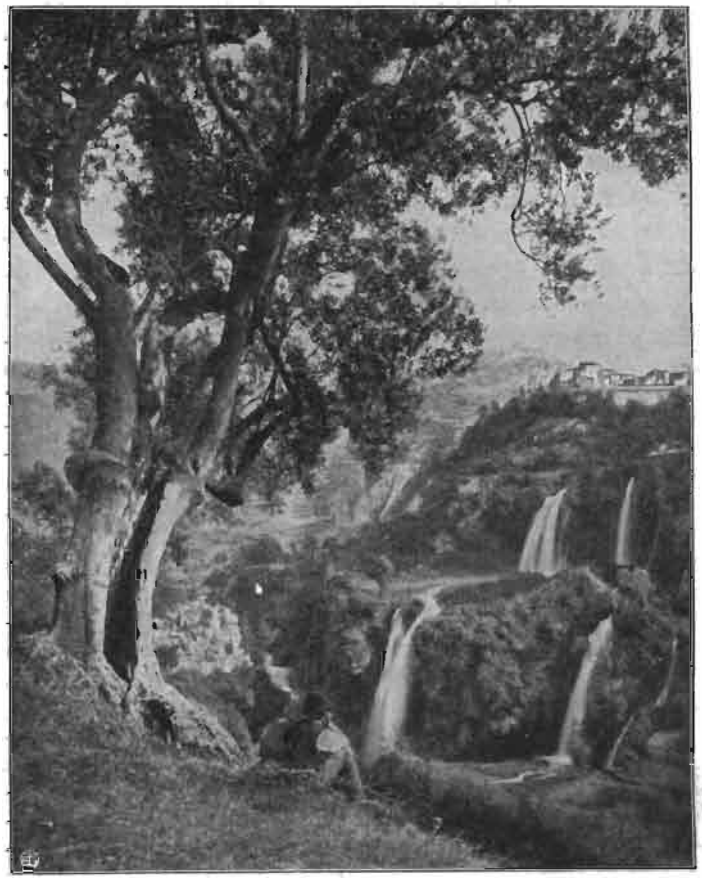

Рис. 396. ТИВОЛЬСКІЕ ВОДОПАДЫ (ТИБУРЪ). Съ фотографіи.
Налѣво виднѣется громадный водопадъ Аніо, ниспадающій въ долину на 100 м. глубины изъ штольня, проведенный лишь въ XIX ст; направо каскателлы.

Пѣсни о богахъ.

Что касается древнихъ боговъ, то просвѣщенный поэтъ самъ въ нихъ не вѣритъ; поэтому его пѣсни, посвященныя богамъ, лишены силы убѣдительности, изображаетъ ли онъ Фортуну Анція съ ея причудливой свитой, воспѣваетъ ли въ поэтическомъ упоеніи Аполлона и Вакха фантастическими дифирамбами. И секулярный гимнъ, за который Горацій былъ вознагражденъ высокимъ почетомъ и который пѣлся хоромъ мальчиковъ и дѣвочекъ въ заключеніе великаго празднества, былъ слишкомъ скованъ общей программой торжества; онъ насъ не захватываетъ. Тѣмъ не менѣе, какимъ страннымъ контрастомъ должны были звучать его живыя слова рядомъ съ однообразными молитвами, въ которыхъ жрецы, матроны и самъ императоръ просили боговъ благословить дѣло великаго государственнаго преобразованія.

Случайныя стихотворенія.

Вообще разница между заказанными, не пережитыми стихотвореніями и стихотвореніями, составляющими собственность автора, чувствуется на каждомъ шагу. Самый граціозный характеръ носятъ простодушныя случайныя стихотворенія, отражающія личныя переживанія и настроенія, напр., любовь поэта къ своему сабинскому помѣстью и къ прелести родной природы (рис. 396 сл.): онъ разсказываетъ, какъ его чуть не убило деревомъ, какъ мрачный волкъ испуганно скрылся съ пути погруженнаго въ любовныя мечты поэта, бродящаго по лѣсу и т. п. Въ этихъ поэтическихъ миніатюрахъ, которымъ Горацій самъ придавалъ такъ же мало цѣны, какъ въ свое время Катуллъ, отражается весь его задорный юморъ, порою скрывающійся за притворнымъ паѳосомъ.

Чѣмъ больше труда Горацій затрачивалъ на свои поэтическія произведенія, съ тѣмъ бо́льшей гордостью могъ онъ смотрѣть на достигнутое имъ. Онъ блестяще оправдалъ свой талантъ формы и охватилъ своимъ поэтическимъ творчествомъ всю область лирики чувства и мысли. Несмотря на всѣ нападки современныхъ и позднѣйшихъ критиковъ, онъ воздвигъ себѣ „памятникъ вѣчнѣе мѣди прочной“.

Сатиры.

Свои посланія и сатиры Горацій съ скромной ироніей даже не причисляетъ къ поэзіи. Тѣмъ не менѣе, они представляютъ изъ себя самыя зрѣлыя и законченныя произведенія Горація; именно они отражаютъ всю его оригинальность, какъ человѣка и поэта. Сатиры Луцилія (стр. 397 слл.) вдохновили его къ этимъ непринужденнымъ „бесѣдамъ“ (sermones), въ которыхъ поэтъ сначала разсказывалъ разныя веселыя приключенія и шутки, впослѣдствіи излагалъ мысли о себѣ и своихъ собратьяхъ-людяхъ, бичуя причуды и пороки своего времени сначала съ Луциліевской рѣзкостью, впослѣдствіи съ чувствомъ превосходства свѣтскаго человѣка. Не было недостатка и въ поводахъ защищаться отъ нападокъ недоброжелательной критики. Живая рѣчь невольно принимаетъ форму разговора. Во 2-й книгѣ поэтъ облекаетъ свои мысли въ форму діалоговъ или рѣчей. Возвращаясь впослѣдствіи снова къ этому литературному виду, Горацій останавливается на формѣ письма; часть этихъ писемъ, касающаяся разнородныхъ личныхъ дѣлъ, дѣйствительно отправлялась по назначенію, часть обсуждала общія мысли. И по содержанію письма отличаются отъ сатиръ: здѣсь мѣньшую роль играетъ насмѣшка, ее замѣняютъ поучительныя мысли поэта объ истинной мудрости жизни. Въ послѣдніе годы, когда Горацій, всецѣло погруженный въ философію, не пишетъ уже новыхъ поэтическихъ произведеній, онъ излагаетъ свои глубокія мысли о законахъ поэтическаго творчества въ трехъ длинныхъ посланіяхъ—достойное завѣщаніе его старческихъ лѣтъ. Третье посланіе—это знаменитая Ars poetica, надъ правилами которой задумывались безчисленные поэты и критики.

Письма.

Искусство болтовни.

Горацій не былъ творцомъ ни сатиры, ни поэтическаго посланія, онъ широко пользуется Луциліемъ, Варрономъ и особенно поэтической діатрибой Біона (стр. 107). Тѣмъ не менѣе, они у него отличаются

поразительной законченностью, и Горацій остается недосягаемымъ образцомъ остроумной, поэтической б е с ѣ д ы. Луцилій излагалъ свои мысли непосредственно, не задумываясь надъ формой. Быть можетъ, его рѣчь казалась утонченному художественному чутью „широкимъ, типистымъ потокомъ". Горацій же творилъ медленно и вдумчиво, неутомимо отдѣлывая и вылащивая, доводя свой языкъ порою до слишкомъ большой краткости и насыщенности содержаніемъ. Однако, онъ обладаетъ способностью маскировать эту мелкую шлифовку. Если естественность, съ которой лились его гексаметры, вызывала въ недоброжелателяхъ поэта мнѣніе, будто не трудно строчить тысячи подобныхъ стиховъ, то именно въ этомъ высшая похвала нашему поэту. Подобно остроумной бесѣдѣ, переходящей отъ одной темы къ другой, мысли поэта смѣняются точно случайно. Возраженіе заставляетъ его далеко отклоняться отъ темы, къ которой онъ снова возвращается неожиданнымъ сплетеніемъ мысли. Или же наоборотъ, лишь заключеніе его рѣчи обнаруживаетъ цѣль, къ которой она клонилась. Поэтому критика въ былыя времена много и напрасно изощрялась надъ приведеніемъ Горація въ порядокъ; только въ наше время научились читать и понимать Горація, не искажая его.

Горація читать нелегко, ибо онъ требуетъ постоянной сосредоточенной мысли, а безчисленные намеки на личности и современное положеніе вещей, имѣвшіе въ свое время живой интересъ, затрудняютъ пониманіе его. Онъ рѣдко предается размышленіямъ общаго характера; передъ его взоромъ всегда возникаетъ живой примѣръ изъ прошлой или настоящей жизни. Такъ поэта училъ его благочестивый отецъ, не надоѣдавшій ему длинными нравственными проповѣдями, а замѣняя ихъ славными или предостерегающими примѣрами изъ окружающей жизни, пока поэтъ не достигъ возраста, когда научился „плавать безъ помощи". И другіе чисто-народные пріемы, привлекающіе читателя, у него постоянно наготовѣ: то старинная поговорка, то веселый разсказецъ, мѣтившій ѣдкимъ словцовъ въ того или другого, то нравоучительная басня, какъ, напр., разсказъ о городской и полевой мыши съ его тонкой миніатюрной картиной.

Рамка.

Горацій чѣмъ дальше, тѣмъ тщательнѣе отдѣлываетъ рамку для своихъ мыслей. Уже дважды ему приходилось защищать, напр., свои сатиры; однако критики его не щадятъ. Тогда онъ обращается къ почтенному юристу Требатію. Этотъ даетъ ему сначала тщетный совѣтъ совсѣмъ бросить поэзію, затѣмъ — выбрать менѣе рискованный матеріалъ и воспѣвать военные подвиги Августа, что Горацій отклоняетъ, какъ противорѣчащее его наклонностямъ и природѣ. Тогда Требатій отказывается ему помочь, предупреждая поэта о грозящихъ ему конфликтахъ съ закономъ: „Для борьбы съ пишущимъ злостныя стихи (carmina) существуетъ судъ и законъ". „А если эти стихи удачны и ихъ хвалитъ самъ императоръ?"—возражаетъ поэтъ. „Въ такомъ случаѣ, верховный судъ разразится смѣхомъ, и ты вернешься домой безнаказаннымъ".—

Горацій любитъ передавать разговоры на улицѣ. Катій раскладываетъ передъ нимъ всю свою гастрономическую мудрость, только что слышанную отъ извѣстнаго эпатока; его собственный рабъ повторяетъ ему длинную нравственную проповѣдь полубезумнаго стоика. Рѣчь, направленная противъ излишествъ стола, влагается въ уста крестьянина Офелла, котораго не удручаетъ потеря его имѣнія, такъ какъ онъ уже раньше, будучи богатымъ землевладѣльцемъ, жилъ съ простотой скромнаго арендатора. Поэтъ ведетъ насъ даже въ преисподнюю, гдѣ Тиресій, желая помочь Одиссею вернуть утраченное богатство, посвящаетъ его въ тайны продажническаго полученія наслѣдства, широко распространеннаго въ то время въ Римѣ.

Личныя отношенія.

Насъ интересуютъ прежде всего личныя отношенія поэта, о которыхъ Горацій говоритъ съ откровенностью Луцилія. Въ тонкой формѣ

Рис. 397. ВИДЪ СЪ САБИНУМА ГОРАЦІЯ НА ЛИЧЕНЦУ (Digentia).
Снимокъ сдѣланъ докторомъ Шмидтомъ изъ Дрездена спеціально для настоящей книги.

часто упоминается благодарность поэта Меценату, отношенія съ которымъ рисуются въ самомъ симпатичномъ свѣтѣ, но не безъ скрытой цѣли, разрушить тѣ преувеличенныя представленія, которыя завистники и домогавшіеся милости Мецената имѣли о вліяніи поэта на этого могущественнѣйшаго человѣка въ государствѣ. Поэтъ разумно придерживается опредѣленныхъ границъ, сумѣвъ и здѣсь такъ же охранить свою независимость, какъ передъ литературными клубами. Шедевромъ искусства дипломатической бесѣды является то щекотливое письмо, въ которомъ онъ бережно оповѣщаетъ своего покровителя, что онъ, хотя и покидаетъ Римъ только на 5 дней, но не вернется всю зиму въ столицу, желая посвятить все время своему здоровью

и запятіямъ. Въ Римѣ онъ лишенъ этой возможности; сотни разныхъ дѣлъ кружатся въ его головѣ, когда онъ сквозь уличную толкотню и суету направляется къ чернымъ Эсквиліямъ. Какъ онъ истосковался по своему Сабинуму (рис. 397), гдѣ, довольствуясь скромной пищей—бобами съ саломъ,—онъ отдается своимъ влеченьямъ, поддерживая непринужденную пріязнь съ милыми сосѣдями. У журчащаго источника, среди скалъ, поросшихъ мохомъ, поэтъ чувствуетъ себя царемъ и владыкой.

Переживанія. Прелестны его картины мелкихъ и крупныхъ событій жизни. Когда онъ, обдумывая какіе то стишки, бродитъ по Via Sacra, къ нему пристаетъ докучливый болтунъ, желающій воспользоваться посредничествомъ поэта и втереться къ Меценату. Всѣ попытки отъ него отвязаться тщетны, и пустая болтовня грозитъ измучить Горація до смерти (тѣмъ болѣе, что ему старуха предсказала смерть отъ болтуна), пока наконецъ не наступаетъ неожиданное освобожденіе.

Описаніе путешествія въ Брундисій ясно рисуетъ намъ то превосходство, которое имъ было достигнуто надъ Луциліемъ (стр. 398). Цѣль путешествія—исполненіе дипломатическаго порученія; Горацій принимаетъ участіе въ путешествіи въ свитѣ Мецената. Въ законченныхъ стройныхъ картинахъ передъ нами мелькаетъ рядъ стоянокъ путешествія съ ихъ радостями и непріятностями; современному туристу, странствующему по Италіи, не мѣшало бы обладать юморомъ нашего поэта для терпѣливаго примиренія со всѣми мелкими неудобствами, связанными съ путешествіемъ по этой классической странѣ.

Взглядъ на жизнь. Въ своей сатирѣ Горацій ставитъ себѣ цѣль раскрывать пороки людей, этимъ онъ надѣется скорѣе способствовать ихъ искорененію, чѣмъ торжественными оффиціальными одами. Его насмѣшка менѣе ѣдка, чѣмъ сатира Луцилія. Великихъ міра сего онъ не касался, область политики была закрыта для поэта, бывшаго нѣкогда энтузіастомъ свободы. Въ противоположность своимъ послѣдователямъ онъ обладаетъ даромъ „говорить правду смѣясь“. Горацій отнюдь не фанатическій моралистъ, онъ ясно сознаетъ и свои недостатки. Считая и себя „однимъ изъ многихъ“, Горацій прежде всего яркая индивидуальность. Эклектическое изученіе философіи, личная наблюдательность и работа мысли развили въ немъ опредѣленное міросозерцаніе, которому, правда, присуща черта усталости: единственнымъ, что можетъ создать истинное счастье и сохранить его, поэтъ считаетъ свое nil admirari. Съ высоты этого міровозрѣнія, съ пониманіемъ, но и съ улыбкой превосходства, взираетъ онъ на суету многотысячной толпы, на ея погоню за призраками счастья, за запретными наслажденіями, подрывающими силы, на ея смѣшные предразсудки, лишающіе многихъ свободы индивидуальнаго проявленія. Идя по этому пути, Горацій становится учителемъ подрастающаго поколѣнія, оставаясь имъ во всѣ времена, учителемъ истиннаго искусства жизни, всюду находящаго „златую середину“. Онъ создалъ рядъ изреченій житейской мудрости, выраженныхъ съ краткостью и мѣткостью, столь характерными для латинскаго языка, которыя никогда не

утратятъ своей свѣжести. Если нѣсколько пассивная житейская мудрость Горація менѣе удовлетворяетъ нашу активную современность, чѣмъ минувшія поколѣнія, то, тѣмъ не менѣе, при чтеніи его и теперь возникаетъ желаніе возвыситься надъ своей эпохой, подобно поэту, ясно сознавать ея недостатки, чтобъ избѣгать ихъ.

Картины современной жизни.

Горацій, наконецъ, рисуетъ намъ настолько же вѣрную и колоритную картину Рима эпохи Августа, какъ и та картина клонящейся къ упадку республики, которую нарисовалъ намъ Цицеронъ. Правда, Горацій не ведетъ насъ въ сенатъ, ибо не имъ уже рѣшаются судьбы государства. Мы бродимъ съ поэтомъ по многолюдпымъ улицамъ столицы, останавливаемся передъ лавками, спрашивая, почемъ сегодня капуста, входя въ цирульни, чтобы послушать новѣйшія городскія сплетни, мы сопровождаемъ его на утренній пріемъ къ Меценату, мы идемъ съ нимъ въ залу судебныхъ засѣданій, на Марсово поле, гдѣ происходитъ игра въ мячъ. Мы наблюдаемъ навязчивость нищенствующихъ философовъ, смѣшное честолюбіе и чванство писателей или кандидатовъ на государственную должность, дружественно пожимающихъ кому попало руки направо и налѣво. Мы видимъ мальчиковъ, вооруженныхъ ариѳметическими кубиками и доской, добронравно идущихъ въ школу, и присутствуемъ на урокѣ ариѳметики; мы наблюдаемъ ихъ дѣтскія игры, ихъ ѣзду верхомъ на игрушечномъ конѣ, мы видимъ, какъ дѣти строятъ хижинку изъ камыша, или воспроизводятъ на пруду сраженіе при Актіи. Передъ нами раскрываются и темныя стороны столичныхъ нравовъ, жизнь публичныхъ женщинъ и т. д. Только поселянинъ въ далекой деревнѣ живетъ въ старой простотѣ нравовъ, но и тутъ уже сказывается тяготѣніе къ городу. Интересно было бы мысленно перенести всѣ эти живыя картины въ обстановку современной жизни: мы нашли бы, несомнѣнно, не мало точекъ соприкосновенія, какъ въ положительномъ, такъ и въ отрицательномъ смыслѣ.

Вліяніе Горація на послѣдующія поколѣнія.

Вліяніе поэзіи Горація на будущее сказалось съ мѣньшей очевидностью, чѣмъ вліяніе Вергилія на тѣ монументальныя произведенія, духовнымъ отцомъ которыхъ онъ былъ. Тѣмъ не менѣе, отголоски поэзіи Горація всюду живы, при чемъ, въ зависимости отъ эпохъ и народовъ, на первый планъ выдвигается то форма, то внутреннее содержаніе поэзіи, то Горацій какъ лирикъ, то какъ остроумный собесѣдникъ, то какъ проповѣдникъ житейской мудрости. Горація безъ конца переводили, ему подражали, его съ бо̀льшимъ или меньшимъ остроуміемъ пародировали, его модернизировали (для школы эти попытки дѣлаются уже съ 1507 года), его перекладывали на музыку. Французскій классицизмъ XVI-го столѣтія воспитался на Горація, въ Германіи его ученикомъ былъ Мартинъ Опитцъ. Для Готтшеда, такъ же, какъ для его противника Брейтингера, Горацій былъ авторитетомъ въ области

искусства поэтическаго творчества. Подражая ему, Гагедорнъ и создатели „Bremer Beiträger“ воспѣвали вино, женщинъ и поэзію. Лишь творческому таланту Клопштока удается облечь непокорный нѣмецкій языкъ въ форму Гораціевыхъ одъ, наполнивъ ее возвышеннымъ содержаніемъ, искреннимъ чувствомъ и германскимъ духомъ.

4. ТИБУЛЛЪ. ПРОПЕРЦІЙ. ОВИДІЙ

Кружки поэтов

Говоря о своихъ друзьяхъ или противникахъ, Горацій и Овидій рисуютъ намъ яркую картину жизни литературныхъ круговъ Рима. Многіе служили музамъ не только по призванію, но и руководимые желаньемъ пріобрѣсти расположеніе высокопоставленныхъ покровителей литературы. Горацій держался въ благородномъ отдаленіи отъ клубовъ модныхъ писателей, превозносившихъ другъ друга до небесъ. Если онъ въ своей Ars poetica даетъ принципіальное изложеніе основъ новаго классицизма, выросшихъ на почвѣ глубокаго изученія древнихъ писателей, то это объясняется несогласіемъ этихъ принциповъ съ господствующимъ направленіемъ. Паденіе интереса къ односторонпему подражанію александрійцамъ—заслуга Горація; онъ никогда не упоминаетъ объ „ученомъ Проперціи“, и это не простая случайность. Въ центрѣ своей теоріи поэтическаго искусства Горацій ставитъ, по примѣру Аристотеля, трагедію, что доказываетъ все еще живой интересъ къ этому литературному виду. Трагедія, правда, продолжаетъ жизнь только въ видѣ литературной драмы; сцена замѣнялась декламаціей въ тѣсномъ, но изысканномъ кругу, быстро распространявшемъ славу о новыхъ талантахъ. „Thyestes“ Варія еще столѣтіе спустя не утратилъ извѣстности, такъ же какъ юношеская драма Овидія „Медея“. Эти трагедіи, все больше наполнявшіяся реторическими украшеніями, составляютъ переходъ къ трагедіямъ Сенеки. Эпосъ Варія, посвященный Августу, и другія попытки крупныхъ героическихъ поэмъ до насъ не сохранились. Мы, однако, знаемъ многія эпиллліи, созданныя Вергиліемъ и другими поэтами.

Элегія.

Много замѣчательнаго было создано только въ области элегіи, чуждой Горацію и Вергилію. Степень ея зависимости отъ эллинистическихъ образцовъ (стр. 119 слл.) до тѣхъ поръ останется спорнымъ вопросомъ, пока Египетъ не подаритъ насъ болѣе богатыми фрагментами элегій. Галл.

Другъ юныхъ лѣтъ Вергилія, Корнелій Галлъ (69—26) впервые посвящаетъ въ Римѣ своей возлюбленной вѣнокъ элегій, для котораго Парѳеній доставляетъ ему патетическій матеріалъ (стр. 442); однако, Галлъ вскорѣ устарѣлъ, такъ какъ онъ слишкомъ близко придерживался неудачныхъ образцовъ. Творцами же римской элегіи были Тибуллъ и Проперцій, какъ ни великъ контрастъ между ними, какъ людьми и поэтами.

Альбій Тибуллъ (около 54—19) знакомитъ насъ съ кружкомъ Мессалы. Боги даровали ему все, что способствуетъ счастью человѣка—красоту, благосостояніе, умѣнье наслаждаться и даръ высказывать свои чувства и страданія; тѣмъ не менѣе, грусть и предчувствіе смерти отравляли поэту жизнь. Тибуллъ—человѣкъ поразительной мягкости, поддающійся смѣнамъ настроенія, типъ рѣдкій въ Римѣ. Онъ благоговѣйно поклоняется божествамъ, покровителямъ поля и любви; имъ онъ приноситъ свои скромные дары и суевѣрно наблюдаетъ ихъ знаменья. Поэтъ любитъ уходить мечтой въ вѣкъ Сатурна, когда царили простота и непорочность и стремится осуществить эти мечты, живя въ своемъ сельскомъ помѣстьи. Тутъ, въ тѣсномъ единеніи съ природой, которую онъ рисуетъ мастерски, тихо живя мыслью и поэтическимъ творчествомъ, Тибуллъ чувствуетъ себя счастливымъ. Онъ и знать ничего не желаетъ о войнѣ и политикѣ. Только въ битвахъ Венеры онъ былъ мужественнымъ воиномъ; но какъ разъ на этомъ полѣ сраженій ждала его тяжкая борьба. Обѣ женщины, Делія и Немесида, ставшія безсмертными, благодаря его пѣснямъ, оказались недостойными этой славы. Делія, сначала даривша поэта своей любовью, измѣняетъ ему ради богача, и, наконецъ, отдаетъ свою руку другому; Тибуллъ остается пріятелемъ ея мужа, но не единственнымъ человѣкомъ, котораго Делія отличала своей благосклонностью. Очаровательныя картины, нарисованныя поэтомъ,—неожиданное возвращеніе Деліи изъ далекаго путешествія, послѣ котораго она бросается поэту на шею, или ея хлопоты домовитой хозяйки въ деревнѣ — плодъ тоскующей фантазіи. Что касается Немесиды, то это просто алчная, увлекающаяся нарядами гетера; она отдастся тому, кто ей больше дастъ, и ни во что не ставитъ вѣрность и славу, которыя ей обѣщаетъ поэтъ; тѣмъ не менѣе, Тибуллъ не можетъ отъ нея оторваться. Но кто бы взялся разгадать, сколько въ пѣсняхъ Тибулла

Тибуллъ.

Рис. 398. ПОРТРЕТЪ ПОЭТЕССЫ (?)
(въ формѣ медальона).
Найденъ въ Геркуланумѣ, нынѣ находится въ Неаполѣ.
Съ фотографіи.
Молодая женщина съ кудрявыми волосами, держащая въ правой рукѣ stilus, задумчиво приложила его къ губамъ; лѣвой рукой она держитъ дощечку для письма.

пережитаго, сколько заимствованнаго изъ сокровищницы типовъ древнѣйшей поэзіи?

Мы видимъ, что кругъ мыслей и поэтическаго творчества Тибулла весьма ограниченъ; одаренный тонкимъ чутьемъ, онъ подобно Горацію находитъ соотвѣтствующую поэтическую форму у древнихъ, возвращаясь къ іонійской элегіи Мимнерма (Э. К., стр. 211). Изъ болѣе новой поэзіи онъ заимствуетъ лишь отдѣльные мотивы, отбросивъ обычное нагроможденіе миѳологическихъ образовъ и географическихъ именъ. Онъ создастъ, такимъ образомъ, чисто римскую элегію, вызывающую впечатлѣніе простоты и непосредственности, хотя въ ней не меньше художественной отдѣлки, чѣмъ въ стихотвореніяхъ Проперція. Римъ еще не слышалъ такихъ благозвучныхъ, законченныхъ дистиховъ.

Рис. 399. ЛЕТЯЩАЯ ЖЕНСКАЯ ФИГУРА, СЪ РОГОМЪ ИЗОБИЛІЯ ВЪ РУКѢ.
Изъ дома Веттіевъ въ Помпеяхъ.
Съ фотографіи.

Сульпиція.

Четыре книги, носящія имя Тибулла, представляютъ изъ себя поэтическое сокровище, возникшее въ кругу Мессалы. Мы выдѣляемъ изъ него граціозный циклъ элегій, воспѣвающихъ любовь Сульпиціи къ Керинѳу. Шесть краткихъ писемъ Сульпиціи, написанныхъ наивно и страстно, отражаютъ цѣлый романъ: сначала блаженное признаніе—„наконецъ, пришла любовь“, грусть при мысли объ одинокомъ днѣ рожденія въ деревнѣ, и радость, когда отъѣздъ отмѣняется; горесть Сульпиціи при вѣсти, что Керинѳъ ей предпочитаетъ любовницу; ея тревога во время болѣзни, при мысли, желаетъ ли Керинѳъ ея выздоровленія, и, наконецъ, раскаяніе и признаніе въ томъ, что она снова всецѣло принадлежитъ возлюбленному.— Такой же искренностью проникнуты элегіи, въ которыхъ другое лицо, вѣроятно, самъ

Тибуллъ, воспѣвзетъ эту любовь. Онъ описываетъ красоту дѣвушки въ праздничномъ нарядѣ, каждое движеніе ея проникнуто стройностью; она покорила бы самого Марса, если бы онъ снизошелъ съ небесъ. Когда Керинѳъ отправляется на охоту, Сульпиція проклинаетъ страсть къ охотѣ, она сама хочетъ пойти въ лѣсъ, чтобъ оберечь возлюбленнаго отъ нападенія дикаго вепря. Поэтъ сулитъ Керинѳу, молящему Аполлона о спасеніи любимой дѣвушки отъ недуга, исполненіе его мольбы; ибо богъ охраняетъ любящихъ, лишь бы союзъ ихъ былъ вѣренъ. Два искреннихъ пожеланія ко дню рожденья заключаютъ элегіи. Эта живая непосредственность искренняго чувства исключительно рѣдка въ римской поэзіи.

Пропорцій.

Секстъ Проперцій (около (49—15), крупнѣйшій изъ римскихъ элегиковъ, родился тамъ, „гдѣ возвышаются стѣны скалистаго Ассизи“. Будучи холостякомъ, типичнымъ жителемъ столицы, онъ велъ въ Римѣ настоящую столичную жизнь. Его серьезная работа, его пониманіе изобразительныхъ искусствъ отражаются въ его поэзіи, но только любовь сдѣлала изъ него поэта. Прекрасная, остроумная гетера, такая же страстная какъ поэтъ, но менѣе постоянная въ своей страсти, покоряетъ сердце юноши. Кинѳія—такъ онъ называетъ ее—виновница его славы; она служитъ исходной точкой его поэтическаго творчества, къ ней оно постоянно возвращается, когда поэтъ затрагиваетъ иные мотивы. По истеченіи пяти лѣтъ Проперцій порываетъ эту связь; но даже послѣ своей смерти Кинѳія ночью поднимается изъ подземнаго міра, пробуждаетъ въ поэтѣ память о минувшемъ счастьѣ и возвѣщаетъ ему свое послѣднее желаніе.

Ученая поэзія.

Возстановленіе любовнаго романа поэта по его стихотвореніямъ было-бы безплодной попыткой. Ибо Проперцій типичный представитель „ученой поэзіи“. Одаренный внутренней силой и самобытнымъ талантомъ, онъ предпочитаетъ, тѣмъ не менѣе, пути Филеты и Каллимаха. Поэтъ у нихъ заимствуетъ неудачный пріемъ переплетенія своихъ чувствъ миѳологическими примѣрами, неоднократно побуждавшими читателя съ нетерпѣніемъ отбрасывать его стихотворенія. Среди образованныхъ римлянъ, однако, которымъ Проперцій исключительно и посвящалъ свое творчество, поэтъ могъ разсчитывать на пониманіе. Стремленіе въ немногихъ словахъ сказать многое побуждало поэта переплетать свои переживанія съ именами легендарныхъ героевъ, живой образъ которыхъ тотчасъ возставалъ передъ мысленнымъ взоромъ читателя (ср. рис. 400). Слова, нѣкогда сказанныя Коринной молодому Пиндару,—не слѣдуетъ при посѣвѣ высыпать все сѣмя — были неизвѣстны Проперцію. Несмотря на это, Проперцій принадлежитъ къ плеядѣ великихъ поэтовъ. Мы часто затрудняемся провести въ его поэзіи границу между подражаніемъ и тѣмъ, что имъ пережито и прочувствовано; тѣмъ не менѣе, его творчество проникнуто самобытной силой и страстностью. Эти качества покоряли и внутренне захватывали Гете. Въ „Римскихъ элегіяхъ“ Гете слѣдуетъ Проперцію, какъ самому совершенному

учителю; то же мы видимъ въ граціозномъ „Посѣщеніи“ спящей возлюбленной: очарованный видомъ ея, онъ кладетъ передъ нею цвѣты и фрукты и неслышно покидаетъ ее (у римскаго поэта проснувшаяся осыпаетъ посѣтителя жестокими упреками за его непостоянство).

Страсть.

Ни одинъ римлянинъ не воспѣвалъ всемогущества любви съ такой порывистой страстью. Амуръ обыкновенно изображается мальчикомъ, ибо любящіе становятся безразсудными, какъ дѣти, онъ крылатый, потому что любовь преходяща. У Проперція же амуръ безкрылый, такъ какъ онъ никогда не покидаетъ сердца поэта. Когда онъ однажды послѣ ночного пира отправляется въ поиски за приключеніями, на него нападаетъ цѣлая толпа эротовъ, увлекающая поэта къ ожидающей его возлюбленной. Мы видимъ его, то восторженнымъ, то глубоко тоскующимъ, рѣдко вполнѣ счастливымъ. Мы чаще слышимъ о страданіяхъ любви, чѣмъ о блаженствѣ ея. Разумѣется, Кинѳія была непостоянна; но изображеніе яснаго счастья вскорѣ утомило бы читателя, тогда какъ несчастная любовь проходитъ черезъ безконечную скалу колебаній.

Кинѳія.

Онъ горюетъ и молится за нее во время ея болѣзни. Съ тайной озабоченностью поэтъ провожаетъ ее въ модный великосвѣтскій курортъ Байи, и удовлетворенъ, когда она въ сельской тиши, вдали отъ всякаго соблазна. Онъ сентиментально вздыхаетъ по ней въ лѣсу, гдѣ вырѣзываетъ ея имя въ корѣ деревьевъ, гдѣ только птицы слышатъ его стоны и эхо повторяетъ дорогое имя. Ужасны его муки ревности; поэтъ знаетъ, что возлюбленная не ему одному отдается. Онъ пытается воздѣйствовать на нее то подарками, то мольбами и увѣщаніями, то притворнымъ равнодушіемъ. Наконецъ, Проперцій приходитъ къ заключенію, что лучшія средства для сохраненія ея милости—разумная покорность, снисхожденіе къ ея слабостямъ и тихая вѣрность. Одинъ изъ старыхъ почитателей Кинѳіи возвращается богачемъ по истеченіи срока своего намѣстничества. Хоть бы онъ потерпѣлъ крушеніе на своемъ пути! Поэтъ не надѣется, что Кинѳія ему откажетъ, онъ искренне желаетъ, чтобъ она скорѣе все выманила у этого глупаго животнаго и отправила бы его обратно въ Иллирію. Но какое горе, что любовь подкупна! О, если бы въ Римѣ не было богачей!—Тщетно друзья поэта убѣждаютъ его отказаться отъ этой недостойной страсти. Онъ самъ ее переживаетъ точно тяжелую болѣзнь, но отъ любви не существуетъ спасительнаго зелья. Поэта преслѣдуетъ мысли о смерти. То онъ видитъ Кинѳію, цѣлующую его похолодѣвшія губы въ послѣдній разъ, то ему рисуется ея тріумфъ, когда онъ умретъ. „Ты жаждешь умереть, Проперцій, въ расцвѣтѣ юныхъ лѣтъ? Умирай, пусть она ликуетъ надъ моей гибелью!“ Такъ вся жизнь поэта колеблется между тревогой и надеждой, между тоской и радостью.

Этіологическія стихотворенія.

Уже первая книга, посвященная Кинѳіи, обратила на Проперція вниманіе Мецената, и ему также было дано порученіе воспѣть дѣянія Августа. Его хвалебный гимнъ на побѣду при Актіи доказываетъ, что эта задача была посильна поэту; но онъ самъ не чувствовалъ себя призваннымъ для ея выполненія. Лишь послѣ разрыва съ Кинѳіей Энеида Вергилія направила поэта къ высшей цѣли: онъ стремился быть римскимъ Каллимахомъ (ср. объ Этіяхъ Каллимаха, стр. 122), за-

думавъ написать толкованіе священныхъ обычаевъ, дней и древнихъ наименованій мѣстностей.

Свое многообѣщающее произведеніе Проперцій начинаетъ описаніемъ Рима, выразительно оттѣняя контрастъ между простотой старины и блескомъ настоящаго. Поэтъ воспѣваетъ рядъ римскихъ боговъ. Онъ красиво разсказываетъ легенду о Тарпеѣ, предавшей свою родину изъ любви къ сабинскому царю Татію, и нашедшей вмѣсто счастья любви достойную ея поступка смерть; дальше поэтъ остроумно разсказываетъ о Гераклѣ, нѣкогда побѣдившемъ на мѣстѣ будущаго Рима гиганта—Кака; истомленный жаждой, онъ до дна выпиваетъ священный источникъ, не смотря на протесты женщинъ: въ кару за это преступленіе женщинамъ запрещено приносить жертву на алтарѣ Геракла. Проперцій сорвалъ бы еще не одинъ цвѣтокъ изъ вѣнка римскихъ легендъ, если бы лира его не смолкла преждевременно.

Рис. 400. БРИСЕИДУ УВОДЯТЪ ИЗЪ ПАЛАТКИ АХИЛЛА.
Помпеянская стѣнная роспись изъ дома трагическаго поэта (домъ второго стиля), нынѣ въ Неаполѣ.
Съ фотографіи.
Въ фигурѣ Ахилла, прекрасная голова котораго эффектно выдѣляется на краю щита, видѣющагося за нею, все царственно. Направо за нимъ старческое лицо Феникса. Патроклъ выводитъ изъ палатки, заполняющей фонъ картины, Брисеиду, поднимающую на насъ свой взоръ сквозь слезы. Плоскость, вмѣщающая тѣсно, на подобіе рельефа сгруппированную картину, весьма ограничена: впечатлѣніе пространственной глубины вызывается, главнымъ образомъ, палаткой.

Изъ остальныхъ поэтическихъ произведеній Проперція мы назовемъ еще два. Одно изъ нихъ—поэтическое любовное посланіе, которое, исполненная нѣжной тревоги, Аретуса пишетъ своему далекому супругу. Пока онъ сражается съ парѳянами, она при вечернемъ свѣтѣ изучаетъ карту, желая мысленно перенестись къ нему. Какъ горячо она за него молится! Какъ ей бы хотѣлось быть амазонкой и раздѣлять съ нимъ всѣ трудности и опасности! Какъ она ждетъ его возвращенія! Послѣднее и самое прекрасное, написанное Проперціемъ, была его траурная элегія на смерть благородной Корнеліи. Покойная сама умоляетъ мужа не плакать о ней, ибо „вскрыть никакою мольбой черныхъ намъ вратъ не дано“. Говоря передъ судьей преисподней, она

Аретуса.

Корнелія.

описываетъ свою счастливую жизнь дочери, супруги и матери, которая и послѣ смерти не прекращаетъ нѣжныхъ заботъ о своихъ близкихъ. Подобныя стихотворенія примиряютъ насъ, доказывая, что развращенность римскихъ нравовъ, которую рисуетъ фривольная поэзія Овидія, была не всеобщей.

Турія. Мы пользуемся случаемъ и приводимъ памятникъ изъ дѣйствительной жизни, подтверждающій вышесказанное. Мы имѣемъ въ виду надгробную надпись, посвященную нѣкіимъ офицеромъ своей женѣ (такъ-назыв. Турія) въ формѣ обращеннаго къ ней хвалебнаго слова. Она была ему въ теченіе 41 года скромной и дѣятельной подругой жизни въ горестяхъ и радостяхъ. Въ тяжелое время проскрипцій она его мужественно поддерживала, продавъ всѣ свои драгоцѣнности, чтобъ способствовать его бѣгству. Моля о помилованіи своего мужа, Турія на колѣняхъ стояла передъ надменнымъ тріумвиромъ Лепидомъ и подвергалась грубымъ истязаніямъ. Она впослѣдствіи—чисто римская черта — сама убѣждала мужа развестись съ нею, чтобъ онъ не былъ лишенъ желаннаго потомства. Онъ съ возмущеніемъ отвергъ эти мысли. Турія не стало; но память о ея мужественности охранитъ его отъ отчаянія.

Характеристика. Проперція читать нелегко. Его чувства не льются плавными волнами, подобно тому, какъ мы это видимъ у Тибулла, онъ ихъ выражаетъ порывисто и страстно. Поэтому иногда трудно услѣдить за ходомъ его мысли. Сжатость выраженія нерѣдко кажется искусственной, но она соотвѣтствуетъ темпераменту поэта. Онъ не избѣгаетъ своеобразныхъ оборотовъ и словообразованій, если ему нужно сжать мысль въ одно слово. Но сила его языка и чувства, картинная живость образовъ, рождающихся передъ нашими глазами подобно законченнымъ созданіямъ искусства, никогда не утратятъ своего обаянія. Рядомъ со скучными миѳологическими примѣрами, встрѣчаются мѣткія сравненія. Поэтъ, напр., оригинально видоизмѣняетъ древнее сравненіе, которое создалъ Гомеръ, сравненіе между бренностью человѣческой жизни и жизнью растеній: во время веселаго пира мы видимъ въ нашихъ бокалахъ плавающіе лепестки, опавшіе съ праздничныхъ вѣнковъ; такъ гордые и счастливые нашей любовью сегодня, мы не подозрѣваемъ о рокѣ, ожидающемъ насъ завтра.

Овидій. П. Овидій Насонъ (43 до—18 г. по Р. Хр.) самый извѣстный, но не самый выдающійся изъ элегиковъ. Онъ стоитъ на совершенно иной почвѣ, чѣмъ Вергилій и Горацій; Овидій является уже представителемъ поколѣнія, выросшаго при Августѣ и знавшаго о предшествовавшей борьбѣ лишь по разсказамъ другихъ.

Жизнь. Родившись въ апеннинскомъ городкѣ Сульмо, поэтъ получаетъ законченное образованіе въ Римѣ въ реторической школѣ, не проникая глубже въ остальныя науки. Послѣ этого онъ совершаетъ традиціонное путешествіе по классическимъ центрамъ съ цѣлью усовершенствованія образованія. Овидій уже мальчикомъ чувствовалъ свое призваніе поэта, его пѣсни, посвященныя Коринѣ, быстро распространяютъ его славу. Будучи въ тѣсной дружбѣ съ Проперціемъ, онъ велъ завидную жизнь въ кругу

поэтовъ. Въ третьемъ бракѣ ему было суждено и личное счастье. Въ 8 г. по Р. Хр., когда Овидій заканчивалъ Метаморфозы, его неожиданно постигла жестокая судьба. Августъ безъ всякаго судебнаго приговора отсылаетъ поэта въ изгнаніе на берегъ Чернаго моря въ непривѣтливыя Томи. Монархъ гнѣвался на поэта за его „Науку любви", грозившую разрушить то, что Августъ созидалъ съ большимъ трудомъ, и за „ошибку", вовлекшую Овидія, по всей вѣроятности, въ какой-нибудь семейный придворный скандалъ. Баловень судьбы, привыкшій къ столичной жизни, волосы котораго уже покрывались сѣдиной, былъ лишенъ достаточной моральной и философской глубины, чтобъ достойно перенести неизбѣжное. Съ тѣхъ поръ все его поэтическое творчество сводится къ одной непрестанной жалобѣ; однако, Овидій не достигнулъ цѣли своихъ желаній, возвращенія въ Римъ онъ не дождался.

Овидій безъ сомнѣнія является самымъ талантливымъ римскимъ поэтомъ; ни одинъ изъ нихъ не могъ сказать о себѣ: „Природа сама подъ размѣръ мою рѣчь подводила: что-бъ ни пытался сказать въ прозѣ я—стихъ выходилъ..." *). Его талантъ формы, для котораго не существовало ничего невозможнаго, плѣнялъ и очаровывалъ какъ современниковъ, такъ и позднѣйшія поколѣнія. Онъ шутя преодолѣваетъ трудности пентаметра, и пишетъ цѣлую дидактическую поэму, замѣняя въ ней гексаметръ дистихами. Въ его стихахъ дактили преобладаютъ надъ тяжелыми спондеями, благодаря чему они отличаются чрезвычайной плавностью. Легкость творчества избавляла его, какъ онъ думалъ, отъ необходимости тщательной отдѣлки; онъ зналъ свои слабости, но не пытался избавиться отъ нихъ. Тогда какъ у Проперція богатство содержанія перерастаетъ форму, мы у Овидія видимъ обратное явленіе. Онъ написалъ больше Вергилія и Горація взятыхъ вмѣстѣ, но мы нигдѣ не встрѣчаемъ вдумчиваго отношенія къ какому бы то ни было серьезному вопросу; онъ ихъ касается шутя и смѣясь. Поэтъ лишенъ моральной строгости и душевной глубины. Неутомимый поэтъ любви никогда самъ не переживалъ истинной страсти; пѣвцу божественныхъ миѳовъ религіозность была чужда. Непосредственность чувства у него замѣняется искусствомъ р е т о р и к и, которую Овидій вноситъ въ римскую поэзію, и отъ которой ей никогда больше не суждено было освободиться. Все это дѣлаетъ Овидія, бывшаго, впрочемъ, по его многократному заявленію, лучше своей славы и своей поэзіи, типичнымъ представителемъ своей эпохи. Представляя себѣ нравственный упадокъ послѣдующаго столѣтія, какъ его описываетъ Тацитъ, мы должны помнить наставленія, даваемыя Овидіемъ, и картины, рисуемыя имъ.

Упомянемъ вкратцѣ о его юношескихъ л ю б о в н ы х ъ э л е г і я х ъ („A m o r e s"). Тутъ нѣтъ ни единаго слова, которое не было бы сказано чище и глубже его предшественниками. Достаточно сравнить высоко- «Amores».

*) Перев. Ѳ. Зѣлинскаго.

парную траурную элегію, посвященную попугаю Коринны, съ очаровательными стихами Катулла на смерть воробья Лесбіи. То, какъ поэтъ могъ говорить, доказываетъ проникнутая искренней печалью элегія на смерть Тибулла. Его Коринна, надъ дѣйствительнымъ именемъ которой въ Римѣ долго ломали себѣ голову,—только плодъ поэтической фантазіи; тѣмъ болѣе отталкиваетъ открыто проявляемая чувственность.

«Героиды». Своими посланіями героинь Овидій по образцу Проперція создаетъ новую литературную форму, вызвавшую вскорѣ подражаніе. Легендарныя героини вродѣ Брисеиды, Федры, Дидоны, Медеи пишутъ—иногда при самыхъ невѣроятныхъ предпосылкахъ — любовныя посланія своимъ избранникамъ. Мудрено, напр., чтобъ посланіе покинутой Аріадны могло достигнуть уѣзжающаго Ѳесея! Подобныя заданія часто ставились въ реторическихъ школахъ; имъ Овидій, повидимому, обязанъ какъ самими сюжетами, такъ и богатствомъ краснорѣчивыхъ оборотовъ. Рядъ красивыхъ мотивовъ и тонкихъ изображеній душевной жизни черпаетъ онъ и изъ поэтическихъ источниковъ. Въ общемъ, въ этихъ посланіяхъ мы находимъ живое изображеніе цѣлой скалы чувствъ и множество чарующихъ деталей.

«Наука любви». Какъ ни безотраденъ сюжетъ его „Науки любви“, она является своего рода шедевромъ, которымъ гордился самъ поэтъ. Ибо вѣрная, истинная любовь чужда Овидію, онъ знаетъ исключительно мимолетное чувственное наслажденіе. Съ наблюдательностью психолога и поразительнымъ знаніемъ дѣла онъ изображаетъ искусство соблазна: онъ описываетъ, гдѣ лучше всего найти себѣ подругу (напр., въ театрѣ, куда женщины приходятъ, „чтобъ на людей посмотрѣть и себя показать“), какъ завязать съ ней знакомство, какими средствами сломить притворное или дѣйствительное упорство, чтобъ склонить колеблющуюся. Точно въ утѣшеніе женщинамъ, онъ и имъ даетъ совѣты, чѣмъ можно привлечь и привязать къ себѣ мущину. Обнаруживающіяся при этомъ тайны туалета намъ живо напоминаютъ современныя. Поэтъ рисуетъ въ высшей степени живую, но и безотрадную бытовую картину своей эпохи, которую онъ такъ любилъ. Онъ совершенно опредѣленно проповѣдуетъ только свободную любовь; однако, тѣ же пріемы, которыми покорялась гетера, и въ тѣ времена нерѣдко разрушали семейное счастье. Овидій въ шутливомъ тонѣ бесѣды касается самыхъ рискованныхъ вещей. Изъ его поэтическаго рога изобилія струится цѣлый потокъ примѣровъ изъ природы, легенды, исторіи; они не представляютъ изъ себя громоздкаго балласта, они возникаютъ естественно, то въ видѣ бѣглаго наброска, то въ чарующихъ картинахъ, напоминающихъ намъ помпеянскую стѣнную роспись. Даже боги и герои любили; съ какой стати людямъ быть лучше ихъ? Итакъ, эта „Наука любви“ является одной изъ немногихъ дѣйствительно фривольныхъ книгъ, за-

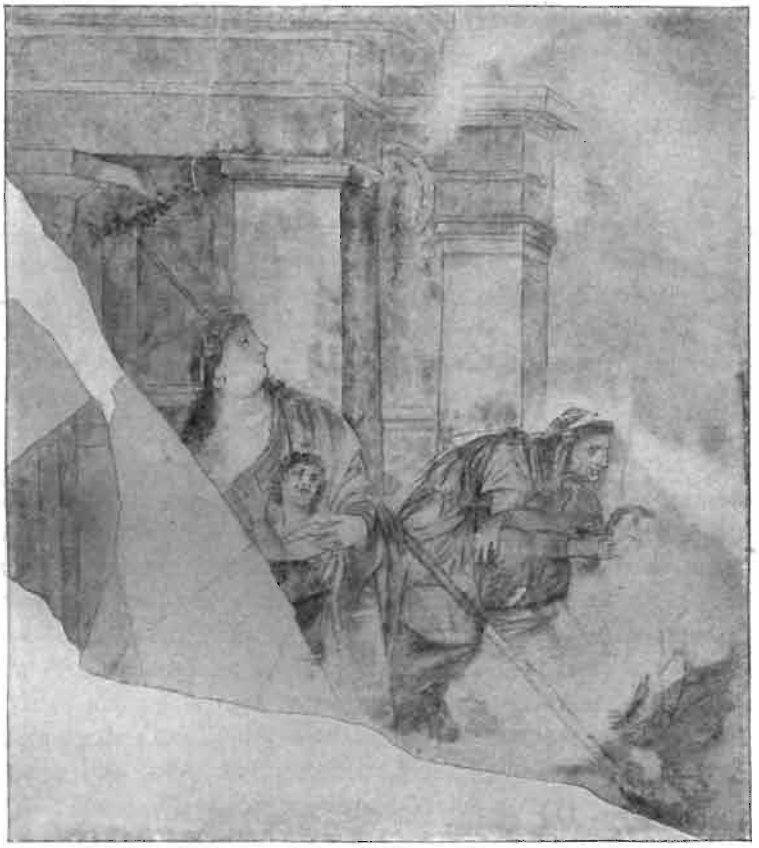

Рис. 401. МРАМОРНОЕ ИЗОБРАЖЕНІЕ НІОБЕИ.
Изъ Помпей, нынѣ въ Неаполѣ. По акварели Gilliéron; ср. Robert, Niobe, табл. 1.
Ніобея, обнимая свою младшую дочь, взоромъ укоризны смотритъ на небо. Направо старая кормилица пытается поднять одну изъ смертельно раненыхъ Ніобидъ.

вѣщанныхъ намъ античностью. Естественно, что „Лѣкарства отъ любви“, написанныя имъ послѣ „Науки любви“ для успокоенія напуганныхъ читателей, далеко уступаютъ послѣдней.

Сознаніе, что онъ въ совершенствѣ владѣлъ міромъ легенды, быть можетъ, болѣе всего побудило Овидія посвятить себя болѣе серьезной области поэзіи. Въ зрѣлые годы своей жизни онъ создаетъ безсмертное произведеніе—продолжая въ своихъ „Фастахъ“ трудъ Проперція (стр. 629), Овидій задается цѣлью написать календарь римскихъ празднествъ, съ описаніемъ смѣны небесныхъ свѣтилъ, съ изображеніемъ священныхъ празднествъ, обычаевъ и историческихъ дней, и объяснить ихъ возникновеніе. Когда половина произведенія, «Фасты».

которымъ Овидій мечталъ упрочить за собой милость монарха, была закончена, его постигла ссылка. Сырой матеріалъ онъ черпалъ у ученыхъ; всякое научное изслѣдованіе ему было чуждо. Онъ проявляетъ все свое искусство въ формѣ, поэтизируя даже сухія данныя, вродѣ времени восхода и захода свѣтилъ. Распредѣленіе матеріала исключало внутреннее единство, элегія свободно примыкала къ элегіи. Слѣдуя чередованію празднествъ въ календарѣ, поэтъ говоритъ намъ то о сѣдой старинѣ, простота которой ему не по душѣ („мы старое время восхваляемъ, а съ новымъ живемъ"), то о славныхъ дняхъ исторіи, то рисуетъ намъ торжественныя процессіи и праздничную народную суету во время современныхъ ему религіозныхъ торжествъ. Пользуясь каждымъ случаемъ, онъ прославляетъ Августа, какъ второго Ромула, какъ возродителя забытыхъ святилищъ. Онъ для каждаго разсказа находитъ подходящій тонъ; лишь величественность и достоинство ему не къ лицу. Его разсказъ поэтому рѣдко потрясаетъ. Иногда онъ пріобрѣтаетъ романтическую или идиллическую окраску, подчасъ онъ грубоватъ и полонъ юмора, но всегда свѣжъ и интересенъ. Энній пришелъ бы въ содраганіе отъ профанаціи всего серьезнаго у Овидія; но его современникамъ такая модная исторіографія казалась и поучительной и доставляющей наслажденіе. Мы сами поражаемся тѣмъ, съ какимъ умѣньемъ граціозный разсказъ возбуждаетъ въ насъ участіе къ сюжетамъ безразличнымъ по своему существу. Для облеченія своихъ легендъ въ соотвѣтствующую форму онъ прибѣгаетъ къ красивому художественному пріему. Какъ пѣвецъ святыхъ обычаевъ, онъ находится въ тѣсномъ общеніи съ обитателями небесъ. Для описанія Января Янусъ въ длинной бесѣдѣ милостиво дастъ ему рядъ свѣдѣній о себѣ самомъ и о своей своеобразной двойственности: въ качествѣ привратника небесныхъ чертоговъ, онъ смотритъ одновременно и впередъ и назадъ; любознательный поэтъ рѣшается поставить ему рядъ вопросовъ, напр., почему годъ начинается съ морозной зимы, а не съ цвѣтущей весны, олицетворяющей собой въ сущности зарожденіе новаго года.

«Метаморфозы». Безъ патріотическихъ цѣлей, изъ чистаго увлеченія богатствомъ образовъ легенды, Овидій пишетъ самое знаменитое свое произведеніе, „Метаморфозы". Мысль собрать безчисленныя легенды о превращеніи, созданныя творческой фантазіей грековъ, принадлежала не ему; но избранная задача такъ прекрасно отвѣчала его таланту, что Овидій далеко превзошелъ своихъ предшественниковъ. Передъ поэтомъ открывалась труднѣйшая задача—объединеніе этихъ чудесныхъ легендъ разныхъ временъ и источниковъ въ эпосъ, состоящій изъ 12 000 стиховъ, связанныхъ иллюзорной хронологической послѣдовательностью, начинающейся съ сотворенія міра и кончающійся превращеніемъ Цезаря въ звѣзду. Какъ изъ всего этого создать связный разсказъ? Не должно ли

было постоянное повтореніе превращеній (божества въ образъ человѣка, или человѣка въ птицу, дерево, скалу, звѣзду) и ихъ причинъ (кара за преступленіе, возмездіе за добродѣтель, спасеніе отъ опасности) утомить читателя? Какъ могъ Овидій описывать эти неестественныя метаморфозы, не вызывая смѣшного впечатлѣнія или впечатлѣнія безвкусія? Мы должны отдавать себѣ отчетъ въ этихъ трудностяхъ, чтобы оцѣнить по заслугамъ ту кажущуюся легкость, съ которой ихъ побѣждаетъ Овидій.

Рис. 402. ДЭДАЛЪ И ИКАРЪ.
Стѣнная роспись въ Помпеяхъ, нынѣ въ Неаполѣ.
Ср. Roscher, Mythologisches Lexikon II, стр. 114.

Связываніе легендъ.

Мастерство Овидія въ связываніи легендъ одной общей нитью или объединеніи ихъ въ группы поразительно. Нѣкоторые разсказы объединены общей рамкой, переходящей, въ свою очередь, также въ метаморфозу, которая повѣствуется за работой, въ бесѣдѣ, или въ видѣ увѣщевающаго или предостерегающаго примѣра, во время празднества или музическаго агона. Описываемыя поэтомъ произведенія искусства также изображаютъ метаморфозы. Странствующее божество или герой проходитъ на своемъ пути мѣста памятныхъ событій; гостепріимный хозяинъ разсказываетъ ему послѣднія новости или слушаетъ странника, описывающаго ему лично пережитое или видѣнное. Отъ отца поэтъ переходитъ къ разсказу о сынѣ или прародителѣ. Во всякомъ случаѣ, поэтъ изощряется нанизать всѣ свои разсказы на длинную общую нить, которая иногда становится очень тонкой, но никогда не рвется окончательно.

Разнообразіе трактовки.

Разнородная обработка сказаній вноситъ въ нихъ большое разнообразіе. Поэтъ то ограничивается краткимъ разсказомъ о превращеніи, то нанизываетъ цѣлый каталогъ легендъ, желая блеснуть богатствомъ матеріала. Но онъ любовно останавливается на особенно благодарномъ мотивѣ, даже если онъ не связанъ непосредственно съ превращеніемъ. Такъ появляются немногіе моменты отдохновенія въ этомъ голову-

кружительномъ водоворотѣ. Сюда относится, напр., длинное описаніе борьбы опьяненныхъ кентавровъ съ лапиѳами. Здѣсь, часто повторяющійся у Овидія, любимый его образъ—Медея, въ рѣчи, обращенной къ самой себѣ, изливаетъ затаенную страсть своего сердца, колеблющагося между любовью и долгомъ. Въ описаніи спора изъ-за оружія Ахилла Овидій въ рѣчахъ бурнаго Аянта и тонко разсчитывающаго софиста Улисса блистаетъ своими познаніями, вынесенными изъ школы реторики.

Искусство разсказа.

Рис. 403. ЕВРОПА НА БЫКѢ.
Стѣнная роспись въ Помпеяхъ. Нынѣ въ Неаполѣ. Съ фотографіи.
Человѣчески-умные глаза быка говорятъ о томъ, что передъ нами богъ въ образѣ животнаго.

Тѣмъ не менѣе, безсмертная цѣнность Метаморфозъ заключается не въ общемъ ихъ впечатлѣніи. Тотъ, кто попытается прочесть всѣ 15 книгъ подрядъ, вскорѣ самъ почувствуетъ себя точно зачарованнымъ и подавленнымъ этимъ множествомъ образовъ. Прелесть Метаморфозъ заключается въ тонкомъ искусствѣ разсказа Овидія, проявляющаго здѣсь на высотѣ своего творчества всю свою блестящую тысячами отливовъ красоту. Фривольная повелла въ стилѣ Боккаціо смѣняется чарующей идилліей, мрачной любовной трагедіей или волшебной сказкой,—поэтъ владѣетъ всѣми формами разсказа. Его жезлъ волшебника вноситъ струю жизни и движеніе даже въ самый непокорный матеріалъ. Въ его описаніи метаморфозъ все невозможное становится возможнымъ. Онъ насъ заставляетъ переживать самый напряженный моментъ. Мы слышимъ, какъ человѣческій голосъ неожиданно превращается въ голосъ животнаго, — мы видимъ, какъ листья принимаютъ очертанія человѣческихъ пальцевъ, мы чувствуемъ душевную муку несчастныхъ жертвъ, душа которыхъ

тщетно борется съ превращеніемъ тѣла. Часто метаморфоза искусно подготовляется; мы видимъ Ніобею, постепенно каменѣющую отъ печали (ср. рис. 401), и ничуть не поражаемся, когда бранящіеся крестьяне внезапно попадаютъ въ прудъ и квакаютъ въ немъ въ видѣ лягушекъ.

Искусство миніатюры.

Искусству граціозной миніатюры, извѣстной намъ, главнымъ образомъ, по Овидію, онъ научился у александрійцевъ. Почти каждая его страница богата прекрасными деталями, нарисованными съ натуры—вспомнимъ Филемона и Бавкиду! Благодаря этимъ деталямъ легенды переносятся въ рамки настоящаго и приспособляются къ міросозерцанію новаго времени. Всякая религіозность, всякое поклоненіе высшему существу въ немъ потухли, оно явно наслаждается перенесеніемъ этихъ образовъ въ грубую дѣйствительность. Весь Олимпъ превращается въ небесный Римъ, гдѣ великіе боги благородно обитаютъ вдоль Млечнаго пути, тогда какъ второстепенныя божества довольствуются боковыми уличками. Боги и герои превращаются въ современныхъ людей, мыслящихъ и дѣйствующихъ, любящихъ и ненавидящихъ, бесѣдующихъ и наряжающихся подобно великосвѣтскимъ римлянамъ и модницамъ. Такъ наступалъ конецъ великой литературѣ миѳа, который начался уже въ лицѣ Еврипида (Э. К., стр. 486). Въ этой общечеловѣческой формѣ миѳу однако было суждено безсмертіе; Овидій своимъ путемъ достигнулъ того-же, что было достигнуто Гомеромъ и трагиками: многія легенды въ формѣ, которую онъ имъ придалъ, становятся общимъ достояніемъ человѣчества. Вліяніе,

Рис. 404. ПЕРСЕЙ ОСВОБОЖДАЕТЪ АНДРОМЕДУ.
Мраморный рельефъ. Римъ. Капитолій. Съ фотографіи.

которое оказалъ Овидій на поэзію и изобразительное искусство всѣхъ временъ, было продолжительно и очень многосторонне.

Изгнаніе. Совершенно инымъ характеромъ отличаются многочисленныя элегіи, написанныя Овидіемъ за время его десятилѣтней ссылки. Это скорбныя жалобы въ полномъ смыслѣ слова; только одна струна его лиры продолжала звучать, остальныя были надорваны. Тѣмъ не менѣе, эти элегіи насъ неудержимо плѣняютъ тѣмъ, что поэтъ, такъ долго воспѣвавшій страсть и любовь людей, героевъ и боговъ, не побуждаемый ни истинной любовью, ни внутренней потребностью, теперь изъ глубины души въ трогательныхъ словахъ тоскуетъ надъ своей собственной горькой судьбой. До этого момента поэзія была для него веселой забавой; теперь она становится его единой утѣхой и вѣрной спасительницей, поддерживавшей его связь съ Римомъ и со всѣмъ тѣмъ, отъ чего онъ такъ неожиданно былъ оторванъ. Онъ посылаетъ въ Римъ одну книжку за другой; всѣ онѣ полны жалобъ на жестокую судьбу, на суровый климатъ, варварскую обстановку, постоянную боязнь нападенія непріятелей. Поэтъ пытается оправдаться, и умоляетъ о смягченіи ссылки или о помилованіи. „Скорби“ еще богаты частями, отличающимися глубиной чувства и поэтической прелестью; сюда прежде всего относятся прекрасное описаніе послѣдней ночи въ Римѣ, разлуки съ женой и друзьями, и картины грустнаго и опаснаго пути на далекую печальную чужбину. Воспоминанія о своей прошлой жизни и о своемъ поэтическомъ творчествѣ также не лишены для насъ интереса. Въ Письмахъ изъ Понта вмѣстѣ съ ослабленіемъ надежды на возвращеніе на родину слабѣютъ и силы поэта, постоянная монотонность даже читателя, полнаго участія къ нему. Овидій умираетъ сломленнымъ утомляетъ человѣкомъ въ суровой странѣ гетовъ.

«Tristia». Письма изъ Понта.

5. ПРОЗА

СЕНЕКА. ЛИВІЙ. ДІОНИСІЙ ГАЛЛИКАРНАССКІЙ. ДІОДОРЪ. СТРАБОНЪ

Ораторское искусство. Ораторское искусство высокаго стиля въ Аѳинахъ умираетъ съ утратой свободы, въ Римѣ съ гибелью республики. Никто не можетъ произнести истинно прекрасной рѣчи, если ея достойное содержаніе не превозноситъ оратора надъ самимъ собой, говоритъ Тацитъ. Ораторъ въ народномъ собраніи уже не могъ увлекать за собой народной толпы; несмотря на всѣ искусныя рѣчи, въ сенатѣ господствовала воля монарха; хвалебныя и торжественныя рѣчи ограничивались пустыми фразами, и даже судебная рѣчь утрачиваетъ широкую почву общественности, такъ какъ она съ форума изгнана въ судебную залу. Несмотря на все это, искусство краснорѣчія никогда не изучалось съ бо́льшимъ усердіемъ, чѣмъ въ эпоху имперіи. Тѣмъ, что каждый обра-

зованный римлянинъ проходилъ эту школу, объясняется отравленность всей прозы этого времени ядомъ риторики. Риторика дѣйствительно стала ядомъ. Въ этомъ насъ убѣждаетъ постановка дѣла въ школахъ риторики съ ихъ безконечными стилистическими упражненіями, далекими отъ жизни, ограничивающимися фразеологіей и риторическими тонкостями. Анней Сенека (около 54 д.—39 по Р. Хр.), отецъ философа, даетъ намъ поучительное представленіе объ этой школѣ. Желая дать сыновьямъ указанія, какъ приступить къ декламаціямъ, какъ ихъ систематизировать и отдѣлывать, старикъ, обладающій поразительной памятью, собиралъ множество старыхъ школьныхъ темъ, разработанныхъ съ разныхъ точекъ зрѣнія разными учителями риторики. Онъ открыто сознается въ одномъ изъ интересныхъ предисловій, въ которомъ свѣжо и съ веселымъ юморомъ разсказываетъ о своихъ личныхъ воспоминаніяхъ, что имъ самимъ въ концѣ концовъ одолѣваетъ отвращеніе ко всей этой выспренности и искусственности. Все это дѣлаетъ оригинальное произведеніе Сенеки драгоцѣннымъ пособіемъ для пониманія интеллектуальной культуры той эпохи.

Риторика.

Сенека.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ этихъ суазорій (совѣтовъ) и контроверсій (случаи изъ судебной практики), доказывающихъ всю ихъ неплодотворность: 300 спартанцевъ при Ѳермопилахъ совѣщаются, не предпочесть ли и имъ бѣгство.—Цицеронъ задумывается, не предать ли ему своихъ рѣчей сожженію, такъ какъ Антоній обѣщаетъ въ такомъ случаѣ пощадить его жизнь. — Порочной весталкѣ предстоитъ быть сверженной со скалы. Объятая ужасомъ, она обращается съ мольбой къ Вестѣ и какимъ-то чудомъ остается невредимой. Слѣдуетъ ли несмотря на это повторить казнь?—Изгнанникъ собирается отравой лишить себя жизни. Его жена требуетъ свою долю яда, отказываясь жить безъ мужа; онъ ей даетъ ее. Но умираетъ только она, и мужа обвиняютъ въ убійствѣ, когда выясняется, что покойная ему завѣщала все имущество.—Мужъ обвиняетъ мачеху въ отравленіи пасынка. Во время пытки, она выдастъ дочь, какъ сообщницу; когда послѣдней грозитъ смертная казнь, отецъ ее защищаетъ.—Нѣкто обвиняетъ богача въ измѣнѣ и крадетъ изъ его шкапа документы, подтверждающіе его обвиненіе. Когда же онъ проситъ слова, ему отказываютъ, потому что присутствіе вора въ народномъ собраніи недопустимо. — Изложенные случаи относятся еще къ числу простыхъ; чаще изощрялись въ рѣшеніи самыхъ запутанныхъ и невѣроятныхъ предположеній. И къ чему была ученикамъ вся ораторская находчивость, если молодой умъ питался подобными представленіями?

Мы ограничимся только упоминаніемъ о томъ, что въ эпоху Августа греки подобно Діонисію и Кекилію посвящали себя изученію риторики. О нихъ будетъ сказано ниже при характеристикѣ, выросшаго изъ ихъ дѣятельности аттицизма.

Роковое вліяніе риторики немедленно отразилось на историографіи. Излишне объяснять, почему историографія именно теперь выдвигается на первый планъ. Коренной переворотъ, совершившійся въ римскомъ государствѣ, побуждалъ, стоя на твердой базѣ настоящаго, обратить взоры на прошедшее и изложить въ соотвѣтствующей формѣ

Историографія.

всю исторію его эволюціи. Два грека и одинъ римлянинъ взялись за созданіе всемірной исторіи, задуманной въ широкихъ рамкахъ. Тѣмъ временемъ Ливій пишетъ свой монументальный трудъ по римской исторіи, съ которымъ мы имѣемъ возможность сравнить работу Діонисія о древнѣйшемъ періодѣ римской исторіи. Обѣ задачи не могли быть осуществлены въ то время въ удовлетворяющей и насъ формѣ. Но мы должны при нашей оцѣнкѣ помнить, что авторы этихъ трудовъ не задавались цѣлью создать ученое произведеніе, подобно Полибію; ихъ сочиненія носили популярный характеръ.

Ливій. Титъ Ливій (51 д.—17 г. по Р. Хр.), родомъ изъ Падуи, принадлежалъ къ числу многихъ молодыхъ талантовъ, происходившихъ изъ Верхней Италіи, и внесшихъ въ римскую интеллектуальную культуру свѣжую струю жизни. Не забудемъ упомянуть, что онъ писалъ и философскія и риторическія сочиненія. Надъ своей исторіей Ливій проработалъ болѣе 40 лѣтъ. Наряду съ оказываемымъ ему вполнѣ заслуженнымъ признаніемъ, удовлетвореніе отъ того, что онъ „по мѣрѣ силъ способствовалъ увѣковѣченію памяти о дѣяніяхъ перваго народа міра“, постоянно поддерживало въ немъ силу.

Рис. 405. ОРЕЛЪ.
Рельефъ времени Траяна. Съ фотографіи.
Помѣщенъ папой Юліемъ II въ притворѣ Ss. Apostoli въ Римѣ.
Орелъ очень эффектно выдѣляется изъ вѣнка, за которымъ распростерты его крылья.

Содержаніе. Онъ начиналъ отплытіемъ Энея изъ Трои и кончалъ въ 142-й книгѣ смертью Друса (9 г. по Р. Хр.). Трудно предположить, чтобы Ливій создавалъ этотъ громадный трудъ по заранѣе составленному плану. Тѣмъ не менѣе, книги были сгруппированы въ отдѣлы по содержанію и снабжены по усмотрѣнію автора спеціальными введеніями. Повѣствованіе носило, придерживаясь источниковъ, строго анналистическій характеръ. До насъ сохранилось 35 книгъ, содержащихъ исторію (1—10) царскаго періода и древней республики вплоть до третьей Самнитской войны (293) и (21—45) отъ второй Пунической войны до покоренія Македоніи (218—167). Мы видимъ по этимъ цифрамъ, что разсказъ по мѣрѣ приближенія ко времени автора становится подробнѣе; одна война съ Ганнибаломъ уже обнимала 10 книгъ. Къ сожалѣнію, исторія времени самого Ливія не уцѣлѣла. Сохранившееся оглавленіе содержанія всѣхъ книгъ не можетъ возмѣстить утраченнаго.

Оцѣнка. Желая правильно понять трудъ Ливія, мы должны оцѣнивать его какъ цѣлое и помнить, что онъ самимъ римлянамъ казался вѣнцомъ

римской историографіи. Ливій пишетъ свою исторію, какъ Цицеронъ ее собирался писать: этимъ все сказано (ср. стр. 433). Авторъ безъ всякаго сомнѣнія былъ лишенъ большинства тѣхъ качествъ, которыя мы нынѣ цѣнимъ въ ученомъ историкѣ. Для него методическое изслѣдованіе источниковъ и глубокая критика совершенно чуждыя понятія; онъ способенъ не считаться съ памятниками и документальными данными. Онъ обыкновенно при описаніи отдѣльныхъ историческихъ событій избираетъ какого-нибудь *одного* древнѣйшаго автора, которымъ онъ, главнымъ образомъ, руководствуется, отмѣчая при случаѣ отклоненія другихъ источниковъ. При этомъ Ливій, къ сожалѣнію, предпочитаетъ младшихъ анналистовъ, разсказъ которыхъ такъ подробенъ и интересенъ, упуская изъ виду бо̀льшую достовѣрность скудныхъ древнѣйшихъ источниковъ. Правда, Ливіемъ иногда овладѣваютъ сомнѣнія, но онъ ограничивается въ такихъ случаяхъ добросовѣстнымъ заявленіемъ о нихъ, не имѣющимъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Онъ довольно поздно убѣждается въ недостовѣрности подозрительныхъ числовыхъ данныхъ у Валерія Антіатскаго (стр. 402). Когда Ливій пользуется для опредѣленнаго періода двумя разными источниками, мы ихъ ясно различаемъ въ его изложеніи Переработка ихъ въ единое цѣлое—превышаетъ его умѣніе; попытки такой переработки полны недоразумѣній и неточностей. Что касается хронологіи, то и она хромаетъ. Автору чужда также способность живого представленія условій и положенія вещей отдаленнаго прошлаго. Еще хуже то, что Ливій не былъ ни государственнымъ дѣятелемъ, ни полководцемъ, вслѣдствіе чего онъ не умѣетъ дать дѣловитаго описанія ни политическаго кризиса, ни экономическаго развитія, ни картины сраженія. Онъ не признавалъ также необходимости путешествій для ознакомленія съ мѣстами историческихъ событій.

Всѣ эти недостатки были безпощадно обнаружены критикой, особенно тамъ, гдѣ параллель съ Полибіемъ рѣзко выдвигала недочеты повѣствованія Ливія. Но увлеченная детальнымъ изслѣдованіемъ, эта критика забывала бросить общій взглядъ на трудъ Ливія, забывала задаться вопросомъ, какими путями авторъ могъ бы иначе выполнить свою трудную задачу. Она, кромѣ того, упускаетъ изъ виду потерю тѣхъ книгъ Ливія, въ которыхъ онъ излагалъ исторію своей эпохи. Тутъ онъ располагалъ богатымъ матеріаломъ, знакомымъ ему по личнымъ впечатлѣніямъ и достовѣрнымъ источникамъ; тутъ онъ использовалъ, по всей вѣроятности, тотъ опытъ, который пріобрѣлъ въ теченіе созданія своего труда, и нарисовалъ живую картину этихъ достопамятныхъ столѣтій.

Достоинства.

Ибо онъ въ широкой степени обладалъ всѣми данными, чтобы написать идеальную римскую исторію во вкусѣ и *въ духѣ Августовской эпохи*. Выросшій въ республиканскихъ воззрѣніяхъ, онъ въ

отроческіе годы переживаетъ гибель Цезаря, а въ зрѣломъ возрастѣ начало новаго времени. Ливій сохранилъ еще достаточно самостоятельности, мужества и воодушевленія, чтобы написать исторію республики съ достойнымъ безпристрастіемъ, а дружба съ Августомъ, называвшимъ Ливія съ шутливой укоризной „Помпеянцемъ“, обезпечивала его отъ неправильнаго пониманія его точки зрѣнія. Нѣсколько позже спустя неосторожная похвала Бруту могла уже поставить жизнь высказавшаго ее въ опасность. Ливій открытыми глазами смотритъ и на недостатки своего времени: государство разрослось до такихъ предѣловъ, что „страдаетъ уже отъ своей величины“, съ внѣшнимъ расцвѣтомъ тѣсно связанъ прогрессирующій упадокъ нравовъ. Поэтому Ливій мысленно уходитъ въ великое прошлое съ его непорочностью нравовъ; подобно тому, какъ Вергилій писалъ Энеиду, Ливій пишетъ свою исторію себѣ въ утѣшеніе, своему народу для подражанія. Подобно Вергилію и Ливій— цѣломудренный характеръ, восторженный патріотъ и отзывчивый человѣкъ. Онъ не лишенъ и поэтическаго дарованія: его прекрасный разсказъ о Лукреціи Овидію оставалось лишь облечь въ поэтическую форму. Развѣ онъ могъ бы безъ творческой фантазіи нарисовать ту живую картину далекихъ временъ, которую читатели древности, эпохи Возрожденія и вплоть до недавняго времени принимали за достовѣрную? Воодушевленіе Ливія своей великой задачей подкупаетъ и захватываетъ, такъ же какъ его искренняя любовь къ родинѣ, справедливая гордость римлянина, съ которой онъ повѣствуетъ судьбы своего народа, его богоизбранные ростъ и развитіе отъ скромнаго возникновенія города Ромула и періода царей, отъ сословной борьбы республики и вплоть до пріобрѣтеннаго кровопролитной борьбой господства надъ Италіей и постепеннаго расширенія его надъ всѣмъ міромъ. Если онъ при этомъ смягчаетъ и скрываетъ многое отрицательное, если онъ пристрастенъ къ римлянамъ въ ущербъ ихъ противникамъ, если онъ не доцѣниваетъ великой личности Ганнибала, то это человѣчно и понятно. Но сознательная неправдивость настолько же чужда Ливію, насколько далека отъ него враждебная партійность. Любовь къ сочинительству, руководившая анналистами, ему чужда; имъ руководитъ честное намѣреніе излагать событія, точно придерживаясь историческаго преданія и не вдаваясь въ критику. Религіозная душа Ливія примиряетъ его съ легендами древнѣйшей эпохи, удерживая отъ искажающаго разсказъ раціоналистическаго толкованія и сохраняя поэтическую вѣроятность разсказа, захватывающую читателя. „Надо признать за древней эпохой свободу сліянія божественнаго и человѣческаго, чтобы возвышеннѣе объяснить начала города“. Правда, Ливій не отдаетъ себѣ отчета въ томъ, гдѣ кончается легенда и гдѣ начинается исторія. Всюду сказывается его довѣрчивая религіозность. Въ концѣ каждаго года онъ добросовѣстно выписываетъ

изъ Анналъ всѣ чудесныя знаменья, и объясняетъ пораженія и неудачи чаще всего какъ результатъ пренебреженія волею боговъ. Корни величія Рима онъ видѣлъ въ строгости религіи и нравовъ. Съ той же серьезностью, вѣроятно, Ливій порицалъ впослѣдствіи наступавшій упадокъ ихъ.

Плѣняющая сила труда Ливія въ томъ, что онъ написалъ свою исторію не разсудкомъ, а сердцемъ, сердцемъ, пламенѣющимъ всѣмъ высокимъ, исполненнымъ горячаго участія къ человѣческимъ судьбамъ. Образы великихъ людей стоятъ у Ливія на первомъ планѣ; уже рѣчи выдѣляютъ ихъ надъ толпой. Въ изображеніи Ливія они появляются чистыми, безъ всякихъ недостатковъ. Какъ личное, такъ и народное счастье или несчастье всегда вызываютъ откликъ въ его душѣ. Онъ искренне хвалитъ то, что заслуживаетъ похвалы, и безстрашно выражаетъ свое отвращеніе къ пороку и грубости. То личное отношеніе, которое связываетъ, такимъ образомъ, Ливія съ героями его разсказа, передается и читателю, незамѣтно сживающемуся съ образомъ мыслей автора. Это придаетъ труду Ливія общее настроеніе гармоничности и характеръ возвышенности. Почтенный Геродотъ можетъ спокойно примириться съ тѣмъ, что его сравниваютъ съ Ливіемъ, говоритъ Квинтиліанъ.

Искусство.

Художественность изложенія Ливія никѣмъ не оспаривается. Правда, мы предварительно должны свыкнуться съ риторической окраской всего повѣствованія, но не можемъ не признать, что чутье предохранило Ливія отъ безобразныхъ преувеличеній, и онъ въ высокой степени заслуживаетъ славу „краснорѣчиваго исторіографа“. Мы понимаемъ, что его многочисленныя рѣчи считались высшими созданіями его искусства, и понимаемъ причины этого. Мы знаемъ, что ни одна изъ этихъ рѣчей въ дѣйствительности не произносилась, мы даже часто жалѣемъ объ этомъ, и поражаемся, какъ авторъ оттѣняетъ характеръ оратора, развиваетъ мотивы его образа дѣйствій, влагая въ уста его благородные принципы и мысли, характеризуя настроеніе эпохи и партійную рознь. Вообще же онъ не облекаетъ тѣ выводы, къ которымъ приводитъ исторія, въ форму разсужденій, подобно Полибію; они естественно вытекаютъ изъ его глубоко продуманнаго изложенія. Рѣчи вносятъ нѣкоторое разнообразіе въ длинное повѣствованіе, которое, однако, никогда не утомляетъ, хотя его „плодотворная насыщенность“ нерѣдко переходитъ въ эпически-спокойную широту.

Языкъ.

Въ своемъ стилѣ поклонникъ Цицерона тѣсно примыкаетъ къ классикамъ. Въ противовѣсъ краткости Саллустія и отрывочнымъ предложеніямъ новомодныхъ ресторовъ, его рѣчь отличается мягкой, плавной ровностью. Его періоды часто лишены законченности и прозрачности, которыя такъ естественны у Цицерона. Его языкъ отличается строгостью и достоинствомъ содержанія. Слегка архаическая окраска его

усиливаетъ выразительность. Этой же цѣли достигаетъ изобиліе поэтическихъ оборотовъ, словъ и конструкцій, которыхъ избѣгалъ Цицеронъ. Благодаря имъ Ливій становится провозвѣстникомъ серебряной латыни.

Итакъ, мы въ произведеніи Ливія не имѣемъ историческаго труда въ современномъ смыслѣ слова; передъ нами благородное произведеніе искусства, отвѣчающее господствующей въ ту эпоху теоріи, романтическій эпосъ въ прозѣ, созданный тѣмъ же настроеніемъ, которое породило „Энеиду“ и поэтому вызывающій то же впечатлѣніе. Сколько людей и событій, которые никогда не существовали такими, какими ихъ описывалъ Ливій, достигли благодаря ему высшей реальности въ нравственной оцѣнкѣ и этсетическомъ наслажденіи, сколькихъ они возвышали и вдохновляли!

«Monumentum Ancyranum».

Художественное изображеніе Ливіемъ Августовской эпохи до насъ не сохранилось. Тѣмъ большее значеніе имѣетъ „Monumentum Ancyranum“, единственный въ своемъ родѣ личный отчетъ самого Августа „о дѣяніяхъ, которыми онъ покорилъ міръ владычеству римскаго народа, и затратахъ, сдѣланныхъ имъ на государство и римскій народъ“. Онъ былъ начертанъ въ видѣ эпитафіи на мавзолеѣ Августа въ Римѣ; копія этой „царицы всѣхъ надписей“ сохранилась въ далекой Анкирѣ (Ангора), служа замѣчательнымъ памятникомъ простого величія монарха, который былъ великъ въ своихъ намѣреніяхъ и въ ихъ достиженіи. Съ краткой дѣловитостью перечисляетъ онъ одно дѣяніе за другимъ, почетъ за почетомъ, число за числомъ, достигая этимъ поразительнаго впечатлѣнія, затемняющаго хвастливыя египетскія и персидскія надписи царей. Онъ начинаетъ словами: „Девятнадцати лѣтъ отъ роду я по собственному рѣшенію и на личныя средства вооружилъ войско и спасъ свободу государству, подавленному господствомъ одной партіи“. Высшій эффектъ былъ прибереженъ къ концу: „подавивъ гражданскую войну и обладая со всеобщаго согласія всею властью, я въ свое шестое и седьмое консульство передалъ республику въ свободное распоряженіе сената и народа... Съ этой поры я превышалъ всѣхъ личнымъ достоинствомъ, но не обладалъ другой властью, кромѣ той, которую имѣли мои коллеги по магистратурѣ. Въ мое 13-е консульство сенатъ, всадники и весь народъ провозгласили меня отцомъ отечества и помѣстили это постановленіе при входѣ въ мой домъ... Когда я это писалъ, мнѣ шелъ 76-й годъ жизни“.

Діонисій.

Рядомъ съ Ливіемъ стоитъ его греческій современникъ, Діонисій Галикарнаскій, живший приблизительно съ 30 г. до Р. Хр. въ качествѣ учителя реторики въ Римѣ. Здѣсь онъ пишетъ свои „Римскія Древности“, доведенныя до первой Пунической войны, къ которой примыкаетъ уже Полибій. Сохранившіяся 11 книгъ доведены лишь до 442 года, совпадающаго съ началомъ четвертой книги Ливія; до того широко растянуто изложеніе древнѣйшей исторіи. Вообще можно бы Діонисія назвать карикатурой Ливія: онъ лишенъ всего того, чѣмъ насъ плѣняетъ Ливій, обладая его отрицательными чертами въ повышенной степени. Онъ былъ исключительно реторомъ и стремился показать на благодарномъ матеріалѣ, какъ слѣдуетъ писать исторію, для того, чтобы создать въ области государственнаго и нравственнаго воспитанія достойные подражанія примѣры. Поэтому у него даже люди доисторичс-

ского прошлаго отличаются небывалымъ краснорѣчіемъ, начиная съ Ромула и кончая юнымъ спутникомъ этрусскаго прорицателя, принимающимъ посла Тарквинія мудрыми рѣчами. Нѣтъ недостатка и въ нравоучительныхъ разсужденіяхъ. Усердію Діонисія не хватало тѣхъ данныхъ, которыя обезпечиваютъ успѣхъ. Онъ трудолюбиво собираетъ всѣ доступныя ему свѣдѣнія; однако, ему, какъ греку, выучившемуся латинской рѣчи лишь въ Римѣ, пониманіе всего римскаго было чуждо. Тогда какъ Ливій съ воодушевленіемъ пишетъ исторію своей родины, Діонисій чувствуетъ себя представителемъ грековъ. Основаніе Рима онъ приписываетъ, главнымъ образомъ, греческимъ переселенцамъ; неясныя представленія его о римскихъ государственныхъ учрежденіяхъ и правовыхъ понятіяхъ становятся еще болѣе смутными благодаря поверхностнымъ параллелямъ съ греческими. У Діонисія совершенно отсутствуетъ вся та естественная прелесть, которая насъ примиряетъ со многимъ искусственнымъ у Ливія.

Всемірная исторія.

Въ трудахъ по всемірной исторіи путь указали греки, а римляне лишь послѣдовали за ними. Причиной этого было то, что греки ощущали бо́льшую потребность связать развитіе римскаго государства съ ходомъ всеобщей исторіи, и выполненіе этой задачи было легче для нихъ. Въ Римѣ первую попытку въ этомъ направленіи дѣлаетъ Діодоръ изъ Сициліи, вскорѣ послѣ смерти Цезаря. Его историческая „Библіотека“ останавливалась, прежде всего, на миѳахъ, начиная съ Египта, къ нимъ примыкала древнѣйшая исторія Востока. Вторая часть (7—17) обнимала періодъ отъ Троянской войны вплоть до смерти Александра, третья часть (18—40) доходила до галльскихъ войнъ Цезаря. Сначала на первомъ планѣ стоятъ греки, начиная съ первой Пунической войны—римляне. Большая заслуга Діодора—въ его стремленіи къ универсальности, которое обнаруживается въ томъ, что онъ пытается дать своему труду географическую базу и удѣляетъ вниманіе исторіи культуры и искусства.

Діодоръ.

Діодоръ придаетъ очень высокое значеніе задачѣ историка. Послѣдній является въ его глазахъ орудіемъ провидѣнія, властвующаго надъ міромъ и надѣляющаго каждаго человѣка его судьбою; историкъ повѣствуетъ о дѣяніяхъ всего міра, такъ же какъ и объ исторіи единаго города, вдохновляя добрыхъ и предостерегая злыхъ. Жаль только, что у Діодора совершенно нѣтъ данныхъ для осуществленія этой цѣли, предначертанной стоической школой. Не говоря уже о его критическихъ способностяхъ, онъ абсолютно не умѣетъ систематизировать и оформить массу матеріала. Вмѣсто того, чтобъ установить связь между историческими судьбами разныхъ народовъ, онъ дробитъ даже отдѣльныя событія, совершенно недопустимой во всемірной исторіи группировкой матеріала по годамъ, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что разнород-

ныя лѣтоисчисленія не совпадаютъ между собой уже благодаря колебаніямъ начала года. Онъ часто настолько механически дѣлаетъ выписки изъ своихъ источниковъ, что передаетъ личныя замѣчанія авторовъ въ первомъ лицѣ.

Такимъ образомъ, „Библіотека“ Діодора фактически является только сборникомъ эксцерптовъ, цѣлью котораго было сдѣлать излишнимъ чтеніе цѣликомъ эксцерпированныхъ авторовъ; поэтому трудъ Діодора можетъ до извѣстной степени служить намъ замѣной эксцерпированныхъ имъ утерянныхъ произведеній. Въ этомъ, чѣмъ позднѣе, тѣмъ больше, заключается цѣнность такихъ трудовъ, основанныхъ на эксцерптахъ; чѣмъ несамостоятельнѣе ихъ обработка, тѣмъ легче выдѣленіе находящихся лишь во внѣшней связи наслоеній, которыя, главнымъ образомъ, и интересуютъ нашу науку. Бездарность и неумѣлость Діодора чрезвычайно облегчаютъ намъ задачу выдѣленія изъ его труда отдѣльныхъ эксцерптовъ; мы обязаны ему также за то, что онъ пользуется большей частью довольно хорошими источниками, не руководясь при своемъ выборѣ соображеніемъ о красотѣ и блескѣ изложенія. Древнѣйшую римскую исторію, напр., онъ строитъ на одномъ изъ древнѣйшихъ анналистовъ, сухой отчетъ котораго не привлекалъ ни Ливія, ни Діонисія.

Николай. Николай изъ Дамаска, наставникъ и совѣтчикъ Герода Великаго (37—4), посвящаетъ своему покровителю подобный же, еще болѣе обширный трудъ, написанный съ большимъ стилистическимъ искусствомъ. Изъ первыхъ 144 (!) книгъ до насъ сохранились фрагменты, трактующіе, главнымъ образомъ, лидійскую и персидскую исторію по историкамъ V в.

Помпей Трогъ. Около этого же времени возникаетъ первая всемірная исторія, написанная на латинскомъ языкѣ. Помпей Трогъ, по происхожденію кельтъ, отваживается „съ мужествомъ Геракла описать дѣянія всѣхъ столѣтій, царей, племенъ и народовъ“. Этотъ трудъ, съ которымъ насъ знакомитъ въ общихъ чертахъ скудное и неравномѣрное извлеченіе Юстина (II стол.), былъ написанъ не съ точки зрѣнія римской исторіи; появляясь одновременно съ исторіей Ливія, онъ принципіально исключаетъ внутреннюю исторію Рима. Подобно тому, какъ Діодоръ беретъ себѣ за образецъ Эфора, авторъ „Исторіи Филиппа“ слѣдуетъ Θеопомпу (Э. К., стр. 527). Послѣ введенія, посвященнаго древнѣйшей исторіи, онъ въ центрѣ ставитъ македонцевъ, покорившихъ міръ и властвовавшихъ надъ нимъ благодаря Филиппу и Александру, пока ихъ могущество не было сломлено „фортуной Рима“, рядомъ съ которымъ только парѳяне сохранили свою самостоятельность. Въ этихъ рамкахъ исторія отдѣльныхъ городовъ и народовъ вплеталась тамъ, гдѣ она соприкасалась съ македонцами. Авторъ по-

дробно описываетъ страны и нравы. Мы видимъ планомѣрную, тщательную систематизацію колоссальнаго матеріала. Принимая, кромѣ того, во вниманіе живость умѣренно-реторическаго изложенія, о которомъ свидѣтельствуютъ даже скудные фрагменты, мы могли бы считать Помпея Трога истиннымъ совершенствомъ среди римскихъ историковъ, если бы новѣйшее научное изслѣдованіе не доказало его вѣроятную тѣсную зависимость отъ историческаго труда эпохи эллинизма.

Географія. Подобно исторіи и географія проникнута стремленіемъ охватить все римское государство, почти совпадавшее съ границами всей „обитаемой земли“. Однако, разростанію матеріала не соотвѣтствовало научное углубленіе. Напротивъ, географическое изслѣдованіе, возвышенное Эратосѳеномъ до небесныхъ созвѣздій, подъ вліяніемъ практическихъ требованій, предъявляемыхъ къ нему отнынѣ, стало значительно понижаться (ср. стр. 156). Широко раскинутая сѣть дорогъ, пересѣкавшихъ государство подобно системѣ соединяющихъ части организма нервовъ, представляла, казалось, со своими опредѣленіями разстояній надежнѣйшую базу, но не давала безъ астрономическаго опредѣленія мѣстности вѣрной общей картины.

Карта Агриппы. Этимъ недостаткомъ научности страдала и всемірная карта, о которой мечталъ М. Випсаній Агриппа (ум. 12 г. до Р. Хр.), великій полководецъ и впослѣдствіи тесть Августа. Великій планъ наглядно показать границы всемірнаго могущества римской столицѣ былъ достоинъ своего автора и его эпохи. Августъ приказалъ помѣстить карту въ одной изъ колоннадъ Марсоваго поля, и она вскорѣ становится извѣстной по всему государству. Знаменитая карта Пейтингера, безъ сомнѣнія, основывается на ней, хотя и возникаетъ лишь въ Средніе вѣка. Это раскрашенная карта въ 7 метровъ длины, предназначенная для пользованія во время путешествій и разбившая съ этой цѣлью карту римскаго государства на рядъ приклеенныхъ одна къ другой полосъ. Благодаря этому, очертанія странъ отличаются своеобразной искаженностью; но мы получаемъ наглядное представленіе о римскихъ географическихъ картахъ и въ приписанныхъ измѣреніяхъ разстояній — основу топографіи древняго міра.

Пейтингерова карта.

Страбонъ. Римляне въ ту эпоху мало интересовались географіей; Страбонъ (около 63 до—20 г. по Р. Хр.), написавшій всемірную географію, составляющую параллель къ вышеназваннымъ трудамъ по всемірной исторіи, былъ грекомъ, уроженцемъ Понта. Его трудъ является зрѣлымъ плодомъ многолѣтней работы и далекихъ путешествій, приводившихъ его многократно въ Римъ и „изъ Арменіи въ Сардинію, отъ Чернаго моря до границъ Эѳіопіи“. Онъ черпаетъ изъ лучшихъ источниковъ, которые добросовѣстно называетъ, какъ требуется въ научномъ трудѣ. Однако, Страбонъ пишетъ не какъ ученый для ученыхъ, но посвя-

щастъ свой трудъ всему образованному міру, государственнымъ дѣятелямъ, полководцамъ и дѣловымъ людямъ для назиданія. Поэтому онъ меньше вниманія удѣляетъ математической географіи, больше стремясь къ разнообразію, чѣмъ къ совершенству. Онъ не ограничивается сухими датами; съ большой наблюдательностью описываетъ онъ очертанія и особенности странъ, нравы народовъ и достопримѣчательности отдѣль-

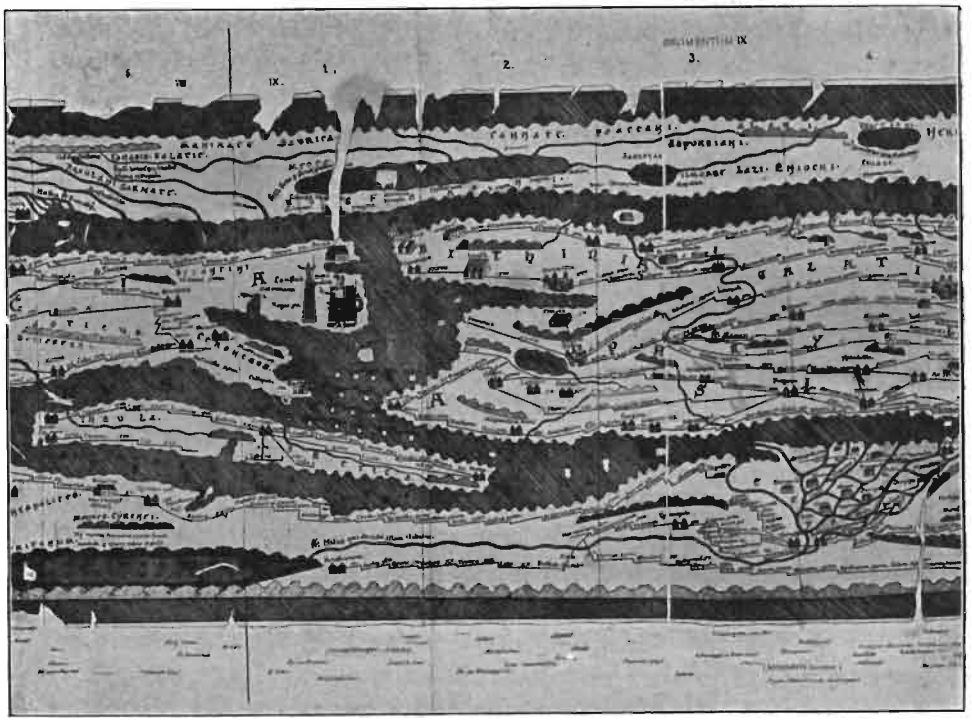

Рис. 496. ТАБЛИЦА ПЕЙТИНГЕРА.
По Миллеру.

Средневѣковая копія (XIII стол.) римской всемірной географической карты IV стол., пріобрѣтенной принцомъ Савойскимъ изъ имущества, оставшагося послѣ Аугсбургскаго городского секретаря Конрада Пейтингера (ум. въ 1547 г.); нынѣ хранится въ Вѣнской Императорской библіотекѣ. — Чтобы выиграть мѣсто для обозначенія путей съ опредѣленными данными разстояній, моря сдвинуты въ узкія полосы и естественныя очертанія странъ часто являются еще гораздо болѣе искаженными, чѣмъ на воспроизведенномъ рисункѣ, который охватываетъ пространства отъ устья Дуная, Константинополя и растянутаго острова Крита вплоть до устья Нила.

ныхъ городовъ. Въ качествѣ историка—онъ написалъ также крупный историческій трудъ—Страбонъ любитъ останавливаться на историческихъ, даже литературныхъ воспоминаніяхъ, выказывая особенный интересъ къ вопросамъ религіи и легендарной исторіи. Ясному, наглядному распредѣленію матеріала соотвѣтствуетъ, подобно его образцу Полибію, простой, проникнутый достоинствомъ языкъ. Итакъ, Страбонъ создалъ популярный трудъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, описательную этнографію и географію, служащую намъ не только цѣннымъ ис-

точникомъ свѣдѣній по древней географіи и исторіи ея возникновенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и книгой, которую читаешь съ наслажденіемъ.

Было бы поэтому неблагодарно съ нашей стороны искать въ немъ слѣдовъ болѣе совершенныхъ предшественниковъ, утерянныхъ для насъ, или предъявлять къ Страбону требованія современной географіи, все болѣе оставляющей пути исторіи и обращающейся къ естественнымъ наукамъ. Болѣе всего неумѣстно у Страбона безпрестанное цитированіе Гомера, котораго онъ недаромъ уже въ самомъ началѣ своего труда превозносить какъ перваго величайшаго географа. Въ Греціи, въ Троѣ онъ всюду ходитъ по слѣдамъ Гомера, въ безплодныхъ попыткахъ согласовать данныя поэта съ дѣйствительностью, нерѣдко забывая настоящее. Поэтому наболѣе удовлетворительны тѣ его описанія странъ, въ которыхъ Страбонъ меньше всего вспоминалъ Гомера. Мы обязаны, между прочимъ, Страбону и первымъ подробнымъ описаніемъ Германіи.

Специальныя науки.

О спеціальныхъ научныхъ дисциплинахъ мы можемъ сказать лишь очень немногое. Подъ руководствомъ греческихъ ученыхъ въ Римѣ усердно занимались филологіей и другими науками, которымъ не отказывалъ въ покровительствѣ и дворъ, такъ какъ онѣ заполняли недобровольный досугъ многихъ невиннымъ занятіемъ. Новому подъему научнаго изслѣдованія способствовалъ Дидимъ, достойный представитель александрійской филологіи въ Римѣ (стр. 152). Здѣсь издавна накоплялись богатыя сокровища книгъ, частью пріобрѣтаемыхъ покупкой, частью попадавшихъ въ собственность Рима въ видѣ военной добычи. Изъ этихъ книгъ Августъ образуетъ немедленно двѣ публичныя библіотеки. Завѣдующій одной изъ нихъ, Г. Юлій Гигинъ, написалъ по образцу Варрона изслѣдованіе римскихъ древностей и религіи. Мавританскій принцъ, позднѣйшій царь Юба (около 50 до—23 по Р. Хр.), находившійся въ римскомъ плѣну, кладетъ въ Римѣ основаніе своей учености, возбуждавшей всеобщее удивленіе. Въ своихъ „Параллеляхъ“ онъ, также слѣдуя образцу Варрона, сравнивалъ нравы римлянъ съ нравами другихъ народовъ, а его „Исторія театра“ являлась однимъ изъ тѣхъ большихъ компилятивныхъ трудовъ, которые не переставали служить источникомъ для позднѣйшихъ греческихъ писателей — Юба писалъ по-гречески. Среди римскихъ грамматиковъ своей замѣчательной ученостью выдѣлялся М. Веррій Флаккъ. Хотя его обширный словарь „о значеніи словъ“ намъ извѣстенъ лишь частью въ неполныхъ выдержкахъ Феста и Павла Діакона, тѣмъ не менѣе онъ служитъ однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ нашихъ свѣдѣній о римскихъ древностяхъ и о древней латыни.

Гигинъ.

Юба.

Веррій Флаккъ.

Мы заканчиваемъ обзоръ этой классической эпохи совершенно неклассическимъ писателемъ, на долю котораго въ незаслуженно широкихъ размѣрахъ выпала такъ горячо желаемая имъ слава. Въ ка-

Витрувій.

чествѣ стараго, опытнаго архитектора Витрувій въ 25 г. до Р. Хр. посвящаетъ увлеченному строительной горячкой Августу свои десять книгъ „объ архитектурѣ“. По его перечисленію мы съ удивленіемъ видимъ, сколько спеціалистовъ грековъ уже писали о вопросахъ этого искусства. Витрувій широко эксцерпируетъ этихъ писателей, и особенно Варрона, хотя онъ съ глубокимъ возмущеніемъ говоритъ о безправственныхъ плагіаторахъ. Изъ всей этой литературы сохранился только его трудъ, и этой случайностью объясняется его знаменитость. Разумѣется, сравненіе его обстоятельныхъ теорій конструкціи городовъ, храмовъ, театровъ, термъ, частныхъ домовъ и водопроводовъ съ уцѣлѣвшими до насъ развалинами въ высшей степени интересно; но теорія не всегда совпадаетъ съ практикой, и архитекторы и археологи нерѣдко нападаютъ на этого техника, грѣшащаго неточностью. Витрувій типиченъ, какъ представитель очень многочисленнаго среди его современниковъ класса: съ одной стороны онъ—съ полнымъ основаніемъ—извиняется передъ императоромъ въ несовершенствѣ и неискусности своего стиля, съ другой стороны, въ предисловіяхъ и многочисленныхъ отступленіяхъ онъ самодовольно старается блеснуть своей ученостью полуобразованнаго дилетанта.

II. ОТЪ ТИБЕРІЯ ДО ТРАЯНА

6. ВСТУПЛЕНІЕ

Характеристика.

Долгое правленіе Августа было періодомъ мирнаго сосредоточенія. Рядомъ съ тревожными предшествовавшими и послѣдующими временами, оно представляется почти идиллическимъ. Нравственное перерожденіе римскаго народа, надъ которымъ Августъ работалъ со своими придворными поэтами, было прекрасной мечтой, разбитой желѣзной дѣйствительностью. Могучее вліяніе императоровъ на интеллектуальную жизнь столицы не прекращается; но оно становится роковымъ, когда властители вырождаются въ деспотовъ. Рядъ отдѣльныхъ преступленій, совершенныхъ ими, меркнетъ передъ тѣмъ растлѣваю-

Рис. 407. АПОТРОПЭИЧЕСКОЕ БРОНЗОВОЕ УКРАШЕНІЕ конца балки съ парадной корабля, поднятаго ко дну изъ озера Неми въ I стол.
Римъ, Музей Термъ.
Съ фотографіи.

щимъ вліяніемъ на нравственное самосознаніе народа, которое было оказано людьми, вродѣ Калигулы, Нерона и Домитіана, однимъ фактомъ ихъ существованія и характеромъ ихъ власти. Писатели также живутъ въ постоянной зависимости отъ причудъ монарховъ, придворная жизнь пробуждаетъ низкопоклонство и умножаетъ тщеславіе.

Императоры.

Ни одинъ изъ этихъ императоровъ не имѣлъ вдохновляющаго вліянія на литературу. Если они проявляли умственные интересы, то ими они скорѣе задерживали теченіе прогресса, чѣмъ поощряли его. Замкнутый Тиберій (14—37) восхищался вычурной искусственностью александрійцевъ и задавалъ грамматикамъ хитро-сплетенныя загадки. Клавдій (41—54) былъ ученымъ чудакомъ, пытавшимся писать историческія произведенія и изобрѣтшій три новыхъ буквы, не пережившихъ его. Въ правленіе юнаго Нерона (54—68) наступила, казалось, золотая эра поэзіи; но императоръ-виртуозъ, выступавшій въ Римѣ и во время путешествія по Греціи въ качествѣ пѣвца и награждаемый оваціями, интересовался исключительно своимъ собственнымъ дилетантскимъ искусствомъ. Трезвый Веспасіанъ (69—79) умѣлъ цѣнить образованность и поэзію, ничего въ нихъ не смысля, и не жалѣлъ на нихъ средствъ, несмотря на всю свою обычную бережливость. При Домитіанѣ (81—96) интеллектуальное порабощеніе достигаетъ послѣднихъ границъ; въ этомъ насъ убѣждаетъ лесть и низкопоклонство Стація и Марціала, такъ же какъ горькія слова Тацита, который онъ говоритъ о подавленіи свободы слова: „Мы утратили бы не только способность рѣчи, но и памяти, если бы забвеніе настолько же зависѣло отъ нашей воли, насколько молчаніе“. Въ правленіе Нервы (96—98) и Траяна (98—117) возвращается наконецъ и свобода, къ которой люди, впрочемъ, привыкали постепенно; однако, передъ обоими императорами открывались слишкомъ сложныя задачи, всецѣло ихъ поглощавшія и не позволявшія имъ удѣлять много времени литературѣ.

Рис. 408. НЕРОНЪ.
Мраморъ. Римъ, музей Термъ.
Съ фотографіи.

Люди съ самостоятельнымъ мнѣніемъ со страхомъ замыкаются въ себѣ, ибо въ противномъ случаѣ ихъ жизни грозитъ опасность. Недаромъ Тацитъ говоритъ объ естественной смерти человѣка, занимавшаго выдающееся положеніе и достигнувшаго старости, какъ объ исключительномъ случаѣ. Въ результатѣ старинныя родовитыя семьи, сильно уже порѣдѣвшія благодаря проскрипціямъ, постепенно исчезаютъ; ихъ замѣняютъ временщики, выдвинутые императорской милостью и отличающіеся сомнительнымъ происхожденіемъ и образованіемъ; задающее тонъ общество опускается интеллектуально и нравственно все ниже и ниже. Столица и въ это время не выдвинула литературныхъ свѣтилъ; большинство изъ нихъ были уроженцами Верхней Италіи и особенно

Испаніи, гдѣ издавна запущенныя сѣмена римской культуры начинали давать обильные всходы. Грубыя гладіаторскія игры и травля животныхъ, которыми въ Римѣ увлекались и знатный и простолюдинъ, такъ же способствовали одичанію вкуса, какъ искусственныя декламаціи риторическихъ школъ. Такую публику можно было угощать только самой пряной пищей.

«Серебряная латынь».

Поэтому новое время создаетъ свой новый стиль. Раньше эту „серебряную“ латынь отвергали, какъ уклоненіе отъ классической; историческая точка зрѣнія, однако, научила насъ признавать ее, какъ имѣющую свои права на существованіе, какъ новую форму выраженія новаго времени, примыкающую, кромѣ того, къ отвергнутому Цицерономъ асіанизму (стр. 136). Завѣты Цицерона теперь отжили свой вѣкъ. Грань, которую онъ возвелъ между прозой и поэзіей, вдохнувъ въ прозаическую рѣчь свою силу и свое богатство, рушится, проза украшается поэтическими словами и оборотами. Стремленіе къ блестящему и изысканному слогу влечетъ за собой погоню за эффектами, нагроможденіе афоризмовъ, остроумныхъ сентенцій и искусственныхъ антитезъ. Любятъ прибѣгать къ риѳмѣ, аллитераціи, созвучіямъ. Тревожность и нервность вѣка особенно ясно отражается въ конструкціи рѣчи. Стройные періоды Цицерона замѣняются отрывистымя предложеніями, которыя нанизываются безъ всякой связи.

Однако, въ этомъ стилѣ созданъ рядъ произведеній, имѣющихъ безсмертное значеніе. Въ устахъ такого остроумнаго писателя, какъ Сенека, онъ очаровываетъ старое и молодое поколѣніе; утративъ же внутреннее содержаніе, онъ вырождается въ пустую манерность и погибаетъ отъ ея преувеличеній. Поэзію этого времени затмевали великіе писатели эпохи Августа. Имъ подражаютъ, не достигая ихъ совершенства, а попытка превзойти ихъ искусственными средствами риторики по образцу Овидія губитъ всякую искренность чувства и способствуетъ быстрому паденію поэзіи. Распространяется претенціозный дилеттантизмъ, поощряемый декламаціями (стр. 641), принявшими характеръ злостной эпидеміи; очень немногіе внимали имъ съ такой добросовѣстностью и готовностью одобрять, какъ Плиній Младшій. Отчужденіе этой аффектаціи остроумія отъ мысли и чувства народа все усиливалось. Интересующее насъ столѣтіе порождаетъ лишь одного популярнаго поэта—Федра. Что касается греческой прозаической литературы, то въ ней текла свѣжая струя жизни; наступаетъ эллиниское Возрожденіе, о которомъ мы будемъ говорить при характеристикѣ слѣдующаго періода.

7. ПОЭЗІЯ

Сатирическая поэзія.

Мы начинаемъ съ сатирической поэзіи, ярче всего отразившей условія культурной жизни и дающей вмѣстѣ съ тѣмъ хорошее представленіе объ упадкѣ поэтическаго творчества. Надо прочесть Пер-

сія и Ювенала, чтобы научиться цѣнить неподражаемый талантъ бесѣды Горація. Болѣе суровое время, представлявшее весьма богатый матеріалъ для сатиры, порождаетъ и болѣе суровыхъ поэтовъ. Первымъ является стоикъ А. Персій Флаккъ (34—62) изъ Этруріи, который, только что разставшись со школьной скамьей, уже чувствуетъ въ себѣ влеченіе къ писанію сатиръ. Персій.

Въ немъ не было недостатка въ гнѣвномъ, боевомъ мужествѣ. Онъ не ждетъ успѣха, но за свободу бичеванія пороковъ своего времени поэтъ не промѣнялъ бы и Иліаду. Ибо настала пора изнѣженныхъ сентиментальныхъ писателей, съ презрѣніемъ относящихся къ великимъ старымъ поэтамъ и неравнодушныхъ къ рукоплесканіямъ, которыми осыпаются декламаціи ихъ жалкихъ твореній. Персій набрасываетъ яркую картину литературной жизни при Неронѣ. Однако, рядомъ съ его первой сатирой, остальныя пять гораздо блѣднѣе. Это школьныя декламаціи, избитыя общія мѣста о цѣнности нравственной свободы, достижимой, конечно, только для стоика, о неразумности человѣческихъ желаній и молитвъ, о скупости. Персій иногда пытается воплотить свои мысли въ живые образы, однако, его попытки безуспѣшны какъ, напр., въ той напыщенной проповѣди о вредѣ богатства, которой наставникъ будитъ своего ученика-аристократа, не выспавшагося отъ вчерашней попойки, увѣщевая его приняться за работу. Несмотря на все свое усиленное стремленіе быть оригинальнымъ, Персій всюду идетъ по слѣдамъ Луцилія и Горація, чѣмъ еще яснѣе подчеркиваетъ свою безталанность.

Персій былъ прекраснымъ юношей почти „дѣвичьей стыдливости“, серьезнымъ, строго-нравственнымъ и одареннымъ многообѣщающими способностями. Но онъ обладалъ одной лишь книжной мудростью и былъ лишенъ всякаго жизненнаго опыта. Поэтому его рѣзкій тонъ негодующаго проповѣдника морали, не смягчающаго своихъ словъ ни одной ноткой юмора, звучитъ претенціозно. Къ этому присоединяются безпокойность, порывистость и искусственная сложность стиля, пренебрегающаго простотой выраженія. То, что Персій этими своими особенностями вызвалъ въ свое время общее наивысшее одобреніе, служитъ доказательствомъ глубокаго паденія вкуса. Средніе вѣка цѣнили Персія за моральную сущность его поэзіи; для насъ онъ несносенъ.

Все то, чего недоставало Персію, живость и исполненное юмора и задора слишкомъ даже реалистическое изображеніе дѣйствительной жизни, мы находимъ у Петронія Арбитра: онъ былъ единственнымъ геніальнымъ поэтомъ этого столѣтія, хотя большая часть его сатирическаго романа нравовъ написана въ прозѣ. То, что эти чудесныя, живыя бытовыя картины изъ жизни низшихъ слоевъ народа написаны, по всей вѣроятности, аристократомъ, свѣтскимъ человѣкомъ, игравшимъ, при дворѣ Нерона долгое время роль „цензора вкуса“ (elegantiae arbiter), повышаетъ пикантность ихъ интереса. Эта оригинальная книга въ то же время замѣняетъ до нѣкоторой степени всѣ тѣ потерянныя для насъ произведенія, которыя вліяли на ея автора; двусмысленныя милетскія новеллы, Менипповы сатиры и мѣщанскіе циничные мимы. Петроній.

Содержаніе романа.

Произведеніе Петронія — древнѣйшій изъ всѣхъ романовъ приключеній и плутовскихъ похожденій; оно вмѣстѣ съ тѣмъ и одно изъ удачнѣйшихъ произведеній этого рода. Эпколпій — молодой человѣкъ, пользующійся очень дурной репутаціей, странствуетъ по бѣлу свѣту со своимъ другомъ Аскилтомъ и любимцемъ Гитономъ и самъ разсказываетъ простой народной рѣчью, часто переходящей, по образцу Мениппа, въ мѣткіе стихи, о своихъ похожденіяхъ. Поэтическое вдохновеніе особенно легко овладѣваетъ въ патетическія минуты старымъ поэтомъ-гулякой Евмолпомъ, примкнувшимъ къ компаніи друзей, и при всякомъ удобномъ случаѣ декламирующимъ свои безконечныя стихотворенія.

Несмотря на то, что мы имѣемъ только фрагменты XV и XVI книгъ, дать въ сжатыхъ рамкахъ представленіе о богатомъ содержаніи Петроніева романа невозможно. Многія приключенія мы пропускаемъ въ виду ихъ скабрезнаго характера. Мѣстомъ дѣйствія является греческій городъ Кампаніи, въ которомъ процвѣтаютъ всѣ увеселенія, нелѣпые нравы и пороки столицы, при чемъ въ еще болѣе грубомъ и смѣшномъ видѣ. Самымъ блестящимъ эпизодомъ романа является Пиръ Тримальхіона. Не существуетъ болѣе удачной сатиры на хвастовство зазнавшагося выскочки-самодура. Онъ до того богатъ, что самъ не знаетъ счета своимъ доменамъ. Онъ выписываетъ сѣмена шампиньоновъ изъ Индіи, пчелъ съ Гиметта, желая, чтобы все рѣшительно производилось въ его владѣніяхъ. Подобно императору, онъ издаетъ эдикты своимъ подданнымъ, обо всѣмъ, что происходитъ въ его владѣніяхъ, ведутся документальные отчеты. Самые ничтожные предметы въ домашнемъ обиходѣ Тримальхіона сдѣланы изъ драгоцѣннаго металла, такъ какъ онъ „совершенно помѣшанъ на серебрѣ“; серебряное блюдо, которое слуга случайно роняетъ на полъ, просто выметается вмѣстѣ съ сорочъ.

Пиръ, во время котораго не смолкаетъ музыка, проходитъ бурно и безумно. Уже къ закускѣ подается яко-бы столѣтнее фалернское вино. Тримальхіонъ и его находчивый поваръ поражаютъ своихъ гостей самыми нелѣпыми сюрпризами. Изъ павлиньихъ яицъ, лежащихъ подъ деревянной насѣдкой, появляются бекасы. Подъ звуки собачьяго лая на столъ подается огромный кабанъ, окруженный маленькими поросятами, испеченными изъ тѣста. Когда охотникъ разрѣзаетъ его по всѣмъ правиламъ искусства, изъ него вылетаютъ дрозды, которыхъ ловятъ для гостей. Хозяинъ дома, который для вящшаго аристократизма появляется лишь во время пира, и, слѣдуя новѣйшей модѣ, занимаетъ почетное мѣсто за столомъ, руководитъ бесѣдой. Онъ описываетъ свою богатую подвигами жизнь, хвастается своимъ богатствомъ и блещетъ своей плебейской полуобразованностью; онъ мастеръ пѣть, онъ сочиняетъ стихи, декламируетъ, у него греческая и латинская библіотеки, но онъ имѣетъ самыя чудовищныя представленія о миѳологіи, исторіи и географіи. Когда онъ неожиданно покидаетъ своихъ гостей и они себя чувствуютъ „избавленными отъ тирана“, мы слышимъ всѣ послѣднія городскія сплетни на чистѣйшей провинціальной латыни: о милыхъ сосѣдяхъ и о городскомъ магистратѣ—„наша колонія ростетъ назадъ, точно хвостъ у теленка“, о торжественныхъ похоронахъ и попутно о капиталѣ и характерѣ покойнаго, о дороговизнѣ хлѣба, вслѣдствіе которой булки становятся меньше бычьяго глаза, тогда какъ раньше двое мущинъ съ трудомъ одолѣвали булку за три аса. Недовольному очень мило возражаетъ его сосѣдъ: „Если бы ты жилъ въ другомъ мѣстѣ, ты утверждалъ бы, что у насъ бѣгаютъ жаренныя свиньи“. Гости забавляются и всякими страшными разсказами объ оборотняхъ, о вѣдьмахъ. Къ концу пира Тримальхіономъ, играющимъ за столомъ сере-

Рис. 409. КУБОКЪ ИЗЪ БОСКОРЕАЛЕ, ИЗОБРАЖАЮЩІЙ ТАНЕЦЪ МЕРТВЫХЪ.

Нынѣ въ Луврѣ.

Ср. Mon. Piot V, табл. 8.

Первая фигура слѣва — скелетъ стоика Зенона. Подобно всѣмъ изображеніямъ философовъ на этихъ кубкахъ, онъ несетъ котомку нищаго и посохъ въ лѣвой рукѣ. Правой рукой онъ показываетъ на Эпикура, приближающагося въ сопровожденіи своего поросенка справа и, не обращая вниманія на Зенона, протягивающаго руку къ пирогу, лежащему на треножникѣ между ними. «Наслажденіе — конечная цѣль»,—гласитъ надпись. Кромѣ того, на этихъ кубкахъ изображены скелеты Софокла, комика Мосхіона и четырехъ неизвѣстныхъ.

Рис. 410. КУБОКЪ ИЗЪ БОСКОРЕАЛЕ, ИЗОБРАЖАЮЩІЙ ТАНЕЦЪ МЕРТВЫХЪ.

Нынѣ въ Луврѣ.

Ср. Mon. Piot V, табл. 7.

Главной фигурой на воспроизведенной нами сторонѣ кубка является скелетъ Монандра. Правой рукой онъ держитъ факелъ, высоко поднятой лѣвой — женскую маску. Меньшій скелетъ рядомъ съ нимъ играетъ на двойной флейтѣ. Направо лежитъ на подставкѣ маска сатира съ взъерошенными волосами. Дальше, направо стоитъ скелетъ Архилоха изъ Мисіи, играющій на семиструнной лирѣ. «Веселись, пока можешь» говоритъ надпись. На другой сторонѣ кубка, невидной на нашемъ снимкѣ, изображены Еврипидъ, киникъ Моній и перипатетикъ Деметрій Фалерскій, кромѣ трехъ неизвѣстныхъ скелетовъ.

бряным скелетомъ (ср. рис. 409 сл.), одолѣваетъ сентиментальность, и онъ импровизируетъ свое собственное похоронное торжество. При этомъ въ домѣ поднимается такой адскій шумъ и гамъ, что ночные сторожа врываются въ него, чтобы спасать отъ пожара.

Затѣмъ кораблекрушеніе забрасываетъ нашихъ героевъ въ Кротонъ, гдѣ процвѣтаетъ пролазническая погоня за наслѣдствомъ. Ихъ встрѣчаютъ съ энтузіазмомъ и осыпаютъ подарками, такъ какъ Евмолпъ выдаетъ себя за богача, а его кашель предвѣщаетъ скорую кончину; но обѣщанный корабль, нагруженный золотомъ, который ожидается изъ Африки, долго заставляетъ себя ждать.

Съ безумными продѣлками переплетаются глубокомысленныя разсужденія на тему объ искусственности реторики, о паденіи искусства и науки, о трезвости современнаго эпоса (ср. Лукана, стр. 663), при чемъ Евмолпъ не пропускаетъ случая продекламировать свой звучный героическій гимнъ на тему о гражданской войнѣ.

Итакъ, даже эти фрагменты даютъ намъ незамѣнимую бытовую картину. Картина эта печальная; всюду, куда бы мы ни направили взоры, мы видимъ признаки нравственнаго вырожденія, несмотря на которое, однако, людямъ прекрасно живется. Хотя цѣли сатиры требуетъ комическаго нагроможденія характерныхъ случаевъ, тѣмъ не менѣе всѣ они написаны съ натуры. Поражаетъ и ужасаетъ та непринужденность, съ которой Петроній описываетъ рядъ самыхъ отталки- Характеристика.

вающихъ и чудовищныхъ вещей. Единственная его цѣль при этомъ пересказать наблюденія, схваченныя его зоркимъ глазомъ, для своего собственнаго удовольствія и удовольствія другихъ; но онъ этого достигаетъ съ такимъ натурализмомъ, съ такимъ юморомъ и остроуміемъ, что римскій Зола далеко превосходитъ французскаго. Особенно мѣтокъ нижне-италійскій простонародный говоръ съ его отрывистыми предложеніями, скачками мысли, цѣлымъ рядомъ искаженныхъ латинскихъ формъ и греческихъ словъ. Тотъ, кто бродитъ по замолкнувшимъ улицамъ Помпей, жители которыхъ внятно говорятъ съ нами въ своихъ своеобразныхъ стѣнныхъ надписяхъ, долженъ себѣ представлять этотъ городъ населеннымъ типами Петронія.

Сенека. Сатиру чисто менипповскаго характера представляетъ изъ себя остроумный, но злостный пасквиль философа Сенеки объ „Обращеніи въ тыкву“ (вмѣсто обоготворенія) покойнаго Клавдія (ум. въ 54 г.). Когда покойный императоръ добрался до небесъ, даже Геракл испугался при видѣ этого безобразнаго чудища. Въ сенатскомъ засѣданіи небожителей по предложенію Августа его рѣшаютъ изгнать. По пути въ преисподнюю, куда его влечетъ Меркурій, Клавдій видитъ на Священной улицѣ Рима ликованіе и радость народа, празднующаго его похороны. Въ преисподней жертвы жестокости Клавдія обвиняютъ его передъ трибуналомъ Эака въ убійствахъ; его приговариваютъ къ особой, спеціально для него придуманной карѣ—бросанію игральныхъ костей дырявымъ стаканомъ. Въ утерянномъ концѣ пасквиля Клавдій, характерная особенность котораго—его водяная голова обращается въ тыкву.

Ювеналъ. Послѣдній представитель сатиры, Д. Юній Ювеналъ (около 60—140) писалъ при Траянѣ. Осторожно избѣгая затрагивать живыхъ, онъ рисуетъ картину своей эпохи въ обстановкѣ періода Нерона и Домитіана; поэтому его сатира часто лишена свѣжести и внутренней правдивости. Подобно Персію, онъ прежде всего реторъ; послѣднія его сатиры представляютъ собою типичныя декламаціи, удовлетворявшія всѣмъ правиламъ искусства. Раннія сатиры Ювенала характеризуются небрежной произвольностью въ концепціи, претендующей на геніальность, но очень далекой отъ тонко разсчитанной непринужденности бесѣдъ Горація. Тѣмъ не менѣе, Ювеналъ остается послѣднимъ выдающимся поэтомъ Рима. Нравственное негодованіе вдохновляетъ его гнѣвнымъ паѳосомъ; онъ съ немилосердной добросовѣстностью составляетъ изъ ярко колоритныхъ мозаичныхъ камней по истинѣ ужасающую, хотя, безъ сомнѣнія, преувеличенную картинуа нтичнаго грѣховнаго Вавилона. Рѣдко звучитъ примиряющая нотка, мы нигдѣ не слышимъ возвышающаго слова и не видимъ слѣдовъ юмора; но поэтъ умѣетъ съ рѣзкой лаконичностью вычеканивать краткія изреченія, напр., hoc volo, sic iubeo; sit pro ratione voluntas (такъ хочу, такъ приказываю, вмѣсто доводовъ—моя воля), говоритъ женщина, приговорившая своего невиннаго раба къ смерти на крестѣ. И въ средніе вѣка, и вплоть до нашего времени этотъ суровый цензоръ нравовъ не имѣлъ недостатка въ поклонникахъ (Шиллеръ).

Всегда быть слушателемъ—такъ начинаетъ онъ—и никогда не отомстить за всю скуку длинныхъ декламацій миѳологическаго эпоса, которыми меня терзаютъ? На улицахъ города на лицѣ каждаго встрѣчнаго написанъ развратъ. Надъ всѣмъ господствуетъ священная мощь богатства, недостаетъ только чтобы мы ему воздвигнули храмы и алтари, которые мы нѣкогда посвящали миру, вѣрности, добродѣтели и согласію. Тутъ по истинѣ трудно воздержаться отъ сатиры! До чего измѣнился весь обликъ римской жизни! Жизнь, современную поэту, рисуетъ намъ честный другъ его, пока складываются его вещи, такъ какъ онъ покидаетъ Римъ, въ которомъ жить становится невмоготу. Что мнѣ въ Римѣ дѣлать? Я не умѣю ни лгать, ни обманывать, ни грабить. Городъ кишитъ греческими и другими легкомысленными людишками со всѣхъ концовъ земли, всѣ они, будучи прирожденными актерами, умѣютъ заискивать передъ богачами. Бѣдняка въ поношенной тогѣ только насмѣшками осыпаютъ. Развѣ ему мыслимо честно пробиться при господствую-щей дороговизнѣ? Въ своей конурѣ подъ самой крышей дома онъ вѣчно боится пожара, а ночью шумъ ему мѣшаетъ спать. Среди безумной уличной суеты и давки человѣкъ находится въ непрестанной опасности, рискуя разорватьодежду, получить увѣчье или даже поплатиться жизнью, по почамъ ему, кромѣ не особенно пріятныхъ сюрпризовъ, выливаемыхъ или выбрасываемыхъ изъ оконъ, грозитъ столкновеніе съ пьяными бродягами или разбойниками изъ Кампаньи. Содержаніе.

Какимъ оскорбленіямъ подвергается блюдолизъ въ домѣ богача! Но онъ и не заслуживаетъ лучшей участи. Печальна доля бѣдныхъ писателей; уважаемые поэты становятся банщиками, пекарями или глашатаями, такъ какъ одной славой не прокормиться; даже адвокаты зарабатываютъ мало, хотя они принуждены держать себя съ достоинствомъ, чтобы импонировать своимъ кліентамъ. Нечего ужъ и говорить о судьбѣ грамматиковъ, которые должны за скудные гроши все знать и всему учить. Въ восьмой сатирѣ Ювеналъ громитъ аристократическую молодежь: „Я о тебѣ говорю, Рубеллій Бландъ; ты кичишься своей знатной родословной, точно ты самъ совершилъ что-либо, дѣлающее человѣка благороднымъ“. Только одна добродѣтель—истинный аристократизмъ. Въ знаменитой шестой сатирѣ Ювеналу мало 600 стиховъ, чтобы съ отвратительной подробностью исчерпать всѣ пороки и коварства женскаго пола, начиная публичной женщиной и кончая императрицей (Мессалиной).

Сатирическія картины нравовъ составляютъ и тему эпиграмматической поэзіи, создателемъ которой является Марціалъ.

Греческая эпиграмма (ср. стр. 124 слд.) давно выродилась въ игру остроумія и юмора, которые, однако, начинали изсякать; старыя темы не наполнялись новымъ содержаніемъ, замѣненнымъ вычурной искусственностью. Тѣмъ не менѣе, многочисленныя эпиграммы пишутся и читаются. Объ этомъ свидѣтельствуютъ сборники, изданные около 80 года до Р. Хр. Мелеагромъ, а при Калигулѣ Филиппомъ. Сравненіе ихъ ярко обнаруживаетъ упадокъ этого типа поэзіи въ императорскую эпоху. Эпиграмма.

Эпиграмма пришлась по вкусу римлянъ благодаря своей сжатой краткости и своему практическому значенію. И среди грековъ, жившихъ въ Римѣ, было нѣсколько мастеровъ эпиграммы: Парѳеній, членъ кружка Катулла, эпикуреецъ Филодемъ, высоко уважаемый Цицерономъ, и искусный лесбіецъ Кринагоръ, пользовавшійся расположеніемъ Августа. И римляне сочиняютъ, фабрикуютъ и лепечутъ безчисленное множество эпиграммъ. Позднѣйшія латинскія и греческія эпитафіи отличаются подчасъ особенно трогательной безпомощностью выраженія и стихотворнаго размѣра; тѣмъ не менѣе, отражая въ своей неизбѣжливой простотѣ радости и горести человѣческой жизни, онѣ захватываютъ глубже всякихъ торжественныхъ хвалебныхъ словъ. Въ рукописяхъ сохранились сборники и болѣе поздняго времени, уступающіе, разумѣется, въ цѣнности греческой антологіи.

Марціалъ.

Уже Катуллъ развиваетъ художественную эпиграмму, слѣдуя самымъ совершеннымъ образцамъ ея, и любитъ прибѣгать къ ней, какъ къ орудію нападенія. То, что для Катулла было игрой остроумія, то для М. Валерія Марціала (около 40—102) было цѣлью всего литературнаго творчества. Родомъ изъ испанскаго провинціальнаго городка онъ переселяется въ Римъ, гдѣ въ качествѣ остроумнаго свѣтскаго человѣка и поэта живетъ приглашеніями и подачками своихъ „друзей“, хотя вознагражденіе не соотвѣтствовало размѣрамъ трудовъ, затраченныхъ на хвалебные гимны и беззастѣнчивыя просьбы. Императоръ Домитіанъ почти совсѣмъ не даритъ поэта своимъ вниманіемъ. Когда же въ правленіе Нервы въ Римѣ воцарилась „плебейская правда“ и лестью ничего нельзя было достигнуть, Марціалъ возвращается на свою родину, гдѣ онъ въ лицѣ остроумной Марцеллы находитъ щедрую покровительницу, но въ „одиночествѣ провинціи“ постепенно погибаетъ.

Какъ человѣкъ Марціалъ безхарактеренъ и лишенъ чувства собственнаго достоинства; онъ принадлежалъ къ тому типу римскихъ литераторовъ, которые, не обладая ни желаніемъ, ни постоянствомъ для посвященія себя серьезному призванію, проживали въ качествѣ кліентовъ на средства знатныхъ покровителей. Какъ поэтъ онъ своего таланта не растратилъ, посвятивъ его въ вѣрномъ самоопредѣленіи той области, въ которой онъ могъ быть и въ маломъ великъ.

Содержаніе.

Изъ 1 200 эпиграммъ Марціала первыя воспѣваютъ игры, которыми императоръ Титъ освятилъ Колоссей, превозносившійся какъ чудо міра. Со всѣхъ концовъ вселенной стекаются зрители, чтобы посмотрѣть на диковинныхъ звѣрей, знаменитыхъ борцовъ, и воздать почести „отцу отечества“; даже могучій слонъ склоняется передъ императоромъ, чуя въ немъ божество. Далѣе слѣдуютъ 2 книги Xenia (подарки гостямъ) и Apophoreta (уносимое съ собой), т.-е. надписи къ подаркамъ въ праздникъ Сатурналій, которые состояли изъ разныхъ припасовъ, предметовъ обихода и роскоши, и т. д. Любительское изданіе Ксеній стоило 4 сестерція (80 пфен.), простое — вдвое меньше. Этого стоилъ уже одинъ добрый совѣтъ Марціала: если у кого-либо деньги такъ рѣдки, какъ у поэта, то онъ спокойно можетъ ограничить свой подарокъ одними дистихами! Во всякомъ случаѣ „Ксеніи“, которыя впослѣдствіи направо и налѣво раздавали Гете и Шиллеръ, доставили ихъ современникамъ гораздо меньше радости.

Слѣдующія 12 книгъ заключаютъ въ себѣ мало дѣйствительныхъ надписей, но зато рядъ остроумныхъ мыслей. Авторъ въ нихъ намѣренно избѣгаетъ опредѣленнаго плана; стихотворные размѣры отличаются большимъ разнообразіемъ, рядомъ съ дистихами встрѣчаются холіямбы и эндекасиллабы. Въ разнообразныхъ миніатюрахъ, исполненныхъ чарующаго остроумія, передъ нашими глазами проходитъ вся жизнь столицы. Посвященіе большинства изъ нихъ опредѣленнымъ лицамъ придаетъ имъ индивидуальный характеръ. Мы опредѣленно видимъ, чѣмъ больше всего интересуется публика: циркомъ, амфитеатромъ, роскошными обѣдами, термами, любовными похожденіями и сплетнями. Марціалъ олицетворяетъ собой ходячую скандальную хронику, безпощадно раскрывающую всѣ пороки, мѣтко высмѣивая праздныхъ лѣнтяевъ и уличныхъ святыхъ, расточителей и публичныхъ женщинъ, паразитовъ и ухаживающихъ юношей, скупцовъ и искателей наслѣдства. Если поэтъ при этомъ рисуетъ почти исключительно отрицательныя стороны общественной жизни, то это объясняется не только распущен-

постью нравовъ, достигнувшей ужасающихъ размѣровъ, о чемъ свидѣтельствуетъ также и Тацитъ, но и тяготѣніемъ поэта къ этого рода сюжетамъ, представляющимъ изъ себя богатую почву для сатиры. Кромѣ того, поэтъ зналъ, что онъ этимъ удовлетворяетъ литературные вкусы тѣхъ своихъ читателей, на которыхъ онъ разсчитывалъ. Онъ опредѣленно заявляетъ, что пишетъ „не для школьниковъ“. Его поэзія всюду ясно отражаетъ ту внутреннюю неправду, которая подобно ржавчинѣ разъѣдала соціальную жизнь.— Въ Галлѣ почти все фальшиво: волосы, брови, зубы; когда она спитъ, три четверти ея лежатъ разложенными по коробкамъ. Гемеллъ собирается жениться на Маронилѣ. Развѣ она такъ прекрасна? Нѣтъ, трудно быть безобразнѣе. Чѣмъ же Гемеллъ плѣнился? Она—кашляетъ (ср. стр. 657). Изящно одѣтый человѣкъ слоняется по улицамъ столицы; никому и въ голову не приходитъ, что онъ только что заложилъ перстень въ ломбардѣ, чтобы пообѣдать. Клитъ празднуетъ 8 разъ въ году свой день рожденія, желая получить побольше подарковъ. Марціалъ страдаетъ отъ присвоенія его эпиграммъ другими или отъ подражаній ему. Но и онъ проникнутъ неправдивостью, куря ѳиміамъ своимъ покровителямъ, главнымъ образомъ, императору Домитіану и и превознося ихъ до небесъ. Только его постоянное попрошайничаніе искренне, и поразительна находчивость, съ которой онъ облекаетъ свои мольбы въ постояиио новыя формы, мотивируя ихъ самыми неожиданными основаніями.

Въ данномъ обзорѣ немыслимо дать представленіе о всѣхъ остроумныхъ мысляхъ Марціала, его тонкой игрѣ словъ, неожиданныхъ умозаключеніяхъ, неподражаемыхъ въ своей лаконичности. Нѣкоторое представленіе о характерѣ и впечатлѣніи этой поэзіи даютъ намъ эпиграммы Лессинга, а также „Ксеніи“ Шиллера и Гете, которыя врядъ ли возникли бы безъ поэзіи Марціала.

Марціалу вполнѣ заслуженно принадлежала и принадлежитъ слава классическаго эпиграмматика. Онъ доводитъ до высшей степени виртуозности то, что мы нынѣ подразумѣваемъ подъ названіемъ сатирической или юмористической эпиграммы, и создаетъ своеобразный стиль ея. Онъ умѣетъ облечь свои наблюденія въ немногія остроумныя слова. Искусство. Напряженно ждешь конца эпиграммы, въ которомъ сосредоточивается вся соль ея. Сатира Марціала часто ѣдкая, нерѣдко веселая, въ большинствѣ же случаевъ она соединяетъ въ себѣ оба качества; напр., когда поэтъ говоритъ о Діаулѣ, бывшемъ раньше врачемъ, теперь же могильщикомъ, т.-е. оставшемся при старой профессіи. Лессингъ въ своихъ примѣчаніяхъ къ эпиграммѣ говоритъ; „Немногіе писатели создали количество эпиграммъ, подобное Марціалу; никто среди нихъ не написалъ столько удачныхъ и столько неподражаемо совершенныхъ“. Благодаря ему, а не благодаря греческимъ писателямъ вродѣ Каллимаха, эта литературная форма усвоена была новымъ временемъ.

Въ качествѣ поэта, писавшаго на разные случаи обыденной жизни, Стацій. рядомъ съ Марціаломъ стоитъ ровесникъ его, Стацій, нерѣдко писавшій на тѣ же темы, вслѣдствіе чего ни одинъ изъ нихъ не упоминаетъ непріятнаго конкурента. Уроженецъ Неаполя П. Папиній Стацій (около 40—96), нашедшій въ Римѣ признаніе и получившій рядъ почетныхъ наградъ, впослѣдствіи, послѣ одной поразившей его неудачи, вернулся на свою родину. Разныя событія при императорскомъ дворѣ и въ

семьяхъ друзей воодушевляли его—правда, часто по заказу—къ созданію бѣгло набросанныхъ экспромптовъ (въ большинствѣ случаевъ въ гекзаметрахъ). Онъ ихъ издалъ подъ заглавіемъ „Лѣса“ (Silvae), посвятивъ отдѣльныя книги, снабженныя соотвѣтствующими обращеніями, своимъ друзьямъ. Стацій смотрѣлъ на свои „Silvae“, какъ на второстепенный плодъ своего творчества, мы же именно въ нихъ видимъ самый цѣнный даръ Стація, хотя они напоминаютъ намъ многорѣчивыя свадебныя и похоронныя carmina 17-го столѣтія. Несмотря на скучныя общія мѣста и громоздкій миѳологическій аппаратъ, въ нихъ отражаются непосредственнѣе, чѣмъ въ его вымученномъ эпосѣ искренность чувства и формальный талантъ поэта. По содержанію широкія картины „Silvae“ представляютъ изъ себя цѣнное дополненіе къ краткимъ наброскамъ Марціала, тѣмъ болѣе, что въ нихъ меньше тенденціозности и преувеличеній.

Рис. 411. ДОМИТІАНЪ.
Мраморъ. Римъ.
Съ фотографіи.

Черты лица императора, возбудившаго столько ненависти, отличались большей одухотворенностью, чѣмъ лица его предшественниковъ. Онъ былъ слегка близорукъ, обладалъ нѣжнымъ, часто мѣнявшимся цвѣтомъ лица. Его волосы рано стали рѣдѣть; онъ собственноручно написалъ трактатъ «объ уходѣ за волосами»; слово «лѣшь» никогда не произносилось въ присутствіи императора.

Среди 32 стихотвореній первое мѣсто принадлежитъ стихотвореніямъ, посвященнымъ разнымъ семейнымъ событіямъ. Въ свадебномъ торжествѣ юнаго поэта Стеллы участвуютъ, конечно, всѣ божества. Уступивъ ласковымъ просьбамъ Амура, сама Венера покинула свой дворецъ на Млечномъ пути и отправилась прямо въ Римъ, чтобы покорить сердце прекрасной Віолантиллы ея жениху. Надгробныя стихотворенія Стація проникнуты кромѣ обычныхъ ловодовъ утѣшенія и выспренихъ восхваленій покойнаго, многими индивидуальными чертами. Смерть отца Стація даетъ ему случай воспѣть значеніе этого знаменитаго учителя въ звучныхъ стихахъ, съ благодарностью признавая все данное имъ сыну. По и говорящему попугаю, красѣ крылатаго племени, все птичье царство поетъ надгробную хвалу. Струны Стаціевой лиры звучатъ особенно полно, когда онъ воспѣваетъ божественнаго Домитіана (рис. 411), вступленіе его въ должность консула, освященіе конной его статуи въ Римѣ или новой дороги, грандіозность сооруженія которой вызываетъ даже Кумскую Сивиллу изъ ея пещеры. Какъ поэту достойно отблагодарить за приглашеніе его къ императорскому столу? Это былъ первый день его жизни, когда онъ, спокойно возлежа во дворцѣ, возбуждавшемъ восхищеніе самого Юпитера, могъ любоваться яснымъ величіемъ, которымъ сіяло лицо властителя. Удачнѣе и для насъ поучительнѣе поэтическія описанія страны и построекъ. Покровители, оказывавшіе поэту гостепріимство, милостиво принимали его восхваленія и прославленія ихъ роскошныхъ владѣній или произведеній искусства, которыми они особенно гордились. Глубиной чувства проникнуто стихотвореніе, въ которомъ больной поэтъ умоляетъ бога сна коснуться, пролетая, его усталой главы своимъ волшебнымъ жезломъ.

Эпосъ.

Стацій насъ приводитъ къ Эпосу, многотомныя произведенія котораго насъ займутъ недолго. Лишь „Фарсаліи“ племянника Сенеки

М. Аннея Лукана (39—65) изъ Кордовы имѣютъ нѣкоторое культурноисторическое и историческое значеніе. По повелѣнію Нерона Луканъ кончаетъ самоубійствомъ, какъ одинъ изъ участниковъ заговора Писона. Честолюбивый, рано созрѣвшій юноша, поведеніе котораго въ послѣдніе дни его жизни нельзя назвать очень достойнымъ, не былъ созданъ тираноубійцей; для насъ онъ является представителемъ республиканской оппозиціи, выращенной стоиками и поднявшейся противъ Нерона. Служа ей, Луканъ изобразилъ гражданскія войны отъ перехода Цезаря черезъ Рубиконъ вплоть до его осады въ Александріи. Лукань.

„Фарсаліи" убѣждаютъ насъ въ томъ, какъ рискованно облекать близкій по времени матеріалъ въ эпическую форму, особенно если онъ окрашенъ опредѣленной тенденціей, извращающей дѣйствительный ходъ исторіи. Могучую фигуру Цезаря еще можно себѣ представить центромъ эпическаго произведенія. Но въ произведеніи Лукана онъ является только узурпаторомъ, а Помпей и фанатикъ морали Катонъ превозносятся какъ борцы за право и свободу, хотя особенно первый изъ нихъ въ своей трезвости и нерѣшительности былъ весьма далекъ отъ всякаго героизма. Историческій матеріалъ, художественно обработанный уже Ливіемъ, не давалъ простора творческой фантазіи. Преувеличенія и рядъ другихъ недостатковъ объясняются молодостью автора. Сила его республиканской убѣжденности, его стремленіе къ прегнантной краткости, часто затрудняющей пониманіе, достойны удивленія. Руководимый вѣрнымъ чутьемъ, онъ исключаетъ изъ своей поэмы сонмъ Олимпійцевъ, составлявшій неизбѣжный аттрибутъ эпоса Вергилія и его предшественниковъ. Силій Италикъ (около 25—101), написавшій, также по образцу Ливія, длинную и скучную поэму о второй Пунической войнѣ, его примѣру не послѣдовалъ. Но роковымъ было то, что, начиная съ Лукана, широкій потокъ реторики впервые затопляетъ эпосъ и разрушаетъ всякую естественность мысли и выраженія. Сотни патетическихъ рѣчей и длинныхъ описаній загромождаютъ разсказъ, не способствуя его живости. Ужасающія описанія битвъ свидѣтельствуютъ о направленіи вкуса эпохи. Долгое время не изсякавшее восхищеніе, которымъ было встрѣчено произведеніе Лукана, нынѣ намъ кажется загадочнымъ.

Оно до нѣкоторой степени объясняется пресыщеніемъ читающей публики миѳологическимъ эпосомъ (ср. стр. 659). Лавры Вергилія не давали поэтамъ покоя. Ему удалась геніальная попытка отраженія идейной сущности Августовской эпохи въ зеркалѣ легенды. Вооружившись его доспѣхами и призрачнымъ орудіемъ реторики, призванные и непризванные пошли по избитымъ путямъ исторіи давняго прошлаго, что было менѣе рискованно для поэта, для читателя же менѣе увлекательно, чѣмъ „актуальный" историческій эпосъ. Лишь очень немногіе выдѣляются надъ толпой. Воодушевленный, быть можетъ, предпріятіемъ Веспасіана въ Британніи, Валерій Флаккъ вновь перерабатываетъ въ стилѣ Вергилія эпическую поэму о походѣ Аргонавтовъ Аполлонія Родосскаго (стр. 123). Къ счастью, мы имѣемъ возможность сопоставить оригиналъ и переработку, и сравненіе оказывается въ пользу римлянина. Правда, четыре книги Аполлонія превратились въ цѣлыхъ 8; но ученыя добавленія разумно сокращены и эффектъ повы- Миѳологическій эпосъ. Валерій Флаккъ.

шенъ творческой фантазіей. Валерій сознавалъ, между прочимъ, главный недостатокъ своего образца, блѣдность и пассивность предводителя Ясона, и внесъ соотвѣтствующую поправку.

Стацій (стр. 661) въ теченіе 12 лѣтъ съ громадной усидчивостью тщетно трудится надъ своей „Ѳиваидой“, пытаясь достигнуть высоты Вергилія. Ему понадобилось цѣлыхъ шесть книгъ, чтобы добраться до битвы при Ѳивахъ. Въ изображеніи ужасающей борьбы враждующихъ братьевъ участвуютъ всѣ Олимпійскіе и подземные боги. Незаконченная „Ахиллеида“ гораздо граціознѣе. Красивые и пикантные мотивы въ описаніи юношества Ахилла изящно разработаны поэтомъ. Ахиллъ растетъ на Скирѣ подъ видомъ дѣвушки, онъ овладѣваетъ сердцемъ прелестной царевны и разрываетъ при видѣ оружія и звукѣ боевой трубы свой женскій нарядъ (ср. рис. 412).

Рис. 412. ОДИССЕЙ УЗНАЕТЪ АХИЛЛА НА СКИРѢ.
Неаполь. Стѣнная фреска изъ Помпей,
Casa dei Dioscuri. Ср. Herrmann, Denkmäler der Malerei, табл. 5.

Дидактическая поэзія.

Что касается дидактической поэзіи, то прелестныя георгики Вергилія не нашли себѣ продолжателей. Только испанецъ Колумелла въ своемъ руководствѣ по земледѣлію живо и со вкусомъ пишетъ въ гекзаметрахъ дополненіе къ „Георгикамъ“ Вергилія, посвященное садоводству. Наоборотъ, небесныя явленія и ихъ вліяніе на земную жизнь живо интересуютъ умы; даже недовѣрчивый Тиберій былъ убѣжденнымъ приверженцемъ астрологовъ. Въ это же время даже одинъ изъ членовъ

Колумелла.

императорской семьи, благородный Германикъ находитъ время переработать трудъ Арата о звѣздахъ (стр. 133), при чемъ дѣлаетъ это успѣшнѣе, чѣмъ его предшественникъ Цицеронъ, а М. Манилій пишетъ свою астрологію; его цѣль не поэтическая, онъ съ благоговѣйной серьезностью Лукреція (стр. 438 сл.) стремится изложить свое міросозерцаніе. Манилій былъ проникнутъ вѣрой Посидонія въ присущую человѣку божественную силу, открывающую намъ связь между движеніемъ небесныхъ свѣтилъ и судьбою человѣка; онъ гордился глубиной и новизной своей попытки. Его силы росли во время работы, тѣмъ не менѣе, ихъ не хватило для одолѣнія неблагодарной и неразрѣшимой задачи. Описаніе небесныхъ свѣтилъ и ихъ движенія не поддавалось риторической формѣ и не выигрывало отъ миѳологическихъ отступленій. Возвращаясь на землю, поэтъ чувствуетъ себя какъ дома и очень живо изображаетъ сословія и типы, рождающіеся подъ опредѣленными созвѣздіями. Несмотря на все это небезинтересно получить представленіе объ этомъ хаосѣ суевѣрій. Манилій.

Интересъ къ дидактической поэзіи не потухалъ. При Неронѣ возникаетъ своеобразная поэма Этна, пытающаяся дать не миѳологическое, а физическое объясненіе вулканическихъ явленій. Среди незначительныхъ греческихъ произведеній этихъ столѣтій первое мѣсто занимаютъ прескучныя книги Оппіана о рыболовствѣ, посвященныя Марку Аврелію.

При Тиберіи же возникаетъ менѣе претенціозная форма дидактической поэзіи, пережившая всѣ остальныя, это—поэтическая басня. Поразительно, что никто не послѣдовалъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ примѣру Сократа, сочинившаго поэтическую басню во время своего заключенія. Этими дѣтскими разсказами пренебрегали, а принятая ими опредѣленная народная форма не влекла къ поэтическому пересозданію. И въ области нашей нѣмецкой народной сказки попытки такого пересозданія рѣдки. Такимъ образомъ, за Федромъ, отпущенникомъ Августа, остается слава созданія поэтической басни. Онъ взялся за переработку общественныхъ басенъ Эзопа (Э. К., стр. 224) „въ граціозныя сенары, задаваясь цѣлью развлечь и одновременно дать мудрый совѣтъ“. Впослѣдствіи онъ съ гордостью смотритъ сверху внизъ на свой образецъ, отъ котораго онъ, къ сожалѣнію, въ ущербъ себѣ все больше и больше отклоняется. Федръ начинаетъ съ разсказами о животныхъ переплетать шутки, анекдоты, шутливыя сентенціи; въ чемъ по его слѣдамъ пошли новѣйшіе баснописцы, вродѣ Лафонтена и особенно Геллерта. Постоянно присоединяетъ онъ и навязчивое fabula docet въ заключеніи или началѣ басни. Этотъ отпущенникъ не блещетъ глубиной ума; но онъ сумѣлъ въ краткой и безыскуственной простотѣ разсказа, которой, между прочимъ, любуется и Лессингъ, уло- Басня. Федръ.

вить вѣрный тонъ для своихъ незатѣйливыхъ миніатюръ; среди риторической вычурности той эпохи его простые и вмѣстѣ съ тѣмъ мѣткіе стихи производятъ благотворное впечатлѣніе.

Бабрій. Долгое время спустя послѣ Федра, уроженецъ Азіи, Бабрій кладетъ основаніе греческой баснѣ. Онъ также пользуется безыскуственнымъ разговорнымъ языкомъ и прибѣгаетъ къ размѣру народныхъ холіямбовъ. Его стихи изящны и вылощены съ величайшимъ тщаніемъ; въ самыхъ совершенныхъ частяхъ своихъ произведеній оба поэта не уступаютъ другъ другу. Но современная басня примыкаетъ къ римскому баснописцу; Федръ, пріобрѣвшій своими невинными баснями вмѣсто признанія вражду и подозрѣніе всемогущаго министра Сеяна, могъ бы быть удовлетвореннымъ той славой, которой онъ пользуется въ наше время. До сихъ поръ дѣтскіе и тѣмъ не менѣе глубокомысленные разсказы поэта покоряютъ сердца и малаго и стараго, не меньше, чѣмъ во времена Гесіода или Менснія Агриппы.

Трагедіи Сенеки. Въ заключеніе упомянемъ трагедіи философа Сенеки, оказавшія особенно глубокое вліяніе на новое время; въ нихъ художественный вкусъ и искусство этой эпохи нашли себѣ наиболѣе цѣльное выраженіе. Трагедіи Сенеки уже потому возбуждаютъ нашъ особенный интересъ, что это единственныя трагедіи на латинскомъ языкѣ, дошедшія до насъ. Полтысячелѣтія прошло съ тѣхъ поръ, какъ великіе трагики воодушевляли Аѳины своими геніальными произведеніями, а въ императорскомъ Римѣ все еще не переставали писать, читать и декламировать трагедіи. Однако, онѣ уже не воплощали въ свѣтлой одухотворенности человѣческаго величія и человѣческой судьбы, пользуясь возвышеными образами прошлаго; онѣ напоминали безкровныя тѣни, пробужденныя къ неестественно напряженной призрачной жизни волшебствомъ реторики. Новая реторическая трагедія возникла изъ школьныхъ декламацій, часто бравшихъ за образецъ конфликты трагедіи; трагедія Сенеки даже часто ставитъ себѣ, повидимому, прямую цѣль—освѣтить истинность философскихъ тезисовъ классическими примѣрами. Эта трагедія достигаетъ своего высшаго расцвѣта въ тотъ моментъ, когда дѣйствительность, какъ ее описываетъ Тацитъ, превосходитъ даже самую причудливую поэтическую фантазію.

Сюжеты. Уже выборъ сюжетовъ свидѣтельствуетъ о стремленіи къ чудовищному, ужасному. Мы встрѣчаемъ у Сенеки коварное угощеніе Ѳіеста, убіеніе Агамемнона измѣнившей ему женой, грѣховную любовь Федры къ ея пасынку, дѣтоубійство Медеи, самоослѣпленіе Эдипа, безуміе Геракла и смерть его, вызванную страстной ревностью его жены. Мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ возможности останавливаться на разборѣ отдѣльныхъ драмъ, какъ ни поучительно сличеніе ихъ съ греческими оригиналами. Нѣкоторое представленіе о ходѣ подобной трагедіи ужасовъ читатель вынесетъ изъ Театральной библіотеки Лессинга, давшаго въ ней подробныя выдержки изъ двухъ трагедій съ попытками перевода.

Характеристика.

Стремленіе къ повышенности эффекта поглощаетъ всякое чутье къ высшимъ задачамъ истинной трагедіи. Писатель пренебрегаетъ построеніемъ ея и ходомъ дѣйствія; нельзя безъ содроганія видѣть, какъ немилосердно Сенека изуродовалъ геніальное произведеніе Софокла — царя Эдипа (Э. К., стр. 479). То напряженіе, которое читатель испытываетъ до конца при чтеніи трагедіи Софокла, совершенно уничтожено, такъ какъ Эдипъ съ перваго момента своего выступленія предчувствуетъ бѣдствія, которыя ему готовитъ судьба. То же мы видимъ въ „Безумномъ Гераклѣ“, гдѣ ликующая Юнона съ самаго начала заявляетъ о несчастіи, которое обрушится на героя (Э. К, стр. 490). Съ другой стороны, безуміе Геракла, дѣтоубійство Медеи и другіе ужасы, изображаемые въ самыхъ яркихъ краскахъ, происходятъ на сценѣ передъ глазами зрителей. Только такими пріемами можно было достигнуть повышенія эффекта, не считая привидѣній, мертвецовъ, разнаго волшебства, въ которое вѣрили и къ которому прибѣгали въ эпоху Нерона. Не можетъ быть и рѣчи о развитіи характеровъ, если герой трагедіи съ самаго начала ея впадаетъ въ буйство. Все разсчитано на возбужденіе притупленныхъ нервовъ безчеловѣчными сценами, на блескъ изложенія, который достигается при помощи всѣхъ пріемовъ реторики въ длинныхъ описаніяхъ и безконечныхъ рѣчахъ, часто представляющихъ изъ себя контроверсіи и суазоріи (стр. 641), построенныя по всѣмъ правиламъ искусства. Эти сцены, безъ сомнѣнія, являются своего рода шедеврами, искусно скомпонованными и полными остроумія. Реторъ былъ одновременно и философомъ, умѣвшимъ облечь въ глубокомысленныя фразы общія мѣста, составлявшія содержаніе свободно вплетенныхъ въ трагедію хоровыхъ пѣсенъ. Пасъ, однако, его пафосъ оставляетъ холоднымъ, такъ же какъ его искусственныя антитезы. Тѣмъ не менѣе, эти трагедіи, которыя авторъ не предназначалъ для сцены, представляютъ изъ себя лишь неизбѣжное конечное звено длинной цѣпи эволюціи, въ началѣ которой стоитъ Еврипидъ (Э. К., стр. 486).

Яркій театральный фейерверкъ, зажженный Сенекой, далеко распространилъ свое сіяніе. Ибо не классическія созданія грековъ, а римскія перевоплощенія ихъ произвели первое рѣшающее вліяніе на новѣйшую поэзію: Сенека является для Корнеля и Расина, для Лоенштейна и др. образцомъ, которому они поклонялись. Лишь въ XVIII столѣтіи наши величайшіе поэты снова возрождаютъ пониманіе чистоты и прелести аттической трагедіи.

«Октавія».

Возможностью сопоставленія драматическаго образа римскаго императора-тирана съ его героическимъ двойникомъ Атреемъ въ „Θіестѣ“ мы обязаны трагедіи „Октавіи“, написанной вскорѣ послѣ смерти Нерона. Эта трагедія рисуетъ судьбу несчастной супруги Нерона, Октавіи, единственной представительницы рода Клавдіевъ послѣ отравленія ея брата, Британника. Несмотря на всѣ увѣщанія Сенеки, Неронъ ее отвергаетъ,

увлеченный страстью къ безнравственной Поппеѣ Сабинѣ, передъ которой призракъ убитой матери Нерона, Агриппины, несетъ свадебный факелъ; онъ губитъ Октавію, разгнѣванный возстаніемъ народа въ ея защиту. Эта драма, написанная умѣреннымъ стилемъ Сенеки, является единственнымъ образцомъ, дающимъ намъ представленіе объ исторической трагедіи римлянъ.

8. ПРОЗА

Сенека

Безчисленное множество поэтическихъ произведеній и мало поэзіи—вотъ заключеніе, къ которому приводитъ насъ предыдущій обзоръ; на слѣдующихъ страницахъ мы скажемъ о томъ, какъ проза выдвинула рядъ авторовъ, отличающихся ярко выраженной индивидуальностью. На нихъ наши взоры обращены и понынѣ, такъ какъ они сумѣли вложить въ новую форму значительное содержаніе. Первой литературной величиной и характернымъ представителемъ эпохи является Л. Анней Сенека (4 г. до Р. Хр.—65 г. по Р. Хр.), сынъ ретора Сенеки (стр. 641).

Жизнь

Его судьба, его дѣятельность поэта, философа, царедворца и политика, такъ же какъ его характеръ были полны колебаній. Родившись въ Кордовѣ, онъ получилъ философское и реторическое образованіе въ Римѣ; блестяще одаренный, онъ очень быстро достигнулъ почета и литературной славы. Присужденный Клавдіемъ въ 41 году къ изгнанію на мрачный скалистый островъ Корсику, онъ могъ въ теченіе 8 лѣтъ посвящать свой непроизвольный досугъ работѣ. Впослѣдствіи Агриппина возвращаетъ его въ Римъ и поручаетъ ему воспитаніе юнаго Нерона. По восшествіи послѣдняго на престолъ, онъ вмѣстѣ съ Бурромъ завѣдуетъ государственнымъ управленіемъ и не во вредъ государству. Худощавый, постоянно болѣзненный Сенека велъ очень простой образъ жизни, но въ рукахъ его скопились несмѣтныя богатства, возбудившія въ концѣ концовъ алчность императора. Напрасно онъ въ 62 году, избѣгая подозрительности Нерона, совершенно уходитъ отъ государственныхъ дѣлъ; это только замедлило катастрофу, которую онъ, наконецъ, встрѣтилъ съ душевнымъ спокойствіемъ мудреца.—

Характеръ.

Какъ человѣка и какъ поэта его много порицали и много хвалили. Уже въ древнее время Сенеку справедливо упрекали въ несогласіи его ученія съ жизнью и поступками, укоръ — заслуженный очень многими реторическими писателями. Онъ самъ сознавалъ, судя по его словамъ, недостатки своего характера, и въ ежедневномъ самоанализѣ работалъ надъ ихъ исправленіемъ. Остается сомнительнымъ, было ли во власти Сенеки направить его съ дѣтства испорченнаго воспитанника на лучшій путь; что же касается причулъ и желаній императора, то къ нимъ надо было относиться съ разумной осторожностью. Однако, одинъ тотъ фактъ, что Сенека одновременно пишетъ для Нерона карикатурно преувеличенное похвальное надгробное слово Клавдію и злостную сатиру на покойнаго (ср. стр. 658) ясно говоритъ за себя. Что могло ярче охарактеризовать духъ, господствовавшій въ то время въ Римѣ?

Произведенія.

Сенека написалъ чрезвычайно много; но обремененный дѣлами министръ нерѣдко поручалъ, по всей вѣроятности, подготовку матеріала своимъ секретарямъ. Мы уже знаемъ его трагедіи; сохранились до насъ въ имѣющихся у насъ сборникахъ и многочисленныя эпиграммы. Утрачены рѣчи, написанныя Сенекой для Нерона. Большинство же его философскихъ трудовъ сохранилось. Они представляютъ изъ себя краткіе и длинные трактаты по отдѣльнымъ вопросамъ этики, напр. „о гнѣвѣ“, „о провидѣніи“, „о бренности жизни“, „о счастьѣ жизни“, „о благодѣяніяхъ“, сверхъ того много „Утѣшеній“. Послѣднія посвящены опредѣленнымъ лицамъ и называются большею частью діалогами.

Но это вѣрно лишь постольку, поскольку авторъ живо оспариваетъ возраженія мнимаго противника. Въ годы замкнутой жизни, Сенека работаетъ только на пользу потомства, и пишетъ свои 124 посланія Луцилію. Авторъ избралъ форму письма, исключительно чтобы имѣть возможность трактовать о самыхъ разнообразныхъ вопросахъ въ непринужденной формѣ. Тѣмъ не менѣе, безконечное восхваленіе философіи, какъ единаго занятія достойнаго человѣка, утомляетъ своимъ однообразіемъ; но, съ другой стороны, эти посланія представляютъ изъ себя цѣлую богатую сокровищницу жизненнаго опыта и житейской мудрости. Къ трудамъ старческихъ лѣтъ относятся также его „Вопросы о природѣ“, объясняющіе цѣлый рядъ явленій природы. Мы узнаемъ съ интересомъ, хотя и безъ практическихъ результатовъ для нашего знанія, воззрѣнія стоиковъ о возникновеніи радуги, грозы, града и снѣга, о причинахъ землетрясенія, о кометахъ и т. д. И тутъ въ изложеніе вплетены практическіе и нравственные совѣты.

Философія.

Рис. 413. СЕНЕКА. Съ фотографіи.
Двойная герма Сенеки и Сократа, находящаяся въ Берлинѣ.

Главный интересъ представляютъ для насъ философскіе труды Сенеки, возникшіе въ его зрѣлые годы и въ старости. Онъ былъ стоикомъ, но сохранилъ за собой свободу черпать то, что ему было по душѣ и изъ другихъ философовъ, не исключая и вызывавшаго столько порицанія Эпикура. Для насъ онъ является первымъ главнымъ представителемъ стоической школы, а именно, утилитаристическаго направленія ея, основаннаго Панетіемъ и Посидоніемъ, далекаго (какъ сказано выше на стр. 408 сл.) отъ всякой схоластической мудрости, проповѣдовавшаго нравственно-чистую и счастливую жизнь. „Non scholae sed vitae discimus“.

Только тотъ, кто представляетъ себѣ картину эпохи, нарисованную Тацитомъ, можетъ понять всю глубину исканія и всю жажду внутренняго перерожденія, которыя волновали лучшихъ людей того времени. Отсюда вытекаетъ нравственное углубленіе идеи божества. Оно любитъ людей и требуетъ ихъ любви. Провидѣніе мудро охраняетъ судьбу человѣка. Оно и страданія ниспосылаетъ ему, какъ школу испытанія. „Безъ врага добродѣтель вянетъ“. Человѣкъ долженъ выработать въ себѣ свободу духа въ постоянной борьбѣ съ грѣховностью, присущей всѣмъ людямъ, въ борьбѣ съ плотью (какъ выражается уже Сенека). Ибо „тѣло—бремя и кара души“. Послѣдуемъ богамъ, поскольку это доступно слабости человѣка. Поэтому человѣку доступно лишь приближеніе къ добродѣтели. Отношеніе къ ближнему строится на чувствѣ родства съ нимъ—„мы всѣ—члены одного великаго организма“.

Передъ требованіемъ всеобъемлющей любви къ человѣчеству исчезаютъ всѣ грани различія. „Природа мнѣ повелѣваетъ приносить людямъ пользу, независимо отъ того, рабы ли они, или свободные, свободнорожденные или отпущенники. Гдѣ человѣкъ, тамъ и случай оказать благодѣяніе". Добрымъ дѣломъ слѣдуетъ воздавать и за неблагодарность и за непріязнь. „Постоянная доброта покоряетъ даже злыхъ". Сенека не только увѣщевалъ императора быть милостивымъ со своими подданными, онъ проповѣдовалъ также милосердіе къ рабамъ. Ибо только тѣло ихъ является собственностью господина, духовный міръ раба — его неотъемлимая собственность. „Человѣкъ человѣку святыня" (homo res sacra homini).—Эти мысли поразительно гармонируютъ съ этическимъ ученіемъ христіанства; вполнѣ естественно, что впослѣдствіи Сенеку считали тайнымъ христіаниномъ, и приписывали ему, возбудившую столько споровъ, переписку съ апостоломъ Павломъ.

Стиль. Ни одна изъ этихъ мыслей не является новой, тѣмъ не менѣе онѣ казались новыми въ опредѣленномъ сочетаніи и въ подчеркиваніи тѣхъ идей, которыя могли помочь людямъ того времени въ ихъ исканіяхъ, новыми въ той блестящей формѣ, въ которую облекалъ ихъ Сенека. Онъ завершитель и мастеръ новаго стиля, отражающаго внутреннюю раздвоенность его времени и его личнаго характера. Мысли, выраженныя сжатыми, прегнантными словами, нанизываются одна за другой въ краткихъ, отрывистыхъ, не объединенныхъ связью, предложеніяхъ; „отрывистыя изреченія, меньше высказывающія, чѣмъ заставляющія догадываться", говоритъ Сенека однажды, не замѣчая, что онъ этими словами характеризуетъ самого себя. То насъ привлекаетъ мѣткое сравненіе, то цитата или детально разработанный примѣръ (особенно часто фигурируетъ Катонъ Младшій), примиряющій съ неудовлетворительной логикой разсужденія. Сенека не только хочетъ быть остроумнымъ, онъ дѣйствительно остроуменъ. Ни изъ одного прозаика нельзя извлечь такого богатаго сборника краткихъ афоризмовъ. Онъ становится блестящимъ образцомъ того, что мы называемъ „esprit" французскихъ писателей. Читая его, испытываешь странное ощущеніе: начинаешь съ напряженнымъ интересомъ и участіемъ, со временемъ же интенсивность воспріятія ослабѣваетъ—вѣдь одной лишь пряной пищей не проживешь,—и мы замѣчаемъ, что въ патетическихъ декламаціяхъ и остроумныхъ антитезахъ Сенеки переливаются все однѣ и тѣ же мысли. Это не уменьшаетъ глубокаго моральнаго содержанія трудовъ Сенеки, немало способствовавшаго облагороженію человѣчества, прямо или черезъ посредство отцовъ церкви.

Историографія. Историографія процвѣтаетъ и въ этомъ столѣтіи, но она утрачиваетъ свою широту и универсализмъ. Интересъ къ универсальной исторіи и потребность въ ней исчезаютъ, возникаетъ не-

обходимость въ удобныхъ руководствахъ и обзорахъ. Таковы въ позднѣйшее время совершенно неудовлетворительный обзоръ римскихъ войнъ, написанный при Адріанѣ Флоромъ, и полезное руководство по всей римской исторіи, составленное въ IV столѣтіи Евтропіемъ. Первый трудъ этого типа написалъ бывшій офицеръ Тиберія, Г. Веллей Патеркулъ. Веллей. Это была совершенно случайная и быстро возникшая книга. Поэтому повѣствованіе отличается неровностью; оно то слишкомъ бѣгло, то детально останавливается на вопросахъ, особенно интересовавшихъ автора, на характеристикѣ великихъ людей, на періодахъ расцвѣта литературы Греціи и Рима. Несмотря на обиліе реторическаго краснорѣчія, книга читается съ интересомъ. Вошедшіе въ поговорку льстивые диѳирамбы, посвященные Тиберію, полезно сравнить съ мрачнымъ образомъ императора, нарисованнымъ Тацитомъ. Веллею же мы обязаны единственными свѣдѣніями современника объ Арминіи.

Первый образецъ историческаго труда, написаннаго реторомъ, мы видимъ въ исторіи Александра Великаго Кв. Курція Руфа, возникшей при императорѣ Клавдіи. Матеріалъ былъ точно созданъ для реторики. Дѣло въ томъ, что рядомъ съ серьезной исторіей Александра, съ которой мы снова встрѣтимся у Арріана, возникло фантастическое повѣствованіе о немъ, преслѣдовавшее цѣль заинтересовать и растрогать читателя (ср. стр. 138). Изъ этихъ источниковъ черпалъ Курцій, совершенно не стремившійся быть ученымъ историкомъ, а желавшій только занять читателя. Курцій.

Онъ добросовѣстно передаетъ все, что говоритъ преданіе, даже если самъ въ него не вѣритъ. Курцій никакого понятія не имѣетъ о значеніи Александра для всемірной исторіи; онъ въ глазахъ Курція баловень божественной судьбы, дарующей ему успѣхъ за успѣхомъ, и доводящей его въ концѣ концовъ до высокомѣрія и святотатства. Этотъ образъ Александра давалъ его біографу подходящій матеріалъ для назидательныхъ разсужденій. Курцій усердно заботится о развлеченіи читателя. Авторъ по возможности избѣгаетъ техническихъ и хронологическихъ вопросовъ. Повѣствованіе чудесныхъ подвиговъ построено очень искусно и достигаетъ въ самые патетическіе моменты большой выразительности, нерѣдко даже потрясающей силы. Особенно тщательной отдѣлкѣ нашъ авторъ подвергаетъ, разумѣется, многочисленныя рѣчи, которыя въ отдѣльности читаются довольно легко, въ общемъ же однообразны. Не говоря уже о томъ, что суровые скиѳы и другіе варвары были бы чрезвычайно поражены, если бы знали, какія законченныя остроумныя рѣчи имъ нѣкогда будутъ приписаны. Многія изъ утраченныхъ историческихъ трудовъ эпохи эллинизма были, безъ сомнѣнія, написаны въ стилѣ труда Курція.

Реторическая окраска сочиненія Курція сказывается скорѣе въ общемъ тонѣ и пониманіи, чѣмъ въ преувеличенныхъ украшеніяхъ рѣчи, отъ которыхъ его оберегало вѣрное чутье. Его стиль конструкціи предложеній занимаетъ среднее мѣсто между многорѣчивостью Ливія и отрывистой краткостью Сенеки.

Исторія современныхъ событій.

Курцій представляетъ изъ себя единичное явленіе, такъ какъ историковъ сильно привлекала мѣнявшая свой обликъ при каждомъ новомъ императорѣ, богатая событіями современная исторія, хотя занятіе ею не всегда было безопаснымъ. Изъ многочисленныхъ писателей, посвящавшихъ ей свои труды, до насъ сохранилось лишь двое: эллинистически образованный еврей и римлянинъ, Іосифъ и Тацитъ, оба имѣющіе высокое культурно-историческое значеніе.

Іосифъ.

Флавій Іосифъ (37 г.—послѣ 95 г.), знатный фарисей, былъ однимъ изъ вождей іудейскаго возстанія; находясь въ военномъ плѣну, онъ измѣнилъ своему отечеству. Этотъ гибкій человѣкъ сумѣлъ расположить къ себѣ Веспасіана, и нашелъ въ себѣ силы присутствовать въ лагерѣ Тита при осадѣ Іерусалима. Основываясь на живыхъ воспоминаніяхъ, онъ написалъ исторію іудейской войны, которая, хотя лишь впослѣдствіи переведенная на греческій языкъ, была признана императоромъ, какъ официальный отчетъ. Такъ какъ отъ повѣствованія Тацита сохранилось только начало, то наши свѣдѣнія объ этомъ знаменательномъ событіи основываются исключительно на трудѣ Іосифа. Къ сожалѣнію, Іосифъ является не вполнѣ надежнымъ источникомъ. Мы опредѣленно улавливаемъ его стремленіе пріукрасить факты, желая представить въ лучшемъ свѣтѣ, съ одной стороны, свой собственный недостойный поступокъ, съ другой—императора, руководившаго операціями. Колоссальныя цифры также возбуждаютъ сомнѣніе: могло-ли дѣйствительно во время возстанія быть убито гораздо больше милліона іудеевъ? Съ еще бо̀льшей осторожностью приходится пользоваться его „Іудейской исторіей“, не только потому, что Іосифъ беретъ себѣ въ образецъ Діонисія (стр. 646), но и благодаря ея опредѣленной тенденціозности. Онъ ее пишетъ, желая разсѣять ту дурную славу, которую евреи пріобрѣли среди грековъ и римлянъ, и выставляетъ, подобно другимъ апологетамъ, свой народъ въ лучшемъ свѣтѣ.

Тацитъ.

Подобно причудливой зубчатой горной вершинѣ, освѣщенной грозной молніей, одиноко возвышается надъ окружающей его посредственностью Тацитъ. Мы мало знаемъ о его жизни и ничего не знаемъ о его характерѣ: судьба хотѣла, чтобы мы знали его исключительно по его трудамъ. И ихъ сохраненіемъ мы обязаны только счастливой случайности; мы знаемъ его произведенія лишь по немногимъ древнимъ рукописямъ, двѣ важнѣйшія изъ которыхъ были найдены итальянскими гуманистами въ нѣмецкихъ монастыряхъ и снова увезены на ихъ старую родину.

Жизнь и сочиненія.

П. Корнелій Тацитъ (около 55—117) въ дѣтствѣ пережилъ всѣ ужасы эпохи Нерона, а въ зрѣлые годы съ горькой покорностью мирился съ тиранніей Домитіана (стр. 652 сл.); его душа не могла оправиться отъ этихъ гнетущихъ впечатлѣній. Въ лучшіе годы жизни онъ былъ ораторомъ и занималъ рядъ государственныхъ должностей,

достигнувъ при Нервѣ консульства, при Траянѣ намѣстничества въ Азіи. Онъ берется за перо только тогда, когда вновь наступило время, „когда можно было думать, что хочется, и говорить то, что думаешь“. Простившись въ своемъ діалогѣ объ Ораторѣ съ искусствомъ краснорѣчія, Тацитъ всецѣло посвящаетъ себя исторіи. Изъ двухъ небольшихъ сочиненій, написанныхъ въ 98 году, жизнеописаніе Агриколы есть дань почтенія, отданная тестю Тацита, а знаменитая „Германія“ представляла изъ себя подготовительную работу къ его обширному историческому труду. Въ „Исторіяхъ“ онъ (между 104 и 109 годахъ) описываетъ пережитую имъ эпоху, затѣмъ въ „книгахъ отъ смерти божественнаго Августа“, которыя онъ самъ при случаѣ называетъ „Анналами“, предшествующія десятилѣтія. Планъ написать исторію счастливаго періода правленія Нервы и Траяна Тацитъ отложилъ на старческіе годы; осуществить его ему не удалось.

Діалогъ об ораторахъ.

Діалогъ об ораторахъ, передающій фиктивную бесѣду, при которой Тацитъ яко бы присутствовалъ въ 75 году, по матеріалу и стилю рѣзко отличается отъ остальныхъ его трудовъ, что долгое время заставляло сомнѣваться въ авторствѣ Тацита. Однако, мы должны привыкнуть къ факту, что реторика имѣла для всякаго литературнаго сюжета опредѣленную художественную форму и что впослѣдствіи скупой на слова Тацитъ, тамъ, гдѣ это было допустимо или вызывалось матеріаломъ, выказываетъ спокойную словоохотливость. Высокопочтенные люди въ непринужденной и тѣмъ не менѣе планомѣрно построенной бесѣдѣ рѣшаютъ назрѣвшій въ то время вопросъ о причинахъ быстраго упадка ораторскаго искусства въ эпоху имперіи.

Идеалистическому поэту Матерну, отказывающемуся разъ навсегда бросить свое перо поэта ради ораторской трибуны, противопоставленъ реалистъ, ораторъ Апръ, восторгающійся всѣмъ современнымъ. Случайно приспѣвшій гость, знатный римлянинъ Мессала, искренній поклонникъ добраго стараго времени, удачно опровергаетъ его доводы. Ясно, что въ монархическомъ государствѣ краснорѣчіе лишено того согрѣвающаго пламени, которымъ оно свѣтло и ярко пламенѣло въ эпоху республики (стр. 640). Однако, Мессалла глубже смотритъ на вещи, находя главную причину упадка въ характерѣ современнаго образованія, въ семьѣ и школѣ, научающей молодежь наглости и неправдивости, при чемъ рисуетъ тутъ же захватывающую прекрасную картину древне-римской семьи, умѣвшей воспитать строгость и чистоту нравовъ. Вообще діалогъ изобилуетъ и умными и добрыми мыслями, и согрѣтъ духомъ благородной гуманности. Совершенно ясно, сколькимъ Тацитъ обязанъ своему образцу Цицерону; его книжка, безъ сомнѣнія, является самымъ чарующимъ діалогомъ, написаннымъ на латинскомъ языкѣ.

Агрикола.

Въ біографіи Агриколы Тацитъ поставилъ себѣ нелегкую задачу. Ибо его тесть былъ хорошимъ, но далеко не выдающимся человѣкомъ, которому никогда не было прощено его умѣніе ладить съ Домитіаномъ, вмѣсто того, чтобъ въ безцѣльномъ честолюбіи увеличить число жертвъ бѣшенства тиранна. Тѣмъ большаго признанія заслуживаетъ умѣнье Тацита, выдвинуть привлекательныя стороны его характера и его единственное полезное дѣло—безупречное управленіе Британніей, сопровождавшееся также и военными успѣхами. Такимъ образомъ, Тацитъ отдаетъ Агриколѣ должную дань сыновняго уваженія,

«Германія».

Рис. 414. ТАКЪ НАЗЫВАЕМАЯ ТУСНЕЛЬДА.

Мраморъ. Флоренція. Съ фотографіи.

Во всякомъ случаѣ, передъ нами высокая фигура варварки (германки или галлки), скорбящей о гибели родного народа. Архитектонически цѣльная фигура, выше естественнаго человѣческаго роста, украшала, быть-можетъ, аттику тріумфальной арки. Благородная грусть этой женщины, не утратившей гордости и въ страданіи, производитъ глубокое впечатлѣніе и на современнаго зрителя.

выраженнаго, главнымъ образомъ, въ торжественномъ обращеніи къ покойному.

Въ біографіи Агриколы Тацитъ помѣщаетъ описаніе далекой Британніи По взоры столицы въ это время были обращены на Рейнъ, гдѣ находился новый императоръ Траянъ, медлившій возвращеніемъ въ Римъ и занятый укрѣпленіемъ границъ государства. Въ этотъ моментъ Тацитъ пишетъ свою „Германію“. Вдумчивый изслѣдователь видѣлъ яснѣе другихъ всю громадную силу опасности, грозившей государству отъ молодого сильнаго народа германцевъ; но онъ не подозрѣвалъ, какое драгоцѣнное сокровище онъ завѣщалъ грядущимъ поколѣніямъ этихъ варваровъ. Самъ Тацитъ, по всей вѣроятности, никогда не видѣлъ Рейна, но, основываясь на достовѣрныхъ разсказахъ римлянъ и германцевъ и на лучшихъ источникахъ (особенно „Германскихъ войнахъ“ Плинія Старшаго, участника этихъ войнъ), онъ съ явной любовью описываетъ „Происхожденіе, мѣстожительство, характеръ и племена германцевъ“. Тацитъ не только преслѣдовалъ въ этомъ сочиненіи цѣль показать римлянамъ примѣръ добрыхъ нравовъ, какъ предполагали, иначе онъ умолчалъ бы общеизвѣстные и въ наше время національные недостатки нѣмцевъ. Подъ давленіемъ переутонченной культуры и въ Тацитѣ, подобно Вергилію, Ливію, впослѣдствіи же Руссо, проснулось тяготѣніе къ чистой простотѣ и нравственности, которыми онъ объяснялъ самобытную силу этихъ сыновъ природы. Въ этомъ коренится своеобразная прелесть нарисованной имъ картины, которая, однако, не должна соблазнять насъ видѣть нашихъ предковъ въ свѣтѣ идеализаціи. Всякому германцу слѣдовало бы знать эту книгу, языкъ которой, то до крайности сжатый, то поэтически-окрашенный, почти не поддается переводу.

Исторія и анналы.

Если бы Тацитъ оставилъ намъ только эти три сочиненія, не заполняющія даже и ста печатныхъ страницъ, мы бы оцѣнили его какъ одного изъ самыхъ выдающихся писателей эпохи имперіи. Однако, они отходятъ на задній планъ передъ двумя большими историческими трудами Тацита, безъ которыхъ наше представленіе объ этомъ замѣчательномъ столѣтіи оставалось бы чрезвычайно скуднымъ. Труды эти обнимали въ 30 книгахъ періодъ отъ смерти Августа вплоть до убіенія Домитіана (14—96 по Р. Хр.); въ „Исторіяхъ“ Тацитъ пишетъ исторію своего времени, въ „Анналахъ“ же, трудѣ старческихъ лѣтъ, онъ излагаетъ періодъ отъ воцаренія Тиберія до смерти Нерона (68).

Къ сожалѣнію, „Исторіи“ сохранились только кончая 5-ой книгой, въ которой Тацитъ послѣ подробнаго описанія года четырехъ императоровъ доходитъ до возстанія батавовъ подъ предводительствомъ Клавдія Цивилиса. Такъ же какъ у Ливія, отсутствуетъ современный самому автору періодъ и вмѣстѣ съ тѣмъ существенный критерій его оцѣнки. Лишь по вступленію къ „Агриколѣ“ мы догадываемся о жгучей яркости красокъ, которыми были нарисованы ужасы правленія Домитіана; но мы совершенно не можемъ себѣ представить Тацита историкомъ эпохи благородныхъ императоровъ, вродѣ Веспасіана или Тита. Изъ числа 16 книгъ „Анналъ“ среднія (38—47 г.) до насъ не сохранились. Въ исторіи Тиберія и Нерона также много пробѣловъ; отсутствуютъ паденіе Сеяна, къ которому клонится все предшествующее изложеніе, и послѣдніе годы Нерона.

Вопросъ объ источникахъ.

Тѣмъ не менѣе, оба труда Тацита принадлежатъ къ числу самыхъ выдающихся созданій человѣческаго духа. Если отъ современнаго произведенія искусства требуется, чтобы оно воплощало чистую природу, претворенную темпераментомъ художника, то исторія Тацита въ высокой степени удовлетворяетъ этимъ требованіямъ. Читатель находится подъ такимъ сильнымъ ея обаяніемъ, что совершенно забываетъ ставить себѣ вопросъ, зналъ-ли Тацитъ и откуда всѣ тѣ факты, о которыхъ онъ говоритъ, а также причины событій. Мы никогда не будемъ въ состояніи опредѣлить, какъ онъ пользовался своими источниками, такъ какъ они до насъ не дошли. Тѣмъ не менѣе, мы предполагаемъ, что человѣкъ, подобный Тациту, не могъ рабски слѣдовать одному источнику (напр., „Германскимъ войнамъ“ Плинія или мемуарамъ матери Нерона), что онъ считался и съ устнымъ преданіемъ; черпая его въ сенаторскомъ кругу, онъ могъ составить себѣ если не всегда правдивую, то все таки въ общихъ очертаніяхъ опредѣленную картину дѣятельности главныхъ историческихъ лицъ. Онъ больше всего дорожитъ этимъ общимъ освѣщеніемъ, пренебрегая мелочнымъ изслѣдованіемъ отдѣльныхъ фактовъ, изъ которыхъ современная наука строитъ точный и вполнѣ правдивый историческій отчетъ о событіяхъ. Поэтому Тацитъ нерѣдко умалчиваетъ о событіяхъ, имѣющихъ не совсѣмъ второстепенное значеніе, или же упоминаетъ о нихъ только вскользь. Онъ опредѣленно избѣгаетъ точныхъ цифръ, его описанія битвъ производятъ ве-

личественное впечатлѣніе, но они далеки отъ точныхъ отчетовъ Цезаря. Исторія даетъ ему лишь сырой матеріалъ, на основаніи котораго властный геній художника рисуетъ событія въ индивидуальномъ освѣщеніи. Поэтому внимательный читатель Тацита долженъ разграничивать опредѣленные историческіе факты отъ оцѣнки ихъ причинъ и мотивовъ, дѣлаемой авторомъ; эта оцѣнка должна быть подвергнута тщательной критикѣ; критическая работа надъ Тацитомъ способна научить историка искусству понимать злободневную политическую литературу.

Характеръ. Поэтому необходимо составить себѣ точное представленіе о характерѣ и міровоззрѣніи Тацита, въ высшей степени цѣнное и съ культурно-исторической точки зрѣнія, такъ какъ Тацитъ для насъ является представителемъ цѣлаго сословія. Тацитъ — римскій столичный житель, смотрящій на всѣ явленія въ жизни мірового государства подъ угломъ зрѣнія столицы. Этимъ объясняется его непониманіе благотворной дѣятельности Тиберія въ провинціяхъ. По этой же причинѣ онъ ни однимъ словомъ порицаніяне отзывается на поступокъ Германика, желавшаго навести свои взбунтовавшіеся легіоны на другія мысли и поведшаго ихъ на мирныя германскія племена точно на стадо скота. Если онъ, тѣмъ не менѣе, награждаетъ Арминія славной почетной подписью liberator haut dubie Germaniae (безъ сомнѣнія освободитель Германіи), то это свидѣтельствуетъ о силѣ впечатлѣнія, произведеннаго на него этимъ человѣкомъ. Тацитъ—убѣжденный аристократъ. Въ его душѣ еще живы идеалы республики, тогда какъ разумомъ онъ признаетъ необходимость монархіи, а чувствомъ презираетъ безнравственность носителей ея. Но императоры не одни виновны въ своей порочности; ихъ со всѣхъ сторонъ окружаютъ льстивые царедворцы и подлые доносчики. Тотчасъ по смерти Августа всѣ спѣшатъ выразить свою готовность къ рабству—„консулы, сенаторы, всадники“. Достоинство сената изъ году въ годъ падало; уже Тиберій, оставляя залу засѣданій, часто восклицалъ по гречески: „холопскія души“! Если Тацитъ такъ открыто сознавалъ язвы своего сословія, то онъ тѣмъ яснѣе отдавалъ себѣ отчетъ въ развращенности столичной жизни, въ которой гибли послѣдніе слѣды достоинства римлянина.

При Нервѣ и Траянѣ онъ, правда, убѣждается въ томъ, что престолъ монарха не исключаетъ свободы; однако, его тяжелый опытъ не позволилъ ему воспрянуть радостной надеждой; постоянное углубленіе въ печальное прошлое подавляло его духъ. Подчасъ имъ самимъ овладѣваетъ уныніе, когда онъ, съ утомительной добросовѣстностью, перечисляетъ одно преступленіе за другимъ; онъ завидуетъ историкамъ республики, пишущимъ о великихъ военныхъ подвигахъ и рѣшительной борьбѣ внутри государства. Тѣмъ не менѣе, Тацитъ не бросаетъ своей великой задачи—научить и исправить грядущія поколѣнія мощью дурного примѣра.

На такой почвѣ могло вырости только міровоззрѣніе, проникнутое озлобленной покорностью, мрачный пессимизмъ, окутывающій разсказъ Тацита подобно облаку. Онъ, правда, упоминаетъ о богахъ и ихъ знаменьяхъ, за которыя упорно держится тупая вѣрящая въ чудо толпа, и самъ вѣритъ въ астрологію; но онъ зналъ, что потрясающія колебанія судьбы, поражавшія людей ежедневно, были дѣломъ чистаго случая, сегодня дѣлающаго властвующаго монарха своимъ орудіемъ, завтра же направляющаго свою власть противъ него же самого. Однако, Тацитъ, какъ человѣкъ своего времени, въ этомъ и подобныхъ принципіальныхъ вопросахъ не выработалъ себѣ ясной опредѣленности воззрѣнія, но сохранилъ, тѣмъ не менѣе, самостоятельность личнаго сужденія, которая у большинства переходила въ мертвенный догматизмъ. Міровоззрѣніе.

Съ поразительной психологической тонкостью наблюдаетъ и вникаетъ онъ въ человѣческую душу до самыхъ сокровенныхъ глубинъ ея, и въ ней находитъ самыя глубокія причины историческаго развитія. Тациту кажется болѣе цѣннымъ вникать въ эти причины, чѣмъ излагать только ходъ событій. Благодаря этому его повѣствованіе окрашено гораздо бо̀льшей субъективностью, чѣмъ того желалъ самъ авторъ или подозрѣваетъ читатель. Онъ ставитъ себѣ цѣлью писать sine ira et studio (безъ ненависти и пристрастія), какъ гласитъ его знаменитый девизъ, не имѣя основанія ни къ тому, ни къ другому. Но такая яркая индивидуальность, какъ Тацитъ, не могла не наложить на свое повѣствованіе личнаго отпечатка (подобно нашему современнику Трейтшке, котораго мы невольно вспоминаемъ, говоря о Тацитѣ). Въ этомъ обаяніе, но и опасность его. Послѣдняя тѣмъ болѣе велика, чѣмъ художественнѣе и убѣдительнѣе картина, въ которую авторъ группируетъ событія. За эти особенности Тацита справедливо порицали, не за искаженіе истины, а за односторонность его сужденія. Субъективность.

Понятіе такъ называемаго безумія цезарей возникло изъ чудовищныхъ образовъ монарховъ, нарисованныхъ Тацитомъ. Дѣйствительно, онъ незабвенными красками рисуетъ, какъ не лишенный способностей Неронъ въ ранней юности вступаетъ на престолъ, все ниже падаетъ шагъ за шагомъ, и, въ концѣ концовъ, избавившись отъ своихъ совѣтчиковъ, становится матереубійцею. По отношенію къ Тиберію Тацитъ глубоко несправедливъ. Передъ нимъ жилъ образъ стараго деспота, которому Римъ никогда не простилъ его удаленія изъ столицы и замкнутой жизни на Капри (рис. 415), въ мрачномъ презрѣніи къ человѣчеству. Такую память оставилъ по себѣ Тиберій. Тацитъ, однако, не понимаетъ всей драмы въ жизни этого человѣка, принявшаго на себя послѣ безотраднаго дѣтства и исковерканной молодости, почти противъ воли своей, управленіе государствомъ, къ которому онъ несмотря на это относился съ строгой добросовѣстностью, драмы, достигающей своего апогея, когда Тиберій низко обманутъ былъ тѣмъ единственнымъ человѣкомъ, которому онъ даривъ свое довѣріе. Тацитъ безпощадно приписываетъ какъ его мельчайшимъ поступкамъ, такъ и его самымъ разумнымъ мѣрамъ нечестные мотивы. Не случайность и то, что этому демоническому человѣку съ эффектностью трагедіи противопоставляется его жертва, Безумство Цезарей.

образъ молодого Германика, написанный въ самыхъ свѣтлыхъ краскахъ, въ соотвѣтствіи которыхъ съ дѣйствительностью, какъ выше было указано, мы не всегда убѣждены.

Искусство.

Дѣло въ томъ, что Тацитъ не только историкъ, онъ настолько же художникъ, даже поэтъ, видѣвшій, быть можетъ, въ группировкѣ и отдѣлкѣ матеріала самую благородную задачу свою. Онъ придерживается еще анналистической группировки матеріала, но тяготится ею, какъ лишающей его свободы; поэтому при случаѣ онъ неразъ отступаетъ отъ нея. Тацитъ прекрасно умѣетъ распланировать событія, рисуя одни на фонѣ другихъ, чтобы возбудить напряженное участіе читателя

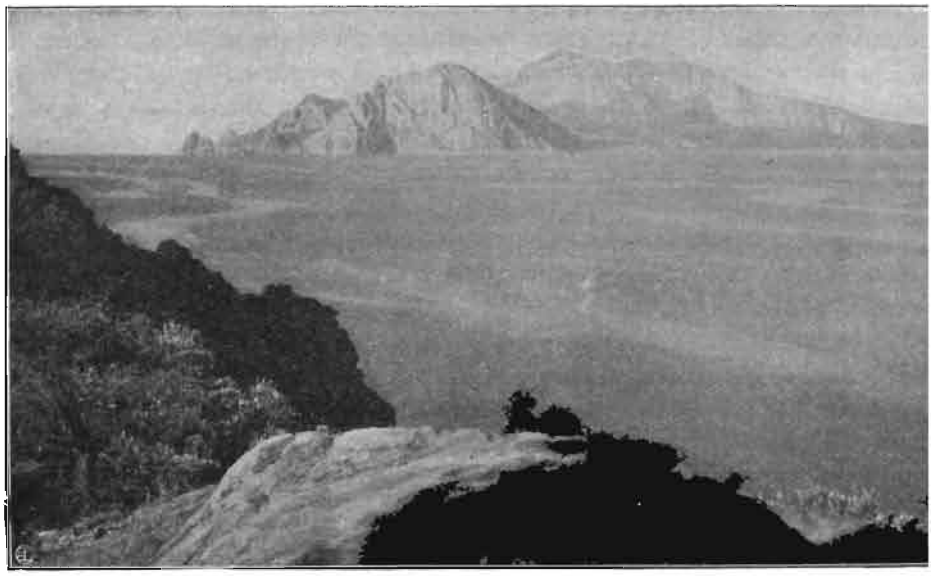

Рис. 415. КАПРИ (CAPREAE).
Съ фотографіи.
На крайней вершинѣ влѣво расположены развалины одной изъ 12 виллъ, построенныхъ Тиберіемъ на островѣ.

и довести его до высшаго пункта изложенія, постепенно повышая темпъ. Цѣлый рядъ деталей, второстепенныхъ явленій, описанія природы и времени дня, все это сливается и создаетъ передъ взоромъ читателя захватывающе-яркую картину. Тонкая психологія, богатство глубокомысленныхъ сентенцій и естественная трагическая мощь, присущая характеру матеріала, способствуютъ созданію поразительныхъ въ своей величавости и цѣльности картинъ эпохи, которыя можно скорѣе сравнить съ историческими драмами Шекспира, чѣмъ съ другими историческими трудами.

Языкъ.

Наконецъ, языкъ Тацита! Это уже не „серебряная латынь“, признанная реторикой, хотя Тацитъ основывается на ней, это и не языкъ Саллустія, какъ ни усердно изучалъ его Тацитъ; мы видимъ шагъ за

шагомъ, какъ языкъ его становится совершеннымъ выразителемъ глубоко индивидуальной личности автора и его своеобразнаго матеріала. Въ „Анналахъ“ онъ достигаетъ самой яркой противоположности языку Цицерона—собственному стилю Тацита въ его діалогѣ объ ораторахъ. Періодизаціи почти совсѣмъ нѣтъ. Предложенія слѣдуютъ одно за другимъ почти безъ связи, съ захватывающей духъ напряженностью. Несмотря на сдержанную страстность, тонъ автора остается достойнымъ и благороднымъ. Подобно Ѳукидиду, Тацитъ избѣгаетъ обыденныхъ выраженій, предпочитая имъ рѣдкія. Кажется, какъ будто внутренняя тревожность отражается въ безпрерывномъ колебаніи выраженій. Авторомъ всюду руководитъ лишь одно стремленіе—найти самое краткое и самое прегнантное выраженіе своей мысли; иногда онъ точно изощряется въ скупости слова, и каждая страница его убѣждаетъ насъ, какую бездну мысли и содержанія Тацитъ умѣетъ сжать въ немногія строки. Конечно, эта «Тацитовская краткость“ часто превосходитъ всякія границы, она у всякаго другого писателя производила бы впечатлѣніе манерности. Она требуетъ отъ читателя почти того же процесса мышленія, который былъ продѣланъ авторомъ писателемъ при возникновеніи его труда; но наряду съ этимъ она же все снова побуждаетъ насъ глубже и глубже вникать въ эти оригинальныя книги и въ изображенное въ нихъ время.

Плиній Младшій.

Живую картину дѣйствительной жизни тѣхъ общественныхъ круговъ, въ которыхъ вращался Тацитъ, картину ихъ культуры и ихъ интеллектуальныхъ интересовъ рисуетъ намъ другъ Тацита, Плиній Младшій. Г. Плиній Цецилій Секундъ (62—113) былъ родомъ изъ Комо; онъ занималъ въ Римѣ почетное положеніе какъ адвокатъ и добросовѣстный чиновникъ. Будучи консуломъ, Плиній въ 100 г. посвятилъ Траяну выспренній „Панегирикъ“, послужившій весьма нежелательнымъ образцомъ для позднѣйшихъ хвалебныхъ словъ. Если современники поставили Плинія какъ писателя рядомъ съ Тацитомъ, то они этимъ доказали сомнительную способность сужденія. Этотъ самоувѣренный, но трудолюбивый дилеттантъ подвизался во всѣхъ областяхъ литературы. До насъ дошелъ только сборникъ его писемъ.

Ихъ трудно назвать письмами, если сравнивать ихъ съ интимными душевными изліяніями Цицерона. Плиній пишетъ ихъ не столько тому другу, которому посвящены обращеніе и вѣжливыя заключительныя фразы письма, сколько для пріятнаго развлеченія широкой публики. Этой цѣли его письма не перестаютъ достигать и понынѣ. Переходя отъ Тацита къ Плинію, мы точно переносимся изъ мрачнаго горнаго лѣса въ веселый паркъ, въ которомъ мы бродимъ среди тщательно культивированныхъ клумбъ и видимъ множество диковинъ. Дѣло въ томъ, что Плиній заботится о разнообразіи. Почти каждое письмо по-

священо одной опредѣленной темѣ. Но авторъ намѣренно чередуетъ въ самой пестрой смѣнѣ: дѣловые вопросы, крупныя и мелкія событія (напр., извѣстныя письма Тациту объ изверженіи Везувія въ 79 году), приглашенія, рекомендаціи и просьбы о томъ или другомъ одолженіи, литературные вопросы и общія разсужденія, описанія виллъ автора и т. п. Несмотря на узость кругозора, письма Плинія отражаютъ скромнаго, но самодовольнаго человѣка, истинную душевную доброту и мягкость, распространяющуюся и на рабовъ, почти сентиментальную любовь къ природѣ, однимъ словомъ, благородную гуманность, которая начинала снова возрождаться въ правленіе Траяна. Благодаря изящной формѣ своихъ произведеній Плиній становится образцомъ для авторовъ позднѣйшихъ посланій.

Письма къ Траяну.

Замѣчательный памятникъ представляютъ собой письма, дѣйствительно написанныя въ 111 и 112 году Плиніемъ изъ Виѳиніи Траяну, которыя особенно цѣнны тѣмъ, что къ нимъ присоединены отвѣты его царственнаго друга. Эти отвѣты въ краткихъ словахъ даютъ рядъ удачныхъ совѣтовъ, разрѣшая вопросы и сомнѣнія усерднаго, но непрактичнаго намѣстника, и служатъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ образа мыслей императора, если даже предположить, что эти письма написаны не лично императоромъ, а въ его канцеляріи. Примѣромъ можетъ служить знаменитое посланіе о христіанахъ. Основываясь на слухахъ, житель столицы Тацитъ назвалъ христіанъ во время Нероновскаго пожара „врагами рода человѣческаго“; Плиній узналъ ихъ ближе, живя въ провинціи, и въ его вопросѣ, какъ ему поступать съ обвиненными за новую вѣру, звучитъ признаніе Пилата: „Я не вижу ихъ вины“. Императоръ мягко отвѣчаетъ: „Не надо христіанъ разыскивать, но если на нихъ донесутъ, и они будутъ уличены, то слѣдуетъ подвергать ихъ наказанію. Анонимныя доносы должны оставаться безъ послѣдствій, такъ какъ они служатъ дурнымъ примѣромъ и недостойны нашего вѣка“.

Полигисторы.

Прогрессъ литературной техники сказывается въ томъ, что большинство писателей посвящаютъ себя, главнымъ образомъ, опредѣленной области. Только двухъ изъ нихъ мы можемъ назвать полигисторами; это характерные представители римской и греческой универсальной образованности: Плиній Старшій и Плутархъ.

Плиній Старшій.

Г. Плиній Секундъ (23—79) въ юные годы переселяется съ озера Комо въ Римъ, служитъ офицеромъ конницы въ Германіи и становится впослѣдствіи довѣреннымъ Веспасіана. Въ послѣдніе годы своей жизни Плиній былъ назначенъ главнымъ начальникомъ мисенскаго флота, и въ качествѣ одного изъ первыхъ мучениковъ науки сталъ жертвой изверженія Везувія. Этотъ поглощенный дѣлами человѣкъ успѣвалъ такъ поразительно много перечитать и написать, точно вся его жизнь была посвящена наукѣ; объ этомъ свидѣтельствуетъ письмо его племянника, описывающее его пчелиное трудолюбіе и поразительную утилизацію времени. Каждую прочитанную книгу онъ эксцерпировалъ, и послѣ его смерти осталось 160 книжныхъ свитковъ подобныхъ эксцерптовъ, тѣсно исписанныхъ съ двухъ сторонъ. Кромѣ военно-техническаго сочиненія онъ написалъ два обширныхъ историче-

скихъ труда (стр. 625), руководство къ изученію искусства краснорѣчія и изслѣдованіе о сомнительныхъ (колеблющихся въ употребленіи) словахъ и выраженіяхъ. Сохранился его главный трудъ „Естественная Исторія“ въ 37 книгахъ. Это—необычайное по замыслу и выполненію предпріятіе, за которое никогда не взялся бы грекъ. Авторъ задавался цѣлью не только охватить всю мудрость естествознанія, но создать общую энциклопедію наукъ, наподобіе уже раньше написанной Цельсомъ (стр. 685), вмѣстивъ ее въ рамки естествовѣдѣнія.

Точки соприкосновенія, при желаніи найти ихъ во чтобы то ни стало, отыскать было нетрудно; естественно поэтому, что общій планъ сочиненія былъ строго обдуманъ. Первая книга состоитъ изъ общаго обзора содержанія и источниковъ, долженствовавшихъ облегчить оріентировку императору Титу, которому трудъ посвящался. Плиній начинаетъ съ положенія земли въ мірозданіи и ея строенія, къ которому примыкаютъ географія, этнографія и антропологія, къ нимъ въ свою очередь зоологія и ботаника. Затѣмъ Плиній совершаетъ естественный для него переходъ отъ ботаники къ сельскому хозяйству, которому посвящаетъ три книги; менѣе понятно расширеніе „Лѣчебныхъ средствъ въ царствѣ растеній и животныхъ“ въ общій обзоръ медицины, составляющій треть всего труда. Никто бы, наконецъ, не ожидалъ, что въ „Естественной исторіи“, среди описанія металловъ и камней, онъ найдетъ исторію изобразительныхъ искусствъ, дающую намъ важнѣйшія свѣдѣнія.

Вообще же цѣнность произведенія исчерпывается тѣмъ изобиліемъ всевозможныхъ свѣдѣній, которыя въ немъ собраны. Плиній съ похвальной добросовѣстностью называетъ болѣе 400 источниковъ, къ которымъ онъ прибѣгалъ, и говоритъ, что извлекъ 20 000 достопримѣчательныхъ свѣдѣній изъ 2000 книжныхъ свитковъ. Но онъ ограничивается этимъ трудомъ собиранія. Погруженный въ чтеніе и эксцерпты, онъ не додумался до убѣжденія, что естествовѣду прежде всего слѣдуетъ дѣлать непосредственныя наблюденія надъ самой природой и ея явленіями. Плиній лишенъ всякой критичности. Онъ безъ всякой критики ставитъ серьезные факты рядомъ съ самыми неправдоподобными баснями; его стиль также колеблется между сухимъ перечисленіемъ и вычурнымъ краснорѣчіемъ. Но какъ разъ эта пестрота содержанія привлекала средніе вѣка, и Плиній считался авторитетомъ до тѣхъ поръ, пока усовершенствованіе естественныхъ наукъ не положило конецъ вѣрѣ въ него.

Плутархъ.

Въ это же время въ одномъ изъ небольшихъ беотійскихъ городковъ жилъ философъ и ученый, трудившійся подобно Плинію надъ эксцерптами и писавшій, между прочимъ, подобно Тациту біографіи римскихъ императоровъ, преслѣдуя, однако, при этомъ иную цѣль и достигая иныхъ результатовъ. Это былъ Плутархъ (около 45—120), послѣдній великій писатель, котораго произвела коренная Греція. Подобно Полибію (стр. 140 сл.), онъ принадлежитъ къ числу выдающихся посредниковъ между греческимъ и римскимъ культурнымъ началомъ. Онъ гордился своей Греціей, но всецѣло признавалъ также всемірное значеніе Рима.

Плутархъ учился въ Академіи въ Аѳинахъ, которыя даровали ему впослѣдствіи почетное гражданство, и остался на всю жизнь вѣрнымъ поклонникомъ Платона. Онъ зналъ Александрію и многократно бывалъ съ почетными порученіями въ Римѣ; тѣмъ не менѣе, онъ удовлетворился тѣми должностями и почетомъ, которые даровала ему родина. Дельфы, между прочимъ, почтили этого религіознаго человѣка пожизненнымъ жреческимъ достоинствомъ. Счастливый семейной жизнью и обезпеченный скромнымъ достаткомъ, Плутархъ жилъ въ родномъ городѣ Херонеѣ, впослѣдствіи въ Дельфахъ, поддерживая оживленное умственное общеніе съ самыми выдающимися людьми своей эпохи. На этой почвѣ возникаютъ многія его произведенія; цѣлый рядъ ихъ былъ посвященъ поученію подростающаго поколѣнія, которому Плутархъ отдавался съ воодушевленіемъ. Знанія и литературное творчество Плутарха были очень широки. Его труды сохранились до насъ въ двухъ группахъ. Первая обнимаетъ собой параллельныя жизнеописанія грековъ и римлянъ, вторая—всѣ остальныя произведенія подъ слишкомъ узкимъ заглавіемъ „Этическихъ трактатовъ“ (Moralia). Ихъ не меньше 83, среди которыхъ не всѣ принадлежатъ перу Плутарха.

Біографія. Онъ пріобрѣлъ извѣстность, какъ біографъ древняго міра. Правда, мы не согласимся съ отзывомъ Ж. Пауля, называющаго его „Шекспиромъ біографіи во всемірной исторіи“, хотя онъ и далъ матеріалъ для двухъ драмъ послѣдняго—Коріолана и Юлія Цезаря. Однако, нѣтъ почти ни одного цивилизованнаго народа, не выдвинувшаго своего „новаго Плутарха“, и почти невозможно въ должной мѣрѣ оцѣнить все то вліяніе, которое Плутархъ оказалъ на потомство своими мастерски нарисованными образами „великихъ людей добродѣтели и геніальныхъ преступниковъ“ (Шиллеръ). Однако, историческое изслѣдованіе мѣряетъ инымъ масштабомъ и справедливо критикуетъ многое въ Плутархѣ. Тѣмъ необходимѣе отдать себѣ отчетъ въ тѣхъ цѣляхъ, которыя преслѣдовалъ самъ авторъ.

Оцѣнка. Мысль сопоставитъ образы грековъ и римлянъ (ср. о Варронѣ и Непотѣ стр. 413 сл. и 432) была нова, цѣлесообразно было ея ограниченіе личностями, сыгравшими роль въ исторіи. Нѣкоторыя пары возникали естественнымъ путемъ (Нума—Ликургъ, Демосѳенъ—Цицеронъ, Александръ—Цезарь, Ѳесей—Ромулъ), другія были соединены Плутархомъ на основаніи внутренняго родства, третьи, наконецъ, были связаны благодаря чисто случайному внѣшнему сходству. Изъ двухъ задачъ біографа—созданія общей характеристики человѣка и освѣщенія ея съ точки зрѣнія соотвѣтствующей эпохи, Плутархъ осуществляетъ только первую. Проводя насъ черезъ всю древнѣйшую исторію, онъ тѣмъ не менѣе не стремился быть историкомъ, и не могъ имъ быть. Ибо Плутархъ былъ лишенъ способности критическаго разграниченія достовѣрнаго отъ недостовѣрнаго, существеннаго отъ второстепеннаго. Его, какъ философа, влекло прежде всего пониманіе нравственной сущности и хода развитія человѣка на основаніи его дѣятельности и рѣчей и воплощеніе этой характеристики въ художественную форму, въ чемъ онъ и достигаетъ мастерства. За рабочимъ столомъ у Плутарха возникала

тѣсная личная связь съ великими людьми, и онъ чувствовалъ, какъ эта связь облагораживала его самого. Авторъ желалъ пріобщить къ этому благу и читателей своихъ. Поэтому онъ интересуется всякой чертой, отражающей существо человѣка. Плутархъ приходитъ къ совершенно вѣрному выводу, что „добродѣтель или порокъ часто гораздо менѣе ярко обнаруживаются въ блестящихъ подвигахъ, чѣмъ въ незначительномъ поступкѣ, словѣ или шуткѣ“, при чемъ авторъ очень искусно разсказываетъ свои анекдоты. Но ихъ ужъ слишкомъ много и „блестящіе подвиги“, которые все-таки составляютъ главное содержаніе біографій, часто исчезаютъ за рядомъ этихъ деталей. Болѣе рискованной была попытка автора человѣчно понять и извинить пороки своихъ героевъ, подобно тому, какъ „мы не требуемъ отъ хорошаго портретиста, чтобы онъ совершенно устранялъ какой-нибудь мелкій недостатокъ въ лицѣ, но не выносимъ и того, чтобы онъ передавалъ его слишкомъ реалистично, ибо первое лишаетъ портретъ сходства, второе дѣлаетъ его безобразнымъ“. Можно отвергать этотъ пріемъ, но нельзя отрицать сильнаго дѣйствія его на читателя. Плутархъ, въ противоположность Тациту, рисуетъ своихъ героевъ въ духѣ своего оптимистическаго міровоззрѣнія; онъ переноситъ читателя въ болѣе чистый міръ, олицетворяющій если не историческую, то моральную правду. Это была та черта, которая воодушевляла юнаго Шиллера и восхищала старика Гете, будучи совершенно чуждой нашему трезвому времени. Не забудемъ однако, что въ наше время снова начинаетъ пробуждаться всеобщее убѣжденіе, что высшая цѣль не въ одной только трезвой фактической сторонѣ критическаго изслѣдованія, ничего не говорящей духу и не воспламеняющей его.

«Moralia».

Объ остальныхъ произведеніяхъ Плутарха знаютъ или мало или ничего. Это до нѣкоторой степени понятно, такъ какъ „Moralia“ представляютъ собой безпорядочную массу самыхъ разнообразныхъ и разноцѣнныхъ трактатовъ; съ другой же стороны, объ этомъ приходится жалѣть, потому что въ нихъ одинъ изъ образованнѣйшихъ грековъ раскрываетъ передъ читателемъ сокровищницу знанія своего времени. „Moralia“ Плутарха проникнуты истинной гуманностью человѣка, въ которомъ ученіе и жизнь, мысль и дѣло дружно идутъ рука объ руку. Знаменателенъ уже тотъ фактъ, что вдали отъ великаго потока культуры и жизни люди, вродѣ Плутарха и Эпиктета, продолжаютъ и углубляютъ дѣло отцовъ своихъ. Какъ неправильна была бы картина этого столѣтія, если бы мы остановили нашъ мысленный взоръ только на міровой столицѣ!

Содержаніе сочиненій.

Самое яркое представленіе о многосторонности Плутарха даютъ его „Застольныя бесѣды“; въ краткихъ діалогахъ тутъ обсуждается около 100 „проблемъ“, возникающихъ въ оживленномъ разговорѣ. Въ нихъ мы сразу переносимся

изъ атмосферы римскихъ кутежей на эллинистическую почву. Прежде всего обсуждается, конечно, вопросъ самого общенія. (Устанавливать ли опредѣленный порядокъ за столомъ? Каковъ долженъ быть руководитель пирушки? Почему украшаются во время пира вѣнками?), затѣмъ вопросы пищи (преимущества и недостатки смѣшанной пищи, причина сильнаго голода, почему у человѣка наилучшій аппетитъ осенью?). Между прочимъ, рѣшаются медицинскіе, культурно-историческіе и религіозные вопросы (могутъ ли возникать новыя болѣзни? почему іудеи воздерживаются отъ употребленія свинины?). Обсуждаются также мѣста изъ Гомера и Платона; не отсутствуютъ и разные шутливо задорные вопросы (что было раньше создано, курица или яйцо? Почему А первая буква алфавита?).

Наиболѣе свободно чувствуетъ себя Плутархъ, какъ философъ, когда онъ толкуетъ Платона или полемизируетъ со стоиками и эпикурейцами; онъ намъ особенно симпатиченъ, когда проповѣдуетъ юному поколѣнію истинную добродѣтель, покоряющую разумныя страсти разсудку (объ этической добродѣтели, о спокойствіи души); или когда онъ въ предупрежденіе дорогимъ друзьямъ характеризуетъ подобно Сенекѣ рядъ человѣческихъ недостатковъ (напр. болтливость, алчность, самовосхваленіе), или же приводитъ всевозможныя утѣшительныя сентенціи изъ поэтовъ и философовъ въ случаяхъ горестныхъ утратъ. Его прекрасныя „Правила брака“ свидѣтельствуютъ о томъ, что, въ противоположность скандальнымъ исторіямъ столицы, въ среднихъ общественныхъ кругахъ еще было распространено высшее, нравственное пониманіе брака. Его прелестный діалогъ „о поздней божественной карѣ грѣшниковъ“ исполненъ глубокой религіозности. Какъ часто она насъ заставляетъ сомнѣваться въ божественной справедливости, между тѣмъ, какъ она доказываетъ только мудрость и долготерпѣніе боговъ. Лишь немногіе люди подозрѣваютъ, что преступники, которыхъ наказаніе еще не постигло, страдаютъ отъ бремени своего поступка, отравляющаго имъ жизнь, подобно осужденнымъ преступникамъ, собственноручно несущимъ крестъ къ мѣсту своей казни.

Въ юности Плутархъ боролся съ „Суевѣріемъ“; впослѣдствіи онъ самъ ему поддается, ибо его религіозная душа не находила исхода въ религіозныхъ смутахъ эпохи. Онъ пытался спасти свою вѣру путемъ философскаго обоснованія и аллегорическаго толкованія боговъ, и представлялъ себѣ бездну, отдѣляющую боговъ отъ людей, заполненной безчисленными духами, призрачными существами, причастными къ участи человѣка. Эти мистическія воззрѣнія, заимствованныя у Посидонія, привели Плутарха въ концѣ концовъ къ вѣрѣ въ египетскую Исиду, романически-украшенному миѳу которой онъ пытается дать подробное толкованіе.

Въ своихъ политическихъ трактатахъ онъ теплѣе Сенеки отстаиваетъ участіе философовъ въ общественной жизни и съ полнымъ убѣжденіемъ отвѣчаетъ утвердительно на вопросъ, „слѣдуетъ ли старцу принимать участіе въ жизни государства?“ Обладая обширными свѣдѣніями, онъ занимался и литературными вопросами. Въ „Сравненіи Аристофана и Менандра“ Плутархъ отдаетъ предпочтеніе болѣе воспитанной новой комедіи. Какъ беотійскій патріотъ, онъ несправедливо обвиняетъ Геродота въ предвзятости обвиненія и фальсификаціи за его порицаніе образа дѣйствій беотійцевъ во время персидскихъ войнъ (о дурномъ характерѣ Геродота). Плутарха интересовали также проблемы естествознанія, а своеобразное произведеніе „о лицѣ на полной лунѣ“ даетъ намъ рядъ астрономическихъ объясненій; трактатъ „о музыкѣ“, независимо отъ того, написанъ ли онъ Плутархомъ или нѣтъ, является однимъ изъ главныхъ источниковъ для исторіи этого искусства.

Ясно, что у Плутарха не было ни желанія, ни возможности производить самостоятельныя изслѣдованія во всѣхъ этихъ областяхъ. Онъ былъ рецептивной натурой подобно Плинію, ученымъ, отличавшимся

поразительной начитанностью, всегда располагавшимъ мѣткой цитатой или примѣромъ, съ которыми онъ любилъ связывать дальнѣйшія разсужденія. Мы должны признать, что Плутархъ черпалъ изъ лучшихъ источниковъ. Что же касается того искусства, съ которымъ онъ перерабатывалъ все заимствованное, то оно было его неотъемлемымъ даромъ. Надъ его колыбелью склонялись граціи, которыя совершенно обошли почтеннаго Плинія. И у Плутарха мы встрѣчаемъ цѣлые трактаты, представляющіе собой сплошную мозаику заимствованныхъ изреченій и мыслей, но обширныя его сочиненія отличаются тщательной обработкой. Онъ удачно сумѣлъ оживить форму діалога, который у него больше, чѣмъ у Цицерона, вызываетъ иллюзію бесѣды.

Все, что написано Плутархомъ проникнуто обаяніемъ идеалистически настроеннаго человѣка, исполненнаго любви къ людямъ, отвергающаго всѣ крайности и все низкое. Его языкъ течетъ въ ровныхъ длинныхъ періодахъ. Если онъ не отличается классической законченностью, то и далекъ отъ безвкусныхъ преувеличеній.

Цельсъ.

Настоящую энциклопедію всѣхъ наукъ, подобную той, которую Плиній вработалъ въ свою „Естественную Исторію“, написалъ при Тиберіи А. Корнелій Цельсъ. Нѣсколькими десятилѣтіями раньше закончилъ свою энциклопедію престарѣлый Варронъ (ср. стр. 414); но трудъ Цельса носитъ въ себѣ оправданіе своего права на существованіе. По крайней мѣрѣ, уцѣлѣвшія книги о медицинѣ основаны не только на лучшихъ греческихъ источникахъ, но и написаны просто и ясно.—Множество писателей-спеціалистовъ ставятъ себѣ болѣе доступныя цѣли. Назовемъ прежде всего испанца Л. Юнія Модерата Колумеллу, написавшаго при Неронѣ трудъ о сельскомъ хозяйствѣ. Его книга отличается практическимъ опытомъ, добросовѣстнымъ трудолюбіемъ, искренней любовью къ своему матеріалу и удачнымъ изложеніемъ его. Однако, и онъ не могъ воскресить той поры, когда не жалкіе рабы, а самъ господинъ работалъ надъ своей землей.

Колумелла.

Валерій Максимъ.

Характерными образцами новаго вида трудовъ сборнаго содержанія, пріобрѣтавшихъ все болѣе широкое распространеніе, служатъ сочиненія Валерія Максима и Фронтина. Первый изъ нихъ издалъ въ правленіе Тиберія обширное собраніе исторически „замѣчательныхъ дѣяній и изреченій“, разбитыхъ на рубрики по содержанію, и дававшихъ всякому ретору всевозможные примѣры для украшенія рѣчи. Болѣе серьезныя цѣли преслѣдовалъ Секстъ Юлій Фронтинъ, почтенный офицеръ, задумавшій написать въ эпоху Домитіана цѣлесообразное руководство по военному искусству и эксцерпировавшій съ этой цѣлью „военныя хитрости“ изъ самыхъ разнообразныхъ писателей.

Фронтинъ.

Около 70 лѣтъ спустя македонскій реторъ Поліэнъ почувствовалъ себя во время грозной военной опасности призваннымъ посвятить

Полiэнъ.

императору обширное собраніе „Военныхъ хитростей и дѣяній полководцевъ“. Контрастъ между серьезнымъ римлянином и дѣловитымъ греческимъ ретором, ничего не понимающимъ въ этомъ дѣлѣ, вызываетъ почти комическое впечатлѣніе. Нерва назначилъ Фронтина инспекторомъ водопроводныхъ сооруженій; въ связи съ этимъ Фронтинъ написалъ спеціальное сочиненіе „о водоснабженіи Рима“, не утратившее интереса и для насъ: и понынѣ прекрасная питьевая вода течетъ по древнимъ акведукамъ къ вѣчному городу.

Землемѣры. Никто не станетъ приписывать римлянамъ особаго призванія къ чистой наукѣ; только практическое ея примѣреніе вызывало ихъ участіе и пониманіе. Землемѣрное искусство, примѣнявшееся съ древнѣйшихъ временъ, научно-теоретически обосновано было греками, о чемъ свидѣтельствуютъ труды римскихъ землемѣровъ. Даже поваренному искусству римляне научились у грековъ. Мы знаемъ поваренную книгу, приписываемую Апицію, знаменитому кутилѣ при Неронѣ; въ наше время дѣлались попытки приготовленія блюдъ по его рецептамъ, но, какъ говорятъ, безъ удачныхъ результатовъ.

Поваренная книга.

Грамматики. Среди всѣхъ „свободныхъ искусствъ“ наибольшее практическое значеніе имѣли грамматика и реторика. Ихъ задачей являлось использованіе для настоящаго и сохраненіе для будущаго всего того, что завѣщано было развитіемъ языка предшествующихъ вѣковъ. Всякій образованный человѣкъ изучалъ у „грамматика“ классиковъ и у „ретора“ искусство изысканной рѣчи. Этимъ объясняется сильная самоувѣренность тѣхъ и другихъ. Кв. Реммій Полемонъ утверждалъ, что его „Искусство латинской рѣчи“ положило начало новой эрѣ въ наукѣ, а одинъ грамматикъ отважился сказать Тиберію: „Ты властенъ даровать права гражданства людямъ, а не словамъ“. Классическая литература, которой гордились отнынѣ римляне, требовала подобно греческой всесторонняго филологическаго изученія. Примѣненіе метода александрійцевъ (ср. стр. 149) къ латинскимъ писателямъ является заслугой Л. Валерія Проба (около 80). Онъ кладетъ критическое основаніе текстамъ Теренція, Лукреція, Вергилія и др. Нѣсколько раньше Кв. Асконій Педіанъ написалъ историческіе комментаріи къ рѣчамъ Цицерона, нѣкоторые изъ которыхъ уцѣлѣли.

Валерій Пробъ.

Асконій.

Квинтиліанъ. Въ періодъ господства стилистическихъ оргій Сенеки, Цицеронъ считался давно отжившимъ (стр. 641), пока испанецъ М. Фабій Квинтиліанъ (около 35 — 95) не поставилъ себѣ задачей всей своей жизни воскресить величайшаго римскаго оратора и его здоровое искусство; имъ поэтому естественно заканчить обзоръ нашей эпохи. Въ теченіе двадцати лѣтъ онъ въ качествѣ оффиціальнаго учителя реторики велъ въ Римѣ преподаваніе и впослѣдствіи суммировалъ свой богатый опытъ въ сочиненіи о „Воспитаніи оратора“. Это не бесѣда подобно

діалогу Тацита, который впрочемъ находился подъ вліяніемъ Квинтиліана, но и не сухое руководство. Въ немъ теорія уступаетъ мѣсто требованіямъ жизни. Квинтиліанъ осуждалъ безсмысленныя декламаціи, которыми увлекалась молодежь. Его широтѣ взгляда, въ чемъ онъ сходится съ Цицерономъ, мы обязаны совершенствомъ нашего представленія о воспитаніи и образованія даннаго столѣтія.

Уже въ первой книгѣ онъ развиваетъ здоровые педагогическіе принципы, которые и теперь не утратили значенія. „Искусство краснорѣчія очень трудное дѣло", поэтому обученіе ему должно начаться почти съ колыбели. Слѣдуетъ слѣдить не только за добронравіемъ нянекъ и „педагоговъ", но и за хорошимъ произношеніемъ ихъ. Двуязычіе образованныхъ людей того времени сразу сказывается въ предписаніяхъ Квинтиліана. Квинтиліанъ рекомендуетъ уже въ дѣтствѣ начинать съ греческаго языка, подобно нашему обычаю начинать съ французскаго. Ребенокъ многому научается, играя; это оберегаетъ его отъ отвращенія къ наукамъ съ самаго начала. Въ школѣ, которую

Рис. 416. ОБУЧЕНІЕ.
Надгробный рельефъ помѣщика въ Неймагенѣ, нынѣ въ Трирѣ. Съ фотографіи.
Подъ руководствомъ домашняго наставника оба старшихъ сына читаютъ поэта; младшій, входящій съ поклономъ, держа свои навощенныя дощечки въ рукахъ, ждетъ урока грамоты.

слѣдуетъ предпочитать домашнему воспитанію, отношеніе къ ребенку должно основываться на любовномъ наблюденіи за его характеромъ. Гуманный принципъ, отвергающій тѣлесное наказаніе, какъ недопустимый видъ наказанія, озлобляющій душу ребенка, находился въ противорѣчіи съ общепринятыми пріемами воспитанія (ср. рис. 64). Грамматикъ обучалъ мальчика письму, чтенію, музыкѣ и счету (религіознаго обученія не существовало, нравственное воспитаніе давало чтеніе поэтовъ). Затѣмъ начиналось обученіе у ритора, которое побудило Квинтиліана предварительно распространиться о сущности риторики. Дальнѣйшаго хода обученія мы здѣсь разбирать не можемъ. Особый интересъ всегда возбуждала 10-я книга. Ибо, рекомендуя книги для чтенія, авторъ даетъ краткую исторію литературы съ тонкими сужденіями съ точки зрѣнія ритора. То, что Квинтиліанъ при всемъ своемъ поклоненіи грекамъ отдаетъ должное произведеніямъ римлянъ, изъ которыхъ въ большинствѣ случаевъ извлекаетъ свои примѣры, дѣлаетъ ему только честь. Благодаря ему Цицеронъ и Вергилій становятся образцами стиля для римской школы, а впослѣдствіи и для гуманистовъ. Въ 12-й книгѣ искусно собраны всѣ безчисленныя правила и указанія реторическаго искусства.

Подробный и мѣстами скучный матеріалъ весь обработанъ съ увлеченіемъ и изложенъ съ большимъ вкусомъ. Языкъ и стиль Квин-

Рис. 417. ФРАГМЕНТЪ ФРИЗА СЪ ФОРУМА ТРАЯНА.
Римъ, Латеранъ. Съ фотографіи.
Громоздкая массивность этого растительнаго орнамента производитъ необыкновенно богатое впечатлѣніе, рѣзко отличаясь отъ стройности и тонкости греческаго орнамента.

тиліана основываются на изученіи Цицерона; однако, далекій отъ рабскаго подражанія ему и, избѣгая его утомительной многорѣчивости, Квинтиліанъ усваиваетъ также многія замѣчательныя пріобрѣтенія новѣйшаго литературнаго стиля. Какъ ни великъ былъ личный авторитетъ Квинтиліана, очень немногіе писатели брали его себѣ за образецъ. Но онъ поколебалъ исключительность вліянія Сенеки, подготовивъ, такимъ образомъ, пути новому стилю, который впослѣдствіи вызвалъ бы его же рѣзкое осужденіе.

III. ЭПОХА ПОЗДНЕЙ ИМПЕРІИ

9. ОБЗОРЪ

Значеніе.

Поверхностному наблюдателю послѣднія столѣтія имперіи кажутся какимъ-то дикимъ хаосомъ войнъ, насилій и революцій, предвѣщающихъ распадъ громаднаго государства и въ концѣ концовъ завершающихъ его. Тѣмъ болѣе необходимо пристальнѣе всмотрѣться въ общую картину и понять знаменья эпохи, не только отзвуки старины, но и предвѣстники грядущаго. Ибо тутъ грани между отжившимъ и зарождающимся тѣсно соприкасаются и находятся въ причинной связи. Разумѣется, общее одичаніе нравовъ неудержимо прогрессируетъ, и интеллектуальная мощь древняго міра изсякаетъ, несмотря на всѣ попытки одухотворить ее новой жизнью. Она умираетъ отъ собственнаго безсилія. Тѣмъ не менѣе, поразительно то упорство, съ которымъ она защищаетъ ускользающую изъ подъ нея почву отъ наплыва новыхъ идей и отъ религіи, которой искалъ и жаждалъ народъ. Но замѣчательно то, что эти свѣжія жизненныя силы одерживаютъ верхъ и покоряютъ себѣ міръ только благодаря сліянію съ идеями древняго міра. Итакъ, основы

нашей современной культуры зарождаются въ эту смутную эпоху.

Образованіе.

Казалось, что въ мирномъ второмъ столѣтіи литература переживаетъ періодъ подъема. Заботливое попеченіе о школахъ, въ которомъ императоръ, намѣстникъ и города превосходили другъ друга, увеличивало число „образованныхъ“, любознательность и умственные запросы которыхъ требовали удовлетворенія. Большинство образованныхъ людей владѣло въ равной степени какъ греческимъ, такъ и латинскимъ языкомъ; многіе римскіе писатели пользовались обоими языками или ограничивались только греческимъ, даже гордились этимъ, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что это не согласовалось съ національной гордостью. Космополитическое направленіе, характеризовавшее литературу, способствовало ея широкому распространенію, значительно облегчивъ впослѣдствіи и другимъ народамъ доступъ къ ней.

Рис. 418. АДРІАНЪ.
Мраморъ. Ватиканъ. Съ фотографіи.
Полная борода, которую впервые рѣшился носить этотъ императоръ, становится модой среди его подданныхъ: портреты съ бородой могутъ такимъ образомъ быть датированы.

Греки.

Безспорно первенствующее положеніе въ эту эпоху снова занимаютъ греки, при чемъ характерно, что большинство задающихъ тонъ людей происходитъ съ Востока, возрастающее вліяніе котораго сильно сказывалось какъ въ государственномъ строѣ, такъ и въ интеллектуальной жизни и, главнымъ образомъ, въ религіозномъ настроеніи эпохи. На второе столѣтіе греки наложили печать „софистики“, на третье—печать философіи. Ихъ самоувѣренность сильно повысилась. Они пренебрегали изученіемъ и примѣненіемъ латинскаго языка, и въ IV-мъ столѣтіи еще могли мечтать о возрожденіи эллинства. Самыми дѣятельными покровителями этихъ стремленій являлись сами императоры: Маркъ Аврелій и Юліанъ были „греческими“ писателями. Интересующее насъ движеніе начинается съ Адріана (117—138). Этотъ своеобразный человѣкъ съ его тревожнымъ исканіемъ, лишенный опредѣленной нравственной сущности, олицетворяетъ собой раздвоенность эпохи. Родомъ испанецъ, образованіемъ грекъ, онъ родиной своей считалъ скорѣе Аѳины, чѣмъ Римъ. Адріанъ взбирался на высокія горы (Этну), чтобы любоваться восходомъ солнца. Онъ положилъ начало тому романтическому настроенію, которое углублялось въ прошедшее, не понимало настоящаго и не заботилось о будущемъ. Оно ясно сказывается и понынѣ въ его знаменитой виллѣ близъ Тиволи,

Адріанъ.

въ громадныхъ зданіяхъ которой собрана была монументальная коллекція памятниковъ его путешествій, коллекція, которую могъ задумать только императоръ, совершенно отказывавшійся при этомъ создать что-нибудь новое и творчески оригинальное (ср. стр. 535 сл.).

Реторика. Съ характеромъ этихъ памятниковъ можно сравнить бо́льшую часть литературы этой эпохи. Господство реторики было исключительное, и ея ледяное дыханіе уничтожало всѣ свѣжіе ростки литературы. Пріобрѣтенная желѣзнымъ трудомъ виртуозность формы совершенно отодвигала содержаніе на задній планъ. Поэзія не создаетъ больше ни единаго выдающагося произведенія, что же касается тѣмъ пышнѣе расцвѣтшей прозы, то въ ней при Адріанѣ роковую роль сыгралъ модный и въ изобразительномъ искусствѣ архаизмъ, господствовавшій у греческихъ и римскихъ писателей и возникшій отчасти подъ вліяніемъ нездороваго вкуса Адріана. Этотъ архаизмъ обнаруживаетъ съ ужасающей ясностью, какъ при насильственномъ разрывѣ литературы съ дѣйствительной жизнью и сосредоточеніи ея силъ только на подражаніи болѣе древнимъ образцамъ, всякая свободная эволюція замираетъ. Знаменателенъ фактъ, что тѣ изъ писателей этой эпохи, которые и для насъ еще представляютъ извѣстный интересъ, какъ напримѣръ, Діонъ изъ Прусы и Лукіанъ, далеки отъ этого архаизма; больше того, тѣ немногіе произведенія, которыя насъ дѣйствительно захватываютъ,—трактаты Эпиктета, Евангеліе или посланія Павла—не отличаются ни художественностью, ни и даже литературностью.

Религія и философія. Тогда какъ настоящая литература теряетъ всякое внутреннее содержаніе и скудѣетъ, заимствуя въ своей внутренней пустотѣ и форму и содержаніе у отдаленнаго прошлаго, въ низахъ народа и на высотахъ культуры, въ религіи и философіи начинаетъ пробуждаться новая, свѣжая эмоціальная и интеллектуальная жизнь, потокъ которой съ могучей силой захватывалъ все болѣе широкіе круги. Въ ней очевиднѣе всего выявляется то сильное все растущее вліяніе, которое Востокъ оказывалъ на эллинистически-римскій міръ; этому движенію принадлежало будущее. Изъ него рождается религіозное міровоззрѣніе и пониманіе жизни, нашедшее свое завершеніе и осуществленіе въ христіанствѣ.

Наука. Въ наукѣ же наступилъ конецъ свободному творчеству; богатство и бремя традиціи и тутъ заглушило его. Ея сокровища собирались съ усердіемъ, лишеннымъ всякой критики. Разростается собираніе ученыхъ мелочей, въ которомъ утопаетъ уже Плиній Старшій и которыя преподносятся читателямъ въ разныхъ нелѣпыхъ формахъ, чтобы сдѣлать ихъ болѣе доступными для современниковъ. Мы принуждены черпать наши свѣдѣнія изъ этихъ мутныхъ ручьевъ, часто только изъ жалкихъ проведенныхъ изъ нихъ проточинъ. Дѣйствительно живой

жизнью была проникнута исключительно медицина и, прежде всего, наука о правѣ; но характерно, что тотъ великій сводъ законовъ, который заключаетъ въ себѣ своеобразнѣйшее проявленіе римскаго духа, возникъ только въ Константинополѣ.

Провинціи.

Со времени Адріана Римъ постепенно перестаетъ играть роль интеллектуальнаго центра, начинаютъ самостоятельно выдвигаться провинціи. Хотя столица выдвинула очень немногія литературныя свѣтила, она тѣмъ не менѣе была центромъ, привлекавшимъ таланты со всѣхъ концовъ обширнаго государства, которые только тутъ достигали почета и вліянія. При Августѣ они происходили большей частью изъ Верхней Италіи, въ первомъ столѣтіи—изъ Испаніи; при Антонинахъ преобладали африканцы, которые задавали тонъ. Впослѣдствіи, однако, Римъ отступаетъ на задній планъ. Центръ тяжести передвигается на Востокъ, откуда исходятъ новыя теченія (софистика, новоплатонизмъ); Аѳины, Александрія, Антіохія и др. переживаютъ еще одинъ поздній періодъ расцвѣта; одновременно возникаютъ и на Западѣ новые центры культуры, еще до основанія новыхъ столицъ, подготовившаго политическій распадъ государства. Такія высшія школы возникаютъ въ испанской Кордовѣ, въ африканскихъ Гиппонѣ и Карѳагенѣ, гдѣ великіе отцы церкви получили свое классическое образованіе. Съ IV-го же столѣтія однимъ изъ главныхъ центровъ культуры становится Галлія; безмолвными свидѣтелями этой культуры, римскими памятниками Прованса (ср. рис. 245, 368, 370), мы не перестаемъ любоваться до нашихъ дней. Тутъ въ греческой

Рис. 419. АНТИНОЙ (ИЗЪ ВИЛЛЫ АДРІАНА).
Мраморъ. Вилла Альбани въ Римѣ.
Съ фотографіи Андерсона.
Любимецъ Адріана, пріобщенный имъ къ сонму боговъ (ср. стр. 560). Напоминающій Гермеса идеализованный образъ воплощаетъ сентиментализмъ эпохи. Жестъ правой руки, напоминающій жестъ оратора,—современная реконструкція.

колоніи Массиліи (Марселѣ) издревле господствовала эллинистическая образованность; стихотворенія Авзонія и другіе памятники рисуютъ передъ нами живую, хотя и слегка обветшалую литературную жизнь въ Бурдигалѣ (Бордо), Лугдунумѣ (Ліонѣ), Августодунумѣ (Autun) и Augusta Treverorum (Трирѣ). Въ это же время (326—330) Константинъ Вел. провозглашаетъ древнюю Византію—„городъ Константина"—столицей государства. Онъ основываетъ здѣсь высшую школу, и такъ же какъ со всѣхъ сторонъ стекаются сюда произведенія искусства для украшенія „новаго Рима"—на Атмейданѣ, мѣстѣ древняго стадія, и посейчасъ возвышается послѣдній своеобразный памятникъ этого Рима, змѣевидная колонна изъ Дельфъ—Константинополь становится и послѣднимъ прибѣжищемъ греческаго языка, литературы и науки, сохранившихъ свою упругую жизнеспособность еще въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія, несмотря на всѣ искаженія и на глубокое омертвѣніе. На Западѣ же начинаетъ зарождаться новая жизнь, предвѣщавшая великое будущее и не задушенная бурями переселенія народовъ.

Провинціальная культура.

Провинціальная культура, опиравшаяся всюду на одну и ту же эллинистически-римскую базу, принимала разнообразную окраску въ тѣсномъ соприкосновеніи съ различными варварскими племенами, покоряемыми ею. Послѣ распаденія единаго государства развитіе каждой страны пошло самостоятельнымъ путемъ и, такимъ образомъ, романскія народности раздѣлились. Этотъ переворотъ сказывается

Романскіе языки.

яснѣе всего въ возникновеніи романскихъ языковъ. Ихъ развитіе подтверждаетъ тотъ смертный приговоръ, который мы произнесли надъ искусственнымъ литературнымъ стилемъ. Ибо эти языки возникли не изъ него, и не изъ оффиціальнаго государственнаго языка, а изъ живого народнаго говора, изъ вульгарной латыни. Въ теченіе столѣтій она вела незамѣтное, даже презрѣнное существованіе; теперь же она начинаетъ проявлять свою незатронутую силу, и создаетъ нѣчто вѣчное. Утонченному слуху образованнаго римлянина языкъ галла или испанца долженъ былъ казаться очень своеобразнымъ. Тѣмъ не менѣе, онъ одерживаетъ побѣду и почти каждое слово, произносимое не только итальянцемъ, но и французомъ, испанцемъ, португальцемъ или румыномъ, носитъ на себѣ слѣды древнеримскаго происхожденія.

10. ПОЭЗІЯ

Паденіе.

Несмотря на все множество создаваемыхъ стиховъ, II и III столѣтіи знаменуютъ собой совершенный упадокъ поэзіи. Не спасли ея и мусическіе агоны, снова возродившіеся въ Римѣ и Греціи, во время которыхъ популярныя литературныя свѣтила блистали своими импровизаціями, отличавшимися утонченной формой. Для одухотворенія отжившихъ формъ, которыми безъ труда могъ овладѣть всякій, недоста-

вало настроенія и матеріала. Искусство замѣняется игрой и фокусничествомъ (напр., акростихами и стихами, которые можно было прочесть съ конца и съ начала), мы рѣдко слышимъ живое, свѣжее слово, какъ напр., въ сельской поэзіи Септимія Серена (около 150). Такой же фокусъ представляла изъ себя вскорѣ послѣ этого возникшая метрика Терентіана Мавра, въ которой каждый размѣръ трактовался въ соотвѣтственномъ метрѣ. Далеки отъ всякой поэзіи были медицинскіе рецепты, извлеченные вторымъ Сереномъ изъ «Естественной Исторіи» Плинія и переработанные въ гекзаметры, и такъ-наз. «Дистихи» Катона, сборникъ житейскихъ правилъ, сыгравшій крупную роль въ средневѣковыхъ школахъ.

Тотъ же процессъ происходилъ въ греческой поэзіи. Большой распространенностью пользовались игривыя Anakreontea (Э. К., стр. 210), по прежнему писались и эпиграммы. Упомянемъ въ виду ихъ оригинальности эолійскія эпиграммы, въ которыхъ Балбилла, придворная дама супруги Адріана, воспѣвала посѣщеніе императоромъ звучащей статуи Мемнона. Лишь дидактическая поэзія создаетъ нѣкоторыя произведенія, заслуживающія быть упомянутыми. Мы уже называли (стр. 665 сл.) стихотвореніе Оппіана о рыболовствѣ и басни Бабрія. При Адріанѣ Діонисій излагаетъ описаніе земли въ гекзаметрахъ, вскорѣ вошедшее въ число школьныхъ учебниковъ. Въ IV стол. Руфъ Фестъ Авіенъ, пользуясь древнимъ греческимъ источникомъ, даетъ въ латинскихъ сенарахъ описаніе береговъ, сохранившееся начало котораго даетъ намъ нѣкоторое понятіе о древней географіи западной Европы.

Послѣдній подъемъ.

Тѣмъ болѣе страннымъ кажется тотъ послѣдній подъемъ, который поэзія грековъ и римлянъ переживаетъ въ концѣ IV столѣтія. Въ моментъ полнаго торжества христіанства у грековъ вновь воскресаютъ древніе миѳы и снова вдохновляютъ поэтическое творчество. Posthomerica Квинта изъ Смирны привлекаютъ насъ своимъ содержаніемъ: тысячелѣтіе спустя послѣ возникновенія поэмъ эпическаго цикла (Э. К., стр. 196), онъ создаетъ подробное описаніе событій отъ паденія Гектора вплоть до взятія Трои. Нельзя сказать, чтобъ передъ нами было произведеніе искусства; но въ нѣкоторыхъ живыхъ сценахъ и очень многочисленныхъ сравненіяхъ мы слышимъ отзвуки лучшихъ временъ. И въ Египтѣ интересъ къ троянскимъ сказаніямъ оставался живымъ, о чемъ свидѣтельствуютъ два небольшихъ эпическихъ произведенія и отдѣльные фрагменты папирусовъ. Мы съ наслажденіемъ читаемъ эпиллій Мусэя, граціозно рисующій романтическую исторію Геро и Леандра. Одинъ изъ поэтовъ снова воскрешаетъ интересъ къ походу аргонавтовъ, влагая разсказъ о немъ въ уста одного изъ участниковъ его, пѣвца Орфея. Орфическіе гимны знакомятъ насъ съ

Квинтъ.

Мусэй.

Орфическая поэзія.

Нонн.

Рис. 420. САРКОФАГЪ ПРОСЕРПИНЫ. Рямъ. Съ фотографіи.

Передиюю сторону окаймляютъ двѣ Горы: направо происходитъ похищеніе, которому тщетно пытаются воспрепятствовать Аѳина и Артемида, стоящія съ Афродитой за колесницей. Налѣво Деметра на змѣиной колесницѣ, въ поискахъ дочери. Узкая поперечная сторона: мѣстныя божества. Съ правой стороны мы видимъ только Гермеса, который приводитъ Просерпину на землю.

культомъ секты орфиковъ; поэтической цѣнности они не имѣютъ, ограничиваясь монотоннымъ перечисленіемъ именъ и качествъ боговъ.

Дѣйствительнымъ поэтомъ, геніемъ своей эпохи, является египтянинъ Нонн̀ъ, воскресившій около 400 г. міръ греческихъ боговъ въ звучной симфоніи, послѣ чего.... онъ самъ перешелъ въ христіанство. Онъ создалъ новую Иліаду въ 48 (!) книгахъ, въ которыхъ воспѣвалъ побѣдное шествіе по Индіи покорителя міра Діониса, въ которомъ на 700 лѣтъ раньше эллинистическіе придворные историки создали миѳическое отраженіе походовъ Александра. Центромъ произведенія служила борьба бога и его свиты съ царемъ Индіи. Поэтъ лишь въ восьмой пѣснѣ разсказываетъ о рожденіи бога, и пользуется всякимъ случаемъ для вплетенія въ свое повѣствованіе любовныхъ легендъ и метаморфозъ. Разумѣется, отсутствіе чувства мѣры, живость и перегруженность языка съ его смѣлыми новообразованіями не выдерживаетъ сравненія съ классическими образцами, которые Нонн̀ъ усердно изучалъ; погружаясь, однако, въ этотъ лабиринтъ, мы убѣждаемся въ соотвѣтствіи языка съ фантастическимъ матеріаломъ. То же относится и къ стихотворной формѣ Нонна. Ему удалось придать старинному гексаметру

совершенно новый характеръ. Его быстрые, отрывистые дактили очень рѣдко нарушаются спондеями, согласованіе же размѣра и ударенія слова въ концѣ стиха, построеннаго по законамъ, установленнымъ самимъ Нонномъ, мѣняетъ его характеръ. Не удивительно, что къ Нонну примыкаетъ цѣлая школа поэтовъ.

На римской почвѣ, гдѣ императоры снова находятъ время покровительствовать поэтамъ и писателямъ, въ общемъ мракѣ выдѣляются три свѣтила, свѣтъ которыхъ, правда, заимствованный: Клавдіанъ, Авсоній и Наматіанъ. Римляне.

Героической легендѣ суждено было возродиться на латинскомъ языкѣ, и опять благодаря египтянину. Клавдій Клавдіанъ былъ приглашенъ (около 350—405) изъ Александріи, гдѣ онъ писалъ по-гречески, ко двору Гонорія. Болѣе способный, одаренный гораздо болѣе живымъ темпераментомъ и широтой, чѣмъ скучный Авсоній (см. ниже), онъ въ тонѣ придворнаго поэта, но хорошими стихами воспѣвастъ дѣянія и качества своего покровителя Стилихона и императора, преслѣдуя злостной насмѣшкой ихъ противниковъ при восточно-римскомъ дворѣ. Эти стихотворенія представляютъ собой важные источники для исторіи эпохи, хотя пользоваться ими слѣдуетъ съ величайшей осторожностью; подъ роскошнымъ покровомъ вырисовываются контрасты времени, могучіе образы Стилихона и Алариха, между которыми начинается рѣшающая борьба германскаго начала съ отживающимъ римскимъ. Въ свадебномъ гимнѣ, посвященномъ Гонорію и дочери Стилихона Клавдіанъ подражалъ Стацію (стр. 662), но испортилъ граціозное посвященіе послѣдняго въ угоду своему герою—царскому жениху своей преувеличенной напыщенной торжественностью. Въ незаконченномъ эпосѣ „Похищеніе Просерпины“, написанномъ съ большимъ вкусомъ въ стилѣ Вергилія, его прекрасный талантъ нашелъ самое свободное выраженіе. На заимствованіе изъ хорошаго александрійскаго источника указываетъ множество мелкихъ деталей, рисующихъ передъ нами въ выразительномъ контрастѣ картины на землѣ и въ подземномъ царствѣ: ужасное появленіе Плутона, поднявшагося изъ нѣдръ земли среди весенняго ландшафта, гдѣ безпечно рѣзвится Просерпина, радостная свадьба въ мрачной обители тѣней, безутѣшное горе Цереры, зажигающей громадные факелы у огня Этны, чтобъ отправиться на поиски дочери по всему міру (рис. 420). Невольно навязывается сравненіе этой поэзіи съ простодушнымъ описаніемъ похищенія въ древнемъ гимнѣ Гомера (Э. К., стр. 121). Если Клавдіанъ и не соединялъ въ себѣ „духа Вергилія съ музой Гомера“, какъ гласитъ надпись на его римской почетной статуѣ, тѣмъ не менѣе, онъ рядомъ съ Наматіаномъ (см. ниже) является послѣднимъ настоящимъ римскимъ поэтомъ. Клавдіанъ.

Рядомъ съ Клавдіаномъ стоитъ представитель западной провин- Авсоній.

ціальной культуры, Д. Магнъ Авсоній (310—399), южный француз, преподававшій въ теченіе долгаго времени въ высшей школѣ родного города Бурдигалы (Бордо), бывшій впослѣдствіи воспитателемъ при дворѣ въ Трирѣ, достигнувъ благодаря своему воспитаннику Гратіану высокаго почета. Множество написанныхъ имъ поэтическихъ бездѣлушекъ и мелочей даютъ намъ представленіе о „новомодной“ школѣ, возникшей уже при Антонинахъ. Ихъ поэтическая цѣнность весьма скудна, культурно-историческое же значеніе велико. Хотя кругозоръ поэта ограниченъ, и его міръ невеликъ, тѣмъ не менѣе, Авсоній даетъ намъ картину жизни Галліи тѣхъ временъ и переноситъ насъ въ своей „Мозеллѣ“ на германскую почву.

Разнообразными размѣрами онъ описываетъ свой день: какъ онъ будитъ лѣниваго раба, обращается въ безконечно длинной молитвѣ къ Богу Отцу и Христу, одѣвается, чтобъ выйти изъ дому, приглашаетъ гостей и даетъ распоряженія повару. Стихотворенія, посвященныя его родственникамъ, вводятъ насъ въ кругъ его семьи, въ жизнь школы посвящаютъ насъ траурныя стихотворенія на кончину его коллегъ и множество краткихъ изреченій и благонамѣренныхъ нравоученій, посвященныхъ его ученикамъ. Мы съ искреннимъ участіемъ читаемъ переписку Авсонія съ его любимымъ ученикомъ Павлиномъ, позднѣйшимъ епископомъ Нолы, серьезнѣе относившимся къ христіанству, чѣмъ Авсоній, и кротко, но рѣшительно отклоняющимъ упорное увѣщеваніе Авсонія вернуться къ языческой наукѣ. Тѣмъ не менѣе, Авсоній былъ бы, вѣроятно, забытъ, если бы не существовала его Mosella. У насъ, нѣмцевъ, сердце радуется, когда мы сопровождаемъ поэта внизъ по теченію Мозеля отъ Новіомага, и нашъ взглядъ устремляется на холмы и поросшіе виноградомъ горы, усѣянныя множествомъ виллъ. Всюду вдоль извилистой рѣки (рис. 421) бьетъ кипучая жизнь. Въ свѣтлыхъ водахъ ея играютъ вкусныя рыбы, названія и особенности которыхъ поэту сообщаетъ наяда. Въ тихій полуденный часъ даже нимфы шаловливо рѣзвятся на волнахъ. Корабельщики и странники перебрасываются съ трудолюбивыми виноградарями шутливыми стихами, тяжелыя лодки съ трудомъ плывутъ вверхъ по теченію. Поэтъ любуется и жизнерадостнымъ населеніемъ, живущимъ на берегахъ рѣки. Онъ проѣзжаетъ мимо многочисленныхъ притоковъ Мозеля, пока зеленыя волны Рейна не принимаютъ его и его рѣку въ свое теченіе. Правда, и это произведеніе привлекаетъ насъ скорѣе своимъ содержаніемъ, чѣмъ своей художественной цѣнностью. Что же касается частыхъ сравненій съ классическими городами, кажущихся намъ только учеными аттрибутами, то они давали южанину представленіе объ отдаленной Галліи.

Намаціанъ.

Другое описаніе путешествія ведетъ насъ изъ Рима вдоль морского берега въ Галлію, куда городской префектъ Рутилій Намаціанъ вернулся въ 416 г., такъ какъ его родину опустошали западные готы. Поэтъ рисуетъ передъ нами чарующіе ландшафты, крупныя и мелкія событія, облеченные въ тщательно отдѣланные дистихи. Вѣрующій язычникъ съ возмущеніемъ наблюдаетъ образъ дѣйствій бѣгущихъ отъ свѣта монаховъ. Его боль при разлукѣ съ Римомъ захватываетъ насъ и наполняетъ благоговѣніемъ, она внушаетъ ему восторженную хвалу величію и мощи вѣчнаго города: „Внемли мнѣ, прекрасная царица міра, которымъ ты владѣешь. Тебя воспѣваю я и вѣчно

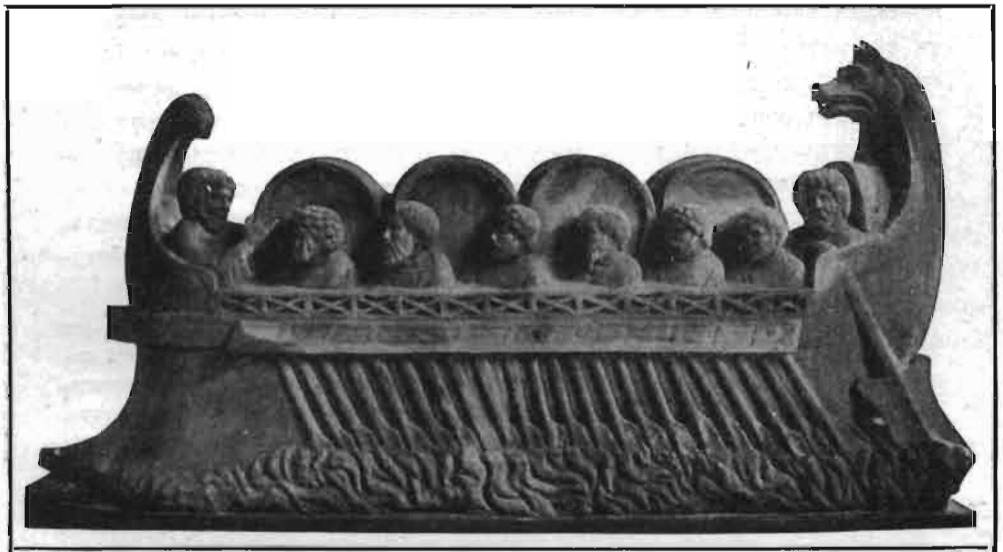

Рис. 421. МОЗЕЛЬСКІЙ КОРАБЛЬ.
Верхъ гробницы виноторговца, сдѣланный изъ песчаника. Изъ Новіомага, нынѣ въ Трирѣ.
Ср. «Bonner Jahrbücher» 1911. Реконструкція Эльвиры Фольцеръ.
Видъ типичныхъ нѣмецкихъ винныхъ бочекъ (вмѣсто обычныхъ римскихъ амфоръ) умиляетъ нашу душу.

буду воспѣвать; ибо ни одинъ пришелецъ не можетъ забыть тебя". Это было послѣднее звучное прощаніе античнаго міра съ вѣчнымъ городомъ; тѣмъ же чувствомъ благодарности къ Риму проникалось впослѣдствіи, разставаясь съ нимъ, безчисленное множество людей въ теченіе ряда вѣковъ.

Романъ. Если II столѣтіе въ области прозы не создаетъ ничего выдающагося, то это объясняется, между прочимъ, стремленіемъ второй софистики (стр. 702) замѣнить поэзію поэтически окрашенной прозой. Подъ ея вліяніемъ свободное прозаическое повѣствованіе, игравшее крупную роль уже въ эллинистической исторіографіи, развивается въ самостоятельную литературную форму, которую можно назвать р о м а н о м ъ, если не предъявлять къ нему требованій современнаго романа. И въ наше время, какъ въ ту эпоху, романы читались усерднѣе, чѣмъ стихотворенія.

Апулей. На латинскомъ языкѣ новая литературная форма находитъ себѣ выдающагося представителя въ лицѣ очень много путешествовавшаго африканца А п у л е я, дѣятельность котораго какъ адвоката, ретора и философа относится ко времени Антонина Пія и Марка Аврелія. Содержаніе своихъ произведеній онъ черпаетъ изъ восточныхъ и греческихъ источниковъ; его поразительный талантъ разсказчика вызывалъ заслуженное восхищеніе. Его тревожное двойственное существо и неестественный стиль, прибѣгающій для большей пикантности ко всѣмъ

пріемамъ реторики, поэтическимъ украшеніямъ и стариннымъ словамъ, съ вѣрностью отражаютъ картину его вѣка. Это, прежде всего, относится къ его знаменитому сатирическому бытовому роману, сравненіе котораго съ романомъ Петронія ясно (стр. 655 сл.) свидѣтельствуетъ о томъ, какъ измѣнились времена. Образцомъ этихъ новыхъ метаморфозъ по служилъ греческій оригиналъ. Сохранившееся изъ него извлеченіе свидѣтельствуетъ о томъ, что Апулей его значительно расширилъ, отчего его произведеніе, однако, не выиграло. Оно носило многозначительное заглавіе: „Луцій или ослъ".

Содержаніе. Нѣкій юноша попадаетъ въ Ѳессалію, родину вѣдьмъ. Онъ видитъ, какъ его таинственная хозяйка улетаетъ въ видѣ совы, вслѣдствіе чего и имъ овладѣваетъ желаніе превратиться въ птицу; однако, услужливая служанка по ошибкѣ превращаетъ его въ осла. Свой обычный обликъ онъ долженъ получить обратно на слѣдующее утро, если его накормятъ лепестками розъ; но увы! ночью врываются разбойники и уводятъ нагруженнаго добычей осла въ свою пещеру. Тутъ начинается вереница его приключеній: его похищаютъ, продаютъ, онъ не въ силахъ сопротивляться и переходитъ изъ рукъ въ руки. Ему рѣдко живется сносно, въ большинствѣ случаевъ очень печально, при весьма скудномъ кормѣ и крайне обильныхъ тумакахъ. Повидимому, животныхъ въ Греціи въ то время мучили еще больше, чѣмъ теперь. Наконецъ, наступаетъ предѣлъ его страданіямъ. Сама Исида является ему во снѣ и возвѣщаетъ ему освобожденіе. Когда утромъ мимо осла проходитъ священная процессія Исиды, онъ съѣдаетъ вѣнокъ изъ розъ, который верховный жрецъ несетъ въ рукѣ, послѣ чего передъ удивленной толпой вмѣсто осла появляется человѣкъ, которымъ, разумѣется, тотчасъ овладѣваетъ жажда быть посвященнымъ въ мистеріи великой матери боговъ. Это оригинальное заключеніе Апулей (разумѣется, кромѣ приключеній съ ослом) присоединяетъ къ оригиналу изъ области личныхъ переживаній. Выведенное въ романѣ безумное суевѣріе и колдовство, отъ которыхъ у читателя разумъ мутится, основываются не только на фантастическомъ вымыслѣ. Ихъ значеніе въ жизни того времени подтверждается фактомъ изъ жизни самого автора: когда Апулей впослѣдствіи женился на богатой вдовѣ, ея разгнѣванные родственники обвинили его въ чародѣйствѣ. Сохранилась его интересная защитительная рѣчь.

Характеристика. Романъ написанъ съ живымъ, часто слишкомъ одностороннимъ реализмомъ. „Ты увидишь, читатель! Тебя ждетъ наслажденіе!" говоритъ авторъ во введеніи. Но романъ былъ бы только случайнымъ нагроможденіемъ чудовищныхъ и фантастическихъ волшебныхъ басенъ, семейныхъ разсказовъ и приключеній публичныхъ женщинъ, если бы все это не было объединено разсказомъ въ первомъ лицѣ бѣдняги осла, который внѣшнимъ образомъ ведетъ себя совершенно по ослиному, но не теряетъ своего, правда, не выдающагося, человѣческаго ума; все, что онъ переживаетъ, видитъ или слышитъ своими длинными ушами, наводитъ его на высокой степени комичныя разсужденія. Нѣтъ почти никакого сомнѣнія въ томъ, что авторъ, подобно Сервантесу въ его Донъ-Кихотѣ, высмѣиваетъ уродливыя преувеличенія опредѣленной литературной формы. По всей вѣроятности, съ этой цѣлью Апулей вплетаетъ въ свой романъ множество разбойничьихъ продѣлокъ и грязныхъ любовныхъ похожденій. Они часто нарушаютъ ходъ дѣйствія; но вдругъ точно чудомъ въ разбойничью пещеру переносится граціозная сказка объ „Амурѣ и Психеѣ", античной „Золушкѣ". Это одна изъ немногихъ дѣйствительно народныхъ сказокъ, извѣстныхъ намъ изъ античности. Ибо всѣ мотивы ея повторяются въ нашихъ и чужеземныхъ сказкахъ; имена же боговъ, остроумное аллегорическое толкованіе, такъ же какъ изысканно граціозная форма, въ которую сказка облечена Апулеемъ,—позднѣйшаго происхожденія. Мы не станемъ ея

пересказывать: ея образы въ нетлѣнной красотѣ запечатлѣны Рафаэлемъ на стѣнахъ виллы Фарнезины въ Римѣ, и множество художниковъ и поэтовъ послѣдовало по стопамъ Апулея.

Греческій романъ.

Греческій романъ является прозаическимъ продолженіемъ александрійской любовной элегіи и новѣйшей комедіи. Извѣстное своеобразіе придаетъ ему новый элементъ — старинная любовь эллиновъ къ чудесамъ отдаленныхъ странъ, создавшая со временъ Одиссеи безчисленныя описанія чудесныхъ странствованій. Фрагменты романа о Нинѣ доказываютъ намъ, что романъ первоначально, по образцу сказаній объ Александрѣ, ставилъ въ центръ своего разсказа историческія лица. Періодомъ его расцвѣта были II и III столѣтіе; главными образцами являются: романъ „Чудеса за предѣлами Ѳуле“ Антонія Діогена—описаніе странствованія въ Ѳуле, въ Лидъ, даже на крайній сѣверъ и оттуда прямымъ путемъ на луну, затѣмъ эфесскіе разсказы Ксенофонта, эфіопскіе Геліодора и „Левкиппа и Клейтофонъ“ Ахилла Татія.

Рис. 422. АМУРЪ И ПСИХЕЯ.
Мраморъ. Римъ, Капитолійскій Музей.
Съ фотографіи.
Безчисленное множество воспроизведеній свидѣтельствуютъ о популярности этой группы въ античности. Римскія копіи часто украшаютъ обѣ фигуры крыльями. Эротъ занятъ тѣмъ, что считаетъ зубки своей любимой Психеи и горячо воспламеняетъ этой дѣтской игрой ея любовь.

Но стоитъ и нѣтъ необходимости останавливаться на отдѣльныхъ произведеніяхъ—желающіе дѣлать сравненія античнаго романа съ современнымъ найдутъ въ мастерскомъ трудѣ Эрвина Роде о греческомъ романѣ подробный пересказъ содержаній,—ибо во всѣхъ романахъ повторяется одна и та же трогательная исторія. Мы снова убѣждаемся, до чего упорно эллины сохраняютъ традиціонные типы. Похищеніе, кораблекрушеніе и другія козни судьбы разлучаютъ двухъ любящихъ, которые переживаютъ вереницу всякихъ невозможныхъ приключеній, странствуя по морямъ и сушѣ. Они мужественно побѣждаютъ всѣ удары судьбы и испытанія, въ которые ихъ повлекаетъ необычайная красота, пока, наконецъ, ихъ вѣрность не награждается союзомъ. Нескончаемый рядъ самыхъ невѣроятныхъ приключеній нагромождается безъ всякаго выбора съ очень скуднымъ остроуміемъ и большой детальностью. Ибо всесильная Tyche (ср. стр. 90) съ неумолимымъ произволомъ направляетъ и запутываетъ судьбу людей. Шаблонная характеристика, исключающая всякое развитіе характера и психологическое углубленіе, и стереотипный идеализмъ, добросовѣстно награждающій добрыхъ и карающій злыхъ, не возбуждалъ въ читателѣ внутренняго участія. Это блѣдная литература для развлеченія, разсчитывающая на любящую сенсацію и сентиментальную публику.

Совершенно инымъ характеромъ отличается очень популярный въ эпоху Возрожденія и незаслуженно превознесенный старикомъ Гете пастушескій романъ „Дафнисъ и Хлоя“ Лонга. Онъ снова отражаетъ тоску городского жителя по тишинѣ сельскихъ нивъ, гдѣ жизнь и любовь, трудъ и праздничное веселье въ циклѣ временъ года тѣсно сплетены съ природой. Въ этой обстановкѣ зарождается и расцвѣтаетъ нѣжная любовь двухъ сиротъ, которые въ концѣ концовъ оказываются, конечно, потомками знатныхъ родителей. Ни одному изъ остальныхъ писателей романовъ не удавалось такое жизненное изображеніе любовной страсти.

11. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА

Эпоха Адріана и его преемниковъ является мирнымъ періодомъ расцвѣта искусствъ; и проза въ это время у грековъ и римлянъ идетъ новыми путями, которые, правда, должны были рано или поздно довести до мертвой точки. Ибо искусственное возрожденіе давно отжившихъ формъ можетъ наполнить ихъ только кажущейся жизнью. Роковой результатъ этого процесса, на который мы сразу укажемъ, привелъ къ полному разрыву литературы съ питающей ее почвой народнаго языка и народнаго самосознанія. Тотъ языкъ, на развитіе котораго тратилось такъ много труда, былъ мертвымъ латинскимъ и мертвымъ греческимъ языкомъ. Возможность всякой здоровой эволюціи была исключена.

Аттицизмъ.

Аттицизмъ и вторая софистика. Руководящую роль сыграли греки. Въ романѣ, о которомъ была рѣчь выше, осуществилась только одна сторона возрожденія, переживаемаго эллинствомъ во II столѣтіи въ Малой Азіи и Элладѣ. Поощряемые личностью императоровъ-эллинофиловъ, греки гордо подняли голову и снова почувствовали себя носителями всемірной культуры и мудрости.

Эпоха, въ которую главную роль играла форма, не создала, разумѣется, новыхъ идей и цѣнностей; но снова возникаетъ сильное стремленіе къ созданію художественной прозы. Оно не понятно безъ взгляда, брошеннаго на предшествующую литературную эволюцію, характеристику которой мы и отложили до даннаго момента. Какъ среди римлянъ, такъ особенно среди грековъ теперь рѣдко кто отваживался говорить или писать простымъ, разговорнымъ языкомъ. Въ художественной прозѣ и въ Римѣ, и въ Греціи наблюдаются два враждебныхъ теченія. Одно изъ нихъ примыкаетъ къ асіанизму (стр. 136), пытаясь модернизировать языкъ и повысить разными пріемами его выразительность, тогда какъ другое отвергало эллинизмъ и ставило себѣ цѣлью подражаніе аттическимъ классикамъ. Этотъ аттицизмъ, съ ограниченностью котораго боролся, какъ мы видѣли, уже Цицеронъ (стр. 421), выростаетъ на почвѣ ученыхъ изслѣдованій греческихъ критиковъ стиля, основанныхъ на работахъ Аристотелевой школы.

Опредѣленное представленіе о нихъ мы получаемъ лишь въ эпоху Августа въ произведеніяхъ Діонисія Галикарнасскаго. Въ своемъ трудѣ „о порядкѣ словъ“ онъ посвящаетъ молодого друга въ искусство эстетической оцѣнки литературнаго произведенія. Трудъ Діонисія „о подражаніи древнимъ писателямъ“ близко соприкасается съ 10-той книгой Квинтиліана (стр. 687). Онъ подробнѣе всего останавливался на „древнихъ ораторахъ“, главнымъ образомъ, на Демосѳенѣ, котораго онъ превозноситъ до небесъ. Что же касается его „характеристики Ѳукидида“, то она односторонняя и несправедлива. Вообще представленіе Діонисія объ истинной сущности художественнаго творчества весьма смутно; но эти его труды удобочитаемы, чего нельзя сказать объ его историческомъ сочиненіи (стр. 646 сл.), и представляютъ изъ себя цѣлую древнюю сокровищницу теоретическихъ указаній, художественныхъ сужденій и фрагментовъ.

Изъ сочиненій его болѣе выдающагося современника, Кекилія изъ Калакте, обладавшаго богатѣйшими свѣдѣніями и увлекавшагося, подобно римскимъ аттицистамъ, Лисіемъ, сохранилось очень немного. Анонимный авторъ направляетъ противъ него въ 40 г. по Р. Хр. знаменитый трактатъ „О возвышенномъ“ (приписанный Лонгину), въ которомъ остроумно характеризуется сущность и пріемы возвышеннаго стиля. Остроумный, философски образованный авторъ своимъ эстетическимъ чутьемъ и мѣткимъ сужденіемъ далеко возвышается надъ узостью школьной реторики. Онъ проводитъ грань между природнымъ дарованіемъ и тѣмъ, что пріобрѣтается искусственно и путемъ трудолюбія. Искусство только тогда достигаетъ совершенства, когда оно кажется природой. Поэтому нельзя достаточно предостеречь отъ всякихъ преувеличеній. Къ истинно-великому же не слѣдуетъ подходить съ мелочной критикой, даже тогда, когда сила впечатлѣнія вызывается рисованными средствами. Отдѣльныя ошибки Гомера, Демосѳена или Платона взятыя вмѣстѣ несоизмѣримы и съ минимальной долей всего блага, принесеннаго ими человѣчеству.

Кекилій.

«О возвышенномъ».

Понятно, что теорію примѣняли и на практикѣ. Къ живой рѣчи начинаютъ относиться съ пренебреженіемъ; отнынѣ честолюбивой цѣлью всякаго является говорить на чистомъ аттическомъ языкѣ и писать языкомъ Демосѳена, Ѳукидида или Ксенофонта. О недостижимости подобной цѣли никто не задумывался. Руководствуются самыми древними писателями и примѣняютъ даже давнымъ давно забытое двойственное число (напр. еще Юліанъ). Этому обучали въ школѣ, а писатель тщательно справлялся въ словаряхъ аттицистовъ, въ которыхъ вульгарно-греческія выраженія были сопоставлены съ аттическими. Одинъ изъ нихъ начинался словами: „Кто желаетъ говорить на архаическомъ и чистомъ языкѣ, тотъ пусть остерегается слѣдующихъ словъ!“

Примѣненіе.

Эти архаизирующія тенденціи находятъ сильную поддержку въ романтическихъ стремленіяхъ времени Адріана. Ихъ преимущество передъ римскимъ архаизмомъ (стр. 706) состояло въ совершенствѣ ихъ образцовъ, тогда какъ римскій архаизмъ искусственно низводитъ языкъ на степень элементарнаго несовершенства. Мы недавно пережили подобную волну въ искусствѣ и литературѣ. Поэтому искусному греческому писателю, какъ напр. Арріану (стр. 708) было до извѣстной степени возможно объединить преимущества Ксенофонта и Геродота и изложить подходящій матеріалъ въ ихъ стилѣ.

На ряду съ аттицизмомъ, особенно въ Малой Азіи, расцвѣтаетъ новое, блестящее краснорѣчіе, примѣнявшее рѣшительно всѣ средства, чтобы искусствомъ рѣчи увлечь и поразить слушателей. Границы между поэзіей и прозой сглаживаются, подобно явленію имѣвшему мѣсто въ „серебряной латыни“; эти „софисты“ даже гордились тѣмъ, что ихъ искусно расчлененный и поэтически окрашенный языкъ вытѣсняетъ поэзію (стр. 697).

Вторая софистика.

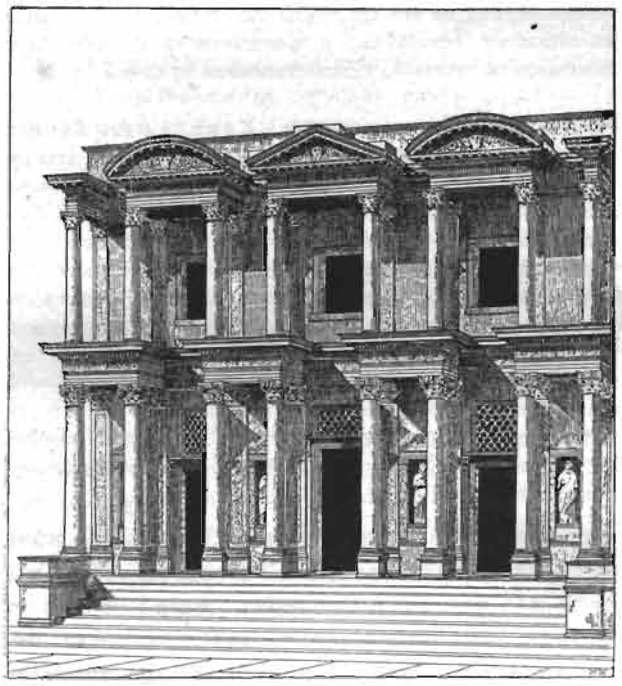

Рис. 423. БИБЛІОТЕКА ВЪ ЭФЕСѢ.
Ср. Österr. Jahresh. 1908, рис. 25.

Построена въ 92 г. по Р. Хр. Фасадъ фантастически украшенъ колоннами, расположенными въ 2 этажа. Каждая пара колоннъ увѣнчана антаблементомъ, при чемъ пары колоннъ верхняго этажа не совпадаютъ съ парами нижняго. Прямоугольное книгохранилище было покрыто сплошной кровлей. Колонны украшали стѣны его; въ стѣны были вдѣланы ниши для храненія книгъ. Узкій проходъ между двойной стѣной ограждалъ книжныя сокровища отъ сырости горнаго склона, окружавшаго библіотеку съ трехъ сторонъ.

Итакъ, писатель этой эпохи располагалъ сокровищами прошлаго и настоящаго, каждый могъ выбирать въ зависимости отъ своихъ наклонностей и вкусовъ; даже борьба и полемика между этими двумя направленіями вдохновляли умственную жизнь. Наступаетъ пора возрожденія эллинства, которую, по примѣру древнихъ, обыкновенно неудачно называютъ младшей софистикой.

Благотворныя внѣшнія условія способствовали новому расцвѣту краснорѣчія. Подобно тому, какъ нѣкогда въ Аѳинахъ, оно отнынѣ становится въ обширномъ римскомъ государствѣ господствующей мощью. Увлеченіе Адріана всѣмъ эллинскимъ отражалось на подданныхъ и открывало грекамъ доступъ къ государственнымъ должностямъ и вліятельному положенію въ кабинетѣ императора. Софистика имѣла рѣшающее вліяніе на обученіе юношества въ школахъ, о постановкѣ дѣла въ которыхъ намъ даютъ нѣкоторое представленіе сборники такъ наз. Progymnasmata (упражненій въ краснорѣчіи). Государство и города старались превзойти другъ друга въ организаціи блестящихъ центровъ образованія (ср. рис. 423 и стр. 495 сл.) и привлеченіи вы-

дающихся учителей, которые подобно виртуозамъ совершали объѣзды отѣльныхъ городовъ, награждаемые воодушевленіемъ толпы, почестями и богатствомъ. Всюду, какъ въ тѣсномъ кругу, во время семейнаго празднества, такъ и во время народныхъ или религіозныхъ торжествъ, при посѣщеніи города высокопоставленнымъ чиновникомъ или даже императоромъ, а также въ посольствахъ—софисты были призванными ораторами. Они говорили на самыя разнообразныя темы въ свободной импровизаціи или въ тщательно отдѣланной рѣчи. Мы не имѣемъ даже приблизительнаго представленія о всей увлекающей эффектности ихъ краснорѣчія. Слѣдуетъ это помнить, когда читаешь этихъ авторовъ, испытывая глубокое разочарованіе. Пламя, согрѣвавшее ихъ, давно потухло, реторическая оболочка въ большинствѣ случаевъ несносна, а идейной сущности въ нихъ нѣтъ.

Изъ числа знаменитыхъ софистовъ мы назовемъ Полемона изъ Смирны, произносившаго торжественную рѣчь передъ Адріаномъ во время освященія аѳинскаго Олимпейона, и Герода Аттическаго, мецената, посвятившаго свое царское состояніе на украшеніе Аѳинъ и центровъ панэллинскихъ торжествъ великолѣпными постройками и памятниками (ср. стр. 583 и Э. К., стр. 310). На основаніи сохранившихся произведеній мы ближе знаемъ, главнымъ образомъ, слѣдующихъ софистовъ.

Первымъ среди нихъ былъ Діонъ Кокцеянъ изъ Прусы (около 50—112), котораго называли Хрисостомъ (Златоустъ), другъ Нервы и Траяна; только что высказанное отрицательное сужденіе о софистахъ къ нему не относится. Онъ много путешествовалъ, былъ человѣкомъ крайне благожелательнымъ и рано обратился отъ софистики къ философіи. Его проповѣдь практической мудрости и простоты жизни, близкой къ природѣ, съ которой онъ познакомился, живя въ изгнаніи у гетовъ, намъ напоминаетъ скорѣе проповѣдь странствующаго киника (ср. стр. 106). Въ своемъ стилѣ Діонъ удачно подражаетъ простотѣ Ксенофонта; его читаешь съ истиннымъ наслажденіемъ. Діонъ.

Сохранилось 80 рѣчей Діона, нѣкоторыя изъ нихъ въ формѣ діалоговъ. Часть изъ нихъ была написана на случай, часть посвящена разсужденіямъ общаго характера, проникнутымъ богатствомъ знанія и здравымъ сужденіемъ, на эстетическія, литературныя, и, главнымъ образомъ, этическія темы. Діонъ любитъ обращать взоры въ прошлое съ его великими созданіями искусства и литературы, но онъ рисуетъ также картины культуры эпохи Траяна: онъ описываетъ событія городской жизни, мелкіе споры своей родины, опасности, грозящія городамъ по Черному морю отъ дикихъ скиѳовъ, роскошь въ Александріи и идиллическую жизнь нѣсколькихъ семействъ охотниковъ на Евбеѣ. Въ этой первой въ литературѣ сельской повѣсти Діонъ премило разсказываетъ объ одномъ простодушномъ охотникѣ, несправедливо обвиненномъ въ утайкѣ налоговъ и вызванномъ по этому поводу въ городъ, гдѣ онъ при видѣ суетящейся и шумной толпы рѣшаетъ, что всѣ люди въ непрестанной между собой ссорѣ. Несмотря

на свое природное остроуміе, онъ тѣмъ не менѣе теряется передъ замысловатыми рѣчами своихъ обвинителей, пока его не выручаетъ гражданинъ, которому онъ нѣкогда оказалъ гостепріимство послѣ кораблекрушенія. Въ философіи Діонъ придерживался, главнымъ образомъ, ученія стоиковъ; но та нравственная строгость, съ которой онъ умѣренной, но рѣшительной критикой стремился воздѣйствовать на улучшеніе общества, выгодно выдѣляетъ его изъ числа многихъ философовъ современниковъ. Діонъ въ своихъ рѣчахъ „о монархіи“ даже передъ Траяномъ совершенно свободно рисуетъ идеалъ властителя, который долженъ быть и чувствовать себя достойнымъ представителемъ высшаго божества на землѣ.

Аристидъ.

Характерный типъ знаменитаго и безграничио тщеславнаго софиста мы имѣемъ въ Эліи Аристидѣ (129—189). Его называли вторымъ Демосѳеномъ, что правильно постольку, поскольку Аристидъ желѣзнымъ трудолюбіемъ достигъ внѣшняго искусства знаменитаго оратора. Благодаря этому онъ въ теченіе долгаго времени причислялся къ классикамъ; но теперь ни одна изъ его 55 рѣчей уже неспособна привлечь нашего вниманія. Многія изъ нихъ заимствуютъ матеріалъ изъ греческой исторіи, великія воспоминанія о которой вдохновляли мелкихъ людей новаго поколѣнія; въ его Panathenaikos, написанномъ въ подражаніе Исократу, передъ нами проходитъ вся славная исторія Аѳинъ. Такимъ же скучнымъ остается онъ и тогда, когда обращаетъ свои взоры на настоящее, напр., въ его выспренней хвалебной рѣчи, посвященной Риму и произнесенной въ столицѣ, не говоря уже о его священныхъ рѣчахъ; Аристидъ въ нихъ съ безконечной подробностью описываетъ свою семнадцатилѣтнюю болѣзнь, отъ которой его исцѣлилъ холодной водой и разными чудодѣйственными средствами горячо имъ почитаемый спаситель Асклепій. Ему и другимъ богамъ Аристидъ посвящаетъ цѣлыя проповѣди.

Филостратъ.

Съ совершенно иными, болѣе положительными сторонами литературнаго творчества софистовъ мы знакомимся въ сочиненіяхъ Флавія Филострата изъ Лемноса, игравшаго роль при дворѣ Септимія Севера (193—211). Побуждаемый императрицей, онъ пишетъ подробное жизнеописаніе мудреца Аполлонія Тіанскаго. Этотъ назидательный романъ удовлетворялъ какъ мистическую вѣру въ чудо, владѣвшую въ то время умами, такъ и вкусъ къ красивымъ рѣчамъ, размышленіямъ и описаніямъ чужихъ странъ (стр. 699). „Діалогъ о герояхъ“ также облеченъ въ форму романа и отличается религіознымъ настроеніемъ. Въ оракійскомъ Херсонесѣ, тамъ гдѣ противъ Трои возвышается храмъ Протесилая (Э. К., стр. 491), виноградарь разсказываетъ финикійскому купцу о своемъ общеніи съ искренне имъ почитаемымъ героемъ. Онъ многократно являлся виноградарю и давалъ ему разъясненія о дѣйствительномъ ходѣ троянской войны, о характерѣ и обликѣ героевъ, продолжающихъ существовать въ видѣ демоновъ. Мы убѣждаемся въ существовавшихъ въ то время попыткахъ воскрешенія

культа героевъ. Трактатъ „о гимнастикѣ“ также пытается возстановить древне-эллинскія привычки въ изнѣженномъ новомъ поколѣніи. Большинство шестидесяти четырехъ „картинъ“ рисуютъ миѳологическія сцены, описанія которыхъ (судя по словамъ автора, онѣ сдѣланы по картинной галлереѣ въ Неаполѣ) сами по себѣ представляютъ художественныя произведенія. Подобныя описанія давно были въ ходу въ реторическихъ школахъ, софисты ихъ вводятъ въ литературу. О граціозности описаній Филострата мы получаемъ представленіе по сочиненію Гете „о картинахъ Филострата“. Разумѣется, вопросъ о томъ, соотвѣтствовали ли эти описанія и до какой степени сохранившимся памятникамъ искусства, живо интересовалъ археологію. Особенно крупное значеніе имѣетъ Филостратъ, какъ историкъ софистики; исторія ея изложена имъ въ „Біографіяхъ софистовъ“, начинающихся съ Горгія и кончающихся III-мъ столѣтіемъ.

Римскій архаизмъ.

Римляне стремились не уступать блестящей славѣ греческихъ софистовъ. Къ аттицизму, съ которымъ боролся Цицеронъ (стр. 421), примкнула естественная реакція противъ искусственности стиля Сенеки. Но исцѣленіе противъ него усматривали въ изысканномъ архаизмѣ. Покровительствовавшій этому теченію Адріанъ предпочиталъ Цицерону Катона, Вергилію Эннія. Усердно составлялись сборники словъ и оборотовъ рѣчи изъ древнихъ историковъ и поэтовъ, и языкъ, сущность и характеръ котораго ничего общаго не имѣли съ простотою древнихъ, украшался этими причудливыми перьями. Поэтому онъ вызываетъ гораздо бо́льшее впечатлѣніе неестественности, чѣмъ архаизирующія произведенія искусства, созданныя однороднымъ направленіемъ художественнаго вкуса.

Фронтонъ.

Основателемъ этого архаизирующаго направленія былъ почтенный, но бездарный реторъ М. Корнелій Фронтонъ изъ Африки (около 100—175), пользовавшійся въ Римѣ высокимъ почетомъ, воспитатель Марка Аврелія и впослѣдствіи Л. Вера. Его переписка съ послѣдними свидѣтельствуетъ объ искренней привязанности, соединявшей учителя и учениковъ, но одновременно и о скудости мысли и отсутствіи художественнаго чутья Фронтона, а также о его тупомъ увлеченіи всесильной реторикой. Къ сожалѣнію, вліяніе Фронтона, какъ главы школы, на послѣдующія поколѣнія было очень продолжительно. Самаго выдающагося представителя этого такъ-называемаго африканскаго стиля мы видѣли въ лицѣ Апулея (стр. 697). „Аттическія ночи“ друга Фронтона Геллія даютъ намъ самое ясное представленіе о всемъ фанатизмѣ послѣдователей Фронтона (Frontoniani) (стр. 710 сл.).

Панегирики.

Особенно цвѣтистыми образцами позднѣйшаго искусства краснорѣчія являются „Панегирики“, сборникъ хвалебныхъ и торжественныхъ рѣчей, посвященныхъ Юліану, Ѳеодосію, Константину и друг.

Въ своей преувеличенной лести, которая то вызываетъ улыбку, то негодованіе читателя, онѣ далеко превосходятъ свой образецъ, Плинія Младшаго (стр. 679); однако, совершенство техническаго построенія и чистота языка выгодно характеризуютъ постановку реторическаго обученія въ галльскихъ высшихъ школахъ.

Историографія. Светоній.

Къ счастью историографія воздерживалась отъ искусственности Фронтона. Простымъ стилемъ ученаго писалъ Светоній Транквиллъ (около 75—150). Онъ въ теченіе нѣкотораго времени былъ личнымъ секретаремъ Адріана; его надо, несомнѣнно, считать однимъ изъ самыхъ ученыхъ людей своего времени. Светоній уже не пишетъ исторіи государства—это типично для эпохи господства индивидуализма—а рядъ біографій первыхъ 12-ти цезарей, начиная Юліемъ Цезаремъ и кончая Домитіаномъ. Однако, несмотря на множество деталей и анекдотовъ, образы императоровъ лишены жизненности; ибо Светоній не Тацитъ. Ни одинъ знатокъ не станетъ требовать отъ античной біографіи выясненія психологической эволюціи характера; но историкъ поставилъ бы образы дѣйствующихъ лицъ въ рамки соотвѣтственной эпохи, на которую они наложили печать своей индивидуальности. Светоній же былъ кабинетнымъ ученымъ (scholasticus), по выраженію Плинія. Онъ усердно собиралъ историческія даты и анекдоты изъ хорошихъ и плохихъ источниковъ, механически систематизируя ихъ по опредѣленнымъ рубрикамъ (происхожденіе, жизнь, правленіе, частная жизнь, смерть), распадавшимся въ свою очередь на рядъ подраздѣленій. Светонію не приходила въ голову мысль, что подобная мозаичная работа разрушала связь событій и цѣльность характеристики. Онъ зналъ, что онъ этимъ удовлетворялъ вкусамъ публики, любившей пикантныя детали и двусмысленныя подробности. Характерно, что шаблонъ біографіи, созданный Светоніемъ, становится образцомъ многихъ позднѣйшихъ однородныхъ произведеній, съ той лишь разницей, что труды продолжателей Светонія лишены той исторической цѣнности, на которую могутъ претендовать данныя жизнеописаній Светонія. До насъ сохранились произведенія только послѣднихъ представителей этого новаго жанра—„Историковъ эпохи имперіи“ (Scriptores historiae Augustae), написавшихъ по высочайшему порученію при Діоклетіанѣ и Константинѣ, отчасти позднѣе, біографіи цезарей отъ Адріана вплоть до Нумеріана (117—284). Можно бы еще примириться съ ихъ скудостью мысли и ума, съ ихъ царедворской льстивостью и увлеченіемъ сплетнями; хуже то, что они не только искажали фактическія данныя, но беззастѣнчиво фальсифицировали оффиціальные акты.

Біографіи императоровъ.

Результатомъ обширной ученой работы Светонія,—Варрона своего времени,—были, кромѣ біографій, литературно-историческіе и культурно-историческіе труды, а

также работы по естествознанію. Самымъ выдающимся изъ этихъ произведеній была обширная исторія римской литературы, распадавшаяся также на рядъ жизнеописаній „знаменитыхъ людей“. Судя по сохранившемуся введенію этой книги, трактующему о грамматикахъ и реторахъ, и по нѣкоторымъ цѣннымъ біографіямъ поэтовъ, намъ приходится глубоко жалѣть объ утратѣ этого сочиненія Светонія.

Амміанъ. Тацитъ былъ почти забытъ. Онъ ждалъ болѣе 200 лѣтъ достойнаго преемника; но зато трудъ этого преемника, обширная исторія государства отъ Нерона до смерти Валента (378), представлялъ изъ себя достойное завершеніе римской исторіографіи. Ибо Амміанъ Марцеллинъ (около 330—400), восточный грекъ, выучившійся латинскому языку, былъ человѣкомъ совершенно иного типа, чѣмъ легкомысленные біографы цезарей. Почтенный офицеръ и воодушевленный сторонникъ Юліана, онъ принималъ активное участіе въ событіяхъ; и судьба, болѣе благопріятная, чѣмъ для Ливія и Тацита, сохранила намъ какъ разъ исторію современнаго автору періода (отъ 353—378). Стиль Амміана изобилуетъ своеобразными выраженіями и реторическими вычурностями. Географическіе и другіе научные экскурсы, которые онъ любитъ вплетать въ свое изложеніе, свидѣтельствуютъ о полуобразованности эпохи. Его историческое повѣствованіе, останавливающееся и на внутреннихъ событіяхъ и на условіяхъ культуры, претендуетъ на полнѣйшую достовѣрность. Авторъ стремился, какъ онъ заявляетъ въ заключеніи, всегда придерживаться истины, никогда сознательно не измѣняя ей путемъ умолчаній или искаженій. Свою безпристрастность язычникъ Амміанъ доказываетъ сдержанной оцѣнкой христіанства, особенно же своими блестящими, напоминающими намъ Тацита, характеристиками историческихъ дѣятелей, главнымъ образомъ, императоровъ.

Греки. Въ видѣ необходимаго дополненія скажемъ нѣсколько словъ о греческой исторіографіи. Стилистически она большей частью находилась подъ вліяніемъ аттицизма (стр. 700 и 705). Но о формѣ мы тутъ говорить не будемъ, ограничиваясь лишь характеристикой содержанія. Его цѣнность и значеніе вполнѣ зависятъ отъ характера источниковъ, а не отъ писателей, хотя послѣдніе, подобно древнеримскимъ историкамъ, были почтенными людьми. Общественная дѣятельность и зрѣлый опытъ лѣтъ дѣлали ихъ вполнѣ пригодными для осуществленія поставленной ими себѣ задачи.

Арріанъ. Изъ числа сохранившихся историковъ только одинъ виѳинецъ Арріанъ (около 95—175) отваживается выйти за предѣлы римской исторіи. Стремясь въ жизни и въ своемъ литературномъ творчествѣ быть „вторымъ Ксенофонтомъ“, онъ также пишетъ „Анабазисъ“, но это былъ разсказъ о походахъ Александра Великаго. Въ качествѣ опытнаго государственнаго чиновника и офицера, близко стоявшаго къ Адріану и составившаго для доклада императору немало оффиціальныхъ

отчетовъ, отчасти использованныхъ имъ въ своихъ литературныхъ трудахъ, Арріанъ пренебрегалъ реторической вычурностью и фантастичностью романа объ Александрѣ, которымъ увлекался Курцій (ср. стр. 671). Онъ хотѣлъ излагать факты, и съ поразительнымъ для его времени критическимъ чутьемъ положилъ въ основу своего произведенія два разсказа очевидцевъ — отчетъ о походѣ царя Птолемея (стр. 138) и болѣе подробный разсказъ Аристобула. Ихъ онъ переработалъ и соединилъ, принявъ во вниманіе и другія отклоняющіяся отъ ихъ версіи данныя, и поэтому его ясная и трезвая исторія Александра является наиболѣе достовѣрной традиціей, дающей намъ свѣдѣнія о великой эпохѣ Александра. Арріанъ не вполнѣ дооцѣниваетъ всемірно-историческое значеніе своего героя, но мы ему этого въ упрекъ не ставимъ; онъ раздѣляетъ эту ошибку со всѣми древними историками, писавшими объ Александрѣ.

Аппіанъ. У остальныхъ историковъ мы видимъ общіе обзоры всей римской исторіи, которыхъ римляне со временемъ Ливія больше не писали, если не считать нѣкоторыхъ краткихъ руководствъ (стр. 670 сл.). Мы знаемъ два такихъ труда, значительныя части которыхъ сохранились до насъ. Одинъ изъ нихъ былъ написанъ по крайне оригинальному плану Аппіаномъ изъ Александріи, другомъ Фронтона. Онъ отвергалъ анналистическую систему повѣствованія, ведущую историка „подобно скитальцу“ изъ Карѳагена въ Испанію, затѣмъ въ Сицилію или въ Македонію, а оттуда снова въ Карѳагенъ. Поэтому онъ избралъ этнографическій принципъ группировки событій, изображая какъ были покорены владычеству римлянъ сначала племена Италіи, затѣмъ Сициліи и т. д. При этомъ Аппіанъ былъ принужденъ для сохраненія хронологической связи событій выдѣлить нѣкоторые важные отдѣлы исторіи, какъ напримѣръ войну съ Ганнибаломъ и гражданскія войны, въ особыя книги. Въ заключеніе Аппіанъ описывалъ завоеванія эпохи имперіи вплоть до Траяна; вообще въ его исторіи главную роль играютъ военныя событія. Вопросъ объ источникахъ Аппіана, какъ и Діона (ср. ниже), чрезвычайно сложенъ и запутанъ. Попытки его разрѣшенія оставались безплодными, пока мы искали опредѣленныхъ именъ; теперь ограничиваются попытками установленія сущности и характера неизвѣстныхъ источниковъ каждаго отдѣльнаго періода, при чемъ только такимъ путемъ достигаются осязаемые результаты.

Кассій Діонъ Арріанъ и Аппіанъ являются представителями эпохи Адріана и его преемника; Кассій Діонъ Кокцеянъ изъ Никеи (около 150—235) былъ уже дѣятелемъ новаго времени, начавшагося съ Септимія Севера. Занимая высшія государственныя должности, Кассій Діонъ долгіе годы работалъ надъ созданіемъ своей римской исторіи, при чемъ и онъ придерживался анналистической схемы, проведеніе которой

стоило ему большого труда. Обширный трудъ его, состоявшій изъ 80 книгъ, обнималъ эпоху отъ начала Рима вплоть до правленія его покровителя Севера Александра (229). Для византійцевъ его работа имѣла то же каноническое значеніе, какое Ливій имѣлъ для римлянъ. Своимъ стилистическимъ образцомъ серьезный историкъ избралъ Ѳукидида; однако, его правильная въ принципѣ теорія, согласно которой всякое углубленіе въ детали, всякое украшеніе несовмѣстимы съ достоинствомъ исторіографіи, привела его къ извѣстной безцвѣтности изложенія; тѣмъ не менѣе, онъ умѣетъ иногда быть увлекательнымъ; сохранившееся изображеніе періода отъ 69 г. до Р. Хр. до 46 г. по Р. Хр. является для насъ однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для освѣщенія этой политически и литературно-исторически выдающейся эпохи.

Эксцерпторы.

Въ своей всемірной исторіи византіецъ Зонара (XII стол.) сохранилъ намъ толково составленные эксцерпты изъ утраченныхъ книгъ Діона, несокращенные фрагменты котораго сохранились также въ обширномъ сборникѣ историческихъ эксцерптовъ, составленномъ по порученію императора Константина Порфиророднаго въ X стол.; этотъ сборникъ распредѣленъ былъ на отдѣлы по содержанію (напр. характеръ, замѣчательныя изреченія, посольства, заговоры противъ монарховъ, военныя хитрости); фрагменты его—изъ 53 книгъ уцѣлѣло только 6—представляютъ собой одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ результатовъ византійскаго собирательнаго трудолюбія.

Антикварное изслѣдованіе.

Мѣстное антикварное изслѣдованіе, идущее наряду съ исторіографіей, конденсировалось въ рядъ географически-историческихъ періегесъ, т.-е. описаній мѣстностей и странъ, знакомившихъ проѣзжающихъ по нимъ любознательныхъ путешественниковъ со всѣми ихъ достопримѣчательностями. Эти описанія, однако, далеки отъ типа нашихъ путеводителей. Такимъ характеромъ отличалась подробная періегеса Эллады, написанная около конца II стол. знаменитымъ нѣкогда, въ наше же время почти пресловутымъ Павсаніемъ изъ Магнесіи. Наша вѣра въ то, что Павсаній, подобно Геродоту, добросовѣстно записываетъ—какъ онъ дѣлаетъ видъ—лично имъ видѣнное во время странствованій изъ одного мѣста въ другое, а также слышанное отъ жрецовъ и проводниковъ туристовъ, совершенно разрушена новѣйшими раскопками. Тѣмъ не менѣе, періегеса Павсанія продолжаетъ служить незамѣнимой основой для пониманія эллинскихъ святилищъ, воскрешенныхъ работой заступа. Разумѣется, Павсаній объѣздилъ Грецію, но премудрость свою онъ заимствуетъ въ главныхъ чертахъ у болѣе древнихъ писателей вродѣ Полемона (стр. 145); въ качествѣ софиста онъ пользуется описаніемъ разныхъ мѣстныхъ достопримѣчательностей, храмовъ и памятниковъ, главнымъ образомъ, для разсказа всякаго рода легендъ и преданій. Тѣмъ не менѣе, если у насъ не было бы Павсанія, мы были бы лишены цѣлой сокровищницы цѣннаго матеріала по искусству, исторіи и легендѣ.—

Характерному для софистовъ стремленію все знать, чтобы обо всемъ говорить, шли навстрѣчу и другіе усердные литераторы, черпавшіе изъ сокровищницы прошлаго все достойное интереса, облекая все это въ болѣе или менѣе искусную форму и преслѣдуя вполнѣ опредѣленную цѣль не только образовать читателя, но и занять его. Наступаетъ пора „овецъ съ золотымъ руномъ“, какъ ихъ остроумно окрестили. Ибо личность большинства этихъ писателей неизвѣстна, во всякомъ случаѣ безразлична; ихъ цѣнность ограничивается древней премудростью, которую они черпали отчасти непосредственно изъ первоисточниковъ, чаще же изъ уже существовавшихъ сборниковъ.

Эліанъ. Характернымъ для всего этого періода является литературное творчество собирателя анекдотовъ Клавдія Эліана, писавшаго въ началѣ III столѣтія. Онъ былъ родомъ изъ Пренесте, но любилъ, когда ему говорили, что онъ пишетъ подобно чистокровному уроженцу Аттики. Въ двухъ своихъ произведеніяхъ („Разсказы изъ міра животныхъ“ и „Смѣшанные разсказы“) онъ безъ опредѣленной системы собираетъ рядъ своеобразныхъ наблюденій изъ жизни животныхъ, особенно въ ихъ общеніи съ человѣкомъ, рядъ характеристикъ и парадоксальныхъ изреченій и оригинальныхъ привычекъ знаменитыхъ людей, серію своеобразныхъ обычаевъ разныхъ народовъ и т. п.

Аѳеней. Писавшій нѣсколько раньше полигисторъ Аѳеней изъ Египта, въ своемъ „Пирѣ софистовъ“, ставилъ себѣ болѣе широкія задачи. Чтобы облечь свою ученость въ болѣе привлекательную форму, онъ воплощаетъ ее въ рядъ застольныхъ бесѣдъ во время пиршества въ Римѣ, въ которомъ принимаютъ участіе выдающіеся представители самыхъ разнообразныхъ профессій. Аѳеней пытается связать эти бесѣды съ блюдами, винами и обычаями стола. Однако, его собесѣдники, точно насыщенныя водой губки, истекаютъ премудростью при малѣйшемъ прикосновеніи. Они съ готовностью выкладываютъ длинныя дословныя цитаты изъ писателей, цѣлые каталоги (отчасти въ алфавитномъ порядкѣ!) рыбъ, овощей, винъ, музыкальныхъ инструментовъ и т. д., или перечисляютъ извѣстныхъ кутилъ и прекрасныхъ гетеръ. Весь трудъ Аѳенея полонъ учености, типичной для лексикона, но изобилуетъ также разными занимательными анекдотами, фрагментами комиковъ, которыхъ Аѳеней усердно эксцерпировалъ; вообще онъ усерднѣе другихъ писателей обращался непосредственно къ древнимъ источникамъ. Поэтому его обширный трудъ является для насъ неисчерпаемымъ источникомъ самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній. Онъ выясняетъ намъ безчисленное множество деталей греческой частной жизни, онъ же сохранилъ намъ большинство фрагментовъ новой комедіи.

Геллій. Аѳенею можно противопоставить римскаго писателя А. Геллія, съ его „Аттическими ночами“ (написанными около 170 года); въ нихъ

мы находимъ отраженіе круга мыслей и литературнаго направленія фронтоніанцевъ (стр. 705) Геллій былъ настоящимъ книгоромъ, выписывавшимъ безъ разбора и вкуса все, что его интересовало въ прочитанныхъ имъ книжныхъ свиткахъ. Ему не пришло въ голову объединить свои эксцерпты общей рамкой связывающаго разсказа. Принявшись за ихъ отдѣлку въ досужій годъ, который онъ проводилъ для довершенія своего образованія въ Аттикѣ, онъ нанизалъ ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ нашелъ ихъ въ своихъ записяхъ. Впрочемъ, иногда онъ пытается перевоплотить эти замѣтки въ форму бесѣды, рѣчи или разсказа о какомъ либо событіи (напр. покупка книгъ у антиквара). Рядомъ со всякаго рода любопытными мелочами мы встрѣчаемъ у Геллія цѣнныя свѣдѣнія изъ всѣхъ областей знанія.

Макробій.

Около 400 года знатный римлянинъ Макробій пишетъ по образцу Аѳенея бесѣды во время „Сатурналій", рисующія намъ общеніе ученыхъ этой поздней эпохи. Первую роль играетъ Вергилій, и въ связи съ нимъ обсуждаются разные научные вопросы. Характерно, что Макробій систематически умалчиваетъ объ источникахъ, которыми онъ пользуется, благосклонно цитируя только древнѣйшихъ авторовъ, на которыхъ ссылаются его же источники, чтобы блеснуть своей ученостью.

Марціанъ Капелла.

Наконецъ, около 430 года въ сѣверной Африкѣ возникла обширная энциклопедія Марціана Капеллы. Онъ примыкалъ къ Варрону, у котораго заимствовалъ, между прочимъ, и смѣшеніе прозы со стихами. Форма его Энциклопедіи лишена всякаго вкуса, празднуется „свадьба Меркурія съ филологіей", и семь наукъ приносятъ имъ свои дары. Сухая характеристика отдѣльныхъ дисциплинъ составляетъ крайне неудачный контрастъ съ вычурной, безконечно словообильной аллегоріей. Тѣмъ не менѣе, эта неудачная книга пользовалась широкой популярностью въ средніе вѣка. Изъ нея школа заимствовала „семь свободныхъ искусствъ" (стр. 415).

Лукіанъ.

Совершенно особое положеніе занимаетъ самый остроумный и многосторонній писатель всего этого періода, котораго можно сравнить съ Вольтеромъ и Виландомъ,—Лукіанъ изъ Самосаты (около 120—позднѣе 180). Благодаря своему дарованію и судьбѣ, онъ, какъ никто другой, былъ способенъ нарисовать картину своего времени, полнаго контрастовъ; онъ ее рисуетъ въ карикатурномъ искаженіи, но остроуміе и граціозная прелесть его стиля не утратили своей привлекательности и понынѣ. Онъ читается подобно современному фельетонисту, увлекательно бесѣдующему на какую-угодно тему.

Образованіе.

Предназначенный въ скульпторы, Лукіанъ убѣгаетъ изъ дома своего дяди, которому онъ былъ отданъ въ обученіе, спасаясь отъ ударовъ, и избираетъ профессію софиста. Во время своихъ странствованій, Лукіанъ, несмотря на рядъ блестящихъ успѣховъ, убѣждается во внутренней пустотѣ современнаго искусства краснорѣчія, и обращается въ Аѳинахъ къ философіи. Однако, и она привлекаетъ его не надолго, и только еще больше углубляетъ его сомнѣнія. „Презирать всѣ ложныя умозаключенія мудрецовъ, научиться умѣнью наслаждаться моментомъ, проходя мимо всего смѣясь и ни во что не углубляясь"—вотъ въ чемъ истинная мудрость, шепчетъ ему на ухо Менипп въ преисподней. Въ это время Лукіанъ пишетъ свои лучшіе діалоги. Впослѣдствіи онъ снова возвращается къ реторикѣ и кончаетъ жизнь вліятельнымъ чинов-

никомъ съ большимъ жалованьемъ въ Египтѣ. Лукіанъ не упускаетъ случая оправдать эти свои метаморфозы Протея въ юмористической формѣ. Онъ очень мило описываетъ въ своемъ „Снѣ“ тотъ рѣшительный часъ своей юности, когда искусство ваявія и наука спорятъ изъ за новаго „Геракла на перекресткѣ“; въ Нигринѣ поэтъ описываетъ свой первый энтузіазмъ къ философіи. Въ „Дважды осужденномъ“ онъ стоитъ передъ судебнымъ трибуналомъ между реторикой, жестоко укоряющей отступника, и діалогомъ, не особенно благодарнымъ новому поклоннику за свое преобразованіе.

Характеристика.

Какъ семитъ, Лукіанъ съ живой чуткостью ко всякаго рода впечатлѣніямъ соединялъ неутомимую активность въ ихъ переработкѣ и использованіи. Этимъ путемъ онъ пріобрѣтаетъ сокровище постоянно готоваго знанія, ограждавшее его отъ узкой односторонности, правда, съ другой стороны, лишавшее его большой углубленности. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ современниковъ, у которыхъ саркастическая мысль постоянно была наготовѣ и которые (подобно Гейне) съ трудомъ ее умалчивали. Широкіе круги читателей обыкновенно мало знаютъ о способности древнихъ къ веселому остроумію; у Лукіана они найдутъ богатый источникъ его, хотя та соль, которой проникнута его рѣчь, уже не аттическая. Своимъ проницательнымъ взоромъ Лукіанъ видѣлъ коренное зло своей эпохи: роскошь, безнравственность, господство суевѣрія и ханжества, въ контрастъ между надутымъ самодовольствомъ и внутренней пустотой; все это онъ рисуетъ то съ веселымъ задоромъ, то съ ѣдкимъ сарказмомъ. Онъ выставляетъ людей во всей ихъ наготѣ и ничтожествѣ, точно передъ судьей преисподней. Лукіанъ принадлежитъ къ числу людей, въ которыхъ постоянно живъ духъ отрицанія, которые только разрушаютъ, а не созидаютъ. Онъ даже не пытается создать себѣ опредѣленное міровоззрѣніе. Мы въ немъ не видимъ и слѣда того спокойнаго превосходства, съ которымъ Горацій взираетъ на мірскую суету вокругъ себя. Ни неисчерпаемость его фантазіи, ни легкость, съ которой онъ охватываетъ самый разнородный матеріалъ и господствуетъ надъ нимъ, неспособны скрыть отъ насъ этой его коренной особенности.

Діалоги.

Литературнымъ созданіемъ Лукіана, которымъ онъ немало гордился, является сатирическій діалогъ; въ немъ соединяются „Платонъ и Аристофанъ, глубина философіи и смѣхъ комедіи“. Эта художественная форма находитъ себѣ и въ византійскій періодъ, и въ эпоху Возрожденія, и среди французовъ и нѣмцевъ XVII и XVIII стол. безчисленныхъ подражателей. Вообще, Лукіанъ подобенъ пчелѣ—поэтъ самъ употребляетъ это сравненіе,—собирающей медъ съ цвѣтовъ всѣхъ нивъ и луговъ. Но сознаніе того, что многое изъ того, чѣмъ Лукіанъ возбуждаетъ нашъ смѣхъ и восхищеніе, представляетъ изъ себя наслѣдіе полутысячелѣтія (Платоновскій діалогъ, древняя и новая комедія, сатира Менинна), не должны нарушать наслажденія читателя. Лукіанъ ясно

доказалъ своимъ вліяніемъ на позднѣйшія поколѣнія всю самобытность своего творчества.

Это вліяніе въ значительной степени объясняется плѣнительной красотой его языка. Этотъ сиріецъ, который долженъ былъ, по всей вѣроятности, сначала выучиться греческому языку и поэтому имѣлъ бы основаніе писать бумажнымъ стилемъ, одаренъ въ смыслѣ языка чѣмъ то вродѣ геніальности Аристофана; въ его рѣчи насчитываютъ больше 10000 разныхъ словъ. Откуда эта естественность его языка, которая сразу очаровываетъ читателя и надолго плѣняетъ его? Она имѣетъ свои корни, конечно, не только въ аттическомъ языкѣ, которымъ и Лукіанъ, разумѣется, стремился писать, несмотря на всѣ свои насмѣшки надъ строгими аттицистами,—ея основа въ презираемомъ другими писателями разговорномъ языкѣ, на который неизбѣжно наталкивала Лукіана форма діалога. Онъ пытается очистить и облагородить разговорный языкъ по аттическому образцу, не нарушая его задорной свѣжести. Многочисленныя поговорки также придаютъ языку Лукіана народный колоритъ, богатство же поэтическихъ и комическихъ картинъ и сравненій увеличиваютъ его обаяніе. Языкъ.

Лукіану приписываютъ 82 мелкихъ произведенія. Изъ нихъ можно извлечь много интереснаго; мы ограничимся лишь немногими намеками. Господствующее суевѣріе давало Лукіану поводъ облечь свои разсказы въ весьма юмористическую форму. Онъ не ограничивается землей, а ведетъ насъ то на небеса, то въ преисподнюю. Весь міръ боговъ кажется существующимъ только для того, чтобъ быть осмѣяннымъ въ задорныхъ травестіяхъ (подобно Оффенбаху). Главной же цѣлью автора всегда остается осмѣяніе пороковъ человѣчества. Содержаніе.

Къ обнищавшему человѣконенавистнику „Тимону“, который, ропща на боговъ, обрабатываетъ свое поле, Зевсъ посылаетъ богатство; Тимонъ принимаетъ его крайне неохотно. Тотчасъ возвращаются всѣ невѣрные друзья Тимона, способствовавшіе раньше его разоренію; но онъ ихъ выгоняетъ лопатой.—Когда почтенный сапожникъ Микиллъ бранитъ своего „Пѣтуха“, внезапно пробуждающаго его отъ сладкаго сна, который ему снился о золотѣ и богатствѣ, послѣдній объявляетъ къ безграничному удивленію сапожника, что въ немъ поселилась душа Пиѳагора; пѣтухъ исцѣляетъ Микилла отъ его жадности къ деньгамъ, обнаруживая передъ нимъ тревожную и несчастливую жизнь его богатыхъ сосѣдей, которымъ всѣ завидуютъ.—Въ трактатѣ „Какъ писать исторію“ Лукіанъ особенно ѣдко осмѣиваетъ современныя ему теченія интеллектуальной жизни, напр., несовершенство и льстивость исторіографіи. Въ своихъ „Дѣйствительныхъ исторіяхъ“, фантастичномъ странствованіи по морямъ и воздуху, приводящемъ на острова блаженныхъ, истинную землю преизобилія и счастья, Лукіанъ превосходитъ всѣ фантастическіе романы, описывающіе путешествія.—Въ „Реторической школѣ“ авторъ поучаетъ любознательнаго юношу тому, что невѣжество и нахальство—самые надежные пути, ведущіе къ славѣ. Хуже всего достается философамъ. Въ „Аукціонѣ философовъ“ ихъ продаютъ съ торговъ подобно рабамъ, въ „Рыбакѣ“ надъ ними происходитъ судъ на акрополѣ, при чемъ самыхъ алчныхъ въ концѣ ковцовъ ловятъ на удочку золотой приманкой, чтобы покарать ихъ заслуженнымъ образомъ. Въ „Икаромениппѣ“ Менипп, раздосадованный споромъ философовъ о высшихъ вопросахъ, сооружаетъ себѣ—совершенно по-современному—летательную машину и возносится къ Зевсу,

чтобы узнать отъ него истину. Она остается скрытой для Менинпа, но онъ присутствуетъ на собраніи боговъ, въ которомъ Зевсъ постановляетъ уничтожить слѣдующей весной – ибо зимой вѣдь грозъ не бываетъ – своей молніей всю толпу богохульствующихъ философовъ. Съ тою же цѣлью Менипиъ спускается въ преисподнюю. Здѣсь при „Переправѣ“ въ лодкѣ Харона наступаетъ гранъ, когда всякое мнимое счастье разбивается, когда смерть уравниваетъ права всѣхъ людей, къ утѣшенію бѣдныхъ и ужасу власть имущихъ. „Діалоги мертвыхъ“, въ которыхъ передъ нами проходитъ пестрый рядъ великихъ мыслителей прошлаго въ непринужденной бесѣдѣ, представляютъ изъ себя цѣлую сокровищницу остроумія и сатиры, вдохновлявшую писателей вплоть до Гете („Боги, герои и Виландъ“). Особенно удачно рѣшеніе угрюмаго Харона взять на одинъ день отпускъ, чтобы взглянуть на міръ, разлуку съ которымъ мертвецы такъ горько оплакиваютъ. Сопровождаемый Гермесомъ, онъ съ высоты горы взираетъ, покачивая головой, на безумную мірскую суету, въ которой никто не помнитъ о Харонѣ, т. е. о смерти.

Софистика IV в.

Греческая софистика переживаетъ на Востокѣ въ IV столѣтіи позднійперіодъ расцвѣта. Послѣ подъема философіи въ III столѣтіи формальное образованіе благодаря реторикѣ снова становится господствующей мощью. Ибо старыя художественныя формы наполняются новымъ, глубокимъ содержаніемъ, соотвѣтствующимъ серьезному духу времени. Онѣ служили немногимъ представителямъ язычества или тѣмъ, кто (подобно Юліану) стремился воскресить его, орудіемъ борьбы противъ христіанства, облегчаемой знакомствомъ съ философіей. Но и выдающіеся отцы церкви, такъ же, какъ ихъ позднѣйшіе противники, были учениками софистовъ, и Іоаннъ Златоустъ писалъ болѣе чистымъ аттическимъ языкомъ, чѣмъ его знаменитый учитель Либаній (314—393). Этотъ главный представитель позднѣйшей софистики игралъ въ своемъ родномъ городѣ Антіохіи крупную роль. Онъ чувствовалъ себя чистымъ эллиномъ и оставался по убѣжденію язычникомъ и горячимъ сторонникомъ императора Юліана, внезапная кончина котораго доставила ему неутѣшное горе. Кромѣ многочисленныхъ реторическихъ упражненій, онъ оставилъ послѣ себя 68 рѣчей, посвященныхъ богамъ, императорамъ, городамъ, современнымъ событіямъ, неурядицамъ въ Антіохіи и т. п.; его 1600 писемъ, касающіяся крупныхъ, мелкихъ и мелочныхъ вопросовъ, полны поучительныхъ свѣдѣній о современной эпохѣ и ея исторіи. Ими еще богаче произведенія императора Юліана (331—363), которыя совершенно справедливо сравнивались съ публицистическимъ творчествомъ Фридриха Великаго. Оба монарха отличались мужественностью, и были способны защищать свое дѣло и перомъ, и мечомъ. Перерожденіемъ своего внутренняго міра Юліанъ былъ обязанъ философіи; въ своемъ литературномъ творчествѣ онъ является въ полной мѣрѣ софистомъ. Его рѣчи, полемическіе трактаты, эдикты и письма, бѣгло набросанные въ немногіе часы досуга, не выдерживаютъ сравненія съ аттическимъ искусствомъ стиля его образцовъ (особенно Лукіана); но они далеко превосходятъ ихъ глубиной

Либаній.

Юліанъ.

и серьезностью содержанія. Юліанъ, какъ императоръ, имѣлъ основаніе вѣрить въ осуществленіе воодушевлявшихъ его идей. Его сочиненіе, направленное противъ христіанъ, мы знаемъ исключительно по отвѣтному сочиненію Кирилла. Письма Юліана свидѣтельствуютъ о его воодушевленіи всѣмъ возвышеннымъ, о его романтизмѣ, мечтательности и способности къ горячей дружбѣ. Та полу-шутливая, полу-серьезная характеристика самого себя, которой Юліанъ въ своихъ „Ненавистникахъ бороды“ защищается отъ антіохійцевъ, высмѣивавшихъ въ памфлетахъ его бороду философа и аскетическій образъ жизни, далеко не царственна, но въ высшей степени характерна для оригинальной личности Юліана. Въ своемъ „Пирѣ“ Юліанъ рисуетъ, въ стилѣ Сенеки (стр. 668 слл.), небесныя Сатурналіи, на которыхъ приглашенные римскіе императоры подвергаются строжайшей критикѣ.

Рис. 244. ЮЛІАНЪ. Ср. Imhoof-Blumer, Porträtköpfe auf ant. Münzen, табл. 4, 119.

Изъ числа послѣднихъ выдающихся горожанъ-римлянъ мы назовемъ Кв. Авреліи Симмаха (около 345—405), знаменитаго своими торжественными и сенатскими рѣчами, и также убѣжденнаго сторонника старой религіи. Въ своихъ тщательно стилизованныхъ письмахъ онъ подражаетъ Плинію; бо́льшаго интереса заслуживаютъ его должностные отчеты, которые онъ представлялъ императору въ качествѣ городского префекта, особенно его убѣжденная защита языческихъ институтовъ, которую онъ влагаетъ въ уста самой Ромы. Съ нимъ полемизировалъ Амвросій. Симмахъ

12. НАУКИ

Возрожденіе эллинизма во II столѣтіи отражается и на наукахъ, тогда какъ римляне, работавшіе въ эту эпоху надъ величественнымъ зданіемъ своей юриспруденціи, въ другихъ областяхъ не создаютъ ничего оригинальнаго. Однако, творческая продуктивность изсякаетъ и у грековъ, свободное интеллектуальное созиданіе уступаетъ мѣсто механической работѣ. Чѣмъ сильнѣе падала образованность, тѣмъ больше знаніе черпалось изъ вторыхъ и третьихъ рукъ. Нѣкоторое время еще господствовало стремленіе выказывать глубокую ученость обильнымъ употребленіемъ списанныхъ цитатъ; впослѣдствіи же ограничивались только самымъ необходимымъ. Наступаетъ пора исключительнаго господства коллективныхъ трудовъ, о которыхъ мы упоминали выше (стр. 708), краткихъ руководствъ, справочныхъ книгъ, лексиконовъ, размѣры которыхъ все больше ограничивались. Во II столѣтіи мы имѣемъ еще богатыя содержаніемъ произведенія Птолемея и Галена; въ большинствѣ же случаевъ до насъ дошли только конечныя звенья длиннаго ряда; и здѣсь, такъ же, какъ въ области исторіографіи (стр. 710), современная наука Общая картина.

изощряется установить на основаніи этой поблѣднѣвшей и искаженной формы древнѣйшіе первоисточники.

Филологія. Ходъ процесса стяженія въ компендіи научныхъ трудовъ яснѣе всего виденъ въ филологіи (стр. 149 слл.), сохранившіяся поздніе произведенія которой продолжали служить источникомъ разнообразныхъ свѣдѣній для современныхъ людей и позднѣйшихъ поколѣній. Интересъ къ литературѣ ослабѣваетъ. Кругъ писателей и ихъ читавшихся произведеній, признанныхъ почему-либо образцовыми, все больше суживается. Постепенно происходитъ тотъ выборъ литературныхъ

Рис. 423. БИБЛІОТЕКА АДРІАНА ВЪ АѲИНАХЪ.
Съ фотографіи.
Сохранилась сѣверная часть западной стороны этой квадратной постройки. Каннелированная колонна направо составляла часть портика, открывавшагося здѣсь на западной сторонѣ. Съ украшеніемъ колоннъ сравни форумъ Нервы въ Римѣ (рис. 325) и храмъ Вакха въ Баальбекѣ (рис. 362).

произведеній, который сохранился до насъ въ рукописяхъ. Но многочисленныя находки папирусовъ литературнаго содержанія, о которыхъ мы уже имѣли случаи многократно упоминать, свидѣтельствуютъ о томъ, что кругъ читаемыхъ книгъ въ небольшихъ провинціальныхъ городкахъ часто бывалъ гораздо шире, чѣмъ въ столицѣ. Многія сокровища вплоть до поздняго времени хранились въ библіотекахъ, и мы благословляемъ память константинопольскаго патріарха Фотія, имѣвшаго Фотій. полезную мысль составить въ своей „Библіотекѣ“ обзоръ содержанія 280 книгъ (IX стол.). Мы пользуемся случаемъ, чтобъ еще разъ напомнить о Константиновскихъ эксцерптахъ (стр. 709).

Съ упадкомъ живой образованности растетъ потребность въ комментирующихъ трудахъ. Рядомъ съ комментаріями къ греческимъ писателямъ возникаютъ менѣе содержательныя латинскія схоліи. Комментарій Сервія (V стол.) къ Вергилію представляетъ изъ себя громадную сокровищницу учености эпигоновъ. Исторія литературы также живетъ наслѣдіемъ прошлаго. Для исторіи римской литературы прочное основаніе было заложено Светоніемъ (стр. 706). Греки не создаютъ ничего выдающагося; еще въ V стол. новоплатоникъ Проклъ издаетъ въ своей „Хрестоматіи“ очеркъ поэтики и исторіи литературы въ античномъ смыслѣ слова; мы не можемъ предъявлять къ ней требованія органическаго изслѣдованія литературы на исторической основѣ. Схоліи. Проклъ.

Для пониманія поэтовъ необходимы были Миѳографическія руководства. „Библіотека“ такъ-называемаго Аполлодора, которую мы теперь имѣемъ почти въ полномъ видѣ, представляетъ изъ себя безпритязательный, но цѣлесообразный школьный учебникъ II столѣтія, источникъ многихъ традиціонныхъ у насъ версій легендъ. Той же цѣли служили у римлянъ басни такъ-называемаго Гигина, состоявшія изъ самыхъ разнообразныхъ частей и не представляющія изъ себя цѣльнаго разсказа. Миѳографы.

Въ это же столѣтіе оживляется интересъ къ грамматикѣ. Аполлоній Дисколъ (что значитъ угрюмый) изъ Александріи создастъ основы греческаго синтаксиса, оставшіяся образцовыми для послѣдующихъ временъ. Сынъ его Геродіанъ былъ законодателемъ греческой „просодіи“, т.-е. ученія объ удареніи, придыханіи и долготѣ и краткости, которое авторъ излагаетъ съ добросовѣстностью знатока въ безчисленномъ множествѣ правилъ и примѣчаній. И римляне продолжаютъ интересоваться роднымъ языкомъ. Ихъ очень обширные труды часто не имѣютъ самостоятельной цѣнности, но тѣмъ бо́льшее культурно-историческое значеніе. Они служили учебникомъ латыни всему средневѣковью, въ особенности небольшой трудъ объ искусствѣ рѣчи Элія Доната (около 350 г.). Въ это же время Ноній Марцеллъ самъ эксцерпируетъ писателей для своего обширнаго сборника глоссъ, сохранивъ намъ, такимъ образомъ, цѣнные фрагменты. Грамматика.

Наступаетъ пора словарной учености, при чемъ словарь и энциклопедія еще не разграничиваются. Въ I столѣтіи существовалъ рядъ подробныхъ словарей (въ античномъ смыслѣ слова, ср. стр. 151) къ Гомеру, трагикамъ и комикамъ. Во II столѣтіи къ нимъ присоединяется наплывъ словарей аттицистовъ (стр. 701), которые подобно Фриниху создавали „софистическое вооруженіе“ для ораторовъ и писателей, или собирали подобно Поллуксу въ его „Ономастиконѣ“ аттическія выраженія для разнородныхъ предметовъ, группируя ихъ по матеріалу. Ему мы въ значительной мѣрѣ обязаны нашими свѣдѣніями объ аѳинской государственной жизни, о театрѣ, о музыкальныхъ инструментахъ. Словари.

Около 50 года послѣ Р. Хр. Памфилъ объединяетъ ученость своихъ предшественниковъ въ словарѣ, озаглавленномъ „Лугъ". Съ этой норы начинается процессъ суженія и оскудѣнія, послѣдніе результаты котораго все еще богаты цѣннымъ для насъ матеріаломъ. Сюда относятся: сборникъ замѣчательныхъ чтеній и рѣдкихъ выраженій Гесихія (VI стол.) и произведеніе X стол. Свиды, въ которомъ преобладаютъ реальныя свѣдѣнія. Свида является для насъ необходимымъ античнымъ литературнымъ лексикономъ, хотя онъ безъ всякой критики смѣшиваетъ и сокращаетъ извѣстныя ему біографическія данныя.

Математика. Точныя науки также даютъ картину старческаго упадка; онѣ свидѣтельствуютъ въ большинствѣ случаевъ только о книжной учености, а не о самостоятельномъ изслѣдованіи. Математика совершаетъ шагъ впередъ въ лицѣ Діофанта (III стол.). Онъ освобождаетъ алгебру отъ узъ геометрической формы (стр. 154), поражая даже современнаго математика виртуозностью рѣшенія сложныхъ уравненій. Цѣнность же компилятивнаго труда Паппа ограничивается, главнымъ образомъ, сохраненіемъ прежде пріобрѣтеннаго. Новоплатоники (среди нихъ извѣстная ученая Гипатія въ Александріи) продолжаютъ посвящать себя математическимъ изслѣдованіямъ.

Птолемей. Въ Александріи же послѣ 150 года возникли труды многосторонняго Клавдія Птолемея, объединявшіе все знаніе его времени о небесахъ и землѣ. Его астрономія, которую арабы и понынѣ называютъ „Альмагестъ" (ἡ μεγίστη т.-е. βίβλος), основывается главнымъ образомъ на Гиппархѣ (стр. 155), но богата и личными наблюденіями. Его теорія о центральномъ положеніи земли во вселенной—„Птолемеевская система"—становится на полтора тысячелѣтія символомъ вѣры. Его географія перечисляетъ для созданія картъ не менѣе 8000 названій съ опредѣленіемъ градусовъ широты и долготы, правда, не основанныхъ въ большинствѣ случаевъ на астрономическихъ измѣреніяхъ.

Естествовѣдѣніе. Естествовѣдѣніе находилось въ болѣе печальномъ состояніи (стр. 156). Зоологія совершенно вырождается, подобно тому, какъ мы это видѣли у Эліана (стр. 710), въ анекдоты и разсказы о чудесахъ. Возникшій уже во II стол. въ Александріи „Физіологъ" состоялъ изъ своеобразныхъ разсказовъ и описаній дѣйствительныхъ и фантастическихъ животныхъ; онъ принадлежалъ въ средніе вѣка къ числу самыхъ популярныхъ и многократно переводившихся книгъ и имѣлъ, между прочимъ, вліяніе на символическія изображенія животныхъ въ христіанскомъ искусствѣ (пеликанъ, фениксъ, единорогъ). Ботаникой интересовались, поскольку она оказывала услуги медицинѣ. Ей мы обязаны сочиненіемъ Діоскурида (при Неронѣ) о растеніяхъ, дающимъ описаніе 600 цѣлебныхъ растеній и замѣчательнымъ своими сохранившимися рисунками.

Медицина.

Врачебное искусство. Греческій богъ врачеватель, Асклепій почитался въ Римѣ уже съ 293 г. до Р. Хр.; греческіе врачи появляются позднѣе, но очень быстро пріобрѣтаютъ высокую славу; дѣло въ томъ, что растущая изнѣженность вызывала все бо̀льшую потребность въ врачахъ, искусство которыхъ становилось все болѣе доходнымъ. При Августѣ императорскій лейбъ-медикъ получалъ содержаніе въ 250000 сестерцій (50000 мар.), а доходъ популярнаго городского врача простирался до 600000 сестерцій. Въ столицѣ большинство докторовъ были малоазіатскіе греки, очень знающіе и въ высокой степени образованные люди, тогда какъ дѣятельность римлянъ была незначительна. Поэтому многочисленные труды, сохранившіеся начиная со II столѣтія, всѣ написаны на греческомъ языкѣ (ср. о Цельсѣ стр. 685). Современная филологія изучаетъ ихъ съ увлеченіемъ, добывая изъ ихъ анализа цѣнныя свѣдѣнія; ибо они не только замѣняютъ намъ соотвѣтственную литературу александрійцевъ (стр. 158), но рисуютъ и вѣрную картину культуры эпохи. Какъ интересно, напр., сопоставленіе предписаній здороваго образа жизни, который даетъ Діоклъ въ IV стол. до Р. Хр. съ предписаніями Аѳенея (ом. ниже) въ началѣ періода имперіи. Древняя простота исчезла, столица съ ея изысканнымъ столомъ и удовольствіями вызываетъ, подобно нашему времени, необходимость въ предосторожностяхъ, разумной діэтѣ и физическомъ уходѣ; однако, общая развращенность нравовъ отнюдь не достигла тѣхъ предѣловъ, которые рисуютъ преувеличенія сатирической поэзіи и сенсаціонные исключительные случаи, подававшіе поводъ къ скороспѣлымъ выводамъ (ср. стр. 494 и 657).

Асклепіадъ.

О новой струѣ жизни въ наукѣ свидѣтельствуетъ возникновеніе двухъ школъ, которыя основываются на философскихъ системахъ (ибо античная медицина никогда не порывала своей связи съ философіей), благодаря чему, однако, онѣ нерѣдко входятъ въ противорѣчія съ природой и преграждаютъ себѣ путь къ реальному познанію. Виѳинецъ Асклепіадъ, другъ оратора Красса (ум. въ 91 г. до Р. Хр.), кладетъ въ основу своей корпускулярной теоріи ученіе объ атомахъ. Онъ полагалъ, что человѣческое тѣло составлено изъ безчисленныхъ мелкихъ частицъ, движеніе которыхъ совершается по полымъ трубчатымъ каналамъ, находящимся между ними, при чемъ для свободно существующей души уже не оставалось мѣста. Асклепіадъ былъ раньше реторомъ, его ловкость и знаніе людей скрывали недостатки его знаній, и онъ пріобрѣтаетъ въ Римѣ великую славу. Искусство его шарлатанства доходитъ до того, что онъ инсценируетъ даже воскрешеніе мертваго. Одинъ изъ его учениковъ, Ѳемисонъ былъ основателемъ методической школы, объяснявшей всѣ заболѣванія суженіемъ или ослабленіемъ вышеупомянутыхъ „каналовъ“, и пренебрегавшей вслѣдствіе этого особенностями и симптомами болѣзней. Главнымъ предста-

Методическая школа

телемъ этой школы въ эпоху Адріана былъ Сорапъ, изслѣдованія котораго по гинекологіи и разумныя предписанія помощи при родахъ и перваго ухода за новорожденными дѣтьми даютъ намъ живое представленіе о римской комнатѣ родильницы и дѣтской.

Пневматическая школа.

Основателемъ пневматической школы былъ Аѳеней изъ Атталеи, человѣкъ очень тонкаго ума, современникъ Сенеки (ум. въ 65 году), ясно отдававшій себѣ отчетъ въ недостаткахъ своего времени; стремясь къ ихъ искорененію, онъ требовалъ посвященія молодежи во врачебное искусство и гигіену, требованіе, которое снова начинаютъ ставить и въ наше время. Его физіологія примыкала къ модной стоической философіи. Онъ видѣлъ въ pneuma, дыханіи жизни, проникающемъ все человѣческое тѣло, элементъ, поддерживающій жизнь, въ сердцѣ же, наполненномъ кровью и pneuma,—средоточіе души. Отъ нормальнаго смѣшенія (евкразіи) въ организмѣ четырехъ основныхъ элементовъ, холоднаго, теплаго, сухого и влажнаго зависитъ здоровье. Ясно, что оно лучше всего сохраняется профилактическими средствами, т.-е. цѣлесообразной діэтой, соотвѣтственнымъ возрасту и полу, образомъ жизни, свѣжимъ воздухомъ, растираніями и купаньемъ. Значеніе пневматиковъ коренится въ замѣчательныхъ предписаніяхъ, которыми Аѳеней и его послѣдователи урегулировали діэтетику. Ихъ ошибочная теорія не мѣшала имъ дѣлать глубокія наблюденія надъ отдѣльными болѣзнями и ихъ симптомами.

Галенъ.

И въ медицинѣ премудрость древнихъ и новыхъ школъ усердно компилируется. Самымъ выдающимся среди этихъ компиляторовъ былъ Галенъ изъ Пергама (129—200), жившій впослѣдствіи долгое время въ Римѣ. Какъ человѣкъ онъ былъ тщеславнымъ карьеристомъ, какъ писатель грѣшилъ несносной словоохотливостью и болтливостью, но былъ, тѣмъ не менѣе, разносторонне образованнымъ и искуснымъ врачемъ, который въ отчетахъ изъ своей практики рисовалъ живыя картины быта.

Онъ написалъ болѣе 250 сочиненій, среди нихъ философскія и филологическія, и около 150 медицинскихъ, изъ числа которыхъ до насъ дошло 80. Они обнимаютъ всѣ вѣтви врачебнаго искусства. Галенъ успѣшно старается поднять уровень общаго образованія врачей и живѣе возбудить въ нихъ научный интересъ, что было очень необходимо. Онъ самостоятельно способствуетъ, главнымъ образомъ, развитію анатоміи, прибѣгая, правда, только къ опытамъ и вивисекціи надъ животными, ибо секція человѣческихъ труповъ давно была отвергнута даже въ Александріи (стр. 158). Галенъ подробно описываетъ строеніе и функціи отдѣльныхъ органовъ, болѣзни и методы исцѣленія, при чемъ его наблюденія и опыты, правда, находятся въ зависимости отъ всесильной теоріи. Онъ даетъ цѣлесообразныя указанія гигіены для разныхъ возрастовъ и доказываетъ возможность и необходимость здороваго образа жизни даже среди суеты столицы. Ученіе о цѣлебныхъ средствахъ съ теченіемъ времени приняло очень сложный характеръ. Специфическая цѣлебная сила многихъ растеній, напр. маковаго сока, давно была изслѣдована: однако, при описаніи многочисленныхъ микстуръ и способовъ лѣченія насъ пробираетъ холодъ. Пресловутый теріакъ, противоядіе и впослѣдствіи

панацея противъ всякаго рода заразы, приготовлялся изъ 70 разныхъ составныхъ частей (среди нихъ печеныя змѣи).

Орибасій. Вплоть до VII стол. составлялись руководства и справочники для практическаго употребленія; самымъ обширнымъ среди нихъ была „Энциклопедія для врачей“ Орибасія, лейбъ-медика Юліана. Въ теченіе всего средневѣковья Галенъ игралъ на Востокѣ и на Западѣ роль такого же неоспоримаго авторитета, какъ Птолемей въ астрономіи; всѣ его теоріи, напр., древняя гуморальная теорія и ученіе о pneuma оставались непоколебимыми.

Юридическія науки. Національное право народа представляетъ изъ себя двоякую культурно-историческую цѣнность: въ немъ заложены практическія основы жизни съ одной стороны, съ другой—оно отражаетъ подобно религіи, языку и литературѣ, интеллектуальный, нравственный и соціальный обликъ народа. Наконецъ, право, созданное римлянами, интересно еще съ третьей точки зрѣнія; съ XV стол. оно служитъ основой развитія права и юридическихъ наукъ у всѣхъ современныхъ культурныхъ народовъ. Ни въ одной другой области, даже въ вѣкъ германскаго государственнаго законодательства, мы не стоимъ подъ такимъ непосредственнымъ вліяніемъ римскаго государства. Этому способствовали настолько же практическое направленіе ума римлянъ, ихъ правосознаніе и логическія способности, насколько благопріятность внѣшнихъ условій. Латинскій сельскій городокъ разросся во всемірное государство, и съ 212 г. по Р. Хр. всѣ свободные провинціалы становятся римскими гражданами, зависимыми отъ всеобщаго господствующаго права и приговора императора, несмотря на то, что на востокѣ и греческое право сохраняетъ свою независимость (ср. стр. 25), въ чемъ насъ убѣждаетъ изученіе папирусовъ. Римское же право приспособлялось въ свободной дальнѣйшей эволюціи къ прогрессирующему развитію государства; законодательство и правосудіе представляютъ изъ себя одну изъ свѣтлѣйшихъ сторонъ эпохи имперіи.

Императоръ. Императоръ являлся непосредственнымъ или посредственнымъ единымъ законодателемъ и судьей, даже если сенатъ постановлялъ законы и судъ отправляли его чиновники. Каждый изъ нихъ, не исключая и всякаго гражданина, могъ въ юридическомъ вопросѣ или дѣлѣ обратиться къ императору. Его общіе эдикты, его декреты и рескрипты, относившіеся къ отдѣльнымъ случаямъ, объединенные подъ общимъ названіемъ „constitutiones“, имѣли силу закона. Императоръ „привилегировалъ“ тѣхъ изъ юристовъ, заключеніе (responsa) которыхъ имѣло обязательную силу. Адріанъ поручаетъ (до 129 г.) Сальвію Юліану собрать и пересмотрѣть всѣ эдикты преторовъ, дополнявшіе до этой поры древнее право (стр. 404) и приспособлявшіе его къ новымъ требованіямъ, въ одинъ edictum perpetuum, который от-

нынѣ комментируется съ тѣмъ же усердіемъ, какъ раньше законы двѣнадцати таблицъ.

Расцвѣтъ II в. Съ Юліаномъ наступаетъ продуктивное столѣтіе великихъ юристовъ, пользовавшихся въ качествѣ высшихъ чиновниковъ, довѣренныхъ совѣтчиковъ императоровъ, уже при жизни высшимъ почетомъ; къ нимъ принадлежатъ: Эмилій Папиніанъ, другъ юности Септимія (193—211), слава перваго римскаго юриста котораго никѣмъ не оспаривалась, Домитій Ульпіанъ и Юлій Павелъ при Северѣ Александрѣ (222—235). Въ сторонѣ стоялъ Гай (въ правленіе Антонина Пія), „Institutiones“ котораго впервые объединили всѣ области юриспруденціи (личное, вещное право и процессъ); онѣ не утратили значенія и въ наше время, какъ образцовое введеніе въ изученіе права. Эти люди были создателями римской юриспруденціи. Ея живая сила коренилась въ практическихъ основахъ ея, въ выведеніи общихъ юридическихъ понятій и опредѣленныхъ нормъ изъ безчисленнаго множества единичныхъ случаевъ, понятій и правилъ. Результатомъ являлась строго детальная, опредѣленно специфицированная система и образцовая техника юридическаго мышленія и разсужденія.

Рис. 426. ШЕСТВІЕ ЮСТИНІАНА СО СВИТОЙ ВЪ КРЕСТНОМЪ ХОДѢ.
Мозаика изъ S. Vitale въ Равеннѣ.
Съ фотографіи.
Направо отъ императора св. Максиміанъ о чемъ свидѣтельствуетъ надпись. Всѣ фигуры облечены въ великолѣпныя одежды, императоръ держитъ большую золоченую чашу, даръ посвященія. Голова его окружена нимбомъ.

Собранія. Слѣдующія столѣтія затрачиваютъ массу труда на собираніе и переработку безчисленныхъ законовъ, эдиктовъ, проектовъ и юридическихъ трудовъ, которыми должно было руководствоваться судопроизводство и которыми судья въ большинствѣ случаевъ не располагалъ. Эти попытки начинаются уже со времени Діоклетіана (284—305). Законченный къ 438 г. codex Theodosianus заключалъ въ себѣ не менѣе 3000 постановленій императоровъ со временъ Константина. Юстиніанъ (527—565), человѣкъ ничтожнаго характера, но достигнувшій большихъ результатовъ, предпринимаетъ изданіе всеобщаго свода законовъ государства. Ему не удалось объединеніе всего римскаго госу-

дарства подъ своей властью; но Юстиніанъ не подозрѣвалъ, что имъ будутъ положены основы всемірнаго господства Рима въ области права, которыя увѣковѣчатъ его имя. Правой рукой Юстиніана былъ его знаменитый министръ юстиціи Трибоніанъ, предсѣдатель назначенныхъ императоромъ комиссій, завершившихъ въ поразительно короткій срокъ (528—534) громадный трудъ, носящій съ XII стол. имя Corpus Juris.

Юстиніанъ предварительно поручаетъ собрать въ codex Justinianeus, знакомый намъ во второй редакціи 534 года, всѣ еще примѣнимыя постановленія (constitutiones); ихъ болѣе 4600. Кромѣ того, въ сборникѣ законовъ, (Пандектахъ или Дигестахъ) объединяется и приводится въ связь все практически примѣнимое изъ 250 трудовъ 38-ми знаменитыхъ юристовъ. Почти треть этихъ дословныхъ извлеченій съ точнымъ указаніемъ источниковъ взята изъ Ульпіана. На почвѣ Пандектъ должна была, кромѣ того, возникнуть новая система изученія права; цѣли созданія такой системы служили такъ назыв. Institutiones, взятыя, главнымъ образомъ, изъ Гая. Наконецъ, въ „Новеллы“ заносились вплоть до смерти Юстиніана вновь возникавшіе законы.

Взглядъ на будущее.

Мы дошли до эпохи Средневѣковья. Все, что тутъ объединяется подъ именемъ науки, будь то у арабовъ, въ Византіи или на западѣ, античнаго происхожденія. Носители ея, какъ Аристотель, такъ и Птолемей, Галенъ, Діоскуридъ или Юстиніанъ, пользовались непоколебимымъ авторитетомъ. Однако, мертвое охраненіе всего традиціоннаго превращаетъ благіе завѣты въ концѣ концовъ въ гнетъ, тормозившій всякую возможность подъема и прогресса. Когда въ эпоху Возрожденія свѣжій потокъ жизни пробѣгаетъ по культурному міру, и новыя открытія и идеи рвутся къ свѣту, необходима была ожесточенная борьба, чтобы рано или поздно прорвать въ каждой отдѣльной области силу старой традиціи. Но въ этой борьбѣ крѣпнетъ интеллектуальная жизнь новаго времени, въ ней растетъ ея покоряющая мощь.

13. ФИЛОСОФІЯ

Въ самомъ концѣ нашего изложенія скажемъ нѣсколько словъ о философіи и религіи, такъ какъ онѣ подготовили пути христіанству и спасли благороднѣйшее достояніе античной духовной жизни для будущаго. Это не относится, конечно, къ профессіональной философіи, создавшей объемистые фоліанты частью цѣнныхъ, частью безплодныхъ комментаріевъ къ Аристотелю и Платону въ книжной пыли ученаго кабинета, такъ что уже Сенека скорбѣлъ о превращеніи философіи въ филологію. Мы бы желали побольше филологическаго чутья исторіографу философіи, Діогену Лаэртскому, трезвому компилятору, написавшему въ III вѣкѣ на основаніи своихъ эксцерптовъ небрежно и безъ всякой критики „Жизнь и ученіе философовъ“. Онъ идетъ по путямъ поздне-эллинистической біографіи, тяготѣніе которой къ анекдотическому матеріалу намъ уже знакомо (стр. 144). Тѣмъ не менѣе, его книга для насъ очень

Діогенъ Лаэртскій.

цѣнна; это, правда, поздній и мутный, но все же очень важный осадокъ біографической традиціи. Къ числу источниковъ Діогена принадлежатъ сборники ученій разныхъ философовъ, издаваемыя съ давняго времени для широкаго круга читателей. Критическому взору науки удалось выдѣлить довольно крупные, разсѣянные фрагменты этихъ такъ-называемыхъ доксографовъ, и снова возсоздать ихъ такимъ образомъ для насъ.

Популярная философія.

Зато этическая популярная философія тѣмъ болѣе глубоко и серьезно стремилась къ той цѣли, осуществленіе которой выпало лишь на долю христіанства. Мы познакомились съ ней въ трудахъ Посидонія, Цицерона, Сенеки и Плутарха; въ своей дальнѣйшей эволюціи она все опредѣленнѣе утрачиваетъ характеръ науки. Она мало или совершенно не интересуется логикой или физикой: теоретическія изслѣдованія или остроумное веденіе доказательства не могли удовлетворить исканій души. Нѣкоторыя основныя истины и характерные тезисы выдѣляются и проповѣдуются во всѣхъ формахъ; не умственное ихъ усвоеніе становится цѣлью—и въ этомъ поворотъ къ новому,—а прочувствованіе ихъ вѣрующей душой, внутреннее переживаніе ихъ, ведущее къ очищенію и облагороженію духа. Философія утрачиваетъ владѣвшее ею нѣкогда гордое самосознаніе, внушавшее человѣку вѣру въ возможность достиженія счастья при помощи собственныхъ силъ человѣка. Поэтому, совершается поворотъ къ религіозной спекуляціи и къ мистикѣ, проявляющійся сначала неувѣренно въ стоицизмѣ, затѣмъ съ стихійной мощью въ новоплатонизмѣ.

Стоицизмъ.

Стоицизмъ, даровавшій уже въ періодъ гоненій Нерона своимъ благороднымъ представителямъ и представительницамъ мужество жизни и смерти, оправдалъ присущую ему силу, выдвинувъ въ эпоху глубочайшей моральной развращенности двѣ благородныя, чистыя личности, осуществившія въ жизни и въ ученіи высокій идеалъ. Это—Эпиктетъ и его ученикъ Маркъ Аврелій, первый по происхожденію рабъ, второй—властитель мірового государства. Этотъ фактъ символизируетъ то, что стоицизмъ завѣщалъ античному міру: идею всеобщаго, всемірнаго гражданства и осуществленіе глубокой человѣчности, не гнушавшейся рабомъ, поставившей женщину рядомъ съ мужчиной и положившей начало нравственному пониманію брака.

Эпиктетъ.

Фригіецъ Эпиктетъ (около 50—130 г.) былъ въ Римѣ ученикомъ стоика Мусонія. Здѣсь, а впослѣдствіи въ Никополѣ, онъ собираетъ вокругъ себя обширный кругъ учениковъ. Если бы одинъ изъ нихъ, исторіографъ Арріанъ (стр. 707 сл.) не записалъ діатрибъ учителя и не подвелъ итоговъ его ученію въ своемъ „руководствѣ“, наши свѣдѣнія объ Эпиктетѣ были бы крайне скудны; ибо онъ ничего не написалъ. Въ своихъ устныхъ бесѣдахъ онъ былъ простъ и безыску-

ственъ, и пренебрегалъ всякимъ блескомъ краснорѣчія. „Философская школа есть цѣлительница“, Эпиктетъ въ ней стремился пробудить человѣческую совѣсть и очистить ее, подобно Сенекѣ въ его философскихъ трудахъ (ср. стр. 669).

Изъ сознанія, что человѣческая душа—эманація божественной сущности, наполняющей всю вселенную и мудро управляющей ею, вытекаетъ долгъ человѣка достойно мыслить и достойно поступать; отсюда же человѣкъ черпаетъ силу переносить все ниспосланное провидѣніемъ. Идеаломъ жизни является полное освобожденіе отъ внѣшняго міра, который находится „внѣ нашей власти“ и потому не долженъ имѣть на насъ вліянія. Такимъ образомъ, совершается полное обособленіе души, ея жизнь въ себѣ самой, сосредоточенное общеніе съ ея демономъ (т.-е. съ божественной сущностью въ ней самой). Этимъ достигается приближеніе къ экстазу новоплатониковъ. Всѣ крайности древняго стоицизма сглажены; однако, эта кроткая мудрость несомнѣнно производитъ впечатлѣніе усталости. Ради сохраненія душевнаго равновѣсія Эпиктетъ совѣтуетъ предоставлять вещи самимъ себѣ, даже при видѣ явно недопустимаго, какъ напр., непослушанія дѣтей. „Терпи, воздерживайся“ (sustine, abstine) гласитъ его знаменитый девизъ.

Приведемъ нѣсколько мыслей изъ его „руководства“, не утратившаго и понынѣ интереса и значенія, чтобы дать представленія о простой выразительности его рѣчи: „Не требуй, чтобъ то, что посылаетъ жизнь, складывалось по твоему желанію, а желай того, что посылается судьбой, и притомъ въ томъ видѣ, какъ оно складывается, и ты будешь счастливъ.—Не само явленіе (какъ напр. смерть, несчастья) дѣйствуютъ на людей, а представленія, которыя люди о нихъ себѣ составляютъ.—Никогда не говори (напр. о женѣ, ребенкѣ, имуществѣ): я этого лишился, а говори: я это отдалъ обратно. Пока оно твое, обращайся съ нимъ, какъ съ чужимъ добромъ въ гостинницѣ.—Когда умираетъ ребенокъ или жена другого, говорятъ: таковъ судьба человѣка. Если же умираетъ твой близкій, ты тотчасъ восклицаешь: горе мнѣ несчастному! Вмѣсто этого мы должны бы помнить наше отношеніе къ подобному же переживанію другихъ людей.—Не быть полководцемъ, пританомъ или консуломъ, а прежде всего свободнымъ человѣкомъ. Къ этому ведетъ только одинъ путь — пренебреженіе ко всему, что находится внѣ нашей власти. — Храни по возможности молчаніе, говори только неизбѣжное, выражаясь кратко. Говори лишь въ исключительныхъ случаяхъ, когда этого требуютъ обстоятельства; но не распространяйся о тривіальныхъ дѣлахъ, о скачкахъ, гладіаторахъ, атлетахъ, ѣдѣ и питьѣ, подобно другимъ людямъ, больше же всего воздерживайся отъ похвалы, порицанія или сравненія ближнихъ твоихъ.—Избѣгай въ бесѣдѣ часто и подробно говорить о твоихъ личныхъ подвигахъ и опасностяхъ; тебѣ пріятно вспоминать о нихъ, но не другимъ о нихъ слышать.—Въ каждомъ предметѣ двѣ рукоятки; одна для схватыванія, другая нѣтъ. Если тебя оскорбитъ братъ твой, не останавливайся мыслью на томъ, что тебя оскорбляютъ, ибо именно это та рукоятка, за которую нельзя схватываться, а помни о томъ, что онъ родной братъ, и ты возмешься за вѣрную рукоятку“.

Нелегко далось осуществленіе этой премудрости въ жизни философу на царскомъ престолѣ, Марку Аврелію (161—180). Ему при- Маркъ Авреліи.

ходилось бороться съ разнаго рода неурядицами, болѣзнями, войной, измѣной и горемъ; но во всѣхъ бѣдахъ императоръ подавалъ своимъ чиновникамъ и войску свѣтлый примѣръ самоотверженнаго служенія долгу. Однако, душа его была не отъ міра сего. „Человѣческія дѣла — облако дыма, ничто“— читаемъ мы въ его афористическихъ размышленіяхъ „Къ самому себѣ“, написанныхъ, главнымъ образомъ, въ лагерѣ, только „для себя“, но сохранившихъ потомству образъ его чистаго, гуманнаго характера и даровавшихъ множеству людей утѣшеніе и ободреніе. 25-ти лѣтъ М. Аврелій, къ огорченію своего учителя краснорѣчія Фронтона (стр. 705), всецѣло посвящаетъ себя философіи, которая становится его религіей, исполнившей его душу покорностью къ божественной волѣ и искреннимъ, безграничнымъ человѣколюбіемъ.

Александрійско-іудейская философія.

Рис. 427. КОННАЯ СТАТУЯ МАРКА АВРЕЛІЯ.
Бронза на Капитоліи. Съ фотографіи.
Единственная бронзовая статуя римскаго императора, не подвергшаяся разрушенію, такъ какъ ее издавна принимали за статую Константина. Серьезный и величественный, хотя слегка неподвижный императоръ сидитъ на громоздкомъ, могучемъ конѣ, подъ лѣвымъ переднемъ опытомъ котораго нѣкогда находилась фигура варвара. Императоръ правой рукой благословляетъ народъ.—Статуя послужила образцомъ множеству конныхъ статуй новѣйшаго искусства.

Александрійско-іудейская философія. Въ философіи, начиная съ эпохи эллинизма, ясно видны слѣды негреческаго вліянія. Уже стоикъ Зенонъ былъ полусемитомъ. Первая серьезная попытка сліянія чужеземной и греческой премудрости и систематическаго соединенія философіи съ одной изъ господствующихъ религій была сдѣлана въ I стол. александрійскимъ евреемъ Филономъ.

Распространеніе евреевъ по культурному міру началось очень рано, оно особенно усилилось со временъ Александра Великаго, главнымъ образомъ, въ Египтѣ, гдѣ разумная политика Птолемеевъ предоставляла еврейскимъ общинамъ извѣстнаго рода самостоятельность. Во всемірномъ торговомъ городѣ Александріи два изъ пяти городскихъ кварталовъ назывались еврейскими, и милліонъ евреевъ, населявшихъ страну въ эпоху Филона, составлялъ одну восьмую часть всего населенія. Мы ясно себѣ представляемъ все рѣшающее вліяніе, которое они оказывали на экономическую жизнь страны; ихъ вліяніе на духовную жизнь врядъ ли было глубоко, хотя они всюду (не исключая Рима) вели очень живую и успѣшную пропаганду въ пользу своей религіи. Съ перваго столѣтія начинается антисемитическое движеніе, разрастающуюся силу котораго иллюстрируетъ сравненіе благодушной насмѣшки Горація съ ѣдкими нападками Ювенала на евреевъ, обвиняемыхъ (какъ впослѣдствіи христіане) въ безбожіи, человѣконенавистничествѣ и всякихъ другихъ порокахъ. Евреи.

Въ 38 г. въ Александріи вспыхнулъ ожесточенный погромъ евреевъ, и Калигула, передъ которымъ защитникомъ евреевъ выступилъ Филонъ, а обвинителемъ—стоявшій во главѣ враждебной евреямъ партіи, легкомысленный грамматикъ Апіонъ, рѣшаетъ дѣло въ пользу послѣдней; дѣло касалось превращенія синагогъ въ храмы, посвященные культу императора. До насъ дошелъ отчетъ Филона о посольствѣ къ императору; затѣмъ, по истеченіи 50 лѣтъ Іосифъ (стр. 672) пишетъ трактатъ противъ Апіона „о высокой древности іудейства“, отражающій характеръ борьбы литературныхъ обвинителей и защитниковъ іудейства. Уже со II столѣтія до Р. Хр. существовали подобныя апологіи, стремившіяся выставить въ выгодномъ свѣтѣ своеобразный міръ культуры и мысли іудейства передъ лицомъ грековъ. Еврейскіе историографы ссылались на почтенную древность родного народа, доводъ, производившій сильное впечатлѣніе на грековъ. Этотъ доводъ давалъ евреямъ основаніе приписывать зарожденіе эллинской мудрости и законодательства своимъ предкамъ, при чемъ они ничуть не стѣснялись напр. идентифицировать Моисея съ древнимъ пѣвцомъ Мусеемъ. Апологетика.

Однако, и въ самомъ іудействѣ не было недостатка въ борьбѣ и контрастахъ. Іудеи разсѣянія уже тогда настойчиво отстаивали свою самобытность передъ чужеземной культурой, но они не могли совершенно избѣжать ея вліянія. Распространеніе греческаго языка все болѣе вытѣсняло знаніе еврейскаго, и вызвало потребность въ переводѣ священнаго писанія. Такъ возникаетъ Septuaginta (Семьдесятъ толковниковъ). Если она и не была закончена, какъ говоритъ позднѣйшая легенда, повелѣніемъ Птолемея Филадельфа (285—247) 72-мя переводчиками въ 72 дня по божественному вдохновенію, тѣмъ не менѣе, она была тогда уже начата. Этотъ почтенный трудъ представляетъ изъ себя не только первое крупное произведеніе искусства перевода, онъ является также главнымъ памятникомъ эллинистическаго народнаго языка, открывшимъ многимъ людямъ, владѣвшимъ греческимъ языкомъ, пониманіе истинъ христіанства. Впрочемъ (мы этого вопроса здѣсь подробно касаться не можемъ) многіе апокрифы (напр. книги Юдиѳь и Товита) возникли или (напр. книги Даніила и Есѳири) расширились позднѣе, и пониманіе ихъ возможно лишь въ рамкахъ эллинистической литературы, тѣмъ болѣе, что они и написаны были на греческомъ языкѣ. Съ этой точки зрѣнія, напр., слѣдуетъ оцѣнивать какъ историческій источникъ первыя двѣ книги Маккавеевъ: первая изъ нихъ, переводъ съ еврейскаго, повѣствуетъ съ простотой и религіозной искренностью; вторая представляетъ изъ себя типично эллинистическій историческій трудъ, украшенный преувеличеніями и чудесными исторіями, и написанный реторическимъ стилемъ. Два апокрифа переносятъ насъ на почву, на которой выросъ Филонъ. Уже книга „премудрости Іисуса сына Сирахова“, переведенная въ 132 г. до Р. Хр. съ еврейскаго, предупреждаетъ противъ языческой мудрости: „Страхъ Божій есть начало всякой премудрости“. Написанная же въ Египтѣ на Семьдесятъ толковниковъ.

греческомъ языкѣ „Книга Премудрости Соломона“, явно вращается въ кругу представленій и выраженій, заимствованныхъ изъ греческой философіи.

Оторванные отъ родной почвы съ ея древними традиціями и воспоминаніями евреи жили окруженные эллинистической культурой. Неизбѣжное приспособленіе къ жизни государства и города, привычки повседневной жизни, главнымъ же образомъ, объединяющее всѣхъ образованіе незамѣтно приводили къ перерожденію евреевъ. Впрочемъ отъ многобожія, съ отталкивающими формами котораго евреи встрѣтились въ Египтѣ, ихъ ограждалъ ихъ убѣжденный монотеизмъ, давно внушавшій уваженіе свободнымъ отъ предубѣжденія грекамъ. Съ другой стороны, религіозно настроенное міровоззрѣніе, господствовавшее въ философіи, сильно привлекало умы образованныхъ евреевъ, и его сліяніе съ ученіемъ Священнаго Писанія казалось возможнымъ. Такъ возникаетъ іудейско-эллинистическая философія.

Филонъ. Время ея возникновенія—вопросъ спорный; во всякомъ случаѣ Филонъ (около 10 г. до Р. Хр.—50 по Р. Хр.) является для насъ ея единственнымъ представителемъ. Своего ученія, соединявшаго въ себѣ стоицизмъ съ Платоновскими идеями, онъ систематически не изложилъ, но выразилъ его въ цѣломъ рядѣ монографій. Нѣкоторыя изъ нихъ носятъ чисто философскій характеръ („о вѣчности вселенной“, о „провидѣніи“). Его жизнеописаніе Моисея представлять изъ себя эллинистическую біографію, особенности которой, сказывающіяся въ рѣчахъ, разсужденіяхъ и анекдотическомъ украшеніи, особенно сильно поражаютъ насъ въ примѣненіи къ этому своеобразному матеріалу. Книга „о созерцательной жизни“ рисуетъ жизнь ѳерапевтовъ, еврейской секты отшельниковъ, поражающей своей близостью къ монашескому идеалу жизни, что заставляетъ многихъ предполагать въ этомъ сочиненіи Филона христіанскую фальсификацію. Большинство же произведеній посвящено объясненію Пятикнижія. Ибо Филонъ, будучи всецѣло проникнутымъ греческой образованностью, тѣмъ не менѣе, оставался убѣжденнымъ іудеемъ, чтившимъ Священное Писаніе, какъ источникъ всякой премудрости, при чемъ онъ, однако, стремился найти въ немъ всѣ глубочайшія мысли философовъ. Путемъ къ этому служило аллегорическое толкованіе, открывавшее широкую возможность самыхъ произвольныхъ истолкованій (стр. 91). Его безсмысленность нигдѣ не проявляется съ такой очевидностью, какъ въ безвкусномъ детальномъ толкованіи библейскихъ разсказовъ. Четыре райскихъ рѣки у Филона символизируютъ четыре основныя добродѣтели; Авель символизируетъ набожность, Каинъ — софистику, Ной — справедливость, а его наполненный ручными и дикими животными ковчегъ — человѣческое тѣло и т. д. Методъ этотъ, заимствованный у Филона христіанами, привелъ къ самымъ печальнымъ результатамъ въ комментированіи Священнаго

Писанія; все ученіе Филона замѣтно отразилось на развитіи христіанской догматики.

Ученіе.

Въ центрѣ его философіи стоитъ его знаменитое ученіе о логосѣ. Богъ настолько возвышеннѣе міра, что его непосредственное воздѣйствіе на него невозможно, несмотря на то, что онъ единая причина всего сущаго. Посредниками сотворенія и сохраненія міра являются исходящія отъ Бога духовныя силы, покорные ему духи, которыхъ греки называютъ демонами, іудеи же ангелами. Главную изъ этихъ силъ Филонъ называетъ „перворожденнымъ сыномъ Бога", л о г о с о м ъ (активный божественный разумъ). Ибо онъ заключаетъ въ себѣ всѣ остальныя силы и не недоступенъ познанію подобно Богу. Однако все, что Филонъ говоритъ о логосѣ, не доказываетъ ясности его представленія: онъ и безличный и личный, онъ то праобразъ всего сущаго (подобно Платоновской идеѣ блага), то вездѣсущая активная сила (какъ въ ученіи стоиковъ). Въ своей этикѣ Филонъ возвышается надъ границами греческой житейской премудрости и переходитъ въ теологію. Конечной цѣлью существованія души, замкнутой грѣховной тѣлесностью, является не познаніе и не дѣятельная активность, а постепенное проникновеніе въ непосредственное созерцаніе божества, доступное лишь въ полномъ самоотреченіи и экстатическомъ просвѣтленіи.

Новопиѳагорейцы.

Подобно Филону и н о в о п и ѳ а г о р е й ц ы, пытавшіеся, начиная съ перваго столѣтія, воскресить почти совершенно забытый пиѳагореизмъ, подготовляютъ пути новоплатонизму. Тяготѣніе къ религіи и аскетизму съ самаго начала характеризовало жизнь пиѳагорейской общины (Э. К., стр. 227). Мы не останавливаемся на ея ученіи; характерно, однако, что идеалъ жизни пиѳагорейцевъ воплощался въ полунеземныхъ человѣческихъ образахъ. Это относится къ основателю союза, Пиѳагору, котораго легенда превращаетъ почти въ божество, и къ жившему въ первомъ столѣтіи послѣ Р. Хр. Аполлонію Тіанскому, котораго Филостратъ (стр. 704 сл.) изображаетъ проповѣдникомъ и могучимъ творцомъ чудесъ, почему его раньше нерѣдко сравнивали съ Христомъ.

Новоплатоники.

Н о в о п л а т о н и к и. Въ академіи поворотъ къ религіи совершается поздно, но тѣмъ болѣе глубоко. Ни одинъ философъ не былъ проникнутъ болѣе глубокой религіозностью, чѣмъ Платонъ; но въ аѳинской школѣ духъ его умеръ, даже несмотря на то, что какъ Посидоній временно воскресилъ его къ новой жизни. Лишь въ Плутархѣ мы снова ощущаемъ духъ Платона. Возрожденіе платонизма совершилось въ Александріи. Основателемъ новоплатонизма былъ Аммоній Сакка (около 175—242) (бывшій въ юности носильщикомъ мѣшковъ); вдохновеннымъ провозвѣстникомъ его, ученикъ послѣдняго, Плотинъ (204—270). Подобно Филону этотъ послѣдній великій мыслитель античности былъ египтяниномъ, проповѣдывавшимъ впослѣдствіи въ Римѣ передъ безчисленной толпой учениковъ. Благодаря новоплатонизму третье столѣтіе является философскимъ, подобно тому, какъ второе столѣтіе—столѣтіемъ софистики. Это была послѣдняя попытка сплотить всѣ силы эллинской науки и спекуляціи, для борьбы съ христіанствомъ. Но борьба была безнадежна;

напротивъ ученіе Плотина, совершенно помимо его воли, способствовало развитію христіанства.

Въ противоположность господствовавшему долгое время внѣшнему эклектицизму Плотинъ строитъ изъ ученій разнообразныхъ школъ, основываясь на Платонѣ, цѣльную, несмотря на всѣ противорѣчія и неясности, философскую систему, выросшую изъ запросовъ и исканій его времени. Ими объясняется та всеподавляющая сила, съ которой выражается жгучая тоска человѣка по абсолютно высшему, возносящему надъ всѣми сомнѣніями и пороками земной жизни. Дѣйствительность совершенно исчезаетъ, или скорѣе она растворяется въ единственно дѣйствительной внутренней духовной жизни. Не душа живетъ въ тѣлѣ, а тѣло въ душѣ.

Эта духовная тоска порождаетъ непостижимую идею божественной сущности, обитающей внѣ границъ всякаго опредѣленнаго бытія и мышленія. Плотинъ затрудняется опредѣлить эту сущность; онъ зналъ только одно—она е с т ь. Она таинственнымъ образомъ порождаетъ изъ себя—даже объ эманаціи не можетъ быть рѣчи, ибо при ней части первосущества отдѣлились бы отъ него—всѣ существа, при чемъ въ нисходящей степени совершенства. Первую ступень представляетъ изъ себя n u s (мышленіе), который есть бытіе, жизнь и активность, объединенный сверхчувственный міръ. Nus же порождаетъ изъ себя душу, которая, отчасти въ видѣ міровой, отчасти въ видѣ индивидуальной души, служитъ посредницей между нимъ и матеріальнымъ міромъ. Душа наполняетъ и образовываетъ матерію, стоящую на самой низкой ступени, на которой благо въ концѣ концовъ переходитъ въ зло, подобно свѣту, переходящему, ослабѣвая, въ тьму. Поэтому матерія есть зло. Лишь воздѣйствіе души придаетъ міру явленій прелесть и гармонію, которую Плотинъ въ качествѣ эллина признаетъ и превозноситъ въ противоположность гностицизму. Это воздѣйствіе вытекаетъ изъ закономѣрности всякаго бытія, изъ внутренней симпатіи всего сущаго. Тѣмъ не менѣе, индивидуальная душа не лишена свободы воли. Цѣлью ея дѣятельности является отреченіе отъ тѣла, очищеніе отъ осквернѣнія чувственнымъ міромъ ради достиженія богоподобія. Путемъ самоуглубленія душа уже во время земной жизни можетъ на мгновеніе достигать блаженства, которое будетъ вѣчнымъ послѣ смерти: она можетъ достигать единенія съ божествомъ въ мгновенномъ экстазѣ, восхищеніи. Такимъ образомъ, философія превращается въ религію, она, подобно Филону, мирится съ народной религіей, находя путемъ аллегорическаго толкованія глубокое содержаніе въ миѳическихъ образахъ: Уранъ—первосущность, Кроносъ—Nus, Зевсъ и Гера—міровая душа, Деметра—земная душа и т. д.

Порфирій.

Ямблихъ.

Тѣмъ же путемъ идутъ послѣдователи Платона. Основываясь на убѣжденіи, что душа способна возвышаться и облагораживаться только при помощи высшихъ существъ, П о р ф и р і й, въ противовѣсъ христіанству, пытается преобразовать языческую религію; что же касается сирійца Я м б л и х а (ум. въ 330 г.), то онъ всецѣло уходитъ въ теологическую спекуляцію. Онъ строитъ весьма сложную, искусно градированную систему всѣхъ божественныхъ существъ, въ которую были включены и восточныя божества. Благодаря вѣрѣ въ доступность божествамъ рѣшительно всего, философія растворяется въ магію, общеніе съ духами, вѣру въ чудеса и привидѣнія. Сторонники Ямблиха превозносили его какъ „божественнаго“.

Подобныя ученія должны были производить неизгладимое впечатлѣніе на мечтательный умъ молодого Юліана (331—363). Воспитаніе въ мертвой формальной религіи и монашеской набожности не могло разрушить его увлеченія языческой религіей (стр. 714). Теперь онъ видѣлъ эту религію, какъ казалось, углубленную и облагороженную, въ заманчивомъ нарядѣ мистической философіи, и она довершаетъ его разрывъ съ христіанствомъ. Когда Юліанъ послѣ юности, полной борьбы и всякихъ колебаній судьбы, вступаетъ въ 361 году на престолъ, онъ рѣшаетъ реформой древней религіи и нравственнымъ обновленіемъ язычества вытѣснить христіанство, провозглашенное незадолго до того государственной религіей. Самъ ведя аскетическій образъ жизни, императоръ въ качествѣ pontifex maximus увѣщевалъ жречество хранить строгость нравовъ, и стремился проводить по отношенію къ бѣднымъ и чужестранцамъ ту широкую гуманную благотворительность, которой христіанство привлекало такое множество адептовъ. Уже по истеченіи 20 мѣсяцевъ смерть императора въ битвѣ съ персами положила внезапный предѣлъ лихорадочно начатому осуществленію его плановъ. Онъ никогда не произносилъ знаменитыхъ словъ: „Ты побѣдилъ, Назареянинъ!“, но ничто не выражаетъ глубже всей трагической сущности его предпріятія—пойти противъ теченія всемірной исторіи. Григорій Назіанскій въ своихъ рѣчахъ („пригвождающихъ къ позорному столбу“) осыпалъ покойнаго поношеніями, а церковь клеймила его какъ отступника (ἀποστάτης); лишь новое время оцѣнило всю серьезность его стремленія къ великой цѣли.

Мало-по-малу исчезаютъ и послѣдніе отголоски язычества. Но воодушевленные поклонники его еще долгое время спасаются въ его послѣднемъ прибѣжищѣ—новоплатонизмѣ. Въ Александріи проповѣдывала остроумная Гипатія, убитая въ 415 г. фанатической толпой. Дольше всего боролась философія противъ христіанства въ Аоинахъ. Еще въ V стол. мы здѣсь встрѣчаемъ почтенныхъ, пользовавшихся всеобщимъ уваженіемъ руководителей школы, работавшихъ надъ дальнѣйшимъ развитіемъ новоплатоническаго ученія не только въ безплодныхъ мудрствованіяхъ, но и серьезнымъ, углубленнымъ изученіемъ Платона и Аристотеля. Объ этомъ свидѣтельствуютъ подробные комментаріи къ Платону Прокла (410—485) и содержательныя объясненія къ Аристотелю Симпликія (около 530). Въ томъ, что свободные отъ предубѣжденій христіане на западѣ сохраняли вѣрность античной мудрости, насъ убѣждаетъ благородный Боэтій, довѣренный Ѳеодориха, который переводомъ и комментаріями трудовъ Аристотеля кладетъ въ числѣ другихъ основаніе господствующему вліянію Аристотеля въ схоластикѣ; онъ находитъ въ философіи утѣшеніе отъ несправедливаго преслѣдованія и тюрьмы.

Гипатія.

Проклъ.

Симпликій.

Конецъ. Въ 529 г. Юстиніанъ издаетъ эдиктъ, запрещающій ученія философовъ въ Аоинахъ. Этотъ запретъ былъ почти излишнимъ: ибо внутренне оскудѣвшая и надломленная античная наука умираетъ естественной смертью. Но заложенныя ею сѣмена оплодотворили новое время, они никогда не перестанутъ вдохновлять и углублять человѣческій умъ, пока будетъ существовать высшая духовная культура.

14. РЕЛИГІЯ

Римская религія. Религія никогда не принадлежала къ числу тѣхъ прочныхъ основъ, которыми держалось міровое государство римлянъ. Если бы римляне, нарушивъ античную терпимость, даже попытались навязать свою религію чужеземнымъ народностямъ, она не была бы въ силахъ подчинить ихъ себѣ. Ибо большая часть того, что посило въ эту эпоху названіе римской религіи, было заимствовано отъ грековъ, и заимствовано въ періодъ, когда живая вѣра Эллады разлагалась. Что же касается религіи искусства, вдохновлявшей фантазію и чувство грековъ въ поэзіи и скульптурѣ, то она была совершенно чужда римлянамъ. Напротивъ, эллинистическій раціонализмъ и скептицизмъ находятъ воспріимчивую почву въ трезвомъ интеллектѣ римлянъ. Мы не поражаемся тѣмъ, что уже Энній переводитъ Евгемера на латинскій языкъ; вспомнимъ все то неуваженіе къ римскому жречеству, которое выказывалъ даже такой человѣкъ, какъ старикъ Катонъ, идеалъ римлянина той эпохи. Еще сильнѣе было дѣйствіе живого слова. Доказательство Карнеада (155) несуществованія боговъ и невозможности ихъ существованія импонируетъ молодому поколѣнію, и эпикурейская философія, совершенно отвергавшая боговъ, находитъ многочисленныхъ адептовъ, а въ лицѣ Лукреція и вдохновеннаго проповѣдника (стр. 438 слл.).

Въ это время растущій нравственный упадокъ и ужасы революціоннаго столѣтія въ гораздо большей степени способствовали быстрому и окончательному разрушенію религіи, чѣмъ на востокѣ борьба діадоховъ. Вѣра въ боговъ была утрачена безвозвратно, и попытка Августа воскресить въ Италіи святую религію предковъ осталась безплодной, даже если бы ее породило нравственное убѣжденіе, а не раціоналистическій государственный разсчетъ. Еще меньшихъ результатовъ достигаютъ позднѣйшія стремленія достойныхъ представителей императорской власти, вродѣ Веспасіана, Траяна и Антонина Пія, поднять государственную религію. Развѣ было въ силахъ человѣка одухотворить мертвыя формы новой жизнью? Тѣмъ губительнѣе отражались въ душахъ преступленія Калигулы, Нерона и Домитіана, тѣмъ болѣе, что офиціальный культъ и сумасбродство самихъ императоровъ окружали сіяніемъ божественнаго величія эти чудовища въ образѣ человѣка.

Культъ императоровъ, обожествленіе покойнаго монарха или генія цезаря при жизни, настолько же уживался съ понятіями того времени, насколько онъ чуждъ намъ. Обоготвореніе цезаря, возникновеніе котораго мы видѣли въ государствахъ діадоховъ (стр. 94), вырождается на востокѣ въ концѣ концовъ въ знакъ простого уваженія, который безъ разбора доставался на долю и хорошимъ, и дурнымъ намѣстникамъ. Когда же Августъ вернулъ усталой отчизнѣ миръ, люди повѣрили въ наступленіе новаго золотого вѣка (стр. 607). Если, поэтому, восточные города въ своихъ почетныхъ декретахъ и придворные поэты въ торжественныхъ гимнахъ славятъ дарователя всѣхъ этихъ благъ, какъ божество, то въ этомъ сказывается порывъ искренней благодарности.

Культъ императоровъ.

Рис. 428. АПОѲЕОЗЪ АНТОНИНА И ФАУСТИНЫ.
Постаментъ въ Giardino della Pigna. Съ фотографіи.
Налѣво покоятся Campus Martius, держа свой обелискъ, направо Рома сидитъ на скалѣ, къ которой прислонены ея щитъ и копье. Между обѣими фигурами валетаетъ въ діагональномъ направленіи крылатый геній, держа лѣвой рукой глобусъ съ змѣемъ безсмертія. На его крыльяхъ возсѣдаетъ императорская чета, охраняемая двумя орлами.

Одна надпись изъ Галикарнасса ясно отражаетъ это настроеніе умовъ: „Ко всѣмъ безчисленнымъ благодѣяніямъ, оказаннымъ человѣку, вѣчная и безсмертная природа присоединила въ нашу счастливую эпоху величайшее благо, — Цезаря Августа, отца своего отечества, божественной Ромы, отеческаго Зевса и спасителя всего рода человѣческаго, преблагая мудрость котораго не только удовлетворяетъ всѣ мольбы, но и превосходитъ ихъ. Ибо на землѣ и морѣ царитъ миръ, въ городахъ процвѣтаетъ законность, согласіе и плодородіе; все доброе расцвѣло и приноситъ богатые плоды; люди исполнены свѣтлыхъ надеждъ на будущее и радостью въ настоящемъ“.

Августъ принималъ всѣ эти почести, допуская, однако, въ Римѣ только культъ божественнаго Юлія (Цезаря). Вскорѣ начинаютъ оказывать эти почести и правящему монарху въ столицѣ, и среди головокружительнаго множества божествъ и духовъ, почитаемыхъ на западѣ и на востокѣ, культъ императоровъ постепенно становится государственной религіей. Этотъ характеръ императорскаго культа подтверждается тѣмъ фактомъ, что во время процессовъ противъ христіанъ обвиняемыхъ заставляли приносить жертву не Юпитеру или Аполлону

а изображенію императора, въ знакъ отреченія отъ религіи, грозящей основамъ государства, или непричастности къ ней. Этотъ культъ императоровъ находитъ внѣшнее выраженіе въ искусствѣ. Монархи часто изображались въ видѣ божествъ (ср. рис. 429 сл.) и съ ихъ аттрибутами, въ чемъ имъ нерѣдко подражали и монархи новаго времени.

Потребность въ спасеніи.

Однако, это теологическое воплощеніе идеи государственности являлось лишь абстракціей—смертный человѣкъ еще меньше древнихъ боговъ былъ въ силахъ утолить ту религіозную жажду, которая все глубже захватывала народныя массы. Возникновенію или вѣрнѣе обостренію ея—ибо она уже возникла—способствовали многія причины (стр. 91 сл.). Государственные перевороты, акты насилія и разныя народныя бѣдствія подчеркивали въ своей неудержимой смѣнѣ всю безпомощность человѣка. Неустойчивость, несправедливость и тщета земной жизни направляли взоры на потусторонній міръ, отъ котораго человѣкъ ждалъ, даже требовалъ компенсаціи. Самоувѣренность образованныхъ, гордость познаніемъ и ученостью были утрачены. Куда ни падалъ взоръ человѣка, онъ всюду обнаруживалъ слѣды упадка. Взоры всѣхъ, кого еще не поглотили отчаяніе пессимизма или тупой фатализмъ, искали спасителя и исцѣлителя, пришествіе котораго древнія и новыя предсказанія пророчили не только іудейскому народу.

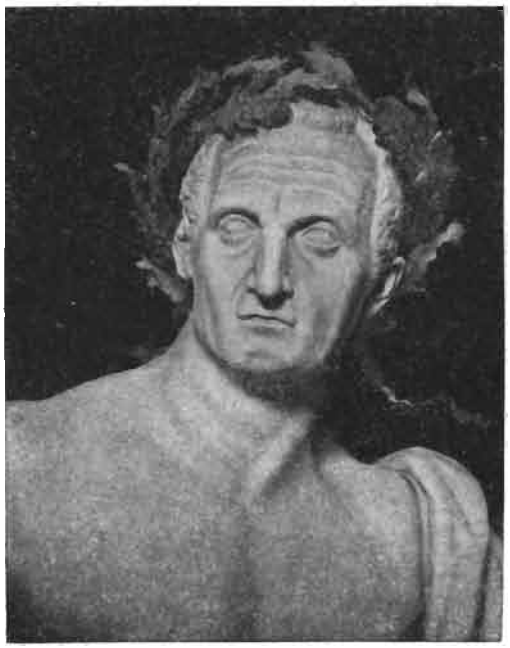

Рис. 429. НЕРВА.
Голова ватиканской статуи, изображающей императора въ образѣ Юпитера. Съ фотографіи.
Передъ нами одинъ изъ современнѣйшихъ римскихъ портретовъ, величественный по концепціи и прекрасный по техникѣ.

Вліяніе Востока.

Такимъ образомъ, гибель античныхъ боговъ и разрушеніе античнаго міровоззрѣнія порождаютъ новую религіозно-эмоціональную жизнь, нашедшую удовлетвореніе въ восточныхъ мистеріяхъ. Потокъ чужеземныхъ боговъ, культовъ и религіозныхъ представленій затопляетъ Италію и западныя провинціи, завершается самое великое культурно-историческое явленіе эпохи имперіи—„мирное проникновеніе Запада Востокомъ“.

При оцѣнкѣ этого явленія съ точки зрѣнія классической древности и въ его отталкивающихъ формахъ, безъ проникновенія во внутреннюю связь и болѣе глубокую сущность, мы видимъ въ немъ только печальную утрату античной интеллектуальной свободы. И дѣйствительно, ни одна эпоха не была скована въ такой же степени суевѣріемъ, ни раньше, ни позднѣе. Греки и особенно римляне всегда отличались суевѣрностью, сохранивъ ее и въ наше время. Отнынѣ же колебанія внутренней и внѣшней жизни наполняютъ образованныхъ и невѣжественную толпу тревожной дейсидаймоніей, стремленіемъ умилостивить, покорить или устранить добрые и злые духи, всюду окружающіе человѣка. Она находитъ новую пищу въ астрологіи, перешедшей съ Востока на Западъ, на которомъ она затѣмъ столько времени господствовала. Суевѣріе. Астрологія.

Рис. 430. ИМПЕРАТОРЪ КОММОДЪ ВЪ ОБРАЗѢ ГЕРАКЛА.
Мраморъ во дворѣ Консерваторовъ. Съ фотографіи.
Коммода въ концѣ его правленія почитали какъ Геракла; этимъ объясняется маскарадъ на нашемъ рисункѣ: львиная шкура, булава и яблоки Гесперидъ. Передъ нами чудо техники, бюсть моделлированъ точно изъ фарфора. Утонченно изящный цоколь изображаетъ опустившіяся на колѣни Провинціи съ рогами изобилія въ рукахъ, между ними щитъ амазонки и глобусъ.

Она основывалась на вѣрѣ въ непоколебимый міровой порядокъ, выражающійся въ опредѣленномъ движеніи свѣтилъ. Души созвѣздій — части того же эфира, низшую форму котораго представляетъ изъ себя человѣческая душа; этому учила и философія. Почему не предположить таинственной связи между тѣмъ и другимъ, тѣмъ болѣе что вліяніе созвѣздій на жизнь природы дѣйствительно наблюдалось? Идентификація планетъ и знаковъ зодіака съ благими или зловѣщими божествами придаетъ этому ученію религіозную основу. Итакъ, какъ ни странно, астрологія становится наукой, въ цѣнность и истинность которой непоколебимо вѣрили. Въ своихъ „констелляціяхъ“ созвѣздія открывали пути, предначертанные человѣческой жизни, и обнаруживали „халдейцу“, умѣвшему читать ихъ таинственные знаки, предзнаменованія каждаго дня. Каждое оправданіе пророчества усиливало вѣру, неоправданіе не разрушало ея, такъ какъ оно могло зависѣть отъ заблужденія астролога. Никто иной, какъ Птолемей (стр. 718) въ своихъ „Альмагестахъ“ написалъ систематическое руководство по астрологіи.

Магія. Съ безумнымъ стремленіемъ человѣка поднять завѣсу, скрывающую будущее, соединяется желаніе направить грядущую судьбу въ желанное русло. Кто хочетъ воздѣйствовать на незримый міръ духовъ или на далекія звѣзды, долженъ обратиться къ средствамъ чародѣйства, вліяющимъ, между прочимъ, и на людей на землѣ. Такъ, магія овладѣваетъ людьми. Съ ея таинственными заклинаніями, убійствомъ младенцевъ, волшебными зельями, снадобьями и симпатическими средствами она намъ кажется то безбожной, то смѣшной, тѣмъ не менѣе, она въ видѣ чернокнижія и вѣры въ колдовство, переживаетъ еще средніе вѣка. Магія играла существенную роль и въ восточныхъ мистеріяхъ. Поэты, магическіе папирусы съ ихъ чародѣйственными рецептами, таблички съ проклятіями, которыя зарывались въ землю, безчисленные амулеты и т. п. свидѣтельствуютъ о постоянной неизмѣнности суевѣрія даже въ его отдѣльныхъ проявленіяхъ. Въ это время складываются легенды, послужившія Гете матеріаломъ для его „Коринѳской невѣсты“, „Zauberlehrling“ и легенды о Ѳеофилѣ, продавшемъ свою душу злому духу, подобно позднѣйшему Фаусту.

Казалось, что человѣчество снова погружается въ варварство. Тѣмъ не менѣе, въ религіозной жизни этой переходной поры коренится болѣе глубокая сущность, истинность которой становится достояніемъ позднѣйшихъ поколѣній. Освѣщеніе ея является заслугой современнаго научно-религіознаго изслѣдованія.

Новая вѣра. При смутности религіозной мысли и чувства постепенное сліяніе разнородныхъ языческихъ религій осуществляется въ синкретизмѣ (стр. 92), при чемъ изъ причудливыхъ часто формъ ясно выдѣляются опредѣленныя общія всѣмъ религіямъ основныя черты. Первой изъ нихъ является поворотъ къ монотеизму, который мы уже видѣли въ философіи (стр. 729 сл.). Идея божества возвышается надъ всякимъ познаніемъ и наукой. Глубокая бездна, открывшаяся благодаря этому между Богомъ и міромъ, заполняется типично-восточной вѣрой въ геніевъ, воздѣйствующихъ на видимый міръ въ качествѣ посредниковъ и орудій въ рукахъ всесильнаго Бога. Пламенное желаніе единенія съ высшимъ существомъ можетъ быть осуществлено только благодаря божественному откровенію, о которомъ свидѣтельствуютъ традиція и священныя писанія, но которое всегда доступно также и отдѣльному человѣку въ моментъ экстатическаго вдохновенія. Но грѣховный человѣкъ недостоинъ созерцанія божества. Лишь въ борьбѣ со страстями, при посредствѣ аскетизма и таинственныхъ очищеній, путемъ испытаній и посвященія онъ постепенно приближается къ божеству. Кто хоть однажды былъ удостоенъ его милостью и узрѣлъ его въ моментъ просвѣтленнаго самозабвенія, тотъ сохраняетъ постоянную связь съ нимъ, онъ уподобляется его существу и предвкушаетъ будущее блаженство, несомнѣнно ожидающее человѣка за гробомъ.

Восточныя мистеріи обезпечивали за вѣрующими всѣ эти блага и еще бо́льшія. Ихъ таинственный ритуалъ покорялъ людей. Жрецъ, являющійся передъ вѣрующимъ не только хранителемъ святой тайны, но и душевнымъ цѣлителемъ, духовнымъ отцомъ, постепенно открывалъ передъ нимъ смыслъ того, что посвященный видѣлъ и переживалъ въ святилищѣ, то исполненный ужаса, то восторженности. Личная связь, соединявшая его съ божествомъ, облегчала его совѣсть, помогала ему въ его борьбѣ съ силами мрака и даровала ему тотъ духовный міръ, котораго онъ не находилъ въ жизни съ ея печалями и радостями. Мистеріи.

Божество (этимъ оно не походило на Олимпійцевъ) требовало всего существа человѣка, но свою милость оно даровало всѣмъ ищущимъ ее. Передъ лицомъ его стояли не граждане государства или города, римляне или варвары, свободные или рабы, а бѣдные, грѣховные люди. Передъ женщинами, религіозная жизнь которыхъ раньше протекала совершенно незамѣтно, также открывается возможность ея проявленія въ мистеріяхъ Исиды и Кибелы. Подобно христіанству, первыми адептами этихъ тайныхъ культовъ были рабы, ремесленники, торговцы и солдаты, лишь съ теченіемъ времени къ нимъ присоединяются высшіе общественные слои.

Ихъ распространенію способствовали внѣшнія благопріятныя условія. Народосмѣшеніе достигло размѣровъ, о которыхъ мы съ трудомъ можемъ составить себѣ представленіе даже теперь, въ эпоху самыхъ интенсивныхъ сношеній. Купцы ѣздили по всему государству, живя то тамъ, то здѣсь. Римъ былъ переполненъ рабами, привезенными съ востока. Въ зависимости отъ необходимости, легіоны пересылались съ крайняго востока на дальній западъ и отслужившіе солдаты поселялись, въ большинствѣ случаевъ, въ новомъ отечествѣ. Они и на чужбинѣ предпочитали молиться роднымъ богамъ, сплочаясь въ культовые союзы, вскорѣ привлекавшіе прозелитовъ. Распространеніе.

Поэтому памятники, свидѣтельствующіе о распространеніи и сущности этихъ культовъ, отличаются совершенно своеобразнымъ характеромъ. Они состоятъ, главнымъ образомъ, изъ развалинъ святилищъ, посвятительныхъ надписей, изображеній божествъ и ихъ атрибутовъ; имѣются и другіе памятники, свидѣтельствующіе о фактѣ существованія культа. Римлянки, напр., любили быть портретированными въ нарядѣ Исиды. Составить себѣ на основаніи этого всюду разсѣяннаго матеріала ясное представленіе о священномъ ритуалѣ, миѳахъ и ихъ смыслѣ чрезвычайно трудно и возможно лишь тамъ, гдѣ мы располагаемъ подробными описаніями, священными книгами и литургіями. Таковыхъ, однако, въ нашей литературѣ почти не имѣется, такъ какъ посвященные были связаны строгимъ обѣтомъ храненія тайны передъ ушами и глазами непосвященныхъ. Свидѣтельства.

Выше было изложено (стр. 92 слл.), какъ уже въ эллинистическую эпоху культъ Сараписа, мистеріи Исиды и другіе восточные культы начинаютъ покорять міръ. Растущее смѣшеніе религій облегчало ихъ

проникновеніе, и попытки государственной власти оградить отъ нихъ особенно столицу имѣли въ лучшемъ случаѣ лишь временный успѣхъ. Съ другой стороны, самыя мистеріи съ теченіемъ времени переживаютъ эволюцію и не только благодаря взаимному воздѣйствію и вліянію, которое мы часто наблюдаемъ. Сохраняются варварскій ритуалъ и миѳы, но возникаютъ попытки одухотворенія ихъ болѣе глубокимъ смысломъ.

Рис. 431. БОРГЕЗСКІЙ РЕЛЬЕФЪ МИѲРЫ.
Лувръ. Ср. Cumont, Myst d. Mithra, табл. I.
Мотивъ заимствованъ изъ изображенія Ники, приносящей въ жертву быка; онъ впервые появляется на балюстрадѣ Ники въ Аѳинахъ.

Въ этихъ стремленіяхъ соединялись древняя премудрость Востока и современная философская спекуляція.

Миѳра. Изъ числа новыхъ культовъ, присоединившихся къ древнимъ, самымъ замѣчательнымъ былъ культъ Миѳры. Онъ возникаетъ на арійской почвѣ и переноситъ персидскій дуализмъ на востокъ: возвышенное представленіе о двухъ мірахъ добрыхъ и злыхъ духовъ, которые живутъ въ постоянной, то стихающей, то разгорающейся взаимной

Рис. 432. РЕЛЬЕФЪ МИОРЫ (ГЕДДЕРНГЕЙМЪ). Лицевая сторона.

Ср. Cumont, Myst. d. Mithra, табл. 3.

Миора, юноша въ восточной одеждѣ, закалываетъ быка (ср. стр. 740), кровь котораго подлизываютъ собака, левъ и змѣя. Направо и налѣво спутники бога, Cautes и Cautopates, съ опущеннымъ и поднятымъ факеломъ. Арка надъ гротомъ украшена 12-ю знаками зодіака. Обрамляющіе рельефы (въ четырехъ углахъ его четыре времени года) изображаютъ миѳы, относящіеся къ Миорѣ, напр. наверху изображены поднимающійся вышсь Гелiосъ, который принимаетъ Миору въ свою колесницу, и опускающаяся ночь; ниже мы видимъ Миору, увлекающаго пойманнаго быка и далѣе Миору съ Гелiосомъ. Изображеніе бога, приносящаго въ жертву быка, являлось ритуальнымъ символомъ и не отсутствовало ни въ одномъ святилищѣ Миоры. Поэтому всюду, особенно же въ Германіи, найдены многочисленныя воспроизведенія этой группы. Они интересно отражаютъ всѣ степени градаціи между тщательнымъ, изящнымъ искусствомъ столицы (рис. 431) и простодушнымъ, часто беспомощнымъ провинціальнымъ искусствомъ, изображавшимъ священнодѣйствіе въ наивной и грубой формѣ и въ плохомъ матеріалѣ (рис. 432). Для поученія вѣрующихъ оно часто окружалось сценами изъ миѳологіи Миоры, подобно позднѣйшимъ порталамъ великихъ средневѣковыхъ соборовъ, на которыхъ мы видимъ нерѣдко такое же наивное изображеніе всей христіанской исторіи спасенія.

борьбѣ на землѣ и небесахъ. Эта религія начинаетъ, одновременно съ христіанствомъ, свое побѣдное шествіе, достигнувшее кульминаціоннаго момента въ III стол., такъ что была пора, когда можно было сомнѣваться, кто покоритъ міръ—Миѳра или Іисусъ Христосъ.

Древнеарійскій богъ свѣта Миѳра въ системѣ Зороастра превращается въ сподвижника Агурамазды. Мы не знаемъ, когда и какимъ образомъ онъ снова овладѣваетъ умами въ средней Азіи; во всякомъ случаѣ, киликійскіе морскіе пираты впервые знакомятъ съ нимъ римлянъ. Распространеніе его культа, однако, начинается лишь въ самомъ началѣ второго столѣтія по Р. Хр. Въ Элладѣ его культъ не привился; но легіоны переносятъ его изъ Азіи въ Дунайскія страны, оттуда въ Германію, гдѣ многочисленные памятники свидѣтельствуютъ о немъ, и дальше вплоть до Британніи и Африки. Ибо „непобѣдимый герой солнца“ былъ типичнымъ божествомъ солдатъ, всюду ведущимъ своихъ воителей къ борьбѣ и побѣдѣ. Каждый человѣкъ переживаетъ борьбу свѣта и мрака; ее рѣшаютъ исключительно мужество и дѣятельная сила. Послѣ смерти человѣка изъ-за души его происходитъ борьба благихъ и злыхъ силъ. Только передъ посвященнымъ, знающимъ священныя заповѣдныя слова, открываются восемь вратъ, ведущихъ въ высшую небесную обитель вѣчнаго блаженства. Какъ на землѣ, такъ и на небесахъ, Миѳра является постоянно спасающимъ, постоянно охраняющимъ стражемъ, посредникомъ между земной и потусторонней жизнью. Ибо онъ самъ нисходилъ на землю и снова вознесся къ небесамъ. Поймавъ и заклавъ быка, первое существо, созданное Агурамаздой, Миѳра становится творцомъ міра, возникшаго изъ тѣла и крови быка. Такимъ образомъ, въ этой религіи мужество соединяется съ глубокой духовной сущностью, сквозящей въ ней несмотря на всѣ причудливые покровы, окутавшіе ее, особенно благодаря связи съ халдейской астрологіей.

Духовная сущность бога открывалась исключительно передъ посвященными, проходившими рядъ трудныхъ испытаній и ступеней (ворона, солдата, льва и т. д.), пока посвященные не доходили наконецъ до высшей ступени „отца“. Посвященіе носило названіе „таинства“. Очищавшія отъ грѣховности омовенія и священныя поминальныя трапезы (агапы) сравнивались съ христіанскимъ таинствомъ крещенія и причастія. Весь этотъ ритуалъ первоначально происходилъ въ горныхъ пещерахъ; ихъ впослѣдствіи замѣняютъ миѳреи, подземные склепы съ изображеніемъ божества, безчисленное множество которыхъ было найдено на всѣхъ концахъ римскаго государства (напр. въ Заальбургѣ). Ихъ ограниченные размѣры свидѣтельствуютъ о незначительной величинѣ отдѣльныхъ общинъ. Надписи рисуютъ намъ братскій характеръ ихъ жизни и полное отсутствіе соціальныхъ граней. И религія Миѳры сначала была религіей униженныхъ; лишь впослѣдствіи она охватываетъ высшіе соціальные слои и дворъ, признается и санкціонируется, какъ религія войска.

Культъ солнца.

Являясь во всѣхъ отношеніяхъ типичнымъ для мистерій, миѳраизмъ типиченъ и тѣмъ, что онъ покоряетъ и подчиняетъ себѣ всѣ божества странъ, въ которыхъ онъ укореняется. Позднѣйшая эпоха имперіи характеризуется могучимъ тяготѣніемъ къ вѣрѣ въ единаго, вездѣсущаго бога. Оно выражается въ культѣ солнца, видимаго дарователя свѣта, тепла и жизни, къ которому уже люди сѣдой старины молитвенно простирали свои руки. Императоры поощряли его, а со временъ Нерона они часто изображались увѣнчанными вѣнцомъ Геліоса: ибо они были его земными замѣстителями, носившими, подобно ему, имя непобѣдимыхъ. Правда, когда Елагабалъ, жрецъ солнца на импе-

раторскомъ престолѣ, торжественно перевозитъ въ 219 году каменный фетишъ своего божества изъ сирійской Эмесы въ Римъ и объявляетъ себя богомъ—покровителемъ государства, то вся эта церемонія скорѣе производитъ впечатлѣніе кошмарнаго мимолетнаго привидѣнія. Но 55 лѣтъ спустя Авреліанъ воздвигаетъ тому же богу солнца грандіозный храмъ на Палатинѣ. При Константинѣ Вел., побѣдившемъ въ 312 г. знаменемъ креста, еще чеканятся монеты съ изображеніемъ Геліоса, а Юліанъ въ своихъ рѣчахъ посвящаетъ ему вдохновенный гимнъ. Тѣмъ временемъ, однако, его свѣтъ начинаетъ меркнуть отъ сіяющихъ и согрѣвающихъ лучей, которыми христіанство озарило римскій міръ.

15. ХРИСТІАНСТВО.

Нравственное міровоззрѣніе человѣчества два раза кореннымъ образомъ перерождалось въ античномъ мірѣ: въ ученіи Сократа (Э. К., стр. 541) и въ христіанствѣ. Оба движенія противоположными путями стремятся къ одной и той же высокой цѣли: сократика создаетъ отвѣтственную мораль исключительно на основаніи знанія человѣческаго существа, независимо отъ религіи, христіанство—создаетъ се въ религіозномъ подчиненіи божественному откровенію. И то и другое ученіе сильны тѣмъ цѣльнымъ синтезомъ глубочайшаго духовнаго содержанія своего времени, который они осуществляютъ, они сильны удовлетвореніемъ сознательныхъ и безсознательныхъ исканій его. Ихъ благое вліяніе на человѣчество не прекращается и понынѣ.

Точка зрѣнія.

Раньше на христіанство смотрѣли только какъ на чудесное божественное явленіе, непосредственно принесшее грѣховному міру спасеніе свыше. Лишь современное изслѣдованіе, въ которомъ теологія и филологія то враждебно, то мирно соединяютъ свой трудъ, научаетъ насъ оцѣнивать христіанство въ рамкахъ соотвѣтствующаго времени. Результаты этого научнаго изслѣдованія, вначалѣ часто выходившаго далеко за предѣлы искомаго, глубоко волновало умы. Оно, однако, не только разрушало, но и созидало; благочестивая вѣра не можетъ потерпѣть ущерба отъ чисто историческаго вопроса о превращеніи христіанства въ концѣ римской имперіи во всемірную религію и о причинахъ и теченіи этого процесса. Здѣсь мы только съ этой точки зрѣнія будемъ говорить о христіанствѣ.

Іисусъ Христосъ.

Христіанство родилось въ заброшенномъ мѣстечкѣ на Востокѣ и выросло подъ сѣнью іудейства. Когда оно перешло за границы Палестины, его апостолы направляются въ греческихъ городахъ сначала въ „школы“ іудеевъ. Однако, религія человѣчества не могла вырости изъ одной только ревниво охраняемой и упорно замкнутой религіи „избраннаго Богомъ народа“. Чарующей, покоряющей сердца мощью своего слова

Рис. 433. САРКОФАГЪ, ИЗОБРАЖАЮЩІЙ СБОРЪ ВИНОГРАДА.
Мраморъ. Римъ, Латеранскій музей. Съ фотографіи.
Все поле рельефа покрыто виноградными вѣтвями. Три статуи добраго пастыря (ср. рис. 377), возвышающіяся посрединѣ и по угламъ на постаментахъ, нѣсколько расчленяютъ поле его. Рельефъ напоминаетъ намъ позолоченныя изображенія того же типа, которыми Константинъ Вел. украсилъ свою новую резиденцію. Среди виноградныхъ лозъ рѣзвятся многочисленные амуры, собирающіе виноградъ и выжимающіе его. На вѣткахъ сидятъ птицы и на сучкѣ виситъ пастушеская свирѣль. Въ нижней полосѣ пастухъ доитъ овцу.

и существа Іисусъ основываетъ вокругъ себя небольшую общину. Но не отъ міра сего было Его царство; міръ эллинистической культуры былъ совершенно чуждъ какъ Ему, такъ и Его ученикамъ; уже одно незнаніе обоихъ всемірныхъ языковъ лишало ихъ возможности нести свое ученіе въ міръ и проповѣдывать его народамъ. Путь въ Европу ему открываетъ Павелъ, апостолъ язычниковъ, какъ онъ самъ называлъ себя.

Павелъ.

И Павелъ былъ іудеемъ, но не бѣднымъ рыбакомъ изъ Галилеи, а сыномъ римскаго гражданина изъ Тарса въ Киликіи; онъ съ дѣтства зналъ греческій языкъ и выросъ подъ вліяніемъ эллинской культуры. Если не до своего обращенія въ христіанство, то, во всякомъ случаѣ, послѣ него онъ знакомится съ религіозными теченіями эпохи, съ которыми ему предстояла борьба, больше того—мы можемъ его самого назвать мистикомъ и гностикомъ. Чудесное переживаніе,—экстатическое видѣніе воскресшаго изъ мертвыхъ Христа, совершенно преобразило его жизненный путь; самъ Павелъ ссылается на это лично ему ниспосланное откровеніе, а не на жизнь и дѣянія Христа, которыхъ онъ не видѣлъ. Этимъ путемъ онъ становится какъ основателемъ индивидуальнаго христіанства, построеннаго исключительно на личной вѣрѣ, такъ и мірового христіанства, которое онъ освобождаетъ отъ узъ іудейскаго закона.

Христіанская литература.

Посланія Павла кладутъ основу произведеніямъ христіанской литературы. Первая христіанская община не нуждалась въ письменныхъ свидѣтельствахъ того, что она сама пережила; она жила вѣрой

въ грядущаго Мессію и созданіе его царства. Лишь постепенно пробуждается стремленіе запечатлѣть слова Учителя и закрѣпить Его образъ. Мы видимъ отраженіе этихъ преданій, насколько они впослѣдствіи были признаны каноническими, въ четырехъ Евангеліяхъ. Евангеліе.
Это не историческіе труды, а народныя религіозно-нравоучительныя книги, имѣвшія въ глазахъ вѣрующей общины силу божественнаго откровенія, исключавшаго всякую критику. Тѣмъ не менѣе, даже при объективной оцѣнкѣ ихъ, какъ литературныхъ произведеній и памятниковъ того времени (о чемъ впервые говорилъ Гердеръ), они представляютъ единственное въ мірѣ явленіе. Чуждыя всякой искусственности, съ потрясающей простотой и честностью, они описываютъ рѣчи и чудесныя дѣянія, страданія и смерть Іисуса и явленія воскресшаго Спасителя, который превращаетъ своихъ сомнѣвающихся и маловѣрующихъ учениковъ въ безстрашныхъ мучениковъ вѣры. Они съ необычайной живостью переносятъ насъ и понынѣ въ ту отдаленную страну и къ тому своеобразному народу, гдѣ все это совершалось.

Посланія Павла, возникшія раньше Евангелій, и Дѣянія Посланія Павла.
апостоловъ рисуютъ намъ первые шаги молодой, увѣренной въ своей будущей побѣдѣ религіи, сдѣланные въ эллинистическій міръ, ея первыя столкновенія съ языческими философами въ Аѳинахъ, съ алчными почитателями великой Діаны Эфесской и полуязыческими мистиками, пытавшимися нарушить чистоту новаго ученія восточнымъ мистицизмомъ. Въ томъ, что Павелъ самъ былъ знакомъ съ мистикой, насъ убѣждаютъ выраженія, объяснимыя только изъ мистическаго круга воззрѣній, напр., когда Павелъ называетъ себя „пневматикомъ“ (стр. 749) или „плѣненнымъ во Христѣ“, и живо ощущаетъ въ себѣ двойное бытіе („я живу; но отнынѣ не я, а Іисусъ живетъ во мнѣ“). Его посланія свидѣтельствуютъ о безкорыстномъ, неутомимомъ трудѣ духовнаго учителя, увѣщевающаго, карающаго и приносящаго утѣшеніе, упорно борющагося съ клеветой іудаистовъ и ложноученіями заблуждающихся братьевъ. Съ той же безпощадностью этотъ страстный человѣкъ кается въ личныхъ недостаткахъ, открываетъ передъ нами непрестанную внутреннюю борьбу въ себѣ самомъ. Итакъ, эти посланія носятъ характеръ то проповѣдей, то діатрибъ, то простыхъ писемъ, то захватывающей душу исповѣди одного изъ величайшихъ людей, когда-либо существовавшихъ на землѣ. Ясно, что этотъ властный индивидуалистъ долженъ былъ имѣть громадное вліяніе на возникавшую религію. Границы этого вліянія остаются, разумѣется, спорнымъ вопросомъ, возбуждавшимъ очень разнорѣчивые отвѣты. Павелъ совершенно справедливо энергично воспротивился узости древней общины въ Іерусалимѣ; но предположеніе о томъ, что Павелъ построилъ христіанскую догму на эллинистическихъ основахъ, сильно преувеличено.

«Откровеніе». Наконецъ, взглядъ, брошенный на „Откровеніе Іоанна“, которое со своей жгучей фантастичностью кажется намъ такимъ загадочнымъ въ рамкахъ Новаго Завѣта, убѣждаетъ насъ въ томъ, что этотъ „буревѣстникъ“ можетъ быть понятъ только въ связи съ породившимъ его временемъ. Не одно только указаніе на Нерона, какъ на предвѣстника Антихриста (глав. 13), даетъ намъ ключъ къ его толкованію; несомнѣнно, что вся древняя проповѣдь апостоловъ съ ея надеждами на будущее вырастаетъ изъ опредѣленнаго настроенія эпохи, шедшаго съ Востока и издавна существовавшаго въ іудейскомъ народѣ (Іезекіилъ, Даніилъ); оно даетъ пышные цвѣты и въ христіанскую эпоху. Мы видимъ съ другой стороны, насколько библейская книга превосходитъ всѣ остальные Апокалипсисы возвышенностью образовъ и мыслей. Стоитъ только вспомнить грубо-чувственную картину загробныхъ мукъ въ недавно найденномъ Апокалипсисѣ Петра, примыкающую къ орфически-пиѳагорейскимъ представленіямъ; онъ могъ бы послужить образцомъ Данте. — Что касается надлежащей оцѣнки остальныхъ новозавѣтныхъ писаній, то правильная точка зрѣнія можетъ быть достигнута только путемъ ихъ сравненія съ апокрифическими евангеліями и посланіями, изощряющимися въ нагроможденіи чудесныхъ разсказовъ и напоминающими своимъ тяготѣніемъ къ сенсаціонному свѣтскую литературу соотвѣтствующей эпохи.

Греческая Библія. Всѣ эти произведенія написаны на греческомъ языкѣ. Только при посредствѣ всемірнаго языка христіанство могло стать всемірной религіей; это была послѣдняя великая услуга, оказанная человѣчеству греческой Koine (стр. 86 слл.). При этомъ не слѣдуетъ обособлять библейскій языкъ отъ греческаго языка того времени вообще; не слѣдуетъ, какъ это дѣлали раньше, искать въ немъ семитизмовъ или христіанскихъ новообразованій. Только теперь, благодаря безчисленнымъ папирусамъ, мы знаемъ языкъ, на которомъ говорилъ простолюдинъ въ эпоху имперіи; въ высшей степени интересно наблюдать, какъ апостолы, говоря чисто народной, выразительной и общепонятной рѣчью, вкладываютъ глубочайшія религіозныя понятія въ обыденныя слова, облагораживая ихъ этимъ. Вотъ въ чемъ коренилась самобытная сила и свѣжесть ихъ проповѣди, и тѣмъ же путемъ идетъ 1500 лѣтъ спустя Лютеръ, создавая нѣмецкій библейскій языкъ.

Гоненія. Въ глазахъ язычниковъ новая религія являлась одной изъ многихъ сектъ (разумѣется, іудейской), вызывавшей протестъ своимъ рѣзкимъ отрицаніемъ всѣхъ остальныхъ „мистерій“. Ея первые адепты также принадлежали къ низшимъ общественнымъ слоямъ, и лишь съ теченіемъ времени къ ней примыкаютъ и высшіе. Вскорѣ новая религія обращаетъ на себя вниманіе правительства; ибо христіане не были общиной, признанной государствомъ, и считались поэтому „безбожниками“; ихъ непоколебимая вѣра въ грядущій конецъ міра казалась опасной для государства. Замкнутая жизнь общинъ и, быть-можетъ, ненависть евреевъ способствовали распространенію тѣхъ ужасныхъ слуховъ, которые приписывали христіанамъ всѣ тѣ преступленія, которыя фактически совершались во время мистерій. Начались

гоненія (ср. стр. 680 и 732); было пролито немало благородной христіанской крови, хотя легенда преувеличиваетъ какъ размѣры гоненій, такъ и число мучениковъ. Ибо многіе отрекались отъ своей вѣры — листокъ папируса сохранилъ намъ офиціальный документъ съ подобнымъ отреченіемъ—и лишь великія гоненія со времени Деція (250) и Діоклетіана (303) преслѣдовали цѣль совершеннаго искорененія христіанства. Но было уже поздно. Тѣмъ временемъ христіанская церковь успѣла пріобрѣсти, благодаря своей строгой организаціи и неудержимо растущему числу адептовъ, громадную мощь. Уже въ 313 г. Константинъ Вел. (рис. 434) издаетъ свой эдиктъ о вѣротерпимости; затѣмъ христіанство объявляется государственной религіей, оказавшейся послѣдней опорой государству, которому грозило разрушеніе. Подобно тому, какъ нѣкогда въ эллинскомъ городѣ-государствѣ, симва былъ заключенъ тѣсный союзъ между государствомъ и церковью, перешедшій и въ средневѣковую монархію, и повлекшій за собой безконечную борьбу благодаря властолюбію церкви.

Рис. 434. КОНСТАНТИНЪ ВЕЛИКІЙ.
Съ фотографіи Бродки.
Колоссальная голова статуи изъ базилики Максентія. Мраморъ. Римъ.

Жажда спасенія.

Необходимымъ условіемъ быстраго распространенія христіанства, несмотря на всѣ, испытываемыя имъ, гоненія, было единство всемірной монархіи, обнимавшей все человѣчество. Тѣмъ не менѣе, оно было бы невозможно, если бы сѣмя его не падало на воспріимчивую почву. Напряженная религіозно-эмоціональная жизнь наполняла, какъ мы видѣли (стр. 734), дряхлѣющій античный міръ новой жаждой божественнаго откровенія, жаждой чуда и потусторонникъ чаяній, вѣрой въ всебожество, высоко царящее надъ пестрой вереницей древнихъ божествъ. Это горячее исканіе полнаго единенія съ богомъ могло быть удовлетворено только демоническимъ, посредствующимъ существомъ, только нисшедшимъ съ небесъ Спасителемъ. Въ наше время многіе не могутъ примириться съ догмой, объявляющей Христа одновременно истиннымъ Богомъ и истиннымъ человѣкомъ: въ тѣ времена ей открывались сердца людей, которые не поняли бы Спасителя-человѣка. Вѣдь почитались же люди, творившіе чудеса, вродѣ Аполлонія Тіанскаго, какъ сыны божества.

Увѣренность въ спасеніи.

Теософская философія и восточныя мистеріи шли навстрѣчу этимъ настроеніямъ эпохи; но первая не могла дать интеллигентнымъ общественнымъ слоямъ увѣренности въ спасеніи, вторая не могла ея дать народнымъ массамъ. Свѣтъ христіанства сіялъ ярче ихъ, подобно

Рис. 435. САРКОФАГЪ ІОНЫ.

Мраморъ. Изъ подземелій Ватикана, нынѣ въ Латеранскомъ музеѣ. Съ фотографіи.

Верхняя полоса налѣво изображаетъ пробужденіе Лазаря, въ серединѣ Моисей, высѣкающій изъ скалы источникъ, рядомъ сцена, которую пока еще не удалось опредѣленно истолковать—вѣроятно, Моисей на молитвѣ. Остальная часть рельефа изображаетъ легенду о Іонѣ. Внизу налѣво на морскомъ берегу два рыбака съ наполненной корзиной. Дальше корабль, съ котораго Іона попадаетъ въ пасть морского чудовища; въ верхней полосѣ солнце, символизирующее морскую тишину и спасеніе, и окрыленная буря, полузакрытая скалой Моисея. Дальше морское чудовище, извергающее Іону на берегъ. Въ углу надъ головой чудовища миніатюрный Ной въ ковчегѣ плыветъ по волнамъ и голубь летитъ съ вѣткой маслины. На берегу среди всякихъ животныхъ спящій Іона подъ сѣнью тыквы. Направо за нимъ пастухъ передъ стойломъ, около входа котораго находятся двѣ овцы, передняя изъ которыхъ лежитъ; ниже рядомъ съ цаплей, ловящей рыбу, рыболовъ, извлекающій изъ воды огромную рыбу къ восторгу своего мальчика.

солнцу, прорывающемуся сквозь облака, именно потому, что оно не было ни философіей, ни мистеріей. Въ его основѣ лежалъ опредѣленный религіозный памятникъ, а не древній миѳъ. Тѣлесно въ недавнемъ прошломъ жилъ среди живыхъ людей Богочеловѣкъ, Спаситель труждающихся и обремененныхъ. Его „благая вѣсть“ была обращена ко всему человѣчеству; ибо передъ Богомъ сглаживаются всѣ грани сословій, рода, образованія или національности. И вѣсть Христа всѣмъ была понятна; она не представляла собой тайнаго ученія, въ которое вѣрующіе посвящались постепенно и которое становилось полнымъ достояніемъ лишь немногихъ избранниковъ. Дѣтски-простодушное міровоззрѣніе новой религіи, корни и цѣль которой были въ потустороннемъ мірѣ и которая отрицала, казалось, земную жизнь со всѣми ея радостями, было не антично, но отвѣчало духу времени. Сліяніе души съ божествомъ, богосыновничество одухотворяло личность человѣка новымъ достоинствомъ и содержаніемъ. Это единеніе достигалось не путемъ суроваго аскетизма и не безплодной внѣшней добродѣтелью, а внутреннимъ переживаніемъ любви къ Богу, здоровой религіозностью, которой было совершенно чуждо романтическое, сентиментальное и пессимистическое настроеніе поздней античности.

Ибо любовь къ Богу порождала любовь къ ближнему; какъ немногочисленны древніе мудрецы, проникнутые сознаніемъ „Люби ближняго, какъ самого себя“, не говоря уже о любви къ врагамъ! Первая община совершенно серьезно относилась къ осуществленію этой всеобъемлющей заповѣди. Она помогала бѣднымъ, заботилась о боль-

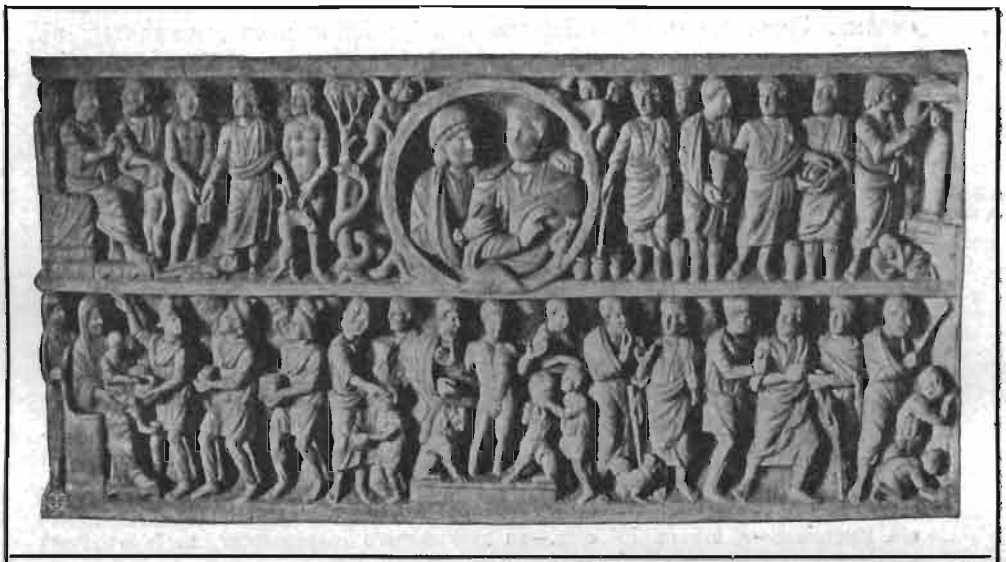

Рис. 436. САРКОФАГЪ.

Изъ S. Paolo fuori le mura, нынѣ въ Латеранскомъ музеѣ. Съ фотографіи.

Изображенія расположены въ два яруса; верхняя полоса прерывается щитомъ, поддерживаемымъ амурами, съ портретами нѣжно обнявшейся супружеской четы, почившейся въ саркофагѣ. Саркофаги часто вмѣщали двухъ покойниковъ. Мужчина держитъ книжный свитокъ. Наверху налѣво Богъ Отецъ, сотворяющій Еву; затѣмъ Христосъ (Logos), держащій колосья и овцу въ рукѣ; этимъ указывается первому человѣку его главное занятіе (земледѣліе и скотоводство); далѣе древо познанія добра и зла, обвитое змѣемъ. Направо отъ щита чудо умноженія вина и хлѣба и воскрешеніе Лазаря. Нижняя полоса налѣво изображаетъ поклоненіе трехъ волхвовъ; далѣе исцѣленіе слѣпого и Даніила средя львовъ; наконецъ Аввакума, приносящаго хлѣбъ пророку. На правой сторонѣ—предѣстіе отреченія Петра, символизированное въ образѣ пѣтуха; Моисей въ молитвѣ или взятіе въ плѣнъ Петра; наконецъ Моисей у скалы.

ныхъ и оказывала пріютъ пришельцамъ. Такимъ образомъ, въ христіанствѣ тѣсно объединяются истинная религіозность и истинная нравственность; въ этомъ коренится его всепокоряющая мощь, высоко подымающая его надъ всѣми религіями міра. Дѣйственна была также та рѣшимость, съ которой христіанство, въ противоположность усталой терпимости данной эпохи, съ самаго начала отвергало примиреніе съ остальными существующими религіями. Непоколебимая вѣра мучениковъ, видѣвшихъ небеса передъ смертью отверстыми и радостно умиравшихъ, не меньше увеличивала число христіанскихъ адептовъ, чѣмъ то тихое дѣло любви, которое совершала христіанская община.

Способность къ приспособленію.

Это внутреннее совершенство христіанства ничуть не уменьшается отъ признанія, что оно на своемъ побѣдномъ пути отъ іудейства къ міру эллинизма многое заимствовало отъ того и другого. Кто въ этомъ сомнѣвается или видитъ отрицательную сторону, тотъ не знастъ, что народная религія становится всемірной, только благодаря этой способности приспособленія и воспріимчивости, тотъ забываетъ, что христіанскія догмы выработались въ то опредѣленное и цѣльное ученіе, которое мы знаемъ, только благодаря борьбѣ съ этими двумя

силами. Зависимость христіанства отъ іудейства ясно выражается въ его происхожденіи, въ неразрывной связи съ Ветхимъ Завѣтомъ, предсказанія котораго долженъ былъ осуществить іудейскій Мессія (ср. рис. 376, 435, 436); опредѣлить эллинистическіе элементы уже потому труднѣе, что до насъ почти не сохранились книги духовно назидательнаго содержанія и литургіи языческихъ культовъ. Впрочемъ, дѣло не въ томъ, имѣемъ ли мы передъ собой въ каждомъ данномъ случаѣ непосредственное заимствованіе, какъ часто утверждалось подъ вліяніемъ радости находки или враждебной предвзятости мнѣнія; важенъ фактъ родства съ одной изъ античныхъ религій.

Античная религія.

Епифанія, т.-е. видимое появленія божества на землѣ, его страданія, смерть и воскресеніе, сошествіе человѣческой души съ небесъ, ея плѣненіе въ тѣлѣ, новое вознесеніе въ царство свѣта—все это входило въ кругъ представленій мистерій. Почитатели Миѳры также освящались таинствомъ крещенія и собирались на общія трапезы, символизировавшія, повидимому, послѣднюю земную вечерю бога. Христіанство, конечно, не заимствовало всего этого у мистическихъ религій, но принаровленіе Рождества—и это съ IV стол.—ко дню зимняго солнцеворота, когда въ Римѣ зажигались сатурнальскіе огни въ честь непобѣдимаго бога солнца, не можетъ быть случайностью. Характерно, что троичность христіанскаго Бога согласовалась со многими тѣсно сплоченными языческими божественными троицами; наконецъ, поклоненіе Дѣвѣ Маріи замѣняло отсутствіе женскаго божества въ христіанской религіи. Въ постепенно развивавшемся культѣ святыхъ снова возрождается политеистическое представленіе, по которому человѣкъ въ своемъ горѣ нуждается въ личномъ, индивидуальномъ защитникѣ. Святые безсознательно замѣняютъ локальныя и домашнія божества; ихъ легенды нерѣдко воспроизводятъ античные миѳы, и ихъ культовый ритуалъ сохраняетъ языческія формы.

То, что неразрывно сжилось съ народной религіей, было принято и облечено въ христіанскую форму подобно тому, какъ древніе храмы были превращены въ церкви. Дѣва Марія уже въ V стол. замѣняетъ дѣвственную Аѳину въ Парѳенонѣ, а въ соборахъ Сиракузъ и Джирженти возвышаются античныя дорическія колонны.

Философія.

Христіанство многое заимствовало и изъ эллинистической философіи. Каждый стоикъ, обращавшійся въ христіанство, убѣждался въ совпаденіи принциповъ стоической этики съ жизнью христіанъ; цѣлые отдѣлы изъ Сенеки могли бы составлять содержаніе христіанскихъ духовныхъ книгъ. Когда, поэтому, церковь отъ практической дѣятельности переходитъ къ нормативному обоснованію своихъ принциповъ нравственности, она находитъ готовыя основы ея въ популярной философіи. Теологическое направленіе философіи, распространившееся въ моментъ зарожденія христіанства, имѣло еще болѣе сильное вліяніе на выработку христіанской догматики. Она же была виновницей того, что божество, такъ близко подошедшее къ человѣку въ лицѣ Христа, грозило снова скрыться въ таинственную неземную даль. Знаменитыя слова о Логосѣ въ началѣ Евангелія отъ Іоанна служатъ самымъ яснымъ и далеко не единственнымъ доказательствомъ того, какъ рано началось это вліяніе. Тутъ не мѣсто распространяться о томъ, насколько далеко

оно простиралось въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Мы уже у Сенеки встрѣчаемъ, напр., мысль объ очищеніи души огнемъ до ея перехода въ царство блаженныхъ, т.-е. воззрѣніе о чистилищѣ, возведенное въ догму лишь Григоріемъ Великимъ. Именно тѣмъ, что новая религія, воспринявшая въ себя столько чуждыхъ элементовъ, не утратила своей силы, она доказала свою жизненную мощь.

Гностицизмъ.

Это подтверждается и побѣдой христіанства надъ гностицизмомъ, сложнымъ религіознымъ движеніемъ, пришедшимъ съ Востока и охватившимъ сначала іудеевъ и язычниковъ, а затѣмъ и христіанъ. Гностицизмъ стремится возвысить „пневматика“, одухотвореннаго человѣка, путемъ совершенства познанія (гнозисъ) надъ наивной вѣрой (pistis) толпы; онъ выступаетъ съ соблазнительнымъ обѣщаніемъ сліянія христіанства и язычества въ высшее философское единство. Это былъ хотя неясный, но вполнѣ соотвѣтствующій духу времени синкретизмъ древнихъ космогоническихъ и новыхъ синкретическихъ идей, философской спекуляціи и мистическихъ чудесъ, глубокомыслія и нелѣпости, вѣры и суевѣрія. Аллегорическое толкованіе примиряло всѣ контрасты, окутывая историческіе факты христіанства призрачной неясностью. Безплодное умствованіе создаетъ, подобно позднѣйшимъ новоплатоникамъ, построеніе невидимаго міра съ искусственной градаціей; видимый міръ, какъ созданіе низшаго духа, былъ грѣховенъ и нуждался въ искупленіи, его приноситъ Іисусъ—высшій духъ въ мірѣ свѣта—покоряющій власть тьмы.—Это широко распространенное ученіе грозило громадной опасностью раннему христіанству; если ему суждена была побѣда, разложеніе и упадокъ христіанства были неизбѣжны. Поэтому со II столѣтія начинается ожесточенная борьба отцовъ церкви съ этой ересью, борьба, въ которой католическая церковь вылилась въ опредѣленныя формы и установленъ былъ канонъ новозавѣтныхъ писаній.

Отцы церкви.

Отцы церкви. На первыхъ порахъ христіанство относится враждебно къ культурѣ и образованности. Христіанскія общины состоятъ преимущественно изъ торговцевъ, купцовъ, ремесленниковъ и рабовъ. Даже интеллигенція и знать, примкнувшія къ нимъ впослѣдствіи, также видѣли въ переутонченной культурѣ источникъ всеобщей испорченности, отъ которой они спасались; они были совершенно правы, считая углубленіе въ языческую премудрость излишнимъ и опаснымъ для молодой религіи. „О Богѣ можетъ научить только Богъ“, говоритъ въ 177 году апологетъ Аѳенагоръ. Въ это же столѣтіе ассиріецъ Татіанъ преслѣдуетъ грековъ своей ярой ненавистью, а Тертулліанъ совершенно отвергаетъ языческое искусство и ученость. Однако, вскорѣ картина мѣняется: люди, принявшіе христіанство въ зрѣлые годы, слишкомъ глубоко ушли въ софистику, уча или учась, чтобъ сбросить ее съ себя, точно изношенное платье, а болѣе вдумчивыя натуры требовали философскаго обоснованія новаго міровоззрѣнія. Прежде всего было ясно, что противоборниковъ новой религіи, прочно вооруженныхъ античной ученостью, можно было отражать исключительно тѣмъ же оружіемъ, ихъ насмѣшки надъ невѣжественностью христіанъ можно было прекратить исключительно достиженіемъ ихъ степени образован-

ности. Такъ возникаетъ христіанская наука, покоящаяся на греческихъ основахъ, и возвысившаяся отъ безпомощныхъ попытокъ до глубокаго совершенства въ литературныхъ и филологическихъ пріемахъ, подобно первымъ скромнымъ убѣжищамъ богослуженія, разросшимся впослѣдствіи, когда христіанство покорило умы, въ чудесныя творенія искусства, созданныя при помощи всѣхъ тѣхъ средствъ, которыя давали архитектура и скульптура (рис. 438). Всѣ силы были напряжены въ этой борьбѣ за высшіе идеалы; древнія формы оживлялись новымъ содержаніемъ и свѣжей жизнью; возникаетъ патристика, главныя произведенія которой въ теченіе столѣтій не переставали въ сильнѣйшей степени вліять на человѣчество.

Рис. 437. ЕПИСКОПСКОЕ КРЕСЛО ИЗЪ РАВЕННЫ.

Съ фотографіи.

Работа VI-го столѣтія. По преданію—это кресло святого Максиміана. Всѣ деревянныя части были облицованы слоновой костью, не всюду сохранившейся. Всѣ удѣлавшія украшенія поражаютъ необыкновенной красотой, особенно животныя въ орнаментѣ фронта.

Александрія.

Въ этой литературѣ и греки, и римляне принимали равное участіе; но возникла она въ Африкѣ. Уже во II-мъ столѣтіи въ Александріи основывается греческая катехизическая школа. Здѣсь въ соревнованіи съ древними знаменитыми центрами культуры и въ полемикѣ съ гностицизмомъ осуществляется первое сліяніе христіанской вѣры съ греческой ученостью. Ученый Климентъ изъ Александріи (ум. около 215 г.) пытается обратить язычниковъ путемъ знанія, называя философію „подготовленіемъ къ Евангелію“. Оригенъ (ум. въ 254 г.), который заслуживаетъ, какъ полиисторикъ, быть названнымъ рядомъ съ Варрономъ, вводитъ платонизмъ въ христіанство; вооруженный пріемами александрійской филологіи, онъ отваживается на сложную задачу библейской критики текста.

Карѳагенъ.

Въ Карѳагенѣ первые латинскіе отцы церкви работаютъ надъ иными задачами. Такъ какъ господствующимъ языкомъ церкви все еще продолжаетъ быть греческій, то необходимо было сдѣлать доступнымъ и для христіанъ, говорившихъ на латинскомъ языкѣ, какъ все священное писаніе, такъ, позднѣе, и произведенія греческихъ отцовъ церкви. Такимъ образомъ, возникаетъ точный „африканскій“ переводъ Библіи, рядомъ съ которымъ впослѣдствіи встало Itala. И тотъ и другой переводъ лишь въ IV столѣтіи замѣняются вульгатой Іеронима, имѣющей до нашего времени каноническое значеніе въ католической цер-

кви. Тогда какъ у грековъ существовали готовыя формы библейскаго языка, которыя они сохраняютъ, христіанско-латинскій литературный языкъ необходимо было создать; такіе выдающіеся люди, какъ Тертулліанъ (ум. около 230 г.), Лактанцій и Августинъ, всѣ трое африканцы, берутъ на себя эту работу, сначала въ трудной борьбѣ съ языкомъ, впослѣдствіи, взявъ за образецъ Цицерона, находившагося въ эту эпоху въ пренебреженіи. Каковы же были результаты? Въ без-

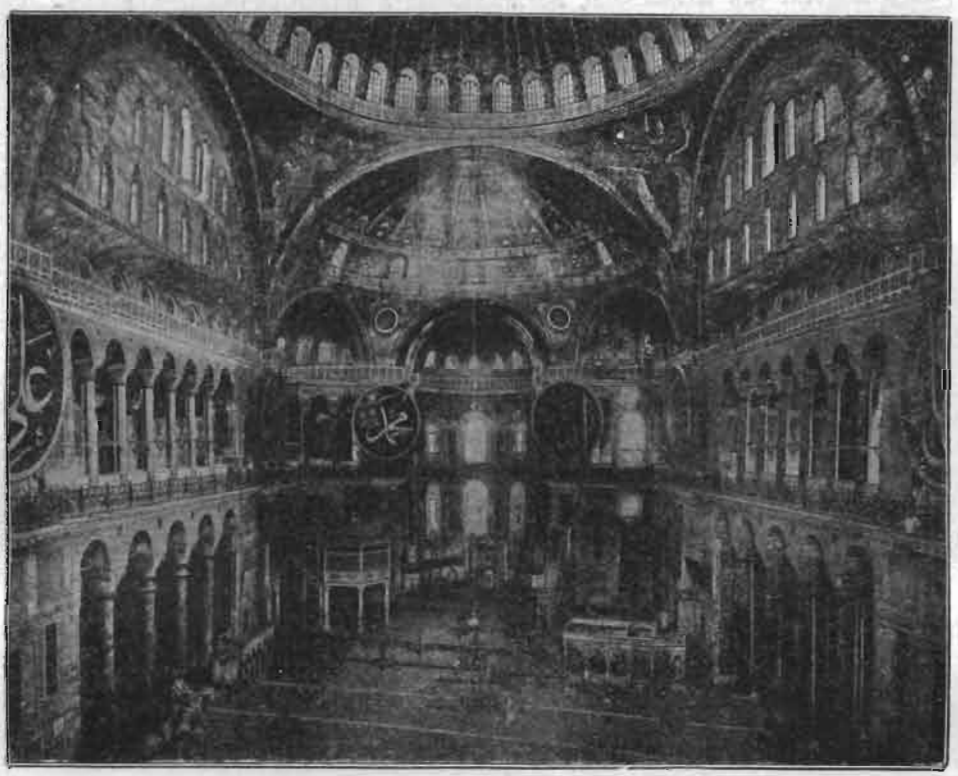

Рис. 438. ВНУТРЕННІЙ ВИДЪ СВЯТОЙ СОФІИ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ.
Ср. рис. 387 на стр. 599. Съ фотографіи.

плодный, безжизненный періодъ языческой римской литературы расцвѣтаетъ христіанская латинская литература, заслуживающая названія классической въ своемъ родѣ, латинскій языкъ становится господствующимъ языкомъ западной католической церкви, оставаясь имъ и до нашего времени.

Трудъ, совершенный великими отцами церкви, былъ громаденъ. Задачи.
Нѣкоторые изъ нихъ рядомъ съ дѣятельностью пастырей, учителей высшей школы и церковныхъ владыкъ отличались поразительной литературной плодовитостью. Іеронимъ говорилъ объ Оригенѣ, что немногіе

люди прочитали столько, сколько онъ написалъ. Задачи, требовавшія ихъ разрѣшенія, были крайне многообразны. Сначала главной задачей являлась защита христіанства отъ язычества, апологетика, къ которой вскорѣ присоединяется не менѣе ожесточенная борьба съ лжеученіями въ самой церкви, съ схизмой и ересями. Наряду съ этимъ развивается самостоятельная литература, обнимавшая попеченіе объ общинахъ, утѣшенія во время гоненій и въ колебаніяхъ совѣсти, толкованіе священнаго писанія (къ сожалѣнію, не исключая и аллегорическаго), нормировку догматовъ, организацію церкви, даже основы христіанской философіи (Лактанцій). Такъ же многообразны и литературныя формы. Большинство книгъ были написаны по опредѣленному поводу; ихъ вызывали къ жизни нужда и потребности времени: трактаты на подобіе діатрибъ, посланія къ намѣстникамъ, даже императорамъ, проповѣди (гомиліи) и пастырскія посланія, иногда діалоги. Для обширныхъ, систематическихъ трудовъ не хватало досуга. Особаго интереса заслуживаютъ сборники посланій; они непосредственнѣе всего переносятъ насъ въ это исполненное броженія время, когда все находилось еще въ состояніи теченія и жизнь людей наполнялась новымъ, богатымъ содержаніемъ. Чтобы ясно представить себѣ все это, достаточно сравнить настолько же могучія, насколько законченныя по формѣ проповѣди Іоанна Златоуста (344—407), съ избитыми школьными декламаціями его знаменитаго учителя Либанія (стр. 714).

Апологетика.

Мы останавливаемся только на апологетикѣ, такъ какъ въ ней отражается полемика новаго и стараго міровоззрѣнія, столкнувшихся наподобіе воды и огня. Борьба ведется то съ фантастической ненавистью, то съ умной осторожностью, то грубымъ орудіемъ, то тонко-заостреннымъ, нерѣдко и отравленнымъ. Вскорѣ выдѣляются многочисленныя общія мѣста, опредѣленные пункты нападенія и типичные пріемы его отраженія, встрѣчающіеся отчасти уже у еврейскихъ апологетовъ и все снова повторяющіеся; только свѣтлые умы вродѣ Тертулліана и Августина умѣютъ внести нѣчто новое и въ этотъ шаблонъ. Нетрудно было доказать несостоятельность политеизма съ его богами и полубогами, съ его обожествленіемъ элементовъ, созвѣздій, даже животныхъ, такъ же какъ нелѣпость культа съ его сжиганіемъ жертвенныхъ животныхъ и почитаніемъ изображеній, созданныхъ рукою человѣка изъ земной матеріи. Философы давно уже отреклись отъ этого безчинства. Яркими красками рисуется безнравственность языческаго міра, развратъ театральныхъ представленій, грубость гладіаторскихъ игръ, роскошь и женская страсть къ нарядамъ, „бѣсовское изобрѣтеніе“ (Кипріанъ). Съ убѣдительностью и ожесточеніемъ опровергаются нелѣпыя обвиненія христіанъ въ убіеніи младенцевъ, въ скрытомъ прелюбодѣяніи и т. п, и болѣе вѣскія обвиненія въ неуваженіи къ національной религіи и императору. Обвиняли христіанъ со времени Нерона и до взятія Рима Аларихомъ (410) и въ томъ, что они были причиной эпидемій, голода, войны и другихъ народныхъ бѣдствія. Надъ всей этой полемикой возвышается вдохновенная исповѣдь внутренне пережитой радостной вѣры и описаніе жизни общины, согрѣтой братской любовью; впослѣдствіи приходилось заимствовать эти картины изъ прошлаго, такъ какъ настоящее далеко не соотвѣтствовало старому идеалу.

Мы ограничимся лишь упоминаніемъ о томъ, что въ это время начинаетъ зарождаться у грековъ и римлянъ христіанская поэзія. Попытки разсказать эпизоды изъ священной исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта въ гексаметрахъ идутъ избитыми путями эпоса. Многочисленныя надгробныя эпиграммы довольно неудачно воспроизводятъ старыя формы. Во время богослуженія втеченіе долгаго времени поются исключительно псалмы. Только съ IV вѣка христіанскіе гимны становятся многочисленнѣе; пренебрегая долготой и краткостью слоговъ, они постепенно переходятъ въ ритмичную поэзію, въ которой впослѣдствіи главнымъ элементомъ становится риѳма. Изъ нихъ на Востокѣ возникаетъ византійское, на Западѣ латинское церковное пѣніе, образцомъ котораго были гимны Амвросія (ум. въ 397 г.) въ ямбическихъ диметрахъ. Поэзія.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ возможности дать характеристику даже наиболѣе выдающихся отцовъ церкви. Греки были болѣе крупными учеными, латиняне болѣе выдающимися личностями, въ которыхъ снова вспыхнули активность и отвага римлянъ. Въ заключеніе мы обратимъ наши взоры только на самаго великаго среди нихъ, на Августина. Ибо въ немъ происходитъ тѣсное сліяніе поздне-античнаго и христіанскаго міровоззрѣнія, господство котораго навсегда укоренилось въ христіанской церкви. Августинъ.

Свои юные (357—383), лучшіе зрѣлые годы и старость (388—430) Августинъ прожилъ въ Африкѣ, на западѣ же, въ Миланѣ, на родинѣ Амвросія, онъ въ 386 г. переживаетъ свой Дамаскъ. Отъ философіи онъ переходитъ къ христіанству. Гортенсій Цицерона преображаетъ девятнадцатилѣтняго чувственнаго юношу въ страстнаго искателя истины. Втеченіи девяти лѣтъ онъ принадлежалъ къ гностической манихейской сектѣ, которая доводитъ его до мрачнаго скептицизма Августинъ съ страстнымъ увлеченіемъ погружается затѣмъ въ новоплатонизмъ (стр. 729 сл.), мистику котораго онъ увѣковѣчилъ въ христіанской догматикѣ. Лишь новоплатонизмъ открываетъ ему путь къ христіанскому откровенію. Окруженный славою учитель реторики сходитъ съ своей „каѳедры лжи“, отказываясь быть презрѣннымъ „продавцемъ слова“. Когда Августинъ въ послѣдней своей тревожной борьбѣ между чувственнымъ наслажденіемъ и душевнымъ спасеніемъ лежалъ въ слезахъ подъ фиговымъ деревомъ, онъ внезапно услышалъ ясный дѣтскій голосокъ изъ сосѣдняго дома, произнесшій слова спасенія: „возьми и прочти“; онъ раскрываетъ, слѣдуя этому призыву, священное писаніе на словахъ Павла (Римл. 13, 13 сл.), которыя завершаютъ его обращеніе. Теперь его благочестивая мать Моника, сопровождавшая, какъ добрый геній, всѣ грѣхи юности и колебанія сына молитвами и горькими слезами, могла спокойно сойти въ могилу. Жизнь.

„Исповѣдь“ Августина (Confessiones, написанныя около 400 г.)—одно изъ самыхъ оригинальныхъ произведеній всемірной литературы, сыгравшихъ особенно крупную роль. Истинно великій человѣкъ, которому ничто человѣческое не было чуждо, который глубже большинства людей задумывался надъ своей душой и судьбою, художникъ слова, пишетъ не только подробную исповѣдь всѣхъ колебаній своей жизни, но съ поразительной искренностью открываетъ передъ нами всю сокровенную глубину своего мышленія, чувства и воли. Больше того! Эта великая исповѣдь передъ лицомъ Бога переходитъ за границы личнаго, она становится книгой всего человѣчества, отражая въ захва- «Исповѣдь».

тывающихъ и правдивыхъ словахъ тайное участіе Бога въ жизни, чуткое исканіе души, жаждущей Божества, и тайну ея сліянія съ нимъ. „Ты насъ сотворилъ ищущими Тебя, наше сердце не находитъ покоя, пока оно не найдетъ его въ Тебѣ“.

«Градъ Божій». Десять лѣтъ спустя, когда Аларихъ осаждалъ Римъ, Августинъ принимается за свое старческое произведеніе—„Градъ Божій“ (De civitate Dei) въ 23 книгахъ. Въ этой послѣдней и самой сильной апологіи передъ нами уже не полемизирующая, а торжествующая церковь. Въ подробнѣйшемъ ученомъ разсужденіи Августинъ разрушаетъ многобожіе, при чемъ онъ,—самъ знающій,—въ противоположность прежнимъ ревнителямъ, всецѣло признаетъ относительное величіе и истину ученій Платона, Цицерона и Сенеки. Августинъ не ограничивается однимъ разрушеніемъ и отрицаніемъ, онъ проводитъ передъ глазами читателя всю священную и всемірную исторію, начиная сотвореніемъ міра и кончая грѣхопаденіемъ, и этимъ кладетъ основу философіи исторіи съ христіанствомъ въ центрѣ. Подобно тому, какъ злу противостоитъ добро (персидско-манихейское воззрѣніе), царству Божіему противостоитъ мірское царство (олицетворенное въ римскомъ государствѣ), они будутъ бороться вплоть до наступленія страшнаго суда.

Значеніе. Этими и многочисленными другими произведеніями Августинъ пріобрѣлъ славу законодателя католической церкви и сдѣлался господствующей интеллектуальной силой западнаго Средневѣковья. Явныя противорѣчія и шероховатости его системы, контрастъ между высокимъ полетомъ мысли и чувства и обыденной дѣйствительностью сглаживались въ большинствѣ случаевъ въ его многогранной личности; они тѣмъ рѣзче сказываются впослѣдствіи. „Сліяніе божественной и человѣческой природы“ (Оригенъ) достигаетъ въ его лицѣ высшаго осуществленія, но въ ущербъ человѣку, который лишается той свободы воли, которая такъ глубоко охранялась древней церковью; человѣкъ тѣмъ больше унижается, чѣмъ выше его можетъ вознести благодать Божья. Такъ удовлетворяется то исканіе твердыхъ устоевъ жизни, которое мы прослѣдили на протяженіи столѣтій; невидимое царство Божье, ожидающее человѣческую душу, въ глазахъ Августина равноцѣнно съ земной церковью, требующей отъ вѣрующихъ безусловнаго подчиненія своему авторитету. Такъ замираетъ послѣдній отзвукъ интеллектуальной свободы античнаго міра, наступаютъ новыя времена, новые идеалы, новая борьба. [*Вагнеръ*].

УКАЗАТЕЛЬ.

Абакъ 267, 334, 505, *рис. 184.*
Абдалонимъ, сидонскій царь 170.
Абидосъ 22.
Абордажный мостъ 326.
Абсолютизмъ эллин. 11 римск. 450, 455.
Августы 286, 453.
Августа арка 505.
Августа бокалы 518.
Августа мавзолей 561.
Августалы 454.
Augusta Treverorum (Триръ) 463, 692.
Августинъ 426, 429, 751, 753.
Августъ 3, 6, 42, 266, 292, 357, 368, 412, 447, 451 сл., 458, 482, 487, 496, 503, 504, 517, 588, 605, 607, 609, 614 сл., 625 сл., 630, 632, 636, 643, 733, *рис. 234, 288, 393.*
Августъ статуя изъ Prima Porta 511, *рис. 288.*
Августодунумъ 692.
Авентинъ 277, 278, 317, 365, 412, 478, 570, *рис. 61.*
Авіенъ 693.
Авреліанъ 352, 450, 455, 741.
Авсоній 692, 695, 696.
Агасій изъ Эфеса 204.
Агаѳоклъ 6, 140.
Ager publicus 312.
Агесандръ изъ Родоса 223.
Агидъ, спартанскій царь 49.
Аглавра 65.
Агонистика 78.
Агораномы 26.
Агрикола 673.
Агриппа, М. Випсаній 451, 453, 508, 510, 556, *рис. 241.*
Агриппина 668. — Младшая 454, *рис. 243.*
Агурамазда 740.
Адалія 582.—Городскія ворота *рис. 254.*
Адамклисси 583.—Трофей 583, *рис. 240, 366.*
Адріанъ 76, 239, 449, 458 сл., 467, 480, 488, 498, 505, 511, 512, 521, 541, 555, 558 сл., 561, 562, 574, 579, 582, 689 сл., 693, 700, 701, 705 сл., 720, 721, *рис. 418.*
Адріатическое море 252, 315.
Арка Адріана въ Аѳинахъ *рис. 251.*
Aelia Capitolina 470.
Aerarium 300, 476.
Азія 5, 6, 15, 17, 52, 312, 469.
Академія Платона 94, 97, 408, 427, 682, 729.
Aqua Claudia 520, *рис. 264.*
Акарнанцы 24.
Акрополь въ Аѳинахъ 38, 202, 218, 583.
— въ Пергамѣ, *рис. 12, 98, 94.*
— въ Пріенѣ 228.
Акростихи 693.
Акротеріи 206, 207.
Актеръ въ Римѣ 352, 359, 384, *рис. 223.*
Акцій Л., трагикъ 384, 398, 413.
Акціумъ 292, 505, 514, 612, 614, 618, 625, 630.
Alae 268, 330, *рис. 181, 305.*
Аларихъ 695, 752.
Александрія 16, 17, 21, 23, 26, 40, 42, 50, 88, 180, 315, 372, 471, 474, 511, 532 сл., 607, 691, 695, 703, 708, 717, 718, 727, 729, 731, 750.
Александръ Великій 3, 4, 10, 12, 13, 14, 15, 18, 40, 51, 52, 83, 128, 145, 156, 180, 231, 448, 607, 671, 707, рис. 1 a, b, 6, 7, 43, 65, 70, 71.
— романъ объ Александрѣ 138.
— саркофагъ Ал. 170 сл., 175, 186, *рис. 38 табл. II, II a,* головы съ саркоф. Ал., *рис. 75.*
Александръ Северъ 722.
Александръ Этолянинъ 120.
Александрійскіе поэты 118, 119 сл., 441, 616, 626, 639, 686.
Александрійско-іудейская философія 726.
Алексисъ 113.
Алиментарныя учрежденія Траяна 486, *рис. 262.*
Алкей 618.
Алкіоней съ алтаря Зевса въ Пергамѣ 208, 209, *рис. 111.*
Алкифронъ 62.
Аллегорическая живопись эллин. 168.
Аллегорическ. толкованіе греч. миѳовъ 90, 146.
— Библіи 728, 752.
Алтарь гигантовъ пергамск. см. Зевсъ Пергамск. атларь.
Алтарь Домиція Агенобарба 514, 515, *рис. 289, 290.*
Албанское озеро 275, 372.
Альбалонга 275.
Албанскія горы 254, 255, 275, 289, 299, 316, *рис. 144.*
Альмагестъ 718.
Альпы 253.
Амбивій Турпіонъ, директоръ театра 392.
Амвросій 715, 753.

Амміанъ 707.
Аммоній Саккасъ 729.
Ампелій 194, 205.
Амуръ, *рис. 59, 83.*
Амуръ и Психея 220, 698, *рис. 422.*
Амуры — золотыхъ дѣлъ мастера, *рис. 260.*
Амфиктіонія 23.
Амфитеатръ 275, 575, 584.
— въ Помпеяхъ 528.
— въ Римѣ 360, 499, 521.
— Флавіевъ 521, 523, *рис. 296, 297.*
Амфора 343.
Анакреонтъ 618.
Anakreontea 693.
Анатомія 158, 720.
Андромеда Тимомаха 175;
— пергамск. рельефъ 191, *рис. 404.*
Андроникъ изъ Кирроса 38;
— башня вѣтровъ въ Аѳинахъ 179, *рис. 17.*
Андросъ 21.
Анію 520.
Анкира 469.
Анналисты 402 сл., 431, 643.
Анналы: Annales maximi 376.
— Эннія 382 сл.
— Тацита 675.
Антигонъ 217;
— руководство по исторіи искусствъ 217.
Антигонъ 4, 5, 38, 80.
Антигонъ Гонатъ 5, 11, 88, 99, 133.
Антиліванъ 579.
Антимахъ 119, 120.
Антиной 560, *рис. 419.*
Антисфенъ 106.
Антіохія 15, 23, 42, 59, 88, 152, 470, 471, 691.
— богиня судьбы Антіохіи 165, *рис. 45* (ср. *рис. 72* монета изъ Антіохіи).
Антифилъ 183, «Раздувающій огонь» А. 183, Grylloi 184.
Антихристъ 744.
Антіатъ, Валерій 402, 643.
Антіопа у Еврипида 223;
— въ искусств. 222, рис 123.
Антіохъ I 42, 238;
— II 238;
— III 54, 291.
— IV 237, 583;
— академикъ 408.
Антологія Палатинская 126.
Антоній М. ораторъ 404, 423, триумвиръ 419, 423, 419, 423, 641.
Антонинъ Пій 419, 562 сл., 573, 697, 722, 732,
Антонины 459, 487, 691.
Аѳеомій изъ Траллъ 600.
Апатія стоиковъ 102.
Апамея 15.
Апеллесъ 162, 168 сл., 184, 507.
— Афродита Anadyomene 168, Клевета (аллегорич. картина) 168, 181.
Апеннины 254, *рис. 142.*
Аписъ 374.
Апицій 686.
Апіонъ 727.
Апокалипсисъ 205, 714.
Апокрифы 727, 744.
Апоксіоменъ Лисиппа 163, 510, *рис. 69.*
Apollinare in Classo бл. Равенны, *рис. 379, 380.*
Аполлодоръ изъ Аѳинъ 144, 146, 151, 432.
— Мивографъ 717.
А. изъ Дамаска 480, 549, 557, 558.
Аполлона храмъ 527, *рис. 302.*
Аполлоній изъ Аѳинъ 614.
А. Дисколъ 717.
А. изъ Перги 155.
А. Родосскій 121, 132, 219, 442, 663.
А. Тіанскій 704, 729, 745.
А. изъ Траллъ 223.
Аполлонія въ Эпирѣ 315.
Аполлонъ 91, 120, 217, 514, 590.
— Бельведерскій 208, съ алтаря Зевса въ Пергамѣ 208. Храмъ А. въ Дидимѣ 238, 239 сл., *рис. 132 сл.*, храмъ А. на Палатинѣ 287, 504, игры 356. Дельфиній 235. Святилище А. въ Милетѣ 235 сл. А. и Марсій 203, *рис. 101.*
Апологетика 727, 752.
Апологеты 672.
Апомойра 32.
Аппіанъ 708.
Аппій Клавдій 316, 377. 404, 520.
Апотропаическое бронзовое украшеніе, *рис. 407.*
Аѳеосъ монарховъ 95, 454.
— Гомера 221, *рис. 120.*
— Антонина и Фаустины 563, *рис. 428.*—Птицы-символы аѳеоса 589.
Апсида 597.
Апулей 220, 697, 705.
Апулія 256.
Арабы 569, 718, 723.
Аравія 40, 448, 470, 578 сл.
Аранія и Сирія, эллин. города 578, 579. Нимфеи 578. Стадій 578. Театръ 578. Термы 578.
Ara Pacis Augustae 514, 542, *табл. IX.*
Аратъ изъ Сикіона 24. А. изъ Киликіи 133, 665.
Арвальскіе братья 287, 453, пѣснопѣніе Арвал. бр. 378.
«Argonautica» Аполлонія Родосскаго 132. А. Теренція Варрона 442.
А. Валерія Флакка 663.
Арелатъ (Arles) 462, 471.
Аренда въ эллин. госуд. 49.
Ареопагиты 66.
Ареопагъ 22, 304.
Аретуса 631.
Ареццо см. Арретій.
Аристархъ Самосскій 156.
А. Самоѳракійскій 147, 150 сл., 152, 153.
Аристей и Папій 558, *рис. 339.*
Аристидъ живоп. 174.
Аристидъ Элій 704.
Аристиппъ 104.
Аристобулъ 138, 708.
Аристократія римск. 291.
Аристоксенъ 144.
Аристоникъ изъ Пергама 50.
Аристотель 64, 83, 100, 138, 144 сл., 148, 150, 157, 428, 626, 723, 731.
Аристофанъ Визант. 150 сл.
А. авторъ комедій 116, 150, 391, 392, 684, 712,
Аріадна 127, 634.
Аркадій импер. 468. Улица Аркадія въ Эфесѣ, рис. 252.
Аркадія 24.
Аркесилай 97, 408.
Arcus ad Isis 544.
— in Sacra Via summa 544.
Арль см. Арелатъ.
Арменія 6, 418, 470.

Арминій 976.
Аримнумъ 418, *рис. 230.*
Аррегій 485, 518.
Арріанъ 138, 671, 701, 707, 724.
Арсиноя 32, 96, 124, 219.
Артемида 221, культъ А. въ Эфесѣ 22.
Архаизмъ въ литературѣ 690, 701, 705.
Архелай Пріенскій, апоѳеозъ Гомера 221, 238, *рис. 120.*
Архестратъ 134 сл., 384.
Архивъ государств. римск. 300.
Архилохъ 398, 618.
Архимедъ 154.
Архимима 396.
Архитектура эллин. 160 сл., этрусск. 266 сл., пергамск. 196 сл., въ Пріенѣ 229 сл., въ Родосѣ 218.
Архій 442.
Arx Romae 369, 548.
Асіанизмъ 136, 403, 421, 654, 700.
Асіархи 461.
Асклепіадъ врачъ 719.
А. Самосскій 125.
Асклепій 74, 92, 704, 719.
Асконій Педіанъ 686.
Аспендъ 582, театръ въ А. 582, *рис. 253*, стѣна сцены въ театрѣ Аспенда *рис. 365.*
Ассирія 470, 448.
Астрономія 155, 133, 661.
Астрологія 409, 664, 677, 735.
Асъ 311, 338, *рис. 148.*
Атараксія эпикурейцевъ 104.
Ателлана 379, 395, *рис. 227.*
Атлетика эллин. 78, римск. 499.
Атрій 268, 329, 346, 350, 369, 373, 529, 597, 598, *рис. 179.*
Атрій Весты 286, *рис. 167.*
Атталиды 6, 152, 193, 198
Аттала (городск. ворота) *рис. 254.*
Атталъ I 12, 194, 199. Подарокъ А. Аѳинамъ 202. стоя А. въ Аѳинахъ 198.
Атталъ II 194, 198.
Атталъ III 194.
Аттидографы 145.
Аттика 50, 554.
Аттикъ Т. Помпоній 361, 410, 414, 430, 432.
Аттисъ 443.
Аттицизмъ 87, 136, 641, 421, 434, 700, 705, 707, 713.
Аттическая эра 82.
Ауспиціи 295, 297, 302, 305, 345.
Афраній (fabula togata) 395.
Африка 314, 407, 436, 465, 691, 740, 750, 753.
Африка Сѣверная 576.
Афродита 179, *рис. 44.*
— Анадіомена Апеллеса 168.
Ахайя 458.
Ахейскій союзъ 24, 55.
Ахиллъ Татій 699.
Ахиллъ 638, 664.
А. на Скирѣ, *рис. 412.*
Ахилленда 664.
Аэтіонъ 177.
Аяксъ безумный Тимомаха 178.
Аѳенагоръ 749.
Аѳеней 710, 719.
Аѳеніонъ 216.
— Камея Аѳеніона *рис. 119.*
Аѳенадоръ Родосскій 223.
Аѳина 89, 91, *рис. 26*, съ алтарь Зевса въ Пергамѣ 208, *рис. 111*, храмъ А. въ Пергамѣ 193, храмъ А. въ Пріенѣ 229, 331 сл.
Аѳина на тотрадрахмѣ Евмена *рис. 13.* А. Ника, балюстр. храма А. Ники 215.
Аѳиняне 326.
Аѳины 6, 22 сл., 38, 40, 43, 44, 64, 65, 74, 87 сл., 96, 108, 111, 169 сл., 266, 351, 372, 410, 468, 561, 582, 583, 607, 617, 640, 689, 691, 702, 731, 732. Акрополь 38, 202, 218, 583. Библіот. 583, *рис. 425.*
Аѳонъ 161.

Баальбекъ 470, 579, храмъ Вакха 580, 583, *рис. 257, 359, 362*; круглый храмъ 580; хр. Юпитера Геліополитанск. 579, *рис. 361*; хр. Солнца *рис. 359, 360.*
Бабрій 666, 693.
Базилика 597 сл.; въ Пергамѣ 198, *рис. 98*; въ Делосѣ 244, *рис. 137 сл.*; въ Римѣ 317, 368, 539.
B. Aemilia 321, 506, 548.
B. Julia 321, 475, 506, 504, 520, *рис. 278*, Flavia 539, *рис. 314 сл.* Ulpia 546, 548 сл., 572, *рис. 326, 328*, Максентія 572, *рис. 353, 355*, въ Помпеяхъ 527, *рис. 302.*
Базилика христіанск. 595.
Байи 49 сл., 630.
Балеарскіе пращники 321.
Балбилла 693.
Баллиста 56, 324, *рис. 23.*
Балюстрада ростръ 549, *рис. 168, 258, 262.*
Банки эллинист. 34, 44 сл.
Банкиръ, *рис. 176.*
Банковыя операціи римск. 317.
Басня 665.
Башня вѣтровъ въ Аѳинахъ Андроника изъ Кирроса, *рис. 17.*
Безграмотность въ Египтѣ 66.
Безумство цезарей 677.
Беотійцы 24.
Береника 122, 130, 443.
Берось 139.
Бѣдность въ эллинистич. время 46, 49.
— въ Римѣ 319, 485.
Библіи иллюстрированныя 601.
Библіотеки 331, 496, 716, *рис. 268*; въ Пергамѣ 64, 194, *рис. 68*, въ Александріи 88, 149, 182 сл., въ Римѣ 520, 548, 606, въ Эфесѣ 581, *рис. 423*, Адріана въ Аѳинахъ 583, *рис. 425.*
Битва Траяна съ дакамп 554, 561, *рис. 249, 261.*
Битва эллин. 55, римск. 324.
Битва при Тевтобургск. лѣсу 464.
Біантъ изъ Пріены 228.
Біографіи цезарей 706.
Біографіи эллин. 144, 147, 682; римск. 432 сл. 706.
Біонъ изъ Борисѳена 107, 621.
Боевые слоны 54, 55.
Богатство въ эллин. эпоху 46, 49, въ Римѣ 318, 485.
Богъ Солнца, культъ 579, 740.
Боги эллин. 92 сл., римск. 263 сл., 354, 732; въ комедіи 114.
Богиня побѣды среди трофеевъ 552, *рис. 331.*

Богосыновничество 745.
Боедасъ 165.
Боргезскій боецъ 204, *рис. 107.*
Борода эллин. 61, римск. 334, *рис. 418.*
Борцы изъ Флоренціи 204, *рис. 40.*
Борьба галловъ съ римлянами *рис. 170*, въ трагедіи 381.
Боскореале 192, 518, серебрян. чаша изъ *рис. 92, 291, 409, 410.*
Боспорское царство 460.
Ботаника 157, 718.
Боэтій изъ Халкедона 220 сл.
Бракъ эллин. 12, 24, 26 сл. 64, 80, римск. 278, 283, 292, 345 сл. 495.
Брисеида 634, *рис. 400.*
Британія 156, 292, 434, 448, 463 сл., 673, 740.
Бріаксидъ 169.
Бронза 202, 272, 334.
Брошюры, рѣчи, письма по злободневнымъ вопросамъ 437.
Брундисій 609, 624.
Бруттій 256, 260.
Брутъ, М. Юній 317, 426, 617, 644, *рис. 232*, «Брутъ» Цицерона 426.
Буккеро чаша 274, *рис. 159.*
Буколическая поэзія 127 сл., 533, 609.
Булевтеріонъ въ Милетѣ 237, *рис. 10, 131.*
Булочники *рис. 197.*
Бумажный хлопокъ 60.
Бурдигала 692, 696.
Bucina 324.

Ваалъ 579.
Вавилонъ 4, 15, 34, 93, 580.
Вазовая живопись коринеская 270.
Вазы буккеро 273, *рис. 159.*
Вазы протокоринескія 364.
Вакха храмъ въ Ваальбекѣ 580, 583, *рис. 257, 359, 262.*
Вакханаліи 356, 397.
Вакханка танцующая 215, *рис. 113.*
Вакхъ 560.
Валентъ 707.
Валерій Антіатъ 402, 613.
Валерій Катонъ элегикъ 412.
Валерій Максимъ 685.
Валерій Пробъ 686.
Валорій Флаккъ 663.
Валъ пограничный 465.
Варвары 12, 14, 38.
Варвары и греки 14, 16 сл., 51, 85 сл.
Варвары и римляне 375.
Варвары, скульптурн. изображенія 553.
Варварское войско эллин. 51.
Варій 609, 617, 626.
Варьете эллин. 62, 79, рим. 485.
Варронъ, М. Теренцій 135, 354, 409, 412 сл.. 417, 444, 610, 621, 652. 711.
Варронъ, П. Теренцій 442.
Везувій 680, 526.
Вергилій 130, 223 сл., 348 сл., 606 сл., 608 сл., 612 сл., 626, 632, 644, 663, 674, 686, 695, 705.
Вергилій, сочиняющій Энеиду, *рис. 394*, коммент. къ В. 717, жизнь В. 608.
Вейи 265, 290.
Велія 521, *рис. 335.*
Веллей 671.
Венера, храмъ В. и Ромы 558 *рис. 335 сл. 341.* V. Cloacina 369, V. Genetrix 507, 548, В. Медичейская 79, *рис. 44*, В. Милосск. 216, 552, *рис. 115*, V. Pompeiana *рис. 180.*
Венеты 258.
Венусія 617.
Веррій М. Флаккъ 651.
Верресъ 418, 421, 517.
Верцингеторигъ 434, 442.
Верхняя Италія 253, 258.
Веръ, Л. 705.
Веста 263, 284, 641 храмъ В. 268, 369, *рис. 167.*
Весталки 286, 339, 345, 516, жилище В. *рис. 167.*
Веспасіанъ 448, 473, 499. 522, 663, 672, 732, *рис. 236*, монета В. 520, *рис. 295* храмъ В. 475, 538, 548, 562, *рис. 166.*
Vestibulum 329.
Вестины 257.
Ветераны римск. 308, 318, 470, 488.
Ветераны Суллы 526.
Veto 302.
Веттіи, домъ *рис. 59, 210, 260, 304, 399.*
Ветхій Завѣтъ 590, 748, 753.
Византійская эпоха 494.
Vicus Tuscus 367.
Виландъ 617.
Via Appia 255, 316, 354, 479, 512, 570, 587, V. Cassia 479, Flaminia 479, 316, 513, Latina 316, 354, Labicana 547, Sacra 328, 363, 369, 522, 571.
Villa ad gallinas albas ср. вилла Ливіи, в. Farnesina, в. Адріана (ср. Tiburtina) 492, 559 сл., *рис. 14*, 338 сл., *планъ 557, рис. 337.*
Villa Ливіи 510, 512 сл., *рис. 284, 288.*
Villa Item бл. Помпей, стѣнная роспись *рис. 307.*
Вилла Фарнезина 373; стѣна изъ вил. Ф. рис. 217; потолокъ *рис. 218.*
Вилла римск. 331.
Вина 343 сл., розливъ в. *рис. 200.*
Вителлій 448.
S. Vitale въ Равеннѣ *рис. 385 сл., 426.*
Витрувій 520, 652.
Виѳиніархи 461.
Виѳинія 6, 15, 469.
Виѳлеемъ 595.
Водопроводныя сооруженія 520, 575, *рис. 264.*
Водоснабженіе въ Пергамѣ 198, въ Пріенѣ 229.
Возраста нормы д. римск. магистратовъ 297, 457.
Военная служба римск. 350.
Военное дѣло эллин. 50; римск. 282, 320, 487.
Военный строй эллин. 50 сл., древнѣйш. римск. 320; Марія 321.
Военный обозъ эллин. 56, римск. 324.
Волканалъ 364 сл.
Вольски 259.
Вольскія горы 255.
Военныя колоніи эллин. 15, 21, 52, римск. 308.
Ворота въ Милетѣ 239, въ Помпеяхъ Геркуланск. 354; въ Римѣ: Collina 489, Эсквилинскія 354.
Воспитаніе эллин. 22, 64; женск. обученіе 64, 70; мужск. 66 сл. римск.: 347 сл., 355, 476, 486, 495, 673, 686, женское 349; мужск. 347.

Востокъ 4, 6, 7, 8, 18.
Востокъ и Западъ 14, 85 сл., 92, 180, 252, 354, 734.
Врачебное искусство александр. 719.
Врачи 158, 485, 719.
Всадники римск. 291, 294, 295, 301, 313, 316, 337, 458.
Всемірное гражданство, ср. космополитизмъ.
Вспомогательныя войска (auxilia) 321, 488.
Vulgata 750.
Вулканическія озера въ Италіи 254, *рис. 143.*
Вулканъ 264, 364.
Вулька, скульп. изъ Вей 273.
Вывозъ египетск. 42 римск. 318, 481 сл.
Выдѣлка тканей эллин. 60.

Гай 322. «Institutiones» 722.
Гай Гракхъ 404.
Галатея, *табл. VII.*
Галатія 460, 469.
Галатонъ М. 184.
Галаты см. Галлы.
Галенъ 148, 715, 720, 723.
Галикарнасскія надписи 773.
Галла Плацидія *рис. 388.*
Галліенъ (императоръ) 450, 475.
Галлія страна 292, 316, 407, 434 сл., 462, 477, 581, 691.
Галлія аллегорическая фигура 514.
Галлъ и его жона 200, *рис. 101.*
Галлъ, Корнелій элегикъ 442, 609, 626.
Галлы 6, 203, 260, 290, 368, 399.
Гальба 448.
Ганнибалъ 291, см. 2-ая Пуническая война.
Ганнонъ 156 сл.
Гаремъ 58.
Гастаты 320, 325.
Гатеріевъ гробница 547.
Гвардія римская (extraordinarii) 321.
Гейсонъ 505.
Гекатей абдеритъ 146.
Гекатей милетскій 146.
Гексаметръ въ римской поэзіи 383, у Нонна 694.
Геліодоръ 699.
Геліосъ 740, на родосскихъ монетахъ, *рис. 119*, родосскій колоссъ Геліоса 218.
Гелланикъ 145.
Галлій 705, 710.
Гельвій Цинна 442.
Геммы 518, gemma Augustea 519, *рис. 392.*
Генералъ-адъютантъ 18.
Геній 263.
Географія, эллинист. 156 сл. 606, 649.
Геометричоскій стиль 534.
Гера 91.
Гераклъ 66, 91, 265, 658, у Ѳеокрита 127, отдыхающій Лисиппа 214, Коммодъ въ образѣ Геракла, *рис. 430.*
Гераклея 22.
Гераклитъ 100.
Геркуланумъ 525, *рис. 139.*
Гермагоръ 424.
Германикъ 506, 665, 678.
Германія 291, 464 сл., 674, 739.
Германцы 291, 435, 447 сл., *рис. 244, 247, 414.*
Гермесіанактъ 120.
Гермесъ 66, 560, 590, Праксителя 191.
Геренній 424 сл.
Герники 259.
Геродотъ 121, 147, 156, 645, 684, 701, 709.
Геродъ Аттикъ 583, 703.
Геродъ 60, 118, 220, 412.
Геронъ 155.
Герофилъ 158.
Гесихій 718.
Гесіодъ 122, 128, 611.
Гесснеръ 130.
Гета 568.
Гето 186, 440, 527, 629, 661, 683.
Готеры 64, 112, 125, 347. Въ комедіи 109.
Гетеры (македонская военная дружина) 51.
Гефестіонъ (другъ Александра) 18, 161.
Гефестъ 91.
Гигинъ Г. Юлій 651, 717.
Гигіена 159, 331, 720.
Гилародія 117.
Гиматій 59.
Гимнасіархи 66, 67.
Гимнасій 67, 68, въ Пергамѣ 194, въ Пріенѣ 128, 233. *рис. 34*, въ Милетѣ 236.
Гимнастичоскія залы въ римскомъ домѣ 331.
Гимны, Каллимаха и другихъ поэтовъ 123 сл. орфическіе 693, христіанскіе 753.
Гипасписты 51.
Гипатія 718, 731.
Гиперборейцы 146.
Гипотека 28.
Гиппархи 24, 52.
Гиппархіи 51.
Гиппархъ (астрономъ) 156, 157.
Гипподамъ Милетскій 161, 217.
Гиппократъ 158.
Гиппонактъ 123, 131, 135.
Гиппонъ 391.
Гирпины 259.
Гирцій, легатъ 435.
Гіеронъ II 6, 155, 129.
Гіеронимъ изъ Кардіи 138, 181, 751, школьн. учитель въ Родосѣ 68.
Главнокомандующій въ римскомъ войскѣ 307, 322, 327 сл.
Гладіаторовъ, состязанія 275, 360 сл., 495, *рис. 208.*
Гладіаторы 275, 360 сл., 527. *рис. 207.*
Гладышъ 30, 61, 342.
Глиптика 162, въ Александріи 191, *рис. 7, 18a, b.*, въ Пергамѣ 216, *рис. 118*, въ Римѣ 483, 518 сл.
Глоссы 150.
Гностицизмъ 749, 753.
Голубки, мозаика изъ виллы Адріана, *рис. 14.*
Гомеръ 9, 60, 89 сл. 128, 156, 349, 375, 382, 494, 552, 613 сл., 615, 639, 651, 684, 695, 701. Комментаріи алекс. филол. 150, 151, схоліи 151, Аполлосъ Гом. 221, *рис. 120.* Codex Venetus. *Табл. I.*
Гомиліи 752.
Гоненія на христіанъ 680, 744.
Гонорій 695.
Горацій 107, 135, 336, 348, 350, 382, 395, 398, 514, 605 сл., 617 сл. 632 сл. 655, 712, *рис 395.* Вліяніе на послѣдующ. поколѣнія 625.
Горгасъ 367.

Города греч. 6, 8, 12, 15, 20 сл., 22, 28, 37, 460, римск. 471 сл., 473.
Городская газета римск. 438.
Городская община 292.
Городской префектъ 299, 452, 457.
Городская стѣна Авреліанова 510, въ Милетѣ 239.
Гортенсій 421 сл.
Гортенсія, законы 296.
Гостиницы 43, 480.
Государственный совѣтъ, эллинист. 11, 25, римск. 456.
Государство, *эллин. 5, 9* сл. 13, 291, величина 14, управленіе 17, *римское* 277 сл. 450 сл., величина 459.
Готы 600.
Гражданское право 404.
Гражданскій процессъ 280.
Гражданство 15, римск. 292.
Гракхъ К. Семпроній 50, 291, 294, 305, 313, 319. Тив. Семпроній 50, 291, 305, 313, 319, 369. Базилика Г. смотри Базилика Юлія.
Грамматика 152, 686, 717.
Grammaticus 66, 349, 495, 686.
Гратіанъ 696.
Грекомавія 406.
Греція 281, 319, 698.
Греція Великая 260, 526.
Греческій библейск. языкъ 744.
Grylloi Антифила 184, см. *рис. 86.*
Гробницы: Александра 182, Цециліи Метеллы 510, *рис. 144, 204*; Цестія 510, *рис. 203*; Гатеріевъ 517, *рис. 171.* Пилястръ, обвитый розами *рис. 316.* Постройки форума на рельефѣ Гатер. *рис. 323*,—въ Ієрѣнѣ 234,—этрусск. 266, 269,—римск. 354; могилы близъ форума 276, *рис. 211.*
Гуманность античн. 411.
Гуманъ 194.

Дакіецъ *рис. 250.*
Дакія 448, 467.
Дактиліотеки 518.
Далматика 493.
Далмація 584.
Дамаскъ 584.
Дарикъ персидск. 43.
Дафна близъ Антіохіи 59.
Дафнисъ 129, 609.
Дворцовый паркъ 540.
Дворцы императорск. въ Римѣ 492, 537, *рис. 311 сл. 347.*
Дворцы эллин. 58.
Dea Dia 287, 378.
Devotio 283.
Дейколикты 118.
Дейнократъ 180.
Декебалъ 552, рис. 330.
Декламаціи 611, 687.
Декоративныо стили 530, 531, 532, 533, см. стѣнная роспись.
Декуріи (декуріоны) 320, 323, 489 сл.
Декуріоны (общиннаго совѣта) 473.
Делія 627.
Делосъ 37, 40, 43, 44, 46, 58, 66, 74, 242 сл., 316, 598. Базилика въ Делосѣ 244, сл., *рис. 137 сл.*
Дома на Делосѣ 242 сл., *рис. 135.* Мозаика *табл. V.*
Дельфиній въ Милетѣ 235 сл., *рис. 129.*
Дельфы 37, 76, 123, 692, стадій 227, 583.
Деметра, храмъ въ Ієрѣнѣ 233, въ Римѣ 367.
Деметріада 16.
Деметрій Поліоркетъ 4, 5, 13. 42, 56, 57, 166, 218, *рис. 2,* монета Дм. II., *рис. 73.*
Демотрій Фалерск. 4, 22, 37, 61, 65, 72, 87, 112, 136, 149.
Демократія аѳинск. 22, 51, римск. 291.
Демокритъ 104.
Демосѳенъ 145, 421 сл., 426, 701.
Демофилъ 367.
Демы 73.
Донарій 311, 474.
Deportatio (изгнаніе) 474.
Деспотизмъ 9, 11, 12.
Детерминизмъ стоиковъ 101.
Децій 745.
Децемвиры 308, 311.
Дѣвушка изъ Анція 216, *рис. 116.*
Дѣвушка, срывающая цвѣты, роспись изъ Стабій 535 стр., *рис. 310.*
Дѣти въ Римѣ 347 сл.
Дигесты 723.
Дидактическая поэзія эллинск. 133, римск. 610, 664.
Дидимейонъ въ Милетѣ 238, 239 сл., *рис. 132 сл.*
Дидимъ 152, 651.
Дидона 612, 615, 634.
Доксографы 724.
Диктаторъ 295, 303.
Дикеархъ 144, 157.
«Дистихи» Катона 693.
Дисциплина въ римскомъ войскѣ 326.
Дифилъ 112.
Діана 514; Эфесская 743, храмъ Д. на Авентинѣ 284.
Діадохи 3, 4, 50, 64, 88, 93, 138, 184, 218, 733.
Діалекты 260.
Діалоги Цицерона 425 сл.
— Тацита 673.
— Плутарха 685.
— Сатирическ. д. Лукіана 712.
Діатрибы 84, 107, 135, 137, 147.
Divinatio 356.
Діогенъ, стоикъ 147, Д. киникъ изъ Синопы 85, 106, *рис. 52.*
Діогенъ Лаэртскій 723.
Діодоръ 200, 617.
Діойкетъ 34.
Діоклетіанъ 26, 450, 455, 458, 459. 472, 477, 483, 584, 706, 722, 745.
Діониса театръ въ Аѳинахъ 202.
Діонисіи 78.
Діонисій Старшій 56, Галикарнасскій 641, 646, 672, 701.
Діонисій Ѳракіецъ 153.
— авторъ описанія земли 693.
Діонисъ съ Пергамскаго алтаря Зевса 92, 117, 208, 694, *рис. 108.*
Діонъ Хрисостомъ 227, 690, 703.
Діоскуридъ изъ Киликіи 518, 519. Д. Самосскій 116. Д. ботаникъ 723.
Діоскуры 354, 369, 505, *рис. 167, 272.*
Діофантъ 718.
Diribitorium 509.
Добрый пастырь 593, *рис. 373, 375, 377.*
Документы египетск. 26.

Долина Цирка 365.
Doliola 364.
Домиціанъ 448, 455, 492, 536, 538 сл., 546, 571, 653, 660, 662, 673, 685, 703, 732, *рис. 411.*
Домицій Агенобарбъ алтарь 514, *рис. 289 сл.*
Domus Augustana 373, 538.
Domus aurea Нерона 492, 520, 523, 525.
Домъ Ливіи на Палатинѣ 373; помпеянскій 529 сл., *рис. 305 сл.*; эллинист. 57 сл.; въ Пріенѣ 229, *рис. 126*; въ Делосѣ 242 сл., *рис. 135*; древнеиталійск. 268, *рис. 152*, 164; римск. 282, 328 сл., 490 сл., *рис. 182*; домъ съ простадой въ Пріенѣ 229.
Дороги эллин. 43, римск. 479 сл.
Досіадъ 121.
Драма литературная 626, 667.
Драхма 311.
Дройзенъ 3.
Друзъ 506, 642.
Дунай 466 сл., 490.
Дуридъ 138.
Дуумвиры 473.
Демоны 684, 729, 736.
Дэдалъ и Икаръ, стѣнная роспись, *рис. 402.*

Евангеліе 690, 743.
Евангеліе отъ Іоанна 748.
Евбейская Халкида 40.
Евгемеръ 91, 146, 732. — сочиненіе Эннія 384, 405.
Евгеморизмъ 91.
Евдомъ 237, основатель Милетскаго гимнасія.
Евдоксъ 133, 153, 156.
Евклидъ 154.
Евмахія, жрица 527, *рис. 195.*
Евменъ I, 29, 194, тетрадрахма Евмена, *рис. 13.*
Евменъ II, 194, 205, 214, портикъ Евмена въ Аѳинахъ 198; — святилище, воздвигнутое милетцами Евмену II, 239.
Евменъ, секретарь Алекс. Вел. 4, 19.
Евпомпъ 167.
Евреи 17, 727.
Еврипидъ 89, 108, 112, 144, 213, 383, 613, 639, 667.
Европа, стѣнная роспись 127, *рис. 403.*
Евтихидъ 165 сл.; богиня судьбы Антіохіи 165, *рис. 145;* Ника изъ Самоѳракіи 166 сл., *рис. 24, 25, 74.*
Евфраноръ 174.
Египетъ 4, 5, 9, 13, 14, 17, 21, 26 сл., 29, 44, 69, 71, 94, 313, 454, 471, 474 сл., 483, 521, 693, 710.
Edictum perpetuum 721.
Енна, *рис. 146.*
Епиктетъ 724.
Епифанія 748.
Ересь 749.
Естественныя науки 157 сл., 681, 718.
Euthytona 55.

Жалованіе и рабочая плата въ эллин. госуд. 46 сл.; — римск. войска 326.
Жанръ 190, *рис. 57, 60, 62.*
Gens 277, Julia 503, Flavia 546.
Женская голова изъ Пергама 215, *рис. 114.*
Женскій нарядъ эллин. 60, римск. 339.
Женщины эллин. 62 сл., 74, *рис. 33;* римск. 339, 345 сл., 495.
Жертвоприношенія 288.
Giardino della Pigna 562.
Живопись садовая 513, *рис. 284.*
Живопись, техника 532.
Живопись эллин. 161; въ Сикіонѣ 167; въ Аѳинахъ 174 сл.; въ Пергамѣ 216, въ Родосѣ 218; въ Римѣ 370, 501, 512, 573, 588; этрусскова 269.
Житейская мудрость Менандра 114; Аппія Клавдія 377; Катона 401; Публилія Сирійца 396.
Жрецы эллин. 20, 45, 75 сл.; римск. 284 сл., 290, 299, 313, 355, 516.

Завѣщаніе египетск. 27.
Заговоръ Катилины 418, 423, 436 сл.
Законность престолонаслѣдія въ эллинск. госуд. 10, 12.
Законы 12 таблицъ 289, 308, 348, 352, 376, 405.
Залоговое право 28.
Замокъ Св. Ангела 561.
Зевксидъ 503.
Зевса Пергамскій алтарь 136, 194, 205 сл., 210, 211, *рис. 108* сл.; храмъ въ Пергамѣ, *рис. 108.*
Зевсъ 101.
Земледѣліе 314.
Земломѣры 686.
Зеркала этрусск. 272 сл., *рис. 163.*
Зенодоръ 521.
Зенодотъ 150.
Зенонъ стоикъ 86, 99 сл., 102, 106, 136, 726.
Зіяніе 142.
Знамена римск. 321, *рис. 244, 259, 263.*
Знать эллин. 50; римск. 289, 291, 293 сл.
Зодчество христіанское 595.
Золотой медальонъ, изображ. Алекс. Вел., *рис. 43, 71.*
Золоченые стеклян. сосуды 601; стеклянный сосудъ съ золотомъ изъ Кельна, *рис. 391.*
Зонара 709.
Зороастръ 740.

Игры гладіаторовъ, *рис. 208.*
Игры эллин. 77 сл.; римск. 289, 313, 456 сл., 498.
Идеализмъ 52.
Идиллія 127 сл.
Иды 305, 345.
Известковые атріи 529.
Известковая фахверковая кладка 529, *рис. 303.*
Изданія авторовъ. алекс. 151; римск. 686.
Иллирія 16, 630.
Иліада 613, 616, 694; латинск. переводъ Гн. Матія 442; Варрона 413.
Императоры, избранники войска 449.
Императоръ римск. 326, *450*, 459, 473, 497, 653, 721.
Императрица римск. 454
Имперія 17.
Имперія всемірная 291.
Импортъ египет. 41; римск. 315, 481.
Импрессіонизмъ 187.
Имущественн. контрасты эллин. 46.

Имущественное право египетск. 27.
Имя римск. 350.
Индивидуализмъ 8, 73, 83, 89 сл.
Инды 6.
Инкрустаціи 187 сл. 244.
Ипса, битва при 5.
Искусство 615, эпохи Антониновъ 572; изобразит. въ Римѣ въ эпоху Августа 501; въ эпоху Флавіевъ 572, 622; во II в. по Р. Хр. 549; въ III в. 568; въ римск. провинціяхъ 574; христ. антикъ 586; эпохи Траяна и Адріана 527.
Исида 89, 94, 684, 698, 737; святилище въ Пріенѣ 233: культъ Исиды въ Римѣ 354, 498.
Исидѣ поклоненіе, роспись *рис. 47*.
Исидоръ Милетскій 600.
Исиллъ 123.
Исократъ 704.
Испанія 316, 407, 461 сл., 514, 651, 708.
Иссъ 15, 185.
Исторіографія эллин. 84, 519 сл., 606, 642, 670; римск. 402 сл., 407 сл., 706 сл.
Исторія литературы 413, 687, 717.
Исторія современныхъ событій 672.
Исѳмійскія игры 78.
Италики 259, 275, 312.
Италія 252 сл., 374 сл.
Итацизмъ 87.
Ифигенія 535, *рис. 79*.
— Тимомаха 178.

Janus Quadrifrons 577.
Іерусалимъ 75, 595, 672.
Juridicus 473, 474.
Іисусъ см. Христосъ.
Illyricum 466.
Imagines 293, 285, 330, 352, 377 сл.
«Imagines» Варрона 413.
Imperator 327, титулъ монарха 451.
Imperium 296, 299, 301, 322, 327, 451; экстраорд. 303.
Impluvium 268, 329.
Indigetes di 263.
Indigitamenta 376.
Intercessio 302, 456.
Interrex 278, 297.
Іоаннъ Златоустъ 752.
Іо 535, *табл. VII*, Никія 175.
Іона 590, *рис. 385*; саркофагъ въ Латеранск. муз., *рис. 435*.
Іонійцы 156.
Іосифъ Флавій 672, 727.
Itala 750.

Кабиры, самоѳракійскіе 92, 166.
Кадастры, египетск. 31, 35.
Казармы въ сѣв. Африкѣ 576.
Канкъ 193, 199.
Калабрія 256.
Каламидъ 372.
Календарь, римск. 285, 376.
Календы 305, 345, 376.
Калигула 338, 448, 455, 492, 520, 653, 727, 732.
Калипсо Никія 175.
Каллимахъ 121 сл., 124, 149, 629; гимны К. 123.
Каллисѳенъ 138.
Calones 324.
Камалодунумъ 463 (Colchester).
Камеи см. глиптика.
Камиллъ М. Фурій 320, 326, 369.
Campagna, рим. 255, *рис. 144*.
Кампанія 254, 259, 274 сл., 315, 360, 368, 375, 379, 395.
Canabae 431.
Канделябры 589, эллинист. 59, *рис. 28, 29*; римск. 334, 373, 485, *рис. 183*.
Каннелюры 267, 594.
Канопъ 559.
Kantharos 597, *рис. 283*.
Cantica Плавта 390.
Капитель, пергамск. 196, *рис. 96, 97*.
Капитолій 277, 328, 357, 363, 369, 518, 520, 538.
Капитолійскіе фасты 376.
Капитолійская троица божествъ 264, 366, *рис. 149*.
Каппадокія 6, 17, 61, 460, 469.
Капри *рис. 415*.
Капуя 368, 472.
Каракалла 449, 458, 541, 565, 568, 577, *рис. 239*.
Карнеадъ 90, 98, 403, 732, *рис. 48*.
Карнеолъ Діоскурида 519, *рис. 292, 293*.
Карнизъ залы, находящейся за Пантеономъ 511, *рис. 285*.
Карта земли, Эратосѳена 157; — Агриппы 649; — Пейтингера 649.
Картина Помпеянской улицы 331, *рис. 140*.
Карѳагенъ 15, 42. 290, 291, 315, 385, 471, 691, 708, 750.
Карѳагеняне 6, 7, 281, 325.
Casa del Fauno въ Помпеяхъ 184, 531, *рис. 306*.
Casa di Sallustio, атрій *рис. 179*.
Каспійское море 42.
Кассандрія 16, 42.
Кассандръ 4, 5.
Кассій Діонъ 539, 708.
Кассій, убійца Цезаря 42.
Castores, см. Діоскуры.
Кастора, храмъ 354, 369, 505, *рис. 167, 272*.
Катакомбы 587 сл., 601.
Катапульта 55, 324.
Катастерисмы 122.
Катафракты 53.
Катилина С. 418, 423.
Катонъ, М. Порцій, Утическій 399, 663.
Катонъ, М. Порцій, цензорій 331, 340, 369, 378, 379, 397, 399 сл., 403, 406, 432, 436 сл., 705; сочиненіе Цицерона 530.
Катуллъ 122, 127, 432. 442 сл., 606 сл., 621, 634, 660.
Квесторы 296, 300, 305, 313, 322, 473.
Quaestores parricidii 280.
Quinquatrus 348.
Квинтиліанъ 645, 686, 688, 701.
Квинтъ изъ Смирны 693.
Квириналъ 277, 363, 545.
Quirinus 264, 366.
Квириты 277.
Кекилій изъ Калакте 641, 701.
Кельты 17, 200.
Кенотафія 352.
Кентавръ Аристея и Папія 559, *рис. 339*.
Керамика, аттическая 266; — этрусск. 273; — римск. 481.
Керкидъ 135.
Кефисодотъ 217.
Кибела 92, 443.
Киклады 19.
Киликія 15, 469.
Киники 62, 100, 106, 135, 703.

Кинеія 629 сл.
Кипріанъ 752.
Кипръ 19, 30, 80, 469.
Кирена 19, 121, 469.
Киръ 51.
Клавдіанъ 124, 695.
Клавдій Квадригарій 402.
Клавдій (императоръ) 448, 474 сл., 482, 520, 658, 668, 671.
Клеанеъ 99.
Клевета, аллегорическая картина Апеллеса 168.
Клейстъ 388.
S. Clemente въ Римѣ 596, *рис. 384.*
Клепсидра въ Аѳинахъ 38.
Клерухи 52.
Клеоменъ, спартанскій царь 50.
Клеопатра 292.
Климентъ изъ Александріи 750.
Клине 59, 334, *рис. 27.*
Кліенты — кліентела 278, 291, 340, 352, 424, 660.
Клоаки въ римск. домѣ 331.
Cloaca Maxima 276, 366, 369, *рис. 161, 213.*
Клятва 288.
Книга бытія, вѣнская 602, *рис. 390.*
Книжная лавка 606.
Книжный свитокъ 71, *рис. 268.*
Когорты 321.
Codex Iustinianus 723.
Codex Theodosianus 722.
Cohors praetoria 322, 488.
Кодификація римск. права 289, 304, 308.
Coemptio 345.
Койне 86, 744.
Коллекціонированіе произведеній искусства въ Пергамѣ 217.
Колодецъ близъ Форума 366.
Колоннада въ Делосѣ 244, *рис. 137* сл.; — въ Милетѣ 238; — въ Пергамѣ 194, 198, *рис. 98, 214;* — въ Пріенѣ 231.
Колонна, дорич. 267; — этрусск. 267; — Марка 464, 563 сл., *рис. 247, 265, 345;* — Помпея въ Александріи, *рис. 256.*
Colonnacce 544 сл., *рис. 324 сл.*
Колонатъ 477.
Колонизація 17 сл.
Колоніи римск. 292, 308, 461.
Колоссей 508, 521, 523, 525, 544, 585, 660, *рис. 296.*
Колумбаріи 354, 511, 512, *рис. 287.*
Колумелла 664, 685.
Кольцо золотое 338.
Комедія грековъ, древняя 116; новая 61, 88, 99, 107, 385, 712; — римлянъ 380, 383, 385, *рис. 224, 225.*
Комиціи (comitia) 294 сл. 299, 309, 509.; — центуріатныя 279, 294 сл., 310; — куріатныя 278, 294; — трибутныя 289, 296, 300, 310, 322.
Комицій (comitium) 309, 364, 369, 504, *рис. 216.*
Коммодъ 449, *рис. 430.*
Compluvium 268, 269.
Композитн капители 542.
Конвенты 308.
Confarreatio 345.
Конница, эллинист. 53, 55; римск. 321, 324, 326, 488.
Консоль 505.
Константинополь 450, 471, 499, 595, 600 сл., 716, 691.
Константинъ Порфирородный 709.
Константинъ Великій 450, 455, 458, 466, 488 сл., 571, 572 сл., 577, 595, 600, 601, 692, 705, 722, 741, 745; гигантская голова К. В. въ базиликѣ Максентія 572, *рис. 434.*
Констанцій 550.
«Constitutiones» императора 721, 723.
Constitutio Antoniniana 458.
Конструкція арокъ 267.
Консуларій 298, 307.
Консулы 286, 290, 294, 298, 310, 322, 456.
Консульскіе диптихи 595.
Контаминація въ драмахъ 381, 386, 392.
Контроверсіи 641.
Conubium 345.
Конфискаціи 36, 313.
Конце 194.
Кописты, аттическ. 178 сл.
Кордова 691.
Коринна 629, 632.
Коринескій истмъ 5.
Коринѳскія колонны 580.
Коринѳъ 22, 40, 160, 291, 315, 372, 469.
Коріоланъ 298.
Корнелій Непотъ 430, 432 сл.
Корнето 270; саркофагъ изъ Корнето 271, *рис. 156.*
Cornu (cornicines) 324.
Корпораціи, эллинист. 22, 73 сл., 90, 96; — римск. 287, 486; — торговыя ассоціаціи 44; — римск. 479; — земляческія организаціи 52; — культовые союзы 737.
Corpus juris 376, 474, 723.
Корректоры 473.
Косметы 65.
Космополитизмъ 73, 85, 89, 103.
S. Constanza въ Римѣ, *рис. 382;* мозаика 601, *рис. 389.*
Косъ 22, 60, 65, 119, 129, 220.
Коцебу 388.
Кранторъ 97.
Краски въ живописи и мозаикѣ 168, 186.
Крассъ Лициній, ораторъ 404, 425, 318, 719.
Кратеръ 145, 147.
Кратетъ, киникъ 107.
Кратетъ изъ Малла 152, 406, 412.
Крестьянка старая, скульп. *рис. 62.*
Крестьянинъ и корова, рельефъ *рис. 228.*
Крѣпостныя книги 35.
Кринагоръ 653.
Крипта Океана, *рис. 374.*
Критъ 52, 187, 321, 469.
Круглый храмъ въ Баальбекѣ 580, *рис. 361.*
Кружки поэтовъ 119, 441, 626.
Крупное землевладѣніе эллин. царей 29, 48; — римск. государства 312; — императора 476.
Ксенократъ филос. 97.
Ксенофанъ 106, 439.
Ксенофонтъ 51, 156, 435, 699, 701; эфесскіе разсказы 699.
Ктесибій 155.
Кубки изъ Боскореале, изобр. танецъ мертвыхъ 192 сл., *рис. 409 сл.*
Cucullus 3:8.

Имущественное право египетск. 27.
Имя римск. 350.
Индивидуализмъ 8, 73, 83, 89 сл.
Инды 6.
Инкрустаціи 187 сл. 244.
Ипса, битва при 5.
Искусство 615, эпохи Антониновъ 572; изобразит. въ Римѣ въ эпоху Августа 501; въ эпоху Флавіевъ 572, 622; во II в. по Р. Хр. 549; въ III в. 568; въ римск. провинціяхъ 574; христ. антикъ 586; эпохи Траяна и Адріана 527.
Исида 89, 94, 684, 698, 737; святилище въ Пріенѣ 233; культъ Исиды въ Римѣ 354, 498.
Исидѣ поклоненіе, роспись *рис. 47.*
Исидоръ Милетскій 600.
Исиллъ 123.
Исократъ 704.
Испанія 316, 407, 461 сл., 514, 651, 708.
Иссъ 15, 185.
Исторіографія эллин. 84, 519 сл., 606, 642, 670; римск. 402 сл., 407 сл., 706 сл.
Исторія литературы 413, 687, 717.
Исторія современныхъ событій 672.
Исѳмійскія игры 78.
Италики 259, 275, 312.
Италія 252 сл., 374 сл.
Итацизмъ 87.
Ифигенія 535, *рис. 79.*
— Тимомаха 178.

Janus Quadrifrons 577.
Іерусалимъ 75, 595, 672.
Juridicus 473, 474.
Іисусъ см. Христосъ.
Illyricum 466.
Imagines 293, 285, 330, 352, 377 сл.
«Imagines» Варрона 413.
Imperator 327, титулъ монарха 451.
Imperium 296, 299, 301, 322, 327, 451; экстраорд. 303.
Impluvium 268, 329.
Indigetes di 263.
Indigitamenta 376.
Intercessio 302, 456.
Interrex 278, 297.
Іоаннъ Златоустъ 752.
Іо 535, *табл. VII*, Никія 175.
Іона 590, *рис. 385*; саркофагъ въ Латеранск. муз., *рис. 435.*
Іонійцы 156.
Іосифъ Флавій 672, 727.
Itala 750.

Кабиры, самоѳракійскіе 92, 166.
Кадастры, египетск. 31, 35.
Казармы въ сѣв. Африкѣ 576.
Каикъ 193, 199.
Калабрія 256.
Каламидъ 372.
Календарь, римск. 285, 376.
Календы 305, 345, 376.
Калигула 338, 448, 455, 492, 520, 653, 727, 732.
Калипсо Никія 175.
Каллимахъ 121 сл., 124, 149, 629; гимны К. 123.
Каллисѳенъ 138.
Calones 324.
Камалодунумъ 463 (Colchester).
Камеи см. глиптика.
Камиллъ М. Фурій 320, 326, 369.
Campagna, рим. 255, *рис. 144.*
Кампанія 254, 259, 274 сл., 315, 360, 368, 375, 379, 395.
Canabae 431.
Канделябры 589, эллинист. 59, *рис. 28, 29*; римск. 334, 373, 485, *рис. 183.*
Каннелюры 267, 594.
Канопъ 559.
Kantharos 597, *рис. 283.*
Cantica Плавта 390.
Капитель, пергамск. 196, *рис. 96, 97.*
Капитолій 277, 328, 357, 363, 369, 518, 520, 538.
Капитолійскіе фасты 376.
Капитолійская троица божествъ 264, 366, *рис. 149.*
Каппадокія 6, 17, 61, 460, 469.
Капри *рис. 415.*
Капуя 368, 472.
Каракалла 449, 458, 541, 565, 568, 577, *рис. 239.*
Карнеадъ 90, 98, 403, 732, *рис. 48.*
Карнеолъ Діоскурида 519, *рис. 292, 293.*
Карнизъ залы, находящейся за Пантеономъ 511, *рис. 285.*
Карта земли, Эратосѳена 157; — Агриппы 649; — Пейтингера 649.
Картина Помпеянской улицы 331, *рис. 140.*
Карѳагенъ 15, 42. 290, 291, 315, 385, 471, 691, 708, 750.
Карѳагеняне 6, 7, 281, 325.
Casa del Fauno въ Помпеяхъ 184, 531, *рис. 306.*
Casa di Sallustio, атрій *рис. 179.*
Каспійское море 42.
Кассандрія 16, 42.
Кассандръ 4, 5.
Кассій Діонъ 539, 708.
Кассій, убійца Цезаря 42.
Castores, см. Діоскуры.
Кастора, храмъ 354, 369, 505, *рис. 167, 272.*
Катакомбы 587 сл., 601.
Катапульта 55, 324.
Катастерисмы 122.
Катафракты 53.
Катилина С. 418, 423.
Катонъ, М. Порцій, Утпческій 399, 663.
Катонъ, М. Порцій, цензорій 331, 340, 369, 378, 379, 397, 399 сл., 403, 406, 432, 436 сл., 705; сочиненіе Цицерона 530.
Катуллъ 122, 127, 432. 442 сл., 606 сл., 621, 634, 660.
Квесторы 296, 300, 305, 313, 322, 473.
Quaestores parricidii 280.
Quinquatrus 348.
Квинтиліанъ 645, 686, 688, 701.
Квинтъ изъ Смирны 693.
Квириналъ 277, 363, 545.
Quirinus 264, 366.
Квириты 277.
Кекилій изъ Калакте 641, 701.
Кельты 17, 200.
Кенотафіи 352.
Кентавръ Аристея и Папія 559, *рис. 339.*
Керамика, аттическая 266; — этрусск. 273; — римск. 481.
Керкидъ 135.
Кефисодотъ 217.
Кибела 92, 443.
Киклады 19.
Киликія 15, 469.
Киники 62, 100, 106, 135, 703.

Кинеія 629 сл.
Кипріанъ 752.
Кипръ 19, 30, 80, 469.
Кирена 19, 121, 469.
Киръ 51.
Клавдіанъ 124, 695.
Клавдій Квадригарій 402.
Клавдій (императоръ) 448, 474 сл., 482, 520, 658, 668, 671.
Клеанеъ 99.
Клевета, аллегорическая картина Апеллеса 168.
Клейстъ 388.
S. Clemente въ Римѣ 596, *рис. 384.*
Клепсидра въ Аѳинахъ 38.
Клерухи 52.
Клеоменъ, спартанскій царь 50.
Клеопатра 292.
Климентъ изъ Александріи 750.
Клине 59, 334, *рис. 27.*
Клієнты — клієнтела 278, 291, 340, 352, 424, 660.
Клоаки въ римск. домѣ 331.
Cloaca Maxima 276, 366, 369, *рис. 161, 213.*
Клятва 288.
Книга бытія, вѣнская 602, *рис. 390.*
Книжная лавка 606.
Книжный свитокъ 71, *рис. 268.*
Когорты 321.
Codex Iustinianus 723.
Codex Theodosianus 722.
Cohors praetoria 322, 488.
Кодификація римск. права 289, 304, 308.
Coemptio 345.
Койне 86, 744.
Коллекціонированіе произведеній искусства въ Пергамѣ 217.
Колодецъ близъ Форума 366.
Колоннада въ Делосѣ 244, *рис. 137* сл.; — въ Милетѣ 238; — въ Пергамѣ 194, 198, *рис. 98, 214;* — въ Пріенѣ 231.
Колонна, дорич. 267; — этрусск. 267; — Марка 464, 563 сл., *рис. 247, 265, 345;* — Помпея въ Александріи, *рис. 256.*
Colonnacce 544 сл., *рис. 324 сл.*
Колонатъ 477.
Колонизація 17 сл.
Колонія римск. 292, 308, 461.
Колоссей 508, 521, 523, 525, 544, 585, 660, *рис. 296.*
Колумбаріи 354, 511, 512, *рис. 287.*
Колумелла 664, 685.
Кольцо золотое 338.
Комедія грековъ, древняя 116; новая 61, 88, 99, 107, 385, 712; — римлянъ 380, 383, 385, *рис. 224, 225.*
Комиціи (comitia) 294 сл. 299, 309, 509.; — центуріатныя 279, 294 сл., 310; — куріатныя 278, 294; — трибутныя 289, 296, 300, 310, 322.
Комицій (comitium) 309, 364, 369, 504, *рис. 216.*
Коммодъ 449, *рис. 430.*
Compluvium 268, 269.
Композитн капители 542.
Конвенты 308.
Confarreatio 345.
Конница, эллинист. 53, 55; римск. 321, 324, 326, 488.
Консоль 505.
Константинополь 450, 471, 499, 595, 600 сл., 716, 691.
Константинъ Порфирородный 709.
Константинъ Великій 450, 455, 458, 466, 488 сл., 571, 572 сл., 577, 595, 600, 601, 692, 705, 722, 741, 745; гигантская голова К. В. въ базиликѣ Максентія 572, *рис. 434.*
Констанцій 550.
«Constitutiones» императора 721, 723.
Constitutio Antoniniana 458.
Конструкція арокъ 267.
Консуларій 298, 307.
Консулы 286, 290, 294, 298, 310, 322, 456.
Консульскіе диптихи 595.
Контаминація въ драмахъ 381, 386, 392.
Контроверсіи 641.
Conubium 345.
Конфискаціи 36, 313.
Конце 194.
Кописты, аттическ. 178 сл.
Кордова 691.
Коринна 629, 632.
Коринѳскій истмъ 5.
Коринѳскія колонны 580.
Коринѳъ 22, 40, 160, 291, 315, 372, 469.
Коріоланъ 298.
Корнелій Непотъ 430, 432 сл.
Корнето 270; саркофагъ изъ Корнето 271, *рис. 156.*
Cornu (cornicines) 324.
Корпораціи, эллинист. 22, 73 сл., 90, 96; — римск. 287, 486; — торговыя ассоціаціи 44; — римск. 479; — земляческія организаціи 52; — культовые союзы 737.
Corpus juris 376, 474, 723.
Корректоры 473.
Косметы 65.
Космополитизмъ 73, 85, 89, 103.
S. Constanza въ Римѣ, *рис. 382;* мозаика 601, *рис. 389.*
Косъ 22, 60, 65, 119, 129, 220.
Коцебу 388.
Кранторъ 97.
Краски въ живописи и мозаикѣ 168, 186.
Крассъ Лициній, ораторъ 404, 425, 318, 719.
Кратеръ 145, 147.
Кратетъ, киникъ 107.
Кратетъ изъ Малла 152, 406, 412.
Крестьянка старая, скульп. *рис. 62.*
Крестьянинъ и корова, рельефъ *рис. 228.*
Крѣпостныя книги 35.
Кринагоръ 653.
Крипта Океана, *рис. 374.*
Критъ 52, 187, 321, 469.
Круглый храмъ въ Баальбекѣ 580, *рис. 361.*
Кружки поэтовъ 119, 441, 626.
Крупное землевладѣніе эллин. царей 29, 48; — римск. государства 312; — императора 476.
Ксенократъ филос. 97.
Ксенофанъ 106, 439.
Ксенофонтъ 51, 156, 435, 699, 701; эфесскіе разсказы 699.
Ктесибій 155.
Кубки изъ Боскореале, изобр. танецъ мертвыхъ 192 сл., *рис. 409 сл.*
Cucullus 328.

Кулачный боецъ изъ музея Тормъ 204, *рис. 41.*
Культовыя пѣсни, 378.
Культъ монарховъ эллин. 11, 94 сл.; — император.; римск. 486, 733.
Культъ пенатовъ 516.
Кумы 265, 367, 613.
Купольныя церкви 599.
Curator aquarum 520.
Кураторы 457.
Curia Hostilia 305, 369, 506.
Куріатныя комиціи, см. комиціи.
Курія 277, 294, 473 506 548.
Курульныя кресла 279, 297.
Курульныя магистраты 293, 297 сл., 305.
Курцій Руфъ 671, 708.
Кухня въ римск. домѣ 331.
Кухонная утварь 335, *рис. 187.*

Лаборій, авторъ мимовъ 396.
Лагерь эллин. 56, рим. 56, 325 сл., 487 сл.
Лагиды 184.
Лазурь 169, 172.
Lacus Curtius 369; Juturnae 369, *рис. 272.*
Лактанцій 751.
Лампсакъ 22.
Лампы 334, *рис. 183.*
Лаодикея 15.
Лаокоонъ, группа Агесандра 223 сл., *рис. 124 сл.*
Лаокоонъ, легенда 535, *рис. 308.*
Лаокриты 26.
Лараріи 330, *рис. 180.*
Ларарій Цецилія Юкунда въ Помпеяхъ, *рис. 300.*
Лары 263, 330, 343, 345, 350, 378, 527, *рис. 180.*
Lapis niger 276, 364, *рис. 212.*
Латинская гора 328.
Латинская долина, см. Кампанья.
Латинск. празднество 299.
Латины 259, 275, 277, 280, 290, 292, 312, 363, 368.
Латифундіи эллин. 48, 49; римск. 320.
Латона 221.
Laudatio 3 3, 377.
Лацерна 493.
Лаціумъ 254, 368, 516, 612.
Легаты 322, 357, 489.
Легіонеръ 423, 326, *рис. 177.*
Легіонъ 282, 320, 321, 322, 487.
Лексиконы греч. 151.
Лектистерніи 355.
Lectus 334.
Лелій 398, 404.
Леохаръ, худож. 169.
Лепидъ, М. Эмилій 369, 453.
Лесбія 443, 634.
Лессингъ 386, 390, 661.
Летящая женская фигура съ рогомъ изобилія въ рукѣ (стѣнная роспись), *рис. 399.*
Либаній, софистъ 714.
Libera 264.
Либераліи 350.
Liber 264.
Либитина 352.
Ливанъ 30, 579.
Ливій, Т. 607, 642 сл., 646 сл.. 663, 674, 707, 709; художественность изложенія 645; содержаніе его ист. труда 642; философск. и риторич. сочин. 642.
Ливій Андроникъ 349, 355, 375, 380 сл.
Лигуры 258.
Ликія 17.
Ликофрона «Александра». 120.
Ликторы 278, 286, 298, 322, 328.
Линдосъ на Родосѣ 218.
Липарскіе ос-ва 257.
Лирика эолійская 443; эллинист. 124; римск. 442, 615, 617.
Ликія 61, 469.
Лисимахія 42.
Лисимахъ 5, 6, 11, 15, 29, 80, 193.
Лисистратъ 164.
Лисиппъ, скульп. 162 сл., 167, 199; Апоксіоменъ 163, *рис. 69*; Алекс., вооруженный копьемъ, *рис. 71*; отдыхающій Геракл 214.
Лисій, ораторъ 421, 701.
Литераторъ 348, 495.
Литература легкая эллин. 147.
Литературный языкъ, эллинист. 86, лат. 261.
Литургіи 37, 63.
Lituus 324.
Лициніевы законы 314.
Лицинній Кальвъ, ораторъ 442.
Леонидъ Тарентскій, поэтъ 125.
Локрида 48.
Лонгъ, поэтъ 130, 700.
Лохи 52.
Lugdunum (Lyon) 462, 692.
Лудій, худож. 513.
Луканія 256, 260, 274.
Луканъ 657, 663,
Лукіанъ 135, 690, 711 сл., 714.
Лукрецій Каръ 103, 438 сл., 606, 611, 665, 686, 732.
Лукуллъ, Лицинній 332, 342.
Лупоркалъ 365.
Луперки 287,
Лутацій Катуллъ, побѣдитель кимвровъ, 369.
Луцеры 277.
Луцилій 135, 397, 412, 607, 621 сл.
Любовь къ ближнему 746.

Мавзолей Августа 496, 511, рис. 269.
Мавретанія 460, 466.
Magister equitum 297, 303.
Магистратуры римск. 293, 296 сл., 305, 313, 328, 456 сл.; выборъ магистратовъ 297 сл.
Магія 130, 698, 736.
«Magna Mater» 354.
Магнесія 22, 68, 709.
Магодія 117.
Магонъ (авторъ труда о сельск. хозяйст.) 402.
Maison Carrée въ Нимѣ *рис. 368.*
Македонія 5, 9, 14, 15, 19, 30, 467, 708.
Македонскія войны II 291. — III 291, 312, 468.
Макробій 711.
Малая Азія 4, 5, 6, 17, 22, 42, 63, 76, 286, 316, 461, 469, 485, 580.
Манеѳонъ (египет. жрецъ) 139.
Манилій (авторъ астрологіи) 665.
Манипулъ 320.
Манихейцы 753.
Margites 395.
Maria Antiqua (Римъ) 519, 520, *рис. 294.*
Марій 291, 319, 323, 418, 437; военн. строй М. 319.
Маркъ Аврелій 238, 449, 460, 475, 476, 512, 563, 564, 571, 665, 689, 696, 705, 725.

Марсій и Аполлонъ 203, *рис. 104;* М. повѣшенный, *рис. 106.*
Марсово поле 295, 301, 328, 349, 509, 516, 563.
Марсъ 264, 287, 366, 378; храмъ М. Мстителя 508, *рис. 279 сл.*
Марсы 259.
Марруцины 259.
Марцеллъ, Клавдій 332.
Марцелла — театръ 507, 524, *рис. 281.*
Марціалъ 539, 653, 662 сл.
Марціанъ Капелла 711.
Маршъ римскаго войска 324.
Маска 359, *рис. 210, 222.*
Массалія 315, 462, 584.
Массилія (Марсель) 692.
Математика 148, 153, 718.
Матій Гн. 442.
Матроналіи 346.
Матронъ 134.
Macellum 343, 527, *рис. 302.*
Megalenses 356.
Мегарская комедія 379, 395.
Медея 178, 535, 626, 634, 667; у Аполлонія 133, Тимомаха 548; у Эннія 382, *рис. 78.*
Медицина, алекс. 158, позднѣйш. 719.
Международное право 309.
Междуцарствіе см. interrex.
Меліямбы 135.
Мельница *рис. 197.*
Мемуары, эллинск. 145, римск. 433.
Мемфисъ 474.
Менандръ 99, 109 сл. 112, 393, 394, 494, 684, *рис. 54, 55, 76.*
Менелай, скульп. группа 372, *рис. 191.*
Менипповы сатиры 135, 655; у Варрона 415.
Менипп 135, 415, 656.
Мессала, М. Валерій Корвинъ 605, 627.
Месопотамія 15, 448, 470.
Метатели камней 53, 321.
Методическая школа 719.
Метрагирты 116, *рис. 56.*
Метродоръ (эпикуреецъ) 105.
Механика 155.
Меценатство 605.
Меценатъ 605, 609, 617, 623, 624, 630.
Мечъ 323.
Мѣстная антикварная исторія 145, 709.
Мидія 15.
Микале 228, 232.
Милетскіе разсказы 147, 655.
Милетъ 22, 37, 67, 69, 235, 598; булевтеріонъ 237, *рис. 10, 131;* дельфиній 235 сл., *рис. 129;* Дидимейонъ 239 сл., *рис. 132 сл.;* термы Фаустины 238; хлѣбный рынокъ 238; гимнасій 236, рынки 236 сл.; нимфей 287, планъ *рис. 130;* храмъ Сараписа 238; стадій 238 сл.; городск. стѣна 239; театръ 238.
Милонъ, Т. Анній 362, 421.
Миміямбы 131.
Мимнермъ 628.
Мимы 118 сл.; въ Римѣ 396, 438, 655.
Минерва 264, 366, 544, *рис. 149, 324.*
Минчо 609.
Мины 56.
Миронъ, скульпторъ 125, 372.
Миссенумъ 490.
Миссія 193, 213.
Мистеріи Кибелы 737.
Мистеріи, эллинист. 92 сл.; въ Римѣ 355; восточныя 94, 698, 737.
Мистика 729, 737 сл., 743.
Мистицизмъ, 74.
Митридатъ 6, 34, 43, 159, 292, 518.
Міровые центры 22, 23, 471.
Миѳологія 146, 349.
Миѳографы 717.
Миера 498, 738 сл., *рис. 431, 432.*
Могилы доисторическія на Sacra Via 363; Ромула 364; могила близъ Сиди-Габера *рис. 89;* съ Эсквилина 370; *табл. VI.*
Mogontiacum (Майнцъ) 464.
Мозаика 530 сл.; 600 сл.; въ S. Constanza 601, *рис. 389;* въ Равеннѣ въ мавзолеѣ Г. Плациди *рис. 388;* въ S. Vitale въ Равенѣ *рис. 426;* — александрійская 161, 184, *рис. 14, 56, рис. 65, 87 сл., табл. III;* — пергамск. 216; — въ Делосѣ 244, *табл. V;* — изъ Сусы *рис. 394.*
Мозаика, изобр. Александра, изъ Помпей 161, 184 сл., *рис. 65, 87, табл. III;* — М. «Голубокъ» изъ виллы Адріана *рис. 14.*
Мозаичные полы 560.
Мозелла 696.
Moles Hadriani 497, 561, 584, *рис. 270, 342.*
Молитва 287.
Мольеръ 388, 389.
Молонъ, греч. риторъ 420.
Молящійся мальчикъ 165, *рис. 39.*
Монако 584, трофей Августа 584.
Монархъ, эллин. 9 сл.; м. верховн. жрецъ 18; судья 20, 25; промышленникъ 45; — римск. 278, 296, 298, 303; жрецъ 284; судья 279.
Монархія, эллинист. 5, 8, 9, 14, 25, 30, 51, 88; — неограниченная 450, 455, 604, 607, 676.
Монетная система, эллин. 43; римск. 311, 474 сл., 478; чеканка 453.
Монеты, римск. 311; Веспасіана 520, *рис. 295;* Тита 523, *рис. 298.*
Монографъ 26.
Монотеизмъ 92, 93, 736, 740, 752.
Monumentum Ancyranum 516, 646.
Морская война, эллин. 56; римск. 325.
Мосхъ 127.
Мраморная хроника 144.
Мраморные канделябры 560.
Музей въ Александріи 48, 88, 149, 182.
Музыка 79, 349, 496.
Mulsum, смѣсь вина и меда 341.
Мумія греч. изъ Фаюма *рис. 37.*
Мумій, разрушитель Коринѳа 372.
Мунихія 65.
Муниципіи 293.
Мусей, древній пѣвецъ 727.
Мусоній, 724.
Мэандръ 228, 235.
Мэзія 467.
Мясная лавка, рельефъ *рис. 175.*

Навархъ 24.
Навкратида 16, 51.
Навмахіи 362, 523.
Надгробныя надписи христіан. 753.
Надгробная роспись съ Эсквилина 370, *табл. VI.*
Надгробный плачъ (nenia) 378.
Надгробныя надписи эллин. 125, римск. 378.
Надгробные памятники съ росписью въ Пагасахъ 176, рис. 77; римск. 177 сл., 202 сл., 369, 416, 421.
Надгробная рѣчь см. laudatio.
Надписи греч. 3, 64; латинск. 262; галикарнасск. 733.
Наемныя войска эллин. 16, 17, 51 сл.; римск. 291.
Налоги эллин. 30 сл., 32, 47; римск. 306, 312 сл., 475, 476.
Намѣстники эллин. 4; римск. 308, 310, 313, 461, 474, 482.
Народный латинск. языкъ 692.
Народное собраніе эллин. 11, 69; римск. см. комиціи.
Наука 148, 685 сл., 690, 715.
Нарциссъ, отпущенникъ Клавдія 339.
Насажденіе городовъ см. колонизація.
Наслѣдственное право египетское 27; римск. 280.
Натуральное хозяйство эллин. 47 сл.; римск. 318, 482.
Nature morte 518, 534.
Національизмъ египетск. 5.
Неаполь 256, 609, *рис. 145.*
Neoi—корпорація 66.
Невій 381, 382, 383, 403, 405.
Nemausus (см. Нимъ) 584.
Немейскія игры 78.
Немесида 627.
Nemorensis lacus *рис. 143.*
Непотъ Корнелій 432.
Нептунъ храмъ 508, 509, *рис. 173, 282.*
Нерва 448, 653, 660, 703, *рис. 429;* форумъ Н. 325, 547, *рис. 325, 328.*
Неронъ 448, 455, 477, 492, 512, 520 сл., 553, 663, 667, 672, 675, 677, 686, 706, 732, *рис. 408.*
Нижняя Италія 256 сл., 341; греч. города въ Н. Ит. 290 сл.
Ника Самоѳракійская Евтихида 166, *рис. 24, 25, 74.*
Никандръ изъ Колофона, ученый при пергамскомъ дворѣ 134, 159, 611.
Никій, худ. 175 сл., 506.
Николай изъ Дамаска, наставникъ Герода Великаго 648.
Никомедія 15.
Никополь 724.
Нилъ 189, 374, 459, *рис. 90, 91.*
Нимфей въ Милетѣ 237.
Нимфей 539, *рис. 318.*
Нимъ 462, 584; амфитеатръ 585; Maison Carrée 584, *рис. 368;* Pont du Gard 585.
Ніобея, мраморъ 635, *рис. 401.*
Ніобиды, саркофагъ *рис. 340*, стр. 559.
Нобилитетъ 293.
Новелла историч. 147.
«Новеллы» Юстиніана 723.
Novensides di 265.
Новій, авторъ ателланъ 395.
Новое и старое время 84, 374 сл., 688 сл.
Государство: династіи 9; просвѣщенный абсолютизмъ 11; браки монарховъ 12; чиновничество 8, 18; титулы 8; почести и знаки отличія 327, рис. 178; подданные 12; союзныя государства 8, 23; дипломатія 18; генералъ-адъютанты 18; первый министръ государ. 18; секретарь кабинета 19; генералъ-интендантъ 19; придворная служба 20; союзный совѣтъ 24; нотаріатъ 26; регаліи и монополіи 30, 36, 45, 47; подоходный налогъ 31; пошлины 32, царскія мануфактуры 45; придворный церемоніалъ 494; сборы 32; государственн. касса 34; бюджетъ 36; религіозная консисторія 285; плебисцитъ 295; парламентъ 305; коммунальное управленіе 307; конвенты 308; провинціальныя собранія 308, 461; президенты собраній 461; тюрьмы 360; парламентскія рѣчи 423; министерство финансовъ 457; octroi 482; принудительн. корпораціи 483; автономія провинцій 459; европейскія державы 461, положеніе Италіи въ Средиз. морѣ.
— *Правовая жизнь*: 8; документы 26; адвокаты.
— *Войско*: 8, генералъ-адъют. 18, 51; начальникъ гвардіи 19; государствен. секретарь по военнымъ дѣламъ 19; гарнизоны 19, 50; адмиралъ 24; военный флотъ 42; примѣненіе оружія 55 сл., мины 56; офицеры штаба 299, 323; командованіе 307, 322; саперы 282; походъ 324; генер.-фельдмарш. 489; квартирмейстеръ 489; комендантъ лагеря 489; фельдфебель 489; дневной маршъ 324; фортификаціон. работы 326; шпицрутены 326.
— *Частная жизнь*: внутрен. убранство дома 58; загородные сады; 59; пригласит. письма 62; эмансипація женщины 62; «вольноопредѣляющіеся» 65; обѣдъ 340; гигіена 431; отопленіе 332 сл., торжеств. обѣдъ 341; роскошь 490; обученіе 8; домашн. учителя 410; корпораціи 8; инженеры водныхъ путей 20, спортъ 63, 65 сл., соболѣзнованіе по случаю смерти 73; совмѣстное обученіе 70; гимназ. образованіе 69; variétés 62, 79; тосты 344; брачный контрактъ 345; педагоги 349 сл.; начальное обученіе 348; жокеи 358; бой быковъ 362; зоологич. садъ 362; комедія 385; оперетка 385; куплеты 395; пресса

438; вывозъ 481; богатство 485; монетная единица 311; мелк. столичные торговцы 316; банки 317.
— *Религія*: 89, 736, 748; христіанство 741 сл.; мистика 724, 729 сл., 736 сл., 744; суевѣріе 735 сл., раціонализмъ 91, 146; аллегорическое толков. 146, 728, 752; атеизмъ 98, 103, 439, 732; Эросъ 125; культъ монарховъ 94, 733; языкъ католич. церкви 262; религіозныя процессіи 287; великопостныя проповѣди 424; summus episcopus 453.
— *Философія*: 96, 103, 429, 669, 724 сл., 728 сл., 741; житейск. мудрость 113 сл., 624, 724; космополитизмъ 85, 746; скептицизмъ 106; пессимизмъ 90, 677; гуманность 411, 429; столичн. жизнь 659, 719; гигіена 159, 720; тоска по природѣ 119, 609, 703.
— *Востокъ*: 85, 266, 690; 734; евреи 727 сл.; антисемитизмъ 724.
— *Латинскій языкъ*: 262; языкъ церкви 262, 750; романскіе языки 263, 692; искусство перевода 84, 381, 750.
— *Литература*: трагедія 666; комедія 107 сл., 117, 385; фарсъ 396; придворная поэзія 122. 607, 695; буколическая поэзія 130; сельская повѣсть 703; романъ 656, 698 сл.; басня 665; эпиграмма 653; реализмъ 131, 656, архаизмъ 700, 705.
— *Вліяніе*: Лукреція 441; Вергилія 616; Горація 625, 621; Проперція 629 сл.; Овидія 639 сл.; Сенеки 666 сл.; Ювенала 658; Марціала 661; Авсонія 695 сл.; Цицерона 417 сл.; 421, 424, 429, 431; Цезаря 435; Ливія 644 сл.; Тацита 674, 678; Плутарха 683; Лукіана 711, 713; М. Аврелія 725 сл.; Августина 754.
— *Науки*: 148, 412, 715; филологія 149; грамматика 152; математика 153, 718; механика (автоматы) 155; астрономія 155, 718; астрологія 735 сл.; юриспруденція 722 сл.
Новопивагорейцы 729.
Новоплатонизмъ 691, 753, 724, 752 сл.
Новый Завѣтъ 87, 589, 644, 753.
Наматіанъ Рутилій, поэтъ 695, 696.
Номографы 27.
Номы 19.
Ноннъ поэтъ 694.
Ноны 345.
Норикъ 466 сл.
Нормальныя мѣры 507.
Notae (порицаніе) цензора 301.
Нравственность въ эпоху эллинизма 64, 80 сл.
Нубіецъ, голова, скульптура изъ Кирены 17, *рис. 9.*
Нума 263, 282.
Нумидія 466.

Обелиски 358, 510, *рис. 206.*
Обѣдъ 61, римск. 340 сл., 494.
Обозъ, военн. эллин. 56, римск. 324.
Образъ жизни римлянина 310 сл., 493 сл.
Обувь, римск. 338.
Общественная земля см. ager publicus.
Овація 328.
Овидій 126, 134, 606 сл., 617, 626, 633 сл., 637, 654; жизнь, 632; «Лѣкарство отъ любви» 635;— «Метаморфозы» 636; — «Наука любви» 635 сл.; — «Письма изъ Понта» 640; «Скорби» 640; «Фасты» 635.
Одежда эллинист. 13, 59 сл.; царск. 13. *рис. 8*; — римская 278, 283, 294, 336 сл., 454, 492; императоровъ 278, 298, 322, 454.
Одеонъ въ Аѳинахъ 198, 583.
Одиссея 117, 132, 699; ландшафты изъ Од. 373, 374. *Табл. VIII*; переводъ Ливія Андроника 381.
Оды 618.
Oecus 331, 530, 598.
Озирисъ 94.—Святилище въ Пріенѣ 233,
Ойкосное хозяйство, эллин. 48, римск. 482.
Оксиринхъ 62, 118, 144.
Октавіанъ см. Августъ, *рис. 393.*
Октавія 667.
Олимпіада, *рис. 7.*
Олимпіады 139, 143.
Олимпія 189, 583.
Олимпъ 639.
Онатъ, скульпт., коллоссальн. статуя Аполлона 217.
Оппіанъ, писатель 665, 693.
Оппій (въ Римѣ) 521.
Оптиматы 291.
Оракулъ, эллин. 76.
Оранжъ, театръ 585.
Ораторск. искусство эпохи эллинизма *136*; въ Римѣ 403 сл., 379, 421 сл., 640, *рис. 229.*
Ораторъ (arringatore) 272, *рис. 229.*
Орбилій, 617.
Организація городовъ 472 сл.
Оргеоны 74.
Орелъ, рельефъ времени Траяна, *рис. 405.*
Орестъ и Пиладъ передъ Ѳоантомъ, *рис. 79.*
Орибасій, лейбъ-медикъ Юліана 721.
Оригенъ 750, 754.
Orcus 629.
Оружіе, эллин. 52 сл., *рис. 21, 22*; римск. 323 сл.
Оружіе, рельефъ изъ Пергама, *рис. 21*;—фризъ пропилей изъ Милета, *рис. 22.*
Орфей 534.
Орфико—діонист. мистеріи 92, орфическ. гимны 693.
Осадочная война, эллинист. техника 55; римск. техника 324.
Оски 260, 274 сл., 363.
Оскскій всадникъ *рис. 160*; — гладіаторы, *рис. 207.*
Остія 315, 472.
Острака (глин. черепки) 71, *рис. 36.*
Остракизмъ 71.
Откровеніе Іоанна 744.

Откупъ налоговъ въ эллин. госуд. 36 сл.; въ римск. государствѣ 294, 310, 313.
Отонъ 440.
Отпущенники и отпускъ на свободу 293, 309, 321, 459.
Отцы церкви 92, 670, 749.
Офицеры въ комедіи 110, 387 сл.
Очищеніе, религіозн. ритуалъ 287.

Павелъ. апостолъ 137, 581, 670, 742,—Посланія 690, 743.
Павелъ, Діаконъ 651.
Павлинъ, епископъ 696.
Павсаній 709.
Павсій, живоп. 167, 175.
Падуя 642.
Paenula 338, *рис. 193.*
Pax 516.
Пакувій М., трагикъ 381.
Палатинъ 276, 363, 365, 369, 504, 519 сл., 369.
Palazzo Grimani 517.
Паломонъ, Кв. Реммій, риторъ 686.
Палестина 460, 470.
Палестра 349, 567.
Палинтона 55, *рис. 23.*
Палла (шаль) 339, 345, *рис. 195.*
Палласъ, отпущенникъ Клавдія 485.
Паллій (одежда) 493.
Пальмира 470, 580;—колоннада рис. 255.
Paludamentum 322.
Памфилія 17, 469, 581.
Памфилъ, живв. 167, 718.
Пангэйск. розсыпи 30.
Панегирикъ 679.
Панегирики 705.
Пантеизмъ стоиковъ 101.
Посидонія 409.
Пантеонъ 509 сл., 553 сл., 556, 599, *рис. 285, 333, 334.*
Паннонія 467.
Пантомима 396 сл., 495, 499, 605.
Панцырь 53, 323.
Панетій, стоикъ 103, 408, 669.
S. Paolo fuori le mura *рис. 381, 436.*
Папирусныя находки 3, 29, 50, 62, 71, 87, 118, 122, 135, 145.
Папирусъ 71, 348, 485.
Папиніанъ, юристъ 474. 722.
Паппъ, матем. 718.
Папская крипта *рис. 370.*
Парадныя залы 538, 598.
Параситы въ комедіи 61, 110, 391.
Паркъ, эллин. 59.
Паррассій, живоп. 174.
Parthenos Фидія 217, 232.
Первый элегикъ 442 сл., 626, 653.
Парѳенонъ 172, 191, 208, 516, 748.
Парѳія 15.
Парѳяне 6, 7, 8, 86, 448, 460, 514, 569.
Паситель, скульпт. 372.
Пастырскія посланія 752.
Пастушескій романъ 700.
Патриціи 277, 279, 290, 292, 302, 314, 355, 458.
Патриційскія магистратуры 297.
patronus 278, 309.
Педзетеры 51.
Пейтингерова карта 649, *рис. 406.*
Пелигны 259.
Пелопоннесская война 64.
Пелопоннесъ 4, 213.
Пелусій 474.
Польтасты 51, 53.
Пенаты 263.
Пентаметръ 633.
Пенторы 56.
Пентеликонъ 171.
Пеплосъ 60.
Пергаментъ 71, 152, 601.
Пергамскій алтарь гигантовъ см. Зевсъ.
Пергамское государство 6; перг. царь *рис. 6.*
Пергамъ 18, 22, 37, 65, 71, 88, 134, 152, 193, 291, 598, 720, *рис. 12, 15, 16, 93, 94;* — Агора 194;—храмъ Аѳины 194; — терраса Аѳины 194, 195, 199, 214, *рис. 15;*—базилика 198, *рис. 98;*—библіотеки 194, 64;—гимнасій 194, *рис. 95;*—іоническій храмъ 194, 196;—мраморный храмъ Траяна 581; — театръ 194, 196;—водоснабженіе 197; —алтарь Зевса 136, 194, 205, 218, *рис. 108 сл.*
Пердикка 18.
Переводъ Библіи, Африканскій 750.
Переводы 381, 727, 750.
Периклъ 161.
Peristasis 196.
Перистильный домъ, въ Делосѣ 242 сл.; римск. 329, 536.
Перистиль 242, 330, 530, 598.
Перипатетики 65, 98, 145, 148.
Періакты 359.
Персей Македонскій 43, 291.
Персей и Андромеда, рельефъ 191, *рис. 404.*
Персій Флаккъ, писатель сатиръ 655, 658.
Персія 15, 43.
Перспектива 373.
Персъ, скульптура изъ Пергама. *рис. 102.*
Пессимизмъ 90, 677.
Пессинунтъ, главный городъ галатовъ 75.
Петра 578, фасадъ гробницы, *рис. 574.*
Петроній 494, 655, 698.
Печеніе хлѣба и размолъ *рис. 198.*
Piazza d'oro 559.
Пигна 509, *рис. 283.*
Pilum 321, 324.
Пинакотека въ Аѳинахъ 218; частная въ Римѣ 331.
Пиндаръ 615, 629.
Пирготелъ, художн. 11, 162.
Пирей 94.
Пиѳій и Ѳесей *рис. 157.*
Пирронъ изъ Элиды, скептикъ 106, 134.
Пирръ, властитель Эпира 6, 41, 54, 138, 290, 311, 349, 377. *рис. 4.*
Пирушка 343 сл., 494 сл., *рис. 199.*
Писистратъ 583.
Писчій матеріалъ, эллин. 70; въ Римѣ 348 сл.
Письма, Плинія младшаго 679; Цицерона 420, 430 сл.; Павла 743; эллинист. 145.
Пиценты 259.
Пиѳагорейцы 729.
Пиѳагоръ 729.
Пиѳій, архитект. въ Пріенѣ 231.
Пиѳій, массаліотъ 156.
Пиѳійскія игры 78.
Плавтъ 111, 261, 262, 385 сл., 387 сл., 393, 406, 413.

Планкъ, Л. Мунацій 369.
Пластика 573, 591; эллинист. 161; въ Сикіонѣ 162 сл.; въ Аѳинахъ 161 сл.; въ Александріи 188; въ Пергамѣ 205; въ Родосѣ 219; въ Римѣ 272, 501; этрусск. 271; раннехрист. 591.
Платонъ 64, 87, 115, 150, 153, 410, 427, 494, 682, 712, 723, 728, 730, 754.
Плащъ, cucullus 338, paenula 338, paludamentum sagum 323, 338.
Плебеи 278, 289, 292, 295, 302, 314, 319, 355.
Плебейскіе магистраты 296.
Плебисцитъ 295.
Плеяда александрійскихъ трагиковъ 107.
Плиній Старшій 31, 199, 227, 519, 674, 680 сл., 685, 690, 693.
Плиній Младшій 654, *679*, 706.
Плотинъ 729.
Плутархъ 163, 681, 724, 728.
Пневматика 720, 749.
Пневматическая школа 720.
По 253, 291, 442.
Побѣда Александра (помп. мозаика) 184 сл.
Поваренныя книжки эллинист. 134; римск. 686.
Поваръ, въ комедіи 110.
Повинности 32.
Погребеніе эллин. 72; римск. 351 сл., 497.
Подданные въ эллинист. госуд. 12.
Пожертвованія 37, 63.
Poikile 492, 559.
Пайдономъ 67, 68.
Поклоненіе Исидѣ *рис. 47*.
Полемархи 52.
Полемонъ, софистъ 703.
Полемонъ, περιηγητὴς 145, 709.
Полибій 75, 137, 157, 140, 352, 402, 406, 410, 436, 643, 646, 681, *рис. 66*.
Полигамія 12, 49.
Полигимнія 221, *рис. 121*.
Полигнотъ 169.
Полигональныя стѣны 267.
Полидоръ съ Родоса 223.
Поликлетъ 162.
Полисъ (городъ-государство) 6, 7, 8, 12, 15, 18, 20, 96, 83, 89, 745.
Политеизмъ 89, 93, 752.
Полифемъ Ѳеокрита 129, *табл. VII*.
Полихромія 516.
Полиція 21, 452, 57; эллин. 21, 57; римск. 300.
Поліэнъ, риторъ 685 сл.
Полліонъ, Г. Азиній 605. 609 сл.
Поллуксъ, риторъ аттицистъ 717.
Pomerium 278.
Помона, богиня, охран. плодовъ 264.
Помпеи 94, 178, 328, 373, 491, 525, 551, 576, 601, 634, 658; — амфитеатръ 528; — атріи 530; — базилика 527, *рис. 302*; — Casa del Fauno 531, *рис. 306*; — форумъ 527, *рис. 172, 302*. — Forum Triangulare 527; — картины 534; — домъ Веттіевъ *рис. 304*; — извѣстков. фахверков. кладка 529, *рис. 303*; — часовня Г. Цецилія Юкунда, *рис. 300*; — лары 527; — Macellum 527, *рис. 302*; — базарныя площади 527; — типъ дома *рис. 305*; — планъ города 523, *рис. 299*; — частные дома 529; — статуя всадника на форумѣ, *рис. 201*; — школьное обученіе *рис. 64*; — улицы 528, *рис. 140*; — храмы: Аполлона 527, *рис. 302*; Исиды 94, 334; Юпитера 527, *рис. 300, 302*; — театръ 527, *рис. 226*; — термы 528, *рис. 301*; — вилла Итемъ; стѣнная живопись, *рис. 307*; — декоровка стѣнъ, *рис. 307 сл.*
Помпей, Гней, Вел. 6, 52, 292, 325, 336, 409, 418. 435, 518, 663; театръ П. 358, 508.
Помпей Трогъ, историографъ 648.
Помпеянская стѣна 4-го стиля *рис. 309*.
Помпеянскіе стили 513, 530 сл., *рис. 308*.
Помпоній, Л., писатель 395.
Поножи 323.
Pons Aelius 562.
Pontifex maximus 284, 345, 369, 376, 451.
Понтифики 284, 355, 376.
Понтъ 9, 469.
Популяры 291, 294.
Porta aurea дворца Діоклетіана въ Спалато *рис. 367*.
Porta nigra въ Трирѣ *рис. 246*.
Porta Ostiensis 510.
Porticus Metelli 368, 508.
Porticus Octaviae 183, 368, 508, *рис. 214 сл.*, *441*.
Портретное право, ius imaginum см. imagines.
Портретъ поэтессы (въ формѣ медальона) изъ Геркуланума *рис. 398*.
Порфирій, философъ 730.
Порфировый саркофагъ св. Елены *рис. 344*.
Посидоній, стоикъ 103, 143, 156, 409, 410, 411, 420, 429, 436, 665, 669, 724, 729, *рис. 66 a*.
Посольства 306, 369, 452.
Potestas 297.
Потолки жилищъ 536.
Похоронныя игры 353, 360.
Похоронная колесница Алекс. Вел. *рис. 85*.
Похоронная процессія въ Римѣ 352 сл.
Почести римскихъ чиновниковъ 298; — императоровъ 454; военныя 327.
Почетныя статуи въ Римѣ 369.
Почитаніе боговъ, эллин. 73 сл.; римск. 265, 283 сл., 307, 313, 354 сл., 498.
Почта эллин. 43; римск. 480.
Пошлины 32, 47, 312, 475.
Права гражданства эллин. 29, 63; римск. 292, 308 сл., 321, 461.
Право латинское 461, 292.
Право римск. 25, 279, 303, 308, 453, 473; эллин. 25 сл.; международное 309, 473; купли и продажи, египетск. 28.
Празднества эллинист. 76 сл.
Пракситель 169, 175, 191, 217.
Praefectus annonae 453; Aegipti 457; fabrum 488; castrorum 489; praetorio 457, 474; sociorum 323; urbi 299, 452, 457; vigilum 457.

Пращники 53, 321.
Пренесте 710.
Престолонаслѣдія право эллинист. 13; римск. 453.
Преторіанцы 11, 451, 476, 488, *рис. 263.*
Преторіи 298, 307.
Преторы 294, 298, 299, 307, 308, 310, 312, 404, 474; urbanus 300; peregrinus 300.
Придворная поэзія 122, 607.
Придворная служба: главный стольникъ 20; главный кравчій 20; егермейстеръ и камергеръ 20, 457; «пажескій» корпусъ 18; знать придворная 8.
Придворная часовня 539.
Princeps senatus 305, 451, 456.
Принцепсы (войско) 320, 324.
Принцепсъ 451, 456.
Прическа женская, римск. 339, 493, *рис. 194, 266.*
Пріена 22, 37, 59, 68, 228, 598; — водоснабженіе 229;—гимнасій 233, *рис. 34, 128*; — гробницы 234;—дома 229,—Ефебейонъ 233, *рис. 35*;—крѣпость 228; — площадь храма Исиды 233;—рынки 230;—стадій 233, *рис. 127*;—театръ 232, *рис. 53*;—храмъ Аѳины 229; — храмъ Деметры 233; — Экклесіастеріонъ 231, *рис. 11.*
Провинціи 691, римск. 305, 312, 321, 451, 458, 461, 482; — управленіе 307, 459 сл., 476;—пров. культура 692.
Провинція, аллегорич. фигура съ базы храма Нептуна въ Римѣ, *рис. 173.*
Провокація 280, 297, 302, 310.
Progymnasmata 702.
Продигіи 286.
Продукты пищевые эллинист. 61; римск. 342.
Прозелиты 737.
Прозерпина 695, *рис. 420.*
Проклъ (авторъ коммент. къ Платону) 717, 731.
Проконсулы (проконсул. власть) 298, 451.
Проксенія 63.
Прокураторы 457, 477.
Пролетаріи 340, 451, 499.
Прологи: Плавта 391; Теренція 392; Лаберія 396.
Промышленность, эллин. 44 сл., 48, 60; римск. 282, 318 сл., 482 сл.
Проперцій 605, 616, 626 сл., 629 сл., 634.
Пропилеи въ Аѳинахъ 218.
Проскинеса 13.
Проскрипціи 318, 653.
Протагоръ, софистъ 89.
Протесилай 704.
Prothysis 206.
Протогенъ, художн. 218, 221.
Процессіи 289, 698.
Процессъ гражданскій эллин. 26; римск. 309.
Псалмы 753.
Птолеманда въ Верх. Египтѣ 16.
Птолемеи 14, 15, 30, 36, 45, 47, 88, 148, 180, 183, 476, 607, 727.—Птолемеевск. Камея 192, *рис. 7*; Птолемей (астрономъ) 148, 715, 718, 721, 723, 735; II. I (Сотеръ) 4, 5, 11, 80, 88, 94, 138, 149, 182. *рис. 67*; II. II (Филадельфъ) 32, 41, 88, 96, 120, 121, 129. 139, 149, 727; II. IV (Филопаторъ) 51, 184, 219.
Публилій, авторъ мимовъ 396.
Пуническія войны 321; — Первая 290. 325, 380;— Вторая 142, 252, 265, 291, 323, 354, 382, 403, 642; — Третья 129.
Пурпуръ 60.
Путеоли 315, 472, 570.
Путешествія 43, 480.
Пьяная старуха, скульпт., *рис. 60.*
Пэонія 19.
Пятикнижіе 728.

Рабочій вопросъ эллин. 49.
Рабыни эллин. 48 сл.
Рабы 48, 74, 315, 319, 321, 412, 486, 680, 724; въ комедіи 110, 387 сл., 394, *рис. 225*; возстаніе рабовъ 50, 320; торговля рабами въ Делосѣ 319.
Равена 599, 601; архитектура, *рис. 329 сл.*, 385 сл.; мозаика въ Мавзолеѣ Галлы Плацидіи *рис. 388, 426.*
Разбойники морскіе 52, 57, 266.
Разводъ въ Римѣ 347, 495.
Rannes 277.
Рафія, битва при 51.
Раціонализмъ 91, 146, 732.
Революція соціальная въ Римѣ 291, 296, 319.
Регентъ эллин. 4.
Регія 80, 285, 369.
Рейнъ 464, 490.
Rex sacrificulus 284, 355.
Relegatio 474.
Религія эллинизма 89, 96; римск. 263 сл., 283, 306, 732; философск. 428, 728; религія и философія 408, 690.
Рельефъ изъ слоновой кости *рис. 383.*
Рельефъ алекс. 190, *рис. 55, 6, 228, 404*; пергамск. 209, *рис. 21, 110, сл.*; въ Родосѣ 221, *рис. 120.*
Ремъ 514.
Ретія (Тироль) 466.
Рецитаціи 413, 605, 626, 654.
Рѣзные камни 518.
Римляно 7, 22, 40, 85, 193, 705; языкъ римлянъ 261 сл.
Римская волчица 367, *рис. 219.*
Римскій архаизмъ 705.
Римъ: 8, 11, 43, 49, 78, 180, 193, 235, 275, 595; — пожаръ при Неронѣ 522; финансы 281 сл. 311 сл.; религія 283 сл. 354 сл.; военное дѣло 282, 320 сл.; положеніе и возникновеніе Рима 275 сл.; частная жизнь 282, 328; право 279, 308, государство 277, 289; подъ владычествомъ этрусковъ 366; водоснабженіе 686.
— *Архитектура*: Амфитеатръ 360;—Ам. Флавіевъ 521 сл., *рис. 296 сл.*
— *Базилики*: Aemilia 369, 506; — Julia 369, 506, *рис. 288*; — Максентія 572, *рис. 353, 355*; — Семпронія 369;—Ulpia 550, *рис. 326, 328.*

— *Колумбаріи*: 354, 511, *рис. 287.*
— *Куріи*: Курія Юлія 506 548;—Гостилія 506.
— *Колонны*: Мар. Аврелія 563 сл., *рис. 265*;—Траяна 550 сл., 564, *рис. 326 сл.*; — постаментъ Антон. Пія 563, *рис.* 283, 428.
— *Тріумфальныя арки*: Константина 452, 499, 572, *рис. 354*;—Fornix Fabianus 369;—М. Аврелія 566; — Септ. Севера 558, *рис. 346.*
— *Форумъ*: Romanum 305. 317, 328, 353, 360, 364, 368 сл., 504, 538, 556 сл., 598, *рис. 216*;—Boarium 360, 577; — Pacis 548 сл., 522;—Piscarium 369;—Transitorium 549.
— *Гробницы*: Цицилін Метеллы 510, 587, *рис. 204*;—Цестія 510, *рис. 203*;—Мавзолей Августа 510, *рис. 269*;—Адріана 511, 561, *рис. 270, 342.*
— *Форумы* императоровъ: *рис. 328*;—Augusti 507, 549 сл.—F. Julium 507, 547 сл.;—F. Nervae 547, *рис. 325*;—F. Pacis 548 сл.—F. Traiani 549, 553 сл.;—фрагментъ фриза, *рис. 417.*
— *Macella* 343.
— *Нимфеи* 559, *рис. 319.*
— *Обелиски* 358, 510, *рис. 206.*
— *Дворцы*: Августа 373, 504;—Ливіи 373;—Флавіевъ 538 сл., *рис. 311 сл.*; Porticus Octaviae 368, 508, *рис. 214 сл.*
— *Пирамида* Цестія 510, *рис. 203.*
— *Regia* 285, 369.
— *Статуи*: Константина Вел. 572, *рис. 434*;—Конная статуя М. Аврелія 564, *рис. 427*;—Колоссъ Нерона 521.
— *Табулларіи* 305, 369.
— *Храмы*: Аполлона 287, 504; — Діоскуровъ 354, 369, 505, 520, 556, *рис. 272*;—Конкордіи 364, 369, 505, 565;—Діаны 284.—Божеств. Августа 519 сл., *рис. 272*; — божеств. Юлія 504, *рис. 273*;—божеств.; Веспасіана 538, 548; — Фаустины 363, 548, 563, *рис. 343*;—Януса 263, 284, 311, 548; — Юпитера Капит. 264, 284, 287, 354, 366, 520, *рис. 150*;—Юпитера Статора 544; — Марса Мстителя 507, *рис. 279 сл.*;—Нептуна 508, 509, *рис. 173, 282*;—Сатурна 300, 313, 354, 369, 475, 476, *рис. 212, 313*;—Бога Солнца на Палатинѣ 741.—Траяна 548, 550.—Венеры и Ромы 555, 558, 571, *рис. 335, 336, 341*;—Венеры Cloaciana 369;—Венеры Родительницы 507;—Весты 268, 369, *рис. 167.*
— *Театры*: Помпея 358 сл. 508;—Марцелла 508, *рис. 281.*
— *Термы*: Антонина Каракаллы 570, *рис. 349 сл.*;—Діоклетіана 571;—Тита 525.
— *Стѣнная роспись*: въ Casa Farnesina 373, *рис. 217*; въ домѣ Ливіи 373, 374, *табл. VII*; въ виллѣ ad Gallinas Albas, *рис.* 284; въ катакомбахъ 588 сл., *рис. 372*; въ к. Домитиллы, *рис. 371, 383*; въ к. Петра и Марцеллина, *рис. 375*;—изъ Vigna Massimo, *рис. 376.*
Водопроводы: Aqua Appia 520;—Aqua Claudia 520, *рис. 264.*
Ринеонъ, авторъ hilarotragodia, 118.
Ристанія колесницъ, 358, *рис. 205.*
Ритмъ рѣчи 423, 426.
Риторика эллин. 84, 136, 137, 139, 142; въ Римѣ 403, 424 сл., 606, 634, 641, 646, 665, 685, 690.
Риторы 64, 66, 349, 403, 495, 646, 658, 668.
Ріанъ, критскій грамматикъ 133.
Родосъ 6, 23, 42, 44, 57, 74, 88, 155, 217, 291, 315, 408, 421;—монета съ Р. 119; колосъ Геліоса 218, др. колоссы 220, 227.
Роды оружія 52.
Роксана, жена Алекс. Вел. 64.
Рома (богиня) 454, 516.
Roma quadrata 276, 365.
Романизація 308, 459.
Романизмъ 7.
Романскіе языки 263.
Романъ объ Александрѣ 606, 613.
Романъ греческій 655, 699, римск. 697.
Ромеи (игры) 78.
Ромулъ 348, 514, въ трагедіи 381; могила Ромула 364.
Ропографія 184.
Роскошь, эллинист. 60, 62, 64; римск. 346, 350, 656.
Роскошь нарядовъ, эллин. 60.
Роспись гробницъ этрусск. 269, *рис. 155, 157 сл.*; оскская 274; съ Эсквилина 370.
Роспись стѣнная, въ Александріи 187, *рис. 89*; въ Капуѣ, *рис. 160, 207*; этрусск. 269, *рис. 155, 157 сл., 184, 221*; въ Геркуланумѣ, *рис. 47*; въ Помпеяхъ 530 сл., *рис. 59, 64, 78 сл., 86, 186, 199 сл., 260, 307 сл., 399 сл., 402 сл., 412*; въ Римѣ 370, 513, *рис. 217, 284, табл. VI, VII, VIII*, съ Via Аррія 512, *рис. 286*; въ катакомбахъ 587 сл., *рис. 371 сл.*; — въ Стабіяхъ 535, *рис. 310.*
Ростры 364, 369, 452, 475, 502, 504, 549, *рис. 242, 258, 262, 274 сл., 328.*
Росцій, актеръ 360, 384.
Рыночныя пошлины, эллинист. 31.
Рынокъ въ Пергамѣ 194; въ Пріенѣ 230; въ Милетѣ 237; въ Римѣ, см. Forum.

Сабеллы 259.
Сабелльская возвышенность 256.
Сабелльскія племена 275.
Сабина, жена Адріана, *рис. 266.*
Сабинскія горы 255, 617.
Сабинумъ Горація, видъ съ *рис. 397.*
Сабины 259, 277, 281, 363.
Sagum 323, 338.
Сады Мецената 521.
— Саллустія 436.

Saepta Julia 508.
Саламинъ на Кипрѣ 165.
Салiи 287.—Пѣснь Салiевъ 378, 412.
Салонская бухта 584.
Саллустiй 431 сл. 615.
Самниты 259 сл., 290, 526.
Самоубiйство Декебала, 552, *рис. 330.*
Самбука 79, негръ съ самбукой, *рис. 42.*
Самнiй 254, 256, 274.
Самосъ 22, 38, 228.
Сарапейонъ въ Александрiи 94, 182.
Сараписъ 93 сл., 737, *рис. 46;* — храмъ С. въ Милетѣ 238.
Сардинiя 254, 258.
Сарпсса 53, 54, 55.
Саркофагъ 561, эллин. 73, Александра 170 сл., 175, 186, *рис. 38, 75, табл. II, II а;* этрусск. 273; изъ Черветри *рис. 154;* изъ Корнето 271, *рис. 156;*—римск. 497, 564, 593; въ Латеранск. музеѣ, *рис. 435 сл.;* — съ сборомъ винограда, *рис. 433;* — Л. Корнелiя Сципiона 368, *рис. 220;*—Юнiя Басса *рис. 378.*
Сатира эллин. 135; римск. 396, 407, 617, 621, 654, 658.
Сатира Менипна 712.
Сатирическая драма 78, 395.
Сатиръ, перипатетикъ 144.
Сатиры 179, *рис. 81 сл.*
Сатрапы эллин. 4, 19.
Сатурналiи 289, 340, 348, 369, 711, 715.
Сатурнiй 377, 378.
Сатурнъ 264, храмъ 300, 313, 354, 369, 475, 476, *рис. 212, 343.*
Саффо 443, 618.
Свѣтонiй Транквиллъ 521, 706, 717.
Свида 718.
Своды законовъ 721 сл.
Своды 367; св. ложный 267, 366; св. изъ клинообразн. камен. плитъ 367.
Святая Софiя 600; планъ *рис. 387;* внутренiй видъ *рис. 438.*
Святилище Миеры 740.
Северъ Александръ 449, 468.
Северъ, архитекторъ 520.
Севилья (Hispalis) 462, 471.
Секулярныя игры 356, 617.
Селевкиды 5, 13, 19, 30, 34, 47, 52, 152, 239.
Селевкiя 15, 23, 42, 471.
Селевкъ I 4, 5, 235, 15, рис. 3.
Селлистернiи 355.
Сельское хозяйство, эллин. 37; римск. 280, 314, 340, 477 сл., 485; сочиненiе Катона 401; Магона 402; Варрона 414, 611; стихотворенiе Вергилiя 610; сочиненiе Колумеллы 685.
Семпронiй Аселлiонъ 403.
Семьдесять толковниковъ 86, 727.
Семья, римск. 283, 344, 495.
Senaculum 369.
Сенаторы 291, 294, 299, 314, 337, 353, 458.
Сенатъ 279, 287, 291, 297, 303 сл., 304 сл., 305, 306, 327, 340, 452, *455* сл., 400, 721.
Сенатъ, засѣданiе 305, senatus auctoritas 305, 279, s. consultum 305.
Сенека, риторъ 641, 668 сл., философъ 205, 492, 626, 654, 658, 662, 684, 668, 705, 715, 720, 724, 748, 754.
Септизодiй 570, *рис. 348.*
Септимiй, дворецъ 569, *рис. 347.*
Септимiй Северъ 449, 568, 576, 704, 722; арка 548, 568 сл., *рис. 346.*
Сервiевская конституцiя 279, 320.
Сервiй Туллiй 277.
Сервiй (комментаторъ Вергилiя) 717.
Серебряная латынь 654.
Серебряная чаша изъ Александрiи 92; изъ Гильдесгейма *рис. 26.*
Серебряный кладъ изъ Гильдесгейма 216, 517, *рис. 26, 32.*
Сестерцiи 311.
Сеянъ, министръ при Тиверiи 666.
Сивиллины книги 265, 286, 367.
Сицилiя 38, 129, 252, 257 сл., 260, 281, 291, 312, 314, 460, 487, 708.
Сигма 340.
Сидонъ 170.
Сикiонъ 160, 162 сл., 172.
Силанiонъ, скульпт. 161, 217.
Силенъ изъ дома Дiонисса (Делосъ) *рис. 136.*
Силiй Италикъ, авторъ поэмы о II Пунич. в., 663.
Силлы 134.
Симмахъ, Кв. Авреliй 715.
Симпликiй 731.
Симпосiй въ литературѣ 137, 683, 710.
Сиканы 260.
Синодъ (собранiе) 74.
Синопъ 22, 42, 94.
Синкретизмъ 93, 736.
Сикулы 260.
Сиракузы 6, 18, 23, 31, 43, 80, 129, 315, 372, 748.
Сирiйское государство 5, 9, 12.
Сирiя 9, 17 сл., 31, 316, 470, 483, 578.
Syrinx (свирѣль) 129.
Сирмiонъ 443.
Сисенна Л. Корнелiй 436.
Сицилiя 6, 380.
Scalae Caci 365.
Scammonium 234.
Скептицизмъ 90, 106, 159, 408, 732.
Скопадъ, скульп. 169.
Scriptores historiae Augustae 706.
Словари греч. 701, 717.
Слоновая кость 595.
Смирна 22.
Совершеннолѣтiе римскаго юноши 350.
Сократъ 106, 741.
Сокровищницы эллинист. монарховъ 34.
Солонъ 111, конституцiя С. 279.
Солунтъ *рис. 147.*
Соракт 281.
Соранъ, врачъ 720.
Сословiе столичныхъ купцовъ въ Римѣ 316.
Сословiя въ эпоху имперiи 458.
Сословная борьба въ Римѣ 289.
Состратъ изъ Книда, архит. 182.

Состязанія въ бѣгѣ 289.
Сосуды для питья римск. 385, *рис. 186, 188.*
Сосъ, художн. изъ Пергама 31.
Сотеріи (эллин. игры) 77.
Софистика 8, 64, 83, 90; вторая софистика 689, 697, 700; въ IV стол. 714, 729, 749.
Софисты 702.
Софоклъ 107, 113, 667.
Софронисты 65.
Софронъ 131, 118.
Соціальные контрасты въ эллин. эпоху 49; въ Римѣ 291, 319.
Союзническая война 526.
Союзники итал. 293, 321.
Спалато 584; Porta aurea дворца Діоклетіана *рис. 367.*
Спальня въ римск. домѣ 331.
Спарта 9, 21, 49, 62, 118, 306.
Спевсиппъ, философъ 97.—
Среднее сословіе въ Римѣ 319, 485.
Средневѣковье и античность монархіи 14: вольные города 15; храмовыя государства 15; ленная система 15; областные графы 26: придворная служба см. Новое вр.; женщины при дворѣ 63; посвященіе въ рыцари 65; секуляризація 32, 75; монастыри 75; ремесленныя корпораціи 483.
— *Вліяніе на позднѣйш. поколѣнія:* Персія 655. Галена 720, Доната 717.
— *Науки:* «Семь свободныхъ искусствъ» 415; астрономія 718; астрологія 735; суевѣріе и магія 736; «Физіологъ» 718; медицина 719.
— *Религія:* гностицизмъ 749; церковное пѣніе 752; отцы церкви 749; Августинъ 754.
Средняя Италія 254.
Стабіи 525 стѣнная роспись *рис. 310.*
Stagnum Noronis 523.
Стадій въ Тибуртинской виллѣ 559; въ Пріенѣ 233, *рис. 127*; въ Милетѣ 238; Палатинскій 541, *рис. 317.*
Статеры золотые 43.
Статуетки эллин. 59, *рис. 30.*
Стацій 124, 653, 661 сл., 664, 695.
Стеклянная облицовка стѣнъ 374.
Стесихоръ 129.
Стефанъ, скульп. 372.
Стилисъ 57.
Стилонъ, Л. Элій 412.
Стилихонъ 695.
Stipendium 312.
Стоицизмъ 92, 99 сл., 103, 152, 409, 427, 482, 487, 647, 669, 684, 724, 728, 729, 748.
Stola 339.
Столичный плебсъ 50, 458, 476.
Столовая въ палатинскомъ дворцѣ 539.
Столы римск. 334, *рис. 184 сл.*
Страбонъ 151, 410, 640, 649.
Стратегъ 19 сл., 24, 50, 52, 65, стратегія эллин. 54 сл.
Стрѣлки 53, 321.
Stuccolustro 532.
Суазоріи 641.
Суда эллин. 56, *рис. 24, 25*; римск. 325.
Судебныя кары римск. 311, 313, 474.
Судопроизводство римск. 309; с. вольное 309.
Судъ за вымогательства 310; с. присяжныхъ 28, 294, 300, 340, 473 сл., 506.
Суевѣріе 113, 698, 735.
Сукна, выдѣлка римск. 336, *рис. 190.*
Сулла, Л. Корнелій 40, 117, 287, 292, 300, 304, 307, 322, 341, 360, 396, 423; мемуары 433.
Сульмо 632.
Сульпиція 628.
Suovetaurile 288, 301, 549, *рис. 168.*
Супружеская чета римск. *рис. 165.*
Супплякаціи 355.
Суса 31.
Схоліи 151, 717.
Сцевола, Кв. Муцій 405.
Сципіона, надгробная надпись 261, 378.
Сципіонъ Африканскій Младшій 30, 140, 291, 385, 395, 396, 406, 408, 429;—Африканск. Старшій 381, 405;—Л. Корнелій 368;—Насика 382.
Сципіона саркофагъ 368, *рис. 220.*
Союзныя государства 8, 23 сл.

Таблинъ 269, 330, 598, *рис. 305.*
Табуларій 305, 369, 475, 548.
Таврискъ изъ Тралла, скульп. 221 сл., 223.
Танцы 289, *рис. 221.*
Тарквиніи 267, 366.
Тарквиній Прискъ 356.
Тарпейская скала 302, 311.
Тарентъ 118, 315, 375.
Тарсъ 742.
Тацитъ 93, 262, 436, 633, 640, 652, 672, 673, 675, 677 сл., 679, 706 сл.
Tazza Farnese (камея) 191, *рис. 18 a. b.*
Театральныя игры римск. 358 сл.
Театръ 575, въ Аспендѣ 582, *рис. 253, 365*; въ Милетѣ 238; въ Пергамѣ 198; въ Помпеяхъ 527 сл., *рис. 226*; въ Пріенѣ 232 сл., *рис. 53*; въ Римѣ 358 сл., 386; Марцелла 508, *рис. 281*;—Помпея 358 сл., 508; въ Тибуртинск. виллѣ 559.
Тебесса 577, арка Каракаллы 577, *рис 357*; храмъ 577, *рис. 356.*
Телефъ, легенда у Еврипида 213 изображ. на Пергамскомъ алтарѣ Зевса 212, *рис. 112.*
Темпейская долина 559.
Теосъ 68, 80.
Тепидарій 567, 569, *рис. 349 сл.*
Теренцій Аферъ 111, 385, 386, 391 сл., 406, 686.
Терентіанъ Мавръ 693.
Термы 331, 494, 509, 528, 559, 570, 585, *рис. 301, 349 сл.*
Терракотты 162, 184, 235, 273, 366 *рис. 57.*
Тертулліанъ 749, 751.
Тетрадрахма 43, *рис. 13.*
Тетрера 56.
Тѣлохранители см. проторіанцы.

Тиберій 448, 456 сл., 489, 505, 520, 653, 664, 675, 677, 686 *рис. 235*; дворецъ 520; статуя, *рис. 192*.
Тибръ 259, 277, 295, 317, 340, 367, 416, 479.
Тибуллъ 607, 626 сл., 682.
Тибуръ (Tivoli) 255, 372, 503, 689, *рис. 396*.
Тиволи см. Тибуръ.
Тимгадъ (Thamugadi) 466, 576, *рис. 248*.
Капитолій 576; — арка Траяна 577; — форумъ 576;—курія 576.
Тимолеонтъ 140.
Тимомахъ изъ Византіи, художникъ 177 сл.; Медея Т. *рис. 78*.
Тимонъ изъ Фліунта 134.
Тимэй 139, 141.
Тираннія 6, 9.
Тироновскіе стенографическіе знаки 431.
Тиронъ М. Туллій 430.
Тирренское море 252, 315. 479.
Тирренцы см. этрусски.
Титъ Тацій 287;—«собратья Тиція» 287.
Титъ импер. 223, 418, 524, 672; арка Т.—521, 540, 542 сл., 544, 549, *рис. 319*, сл., 322, сл.; монета Т., 289; термы Т.—525.
Tities 277.
Tyche 90, 140, 433, 577, 699; — богиня судьбы Антіохіи, скульпт. Евтихида 165, 190, *рис. 45*.
Тканье парчи 60.
Ткацкая промышленность эллин. 60; римск. 481, 483.
Тога 283, 297, 337, 350, 493, *рис. 192*.
Томи 467, 633.
Топы—топархи 19.
Торговля эллин. 39. сл.; римск. 281 сл., 315 сл., 475 сл., 381.
Торговля деньгами эллин. 43 сл., 46; римск. 317 сл., 482.
Торговыя путешествія 40, сл.
Торговля произведеніями искусства, римск. 373.
Торевтика, алекс. 192, 517, *рис. 92*, *409 сл.*
Торсъ бельведерскій Аполлонія изъ Аѳинъ, *рис. 80*.
Точильщикъ пергамск. скульпт. 203, *рис. 105*.
Трабея (мантія) 294.
Травестія миѳологическая 112, 118, 388.
Травля звѣрей въ Римѣ 361, *рис. 208* сл.
Трагедія 561, 615, греческ. 107, сл. 381, 383 сл.; римск. 381, 383 сл., 393, 605 сл., 626, 666 сл.
Траллы 221 сл.; эфебъ изъ Т., *рис. 122*.
Траянъ 238, 451, 449, 456, 459, 467, 475, 492, 500, 505, 520, 549, 582 сл., 652, 673, 680, 703, 704, 732 *рис. 237*; битва съ Даками 554, *рис. 249, 261*; форумъ Т., 549, *рис. 328*; колонна Т.—550, *рис. 259, 263, 326 сл.*, 329 сл.; балюстрада *рис. 258, 262*; храмъ Т. въ Пергамѣ 581 *рис. 364*.
Третейскій судъ эллин. 28; римск. 309.
Tresviri epulones 355.
Триба 277, 293, 296, 473.
Трибоніанъ 723.
Трибунская власть 452 сл.
Трибунъ военный 290, 296, 299, 322, 489; народный 289, 296, 301, 305, 457.
Трибутныя комиціи см. комиціи.
Тримальхіонъ 656.
Триръ (Augusta Treverorum) 478, 584, 585, 695, 696; амфитеатръ 582; Porta Nigra 585, *рис. 510*; термы 585.
Тріарій 320, 324.
Тріера 56.
Триклиній 331, 340, 530.
Тріумвираты 304; I т. 292.
Тріумфальныя арки: въ Римѣ — Августа 505; — Константина 549, 572, *рис. 242, 249, 261, 271а, 321, 354*;—М. Авреліи 566, 571, *рис.* 244;—Септимія Севера 568, *рис. 328, 343, 346*;—Тита 521, 540, 542 сл., 544, 549, *рис. 319 сл.*, 322, сл., 335;—Траяна 549; въ остальной Италіи 574 въ Галліи 584, въ Африкѣ 576 сл.; въ Тебессѣ 577, *рис. 357*; въ Тимгадѣ 576.
Тріумфъ 326, 327, 366, 370, 379, 503, 540.
Трофей въ Адамклиссахъ 583, *рис. 240, 340, 366*; въ Эфесѣ 584, *рис. 363*; — бл. Монако 584 сл.
Троя 143, 615, 642.
«Троянскія игры» 358.
Трубки (архит.) 505.
Tuba (tubicines) 282, 324.
Tullianum въ Римѣ, *рис. 174*.
Туллія, дочь Цицерона 420.
Тумеликъ, скульптура 552, *рис. 332*.
Туника 337, 339, 345, 493, Тускуланумъ 332.
Туснельда, т.-наз., скульптура *рис. 414*.
Тюрьма 369, *рис. 174*.

Убѣжища, право, эллин. 29.
Уголовное право римск. 310, 457, 473.
Уголовный процессъ 310.
Улицы въ Помпеяхъ 528.
Уличн. музыканты, скульп. *рис. 56*.
Уличный торговецъ, скульптура, *рис. 57*.
Ульпіанъ 474, 722, 723.
Умбрія 256.
Умбры 259 сл., 275.
Умирающій галлъ, скульпт. 200, 208, *рис. 99 сл.*, *103*.
Универсализмъ 6 сл.
Унція 311.
Урны этрусск. 271, *рис. 164, 181*.
«Usus» (при заключеніи брака у римлянъ) 345.
Утварь домашн. эллин. 58; римск. 334 сл., 492, 536, *рис. 185 сл.*
Утка 316, 466.
Ученія о Логосѣ 721, 743.
Учителя въ эллин. время 67.

Фабій Максимъ (Allobrogicus) 369.
Фабій Пикторъ, историкъ 370, 402.
Fabri 282, 321, 488.
Фабрики царскія 49.
Fabula praetexta 381, 384.
— palliata 385.
— togata 394.

Фавнъ, барборинскій *рис.* 81;—изъ Casa del Fauno *рис. 82.*
Фаланга македон. 51, 53, 54, 55; вооруженіе ф. 53; римск. 320.
Фаларидъ, тиранъ 145.
Фараоны 4, 9, 30, 35, 45, 146.
Фарнезскій быкъ, скульпт. Аполлонія и Тавриска 222, *рис. 123.*
Фаросъ 41, 182, *рис. 19, 20.*
Фарсалъ 435.
Фасадъ гробницы въ Петрѣ *рис. 358.*
Фаустина *рис. 267;* термы Ф. въ Милетѣ 238; храмъ Ф. въ Римѣ 363, 548, 663, *рис. 343.*
Фаустулъ 64, 365.
Fauces 268, 330, *рис. 181, 306.*
Фаюмъ 39.
Фаюмскіе портреты 187.
Федра 644.
Федръ, баснописецъ 654, 665.
Фениксъ изъ Колофона 135.
Фералій 353.
Фестъ, грамматикъ 651.
Фесценнинскія шутки 379.
Феціалы 287.
Фиговое дерево на Ara Pacis Augustae 516.
Фигурныя стихотворенія 121.
Фидій 217, 232.
Физіологія 718, 720.
«Физіологъ» 718.
Фикоронская циста 368 *рис. 162.*
Филемонъ, писатель 112.
Филетъ 120.
Филиппи 507, 610, 617.
Филиппъ II, Македонскій 5, 10, 18, 19, 30, 50, 55, 117, 168.
Филискъ, родосск. скульпт.; группа 9-ти музъ 221, ср. *рис. 121.*
Филетеръ 29, 193, *рис. 13.*
Филиппы (монета) 44.
Филодемъ, эпикуреецъ 103, 659.
Филоксенъ художн. изъ Эретріи 129, 174.
Филолай, пиѳагореецъ 155,
Филологія 716; александр. 149; пергамская 152; въ Римѣ 412; новѣйшая 151.
Филонъ Александрійск. 92, 727, 728, 729.
Филонъ Византійск., механикъ 155.
Философія 617, 714, 723, 748, 752; ф. Э. эллинизма 91, 96, 266, 408; ф. римск. 415, 426, 429.
Философы 61, 64, 406, 684, *рис. 34, 48 сл.;* эллин. 61, 64, 66; женщины, заним. филос. 64.
Филостратъ 704, 729.
Филохоръ 145.
Филы 22, 65, 73.
Финансовое хозяйство эллин. 29 сл., 34; римск. 281 сл., 300 сл., 306,301, сл., 474 сл.
Финикійцы 260.
Фискъ (касса императ.) 457, 476.
Флавіевъ—искусство эпохи 522.
Флавіевы медальоны 546, *рис. 321.*
Флавіи 448, 520;—дворецъ на Палатинѣ *рис. 311, 315.*
Флавій, секретарь Аппія Клавдія 404.
Flamen Dialis 345, flamines 285.
Фламиній Г., консулъ 291.
Flammeum 345.
Фліаки 118.
Флоралія 356.
Флоръ 671.
Флотъ эллин. 56 сл.; рим. 325, 490.
Фокида 48.
Фокійцы 24.
Фонтаны 528.
Форміанумъ 332.
Fornix Fabianus 369.
Forum Augusti 507, 549 сл.; — F. Boarium 360 577; — Круглый храмъ, на f. B. *рис. 153;*—F. Julium 507 сл., 547, 548; — F. Nervae 547, 548 *рис. 325;*— F. Pacis 548 сл.; — F. Piscarium 369;--F. Romanum 305, 317, 328, 353, 360, 364, 368 сл., 504, 538, 556 сл., 598, *рис. 216;* — жизнь на форумѣ 398; — F. Traianum 548, 549, 553 сл.; — F. Transitorium 549; ф. императоровъ, общій планъ 548, *рис. 328;* F. Помпеянскій 527, *рис. 172;*—F. Triangulare 527.
Forum Julii (Fréjus) 462, 490.
Фоссъ 130.
Фотій 716.
Фрагментъ фриза съ форума Траяна въ Римѣ, *рис. 417.*
Фратрія 73.
Френтаны 259.
Фридрихъ Вел. 441, 714.
Фронтинъ С. Юл. 685 сл.
Фронтонъ 705, 708, 711, 726.
Фульвій Нобиліоръ М. 369, 372, 382.
Фурло, горный проходъ, *рис. 142.*

Халдеи 355, 736.
Халкида 40.
Харетъ изъ Линдоса, скульп. 218; — колоссъ Геліоса Харета 218 сл.
Haruspices 286, 355.
Херсонесъ, ѳракійскій 704.
Хитонъ 59, 60.
Hilarotragodia (юмористр. трагед.) 118.
Хіероѳиты 26.
Хіосъ 22.
Хлѣбныя раздачи въ Римѣ 291, 313.
Хлѣбопашество, эллинист. 37 сл., 252; римск. 314, 477 (ср. сельск. хозяйство).
Холіямбъ 123, 131, 135, 666.
Хоръ (театръ) 359.
Храмы, ихъ архитектура въ Пергамѣ 196; въ Римѣ 368, 502, 505 сл.; этрусск. 267, *рис. 150 сл.*
Храмъ Аполлона въ Дидимѣ *рис. 132 сл.*; — Венеры и Ромы 558, 571, *рис. 335 сл.*;—Миеры 498;—Согласія 364, 369, 548, *рис. 276 сл.*; Солнца въ Баальбекѣ, *рис. 359, 360.*
Храмы, банки и депозитн. кассы 44.
Хрематисты 26.
Хрисиппъ 99, 136, 152, 153, 408, *рис. 50.*
Христіанская литература 742, 749.
Христіанская наука 749.
Христіанская поэзія 753.
Христіанскій антикъ 586.

Христіанство 92, 96, 487, 513, 574, 597, 680, 690, 707, 729 сл., 741, 754.
Христосъ 741 сл., 742.
Хронологія, эллин. 143 сл.
Художественная промышленность эллин. 162;— въ Пергамѣ 216.

Царица эллин. 12, 45, 63, 122, 124.
Царскіе дворцы, эллин. 58.
Цезарь Г. Юлій 114, 143, 286, 292, 300, 304, 311, 322, 355, 361, 393, 396, 403, 410, 412, 418, 433 сл., 436, 442, 447, 501, 518, 584, 606, 611, 617, 644, 706, 733, *рис. 233.* Семейное имя 451.
Цезарь Страбонъ Юлій, трагикъ 407.
Целеръ, архит. эпохи Нерона 520.
Целій Антипатеръ 403.
Цельсъ 685, 719.
Цензоры, цензура 291, 299, 301, 304, 397, 4 3, 605.
Центры культа въ эпоху эллинизма 75; — религіозн. центры лат.-рим. союза 284.
Centumviri 506.
Центуріатныя комиціи см. комиціи.
Пентуріи 279, 295, 320.
Центуріоны 323, 326, 489. *рис. 178.*
Церера, храмъ Ц. 303, 354, игры Ц. 356.
Цестій 352; — пирамида Цестія 510, *рис. 203.*
Цецилій, авторъ комедій 382, 385.
Цецилій Юкундъ, банкиръ въ Помпеяхъ *рис. 176;* божница ларовъ *рис. 300.*
Цецилія Метелла 255, 350, 510; — гробница Ц. Метеллы *рис. 144, 204.*
Цѣны на продукты 47, 319.
Цилиндрическіе своды 267.
Цинциннатъ 314.
Цинцій Сальвъ 509.
Цирковыя игры 357 сл., *рис. 209.*
Циркъ 357 сл., 495, 499.
Циркъ Фламиніевъ 328, 353; circus maximus 328, 356, 258, 537, *рис. 311.*
Цицеронъ, Маркъ Туллій 88, 98, 262, 318, 327, 332, 360, 370, 376, 381, 386, 393, 400, 404, 406, 408 сл., 414, 417 сл., 431, 437, 517, 613, 625, 641 сл., 645, 654, *рис. 231.*
Цицеронъ, К. Туллій, братъ оратора 418, сынъ оратора 317.
Цицерона, сочиненіе о государствѣ 429,

Чародѣйство 130, 698.
Частная жизнь, эллинист. 57 сл.; римск. 282, 328 сл., 490.
Частные дома и ихъ архитектура 529.
Частные покои императора 540.
Часы, нормальн. 37.
Чорветри, саркофагъ изъ *рис. 154.*
Черная стѣна изъ Casa Farnesina въ Римѣ, *рис. 217.*
Черное море 22, 38, 42, 479, 490, 703.
Чиновники придворн.; эллин. 20;—римск. 457.
Чиновники, эллин. 18, сл. 75.
Чудо дождя съ колонны Марка, рельефъ, *рис. 345.*

Шекспиръ 298, 384, 387, 678.
Шелкъ 60.
Шиллеръ 615, 660, 682.
Школьное дѣло, эллин. 65; римск. 641, 687.
Школьное обученіе въ Помпеяхъ *рис. 64;* домашнее об. въ Невмагенѣ *рис. 416.*
Шрифтъ латинскій 375.
Штукатурныя украшенія потолка изъ виллы Фарнезины *рис. 218.*

Щитъ 53, 323, *рис. 21 сл., 117, 263.*

Эгейское море 41, 490.
Эгина 21.
Эдиктъ 302, 308, 404, 721.
Эдилъ (эдилитетъ) 310, 357, 456, 473; курульный 297, 300, 303; плебейскій 297, 303.
Эдипъ 666.
Эзопъ, актеръ въ Римѣ 384.
Эйсагогъ 26.
Экбатана 34.
Эквы 259.
Экзегеты 21.
Экклесіастерій въ Пріенѣ 231, *рис. 11.*
Эклектицизмъ 408, 427, 730.
Эклоги 609.
Экономическія основы эллин. госуд. 37 сл.
Эксомида 60.
Экседра 331, 530, 550, *рис. 317.*
Экфантъ, астрономъ 155.
Элагабалъ 449, 455, 741.
Элевсинскія мистеріи 92.
Элегія, эллин. 119, 626 сл.; іонич. 119, 626; римск., 438 сл, 626 сл.
Элея 367.
Эліанъ 710, 718.
Эліи Аристидъ 704.
Эллинскія божества 92 сл.; божества въ комедіи 114; бож. римск. 263 сл., 354, 754.
Эллинистич. поэтъ 120, *рис. 58.*
Эллинизмъ и римск. культура 252, 358, 362, 374 сл., 380, 405 сл., 409 сл., 431, 460, 483.
Эмеса 218, 741.
Эмилій Павелъ 140, 319, 372, 406.
Эмпедоклъ 439.
Эмпоріи 478.
Эней 382, 384, 414, 516, 612 сл., *рис. 86.*
Энеида 609, 612, 616, 644,
Энній 349, 382 сл., 397, 405, 440, 442, 613, 636, 705, 732.
Энкаустика 167.
Энкоміи (хвалебныя рѣчи) 78.
Энциклопедія 415, 685, 717 сл.
Эпигонъ, скульпт. 199.
Эпигоны 3, 10.
Эпиграмма эллин. 124 сл., 693, 441, 659; іонійск. 628; римск 384, 444.
Эпиктетъ 683.
Эпикурензмъ 99, 103 сл., 608, 438 сл., 427 732 сл., 732.
Эпикуръ 62, 90, 103, 112, 136, 409, 427 сл., 438 сл., 669, *рис. 51.*

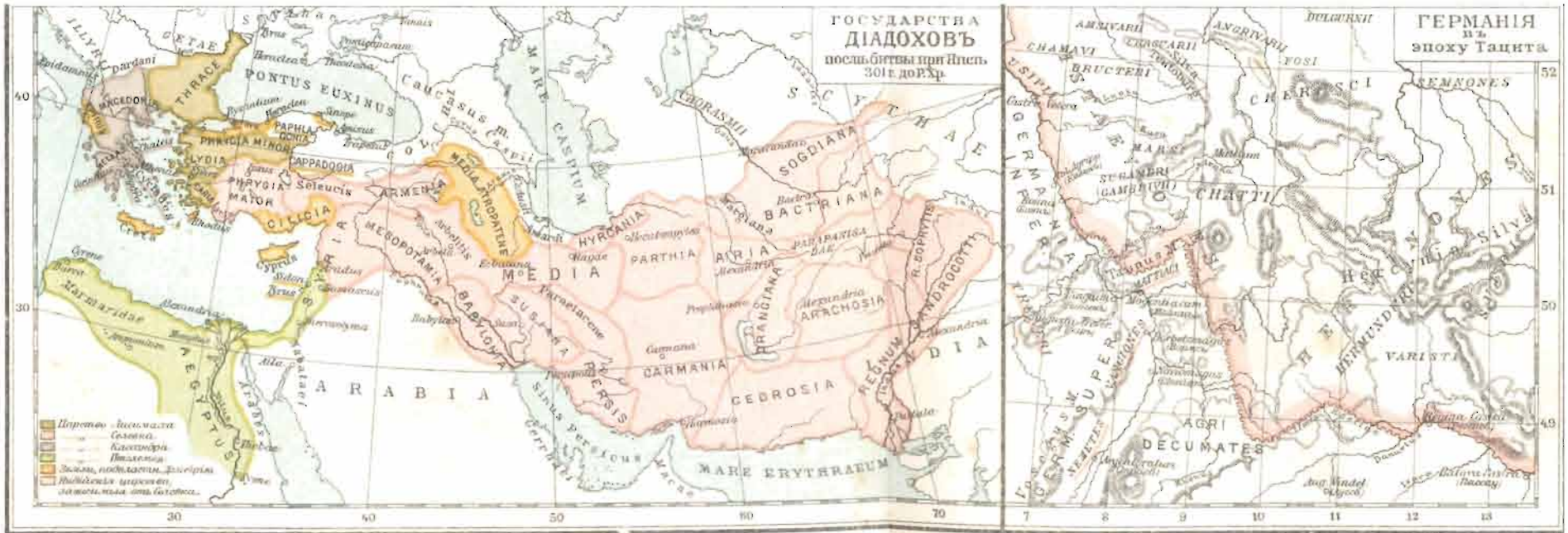
Эпиллій эллин. 126 сл.; римск. 611, 626.
Эпиръ 6, 18, 468.
Эпистратегія (эпистратегъ) 19.
Эпихармъ 118; сочиненіе Эннія 384.
Эподы 618.
Эпосъ эллин. 119, 132 сл., 626; римск. 662 сл., 380 сл., 612 сл.
Эпоха тридцати тиpановъ 450.
Эра, аттическая 82.
Эрасистратъ 147, 158 сл.
Эранось, корпорація 74.
Эратосѳенъ 143 сл., 149, 154, 157, 649; карта Э. 157.
Эретрія 68.
Эрехѳейонъ 172.
Эроты 536, 630, *рис. 59, 205, 260.*
Эсквилинъ 278, 370, 522, 724.
Этика эллин. 97; стоиковъ 101; Эпикура 104; поздней философіи 408, 427.
Этіологическая поэзія 122, 630.
Этолійскій союзъ 6, 24, 55.
Этна 257, 689, 695.
Этоляне 52, 76, 372.
Этрурія 281, 284, 286, 315, 366.
Этрусск. равнина 257.
Этрусски 259, 260, 264, 266, 273 сл., 277, 290, 334, 363, 375.
Эфебейонъ въ Пріенѣ 233 сл., *рис. 35*; надписи на Эфебейонѣ 233.
Эфебія въ Аѳинахъ 65 сл.; въ Малой Азіи 66.
Эфобъ изъ Траллъ 222 сл., *рис. 122.*
Эфебы 69.
Эфемериды 18.
Эфесъ 22, 37, 580; агора римск. и эллин. 581.
Эфоръ, историогр. 648.
Эфоры 305.

Юба, царь Мавретаніи 651.
Ювоналъ 655, 658.
Югуртинская война 436.
Юліанъ 450, 493, 701, 705, 707, 714, 721, 731, *рис. 424.*
Юліанъ Сальвій 721.
Юліевъ, гробница въ С.-Реми 584, *рис. 369.*
Юліевъ-Клавдіевъ династія 448, 519, 612; архитектура эпохи Ю.-К. 521; пластика 521.
Юлія, дочь Тита, *рис. 194.*
Юнона 263, 366, 613, 667.
Юпитеръ 261, 328, 358, 366, *рис. 149*; храмъ Ю. на Капитоліи 264, 284, 287, 354, 366, 520, *рис. 149*, 150; храмъ Ю. въ Помпеяхъ 527, *рис. 300*; хр. Ю. на Албанской горѣ 284.
Юриспруденція 404, 721 сл., 722 сл.
Юстиніанъ 450, 474, 600.
Юстинъ 648.
Ютурны, источникъ 369, *рис. 272.*

Языкъ греч. 86 сл., 744; греческ. библейск. 644; этрус. 260; оско-умбр. 260; латин. 260 сл., 750 (сочиненіе Варрона De lingua latina 413); романск. 263, 692; итальян. 261 сл.; народный греч. 86, 87; латинск. 262 сл., 391.
Ямблихъ 730.
Янусъ 263, 311, *рис. 148*; храмъ 284, 548.
Япиги 238.
Ясонъ 132, 664.

Ѳемистокъ, основатель методич. школы 719.
Ѳеодора, импер. 601, 731.
Ѳеодорихъ 599; гробница Ѳ. 599.
Ѳеодосій 450, 705.
Ѳеокритъ 119, 127, 129 сл., 610.
Ѳеонъ Самосскій, художн. 228.
Ѳеопомпъ, истор. 648.
Ѳеофилъ и легенды о немъ, 756.
Ѳеофрастъ 65, 98, 99, 111, 112, 158, «О нравственныхъ типахъ, *рис. 49.*
Ѳера 22.
Ѳессей 126, 634; Ѳ. и Пейриѳой, *рис. 157.*
Ѳессалійцы 24, 53.
Ѳессалія 468, 698.
Ѳессалоники 16, 42, 461, 468.
Ѳетида 127, 443.
Ѳіваида 19.
Ѳивы 22, 75.
Ѳіасы 74.
Ѳіестъ 626, 667.
Ѳракійцы 321, 467.
Ѳракія 5, 92, 460, 467.
Ѳукидидъ 142, 436, 700, 709.
Ѳуло 699.

РАЗВИТІЕ РИМСКАГО ГОСУДАРСТВА
BRITANNIA
HIBERNIA
GERMANIA
GALLIA
HISPANIA
ITALIA
Corsica
Sardinia
Sicilia
RAETIA
NORICUM
PANNONIA
DALMATIA
THRACIA
MOESIA
DACIA
PONTUS EUXINUS
BITHYNIA ET PONTUS
CAPPADOCIA
GALATIA
ARMENIA
ASSYRIA
MESOPOTAMIA
PARTHORUM REGNUM
ARABIA
PALAESTINA
AEGYPTUS
CYRENAICA ET CRETA
MAURETANIA TINGITANA
MAURETANIA CAESARIENSIS
NUMIDIA
Libya
Caucasus m.
ALBANIA
IBERIA
Масштабъ 1: 20.000.000

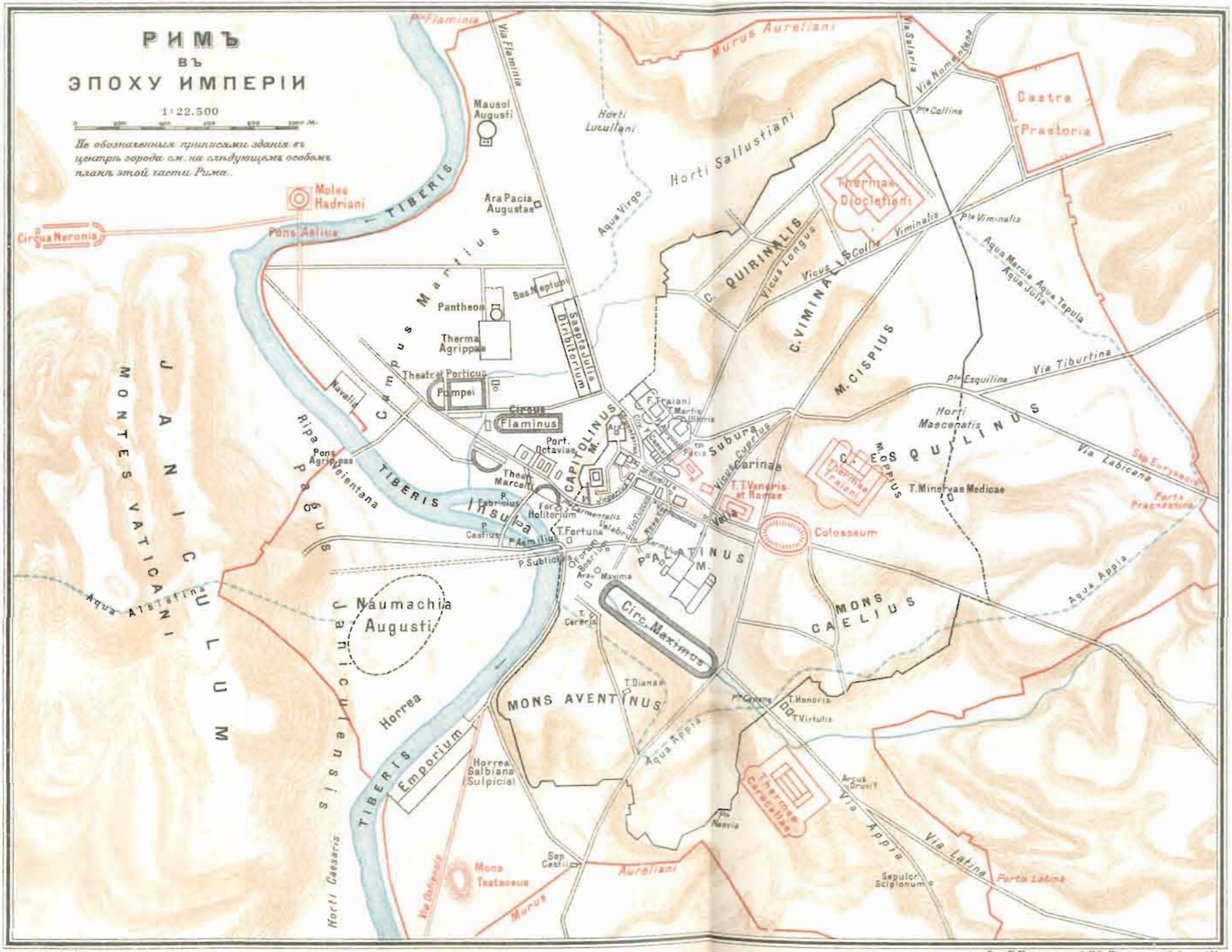
ЭЛЛИНИСТ. РИМСКАЯ КУЛЬТУРА.

Лит. В. Кадушкина, С.-П.Б. Екатерингофск. пр. 101

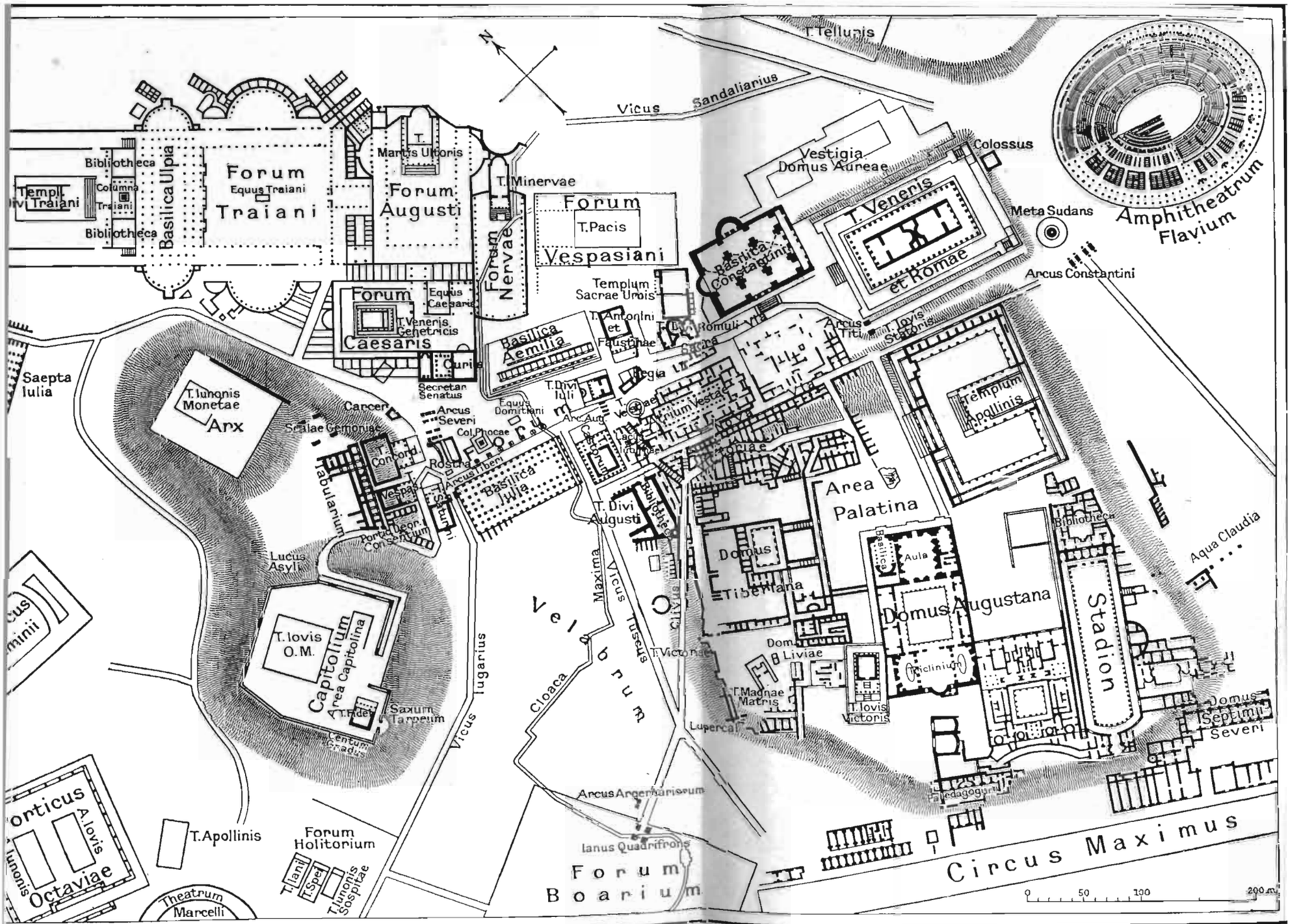
ЭЛЛИНИСТ. РИМСКАЯ КУЛЬТУРА.

Лит. Н. Кадушина, С.П.Б. Екатерингофск. пр. 101.

ЭЛЛИНИСТ. РИМСКАЯ КУЛЬТУРА.

Лит. Н. Кадушкина, С.П.Б. Екатерингофск. пр. 101.

РИМЪ ВЪ ЭПОХУ ИМПЕРІИ (внутренній городъ).

Карта IV